

ЭПОХА
КРЕСТОВЫХ
ПОХОДОВ

ЭПОХА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Под редакцией
Э. ЛАВИССА и А. РАМБО

Перевод М. Гершензона

Издание исправленное
и дополненное

Полигон • АСТ
Санкт-Петербург
1999

УДК 940.1
ББК 63.3(0)
Э 72

**Эпоха крестовых походов / Под ред. Э. Лависса и
Э72 А. Рамбо. – СПб.: ООО “Издательство Полигон”, М.:
ООО “Фирма “Издательство АСТ”;** 1999. – 1088 с., илл.
(Классики исторической мысли).

ISBN 5-237-02515-3 (АСТ)
ISBN 5-89173-050-2 (“Полигон”)

“Эпоха крестовых походов” Э. Лависса и А. Рамбо – один из тех редких научных трудов, которые в равной степени представляют интерес и для историков, и для широкого круга читателей. Книга, вышедшая более ста лет назад, по сию пору считается одной из лучших работ о средневековье. Точные и достоверные описания событий, пожалуй, самого бурного и неоднозначного периода мировой истории, яркие портреты исторических личностей – вот лишь немногие из причин мировой популярности “Эпохи крестовых походов”.

УДК 940.1
ББК 63.3(0)

ISBN 5-89173-050-2

© ООО “Издательство Полигон”, 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Эпоха крестовых походов» под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо принадлежит к широкоизвестным и популярным среди историков и читателей изданиям. В начале этот труд вторым томом вошел в их же «Всеобщую историю с IV столетия до нашего времени», но затем неоднократно переиздавался отдельной книгой. Русский перевод «Эпохи крестовых походов» был сделан известным русским историком Михаилом Осиповичем Гершензоном (1869–1925) в 1897 году, и затем выдержал несколько изданий.

Причина популярности книги не только в том, что она освещает события и явления, всегда вызывавшие глубокий интерес у широкой массы читателей. Главным образом она заключается в том, что «Эпоха крестовых походов» написана специалистами, которые пользовались мировой ученой славой. Это относится к Жири, Люшеру, Сеньобо и другим авторам книги. «И эти ученые писали тем ясным и точным, иногда острым и живописным языком, который делает французских специалистов лучшими в мире популяризаторами», – писал в предисловии к третьему изданию «Эпохи крестовых походов» профессор-историк А. Н. Савин.

Оценивая литературные достоинства книги, русские специалисты сравнивали ее с наиболее близкими к ней коллективными работами «Оксфордской новой истории» и «Кембриджской средневековой истории». Английские «всеобщие истории» вышли суше, тяжелее, разнокалибернее своей французской предшественницы, издававшейся под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо.

К достоинствам настоящей книги относится также то, что на русском языке до сих пор нельзя назвать ни одной книги о том же предмете, которая в такой же мере была насыщена фактами.

Далее, когда «Эпоха крестовых походов» появилась на русском языке, в печати отмечалось, что второму тому «Всеобщей истории» Э. Лависса и А. Рамбо посчастливилось найти себе исключительно хорошего переводчика. Так, А. Н. Савин писал, что за переводы «иногда – и в России, кажется, чаще, чем в других странах, – берутся те люди, которые

непригодны ни для такой ученой или литературной работы. Нередко переводчик не обладает ни малейшим проблеском литературного дарования, не знает путем того языка, с которого переводит, и о предмете, которому посвящается переводимая книга, впервые почерпнет основательные сведения из самой этой книги. Наоборот, на втором томе Лависса и Рамбо можно учиться тому, как надо переводить». Читатели работ М. О. Гершензона о П. Я. Чаадаеве, грибоедовской Москве, о западниках и славянофилах, об А. С. Пушкине и И. С. Тургеневе знают, каким мастером использования средств русского языка является их автор; но следует напомнить, что М. О. Гершензон был ученым всеобщей истории раньше, чем стал историком русской литературы и общественной мысли, что он хорошо знал историю феодального периода еще тогда, когда эта книга Лависса и Рамбо еще не были создана. Читатели могут быть уверены в том, что читают то самое, что хотели сказать в своем труде авторы, и притом в самом выгодном для авторской мысли русском переводе.

Кроме того, в отличие от других изданий о крестовых походах, в книге Лависса и Рамбо широко представлена история всех событий и явлений XI–XIII вв.: показаны феодальный порядок, папство и империя, церковь и папская власть, состояния Германии, Италии, Франции и других государств, судьба древних римских городов и возникновение новых городских центров, происхождение учреждений в них. Большое внимание уделяется показу возрождения промышленности и расширению торговли, особенностям организации труда в средние века. Значительный интерес представляют главы о западной цивилизации в XII–XIII веках, образовании английской нации и событиях в пиренейских государствах. Несколько сжато авторы рассказывают о Восточной и Юго-Восточной Европе в эпоху крестовых походов, но многие факты и события, о которых сообщается в главах, посвященных этим регионам, интересны, своеобразны и редко встречаются в других изданиях об этом периоде. Заканчивается книга главой о переворотах в Азии, образовании монгольской державы и ее состоянии после Чингисхана. Большое внимание в книге уделено освещению жизни правителей и других выдающихся личностей этого периода.

Несомненно, что книга «Эпоха крестовых походов» Э. Лависса и А. Рамбо представляет интерес для историков и широкого круга читателей, несмотря на то, что она впервые вышла в свет более ста лет тому назад. И хотя за это время изменилось ряд представлений на некоторые события XII–XIII вв., она и сегодня остается одной из лучших работ о средневековом периоде истории в целом. Настоящее издание книги дополнено многими иллюстрациями.

Феодальный порядок — от его возникновения до конца XIII в.

В странах, составлявших империю Карла Великого, произошел в течение X в. глубокий переворот, подробности которого нам неизвестны из-за отсутствия документальных данных. Когда мрак начинает проясняться — около конца XI столетия, — общество и государство оказываются преобразованными. Эту новую организацию историки и называли *феодальным порядком*. Она возникла в тот темный период, который следовал за распадением Каролингской монархии, и сложилась медленно, без вмешательства государственной власти, без помощи писаного закона, без какого бы то ни было общего соглашения между частными людьми, — исключительно вследствие постепенного преобразования обычаев, которое произошло, хотя с некоторой разницей во времени, но почти одинаковым образом, во Франции, в Италии, христианской Испании и Германии. Позже она была перенесена в Англию и Южную Италию — в конце XI в., в латинские государства Востока — в XII и XIII вв. и в скандинавские страны — в конце XIV столетия.

Эта система, образовавшаяся, так сказать, путем естественного роста, без всякого общего плана, никогда не была единообразна и никогда не функционировала вполне правильно. Ее невозможно резюмировать в совершенно точной таблице, ни один из обычаев этого времени не укладывается в формулу, которая была бы строго верна, о ней нельзя высказать ни одного общего положения, которому не противоречило бы множество частных случаев. Поэтому еще ни один ученый не отважился выступить с общим

сочинением о феодальном порядке. Единственное, на что может в настоящее время решиться ученый, это попытаться собрать те особенности общественного строя и обычаев, которые были наиболее распространены в феодальных государствах в период X—XIII вв.

Во всей империи Карла Великого господствовали над обществом и создавали его следующие три фактора: крупное землевладение, обязанность светских собственников вооружаться и вести войну за свой счет и положение духовенства, как собственника.

Общество разделилось на два класса: на массу крестьян, водворенных в крупных поместьях, и на землевладельческую аристократию, состоявшую из двух групп: из военных людей и людей церкви¹.

Крестьяне

Крупные поместья. Деревня. Крепостные. Отпущение на волю. Свободные крестьяне. Сеньориальная эксплуатация. Платежи. Помещичьи права. Судебные пошлины. Повинности. Барщина. Управитель. Характер и размеры сеньориального режима.

Крупные поместья. Начиная с IX в. в Каролингской империи более не остается мелких собственников, которые сами обрабатывали бы свою землю, исключая, может быть, городские округа юга и отдаленные области, лежавшие в высоких горах или на берегу моря. Почти вся земля принадлежит крупным собственникам, которые сами не работают. Так как она представляет небольшую ценность, то она разделена на поместья, по объему превосходящие все, что мы теперь называем крупной собственностью; их можно сравнить только с вотчинами русских помещиков до уничтожения крепостного права или с плантациями Соединенных Штатов в эпоху невольничества.

¹ Жители городов (bourgeois) составляют, начиная с конца XI в., особый класс, средний между крестьянством и знатью. Но города возникают уже после установления феодального порядка и даже содействуют его уничтожению, поэтому их можно оставить в стороне. (Образование и история буржуазии изложены ниже, в 8. главе)

Поместье занимало всю территорию современной нам деревни. Большинство современных коммун Франции суть ничто иное, как древние поместья, и многие из них сохранили даже свои названия (Clichy, Palaiseau, Issy, Ivry и др.).

В каждом поместье земля была разделена на две части различной величины. Меньшая часть (обычно земля, смежная с господским домом) составляла запас, который собственник удерживал за собой, чтобы эксплуатировать ее непосредственно и в свою пользу; это была *господская земля* (*indominicata*). Все, что она производила, принадлежало собственнику. На ней находился господский дом, в котором жил или сам владелец, или, по крайней мере, его приказчик.

Остальная часть поместья была распределена между известным количеством крестьянских семейств, водворенных в поместье. Они жили обычно в избах, скученных возле господского дома наподобие деревни. Каждая семья обрабатывала из рода в род один и тот же участок земли, состоявший из нескольких клочков, разбросанных по всему поместью. Урожай принадлежал крестьянам, но взамен они обязаны были платить оброк и оказывать услуги собственнику и жили в зависимости от него.

Размеры оброка и услуг были разнообразны до бесконечности, смотря по договорам, заключенным вначале, или по местным обычаям; никакой закон не определял ни размера повинностей, которые собственник мог налагать на своих крестьян, ни количества земли, которое он обязан был дать им. Но чрезвычайно однообразные условия жизни привели к установлению почти везде весьма сходных порядков.

Эту организацию мы встречаем уже в описи имущества аббатства Сен-Жермен де-Пре, составленном в конце царствования Карла Великого. Каждому поместью посвящена глава, в которой перечислены сначала запасная земля собственника и сбор с нее, затем крестьяне, их семейства, размеры участка, который держит каждый крестьянин, оброк и барщина. Вот, например, опись поместья Палезо: «В Палезо есть господская земля с домом и другими нужными строениями. Там есть 6 полос пахотной земли, содержащих 287 боннье, на которых можно посеять 1300 четвериков хлеба; под виноградником находится 127 десятин, которые могут

дать 800 мер вина, под лугом – 100 десятин, с которых можно получить 150 возов сена. Лес, в котором можно выкормить 50 свиней¹, имеет, круглым счетом, одну милю в окружности. Есть три мельницы, которые приносят оброк в 154 четверика. Есть церковь со всеми принадлежностями...»

«Вальфрид и его жена, колоны, родом из Сен-Жермена, имеют при себе двух детей по имени... Он занимает 2 свободные мансы². За каждую мансу он платит 1 быка, вспахивает под озимь 4 перши, отбывает барщину, извоз и задельную работу, когда ему прикажут, платит 3 цыпленка и 15 яиц... Эрмон и его жена, колоны, родом из Сен-Жермена, имеют при себе пятерых детей... Он занимает одну свободную мансу, в которой пахатной земли 10 боннье, виноградника 2 десятины, луга 1/2 десятины. Платит столько же», следуют 110 подобных статей о колонах, занимавших по одной мансе.

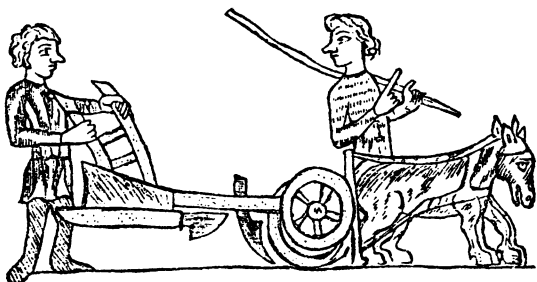
«Мавр, крепостной, и его жена, свободная, люди из Сен-Жермена, имеют при себе двух детей... Гентольд, колон из Жермена. Эти люди занимают 1 крепостную мансу, содержащую 2 боннье пахотной земли, ²1/2 десятины виноградника, ¹1/2 десятины луга. Они отбывают барщину на 8 десятинах виноградника, доставляют обычные меры вина, 2 сетье горчицы, 3 курицы, 15 яиц, отбывают задельную работу, барщину, извоз...»

Глава о поместье Палезо оканчивается так: «Это составляет всего 117 манс, как свободных, так и крепостных».

Поместье, исключая запасную землю, которую собственник эксплуатирует непосредственно при помощи барщины, разделено на *держания* (мансы), распадающиеся здесь на две группы: на свободные – большего размера, которые, судя по названию, первоначально были заняты свободными держателями, и крепостные – меньшего размера, занятые не-

¹ Наиболее употребительное мясо в ту эпоху – свинина; лес (дубовый) рассматривается, главным образом, как пастбище для свиней. Так было, даже еще в XVIII в., в Хорватии и Сербии.

² Слово *mansa* – латинского происхождения и первоначально обозначало, вероятно, дом (*manere*). В диалектах юга оно превратилось в *mas*: от уменьшительной формы произошли так часто встречающиеся на юге имена *Mazel, Mazet*.

Сцены крестьянского быта. По миниатюрам из рукописи
«Саксонское зеркало». Гейдельберг

когда рабами господина. Но это деление не удержалось; мы видим, что в той же самой описи, из которой мы узнаем о нем, оно уже не соблюдается: крепостные сидят на свободных мансах и наоборот.

Опись поместий Карла Великого 810 г. свидетельствует о существовании совершенно таких же порядков на острове одного небольшого озера в Баварских горах (Staffelsee). «От этого поместья зависят 83 свободные мансы. Из них 6 доставляют ежегодно по 14 четвериков хлеба, 4 свиньи, 2 курицы, 10 яиц, 1 сетье льняного семени, 1 сетье чечевицы каждая, отбывают ежегодно по 5 недель барщины, вспахивают по 3 морга, косят на господском лугу и свозят по 1 возу сена и т. д.».

Крайне малочисленные документы IX и X столетий не дают права утверждать, что все поместья были организованы таким образом. Нам известны поместья, в которых нет и

следа того правильного порядка, какой мы видели в Сен-Жермене, в которых ни в чем нет однообразия – ни в объеме держаний, ни в размерах оброка и барщины, отбываемых держателями. Сама манса, которая в Сен-Жерменских поместьях соответствует, по-видимому, определенной стоимости (если не пространству), в большинстве южных округов представляет лишь неопределенное название, которое применяется ко всякому держанию, связанному с деревенским домом. Часто вместо мансы встречается так называемая *colonica*¹ (держание *колона*), которая состоит, по-видимому, из земель, зависящих от одинокого дома; в этом случае избы держателей вместо того, чтобы составлять поселок вблизи господского дома, рассеяны по всему поместью.

На какие страны распространялся этот способ обработки земли? Статистика, которая могла бы нам ответить на этот вопрос, невозможна за недостатком документов. Но вероятно, что эта форма хозяйства была римского происхождения и господствовала почти на всем протяжении древнеримской Галлии, исключая горные области Пиренеев и окрестности древних римских городов, особенно лежавшие на юге и в долинах Роны и Соны. По крайней мере, разрозненные документы этого темного периода говорят только о ней, и в XIII в. она распространена почти по всей Франции.

Она же является обычной формой хозяйства и в Италии XIII столетия; но в городских округах, составляющих здесь значительную и наиболее богатую часть территории, собственники отдают свои земли арендаторам или фермерам, часто по вечному договору – эфитевзис древних.

В Испании также существовал класс крестьян-держателей; но в областях, которые остались христианскими, многие земледельцы жили в укрепленных местечках, а в областях, отвоеванных у мавров, удержалась отчасти сельская организация Востока.

В Германии, где, может быть, еще во времена Карла Великого оставалось много мелких собственников, эксплуатация земли при помощи держателей, введенная, вероятно,

¹ Отсюда имена – Coulanges, Coullonche.

монастырями и князьями, распространилась вскоре по всей стране, исключая некоторые альпийские округа и равнины, смежные с Северным морем, где удержались крестьяне-собственники. То же самое произошло и в скандинавских государствах, но только после XIV в.

Что касается Англии, то кадастр, составленный нормандскими королями, представляет нам всю страну покрытой крупными поместьями, которые разделены на участки, занимаемые держателями за оброк и барщину. Эта организация, по-видимому, предшествовала нормандскому завоеванию.

Таким образом, во всей цивилизованной Европе господствуют крупная поземельная собственность, наследственные держания, оброк и барщина; они распространяются на западе вплоть до гор Уэльса и Шотландии, на юге – до мусульманских государств, а на восток продвигаются все далее и далее, по мере того, как становятся более цивилизованными славянские народы.

В основных чертах эта организация установилась в X в. Она оказывается вполне сложившейся в документах конца XI столетия и до XIV почти не изменяется. Поэтому можно попытаться дать понятие о положении крестьян в этот период.

Деревня. Крупное поместье все еще господствует над всей жизнью крестьянина. Господский дом обратился в укрепленный дом, иногда в замок, с усадебной землей (полями, виноградниками, лугами, прудами, рощами), занимающей, по нашим представлениям, очень большое пространство. Вблизи сгруппированы жилища держателей, принадлежащие к двум различным типам: полный дом, построенный вокруг двора¹ и прилегающий к саду, дом зажиточного крестьянина², обладающего запряжкой волов, и хижина, состоящая из одной постройки, где живет земледелец, не имеющий ничего другого, кроме своих рабочих рук.

По мере увеличения числа жителей такая кучка домов становится деревней, иногда (впрочем редко) – даже бургом, окруженным стеной. Во Франции этот поселок сохра-

¹ По-немецки *двор* и *дом* обозначаются одним и тем же словом *Hof*.

² По-немецки такой крестьянин называется *Vollbauer* (полный хлебопашец).

няет древнее римское название поместья (*villa*): его называют *ville*, а крестьян — *vilains*. Аналогичный смысл имеют окончания *ham* в английском языке, *heim* и *hausen* — в немецком.

От этой деревни зависит территория (на севере Франции ее называют *finage*), границы которой остались те же, какие имело древнее поместье. Часто случалось, что в течение веков поместье распадалось между несколькими собственниками, которые делили между собой усадьбную землю и крестьян; но территория, как и поселок, остаются неизменными. Повсюду, как в Германии, так и во Франции, границы поместья вследствие долгой привычки сделались неподвижными; большинство поместий обратилось в современные коммуны. Таким образом, крупные собственники минувшего времени начертали план и создали основную единицу современного деления Франции.

Так как — особенно в Германии — оставались еще пустынные земли и нерасчищенные леса, то в течение всех средних веков, преимущественно в XIII столетии, возникали новые селения¹; но они устраивались по образцу старых.

Территория деревни, за исключением запасной земли, разделена между крестьянами, которые передают свои участки от отца к сыну. Если в некоторых областях Германии и существовал в древности обычай время от времени соединять все земли и делить их заново между жителями, что еще вовсе не доказано, то в течение средних веков этот обычай исчез повсюду и держания из рода в род оставались в одних и тех же семьях.

Держание очень редко представляет цельный кусок земли в одной меже: обычно оно состоит из нескольких полос, разбросанных по различным частям территории и имеющих форму длинных узких лент, какие еще теперь можно видеть на равнинах Северо-восточной Франции и Западной Германии, где до сих пор сохранился традиционный способ разверстки полей. Раздробление часто восходило ко временам

¹ В Германии названия сел, устроившихся на месте расчищенного леса, кончаются словом *rode*, или *roda*, что значит *сечь* (*Wernigerode*, *Orterode*, *Friedrichsroda*).

первоначального устройства поместья; оно соответствовало трехпольной системе, очень распространенной в IX и X столетиях (озимое, яровое и пар). С течением времени оно еще усиливалось, потому что держатель, по крайней мере во Франции, имел право подразделять свое держание, лишь бы только новые владельцы продолжали отбывать повинности. Число участков, как и число держателей, могло возрастать беспредельно, поскольку это допускали продовольственные силы территории. Как только переступали эту границу, голод или эпидемия восстанавливали равновесие между количеством населения и количеством припасов. В Германии держания часто становились неделимыми, и, начиная с XII в., здесь образовался класс зажиточных крестьян.

Было бы нелепо пытаться определить количество сельского населения Европы, даже в XIII столетии, потому что документы и недостаточно полны, и мало достоверны. Можно только, опираясь на пример Индии и мусульманских стран, предположить, что население, будучи бедным, плодотворным и прикрепленным к земле, должно было достигнуть очень большой густоты.

Все сельское население обозначали одним названием: *rustici* (крестьяне), *vilains*, *Bauer* (хлебопашцы). Смысл, который придавали во Франции слову *vilain*, ясно показывает, что остальные классы общества не делали различия между крестьянами и всех их объединяло одно и то же чувство презрения. Между тем, этот низший класс представлял собой смесь людей, занимавших первоначально совершенно различные положения, и это различие оставило еще так много следов, что образовались две группы, обозначавшиеся во французских актах того времени двумя различными словами: рабы и свободные.

Крепостные (*serfs*) были потомками или, по крайней мере, преемниками древних римских рабов (*servi*). Но в течение веков их положение постепенно улучшилось. Господин был в то же время собственником: он видел в крепостном лишь сельскохозяйственное орудие и не требовал от него ничего, кроме извлечения выгоды из его поместья. Сельских крепостных более не продавали; они могли вступать в брак и оставались бессменно в одном и том же поместье, начиная

собой здесь поколения хлебопашцев. Каждая семья получала от господина дом и участок земли, которые и переходили из рода в род, так как господин отказывался от права взять их обратно. Крепостной сделался держателем. Тем самым, когда крепостные были переведены на роль хлебопашцев и когда господин перестал требовать от них личной службы¹, рабство было превращено в крепостное состояние, тогда как, наоборот, в России XVIII в. помещики, отрывая своих крепостных от земли и обращая их в лакеев и горничных, вновь создали рабство, подобное античному.

Крепостной не получал своего держания как безвозмездный дар; собственник, оставшись его господином, требовал от него более тяжелых оброка и барщины, часто определяемых им по произволу. По меткому выражению того времени, крепостной был «*taillable et corvéable à merci*» (повинен оброком и барщиной по всей воле господина). Однако сила обычая в средние века была так велика, что часто он определял, в конце концов, даже размеры повинностей крепостных: собственник не мог требовать от них больше того, что они искони платили. Наоборот, не всегда нужно было быть крепостным, чтобы быть повинну оброком по всей воле господина.

По-видимому, специальными повинностями крепостного, характеризовавшими его положение, были в средние века те, которые свидетельствовали также и о его личной зависимости: *capitation* (подушная подать), *formariage* (плата за вступление в брак) и *main morte* («мертвая рука»).

Capitation есть подать с каждой головы, выплачиваемая обычно ежегодно; эту повинность господин наложил на своих крепостных в силу своего абсолютного права; она представляет собой пережиток рабства.

*Formariage*² есть налог, уплачиваемый собственнику крепостным или крепостной при вступлении в брак с лицом, стоящим вне его власти. Если держатели одного и того же

¹ Мы не хотим сказать, что в средние века не было рабов, исполнявших роль домашней прислуги, но их было очень мало, и здесь, где мы говорим о крепостных, нам нет надобности касаться положения челяди.

² Пресловутое «сеньориальное право», возбудившее столько жестоких споров между панегиристами и хулителями средних веков, относит-

владельца вступают в брак между собой, то они не выходят из-под его зависимости и их брак для него безразличен; в этом случае только изредка устанавливается небольшая повинность. Но вступая в брак с чужаком, крепостная выходит из-под власти господина; понятно, что она может сделать это только с его согласия. *Formariage* и есть, по-видимому, цена, уплачиваемая господину с целью получить его согласие на брак.

Main morte есть право господина завладеть наследством своего крепостного в том случае, когда последний не оставляет после себя детей, живущих при нем. Крепостная семья владеет своим домом и полем только в силу соизволения господина, единственного настоящего собственника. По установившемуся обычаю держание оставляют за семьей до тех пор, пока она живет вместе. Но раз семья вымерла или рассеялась, держание возвращается к собственнику, при этом он не обязан считаться с побочными родственниками или даже с детьми своего крепостного, живущими на стороне, потому что держание принадлежит ему. Если же он соглашается отдать его родственникам своего крепостного, то не иначе, как при условии довольно большого выкупа. Именно это право на выморочное имение и называется *main morte* (сам термин появляется в XI в.). Обычай или частные договоры устанавливали постоянный размер выкупа. Во многих германских странах (Англия, Германия, Фландрия) право господина сводилось к вычету из наследства какой-нибудь вещи или головы скота.

По той же причине, по которой крепостной не может завещать своего держания при смерти, он при жизни не может продавать или отчуждать его без особого разрешения своего господина.

Более характерна другая черта первоначального рабства, сохранившаяся в течение долгого времени. Крепостной, водворенный в поместье, не мог быть оторван от него своим господином; но и сам он, в свою очередь, не имел права

ся, без сомнения, к рабству. В той форме, в какой его прославила популярная литература, оно упоминается очень редко, притом лишь в документах ранней эпохи, допускающих, вдобавок, противоположные толкования.

покидать поместье, чтобы поселиться где-нибудь на стороне¹. Уходя без разрешения, он причинял убыток господину, так как лишал его своих услуг; господин имел право преследовать беглеца и заставить его вернуться: это было *право преследования*.

Мы узнаем, что сеньоры принимают меры против этих побегов, вступая в соглашение с соседними владельцами и взаимно обязываясь возвращать друг другу своих беглых крепостных. Другие производят целые следствия, чтобы разыскать крепостных, которые стараются ускользнуть от них, либо скрывая свое звание, либо поселяясь на землях других сеньоров, либо вступая в духовное звание. Граф Фландрский, Карл, был убит в 1127 г. за то, что произвел следствие, при котором была скомпрометирована одна знатная фамилия, происшедшая от крепостного.

Это жестокое право преследования вскоре смягчается. Во Франции уже в XII столетии господствует обычай, по которому крепостной может уйти и поселиться на стороне, обычно при двух условиях: он должен торжественно предупредить об этом своего господина (*отречься от него*), и должен отказаться от всего имущества, которым владел в его поместьях.

Под разными названиями крепостное право существовало во всей Европе². По-видимому, крепостные составляли главную массу сельского населения со времен Карла Великого, и их потомки рождались крепостными. Само держание в конце концов усвоило все черты их крепостного положения и передавало последнее всякому, кто становился держателем; живя на крепостном держании, свободный человек обращался в крепостного³; юристы называли это вещественным рабством.

Отпущение на волю. С другой стороны, и крепостной мог сделаться свободным человеком. Подобно антич-

¹ Выражение «*serf de la glebe*», которым в обыденной речи часто обозначают средневековых крепостных, в документах не встречается.

² В Германии крепостные назывались *leibeigen*.

³ Другие источники рабства – война, судебные приговоры, дарение-жертвование на церковь, точно так же, как и *colliberti* (совместно отпущенные на волю), имели слишком ничтожное практическое значение, чтобы заслуживать чего-нибудь больше простого упоминания.

ному рабу, он мог быть лично освобожден своим господином посредством символического обряда или письменного акта (*хартии*); в течение средних веков господствовала исключительно вторая форма. Но отпущение на волю отдельных лиц становится все более и более редким: почти всегда господин освобождал сразу всех крепостных поместья, одним актом изменяя положение целой деревни или целого округа.

Понятно, что он поступал таким образом вовсе не из великодушия. Крепостные покупали свою свободу, сначала платили известную сумму, особенно в XII в., когда деньги стали не так редки, позже обязывались на вечные времена за себя и за своих потомков платить специальные повинности, которые напоминали бы об их прежнем положении.

Взамен этого господин отказывался от своего права взыскивать с них собственно рабские повинности, особенно *main morte*. Часто он также отказывался от произвольных обложений и обязывался впредь брать только определенные повинности, но это не было непременно последствием освобождения. Положение вольноотпущенных зависело исключительно от условий, заключенных ими с собственником и точно обозначенных в письменном контракте (*хартии*). Во всяком случае, они оставались держателями поместья. А так как единственным различием между держателем-крепостным и свободным держателем была разница в величине повинностей, то их положение изменялось вовсе не так сильно, как можно было бы думать, судя по высокопарным выражениям некоторых хартий, превозносящих благотворное действие свободы. Иногда крепостные отказывались платить за это благо ту цену, которую требовали за него, и сам господин заставлял их покупать его.

Свободные крестьяне. В крупных поместьях, наряду с крепостными, искони жили и свободные люди; во времена империи это были так называемые *колоны*, позднее — также германские *литы*. Чтобы обозначить обитателей поместья, хартии говорили: «Как свободные, так и крепостные».

Свободные, в противоположность крепостным, не были ничем обязаны господину; они зависели от него только как от собственника, потому что жили на его земле. Это были

вечные фермеры или арендаторы. Их держание было отрезком большого поместья, который они обрабатывали при условии уплаты определенного тягла, сходного с нашей арендной платой, или известной части сбора, подобно нашим фермерам. В противоположность фермеру или арендатору, их положение было утверждено навсегда: собственник не мог ни отнять у них землю, ни увеличить их повинности. При условии уплаты исконной дани они могли свободно распоряжаться своим держанием, завещать его по своей воле, отчуждать и даже (по крайней мере, во Франции) делить на части.

Находившиеся в наиболее благоприятных условиях платили только определенную годовую сумму, *ценз*, или *цензив* (оброк), размер которой был установлен в незапамятные времена и, вследствие обесценивания денег, сделался очень незначительным. Большая часть несла различные повинности, иногда изменявшиеся, иногда даже произвольные, но сделавшиеся правильными в силу обычая. Часто сеньор за наличные деньги соглашался заключать «наемный» договор, освящавшийся хартией, по которому каждая повинность ограничивалась известной цифрой или определенной пропорцией. Держатели обращались в «нанимателей». Возможно, что в XIII в. еще оставались свободные держатели, подверженные произвольному оброку и барщине, но их было, без сомнения, очень немного.

Многочисленные в некоторых провинциях *гости* также были свободными людьми; их название указывает на происхождение от чужеземцев, допущенных в поместье, вероятно, для того, чтобы распахивать еще не обработанные земли.

Нормандские *bordiers*, английские *cottagers*, германские *kossath* были мелкие держатели, жившие в хижинах, лишенные крупного скота и платившие за свое держание более барщинами, нежели податями.

Количественное отношение различных классов крестьян колебалось по странам и временам. Вначале преобладали, по-видимому, крепостные, по крайней мере, на севере. Но их число постоянно уменьшалось. Крепостной класс был остатком античного рабства и германского крепостного состояния, прикрепленным к земле землей же; но он пере-

стал пополняться, потому что людей более не обращали в рабство. Каждая освободительная хартия, выданная рабскому селению, сокращала территорию господства крепостного права, и затем эта территория уже более не увеличивалась, потому что свободная земля никогда не становилась опять рабской. В наиболее цивилизованных странах (в Италии, Южной Франции, Нормандии) с более быстрым процессом развития крепостное право прекратило свое существование в XII столетии; там оставались только свободные крестьяне.

Сеньориальная эксплуатация. Отличительной чертой средневекового крестьянина является его зависимость от собственника деревни, называемого по-латыни *dominus*, по-немецки – *Herr*, по-французски – *seigneur*. Этот собственник может быть крупным или мелким, рыцарем, графом или королем, воином, епископом, аббатом или женщиной, отношения между ним и крестьянами остаются те же. Они всегда основываются на праве сеньора требовать от своих крестьян оброка и услуг, взамен чего не имеет по отношению к ним никаких других обязанностей, кроме одной – оставлять в их владении свою землю. Это называлось *эксплуатацией* (само слово относится к тому времени).

Каким образом она установилась? Это один из самых спорных вопросов средневековой истории, и документы слишком малочисленны и плохо изучены, чтобы сделать возможным его решение. Организация крупного поместья по самому своему характеру делала неизбежным принуждение держателей к уплате оброка и отправлению барщины и подчинение их приказчику собственника. Это явление мы наблюдаем еще и в настоящее время. Но на деле достоверно известны примеры эксплуатации, установленной путем захвата или насилия: примеры должностных лиц, обращавших в право вечной собственности права своей должности (например, право взимать дорожную пошлину, реквизицию или штрафы); светских владельцев, которые заставляли платить себе десятину, учрежденную первоначально в пользу церкви; сеньоров, требовавших оброка с крестьян чужого поместья под предлогом *охраны*, то есть в обеспечение от их же собственного грабительства; наконец, собственников,

Фрисландские крестьяне приносят дары святому Павлу. Представители семи фрисландских сельских округов, входящих в собора) масло, сыр и домашних животных. Коленопреклоненные

незаконно увеличивавших повинности своих держателей. Как возникло в той или другой деревне то или другое обязательство ее обитателей? Или даже, какая доля во всем строе феодального порядка принадлежит насилию, захвату и обману, и какая – первоначальному праву собственника? На это могла бы ответить нам только статистика, а она никогда не будет составлена. Однако мрак, покрывающий зачатки этого строя, не мешает нам составить себе ясное понятие о нем, как он установился в XIII столетии. Некогда крестьяне умели отличать повинности, признанные законными, от взысканий незаконных, введенных путем насилия или обмана и носивших у них название «дурных пошлин» (*mauvaises coutumes*; это выражение встречается особенно часто в XI в.). С течением времени обычай узаконил «дурные пошлыны» и закрепил все обязательства крестьян. Эти обязательства, называвшиеся позже неточно *феодальными правами* (потому что они не имеют ничего общего с *феодом*), мало различались от села к селу. Одна и та же повинность в разных местах часто носила разные названия, поэтому перечень этих названий занял бы слишком много места (у Дюканжа он занимает 27 столбцов *in quarto*). Но

Фреска Мюнстерского собора середины XIII в.

Мюнстерскую епархию, преподносят святому Павлу (покровителю старшины протягивают ему лукошки с золотыми монетами

под этими различными именами скрывается во всей Европе один и тот же режим. Принимая во внимание исключительную форму, а не происхождение обязательств, их можно разделить на платежи, повинности и барщину.

Платежи взимаются или деньгами, или натурой, и уплачиваются или в определенные сроки, или при известных случаях.

Определенными денежными платежами являются, главным образом (исключая подушную подать крепостных), цена выкупа, оброк и бирочная подать.

Оброк (*sens*) есть денежная рента, уплачиваемая держателем за свое держание, род арендной платы, закрепленной древним обычаем. Если держатель не вносит ее в установленный срок, то сеньор может отобрать у него держание или, по крайней мере, взыскать сумму с добавочным штрафом. В некоторых странах существовали также подати с дома или очага (*masurage, focage, fumage*).

Бирочная подать (*taille, или quête*) есть налог, взимаемый один или несколько раз в год с каждой семьи держателей. Само слово «*taille*» (зарубка), не встречающееся ранее XI в., обозначает только надрез, который делали ножом на куске

дерева (бирке) в момент уплаты этой подати. Каково бы ни было ее происхождение, — представляет ли она вид рабской подушной подати или новый побор, наложенный на всех держателей, — но она сделалась настолько всеобщей, что в обыденной речи она употреблялось для обозначения всех податей вообще; говорили: *taillables à merci*. Вначале бирочная подать была, по-видимому, произвольной (по воле господина, *à merci*¹). Кажется, что крестьяне сильно стремились к тому, чтобы сделать ее неизменной; к концу XIII в. они почти повсюду достигли этого, часто путем покупки у сеньора «наемного» договора, по которому он обязывался взимать только определенную сумму². Иногда ходатаем за бедных держателей являлась жена сеньора, и таким ходатайствам мы обязаны некоторыми трогательными легендами, например, легендой о леди Годиве.

Выкупные платежи (*taxes de rachat*) представляют древние натуральные повинности, отменяемые по соглашению с сеньором.

Подати натурой, вносимые в определенные сроки, состоят, главным образом, из части полевых продуктов, взимаемой после жатвы, как это практикуется еще и в настоящее время в тех странах, где существует аренда. Так, господин удерживает в свою пользу часть снопов хлеба (*champart*, *gerbage*), овса (*avènage*), сена (*fenage*), винограда (*vinage*, *complant*), кур, воска³. Он взимает также налог деньгами или зерном за каждую голову скота (быка, барана, свиньи или козы).

Многие платежи связаны с известными актами, и мы видим, как увеличивается в течение средних веков число таких актов, подлежащих оплате; по крайней мере, их названия начинают встречаться только после X в. В XIII сто-

¹ То есть без всякого другого ограничения, кроме милосердия господина.

² Кроме обычной подати, господин взимает иногда *чрезвычайный* налог, именно в известных исключительных случаях, например при выдаче замуж дочери.

³ Воск был нужен для выделки церковных свечей и печатей, которые привешивались к официальным документам. Поэтому ульи были в средние века гораздо более многочисленны, чем теперь.

летию мы находим в действии целую систему передаточных пошлин: так называемая *lods (laudes) et ventes*, пошлина, которую платит держатель при дарении или продаже своего держания для того, чтобы сеньор утвердил эту передачу, пошлина с наследства (*relief*, или *gachat*), не считая «мертвой руки» на наследство крепостных и выморочные имущества (*èchoite*). Мы находим также группу пошлин за проезд, иногда очень древних: за проезд по дорогам (*carriage, gouage* и др.), мостам, рекам, пристани и через ворота; группу торговых и промышленных пошлин: пошлины с продажи зерна, соли, мяса, товаров, с мясных лавок, рынков, ульев, ямарок.

Помещичьи права. С обязательствами, налагаемыми сеньором, связана целая система повинностей, принимающих форму монополий. Это помещичьи права (*banalités*); в документах они появляются только после X в. Их название показывает, что они были установлены путем бана (*ban*), который обозначает право сеньора обнародовать свои постановления и требовать их исполнения под страхом штрафа; но происхождение этого права неясно и спорно¹. Держатели обязаны молоть свое зерно на помещичьей мельнице, печь свой хлеб в помещичьей печи, давить свой виноград в помещичьей давильне и каждый раз обязаны платить известный сбор (обычно часть зерна, муки или винограда).

Сеньор требует со своих держателей платы за то, что позволяет им рубить деревья в его лесах или пасти скот на его пастбищах², или ловить рыбу в его водах. (Что касается права охоты, то сеньор обычно удерживает его исключительно за собой.)

¹ Наиболее спорный вопрос заключается в том, действовал ли сеньор в этих случаях по праву собственника или в силу какого-нибудь общественного права, законного (то есть утвержденного сувереном), либо присвоенного путем захвата.

² Ученые расходятся во взглядах, принадлежали ли леса и пастбища искони собственнику, который только уступал держателям пользование ими, или они раньше были общественной собственностью и впоследствии были захвачены сеньором. Последний взгляд связан с общей теорией, которая сводит первобытный строй всей Европы к господству коллективной собственности. Он не опирается ни на один документ и был оспариваем Фюстель де-Куланжем.

Сеньор делает также обязательным исключительное употребление своих весов и мер, и это опять повод к платежам.

Сеньор запрещает своим держателям продавать их зерно или вино в течение известного срока после сбора и в это время продает свои продукты без конкуренции. Все эти монополии более стеснительны для держателей, чем прибыльны для сеньора.

Судебные пошлины – это также оброки; это подати, взимаемые сеньором в силу принадлежащего ему права суда. Так именно смотрели на них и в средние века, потому что в актах, где перечисляются доходные угодья поместья, вслед за землями, виноградниками, лугами, лесами и мельницами фигурирует и *justice* (право суда). Почти во всех средневековых документах *justice* обозначает право взимать штрафы или доход со штрафов. Очень часто это право разделено на части и говорит о половине или четверти *justice* такого-то селения.

В конце концов стали различать высший и низший суд (*haute justice* и *basse justice*), а позднее – даже средний, смотря по величине дохода. Обычно высший суд начинался с права взимать штраф больше 60 су. Сюда включали право присуждения к смерти, с которым было связано право конфискации имущества осужденного.

Каково происхождение этих судебных порядков? Получил ли или захватил сеньор право производить публичный суд, которое раньше принадлежало суверену и его чиновникам (герцогам, графам, сотникам)? Или он только расширил домашнюю власть, искони принадлежавшую сеньору над рабами его дома и собственнику – над держателями его земель? Этот вопрос до сих пор не считается решенным. Но надо остерегаться естественного побуждения представлять себе высший суд как привилегию, предоставленную исключительно некоторым знатым сеньорам. Особенно во Франции даже сеньор, владевший одной деревней (а каждая деревня представляла вначале одно поместье), почти всегда имел право высшего суда над своими держателями. Бомануар, писавший в конце XIII в., говорит, что все вассалы графа Клермонского имеют в своих землях право высшего суда. Если Нормандия составляет исключение, то лишь потому, что герцог, кото-

рый ее организовал, удержал за собой право присуждения к смертной казни (*justice du glaive*). Не надо также забывать, что право суда, с которым обращались, как со всякой доходной собственностью, часто расчленилось, так что невозможно было определить первоначальные размеры приносимых им доходов, особенно в XIII в.¹

В том виде, в каком мы встречаем его в XII в., право суда есть форма эксплуатации держателей сеньором (само слово «exploit» обозначает судебные формальности); говорят: «*taillables et justiciables*» или «*exploitables*» (подсудны). Суд, как и оброк, может быть произвольным или ограниченным, то есть размер штрафа может зависеть от воли сеньора или представлять определенную неизменную величину. В большинстве случаев такса штрафов сделалась постоянной. Обычай определил, в конце концов, известный штраф за каждый проступок. Часто также сеньор заключал с крестьянами контракт, которым определялась постоянная величина штрафов. Вот пример, относящийся к одной бельгийской деревне (Sirault), от 1239 г.; он показывает, с какой точностью предусматривались все случаи:

«За брань – 4 су, за бесчестие – 5 су. Кто ударит другого, платит 10 су, а если потечет кровь, то – 20. Кто извлечет отточенное оружие, но не ударит, платит 30 су. За удар палкой – 20 су, а до крови – 40. За удар отточенным оружием – 60 су».

По отношению к тяжким проступкам (убийству, поджогу, похищению и обычно также воровству) власть сеньора неограниченна. Наказание – смерть или изгнание, и сеньор конфискует все имущество осужденного.

Из права суда произошли также поборы, уплачиваемые держателями за увольнение их от участия в трехгодичных судебных собраниях (*plaidс gènèaux*), пошлины, взимаемые с держателей, которые ведут между собой тяжбу перед судом сеньора, и, вероятно, также пошлины за печать, регис-

¹ Начиная с XV в. юристы перестали понимать социальную организацию средних веков и содействовали тому, что по вопросу о происхождении правовых норм скопилось множество предрассудков, сводом которых является книга *Championnière. Traité sur la propriété des eaux courantes*, 1846.

тратуру и нотариат, взимаемые при составлении и засвидетельствовании частных актов (эти пошлины существуют еще теперь, точно так же, как и конторы нотариусов и гражданские регистратуры).

Повинности. Гораздо менее значительные, чем оброки, повинности – это неправильные поборы, взимаемые сеньором, иногда даже не известно, по какому праву.

Чаще всего встречается повинность постоя и прокорма (*gîte et procuration*), следуемая нередко какому-нибудь чужому сеньору – не владельцу данной деревни. Крестьяне обязаны принять сеньора, когда он приезжает в деревню, отвести помещения ему, его свите, его лошадям, собакам, соколам, дать обед его людям и накормить животных. Это разорительное обязательство мало-помалу урегулировалось. Обычай установил, как часто сеньор мог пользоваться правом постоя (обычно – три раза в год), сколько людей и животных он мог приводить с собой, какое количество блюд и хлеба он мог требовать. Позже эта повинность превратилась в годовой оброк.

Право *prise* есть право сеньора брать то, что ему нужно для дома, – провизию, выучный скот, плуги, корм для животных, даже постели, – обычно за известное вознаграждение, произвольное или определенное.

Право *кредита* позволяет сеньору брать у купцов в кредит предметы, которые он спрашивает; срок кредита обычно ограничен.

Барщина, то есть обязанность лично исполнять известную работу, существовала ранее средних веков и притом в двух формах: собственник требовал от своих держателей барщину в свою пользу, государство налагало барщину на население для поддержки дорог и мостов. Обе формы встречаются и в средние века, но при этом сеньориальные барщины несравненно значительнее государственных.

Держатели обязаны помогать сеньору в обработке его поместья: пахать его поля, обрабатывать его виноградники, жать его хлеб, косить его луга, убирать его хлеб и сено. Обычно эти услуги носят правильный характер: тот, кто подлежит барщине, работает на господина определенное число дней в году; он обязан работать или одними руками

Виночерпий и группа музыкантов.
Из рукописи XIII в. Париж. Национальная библиотека

(*manoeuvre* – ручные работы), или предоставлять господину свой скот, плуг, повозки (*charrois* – извоз). Иногда обычай определяет, что сеньор будет кормить его и даже как будет кормить.

Держатели обязаны для надобностей сеньора перевозить топливо, камень, мебель или провизию, должны исполнять его поручения, должны держать в исправности дороги, поправлять постройки, чистить рвы замка и пруды сеньора, обязаны оказывать ему помощь в случае наводнения или пожара. Они должны помогать сеньору в его войнах, держать в его замке дневной или ночной караул (это называлось *guet*), строить укрепления, копать рвы, делать частоколы; они обязаны даже идти с ним на войну, когда он предпринимает поход по соседству (это называлось *ost et chevauchée*).

Остатком старинной государственной барщины являются, может быть, барщины для поддержки дорог, мостов и плотин; но их уже трудно отличить от барщин, установленных сеньором в свою собственную пользу.

Управитель. Взимать столько разнообразных податей, требовать столько услуг было сложным и хлопотливым делом. Сеньор и не думал брать его на себя. За исключением некоторых мужских монастырей, мы не нашли бы в средние века, может быть, ни одного примера, когда бы крупное поместье управлялось непосредственно сеньором. Повсюду он передает свою власть управителю; держатели имеют дело только с управителем. Аналогичное устройство существует до сих пор в крупных поместьях Венгрии и России.

Мы имеем слишком мало документальных сведений о поместьях мелких светских владельцев, чтобы можно было выяснить, как было поставлено в них дело. Мы знаем только способ эксплуатации поместий, принадлежавших церкви и крупным сеньорам.

По-видимому, первоначально в каждом поместье был один управитель, обычно из крестьян, иногда даже крепостной. Латинские тексты называют его то *major*, то старинным римским словом *villicus*; по-немецки он называется *Meier* или *Schultheiss*¹ (сборщик податей). Он пользовался более крупным держанием, чем остальные держатели. Часто эта должность становилась постоянной в какой-нибудь семье, и поместье, начиная с XI в., управлялось наследственным мэром, которого собственник уже не мог сместить. Если поместье распадалось между несколькими сеньорами, то приказчик часто продолжал управлять им от имени всех совладельцев, и последние входили в соглашение между собой относительно дележа доходов и прибылей.

Но в XIII в. большое число деревень оказываются разделенными между несколькими приказчиками, из которых каждый действует в пользу другого сеньора. С другой стороны, очень часто можно встретить, особенно в монастырских поместьях, приказчика, которому поручено управление держателями, рассеянными по нескольким деревням.

¹ Во французский язык это слово перешло в форме *écouête*.

Это результат распада «виллы». Изолированные держания искусственно связываются с центром эксплуатации, лежащим вне территории селения; дом управителя помещается в одном из окрестных селений; в Германии он носит название *Frohnhof* (барщинный двор).

Когда сеньор имел несколько деревень в одном и том же округе, он составлял из них группу, которую поручал высшему управителю, называвшемуся на севере *prévôt* (praepositus), на юге – *baile* (bajulus), в Германии – *Amman*, иногда *châtelain*. Эта должность также становилась часто наследственной, и существовали даже превоства, данные в феоде (*prévôtès inféodèes*); *прево* называли также приказчика, управлявшего одним селением.

Приказчик был представителем собственника, который поручал ему осуществление своих прав. Он эксплуатировал усадьбную землю, заставлял чинить постройки, обрабатывать землю, свозить полевые продукты; назначал барщины и следил за их исполнением; взимал те подати, размер которых был установлен, и определял размер переменных повинностей, обычно посоветовавшись предварительно с деревенской знатью, «чтобы знать силы каждого»; отдавал на откуп пекарню, мельницу, давальню, рынок; обнародовал бан (господский приказ) через глашатая; подвергал аресту преступников, творил суд, взимал штрафы и казнил осужденных; приводил держателей в армию сеньора.

За свою службу управитель обычно не получал жалованья: он сам вознаграждал себя, удерживая часть доходов. Начиная с XII в. во Франции стали отдавать превоства на откуп; объявлялся торг на откуп сроком на известное число лет. Управитель вовсе не был приказчиком, получающим жалованье за управление помещьем; его должность давала ему столько, сколько он хотел получать от нее, потому что в его власти было взимать с держателей больше или меньше. Сколько притеснений и мелкого грабительства вытекало из этого режима, ясно показывает пример помещичьих управителей в России до отмены крепостного права.

Характер и размеры сеньориального режима. Невозможно посредством единичного примера дать полное представление о таком сложном и разнообразном порядке.

Следующий пример взят из истории одного церковного поместья XIII в., находившегося в провинции (Нормандии), где положение крестьян было довольно благоприятно. Сведения, извлеченные из небольшой сатирической поэмы, которая рисует картину жизни крестьян деревни Версон, подтверждаются картулярием аббатства Mont-Saint-Michel, от которого зависела эта деревня.

Держатели обязаны доставлять камень, растворять известь и помогать каменщикам. В Иванов день они должны, по требованию, косить, сушить и свозить сено в обитель. В августе они должны жать монастырский хлеб, вязать его в снопы и перевозить в ригу. За свое держание они платят подать хлебом: они не могут увезти свои снопы с поля, не сходяв предварительно за сборщиком хлебной подати, который отбирает свою часть, и эту подать они обязаны на своей повозке отвозить до податной риги; а в это время их собственный хлеб остается на ветру и под дождем. В Рождество Богородицы, в сентябре, крестьянин платит подать со свиней: одну на восемь; он имеет право выключать двух, третья идет сеньору. На св. Диониса вносится оброк. На Рождество крестьянин обязан доставить кур. Он платит также *bresage* – два сетье ячменя и четверть пшеницы. В Вербное воскресенье он должен вносить подать с овец, а если просрочит этот день, то сеньор берет с него произвольный штраф. В Пасху он отбывает барщину; под видом барщины он обязан пахать, сеять, боронить. Если крестьянин продает свою землю, он обязан уплатить сеньору тринадцатую часть ее цены; если выдает дочь замуж вне поместья, то платит 3 су брачной подати. Он подчинен сеньориальной монополии (бану) на мельницу и пекарню; его жена носит хлеб; она платит *fournage* (за печение хлеба), *le tortel*, *l'aïage*: пекарша ворчит, потому что она «больно горда и заносчива», пекарь жалуется, что не получил своей части; он грозит, что печь будет плохо натоплена и что хлеб крестьянина будет весь сырой и негодный. Картина кончается этой чертой, которая показывает, как много терпели крестьяне от придирок низших чинов сеньориального управления.

Эта форма сельскохозяйственной эксплуатации идет вразрез с нашими обычаями. Она соединяет в одну смешанную массу все системы, которые теперь действуют порознь.

В настоящее время мы знаем большое хозяйство, которое ведут крупные собственники, и малое хозяйство, которое ведут мелкие собственники. В средние века господствуют крупная собственность и мелкое хозяйство; крупный собственник раздает большую часть своего поместья крестьянам, которые ведут на этих участках мелкое хозяйство, подобно нашим мелким собственникам.

Собственник, не обрабатывающий сам свою землю, выбирает один из двух способов: или он возделывает ее непосредственно при помощи платных поденщиков, или предоставляет ее фермеру либо арендатору за условленную плату или часть сбора. В этом случае он по истечении срока контракта получает свою землю обратно. В средние века собственник употребляет одних и тех же людей как поденщиков – на запасной земле и как арендаторов – на землях, которые он сам не обрабатывает. Но это – поденщики, которые не получают платы, и арендаторы, которые владеют своим участком наследственно и у которых собственник не может отнять его¹.

Допуская наследственную передачу одного и того же участка из поколения в поколение, собственник, в силу некоторой давности, теряет свое абсолютное право распоряжаться землей. В отплату за это наследственное пользование держатели обязаны ему денежными и личными повинностями, которые составляют род арендной платы. Следовательно, эти подати и барщины, уплачиваемые сеньору, не могут быть сравниваемы с государственными податями и налогами; они вытекают из того же принципа, как и обязательства современных фермеров и арендаторов, – из права собственника требовать от держателей вознаграждения за ту услугу, которую он оказывает им, предоставляя в их пользование свою землю. Разница лишь в том, что участок средневекового держателя был закреплен за ним и обложен неизменными повинностями, тогда как современный фермер сидит на своей земле лишь временно и сплошь и рядом по истечении найма должен соглашаться на повыше-

¹ Встречаются также (особенно в XII в.) фермеры и арендаторы временные, подобно нашим, но это исключительное явление.

ние наемной платы. Таким образом, положение средневекового держателя было более прочно и более приближалось к положению поземельного собственника. Между тем феодальные повинности (как их неточно называли в более позднее время) сделались настолько ненавистными, что во всей Европе пришлось уничтожить их. Дело в том, что крестьяне, став наследственными владельцами, в конце концов начали смотреть на свое держание, как на собственность, обремененную повинностями. Они чувствовали себя собственниками, а не фермерами. Сеньор казался им паразитом, который не оказывал им никакой услуги взамен того, что он брал у них.

Другая характерная черта этого порядка состоит в том, что над сеньором нет государства, которое могло бы быть посредником между ним и его крестьянами, как современное государство служит посредником между землевладельцами и фермерами. «Между твоим крестьянином и тобой нет другого судьи, кроме Бога», – говорил один французский юрист XIII в. В большинстве стран держатели не имеют даже права собираться для обсуждения своих общих нужд без разрешения своего сеньора. Недозволенное собрание есть проступок, наказуемый произвольным штрафом. Таким образом, крестьяне совершенно беззащитны против власти сеньора и его управляющего. Сеньор вместе и судья, и сторона, и никакая высшая власть не может заставить его оставаться в пределах его прав. Значит, положение крестьян зависит от личных свойств сеньора и управляющего и, следовательно, всегда ненадежно.

Неверно было бы думать, будто режим, который сейчас был описан, распространялся на всех крестьян Европы. В течение всех средних веков оставались между крестьянами полные собственники, независимые от соседних сеньоров, подчиненные лишь государю страны, иногда даже организованные в общины; таковы аллодиальные крестьяне Аквитании, горцы Беарня, Бигорры и страны басков, свободные люди Швица и Аппенцеля, свободные крестьяне Альп, Вестфалии и Фрисландии, не говоря уже о нормандских фермерах, английских *franctenants* (свободных держателях) и эмпитевтах (долгосрочных арендаторах) Италии. Но они

составляли лишь очень удаленные друг от друга группы. И еще гораздо более ошибочно было бы представлять себе хотя бы четвертую часть средневекового крестьянства в положении этих привилегированных.

Дворяне и высшее духовенство

Дворяне; их вооружение. Дворянская иерархия. Рыцарство. Башни, замки и дома. Оммаж и феодал. Феодалные обязанности. Женщины и дети в феодалной системе. Духовенство в феодалной системе. Министериалы. Сложность феодалных отношений.

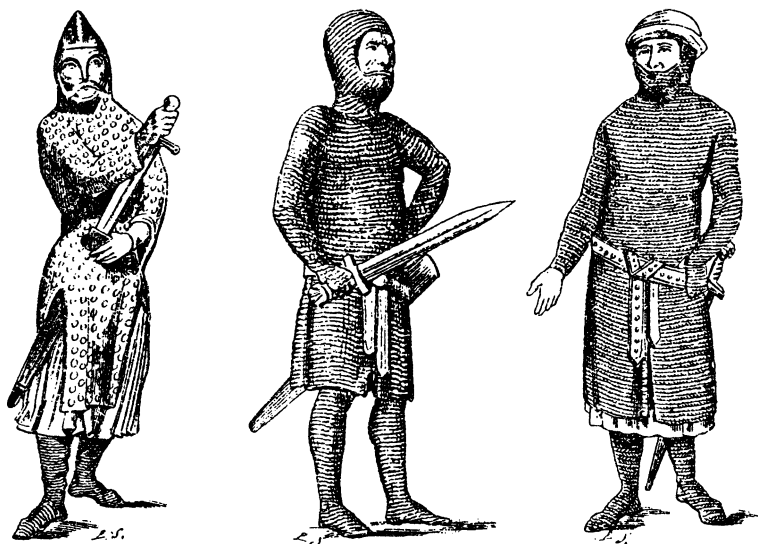
Дворяне; их вооружение. Во всей Европе в средние века люди, достаточно богатые для того, чтобы не иметь надобности работать, составляют привилегированный класс, строго отделенный от остальной части общества. В этом высшем классе все, исключая духовных лиц, – воины по профессии.

Еще Карл Великий обязал всех свободных людей своей империи носить оружие. Необходимость защищать себя, склонность к праздности и приключениям, предрасположение в пользу воинской жизни привели во всей Европе к образованию военной аристократии. Чтобы привлекать людей на военную службу, не было надобности в высшем авторитете государства. Так как светские люди считали военную жизнь единственным почетным образом жизни, то каждый и стремился к ней; военный класс заключал в себе всех, кто имел достаточно средств, чтобы вступить в него.

Первым условием для этого была возможность вооружиться за свой счет. Между тем, начиная с IX в., сражались исключительно на лошадях. Поэтому средневековый воин назывался во Франции *chevalier*, на юге – *caver*, в Испании – *caballero*, в Германии – *Ritter*; в латинских текстах древнее название солдата, *miles*, сделалось синонимом *рыцаря*.

Во всей Европе война ведется одним и тем же способом, и воины вооружены почти одинаково.

У человека, вполне вооруженного для битвы, у рыцаря, тело защищено доспехами. До конца IX столетия это – бро-

Эволюция рыцарского вооружения в XI–XIII вв.
Реконструкция Виолле-ле-Дюка по различным памятникам.
Слева направо: рыцарь – конец XI в.; рыцарь – середина XII в.;
рыцарь – начало XIII в.;

ня, туника из кожи или материи, покрытая металлическими бляхами или кольцами; позже броню повсюду вытесняет кольчуга¹, рубашка из металлических колец с рукавицами и капюшоном и с прорезью сверху, чтобы ее можно было надевать, как рубаху. Вначале кольчуга доходила до ступней; когда ее укоротили до колен, то ноги для защиты стали закрывать чулками из колец; к этим чулкам приделывали шпоры, имевшие форму наконечника копья. Капюшон закрывал затылок и голову и доходил до подбородка, оставляя открытыми только глаза, нос и рот.

Во время битвы рыцарь надевал на голову шлем – стальную шапку конической формы, окруженную ободком и кончающуюся металлическим или стеклянным шариком (*simier*);

¹ На Байеском (Bayeux) ковре, сделанном несколько лет спустя после завоевания Англии (1066 г.), большинство рыцарей изображены в бронях, но на некоторых уже – кольчуги.

шлем был снабжен железной пластинкой, защищавшей нос (nasal – наносник)¹ и привязывался к кольчуге кожаными ремнями. Только в XIV в. появляются доспехи из металлических пластин и шлем с забралом, удержавшиеся до XVII в., – вооружение Баярда и Генриха IV, которое, однако, часто принимают за обычное вооружение средневекового рыцаря.

Чтобы отражать удары, рыцарь носил щит из дерева и кожи, обитый металлическими полосами и украшенный в середине бляхой (boucle) из позолоченного железа (отсюда название щита – bouclier). Вначале круглый, щит становится потом продолговатым и удлиняется до того, что закрывает всадника от плеч до пят. Его вешали на шею на широком ремне; во время сражения его надевали на левую руку посредством ручек, находившихся на внутренней стороне. Именно на щитах и стали, начиная с XII в., рисовать герб, признанный той или другой фамилией за свою эмблему.

Наступательным оружием были меч (branc), обычно широкий и короткий, с плоской рукояткой, и копьё с длинным и тонким древком из ясеня или граба, кончавшееся железным наконечником в форме ромба. Пониже наконечника прибавляли гвоздями прямоугольную полосу материи (gonfanon – знамя), которая развевалась по ветру. Копьё можно было воткнуть в землю рукояткой, кончавшейся железным острием.

Одетый и вооруженный таким образом, рыцарь был почти неуязвим, и с течением времени вооружение все более совершенствовалось, делая война похожим на живую крепость. Но вместе с тем он становится настолько тяжелым, что для битвы ему нужна особая лошадь. Рыцарь имеет при себе двух коней: обыкновенного (palefroi) для езды, и боевого (dextrier), которого ведет под уздцы слуга. Перед началом сражения рыцарь надевает свои доспехи, садится на боевого коня и устремляется в битву, направив копьё вперед.

Только рыцари считались настоящими воинами; рассказы о сражениях говорят нам только о них, и только из них состояли боевые колонны. Но их сопровождали в походах еще другие всадники на менее выносливых лошадях, оде-

¹ Наносник исчез к концу XII столетия.

тые в тунику и шапку, снабженные более легкими и менее дорогими доспехами, вооруженные небольшим щитом, узким мечом, пикой, топором или луком. Без этих спутников рыцарь не мог обойтись: они вели его боевого коня¹, несли его щит, помогали ему одевать доспехи в минуту сражения и садиться в седло. Поэтому их обычно называли *valets* (слуги) или *écuyers* (щитоносцы), а по-латыни – *scutifer* (щитоносец) или *armiger* (оруженосец). Долгое время рыцари держали этих оруженосцев в положении подчиненных. В сочиненной в конце XI в. «Песне о Роланде» о них говорится как о низшем классе. Они стригли голову, как слуги, и получали за столом более грубый хлеб. Но мало-помалу братство по оружию сблизило оруженосцев с рыцарями; в XIII в. обе группы составляли уже один класс – высший класс светского общества, и как к тем, так и к другим применяли древнее латинское название благородных (*nobilis*), составлявшее принадлежность к высшему классу (по-немецки *edel*).

Дворянская иерархия. Чтобы вести жизнь воина, надо было иметь средства жить, не работая. В средние века дворянин – лишь тот, кто получает достаточный доход, чтобы содержать себя. Обычно этот доход обеспечивался землей. Дворянин владеет поместьем², а так как честь не позволяет ему обрабатывать его лично, то он возлагает эту обязанность на своих держателей. Таким образом, дворянин почти всегда эксплуатирует, по крайней мере, несколько крестьянских семейств. По отношению к этим держателям он сеньор (по-латыни *dominus*, отсюда – испанское *don*). *Обладание* доходом есть практическое условие для того, чтобы быть дворянином. Но по размерам богатства между дворянами существуют резкие неравенства, на основании которых устанавливается ряд степеней, начиная с оруженосца и заканчивая королем. Современники очень ясно различали эти степени и даже отмечали их особыми именами.

Высшую ступень занимают князья, обладающие титулом (короли, герцоги, маркизы, графы), суверены целых провин-

¹ С правой стороны, отсюда название *dextrier*.

² Ниже мы увидим, как разнообразны были способы, которыми дворянин мог сделаться владельцем имения.

ций, владельцы сотен деревень, способные приводить на войну несколько тысяч рыцарей.

За ними следуют знатнейшие из дворян, обычно владельцы нескольких деревень, ведущие с собой на войну целый отряд рыцарей. Так как они не имеют официального титула, то их обозначают простонародными названиями, смысл которых не ясен и несколько растяжим; эти названия в разных странах различны, но употребляются как синонимы. Наиболее употребительные из них: *baron* – на западе, в Южной Франции и в нормандских странах, *sire*, или *seigneur*¹ – на востоке (*baron* обозначает мужа, мужчину по преимуществу; *sire* – вождь и господин). В Ломбардии их называют *capitaines*, в Испании – *ricos hombres* (богатые люди). В Германии говорят *Herr*, что соответствует названию *seigneur*, в Англии – *lord*; на латинский эти названия переводятся словом *dominus* (господин). Позднее их называли также *bannerets*², потому что, чтобы собрать своих людей, они прикрепляли к концу своего копья четырехугольное знамя (*bannière*).

Еще ниже стоит вся масса древней знати – рыцари (французский *chevalier*, немецкий *Ritter*, английский *knight*, испанский *caballero*, латинский *miles*), владельцы одного поместья, которое, в зависимости от богатства страны, состоит из целого села или из части его. Почти каждый из них служит какому-нибудь крупному собственнику, от которого он получает поместье; они сопровождают его в походах, что однако не мешает им воевать и на свой риск. Их называют иногда *bacheliers*, в Ломбардии – *vavasseurs*. Встречается и меткое название *miles unius scuti*, что означает – воин об одном щите, то есть рыцарь, не имеющий в своем распоряжении другого воина.

На последней ступени лестницы стоят оруженосцы. Первоначально – простые военные слуги рыцаря, они становятся потом владельцами некоторого количества земли (равного тому, что мы теперь называем крупным поместьем) и в XIII в. живут господами среди своих держателей. В Гер-

¹ *Sire* – именительный падеж, *seigneur* – винительный.

² Перешло в английский язык в искаженной форме *baronet*.

мании их называют *Edelknecht* (благородный слуга), в Англии – *squire* (испорченное *escuyer* – щитonosец), в Испании – *infanzon*. Они-то в XIII в. будут составлять массу дворянства, и в последующие столетия горожанин, возведенный в дворянство, будет гордиться титулом оруженосца.

Таким образом, можно различать четыре ступени, которые в общих чертах соответствуют современным военным чинам: князья, герцоги и графы – наши генералы, бароны – капитаны, рыцари – солдаты, оруженосцы – прислуга. Но в этой странной армии, состоящей из воюющих друг с другом отрядов, где ранг определяется богатством, совместная жизнь в конце концов настолько смягчает неравенства, что все, от генерала до слуги, начинают чувствовать себя членами одного и того же класса. Тогда дворянство окончательно складывается и тогда же оно окончательно замыкается и изолируется.

В XIII в. привыкают строго различать две категории людей: дворян, или благородных (*gentilshommes*), и недворян, которых во Франции называют *hommes coutumiers* (людьми обычая, *coutume*'а) или *homme de poste* (то есть *potestatis* – подвластными людьми); название *roturier* (разночинец) не употребляется в средние века. Эти категории становятся строго наследственными. Дворянские семьи отказываются вступать в родство с потомками недворянских фамилий. Тот, кто не родился от дворянина, не может сделаться рыцарем, даже если он достаточно богат, чтобы вести жизнь рыцаря; дочь недворянина не может выйти замуж за дворянина; тот, кто женится на ней, вступает в неравный брак и этим обесчещивает себя; дворянские семьи не будут принимать его супругу, и к его детям дворяне не будут относиться, как к равным себе. Эта наследственность, менее строгая в документах предшествующих столетий, становится потом обладающей чертой общества и господствует вплоть до XVIII в. По мере того, как различия между дворянами сглаживаются, дворянство все более отдаляется от остальной части нации. Прочнее всего дворянский дух утвердился во Франции и Германии. В Испании, и особенно на юге, он слабее, вследствие соприкосновения с богатым населением мавританских городов, в Италии и, может быть, также на

юге Франции – из-за могущества купеческого класса. В Англии, где военные привычки рано исчезли, сквайр ничем не отличается от богатого крестьянина; здесь граница устанавливается гораздо выше – между лордами и остальной частью народа; привилегированный класс состоит лишь из высшей аристократии, которая очень малочисленна.

Рыцарство. Военное общество, образуемое рыцарями, имеет свои особые обычаи, которым все обязаны подчиняться. Обращаться с оружием рыцаря нелегко; поэтому, прежде чем носить его, надо пройти учение. Носить это оружие есть честь; поэтому прежде, чем возложить его на себя, надо быть объявленным достойным этой чести. Никто не рождается рыцарем: человек становится рыцарем в силу торжественного акта; сам король должен быть произведен в рыцари.

Всякий молодой дворянин начинает с того, что изучает ремесло военного человека: учится ездить верхом, владеть оружием, взбираться по лестнице. Но он может проходить выучку или в доме своего отца (особенно так делают сыновья знатных родителей), или у чужого человека (как, по-видимому, обычно и поступали). В большинстве случаев отец посылает своего сына к какому-нибудь сеньору богаче себя, который принимает молодого человека на свою службу и кормит его; отсюда слово *pourri* (питомец), часто встречающееся в средневековых балладах (сеньор говорит: *mon pourri*).

Выучка сопровождается службой в качестве оруженосца, а с последней связана служба в качестве комнатного слуги, характерная для рыцарских нравов. Оруженосец помогает своему господину одеваться и раздеваться; он подает блюда и служит за столом; он делает постели. Эти услуги, которые древний человек считал унижительными и возлагал на своих рабов, становятся почетными в глазах средневекового дворянства (они были такими уже в глазах германцев; об этом упоминает Тацит).

В течение этого периода, который продолжается от пяти до семи лет, молодой дворянин, называющийся оруженосцем, или *damoiseau* (маленький господин), не имеет права носить оружие.

Когда он окончил свое учение – обычно между 18 и 20 годами, – если он достаточно богат, чтобы вести жизнь

Изображение пажа
(со средневековой миниатюры)

рыцаря, он вступает в рыцарское сословие посредством военного обряда, который описывают рыцарские поэмы.

Молодой человек, выкупавшись в ванне, надевает кольчугу и шлем. Рыцарь, иногда отец посвящаемого, но чаще – кормивший его сеньор, привешивает к его поясу меч, который он с этой минуты будет носить постоянно. Эта главная часть церемонии называется *adouber*. Обычно рыцарь сильно ударяет молодого человека кулаком по затылку; это называется *colée*. Затем новый рыцарь садится на коня, берет копье и на всем скаку поражает заранее приготовленное чучело; это называется *quintaine*. Такова процедура посвящения в рыцари в XII в.

Иногда она ограничивается даже одним актом – ударом по затылку: это делают тогда, когда хотят избежать расходов. Бомануар рассказывает об одном следствии, которое, чтобы считаться действительным, должно было быть произведено определенным числом рыцарей. Так как одного рыцаря не доставало, то некоего дворянина тут же посвяти-

ли в рыцари. Один из рыцарей ударил его и сказал: «Будь рыцарем».

Позже¹ духовенство ввело обряды, превратившие рыцарское посвящение в сложную религиозную церемонию. Молодой человек после поста проводил ночь, предшествовавшую посвящению, в молитве; это называлось *veillée d'armes*. Утром он присутствовал при обедне; шпагу клали на алтарь, как бы посвящая ее на служение Богу; священник благословлял ее, говоря: «Услышь, Господи, мои молитвы и благослови твоей всемогущей десницей этот меч, которым хочет препоясаться твой раб (такой-то)». Затем он произносил проповедь, в которой напоминал будущему рыцарю его обязанности по отношению к церкви, бедным и вдовам.

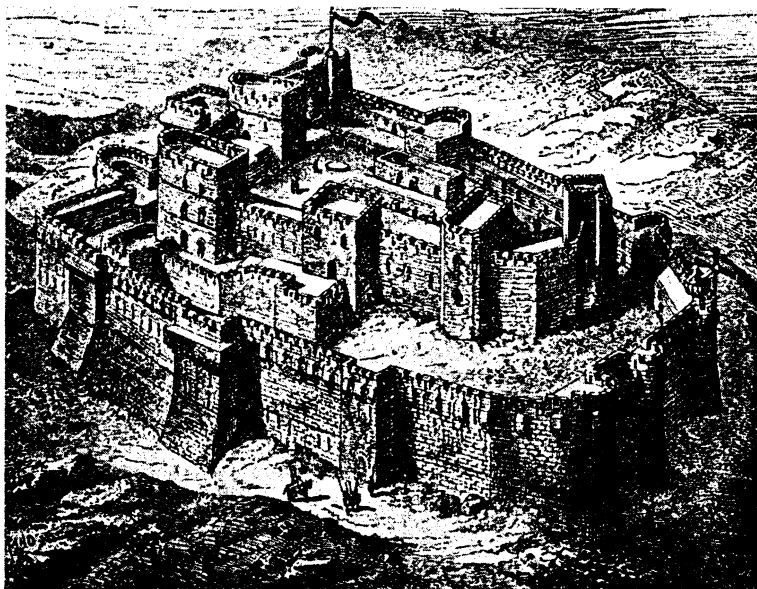
Для церемонии выбирали обычно или дни больших праздников, особенно Пасху и Троицу, или какой-нибудь исключительный случай, вроде бракосочетания или крещения принца, или даже момент сражения. Тогда сразу посвящали целую толпу новых рыцарей.

Только богатые становились рыцарями. Бедные дворяне избегали издержек на церемонии и расходов рыцарской жизни: они оставались оруженосцами всю жизнь. Таким образом, существовали оруженосцы двух родов: одним недоставало лет, другим – средств, чтобы сделаться рыцарями. В Англии, где кавалерия была бесполезна, дворяне почти совершенно перестали принимать рыцарское посвящение и предпочитали оставаться *сквайрами*.

Башни, замки и дома. Дворянин средних веков не только воин: он делает из своего жилища крепость. Уже крупные римские собственники иногда укрепляли свои деревенские дома; но общераспространенным этот обычай становится во Франции, по-видимому, только в X в.

Из старинных укреплений этого времени ни одного не уцелело. Мы знаем их только по очень малочисленным развалинам и по намекам, встречающимся у писателей. По-ви-

¹ Известен итальянский обрядник благословения шпаги, относящийся к концу XI в., но общепринятым этот обычай становится только в XIII столетии.

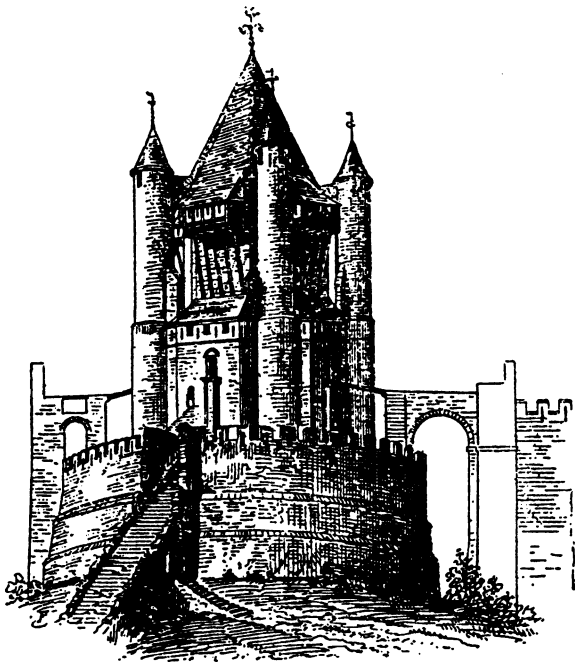
Замок XII в.

димому, эти укрепления (*fertes*, то есть *firmitates*) строились исключительно из дерева и земли. Вокруг того места, на котором хотели строить, выкапывали широкий и глубокий ров; земля, выброшенная из него внутрь, образовывала искусственный холм (*lamotte*); вокруг последнего вбивали четырехугольные брусья и крепко связывали их друг с другом, так что составлялся непрерывный частокол, который часто укрепляли деревянными башнями, на известном расстоянии одна от другой. В этой ограде возводили из дерева постройки, служившие помещениями для прислуги, конюшнями, амбарами и кладовыми. Над ними возвышалась огромная квадратная деревянная башня, которую в случае осады покрывали снаружи только что содранными шкурами животных, чтобы обезопасить ее от пожара: это был *donjon* (*dominium*), то есть дом господина. Дверь открывалась несколько выше земли; в нее можно было войти только по дощатой лестнице, которая вела через ров в поле. Так строились башни на севере в X в.

На юге землю и дерево заменяли камнем. По образцу римских укрепленных поселений (*castra*), здесь строили толстые стены и квадратные башни из камня. Этот обычай господствовал в Европе около XII в. Позже четырехугольные башни и прямые углы были заменены круглыми башнями и округленными углами, более удобными для защиты. Эти сооружения сохранили латинское название *castellum* (уменьшительное от *castra*); на юге они назывались *castel*, на севере *château*, по-английски – *castle*. Их часто называли также *Plessis* (*palissade*).

Замок (*château*) состоит из целого ряда укреплений. Он построен на крутом холме, скалистом мысе или искусственном возвышении, так что господствует над окрестностью. Он всегда изолирован – или непрерывным рвом, который, если возможно, наполняют водой, или, по крайней мере, траншеей со стороны горы. На каждом шагу устраивали препятствия. Идя с поля, натыкаешься прежде всего на *barbacane* (изобретенный в XIII столетии), укрепление, находящееся еще вне рва. Затем следует ров, чаще всего наполненный водой. За рвом возвышается частокол. Позади частокола находится тропинка, идущая вокруг всей внешней стены ограды. Осажденные могут ходить кругом по верху, по дозорной дорожке, проложенной по толще стены. Метательные снаряды они бросают в промежутки между зубцами, называемые *crèneaux* (амбразуры). Они могут даже швырять камни, лить растопленную смолу или кипящее масло сквозь галереи, в которых прорезана щель; эти галереи выходят за амбразуры, так что выдаются вперед дальше основания стены (до XIII в. они строились из дерева и назывались *hourds*; позже их заменили каменными *mâchicoulis*). Эта ограда защищает все строения.

Чтобы пройти в ограду в мирное время, переходят через ров, но уже не по помосту, а по подъемному мосту, который висит на цепях и поднимается, когда надо прекратить сообщение. Затем подходишь к массивным воротам, защищенным запором, а позже – железной решеткой, которую достаточно опустить, чтобы преградить доступ внутрь. Пройдя сводчатые ворота, охраняемые привратником, попадаешь наконец в задний двор, окруженный строениями

Главная замковая башня, донжон

(амбарами, кладовыми, часовней, кухней, службами). В некоторых больших замках этот двор представляет целое селение. Здесь во время войны укрываются окрестные держатели со своим скотом и движимостью.

Главным зданием является, по-прежнему, *donjon*, обратившийся в колоссальную трех- или четырехэтажную башню; к дверям ведет каменное крыльцо. Башня Божанси была 40 метров в высоту и 24 в диаметре, башня Куси – 64 метра и 31 в диаметре. Здесь живет господин; здесь находятся его «большой зал», в котором он принимает приглашенных¹, его комната, комнаты его семейства, его сокровищница, в подвальном этаже – его тюрьма (*chartre*), темная, сырая, грязная, куда узников спускают по трапу или на веревке, на

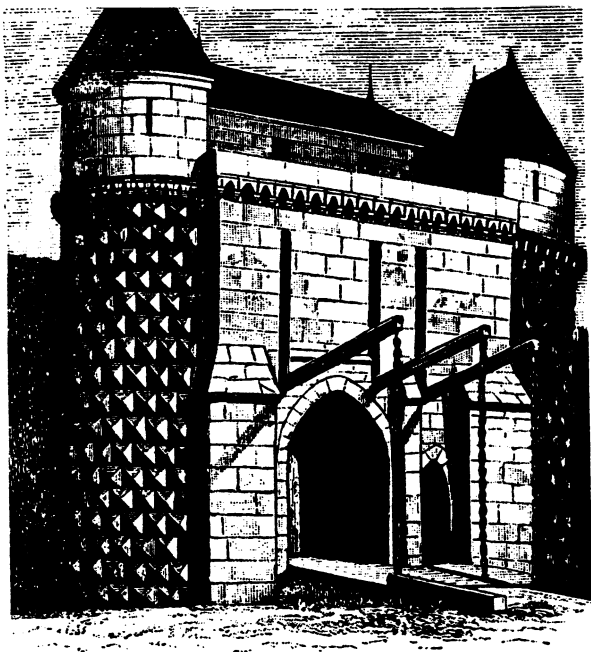
¹ Очень знатные сеньоры имеют иногда специальную гостиную вне башни – *palais* (нем. *Pallas*).

верхушке башни – помещение для караульного, который наблюдает за окрестностями. В башне сеньор может защищаться даже тогда, когда неприятель уже проник за ограду.

Эти укрепления сделались во всей Европе жилищами сеньоров, так что слово «замок» (*château*) до сих пор сохранило значение роскошного жилища. Но расходы, каких требовала постройка этих массивных сооружений, были по силам только богатому человеку. Поэтому вначале замками обладали только владельцы небольших городов или большого числа деревень, так что в некоторых странах позже называли кастелянством (*châtellenie*) территорию, состоявшую из целой группы деревень, зависевших от одного и того же замка. Число замков возрастало с увеличением богатства; но никогда, до самого конца средних веков, оно не было равно числу рыцарей.

Менее богатые дворяне довольствовались крепким домом с толстыми стенами, массивной дверью, иногда защи-

Ворота замка с внешней стороны

щенной бойницей, с высоко прорезанными окнами. Это — *manoir* (от *manere* — жить), достаточный для отражения внезапного нападения. Дворяне, живущие в городах, — а таких дворян много, особенно в Италии, Испании и на юге Франции, — строят себе там крепкие дома, похожие на деревенские *manoirs*.

Башни, замки и укрепленные дома имеют толстые и высокие стены, витые лестницы, освещенные бойницами, сырые и полутемные комнаты, куда дневной свет проникает только через узкие отверстия. Это крепости, а не уютные жилища. В них мрачно, особенно в зимние вечера. В хорошую погоду обитатели предпочитают проводить время в саду, что за оградой.

Один ученый, влюбленный в средние века¹, попытался составить список удовольствий, которыми мог пользоваться сеньор. Их оказывается пятнадцать, а именно: охотиться, ловить рыбу, фехтовать, биться на копьях, играть в шахматы, есть и пить, слушать пение жонглёров, смотреть на бой медведей, принимать гостей, беседовать с дамами, устраивать торжественные собрания вассалов, гулять по лугам, греться, ставить себе банки и пускать кровь, смотреть, как падает снег. Однако эти удовольствия не удерживают дворян дома. При первой возможности они уезжают ко двору короля или князя и не останавливаются даже перед далекими путешествиями. Насколько крестьянин — домосед, настолько же дворянин охоч до переездов. Но они сохраняют связь с землей: это их замок или дом. Они принимают его имя; в XII в. почти все имена дворянских фамилий суть названия поместий (*Bouchard de Montmorency, Enquerrand de Coucy*²).

Оммаж и феодал. Читателя, может быть, удивляет, что в этом описании феодального общества до сих пор еще ни разу не упоминалось о феодальных отношениях. Дело в том, что социальный строй средних веков не обуславливал не-

¹ Léon Gautier, *La Chevalerie*.

² Эти имена имеют при себе, конечно, предлог *de*; отсюда предрассудок, будто «частица», как ее называют (*de* в романских языках, *von* в немецком), есть признак знатности. Это двойная ошибка: даже в XVI в. существуют рыцари, носящие только фамильное имя, и, наоборот, — тысячи недворян, носящих имя по поместью или деревне.

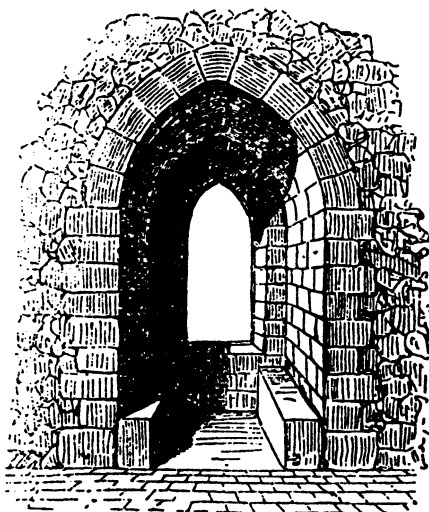
Ворота замка с внутренней стороны

обходимости существования феодализма. В некоторых странах (в Англии до XI в., Польше, Венгрии) строй общества представлял все описанные сейчас черты, несколько не будучи феодальным, и даже в наиболее феодализованных странах долго существовали не только держатели, но и рыцари, чуждые всяких феодальных отношений.

Действительно, военные люди средних веков не жили особняком друг от друга. Уже в капитуляриях Карла Великого мы встречаем воинов, связанных, вероятно, на всю жизнь с вождем, который ведет их на войну. Вождь уже носит название сеньора, его люди – вассалы (это слово означает, по-видимому, домашних слуг). Эти названия сохраняются в течение всех средних веков.

Сеньором является всегда богатый человек, сановник или крупный собственник. Он вооружает, кормит, содержит, может быть, даже обеспечивает жалованьем отряд рыцарей и оруженосцев, которые служат ему обществом и телохранителями¹.

¹ В рыцарских поэмах (*chansons de gestes*) этот отряд называется «домом» (*maisnie*, то есть *maison*) сеньора.

Амбразура окна замка

Сеньор и его люди живут вместе в одной и той же комнате, вместе едят, вместе идут в поход. Вассал действительно, слуга: он прислуживает своему сеньору за столом, обязан повиноваться ему и всюду за ним следовать; в сражении он должен дать убить себя, чтобы защитить своего сеньора. Это служебное положение соединяется с чувством товарищества, которое, не уничтожая расстояния между господином и слугой, создает между ними тесную связь взаимной преданности. Символом этой связи является клятва, которую дает вассал, вступая в службу сеньора.

В таких же чертах изображают эту систему, на которую намекают документы IX в., и рыцарские поэмы более позднего, впрочем, времени (XII и XIII столетий). Продолжала ли она существовать в X и XI столетиях, этого мы не можем ни утверждать, ни отрицать; воины не писали, а летописи светских знатных семейств, если и существовали, то до нас не дошли. Таким образом, происхождение феодализма остается не только спорным, но и неразрешимым вопросом.

Несомненно, по-видимому, то, что с X в. во Франции устанавливается обычай вознаграждать вассала не деньгами и не натурой, а поместьем, снабженным держателями.

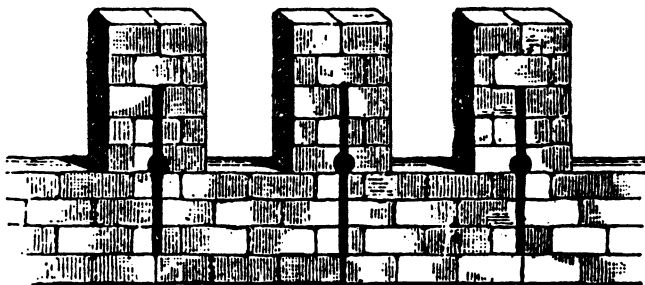
Этот вид дарения не нов: это *бенефиции*. «Бенефиций» есть единственное название, употреблявшееся в латинских актах Германии и Италии до конца XI столетия. Во Франции появляется название *fevum*¹ или *feodum* (феод); первые достоверные примеры этого словоупотребления, которые нам известны, относятся к началу X в. На востоке это имение, пожалованное сеньором, называют *chacement* (*casamentum*, поместье). С этих пор вассал, вместо того, чтобы оставаться при своем сеньоре, поселяется в полученном им имении, но продолжает быть слугой сеньора. Не доказано, чтобы каждый вассал, даже в XII в., непременно получал феод. По крайней мере, никто не может получить феод иначе, как стать вассалом того, кто дает ему поместье, и почти все вассалы обладают феодами.

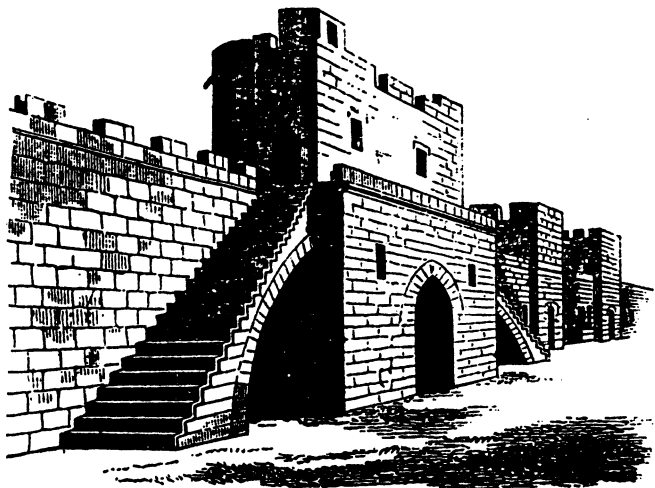
Как и во времена Карла Великого, вассал связывается с сеньором посредством торжественного обряда, потому что вассалом не рождаются, а делаются, и потому что им надо сделаться, чтобы получить возможность пользоваться феодом. Вот почему обряд, которым устанавливалась вассальная зависимость, сохранялся в течение целых веков: он служил для засвидетельствования прав сеньора. Старинный церемониал был, по-видимому, почти одинаков во всех странах.

Будущий вассал является к будущему сеньору с обнаженной головой и безоружный. Он опускается перед ним на колени, кладет свои руки в руки сеньора и объявляет,

¹ Форма *fevum* ближе всего подходит к французскому слову *fief* (феод).

Зубцы замковой стены

Замковая стена

что становится *его человеком*. Сеньор целует его в уста и поднимает на ноги. Такова церемония *оммажа* (*hommage*). Она сопровождается присягой: положив руку на мощи или Евангелие, вассал клянется оставаться верным сеньору, то есть исполнять обязанности вассала. Это – присяга в верности (*foi* или *fèauté*). Оммаж и присяга в верности суть два различных акта: один есть обязательство, другой – клятва; но так как нет оммажа без клятвы верности, то их в конце концов стали смешивать.

В награду за это обязательство сеньор предоставляет в пользование вассалу принадлежащий ему феод; обычно это земля; но феодем может быть всякий доходный предмет и всякое доходное право.

Сеньор передает свое право посредством торжественного обряда: он вводит вассала во владение феодем, вручая ему соломинку или палку, или копье, или перчатку, служащую символом передаваемого предмета. Это *инвеститура* (*investir* значит вводить во владение).

Сеньор уступает не право собственности на феод, а только пользование последним; легально он остается полным собственником феода. Договор обязывает только тех, кто

заключает его, и сохраняет силу лишь пока они живы. Со смертью вассала феодал возвращается к сеньору; после смерти сеньора вассал может сохранить феодал лишь в том случае, если сызнова обяжется новому сеньору.

Вначале сеньор, по-видимому, пользовался после смерти вассала своим правом брать обратно феодал, чтобы отдать его, кому захочет. Так поступают часто герои рыцарских поэм, и мы встречаем примеры пожизненных феодалов еще в XII в. Но обычай, по которому сын наследует звание отца, был так силен в средние века, что сеньоры принуждены были предоставлять своим вассалам право завещать их звание сыновьям. Так установилась наследственность феодалов, или, выражаясь более точно, наследственным сделалось право заключать договор вассальной верности с сеньором феодала. Сам по себе феодал никогда не становился наследственным, потому что сеньор всегда оставался его законным собственником; контракт пользования всегда был только пожизненным; он должен был возобновляться с каждым поколением вассалов и с каждым поколением сеньоров. Наследственным становится только право возобновлять этот контракт; но на практике это было равносильно наследственности владения.

Во Франции развитие этой системы было почти закончено в конце X в.; в Ломбардии она была освящена эдиктом короля Конрада II в 1037 г.; в Германии процесс ее развития продолжался до XIII столетия.

Феодалные обязанности. Феодал не давался даром. Он налагал на вассала обязанности по отношению к сеньору. Эти обязательства вытекали из одного и того же общего начала, которое всегда и везде формулировалось в одинаковых выражениях; изменялись только способы его применения.

Прежде всего вассал обязан совершить клятву верности и оммаж – формальный акт, посредством которого он «признает себя человеком» сеньора и клянется ему в верности. Он обязан сделать это, вступая во владение феодалом, и должен делать это каждый раз, когда его сеньор замещается другим: это называют *возобновлением феодала*. Если он отказывается совершить обряд, он *отвергает* сеньора и, вследствие этого, теряет свое право на феодал (это называется *forfaire*). Он должен заявить сеньору, за какой феодал он

Служение пажа

становится его человеком; это *объявление феода*. Если феодал состоит из нескольких статей, он должен перечислить все. Если есть сомнение относительно того, что содержит в себе феодал, то он обязан допустить господина к проверке, которая состоит в осмотре на месте (*montrée* или *vue*). Если он недобросовестно скроет часть феодала, то лишается своего права. Эти словесные формальности заменялись, особенно после XIII в., письменным актом, который назывался *объявлением* и *перечислением* феодала.

Возобновляя феодал, вассал принимает на себя отрицательные обязательства пользователя по отношению к настоящему собственнику. Он обязуется (часто особой формулой) *поддерживать* и *обеспечивать* феодал: *поддерживать* – то есть заботиться, чтобы он не терял своей стоимости, не изменять его положения, не отделять от него частей (это называется «сокращать»); *обеспечивать* – то есть быть всегда готовым признать право настоящего собственника и защищать феодал против посторонних лиц.

Принося клятву верности, вассал обязуется не причинять вреда сеньору, не покушаться ни на его личность, ни на его имущество, ни на его честь, ни на его семейство. Часто встречаются акты оммажа, в которых вассал клянется уважать «жизнь и члены» сеньора. Эти отрицательные обязательства были, по-видимому, взаимны. «Сеньор, – говорит Бомануар, обязан своему человеку такой же верностью и преданностью, как человек – своему сеньору». Сеньор и вассал обязаны любить друг друга. Каждый из них воздерживается от какого бы то ни было враждебного поступка по отношению к другому. Поэтому сеньор не должен ни нападать на своего вассала или оскорблять его, ни соблазнять его жену или дочь. Если он сделает это, вассал может порвать связь с сеньором, сохраняя все-таки феод. Этот разрыв обозначается актом, который составляет противоположность инвеституры: вассал бросает соломинку или перчатку; это называется *dèfi* (уничтожение верности).

Положительные обязанности вассала то выражаются одним словом *service* (служба), то разлагаются в формулу, которая появляется с X в.: *aide et conseil* (*auxilium et consilium*, помощь и совет).

Под помощью разумеется, прежде всего, военная помощь: вассал – солдат сеньора; он должен помогать ему в его войнах; именно для этого он получил свой феод. В некоторых формулах вассальной присяги этот пункт оговорен особо; вассал клянется служить сеньору «против всех мужчин и женщин, как живых, так и мертвых».

Это обязательство – вначале, без сомнения, неограниченное (таким оно является еще в рыцарских поэмах), позже, благодаря ограничениям, точно определилось, и в нем стали различать несколько родов службы.

Ost и *chevauchèe* суть обязательство сопровождать сеньора как в его походах (*ost*), так и в его разъездах по неприятельской стране (*chevauchèe*). Эта служба, особенно в XII в., ограничена пространством и временем: вассал следует за сеньором (по крайней мере, за свой счет) только в пределах известной области, часто очень небольшой; он служит ему только в течение известного срока, утвержденного обычаем, – чаще всего 40 дней. *Estage* есть обязанность

держат гарнизон в замке сеньора, одному или с семейством. Вассал обязан по требованию сеньора отдавать в его распоряжение свой собственный замок; такой замок называется *jurable et rendable*, и в актах, особенно XIII в., часто постановляется, что вассал обязан отдать его сеньору «спокоен ли тот или разгневан, с большим войском или с малым». Сеньор может поставить в замок гарнизон, но обязан вернуть его в том виде, в каком получил, и не брать из него ничего другого, кроме соломы и сена.

Другой вид помощи, правда второстепенный, состоит в помощи натурой или деньгами, которую вассал обязан оказывать сеньору в определенных случаях. Как правило, вассал, получая инвеституру, дает подарок, установленный обычаем. Часто это предмет, служащий символом вассальных отношений: копье, золотая или серебряная шпора, пара перчаток; в Орлеане – это боевой конь, в Гиени – денежная сумма (*l'espore*). Обычно при каждой смене сеньоров, иногда и при каждой смене вассалов, сеньор получает вознаграждение (*relief* или *gachat*), очень тяжелое на севере Франции (годовой доход) и еще более тяжелое, если новый вассал только побочный наследник прежнего. Точно так же, в случае продажи вассалом феода, покупатель должен получить согласие сеньора на переход феода и уплатить ему покупную пошлину (*quint*), доходящую иногда до тройной суммы годового дохода.

Сеньор имеет право требовать от своих вассалов денежной помощи для покрытия некоторых своих исключительных расходов. Этот вид помощи в некоторых странах носит название *aide aux quatre cas* (помощь в четырех случаях). Эти случаи в разных странах не одинаковы; даже их число бывает и больше и меньше четырех. Наиболее обычные: выкуп сеньора, если он попал в плен, его отправление в крестовый поход, выход замуж его дочери, посвящение в рыцари его сына. Субсидию должны платить благородные вассалы; но они не платят ее своими деньгами, а вычитают ее с держателей своего поместья.

Сеньор имеет право требовать от вассала помещения и пищи для себя и своей свиты или охотничьей команды; это есть право постоя (*gîte*, на юге – *albergement*), часто заме-

няемое определенным вознаграждением. В XIII в. это право строго регулировано. Так, владелец Соммиера (в Гиени) обязан, в случае приезда своего сеньора, герцога Аквитанского, приготовить для него и десяти рыцарей обед, состоящий из свиного или коровьего мяса, капусты, жареных цыплят и горчицы; он должен сам прислуживать герцогу в брюках ярко-красного сукна, с золотыми шпорами. Другой вассал должен принимать шестерых из сопровождающих герцога егерей, давать им хлеба, вина, мяса и на другой день отвозить их в лес.

Служба *совета* обязывает вассала помогать сеньору своими советами в затруднительных обстоятельствах; эту службу называют также *придворной* (*service de cour*). Сеньор созывает сразу всех вассалов и собирает их на своем дворе. Обязанность принимать участие в этих собраниях часто ограничена тремя съездами в год, происходящими обычно по большим праздникам – в Пасху, Троицу и Рождество.

Это собрание играет роль почетной свиты на торжествах, которые сеньор устраивает по случаю своего бракосочетания, или бракосочетания своих детей, или посвящения в рыцари своих сыновей; оно удовлетворяет его тщеславие, увеличивая пышность церемонии. Оно служит политическим советом по важным вопросам, касающимся сеньории, – по вопросам о войне, мире, об изменении кутюмов. Оно является судебной инстанцией (*plaid*) для разбирательства споров между вассалами сеньора. Сеньор созывает и председательствует в судебном собрании (*cour de plaid*), которое произносит приговор. Участие в судебных съездах – не право, а повинность, которая не приносит никакой выгоды и может вовлечь судью в дуэль с проигравшим дело. Притом, это – строго узаконенная обязанность: ни вассал не может отказаться от участия в судебном съезде, ни сеньор не может отказаться от созвания съезда. Это было бы «нарушением права» (отказ в правосудии), которое разрешило бы вассала от его клятвы верности.

Женщины и дети в феодальной системе. Казалось бы, что в феодальном строе не было места ни для женщин, ни для детей, потому что вассальные обязанности мог нести только воин; но сила собственности и наследства одержали верх

Уроки матери в средние века

над логикой. Сеньор был еще более собственником, чем вождем отряда. Ребенок или женщина могли наследовать крупное поместье, розданное в феоде вассалам, и таким образом эти вассалы становились людьми нового собственника.

Так как малолетний не мог сам осуществлять свои права, то ближайший родственник с отцовской стороны принимал опеку, то есть владение поместьем. Он пользовался доходами и занимал место сеньора; он носил даже его титул. Вначале в его обязанности входили также охрана и воспитание малолетнего собственника. Но так как наследником ребенка являлся опекун (*baillistre*), то, чтобы отнять у него

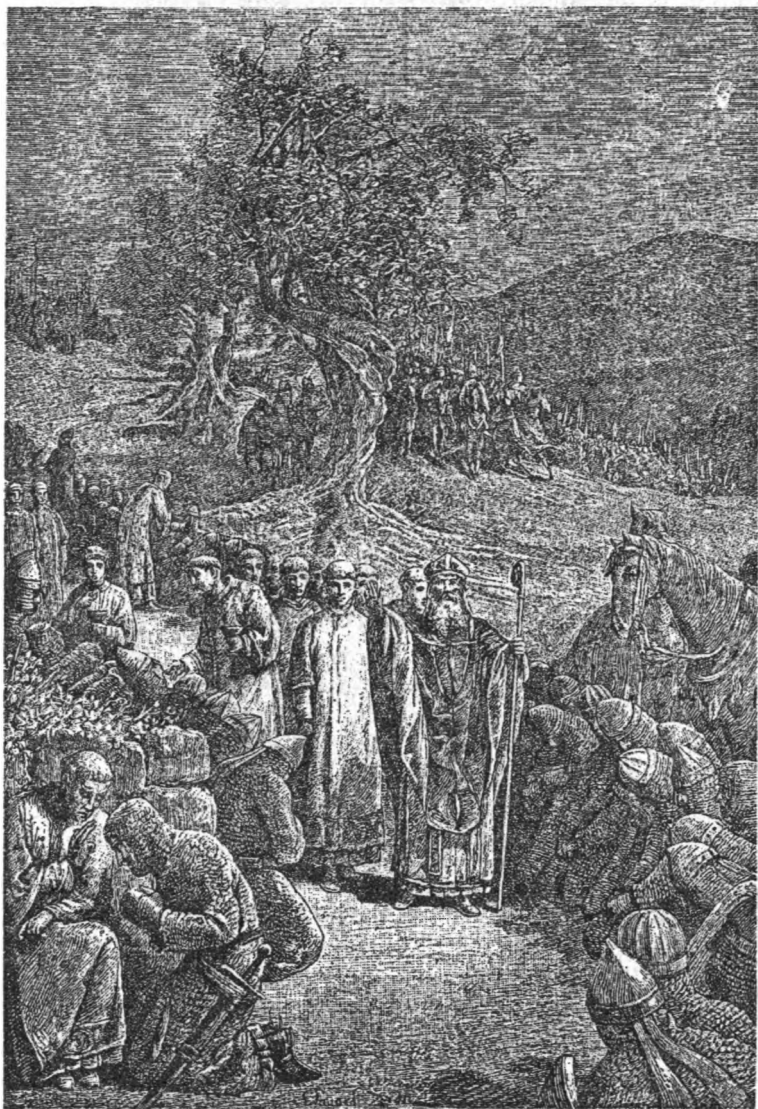
искушение содействовать освобождению наследства, установился обычай поручать охрану ребенка ближайшему родственнику по женской линии, который ничем не был заинтересован в его смерти. Достигнув совершеннолетия (между 14 и 21 годами, в зависимости от страны), молодой человек приказывал посвящать себя в рыцари и затем принимал присягу вассалов.

Дочь – наследница сеньории, если она была совершеннолетняя, пользовалась правами сеньора, вытекавшими из обладания поместьем: вассалы были обязаны ей оммажем и службой. Были примеры, когда женщины лично управляли своей сеньорией, председательствовали в своем феодальном суде и даже сражались. В феодальном языке не было слова для обозначения сеньора-женщины: ее называли латинским словом *dame* (*domina* – госпожа), по-испански *dona*.

Дети и женщины вошли в феодальный строй как наследники сеньоров; они вступали в него также в качестве наследников вассалов. Если вассал умер, оставив малолетних сыновей, то сеньор первоначально имел право отобрать феод и передать его человеку, способному к службе; но, начиная с XI в., он ограничивался тем, что брал феод вместе с опекой над ребенком до его совершеннолетия (это была *сеньориальная опека*, которая позже была заменена опекой родственников малолетнего). Достигнув совершеннолетия, молодой человек вступал во владение феодом.

Больше затруднений встретило признание права дочерей. Женщина не могла нести службу за феод. Поэтому были страны, где феод не переходил к дочерям; его наследовали сыновья, даже младшие, или более далекие родственники. Но привычка смотреть на дочерей, как на законных наследниц, была настолько сильна, особенно на юге Франции, что, в конце концов, в XI и XII столетиях она распространяется даже и на феоды. Женщины стали получать их в наследство, даже в приданое; они делались вассалами, как могли сделаться сеньорами. От прежней системы, исключавшей наследование женщин, осталась только привилегия в пользу побочных наследников мужского пола.

Для службы за феод женщина должна была представлять сеньору заместителя. Она не имела права выходить замуж

Общее причащение

без согласия сеньора, и в некоторых странах (Испании, Иерусалиме) сеньор указывал наследнице феода двух или трех рыцарей, между которыми она должна была выбрать себе мужа.

Духовенство в феодальной системе сохраняло свою древнюю организацию, основанную на иерархии степеней и безусловном подчинении низших степеней высшим. Даже во времена величайших смут, в те эпохи, когда «дух века» наиболее глубоко проникал в духовенство, церковь никогда не допускала в свою организацию ни одного феодального начала, никогда низший не вступал в вассальные отношения к высшему и не получал своего места в лен.

Духовные лица, как и женщины, должны были остаться чужды феодализму, потому что религиозный закон запрещал им носить оружие. А между тем духовенство, по крайней мере высшее, так же, как женщины, вошло в феодальный строй. Вошло потому, что священники приходов, слуги своего епископа или патрона их церкви, и монахи, подчиненные своему аббату, оставались в строгой и бесконтрольной зависимости, похожей на прямую зависимость держателей от сеньора.

Высшее духовенство обладало большими имениями, которые составились из накопившихся в течение веков дарений, потому что во всех христианских странах светские собственники старались снискать расположение какого-нибудь святого, патрона церкви или аббатства, чтобы он заступился за них на небе. Поэтому они приносили в дар и, особенно, завещали святому или его церкви – «для искупления своих грехов» или «ради спасения своей души» – часть своей «земной собственности», иногда несколько участков земли, и даже целые деревни. Не было епископства, аббатства, капитула каноников или коллегии, которая не сделалась бы таким образом крупным собственником. Благодаря доходам с этих поместий, епископы, аббаты и каноники занимали положение богатых сеньоров.

Как и светским сеньорам, им нужна была для защиты и почета свита из военных людей; поэтому они раздавали часть церковного поместья в лен и приобретали вассалов, обязанных им оммажем и службой.

Сами *прелаты* (епископы и аббаты) со времени Карла Великого, сравнившись с высшими должностными лицами, были обязаны приносить присягу королю и приводить в войско своих людей. Этот обычай сохранился в северной части французского королевства и так прочно утвердился в германском королевстве, что прелаты начали смотреть на свой духовный сан, как на феодал, полученный от короля; король утверждал их в церковном звании посредством инвеституры, вручая им знамя, как мирянам.

Таким образом, прелаты составили высший класс, смешавшийся с высшим феодальным дворянством. Будучи во всех христианских странах безбрачным, духовенство не могло пополняться путем наследования; поэтому епископом или аббатом могло стать только духовное лицо благородного происхождения. На церковные должности пристраивали также младших членов больших семейств. Многие приносили на свои церковные места привычки детства; они оставались охотниками, пьяницами и воинами, как известный майнцский архиепископ, который, во избежание пролития крови, сражался дубиной. Вообще, единственное, чего удалось духовенству добиться от этих сыновей воинов, состояло в том, что они не вооружались как рыцари.

Монастырям приходилось защищаться от соседних рыцарей, которых не всегда можно было запугать отлучением от церкви. Многие монастыри заключали условие с каким-нибудь сеньором, который брал на себя их защиту, за что получал право взимать подать с их держателей; его называли защитником (*gardien*) или поверенным (*avouè=advocatus*), по-немецки *Voigt*. Возникновение этого института относится ко временам Каролингов. Обычно поверенный обирал поместье, вместо того, чтобы защищать его; монастырские грамоты полны жалоб на поверенных. Иногда и епископства имели такого рода светских защитников (*vidame, viceseigneur*).

Министерiales. Наиболее богатые из сеньоров – короли, князья, прелаты – содержали при себе отряд вооруженных слуг. По-латыни их называли *ministeriales*, слуги (*ministerium* – служба, должность), по-немецки – *Dienstmannen* (служители). Но домашняя служба у знатного сеньора была почетным занятием, вследствие чего эти слуги занимали среднее положение

между дворянами и народом; дом знатного сеньора представлял собой полное маленькое государство, в котором служба очень походила на общественные должности.

Министерялы были домашними должностными лицами; они управляли частями, на которые делилось домашнее хозяйство. Их было в каждом дворе, по крайней мере, четыре¹: столом заведовал *dapifer* (*sènèchal*, *Truchsess*), погребом – *buticularius* (*bouteiller*, *Schenk*), конюшной и фуражом – *comes stabuli* (*connètable*, *Marschalk*), кладовой (платье и провизия) – *camerarius* (*chambrier*, *Kämmerer*). В самых богатых домах были и другие высшие служители: старший ловчий, лесничий, главный повар. Кроме того, во дворе находились ремесленники сеньора – портные, сапожники, оружейные мастера, пекари и т. д.; они соединялись по роду работы в цеха (*ministeria*), и во главе каждого цеха стоял министерял².

Вместе с тем, министерялы исполняли и должность рыцарей: они составляли свиту своего господина, сопровождали его на войну, охраняли его замки.

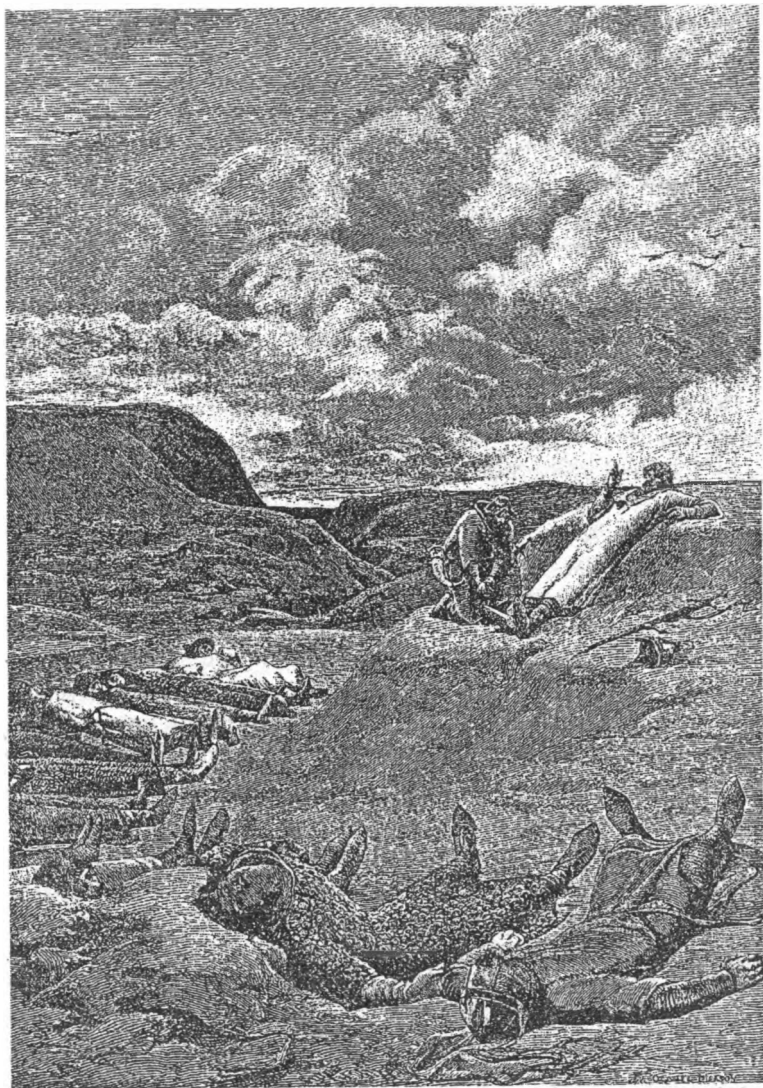
Во Франции этот институт пришел в упадок, и министерялы скоро смешались с вассалами. Напротив, в Германии *динстманны* до конца XIII в. являлись важным классом, который составлял силу королей и прелатов.

Динстманны сохранили признак своего происхождения (их предки были выбраны между рабами господина). Даже достигнув рыцарства, они оставались крепостными: их называли *unfreie Ritter* (несвободные рыцари), и в официальных документах они подписывались после свободных людей. Они не могли ни покупать, ни продавать, ни завещать, ни жениться без разрешения своего господина: они были подчинены праву «мертвой руки» наравне с крепостными.

Динстманны одного и того же сеньора составляли замкнутое общество. Они носили платье одинакового цвета (цвета господина); они вступали в брак только с членами этого же общества; они не должны были сражаться друг против

¹ Эти четыре должности упоминаются сначала IX в.

² В главе 8 будет указана роль, которую играли эти министерялы в образовании городских корпораций.

Архиепископ благословляет тела рыцарей

друга, должны были все свои споры передавать на рассмотрение домашнего суда господина, состоявшего из их товарищей и судившего на основании обычаев данного господского двора (Hofrecht), потому что они не имели права являться в суд свободных людей, где судили на основании законов страны (Landrecht).

Их положение сделалось наследственным; господин не мог снова обратить их детей в крепостных; он должен был держать их при своем дворе, давать им службу или средства к жизни.

Мало-помалу сеньор снимает служебные обязанности со своих динстманнов, которые становятся теперь исключительно рыцарями. Он дает каждому бенефиций, то есть пользование поместьем. Около конца XIII в. бенефиции смешиваются с феодами, и динстманны уподобляются васалам. Динстманны короля принимают даже титул *Freiherr* (свободный господин), который переводят словом «барон». Но уже до тех пор динстманны, сгруппировавшиеся вокруг князей, создали при германских дворах рыцарское общество, привыкшее считаться с мельчайшими правилами приличия и вежливости. Это называли придворными нравами, куртуазией (*höfische Sitte*). Самая оригинальная черта этих нравов есть уважение к *дамам*, супругам сеньоров, которое очень близко напоминает уважение слуги к госпоже, потому что оно не распространяется на простых женщин, жен динстманнов. Оно относится к рангу, а не к полу¹.

Сложность феодальных отношений. Первоначально отношения между рыцарями основывались на верности, взаимной преданности сеньора и его людей. Такие отношения могли существовать лишь в примитивном обществе, которое складывалось из обособленных друг от друга групп, состоявших каждая из сеньора и его васса-

¹ Вопрос о происхождении средневековой *galanterie* очень темен. *Chansons de gestes* не знают ее. Она появляется с сильной примесью чувственности в XII в. в произведениях трубадуров Южной Франции и поэмах галльского цикла. В германскую поэзию она проникла из Франции. Мы встречаем ее также у испанских мавров, но здесь она соединяется с чувством сострадания к слабому полу, которое, по-видимому, чуждо нашей средневековой *galanterie*.

Испанский дворянин XII в. и западноевропейский рыцарь XII–XIII вв.

лов. Здесь было необходимо, чтобы каждый был лично предан своему сеньору и служил ему одному. Вассалитет был важнее всего.

Установление наследственности феодалов расстроило эту систему. Верность уступила место договору. Вассал, сделавшись, благодаря феодалу, материально независимым от сеньора, отдалился от него и начал смотреть на феодала, как на существенную часть, а на вассальную службу, как на постороннее бремя, лежащее на феодале, бремя очень тягостное, которое он старался уменьшить, заменяя общую вер-

ность специальными услугами. Сделавшись наследственными, феодалы стали переходить к посторонним людям, которые были равнодушны к сеньору и становились его вассалами только для того, чтобы сохранить феодал.

Тогда стали возможны случаи, когда один и тот же дворянин становился вассалом сразу нескольких сеньоров. Однако служить им всем одновременно он не мог, особенно если они вели друг с другом войну. Поэтому пришлось ввести ограничения: принимая феодал, вассал оговаривал свои обязанности по отношению к своим прежним сеньорам; он клялся служить новому сеньору, «сохраняя, однако, верность таким-то» или служить «против всех, исключая таких-то». Вместо абсолютной преданности появляется лишь условная. В XII в. отличают уже *hommage lige*, который обязывал вассала служить без ограничений, от *hommage plain*, который вассал давал стоя и будучи вооруженным, и который обязывал его лишь к условной службе.

Феодал скоро потерял характер награды, которую дают верному человеку, чтобы он устроился своим хозяйством. В феодал стали давать не только земли или должности (как министериалам), но всякого рода доходные права: повинности, помещичьи монополии, право суда, рынок, десятину и т. п. вплоть до права забирать рои пчел, найденные в лесу. Давали даже денежные пенсии. Все эти предметы и права делили на части: в феодал давали половину поместья, одну комнату в замке, часть ограды, четверть права суда¹.

Оммаж, сделавшись, вместо безусловной клятвы в верности, простым договором, обратился в обычную процедуру для установления связи между двумя дворянами. Аллодиальный сеньор признавал себя вассалом другого сеньора; он фиктивно уступал ему свое поместье; тот, сделавшись законным собственником, возвращал ему это самое поместье в виде феодала и принимал его к себе в вассалы; это называлось «брать аллод в лен (в феодал)». Этот прием не был нов, но, войдя во всеобщее употребление, он установил между сеньорами целую градацию номинальных зависимостей.

¹ В Бургундии встречается «треть половины двух частей десятины (церковного сбора) такого-то».

Наоборот, вассал давал часть своего феода в феоде другим дворянам (например, старший брат – младшим). Таким образом появлялись подвассалы, которые, в свою очередь, также могли иметь вассалов. По букве закона для этих субинфеодаций необходимо было согласие сеньора, потому что они уменьшали ценность его феода.

Прежние каролингские сановники, герцоги и графы, будучи сами вассалами короля в силу своих должностей, обращенных в феоде, привлекали к себе в вассалы главных сеньоров своей провинции, и таким образом возникла чрезвычайно сложная сеть феодальных связей, начиная от короля и заканчивая оруженосцем, владельцем крошечного феода.

Эта запутанность без сомнения так же стара, как сам феодальный порядок, потому что переуступка феода и оговорка верности встречаются уже в древнейшем документе, в котором употреблено слово «феод», – в подробном акте 954 г., написанном на варварской латыни с примесью каталонских слов: «Я, Раймунд, виконт Серданьи, уступаю вам, Петр Раймунд, виконт Уржелский, и вашей супруге Сивилле, замок Сен-Мартэн и даю вам Эрменгода с феоде, который он держит от замка Сен-Мартэн, и с его рыцарями. Также жалую я вам замки Мираль и Шераль и даю вам Беранже д'Арагалья с феоде, который он держит от виконтства, и с его рыцарями... А за этот дар я, Петр Раймунд, и моя жена Сивилла признаем, что мы ваши верные люди против всех мужчин и женщин, исключая графа Уржелского, что мы из нашего поместья будем помогать вам нашими советами относительно владения, охраны и защиты против всех мужчин и женщин верно и без обмана».

Эту-то сеть феодальных отношений называли феодальной иерархией. Название неточно: оно предполагает, что вся территория занята феодами и вассалами, правильно расположенными по этажам, один выше другого, как в чиновничьей иерархии. Такой режим описывают, по-видимому, авторы Иерусалимских ассиз¹. Может быть, он действительно существовал в Иерусалимском королевстве, где рыцари, завоевав страну, могли создать правильную организацию, основанную

¹ Именно в этом памятнике старинные феодисты искали изображение феодальной системы.

на общем принципе¹. Ничего подобного мы не находим ни в одной европейской стране, даже в Англии, где король сделал всех рыцарей своими прямыми вассалами.

В Германии, где оказалось необходимым классифицировать рыцарей, сопровождавших короля в итальянских походах, попытались распределить дворян по категориям, которые называли *щитами*. Первую категорию составляет один король, вторую – духовные князья, вассалы короля, третью – светские князья, отнесенные в третий разряд потому, что они держат феодалы от духовных князей, четвертую – бароны и даже графы, если они вассалы светского князя, пятую – свободные рыцари, вассалы баронов, шестую и последнюю – динстманны. Каждый разряд строго ограничен, никто не может принадлежать одновременно к двум щитам. Дворянин, становясь вассалом равного себе, переходит в низший разряд; князь, став вассалом другого князя, переходит в ранг баронов.

Очевидно, в Германии оммаж более сохранил свое первоначальное значение. Во Франции дворянство не знало этой иерархии. Феодалная связь перестала здесь устанавливать превосходство сеньора над вассалом. В XI в. граф Анжуйский, победив графа Блуаского, отнял у него графство Турэн и заставил своего пленника отдать его себе в лен, вследствие чего сделался его вассалом. Во Франции каждый мог быть сразу и сеньором, и вассалом. Феодалная связь объединяла лишь земли.

Обычаи и управление

Собственность, аллод, феодал, держание. Право наследования. Войны и турниры. Божий мир и Божье перемирие; королевский мир. Суд. Ордалия. Дуэль. Признание, наказание. Кутюм. Рыцарская мораль. Феодалные государства.

Собственность, аллод, феодал, держание. Самой заметной чертой феодалного порядка, заставившей дать ему это имя, является форма землевладения.

¹ См. ниже, глава 5.

Посвящение в рыцари
(со средневековой миниатюры)

До IX в. нормальным видом владения был *аллод*, полная собственность, без всякой подати, с безусловным правом отчуждения. Но с тех пор, как собственники раздали свои земли в виде держаний крестьянам и в виде феодов рыцарям, существовало три способа владения: аллод; феоод, пользование при условии благородной службы¹; и держание (в виде цензивы, виленажа и серважа), пользование при условии уплаты повинностей. На основании обычного права средних веков эти владения сделались наследственными, и появилось три вида наследования. Эти формы владения могут соединяться, подчиняясь одно другому: три различных владельца² владеют одной и той же землей как цензивой, феоодом и аллодом, не считая наследственного приказчика, который также имеет непреложные права. В этом смысле выражения «аллод», «феоод», «цензива», не точны, следовало бы говорить: владение «в виде аллода», «в виде феоода», «в виде цензивы».

¹ В течение всех средних веков встречаются примеры недворянских феоодов, и даже не доказано, что феоод не был первоначально недворянским держанием. Здесь идет речь лишь о наиболее обычной форме.

² Кроме того, есть еще много других вторичных феодальных прав, когда (как это обычно бывает) существует несколько степеней вассалов.

Но положение владельца, в конце концов, прикрепилось к его участку, так что всякая земля получила неизменное качество, которое переходит на всякого нового владельца. Теперь эти земли называются уже цензивами, виленажами, феодами, аллодами¹, а так как феодем может владеть только дворянин, то стали различать дворянские и недворянские земли. Недворянскую землю составляют держания крестьян; дворянская земля – это запасная часть (*indominicata*), эксплуатируемая благородным владельцем феода или аллода. Дворянин, приобретая цензиву, уже не может обратить ее в дворянскую землю; крестьянин, владея феодем (когда обычное право позволяет ему это), уже не лишает его качества дворянской земли.

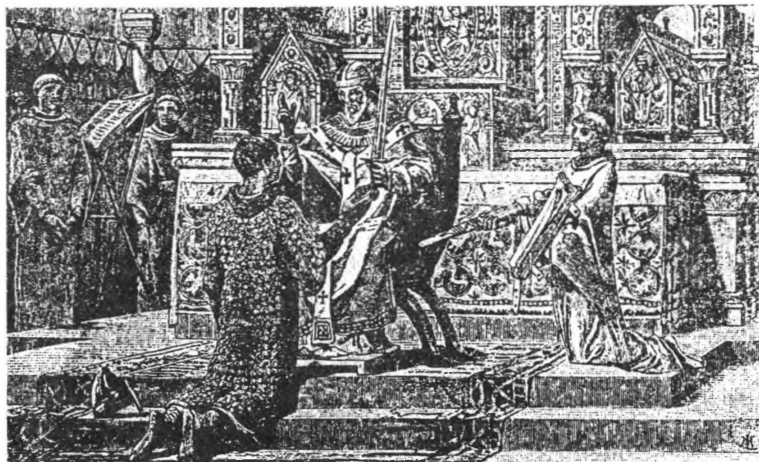
Аллод может быть обращен собственником в феоде²; феоде уже нельзя сделать аллодом. Поэтому аллоды встречаются

¹ Крайне неточный язык средних веков применяет иногда понятие аллода к феодам, когда хочет обозначить, что они наследственны или что подлежат незначительным повинностям.

² См. выше.

Посвящение в рыцари на поле битвы
(со средневековой миниатюры)

Посвящение в рыцари

все реже и реже. Наконец, в XIII в., особенно на севере Франции, они становятся так редки, что на аллод смотрят как на исключительный и неправдоподобный вид владения. Его называют иногда *franc alleu* (свободный аллод), и говорят, что он никому ничем не повинен и зависит только от Бога¹; но в его существование верят только тогда, когда представляют формальные доказательства, потому что каждый уверен, что всякая земля есть или феодал, или держание: «Nulle terre sans seigneur» (Нет земли без сеньора). Английские юристы говорят, что существует только один собственник – король.

На юге Франции осталось гораздо больше аллодов. Когда в 1273 г. английский король производил перепись своего Гиенского герцогства, многие дворяне заявили, что ничем никому не повинны, или даже что не обязаны отвечать на вопросы герцога.

Право наследования. Земля передается по двум противоположным системам наследования. По древней системе, общей для римского права и германских обычаев, собственность делится поровну между детьми без различия

¹ Знаменитый «roi d'Yvetot» был просто аллодиальным владельцем.

пола. Это правило продолжает применяться к аллодам, как дворянским, так и недворянским, и распространяется на все недворянские земли (обремененные повинностями, которые наследник – кто бы он ни был, – может нести); различают только – в том случае, когда нет детей, – наследственную землю, она, как достояние фамилии, должна вернуться к линии, от которой происходит, и благоприобретенную, ею собственник может распоряжаться по своему произволу. Таково обычное право.

Напротив, в наследовании феодалов право наследников идет вразрез с правом сеньора. По строгой логике феодал должен быть неделим и находиться во владении наследника, способного к службе: он переходит целиком к старшему и всегда к мужчине; право старшинства и исключение женщин – отличительные черты феодального права. Но принцип – более или менее, смотря в какой стране, – отступил перед всеобщим обычаем: младшие были допущены к дележу со старшим (это называется *parage*), дочери – к наследованию в случае отсутствия сыновей. Только старший получал более крупную часть и мужчины имели преимущество перед женщинами – наследницами одинаковой с ним степени.

Войны и турниры. Каждый дворянин – воин. Если он не связан специальным договором, то имеет право воевать с кем хочет. Поэтому в клятвах верности обе стороны обязуются уважать «жизнь и члены» друг друга. Война (которую мы неточно называем «частной войной») есть общее право. Редко, когда считают долгом, прежде чем начать войну, формально объявить ее.

Войну объявляют, посылая своему врагу какой-нибудь символ, обычно перчатку: это знак того, что узы верности порваны (*défi*). Иногда довольствуются угрозой или даже прямо начинают неприятельские действия. В войну вовлекаются, в силу закона, фамилии обоих противников, так как родственники обязаны помогать друг другу до седьмого колена. В XIII в. Бомануар задается вопросом, возможна ли война между двумя братьями; нет, отвечает он, – если они братья по отцу и по матери, потому что оба они принадлежат к одному и тому же роду; да – если они имеют лишь одного общего родителя, потому что тогда за каждого бу-

Турнир в XIII в. Резьба по слоновой кости.
Крышка шкатулки. Равеннская библиотека

дет стоять его семья. Те, у кого есть вассалы, сзывают их на службу, и война начинается.

Феодальные войны чрезвычайно однообразны¹. Конные воины делают набеги на поместья врага, угоняют стада, срубают деревья, жгут хлеб на поле, поджигают деревни, насильничают над крестьянами и иногда избивают их. Цель войны – овладеть замками и захватить самих противников, и этого стараются достигнуть или хитростью, или правильными действиями – сражениями и осадой. Для осады употребляют древние машины, усовершенствованные на Востоке². Сражение есть стычка двух масс рыцарей, бросающихся друг на друга крупной рысью; стараются, главным образом, выбить противника из седла и повалить его на землю; оруженосец, стоящий позади воина, подбегает, чтобы схватить сброшенного с коня противника и овладеть его лошастью. Пленников лишают оружия и увозят, обычно привязанны-

¹ Наиболее живые описания дают *Chansons de gestes*, особенно *Garin de Loherain*.

² Подробное описание осады (именно, осады *Château-Caillard*) можно найти у *Viollet le Duc*. «*Diction d'architecture*», под словами *Siège* и *Château*.

ми к лошади. Победитель держит их в своем замке, часто скованными или даже запертыми в подземной тюрьме, пока они не выкупят себя за условленную сумму (ганçon). Точно так же выкупали и замки.

Война была развлечением и доходным занятием. Опасность была не так велика, как кажется. Ордерик Виталий,

Возвращение победителя с турнира

рассказывая о Бремульском сражении (1119), прибавляет: «Я слышал, что из 900 сражавшихся рыцарей были убиты только трое; действительно, они были с головы до ног закованы в железо и... щадили друг друга, старались не столько убивать, сколько забирать в плен».

За недостатком войн, рыцари устраивали *турниры*. Они устраивались на гладком месте двумя отрядами и вступали – иногда с обыкновенным оружием – в сражение, столь же опасное, как и настоящие битвы: на турнире в Нейссе (близ Кельна) в 1240 г. пало 60 рыцарей. На турнирах также брали противников в плен и заставляли их выкупать себя.

Выкупы представляли настолько доходное дело, что рыцари и даже сеньоры простирали свои интересы за пределы военного класса, – на купцов, горожан, даже духовных лиц. Они захватывали их на дорогах, сажали в тюрьму и мучили их, чтобы получить выкуп. Немцы называли этих авантюристов *Raubritter* (рыцари-разбойники).

Божий мир и Божье перемирие; королевский мир. Этот военный режим нравился только рыцарям; на остальном населении он отзывался очень тяжело. А так как война была общим правом, то, чтобы прекратить ее, нужен был специальный акт – *мир*, и, чтобы водворить мир, необходима была власть, которая могла бы заставить уважать его.

В конце X в. церковь сделала попытку водворить мир, отбирая у рыцарей обязательство прекратить войну. Попытка началась на юге Франции рядом провинциальных соборов. Сначала имелось в виду только покровительство беззащитным людям – крестьянам, монахам, церковнослужителям: кто нападал на них, подлежал отлучению от церкви. Это был *Божий мир*.

Собор в Тулузе (1041) пошел дальше. Он постановил, что все войны должны прекращаться на время праздников и воскресенья, на Филипповский и Великий пост и на вторую половину каждой недели. Это было *Божье перемирие*. Оно было утверждено и распространено на все христианские страны Клермонским собором (1095), на котором был объявлен первый крестовый поход. Соблюдение этого перемирия обеспечило бы 240 дней мира в году. Однако данными о том, что оно соблюдалось в точности мы не располагаем.

Чтобы привести в исполнение постановления соборов, в XI в. для каждой епархии (по крайней мере, в одной части Франции), учредили общество мира под управлением епископа. Оно имело свою казну, свой суд и даже свою «армию мира», состоявшую, главным образом, из прихожан, организованных в виде милиций и предводимых священниками. Несмотря на то, что ученые много занимались изучением всех этих учреждений, мы в конце XII в. только с большим трудом можем отыскать некоторые их следы.

В странах, где государь обладает достаточной силой, он объявляет мир и всякому, кто нарушит его, угрожает большим штрафом или даже смертью. В Нормандии господствует «мир герцога», и тот же режим нормандские герцоги вводят в Англии и королевстве обеих Сицилий. Граф Барселоны водворяет свой мир в Каталонии, граф Фландрский – во Фландрии. В Германии многие императоры объявляют *королевский мир* (называемый также «миром страны» *Landfrieden*); Фридрих Барбаросса издает особый акт – «письмо мира» (*Friedensbrief*); но все эти попытки терпят крушение, сталкиваясь с все более и более укореняющимися привычками, и война становится в Германии общим правом. Что касается короля Франции, то он слишком слаб, чтобы установить мир даже только в пределах своего поместья. Сам Филипп Красивый ограничился тем, что запретил войны и турниры на время своих войн. Таким образом, состояние мира в средние века – это исключительное положение.

Суд. Феодальное общество не знало суда, равного для всех. Суд, как и мир, не общее право: в средние века суд – привилегия. Для каждого класса существует особое правосудие и специальные суды. Духовное лицо подсудно церковным судам, горожанин – городскому трибуналу. Свободные люди должны были бы являться в областной суд, где председательствует граф; но эти съезды прекратились во Франции в X в.; в Германии, где они сохранились до XIII столетия, круг их деятельности все более и более суживается. Общественные суды замещаются частными: держатель судится в сеньориальном, то есть домашнем суде, под пред-

Судебный поединок

седательством управителя¹, благородный вассал – в феодальном суде, состоящем из его пэров (равных ему).

Однако обычное право выработало некоторые формы, общие для всех светских судов. Начало, на котором основывается средневековое судопроизводство, противоположно принципу римского права, продолжающему действовать в церковных судах. Римский суд производился единолично судьей во имя общества и в его интересах: судья должен был преследовать преступления и арестовывать тех, на кого падало подозрение; прежде, чем произнести приговор, он должен был выяснить все обстоятельства дела, собирая справки, особенно письменные доказательства.

Средневековый суд производился целой группой лиц – «судом», состоящим из жителей страны (в феодальном суде судьями являются пэры – люди, по рангу равные сторонам); роль председателя² сводится к тому, что он руководит судом и произносит приговор.

¹ О характере сеньориального суда, о феодальном суде см. выше.

² Нельзя утверждать, что управитель в суде держателей всегда ограничивался этой ролью, по крайней мере во Франции. Произнесение приговора держателями было, по-видимому, обычно в Германии в XIII в.

Суд действует не в интересах общества: он оказывает услугу сторонам; поэтому истец должен обратиться к нему. Даже вопрос о существовании преступления суд рассматривает лишь по просьбе потерпевшего или его родственников, и уголовный процесс носит характер тяжбы между обвинителем и обвиняемым. С обоими обращаются одинаково, обоих сажают в одинаковые тюрьмы и оба подвергаются одному и тому же наказанию, потому что между обвиняемым и обвинителем нет разницы. Это называется «accusation par partie formée».

Суду нет дела до выяснения существа тяжбы, до расследования истинной истории преступления: он решает исключительно на основании тех доказательств, которые представляют ему стороны; он обязан судить не в соответствии с разумом и справедливостью, а согласно формам, установленным обычаем. Это суд формальный, строго правильный, как игра: судьи только следят за соблюдением правил, судят об ударе и объявляют, за кем победа. Судопроизводство состоит из нескольких sacramентальных действий, сопровождаемых установленными словами и следующих одно за другим, как сцены драмы. Истец (или обвинитель) просит назначить день для суда. В назначенный день истец излагает свою жалобу и подтверждает ее клятвой. Ответчик тотчас отвечает, повторяя клятву слово за словом, и приносит присягу. Свидетели клянутся в свою очередь. Затем следует вызов (appel), потом поединок и наконец приговор. Достаточно одного слова или движения, противного правилам, чтобы тяжущийся был осужден¹. В Лилле тот, кто во время присяги шевельнет рукой, лежащей на Евангелии, теряет дело. Особенной осторожности требуют слова, которыми начинается судопроизводство, потому что они решают, на какой почве будет развиваться процесс. Отсюда происходит пословица: «Раз слово вылетело, его нельзя призвать назад» (Parole une fois envolbe – Ne peut plus être rappelbe)².

¹ Составитель Нормандского кутюма сравнивает это судопроизводство с игрой «or sus Bernart», где играющий должен встать при произнесении своего имени, под страхом наказания (ему мажут углем лицо).

² Строгость этой процедуры смягчают, позволяя тяжущемуся спрашивать советов и оставлять за собой право *исправлять* (amender) свои слова.

В уголовном процессе клятва двух свидетелей влечет за собой осуждение обвиняемого. Обвиняемый может дать первому свидетелю принести присягу, но в ту минуту, когда второй опускается на колени и протягивает руку для клятвы, он должен объявить, что отвергает его как лжесвидетеля и клятвопреступника.

Процесс может быть решен посредством доказательств, присяги, поединка или Божьего суда. Доказательство есть древняя римская форма, клятва – варварская. *Обычаи* Барселонского графства различают их очень точно: «Доказательством служат или показания свидетелей, или письменные акты, или доводы разума, или суждения. Присяга не есть доказательство, но, за неимением доказательства, ее дают ответчику или истцу, тому, кого судья считает более правдивым и кто обнаруживает больший страх перед клятвой».

Доказательство требует внимания со стороны судей; с другой стороны, дворяне считают оскорбительным для себя допускать обсуждение своих показаний. Поэтому суд обычно предпочитает предоставлять решение Божьему суду (*ордалии*) или *дуэли*.

Ордалия есть древний варварский институт, принятый церковью. Этот способ применяют к сторонам, которые не могут сражаться, – особенно к женщинам, иногда и к крестьянам. Многие испытания, применявшиеся в IX в. (испытание водой, крестом, куском хлеба), позже вышли из употребления. В XI и XII столетиях обычный прием – испытание огнем, имевшее две формы: ответчик погружал руку в котел с кипятком, или брал в руку кусок раскаленного докрасна железа. Это железо называлось *juice* (от *judicium*, судебное решение). Руку завязывали и открывали через несколько дней; если она не была повреждена, то испытываемый выигрывал дело. Церковь, которая урегулировала Божий суд, впоследствии уничтожила его (на соборе 1215 г.).

Дуэль. Для мужчин, по крайней мере для всех дворян, нормальным исходом процесса является дуэль, суд поединком (*appel par bataille*). Ответчик (или обвиняемый) вместо того, чтобы оправдываться, вызывает истца или его свидетеля. Тяжба превращается в войну: роль суда ограничива-

ется уже только тем, что он определяет условия битвы и объявляет ее результат.

Сражение, как и все судопроизводство, состоит из ряда сакраментальных действий: вызов посредством вручения залога битвы (*gage de bataille*), выбор дня, определение «бранного поля» (*champ clos*; обычно 125 шагов), присяга, объявление поединка, сражение, признание побежденного. Выбор оружия определен до мельчайших подробностей: в рыцарских судах это – доспехи, щит и меч, в недворянских судах – щит и дубина.

Дуэль – излюбленный прием средневекового общества. Ее применяют к крестьянам и в некоторых поместьях разрешают, как привилегию, рабам. Даже женщины и немощные могут выставлять за себя бойца (*champion*).

К дуэли прибегают не только в случае преступления, но и в тяжбах о собственности или наследстве. Ее применяли даже для разрешения вопросов права. В Германии в X в. Оттон I заставил биться двух бойцов, чтобы решить, исключает ли сын своих внучатых племянников из наследства. В XIII в. Альфонс Кастильский прибегает к дуэли, чтобы решить, следует ли ему ввести в своем королевстве римское право.

В дворянских судах дуэль является даже средством для уничтожения приговора. В принципе средневековый суд не знает апелляции: всякий приговор неотменим; но проигравший может *fausser le jugement* (объявить приговор ложным), вызывая тех, кто произнес его. Если он победит в этом сражении, приговор отменяется. Точно так же дуэль служит и для отвода свидетеля.

Признание, наказание. Все это формальное судопроизводство применяется к сомнительным случаям, когда ответчик отрицает проступок, в котором его обвиняют; осуждение достигается лишь с большим трудом и значительным риском для обвинителя и его свидетелей. Наоборот, когда преступник захвачен на месте преступления, суд короток: свидетельства схвативших его достаточно для его осуждения; краток суд и тогда, когда преступник признается в своем преступлении, в особенности если это чужой или бродяга. Поэтому для судьи – большой соблазн довести пре-

ступника до признания путем пытки. Таким образом «допрос» становится в конце XV в. всеобщим обычаем¹.

Наказание строго определено обычаем, по крайней мере в недворянских судах. Убийцу обезглавливают, вора вешают, душегубца сажают на кол и потом вешают. Женщин вместо того, чтобы вешать, зарывают живыми в землю. Если преступник умер, то казнят его труп, если бежал – его изображение. С самоубийцей поступают, как с убийцей самого себя. Животное, которое убило человека, вешают или зарывают живым.

Кутюм. Средневековое общество не знает никакого другого правила, кроме кутюма (обычая). Оно плохо усваивает закон, установленный законодательной властью. В тех редких случаях, когда государь чувствовал необходимость изменить обычай, он делал это лишь после того, как созывал всю знать страны и спрашивал ее совета.

В разных странах кутюмы различны. «Во всем королевстве, – говорит Бомануар, – нельзя было бы найти двух кастелянств, где во всех случаях применялись бы одни и те же кутюмы».

Они различны для дворян, горожан, духовных и крестьян; и это еще больше заставляет уважать кутюм, потому что он составляет частную собственность (привилегию) каждого класса. Он не изложен на бумаге: он основывается на прецедентах, сохраняющихся в памяти живых. Когда его хотят определить, то производят следствие и каждый излагает то, что на его памяти делали в аналогичных случаях. Для средневекового человека справедливое – то, что всегда делалось, – «добрый обычай»; несправедливое – новшество (*nouvelle*). Каждое поколение старается подражать предыдущему и прогрессирует только по незнанию или необходимости. Последствием этого уважения ко всему, что установлено, является наследственность, которая в средние века простирается не только на собственность, но и на всякое приобретенное положение: сын естественно занимает место своего отца.

¹ Судопроизводство путем следствия, послужившее образцом, с одной стороны, для английского жюри, с другой – для церковной инквизиции, является до конца XIII в. лишь исключительным способом.

Рыцарская мораль. Нравы феодального рыцарства вносят в это общество, которое кутюм сделал неподвижным, беспрестанную смуту. Рыцарская мораль основывается на началах, расходящихся с кутюмом и противоречащих друг другу. Феодальная (вернее – вассальная) мораль предписывает рыцарю соблюдать клятву верности своим товарищам, своему сеньору и вассалу. Законом по преимуществу является верность; лоялен (*loyal, legalis*) тот, кто сохраняет верность; лояльность есть верность своему слову; честный человек (*le preux, probus*) – вместе и верен, и храбр. Между людьми, связанными верностью, не должно быть ссор; так и понимается дело в *Chansons de gestes* (например, в «*Renaud de Montauban*», где герой, будучи вынужден сражаться со своим сеньором, старается не причинить ему вреда, или в «*Raoul de Cambrai*», где Бернье остается верен своему сеньору Раулю, который поступил с ним дурно). По строгой логике, если возникает несогласие между вассалом и его сеньором или даже между вассалами одного и того же сеньора, они должны передать дело на решение сеньориального суда,

Дама под защитой рыцаря. Аллегорическая миниатюра.
Рукопись из Национальной библиотеки в Париже

составленного из пэров вассала; так говорят и теоретики феодального права, составившие Иерусалимские ассизы. Во имя верности вассал может заклинать (*conjurer*) сеньора оказать ему правосудие; сеньор может требовать (*semondre*) своего человека к себе на суд (*venir faire droit*). Творить суд сеньор предоставляет своим людям; он должен быть «уравновешенным весами для исполнения того, что решил суд». Таким образом, всякий дворянин может получить суд равных себе и обязан подчиняться их приговору.

Но, с другой стороны, идеал рыцаря – сильный и смелый воин, Карл Великий псевдотюрпиновской хроники, который «одним ударом меча разрубает воина на коне и в доспехах, от макушки донизу вместе с лошадыю», который «без труда разгибает зараз четыре подковы», «поднимает до головы рыцаря в доспехах, стоящего на его руке», «съедает за обедом четверть барана, или двух кур, или гуся». Такой человек никогда не отступает и никого не боится. Поэтому он и дорожит своей репутацией: «Лучше умереть, чем быть названным трусом».

И чтобы не заслужить имени труса, рыцарь способен на всякое насилие. Его правило жизни – честь (слово новое, не знакомое древним), чувство, состоящее из гордости и тщеславия, руководящее дворянством Европы до конца XVIII столетия. Честь обязывает рыцаря не допускать ничего, что, по его мнению, кем-либо в мире может быть понято как отступление. На практике это чувство обращается в обязанность драться со всяким, кто оспаривает у него какое-нибудь право, на которое он претендует.

Таким образом, честь сталкивается с верностью, и феодальная мораль не разрешает этого противоречия. Оно служит завязкой действия во многих *Chansons de gestes*¹, и в действительности не было недостатка в таких фактах, о каких сообщает нам² один документ XI в., написанный варварской латынью, из истории распрей между Гуго Лузиньяном и его сеньором Вильгельмом Аквитанским.

¹ «Girard de Roussillon», «Garin le Loherain», «Raoul de Cambrai», «Renaud de Montauban».

² *Historiens de France*, т. XI, с. 534 и след.

Феодалные государства. Феодалный порядок не устанавливал между жителями одной и той же страны ни одного из тех отношений, которые кажутся нам необходимыми для образования государства. Тогда не было ни государственного налога, ни государственной военной службы, ни государственных судов, а исключительно частные повинности, частная военная служба, частные суды (суд собственника, суд сеньора).

Общим правом была безусловная независимость всякого собственника, достаточно богатого для того, чтобы содержать себя самого и своих людей; а с тех пор, как вассальная связь ослабла, феодалный сеньор сделался таким же сувереном, как и владелец аллода. В этом смысле говорили в XIII в.: «Всякий барон – суверен в своей баронии», и вот почему Франсуа Гизо определяет феодалный порядок, как «смещение собственности с самодержавием». Точнее было бы сказать, что собственность становится на место самодержавия, которое вышло из употребления. Сеньория есть государство в миниатюре, со своим собственным войском, своим кутюмом, своим *ban* (приказ сеньора), своим судом, своей виселицей; люди, населяющие его, называют тех, которые живут за его пределами, – *forains* (чужеземцы).

Во Франции, особенно в X в., таких самостоятельных государств было больше, чем в какой-либо другой стране. Их число не установлено, но оно без сомнения превышало 10 тысяч. Меньше была раздроблена Испания, где христиане оставались сгруппированными вокруг своих военных вождей; еще меньше – Германия, где король сохранил некоторую силу: здесь продолжало господствовать правило, что *ban* (право уголовного суда) не должен переходить в третьи руки, то есть ниже вассалов короля. Но по мере того, как общество приобретало оседлость и становилось более цивилизованным, обособленность уменьшалась, и начали складываться, даже во Франции, настоящие феодалные государства.

В каждой области был один сеньор, более могущественный, чем остальные, обычно потомок каролингского должностного лица, почти всегда облеченный должностным званием, обратившимся в титул (герцог или граф), но иногда

лишенный всякого титула (как, например, sire de Bourbon, sire de Beaujeu). Он был первым лицом страны; он унаследовал или приобрел огромные поместья, которые давали ему княжеский доход и делали его господином нескольких тысяч держателей; почти вся территория находилась от него в феодальной зависимости, потому что остальные сеньоры рано или поздно признавали себя его вассалами; таким образом, почти все дворяне округа были его вассалами.

К этим правам собственника и сеньора присоединялись права, не стоявшие в связи с феодализмом, — господство над древними городами, доставлявшее ему доход и милицию, покровительство церкви, и часто государственные права (регалия, чеканка монеты, подать с евреев, рек, кладов). Его двор был объединяющим центром всей страны: там давались рыцарские празднества, там находился высший суд, который в некоторых провинциях обратился в парламент, там была отчетная палата, сделавшаяся Счетной камерой, там происходило собрание нотаблей, превратившееся в Генеральные штаты.

Размеры этих территорий были очень различны, смотря по географическим условиям и могуществу главного сеньора. Они не были утверждены и беспрестанно изменялись, увеличиваясь путем завоеваний, браков и наследств, уменьшаясь благодаря дележам. Некоторые из этих территорий исчезли (герцогство Гасконское, графство Вермандуа), другие возникали (Артуа). В общем они скорее увеличивались. Главные сеньоры в конце концов (около XII в.) установили, чтобы их поместье, как и титул, впредь не делилось между детьми и целиком переходило к старшему. С этих пор образование феодальных государств может считаться почти законченным и границы провинций — упроченными.

В странах Европы этот процесс происходит различным образом.

Во Франции, где дробление в X в. достигло крайних пределов, образование феодальных государств начинается в XI в. и заканчивается в XII в.; их около сорока. Лишь немногие принадлежат епископам; в большей части господствуют светские князья; они называют себя сначала герцогами или графами, а позже (в XII в.) прибавляют к этому

титулу имя своей области (герцог Бургундский, граф Анжуйский, граф Прованский). Так сложились провинции. Каждая из них остается независимым государством, пока французский король не присоединяет ее к своим владениям, становясь на место герцога или графа.

В Англии, где король сохранил непосредственную власть над всем королевством, феодальных государств не было.

В Испании, где древнее христианское королевство было уничтожено мусульманами, главы христианских областей поступали так, как поступил в конце IX в. князь Наваррский, о котором говорится в одной хронике: «Восстал король в Пампелуне». Каждый из них принимал титул короля и поэтому численность соответствовала численности королевств, провинций.

В Италии и Германии дробление, благодаря противодействию императорской власти, совершилось позже. Феодальные государства образовались только в XIII в., и в более разнообразных формах, нежели во Франции: в Италии – благодаря папству, сицилийским норманнам и могуществу городов, в Германии – потому, что часть земель принадлежала духовным князьям и среди светских князей дольше держался обычай делить поместье между всеми сыновьями.

Но во всех странах феодальные государства, раз сложившись, деятельно способствовали разрушению того, что еще оставалось от феодального порядка.

Папство и империя. Спор об инвеституре (1049–1122)

Гильдебранд и папство.

1049–1073 гг.

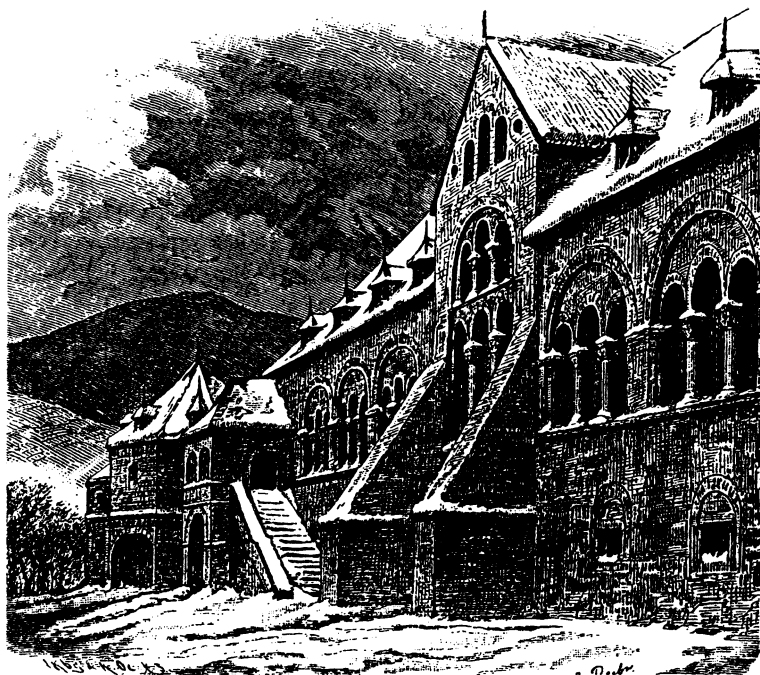
Гильдебранд; его характер и принципы. Преобразование папских выборов.

Около середины XI в. империя кажется всемогущей, папство – бессильным. Император господствует в церкви, он выбирает пап, и сами римляне уступили ему это право; но чрезмерность этого унижения вызывает могущественную реакцию. Существует многочисленная партия, которая, ввиду расколов и беспорядков в церкви, требует реформ; ее вдохновляет и руководит ею клюнийский орден, влияние которого распространяется по всему христианскому миру. Из среды этой партии встает человек редких дарований и редкой энергии, Гильдебранд, позже папа Григорий VII; он задается целью укрепить церковь и папство, освободить их от земных властей и подчинить церкви и папе императора и королей. Поэтому Рим – то место, откуда можно наблюдать, как развиваются в течение второй половины XI в., судьбы папства и империи.

Гильдебранд; его характер и принципы. Он родился в Соане в Тоскане, около 1020 г. Его отец, Бонизо, был крестьянин. К этому надо прибавить, что он с ранних лет вступил в монастырь; любопытно отметить плебейское и монастырское происхождение великого преобразователя церкви. Он рано стал жить в Риме, в монастыре св. Марии на Авентине, в то время, когда во всем христианском мире, и особенно в монас-

тырях, говорили о необходимости восстановить порядок и дисциплину в церкви. Он присутствовал при вступлении на престол Григория VI, который купил первосвященство, но хотел воспользоваться им для проведения реформ; он присутствовал и при его низложении, когда на соборе в Сутри (1046) Григорий смиренно признал свою вину: «Я, Григорий, слуга слуг Божьих, признаю себя недостойным римского первосвященства по причине позорной симонии и продажности, которая, благодаря коварству дьявола, исконного врага людей, вкралась в мое избрание на святой престол». Вслед за этими событиями Гильдебранд покинул Рим и вступил в Клуни; по ошибке думали, что он сделался здесь настоятелем. Эти первые впечатления молодости оставили в нем глубокий след. С этих пор его пламенным духом всецело овладевает мысль поднять церковь. Все окружающее поддерживало и усиливало в нем эти чувства: он жил в том могущественном монастыре, который был тогда как бы сердцем христианского мира; всегда занятая одной и той же мыслью, его душа скоро закалилась. Когда он вышел из Клуни, он был уже вооружен теми безусловными и ясными принципами, от которых позже ничто не могло заставить его уклониться.

Никогда верховенство императора над папой не казалось более упроченным: престол св. Петра занимали исключительно немцы, избранные императором: после Климента II, умершего в октябре 1047 г., – Дамасий. Когда последний вскоре умер (август 1048 г.), Генрих III на Вормсском сейме выбрал епископа Тульского Бруна, своего верного советника. Новый папа сблизился с императорской фамилией, но был горячим приверженцем Клунийской реформы. Он принял имя Льва IX. Готовясь к путешествию в Рим, он – не то в Вормсе, не то в Безансоне – познакомился с Гильдебрандом. Если устранить легенды, которыми окружили эту встречу, то останется тот несомненный факт, что Гильдебранд покинул Клуни, вернулся в Рим в феврале 1049 г. вместе с Львом IX и сделался одним из его советников. Так началась его политическая деятельность. Хронологически она делится на два обширных периода: до, и после его избрания на папский престол. По существу она представляет полное единство: Гильдебранд на деле был папой задолго до того, как

Императорский дворец в Госларе. Построен Генрихом III (заложен, возможно, Генрихом II). Место рождения и любимая резиденция Генриха IV.

Здесь неоднократно проводились рейхстаги

получил это звание; он правил церковью с молодых лет и по принципам, которые не изменялись.

Во внешности Гильдебранда не было ничего внушительного: он был мал ростом, довольно тучен и коротконог. Духовно в нем соединялись страстность характера и ясный, точный истинно политический ум. Его воля была непреклонна; как все посвятившие свою жизнь одной идее, обратившие свои взоры на одну цель, он не знал сострадания к врагам, был недоступен влиянию чувства, не обращал внимания на личность. Будучи убежден в законности той абсолютной власти, которой он требовал, он не допускал возможности злоупотребления ею со своей стороны. Он не видел опасности церковной тирании, которая под предлогом преобразования церк-

ви отдала бы ее на произвол личным качествам пап и подорвала бы жизненность ее учреждений.

Он сам изложил свои принципы на многих страницах своей переписки. Один из самых знаменитых документов известен под названием «*Dictatus papae*»; его подлинность теперь, по-видимому, уже не оспаривается, но это был, вероятно, не официальный документ, а нечто вроде памятной записки, служившей ему для личного употребления. Он состоит из 27 положений, сухих, острых как меч, проникнутых одной мыслью: верховенство папы над церковью и князьями. «Только римский первосвященник может быть называем вселенским. Его имя едино в мире. Только он может низлагать епископов и вновь возвращать им сан. Только он может издавать новые законы, соединять или делить епархии. Без его повеления никакой собор не может называться всеобщим. Он не может быть судим никем. Никто не может осудить того, кто апеллирует на приговор к апостольскому престолу. Важные дела каждой церкви должны подлежать его решению. Римская церковь никогда не ошибалась и никогда не впадет в ошибку. Римский первосвященник имеет право низлагать императоров. Он может освобождать подданных от клятвы верности неправедным государям». Вся его дальнейшая деятельность есть лишь развитие и применение этих положений.

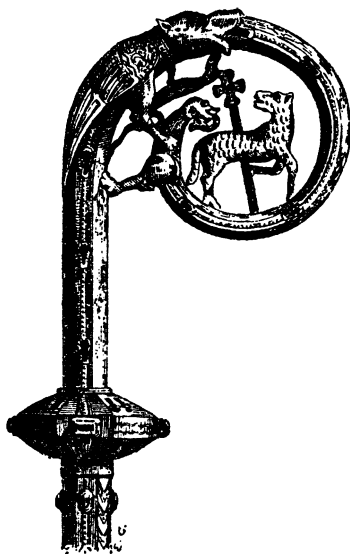
Он не изобрел этих теорий, а нашел их элементы в арсенале канонического права, в постановлениях соборов, посланиях пап, сборнике *Лжеисидоровых декреталий*, приобретших официальный авторитет; но приведя в систему эти материалы, он сообщил им новую силу и важность, построил из всех этих частей то теократическое государство, о котором мечтали и которое подготавливали столько пап до него. Таким образом, он является одновременно и человеком традиции – по текстам, на которые он опирается, и новатором – по употреблению, которое он делает из них. Это выразил уже один из его современников: «Он тщательно отыскивал все апостольские предания и, собрав их, направил свои усилия к тому, чтобы осуществить их».

Преобразование папских выборов. По отношению к империи папство было рабом; для того, чтобы оно

могло восстановить церковь, его надо было освободить. Уже новый ставленник императора, Лев IX, — без сомнения, подчиняясь советам Гильдебранда, — тотчас по вступлении в Рим созывает жителей, объявляет им, что останется папой только при их согласии, и этим отвергает сам акт, которым была вручена ему власть. На соборах в Реймсе и Майнце (1049), на нескольких Римских соборах он предаёт проклятию епископов, запятнавших себя симонией. В Италии он старается упрочить свою власть. Жители Беневента, возмущившиеся против своих князей Пандульфа и Ландульфа, отдают себя под его власть: он принимает их. Он соединяется с сеньорами Южной Италии против норманнов, но терпит поражение при Чивителле (1053) и принужден отпустить грех своим победителям.

Мы имеем мало точных сведений о роли, которую играл Гильдебранд во время правления Льва IX. Сделавшись настоятелем монастыря св. Павла (S. Paolo fuori le mura), он преобразовывает его. В 1054 г., будучи послан легатом во Францию, он собирает синод в Туре для разрешения спора между Ланфранком и Беренгаром, архидьяконом Анжерским, который отрицал истинное присутствие тела и крови Христовой в евхаристии. После смерти Льва IX (апрель 1054 г.), уже всемогущий при папском дворе, он однако еще не пытается свергнуть императорское иго: его удерживает, без сомнения, страх — с одной стороны, перед Генрихом III, с другой — перед римскими феодальными партиями. Он лично отправляется в Германию просить у императора нового папы; выбор падает на эйхштадтского епископа, который принимает имя Виктора II. Но в связи со смертью последнего (июль 1057 г.) картина совершенно меняется. Генриха III уже нет в живых (он умер в октябре 1056 г.): минута благоприятна для планов Гильдебранда.

Могущество франконского дома было, действительно, в большой опасности. Два первых франконских императора заставили своих противников смириться; но это была лишь видимая покорность. Саксония сожалеет о том времени, когда империей правила саксонская династия. На западе снова восстал герцог Готфрид Бородатый, требуя себе всю Лотарингию. Война господствует во всех уголках этой Гер-

Посох аббатов Клервоских.
Лиможская работа XII в.
Париж. Музей Ключи

мании, унизированной замками, где даже аббатства похожи на крепости. На востоке, в Венгрии, вспыхивает в 1047 г. новая революция: король Петр, вассал Генриха III, свергнут. В другой части страны венды, в самый год смерти императора, уничтожили имперскую армию. В Италии, на севере, при переходе через Альпы, маркизы Сузский и Туринский держат в своих руках сообщение с югом. В центре образовалась грозная сила: Бонифаций, маркиз Тосканский, граф Мантуи, Модены и Реджии, уже представил доказательство того, как мало можно полагаться на его верность; и вот два года спустя после его смерти (он был убит в 1052 г.) его вдова Беатриче выходит замуж за Готфрида Бородатого, герцога Лотарингии, который был изгнан после своего восстания. Взбешенный Генрих III заключил в тюрьму Беатриче и ее дочь Матильду – позже маркграфиню Тосканскую; но Готфридом он не мог овладеть, и, потеряв надежду, попытался примириться с ним, освободив своих пленниц.

Лицом к лицу со столькими опасностями оказался шестилетний ребенок, его сын Генрих IV, помазанный на царство в Ахене в 1054 г., и находившийся под опекой императрицы Агнесы и архиепископа Кельнского Ганнона. Смерть Генриха III была сигналом к анархии. «Князья, — говорит Адам Бременский, — возмущаются тем, что принуждены подчиняться власти женщины или ребенка; они требуют назад свою древнюю свободу; затем они спорят о первенстве; наконец они составляют заговор с целью свергнуть своего короля и господина». Повсюду идет кровопролитная война, и правительнице удается спасти франконский дом только благодаря многочисленным уступкам, приведшим к ограничению императорской власти.

Итак, в Риме поле действий свободно для Гильдебранда. После смерти Виктора II (июль 1057 г.) римляне выбрали и посвятили на первосвященство брата Готфрида Бородатого, монтекассинского аббата кардинала Фридриха. Гильдебранда не было в Риме, но новый папа, Стефан IX, был ему по сердцу. Его приверженцы утверждали, что императорский престол свободен, так как Генрих IV не был венчан в императоры, и что право избрания принадлежит римлянам. Стефан IX возводит в сан кардинала Остии Петра Дамиана, пылкового представителя духа реформы; один из его верных советников, кардинал Гумберт, издает сочинение против симонистов, где страстно нападает на присвоенное себе светскими князьями право давать инвеституру епископам посохом и кольцом. Но Стефан IX вскоре умирает (март 1058 г.), и политика Гильдебранда подвергается большой опасности. С IX в. папские выборы были игрушкой в руках то императоров, то феодальных партий; в 1058 г. тускуланские графы и Кресценции, когда-то враги, соединились, и лига баронов провозгласила папой епископа Веллетри, который принял имя Бенедикта X. Стефан IX запретил на синоде под страхом анафемы приступать к новым выборам до возвращения Гильдебранда, который был тогда в Германии. Ввиду этого насилия, Гильдебранду удается примирить на минуту императрицу Агнесу и Готфрида Бородатого; он возводит на папский престол епископа Флорентийского, Николая II. Готфрид, имперский

канцлер Гвиберт, архиепископ Равеннский и Гильдебранд берут на себя труд провести нового папу в Рим и прогнать Бенедикта X (1059). В этом году Гильдебранд становится архидьяконом Римской церкви.

Чтобы обуздывать римских баронов, надо было иметь под рукой проворных союзников. Гильдебранд отправился вести переговоры с норманнами; они обязались защищать папу. В феврале они уже ведут борьбу с приверженцами Бенедикта X. В июне Николай II отправляется на юг Италии; он созывает собор в Мельфи, уступает Роберту Гюискару, вместе с титулом герцога Калабрии, Апулию и, условно, Сицилию; взамен этого Роберт клянется быть верным союзником Римской церкви.

Не пора ли было изменить систему папских выборов, недостатки которой обнаружились теперь лишней раз, и решительной реформой предупредить беспрестанно возобновляющиеся смуты? В апреле 1059 г. на соборе в Риме Николай II обнародовал знаменитый декрет, который в основе изменил организацию папства: «Вооружившись авторитетом наших предшественников и других святых отцов, мы приказываем и постановляем, чтобы, в случае смерти первосвященника Римской церкви, кардиналы-епископы предварительно обсудили с величайшим вниманием вопрос о выборе, потом привлекли к совещанию кардиналов-священников и затем спросили у остального духовенства и народа согласия на новое избрание; чтобы предупредить всякую попытку к подкупу, пусть производят избрание церковнослужители, а остальные следуют за ними. Если церковь (Римская) предлагает кого-нибудь, обладающего необходимыми качествами, пусть его выберут; если нет, пусть возьмут его из другой церкви. Почет и уважение, следуемые сыну нашему королю Генриху, теперь королю, а в будущем, если будет на то воля Божья, императору, да будут сохранены, как мы уже обещали ему, точно так же и его преемникам, которые лично получают этот сан от апостольского престола. Если злоба нечестивых и дурных людей будет настолько сильна, что окажется невозможным приступить в Рим к непорочному, правдивому и свободному от симонии избранию, пусть кардина-

лы-епископы присоединят к себе священство и светских католиков, хотя бы в небольшом числе, и пусть они имеют право, в согласии с Царем непобедимым, выбрать первосвященника апостольского престола в том месте, где то покажется им наиболее удобным. Вечная анафема и отлучение дерзкому, который не послушается нашего указа и в самонадеянности своей будет пытаться поработить и смутить церковь Римскую! Да испытает он в этой жизни и жизни будущей гнев всемогущего Бога и ярость апостолов Петра и Павла, церковь которых он хотел погубить! Да будет дом его пуст, да сделаются его дети сиротами, его жена вдовой, да будут изгнаны он и его сыновья, да будут они принуждены выпрашивать свой хлеб и лишены жилища! Пусть лихоимец изведет себя над своим добром, да будет разграблен плод его трудов, да восстанет на него вся земля, да будут ему враждебны все стихии»¹.

Следствием этой смелой меры было образование лиги из римских баронов и приверженцев императорских прав. В июле 1061 г., когда умер Николай II, феодальная партия решила поднести молодому Генриху IV звание патриция вместе с правом избрания папы. Во главе этого заговора стоял Гвиберт, архиепископ Равеннский и канцлер Ломбардии. В то самое время, когда Гильдебранд заставил кардиналов избрать в папы Александра II, не спрашивая даже согласия императора, немецкие епископы и несколько ломбардских, со своей стороны, избрали в Базеле (октябрь 1061 г.) антипапу Кадала, епископа Пармского. Петр Даминан, союзник Гильдебранда в своей «Disceptatio synodalis» изложил аргументы, которые одна партия выставляла против другой. Кадал вступил в Рим. Началась настоящая война, в которой Александра II поддерживали норманны; победа осталась за ним, и в 1064 г. на соборе в Мантуе Германия, благодаря влиянию архиепископа Кельнского Ганнона, признала его папой.

¹ Существуют три редакции этого декрета, представляющие некоторые важные варианты; все три синоптически изданы *Hinschius* (*Kirchenrecht*, т. I, с. 248). См. также *Scheffer-Boichorst*. *Die Neuordnung der Papstwahl durch Nikolaus II*, и два текста, приведенные у *Doeberl*. *Monumenta Germaniae selecta*, с. 11 и след.

Григорий VII и преобразование церкви

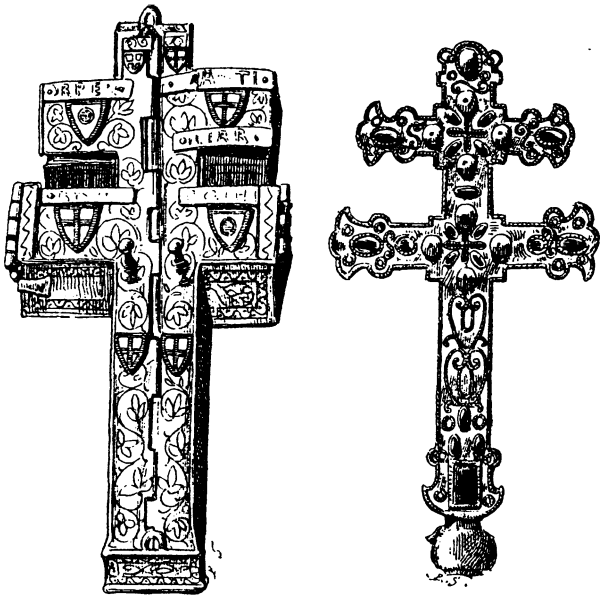
Избрание Григория VII. Папство и церковное управление. Избрание епископов. Преобразование нравов духовенства. Кардиналы и легаты. Доходы святого престола. Каноническое право.

Избрание Григория VII. Гильдебранд торжествовал; он один избирал пап; выше его в церкви не было авторитета. «Я уважаю папу, – иронически писал ему Петр Дамиан, – но тебе я поклоняюсь, простершись ниц: ты делаешь его господином, а он тебя – Богом»:

Papam rite colo, sed te prostratus adoro,
Tu facis hunc dominum, te facit ipse deum, –

и жалуясь на его непреклонную и суровую энергию и честолюбие, он называет его «своим святым сатаной». Тирания Гильдебранда над церковью уже тревожила того, кто страстнее всех требовал реформ. Петр Дамиан умер в 1072 г. В апреле следующего года Гильдебранд был избран папой; он взял в свои руки ту первосвященническую власть, которой уже много лет распоряжался от имени другого. Его избрание не было произведено в соответствии с декретом 1059 г., изданным по его мысли и настоянию; на другой же день после смерти Александра II народ, собравшись в Латеранской церкви св. Иоанна, поднял крик: «Да будет Гильдебранд нашим епископом!» Кардинал Гуго обратился к толпе со словами: «Братья, вы знаете, насколько Гильдебранд со времени Льва IX возвысил Римскую церковь и освободил наш город. Мы не найдем папы, который был бы лучше его или даже равен ему; поэтому следует избрать его, который, будучи посвящен в нашей церкви, известен в ней всем и в ней показал свои дарования». Со всех сторон раздался крик: «Святой Петр избрал Григория в папы!» Гильдебранда привели в церковь S. Pietro in Vincoli и приступили к его посвящению, несмотря на его сопротивление.

Так начинается это правление, которое как в религиозной, так и в политической истории является началом новой эпохи. Если выделить из среды наполняющих его драмати-

Церковные принадлежности XI–XII вв.
(футляр для креста и крест)

ческих моментов его основные черты, то они сведутся к двум главным фактам: Григорий VII хотел преобразовать вселенскую церковь, подчинив ее абсолютной власти папы; хотел освободить ее от влияния светского общества и власти императоров и королей. Обе части этой программы тесно связаны между собой; однако, для большей стройности изложения, их удобнее рассмотреть одну за другой.

Папство и церковное управление. В первые века своего существования христианская церковь представляла совокупность общин, главы которых избирались паствой путем голосования и которые были связаны одна с другой непрерывными сношениями. В среде этой организации рано обнаружилось первенство Римской церкви, возникшее благодаря причинам как религиозного, так и политического свойства. Начиная с IV в., все условия содействовали усилению этой власти. Если в IX и X столетиях беспорядки в курии, предприятия римских баронов и вмешательство им-

ператоров значительно ослабили ее на практике, то в теории папа оставался главой христианства. Однако власть папы над церковью никогда не считалась абсолютной; ее ограничивало множество различных учреждений: соборы, патриархи, митрополиты, епископы.

Соборы играли важную роль в эпоху устройства и перелома христианского мира, которая наступила по окончании гонений на христианство. Вселенские соборы – Никейский, Сардийский, Эфесский, Халкедонский и другие – старались упорядочить управление и дисциплину церкви и установить догму, хотя не раз обнаруживалось, как трудно было водворять мир и согласие в этих многолюдных собраниях. Папа или его представители занимали здесь первое место, постановления соборов подлежали его утверждению, но прения были свободны. Мало-помалу авторитет соборов падал; с 869 г. не стало вселенских соборов; влияние областных соборов и провинциальных синодов было лишь относительное и местное; те соборы, которые папа созывал в Риме, подчинялись его авторитету. Таким образом, это было учреждение, в значительной степени утратившее свою жизненную силу, и энергичный папа мог всегда принудить его к исполнению своих предначертаний.

Некогда патриархи Александрийский, Иерусалимский и Антиохийский, а позже и епископ Константинопольский, занимали после папы главное место в церкви; но теперь трое из них, одинокие среди неверных, с трудом поддерживали свое непрочное существование и уже не могли думать о какой-нибудь видной роли в христианстве. Что касается константинопольских епископов, то они часто выступали ожесточенными противниками папства, но они были лишены независимости: живя бок о бок с восточным императором, не решаясь противодействовать ему из страха быть низложенными, они не были способны проявлять значительное воздействие на христианский мир. Притом вражда, существовавшая в течение многих веков между Западной и Восточной церквами, разделила их судьбы; когда Гильдебранд сделался папой, разделение церковей уже совершилось (1054)¹.

¹ См. ниже, глава 5.

На Западе митрополиты пользовались большим влиянием и распоряжались своими викарными епископами; но с IX в., теснимые с одной стороны папством и особенно Николаем I, с другой – епископами, они лишились большей части своих прав и привилегий. Наконец, епископы не только утратили ту власть и влияние над светским обществом, которыми они пользовались в IV и V вв., но сами постепенно втянулись в строй светской феодальной жизни. Большинство из них превратилось в богатых сеньоров, озабоченных прежде всего своими материальными интересами; они усвоили склонность к насилию и грубые нравы баронов и почти совершенно утратили свой духовный характер. Их поведение часто возбуждало негодование в религиозных людях.

Итак, в недрах церкви не было никакой власти, которая обладала бы достаточной силой, чтобы противостоять папству в ту минуту, когда оно снова заявит свои права на абсолютную власть. Кроме того, для него стояла наготове сильная армия, набранная из самой чистой и деятельной части духовенства. Все те, которые в течение многих лет с таким жаром требовали реформы, должны были собраться вокруг него и признать его своим вождем. Работая для церкви, папство работало вместе с тем и для себя. Их интересы слились в уме Григория VII, и если его честолюбие было велико, то оно было и искренне религиозно. «Я хотел бы, – писал он в январе 1075 г. аббату Клунийского монастыря, – чтобы ты знал все скорби, которые осаждают мою душу. Твоя братская любовь заставила бы тебя тогда молить Бога, чтобы Иисус протянул мне, несчастному, руку и избавил меня от моих мук. Сколько раз я просил Его отнять у меня жизнь или сделать меня полезным нашей матери, св. церкви; между тем Он не избавил меня от огорчений и также не дал мне возможности оказать церкви те услуги, которые я хотел бы оказать ей. Глубокая скорбь и всеобъемлющая печаль теснят меня, потому что Восточная церковь отстранилась от католической веры. Взгляну ли на запад, на юг или север, – я едва нахожу нескольких епископов, избрание и жизнь которых были бы сообразны с законами церкви, которые управляли бы народом Божиим с любовью, а не под влиянием земного честолюбия. Среди князей я не знаю ни одного, кото-

Епископ в облачении для мессы.
По изображению на миниатюрах XII в.
Музей Клуни

рый предпочитал бы честь Божью своей и справедливость – выгоде. Если бы я не надеялся на то, что моя жизнь изменится, что я буду в состоянии сделаться полезным церкви, я ни за какую цену не оставался бы в Риме, в котором живу уже двадцать лет – свидетель тому Бог, – помимо моей воли».

Избрание епископов. Из всех реформ, каких требовали религиозные люди, на первом плане стояла реформа епископства. Ниже мы увидим, как Григорий VII пытался отнять у королей и князей влияние на епископскую власть путем уничтожения светской инвеституры. Чтобы достигнуть своей цели, он в случае надобности готов был даже пожертвовать мирскими имуществами; лучше было, по его мнению, отказаться от них, чем совершать акт подчинения земным властям; он предпочитал церковь бедную, но независимую. Нужно было также преобразовать состав епископства путем

более тщательного подбора его членов. Епископские выборы существовали только поминально; система светских инвеститур привела к продаже церковных должностей, к симонии. Григорий VII борется против светских инвеститур; но в системе выборов он не пытался произвести коренной реформы вроде той, какую он провел при избрании пап; только после него избрание епископов будет передано капитулу каноников, как избрание пап – коллегии кардиналов. Итак, старый принцип избрания епископов духовенством и народом остается в силе; но папа следит за правильностью выборов и утверждает их; иногда он даже указывает кандидатов или кассирует выборы. Он часто посылает своих нунциев для руководства выборами и советует верующим слушаться их «с полным доверием». Из такого представления о роли папы естественным образом вытекало право отрешать недостойных епископов; Григорий VII формулировал это право в своих «*Dictatus*» и неуклонно осуществлял его. Впрочем, папы пользовались им уже раньше при содействии римских соборов. Как только началось дело преобразования, Лев IX на соборе 1049 г. отрешил от должности всех епископов, уличенных в симонии; он хотел сместить также всех священников, назначенных ими; но это была слишком радикальная мера, и он вынужден был отказаться от нее.

Преобразование нравов духовенства. С ранних времен на Западе установился обычай, по которому духовные лица не должны были вступать в брак, а те из них, которые были женаты до посвящения, должны были прекращать всякие плотские сношения со своими женами. Но так как при назначении на духовные места религиозные соображения часто не играли никакой роли, то в среду духовенства проник страшный разврат. Чтобы составить себе представление о последнем, достаточно прочесть акты духовных соборов и синодов X и XI в., «*Praeloquia*» Ратерия Веронского, сочинения Петра Дамиана и, особенно, «*Liber Gomogthianus*», с которым он обратился ко Льву IX. Те, которые хотели воздержаться от самых постыдных пороков, по крайней мере, вступали в брак. Епископы, не стесняясь, брали себе наложниц (*епискописс*), у них были дети, и духовенство следовало их примеру.

Если папы, для которых Гильдебранд был советником, с такой энергией силились установить безбрачие в среде духовенства, то не следует думать, что их побуждали к этому исключительно соображения аскетического свойства. Они боролись, прежде всего, против жадности земных благ, против вторжения в церковь феодального духа. Эти брачные союзы часто обуславливаются стремлением к наживе; под влиянием фамильных представлений духовное лицо начинает смотреть на свою должность как на имение, как на бенефиций, который оно и старается передать по наследству своим детям. Какое влияние мог иметь на епископа и священника папский авторитет, как его хотел утвердить Григорий VII, если ему беспрестанно противодействовали влияние женщины и заботы родительской любви? «Церковь не может быть освобождена от порабощения мирянами, – писал он, – пока духовенство не освобождено от уз брака».

Отсюда эти запрещения вступать в брак, которые мы так часто встречаем в постановлениях синодов того времени и в письмах Григория VII. Борьба длилась долго, и сопротивление по многим пунктам было ожесточенное. Как на образчик этой борьбы, можно указать на события, происшедшие в Милане в начале деятельности Гильдебранда. Брак священников, говорил архиепископ, был привилегией Миланской церкви, полученной ею от св. Амвросия. Один из летописцев того времени, Ландульф Старший, в своей «*Historia Mediolanensis*», признавал его лучшей гарантией чистоты нравов. Против этого женатого и преданного симонии духовенства восстал священник Ансельм из Баджьо, красноречие которого имело большое влияние на народ. Позже он сделался папой под именем Александра II. Совместно с двумя другими духовными лицами, Ариальдом и Ландульфом, он выступил против самого архиепископа Гвидо, проповедуя повсюду – на улицах и площадях. Народ был на их стороне; поэтому их приверженцев называли патарами, то есть оборванцами. Милан становится ареной мятежей и стычек; патары преследуют женатых клириков, грабят их имущество. Их не останавливает ни отлучение, которое произносит над ними синод, созванный архиепископом, ни поддержка, оказываемая духовенству знатью. В 1059 г. Николай II

посылает в Милан Петра Дамиана, чтобы он восстановил там мир. До нас дошел отчет об этом посольстве; из него видно, что вмешательство папы придало борьбе совершенно новый характер; противники реформы заявляли, «что церковь св. Амвросия не должна подчиняться законам Рима, что папа не имеет права суда над нею». Жизнь Петра Дамиана подвергалась опасности, но он не пошел на уступки. При Александре II волнения возобновились. В 1066 г. патары в церкви напали на архиепископа Гвидо и избили его до полусмерти; но и их вождь Ариальд, попав в руки врагов, подвергся невероятным мучениям. Вскоре в Милане оказалось два архиепископа-соперника, из которых один опирался на Германию, другой – на папу. Такие же волнения вызвал вопрос о celibate и за пределами Италии. В Пассау в 1074 г., епископ Альтманн потребовал от священников своей епархии, которые почти все были женаты, чтобы они подчинились указам Григория VII относительно celibata. Они заявили, «что не могут и не хотят отказаться от обычая, который держится столько времени и был терпим всеми прежними епископами». Когда Альтманн в день праздника повторил свое запрещение с кафедры, «все священники бросились на него с такой яростью, что разорвали бы его в клочья, если бы знатные и его слуги не защитили его». В том же году в Париже епископы, аббаты и священники, собравшись в синод, отказались подчиниться декреталиям Григория VII о безбрачии. «То, чего он хочет, – говорили они, – неосуществимо и противно разуму». Когда один аббат произнес речь, в которой советовал подчиниться требованиям папы, члены синода «с помощью королевских слуг выгнали Божьего человека, били его, плевали ему в лицо и всячески оскорбляли». В Камбрэ каноники объявляют, что намерены держаться обычаев, «мудро установленных предками», и привлекают народ на свою сторону. Эти смуты были бессильны сломить волю Григория VII, и безбрачие духовенства сделалось одним из основных принципов преобразованной церкви.

Кардиналы и легаты. Главным правительственным орудием Григория VII, при помощи которого он преодолевал все эти сопротивления и во всех пунктах христианского мира давал чувствовать влияние папства, была его личная

энергия. Его мысль всегда бодра, его дух всегда ясен, его воля всегда настойчива. Его переписка, от которой до нас дошла только часть, показывает, что он исполнял одновременно, без замешательства и смущения, самые разнообразные дела. Тем не менее, эта задача была ему не по силам, и римский двор (*curia romana*), организация которого и раньше была очень сложна, теперь еще увеличивается и расширяет круг своего ведения. Коллегия кардиналов, которой он вверил избрание пап, получает громадное значение. Каждая церковь имела своих кардиналов-священников, и так обстояло дело в XI в. еще во многих городах¹. В Риме они были причислены к семи «титулам» или церквям, которые соответствовали старинному делению города на семь церковных округов. К кардиналам-священникам и кардиналам-дьяконам позже присоединились семь кардиналов-епископов: это были кардиналы римской области (отсюда их название *подгородные*), которые, согласно постановлению римского синода 769 г., должны были по очереди еженедельно отправлять службу в Латеранской церкви. Уже это привилегированное духовенство имело чрезвычайное значение, так как тот же самый собор пытался установить, чтобы папа всегда избирался из среды кардиналов. Число кардиналов в средние века часто менялось: в XII в., по нему мы имеем более точные данные, было 7 кардиналов-епископов (Остия, Порто, Санта-Руфина или Сильва-Кандида, Альбано, Сабина, Тускулум, Палестрина), кардиналов-священников – 28, кардиналов-дьяконов – 18. Указ 1059 г. вверил им, некоторым образом, судьбы папства. Григорий VII из их среды избирал своих советников и сотрудников. Петр Дамиан называет их «духовными сенаторами вселенской церкви», *spirituales universalis ecclesiae senatores*.

Римская курия представляла собой центральную администрацию; но папству необходимо было иметь и в провинциях христианского мира преданных заместителей, которые бы повсюду давали чувствовать его влияние, принуждали к исполнению его приказаний и наблюдали за епископами и

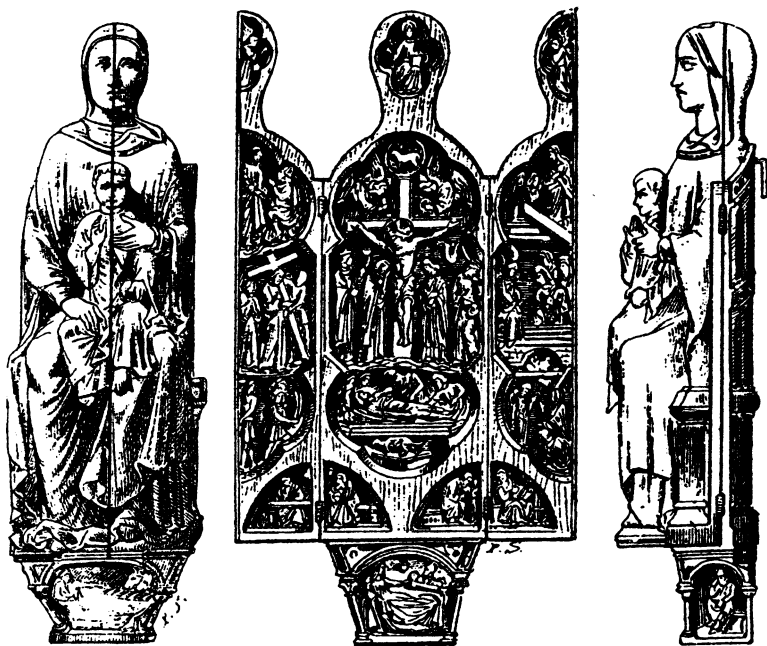
¹ Только Пий V в 1567 г. издал постановление, в силу которого звание кардинала предоставляется исключительно членам Римской церкви.

церквами. Этот институт не нов; с IV в. мы беспрестанно слышим о папских легатах. Они заседают в первом ряду на соборах, созывают областные синоды и председательствуют в них. Они избираются то из епископов, то из простых священников Римской епархии. Но до Григория VII легаты являются в большинстве случаев чрезвычайными уполномоченными; при нем же они образуют один из главных органов церковного управления. Они появляются всюду, во все вмешиваются, смещают епископов, преобразовывают церковное благочиние, борются против князей. Вообще, их компетенция не ограничивается каким-нибудь определенным делом: они являются представителями папской власти в ее полном объеме. В 1077 г. Григорий VII пишет жителям Нарбоннского округа, Гаскони и Испании, посылая к ним в качестве легата епископа Амата: «В силу нашей апостольской власти мы приказываем вам принять его так, как вы приняли бы нас самих или, вернее, как вы приняли бы св. Петра, повиноваться ему во всем, внимать его словам, как если бы они были произнесены нашими собственными устами». «Посланник папы, — говорит он в «Dictatus», — даже если он низшего звания, имеет на соборах первенство перед всеми епископами и может произносить над ними приговор отрешения». Действительно, он назначал их по своему усмотрению, не соблюдая иерархии, и часто простой монах получал власть над епископами. Архиепископ Реймский Манассия в 1078 г. просит, чтобы папа назначал, по крайней мере, римских клириков; но Григорий VII, опираясь на традицию, отказывается в каком бы то ни было отношении ограничить свою свободу выбора. Поэтому миссия легатов была трудна и даже опасна. Григорий VII заставляет епископов клясться в том, что они будут уважать папских посланников: «Я буду относиться с почтением к римскому легату при его прибытии и отъезде и буду помогать ему, когда это станет необходимо». Отправляются ли легаты в Германию, папа произносит отлучение над теми, «кто интригами или насилием будет мешать им трудиться над восстановлением согласия в королевстве». Во Франции епископ Маконский не оказал повиновения епископу Альбанскому, папскому легату. Григорий VII порицает его за

это: «Если бы даже легат предписал тебе какую-нибудь необдуманную меру, чему мы не верим, ты должен был бы перенести это из уважения к апостольскому престолу». Но облакая своих легатов обширными полномочиями, он вместе с тем предписывает им быть умеренными, проверяет их распоряжения, то есть в свою очередь наблюдает за теми, кому поручает надзор над христианским обществом.

Григорий VII явным образом несколько не ограничил деятельности соборов и синодов; напротив, он видел в них одно из самых надежных орудий своей политики. Во время тех первосвященств, при которых он управлял церковью, синоды часто собирались в Риме. На них осуждали духовенство, преданное симонии и «прелюбодеянию»; иногда на них решались и вопросы догматического характера. В 1059 г., при Николае II, Римский синод осудил Беренгара, который в знаменитом споре с Ланфранком отверг догмат пресуществления и признал за евхаристией только символическое значение. Гильдебранду уже приходилось заниматься этим спором во время одной из его поездок во Францию и во время Турского собора. Сделавшись папой, он увеличил число этих собраний: часто он созывает один собор в год, в начале Великого поста, а иногда еще и второй – в день Всех Святых. Он желает, чтобы соборы были многолюдны; он пользуется ими, чтобы придать своим заявлениям и действиям больше торжественности. Но, в сущности, на этих собраниях действует, руководит ими и решает дела он один; епископы, окружающие его, присутствуют здесь не для того, чтобы рассуждать, но для того, чтобы слушать папу, вдохновляться его политикой и получать от него указания.

Доходы святого престола. Без денег невозможно управлять: Григорий VII должен был позаботиться о том, чтобы увеличить и правильно организовать финансовые средства курии. Св. Петр с давних пор владел многочисленными поместьями. Папа, его наместник, уступал пользование ими за известный оброк (ценз). С другой стороны, как мелкие собственники отдавали себя и свое имущество под защиту могущественных сеньоров, так и церкви и монастыри с IX в. начали во множестве вступать под защиту св. Петра, то есть под покровительство папы. В силу подобно-

Переносной алтарь XI–XII вв.

го акта апостол часто становится высшим собственником церковных или монастырских земель, но при этом не может ни пользоваться, ни свободно распоряжаться ими. Однако монастырь (или церковь), освобождаясь от всякой человеческой власти и защищаемый против всяких покушений апостольским проклятием, выражает свою признательность за эту защиту ежегодной податью. Случается также, что патронат ограничивается простым покровительством, которое нисколько не влечет за собой права собственности, но может обуславливать платеж подати; эта форма часто встречается в Германии. В том или ином виде этот институт распространился во Франции, Бургундии, Германии и Италии. Григорий VII закрепил его: он видел в нем, с одной стороны, средство распространить свой авторитет, ослабить влияние епископов на монастыри с тем, чтобы более непосредственно подчинить последние св. престолу; с другой

стороны, подобный патронат представлял собой обильный источник доходов.

Откупщиками Римской церкви являются не только церковные учреждения, но и города, и сеньоры до королей включительно. В 1085 г. Петр, граф Субстантский и Мельгёйльский, уступает все свои земли в полную собственность Григорию VII и его преемникам, чтобы затем получить их обратно в качестве узуфрукта за ежегодную подать в одну унцию золота. Впрочем, это пользование не пожизненное; но наследники Петра должны будут платить ту же подать. Таким образом, папа становится, по справедливому выражению историка, «настоящим сюзереном, которому повинны оммажем и податью», и уступленное ему поместье приобретает характер феода. В 1059 г. Роберт Гюискар отдал св. престолу и получил в лен свои владения в Южной Италии и свои будущие завоевания в Сицилии и обещал платить ежегодно подать в 12 денье за пару волов. В середине XI в. король Арагона Рамир предложил свое государство св. Петру за ежегодную подать. Впрочем, Григорий VII, основываясь без сомнения на ложном дарственном акте Константина, считал всю Испанию собственностью св. Петра. В ту же эпоху в числе лиц, плативших ценз св. престолу, были короли польский, датский и английский и герцог Богемский. Димитрий, герцог Хорватии и Далмации, коронованный в короли папским легатом в 1076 г., обещал платить ежегодно 200 безант. Эти подати известны под названием *денария св. Петра*.

К этим доходам присоединялись другие; все они сосредоточивались в Латеранском дворце, в папской *камере*. Во время своего архидьяконства Гильдебранд был «экономом Римской церкви» и пытался преобразовать финансовое управление, упорядочить сбор податей. Сделавшись папой, он продолжал работать в этом направлении. Для каждого плательщика назначалось духовное лицо той области, которому и поручалось взимание подати.

Каноническое право. Этому правительству нужен был и свод законов. Он существовал уже до Григория VII и заключал в себе постановления соборов и указы пап. Из этих документов, частью подправленных, частью поддельных, со-

ставился в IX в. знаменитый сборник *Ложных декреталий*, о происхождении и цели которых так много спорили и которые, по новейшим исследованиям, были составлены, по-видимому, в Мансской церкви. Григорий VII пользовался ими, как и его современники, и нет никакого основания думать, что он подозревал их подложность; но он хотел иметь такой кодекс, который был бы лучше приноровлен к его политике. По его приказанию (как указывает заметка в одной рукописи XIII в.), Ансельм Луккский составил свою «*Collectio Canonum*» в 13 книгах, помеченную, правда, только 1087 г. Документы расположены здесь таким образом, чтобы резко обозначить абсолютную власть папы в церкви: первые две книги трактуют «о первенстве и превосходстве Римской церкви и о свободе апелляции к ней». При Григории же VII Феодот (*Deusdedit*), возведенный им в кардиналы, составил свою «*Collectio Canonum*», которую он посвятил Виктору III. Он написал это сочинение, как сказано в его предисловии, для того, «чтобы уяснить тем, кто этого не знает, первенство Римской церкви, в силу которого она господствует над всем христианским миром». И он без смущения заявляет, что отцы Никейского собора «установили, чтобы соборы не созывались и епископы не были осуждаемы без ведома папы и чтобы все важные дела представлялись на его усмотрение». Если редакторы этих сборников и не сочиняют целиком новых документов, то они пользуются теми, которые были сфабрикованы до них; то там, то сям замена одного слова другим меняет смысл целой фразы, и папе оказывается приписанной власть, принадлежавшая в действительности соборам. Сам Григорий VII истолковывает тексты чрезвычайно свободно, чтобы подогнать их к своим теориям. Правда, его противники поступали точно так же.

Таким путем Григорий VII силился создать в церкви то, что можно назвать абсолютной монархией. Чтобы достигнуть этой цели, он не стремился произвести переворот в церкви: он выдавал себя за представителя древних традиций. Он не создал ни одного нового учреждения, как он сам часто заявляет об этом, но он непосредственно подчинил себе все те, которые уже существовали; он отметил их папской печатью. С этих пор местная жизнь церковью прекра-

щается; епископы должны быть только послушными слугами Рима и чиновниками центральной администрации, которая стремится сама все регулировать, всем управлять. Ниже мы увидим, какие последствия имело для церкви это преобразование; но нельзя не признать величие замысла. Притом, Григорий VII был искренен, и его политика, стремившаяся установить единство власти в христианском обществе, согласовывалась с воззрениями средних веков.

Григорий VII и Генрих IV

Начало спора об инвеституре. Генрих IV в Каноссе. Григорий VII и короли. Возобновление распри между Григорием VII и Генрихом IV. Генрих IV в Риме; смерть Григория VII. Последние годы Генриха IV. Генрих V и Пасхалий II.

Начало спора об инвеституре. Для того чтобы папа мог сделаться господином церкви, последнюю надо было освободить от всех уз, которые ставили ее в зависимость от светского общества: в ней не должна была действовать никакая другая власть, кроме папской. Требование этой независимости, предъявленное Григорием VII, неизбежно должно было вызвать столкновение с императором и королями, потому что епископы только тогда могли сделаться орудиями папы, когда переставали бы быть креатурами князей.

В то время, когда начинается борьба папства с Германской империей, положение Германии благоприятствует замыслам Григория VII. Генрих IV, похищенный у своей матери в 1062 г. архиепископом Кельнским Ганноном, подпадает под власть епископов, которые борются друг с другом за власть, но не умеют обращаться с нею и лишают ее популярности. Самым могущественным соперником Ганнона является архиепископ Бременский Адальберт, который энергично работал над восстановлением христианства в северных областях и при Генрихе III даже отказался от избрания в папы. Ему удалось в течение нескольких лет держать под своей опекой молодого императора; но светские и духовные князья соединились против него и на Трибурском сейме (1066) принудили его отказаться от власти. В марте

Император Генрих IV.
Миниатюра (начало XII в.)

1065 г. Генрих IV достиг совершеннолетия. Никто не заботился о том, чтобы подготовить его к делам правления; он был умен, но вспыльчив, склонен к насилию и вел беспорядочный образ жизни. В 1069 г. он снова призвал к себе Адальберта Бременского. Намерения Генриха беспокоили Саксонию, которая ревниво оберегала свою независимость и всегда готова была считать ее в опасности. Враждебные действия уже начались, когда в марте 1072 г. умер Адальберт. Высокомерие Генриха окончательно раздражило саксонцев, как знать, так и простой народ; в 1073 г. Оттон Нордгеймский, герцог Баварский и саксонец по происхождению, поднял знамя восстания в Саксонии и Тюрингии. Была уже речь о том, чтобы выбрать другого императора, Рудольфа Швабского, и в это мгновение Генрих казался погибшим. Началась борьба, которая потом несколько раз возобновлялась и дала возможность папе бороться с Генрихом IV в самой Германии.

И вот Григорий VII становится папой. Избранный без участия германского императора, он сообщил ему о происшедшем и, по-видимому, просил его утвердить избрание. Ломбардские и немецкие епископы хотели, чтобы Генрих IV

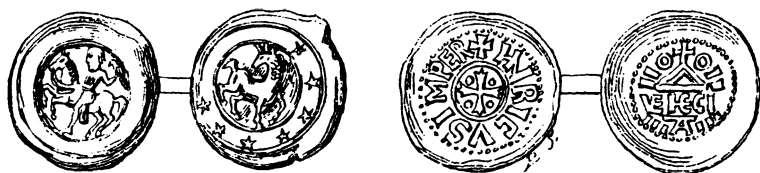
объявил выборы незаконными; он не решился на это, и 30 июня состоялось посвящение Григория VII. Его положение кажется в это время настолько же прочным, насколько положение Генриха IV – ненадежным. На юге Италии норманн Ричард Капуанский обещает ему свою помощь против всех; на севере Беатриче выдала свою дочь от первого мужа Матильду за сына своего второго мужа от его первого брака, и маркграфиня Матильда, владения которой охватывают Тоскану, Генуэзский залив и бассейн нижнего течения По, становится пылкой и неутомимой союзницей папы. Повсюду в христианском мире оживляется движение в пользу реформы, и сторонники ее работают под руководством Григория VII; повсюду начинается борьба против церковнослужителей, которые покупают у светских князей духовные звания и принимают от них не только инвеституру на бенефиции, принадлежащие епископствам и аббатствам, но и церковную инвеституру посохом и кольцом.

Разрыв между папой и императором неизбежен. Едва вступив на папский престол, еще до посвящения, Григорий VII в нескольких письмах заявил, что отнюдь не питает ненависти к Генриху, но что готов бороться за свободу церкви. Он пишет Беатриче и Матильде, что пошлет к императору легатов, чтобы вернуть его «любви Римской церкви»; «Но, – прибавляет он, – если он не послушает нас, то мы предпочитаем, защищая истину, противиться ему ради его спасения до пролития нашей крови, чем погубить себя вместе с ним, сделавшись соучастником его несправедности». Император вначале, по-видимому, уступил: «Церковь и государство, – писал он папе в конце сентября 1073 г., – нуждаются во взаимной помощи, чтобы иметь возможность существовать и управляться в духе Христа». Он признавал, «что не всегда, как следовало, уважал законные права и честь церкви, но, просветленный божественной благодатью и возвращаясь к самому себе, он сознается в своих прежних грехах и ждет прощения от отеческой снисходительности папы». Далее он говорил о встрече, соборе немецких епископов, который занялся бы вопросом о преобразовании церкви.

Восстание саксонцев заставляло Генриха IV выжидать более удобного времени; но в то же время он должен был

считаться с требованиями немецких епископов, которые отнюдь не соглашались допустить вмешательство папы в управление их церквей. Со своей стороны и Григорий VII не хотел довольствоваться неопределенными обещаниями. На римском синоде в феврале 1075 г. он издал следующий декрет: «Если кто-нибудь впредь примет из рук светского лица епископство или аббатство, да не считается он епископом и да лишится он милости св. Петра и доступа в церковь. Если какой-нибудь император, король, герцог, маркиз, граф или вообще какая-нибудь светская власть или светское лицо притязает на право давать инвеституру епископам или кому бы то ни было из служителей церкви, он подлежит отлучению».

В это время обстоятельства изменились в пользу Генриха. После того, как в феврале 1074 г. он принужден был подписать унижительный договор с саксонцами, который они же первые и нарушили, ему удалось в июне 1075 г. собрать сильную армию. При Гогенбурге на Унструте он одержал блестящую победу; осенью Саксония была усмирена: вожди восстания изъявили покорность. В Милане патары, вождь которых, Эрлембальд, захватил власть в городе, были побеждены противной партией (май 1075 г.), которая отдалась под покровительство императора. Старая партия антипапы Кадала подняла голову. В самом Риме духовенство, недовольное реформами Григория, соединилось с баронами и архиепископом-канцлером Гвибертом, приверженцем Генриха. Ободренный этими обстоятельствами, император посылает в Италию графа Эбергарда Нелленбургского для переговоров с врагами папы, пытается, хотя и тщетно, отвлечь от него норманнов, назначает нового епископа в Милан, чтобы подтвердить свое право давать инвеституру, наконец, отдает немецким священникам епископства Сполето и Фермо, принадлежавшие к Римскому церковному округу. На эти оскорбления Григорий отвечает 8 декабря: он упрекает короля в том, что последний своими поступками нарушает свои постоянные уверения в покорности; он напоминает ему, с какой готовностью он всегда шел навстречу переговорам, но требует, чтобы он прервал сношения с отлученными, чтобы уважал свободу церкви и исполнял по-

Монеты Генриха IV

становления Римского синода, заседавшего в феврале этого года. Вместе с тем он изъявляет готовность продолжать переговоры.

В то время, когда послы везли это письмо к германскому двору, куда они прибыли 1 января, в Риме, на Рождестве, Григорий VII едва не сделался жертвой смелого покушения. Он совершал богослужение в церкви S. Maria Maggiore; глава феодальной партии Ченчьо с толпой своих приверженцев бросился на него и, окровавленного, увез и запер в своем укрепленном доме. Но Рим поднялся на защиту папы и освободил его. Участвовал ли Генрих IV в этом покушении? Ничто не доказывает этого; но со своей стороны, получив письмо от папы, он объявил, что Григорий VII посягает на его власть и жизнь и что он требует его в Рим под угрозой отлучения. Эта версия, искусно распространенная, была принята и современными немецкими летописцами, например, Ламбертом Герсфельдским, хотя она не соответствует самим выражениям папского письма. 24 января 1076 г., в Вормсе собрался созванный им сейм, на котором Григорий VII был объявлен недостойным папского сана. Вслед за этим сеймом Генрих IV пишет ему: «Генрих, король не по захвату, а по воле Божьей, Гильдебранду, теперь уже не папе, а лжемонаху. Христос призвал меня на царство, тогда как тебя он не призвал на священство... Ты напал на меня, царя-помазанника, который, по преданию св. отцов, не может быть судим никем, кроме Бога, и низвергнут ни по какой вине, разве вследствие измены вере... Преданный анафеме, осужденный приговором наших епископов, изыди, оставь захваченное тобой место, чтобы воссел на престол св. Петра другой, который не скрывал бы насилия под покровом веры и возвещал бы истинное учение св. Пет-

ра. Я, Генрих, король Божьей милостью, я говорю тебе вместе со всеми нашими епископами: “Изыди! Изыди!”»

Это письмо было вручено папе пармским священником Роландом 22 февраля на великом синоде, заседавшем в Латеранской церкви. На объявление войны Григорий VII ответил отлучением от церкви короля и его сообщников и, основываясь на своем праве распоряжаться коронами, лишил его престола: «Блаженный Петр, глава апостолов, – воскликнул он, – услышь, молю, раба твоего, которого ты воспитывал с детства и до этого дня спасал от руки нечестивых, ненавидящих меня за мою верность тебе. Ты – мой свидетель вместе с Матерью Божьей и блаженным Павлом в сонме святых, что Римская церковь призвала меня к власти против моей воли... Как твой представитель, я получил от Бога власть вязать и разрешать на небе и земле. Уверенный в этом, я ради чести и защиты твоей церкви, во имя всемогущего Бога, Отца и Сына и Святого Духа твоей властью лишая короля Генриха, который с неслыханной дерзостью восстал против церкви твоей, управления Германией и Италией, разрешаю всех христиан от клятвы верности, которую они дали или дадут ему, и запрещаю всем служить ему, как королю».

Генрих IV в Каноссе. Война была объявлена с обеих сторон. Генрих только тогда был бы в состоянии вести ее, если бы мог рассчитывать на немецких князей; но самые могущественные из них, Рудольф Швабский, герцог Каринтии Бергольд, Вельф Баварский, которых он раздражил и озлобил против себя, соединились с папой и его верным союзником в Германии, мецским епископом Германом. Им казалось, что благодаря победе над Саксонией могущество Генриха слишком возросло и могло грозить их интересам. Таким образом, когда Саксония снова возмутилась, Генрих оказался одиноким.

В сентябре 1076 г. Григорий VII в письме к епископам, князьям и всем правоверным Германии изложил план действий, которому намеревался следовать. Если Генрих хочет покориться, он должен доказать свою искренность и впредь относиться к церкви «не как к слуге, а как к госпоже»; если же он будет упорствовать, то пусть они выберут

Император
в полном парадном облачении

другого короля, которого папа утвердит. В октябре 1076 г. враги Генриха собрались в Трибуре, куда явились и папские послы. Император, находившийся неподалеку, в Оппенгейме, попытался вступить в переговоры. Он обещал управлять согласно желаниям князей, оставить им всю власть. Но они отказались слушать его, пока он не покорится папе, который – прибавляли они – обещал приехать в Германию и собрать великий сейм, где будет обсужден вопрос о положении государства и короля. Если Генрих до 22 февраля ближайшего года не будет прощен папой, то они будут считать его низложенным; до тех пор он должен жить в Шпейере и временно отказаться от управления. Генрих с виду покорился; он хотел выиграть время, чтобы поискать средства для борьбы с мятежными князьями.

Его положение было ужасно. В феврале 1077 г. в Аугсбурге должен был собраться съезд под председательством

самого Григория VII; Генрих чувствовал, что если этот проект будет осуществлен, он погиб; итак, надо было силой или хитростью помешать приезду папы. В Германии он был бессилен, но ему сообщали, что Северная Италия стоит за него и ждет его с нетерпением. В конце декабря он внезапно покинул Шпейер в сопровождении своей жены Берты и малолетнего сына Конрада, проехал Бургундию и, несмотря на необыкновенно суровую зиму, на снег и препятствия всякого рода, перешел через Альпы при Мон-Сенисе и достиг Павии. Здесь вокруг него соединились ломбардские епископы и сеньоры – ожесточенные противники папы.

Однако Генрих покинул Германию не для того, чтобы начать борьбу, сомнительный исход которой страшил его. Прежде всего он хотел разорвать союз папы с немецкими князьями. Надо было торопиться: Григорий уехал из Рима и находился в Каноссе, в замке своей союзницы, а по словам его врагов – любовницы, графини Матильды. По желанию императора, Матильда, приходившаяся ему родственницей, и клюнийский аббат Гуго, который был его крестным отцом и теперь сопровождал папу, употребляли все усилия, чтобы примирить обоих противников. Вдруг Генрих является в Каноссу. Удивленный Григорий отказывается принять его. Какие условия хотел он поставить Генриху? Если оба главных летописца, Бертольд из Рейхенау и Ламберт из Герсфельда, по этому вопросу расходятся, то, по крайней мере, в одном пункте они согласны: в течение трех дней, с 25 до 27 января, король принужден был босиком и не принимая пищи ожидать в снегу перед оградой, чтобы Григорий смилостивился и простил его. Наконец, на четвертый день папа допустил его к себе и снял с него отлучение; но он должен был предварительно дать клятву (текст ее сохранился) примириться с немецкими епископами и князьями в течение срока, который назначит папа, и согласно с его советами, и не препятствовать Григорию приехать в Германию, когда он того пожелает. В тот же день Григорий написал своим союзникам, извещая их о происшедшем; изобразив унижение короля, он прибавляет: «Все, окружавшие нас, ходатайствовали за него мольбами и слезами, удивляясь необычайной непреклонности нашего духа; некоторые восклицали даже,

что мы обнаруживаем не строгость служителя церкви, а жестокость тирана».

По рассказу некоторых летописцев, Григорий отслужил обедню в присутствии Генриха. Когда гостия была освящена, он обратился к императору со следующими словами: «Уже давно я получаю от тебя и твоих приверженцев письма, в которых вы обвиняете меня, что я достиг первосвященства путем симонии, и что и до, и после этого я осквернил свою жизнь преступлениями, которые по правилам церкви делают меня недостойным духовного звания... Вот тело Христово, которого я приобщусь; пусть всемогущий Господь, если я невинен, освободит меня от подозрения в проступках, в которых меня обвиняют; если же я виновен, да поразит он меня мгновенной смертью». И он предложил королю подвергнуться тому же испытанию, но последний в страхе уклонился. Не доказано, что этот драматический анекдот верен, но многие современники верили ему и видели в нем самоосуждение императора.

Таково было знаменитое покаяние Генриха в Каноссе; оно представляет собой самую блестящую победу, какую папство когда-либо одержало над светской властью. Папство, столько раз покорявшееся воле императоров, поднялось энергичным усилием, снова потребовало и, по-видимому, снова получило господство не только над душами, но и над телом. Идея единства, которую так лелеяли люди средних веков, казалось, осуществилась в нем: римский епископ господствует над этой идеальной монархией, которая состоит из стольких разнородных государств и границы которой совпадают с границами самого христианства; он управляет ею; он притязает на право распоряжаться ее коронами, как церковными званиями, и низлагать нечестивых королей, как симонистов-епископов.

Григорий VII и короли. Именно в этот период, когда папа находится в апогее своей славы и могущества, надо изучать его отношения к другим христианским государям. Его политика остается все та же: как он заявляет на синоде 1080 г., он имеет в виду освободить церковь повсюду, отнять церковную инвеституру у королей, герцогов, маркизов и графов, так же, как и у императора. Этому исключи-

тельному и деспотичному уму всякая власть вне церкви представляется незаконной. В одном из самых любопытных писем, где его мысли изложены с наибольшей обстоятельностью, — в письме к мецкому епископу Герману от 1081 г., он пишет: «Кто не знает, что власть королей и князей была создана людьми, которые, не зная Бога и подстрекаемые дьяволом, посредством захвата, грабежей, вероломства, убийств и преступлений всякого рода достигли господства над подобными себе?» Обычно, когда полемический пыл не заставлял его доходить до крайностей, он признавал за королевской властью божественное происхождение, но лишь с условием ее подчинения церкви.

Этого подчинения он не встречал во Франции. Здесь, как и в Германии, королевская власть захватила в свои руки выборы епископов: она продает епископства и аббатства тому, кто больше заплатит, или раздаст их своим приверженцам. При Филиппе I, современнике Григория VII, симония становится государственным учреждением, источником регулярного дохода для короля. Поэтому столкновения между ним и папой нередки. В 1073 г. Ландри, избранный в епископы Макона, принужден купить королевскую инвеституру. Григорий пишет одному из советников короля, шалонскому епископу Роклену, негодующее и грозное письмо: «Мы знаем из достоверных известий, что среди всех князей этого времени, которые по гнусной алчности продали и ограбили, попрали ногами и повергли в рабство церковь Божию, свою мать, которой, по велениям Господа, должны были бы оказывать уважение и почет, Филипп, король франков, притеснял галльские церкви настолько, что своими отвратительными преступлениями превзошел всех остальных... Необходимо, чтобы он, отказавшись от отвратительных прибылей симонии, позволил ставить на священство людей, достойных этого, или чтобы французы, пораженные мечом всеобщей анафемы, отказались впредь повиноваться ему, если не предпочитают оставить христианскую веру». В том же году собравшийся в Париже синод отказался принять папские декреты против брака священников. С другой стороны, король обирал итальянских и других чужеземных купцов, которые приезжали во Францию. В письмах к реймскому архиепископу

Воин XI в.
*Реконструкция XIX в.
из Музея артиллерии в Париже*

Манассии в сентябре и декабре 1074 г., Григорий повторяет свои угрозы; он изображает Францию запятнанной всевозможными преступлениями и вину в них приписывает Филиппу, «которого следует называть не королем, а тираном, который оскверняет свою жизнь проступками и злодеяниями и, неспособный управлять, не только не отвлекает народ от зла по недостатку авторитета, но толкает его на дурной путь примером своего поведения и своих страстей». Он называет его «хищным волком» и требует, чтобы епископы и высшие сеньоры указали ему на его беззакония и убедили исправиться. «Если он откажется, – писал он в ноябре Вильгельму, графу Пуатье, – мы созовем синод в Риме и лишим его исповеди и причастия святой церкви, его и всякого, кто будет оказывать ему почет и повиновение, следуемые королю; и это отлучение будет ежедневно подтверждаться с кафедры святого Петра».

Неизвестно, чем кончилось это резкое столкновение. Из одного письма Григория VII к королю от декабря 1080 г., можно заключить, что Филипп I умилился и обещаниями, которые, разумеется, несколько не изменили его поведения. Спор из-за инвеституры не имел во Франции ни того характера, ни тех последствий, как в Германии. Как бы незаконно ни было в глазах Григория VII вмешательство капетингского короля в дела церкви, этот соперник был для него далеко не так опасен, как германский император. Со стороны империи папству приходилось не только защищать свободу церкви: добившись или не добившись ее, оно должно было мстить за прежние унижения; кроме того, ему приходилось охранять свою политическую независимость в Италии. Что же касается Франции, то еще не настало время, когда королевская власть будет держать папство в покорности, а потом в рабстве, и Григорий VII не мог предвидеть такой опасности. Притом нашел ли бы он средства, чтобы бороться с Филиппом I в его собственном королевстве, как боролся с Генрихом IV в Германии? Во всяком случае, большинство французского духовенства было на стороне короля. Даже образованные и умные люди не могли понять, почему папа придавал такое большое значение форме инвеституры: «Какая важность, – писал Ив Шартрский папскому легату Гуго de Die, – передается ли епископство посредством руки, движением головы, словом или вручением посоха? Важно то, что короли не могут передавать ничего духовного».

Если Филипп I не хотел уступить папе, когда последний, по выражению летописца, «хотел отнять у него епископства его королевства», то еще менее он был расположен допустить вмешательство папской власти в свою политику, когда Григорий VII вздумал запретить ему воевать с новым королем Англии, Вильгельмом Завоевателем, который пользовался покровительством св. престола. Когда Вильгельм, предъявляя свои права на английскую корону, обвинил Гарольда в клятвopреступлении, он предложил передать дело на суд папы. Защитником его интересов выступил тогда Гильдебранд. «Ты не забыл, – писал он ему в 1080 г., – что еще до моего вступления на папский престол я доказал тебе

мое искреннее расположение. Ты помнишь, как я старался для тебя, сколько употребил труда, чтобы помочь тебе получить корону. Эти усилия навлекли на меня неудовольствие некоторых из моих братьев (то есть кардиналов); они упрекали меня, что я поддерживаю предприятие, которое должно повлечь за собой гибель стольких людей». И он прибавляет, что сделал это только вследствие уверенности в том, что Вильгельм будет преданным слугой церкви. Александр II отлучил Гарольда и послал нормандскому герцогу освященное знамя и реликвию св. Петра; после победы Вильгельм в знак благодарности прислал папе богатые подарки. Письма, которыми Григорий VII обменялся с Вильгельмом в начале своего правления, показывают, что в это время между ними еще существовали дружественные отношения; но когда Григорий VII потребовал, чтобы нормандский король торжественно признал свою покорность святому престолу (между 1078 и 1080 гг.), Вильгельм отказался. Он готов был платить Риму лепту св. Петра, но не хотел признать себя вассалом: «Я никогда не хотел изъявлять покорности, – писал он, – и не хочу этого теперь». С этих пор он употребляет все усилия, чтобы устранить прямое влияние папы на английское духовенство. «Он не допускал, – говорит один летописец, – чтобы кто-нибудь признавал законного первосвященника города Рима главой апостольской церкви прежде, чем он сам не признает его, или чтобы получали письма от него прежде, чем он прочитает их». Позже Григорий VII снова писал ему в примирительном тоне, но в борьбе между папой и императором Вильгельм остается нейтральным.

Норманны Южной Италии также не всегда повинуются советам папы. Как известно, в 1016 г. 40 норманнских паломников, возвращаясь из святой земли и проходя через Салерно, помогли герцогу Ваймару отразить сарацинов. Их вознаградили; вернувшись домой, они рассказали своим соотечественникам о богатствах страны, о выгодных предприятиях, какие можно сделать там, вмешавшись в войны греков, ломбардцев и арабов; вскоре Южная Италия наполнилась норманнами, пришедшими искать счастья. Эти наемники готовы служить всякому, кто им заплатит, исключая арабов, и так как они – отличные воины, то их охотно

берут на службу. Около 1040 г. три сына Танкреда Готвильского, Вильгельм Железная Рука, Дрого и Гумфрид возмутили Апулию, разбили греков и в 1043 г. в Мельфи поделили между собой страну. Вильгельм Железная Рука принял титул «норманнского графа Апулии». Победив Льва IX, который хотел прогнать их из Италии, они принудили его благословить их; в 1059 г. они сделались союзниками и вассалами папы. Во главе их стоит в это время младший сын Танкреда Готвильского, Роберт Гюискар, то есть хитрый; около 1047 г. он прибыл к старшим братьям, а в 1057-м сделался графом Апулии. Ему помогает последний сын Танкреда, Рожер, который также около этого времени является в Италию, чтобы получить свою долю добычи.

На окраине христианского мира, в Испании, где продолжается борьба между христианами и сарацинами, Григорий VII старается положить основание влиянию папства. Он посылает туда легатов, уполномоченных произвести реформу церкви, поздравляет короля Арагона, Санчо с принятием римской литургии, убеждает короля Леона – Альфонса и короля Кастилии – Санчо последовать этому примеру, но в то же время пытается распространить на эту страну и светскую власть св. престола. Граф Руси получает в лен от св. престола взамен годовой дани все земли, какие он завоюет у арабов. Тотчас по своем избрании, в апреле 1073 г., Григорий VII пишет сеньорам, которые отправляются в Испанию искать счастья: «Вы должны знать, что королевство Испанское издревле принадлежало св. Петру и что и теперь, хотя оно давно занято язычниками, оно не может принадлежать на законном основании никому другому, кроме апостольского престола». И извещая их о пожаловании лена графу Руси, он запрещает им вступать в Испанию иначе, как при условии, что они присоединятся к последнему и признают права св. Петра.

На другой окраине Европы он вмешивается в распрю между герцогом Богемским Вратиславом и братом его Яромиром. В Венгрии он порицает короля Соломона за то, что в борьбе со своим соперником Гейзой II он обратился за помощью к Генриху IV и признал себя его вассалом. «Королевство венгерское, – пишет он ему в 1074 г., – при-

надлежит св. престолу. Король Стефан отдал его блаженному Петру со всеми своими правами и со всей своей властью. Когда блаженной памяти император Генрих завоевал его во имя св. Петра, он прислал в Рим, ко гробу апостола, королевские инсигнии». Далмация признала себя подвластной греческому императору: Григорий VII посылает туда легатов с поручением отклонить их от этого, и хорватский король Звонимир присягает на верность папе (1076 г.). В Польше папа отлучает от церкви Болеслава II, виновного в убийстве краковского епископа Станислава. В Руси он вручает власть «по праву св. Петра» претенденту на киевский престол Изяславу, который признал себя вассалом св. престола.

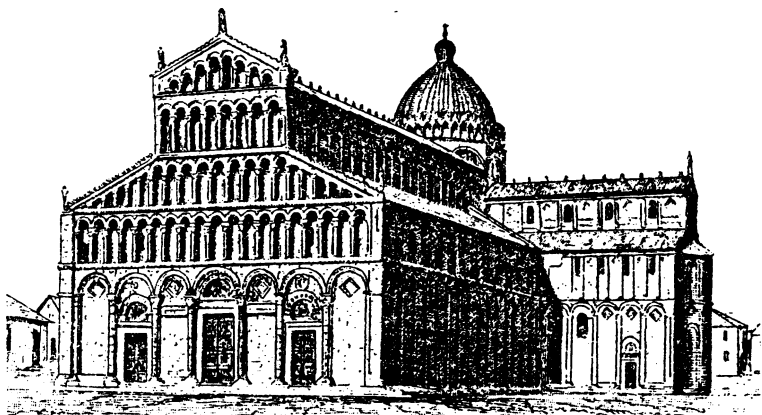
Таким образом, во всей Европе Григорий VII выступает одновременно и духовным главой, и государем. По-видимому, он мечтал даже о расширении границ этой христианской монархии, которую он с такой энергией подчинял своей власти. В 1071 г. турки-сельджуки разбили греческого императора Романа Диогена при Манцикерте в Азии; его преемник, Михаил VII Дука, вступил в сношения с папой; без сомнения, он просил помощи. В шести письмах, которые все помечены 1074 г., Григорий VII говорит о необходимости помочь Константинополю; в декабре он даже извещает Генриха IV, что готов лично отправиться на помощь грекам и на освобождение святого Гроба; он взывает ко всем, кто хотел бы стать на защиту веры.

Большая часть историков видела в этих документах полный план крестового похода. Но те два современных ученых, которые с наибольшей эрудицией и осторожностью исследовали этот вопрос,— Зибель и Риан — держатся иного взгляда. Они видят здесь только «мимолетный проблеск идеи», а не зрелый план экспедиции, имеющей целью освобождение святых мест. Как бы мы ни смотрели на этот вопрос, нельзя отрицать, что Григорий VII интересовался судьбами христианского Востока. Стремиться к религиозному примирению с греческой империей, доставлять ей новые силы для борьбы с турками,— это была, без сомнения, более мудрая политика, чем та, которой впоследствии руководились вожди большей части крестовых походов.

Возобновление распри между Григорием VII и Генрихом IV. Генрих IV в Каноссе склонил голову перед папой, но это тяжкое унижение не принесло ему ни одной из тех выгод, на которые он рассчитывал. Верный своему союзу с немецкими князьями, Григорий VII отказался вести переговоры без них. С другой стороны, враги папы в Северной Италии были возмущены поведением короля: они видели в этом примирении измену. По известию Ламберта Герсфельдского, они требовали, чтобы он отрекся от престола и чтобы королем был провозглашен его сын, хотя и малолетний. Последнего они хотели привести в Рим, где должен был быть выбран новый папа и отменены декреты Григория VII. Чтобы снова привлечь их на свою сторону, Генрих IV принужден был возобновить борьбу. В феврале 1077 г. герцоги Рудольф, Бертольд и Вельф, архиепископы Майнца, Вюрцбурга и Меца собрались на сейм в Форхгейме. На приглашение папы отправиться туда король ответил, что его удерживают дела в Италии.

На этом съезде в марте союзники Григория VII избрали в короли Рудольфа Швабского; он был помазан на царство в Майнце. Правда, новый король должен был принять условия своих избирателей, которые вовсе не имели в виду создать новую династию; взамен принципа наследственности, на котором настаивал Генрих IV, они ввели избирательное начало. Притом, избранный саксонцами и швабами, Рудольф далеко не мог рассчитывать на покорность всей Германии. Рейнские города, в которые он пытался вступить, были против него; в Майнце он был принят недружелюбно, Вормс отказался впустить его, и даже прежние союзники покинули его. Напротив, Генрих снова укрепился в Северной Италии. Когда он явился в Германию, у него тотчас нашлись приверженцы в Баварии, Богемии, Каринтии и Бургундии. Большая часть городов была за него. В Регенсбурге под его началом собралось 12-тысячное войско, в то время как Рудольф принужден был удалиться в Саксонию, где находился центр восстания. На сейме, который Генрих созвал в Ульме в мае 1077 г., Рудольф, Вельф и Бертольд были осуждены и объявлены лишенными своих владений.

Вначале Григорий, по-видимому, колебался, чью сторону принять. Он говорил, что хочет отправиться в Германию,

Собор в Пизе. Построен Бускетто в 1063–1100 гг. в честь морских побед, одержанных пизанцами в Средиземном море

чтобы разобрать спор между обоими соперниками; если в ноябре его легаты в Госларе возобновили отлучение над Генрихом, то это произошло без его ведома. Наконец, в марте 1080 г. он решился на синоде объявить Генриха лишенным власти и королевского звания. «Покажите теперь всему миру, – восклицал он, обращаясь к св. Петру и Павлу, – что как на небе вы имеете власть вязать и разрешать, так и на земле вы можете отнимать у недостойных и отдавать достойным империи, королевства, княжества, герцогства, маркграфства, графства и всякую землю»¹.

В это время война в Германии достигла крайнего напряжения. В августе 1078 г. при Мельрихштадте, между Мейнингеном и Киссингеном, произошло сражение, оставшееся нерешенным. В январе 1080 г. Рудольф одержал победу при Мюльгаузене, и именно эта победа, по-видимому, побудила папу высказаться за него; но в октябре при сражении неподалеку от берега Эльстера Рудольф был тяжело ранен и вскоре умер. Положение папы было поколеблено в ту самую минуту, когда он готовился торжествовать. В ав-

¹ Легенда, по которой папа будто бы послал Рудольфу корону с надписью; «Petra dedit Petro, Petrus diadema Rodolpho», не заслуживает доверия.

густе следующего года саксонцы и швабы, руководимые Вельфом, провозгласили в Оксенфурте нового короля, Германа Люксембургского, но последний был совершенно бессилен. Поэтому в июне 1080 г., Григорий счел благоразумным снова сблизиться с норманнами, с которыми он был не в ладах. На встрече в Аквино он снял с Роберта Гюискара отлучение, которое раньше наложил на него, и снова дал ему в лен Апулию и Калабрию, взамен чего Роберт обязался защищать Римскую церковь от ее врагов. Современники утверждают даже, что папа обещал ему императорскую корону. Но Роберт был в это время ненадежным союзником; он отдал свою дочь за сына греческого императора Михаила VII, и теперь, когда последний был низложен, старался возратить ему престол, так что вся его политика была обращена фронтом к Востоку.

Генрих IV в Риме; смерть Григория VII. Итак, к концу 1080 г. Генрих снова взял верх как в Германии, так и в Италии. Возвращая Григорию VII все удары, которые тот нанес ему, он хотел создать и антипапу, так же, как и ему самому противопоставляли антикоролей. Уже на Пасхе 1080 г. епископы, собравшись в Бамберге, объявили, что не признают Григория папой; в июне на синоде в Бриксене в присутствии короля 30 епископов объявили Григория низложенным и провозгласили папой архиепископа Равеннского Гвиберта, который принял имя Климента III. В следующем году (май 1081 г.) Генрих явился под стенами Рима; потерпев неудачу, он вернулся в 1082 г., но так как взять город штурмом ему не удалось, то он занял Тиволи. Здесь он водворил своего папу. В июне 1083 г. он взял città Leonina, и, наконец, в 1084 г. вступил в Рим. Заняв Латеранскую церковь, он велел посвятить в ней на папство Климента III, а 31 марта сам короновался императором.

Римляне, которые так долго оставались верны Григорию VII, покинули его. Осажденный в замке св. Ангела, он обратился с убедительным воззванием к Роберту Гюискару, и последний, сознавая опасность, которая грозила ему самому в случае поражения Григория, явился в мае с 30 тысячами пехотинцев и 6 тысячами всадников; в этой армии, прибывшей на помощь Римской церкви, было несколько отрядов

сицилийских сарацин. При приближении Роберта Генрих, чувствуя себя не в силах одолеть такое многочисленное войско, оставил город. Римляне пытались защищаться, но через четыре дня норманнскому герцогу удалось благодаря измене проникнуть в город. Отданный на произвол норманнских, итальянских и сарацинских полчищ, Рим подвергся всем ужасам резни, насилий и пожаров. Целые кварталы исчезли, и еще теперь в некоторых местах, особенно между Латераном и Колизеем, развалины зданий, разрушенных солдатами Роберта Гюискара, образуют глубокий пласт. Тысячи римлян были проданы в рабство. Григорий больше не мог оставаться в этом городе, опустошенном и обезлюдившем из-за него. Он последовал за Робертом Гюискаром в Салерно; здесь он созвал синод и повторил анафему на Генриха IV, Климента III и их приверженцев. В сентябре 1084 г. Роберт Гюискар предпринял поход против Восточной империи, а в июле 1085-го он умер на Корфу. Между тем Григорий заболел. Когда кардиналы напоминали ему о великих делах, которые он совершил, он отвечал им: «Я не придаю никакого значения моим трудам; единственное, что внушает мне надежду, это то, что я всегда хранил завет Господа и ненавидел беззаконие, и вот почему я умираю в изгнании»¹. Своим преемником он назначил аббата Монте-Кассино, Дезидерия. Тем, которые спрашивали его оставляет ли он в силе свои проклятия, он отвечал, что отпускает грех всем, кроме Генриха, Гвиберта и их главных приверженцев. Он умер 25 мая 1085 г. и был погребен в Салерно, в церкви св. Матвея, где прах его лежит и до сих пор.

Григорий VII изнемог в борьбе. Самое упорство его неукротимого характера было одной из главных причин его неудачи. Беспреданно показывая, как далеко простирались притязания папства по отношению к светской власти, он тем самым давал чувствовать их опасность; стремясь во что бы то ни стало унижить Генриха IV, он вызвал реакцию в пользу последнего. Духовный меч, который был в его распоряжении, имеет свойство тем скорее притупляться, чем сильнее

¹ «Dilexi justitiam et odio habui iniquitatem». Доказано, что *justitia* обозначает здесь Божий закон, свободу церкви.

им разят; потрясение, вызванное отлучением Генриха IV, было сильно, но непродолжительно. Что же касается светского оружия папы, то оно было еще гораздо слабее. Григорий VII, притязавший на господство во всем христианском мире, был государем без войска, а союзники, на которых он думал опереться, – все, кроме Матильды, поддерживали папскую политику лишь в меру собственных интересов: саксонцы и немецкие князья извлекали выгоду из нее, не принимая ее принципов, а норманны видели в ней только новой повод к наживе.

В области мысли сама смелость его притязаний и поступков привела к тому, что явилось множество теоретиков, исследовавших относительные права той и другой власти. Эти исследования составляют одну из важнейших страниц в истории политических взглядов и споров средневековья. Сам Григорий писал целые трактаты, как, например, то пространное письмо к мецкому епископу Герману, где он подтверждает всемогущество папской власти ссылками на Священное писание, сочинения отцов церкви, декреталии пап, исторические события, вроде того, как Амвросий останавливает Феодосия у дверей церкви или Захария вручает Пипину королевскую власть. Со своей стороны защитники прав императора также не обнаруживали недостатка ни в смелости, ни в эрудиции. «Это новое явление, невиданное в прежние века, – писал верденский епископ Дитрих, – что папы думают так легко распоряжаться царствами». Немецкий епископ Вальтрам в своем трактате «*De unitate ecclesiae conservanda*» («О необходимости сохранить единство церкви»), сопоставляет и истолковывает тексты из сочинений св. отцов, чтобы доказать, что власть над царствами принадлежит одному Богу, а не папам. Итальянский юрист Петр Красс в письме к Генриху IV объявляет приговор папы незаконным, противным принципу наследственности императорской власти. Так с неизвестной до сих пор горячностью был начат спор, который затем в течение нескольких веков будет волновать общество.

Последние годы Генриха IV. Спор об инвеституре не прекратился со смертью Григория VII; сам Генрих еще далеко не восторжествовал над своими врагами. В то вре-

мя, как монтекассинский аббат Дезидерий становится папой под именем Виктора II, Генрих старается упрочить свою власть в Германии и борется со своим соперником, Германом Люксембургским. Его преследуют неудачи, при Блейхфельде (август 1086 г.) он терпит даже поражение. Если смерть Германа в 1088 г., увеличила его шансы на успех, то, напротив, Виктора, отличавшегося кротким характером, сменил в марте 1088 г. энергичный папа Гуго, епископ Остии, некогда настоятель Клуни, который заявил, что принимает все планы и постановления Григория VII. Урбан II был искусным политиком. Благодаря своему союзу с Рожером, сыном Роберта Гюискара, он вступил в Рим, занятый антипапой Гвибертом (ноябрь 1088 г.), однако принужден был снова покинуть его. Первые годы своего правления он провел преимущественно на юге Италии, и можно думать, что именно здесь родилась в нем мысль о крестовом походе. Между тем он искусно успел сплотить врагов императора в Италии и Германии: маркграфиня Матильда, несмотря на то, что ей уже за 40 лет, выходит замуж за 19-летнего юношу, сына страшного Вельфа Баварского (1089). Тщетно Генрих IV предпринимает поход в Северную Италию, овладевает после долгой осады Мантуей, берет один за другим города Матильды (1090); в ту минуту, когда его успех кажется уже обеспеченным, его вторая жена, русская княжна Евпраксия, переименованная в Аделаиду, покидает его и бесчестит своими наветами; его сын Конрад, которого он провозгласил королем Италии, переходит на сторону врагов (1093). Признанный первой ломбардской лигой, в которую вошли Милан, Кремона, Лоди и Пьяченца, коронованный в Монце архиепископом Миланским, Конрад присягает в верности папе. На соборе в Пьяченце (март 1095 г.) Урбан II господствует как победитель среди необыкновенного стечения духовных и светских лиц. Уже борьба против императорской власти не поглощает его мыслей и деятельности: он проповедует крестовый поход, который и был решен в следующем году на Клермонском соборе.

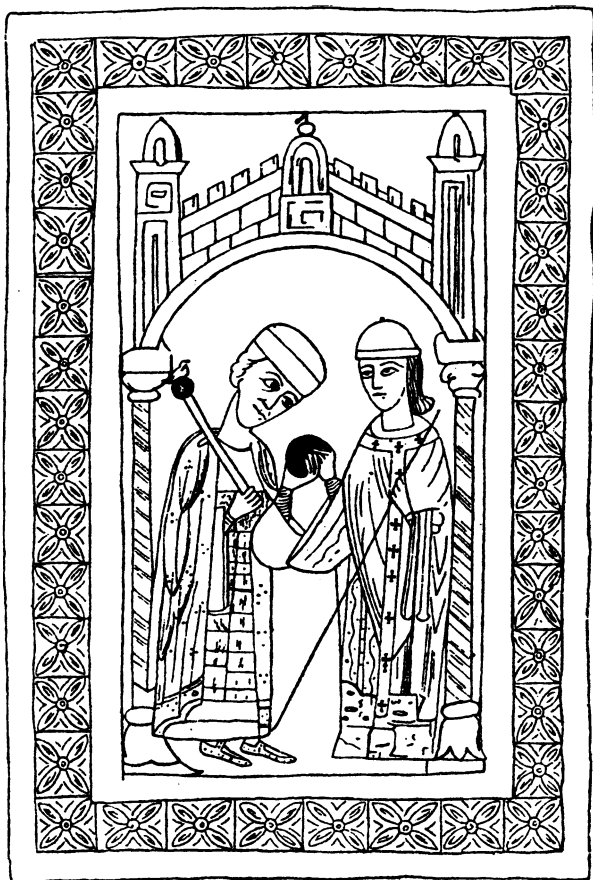
Итак, Генрих IV видел, как христианское общество соединилось под руководством папы. Его антипапа Климент III

умер в 1100 г.¹, в то время, как Урбана II, скончавшегося в июле 1099 г., сменил Пасхалий II, сторонник политики своего предшественника. Наконец, чтобы довершить его гибель, его второй сын Генрих, которого он, низложив Конрада, короновал в Ахене, в свою очередь изменил ему (декабрь 1104 г.) и признал себя вассалом папы. В Кобленце Генрих IV на коленях умоляет своего сына; несмотря на данные ему обещания, его заключают в тюрьму; он отрекается от престола; в Ингельгейме в присутствии папского легата он признает незаконным все свои притязания и постановления. Наконец, после последней попытки вернуть себе власть он умирает в Люттихе 7 августа 1106 г. Только в 1111 г. его останки, на которых тяготело проклятие, могли быть преданы погребению по церковному обряду. Таким образом, в этом страшном поединке перевес склонялся то на сторону императора, то на сторону папы. Внутри Германии Генрих IV в промежутках борьбы старался водворить порядок. Он опирался на народ, и его царствование представляет в истории городов эпоху расцвета и благосостояния.

Генрих V и Пасхалий II. Генрих V был провозглашен королем; но преступный сын, отравивший своим восстанием и вероломством последние дни отца, не мог быть верным слугой папства. Он воспользовался помощью папы, чтобы захватить власть, но когда это удалось ему, он обратился против папы. Во время собора, созванного в Труа Пасхалием II (1107), представители Генриха V при свидании с папой в Шалоне-на-Марне, опираясь на апокрифическую привилегию Адриана I, потребовали для императора «власть ставить епископов, данную некогда Карлу Великому», то есть инвеституру посохом и кольцом. Папа отказал, и императорские послы ответили: «Не здесь, а в Риме меч решит этот спор». Итак, после стольких войн, смут и измен вопрос снова оказался открытым.

Судьба благоприятствовала Генриху. После двухлетней войны с Венгрией, Польшей и Богемией (1108–1110) он от-

¹ После смерти Климента III были избраны один за другим еще несколько антипап: в 1100 г. – Дитрих, в 1102-м – Альберт, в 1105-м – Сильвестр IV, но они не играли никакой серьезной роли.

Папа Пасхалий II вручает Генриху V
императорские регалии

правился в Италию, ведя с собой многочисленную армию. Впрочем, он позаботился, по словам Оттона Фрейзингенского, «запастись учеными людьми, которые были бы готовы оправдать кого угодно». Ломбардские города, за исключением Милана, покорились императору. Сама графиня Матильда не решилась сопротивляться. В начале 1111 г. Генрих через Флоренцию двинулся к Риму. В Сутри его встретили послы Пасхалия II, которые заявили, что папа готов отказаться

от всех феодальных имуществ и привилегий, приобретенных церквями в течение веков, — «от герцогств, маркграфств, графств, от права назначать защитников церквей, от права чеканки и других регалий»; взамен он требовал свободы церковных выборов и отмены светской инвеституры. Будучи не в силах отстоять свои права оружием, папа хотел спасти независимость церкви ценой ее мирского достоинства. Генрих V принял эти условия, которые и были утверждены официальным актом. 12 февраля он вступил в Рим и в храме св. Петра начался обряд императорского коронования, причем двери храма охранялись немецкими рыцарями. Но как только был прочитан договор, заключаемый между обеими сторонами, поднялся невообразимый шум. Епископы и аббаты не соглашались признать уступки, которые делал папа, то есть лишиться своих поместий и феодальных прав; со своей стороны, князья и сеньоры также не соглашались отказаться от церковных угодий, которыми они владели. Обряд венчания был прерван; в церкви произошла свалка и король овладел папой и кардиналами. Тщетно римское население на следующий день пыталось освободить их; Генрих V отразил римлян и отослал своих пленников в Альбано; здесь он в притворном раскаянии просил прощения у Пасхалия, но в то же время заставил папу признать за ним права его предшественников: «Король в своем королевстве будет давать инвеституру посохом и кольцом епископам и аббатам, избранным свободно и без симонии; затем они будут получать церковное посвящение от архиепископа своей епархии. Кандидат, который будет избран духовенством и народом без согласия короля, может быть посвящен не прежде, как по получении королевской инвеституры; что касается раздоров, которые часто возникают при выборах, то они должны быть усмиряемы королевской властью». 13 апреля Генрих V был, наконец, коронован в храме св. Петра. Какая месть за Каноссу! И как бы для того, чтобы подчеркнуть смысл своей победы, Генрих V по возвращении в Германию в августе торжественно предал земле в Шпейере останки своего отлученного от церкви отца.

1111 г. представляет апогей могущества Генриха V. Оттон Фрейзингенский изображает его полновластным господином империи, «в которой все смиренно несут иго покор-

ности», грозой соседних народов. Однако если победа над папством и произвела то глубокое впечатление, о котором говорит немецкий летописец, она все-таки была недолговечна. Церковь не приняла условий, на которые согласился папа. Римское духовенство упрекало его в том, «что он, вопреки правилам церкви, возложил императорскую корону на короля Генриха, тирана-разрушителя государства и церкви, и дал ему нечестивую привилегию». На Латеранском соборе в марте 1112 г. Пасхалий сделал следующее торжественное заявление: «Я принимаю декреты моего учителя Григория и Урбана блаженной памяти: я отдаю то, что они отдали, утверждаю то, что они утвердили, и проклинаю то, что они проклинали». Затем ангулемский епископ Жерар, с согласия папы и синода, прочитал следующее заявление: «Мы все, собравшиеся на этом священном синоде, проклиная привилегию, которую король Генрих силой исторг у папы Пасхалия и которая есть не привилегия, а злоупотребление (*non privilegium, sed pravilegium*), и объявляем ее недействительной, ибо она требует, чтобы избранный кандидат не прежде получал церковное посвящение, как по принятии инвеституры от короля». Когда папство обнаружило слабость, сама церковь, преобразованная Григорием VII и проникшаяся его духом, напомнила папе об его обязанностях.

В самой Германии архиепископ Майнцский Адальберт, бывший до сих пор правой рукой императора, замысливает заговор против него и попадает в тюрьму (1112). В Саксонии вспыхивает новое восстание (1113), но Генрих V усмиряет его. В 1114 г. он торжественно празднует в Майнце свой брак с Матильдой, дочерью английского короля Генриха I; но на этом самом празднестве, на котором он хотел показать свое могущество, собравшиеся здесь князья и сеньоры снова затевают интриги. Арест и заточение Людовика Тюрингского, участвовавшего в саксонском восстании, окончательно выводят их из себя. В то время, когда Генрих V готовится к походу против Фрисландии, которая отказывается платить свою ежегодную дань, возмущается под руководством своего архиепископа Кельн, и его примеру следуют Лотарингия и Вестфалия. Генрих V терпит неудачу при

Печать императрицы Матильды

осаде Кельна (1114); Саксония снова поднимается под предводительством своего герцога Лотаря, и император разбит при Вельфсгольце (1115). Римский легат – кардинал Дитрих объезжает страну, оглашая постановления Латеранского собора и анафему, произнесенную над Генрихом. В самом Майнце, куда император созвал князей на съезд, граждане осаждают его дворец и принуждают освободить их архиепископа Адальберта (1115).

Однако положение дел в Италии по-видимому должно вознаградить его за неудачи в Германии. Маркграфиня Матильда умирает, завещав свои обширные владения св. престолу; но приверженцы Генриха V приглашают его вступить во владение наследством (1115). Таким образом, возникает новый конфликт между империей и папством, который тянется много лет. Если Матильда могла свободно распоряжаться своим аллодиальным имуществом, то кто дал ей право завещать феоды, которые она держала от империи? В 1116 г. Генрих является в Италию и занимает владения Матильды. Несмотря на близость императора, Пасхалий II настаивает на своих заявлениях. На новом синоде в Латеране (1116) он признает, что дурно действовал в 1111 г., и сам проклинает ту привилегию, которую тогда даровал императору. Феодальное восстание, поднятое сыном городского префекта Петром, которому он не хотел передать отцовского звания, заставляет его покинуть Рим. Мятежники при-

зывают Генриха, который 2 июня 1116 г. венчает здесь на царство свою жену Матильду. Но этот успех не имел последствий.

Окончание спора об инвеституре

Вормсский конкордат. Последние годы Генриха V. Торжество папства. Папский авторитет в Германии. Папство и Италия.

Вормсский конкордат. После смерти Пасхалия II (январь 1118 г.) папой был избран монте-кассинский монах Иоанн из Гаэты, принявший имя Геласия II. Императорская партия под предводительством Ченчьо Франджипани напала на Геласия и бросила его в темницу, но принуждена была освободить. Генрих V вступил в Рим, откуда Геласий II бежал. Потеряв надежду свергнуть папу, он выбрал антипапой старого епископа Браги – Бурдина, который принял имя Григория VIII. Но и эта мера не помогла: антипапы имеют еще меньше влияния, чем антикороли. Разве сам Генрих V в 1111 г. не принес в жертву Пасхалию II антипапу Сильвестра IV? Геласий апеллировал на императора к христианскому миру. Бежав в Бургундию, он созвал синод в Вьенне (январь 1119 г.) и сам председательствовал на нем. Спустя несколько дней он умер в Клуни; но его преемник, вьеннский архиепископ Гвидо, принявший имя Каликста II, был давно известен как один из самых страстных противников Генриха V.

Наконец, после новой попытки борьбы император решился уступить. На съезде в Вюрцбурге в 1121 г., он заключил мир с Адальбертом Майнцским и немецкими князьями. С папой, вступившим в Рим, соглашение состоялось на сейме в Вормсе (сентябрь 1122 г.). Обе стороны приняли на себя взаимные обязательства. «Я, Генрих, предоставляю Господу, святым апостолам Петру и Павлу и святой католической церкви всякую инвеституру посохом и кольцом; я соглашаюсь, чтобы во всех церквах моего королевства и империи выборы совершались согласно уставу церкви и посвящение было свободно. Что касается поместий и регалий св. Петра, отобран-

ных со времени возникновения этого спора при моем отце и при мне, то я возвращаю те из них, которые находятся в моем владении, и буду содействовать папе вернуть те, которыми теперь владеют другие. Во всех случаях, когда Римская церковь будет требовать моей помощи, я буду ей верным союзником». – «Я, Каликст, признаю, что выборы германских епископов и аббатов, зависящих от королевства, должны совершаться в твоём присутствии, без симонии и насилия, с тем, чтобы, в случае разногласия, ты по совету и с согласия архиепископа и его викариев утвердил и поддержал самого достойного из кандидатов. Избранный должен получать от тебя через принятие скипетра владения и регалии без лихоимства, исключая тех, которые будут признаны собственностью Римской церкви, и исполнять по отношению к тебе свои законные обязательства. Во всех частях империи посвященный в епископы или аббаты должен получать регалии через скипетр в течение шестимесячного срока и должен исполнять вытекающие отсюда обязанности. Я чистосердечно даю мир тебе и тем, кто были твоими приверженцами в течение этого спора». Это был ненадежный мир, потому что его условия не были точно сформулированы и могли дать повод к новым столкновениям.

Последние годы Генриха V. Несмотря на все эти уступки, последние годы Генриха V не принесли ему ни спокойствия, ни счастья. Когда он в союзе со своим тестем Генрихом I Английским предпринял поход против Капетинга Людовика VI, Франция выставила против него огромную армию, и лишь немногие сеньоры отозвались на его призыв. Дойдя до Меца, он отказался от своего предприятия. «Немцы, – говорит по этому поводу летописец Экгарт, – неохотно нападают на чужие народы». Этой сомнительной похвалой он, без сомнения, хочет дать понять, что они предпочитают междоусобные войны. Действительно, он прибавляет: «В это время, сначала в Саксонии, а затем почти во всей Германии, внешние войны прекратились и стала свирепствовать буря внутренних междоусобий. Повсюду развелись под именами рыцарей грабители, опустошавшие церковные поместья и поля и грабившие крестьян». Генрих V умер в Утрехте 23 мая 1125 г. Изменник по отношению к

отцу, жестокий и честолюбивый, он потерпел неудачу во всех своих предприятиях. Результатом его деятельности было то, что императорская власть была сужена, королевский авторитет ослаблен, Германия полна раздоров и междоусобий. Благодаря борьбе между папством и империей феодальная партия чрезвычайно усилилась. Сеньоры все более смотрели на себя как на независимых государей и забывали различие между своими аллодиальными владениями и феодами, которые они держали от короля; графства, вместо того, чтобы быть частями государства, все более обращались в маленькие державы, и фамилии, к которым они принадлежали, получали характер настоящих династий. Еще выше – князья привыкали жертвовать интересами королевской власти ради собственных выгод. Что касается класса свободных людей, то он держится еще только в городах. Если германский король слаб, то император еще слабее. В Италии – на юге – все расширяется и усиливается норманнское государство; на севере – города, в которых развиваются муниципальные учреждения, уже доказали, поддержав восстание Конрада, какой опасностью грозит союз между ними. В Бургундии авторитет императора лишь номинален; на севере и востоке славянские государства, Венгрия, Дания, Скандинавия почти совершенно освободились от германского влияния. В 1086 г. Генрих IV сделал роковую ошибку, даровав богемскому герцогу Вратиславу титул короля Богемии и Польши.

Торжество папства. Итак, этот первый период борьбы между церковью и империей окончился победой папства. Правда, оно не достигло всего, чего требовал честолюбивый Григорий VII. Сам вопрос об инвеституре был разрешен в двусмысленных выражениях, имевших целью пощадить самолюбие императора; несмотря на то, что был признан принцип свободы церковных выборов, вмешательство императора не было окончательно устранено и епископы и аббаты не освобождены от всякой связи с феодальным обществом. Так обнаружилась невозможность отделить церковное общество от светского или вполне подчинить последнее первому.

Действительный успех папства заключался в том, что оно пропитало церковь своим духом, раз и навсегда упрочило

Монета императора Генриха V.
(1106–1125)

над ней свою монархическую власть и сделало Рим единственным средоточием религиозной жизни христианства. В течение средних веков его ждут еще тяжелые испытания: церковь старается вернуть свою свободу, подчинить пап авторитету соборов. Напрасные усилия! Когда кончаются эти кризисы, апостольское самодержавие восстанавливается по принципам Григория VII, не отказавшись ни от одного из своих притязаний, и продолжает обращать в орудие своей власти все церковные учреждения, начиная с епископата и заканчивая монашескими орденами.

Собор, открывшийся в марте 1123 г. в Латеране, был как бы торжественным признанием этого нового порядка вещей. От Сугерия, который присутствовал на нем, мы знаем, что здесь собралось более трехсот епископов. Им был сообщен Вормсский конкордат; в то же время целый ряд постановлений укрепил реформы церкви и ее победы над светским обществом: запрещение симонии; запрещение священникам, дьяконам, поддьяконам и монахам вступать в брак или иметь наложниц; запрещение князьям и светским лицам налагать руку на церковное имущество; отлучение от церкви всех, кто будет грабить или облагать новыми поборами паломников, отправляющихся в Рим.

Папский авторитет в Германии. В следующем году папский легат Вильгельм, епископ Палестрины, получает поручение объехать Германию для окончательного умиротворения церквей. Уже один этот факт показывает, как велико было здесь в это время влияние папы. В процессе борьбы число епископов, аббатов, благочестивых христиан, сторонников Рима и реформы, не переставало увеличиваться. Идеи Григория VII были с энтузиазмом приняты в монашеских

кружках, и оттуда получили дальнейшее распространение. Это движение было особенно сильно в Швабии. Там, в Шварцвальде находился большой Гиршауский монастырь, который можно было бы назвать «немецким Клюни» и во главе которого с 1069 по 1091 гт. стоял баварец Вильгельм, горячий приверженец реформационной идеи. Он распространил ее в обителях Швабии, где Генрих IV встретил упорное сопротивление. Гиршау находился в сношениях с Клюни, который основал в этой области монастырь св. Власа. Было еще одно обстоятельство, которое благоприятствовало влиянию монахов на общество: Гиршау ввел в Германии орден бельцов; тогда стали присоединяться к монашеству не только люди из простонародья, но и крупные помещики, и так как число их беспрестанно увеличивалось, то многие из них жили вне монастыря. В Швабии также было учреждено Общежительное братство, аналогичное позднему «третьему ордену» францисканцев; к нему присоединились целые деревни. Эти адепты монашества, живя среди светского общества, распространяли в нем свои идеи. Из Швабии влияние Гиршауского монастыря и монастыря св. Власа перешло в соседние области: Франконию, Тюрингию, Баварию, Каринтию. Они преобразовали находившиеся здесь монастыри и основали новые поселения. Все эти монахи и полумонахи составляли пылкую и деятельную армию на службе папства и епископства, которые вдохновлялись ею.

Немецкая церковь также с согласия папы старалась распространить свои завоевания на соседние народы. Епископ Бамбергский Оттон во время борьбы императора с папой постоянно хлопотал о восстановлении мира; когда ему минуло 60 лет, он сделался апостолом Померании, которую незадолго перед тем Болеслав Польский покорил целым рядом удачных походов. С одобрения Рима он углубился в эту страну (1124); хорошо принятый герцогом Померанским Вратиславом, он объехал населенные пункты, проповедуя христианство. Когда он вернулся в Польшу (1125), более 22 тысяч померанцев были обращены в христианство и освящено 11 церквей. Позже там было основано епископство. С другой стороны, Каликст II на Латеранском соборе (1123) старался восстановить влияние гамбургско-бременско-

го архиепископа на северные страны; он создал зависимое от последнего епископство в Скандинавии. Этой попытке подчинить христианскую Скандинавию немецкой церкви не суждено было иметь успеха.

Папство и Италия. В Италии епископы Ломбардии и Романьи после продолжительного сопротивления подчинились Риму; епископы южных областей нуждались в его поддержке против посягательств норманнских князей. В Центральной Италии, в своей собственной области, папство пыталось сломить могущество светских владетелей, которые захватили мелкие княжества во владениях св. Петра. Каликст II снарядил против них несколько экспедиций и преследовал их в их же убежищах. Он старался также ослабить те мятежные фамилии, которые, воздвигая свои укрепленные башни на улицах и даже в древних памятниках Рима, терроризировали город и возбуждали в нем смуты: башня семьи Ченчьо Франджипани, «обитель тирании и несправедливости», была сравнена с землей. Однако события, последовавшие за смертью Каликста II (декабрь 1124 г.), доказали, что честолюбие семьи Франджипани далеко еще не было сломлено. Город, опустошенный норманнами, представлял самый жалкий вид. Епископ Турский Гильдеберт, посетивший Рим в 1106 г., оплакал его разрушение в поэме, полной красноречивой грусти: «Ничто не сравнится с тобой, о Рим! Ты почти весь лежишь в развалинах, но и после разрушения ты свидетельствуешь о том, каково было прежде твое величие. Века разрушили твои великолепные памятники; дворцы императоров, храмы богов лежат в болотах». Каликст II старался залечить раны, нанесенные войной; водопроводы были исправлены, произведены были некоторые работы в храме Петра и в Латеране. В городе был восстановлен порядок, и можно было без страха выйти на улицу. «С этого времени, — пишет современный автор, — в Риме настал такой глубокий мир, что ни один гражданин, ни один иностранец не носил больше оружия вопреки прежней привычке».

Таким образом, в 1124 г. папство господствовало над всем христианским миром; но условия мира не были точно оговорены, и империя, принужденная идти на уступки, должна была вскоре искать случая отомстить за свое поражение.

Папство, Германия и Италия. Фридрих Барбаросса (1125–1190)

Германия; император Лотарь, Гогенштауфены

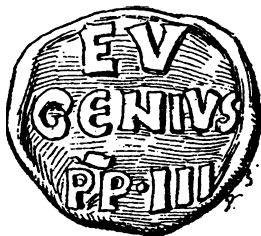
Второй период борьбы. Лотарь: борьба с Гогенштауфенами. Германия и ее восточные соседи. Спор между Иннокентием II и Анаклетом II. Лотарь в Италии. Воцарение Гогенштауфенов: Конрад III. Фридрих Барбаросса.

Второй период борьбы. После короткого перемирия (1123–1157) борьба между папством и империей возобновляется в новой форме и при иных условиях: против папства выступает могущественнейший из средневековых немецких императоров. Однако энергии и ума Фридриха Барбароссы оказывается недостаточно для того, чтобы доставить победу императорской власти; его чрезмерное честолюбие вредит успеху. В то время, как папа и император оспаривают друг у друга главенство над христианским миром, рядом с ними развиваются другие силы, другие государства, история которых представляет столь же глубокий и часто еще более реальный интерес. Феодалная и городская Германия является почти такой, какой она останется до нового времени, с ее запутанной системой княжеств и сеньорий, с ее промышленными городами, ревниво оберегающими свои привилегии. Италия со своей стороны делается страной больших муниципальных республик, в которых политическая жизнь бьет ключом, беспрестанно раздражаясь распрями и внезапными мятежами, но зато побуждая людей к энергичной деятельности и поддерживая в них со-

знание собственного достоинства. Эти республики растут благодаря трудолюбию населения, рассылают свои конторы по всем странам, посылают свои корабли во все моря от Англии до крайнего Востока; они более прочно завоевывают мир торговлей, чем крестоносцы – оружием.

Лотарь: борьба с Гогенштауфенами. Когда Генрих V умер, не оставив сыновей, в Майнце собрался большой сейм (август 1125 г.). Многие могущественные князья, вероятно, мечтали о короне. Самым честолюбивым из всех был Фридрих Гогенштауфен. Еще совсем молодой, 35 лет от роду, он был главой дома Вайблингинов, герцогом Швабии. Энергичный, смелый племянник Генриха V по матери своей Агнесе, он был братом Конрада, герцога Франконии. С другой стороны, он был женат на Юдифи, дочери баварского герцога Генриха Черного из фамилии Вельфов, которая боролась с предшествующими императорами и обширные владения которой простирались вдоль Альп в Саксонии и Италии. В сравнении с этим молодым человеком, жаждавшим власти, Лотарь Супплинбургский, герцог Саксонский, маркграф Мейссенский и Лузацкий был стариком; но он опирался на наиболее объединенную, наиболее дорожившую своей независимостью часть Германии. Высокомерие Фридриха беспокоило князей; архиепископ Майнцкий Адальберт, убедил их избрать Лотаря. По свидетельству одного современника, правда, оспариваемому некоторыми, Лотарь, обязанный своим избранием церкви, отблагодарил ее за эту услугу следующими привилегиями: «Церковь получает свободу, к которой она всегда стремилась... она пользуется свободой выбора в духовных делах, не стесняемая страхом перед императорской властью или, как раньше, присутствием императора; ...император имеет право давать торжественную инвеституру посохом на владение церковным имуществом только тому, кто свободно избран и посвящен на кафедру по духовному уставу». Однако на деле Лотарь неуклонно пользовался правами, которые Вормский конкордат признал за императором.

Гогенштауфены, обманутые в своих честолюбивых надеждах, сделались естественными врагами Лотаря. Вскоре после своего избрания он начал преследовать их, обратившись

Печать папы Евгения III
(1145–1153)

на сейме в Регенсбурге (1125) к князьям с вопросом, должны ли владения, конфискованные у изгнанных мятежников, считаться государственным имуществом или частной собственностью короля. Сейм решил, что они принадлежат государству и, следовательно, не могут быть отчуждены. А Фридрих унаследовал от Генриха V владения, происхождение которых было именно таково. В то же время Лотарь задумывал уже поход против Гогенштауфенов; сильный союзом с папой он добился того, что Гонорий II отлучил их от церкви (1125). Прежде всего он постарался приобрести союзников. Хотя в Богемии, где тогда шел спор из-за наследования герцогского престола, он потерпел поражение и ему не удалось провести своего кандидата, однако Собеслав, которому досталась победа, признал себя его вассалом и принес присягу на верность. В 1127 г. сын и наследник Генриха Баварского Генрих Гордый женился на Гертруде, дочери Лотаря. Так возникло это соперничество между Вельфами и Вайблингенами, Гвельфами и Гибеллинами, которое, много раз изменяя свой характер, в течение нескольких веков играет важную роль в политической истории Германии и Италии и даже во внутренних раздорах городов.

Война началась в этом же году. Осада Нюрнберга Лотарем окончилась неудачей. На это нападение Фридрих и Конрад ответили смелой выходкой. Во время праздников Рождества Лотарь узнал, что Конрад только что провозгласил себя королем. В 1128 г. Конрад перешел Альпы; он был хорошо принят жителями Милана, находившимися в ссоре с папой; архиепископ короновал его в Монце. Однако ему не удалось

упрочить свое господство в Италии и позднее он принужден был покинуть ее. А в Германии Лотарь торжествовал победу: в 1129 г. он отнял у Гогенштауфенов Шпейер, в 1130 г. — Нюрнберг, в 1134 г. он страшно опустошил Швабию. Не в силах дольше бороться, Фридрих явился в Фульду, чтобы изъявить свою покорность (октябрь 1134 г.). Соперник короля, Конрад, вскоре сделал то же самое. Обоим Лотарь оставил их аллоды и лены, и на Бамбергском сейме (март 1135 г.) он провозгласил всеобщий мир для всей Германии.

Германия и ее восточные соседи. Теперь Лотарь был достаточно силен, чтобы приняться за восстановление авторитета Германии среди соседних народов. В Дании оспаривавшие друг у друга власть короли Эрик и Магнус, один за другим, признали себя его вассалами. Магнус обещал даже, что никто из его преемников не возложит на себя корону без согласия императора (1134). В Венгрии король Бела II просил у него помощи против своего соперника Бориса и польского герцога Болеслава (1134). Последний дал Лотарю клятву в верности, обязался платить ему дань и владеть Померанией на правах его ленника. При дворе Лотаря наряду со славянскими князьями или их послами можно было видеть и посланников от константинопольского и венецианского дворов.

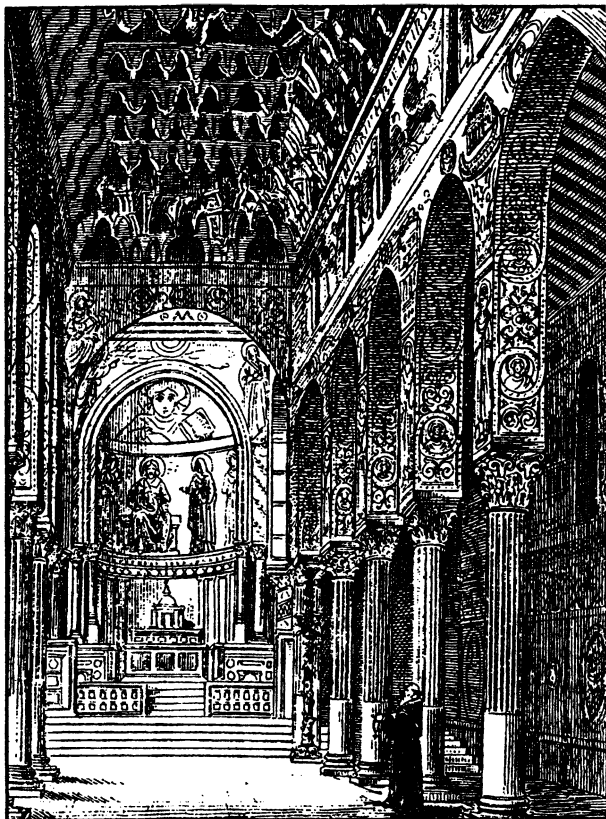
Подобно Карлу Великому и Оттонам, Лотарь хотел обеспечить влияние Германии при помощи христианства. С его разрешения Оттон Бамбергский в 1128 г. возвратился в Померанию, где язычество снова окрепло и подрывало успехи христианства. В Бранденбурге венденский князь Прибислав принял христианскую веру. Маркграф Северной марки Альбрехт Медведь своими победами и своим влиянием энергично содействовал миссионерам. Прибислав заключил с ним союз и, будучи бездетным, сделал его своим наследником: так началось могущество Асканийской династии в Бранденбурге¹. Магдебург при епископе Норберте, избранном в 1126 г., опять сделался средоточием миссий для востока, для славянских стран; Норберт хотел, чтобы новые епископства, основанные в Польше и Померании,

¹ См. ниже, глава 14.

были подчинены магдебургскому митрополиту. Папа, которому он был верным и влиятельным помощником в сношениях с королем, дал ему согласие на это в 1133 г. Таким образом, польская церковь потеряла свою независимость; гнезненский архиепископ перестал быть митрополитом. На севере папа восстановил права архиепископа Бременского над скандинавскими церквами и, особенно, над Лундским епископством. Впрочем, это были безуспешные меры: епископ Лундский по-прежнему остался митрополитом Скандинавии; епископ Гнезненский после смерти Норберта в 1135 г. снова получил свои старинные привилегии. По крайней мере, премонстранский орден, основанный Норбертом еще до избрания его архиепископом, способствовал обращению славян в христианство. С другой стороны, из Бремена отправился Визелин, чтобы проповедовать Евангелие у вагров и ободритов, среди которых христианство сделало еще небольшие успехи. По его совету Лотарь в 1134 г. построил на берегу Травы крепость Сегеберг, которая должна была господствовать над страной и охранять соседний монастырь.

Спор между Иннокентием II и Анаклетом II. В Италии папство тотчас после своей победы подверглось новым опасностям. Гонорий II, преемник Каликста II (1124), не пользовался таким авторитетом, как его предшественник. Избранный фамилией Франджипани, он имел противников в лице фамилии Пиерлеони. Феодалные партии, всегда готовые к смелым предприятиям и мятежам, снова начали волновать Рим.

На юге явилась другая опасность. Норманны, всегда сворыстные и часто опасные союзники папы, основали сильное государство, уже одно соседство которого было угрозой. После смерти Роберта Гюискара (1085) между двумя его сыновьями Рожером Борсой и Богемундом возник спор из-за наследования Калабрии и Апулии. Рожер Борса овладел наследством, а Богемунд отправился искать счастья в св. земле. Рожеру наследовал его сын Вильгельм (1111); когда последний умер бездетным (1127), Рожер II, сын и наследник завоевателя Сицилии Рожера I, также впоследствии умерший бездетным, соединил под своей властью все норманнские владения. Энергичный, способный, умевший

Интерьер дворцовой часовни в Палермо

ловко пользоваться событиями для осуществления честолюбивых замыслов, Рожер, задавшись целью с вступления на престол подчинить себе аристократию бы упрочить свою власть, перестал испрашивать пап инвеституру для духовных сановников. Гонорий отлучил от церкви, составил против него лигу из южных князей, требовал обратно Апулию и Калабрию; но все это было безуспешно: он вынужден был уступить и снова дать Рожеру инвеституру на эти провинции (1128).

После смерти Гонория II (февраль 1130 г.) разгорелась борьба соперников. В то время как одна часть кардиналов

наскоро избрала Иннокентия II, который опирался на фамилии Франджипани и Корси, другая партия противопоставила ему кардинала Петра из фамилии Пиерлеони, который принял имя Анаклета II. Иннокентий II должен был бежать в Пизу. Его соперник остался один господином Рима. Оба обратились за помощью к Лотарю. Посредничество в их споре взял на себя св. Бернард, человек, который в течение целой части этого столетия был душой христианского мира. Он родился в 1091 г. в Бургундии и на 22-м году поступил монахом в тот самый Ситоский монастырь, который благодаря своему настоятелю Этьену Гардингу сделался центром монастырской реформы. В 1115 г. он сделался аббатом цистерцианского монастыря в Клерво. Аскет и мистик, он однако соединял в себе практическую энергию с созерцательным умом. Он принимал участие в мирских делах и переезжал из страны в страну, защищая дело церкви и папства, реформу духовенства, священную войну. Всюду, где раздавалась его проповедь, он своим пылким красноречием увлекал князей и народы, отрывая их от ссор, страстей и мелких забот. Когда на соборе в Этампе французский король Людовик VI и епископы предложили ему разрешить спор между Иннокентием II и Анаклетом, св. Бернард высказался в пользу первого из них, и его примеру последовало почти все духовенство Франции за исключением Аквитании (1130). Иннокентий, нашедший убежище во Франции, председательствовал на Клермонском соборе. В том же году (1130) в Германии Вюрцбургский собор также принял его сторону. Вскоре после этого он имел в Люттихе встречу с Лотарем, причем состоялось формальное соглашение между папством и империей (март – апрель 1131 г.). На Реймском соборе он короновал нового короля Франции Людовика VII. Англия, Кастилия, Арагон в свою очередь признали его. Единственным союзником Анаклета был Рожер Сицилийский, которому он в 1130 г. пожаловал титул короля, да и Рожер был вскоре побежден восставшими апулийскими сеньорами (1132).

Лотарь в Италии. Таково было положение дел, когда в конце 1132 г. Лотарь с небольшой армией спустился в Италию. Встретив враждебный прием в Ломбардии, он дол-

жен был прибегнуть к силе, чтобы вступить в Верону, и не мог справиться с маленьким городом Кремой. На юге Реджо и Болонья заперли перед ним свои ворота. Наконец, в апреле 1133 г. он в сопровождении Иннокентия II вступил в Рим и овладел императорским дворцом на Авентине, между тем как Анаклет занял città Leonina и замок св. Ангела; поэтому ему пришлось возложить на себя императорскую корону не в церкви св. Петра, а в Латеране (июнь 1133 г.). По показанию Оттона Фрейзингенского, Иннокентий II впоследствии заказал картину, которая изображала его сидящим на троне, в то время, как преклоненный Лотарь получает из его рук корону. Под картиной была следующая надпись: «Король подходит к воротам, присягая предварительно соблюдать привилегии города, потом он делается слугой папы, от которого получает корону»:

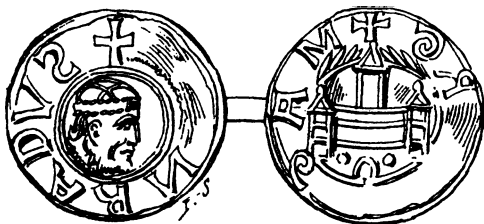
*Rex venit ante fores, jurans prius urbis honores;
Post homo fit papae, sumit quo dante coronam.*

Это надменное толкование церемонии коронования Лотаря, кажется, совершенно неосновательно: Иннокентий II признал все права, дарованные императору Вормским конкордатом. Что касается имущества графини Матильды, то было заключено соглашение, предоставлявшее императору право владеть теми имениями, которые были ленами империи; аллодиальными же поместьями он мог пользоваться за ежегодную дань в 100 ливров, а после его смерти они должны были отойти опять к курии. В 1137 г. папа пожаловал их на тех же условиях зятю короля Генриху Баварскому.

В сентябре 1136 г. Лотарь во второй раз перешел через Альпы. Иннокентий II все еще боролся с Анаклетом, и кроме того, константинопольский и венецианский дворы просили у императора помощи против Рожера Сицилийского. Энергичный и умный король норманнов стремился создать однородное государство, подчиненное сильной власти. Его противниками были сеньоры и города Южной Италии, которые очень тяготились сицилийским господством и опирались на союз с Пизой, Генуей и Венецией. Одним из самых страшных его противников был св. Бернад, который пре-

следовал его как сторонника Анаклета и проповедовал против него настоящий крестовый поход на севере и в центре Италии. Жители Милана, воспламененные его красноречием, не хотели отпустить его от себя, намереваясь против его воли сделать его своим архиепископом. По отношению к Лотарю многие ломбардские города сохранили свое независимое положение, несмотря на сильную армию, которую он в этот раз привел с собой; но когда он вместе с папой вступил в Южную Италию, он всюду одерживал победы и в короткое время овладел городами, которые пробовали оказать сопротивление, как, например, Бари и Салерно. Империя мстила за поражения, которые потерпел некогда в этой стране Оттон II. Однако когда зашел вопрос о распределении завоеваний, император и папа едва не поссорились. Папа смотрел на Апулию и Калабрию как на лены св. Петра. Нужно было найти такое решение, которое удовлетворило бы обе стороны: когда новый герцог Апулии Райнульф получал герцогское знамя, император и папа вручили его ему, держа каждый один конец знамени. В интересах мира между церковью и империей обоим союзникам пора было расстаться. Спеша возвратиться в Германию, престарелый император не сделал даже попытки снова водворить Иннокентия II в Риме, который находился в руках Анаклета. Лотарь умер во время пути в одной тирольской деревне 4 декабря 1137 г. После его удаления в Апулию и Калабрию вступил Рожер, чтобы наказать их, и отдал их на разграбление своим сарацинским отрядам.

«Вполне справедливо, – говорит один современный писатель, – мы называем Лотаря отцом отечества, ибо он мужественно защищал его и всегда был готов подвергнуть свою жизнь опасности во имя справедливости; под его управлением народу нечего было бояться; каждый мирно и спокойно пользовался своим имуществом». Его имя менее известно, чем имена многих других императоров; но в средневековой истории Германии было мало таких счастливых царствований, как царствование Лотаря. Он сумел принудить к покорности могущественную фамилию, которая оспаривала у него власть, подчинить себе князей, восстановить спокойствие, внушить соседям уважение к Германии. Благочести-

Монета Конрада III (1138–1152)

вый, искренний покровитель церкви и папства, он ни в чем не поступился Вормским конкордатом: он намеревался даже восстановить те права относительно церковных выборов, которыми прежде пользовался император.

Воцарение Гогенштауфенов: Конрад III. После смерти Лотаря во всей империи не было князя, который мог бы сравниться по могуществу с его зятем, главой дома Вельфов, баварским герцогом Генрихом Гордым. Лотарь, не имевший сыновей и видевший в нем своего преемника, старался расширить его владения и упрочить за ним территориальное положение, необходимое для того, чтобы энергично пользоваться императорской властью. Таким образом, в Германии Генрих Гордый присоединил к Баварии Швабию и Саксонию; в Италии он владел ленами, доставшимися ему из наследства Матильды, например, маркграфством Тосканским, и в силу договора, заключенного с папой в 1137 г., имел в пожизненном пользовании аллодиальные поместья, которые принадлежали к этому наследству. «Он хвастал, — говорит Оттон Фрейзингенский, — что распространил свою власть от одного моря до другого» (от Северного до Средиземного). Такое могущество в связи с пылким честолюбием и энергичным характером Генриха Гордого страшило и светских князей, и епископов. В то время, как маркграф Северной марки Альбрехт Медведь оспаривал у него саксонское наследство, те германские князья, которые были его противниками, собрались в Кобленце (март 1138 г.) и избрали королем Конрада Гогенштауфена — того самого, который в предшествовавшее царствование оспаривал корону у Лотаря.

Так началась, на этот раз непосредственно, борьба Вельфов и Вайблингов. Чтобы сломить могущество Генриха

Гордого, Конрад отнял у него Саксонию и отдал ее Альбрехту Медведю. Храбрый маркграф, который уже столько лет с такой энергией добивался господства над северными областями, естественно, был для Вельфов страшным противником. Другой королевский указ лишил Генриха Баварии, которую Конрад отдал своему сводному брату австрийскому маркграфу Леопольду из дома Бабенбергов. Генрих не хотел уступать. В 1139 г. он изгнал Альбрехта Медведя из Саксонии; но внезапно умер от лихорадки (октябрь 1139 г.) во цвете лет, на 35-м году жизни, оставив свое опасное наследство десятилетнему сыну Генриху, который впоследствии получил прозвание Льва. Борьба продолжалась. Позже, в 1142 г. во Франкфурте был подписан договор: саксонские сеньоры подчинились королю, который признал молодого Генриха саксонским герцогом; вдова Генриха Гордого Гертруда вышла замуж за брата Конрада маркграфа Генриха Язомирготта, который в следующем году получил в управление Баварию. Тем не менее, мир в Германии не был восстановлен: сторонники Вельфов не разоружались вполне; повсюду вспыхивали войны между крупными сеньориальными фамилиями; Рожер Сицилийский и венгерский король вербовали себе союзников среди немецких князей, чтобы поддерживать раздоры в Германии; в Провансе и Бургундии власть Конрада была ничтожна.

Несмотря на столько затруднений внутри государства, Конрад составил между тем план целого ряда походов. Он заключил с константинопольским двором союзный договор против Рожера Сицилийского (1142); позднее император Мануил Комнин женился на его свояченице Берте Зульцбахской (1146). Увлеченный св. Бернардом, он возложил на себя крест в Шпейере на Рождестве 1146 г. Князья и сеньоры последовали его примеру; междоусобные войны прекратились. Во Франкфурте (март 1147 г.) провозглашен был всеобщий мир. В мае Конрад, короновав своего десятилетнего сына Генриха, выступил в поход со множеством искателей приключений, бедняков и богатых, даже женщин, вооруженных с ног до головы. Среди них, как рассказывает летописец, было много людей, которых гнали из отечества крайняя бедность, долги, стремление покрыть забвением

какой-нибудь проступок. Это был второй крестовый поход; известно, как неудачно он закончился¹.

В самой Германии многие сеньоры, особенно саксонские, мало интересуясь посещением Иерусалима, организовали под влиянием св. Бернарда крестовый поход против вендов. Успеху немецкого влияния в этой стране помешали раздоры между Альбрехтом Медведем и Генрихом Гордым. Между тем граф Адольф Голштинский возобновил борьбу со славянами, завоевал Вагрию, восстановил Любек, покровительствовал христианским миссиям, призвал колонистов из Фландрии, Голландии и Вестфалии, обещая им землю, богатую плодами, стадами, пастбищами. «Несметное множество народа откликнулось на этот призыв» (Гельмольд). Он завязал дружеские сношения с ободритским князем Никлотом. Крестовый поход чуть не разрушил всей его работы, вызвав нашествие вендов: они снова разрушили Любек и опустошили поселения немецких колонистов. Поход, предпринятый против них, продолжался только несколько недель; единственным серьезным результатом его было обращение в христианство Ратибора, герцога Померании. Адольф получил возможность восстановить свое влияние в Вагрии, но больше всего эти события послужили на пользу Генриху Льву, который упрочил свою власть в Саксонии и завоевал область Дитмаршен (1148). Между тем его соперник Альбрехт Медведь после смерти бранденбургского князя Прибислава (1150) унаследовал его княжество; он ввел здесь германское устройство и довершил распространение христианства, покровительствуя пропаганде премонстранцев. Епископство Гавельбергское также обязано было ему своим развитием. Несмотря на анархию, которой ознаменовалось царствование Конрада, пределы германского мира все-таки расширялись в ущерб славянству.

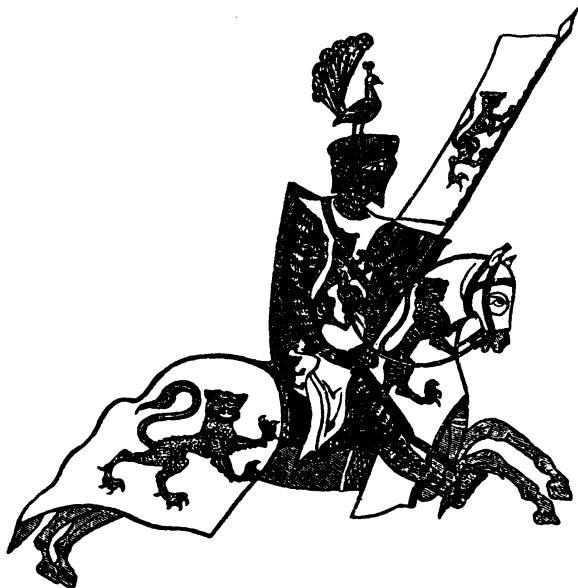
Последние годы Конрада прошли так же тревожно. Во время крестового похода князь возмутился против его сына Генриха; граф Вельф VI в союзе с Рожером Сицилийским старался возбудить большое восстание. Возвращение короля (май 1149 г.) не восстановило порядка. Вельф про-

¹ См. ниже, глава 6.

должал свои происки. Генрих Лев взялся за оружие и потребовал назад Баварию. Умирая (февраль 1152 г.), Конрад оставил Германию глубоко расстроенной, а королевскую власть – совершенно бессильной.

Фридрих Барбаросса. Скоро положение изменилось. Конрад оставил после себя только одного восьмилетнего сына; он понимал, что должен отказаться от мысли передать ему престол и указал избирателям на своего племянника Фридриха Швабского. Немецкие князья, собравшись во Франкфурте, приступили к осуществлению своего права, «ибо, – говорит Оттон Фрейзингенский, – таков закон Римской империи, что короли выбираются князьями, а не получают престол по наследству». Но они последовали совету Конрада. Епископ-историк, приходившийся дядей новому королю, прибавляет, что к этому решению их побудила жажда мира: «Среди фамилий империи были тогда две знаменитые, Вайблингены и Вельфы, из которых первая –

Рыцарь времен Гогенштауфенов в полном вооружении.
Миниатюра из генуэзской лицевой хроники XII в.

обычно держала сторону императоров, вторая – оказывала поддержку могущественным герцогам. Их соперничество часто бывало причиной волнений в государстве. Но, по воле Провидения, в царствование Генриха V отец Фридриха из фамилии Вайблингинов женился на дочери герцога Вельфа Баварского. Таким образом, князья избрали Фридриха не только ради его энергии и влияния, но и потому, что он мог примирить обе враждебные фамилии».

Еще молодому (ему было около 30 лет), умному, честолюбивому Фридриху Барбароссе суждено было в течение 38 лет волновать мир и господствовать над ним. Он воплотил в себе все типичные черты средневекового германского императора и неутомимо стремился к осуществлению всех планов и надежд, которые его современники связывали с этим званием. Доблестный рыцарь и выдающийся государственный человек, он, правда, не во всех предприятиях имел успех, но его царствование покрыто необыкновенным блеском, усилению которого как будто способствовали все обстоятельства. Германия XII в. пробуждается к новой жизни, города процветают, народная поэзия нарождается и быстро развивается; и если это не есть дело собственно Фридриха, то он способствовал этому расцвету своей настойчивостью в устроении порядка и рыцарским блеском своего двора.

Фридрих Барбаросса преследовал одновременно двоякого рода политику: королевскую и имперскую. Как король Германии, он хотел установить в ней большее единство управления, ослабить крупных феодалов и в то же время положить конец насилиям мелких сеньоров. Как император, он руководствовался традициями; он считал себя наследником Константина, Юстиниана, Оттона, Карла Великого. Тотчас после своего избрания он писал папе, что его цель – «восстановить величие Римской империи в ее прежней силе и блеске», и летописец Радевик говорит по этому поводу: «Во все время своего царствования он ни о чем так не заботился, как о восстановлении прежнего значения Римской империи». Приводя в исполнение свои планы, он часто обнаруживал ум более ясный и более практический, чем его немецкие предшественники. Ни Карл Великий, ни Оттон не

знали точно имперского права, на которое они ссылались; не то было при Фридрихе: легисты, болонские доктора, которыми он окружал себя и к которым обращался за определением своих прав, были истолкователями последних. Они постарались найти наиболее благоприятные для его власти положения; они внушили императору, что его желание имеет силу закона, что ему принадлежит не только верховная власть, но и право собственности над миром. Вооруженный этими краткими аксиомами, Фридрих владел ими с такой же силой и искусством, как своим мечом. Храбрый, как Ричард Львиное Сердце, подчас ловкий политик, как Филипп Август, он напоминает Филиппа Красивого своими ссылками на римское право и тем, что во всем опирается на юристов; но в то время, как Капетинги направляют свои усилия к вполне определенной цели, он еще всецело находится во власти химер прошлого. Вот почему, достигнув больших успехов как король, он потерпел неудачу как император. Несмотря на свою настойчивость и на жестокие меры, к которым он прибегал, он не сумел справиться ни с папством, ни с ломбардскими городами; стремясь поработить Италию, он возбудил в ней стремление к независимости и вместе с тем сделал папство более популярным.

Италия и Фридрих Барбаросса

Ломбардские и тосканские города. Морские республики. Рим: папство; Арнольд Брешийский. Рожер Сицилийский и Южная Италия. Фридрих Барбаросса в Италии. Столкновение с Адрианом IV. Война с Миланом. Александр III. Ломбардская лига. Венецианский и Констанцский договоры.

Ломбардские и тосканские города. Чтобы понять борьбу, которую вел Фридрих Барбаросса по ту сторону Альп, нужно познакомиться с этой новой, полной жизни и страсти Италией, с которой он столкнулся здесь.

Ломбардия сделалась преимущественно страной муниципальных учреждений. Если новейшие работы доказали, что невозможно установить прямую преемственность меж-

ду римскими муниципиями и муниципиями средних веков, то, по крайней мере, с уверенностью можно сказать, что ломбардские города всегда играли важную роль и что в первые столетия средних веков городская жизнь сохранилась там лучше, чем в каком бы то ни было другом месте. В IX и X в. епископы сделались фактическими господами ломбардских городов: они присоединили к своей власти власть древних графов; в их руках сосредоточиваются администрация, суд, полиция, набор войска как в городе, так и в его округе. Многочисленные акты об иммунитетах, дарованных императорами церквям Модены, Реджо, Мантуи, Пармы, Бергамо, Кремоны, Лоди, Верчелли и пр., дают нам ясное представление об этой организации. Если в некоторых городах, как, например, в Милане, государство еще держит графов и маркграфов, то они играют жалкую роль рядом с архиепископом. Далее на юг картина меняется: в Тоскане могущество епископа не достигает таких размеров, а маркграфы обладают действительной властью.

Под прикрытием епископской власти и образуются ломбардские муниципии. Даже там, где власть епископа простирается на целое графство, город остается центром последнего. Окруженный стенами, населенный людьми, которых связывает друг с другом множество общих интересов, он рано начинает сознавать свою индивидуальность и свою силу; купцы и ремесленники образуют самоуправляющиеся корпорации, которые, соединяясь, и создадут позже коммунальную администрацию. Притом епископ, управляющий городом, является до известной степени муниципальным магистратом: юридически, хотя не всегда фактически, граждане принимают участие в его избрании; он сам назначает ассессоров, то есть уполномоченных, которые судят и управляют от его имени; он выбирает их из среды буржуазии и таким образом со своей стороны содействует подготовке муниципального строя. Примером такого устройства может служить Милан. В IX в. власть архиепископа там безгранична, но город обнаруживает необыкновенную живучесть: в XI в. число его жителей достигает 300 тысяч; его промышленность и торговля находятся в цветущем состоянии. Архиепископы управляют городом, назначают муниципальных

Фридрих I Барбаросса

чиновников, созывают общие народные собрания; в первой половине XI в. архиепископ Гериберт, поддерживаемый гражданами, вступает в борьбу с самим императором.

Почти во всех этих городах с течением времени наступает минута, когда та часть населения, которая объединилась под покровом епископской власти, начинает стремиться к освобождению от этого верховенства, находя его слишком тяжелым. В Кремоне в начале XI в., граждане от-

казываются уплатить епископу Ландульффу (1003–1031) различные повинности, изгоняют его и разрушают его замок. Реформы в устройстве церкви, произведенные в течение второй половины XI в., и спор из-за инвеституры ослабили могущество епископов, вызвали брожение в городах и благоприятствовали стремлению граждан к независимости. В Милане народ с этого времени беспрестанно бунтует против архиепископов, и среди этих-то смут возникает муниципальное устройство. С другой стороны, города уже представляют собой силу, поддержку которой папа и император постоянно стараются приобрести путем уступок. Подстрекательная жителям Лукки к восстанию против их епископа Ансельма, Генрих IV вознаграждает их важными привилегиями и приказывает, чтобы с этих пор «ни один епископ, герцог, маркиз, граф или кто бы то ни был не смел нарушать их прав». В противном лагере также стараются обеспечить себе верность городов, как показывают привилегии, пожалованные графиней Матильдой Мантуе в 1090 г. Мантуанцы не хотят более подчиняться епископской власти: они изгоняют своего епископа Гуго, который умирает в изгнании в 1109 г., и его преемник Манфред во время одного мятежа с трудом спасается от смерти. Регалии, приобретенные или захваченные епископами, переходят в руки граждан.

Итак, в конце XI и в первой половине XII вв. совершается революция, благодаря которой епископское управление во многих городах заменяется муниципальной автономией. В Ломбардии одним из признаков этой революции является распространение *консулата*, который уже и раньше встречается в некоторых итальянских городах, например, в Вероне, Орвието, Равенне и др. В 1093 г. *консулы* появляются в Бландрате, в 1095-м – в Асти, в 1109-м – в Комо, в 1107-м – в Милане, в 1115-м – в Гвастале, в 1126-м – в Пьяченце, в 1150-м – в Модене и т. д., а за пределами Ломбардии в 1094-м г. – в Пизе, в 1099-м – в Генуе и т. д.

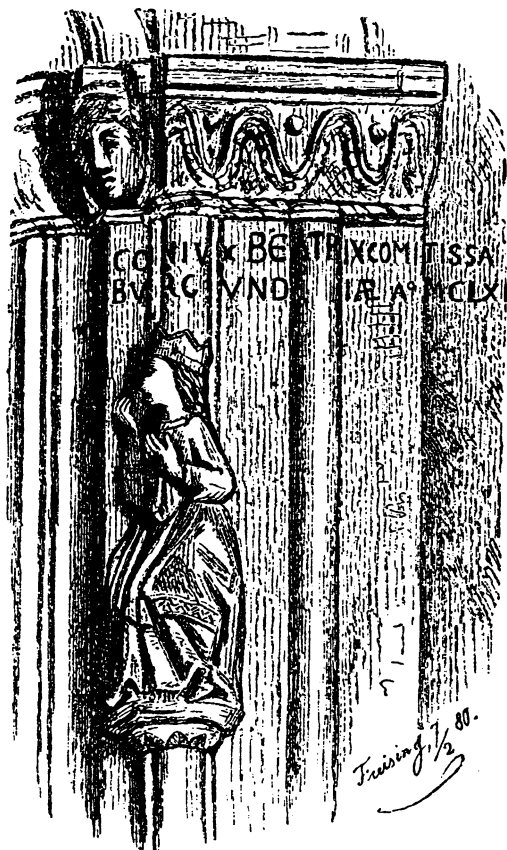
Муниципальное управление состоит из трех основных элементов: консулов, совета и народного собрания.

Консулы являются администраторами, судьями и военачальниками. В некоторых городах каждое сословие назначает своих консулов. Дело в том, что муниципия заключает

в себе соперничающие сословия: знать (*milites, capitanei, valvassores*), буржуазию и чернь. Во многих местах знать первоначально даже вовсе не входит в состав муниципального общества. В Модене она только в 1185 г. присоединяется к нему, то есть начинает участвовать в консульских выборах и обязывается подчиняться муниципальным магистратам. Итак, консулы являются главами ассоциации, которая может охватывать собой и не все классы населения; так, в Генуе около середины XII в., духовенство и чернь (*minores*) пользуются покровительством ассоциации, но не входят в ее состав. Во многих городах число консулов достигает двенадцати; но число это постоянно меняется, часто даже в одном и том же городе: в Милане их было в 1117 г. восемнадцать, в 1130-м – двадцать, в 1162-м – восемь. Иногда число консулов находится в соответствии с количеством кварталов (*rioni, sestieri*) – деление, служащее целям администрации и военного устройства муниципии.

При консулах находится совет, называемый обычно *credentia*, так как члены его (так называемые *sapientes, prudentes* – «мудрые») давали присягу доверять консулам: *credentiam consulum juraverunt*. Они дают советы консулам, и в некоторых городах консулы не могут принимать важных мер без их согласия. О способе назначения членов совета мы не имеем точных сведений. Общее собрание, *concio publica, parlamentum* включает в себе всех, кто участвует в ассоциации, – *communitas*. Оно созывается только в наиболее важных случаях. Однако в некоторых городах консулы обязаны по окончании срока службы отдавать ему отчет в своей деятельности.

Каждый город имеет свои обычаи, записанные в его статутах, где римское право смешивается с ломбардским. Кроме того, в некоторых городах процветает юридическое преподавание, особенно в Болонье, которая, по выражению одного современника, «в преподавании свободных искусств превосходила тогда все города Италии». Со всех концов мира стекались туда студенты. Там преподавал в начале XII в. знаменитый Ирнерий, который своими лекциями о законодательстве Юстиниана прославил Болонскую школу. Римское право преподавалось в Болонье и до него. В конце XII в.

Беатриса Бургундская,
супруга Фридриха Барбароссы

там насчитывается около 10 тысяч студентов благодаря привилегиям, которые даровал болонским профессорам и студентам Фридрих I в 1158 г. Но университет в настоящем смысле слова возникает в Болонье гораздо позже.

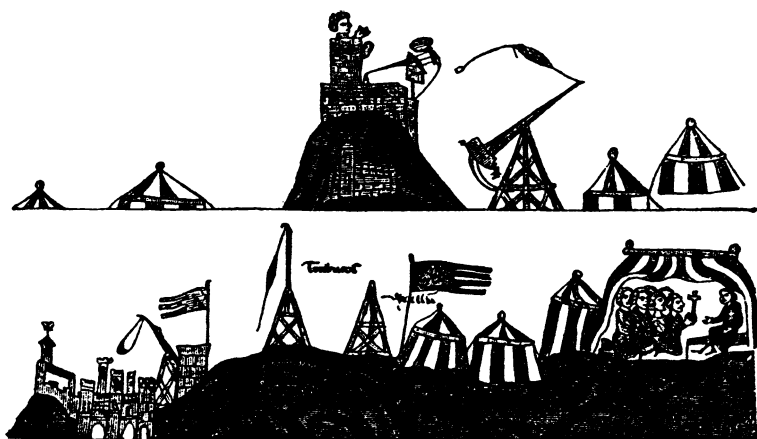
И в других городах старинные школы начинают вскоре развиваться и превращаться в университеты, *studia generalia*. Один новейший историк, глубоко изучивший историю средневековых университетов, говорит, что «в Италии основание университетов совпало с эпохой свободных городов», он ука-

зывает 22 города, которые учредили у себя университеты в промежуток времени от начала XIII до начала XV в.

В центре Италии, в Тоскане, муниципальный строй организуется за счет власти маркграфов: в Лукке около 1134 г., жители принуждают своего маркграфа бежать в Пизу. В 1160 г. герцог Вельф VI, получивший в лен Тоскану, уступает луккам за ежегодную дань все пошрины, собираемые им в городе и его округе. Из тосканских городов наиболее быстро растет Флоренция благодаря своей промышленности. Флорентийские сукна уже тогда славились. Наряду с промыслом Calimala (улица, где находились лавки суконщиков, называлась Callis Malus) появляются другие отрасли промышленности – шелковое и шерстяное производства, меняльное дело – так как флорентийцы уже приобрели опыт в банковских делах. Другие промыслы возникают в конце XII в. Эти корпорации имеют своих *ректоров* или *приоров*, позднее – *ремесленных консулов*. Они обсуждают дела, затрагивающие интересы города, и вмешиваются в их решение: отсюда и возникает муниципальная организация. В 1101 г. мы слышим уже о консулах, народных собраниях.

Таково в общих чертах это устройство, которое в различных городах разнится своими деталями. Историк Фридриха Барбароссы Оттон Фрейзингенский описал, не без некоторого негодования, управление этих городов, где знать должна действовать заодно с буржуазией, где люди низкого происхождения – мастеровые, занимающиеся «презренными ремеслами», – могут носить оружие, предоставленное в других местах только рыцарям, и достигать в городском управлении почетных должностей. Но он признает, что благодаря этому устройству итальянские города «превзошли богатством и могуществом все остальные города мира».

Между тем, во внутренней жизни города нет ни свободы, ни спокойствия. «В итальянском городе, – справедливо говорит Гебгарт, – свобода и равенство господствуют только с виду. Община наблюдает за индивидуумом и стесняет его деятельность. Гражданин так же строго прикреплен к своему городу, как колон – к своему участку... Он заключен в одну из групп, совокупность которых составляет коммуну; он всю жизнь принадлежит определенному классу,

Осада итальянского города во времена Гогенштауфенов.

Миниатюра из генуэзской лицевой хроники. 1227 г.

Слева на рисунке – камнеметные машины в разных фазах действия (рядом с одной из них – надпись «trabucos»); правее – шатры лагеря осаждающих и среди них – войсковое знамя (с надписью «vexillum»); в крайнем шатре – церемония сдачи города

цеху, корпорации, приходу или кварталу. Его консулы и советники не только отмеривают ему его часть политической свободы, но и регулируют путем декретов акты его частной жизни, определяя как число фиговых и миндальных деревьев, которые он имеет право посадить на своем поле, так и количество священников и восковых свечей, которые будут сопровождать его гроб»... Добавим, что он должен принадлежать к одной из партий, на которые распадается город, которые вступают между собой в ожесточенные битвы и обагрят кровью улицы. Борьба между крупной буржуазией (*popolo grasso*) и чернью (*popolo minuto*) продолжается до тех пор, пока ослабевшие муниципии не подпадут под иго тиранов. Знатные фамилии, аристократия, следят за этими раздорами и стараются извлечь из них выгоду; города покрываются башнями – укреплениями знати. Союзы или распри между фамилиями, из которых каждая окружена вооруженной клиентелой, также ведут к образованию партий. Нередко один квартал враждует и воюет с другим кварталом, одна улица – с другой.

С другой стороны, непримиримая ненависть разделяет города одной и той же области; они истощают свои силы, разоряя друг друга. «Казалось, – говорит один итальянский писатель того времени, которого нельзя заподозрить в пристрастности, – что каждое поколение старается по мере сил увеличить эту пагубную наследственную ненависть. Мести домогаются с ужасающей настойчивостью, осуществляют ее с самой варварской жестокостью. Миланцы, овладев Лоди после продолжительной осады, разрушают стены, сжигают дома, разгоняют население и оставляют на месте города груды развалин... Когда Милан был покорен Фридрихом Барбароссой, жители Лоди, Кремоны, Новары, Павии просили привилегии разрушить стены и дома побежденного города». История Ломбардии представляет немало примеров такого рода; в Тоскане уже началась борьба между Пизой и Луккой, между Флоренцией и Сиеной.

Морские республики. Некоторые из больших итальянских городов XII и XIII вв., расположенные в глубине страны, были по преимуществу промышленными городами, как например, Флоренция и Милан.

Другие, лежащие при море, были торговыми республиками, например, Венеция, Генуя, Пиза, Амальфи. Они вели торговлю с востоком, который благодаря разнообразию своих продуктов был для них неисчерпаемым источником богатств. Жадные до прибыли, мало разборчивые в средствах, они поддерживали связи и с мусульманскими князьями, и с греческим императором, извлекали свои выгоды из крестовых походов, основывали колонии и учреждали конторы во всех странах вплоть до Черного моря. С VII в. история и культура Венеции носят столько же византийский, сколько и итальянский характер; ее дожи ловко пользуются должностными титулами, которые жалует им византийский император. Даже внешность города, с его памятниками и костюмами, – совершенно восточная. Во второй половине XII в. здесь начинается то политическое движение, которое, ограничивая власть дожей, приводит к установлению аристократического образа правления, значительно отличавшегося от государственного устройства остальной Италии. Звание дожей существовало уже очень давно; избираемые пожиз-

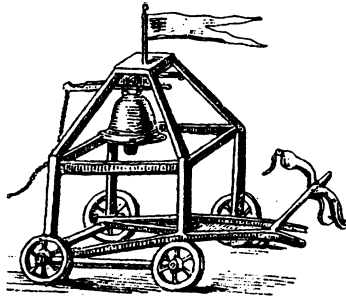
ненно, они не раз старались сделать свою власть наследственной. Уже закон 1032 г. запрещает дожу вмешиваться в избрание своего преемника и дает ему в помощь двух советников, без которых он не может предпринять никакого серьезного решения.

Руководимые своими интересами, эти морские республики еще задолго до крестовых походов оспаривали у арабов Средиземное море. В 1001 г. Пиза вместе с Генуей предприняла поход в Сирию, в 1088 г. – в Тунис. В первом крестовом походе Генуя участвовала 34 кораблями, Пиза – 120; Венеция в несколько приемов снарядила 200 кораблей. Нередко они предпринимали крестовые походы за свой счет: в 1113 г. Пиза объявила войну королю Майорки Назардеку и отняла у него его остров, в то время как ее соперница Генуя завладела Миноркой. Греческая империя считалась с ними, искала их союза; венецианцы устраивались в Константинополе как у себя дома¹. Пизанцы и генуэзцы также имели там свои кварталы и пользовались привилегиями, дарованными им в силу императорских грамот. В латинском королевстве иная из трех больших морских республик владела целой третью города: например, Генуя в Триполи. Везде – в Яффе, Тире, Антиохии, Акре, Сидоне, Иерусалиме и т. д. им принадлежали целые кварталы с площадями, улицами, церквями; они образовали там самостоятельные государства, имели свои суды, своих правителей (консулы в генуэзских колониях, бальи – в венецианских) и советы при них. В общем, они основывали небольшие общины с такими же учреждениями, какие были в метрополии.

К несчастью, среди морских республик существовала такая же сильная и упорная вражда, как и среди ломбардских или тосканских городов. В 1136 г. Пиза овладела городом Амальфи и разрушила его; позднее Генуя сокрушила Пизу; между Генуей и Венецией война продолжалась до конца средних веков; также они нападали друг на друга и в своих колониях за границей.

Рим: папство; Арнольд Брешийский. В то время как в Северной и Центральной Италии точно определилось

¹ См. ниже, глава 15.

Итальянская повозка кароччио
со знаменем города.
С рисунка XVII в.

устройство городских общин, в Риме вспыхнула городская революция совершенно особенного характера, в которой традиции и воспоминания о древности странным образом перемешались с современными страстями.

Папы отчасти одержали победу в споре об инвеституре, они увлекли мир в поход к святым местам; но по странной иронии, их положение нигде не было более шатко, нигде не относились к ним с меньшим уважением, чем в Риме. Здесь господствуют феодальные партии – Франджипани, Пиерлеони, Колонна, Корсини; вопреки декрету 1059 г. эти могущественные фамилии оказывают влияние на избрание пап, готовые впрочем, если того требуют их интересы, пожертвовать избранным ими же папой ради другого, против которого они раньше боролись, например, Анаклетом ради Иннокентия II.

В 1137 г. после долгих испытаний Иннокентий II вернулся в Рим. Под конец своего правления он не позволил римлянам разрушить ненавистный им город Тиволи. «Тогда (1143), – говорит Оттон Фрейзингенский, – римляне подняли восстание и собрались на Капитолии; желая возвратить городу его старинное величие, они восстановили давно исчезнувшее учреждение – сенат».

Как и в других городах, население Рима делилось на несколько классов. Первое место занимала городская аристократия: члены ее обыкновенно обозначались словом *consules*,

которое не было связано с какой-нибудь должностью, а лишь с общественным положением. Рядом с ними стояли бароны Римской области *capitani*. Ниже их идут *milites*, которые образуют мелкую аристократию. Еще ниже следует чернь. До сих пор в Риме господствовали *consules*, *capitani* и их сторонники. Между тем, чернь имела военное устройство: каждый квартал составлял отряд под командой начальника. Недовольная господством консулов, она нашла союзников в классе *milites*, которые не менее страдали от этого господства, и она-то совершила революцию 1143 г.

Но в Риме это движение должно было получить другой характер, чем в торговых и промышленных городах остальной Италии. Здесь все говорило о славном прошлом, воспоминания о котором, переплетенные с легендами, воспламеняли воображение народа. Авторы, писавшие в то время для пилигримов и толпы маленькие путеводители, которые известны были под названием «*Mirabilia urbis Romae*»¹, связывали с каждым храмом, с каждым развалившимся памятником чудесные сказания. «Капитолий, – говорили они, – называется так потому, что он некогда был главой мира; там жили консулы и сенаторы, управлявшие миром; там был дворец, весь сияющий золотом и драгоценными камнями, а внутри его находилось столько статуй, сколько было провинций в империи». Учреждая на Капитолии новую коммуну, римляне XII в. хотели вернуть себе все наследие прошлого.

Эта революция олицетворилась в Арнольде Брешийском (Брешанском). К несчастью, кроме сообщений его врагов, мы не имеем о нем почти никаких известий. Уроженец Брешии (ныне Бреша), ученик великого французского новатора Абельяра, воспламенявшего тогда юношество смелостью своих учений, Арнольд по возвращении на родину сделался клириком. Он нападал на папу и высшее духовенство. Он хотел, чтобы церковь была преобразована, чтобы она отказалась от светских имений, забот о делах этого мира и ограничилась исключительно своей духовной ролью. Обвиненный перед папой в ереси, он был осужден на Латеранском

¹ Эти любопытные сочинения были изданы, главным образом, *Ulrichs. Codex urbis Romae topographicus*, 1871.

соборе 1139 г. Затем он снова появляется во Франции, где подвергается преследованиям со стороны св. Бернарда, который видит в нем «оруженосца» Абеяра. Изгнанный из Парижа по приказанию короля, он бежал в Цюрих. Св. Бернард преследовал его без пощады. Вот что он писал кардиналу Гвидо, который покровительствовал ему: «Арнольд Брешийский, речь которого – мед, а учение – яд, человек, которого Брешия изрыгнула и которым Рим гнушается, которого Франция изгоняет, Германия проклиняет, Италия отказывается принять, этот человек находит у тебя поддержку: быть расположенным к нему значит быть против папы и Бога». Таков был человек, которого мы видим в 1147 г. во главе римлян, возбуждающим своей речью толпу на Капитолии. Испытания закалили его характер и усилили страстность его убеждений; он хочет преобразовать церковь и государство, восстановить, с одной стороны простое и бедное христианство первых дней, с другой стороны – Древний Рим. Однако было бы ошибочно смотреть на него только как на мистика и мечтателя: будучи человеком дела, он отличался решимостью и живым красноречьем.

Когда он явился в Рим, община торжествовала. Поддерживаемый знатью, папа Луций II хотел взять Капитолий штурмом; но он был отбит и, раненный камнем, вскоре умер (февраль 1145 г.). Община выбрала себе в начальники патриция Джордано Пиерлеоне, одного из немногих членов аристократии, которые стали на сторону народа. Она объявила, что папа должен отречься от светской власти в пользу этого магистрата. Нобили, находившиеся в Риме, принуждены были признать власть «патриция»; народ разрушал феодальные башни. В 1144 г. организовался сенат, и акты датировались «от восстановления священного сената». Сенаторов было 56, по четыре от каждого округа. Один уцелевший документ, подписанный 25 сенаторами, показывает, что это были люди из низших классов: очевидно, что все движение носило демократический характер.

После смерти Луция II ни один из кардиналов не решался принять власть в такую критическую минуту; отыскивали одного цистерцианского монаха, чуждого политической жизни, – аббата монастыря св. Анастасия в Tre-Fontani близ Рима.

Новый папа Евгений III был простодушный и робкий человек; но за спиной этого монаха, внезапно вырванного из тиши монастырской жизни и брошенного в водоворот самой опасной борьбы, какую когда-либо перенесло папство, стоял его учитель действительный глава христианского мира св. Бернад. Он обратился к Евгению III с трактатом «De consideratione», представляющим ценный документ для понимания этой эпохи; здесь он утешает его, ободряет и напоминает ему об обязанностях папы. Св. Бернад знал слабые стороны церкви: он беспощадно бичевал пороки и недостатки духовенства и его вождей. В сочинении «De consideratione» он упрекает пап в том, что они предпочли наследие Константина наследию св. Петра и придают больше значения своей светской власти, чем своему духовному сану. Он хотел бы также, чтобы церковь отрешилась от забот о земных делах: «Пусть ни один из тех, – говорит он, – кто обрек себя на служение Богу, не вмешивается в дела века». В другом месте, в одном из своих писем к Евгению III, он восклицает: «Кто даст мне возможность увидеть перед смертью церковь Божью такой, какой она была в древнее время, когда апостолы закидывали свои сети для того, чтобы ловить души, а не золото и серебро?» Но требуя, подобно Арнольду Брешийскому, преобразования церкви, он хочет, чтобы делом реформы руководило папство.

Ненадолго между Евгением III и коммуной установился мир: римляне просили папу вернуться в Рим; он вернулся, потребовав только уничтожения должности патриция. Но согласие не могло быть продолжительным. В марте 1146 г. Евгений III покинул Рим; мы находим его сначала в Витербо, затем – во Франции, где его приняли с большим почетом, потом – в Германии. В июне 1148 г. он вернулся в Италию. Во время его скитаний Арнольд Брешийский господствовал в Риме.

Кто мог решить спор между ними? И тот, и другой обращал взоры к германскому королю. До нас дошло странное письмо, с которым «сенат и народ римский» обратились в 1149 или 1150 г., к Конраду: «Во всех своих действиях, – говорится здесь, – мы руководствуемся верностью и почтением, которые мы обязаны оказывать вам. Мы хотим про-

славить и возвеличить королевство и Римскую империю, над которыми Господь поставил вас владыкой, и восстановить их в том же виде, как во времена Константина и Юстиниана, которые по уполномочию сената и народа римского правили всем миром. Поэтому мы восстановили сенат и низвергли большинство из тех, которые всегда были непокорны вашей власти; мы энергично боремся, дабы вы всеми средствами и при всяких обстоятельствах могли получать то, что принадлежит кесарю и империи». Они жалуются на то, что их преданность этому делу навлекла на них ненависть папы, знати, Рожера Сицилийского. «Придите же к нам, потому что вы можете получить в Риме все, чего пожелаете: можете прочно утвердиться в городе, который есть глава мира, можете лучше, чем большинство ваших предков, владычествовать над Италией и Германией, освобожденной от оков духовенства».

Многие из биографов Арнольда Брешийского неверно понимали это письмо; они смеялись над республиканцами, спешившими призвать короля римлян. Но люди того времени, говоря о Древнем Риме, имели в виду не республику, а империю; великие образы, встававшие перед глазами Арнольда и его приверженцев в их мечтах о древности, которая представлялась им золотым веком, были образы Цезаря, Августа, Константина, Феодосия, а также Юстиниана, законодательство которого – вопреки обычному мнению, никогда не забытое – пользовалось теперь снова большим влиянием¹. Арнольд Брешийский и его партия не оспаривали прав императора и не стремились к тому, чтобы исключить его из того политического строя, который они хотели установить: в их глазах власть императора и его пребывание в Риме не заключали в себе ничего несовместимого с восстановлением сената и римского народа.

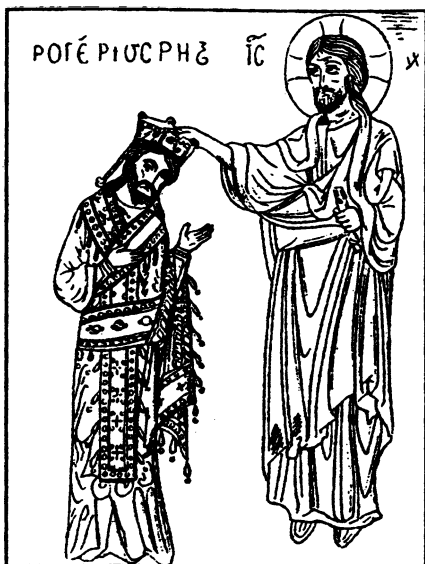
Рожер Сицилийский и Южная Италия. В то время, как в Северной и Центральной Италии распространялось муниципальное устройство, на юге Рожер Сицилий-

¹ Об этом предмете и о преподавании римского права в Италии в средние века см., кроме известного сочинения Савиньи, *Fitting. Les commencements de l'ècole de droit de Bologne*; перевод *Lesueur*, 1888.

ский в течение многих лет с неослабной энергией и ловкостью извлекал выгоду для себя из всех событий. В 1130 г., в Палермо он надел на себя королевскую корону. Все усилия Иннокентия II сломить норманнскую монархию были тщетны. Снова овладев южными провинциями после смерти императора Лотаря, Рожер взял в плен Иннокентия II, который продолжал воевать с ним, и принудил его подписать в Миньяно (1139) договор, в силу которого эти земли оставались за ним. Во время этой борьбы он не стеснялся вооружать против христиан своих сицилийских сарацинов, — пример, которому позже последует Фридрих II. С этих пор он оставался лукавым и своекорыстным союзником папства, поддерживая вместе с тем восстания в Германии, чтобы помешать вмешательству Конрада в Италии. С другой стороны, он вмешивался в распри африканских арабов и, воспользовавшись их междоусобицами, в 1135 г. захватил остров Джербу в заливе Габес. Последний из князей Зиридов в Медине Гассан должен был признать себя его вассалом и принять его политические и торговые условия. В 1146 г. сицилийский адмирал Георгий Антиохийский овладел Триполи; в следующем году Габес признал его верховную власть. Таким образом, вся эта часть Африки должна была, казалось, сделаться придатком норманнского королевства. В 1148 г. Рожер снарядил сюда большую экспедицию; когда его флот явился перед Медией, Гассан отказался от борьбы. Затем были покорены Суса и Сфакс. Сицилийский адмирал запретил насилия и грабежи, чтобы снискать расположение жителей. Завоевание ограничилось той частью побережья, которая заключена между Триполи и мысом Бон. Несколько позже Тунис и Бон сделались данниками Рожера. Но норманнам не удалось упрочить свое владычество в этих странах; ему угрожали уже успехи Альмохадов, владевших Испанией и Западной Африкой. Что касается Византийской империи, то здесь Рожер воевал с Мануилом Комнином, который вступил в союз с императором Конрадом¹.

Внутри Рожер с непреклонной твердостью устраивает норманнское государство. Он беспощадно подавляет всякое

¹ См. ниже, глава 15.

Христос, благословляющий Рожера II,
короля Сицилии (1129–1154).
С мозаики в церкви Санта-Мария
дель Аммирале (Палермо)

сопротивление: «*Siluit terra in conspectu ejus*», говорит один летописец того времени, пользующийся библейскими выражениями для характеристики этого сурового режима. Между тем Рожер по темпераменту не вспыльчив и не жесток; но он не хочет оставлять феодализму независимый авторитет рядом со своим собственным. Вся его деятельность направлена на поддержание порядка и развитие народного благосостояния. Ни одно государство того времени не управлялось так мудро, как королевство Рожера. Он достиг того, что народности разных рас и религий, населявшие его владения, мирно уживались друг с другом: мусульман не изгоняли и не преследовали; они сохраняли свои кварталы, свои мечети и даже своих судей; они принимали участие в общественной жизни. Такой же свободой пользовались и византийцы; лучший полководец королевства Георгий Антиохийский был грек. Арабский и греческий языки были

такими же официальными языками, как латинский, и употреблялись в королевских актах; на монетах надписи делались арабскими буквами. Сам двор носил вполне восточный характер: арабские поэты прославляли его блеск. Образованный, друг наук Рожер был сотрудником арабского географа Эдризид; благодаря ему, благодаря собранным им сведениям география становится точной наукой. Среди покровительствуемых им людей находились также врач Абу-Сальт Оммея, который был вместе с тем и астрономом, и композитором, и поэтом, и грек Доксопатер – автор сочинения о патриарших престолах, в котором оспаривалось первенство пап. Это искусное и удачное смешение арабских, византийских и латинских элементов обнаруживается даже в архитектурных памятниках, воздвигнутых в его царствование, каковыми стали собор в Кефалу, капелла в Палермо, церковь св. Марии dell' Ammiraglio: например, в капелле над мозаиками в греческом стиле простирается потолок в арабском стиле, украшенный куфическими надписями.

Таким было то могущественное и цветущее государство, которое Рожер II основал на границе христианского мира и влияние которого чувствовалось как на Западе, так и на Востоке. Когда он умер (февраль 1154 г.), всего 50 лет от роду, его сын Вильгельм I, прозванный Злым, своей грубостью и жестокостью быстро разрушил воздвигнутое им здание.

Фридрих Барбаросса в Италии. С этой-то Италией XII в., где рядом уживается столько разнообразных форм, где жизнь и энергия бьют через край, Фридрих Барбаросса вступает в 22-летнюю войну, полную мрачных и драматических эпизодов.

Уже в конце 1154 г. (ноябрь – декабрь) мы находим его на Ронкальской равнине, на реке По, близ Пьяченцы: он держит здесь сейм, как делали все немецкие короли, когда спускались в Италию. Здесь светские и духовные вассалы империи и консулы городов присягают ему на верность, представляют на его решение свои споры, добиваются подтверждения своих ленов и привилегий. По его поведению ломбардские города тотчас замечают, что война близка и что она будет ужасна. Быстро переходя с места на место,

он повсюду оставляет за собой развалины, разрушает Тор-тону, союзницу Милана. Затем он направляется к Риму и приходит туда в июне.

Евгений III умер в июле 1153 г. Папой сделался один англичанин, принявший имя Адриана IV; укрепившись в città Leonina, он налагает интердикт на Рим и снимает его только в марте 1155 г., добившись изгнания римлянами Арнольда Брешийского. Положение коммун колеблется: она лишилась того, кто был ее душой. Она знает, что Фридрих относится к ней враждебно. Один из ее вождей, Ветцель в письме к молодому императору упрекает его в том, что он следует «советам священников и монахов» вместо того, чтобы смотреть на императорский сан как на эманацию величия римского народа. Еще весной 1153 г. между Евгением III и Фридрихом был заключен в Констанце договор против римской коммун и Рожера Сицилийского. Однако римляне сделали последнюю попытку привлечь короля на свою сторону. Их послы встретили его на дороге из Сутри в Рим. В речи, полной классических воспоминаний, они заставляют говорить сам Рим, который напоминает императору о своем прежнем блеске и просит его позаботиться о своем восстановлении. Гордые даже в эту критическую минуту, они просили не милости, а признания своих прав, и осмелились заявить королю, что он получил свою власть от Рима. Если верить Оттону Фрейзингенскому, приводящему речи, которыми обменялись стороны при этой встрече, Фридрих с надменной иронией противопоставил минувшей славе Рима его настоящую слабость; верховная власть перешла к франкам, которые обязаны ею только самим себе. «Я – законный обладатель ее; пусть, кто может, вырвет палицу из руки Геркулеса».

18 июня 1155 г., в храме св. Петра Фридрих Барбаросса был коронован папой в императоры; но римляне собрались на Капитолии, бросились на città Leonina и вступили с немцами в битву, которая продолжалась до самой ночи. Гонимый малярией, Фридрих принужден был вернуться на север, не взяв Рима. Арнольд Брешийский был схвачен в Тоскане. Он был повешен, его труп сожжен и прах брошен в Тибр. «Из опасения, – как говорит Оттон Фрейзингенс-

В войсках Италии имелась так называемая кароччио — тяжелая повозка в упряжке из восьми волов, с водруженным на ней знаменем; в передней части повозки была укреплена дароносица с освященными «дарами» (хлеб и вино для религиозного обряда), а на повозке стоял священник. В бою кароччио находилась позади боевого порядка; сюда направлялись тяжелораненые, чтобы получить перед смертью отпущение грехов; к кароччио устремлялись воины в случае неустойчивого положения в бою и сосредоточивались вокруг своей святыни, защищая ее до последней возможности.

Впервые кароччио упоминается в 1039 г. (г. Милан).

Кароччио была моральной опорой итальянских воинов

кий, — чтобы его останки не сделались предметом поклонения для безрассудной черни». Римская коммуна уцелела, но ограничила свои притязания. Немного времени спустя между нею и Адрианом IV состоялось соглашение, условия которого неизвестны.

Столкновение с Адрианом IV. Главным результатом этого похода было то, что оба великих соперника, папство и империя, снова встретились в лице двух энергичных людей, одинаково убежденных в своих правах. Уже во время первого их свидания Фридрих отказался держать под уздцы лошадь папы, как этого требовал обычай, и оскорбленный Адриан IV не хотел дать королю лобзание мира. Понадобился целый день переговоров, чтобы склонить того

и другого к уступкам. Согласие между папой и императором возможно лишь тогда, когда оба они отвлечены другими заботами или когда один из них настолько слаб, что неизбежно должен подчиниться другому. Поэтому соглашения между ними приводят к непрочным перемириям, а не к продолжительному миру. Император ссылается на древнее имперское право, из которого, по его убеждению, вытекает законность и сила его власти; папа объявляет себя облеченным властью назначать императоров; тот и другой считают свою власть божественным установлением. В обществе того времени нет места для двух сил, которые обе считают себя абсолютными: каждый раз, когда одна из них встречается с другой, она чувствует себя задетой в своем самолюбии. В споре из-за инвеституры папа защитил церковь от вторжений в нее гражданской власти. На этот раз он отстаивает свою светскую власть, государство св. Петра, противодействует господству императора над Италией. Сам Рим является предметом столкновения: «Единый господин в нем – святой Петр», – говорит папа. «Если я не господствую в нем, – отвечает Фридрих, – я император только по названию». Один указывает на то, что папство вручило императорское достоинство франкам и германцам, другой – на то, что империя подарила папам область св. Петра.

На сейме в Безансоне в октябре 1157 г. кардинал Роланд Бандинелли вручил Фридриху письмо Адриана IV, в котором последний говорил: «Вспомни, сколь много церковь римская способствовала тебе достигнуть вершины величия, даровав тебе императорское достоинство... Мы не раскаиваемся в том, что исполнили таким образом все твои желания; напротив, мы были бы рады, если бы ты принял из наших рук еще более ценные beneficia (beneficia)». И когда немецкие князья были возмущены словом *beneficium*, которое по тогдашнему словоупотреблению обозначало лен и как бы обращало императора в вассала папы, то кардинал воскликнул: «Да от кого же император и держит свою власть, как не от папы?» Граф Оттон Виттельсбахский хотел убить его. Фридрих I удержал графа, но приказал римским посланцам уехать на другой же день. «Если бы нас не было в церкви, – сказал он им, – вы узнали бы, как тяжелы немецкие мечи».

Вслед за тем он в письме ко всем своим подданным объявил, что получил свою власть единственно от Господа путем избрания князей. Вследствие поведения немецких епископов, которые отказывались осудить императора, Адриан IV написал Фридриху, что его неверно поняли, что слово *beneficium* означало в его письме «благодетельство, а не лен». Тем не менее борьба началась.

Война с Миланом. В июне 1158 г. Фридрих снова перешел Альпы. Он хотел наказать миланцев. «Их высокомерие, – писал он собственноручно, – издавна поднимало голову против Римской империи и в настоящее время старается возмутить всю Италию, поэтому мы хотим обратить против них все силы этой империи».

Ломбардские города уже в предшествующем веке начали составлять частные лиги для защиты своих интересов или своей независимости; так, например, в 1093 г. Милан, Кремона, Лоди и Пьяченца заключили между собой на 20 лет союз против императора. В 1158 г. стояли друг против друга две соперничающие лиги: с одной стороны – Милан, к которому примкнули Брешия, Пьяченца, Парма и Модена, с другой – Павия с Кремоной, Лоди и Комо. Из ненависти к Милану, который претендовал на гегемонию в Ломбардии, вторая лига подстрекала императора и просила его о заступничестве. При первой осаде в июле 1158 г., Милан сначала оказал энергичное сопротивление, но потом граждане вошли в соглашение с императором: они поклялись в верности, дали заложников и обязались впредь представлять на утверждение императора избранных народом консулов.

В ноябре Фридрих созвал сейм на Ронкальском поле, решив строгими мерами сломить в итальянских городах дух независимости и мятежа, «снова провозгласить», по его выражению, «законы империи, вышедшие из употребления и забытые». Архиепископ Миланский заявляет ему: «Знай, что вся законодательная власть народа принадлежит тебе; твоя воля есть право, ибо сказано: то, что угодно князю, имеет силу закона». Четыре болонских доктора, ученики Ирнерия, Булгар, Мартин Госиа, Джакопо и Гуго de Porta Ravennate помогают императору, за что последний взамен принимает под свое особое покровительство болонских сту-

дентов и «профессоров законовещения», которые с этих пор пользуются теми же преимуществами, что и рыцари. Князья, епископы, города принуждены возвратить императору все «регалии», то есть «герцогства, маркграфства, графства, консульства, право чеканки, заставные пошлины, налоги, весовые деньги, сборы с дорог, мельниц, рыболовства, мостов и т. д.». Затем он снова жалуется этим регалиям тем, кто может удостоверить свои права законными документами. Впредь «подеста, консулы и другие магистраты городов будут избираться императором с согласия народа».

Подестат (градоначальство) был новым элементом, который Фридрих хотел ввести в организации городов¹. В своем очерке устройства последних Оттон Фрейзингенский указывает на то, что они ненавидят подестата, так как считают его узурпацией. Как представитель императора, — все равно, назначенный или только утвержденный им, — подеста действительно становится верховным магистратом города. Он забирает в свои руки большую часть функций, принадлежавших раньше консулам. Для того чтобы он как можно менее зависел от местных интересов и партий, его почти всегда берут из другого города и недолго оставляют в должности. В следующем веке, когда это учреждение уже упрочилось, Брунетто Латини перечислил в своем «Трёхсот» те свойства, которые необходимы для подеста. Склонные превышать свою власть подеста представляли собой, по выражению одного новейшего историка, «естественный переход от консульства к принципату».

Тотчас после сейма канцлер Рейнальд Дассельский и граф Оттон Виттельсбахский начали объезжать города, вводя всюду градоначальства. В Милане их приезд вызвал открытый мятеж. Разгневанный император пошел на Милан. Тогда в апреле 1159 г. началась геройская защита города, продолжавшаяся до февраля 1162 г. Когда голод принудил жителей сдать консулы, рыцари и народ в течение трех дней приходили умолять Фридриха о помиловании. Наконец, привезли свя-

¹ Подеста встречаются кое-где и раньше, например, в Болонье с 1151 до 1153 г. Но как общее явление институт нов; это отмечает один из современников, Оттон Морена, упоминая о введении подестата в Лоди в 1159 г.

Бой на улицах и на укреплениях итальянского города.
Миниатюра из генуэзской лицевой хроники XII в.
Из бойницы башни тараном пробивают
противоположную стену. Стрелки, стоящие наверху,
укрываются за плетеными брустверами

тынню города, колесницу (саггоссио), вокруг которой сражались миланцы и над которой возвышался крест с изображением св. Амвросия. При звуке труб, «звучавшем, как похоронная песнь, над погибшей гордостью Милана», говорит один из очевидцев этой сцены (нотариус Бурхард), *carroccio* была преклонена перед императором, и миланцы пали на колени, плача и моля о пощаде. Все зрители были потрясены, «но лицо императора не изменилось». Три раза граф Бландратский говорил в пользу побежденных, «но лицо императора оставалось жестким, как камень». Миланцы принуждены были сдаться на полную волю победителя. Фридрих даровал им жизнь, но задержал в качестве заложников консулов и бывших консулов, рыцарей, нотаблей, легистов, судей. Валы,

рвы, башни Милана были разрушены; гражданам было запрещено вновь селиться в городе.

Александр III. Милан пал, но борьба еще только началась. В одно время с муниципальной Италией и заодно с нею поднялось против императора папство. Уже в 1159 г., после Пасхи к Фридриху, стоявшему близ Болоньи, явились четыре кардинала. Папа просил, чтобы император не собирал более податей и пошлин во владениях апостола, исключая времени коронования чтобы итальянские епископы были повинны императору только верностью, но не оммажем, то есть считались его подданными, а не вассалами; чтобы владения графини Матильды, на которые Фридрих только что дал инвеституру герцогу Вельфу, были возвращены папскому престолу; наконец, он требовал для себя полного суверенитета в Риме. Соглашения не удалось достигнуть. Адриан IV укрепил свой союз с королем Сицилии и вступил в переговоры с греческим императором. Он заключил договор с Миланом, Брешией, Пьяченцей и Кремоной, которые обязались не вступать в переговоры с Фридрихом без его разрешения. Таким образом, к концу его правления образовалась в Италии обширная коалиция. После его смерти большинство кардиналов избрало в папы кардинала Роланда Бандинелли, того самого, который в 1157 г., на Безансонском сейме говорил так горделиво. Новому папе, принявшему имя Александра III, сторонники империи тотчас противопоставили Виктора IV (сентябрь 1159 г.). Чтобы прекратить распрю, Фридрих созвал собор в Павии (февраль 1160 г.). Открывая его, он заявляет епископам, что имеет право созвать собор, «что так поступали Константин, Феодосий, Юстиниан, Карл Великий, Оттон». Но Александр III оспаривает у него это право и отказывается явиться на собор: «Никто не должен меня судить, – говорит он, – ибо я сам должен судить всех людей». В то самое время, как этот собор, действовавший под влиянием императора, высказался за Виктора IV, короли Франции и Англии и христианские государи Испании на синоде в Тулузе (октябрь 1160 г.) признали папой Александра III; их примеру последовал весь христианский мир, исключая Германию. Даже греческий император вел переговоры с Александром III; позже, в 1167 г.

он предложил ему подчинить папской власти греческую церковь, если Александр отдаст ему корону Фридриха и соединит таким образом обе империи. Вынужденный вследствие происков Фридриха покинуть Рим, Александр в конце 1161 г. удалился во Францию.

Таким образом, когда Фридрих в 1162 г. вернулся в Германию после четырех с лишним лет отсутствия, проведенных главным образом в Италии, оказалось, что его победа и жестокие меры не привели ни к какому прочному результату. Мятежные города разрушены, но они ожесточены и жаждут мщения; вымогательства немецких чиновников являются последней каплей, переполняющей чашу. Папа бежал, но он остается папой. Тщетно немцы после смерти Виктора IV противопоставляют ему Пасхалия III; тщетно канцлер Рейнальд Дассельский в письме к Людовику VII провозглашает «право императора решить церковный спор, возникший в его городе Риме». В ноябре 1165 г. Александр III вернулся в Рим и объявил императора низложенным, а его подданных – свободными от присяги на верность. «Приговор произвел свое действие, – говорит Иоанн Салисбёрийский, – произнесенный в силу привилегии св. Петра, он был, казалось, утвержден самим Господом. Итальянцы, узнав о нем, отложились от императора. Они восстановили Милан, изгнали епископов-схизматиков, призвали вновь своих католических епископов и единодушно стали на сторону св. престола». Даже в Германии многие епископы лишь против воли дали клятву повиноваться антипапе.

Ломбардская лига. В октябре 1166 г. Фридрих снова спустился в Италию, «чтобы водворить своего папу Пасхалия, – как говорит Оттон Фрейзингенский, – и чтобы наказать миланцев за вероломство». В январе он двинулся к Риму и после восьмидневной осады проник в вечный город. Пасхалий короновал его и его супругу Беатрису в храме св. Петра (1 августа 1167 г.), тогда как Александр в одежде паломника бежал в Гаэту и оттуда – в Беневент. Внезапно в немецком войске обнаружилась страшная эпидемия, и император, потеряв значительную часть армии, принужден был вернуться на север. В это время позади его поднялась Северная Италия. Ввиду притязаний императора и его безжа-

лостного деспотизма, ввиду жадности и насилий его чиновников города забыли свои старые распри: те из них, которые приняли было сторону императора, теперь отпали от него. В марте 1167 г. многие из них соединились в один союз, к которому после примкнули и другие города, и в декабре организовалась знаменитая Ломбардская лига; в нее вошли Милан, Кремона, Бергамо, Брешия, Мантуя, Феррара, Верона, Виченца, Падуя, Лоди, Пьяченца, Парма, Модена, Болонья и даже Венеция. Союзники обязались взаимно оказывать друг другу помощь «против всякого, кто захочет причинить им вред или начать с ними войну; против всякого, кто захочет взять с них больше, чем требовали с них со времени Генриха V до вступления на престол Фридриха». Император лишь с трудом добрался до Германии, ведя с собой остатки своей армии. В Сусе он едва не был убит.

Ломбардская лига торжествовала; вступление в союз некоторых новых городов подкрепило ее. Папа дал ей свое благословение. «Нет сомнения, – писал он в начале одной буллы, – что вы заключили этот союз мира и согласия и, соединившись, явно свергли с себя иго рабства – в силу божественного внушения, с целью защитить свободу церкви Божьей и вашу собственную против Фридриха, называемого императором». Он угрожал всякому, кто ослушается ректоров лиги, стоявших во главе союза и выбранных из числа консулов соединившихся городских общин. По-видимому, ненависть к Германии пробуждает в Италии сознание своей национальности. Близ Верчелли Ломбардская лига основала новый сильно укрепленный город, названный по имени папы Александрией, и снабдила его всем, что необходимо для долгой осады.

Проведя шесть лет в Германии, Фридрих в 1174 г. предпринял свой пятый поход в Италию. Архиепископ Майнцский Христиан удержал в повиновении Тоскану и Умбрию, но потерпел неудачу при осаде Анконы; в это время Фридрих осадил тот город, который сделался как бы живым символом ломбардской независимости. Войска Лиги поспешили на помощь Александрии. Однако прежде, чем дело дошло до битвы, в Монтебелло начались переговоры; к участию в них был приглашен и папа, но они не привели ни к какому

решению (1175). Осажденные защищались мужественно, приближалась зима, и император принужден был удалиться в Павию. Оттуда он пишет немецким князьям одно послание за другим, умоляя их привести к нему весной подкрепления. Ниже мы увидим, как на свидании в Кьявенне самый могущественный из немецких князей, глава дома Вельфов, Генрих Лев отказал ему в своей помощи. В мае 1176 г. сами союзники напали на армию императора. При Леньяно произошла кровопролитная битва, в которой они остались победителями.

Венецианский и Констанцкий договоры. Теперь не оставалось ничего другого, как начать переговоры. Фридрих обратился сначала к папе; он соглашался признать его, но хотел отвлечь его от ломбардцев. Александр III отказался предать своих союзников, как города, так и короля Сицилии. В конце марта 1178 г. он прибыл в Венецию в сопровождении многочисленных кардиналов и сицилийских послов. Здесь он снова обещал уполномоченным Лиги не заключать мира без них. «Мы же, – ответили они, – желаем заключить мир с императором, но лишь при том условии, чтобы честь Италии и наша свобода остались неприкосновенными». Эти слова показывают, что представление об единой общей родине на минуту овладело умами¹. Фридрих вынужден был уступить и начать переговоры с Лигой. Затем, 24 июля после снятия с него отлучения он с большой пышностью вступил в Венецию. Приведенный к Александру III, который вместе с кардиналами и епископами ждал его в атриуме храма св. Марка, «он был осенен св. Духом и, пренебрегая своим императорским достоинством, пал к ногам папы». Александр III поднял и облобызал его со слезами на глазах. Таким образом, по странному совпадению, ровно через столетие побежденная империя снова преклонилась перед папством.

1 августа Фридрих торжественно заявил, что поступал дурно, что ослушался «голоса справедливости», но просвещенный божественной благодатью примирился с папой, с

¹ Следует, однако, заметить, что писатели того времени применяют название Италии, которое мы употребляем здесь, только к Ломбардии.

Рыцарь со своей свитой (рисунки 1190 г.)

королем Сицилии и ломбардцами. Тем не менее, условия мира было нелегко установить, и для этого потребовалось несколько договоров. Проект мира с папой был выработан уже во время переговоров в Ананьи в октябре 1176 г.; окончательно мир был заключен в Венеции в августе 1177 г. Все земли, отнятые у св. престола, были возвращены ему; папа и император должны были помогать друг другу, причем папа должен был относиться к императору как к доброму сыну, покорному и преданному, а император к папе – как к любимому и уважаемому отцу. С ломбардцами и королем Сицилии Фридрих заключил перемирия; предполагалось при участии представителей папы продолжать переговоры для заключения полного мира. Византийскому императору также был обеспечен мир. Наконец, были приняты меры для устранения раскола в церкви. Договор с ломбардцами был подписан лишь в июне 1183 г. в Констанце. Император уступал городам, местам и лицам, принадлежавшим к Лиге, те регалии и кутюмы, которыми они пользовались до сих пор. В тех городах, где епископ в силу императорской или королевской привилегии имеет власть графа, консулы, если

таков обычай, получают свой сан от него; в остальных городах они утверждаются императором. Города имеют право укрепляться, поддерживать и возобновлять Лигу, когда пожелают. Император сохраняет за собой право принимать апелляции и собирать военные подати, *fodrum*. Его представителями в Италии являются полномочные послы, которым помогают викарии и нунции. О подеста в договоре ничего не сказано; но очевидно, что они не были устранены, так как многие из них подписались под этим самым договором; но документы этой эпохи показывают, что подеста избирались теперь городами. Подеста владеет обширными полномочиями и неограниченной юрисдикцией; но он не может решить ни одного важного вопроса, не посоветовавшись с думой, избранной городом. Мы знакомимся с этой организацией по многочисленным статутам городов, составленным в XII и XIII вв. (Пистойя, Модена, Феррара, Сиена и др.) и по одному трактату об обязанностях подеста («*Oculus pastoralis*»).

После победы Ломбардская лига быстро распалась. Между этими соперничавшими городами продолжительный союз был невозможен. Как прежде, начали образовываться частные лиги, враждебные друг другу; так, в 1191 г. Кремона, Павия, Комо, Бергамо и Лоди соединяются против Милана и старой Ломбардской лиги, и Генрих VI принимает их под свое покровительство, чтобы извлечь выгоду из этих раздоров.

Тосканские города не вступали в союз с ломбардскими, и Констанцкий мир поэтому не касался их. Тем не менее, борьба, разыгравшаяся в Северной Италии, способствовала их развитию. В 1162 г. Фридрих даровал Пизе и Лукке право суда и консульских выборов. Здесь, как и в Ломбардии, проснулся дух независимости. Итак, к концу XII в. они находились почти в таком же положении, как и северные города; они пользовались теми же преимуществами.

Что касается Венеции, то ее политический строй развился в царствование Фридриха вследствие дальнейшего ограничения власти дождей. В 1172 г. был образован *Великий совет* из 480 членов, который должен был обновляться каждый год; на него была возложена разработка и подготовка законов и дел, которые затем вносились на

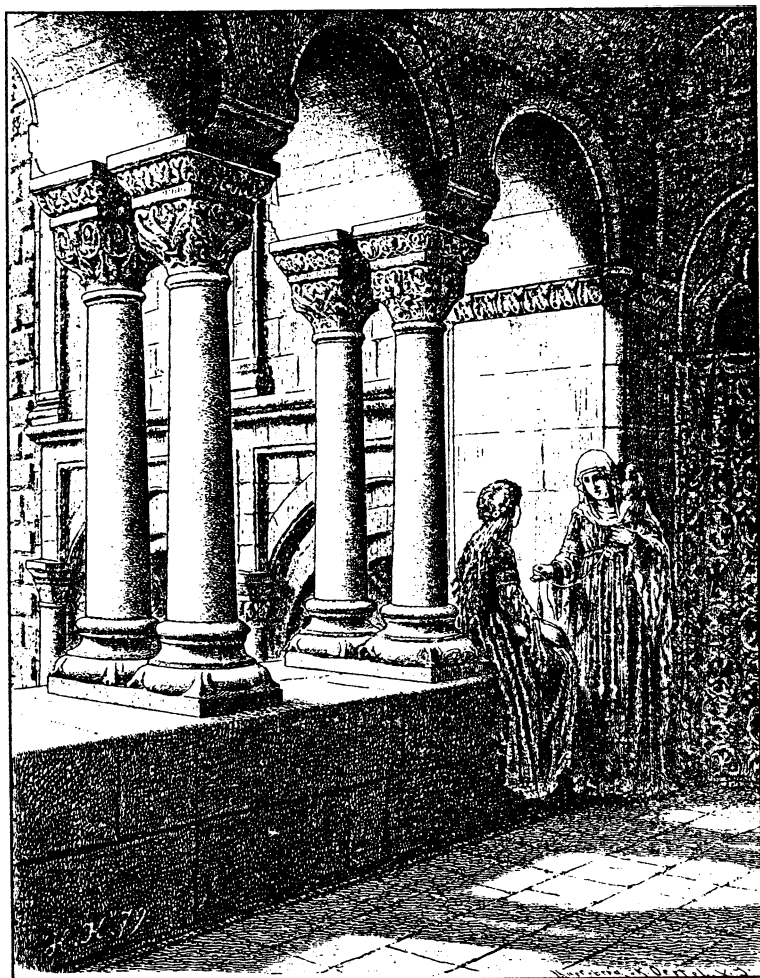
утверждение в вече. Кроме того, при дожде находился *Малый совет*, состоявший из шести членов. Таким образом, власть дожа была введена в более точные рамки; за умаление власти его вознаградили знаками почета. Эта революция носила аристократический характер: дож должен был избираться не всем народом, а одиннадцатью избирателями, которых назначал Великий совет. Таким образом, плодами народного восстания воспользовалась аристократия. Учреждением новых советов, ограниченных по числу членов и пополнявшихся из ее же среды, учреждением сената (*Pregadi*) и коллегии *Сорока́* она обеспечила свое преобладание. Впрочем, доступ в эту аристократию был открыт для всех, кто по своему влиянию или богатству мог вступить в ее ряды; каждый гражданин мог быть избран в члены Великого совета. Лишь в конце XIII в., в 1296 г., этот совет перестанет пополняться путем выборов и обратится в наследственную олигархию, в которую новый человек может проникнуть лишь с трудом: это называли «закрытием Великого совета» (*serrata del gran consiglio*). С этих пор учреждения Венеции получают совершенно иной характер, чем учреждения остальной Италии.

Итак, папа и города восторжествовали. Однако после венецианского мира Александр III оказался бессильным утвердить свой авторитет в центре полуострова; это показывает, что после своего поражения Фридрих был в Италии сильнее, чем до него: мир, разделив его противников, доставил ему такие выгоды, каких он не мог добиться путем войны.

Германия и Фридрих Барбаросса

Союз с Генрихом Львом. Генрих Лев, Альбрехт Медведь и славянские земли. Измена и осуждение Генриха Льва. Королевская власть в Германии. Культура Германии в эпоху Барбароссы. Литература. Смерть Фридриха Барбароссы.

Союз с Генрихом Львом. Употребляя часть своих сил на улаживание итальянских дел, Фридрих Барбаросса не пренебрегал и внутренним управлением Германии. Здесь он действительно могуществен; он господствует над

Постройки в Гельнхаузене времен Барбароссы. Часть из них сохранилась, другая восстановлена Г. Кнакфуссом по рисункам Гундесхагена

крупными княжескими фамилиями, подавляет их восстания и суровыми мерами усмиряет буйных баронов.

Он вступил на престол при чрезвычайно затруднительных обстоятельствах. Царствование Конрада было периодом безначалия и насилий. Лицом к лицу с Фридрихом стоял дом Вельфов, который, будучи лишен власти, был однако равен ему по влиянию. Во главе этой семьи стоял способный, энергичный и честолюбивый человек – Генрих Лев. Другой из ее членов, Вельф VI, был ожесточенным противником Конрада III. Фридрих снискал дружбу Вельфа VI, приходившегося ему дядей, отдав ему в лен земли маркграфини Матильды: маркграфство Тосканское, герцогство Сполетское и Сардинию. Своему двоюродному брату Генриху Льву он присудил герцогство Баварское (1153), и между ними установилось такое согласие, которого, казалось, ничто не могло нарушить. В 1155 г., в то время, когда Генрих Лев был вместе с королем по ту сторону Альп, те из князей, которых наиболее раздражало его могущество и благосклонность к нему Фридриха, – маркграф Австрийский Генрих Язомирготт, получивший ранее и Баварию, маркграф Северной марки Альбрехт Медведь, который в царствование Конрада III тщетно пытался овладеть Саксонией, – оставались в Германии, несмотря на призыв короля. По Рейну сеньоры из своих замков, расположенных на крутых утесах, господствовали над рекой и дорогами и опустошали страну. Стремясь водворить порядок, Фридрих действовал с той несокрушимой и стремительной энергией, которая составляет одну из отличительных черт его характера. На Вормском сейме (декабрь 1155 г.), разбирая спор между архиепископом Майнцским и пфальцграфом Рейнским Германном, присудил последнего к тому, чтобы он босиком прошел милю, неся на руках собаку. Это был старинный род наказания, выработанный немецким обычным правом. «Когда был произнесен этот суровый приговор, – говорит Оттон Фрейзингенский, – людьми овладел такой ужас, что все предпочли жить в мире, чем бросаться в водоворот войн». Фридрих объехал страну, разрушая замки и обезглавливая или вешая мятежников. Затем, на Регенсбургском сейме (сентябрь 1156 г.) он примирил Генриха Льва с Ген-

рихом Язомирготтом, возвратив первому Баварию, но взамен обратив маркграфство второго (Австрию) в герцогство. Он обеспечил себе поддержку крупных сеньоров и поручил им обуздывать насилия мелкого дворянства, водворять порядок в Германии.

В то же время, женившись на графине Бургундской Беатрисе, он пытается приобрести действительное влияние над Бургундско-арльским королевством, которое до сих пор стояло лишь в фиктивной зависимости от империи и граница которого почти непрерывно шла по линии Соны и Роны, кое-где даже выступая за нее. Он несколько раз принимался за это дело, особенно в 1169 г. В 1157 г., назначив на западе своего брата Конрада рейнским пфальцграфом, он на востоке посредством удачной экспедиции заставил Болеслава IV Польского принести себе присягу на верность. Правда, Болеслав не сдержал своего обещания. Вскоре после этого (январь 1158 г.) герцог Богемский Болеслав получил титул короля в награду за услуги, оказанные им Фридриху во время этой войны. Гейза II Венгерский в 1157 г. обещал прислать войска для итальянского похода. В Дании Фридрих в 1152 г. уладил спор между Канутом и Свенном, которые оспаривали друг у друга корону; Фридрих отдал ее Свену, и последний признал себя его вассалом. Даже английский король Генрих II в одном письме признает над собой его верховную власть. На сейме в Безансоне в октябре 1157 г., рядом с множеством князей и баронов присутствовали послы от Рима, Апулии, Тосканы, Венеции, Ломбардии, Франции, Англии и Испании. «Вся земля, — пишет летописец Рагевин, — признавая его могущество и милосердие, повинувась одновременно любви и страху, старалась оказывать ему новые знаки почтения, превозносить его новыми хвалами».

Сейм в Безансоне обозначает собой высшую точку, какой достигло могущество Фридриха в первую половину его царствования. Его власть в Германии казалась настолько упроченной, что во время своей борьбы с папой и ломбардскими городами он мог беспрестанно набирать в Германии новые армии. Мятежи усмирялись беспощадно; когда горожане Майнца убили своего архиепископа, преданного Фрид-

риху, город потерял свои привилегии; его стены и башни были разрушены, рвы засыпаны (1163). И хотя в Германии еще не вполне царил мир, хотя между князьями возникали даже раздоры и войны, но над всеми смутами господствовала воля императора. Даже немецкие епископы, сочувствовавшие Александру III, не решались противодействовать Фридриху. Таким образом, Александр III не мог, подобно Григорию VII, опираться на Германию; несмотря на отлучение, страна продолжала повиноваться Фридриху и не противопоставляла ему соперников.

Генрих Лев, Альбрехт Медведь и славянские земли. В то время, как император по ту сторону Альп воевал из-за теоретических прав и непрочных выгод, Генрих Лев с беспощадной энергией и замечательным политическим талантом продолжал на севере вечную борьбу германской расы со славянской. Стоя в своем Саксонском герцогстве, как на военном посту, он возобновил дело, начатое Германном Биллунгом и Геро, но главным образом стремился к тому, чтобы создать себе в этой стране прочное государство. В 1156 г., во время войны с архиепископом Бременским Гартвигом, которого он лишил почти всякого влияния как главы епархии, он вступил в Бремен, и обошелся с ним, как с завоеванным городом. Адольф Голштинский принужден был уступить ему Любек (1158). Он разослал послов в Данию, Швецию, Норвегию и Русь, предлагая государям и городам свободу торговли с Любеком, и последний скоро достиг цветущего состояния. Победив в 1160 г. ободритского князя Никлота, он отстроил и укрепил Шверин и овладел страной вендов. Если позже он, из политических соображений, и возвратил ее сыну Никлота Прибиславу II, то лишь при условии, что последний присягнет ему на верность и примет христианство; его сын Генрих Бордвин женился на побочной дочери Прибислава Матильде; однако Шверин он удержал за собой. В союзе с Вальдемаром II Датским он усмирял славянских пиратов. Чтобы насадить культуру в завоеванных областях, Генрих Лев призывал даже иностранцев: Мекленбург наполнился фламандскими колонистами. С другой стороны, содействуя распространению христианства, он стремился вместе с тем обратить еписко-

пов в своих верных и послушных слуг и избирал их из числа преданных ему людей. К этому времени относится устройство епископств в Ольденбурге, Рацебурге, Мекленбурге-Шверине и Любеке. С той же деспотической энергией упрочил он свою власть в Баварии, где им был основан Мюнхен (1158). «Так росло его могущество, – говорил Гельмольд, летописец войн со славянами, – и он сделался князем над князьями земли». В 1168 г. он женился на дочери английского короля Генриха II, Матильде. И разве он сам не был фактически королем Северной Германии?

Между тем, в Саксонии и смежных с нею областях могущество этого князя – сурового, своекорыстного, всегда готового захватить земли и нарушить права своих соседей – вызывало против него сильную ненависть. Несколько раз возникали коалиции против него. Альбрехт Медведь и ландграф Тюрингский были его заклятыми врагами. В 1166 г. началась открытая война, продолжавшаяся несколько лет. Архиепископ Кельнский Рейнальд Дассельский, архиепископ Бременский Гартвиг и епископ Любекский Арнольд вступили в коалицию против Генриха. Сам император лишь с трудом примирил противников. Два раза он тщетно приглашал саксонских князей для разбора дела; лишь по третьему зову они явились в Вюрцбург (в июне 1168 г.), и хотя формально мир был восстановлен, но вражда не улеглась.

Следовавшие затем годы были периодом блеска для Генриха. Его союзник Вальдемар вместе с вассалами Генриха совершил удачный поход на остров Рюген – один из центров славянского язычества – и ввел там христианство (1168). Генрих Лев потребовал на основании существовавшего между ними договора половину добычи. Отказ Вальдемара повлек за собой опустошение его королевства войсками Генриха и славянскими морскими разбойниками. В 1172 г. Вальдемар принужден был просить мира; его сын и наследник Канут VI женился на дочери Генриха Гертруде. Благодаря победам герцога и влиянию, которым он пользуется в славянских землях, цистерцианские и премонтранские миссии развиваются в Померании среди ободритов. В Даргуне, Кольбаце, Оливе, Доберау основываются новые монастыри; Карминское епископство в Померании щедро одаряет-

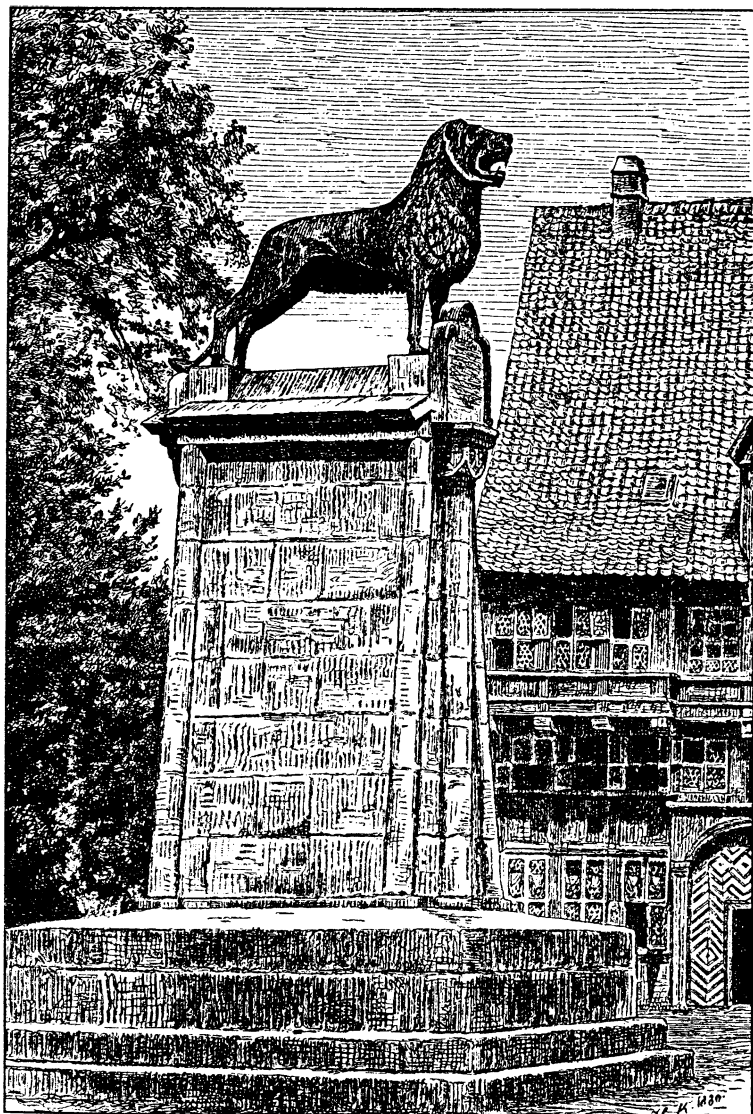
ся. В 1170 г. смерть избавила Генриха Льва от самого опасного из его врагов, Альбрехта Медведя. Если этому храброму маркграфу и не удалось снова овладеть Саксонией, то он прочно утвердился в Бранденбурге и подчинил себе племена, обитавшие по ту сторону Эльбы и Гавеля. «Так как славянское население уменьшалось, – говорил Гельмольд, – то он призывал из Голландии, Дании и Фландрии множество колонистов и расселял их по славянским городам и укреплениям. Они строили города и церкви, и богатство их росло с необыкновенной быстротой»¹. Таким образом, начало истории Пруссии неразрывно связано с именем Альбрехта Медведя. В 1172 г. Генрих Лев во главе 500 рыцарей отправился на поклонение св. местам. Его слава была распространена по всему христианскому миру; в Константинополе и Иерусалиме он встретил царский прием.

Измена и осуждение Генриха Льва. Чтобы обеспечить себе дружбу своего двоюродного брата, Фридрих в течение многих лет содействовал усилению его могущества. Он с трудом защитил его против зависти и нападков врагов. Пока еще ничто не нарушило их согласия. В 1169 г. император в Ахене короновал своего малолетнего сына Генриха римским королем. Предполагают, что Генрих Лев отказался присягнуть на верность юному наследнику; но источник, сообщающий нам это известие, ненадежен. И вот, в самый критический момент своей борьбы с Ломбардской лигой, Фридрих, нуждаясь в подкреплениях, обратился к Генриху Льву. На свидании, которое произошло, вероятно, в Кьявенне в начале 1176 г., Генрих отказал ему в своей помощи. Летописцы начала XIII в. сообщают, что император в отчаянии упал к ногам Генриха, и украшают свой рассказ об этой сцене драматическими подробностями. Один из историков Фридриха Барбароссы (Гизебрехт) признал эти известия вымышленными. О причинах, побудивших Генриха Льва к отказу, мы можем только догадываться. Было ли то, как часто говорили, дело о наследстве Вельфа VI? Старик, единственный сын которого умер в Италии (1167), уступил недавно Фридриху за денежное

¹ См. выше, глава 3.

вознаграждение свои итальянские лены: герцогство Сполетское, маркграфство Тосканское, Сардинию и Корсику (1174). В следующем году он предложил Генриху Льву на тех же условиях свои аллодиальные владения; Генрих согласился, но денег не дал, и Вельф обратился позже к Фридриху. Но в начале 1176 г. этой причины к ссоре между дворянскими братьями, кажется, еще не существовало. Генрих отверг просьбу императора без сомнения потому, что считал бесполезным тратить свои силы и средства на итальянскую войну, от участия в которой он устранился еще с 1161 г. Это объяснение вполне согласуется с общим характером его деятельности, направленной исключительно к осуществлению его личных и непосредственных интересов. Но самоуверенность привела его к ошибке; слишком полагаясь на свое могущество, он забыл, что вмешательство Фридриха спасло его от коалиции врагов; он еще более нуждался в императоре, чем последний в нем.

Действительно, Фридрих и после своего поражения в Италии остался полновластным господином Германии. Чтобы отомстить Генриху Льву, ему стоило только предоставить свободу действий его врагам, которых он до сих пор с таким трудом обуздывал; но он не дал воли своему гневу и стал выжидать благоприятной минуты. Летом 1178 г. он покинул Италию и через Южную Францию, где в Арле короновался королем, через Лион и Безансон не спеша вернулся в Германию после четырехлетнего отсутствия. Здесь мир снова был нарушен раздорами князей. Он объехал провинции, созывая сеймы для восстановления порядка, и нигде не встретил сопротивления. В Саксонии коалиция врагов Генриха Льва приобрела несколько новых членов, и война не прекращалась. Фридрих потребовал, чтобы Генрих и его противники явились на сейм в Вормсе (январь 1179 г.). Генрих не явился. После этого он как обвиняемый был по феодальному обычаю трижды призван на суд в различные сроки; наконец, так как он упорно отказывался явиться, он был присужден на Вюрцбургском сейме (январь 1180 г.) к изгнанию и лишению ленов и имущества за насилия над церквями и дворянами и неповиновение императорским вызовам; о личной обиде, нанесенной ему Генрихом в 1176 г.,

Статуя льва в Брауншвейге. Воздвигнута в 1166 г. Генрихом Львом в знак своей власти. Постамент несколько раз восстанавливался

Фридрих умолчал. Герцогство Саксонское он отдал Бернгарду Ангальтскому, сыну Альбрехта Медведя, из дома Асканиев; архиепископ Кельнский Филипп получил Вестфалию, а Оттон Виттельсбахский вскоре после того – Баварию. Генрих отчаянно сопротивлялся, но его сторонники один за другим покинули его. Его союзник Вальдемар Датский вошел в соглашение с Фридрихом. Генрих II Английский, на которого он возлагал надежды, ничем не мог помочь ему. Когда император, объехав победителем Саксонию, принудил Любек сдаться, Генрих вынужден был просить помилования. В ноябре 1181 г. на Эрфуртском сейме он упал к ногам Фридриха. Император поднял его «не без слез», но все князья заклинали его не возвращать Генриху прежнего могущества. Генрих сохранил свои наследственные владения, но ни Саксонии, ни Баварии ему не вернули. Кроме того, он принужден был, согласно приговору, отправиться в изгнание.

Великий сейм в Майнце, созванный Фридрихом в конце его царствования (май 1184 г.), по блеску походил на Безансонский 1157 г. «Ни один сейм, – говорили современники, – не может сравниться с этим – так он был пышен и многолюден». На нем присутствовало свыше 70 могущественных князей, собравшихся из всех частей империи, послы соседних государств и, по преданию, 70 тысяч рыцарей. За городом был воздвигнут великолепный деревянный дворец для императора, окруженный дворцами князей, из которых каждый старался превзойти остальных роскошью; кругом на большом пространстве раскинулись разноцветные шатры. Казалось, что внезапно из земли вырос огромный город. Здесь Фридрих посвятил в рыцари своих сыновей – короля Генриха и Фридриха Швабского.

Королевская власть в Германии. Здесь не место давать общую картину германских учреждений. XII в. является для них эпохой перерождения, результаты которого здесь еще не могут быть указаны. Тем удобнее именно в этот период, когда власть короля-императора была сильнее, чем когда-либо, исследовать ее состав и отношения к различным классам германского общества.

Королевские выборы происходят в одном из рейнских городов – при Гогенштауфенах обычно во Франкфурте. Ко-

ронуется он в Ахене¹. Императорскую корону возлагает на него в Риме папа. Избирательной коллегии, состоящей исключительно из определенных членов, пока еще не существует; юридически избрание принадлежит народу, собирающемуся на сейме, но фактически дело решается соглашением князей, которые и выступают от имени своих областей. Первым высказывается архиепископ Майнцский, за ним – архиепископы Кельнский и Трирский, и наконец, светские князья. Так например, в 1125 г. знатные поручили избрание десяти лицам из своей среды и обещали признать королем того, на кого падет их выбор. Аристократия старается сохранить избирательный принцип, тогда как короли стремятся установить принцип наследственности. Начиная с Оттона, императорам обычно удается венчать на царство своих сыновей. Фридрих хотел пойти дальше – обеспечить наследственную передачу императорского достоинства. Папа Луций II воспротивился этому, объявив, что «не может быть одновременно двух императоров, как не может быть двух пап». Тогда Фридрих провозгласил Генриха цезарем (1186), сделав его своим соправителем. Но в то время, как во Франции непрерывность капетингской династии облегчает установление наследственности, в Германии императорские фамилии быстро вымирают: саксонский дом прекращается в 1024 г., франконский – в 1125-м.

Империя есть священное учреждение: выражение «Священная Римская империя» встречается с XII в.

Что касается материального объема своей власти, то Фридрих считает себя владыкой мира. По известному анекдоту, сообщаемому Оттоном Мореной, историком Лоди, доктор Болонского университета Мартин уверял Фридриха, что он *dominus mundi* как *de proprietate*, так и *de jure*. Императоры смотрят на себя как на наследников Римской империи и заявляют притязание на все ее части. Конрад III писал Иоанну Комнину: «Мои предшественники – римские императоры вверили вашим предшественникам царство и народ греческие, и я сохранию в силе то, что они установили». Фридрих в одном

¹ Как король Италии, он коронуется в Павии, как бургундский король – в Арле.

письме к Саладину выражается еще высокомернее (впрочем, подлинность этого письма оспаривается). Император господствует над всеми остальными светскими властями христианского мира: в 1162 г. на одном синоде Фридрих называет королей Франции и Англии *reges provinciarum*, показывая тем, что считает их королевства частями империи. «Каждый раз, – говорит Рагевин, – когда короли Испании, Англии, Франции, Дании, Богемии и Венгрии писали к нему или посылали посольства, они заявляли, что ему принадлежит верховная власть и что они готовы повиноваться». Для своей законодательной и судебной власти он так же не признает никаких границ, как и для территориального протяжения своей империи. Уверенный в том, что его воля – закон, Фридрих в качестве преемника римских императоров восстанавливает их законы и к последним прибавляет новые. Так, в «*Cogrus iuris*» и до сих пор фигурируют Ронкальские постановления 1158 г.¹

Однако его идеалом, еще в большей степени, чем Константин или Юстиниан, являлся Карл Великий. В Нимвегене, Ингельгейме он роскошно отстраивает его дворцы и подолгу живет в них; в нимвегенском дворце родился его сын Генрих, будущий император. В 1165 г., на Рождестве, он устраивает в Ахене великолепные празднества по случаю канонизации Карла Великого антипапой Пасхалием III; останки великого императора, найденные не без труда, были перенесены в новую гробницу. В жалованных грамотах Ахену он называет его «столицей империи, священным городом». Канонизируя Карла Великого, Фридрих имел в виду придать императорской власти еще более величия и святости. Во многих официальных актах он заявляет, что намерен следовать примеру Карла Великого, и именно с последним сравнивают его современники.

Действительно, в государственном строе Германии, как и Франции, еще ясно видны следы каролингских учреждений. Люди того времени крепко держатся за традицию и

¹ Впрочем, законодательная деятельность королевского правительства была очень невелика, даже при Фридрихе I. Один немецкий летописец говорил, что его соотечественники не имеют других законов, кроме *Friedebriefe*, и прибавляет: «*Sed nec eisdem recte utuntur tanquam gens agrestis et indomita*». В Германии господствовали тогда местные кутюмы.

она является для них чем-то вроде политического догмата. Как и в начале IX столетия, император представляется им человеком, которому поручено Провидением охранять мир на земле; в этом и Фридрих видит свое назначение и иногда официально принимает прозвание *миротворца* (*pacificus*). Он беспрестанно объезжает провинции Германии, подтверждая указы о мире (*Landfrieden*) и наблюдая за их исполнением. В 1179 г. он подтвердил в Рейнской области указ о мире, который приписывал Карлу Великому. Высшие сановники, которые окружают его, носят те же титулы, что в IX в.: канцлер, пфальцграф, маршал, камерарий, бутикуларий и пр. Эти звания возлагаются на самых могущественных князей империи, которые в торжественных случаях и исполняют свои обязанности; но постепенно эти должности превращаются в наследственные лены: саксонский герцог – маршал, богемский король – мундшенк, пфальцграф Рейнский – стольник и т. д. Канцлером Германии является архиепископ Майнцкий, канцлером Италии – архиепископ Кельнский, канцлером Галлии – архиепископ Трирский. Съезды каролингского времени обратились в сеймы, *Reichstage*, впрочем, мало изменившись в отношении формы. На великие сеймы XII в. собираются князья, епископы, бароны, рыцари, горожане со всех концов империи, но в обсуждении дел фактически участвуют только крупные сеньоры (*principes, primates*)¹. Король советуется с ними о церковных и светских делах, военных предприятиях и внешних отношениях, налогах и мерах к водворению порядка внутри государства и т. д.; здесь же разбираются распри, возникающие между князьями. Одна из главных причин могущества Фридриха заключается в том, что, при всей безусловности своих теоретических притязаний, он на практике беспрестанно привлекает магнатов к участию в делах правления, ежегодно по несколько раз созывая их на сеймы и обращаясь с

¹ Под *князьями*, как показывает одно замечательное место в хронике Альберика, надо понимать с конца XII в. архиепископов, епископов, некоторых аббатов, герцогов, известное число маркграфов, ландграфа Тюрингского и пфальцграфа Рейнского. Раньше это слово имело более общее значение и применялось к большему числу лиц.

ними как со своими сотрудниками в поддержании порядка и могущества империи. Но возрастающее влияние этой аристократии является, очевидно, крупной опасностью для королевской власти, которая с течением времени оказывается все менее способной держать ее в повиновении.

В военной организации Германии также сохраняются следы каролингских традиций. Армия остается в некоторых отношениях государственным, а не исключительно феодальным учреждением; например, князья обязаны королю военной службой не в качестве вассалов, а в качестве графов; частные собственники, ничем не связанные с феодальным строем, также несут военную службу. То же самое касается городов. Тот, кто отказывается вступить в военную службу, «виновен в оскорблении величества» и подвергается изгнанию. Правда, войска располагаются по областям и состоят под командой своих сеньоров, да и вообще влияние феодального режима сильно дает себя чувствовать в деталях. Кавалерия занимает все более важное место в составе войска; она становится его главной частью. Финансовые средства короля ограничиваются доходами с его поместий, заставными пошлинами, подарками и разного рода оброчными статьями; правильных государственных налогов в его пользу не существует.

Впрочем, под этой внешней оболочкой политических учреждений, которая остается, по-видимому, неизменной, совершается глубокий переворот, начало которого восходит ко времени Фридриха Барбароссы и последствия которого в полном объеме обнаруживаются лишь в конце следующего века. В течение долгого времени непосредственно под королем стояла небольшая группа герцогов, владения которых географически почти совпадали со старыми племенными герцогствами IX в. Не раз, обеспокоенные могуществом этих герцогских династий, короли нападали на них, отнимали их владения и раздавали последние членам своей фамилии или своим верным приверженцам; но новые владельцы основывали новые династии, и опасность, на минуту устраненная, вскоре возникала снова. В XII в. короли, не отказываясь от этой политики, стараются с другой стороны раздробить те из крупных герцогств, которые еще сохрани-

лись¹. В течение первой половины своего царствования Фридрих сделал Генриха Льва как бы главой настоящего государства; после изгнания Генриха он разбил это государство на части, поделил Саксонию между архиепископом Кельнским и Бернардом Ангальтским, отнял у Баварии Штирию и Тироль. При другом случае он оторвал от Богемии Моравию. Сам он, напротив, не упускал случая, чтобы увеличить владения своей фамилии в Швабии, Франконии и Италии. Но уменьшение размеров крупных герцогств имело последствием непрерывное увеличение количества княжеств, владельцы которых являются настоящими областными государями, *domini terrae*, передают свою власть по наследству и присваивают себе верховные права. В XI и XII столетиях возникает множество укрепленных замков, служащих внешним признаком их независимости. Королевская власть оказывается обычно бессильной подавить распри и грабежи сеньоров. Эта политика дробления с течением времени все усиливается, распространяется потом и на мелких сеньоров и приводит в конце концов к распадению Германии на бесчисленное количество мельчайших частей. Но королевская власть ничего не выигрывает при этом: если ее противники в отдельности и стали слабее, то ее осаждает целое полчище графов, маркграфов, ландграфов, бургграфов и пр. Вытекающую отсюда опасность Фридрих уже имел случай оценить, когда в одной из провинций, в Рейнской области, где эта политика дробления достигла наибольших успехов, ему пришлось силой брать один за другим грозные *бурги* рыцарей-разбойников. Все более и более сгущается вокруг короля этот феодальный лес, и все менее становится он способным прорубать в нем широкие просеки, через которые могло бы проходить влияние центральной власти².

¹ В конце XII в. существовало еще восемь герцогств: Саксония, Франкония, Бавария, Швабия, Богемия, Лотарингия, Австрия и Каринтия.

² Известно, в чем заключались функции *маркграфов*; но иногда этот титул носили и сеньоры, не управлявшие марками. *Ландграфами* назывались те графы, власть которых простиралась на территорию более обширную, чем простое графство. Назначение *пфальцграфов* заключалось в том, чтобы надзирать за герцогами и уравнивать их влияние. *Бургграфы* управляли замками, укрепленными городами; это был низший класс графов. За ними следовали мелкие дворяне, владельцы аллюдов или не-

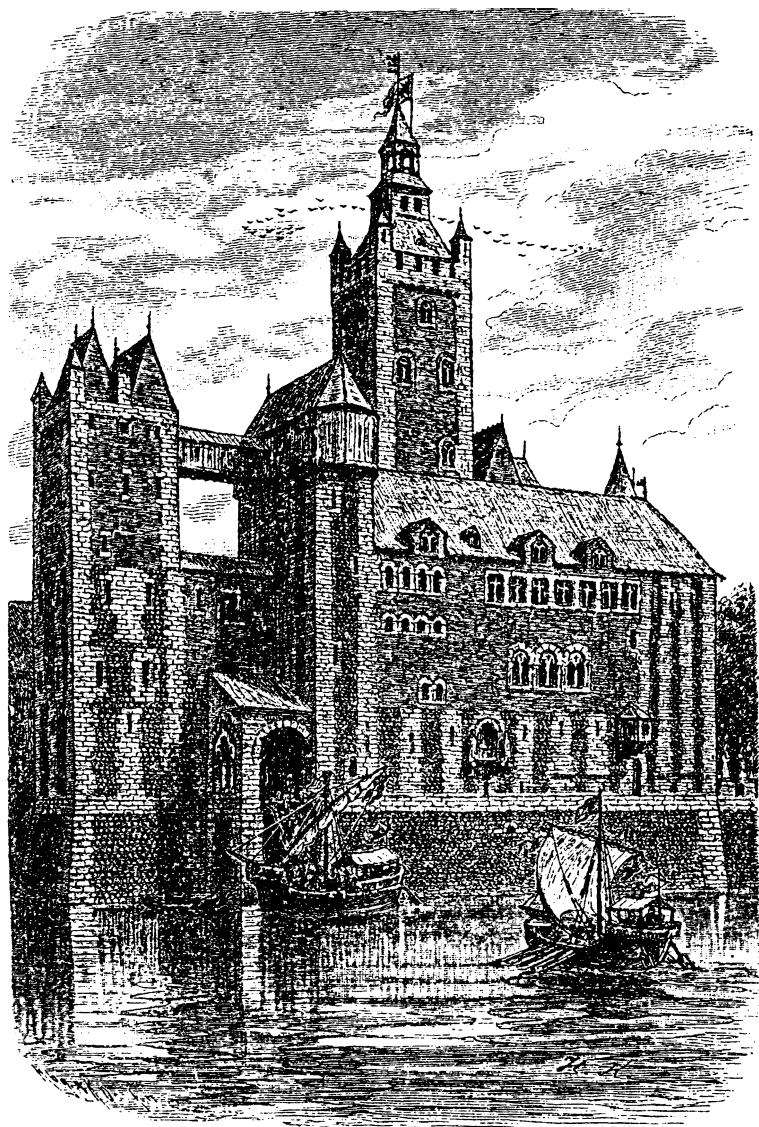
Культура Германии в эпоху Барбароссы. Но в 1184 г. еще было далеко до этого. Напротив, никогда королевская власть не обладала большим могуществом, не пользовалась большей популярностью, чем в то время. Под ее защитой немецкая культура достигает нового расцвета. В городах развиваются муниципальные учреждения, и рост богатства обнаруживается в самом облике городов, в возникающих архитектурных памятниках. Новейшие исследования показали, в какой степени немецкие города обязаны своим благосостоянием, часто даже своим возникновением развитию промышленности и торговли в их различных формах: размножению рынков и ярмарок, усилению влияния *гильдий*, то есть торговых товариществ. Последствием этого расцвета является приобретение многочисленных привилегий и специальных прав, находящихся под защитой королевской власти. Все города считались зависящими от короля. В XIII в. окончательно сложилась организация немецких муниципий с их *думой* (Rath). В деревне рабство давно уступило место менее суровому крепостному состоянию, прикреплявшему человека к земле, а не к личности господина; социальное расстояние между рабом и полусвободным крепостным (Höfinge) уменьшается. Над ними мелкие свободные собственники образуют как бы сельскую аристократию, приближающуюся к мелкой знати. Положение сельских классов в общем значительно улучшается: отношения держателей и сеньоров регулируются договорами, кутюмами (Weisthümer). Поэтому земледелие прогрессирует, ценность земли возрастает: в долинах Рейна и Мозеля земля в XIII в. стоит в семь раз дороже, чем в X в.; первобытные леса расчищаются, вспахиваются обширные пространства, виноделие развивается.

Литература. В сеньориальном мире под влиянием крестовых походов и сношений с Провансом и Италией образ жизни получает новый, менее грубый характер, и возникает даже известный вкус к духовным наслаждениям.

больших ленов. «Саксонское зеркало» начала XIII в. делит все это сословие благородных на шесть классов или щитов (см. выше). Наследование феодалов установилось в Германии повсеместно в XI столетии. Благородное сословие составляет *кавалерию* (ordo equestris milites).

В то время зарождается национальная литература Германии. Подвиги Фридриха Барбароссы воспевались в латинских поэмах и излагались по-латыни же летописцами. Лучший из этих летописцев, дядя короля Оттона, епископ Фрейзингенский, не лишен даже исторического чутья и вносит в свой рассказ жизнь и краски. Но наряду с этими клириками появляются и рыцари, *миннезингеры*, воспеваящие на народном языке не только любовь, но и битвы и подвиги рыцарей; таковы Кюренберг, Генрих фон Вельдеке и др. Они опытни в этом деле: одни участвовали в крестовых походах, другие – в немецких войнах. Они являются на имперские сеймы, князья привлекают их к своим дворам; так дворы Генриха Льва, ландграфа Тюрингского Клеве славятся своими поэтами. Рядом с этой лирической поэзией, нередко заимствующей мотивы от провансальских трубадуров, процветает и эпическая поэзия. В XII в. сложилась в той форме, в которой она дошла до нас, великая германская эпопея о Нибелунгах, герои которой странным смешением рыцарских чувств и грубости напоминают иногда современников Фридриха Барбароссы¹. От французских труверов немецкие поэты заимствуют свои обширные рыцарские поэмы (*gestes*), сюжетами для которых служат сказания каролингского, бретонского и античного циклов. Наделяя своих героев привычками и нравами XII в., Генрих фон Вельдеке воспевает Энея, священник Лампрехт – Александра, священник Конрад – Роланда. Вернер фон Тегернзей услаждает благочестивые души своей поэмой о жизни Марии. Ниже этих духовных и светских поэтов стоят жонглеры, распеваящие в городах и деревнях свои *Lieder* в услаждение простого народа. Иногда поэзия приближается к истории: поэма о св. Ганноне прославляет кельнского архиепископа, игравшего видную роль в политической жизни предшествующего века, при Генрихе IV. На простонародном же языке написана – вероятно, после 1146 г. – стихотворная хроника

¹ Ликтанберже (*Le poëme et la légende des Nibelungen*, 1891) доказал, что эта поэма образовалась из слияния песен, которые распевались южногерманскими жонглерами. Не раз пытались определить ее автора; указывали, например, на Кюренберга; но все эти догадки не имеют никаких доказательств.

Замок Фридриха Барбароссы в Кайзерсверте на Рейне.
Восстановлен в XIX в.

императоров, *Kaiserchronik*, в которой автор, пуская в ход самые неожиданные анахронизмы, устанавливает прямую связь между германскими и римскими императорами. Таким образом, с какой бы точки зрения ни рассматривать Германию времен Фридриха Барбароссы, она представляется оригинальной страной, полной сил и движения.

Смерть Фридриха Барбароссы. С 1184 г. период борьбы и испытаний сменился годами славы и мира. Уверенный в своем могуществе, Фридрих в 1185 г. позволил Генриху Льву вернуться в Германию; в следующем году он посетил Италию, и даже Милан устроил ему торжественную встречу. Именно здесь Фридрих провозгласил цезарем своего сына Генриха, который незадолго перед тем женился на Констанции, наследнице норманнского королевства Сицилии. Как бы для того, чтобы лишний раз доказать, что прочный мир между папством и империей невозможен, в это время едва не возобновилась борьба между ним и Луцием III, преемником Александра III. Венецианский мир не разрешил вопроса о родовых владениях маркграфини Матильды; император и папа равно утверждали, что она завещала эти земли им, и оба предъявили документы в подтверждение своих прав (1184). С другой стороны, Луций III отказался короновать Генриха императором при жизни отца. Несогласия продолжались и при Урбане III, избранном в 1185 г. Генрих опустошил церковную область (1187); Фридрих обвинял немецких епископов в том, что они находятся в союзе с папой. Известие о взятии Иерусалима Саладином положило конец этому спору. В мае 1189 г. Фридрих отправился в св. землю; там, в реке Селефе, он и кончил жизнь 10 июня 1190 г.¹

¹ О крестовом походе Фридриха см. ниже, глава 6. Что касается возникших позже легенд, которые связаны с именем Фридриха Барбароссы, то о них говорится в следующей главе.

Папство, Германия и Италия. Генрих VI и Фридрих II (1190–1268)

Царствование Генриха VI

Генрих VI и Сицилийское королевство. План завоевания Востока.

Генрих VI и Сицилийское королевство. Сын Фридриха Барбароссы некоторыми чертами своего характера напоминал отца; подобно ему, он был храбр, честолюбив и упорен; но он не обладал его благородной душой; он не останавливался перед обманом и ради мести совершал неслыханные жестокости, притом не вследствие внезапной вспышки гнева, а хладнокровно и систематически. Вынужденный в Германии щадить своих врагов, он хотел страхом держать в покорности Италию, которую задался целью всю поработить себе: неудивительно, что, посеяв насилие, он пожал ненависть.

Действительно, политика Генриха VI всецело обращена фронтом к Италии, позже – к Востоку. Отец в 1186 г. женил его на тетке короля Сицилии Вильгельма Доброго, Констанции, которая была на десять лет старше его. Бездетный Вильгельм взял клятву со своих баронов, что после его смерти они признают сюзеренами над собой Констанцию и Генриха. Спустя три года после этого он умер (ноябрь 1189 г.). Генрих, бывший еще только регентом за отсутствием отца, бросился на богатое наследство. Пользуясь отлучкой Фридриха, Генрих Лев сделал попытку снова овладеть Саксонией; затем (1190) был заключен мир; но Генрих Лев не исполнил его условий. Молодой король стремился во что бы

то ни стало развязать себе руки, чтобы заняться итальянскими делами. Между тем Сицилия, отданная ему Вильгельмом Добрым, не хотела признать над собой его власть; в Палермо был провозглашен королем побочный сын герцога Рожера, брата Констанции, храбрый Танкред ди Лечче. Генрих VI предпринял свой первый поход в Италию; во время пути он узнал о смерти отца и заставил папу Целестина III короновать себя императором. Чтобы сделать возможным коронование, он отдал на разграбление римлянам Тиволи, который раньше доверился ему. Римляне жестоко обошлись со своим старым противником, и один из немецких летописцев признает, что этим предательством Генрих «не в малой степени опозорил империю». Затем он двинулся на юг, но потерпел неудачу при осаде Неаполя (1191).

Было время, когда вопрос о наследии норманнских королей сделался как бы центром всей политики христианского мира. Папе, хотя он и короновал Генриха, грозила страшная опасность. Наперекор заявлениям курии относительно наследства маркграфини Матильды Генрих VI деятельно организовал имперскую администрацию в Центральной Италии: что ждало папу, если бы император, владея, кроме того, и Южной Италией, сжал его как в тисках? Естественно, что Целестин III утвердил избрание Танкреда и дал ему инвеституру на Апулию, Калабрию и Сицилию. Если старик Генрих Лев не начинал враждебных действий, то его сын Генрих Брауншвейгский заключил союз с Танкредом. В то же время он собирал в Германии всех недовольных, и немцы, по словам летописца, «говорили уже о выборе нового короля». За Генрихом и Танкредом стоял английский король Ричард Львиное Сердце: брат Жанны, вдовы Вильгельма Доброго, и шурина Генриха Льва, он поддерживал врагов Генриха VI и в Италии, и в Германии. В силу естественной реакции французский король Филипп Август стал на сторону императора.

Генриха VI спас целый ряд непредвиденных обстоятельств. На обратном пути из Палестины Ричард Львиное Сердце, выданный герцогом Австрийским, сделался пленником императора. Он вынужден был на Вормсском сейме (июнь 1193 г.) признать себя вассалом римского императо-

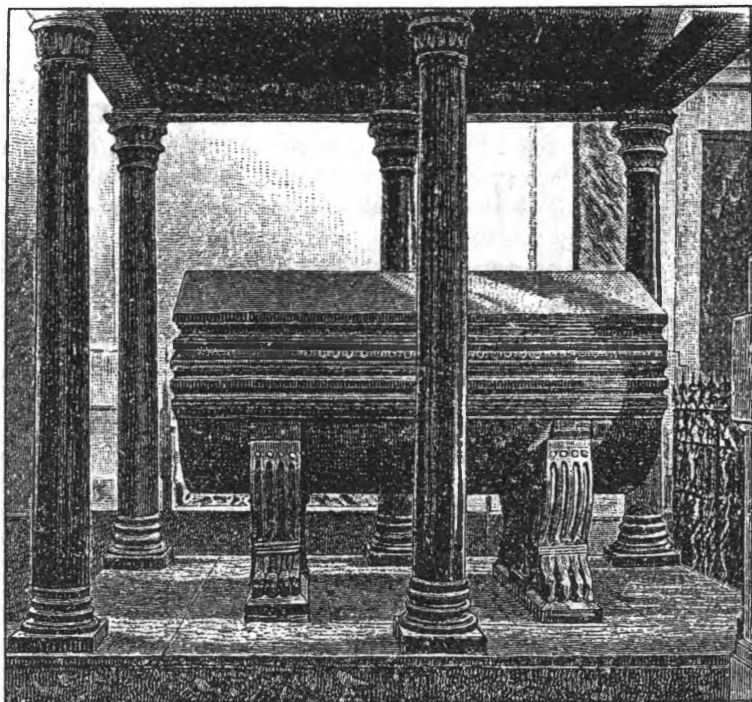
ра, отдать Генриху VI Англию и другие свои владения и принять их обратно в качестве лена. Однако Генрих освободил его только в феврале 1194 г., с удивительным вероломством восстановив его против французского короля. С другой стороны, Генрих Брауншвейгский, влюбленный в двоюродную сестру императора, заключил мир с последним; немецкая коалиция распалась. Несчастный Танкред внезапно оказался изолированным; он умер в феврале 1194 г., оставив только одного трехлетнего сына. В несколько лет Южная Италия и Сицилия были покорены; страна была беспощадно разграблена, заговоры подавлены с неслыханной жестокостью – с заговорщиков прямо с живых сдирали кожу. В Центральной Италии Генрих, вопреки ранее состоявшимся соглашениям с курией, отдал своему брату Филиппу Тоскану и домены графини Матильды. На севере он противопоставил ломбардской лиге лигу имперских городов.

План завоевания Востока. Никогда еще империя не казалась столь могущественной. Что мешало ей присоединить к Западу Восток? Фридрих Барбаросса думал об этом, когда проезжал через Восточную империю. В Палермо Генрих VI взял в плен дочь императора Исаака Ангела Ирину. Она была вдовой старшего сына Танкреда ди Лечче Рожера. Генрих выдал ее за своего брата, Филиппа Швабского. Затем под предлогом защиты своего нового родственника Исаака Ангела он отправил в Константинополь шайку немецких авантюристов. Его намерения были очевидны; о них говорят как западные, так и восточные летописцы. Еще раньше, в 1194 г. он отправил послов к армянскому царю с требованием, чтобы последний признал над собой его верховную власть; король Кипра, Амори Лузиньян, признал себя вассалом Римской империи. Тем не менее, Генрих старался прикрыть свои честолюбивые замыслы мнимым желанием совершить крестовый поход.

Прежде чем отправиться на Восток, он сделал попытку превратить императорскую власть в наследственную. На сейме в Вюрцбурге в апреле 1196 г. он задался целью, по выражению одного из писателей того времени, «заставить князей подписать новое и неслыханное постановление, в силу которого королевская власть в «Священной Римской империи»

Император Генрих VI (1190–1197). Миниатюра из рукописи XIV в., содержащей произведения миннезингеров.
Париж

Гробница императора Генриха VI в соборе Палермо

должна была сделаться наследственной, как во Франции и других королевствах». Посредством угроз или обещаний ему удалось склонить некоторых на свою сторону, но, когда он перешел через Альпы, немецкие князья собрались в Эрфурте и выразили протест против этого постановления.

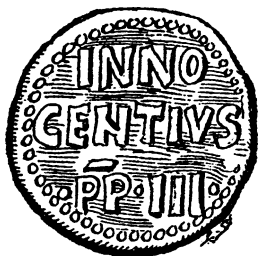
В конце 1196 г., когда он находился на юге Италии, всецело занятый своим планом завоевания греческой империи, в стране внезапно вспыхнул мятеж. Доведенные до отчаяния тиранией императора и вымогательствами его немецких чиновников, духовенство, знать и чернь решили умертвить Генриха VI и иностранцев. Сама императрица Констанция, горячо любившая Сицилию, прониклась жалостью к своим несчастным соотечественникам; говорят, что она приняла участие в заговоре. Взбешенный противодей-

ствием, разрушавшим его планы, Генрих VI подавил восстание с беспощадной жестокостью: мятежников перепиливали пополам, сжигали на медленном огне, зарывали живыми в землю; на их претендента, Джордано, была надета раскаленная докрасна железная корона. Страна снова склонилась голову под игом. Крестоносцы стекались в портовые города Италии, приготовления к отъезду были почти закончены; на этот раз Генриху помешала осуществить его замыслы смерть, постигшая его в сентябре 1197 г. По странной иронии судьбы, он, который хотел установить наследственность императорского престола, оставил после себя малолетнего сына, и вопрос об его наследии явился поводом к войне и анархии.

Деятельность Иннокентия III

Иннокентий III: его характер и убеждения. Восстановление государства св. Петра. Вмешательство Иннокентия III в немецкие дела. Иннокентий III и короли. Иннокентий III и крестовый поход. Иннокентий III и церковь. Латеранский собор.

Иннокентий III: его характер и убеждения. В конце XII в. папство, несмотря на блестящие успехи, достигнутые им в борьбе против Фридриха I, несмотря на торжество, доставленное ему венецианским миром, находилось, странным образом, в чрезвычайно шатком положении. Не довольствуясь присвоением спорного наследства Матильды, Генрих VI захватил саму область св. Петра. «Генрих, – говорит биограф Иннокентия III, – овладел областью Римской церкви вплоть до ворот города, исключая Кампанию, и его боялись там больше, чем папы». В самом Риме папа был бессильнее, чем когда-либо. Александр III вернулся в номинальную столицу и прожил в ней свои последние годы, почти лишенный власти над нею. Его преемник Луций III уже не мог оставаться в Риме. Урбан III (1185–1187) все время своего правления прожил в Вероне. Только в 1188 г. папство, в лице Климента III, вернулось в Рим, но вынуждено было принять условия римского сената, который дати-

Печать папы Иннокентия III
(1198–1216)

ровал свои акты уже 44-м годом своего существования. Если коммуна и присягнула на верность папе, то она все-таки сохранила свою автономию. Целестин III (1191–1198) жил в Риме, но не был его господином.

Со вступлением на папский престол Иннокентия III (январь 1198 г.) положение дел совершенно меняется. Новому папе было всего 37 лет от роду, следовательно, он был в полном расцвете сил. Он принадлежал к знатной фамилии из Лациума – к графам Сеньи, учился в цветущих тогда университетах Парижа и Болоньи и был возведен в кардиналы своим дядей Климентом III. Убежденный в необходимости подчинить мир папскому самодержавию, он некоторыми чертами характера напоминает Григория VII: безграничным властолюбием, обнаруживающимся в самой многочисленности дел, которыми он занят, неутомимой деятельностью, о которой свидетельствует его обширная переписка, наконец, глубоким убеждением в законности своих прав. Его честолюбие безгранично, но искренно; так, его главная забота – крестовый поход; ею он занят при вступлении на престол и накануне смерти, ей подчиняет даже свои замыслы о господстве над королями. Наконец, если его теоретические требования абсолютны, то в практическом осуществлении их он обнаруживает меньше упорства, больше благоразумия; он считается с обстоятельствами, умеет, когда нужно, уступать; одним словом, он более дипломатичен.

Многое в его убеждениях и политике объясняется характером полученного им воспитания. Иннокентий III – юрист: он с твердой уверенностью подтверждает свои притязания

ссылками на сборники, в которых сторонники папства собрали незадолго перед тем, как в арсенале, все документы, говорившие в его пользу.

В Болонье, где он учился, было составлено «*Decretum Gratiani*», которое тотчас же сделалось официальным трактатом и школьным руководством по церковному праву; его изучали и комментировали в школах. Вдумываясь в эти тексты, в которых подделка смешана с истиной, будущий папа как бы вооружил свой ум всевозможными орудиями для защиты духовных прав папства. С другой стороны, в «*Liber censuum ecclesiae romanae*», составленном в 1192 г. Ченчи-ем, который позже под именем Гонория III сменит его на папском престоле, он нашел как роспись доходов, которые собирало папство со всего христианского мира, так и список доменов, действительных и ложных привилегий, составлявших светское государство Римской церкви, – в том числе и дар Матильды. Наконец, подобно Фридриху Барбароссе, подобно большинству политиков того времени он был убежден в необходимости подчинить христианский мир единой власти. Но его образцом в прошлом является не Константин или Карл Великий, а св. Петр. «Королевская власть, – пишет он в одном письме, – подчинена папской. Первая властвует только на земле и над телами, вторая – на небе и над душами. Власть королей простирается только на отдельные области, власть Петра охватывает все царства, ибо он – представитель Того, Кому принадлежит вселенная». В другом месте он выражается еще яснее: «Господь предоставил Петру власть не только над вселенской церковью, но и над всем миром». По его мнению, «свобода церкви» обеспечена лишь там, где «Римская церковь пользуется неограниченной властью как в духовных, так и в светских делах».

Таков характер этого человека, таковы его представления о роли папства. Ниже мы увидим, как он управлял церковью, как организовал в ней папское самодержавие, как относился к ересям, с каким жаром проповедовал и организовал крестовые походы¹. Здесь мы рассмотрим его деятельность в сфере светской политики. В этой области обстоя-

¹ См. ниже, главы 5, 6 и 15.

тельства, по-видимому, благоприятствуют ему. В Германии идет борьба за императорский престол, и соперники, взаимно ослабляя друг друга, дают папе возможность господствовать над ними. В Англии Иоанн Безземельный своими жестокостями и трусостью подрывает авторитет королевской власти. Во Франции она находится в крепких руках Филиппа Августа, но она крайне осторожна и благоразумна и, если при случае даст отпор папству, то едва ли решится вступить в ожесточенную борьбу. Одним словом, Иннокентий III находится в более выгодном положении, чем светская власть.

Восстановление государства св. Петра. Для того чтобы папство могло действовать, оно должно, прежде всего, иметь столицу и государство; на это и направлены первые усилия Иннокентия III. В Риме он столкнулся с двумя соперничавшими силами: с префектом города и коммуной. Уже в феврале 1198 г., через месяц после своего избрания, он преобразовал префектуру, обратив префекта из имперского чиновника, каким он был при Генрихе VI, в папского; он взял с префекта клятву верности и дал ему инвеституру. В том же г. он подчинил себе и коммуну. Произведенные в ней незадолго перед тем реформы поставили во главе ее одного начальника, который назывался «высшим сенатором», *summus senator*. Иннокентий III добился права назначать этого магистра. Муниципалитет удержался, но подчинился верховной власти папы. В Риме, конечно, и в его правление не раз вспыхивают мятежи, но в конце концов новое соглашение подтверждает прерогативы папы (1205).

К северу от Рима Иннокентию III приходилось иметь дело с тремя могущественными немецкими князьями: Конрад, брат Генриха VI, владел Тосканой, сенешаль Марквальд Анвейлер – экзархатом, Конрад Урслинген – Сполетским герцогством. Но как только получено было известие о смерти Генриха VI, эти области, следуя воззванию Иннокентия III, восстали. Марквальд принужден был отказаться от своей добычи. Герцогство Сполетское освободилось от немецкого владычества. Иннокентий III объехал герцогство, привлекая города на свою сторону признанием их муниципальных вольностей. В Тоскане Флоренция, Сиена, Лукка, Вольтерра,

Ареццо, Прато и другие города в 1197 г. образовали Лигу, дружественную папству и враждебную империи. Иннокентий III одобрил ее; он вернул себе те домены, которые принадлежали в этих областях графине Матильде, организовал их администрацию и обеспечил их защиту. На юге полуострова немцев прогнали вон, и Констанция, умирая (ноябрь 1198 г.), вверила папе опеку над своим сыном. Чтобы обеспечить последнему сицилийскую корону, она отказалась за него от Германии и империи.

Вмешательство Иннокентия III в немецкие дела.

В Германии господствовала анархия. Сыну Генриха VI было всего три года. Образовались две партии: одна избрала Филиппа Швабского¹, брата Генриха VI, другая – Вельфа Оттона Брауншвейгского, сына Генриха Льва. На стороне Филиппа Швабского были воспоминания о его предках-императорах, их владения, поддержка большей части князей и Филиппа Августа; Оттона поддерживали только его дядя Ричард Львиное Сердце и небольшое число сторонников. Поэтому он старался приобрести расположение папы покорностью и обещаниями, тогда как Филипп из-за своего происхождения и характера внушал Иннокентию III сильное недоверие. Папа заявил притязание на роль судьи в этом споре; тот, кто посвящает императора, писал он немецким князьям, имеет право распорядиться императорской короной; избиратели получают от папы привилегию избирать римского короля, который вместе с тем является и императором. Промедлив некоторое время с решением, он в марте 1201 г. приказал немцам признать Оттона и освободил от клятвы верности приверженцев Филиппа. Оттон взамен поклялся сохранять в целости «владения, регалии и права Римской церкви», в том числе и наследство Матильды.

Между тем Филипп Швабский старался убедить князей, что подобные притязания угрожают их свободе. В письме, с которым архиепископы, князья и сеньоры обратились к Иннокентию III, они спрашивали его, «где он читал, чтобы его предшественники или их легаты когда-либо вмешивались в

¹ Любопытно отметить, что он принял имя Филиппа II, считая Филиппа Араба первым Филиппом в ряду римских императоров.

избрание императора». Они напоминали ему, что «в силу старинной привилегии императорского престола», от которой императоры отказались только «из простодушия», им принадлежит власть утверждать папские выборы. Таким образом, в этой новой стадии борьбы между папством и империей предметом спора является вопрос о самом происхождении той и другой власти. В течение нескольких лет папа тщетно напрягал свои силы, чтобы доставить торжество своему приверженцу. В 1206 г. Отгон, потерпев поражение под Кельном, потерял этот город, державший его сторону. Анархия достигла крайней степени, и вину за это сваливали на папу, на церковь. Иннокентий III принужден был уступить. В 1207 г. он вошел в соглашение с Филиппом Швабским; таким образом, брат Фридриха Барбароссы восторжествовал над папством, которое было принуждено признать его. Но в это самое время он был убит в Бамберге пфальцграфом Оттоном Виттельсбахским, которому он отказал в руке своей дочери (июнь 1208 г.).

Если эта смерть была торжеством для Иннокентия III, то он был обязан им случаю. Чтобы привлечь на свою сторону приверженцев Гогенштауфенов, Отгон женился на дочери Филиппа Швабского, Беатрисе; с другой стороны, чтобы удовлетворить Иннокентия III, он принял титул императора «милостью Божьей и папы». В октябре 1209 г. он был коронован в Риме. Чувствуя себя теперь достаточно сильным, он не замедлил нарушить все свои обещания и клятвы. Он овладел землями маркграфини Матильды и напал на владения сицилийской короны в Южной Италии. Иннокентий III, обманутый тем, кого он поддерживал, писал: «Многие поносят меня теперь; они говорят, что я заслужил то, что терплю, что я собственными руками выковал меч, который теперь так жестоко ранит меня. Пусть ответит им за меня Всевышний, который знает чистоту моей души и который некогда сказал о самом себе: «Я раскаиваюсь, что создал человека»». Лишенный своих светских владений, он обратился наконец к Филиппу Августу и заключил с ним союз. «Не без стыда, – писал он французскому королю, – сообщаю я вам о моих опасениях, ибо вы не раз предостерегали меня». В ноябре 1210 г. он отлучил импе-

ратора от церкви и разрешил его подданных от клятвы верности. С той же энергией, с которой он несколько лет назад защищал Оттона, он старался теперь составить коалицию против него. На этот раз его старания увенчались большим успехом. В Германии, где Оттон силился восстановить порядок, он своим высокомерием и предпочтением, которое оказывал саксонцам и англичанам, нажил себе много врагов. Между тем, Иннокентий III держал для него в запасе опасного соперника. Констанция, вдова Генриха VI и наследница Сицилийского королевства, согласилась принять папскую инвеституру. Перед смертью (ноябрь 1198 г.) она поручила Иннокентию III опеку над своим сыном, малолетним Фридрихом. Иннокентий III добросовестно защищал своего питомца: он боролся с Марквальдом Анвейлером, который, пробравшись на юг, пытался провозгласить себя королем: позднее он энергично протестовал против попытки Оттона отнять у Фридриха его владения. Но забота о независимости государства св. Петра заставляла его избегать сосредоточения Германии и Сицилийского королевства в одних и тех же руках. Тем не менее, когда противники Оттона решили противопоставить ему нового короля, их взоры, естественно, обратились на молодого Фридриха, которому тогда было семнадцать лет. В сентябре 1211 г. король Богемский, герцоги Австрийский и Баварский, ландграф Тюрингский и другие князья, собравшись в Нюрнберге, избрали Фридриха императором. Их посол Ансельм Юстингенский отправился в Рим. Иннокентий III утвердил выбор; его раздражение против Оттона заставило его забыть о непосредственном интересе св. престола. Однако колебания в его политике вызывали порицания. «Это он, – говорили недовольные, – возбудил все эти раздоры, с чрезмерным жаром то поддерживая, то преследуя Оттона». В марте 1212 г. Фридрих прибыл в Рим; он присягнул на верность Иннокентию III за Сицилийское королевство. Вслед за тем он во главе небольшого отряда, счастливо избежав опасностей, перешел через Альпы и смело вступил в Германию. В то время, как Оттон, теряя одного за другим своих приверженцев, принужден был удалиться в Кельн, Фридрих в Вокулере заключил с Филиппом Августом союз против своего со-

перника и против английского короля Иоанна Безземельного. Затем, 9 декабря 1212 г. он короновался в Майнце королем римлян. Разбитый при Бувине Филиппом Августом (июль 1214 г.), Оттон потерял и последних своих приверженцев. Он умер в мае 1218 г.

Стремясь к власти, Фридрих не скупился на обещания папе. В июле 1213 г. он подписал в Эгре Золотую буллу, где он – «во внимание к безграничным и неисчислимым благодеяниям своего защитника и благодетеля папы Иннокентия» – обещал повиноваться св. престолу, подтверждал свободу церковных выборов и апелляций к папе, обязывался помогать папе против еретиков и, наконец, признавал принадлежащими папству те земли в Центральной Италии, на которые оно изъявляло притязания. 1 июля 1216 г. он издал в Страсбурге декрет, в котором заявлял решение тотчас после своего венчания в императорский сан короновать своего сына Генриха королем Сицилии, которая должна стать под верховную власть папы; он формально высказывался против соединения империи с Сицилийским королевством. Иннокентий III и не подозревал, что этот питомец папства несколько лет спустя сделается самым опасным его противником.

Борясь с императорами, беспрестанно вмешиваясь во внутренние дела Германии, Иннокентий III раздражил национальное чувство немцев и сделал папство непопулярным. Стихотворения Вальтера фон дер Фогельвейде, представляющие собой драгоценный источник для истории того времени, полны нападок на честолюбие пап: «Попы хотят уничтожить права мирян», – восклицает он. В колебаниях и неудачах политики Иннокентия III, противопоставляющего Фридриха II своему прежнему избраннику Оттону IV, он видит уловки и козни, и когда в 1213 г. папа объявляет сбор лепты на крестовый поход, он восклицает: «Каким христианским смехом смеется папа над нами, рассказывая своим итальянцам о том, как он обделал это дело! Он никогда не смел и думать о том, о чем теперь говорит. Он говорит им: «Я надел одну корону на двух немцев, чтобы они раздирали империю и распространяли в ней смуту и опустошение; а я между тем наполняю мою казну». Жадность римской курии служит предметом наиболее едких его сарказмов. «Гос-

подин Мешок, – говорит он, обращаясь к папской кассе, – для того ли папа прислал вас сюда, чтобы вы обогащали его и обирали нас, немцев?.. Господин Мешок, вы присланы сюда на наше горе, чтобы отыскивать между немцами дураков и сумасшедших». Продажа индульгенций возмущает его и он восстает «против этой торговли благодатью, против этого промысла, запрещенного нам крещением». Так Германия, устами одного из самых популярных своих поэтов формулирует одну из тех своих жалоб на папство, которые позже лягут в основание реформации.

Иннокентий III и короли. На первый взгляд может показаться, что его владычество над государями гораздо прочнее. «Он вмешивается в управление королевств, – говорит Минье, – как в администрацию – церкви, и короли подчинены ему в политическом отношении почти так же, как епископы – в религиозном. С общим влиянием на все христианские страны он соединял верховную власть над многими из них. Этот суверенитет, будучи для тех, кто его признавал, особым видом зависимости от св. престола, обращал папу в сеньора королей, а королей – в вассалов папы. Наибольшие размеры он принял при Иннокентии III. Сицилийское королевство, Швеция и Дания уже признали себя ленами св. престола; теперь к ним присоединяются и другие государства. Король португальский Санчо возобновил вассальную присягу, данную папе его предшественником Альфонсом I в 1144 г., и платил дань своему сюзерену папе. То же самое сделал в 1204 г. арагонский король Педро: он положил свою корону на главный алтарь храма св. Петра в Риме, после чего Иннокентий III надел ее на голову; таким образом он стал вассалом св. престола, которому с тех пор обязан был платить ежегодную дань. В 1207 г. верховную власть папы признала над собой и Польша». Сближения с папством искали и многие восточные государи: цари Армении и Болгарии и великий жупан Сербии Стефан Неман¹ пытались воссоединить свои страны с Римской церковью.

Но было бы ошибочно судить по этим внешним признакам. Государи, столь покорно преклонявшиеся перед Инно-

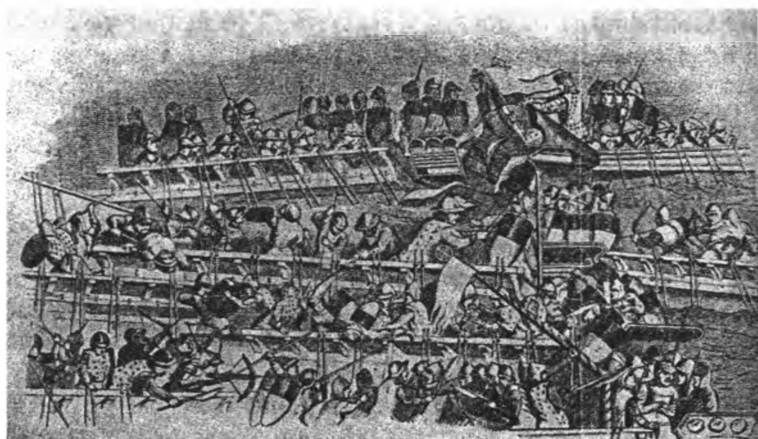
¹ См. ниже, главы 15 и 16.

кентием III, или были слабы, или нуждались в нем. Совершенно иначе держал себя тот государь, который в то время олицетворял собой принцип королевской власти, — энергичный Филипп Август. Известно, как, прогнав от себя Ингеборгу Датскую, он сопротивлялся папе, который требовал ее возвращения; чтобы принудить его к повиновению, Иннокентий III должен был наложить интердикт на Францию. Уже после смерти Агнесы Меранской Филипп Август снова начал притеснять Ингеборгу, несмотря на увещания папы, и окончательно примирился с нею лишь в 1213 г. Здесь неправой стороной являлся Филипп Август: он поддался влиянию страсти. В других случаях, где дело шло исключительно о политических вопросах, он говорил смелым и решительным тоном, будучи так же глубоко убежден в своих правах, как папа — в своих¹. Когда Иннокентий III сделал попытку вмешаться в его распрю с Иоанном Безземельным, Филипп Август заявил ему, что папе «нет никакого дела до того, что происходит между королями». В то время, когда Иннокентий III поддерживал Оттона Брауншвейгского, Филипп писал ему: «Я удивляюсь тому, что вы настойчиво покровительствуете князю, который в силу своих фамильных интересов неизбежно враждебен вашему государству. Да будет ведомо Вашему святейшеству, что я смотрю на воцарение этого князя, дело которого вы так неосмотрительно поддерживаете, не только как на ущерб для моего королевства, но и как на бесчестие для всех христианских государей. Если вы будете упорствовать, я постараюсь принять необходимые меры». Позднее Иннокентию III пришлось просить Филиппа Августа о союзе против Оттона и признать, что король оказался проницательнее его².

В Англии королевская власть унизилась перед ним, но эта победа, может быть, хуже поражения. Когда освободилась кентерберийская архиепископская кафедра, Иннокентий III, несмотря на противодействие Иоанна Безземельного, возвел на нее Стефана Лангтона (1206), затем наложил интердикт на Англию, отлучил короля от церкви, объявил

¹ См. ниже, главы 5 и 7.

² См. выше.

Морской бой (XII в.) Стенная роспись
во Дворце правительства в Сиене

его низложенным и предложил английскую корону Филиппу Августу. Вынужденный уступить, Иоанн Безземельный отдал Римской церкви Англию и Ирландию и принял их обратно как лен, *tanquam feudatarius* (1213). Но Англия не хотела делить унижение со своим королем. Когда прибыл туда кардинал Тускулума, меры, которые он принял совместно с другим посланником папы, Пандульфом, вызвали негодование у английских епископов и, прежде всего, – в архиепископе Стефане Лангтоне. Во время своей борьбы с баронами и народом вынужденный подписать Великую хартию (1215) Иоанн Безземельный взывал к папе о помощи. Иннокентий III заступился за него: «Во имя всемогущего Бога, именем свв. Петра и Павла и принадлежащей нам властью мы всецело осуждаем и проклинаям эту хартию и под страхом анафемы запрещаем королю исполнять ее, а баронам – требовать ее исполнения». Он отлучил прелатов и баронов, сопротивлявшихся королю, но последние продолжали упорствовать, междоусобие разоряло Англию, и англичане считали виновником своих бедствий папу. «Первосвященник, – пишет Матвей Парижский, – который должен был бы быть источником святости, зеркалом благочестия, стражем справедливости и защитником истины, покрови-

тельствует такому человеку! Почему он поддерживает его? Чтобы пучина римской жадности могла поглотить богатства Англии». Таким образом папство отталкивает от себя целую нацию, защищая недостойного короля, который покоряется ему только ради выгоды¹.

Иннокентий III и крестовый поход. Влияние Иннокентия III на феодальное общество было не более реально, чем его влияние на государей. Он хотел соединить всю христианскую Европу в одной великой экспедиции для освобождения Гроба Господня. Но в ту минуту, когда успех дела казался ему уже почти обеспеченным и крестоносная армия была сформирована, начальство над нею было поручено родственнику Филиппа Швабского Бонифацию Монферратскому, и, несмотря на упреки и угрозы папы, крестоносцы вместо того, чтобы освободить св. места, покорили Византийскую империю¹. Итак, крестовый поход ускользнул из рук Иннокентия III. Насилия, которым подверглись греки, еще усилили их ненависть к западным народам; восстановление религиозного единства и политического согласия становится менее достижимым, чем когда-либо. Таким образом, крестовый поход, которого так желал папа, не принес пользы ни церкви, ни христианской Европе.

Другой крестовый поход он организовал в пределах самого христианского мира: чтобы искоренить альбигойскую ересь, он натравил феодалов Северной Франции на Южную³. Увлекаемые своими грубыми страстями и жадностью, сеньоры и авантюристы беспощадно резали, жгли и грабили, так что сам Иннокентий III отшатнулся от своего дела и совесть мучила его за это море пролитой им крови. Но было поздно. Он посеял в этих странах глубокую ненависть к папству, пламенным выражением которой является одна из сирвент трубадура Гильома Фигейраса: «Рим, я нисколько не удивляюсь тому, что все народы заблуждаются, ибо ты ввер-

¹ См. ниже, глава 11.

² См. ниже, главы 6 и 15.

³ Следует заметить, что учение катаров еще прежде, чем оно получило такое широкое распространение на юге Франции, распространилось в Ломбардии (в первой половине XI в.) и Тоскане (XII в.). Из Италии оно перешло во Францию. См. ниже, главы 5 и 7.

гнул наш век в смуту и войну; ты истребляешь и хоронишь заслугу и добродетель. Рим, сарацинам ты причиняешь мало вреда, но греков и латинян ты ведешь на заклятие. Рим, ты так глубоко развращен, что пренебрегаешь Богом и его святыми. Так порочно твое царство, лживый, вероломный Рим, что в тебе сочетаются и гнездятся все пороки этого мира; так велика твоя несправедливость против графа Раймонда. Рим, таковы подвиги твоего папы»¹.

Только в двух областях священные войны этого периода способствовали распространению христианства. На северо-востоке Европы немцы, оттесняя славян, ввели и упрочили его в Померании, Ливонии и Эстонии²; но эти успехи не были достигнуты непосредственно самим папством. На юго-западе Иннокентий III организовал крестовый поход против Альмохадов, которые, перейдя из Африки в Испанию, угрожали здесь существованию христианских государств: христиане разбили их в великой битве при Лас-Навас де Толоса³ (1212); но, по жестокой иронии судьбы, один из самых храбрых участников этой битвы, арагонский король Педро, пал в следующем году при Мюре под ударами крестоносцев, опустошавших Лангедок.

Таково было положение Иннокентия III среди светского общества: он заявлял притязания на господство над миром и на управление государствами, но его планы беспрестанно разбивались о страсти тех, над которыми он хотел господствовать; те, кому он оказывал покровительство, в конце концов восставали против него, не слушали его советов или совершали под его именем величайшие насилия.

Иннокентий III и церковь. Ниже мы увидим, каково было положение Иннокентия III внутри церкви⁴. Достаточно сказать, что он и в этой области не достиг той цели, которую наметил себе. Наиболее благочестивые люди этого времени часто энергично порицали безграничное вмешательство рим-

¹ Полный русский перевод этой замечательной сирвенты можно найти в «Истории средних веков» Н. А. Осокина, т. II, ч. 1, с. 182–183. – *Прим. перев.*

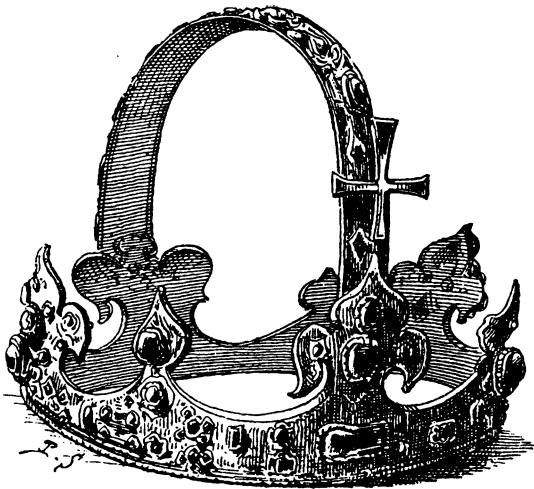
² См. ниже, глава 14.

³ См. ниже, глава 12.

⁴ См. ниже, глава 5.

ской курии во все дела мира и глубокую испорченность, которая господствовала в ней. Яков Витрийский, ставший позже кардиналом, писал: «Каждый раз, когда я проводил некоторое время при римском дворе, я находил там множество вещей, оскорблявших мой дух; эти люди были так заняты мирскими делами, королями, государствами и тяжбами, что не позволяли даже заговорить о духовных делах». Те новые монашеские ордена, которыми позже была произведена церковная реформа, встретили при своем возникновении глубокое недоверие со стороны папства и не раз энергично выступали против него. Иннокентий III знал св. Доминика; но из среды доминиканцев вышел позже Савонарола. В правление Иннокентия III начал проповедовать и Франциск Ассизский, а в XIII в. францисканцы будут страстно проклинать Римскую церковь, какой ее сделало папство, и возвестят наступление новой церкви. Развивающийся в христианском обществе мистицизм идет вразрез с притязаниями пап. Еще до Иннокентия III одна пророчица с берегов Рейна, Гильдегарда бингенская, говорила: «Когда ни князья, ни другие люди, как духовные, так и светские, не найдут больше в папстве никакого благочестия, тогда они уменьшат его могущество. И папа, лишенный своей прежней власти, будет владеть только Римом и небольшой областью вокруг него».

Латеранский собор. Последним крупным актом правления Иннокентия III было созвание Вселенского собора в Латеране (ноябрь 1215 г.). Он хотел придать этому собору величайшую торжественность и, чтобы собрать на него возможно большее число епископов, начал созывать их с апреля 1213 г. На соборе присутствовало 412 епископов и 800 аббатов или приоров; тут были патриарх Иерусалимский и представители от патриархов Александрийского и Антиохийского, послы Фридриха II, Оттона IV, византийского императора Генриха, королей Франции, Англии, Иерусалима, Арагона, Венгрии и пр. Можно было подумать, что здесь собралось великое религиозное и политическое судилище христианского мира. В пригласительных письмах Иннокентий III наметил программу работ предстоявшего собора: «Два дела наиболее озабочивают меня: освобождение св. мест и преобразование вселенской церкви. Я решил со-

Императорская корона. Позолоченное серебро.
Украшена драгоценными камнями. XIII в.

звать всеобщий собор, который искоренил бы пороки, насадил добродетели, исправил ошибки, преобразовал нравы, уничтожил ереси, укрепил веру, прекратил раздоры, водворил мир, оградил свободу, привлек к священной войне христианских князей и народы и, наконец, издал бы мудрые уставы для высшего и низшего духовенства». Собор принял 70 постановлений (канонов), осудил лжеучения Иоакима дель Фиоре, катаров и альбигойцев, определил наказания, которым должны были подвергаться еретики, и способ их передачи в руки светской власти, установил порядок старшинства патриархов и их отношения к Риму, обязал митрополитов созывать ежегодно синоды. Были приняты новые меры относительно церковной юрисдикции, дисциплины, избрания клириков, их нравов, епископских выборов, привилегий людей церкви, проповедей. Собор приглашал епископов учреждать школы для обучения клириков и «бедных школьников», где бесплатно преподавались бы грамматика и богословие. Над монастырями был установлен более правильный и строгий надзор, но запрещено было основывать новые ордена и издавать новые монастырские уставы. По-

единки были запрещены; духовным лицам запрещено было освящать своим благословением ордалии: испытания кипятком и раскаленным железом. Им рекомендовалось быть осторожными в наложении интердиктов; за незаконные отлучения было установлено наказание. Запрещены были поклонение мощам, не признанным папой, и щедрая раздача индульгенций. Клирикам было предписано не требовать платы за бракосочетания и погребения, а довольствоваться добродетельными приношениями. Многие из этих постановлений свидетельствуют о возвышенном и смелом уме, высоком представлении относительно влияния церкви на общество, искреннем желании улучшить духовенство и сделать его по благочестию, просвещению и чистоте нравов достойным своей роли. Но если эти мероприятия и делают честь Иннокентию III, то большая часть злоупотреблений, против которых они были направлены, пустили слишком глубокие корни, чтобы постановления одного собора могли искоренить их.

На соборе была выработана также обширная инструкция для предстоящего крестового похода. Крестоносцы должны были двинуться в путь в мае 1217 г.; были уже определены пункты, в которых должны были собраться отдельные отряды, и папа обещал приехать на место сбора, чтобы лично благословить их. Но ему не суждено было дожить до этой радости: объезжая Италию для ускорения приготовлений к походу, он внезапно скончался в Перудже (июль 1216 г.), всего 56 лет от роду.

Фридрих II: Сицилийское королевство, крестовый поход

Фридрих II как король Сицилии. Просвещение при сицилийском дворе. Религиозные взгляды Фридриха II. Фридрих II и Гонорий III. Григорий IX. Крестовый поход Фридриха II. Сан-Джерманский договор.

Фридрих II как король Сицилии. Со смертью Иннокентия III совпадает начало действительного правления Фридриха II. В его лице на арене средневековой истории

появляется как бы новый тип государя. Те из современных нам писателей, которые изучали его жизнь, стараются определить это впечатление тем, что называют Фридриха то первым по времени государем новой истории, то предшественником итальянских тиранов XV и XVI столетий. Но ни одно из этих выражений не дает ясного представления об этой странной и сложной натуре. До сих пор большинство великих политиков средневековья – Карл Великий, Оттон I, Григорий VII, Фридрих Барбаросса – были люди цельные, точно из одного куска. Мы сравнительно легко можем проникнуть в их душу, анализировать их мысли и характер. Цельные в своих идеях, они такими же являются и вовне, в своем образе действий; они не умеют схватывать оттенков, не понимают компромиссов; они идут прямо вперед свободным и твердым шагом и приступом берут каждое препятствие. Ум Фридриха II находится в состоянии беспрерывного волнения; в его характере соединяются черты, которые на первый взгляд кажутся совершенно противоречивыми. Недоверчивый и лукавый, он вносит в искусство управления такие политические приемы, которые были чужды его предшественникам. Он обладает более тонким и гибким умом, чем они, но лишен настойчивой энергии и упорства своего отца или деда. Если в критические минуты и сказывается в нем кровь Гогенштауфенов с их надменной твердостью и неумолимой жестокостью, то по иным чертам характера его можно отнести к другой расе и иной эпохе. Приветливый, любезный, обольстительный, он напоминает уже властителей времен Ренессанса. С другой стороны, где бы мы ни наблюдали его – в Германии или Италии, – не только его политика, но и принципы его правления до такой степени изменчивы, что в одном месте он оставляет феодальный строй в полной силе, тогда как в другом организует королевскую власть в наиболее абсолютной форме, какую когда-либо видела Европа. Поэтому надо отказаться от попытки внести в его портрет единство, которого нет в его деятельности: эта личность, так часто изменяющаяся, выступит рельефнее в самом изложении событий.

Чтобы вполне понять Фридриха, надо прежде всего ознакомиться с его деятельностью в Южной Италии. Сын сицили-

анки Констанции, он вырос в Сицилии и позже всегда любил жить в ней. Притом, по своим вкусам и характеру образования он походил на норманнских королей, от которых он унаследовал корону и которые, стоя на том месте, где скрещивались арабская, греческая и латинская культуры, старались сочетать разнородные элементы и поддержать таким образом смешанную цивилизацию, полную жизни и блеска. Первым его делом было восстановление порядка в этом королевстве, включавшем Сицилию и Южную Италию. Здесь со времени смерти Вильгельма II господствовала анархия. Когда Иннокентий III сделался опекуном малолетнего Фридриха, сицилийские арабы, опасаясь преследований с его стороны, восстали. Тщетно папа давал обещания не нарушать их обычаев и привилегий; он принужден был начать войну. Побежденные в 1200 г., они вскоре опять восстали. В 1221–1225 гг. Фридрих окончательно усмирил их. При этом он переселил часть сицилийских арабов в Южную Италию, в Лючеру, позже – в Ночеру, и здесь образовал из них военные поселения. Этим он не только обеспечил себе их верность, но и приготовил себе храбрую армию, готовую сражаться за него без религиозных колебаний. К концу его царствования население Лючеры достигало по меньшей мере 60 тысяч человек; из них около трети были воинами, и эти сарацинские солдаты, к великому соблазну христиан, участвовали в итальянских войнах императора.

Но не одних арабов пришлось усмирять Фридриху. Смуты, начавшиеся после смерти Генриха VI, благоприятствовали стремлению к независимости тех южных областей, в которых владычество императора было установлено путем насилий и жестокости. Многие норманнские и итальянские бароны фактически освободились от всякой зависимости, и Фридрих, вступив в управление государством, лишь после нескольких лет борьбы сделался действительно властелином страны. Но и позже, во время его борьбы с папством, Юг не раз пользовался его затруднительным положением. В 1228–1230 гг., когда он был в Палестине и папские войска под предводительством Иоанна Бриеннского и двух кардиналов вторглись в Terra di Lavoro, многие сеньоры восстали, и мятеж охватил почти всю Апулию и даже некоторые части Сицилии. Спустя несколько лет Мессина, Катана,

Фридрих II (1215–1250). Статуя, некогда установленная возле римских ворот в Капуе. Впоследствии была сброшена и повреждена. Позже помещена в Капуанский музей

Сиракузы и другие города взяли за оружие, чтобы отстоять свои вольности против покушений императора. В 1234 г. вспыхнул мятеж в самой Италии. Все эти движения были подавлены с неумолимой жестокостью.

Для упорядочения администрации королевства Фридрих в 1231 г. издал в Мельфи «Уставы королевства Сицилии». Он хотел заменить феодальный строй монархическим, в котором король взамен гарантируемого им порядка и мира располагал бы неограниченной властью и сосредоточивал бы в своих руках всю политическую жизнь страны. До него ни один европейский государь не решался провести такую коренную реформу; поэтому некоторые историки утверждают, что его пример послужил образцом для Капетингов.

Феодализм лишается значительной доли как имуществ, так и привилегий. Земли, оторванные от королевского домена, должны быть возвращены короне; замки и крепости, построенные сеньорами со смерти Вильгельма II, должны быть разрушены. Знать, подчиненная королевским чиновникам, может прибегать к дуэли лишь в определенных случаях; всякому, кто вызовет междоусобную войну, грозит смертельная казнь; знатный, совершивший убийство, обезглавливается, его имущество конфискуется. Только люди, служащие королю, могут носить оружие. Наконец, сеньоры лишаются даже права женить своих сыновей или выдавать замуж дочерей без разрешения короля. Они сохраняют в своих поместьях право гражданского судопроизводства, но лишаются уголовного. Не менее строг Фридрих II и по отношению к церкви. Он подчиняет ее королевской юрисдикции и облагает податями; он совершенно лишает ее права суда над мирянами, исключая случаев прелюбодеяния; он запрещает клирикам занимать какие-либо общественные должности и заставляет их ограничиваться исключительно их религиозной ролью. С другой стороны, он наносит смертельный удар церковному феодализму, запрещая дарить и продавать землю церквям. В этом государстве, где рядом с ним не должна существовать ни одна независимая власть, нет места, конечно, и таким своевольным муниципиям, какие возникли на Севере. Поэтому городам воспрещается избирать себе подеста, консулов или ректоров. Тем не менее, в городах королевского домена при королевском чиновнике, который управляет городом, состоит совет нотаблей, избираемый гражданами. Король созывает также делегатов от городов в общие собрания или парламенты королевства. Впрочем, мы не знаем, какова была роль этих уполномоченных в парламенте, — призывались ли они для того, чтобы излагать свои мнения, или только для того, чтобы получать инструкции.

Над сеньориальным классом, над духовенством и народом, лишенными своей автономии, Фридрих устанавливает строго правильную администрацию. На самом вершине стоит король — единственный законодатель королевства. Высшим судебным учреждением является *верховный суд* (*magna*

curia), состоящий из четырех судей под председательством *великого юстициария* и находящийся в Капуе. Он ведает в первой инстанции всеми феодальными делами и окончательно решает все остальные, какие вносятся в него путем апелляций. Высшее финансовое учреждение, *magna curia rationum*, имеет надзор за всем, что касается налогов, доходов короны. В провинциях финансовыми и гражданскими делами заведуют *камерарии*, уголовным судопроизводством и полицией – *юстициарии*. Суд – даровой; для того чтобы он был беспристрастен, юстициариями назначаются люди чуждые той провинции, в которой служат, и не имеющие в ней ни родственников, ни поместий. Затем следуют *балы*, или баюлы, сосредоточивающие в своих руках административные, судебные и финансовые функции. Они разбирают в первой инстанции гражданские дела и наблюдают за сбором налогов. Вся областная администрация подчинена надзору великого юстициария, который раз в год объезжает провинции. Эти постановления, дававшие такую точную и твердую организацию королевскому абсолютизму, вызвали, между прочим, протест и со стороны папы. Григорий IX обвинял Фридриха в том, что он «воздвиг гонение на церковь и стеснил общественную свободу».

Просвещение при сицилийском дворе. Фридрих является как бы представителем новой эпохи; его справедливо называют предшественником итальянского Возрождения в его двойной форме – литературного гуманизма и художественного характера культуры. Выросший при палермском дворе, где в предшествующем веке работало столько арабских, греческих и латинских ученых, он сам обладает большими познаниями по математике, живо интересуется естественной историей и нераздельными тогда астрономией и астрологией. Его трактат об охоте, «*De arte venandi cum avibus*», свидетельствует о его знакомстве с анатомией и зоологией; он собрал настоящую коллекцию животных Востока и повсюду возил ее с собой во время своих итальянских войн. Он занимался медициной, ветеринарным искусством, хирургией; ему приписывается открытие некоторых лекарств. Он знал несколько языков: кроме итальянского и немецкого, еще французский, греческий и арабский. Он писал стихи,

притом не только на латинском, но и на народном языке, и Данте в своем трактате «De vulgari eloquio» говорит о нем как об одном из пионеров итальянской поэзии. Вокруг него группируется целая школа сицилийских трубадуров, которые по примеру провансальских воспевают любовь и наслаждение; между ними мы находим и некоторых сановников Фридриха – например, его канцлера Петра Винеяского.

Наука, просвещение являются для Фридриха не просто предметами любознательности: он видит в них один из элементов народного благоденствия. До него в Сицилийском королевстве, по свидетельству одного современника, «вовсе не было или было мало образованных людей». Чтобы распространить образование, он основал университет в Неаполе. Он первым из императоров возымел мысль о подобном учреждении¹. В письме, которым он учреждал университет и которое разослал по всему королевству (1224), он заявляет, что хочет доставить возможно большему числу людей выгоды и свет знания. В Неаполе будут преподаваться все науки «для того чтобы алчущие знания могли находить нужную им пищу в самом королевстве, чтобы они не были принуждены покидать отечество для образования и по крохам, как милостыню, собирать знания на чужбине». В Салерно находилась знаменитая медицинская школа; нам известны имена учителей, преподававших там в XI в., и даже раньше. Фридрих покровительствовал ей: он издал указ, в силу которого право практиковать в Сицилийском королевстве по медицине или хирургии предоставлялось только тем, кто прошел курс наук в Салернской школе (1231). Он привлекал к своему двору писателей и ученых, как, например, Михаила Скота, который перевел для него многие из трактатов Аристотеля, в том числе и «Историю животных». Посылая эти переводы Неаполитанскому университету, он пишет, что «наука должна идти об руку с законами и оружием», что без нее «человек не умел бы достойным образом пользоваться жизнью и что она укреп-

¹ Правда, его опередил король Кастилии Альфонс VIII, основавший в 1212–1214 гг. университет в Валенсии. Известно также, какие льготы даровал Филипп Август учителям и студентам Парижской школы.

ляет силу духа». Он указывает на то, что сам он, любя науку с ранних лет, старается заниматься ею и теперь, среди государственных дел. «Приказав перевести сочинения Аристотеля, – говорит он, – мы подумали, что это великое приобретение не доставит нам полного удовольствия, если мы не сделаем его доступным и для других. Никто не имеет большего права на обладание источниками античной мудрости, чем те, которые пользуются ими для утоления духовной жажды юношества». Еще более приближается он к идеям нового времени в одном письме к жителям Верчелли: «Мы считаем выгодным для себя, – пишет он, – дать нашим подданным средства к образованию, ибо наука делает их более способными к самоуправлению и управлению государством».

Среди ученых, которым оказывал покровительство Фридрих, находился и великий математик XII столетия Леонардо Пизанский, введший в христианскую науку алгебру и арабские цифры и посвятивший императору свой трактат об алгебре, «о квадратных числах». Фридрих не обращал никакого внимания на вероисповедание или религиозные убеждения тех лиц, которым покровительствовал. Особенно привлекала его арабская наука. Ученый еврей Яков бен Абба-Мари, переводчик сочинений Аверроэса, поселившийся в Неаполе, благодарит Бога за то, что Он «вложил в сердце нашего господина, императора Фридриха, любовь к науке и ее служителям и внушил ему расположение к нему, Якову, так что он помогает ему и его семье во всех нуждах». Фридрих находился в сношениях с учеными арабами Египта, Испании и Африки; он призвал к себе Ибн-Сабина из Мурсии; он предлагал этим ученым вопросы о происхождении мира, бессмертии души; до нас дошел арабский текст этих вопросов вместе с ответами на них: это так называемые *Сицилийские вопросы*. Вместе со знаниями он заимствует у арабов и привычки. Он три раза был женат и окружал себя любовницами; в Лючере он имел, по-видимому, гарем с наложницами и одалисками; в одном из своих писем он говорит об их нарядах и издержках. Даже во время своих войн он возит с собой целую толпу женщин.

Религиозные взгляды Фридриха II. Каковы могли быть верования этого своеобразного ума? Его противники утверждали, что он вовсе не христианин. В одном послании ко всему духовенству и всем правоверным папа Григорий IX писал: «Этот царь пагубы, как мы можем доказать, открыто заявляет, что мир был обольщен тремя обманщиками: Иисусом Христом, Моисеем и Магометом, и двое из них умерли в почете, третий – на кресте. Мало того, он утверждает, что только дураки могут верить, будто девственница могла родить от Бога, творца вселенной; он говорит, наконец, что человек должен верить только тому, что может быть доказано силой вещей или здравым смыслом». Один из папских агентов, Альбрехт Чех, упрекает Фридриха в том, будто он верит, что душа погибает вместе с телом.

Ничто не доказывает, чтобы император заходил так далеко в своем скептицизме и неверии. Напротив, он часто заявлял о своем благочестии и, чтобы подтвердить эти уверения, жестоко преследовал еретиков как в Италии, так и в Германии. Он издал несколько эдиктов против них; особенно суров был эдикт, изданный им в Равенне в 1232 г.¹ Но несмотря на все эти признаки религиозного усердия, многие места его переписки свидетельствуют о глубоком неверии. Думал ли он, как не раз утверждали, об основании независимой церкви под своим главенством? Весьма возможно. В 1227 г. он указывает на то, что «основами первоначальной церкви были бедность и простота». Он порицает духовенство за его роскошную жизнь и богатства и во время борьбы с папством берет на себя роль руководителя реформой церкви: «Помогите нам, – пишет он, – против этих гордых прелатов, чтобы мы могли укрепить нашу мать, св. церковь, дав ей более достойных руководителей, и чтобы мы могли, как требует наш долг, преобразовать ее на благо ей и во славу Божию». Он завидует тем странам, где государи являются и духовными главами или где они имеют неограниченную власть над священнослужителями: «Счастлива Азия, – пишет он греческому императору Ватацису, – счастливы самодержцы Востока, которым нечего бояться ни оружия своих поддан-

¹ См. ниже стр. 194.

Отиск печати Фридриха II (1215–1250).
С акта в городском архиве Франкфурта-на-Майне

ных, ни козней своих первосвященников». Задумал ли он, под влиянием любимой им арабской культуры, сделаться в христианском мире повелителем верующих?

С другой стороны, можно думать, что он хотел заимствовать от древнего Рима учение о божественном происхождении императорской власти. Говоря о своем родном городе, он замечает: «Долг повелевает нам любить Иези, благородный город Марки, где родила нас наша божественная мать, откуда распространился блеск нашей колыбели. Эта благословенная страна, этот Вифлеем, где увидел свет цезарь, будет вечно жить в нашей памяти и в нашем сердце». Его окружающие усвоили эти идеи; император становится вто-

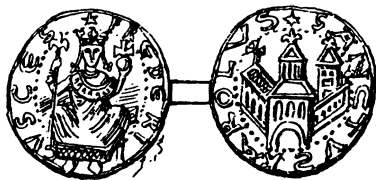
рым Богом; один из его приверженцев заявляет: «Господь поставил своим помощником и наместником на земле римского императора, самодержавного по имени и на деле, чей божественный дух находится в руках Бога, направляющего его по своему желанию». Канцлер Петр Винецкий обращается в апостола: «Петр, на камне которого основана имперская церковь, Петр, на ком отдыхает душа Августа, когда он совершает вечерню со своими учениками». Возможно, что Фридрих пытался обратить в свою пользу те мистические ожидания, которые в эту эпоху охватили всю Италию, надежды на скорое воцарение новой церкви. В каждом доме, вплоть до папского дворца, можно было найти следующие стихи: «Судьба возвещает нам, звезды и полет птиц предсказывают, что впредь будет только один молот для всего мира. Рим, который, идя путем греха, давно колеблется, падет и перестанет быть столицей мира». И папа утверждал, что автор этих стихов – Фридрих.

Подобные фразы, в которых языческие воспоминания так странно смешаны с христианскими элементами, во всяком случае не дают права утверждать, что Фридрих сознательно стремился к основанию новой религии и соединению в своих руках власти первосвященника с императорской. Не следует принимать на веру те угрозы и резкие выражения, которые вырвались у него в самую критическую минуту его борьбы с папством.

Притом, в духовной жизни Южной Италии обнаруживаются в эту эпоху новые течения. В Калабрии благочестивый аббат Иоаким дель Фиоре (1132–1202), увлеченный видениями своей мистической фантазии, возвещает в своих сочинениях «Вечное Евангелие» наступление после царства Отца и Сына царства Св. Духа; это учение удовлетворяет потребности и ума, и сердца, потому что оно рисует образ более чистого и более кроткого христианства, где все – свет и все – любовь, где полное обладание истиной не оставляет места сомнениям и тревогам. Оно увлекает общество и в следующем веке найдет пылких последователей в среде учеников Франциска Ассизского.

Фридрих II и Гонорий III. Воспитанник Иннокентия III Фридрих в юности избег разорения только благодаря защи-

те папства. Он начал свою деятельность как «поповский король», по выражению Оттона IV. Естественно, что в первые годы своего правления он исполнял все требования курии. Между ними было одно, имевшее для пап наибольшее значение: если бы Сицилийское королевство и империя сосредоточились в одних руках, то папство в случае конфликта оказалось бы окруженным со всех сторон. После смерти Иннокентия III на папский престол вступил добродушный Гонорий III, бывший раньше воспитателем Фридриха. Между ним и королем в течение нескольких лет разыгрывается странная комедия; Фридрих явно издевается над своим бывшим учителем. При своем вторичном короновании в Ахене в 1215 г., он дал клятву совершить крестовый поход: теперь он просит одной отсрочки за другой; он поклялся отказаться от Сицилии: теперь он снова отнимает ее у своего сына Генриха; он не может оторваться от этой прекрасной страны, в которую вложил свою душу; он хочет добиться от папы разрешения владеть ею до своей смерти. В апреле 1220 г. он устраивает избрание своего сына Генриха в римские короли и, чтобы успокоить Гонория III, бесстыдно пишет ему, что выборы прошли без его ведома. В сентябре по возвращении в Италию он держит себя кротко и миролюбиво: в вопросе о наследии Матильды, который уже в течение полутора веков служит предметом ожесточенного спора, он признает справедливость папских требований; разве он не «преданный сын» Гонория, как он охотно заявляет? В ноябре 1220 г. они вместе вступают в Рим: Фридрих коронован императором; он добивается всех своих целей; он получает разрешение удержать за собой Сицилию при условии предоставления ей административного устройства, независимого от империи. Мы видели выше, что он исполнил эту задачу, но своей реформой только раздражил папу. Впрочем, он не скупится на обещания и уступки. В день своего коронования он издает указ, предоставляющий церкви чрезвычайно обширные привилегии в ущерб вольностям муниципий: ловкая политика, направленная к тому, чтобы поселить вражду между папством и городами. Вместе с тем он соглашается обратить светскую власть в орудие церковных отлучений, чему в эту же эпоху с такой разумной твердостью

Монета Фридриха II (1215–1250)

воспротивился Людовик Святой, и предписывает своим чиновникам преследовать еретиков. «Никто, – говорит он далее, – не имеет права взимать поборы с церкви или церковного лица, никто не может привлекать клирика к светскому суду ни по гражданскому, ни по уголовному делу». Поступал ли он искренно, подчиняя таким образом государство церкви? Едва ли: стремление сохранить Сицилию определяло всю его политику. Этой цели он приносил в жертву все остальное; раз добившись ее, он мог откладывать до бесконечности исполнение тех обещаний, на которые был так щедр. Он несомненно имел намерение совершить крестовый поход, который мог принести ему и выгоды, и славу; но предварительно следовало восстановить порядок в Сицилийском королевстве. Пока он занят этим делом, крестоносцы, которые в 1217 г. переправились в Египет под начальством Иоанна Бриеннского, принуждены сдать Дамиетту¹ (1221). Папа обвиняет в этом несчастье Фридриха и грозит ему отлучением от церкви. Император успокаивает его ласковыми словами; в 1223 г. на съезде в Ферентино он дает клятву выступить в поход в 1225 г. и жениться на дочери Иоанна Бриеннского Изабелле, наследнице Иерусалимского королевства. Действительно, он делает большие приготовления в Германии и Сицилии; Герман фон Зальца, великий магистр тевтонского ордена, старается склонить к участию в походе немецких князей. По истечении срока Фридрих просит новой отсрочки: он дает клятву отправиться в св. землю в августе 1227 г., женится на Изабелле и тотчас, не обращая внимания на права своего тестя, принимает титул иерусалимского короля. С другой стороны, он заяв-

¹ См. ниже, глава 6.

ляет о необходимости «восстановить права империи»; он требует от населения Сполето, подчиненного св. престолу, военной службы. Гонорий III возмущается, обвиняет Фридриха в неблагодарности; последний сбрасывает с себя личину смирения, но его тон и поведение начинают беспокоить и города, которые чувствуют опасность, грозящую их свободе. В марте 1226 г. Ломбардская лига восстанавливается на 25 лет. В то время, как Фридрих спускается в Италию, Верона отказывается пропустить его сына Генриха, командующего одним из корпусов армии, и Генрих принужден вернуться в Германию. Епископ Гильдесгеймский налагает интердикт на Лигу, император в Борго-Сан-Доннино объявляет мятежные города (Милан, Верону, Пьяченцу, Верчелли, Лоди, Александрию, Тревизо, Падую, Виченцу, Турин, Наварру, Мантую, Брешию, Болонью, Фазенцу) лишенными всех имперских прав; но папа, которого он принужден принять в посредники спора, отказывается утвердить интердикт. Таким образом, союз между папством и Ломбардской лигой едва не возобновился, этого не случилось даже при миролюбивом Гонории III.

Григорий IX. В марте 1227 г. этого добродушного и доверчивого папу сменил Григорий IX, 80-летний старик, но еще запальчивый и страстный, неспособный на полумеры и уступки. Комедия, которую так развязно играл Фридрих II в течение десяти лет, тотчас превращается в драму. Принужденный, наконец, выступить в поход, он 8 сентября отплывает из Брундизия, но 11-го возвращается назад: ландграф Тюрингский, который сопровождал его, – при смерти, да и сам Фридрих болен. Он пишет папе, извиняется перед ним; но Григорий IX ничего не хочет слышать и 29 сентября в Ананьи провозглашает императора отлученным от церкви. Фридрих отвечает на интердикт грамотой, где оправдывает себя и обвиняет Римскую церковь в том, что она обращается с ним, как мачеха. Эту грамоту он приказывает прочитать на Капитолии «по воле сената и римского народа». Он отменяет акты, по которым были уступлены Римской церкви Анконская марка и владения Матильды. По его наущению гибеллинская партия, руководимая семьей Франджипани, производит бунт в Риме, и в понедельник на Пас-

хе 1228 г. Григорий IX, оскорбленный толпой в храме Петра, вынужден был бежать из города.

Крестовый поход Фридриха II. Теперь роли переменялись. Папа запрещает крестовый поход, освобождает крестоносцев от их обета; он не хочет допустить, чтобы отлученный от церкви император руководил священной войной. Напротив, Фридрих на этот раз твердо решил исполнить свой обет, чтобы иметь право заявить, что он защищает интересы христианства против своекорыстного честолюбия папы. В июне 1228 г. он снова отплывает из Брундизия, в сентябре – он в Палестине.

Сношения Фридриха II с мусульманскими государями вызывали резкое осуждение со стороны многих его современников. Без сомнения, ему были совершенно чужды те чувства и иллюзии, которые в соединении с некоторыми менее благородными мотивами повлияли на первые крестовые походы; но и многие из лиц, окружавших императора, разделяли его мнение, что было бы наивно все еще мечтать об истреблении неверных и что гораздо благоразумнее – вступить с ними в соглашение. Если он прибегал к дипломатическим переговорам чаще, чем к оружию, то это был не первый пример, когда христианский государь подписывал договор с неверными, и если его враги утверждали, что он продавал мусульманам христианских девушек, то ничто не доказывает справедливости этих показаний. Наследник норманнских королей, он усвоил по отношению к арабскому Востоку такую политику, которая способствовала торговому расцвету итальянских городов. Позже, в промежутках борьбы, когда папство на минуту становится способным пожертвовать своими страстями ради интересов христианства, оно утверждает эти самые договоры, которыми враги Фридриха пользуются как орудием против него. Действительно, он всегда при соглашениях с мусульманами выговаривает освобождение из-под их власти св. мест. Может быть изучение фактов покажет, что его образ действий, менее героический, чем образ действий Готфрида Бульонского, был, по крайней мере, практичен, тогда как папство, преследуя его своей ненавистью за гранью моря, в значительной степени способствовало гибели христианского владычества над св. местами.

Крестоносцы плывут в святую землю на генуэзском транспортном судне (1187). Миниатюра из генуэзской лицевой хроники XII в.

Политика Фридриха по отношению к Востоку оставалась неизменной с начала до конца. В 1215 г. он послал епископа города Кефалу в Египет, чтобы возобновить договоры, существовавшие между этим государством и Сицилией; но он не изменил и делу крестовых походов, так как в 1221 г. отправил подкрепления христианской армии, воевавшей в Египте, и его адмирал пытался защитить Мальту. Если он сам не торопится выступить в поход и тем поставить на карту интересы императорской власти в Германии и Италии, то невозможно отрицать, что он деятельно готовится к походу. Когда он, наконец, пускается в путь, Григорий IX обвиняет его в том, что он не ведет с собой достаточных сил; но в Сирии его ждали 1 тысяча 500 рыцарей и 10 тысяч солдат, в том числе великий магистр тевтонского ордена храбрый и ловкий Герман Зальца. В эту минуту общественное мнение на стороне Фридриха: папу порицают за его жестокость и один современник сравнивает Фридриха с Христом, гонимым Каиафой.

Прибыв в Палестину, он, правда, вступает в переговоры с каирским султаном Малекэль-Камелем, но обнаруживает

и готовность воевать. Перемирие на десять лет, заключенное в феврале 1229 г., доставило христианам власть над Иерусалимом, Вифлеемом, Назаретом и поселениями, лежавшими на пути из Назарета в Птолемаиду. Иерусалимский патриарх восстал против этого договора, тогда как другие – например, Герман фон Зальца – находили, что он представляет серьезные выгоды; в письме к папе Герман указывал на то, что Фридрих добился бы еще более выгодных условий, если бы на Востоке не было известно о распре между папством и империей. 18 марта отлученный Фридрих в храме св. Гроба сам возложил на себя корону Иерусалимского королевства, хотя ни церковный обряд коронации, ни даже богослужение не были совершены. Затем от его имени было прочитано примирительное и очень искусное заявление, в котором он, вместо того, чтобы нападать на папу, прощал его. Тем не менее, архиепископ Цезареи на следующий день по приказанию иерусалимского патриарха, наложил интердикт на св. места. Упорное противодействие патриарха и тамплиеров вывело Фридриха из терпения и заставило его прибегнуть к насильственным мерам; но после его отъезда Балиан Сидонский, которому он поручил управление королевством, успешно боролся и с султаном Дамаска Ал-Ашрафом и с враждебной императору партией, руководимой могущественной фамилией Ибелинов. Впрочем, в 1231 г. Григорий IX санкционировал политику Фридриха: он предписал великому магистру тамплиеров исполнять договор 1229 г., столь необходимый для поддержания спокойствия в св. земле.

Чем же можно оправдать папу и его приверженцев, которые позже еще не раз нарушали это спокойствие? Когда возобновилась борьба между ним и императором, было ли благоразумно перенести ее и в св. землю и тем окончательно поколебать и без того шаткое положение христиан? Между тем, он поступал именно так: венецианцы по соглашению с папой, напали на владения Фридриха в Сирии; противники императора, становясь все более смелыми, изгнали его приверженцев из Сен-Жанд'Акры; они нарушили договоры, заключенные с египетским султаном Эюбом. Последний, чтобы отомстить христианам, призвал хорез-

мийских турок. Они напали на Иерусалим; так как укрепления города не были восстановлены, то его пришлось покинуть, и латиняне, застигнутые врасплох в своем убежище, были перерезаны (1244). Иерусалим был окончательно потерян, и попытка сирийских христиан вернуть его привела только к новому поражению – при Газе (октябрь 1244 г.).

Сан-Джерманский договор. В июне 1229 г. Фридрих II вернулся в Италию. Да и пора было. Имперские войска, правда, вторглись в Анконскую марку; зато папа освободил подданных Фридриха от клятвы верности и двинул в Южную Италию наемное войско под начальством бывшего иерусалимского короля Иоанна Бриеннского и двух кардиналов. Поведение местных баронов, жаждавших независимости, способствовало успеху этого предприятия. В Германии Григорий IX пользовался услугами доминиканцев, чтобы восстановить общественное мнение против Фридриха; он хотел противопоставить последнему соперника в лице вельфа Оттона Люнебургского, который, однако, отказался. Герцог Баварский Людовик изменил империи, но был побежден королем Генрихом. Внезапное возвращение Фридриха вызвало замешательство среди его противников. Папские войска принуждены были очистить Сицилийское королевство, где снова водворился порядок. Григорий IX, будучи не в силах продолжать борьбу, должен был вступить в переговоры, которые при посредничестве Германа Зальца и привели к миру. Он был заключен в Сан-Джермано в августе. Фридрих дал амнистию тем, кто принял сторону папы; он обещал вернуть те части Анконской марки и Сполетского герцогства, которые были заняты его войсками; он предоставил духовенству Сицилийского королевства важные привилегии, как например, свободу от податей и светской юрисдикции. 28 августа 1230 г. с Фридриха было снято отлучение. 1 сентября в Ананьи произошло торжественное свидание между противниками; он сел вместе за стол и долго разговаривали; единственным свидетелем этой встречи был Герман Зальца. «Папа, – писал Фридрих, – говорил со мной чистосердечно, успокоил и прояснил мой дух; я не хочу более вспоминать о минувшем». – «Император, – писал со своей стороны Григорий IX, – встретил нас с сынов-

ней преданностью; мы любовно беседовали, и я убедился, что он готов всеми средствами исполнять наши указания и желания во всех делах».

Германия в эпоху Фридриха II

Сеньоры и города. Преследование еретиков. Мятежи и договоры. Германский и славянский мир. Германская цивилизация в эпоху Фридриха II: право, литература, архитектура.

Сеньоры и города. 1230–1235 гг. представляют собой сравнительно спокойный период в царствовании Фридриха. Именно в эти годы, как мы выше видели, он организует свое Сицилийское королевство; в этот же период он старается упорядочить внутренний строй Германии. Трудно представить себе что-нибудь менее единообразное, чем его политика: в то время как в Италии он стремится сделать королевскую власть абсолютной и с этой целью сокрушает могущество сеньоров и епископов, в Германии он охотно увеличивает привилегии светских и духовных князей. Германский феодализм господствует и окончательно складывается при Фридрихе II, который сам способствует его развитию. Поглощенный мыслью о господстве в Италии, он как будто намеренно жертвует этой цели интересами центральной власти в своем Германском королевстве. В самом начале царствования, чтобы добиться избрания своего сына Генриха в римские короли, он на Франкфуртском сейме (апрель 1220 г.) предоставляет духовным князьям целый ряд привилегий. В течение нескольких лет архиепископ Кельнский Энгельберт, «столп церкви и щит империи», от имени Генриха правит государством и своей мудростью, энергией и нравственным влиянием поддерживает в стране сравнительное спокойствие. В 1225 г. он падает жертвой убийства, и опять воцаряется анархия: «Снова настала смута, как некогда в Израиле, когда не было царя,— говорит современник, — каждый делал, что хотел».

В нескольких указах 1231 г., особенно в «Statutum in favorem principum ecclesiasticorum et mundanorum», издан-

ном в Вормсе, была подтверждена почти полная независимость высшего феодального класса, территориальный суверенитет (*Landeshoheit*). Это была реакция против политики молодого короля Генриха, который, управляя Германией, старался, наоборот, ослабить могущество князей и поддерживать враждебные ему города. «Каждый князь, — сказано в этом декрете, — будет беспрестанно согласно обычаю страны пользоваться вольностями, правами суда, графскими правами и сотнями, которые принадлежат ему на правах собственности или как феодалы. Графы сотен, *centgravi*, будут держать эти сотни от сеньора данной территории». Действительно, с этих пор князья носят характерное название «областных господ», *Landesherren*. «Горожане, называемые *Phalburgeri* (*Pfahlbürger*, то есть те, которые, сами не живя в данном городе, пользуются его правами и вольностями), лишаются своих прав... Подданные князей, знатных, церквей и княжеских людей (*ministeriales*) не будут более получать права гражданства в королевских городах. Поместья и лены, полученные городами от князей, знатных, их людей и церквей, должны быть возвращены последним. Юрисдикция городского суда ограничивается впредь пределами города. Король не построит более ни одного нового замка или города во вред князьям. Он не будет чеканить на территории княжеских владений новой монеты, которая могла бы нанести ущерб монете князя. Каждый епископ и князь империи должен и может, как в интересе империи, так и в своем собственном, укреплять свою резиденцию рвами, стенами и всякими другими средствами». Однако эта почти абсолютная власть ограничивается постановлением, что князья «не могут издавать законов и налагать новых податей без согласия лучших и знатнейших людей своей области».

Таким образом, Фридрих II удовлетворяет честолюбие князей в ущерб как городам, так и королевской власти. Свободу городских общин в Германии, как в Ломбардии и Сицилийском королевстве, он считает «ядовитым растением, которое следует вырывать с корнем». В епископальных и других городах образовались могущественные общины, развитию которых благоприятствовали спор из-за инвеституры и внутренние раздоры в Германии. В Страсбурге, Кель-

не, Трире, Майнце, Вормсе и прочих мы можем проследить их судьбы в XI и XII столетиях, их подчас драматическую борьбу с епископами. Во главе их стоят советы, члены которых избираются из среды городской аристократии; в XIII столетии это учреждение становится общераспространенным. Они опираются на корпорации, или цехи, в которых соединяются все купцы или ремесленники одной и той же профессии. Их происхождение различно: мы видим среди них епископские города, города имперские, лежащие в личных поместьях императора и особенно многочисленные на юге Германии, и сеньориальные города. Положение *вольных городов*, характер которых выясняется лишь впоследствии, еще не вполне определенно; многие из них суть резиденции епископов. Императоры то обещают городам свою поддержку, чтобы обеспечить себе их помощь, то обуздывают и даже наказывают их, когда они нарушают мир в государстве. Фридрих в первую половину своего царствования принимает против них решительные меры. В 1232 г. на сейме в Равенне он издает указ, в силу которого они лишаются всех своих прав и преимуществ. «В Германии укоренились негодные обычаи, скрывающие в себе беззаконие под видом общественного блага; они наносят ущерб правам имперских князей и тем ослабляют власть императора. Мы желаем, чтобы вольности и права, пожалованные князьям верховной властью, истолковывались в самом широком смысле и чтобы они могли спокойно пользоваться ими. Посему мы этим указом отменяем и уничтожаем во всех городах и местах Германии городские коммуны, советы, магистратов или ректоров и все другие общественные должности, установленные городскими общинами без согласия архиепископов и епископов. Мы уничтожаем также все сообщества и товарищества ремесленников... В прежние времена управление городами и всеми имуществами, которые были пожалованы императорами, принадлежало архиепископам и епископам; мы желаем, чтобы оно снова было предоставлено им и должностным лицам, которых они назначат. Мы уничтожаем все привилегии и все жалованные грамоты, которые нашей щедростью или щедростью наших предшественников или даже архиепископов и епископов были дарованы во вред

князьям и империи как частным лицам, так и городам касательно товариществ, коммун и советов». Это означало заставить историю попятиться на два века. Действовал ли Фридрих по убеждению, когда издавал этот указ, или же, оказывая духовным князьям мнимую услугу, он надеялся еще усилить вражду между ними и городами? Каковы бы ни были его мотивы, Равеннский указ был лишь в немногих местах осуществлен частями, и позже Фридрих, напротив, сам опирается на союз этих городов, у которых он отнял все права.

Преследование еретиков. Чтобы угодить папе, Фридрих II отдал Германию в руки доминиканцев-инквизиторов. В одном указе 1232 г., изданном в Равенне, он заявляет, что хочет «всеми мерами очистить Германию, в которой всегда господствовала истинная вера, от скверны ересей». Виновные, которые будут изобличены инквизиторами, посланными св. престолом, подвергаются смертной казни. Те из них, которые вернутся в лоно истинной церкви, подвергаются пожизненному заключению. Дети еретиков, их сторонников, их защитников и тех, кто давал им убежище, до второго поколения лишены всех светских преимуществ и права занимать общественные должности. Исключение делается лишь для тех, кто донесет на своих родителей. Инквизиторам-доминиканцам обеспечивается особое покровительство императора. «В течение девятнадцати лет, – говорит вормсская летопись, – францисканец Конрад Марбургский проповедовал и жег еретиков по всей Германии, не встречая нигде сопротивления». Его официальный титул был – *inquisitor haereticae pravitatis*. Король Генрих покровительствовал деятельности этих фанатиков. «Мы будем во множестве сжигать богатых, – говорили они ему, по словам той же хроники, – и вы получите их имущество. В епископских городах половину будет получать епископ, половину – король или тот, кому принадлежит право суда... Какая беда, если мы сожжем сотню невинных, – прибавляли они, – лишь бы между ними был хоть один виновный». Не соблюдалась ни одна из законных форм судопроизводства, и само духовенство осуждало эти произвольные казни, жертвами которых являлись нередко наиболее благочестивые из католиков. В 1233 г. Конрад Марбургский был

убит, и король Генрих должен был обуздать фанатизм инквизиторов по Франкфуртскому миру 1234 г.

Этот дикий фанатизм в связи с алчностью феодалов вызвал крестовый поход в пределах самой Германии. У устьев Везера на границе между Фрисландией и Саксонией, жило небольшое племя стедингов, защищенное непроходимыми болотами и целой сетью рек; они отказывались платить десятину и успешно боролись с графами и епископами, которые пытались покорить их. По другим известиям, вина этих свободных крестьян состояла в том, что они защищались против людей графа Оттона Ольденбургского, которые увозили их жен и дочерей. Начиная с 1213 г. архиепископ Бременский беспрестанно боролся с ними; в 1219 г. местный синод осудил их как еретиков. «От имени папы, – говорит кельнский летописец, – против них был объявлен крестовый поход». Герцог Брабантский, графы Голландии, Клеве, Ольденбурга вторглись в страну с 40-тысячным войском. Они были побеждены и большей частью избиты; остальные бежали во Фрисландию (1234).

Мятежи и договоры. Как ни было слабо правление Фридриха в Германии, он все-таки приобрел себе там врагов. Когда в 1231 г. был убит Людовик Баварский, в Германии говорили, что виновник убийства – Фридрих, а убийца – посланец Горного Старца, союзника императора. Во главе его противников стоял собственный сын Генрих, непокорный и честолюбивый юноша. Мы видели, что он поддерживал в Германии города против князей. В 1232 г. он возобновил свои происки, но был вынужден просить прощения в Аквилее и поклясться в верности. Его безрассудная политика еще увеличивала смуту в государстве, где и без того царил анархия, где архиепископ Майнцский и ландграф Тюрингский вели между собой открытую войну. Получив выговор от отца за совершенную им экспедицию против Баварии, он возмутился (в 1234 г.) и пытался найти поддержку в немецких городах, заключить союз с Ломбардской лигой. В 1235 г. Фридрих II снова появился в Германии, и партия его сына тотчас распалась; в июле Генрих, по совету Германа Зальца, явился в Вормс, чтобы изъявить покорность. Но примирение не состоялось. Генрих прожил еще несколько лет в строгом заточении и умер в Апулии в 1242 г.

Император объехал Рейнскую область, встречая блестящий прием во всех городах. В Вормсе (июль 1235 г.) он обвенчался с Изабеллой, сестрой английского короля Генриха III. В августе он созвал в Майнце торжественный сейм. «Здесь, – говорит кельнская хроника, – в присутствии почти всех князей немецкого королевства, был клятвенно подтвержден мир, закреплены старые права и установлены новые; они были изложены и опубликованы на немецком языке»¹. По-видимому, император имел в виду преобразовать внутренний строй Германии отчасти на тех началах, которые он положил в основание своей организации Сицилийского королевства, но без умаления привилегий князей. Право частной войны было уничтожено, исключая те случаи, когда пострадавший не мог добиться суда. Был учрежден верховный королевский суд по образцу сицилийского, состоявший под председательством юстициария и заседавший ежедневно²; этот суд разбирал все дела, с какими обращались к нему, исключая дела чрезвычайной важности и те, которые касались личности и интересов князей и высших сановников. Дела решались на основании местного обычного права, а в сомнительных случаях суд руководствовался постановлениями императоров по важным делам. Все прежние уступки, сделанные Фридрихом князьям, были подтверждены, и если не было возобновлено полное осуждение муниципальных учреждений, то епископские города по-прежнему оставались в зависимости от прелатов. Феодалы присвоили себе все регалии: они творят суд, чеканят монету, взимают рыночные и дорожные пошлины и т. д. В тех случаях, когда королевская власть не предоставляет им этих прав официальным актом, она смотрит сквозь пальцы на их захваты. Такова политика Фридриха: в то самое время, когда во Франции Капетинги энергично стараются восстано-

¹ Действительно ли постановления Майнцкого сейма были изложены по-немецки? Это не доказано. Если и существовал тогда немецкий текст, то это был, может быть, перевод; во всяком случае, он не дошел до нас, и мы знаем эти постановления только по латинскому тексту.

² Следует, впрочем, заметить, что королевский суд, *Hofgericht*, – более древнего происхождения; Фридрих II в 1235 г. лишь более точно определил его организацию.

вить центральную власть, в Германии сам император санкционирует ее разложение.

Другие меры Фридриха II направлены к тому, чтобы упрочить мир в государстве. В 1227 г. умер последний сын Генриха Льва пфальцграф Генрих; не имея детей мужского пола, он завещал свои аллоидальные владения своему племяннику и зятю Оттону Люнебургскому. Между императором и Оттоном, который сделался между тем баварским герцогом, шла война из-за этого наследства. В Майнце был заключен мир: для Оттона было образовано новое герцогство – Брауншвейгское, включавшее Брауншвейг, Люнебург, Гослар и Штаде. По этому договору Гогенштауфены примирились с фамилией Вельфов, которая уже ранее слилась с домом Виттельсбахов.

Германский и славянский мир. На границе германского мира совершались важные события. На севере Фридрих II в 1214 г. пытался путем уступки Нордальбингии обеспечить себе союз короля Вальдемара II; Любек, графство Голштиния, Ратцебург и Шверин отпали от Германии. Но в 1223 г. Вальдемар и его сыновья попали в плен к своему врагу, шверинскому графу Генриху. Переговоры велись при посредничестве великого дипломата того времени Германа Зальца, и в июле 1224 г. пленный король подписал договор, по которому он обязывался вернуть империи все захваченные им земли и принять свою корону из рук императора. Датские феодалы, в особенности зять короля – граф Орлампюндский Альбрехт, отказались утвердить договор. Началась война, продолжавшаяся несколько лет; наконец, Вальдемар II был побежден в битве при Борнгеведе (1227). С этих пор бранденбургские маркграфы господствуют над славянскими землями по ту сторону Эльбы и вскоре получают от императора верховную власть над Померанией. Славянские герцоги Померании, Барнем и Вратислав, тщетно пытались сопротивляться; в 1244 и 1250 гг. они признали себя вассалами, и значительная часть их владений перешла уже в полную собственность дома Асканиев. В 1232 г. маркграфы Иоанн и Отгон оторвали от Польши области Барнема и Тельтова, то есть ту страну, где деревня Берлин скоро превращается в город. В 1250 г. они приобретают ок-

руг Лебы, и их владения простираются до берегов Одера, где спустя два года маркграф Иоанн разрешает Франкфурту ввести у себя муниципальное устройство. Во второй половине XIII столетия Бранденбургская марка продолжает расширяться по направлению к востоку.

Оставаясь верными той политике, которой следовали в предшествующем веке Альбрехт Медведь, Адольф Голштинский и Генрих Лев, маркграфы открывают эти области для западных колонистов и заменяют славянское население германским. Если туземцы и не подвергаются систематическому истреблению, то они влчат жалкое существование в своих бедных селах и постепенно вымирают. Мало-помалу их племя и язык исчезают. Внешний вид страны меняется: появляются новые села и города; их основывают предприниматели, которые, по соглашению с маркграфами, становятся наследственными управителями этих поселков. Маркграфы поощряют основание городов путем пожалования муниципальных льгот, но умеют все-таки сохранять верховную власть над страной. Даже епископы Марки принуждены признавать себя их подданными и отдавать им десятину; если маркграфы, как они выражались, «исторгли землю из рук язычников», то, конечно, не для того, чтобы в ней воцарился, в ущерб их власти, церковный феодализм. В организации этой военной державы XIII в. обнаруживаются уже некоторые черты позднейшего Прусского государства.

В то время, как между Эльбой и Одером развивается Бранденбургская марка, еще далее на востоке, в бассейне Нижней Вислы, зарождается новое немецкое государство. В 1200 г. рижский епископ Альберт Буксгевден основал орден меченосцев, задачей которого было – подчинить христианству Ливонию, Курляндию и Эстляндию. С юга к этим областям примыкала Пруссия, ограниченная на юге Польшей, на западе – Померанией и Бранденбургской маркой, – дикая страна с негостеприимными берегами, покрытая озерами и лесами, населенная еще более дикими народами летто-литовского племени. Тщетно миссионеры пытались распространить среди них христианство; в конце X в. здесь погиб Адальберт. В начале XIII столетия один монах из монастыря Оливы в Померании по имени Христиан принял

титул епископа Пруссии; чтобы доставить ему епархию, папа объявил крестовый поход против этих язычников. Пруссаки отомстили христианам: в 1224 г. они вторглись в Польшу, и один из двух князей, которые владели государством, Конрад Мазовецкий, принужден был искать союзников на стороне. Он обратился за помощью к рыцарям тевтонского ордена, основанного в 1128 г. для защиты св. земли. Великий магистр ордена Герман Зальца благодаря своему уму, выдержанности характера и политической ловкости играл в то время, может быть, первую роль после папы и императора. В награду за помощь Конрад предлагал уступить ордену Кульмскую землю. Герман принял предложение, но постарался обеспечить договор самыми торжественными гарантиями. В марте 1226 г. Фридрих II дал великому магистру полномочие «завоевать Прусскую землю силами ордена». Совершенно игнорируя желания польского князя, он прибавляет: «Мы жалуем навсегда ему, его преемникам и ордену земли, которые уступает ему герцог Конрад и какие он завоюет в Пруссии, дабы они свободно пользовались этими владениями, не будучи повинны никакой службой или данью и ни перед кем не неся ответственности». Со своей стороны Григорий IX в 1234 г. и Иннокентий IV в 1244 г. объявили владения ордена собственностью св. Петра и леном Римской церкви.

В 1230 г. Герман Бальке, назначенный от ордена правителем Пруссии, начал эту ожесточенную борьбу, продолжавшуюся более полувека. В 1231 г. был основан Торн, в 1232-м – Кульм и Мариенвердер. Отсюда суровые рыцари ежегодно предпринимают экспедиции в глубь страны, мало-помалу завоевывая ее, строя крепости, а позже и деревни, заселяемые колонистами. Дело подвигается вперед медленно, потому что рыцари малочисленны, а пруссы оказывают отчаянное сопротивление. Беспреданно приходится начинать работу сызнова; побежденные восстают и разоряют христианские поселения. Однако несколько важных факторов способствуют успеху завоевания: в 1237 г. меченосцы сами просят о слиянии с тевтонским орденом; в 1255 г. богемский король Оттокар предпринимает поход на помощь ордену. Возникает Кенигсберг. Война носит дикий харак-

тер: рыцари беспощадно избивают побежденных, более стараясь истребить их, чем обратить в христианство. Здесь туземное население замещается германцами еще с большей жестокостью, чем в Бранденбурге¹.

Германская цивилизация в эпоху Фридриха II.

Так растет на Востоке могущество германской расы. Если внутри государства уступки Фридриха II ослабляют узы, связывающие отдельные области, если оно превращено в огромную федерацию княжеств, то благодаря развитию промышленности и торговли благосостояние и богатства растут, литература и искусство достигают блестящего расцвета.

Право. Жизнь немецких городов с XIII по XVI в. будет изображена в одной из последующих глав. Здесь мы ограничимся только сообщением некоторых сведений о юридическом и интеллектуальном развитии Германии.

Разнородность немецких провинций особенно ярко обнаруживается в областном праве. Древнейшим письменным кодексом немецкого обычного права является *Саксонское зеркало*, *Sachsenspiegel*, составленное между 1215 и 1235 гг. Эйке фон Репков. Он написал его сначала по-латыни, но потом, по настоянию графа Гойера фон Фалькенштейна, решился перевести его на немецкий язык. Сборник Эйке состоит из двух трактатов: в одном он излагает областное право, в другом – феодальное. Незнакомый ни с римским, ни с каноническим правом, сторонник притязаний императора против притязаний папы, он строго следует традициям прошлого, рисуя картину современного ему строя. Его сочинение имело большой успех даже за пределами Саксонии. После смерти Фридриха II во второй половине XIII в., появилось еще два подобных кодекса: *Швабское зеркало*, *Schwabenspiegel*, и *Немецкое зеркало*, *Spiegel aller deutscher Leute*. Но еще задолго до составления этих кодексов каждая область имела свои привилегии, свое обычное право, свою юридическую и социальную организацию. Так, для большей части областей существовали особые указы о *местном мире*, *Landfrieden*, содержавшие различные постанов-

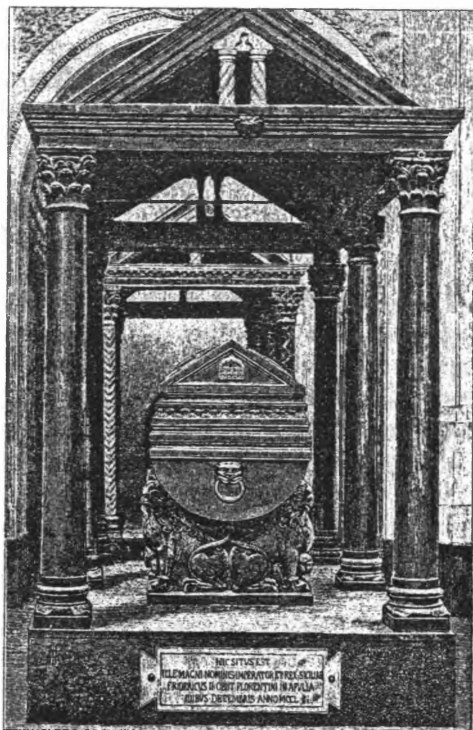
¹ О происхождении тевтонского ордена см. ниже, глава 6; об его успехах и организации с половины XIII в. – ниже, глава 14.

ления в разных областях и утверждавшиеся императорами; большинство дошедших до нас указов древнее *Саксонского зерцала*. Города, в свою очередь, имели свои особые кутюмы и муниципальные статуты. Некоторые части Магдебургского статута, влияние которого отразилось на организации многих городов Остфалии, Бранденбурга, Мейсена, Силезии, владений тевтонского ордена и Польши, относятся к 1188 г. Обычное право Любека, установленное отчасти грамотами Генриха Льва, Фридриха Барбароссы и записанное в первой половине XIII в., господствовало в городах Голштинии, Мекленбурга и Померании. Обычное право Брауншвейга было кодифицировано в 1227 г. Муниципальные статуты Дортмунда и Сэста в Вестфалии, Ахена и Страсбурга в Рейнской области и многих других городов, которые было бы слишком долго перечислять, также распространялись на множество городов: от Сэста заимствовал свое устройство Любек. Такое же разнообразие местных учреждений наблюдается, правда, и во Франции, но в Германии, благодаря возрастающей слабости центральной власти, оно приводит к гораздо более серьезным последствиям, чем по ту сторону Рейна.

Литература. С других точек зрения Германия представляет более единства. Если одна область и отличается от другой диалектической формой языка, то, по крайней мере, литературное развитие каждой из них не вполне изолировано. После смерти Генриха VI двор ландграфа Тюрингского Германа, мужа св. Елизаветы, становится излюбленным местом собрания *миннезингеров* (поэтов любви): в его городе Эйзенахе, в его Вартбургском замке жили Вольфрам фон Эшенбах, Вальтер фон дер Фогельвейде, Генрих фон Офтердинген и др. Генрих устраивал между ними поэтические состязания; фантастическую картину таких турниров дает старинная поэма о *Вартбургской войне певцов*, где они соперничают друг с другом в поэтическом прославлении своих двух покровителей, ландграфа и австрийского герцога Фридриха. Культ женщин, незнакомый грубым поколениям настоящего средневековья, поклонение рыцарской доблести – вот источники вдохновения рыцарей-поэтов. Их идеалом является уже не суровый и грубый воин X в., а

храбрый рыцарь, служащий одновременно Богу и своей возлюбленной, соединяющий в себе мужество с куртуазными и изящными манерами. Вокруг их популярных имен образуются целые легенды, как, например, легенды о Тангейзере, рыцаре-поэте, оболыщенном Венерой. Лучший лирик среди них, Вальтер фон дер Фогельвейде, принимал участие в войнах своего времени и видел начало царствования Фридриха II. В своих песнях, отражающих политические страсти той эпохи, он горячо восстает против вмешательства Римской церкви и прославляет доблести немцев: «Я видел чуждые страны, – говорит он, – и не оспариваю их славы, но горе мне, если они прельстят мое сердце. Какая польза отрицать то, что верно и справедливо? Нравы немцев перевешивают все остальное. Я не знаю обычаев более благородных, чем те, которые господствуют от Эльбы до Рейна, от Рейна до Венгрии. Я готов поручиться за это своим имуществом и жизнью; самая простая немецкая женщина – лучше знатнейших дам другой страны». Трогательная судьба св. Елизаветы Венгерской, жены Германа Тюрингского, которая вскоре после смерти (1231) была канонизирована Григорием IX, может объяснить нам этот энтузиазм.

Другие поэты писали обширные поэмы: Готфрид Страсбургский воспевает роковую любовь Тристана и Изольды и в пленительных чертах изображает восторги и волнения страсти; Вольфрам фон Эшенбах в поэме «Парсиваль», грубой по форме, но проникнутой чувством глубокого мистицизма, излагает кельтскую легенду о св. Граале. Народная поэзия берет сюжеты из легендарных сказаний, которыми христианская фантазия окружила жизнь св. Девы и святых; в «Пассионале» эти легенды сведены в один огромный сборник, в котором насчитывается до 100 тысяч стихов. Некоторые поэты занимаются сочинением грубых сатир во вкусе французских фавлио, другие, напротив, пишут дидактические поэмы, как, например, Фрейданк, или изображают добродетель в действии, как Гартман фон Ауэ в своем «Бедном Генрихе» – самой изящной и трогательной из поэм этого рода. Во всех этих произведениях религиозное чувство получает менее церковный, более обыденный характер: ясно видно, что господство церкви слабеет; монашеская литера-

Гробница Фридриха II в соборе Палермо

тура сменилась рыцарской и светской, которая влияет на культуру и нравы общества. Но наука всецело остается в руках духовенства: самый замечательный немецкий ученый XIII в., Альберт Великий, учитель Фомы Аквинского, сильный и оригинальный ум, предугадавший значение естественных наук, был доминиканцем. Впрочем, центры научного движения находятся вне Германии – в Болонье, Павии, Монпелье, особенно в Париже, куда и стекаются немецкие студенты. Альберт Великий преподавал в Париже, и в следующем столетии немецкие университеты организуются *ad instar studii Parisiensis*¹.

¹ Французская литература и цивилизация чрезвычайно сильно влияли тогда на Германию; любопытно в этом отношении свидетельство современного немецкого историка Лампрехта: «*Deutsche Geschichte*», В. III, s. 183 ff.

Архитектура. Рядом с расцветом литературы происходит расцвет искусств. Романский стиль, заменивший потолок базилики сводом, развился в Германии уже в XI и XII в. К этой эпохе относится постройка соборов в Майнце, Шпейере, Вормсе, и, по крайней мере отчасти, кельнских церквей: св. Апостолов и св. Марии Капитолийской, в которых кое-где обнаруживается влияние византийской архитектуры. В XIII в. переходит в Германию готический стиль, который в то время называли французским, *opus francigenum*: возникнув во Франции, он распространился отсюда по всей Европе и через Германию проник до самой Венгрии. Иногда приглашают даже французских мастеров; так, вскоре после смерти Фридриха II декан Вимпфенского собора поручает архитектору, прибывшему из «Парижа во Францию» построить церковь «во французском стиле». С начала XIII в. наряду с романским стилем начинают применять и готический; таковы церковь св. Герона в Кельне, собор в Бонне, Гейстербахское аббатство. В царствование Фридриха II был построен храм Богородицы в Трире. Но в Германии цветущим периодом готического искусства является не XIII в., как во Франции, а XIV в.

Борьба на жизнь и смерть.

Фридрих II и ломбардские города. Вмешательство Григория IX. Иннокентий IV и Лионский собор. Повсеместная война. Последние Гогенштауфены.

Фридрих II и ломбардские города. На основании Сан-Джержманского договора между империей, папством и ломбардскими городами установилось перемирие; но оно непрочное и часто нарушается. Ломбардские города не обманывают себя насчет чувств императора, который при всяких обстоятельствах и во всех странах обнаруживает ненависть к городской автономии. В 1232 г. на съезде в Болонье ректоры Лиги возобновляют свой союз «против всех лиц, которые решились бы нарушить их права или насильственно проникнуть в их территории». Они просят папу вступиться, «чтобы император не вторгся в Ломбардию с войском», утверждая, что это было бы нарушением констанцского

мира. В борьбе примут участие и те города Центральной Италии, в которых сильно развита муниципальная жизнь: Флоренция, Орвието, Витербо, Ассизи, Перуджа становятся на сторону Гвельфов. Образуются федерации городов; так, в 1237 г. заключают союз Сполето, Перуджа, Губбио, Фолиньо и др. Союз между Ломбардской лигой и его мятежным сыном Генрихом окончательно вывел Фридриха из себя. Он, со своей стороны, опирается на тиранов, роль которых уже начинает намечаться в Северной Италии, — на Эццелино да Романо, который из Тревизской марки вторгается в Ломбардию и покоряет себе Верону и Падую. Наконец, в 1235 г. Фридрих заявляет о своем решении подавить вольность ломбардских городов. В июле 1236 г. мы видим его уже в Италии. На стороне Гибеллинов стоят лишь немногие города такие, как Кремона, Бергамо, Парма, Реджио, Модена, Верона, тогда как лига, расширившись, обращается в *Societas Lombardiae, Marchiae et Romagnae*. Успех сопутствует Фридриху; он овладевает Виченцей. Проведя зиму в Австрии, он снова возвращается в Ломбардию. 27 ноября 1237 г. в битве при Кортенуове он наголову разбивает войско Лиги и овладевает миланской колесницей (саггоссио), которую отсылает в Рим. Большая часть городов бассейна По и Тосканы изъявляют покорность; но Милан, Брешия, Александрия, Пьяченца, Болонья и Фаэнца продолжают борьбу.

Вмешательство Григория IX. Тогда на защиту городов, как во время Фридриха Барбароссы, встает папство. Григорий IX уже не раз выступал посредником между городами и императором; особенно он старается не допустить их полного поражения, которое дало бы возможность Фридриху основать на севере такую же абсолютную монархию, какую он организовал на юге, а от этого зависит само существование светского государства и церкви. В марте 1236 г. Григорий IX заявляет, что Римская церковь не потерпит насилий над ломбардцами, которые отдалась под ее покровительство. В письме к Фридриху (26 октября) он напоминает ему о дарении Константина, который предоставил Римскому епископу, вместе с императорскими инсигниями и скипетром, не только Рим и его область, но и западные

провинции империи. Если папы вручали князьям императорское достоинство и «власть меча», то они «ни в чем не уменьшали сущности своей верховной власти». И он прибавляет: «Поэтому ты подчинен контролю папы». Со своей стороны, Фридрих пишет епископу Комо, что он намерен «привести центр Италии в покорность и единство с империей». Таким образом, каждая из сторон одинаково категорически требует себе неограниченной единодержавной власти над христианским миром, и заявления обеих остры, как меч. Как раз в это время – словно примирителям более нечего делать на земле – умирает Герман фон Зальца, который столько лет был посредником мира между Фридрихом и Григорием IX. 20 марта 1239 г. папа отлучает Фридриха от церкви, на что последний немедленно отвечает провозглашением жителей Анконской марки и Сполетского герцогства свободными от верности папе и присоединенными к империи. Борьба получает необыкновенно страстный характер. В ней принимает участие и демократический орден францисканцев, который путем учреждения «третьего ордена» открыл и простому народу доступ в ряды воинства св. Франциска. Эти пылкие монахи переходят из города в город, проповедуя священную войну и восстанавливая чернь против империи. Фридрих со своей стороны также обращается к общественному мнению. В письме от 20 апреля он приглашает князей и народы в посредники спора и пространно оправдывает перед ними свое поведение. Он заклинает кардиналов созвать Вселенский Собор, перед которым он готов доказать справедливость обвинений, возводимых им на папу. Наконец, он доказывает государям, что дело, которое он защищает, – их общее дело: «Если папа одолеет римского императора, против которого направлены его первые удары, ему не трудно будет унижить остальных королей и князей. Поэтому мы просим вас помочь нам, чтобы мир знал, что при каждом нападении на светского государя страдает наша общая честь».

Следуя политике Григория VII, Григорий IX старается восстановить против Фридриха Германию. Там действует в качестве его легата пассауский архидьякон Альберт Чех; он пользуется всеми поводами к недовольству против импера-

тора и хлопочет об избрании в римские короли молодого датского короля Абея. В заговоре принимают участие могущественные государи – герцог Австрийский, король Богемский, герцог Баварский и другие; но их план разрушает майнцский архиепископ Зигфрид. Управляя Германией от имени младшего сына Фридриха, Конрада, который в 1237 г. девяти лет от роду был провозглашен королем, он не допускает избрания антикороля, тогда как немецкие епископы, почти все без исключения, несмотря на выговоры папы, остаются верны императору (1239).

Итак, Фридрих может свободно действовать в Италии, где большая часть городов Ломбардии, Умбрии и Тосканы держит сторону Гвельфов и папы. Гибеллинская Феррара пала, и он захватывает земли Римской церкви, овладевает Фолиньо, Витербо и далее на севере Равенной и Фазнцой. Он отвергает предложения папы, который просит перемирия, но с тем, чтобы в него были включены и ломбардские города. Между тем Григорий IX, сжатый со всех сторон, созвал в Риме Вселенский Собор, чтобы придать более торжественный характер отлучению императора. Фридрих хочет во что бы то ни стало предупредить эту опасность. В апреле 1241 г. французские, английские, итальянские и испанские епископы, собравшись в Генуе, на 27 кораблях переправляются к Риму. К юго-востоку от острова Эльбы, близ Мелории, имперский флот нападает на генуэзские корабли, овладевает 22 из них и берет в плен трех папских легатов и множество архиепископов.

В это самое время страшное нашествие монголов, предводимых Батыем, грозит раздавить христианскую Европу. Русь, Венгрия и Польша пали под натиском варваров; Германия вся как один человек берется за оружие; король Конрад, окруженный князьями, выступает против завоевателей. Но в эту минуту смерть татарского хана Окая заставляет татар отступить сначала в Венгрию, а оттуда – к Волге (1241).

Даже великая опасность, грозившая со стороны татар, не могла принудить к уступкам обоих соперников, споривших из-за господства над христианским обществом. Фридрих II из Италии посылает инструкции относительно мер, которые следует предпринять против монголов, но сам не

покидает захваченных им земель Римской церкви. В августе мы видим его в Тиволи; он овладевает Альбано. Несмотря на затруднительность своего положения, Григорий IX не обнаруживает слабости. Ему удалось упрочиться в Риме: вождь гибеллинской партии кардинал Колонна принужден был бежать в Палестрину; избранный в 1241 г. сенатором Маттео Рубео – пламенный Гвельф. Но 21 августа 1242 г. Григорий IX – почти столетний старец, обладавший более твердым и неукротимым духом, чем кто-либо из его предшественников, умирает. Его правление было полно тяжких испытаний и борьбы, и часть своего первосвященства он прожил вне Рима, откуда изгнали его мятежи. Так, в 1234 г. римляне, предводимые своим сенатором Лукой Савелли, оспаривали у папы саму область св. Петра, из которой они хотели сделать как бы муниципальное государство; кроме того, они требовали уничтожения судебных и финансовых привилегий духовенства в Риме. Латеранский дворец и жилища кардиналов были разграблены. Григорий IX должен был вести войну со своими подданными, даже апеллировать к императору. Но все эти препятствия до последнего дня не могли сокрушить его страстной энергии. Он пал, можно сказать, на поле битвы, не уступив ни пяди.

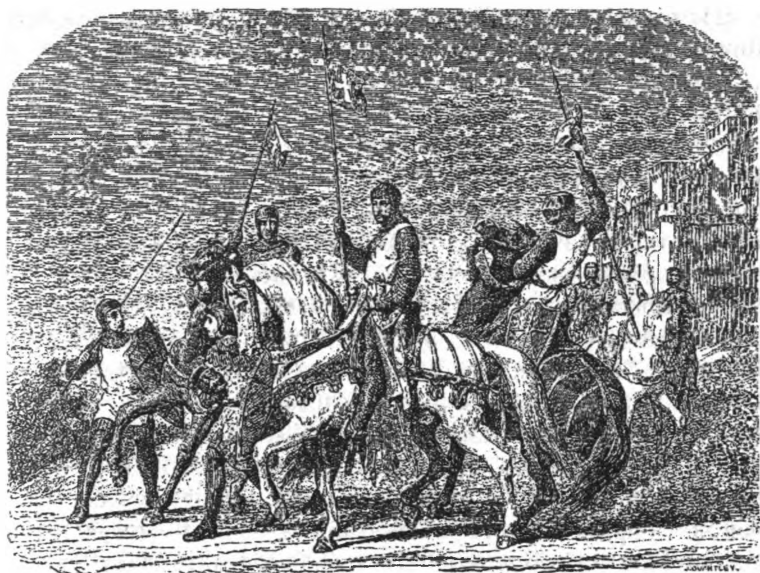
Иннокентий IV и Лионский собор. Кто решится принять власть в эту критическую минуту, перед лицом врага? Фридрих надевает на себя личину смирения и отступает к Неаполю, но в 1243 г. возвращается и снова опустошает область св. Петра. Десять кардиналов избирают Целестина IV; но он умирает еще до посвящения (ноябрь 1241 г.). В течение 19 месяцев папский престол остается вакантным. Наконец, в июне 1243 г. кардиналы, собравшись в Ананьи, избирают Синибальдо Фиески, который принимает имя Иннокентия IV. Известное восклицание, которое приписывают Фридриху: «Я потерял друга, потому что папа не может быть Гибеллином», – вероятнее всего, вымышлено. Напротив, император обнаружил радость по поводу избрания Иннокентия IV, которого называл своим «старым другом»; он приказал отслужить повсюду благодарственные молебны и в письме к немецким князьям выражал надежду, что новый папа поможет ему восстановить мир. Начались пере-

говоры, продолжавшиеся, хотя и не без труда, почти год; в марте 1244 г. был даже заключен мир; но искреннее соглашение было невозможно. В июне Иннокентий IV покинул Рим и бежал в свой родной город Геную. В декабре он переехал в Лион, который номинально принадлежал империи, а фактически был совершенно независим. Здесь он созвал Вселенский Собор, который, не опасаясь насилий со стороны Фридриха, мог решить дело императора.

Заседания Лионского собора начались 28 июня 1245 г. в кафедральном храме св. Иоанна. Он был чрезвычайно многолюден; на предварительном собрании присутствовали 140 епископов; но немецких епископов было мало – потому ли, что Фридрих II запретил им явиться на собор, или потому, что папа не пригласил их. Латинские патриархи Константинополя и Антиохии и константинопольский император Балдуин II приехали хлопотать по делам католического Востока. Представитель Фридриха, Фаддей Суэсский, заявил от его имени, что он готов заключить мир. В качестве поручителей он указал на французского и английского королей. Но Иннокентий IV отверг его предложение: «Секира – у корня», – сказал он. Он хотел положить конец комедии переговоров. 17 июля в последнем заседании собора Иннокентий IV прочитал приговор об отлучении Фридриха, виновного в клятвопреступлении, ереси и святотатстве. Фаддей Суэсский во время этих долгих прений добросовестно и красноречиво, один против всех, защищал дело своего господина. Он заранее объявил приговор недействительным, так как собор не выждал приезда Фридриха и так как Иннокентий IV являлся и судьей, и стороной. «День гнева, печали и пагубы!» – воскликнул он, когда приговор был прочитан. Если верить Матвею Парижскому, Фридрих, бывший в это время в Турине, услышав о решении собора, пришел в ярость: «Папа на своем соборе низложил меня, лишил меня короны. Откуда взял он такую дерзость?» Он велел принести себе свои короны, надел одну из них на голову, встал и грозно воскликнул: «Я еще не потерял своей короны и не потеряю ее без кровавых битв. Тем лучше: я был еще обязан этому человеку некоторой покорностью и уважением; теперь я свободен от всякого обязательства».

Повсеместная война. С этой минуты начинается борьба не на жизнь, а на смерть. Мы не будем следить за ее сложными перипетиями и ограничимся только указанием ее общих черт. Иннокентий IV заявил, что не заключит мира ни с Фридрихом, ни с его сыновьями, «зменным отродьем», и объявил крестовый поход против него. Фридрих, в свою очередь, призывал государей на помощь против папы. Первым из королей этого времени был Людовик Святой: властитель прочно организованного государства, он с силой соединял нравственный авторитет. Его дед Филипп Август был союзником Фридриха II против Оттона Брауншвейгского. Во время борьбы между Григорием IX и императором Людовик Святой оставался нейтральным. Когда папа предложил императорскую корону Роберту Артуа, Людовик Святой не позволил своему брату принять ее. Зато в 1241 г., когда Фридрих при Мелории взял в плен французских епископов, он протестовал против их ареста, заявив, что видит в нем личное оскорбление. «Пусть император, — писал он, — не поддается опьянению властью и капризу, ибо французское королевство не настолько слабо, чтобы его можно было направлять ударами плети». По просьбе императора, Людовик Святой взял на себя роль посредника. Дважды, в 1245-м и 1246 г., он виделся с папой в Клонии, но не добился никакого результата. Будучи по присущему ему духу справедливости и любви в гораздо большей степени главой христианства, чем Иннокентий IV, он с полным правом мог перед своим отъездом в Египет упрекать его в том, что он не умеет прощать и губит дело христианского мира на Востоке. И в 1250 г. графы Анжу и Пуатье, возвращаясь через Лион, могли обвинять папу в том, что он способствовал неудаче крестового похода, употребляя на борьбу с императором деньги и войска, предназначенные для священной войны. Они грозили даже изгнать его из Лиона и восстановить против него Францию.

В общем, помощь, полученная Фридрихом от Франции, выразилась только в дипломатическом посредничестве. Остальные короли ничего не сделали в его пользу. В Германии он наткнулся на мятеж; несмотря на все уступки, которые он сделал духовным и светским князьям, многие из них

Рыцари

поддались увещаниям папы. После Лионского собора число изменивших ему стало быстро увеличиваться. 22 мая 1246 г. противники Фридриха избрали в римские короли ландграфа Тюрингского Генриха Распе. Он одержал победу над королем Конрадом при Франкфурте (1246), но в следующем году умер. Тогда был избран Вильгельм Голландский, который и продолжал борьбу против Гогенштауфенов. Однако Конрад сумел удержаться до смерти Фридриха; он открыто опирался на союз городов, которые его отец за несколько лет перед этим отдал на полный произвол злобе князей. Поэтому один из историков Фридриха II мог сказать: «Расцвет городских коммун представляет собой самый важный результат правления Фридриха II и его сыновей в Германии». Действительно, многие из них страстно защищали дело императора. «С 1246 г. Регенсбург становится одним из центров сопротивления... Ни один человек, носивший на платье знак крестового похода против Фридриха II, не должен был показываться на его улицах; тот, кто осмеливался на это, подвергался пытке и казни. Долгое время находясь под интердик-

том, граждане сумели обходиться без духовенства. Они сами хоронили своих мертвых при звуке труб».

Особенным ожесточением отличалась война в Италии. Здесь соседние города, стоя один – за Гвельфов, другой – за Гибеллинов, нападают друг на друга, грабят и убивают с той неукротимой ненавистью, которую воспитали в них целые века зависти и соперничества. На севере побочный сын Фридриха II – Энцио и зять Фридриха, Эццелино Романо – стараются утопить гвельфскую лигу в крови; другой побочный сын императора Фридрих Антиохийский действует против нее в Тоскане. В 1247 г., в ту самую минуту, когда Фридрих хочет двинуться к Лиону, чтобы овладеть папой, Парма изменяет Гибеллинам. Фридрих блокирует ее и, взбешенный ее сопротивлением, твердо решившись не выпускать ее из рук, основывает напротив Пармы новый город Витторию. В феврале 1248 г. жители Пармы, сделав смелую вылазку, нападают на Витторию, поджигают ее и овладевают казной Фридриха, его короной и гаремом. В числе убитых был и верный слуга императора, Фаддей Суэссский. В своем любимом Сицилийском королевстве Фридрих со свирепой энергией преследует легатов и монахов, которые по поручению папы волнуют население и подготавливают восстание против императора. Он игнорирует здесь Иннокентия IV, принуждая духовенство справлять богослужение вопреки интердикту. Именно к этому времени относятся те неясные фразы и письма, которые заставляют предполагать, что он мечтал о роли главы преобразованной церкви. Доведенный до бешенства и отчаяния, он заподозривает в измене своего ближайшего советника Петра Винеяского, которому он слепо доверял, который был его правой рукой в политических делах и которого придворные, перешептываясь, называли апостолом мессии-императора. Он был обвинен в том, что дал папе подкупить себя и пытался отравить императора, хотя еще и теперь невозможно установить, действительно ли он был виновен. Ему выкололи глаза и, чтобы избежать новых мучений, он разбил себе голову. Данте, который тем не менее поместил его в ад, не мог поверить измене того, кто, по его выражению, «владел обоими ключами к сердцу Фридриха». «Клянусь, – говорит у него Петр Винеяский, –

что я никогда не изменял моему господину, столь достойному уважения. И если кто-нибудь из вас вернется на землю, пусть он восстановит мою память, поверженную в прах его ударом». Любимый сын императора, красавец Энцио, был разбит и взят в плен болонцами при Фоссальте (май 1249 г.); только смерть, постигшая его в 1272 г., положила конец тому заточению. Не падая духом, Фридрих из Южной Италии снова пошел в Ломбардию, но 13 декабря 1250 г. скончался в замке Фиорентино близ Лючеры. «Так кончил жизнь, – говорит Матвей Парижский, – величайший из земных государей, изумивший и взволновавший мир; перед смертью с него было снято отлучение; на него надели мантию одного цистерцианского монаха, и умер он, как передают, в сокрушении и раскаянии». Напротив, папский биограф изображает его в последние минуты скрежещущим зубами и испускающим вопли. Но спокойствие, с которым он делал распоряжения о своем наследстве, опровергает эту клевету.

Последние Гогенштауфены. Тяжелая задача выпала на долю его преемника Конрада IV. Он опирался в Италии на побочного сына Фридриха II Манфреда – наместника своего отца в южной части полуострова. Когда Иннокентий IV покинул, наконец, Лион и с триумфом проехал по Ломбардии, Конрад отправился в Италию и, соединившись с Манфредом, взял и разрушил возмущившийся Неаполь. Но вскоре между обоими братьями начались разногласия, и это спасло папу; а в мае 1254 г. Конрад умер, всего 26 лет от роду. В том же г. умер и Иннокентий IV в Неаполе, в который вступил незадолго перед тем, заключив договор с Манфредом. Во время правления папы Александра IV (1254–1261), человека добродушного и малопригодного для борьбы, Манфред господствовал в Италии: он возложил на себя королевскую корону в Палермо и привлек на свою сторону в Северной Италии Венецию, Геную и гибеллинские города Ломбардии, Романьи и Тосканы. Приобретая, кроме того, большую популярность благодаря своему административному таланту, он, казалось, мог уже рассчитывать на победу, когда в 1261 г. на папский престол вступил Урбан IV. Француз по происхождению, он обратился за помощью к

французскому государю – мрачному и суровому Карлу Анжуйскому, брату Людовика Святого. Карл собрал войско из провансальцев, брабантцев и итальянских Гвельфов. Несмотря на храбрость своих швабов, ломбардских и тосканских Гибеллинов и сарацин, Манфред был разбит и убит на равнине Гранделла близ Беневента (26 февраля 1266 г.). Сын Конрада IV пятнадцатилетний Конрадин, которого итальянцы называли Коррадино, решил отомстить за дядю. В сопровождении своего друга Фридриха Австрийского он отправился в Италию. В Пизе ему был оказан великолепный прием; в Риме сенатор Энрико Кастильский приветствовал его, как императора. Но 23 августа 1268 г. он был разбит французскими рыцарями при Тальякоццо. Во время своего бегства через Римскую область он был захвачен одним из Франджипани, изменившим делу Гибеллинов. Выданный Карлу Анжуйскому, Конрадин был обезглавлен вместе с Фридрихом Австрийским. В Италии его оплакивали гораздо больше, чем в Германии. Благодаря героической смерти Манфреда и молодого Конрадина дом Гогенштауфенов по крайней мере, пал со славой.

Германия и Италия после борьбы

Упадок императорской власти. Ослабление папской власти. Анархия в Германии. Анархия в Италии. Легенда о Фридрихе II.

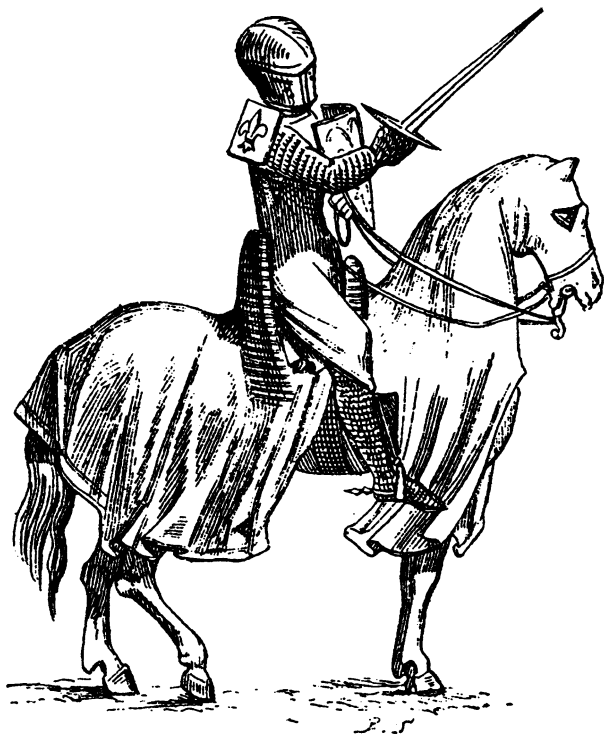
Каково было положение империи, папства и городов по окончании этой долгой борьбы между наследниками цезарей и наследниками св. Петра, между королевской властью и городами, между Германией и Италией

Упадок императорской власти. Империя умерла. Мечта о всемирном господстве, опьянявшая самые крепкие головы – Оттона Великого, Фридриха I, – еще продолжает жить в больном воображении немногих людей, но уже никому не придет на ум жертвовать ради нее собой.

После смерти антиимператора Вильгельма Голландского (1256) две партии продали императорскую корону, одна – графу Ричарду Корнуэльскому, брату английского короля,

другая – королю Кастилии Альфонсу Мудрому; последний никогда и не приезжал в Германию, а Ричард лишь на минуту показался в ней. Когда кончается *великое междуцарствие*, политическая система средних веков оказывается преобразенной. Если императоры для успокоения своей совести и заявляют еще притязания на всемирное владычество, то на практике они остерегаются истощать свои силы на их осуществление. Они боятся Италии, где потеряли свое могущество столь многие из их предшественников, где столько немецких армий погибло от меча и лихорадки. Они избегают вмешиваться в ожесточенную борьбу гибеллинских и гвельфских партий. «Рим – логовище льва, – сказал Рудольф Габсбургский, – все следы указывают на то, что в него входят, но я не вижу следов, которые показывали бы, что из него и выходят». Редко кто решится перейти Альпы.

Ослабление папской власти. Папство, формально одержавшее верх, оказывается, однако, значительно ослабленным; уже близится время его испытаний и упадка. Папские выборы встречают большие затруднения: малочисленные и честолюбивые избиратели, подчиняющиеся иноземным влияниям, часто не могут прийти к соглашению. Во второй половине XIII столетия папский престол остается вакантным в течение целых месяцев, иногда – годов; христианское общество привыкает обходиться без папы, как оно обходится без императора. Даже в своей столице – в Риме – папы встречают постоянную оппозицию со стороны своевольной римской коммуны; беспрестанно приходится им бежать из него, скитаться из города в город. В 1253 г., когда Иннокентий IV, проведя шесть лет в Лионе, все еще не решался вернуться в Рим, глава общины сенатор Бранкалеоне ди Андало, союзник Манфреда, от имени римского народа потребовал, чтобы он вернулся; папа «дрожа» возвратился в Рим, но вскоре опять покинул его и поселился в Ананьи. Немного лет спустя Рим является средоточием союза, направленного против папы и Карла Анжуйского и дружественного Конрадину; мы видели, что последний встретил там блестящий прием. Затем в Риме властвует Карл Анжуйский, имевший титул сенатора. Таким образом, папы, лишившись своей столицы, становятся чужды ей. Александр IV (1254–1261) ни разу не показыва-

Рыцарь конца XIII в. Реконструкция Виолле-ле-Дюка по рукописи из Национальной библиотеки в Париже.

ется в ней. Климент IV (1265–1268) делает своей резиденцией Перуджу. Тот же муниципальный дух развивается и во многих других городах области св. Петра: они или враждебны папе, или заключают с ним договоры, как держава с державой. В конце концов папство, лишившись всех своих владений, должно терпеть всю горечь изгнания, все унижения «вавилонского плена».

Оно сильно поколебало свой нравственный авторитет в христианском обществе: та непримиримая ненависть, которую обнаружили папы в своей борьбе против империи, беспокоит и оскорбляет даже благочестивых людей; политические притязания папства тревожат государей и магнатов; его жадность в отношении доходов раздражает народ. Один

из летописцев, который часто является выразителем этих враждебных чувств, Матвей Парижский, рассказывает, что после смерти Иннокентия IV его преемник Александр IV видел во сне творящего суд Христа и близ него – женщину, олицетворявшую церковь, а перед ним – умерший папа, простершись ниц, умолял о прощении за свои грехи. Обвиненный в том, что разорил церковь, он был осужден Христом, который сказал ему: «Ступай получить возмездие за твои дела». В Англии общественное мнение высказывается против Генриха III, который не смеет дать отпор римской курии: на самом Лионском соборе англичане протестуют против алчности легатов. Во Франции Людовик Святой внушает Иннокентию IV правила христианской любви; с другой стороны, герцоги, графы и бароны составляют лиги для борьбы с жадностью курии, – лиги, манифесты которых дошли до нас. Притом, вера средних веков в принцип единства как в необходимое условие управления христианским обществом начинает исчезать. В предшествующие века на первом плане истории действуют только две силы: папство и империя; остальные христианские государства стоят как бы в тени, предоставлены самим себе; многие из них совершают медленную работу своего внутреннего созидания и накапливают силы, в то время как папство и империя изнуряют себя. Наоборот, в конце XII и в XIII в. французский и английский короли являются в блеске могущества, и те государства, которые выработали свою самобытность, восстают против всякого верховенства, отвергают все притязания на всемирное владычество, кем бы они не предьявлялись. С того дня, как начинается упадок империи, они еще с большей подозрительностью смотрят на папство. Они готовятся вступить в борьбу с ним: Филипп Красивый отомстит Бонифацию VII за поражение Фридриха II.

Наконец, внутри самой церкви¹ иго римской курии вызывает с каждым днем все большее недовольство. Ей ставят в укор ее беспрестанное вмешательство, ее честолюбие и алчность. Даже те люди, которые были самыми пылкими ее воинами в борьбе против императора, – нищенствующие

¹ См. следующую главу.

монахи францисканского ордена – становятся ее врагами, обвиняют ее в том, что она губит церковь, и требуют реформы последней.

Анархия в Германии. Последствия борьбы тяжело отозвались на народах, вовлеченных в нее обеими соперничавшими силами. Мы видели, как Германия из государства мало-помалу превращается в федерацию независимых княжеств. В XIV в. некоторым значением пользуются еще только те из немецких государей, которые располагают более или менее крупными наследственными землями. Дух независимости проникает всюду. Древние королевства Арль, Бургундия, Лотарингия отпадают от империи; авторитет императорской власти, который всегда был слаб в этих областях, теперь все более вытесняется влиянием французского короля. В Германии высшие сеньоры, *domini terrae*, пользуются полной независимостью и наиболее крупные из них образуют избирательную коллегию, которая все более суживается; большие города превращаются в настоящие республики. В последние годы царствования Фридриха II, оставаясь в общем верны последнему, они, однако, не были склонны идти за ним до конца: в 1250 г. граждане Брейзаха заявляют, что «в том случае, если светлейший император Фридрих будет унижен до такой степени, что города, с которыми они заключили союз, решатся покинуть его и избрать другого государя вместо него и его сына Конрада», то они, жители Брейзаха, не признают своим господином никого другого, кроме базельского епископа. Города заключают союзы между собой: в 1255 г. великая Рейнская лига, возникшая при Фридрихе II, насчитывала 70 членов – городов и князей. Итак, Германия лишена всякого единства; выражение «*les Allemagnes*», употребляемое иногда французскими летописцами для обозначения этой страны, верно характеризует ее положение.

Анархия в Италии. В Италии дробление еще глубже и значительнее. В городах, раздираемых партийной борьбой, продолжает жить партия, тоскующая по императору и громко призывающая его как миротворца по преимуществу, как представителя единства и порядка. В «Божественной комедии» и «*De Monarchia*» Данте обессмертил пламенные

надежды этих Гибеллинов, которые не в силах расстаться с мечтой об империи:

Vieni a veder la tua Roma che piagne,
Vedova et sola, e di e notte chiama:
Cesare mio, perchè non m'accompagne!¹

Но если кто-нибудь из римских королей, как прямодушный и рыцарственный Генрих VII Люксембургский, отваживается перейти Альпы и вступить в «логовище льва»,— вокруг него тотчас вспыхивают мятежи и волнения.

Муниципальная Италия восторжествовала над ненавистью Гогенштауфенов, но она и во время борьбы была лишена единства, а после победы те лиги, которые отстаивали ее независимость, одна за другой распадаются. Война является нормальным состоянием; каждый город находится в ожесточенной борьбе со своим соседом, жаждет его гибели и нападает на него при малейшем поводе. Так например, в 1220 г. спор из-за собаки, происшедший в Рим между флорентийским и пизанским посланниками, становится причиной войны. Соперники борются и на итальянской почве, и вне Италии; Пиза, Генуя, Венеция воюют друг с другом в св. земле, в Константинополе, на море, одним словом, везде, где встретятся. Вновь возникающие лиги направлены не против чужеземцев, а против городов-соперников. Ненависть руководит политикой: если один город стоит за императора, то его соперник становится на сторону папы; если Флоренция за Гвельфов, то Пиза — за Гибеллинов. Вследствие этой закоренелой, ожесточенной злобы, победы сопровождаются невероятными жестокостями: когда Генрих VI выдал Тиволи римлянам, последние перебили и изувечили жителей и разрушили город. Еще большим ожесточением отличаются внутренние раздоры. «О поработенная Италия, — восклицает Данте, — обитель скорби, судно без кормчего среди бури, уже не царица, а непотребный дом народов!.. Твои обитатели теперь не могут жить без войны, — теперь

¹ «Приди взглянуть на твой Рим, который, как одинокая вдова, плачет и восклицает день и ночь: зачем ты покинул меня, мой цезарь?»

грызутся те, которые окружены одной и той же стеной и одним и тем же рвом». Многие причины вызывают вражду партий. Старые аристократические фамилии, которые буржуазия, — чтобы удобнее наблюдать за ними, — принудила во многих городах жить внутри стен, вмешиваются в политическую жизнь, нередко захватывают в свои руки власть и управляют под прикрытием учреждений, созданных в оппозицию им. В Милане в конце XII в. они организуют так называемые *Credenza dei Consoli* и захватывают все муниципальные должности; изгнанные в 1221 г., они удаляются в свои замки, основывают Лигу Сан-Фаусто и вступают в борьбу со своими согражданами. Точно так же поступает и знать Пьяченцы, будучи изгнанной в 1218 г. Таким образом, вне или внутри городов, они не перестают быть опасными. Иногда крупная буржуазия вступает в союз с ними, потому что внутренние раздоры все более и более получают социальный характер. Ремесленники, низший класс населения, *arti minori, popolo minuto*, настойчиво домогаются доступа к муниципальному управлению, захваченному высшей буржуазией, *arti maggiori, popolo grasso*. Именно таковы те партии, которые борются друг с другом под знаменами Гвельфов и Гибеллинов; гибеллинской является обычно партия знати, высшей буржуазии, гвельфской — демократическая. Гибеллины или Гвельфы одного города без стеснения вступают в союз с Гибеллинами или Гвельфами враждебного города и воюют против своего отечества; в битве при Монтаперти (1260) флорентийские Гибеллины сражаются в рядах сиенцев; однако когда победители выразили желание разрушить Флоренцию и превратить ее в ряд открытых поселков, флорентинец Форината дельи Уберти встал и заявил, что будет защищать свою родину до последней капли крови. Внутри города партия иногда обращается в регулярное правительство. В 1266 г. флорентинские Гвельфы, одержав верх, дают себе правильную политическую организацию: у них есть и советы, и выборные начальники, *capitani della parte guelfa*; это — особое государство, стоящее рядом с муниципальным правительством и, благодаря своему единству, господствующее над ним. Таким образом, каждый город представляет собой как бы поле бит-

вы, на котором лицом к лицу стоят две враждебные армии, ежеминутно готовые броситься друг на друга; города наполняются башнями, замки могущественных фамилий обращаются в мрачные крепости; никто не выходит из дома без оружия. Какая бы из обеих партий ни восторжествовала, она немедленно устраняет своих врагов от муниципального управления, конфискует их имущество, изгоняет их, объявляет вне закона или избивает.

Но уже начинают обнаруживаться признаки той революции, которая эпоху муниципальной Италии заменит эпохой княжеств или тираний. Уже во время итальянских войн Фридриха II знатные лица, вроде Эццелино Романо или Аццо д'Эсте, во многих местах налагают руку на городское управление. Каждой партии нужен ловкий, энергичный вождь; знать выбирает себе вождя из своей среды, и противная партия также нередко избирает какого-нибудь честолюбивого аристократа, который порвал со своим сословием. Интересы партии сливаются с интересами ее вождя, и борьба партий вскоре превращается в борьбу двух могущественных фамилий; так, в Милане Торриани борются с Висконти, в Болонье – Ламбертацци с Джеремяями и т. д. Одержав верх, партия отдает всю власть в руки своего вождя: в 1208 г. народ в Ферраре избирает своим бессменным *сеньором* с неограниченной властью маркиза Аццо д'Эсте. Существование подестата, замещаемого теперь городами, благоприятствует этим переворотам. Вскоре Данте будет писать: «Италия полна тиранов, каждый крестьянин представляет собой партию и в каждом сидит Марцелл».

Таково политическое состояние муниципальной Италии в середине XIII в.; но, несмотря на все раздоры и войны, индивидуальная энергия, еще возбуждаемая этой жизнью, полной непрерывных тревог и битв, приносит обильный плод. Флорентийские суконщики распространяют по всему свету свои узорные ткани; флорентийские банкиры основывают конторы на всем пространстве от Англии до дальнего Востока, ссужают деньгами пап и государей и, благодаря своей финансовой опытности, благодаря своему кредиту, приобретают влияние на внутреннее управление государств. Венеция сосредоточивает в своих руках почти всю торгов-

лю Востока с Западом. Уже начинается Возрождение: во Флоренции мы находим большое количество поэтов; некоторые из них такие, как Лапо дель Убери, Гвидо Кавальканти, являются вместе с тем и выдающимися деятелями, вождями партий. В 1265 г. рождается Данте. В области искусства Николай Пизанский, работавший для Фридриха II, путем изучения римских барельефов обновляет скульптуру. В конце века флорентиец Джотто снова возвращает живопись к изучению природы, тогда как Арольфо дель Камбио начинает постройку дворца Сеньории, церковей Santa-Maria del Fiore и Santa-Croce.

Таким образом, с какой бы точки зрения ни смотреть, смерть Фридриха II и гибель Гогенштауфенов обозначают конец средневековой эпохи, начавшейся с Карла Великого. Посредством ряда последовательных изменений, которые можно проследить как в политической истории, так и в истории идей и искусств, за время борьбы между папством и империей в Италии и Германии, во Франции и Англии формируется новое общество, обнаруживающее своеобразный склад ума и выступающее на сцену с оригинальным лицом.

Легенда о Фридрихе II. Однако последующие поколения еще долго сохраняли память о тех, кто так энергично боролся с папством. Многие из его современников даже не могли поверить в его смерть. Его враги – францисканцы, основываясь на пророчествах Иоакима дель Фиоре, считали его Антихристом и предсказывали, что он снова явится, чтобы причинить еще больше зла церкви. В 1259 г. в Южной Италии один отшельник, походивший на Фридриха, стал выдавать себя за него, собрал кучку приверженцев и был признан враждебными Манфреду баронами Сицилии и Апулии. Манфред захватил его и казнил. Если память о Фридрихе и после этого продолжает жить в Италии, если, например, Данте много раз говорит о нем в своих сочинениях, то вера в его возвращение более не возникает. Но в Германии народное предание упорно хранит эту веру. В последние годы его царствования швабские доминиканцы, отчасти под влиянием иоакимских идей, в свою очередь признали Антихристом Иннокентия IV и заявляли, что Фридрих и его сын – «совершенные», «праведные», что император является защитником

и преобразователем церкви, *principalis defensor Ecclesiae*. Крушение Фридриха разбило их надежды, но не остановило работы их апокалиптического воображения. Они предсказывали, что он вернется завершить свой труд. В 1283 г. в Кельне явился Лжефридрих, Тиль Колюп, или Дитрих Гольцшу. Итальянский францисканец Салимбене изображает его окруженным большой толпой немцев, которых он щедро одаривает; даже ломбардские города посылают гонцов в Германию, чтобы собрать точные сведения о нем. Но и после того, как он, осужденный за колдовство, был сожжен в Майнце в присутствии Рудольфа Габсбургского и прах его рассеян, народ все еще не хотел верить в смерть Фридриха: он вернется, прогонит попов и освободит Германию от церковной тирании. Новый самозванец, появившийся спустя короткое время в Любеке, также был признан простонародьем. Легенда растет от поколения к поколению и становится выражением чаяний немецкого народа: Фридрих восстановит мир, завоюет св. Гроб. В 1348 г. Иоанн Винтертурский пишет, что распространяется уверенность в том, будто он явится во главе могущественной армии, чтобы все преобразовать, — и как францисканец, он считает необходимым опровергнуть ожидания тех, которые верят в Фридриха, как евреи в своего Мессию. По одним известиям, он исчез однажды во время охоты и живет со своими слугами за морем. Другие — особенно писатели XV в. — сообщают, что он живет в Киффгейзере в Тюрингии, в пещере или развалинах замка; он сидит перед столом, вокруг которого несколько раз обросла его борода. Еще в 1537 г. в царствование Карла V появилась поэма, предрекавшая его возвращение¹.

¹ Впервые легенда о Фридрихе II была перенесена на Фридриха I в 1519 г. в «*Volksbüchlein von Kaiser Friedrich*»; эта же ошибка встречается и в «*Alectryomanthia*» Иоанна Преториуса, изданной в 1681 г., но окончательно она входит в употребление благодаря балладе Рюккерта, изданной в 1813 г. О происхождении и истории этих легенд см. *Ersch und Gruber. Encyclopaedie*, (ст. *Friederiche*) и новейшие исследования: *Voelter. Die deutsche Kaisersage* («*Historische Zeitschrift*» Зибеля, 1817); *Brosch. Die Friedrichssage der Italiener*, там же 1876; *Voelter. Die Secte von Schwäbisch-Hall und der Ursprung der deutschen Kaisersage* (*Zeitschrift für Kirchengeschichte*, 1881); *Schroeder. Die deutsche Kaisersage*, 1891; здесь мы вкратце изложили результаты последнего из названных исследований.

Церковь и папская власть: от Григория VII до Бонифация VIII (1073–1294)

Те два века, которые отделяют восшествие на престол Григория VII от времени, когда во главе Римской церкви стоял Бонифаций VIII (1073–1294), составляют самый блестящий период в истории церкви. Эта эпоха отмечена не только распрей из-за инвеститур и великим движением крестовых походов; это также эпоха реформы белого духовенства и развития монашеских орденов, эпоха наибольшего развития церковной юрисдикции и официальной кодификации церковного права, эпоха борьбы с грозными ересями средних веков и, наконец, эпоха окончательного упрочения папской власти. Мы видим здесь четыре рода явлений, в которых с возрастающей силой обнаруживается жизненность католической церкви и которые требуют отдельного изучения.

Реформа белого духовенства и развитие монашеских орденов

Брак священников и симония. Епископские выборы. Кафедральные капитулы и архидьяконы. Религиозные ордена в XI и XII вв. Нищенствующие ордена (XIII в). Богослужение и таинства.

Брак священников и симония. В конце XI в., в то время, когда монах Гильдебранд готовился взойти на папский престол и прославить имя Григория VII, белое духовенство Европы находилось в плачевном положении. Под

влиянием феодальной анархии и частого вторжения светских лиц в церковное управление белое духовенство усвоило нравы того общества, с которым оно находилось в соприкосновении, и им овладел глубокий разврат. Эта деморализация обнаруживалась особенно в презрении к двум главным добродетелям духовных лиц: целомудрию и бескорыстию. Брак священников и симония, то есть торговля священными предметами, — таковы были, не считая светских инвеститур, те раны, исцеление которых поставил своей задачей Григорий VII с самого своего вступления на папский престол.

Брак священников, столько раз запрещенный соборами, сделался в XI в. общераспространенным явлением¹. Если бы эти нравы укоренились, духовенству грозила бы опасность сделаться замкнутой кастой, своего рода наследственной аристократией.

Этот порядок вещей вызывал уже до Григория VII как жалобы со стороны епископов, оставшихся верными принципу безбрачия, так и действия со стороны пап, пытавшихся провести реформы, например, Климента II, Льва IX, Николая II и Александра II; но несмотря на поддержку, которую оказывали этим попыткам черное духовенство и даже некоторые народные сообщества вроде миланской *патарии*, они в общем остались безуспешными. Более энергичную попытку в этом направлении сделал тотчас после своего избрания Григорий VII. На синоде, заседавшем в Риме в 1074 г., он возобновил декреты своих предшественников, отрешил от должности невоздержанных клириков и предложил народу прервать всякие сношения с ними. Эта резкая мера восстановила против Григория VII сильную оппозицию²; Парижский (1074) и Винчестерский (1076) соборы отказались повиноваться. Но толчок был дан; папы и соборы уже не останутся прежде, чем одержать победу.

В 1089 г. Урбан II завершил реформу Григория VII, издав на соборе в Мельфи указ, которым определялись наказания для высших духовных лиц и их жен; с этих пор папа, по-видимому, считает брак духовных лиц недействительным.

¹ См. выше.

² См. выше.

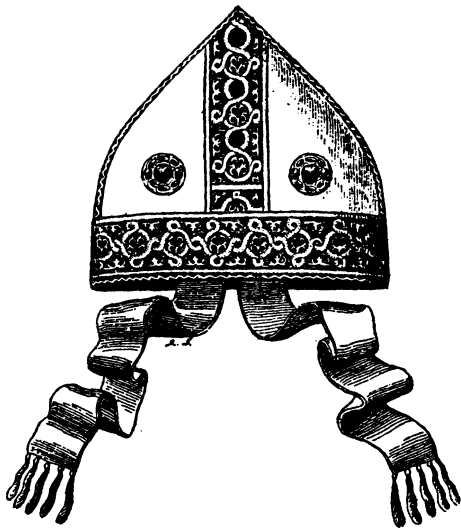
Этот порядок был окончательно упрочен на втором Вселенском Соборе в Латеране (1139), который категорически постановил, что союз, заключенный священником, дьяконом или иеродьяконом с женщиной, не составляет брака (*matrimonium non esse censemus*); другими словами, звание священника, дьякона и иеродьякона является условием, уничтожающим брак. Сопrotивление и на этот раз было очень сильно; духовенство Польши, Силезии и Моравии подчинилось лишь в XII в., духовенство Швеции, Дании и Венгрии – только в XIII в. Но в тех странах, где христианство было древнее, постановления Латеранского собора были скорее приняты (Пизанский собор, 1135 и Реймский, 1148). Что касается низшего духовенства, то заключаемые ими браки продолжали считаться законными; по декреталии XIII в. установили, что женатые клирики теряют все свои бенефиции; а второй Вселенский Собор в Лионе (1274) лишил, кроме того, «всякой духовной привилегии» клириков-двоеженцев, то есть тех, которые вступили в брак не *cum unica et virgine* (не с одной и при том не с девушкой). Эти разнообразные меры достигли цели, и энергия пап в конце концов восторжествовала над невоздержанностью духовенства.

Она восторжествовала также над симонией, которая в XI в. господствует на всех ступенях церковной иерархии. Кандидат в епископы покупает голоса своих избирателей за деньги или склоняет их на свою сторону обещанием услуг. Собственник бенефиций отдает их тому, кто больше заплатит. Церкви, бенефиции, духовные должности, рукоположения – все покупается и продается, все становится предметом промысла и наживы. Такой порядок вещей неминуемо должен был вызвать реакцию. Она начинает обнаруживаться на соборах в Бурже и Лиможе в 1031 г.; понятно, что она не могла исходить ни от епископства, ни от белого духовенства, развращенных светскими интересами и симонией. Протест против симонии исходил от монахов, особенно клюнийских, а первые решительные меры против нее принял Лев IX на Реймском соборе 1049 г. С этих пор постановления соборов и папские декреты беспрестанно нападают на торговлю духовными местами, карая всякого клирика, уличенно-

го в симонии, и наконец, при Григории VII и Урбане II, образуют полное законодательство по этому предмету. Реймский собор ограничился постановлением, в силу которого всякий, кто продаст или купит рукоположение, лишается своего звания; но вскоре затем Руанский (1050), Тулузский (1056) и Турский (1060) соборы и Римский синод 1060 г. выработали более детальные правила, которые были утверждены Григорием VII на двух римских соборах 1074 и 1075 гг. и отчасти кодифицированы на соборе в Пьяченце 1095 г. По смыслу этих постановлений симонистом должен считаться всякий, кто добился рукоположения в духовный сан или приобрел бенефиций путем обещания денег или услуг, хотя бы оно было сделано с третьим лицом; всякий, кто на этих условиях пожаловал сан или достоинство; всякий, кто служил посредником (*mediator*) в таком деле; духовные лица подлежали низложению, светские – отлучению от церкви. В виде исключения, в тех случаях, когда продажа или покупка церковной должности была совершена третьим лицом и клирик воспользовался ею по незнанию, он мог сохранить свое звание.

Эти постановления позволили Григорию VII приступить к очищению епископства. Он взялся за дело с большой энергией. Во Франции¹ его легаты, и между ними особенно Гуго de Die, так усердно преследовали епископов-симонистов, что менее, чем за 4 года, было низложено большинство епископов Реймской и Санской провинции и множество епископов Юга. Для этой надобности обычная процедура была упрощена и изменена; так например, вопреки общим принципам, о случаях симонии мог доносить всякий, и, к несчастью, ложные доносы не были редкостью. Некоторые епископы жаловались на это, но легатов это не останавливало. Притом, в деле реформы их поддерживало общественное мнение; народ не хотел иметь ни женатых священников, ни епископов-симонистов. Последним иногда оказывали помощь и покровительство императоры, короли и крупные феодальные сеньоры, но никогда они не встречали поддержки со стороны прихожан своей епархии, которые иногда

¹ См. выше.

Митра немецкого архиепископа XII в.
Хранится в Бамбергском соборе

сами брались приводить в исполнение приговоры о низложении (Реймс, 1080; Теруанн, 1082).

Епископские выборы. Борьба против симонии и шедшая параллельно с нею борьба против светских инвеститур заставили пап заняться епископскими выборами.

В этой области также стала необходима реформа, и она была произведена. До сих пор избрание духовенством и населением епископского города считалось единственной канонической формой замещения епископских кафедр. Но если такова была теория, то на практике дело обстояло совершенно иначе. Очень часто король, император или какой-нибудь крупный феодальный сеньор собственной властью назначал епископов в тех епархиях, которые входили в состав его владений, или же, хотя и допускал производство выборов, но искажал их в самом принципе, заранее указывая или исключая того или другого кандидата. Такой порядок вещей в связи с симонией и инвеститурой подготовлял порабощение церкви. Немногие епископы, сохранявшие еще чувство своей независимости и убежденные в ее необходи-

мости, требовали, чтобы духовенству и народу была предоставлена свобода в выборе их пастырей, и настаивали на возвращении к канонической форме выборов. Пока сами папы утверждались в своем сане императором, эти требования были неосуществимы. Но с той минуты, когда папы освобождаются от этой зависимости, они стараются восстановить для епископства как канонические условия избираемости, так и выборную систему.

Урбан II сначала запрещает избирать в епископы духовных лиц, не получивших, по крайней мере, одной из высших степеней: священства, дьяконства или иеродьяконства (Беневентский собор, 1091 и Клермонский, 1095); даже избрание иеродьяконов подчинено известным ограничениям. Кроме того, теория *промежутков* и теория *неправильностей* исправлены и точнее определены. Производства *res saltum* (скачком) воспрещены. Чтобы достигнуть высших степеней, надо прежде пройти низшие: иеродьяконство становится необходимой ступенью для достижения дьяконства и священства, а епископство становится тем, чем оно осталось и до нашего времени, — высшей ступенью духовной иерархии. Кроме того, от одного рукоположения до другого должен пройти известный период времени. С другой стороны, от духовного звания отстраняются — за исключением случаев специального разрешения, которое в принципе может быть дано только папой, — все те, которые не удовлетворяют известным условиям в смысле возраста, телесного сложения, образования, нравственных свойств и, наконец, происхождения. Чтобы успешнее бороться с браками духовных лиц, Григорий VII усиливает строгость законов, которыми определяется положение детей, рожденных от незаконного союза. Незаконнорожденные и дети священников не имеют доступа к духовным званиям, разве получают на то особое разрешение; но и в последнем случае они должны пройти предварительно через монастырь или капитул. Вопрос о пригодности избранного, предоставлявшийся прежде на усмотрение архиепископа, теперь в большинстве случаев решается папой либо лично, либо через легатов. Обычно папе предоставляется и выбор между двумя соискателями. Он присваивает себе до известной степени общий

надзор над избранием епископов, притом гораздо более действительный, чем прежде. В какой мере и какими средствами была произведена эта реформа, мы увидим ниже. Теперь достаточно указать лишь на то, что в течение всего XII в. выборы производились, в общем, согласно каноническим правилам, хотя последние время от времени нарушались насильственным вмешательством светской власти.

Но в то самое время, когда избирательный принцип таким образом вновь одержал верх, в составе того собрания, на обязанности которого лежало избрание епископов, подготавливалось важное изменение. При Пасхалии II (1099–1118) старый состав его остался неизменным. В него входят все прежние избиратели: епископы, главным образом, данной провинции; аббаты, обычно тех аббатств, которые находятся в данной епархии; клирики, и на первом плане – архидьяконы, протоиереи, клирики соборной церкви; некоторые светские лица, именно – вассалы епископа, делегаты короля или высшего ленного владельца страны; наконец и главным образом, каноники, составляющие кафедральный капитул. Эти последние созывают прочих избирателей, руководят выборами и первыми подают голоса; вследствие этого их влияние, несмотря на оппозицию монахов, а иногда и народа, оказывается преобладающим. В промежуток времени от Вормского конкордата (1122) до четвертого Латеранского собора (1215) это влияние становится исключительным: вследствие постепенного устранения остальных избирателей, избрание епископов незаметно переходит в руки каноников. Светский элемент исчез первым и без большого сопротивления. Труднее было изгнать монашеский элемент. В 1139 г. Иннокентий II объявил, что следует привлекать к *consilium viros religiosos* под страхом недействительности избрания. Но каноники, основываясь на ничтожном различии между *consilium* (простой совет, мнение) и *electio* (право выбора), заявили, что они одни имеют право голоса. Эта теория была направлена на то, чтобы устранить из избирательного собрания и остальных духовных лиц. Чтобы сохранить свое влияние, монахи, архидьяконы и даже сельские архиереи стараются войти в капитулы. В конце XII в. известные каноникальные пребенды очень часто предостав-

ляются монахам или архиереям, и с другой стороны, звание великого архидьякона становится капитульским достоинством. Благодаря этой системе капитул оказывается состоящим почти из тех же элементов, что и старое избирательное собрание; теперь уже нетрудно было признать, что капитул является представителем этого собрания, и в конце концов заменить им последнее. В 1215 г. четвертый вселенский собор в Латеране (канон 24-й) признал за кафедральными капитулами исключительное право назначать епископов.

Таким образом, значение капитула увеличилось, и в XIII в. он иногда соперничает с епископом в управлении епархией.

Кафедральные капитулы и архидьяконы. Тем не менее, епископство остается высшей ступенью церковной иерархии; с духовной точки зрения епископ под верховенством папы всегда остается главой своей епархии. Он является здесь одновременно и первосвященником, и законодателем, и администратором, и судьей. Как первосвященник, он пользуется правами, полученными им при посвящении и принадлежащими ему одному. Но в других отношениях авторитет епископов довольно тесно ограничен властью их *капитулов* и независимостью их главных помощников, *архидьяконов*. И те, и другие в XIII в. достигают высшей точки своего могущества.

В эту эпоху большинство капитулов давно отказалось от совместной жизни, которая была им предписана реформой Хродеганда (760). Они разделили имущество капитула на пребенды, предоставляемые или каноникам, часто при условии дворянского происхождения, или другим духовным, капелланам или викариям, которые, не имея кресла на клиросе и голоса в капитуле, помогали каноникам, а иногда и замещали их в исполнении их обязанностей. Эти клирики, вместе с церковными старостами, судейскими чиновниками и другими «помощниками», составляли многочисленный персонал, находившийся в прямой зависимости от каноников и наполнявший монастырь собора. Капитул и его подчиненные стояли под властью должностных лиц, носивших в разных местах различные названия. Первым капитульским достоинством было в Германии звание *прево*, установленное на Ахенском соборе 816 г., во Франции – звание *де-*

кана, который почти везде заменил прево. Затем следовали: кантор, занимавший второе место, далее – великий архидьякон, преподаватель богословия, учитель схоластики, исповедник и т. д. Организованный таким образом капитул составляет прежде всего совет епископа, с которым он делит законодательную власть. Есть несколько актов, которые епископ не может совершить без согласия капитула, например; отчуждение церковных имуществ, изменение штата бенефиций, введение новых праздников в литургию епархии. Относительно других более или менее важных актов он должен еще спрашивать мнение капитула, но не обязан ему следовать. После смерти епископа и во все время, пока кафедра остается свободной, капитул владеет епископской юрисдикцией и на этом основании управляет епархией либо сам, действуя *in corpore*, либо через посредство назначаемых им викариев. Однако там, где светский государь владеет правами *регалии*, капитул не наследует юрисдикции епископа над светскими имуществами, зависящими от епископской кафедры. Мало того, в XIII в. многие капитулы изъяты из юрисдикции епископа и подчинены непосредственно суду архиепископа или папы. В силу этого изъятия епископ лишается права контролировать дела капитула, знакомиться с тяжбами каноников и теряет всякую юрисдикцию над обителью кафедрального собора и всем, что от нее зависит. Здесь право суда принадлежит капитулу, который осуществляет его через специальных должностных лиц. В этом случае капитул пользовался почти полной независимостью. Это часто было причиной нескончаемых и бесплодных столкновений между епископом и канониками, пока Тридентский собор (XVI в.) не вернул епископам свободу деятельности, положив конец злоупотреблению изъятиями.

Другой причиной столкновения была независимость архидьяконов. Вначале при епископе был один только архидьякон, в обязанности которого входило управление низшими клириками, заведование церковными имуществами и помощь бедным. Позже на него была возложена обязанность наблюдать за состоянием епархии и сообщать епископу о происходящих в ней беспорядках; нередко он исполнял даже обязанности церковного судьи, но от имени епископа. При

Каролингах его полномочия увеличиваются: он становится главным викарием епископа (*post episcopum vicarius ejus in omnibus*) и в конце концов превращает в свою личную юрисдикцию то право суда, которое он раньше осуществлял лишь в качестве уполномоченного. С другой стороны, епископ – может быть, с целью защитить себя от захватов своего помощника – начинает назначать нескольких архидьяконов и отводит им отдельные округа, которые к концу XI в. становятся главными подразделениями епархии¹ и называются архидьяконствами. Архидьякон, оставшийся при епископе и являющийся преемником прежнего единственного архидьякона, принимает титул *великого архидьякона* и играет в епархии главную роль после епископа (*major post episcopum*). В XII в. архидьяконы присваивают себе власть постановлять приговоры об отлучении и назначать духовных лиц в своем округе, снабжая их бенефициями, – все это без приказа епископа, с которым они соперничают тем успешнее, потому что их должность – пожизненная. Епископ назначает их, но не может их сместить. Стесняемые этой чрезмерной независимостью епископы вступают в борьбу с ними и стараются найти более покорных помощников. В конце XII в. некоторые из них заставляют помогать себе в управлении епархией и производстве суда главных викариев и официалов, которые, конечно, могут быть сменены. Эта мера становится в следующем веке общераспространенной и наносит чувствительный удар могуществу архидьяконов, против которого борются кроме того и соборы (особенно собор в Лавале, 1242). Однако могущество архидьяконов не исчезло сразу, и еще в XIII в. управление епархией делилось между епископом, соборным капитулом и архидьяконами.

Религиозные ордена в XI и XII вв. В то время, как происходит реформа белого духовенства, черное духовенство умножается и усиливается. В то время – от Льва IX до Григория IX – замечается, особенно во Франции, небывалое развитие монашеской жизни. Средние века, как уже не раз было сказано, представляют собой эпоху контрастов: это

¹ Архидьяконства в свою очередь делились на архиерейства, а последние – на приходы.

эпоха насилий, грубостей и чувственности, вместе с тем это и эпоха страстных покаяний и долгих эпитимий, эпоха умерщвления плоти и самобичеваний, один рассказ о которых может привести в трепет изнеженного человека наших дней. Свв. Бруно и Берnard, Гильдегарда и Елизавета Шёнау-ская, Франциск Ассизский и Доминик, Людовик Французский и Елизавета Венгерская – эти великие люди не единичны. Тысячи последователей, охваченных отвращением к миру и одушевленных стремлением к идеалу, подражают им и большей частью ищут убежища в монастырях. Старых монастырей становится недостаточно. Повсюду основываются новые, не считая религиозных братств и всякого рода ассоциаций, не считая и военных орденов этого оригинального учреждения, порожденного крестовыми походами¹. Если ограничиться собственно монашескими учреждениями, то в занимающем нас периоде можно отметить два основных факта: 1) основание *конгрегаций*, которые подчиняют часто очень большое количество монастырей одному общему управлению и ставят их в зависимость от одного какого-нибудь монастыря, который считается главой ордена, тогда как раньше монастыри не зависели друг от друга; другими словами, место древних изолированных обитателей занимают религиозные ордена; 2) появление в XIII в. нищенствующих орденов; эти новые ордена имели совершенно иное назначение, чем ордена, существовавшие до сих пор и руководившиеся уставом св. Бенедикта или так называемым Августинским уставом. Рассмотрим эти два явления.

Конгрегация есть новый институт, созданный Ключийским аббатством оно было основано в 910 г. и находилось в цветущем состоянии до середины XII в. В ту эпоху аббатство, управляемое Петром Преподобным (1122–1156), имело под своей юрисдикцией более 2 тысяч монастырей, рассеянных по различным странам; одни из них были основаны им самим, другие примкнули к ордену путем акта присоединения (*affiliation*). Эти акты присоединения, добровольные или вынужденные, были очень часты в XI в. – в эпоху, когда ключийские монахи старались осуществить полную централиза-

¹ См. ниже, глава 6.

цию монашеского мира. Однако их попытка объединить монашество не могла иметь успеха, потому что они уже в XI в. утратили исключительное право на устройство конгрегаций. Возникли новые монашеские центры, которые начали основывать новые ордена с несколько видоизмененными уставами, в большинстве случаев, впрочем, скопированными с бенедиктинского. Первые такие конгрегации появились в Италии. Около 1018 г. св. Ромуальд из фамилии Онести в Равенне основал Камальдольский орден, соединив отшельников Камальдоли с общежительным братством Val de Castro; этот орден, утвержденный в 1072 г. Александром II, оказал папе деятельную поддержку в деле церковной реформы и был для Италии тем же, чем Клуни – для Франции. Вскоре затем возник Валломбрезский орден, происшедший из пустыни, основанной в 1038 г. в долине того же названия Жаном Гвальбертом, сеньором Пистойи; именно в Валломбрезе монахи начали разделяться на патеров и послушников, смотря по тому, были ли они духовными или светскими лицами; это разделение было позже принято и другими орденами, особенно цистерцианским. В Германии Гиршауский монастырь в Швабии, окончательно организованный в 1071 г. настоятелем Вильгельмом по образцу Клунийского аббатства, также становится родоначальником особой конгрегации.

После этого движение возобновляется во Франции, которая затем некоторое время играет в этом отношении руководящую роль. Прежде всего, в 1076 г. тьерским виконтом Етьеном был основан близ Лиможа орден *Grandmont*; этот орден, предназначенный для созерцательной жизни, имел лишь второстепенное значение. Затем в 1086 г. возник Картезианский орден, самый строгий из всех; он был основан близ Гренобля, в дикой местности, реймским каноником Бруно уроженцем Кельна, которого шокировала и побудила покинуть мир развратная жизнь его епископа. Статуты ордена были составлены около 1130 г. пятым картезианским приором Гигом Преподобным. Почти безусловное молчание, постоянное воздержание от мяса, разделение времени между молитвой и трудом – таковы главные пункты устава. Несмотря на строгость последнего, орден

быстро развился и привлек в свои ряды даже женщин. Через 10 лет после возникновения ордена св. Бруно бретонский священник Роберт Арбриссель, всю жизнь проповедовавший покаяние, основал орден Фонтевро на границе между Анжу и Пуату (1099). Это был двойной орден, состоявший как из мужчин, так и из женщин; и те, и другие были странным образом подчинены юрисдикции аббатиссы Фонтевро, высшего лица в ордене. Конгрегация насчитывала во Франции до 60 обитателей; за пределы страны она не перешла и в конце концов впала в глубокую испорченность. Более блестящую роль сыграл Цистерцианский орден (близ Дижона), основанный в 1098 г. Робертом де Молэм. Основание этого ордена было вызвано желанием восстановить бенедиктинский устав, строгое исполнение которого и предписал сначала Роберт. Но его преемник аббат Альберик ввел в устав различные изменения, которые были утверждены в 1119 г. папой Каликстом II и благодаря которым Цистерцианский орден должен считаться отличным от Клунийского. Своей славой и развитием Цистерцианский орден обязан, главным образом, св. Бернарду. В те годы, следовавшие за вступлением св. Бернарда в Сито (1113), были основаны новые монастыри в Лафертэ, Понтины, Клерво (в Лангской епархии) и т. д. Св. Бернард сам сделался аббатом в Клерво¹, где и умер в 1153 г. Благодаря ему влияние, которое до тех пор имели на религиозные дела клунийские монахи, перешло к монахам Сито. К концу XIII в. Цистерцианский орден насчитывал, по самому умеренному вычислению, около 700 мужских аббатств и еще более женских.

В то время, как бенедиктинский устав приобрел новую силу благодаря основанию этих разнообразных конгрегаций, каноники, как мы уже сказали, почти повсюду отказались от совместной жизни. В XII в. произошла реакция, породившая новые сообщества каноников с более строгим уставом, мало отличавшимся от монашеского. Этот устав был заимствован из сочинений св. Августина, поэтому такие каноники и назывались *монашествующими канониками св. Августина*. Большинство этих новых монашеских капи-

¹ См. выше.

Монах-бenedиктинец
XIII в.

тулов распадалось на известное количество конгрегаций, из которых важнейшей была конгрегация *Норбертинская*, или Премонстранская, учрежденная в 1120 г. кельнским каноником Норбертом в болотистой Премонстранской долине в Ланской епархии. Премонстранский орден быстро распространился в Германии после того, как св. Норберт был избран в магдебургские архиепископы (1126). Из других известных монашеских орденов, основанных в эту эпоху, следует отметить орден св. Виктора, учрежденный в Париже в 1113 г. Гильомом Шампо.

К концу XII в. были учреждены и некоторые другие менее важные ордена (братья-священнослужители, 1189; тринитарии, 1198; госпитальеры св. Духа, 1198; бегины и бегарды и т. д.). Движение не прекращалось и грозило извратиться. Разнообразие уставов и соперничество конгрегаций подрывали дисциплину, и в некоторых монастырях уже начинала обнаруживаться распущенность. Четвертый Латеранский собор¹ (1215) ввиду такого положения дел пред-

¹ См. выше.

писал каждой конгрегации созывать ежегодно *генеральный капитул* и воспретил основывать новые ордена (канон 24-й); выбор между теми, которые существовали, оставался свободным. Но это запрещение, возобновленное на Лионском соборе 1245 г., имело лишь тот результат, что положило конец распространению бенедиктинского устава. Оно не помешало возникновению новых уставов и конгрегаций, наполненных иным духом, смотревших на монашескую жизнь не столько как на цель, сколько как на средство. Мы имеем в виду великую реформу монашества, выразившуюся в появлении нищенствующих орденов.

Нищенствующие ордена (XIII в.). Первыми нищенствующими орденами, послужившими образцом для прочих, были ордена Францисканский и Доминиканский¹. Эти два ордена были основаны почти одновременно, и если бы св. Франциск пожелал, они составили бы одно целое. Своим возникновением они обязаны преимущественно двум причинам. С одной стороны, паства нуждалась в руководителях, действительно наполненных духом Евангелия. Между тем в начале XIII в. белое духовенство, обогатившись более, чем это было полезно, все еще, несмотря на реформу, было более занято светскими интересами, нежели духовными делами. Черное духовенство, сосредоточенное в монастырях, которые всегда находились вне городов, в очень отдаленных местностях, было слишком изолировано от светского общества и, кроме того, также утратило чистоту нравов вследствие роста своих богатств. Таким образом, ни белое духовенство, ни монашество не могли доставлять народу необходимых руководителей. Для этого нужны были люди, которые относились бы с полным презрением к мирским благам, вели бы строгий образ жизни в кругу своих братьев и без усталости проповедовали бы покаяние и самоотречение как словом, так и личным примером. Это была главная идея, вдохновившая св. Франциска. С другой стороны,

¹ В XIII в. возникают ордена кармелитов и августинских отшельников, основанные оба в 1156 г., но преобразованные в нищенствующие ордена лишь веком позже: Кармелитский – Иннокентием IV в 1254 г., Августинский – Александром IV в 1256 г.

Пилигрим. Конец XIII в.
*По рукописи из Национальной
библиотеки в Париже*

католическая вера была поколеблена опасными ересями, которые вкрадывались в умы, придавая себе вид высшей формы христианства, и которые грозили исказить чистоту догмата. Между тем, светскому духовенству в ту эпоху, когда только начинали образовываться университеты, часто недоставало образования, необходимого для борьбы с еретиками. Что касается монашеского духовенства, то если оно и не было лишено образования, но его отдаленность от городов и склонность заниматься более богослужением, чем богословием, позволяли ему действовать лишь в исключительных случаях. Для борьбы с опасностью нужны были люди, которые в силу своего звания были бы обязаны изучать и проповедовать догму. Это была главная идея, вдохновившая св. Доминика. Но если эти два новых ордена несколько отличались друг от друга по своим задачам, так как один стремился более исправить нравы, другой – веру, то в общем они преследовали одну и ту же цель: преобразовать

светское общество. Они употребляли для этого одни и те же средства: отречение от мирских благ, чтобы быть более независимыми от условий своего времени; жизнь в городе, чтобы быть в более тесных отношениях с паствой; постоянная проповедь, чтобы распространять религиозное образование; наконец – основание *третьего ордена*, чтобы в среде самого светского общества приобрести помощников, пропитанных их духом.

В 1209 г. Джованни, прозванный за свою склонность к употреблению французского языка Франциском, приступил к осуществлению этого плана. Родившись в 1182 г., сын богатого купца в Ассизи (в Италии) Петра Бернардоне, Франциск Ассизский предназначался сначала к торговой деятельности и до 23-летнего возраста вел довольно рассеянный образ жизни. Затем, внезапно отрекшись от мира и прогнанный отцом, он стал странствовать по Востоку и Западу, питаясь подаянием, всюду проповедуя покаяние и встречая то почет, то насмешки. Когда к нему примкнуло несколько че-

Доминиканец

ловец, увлеченных его пламенной речью, он начертал устав, основанный на послушании, целомудрии и полной бедности (1209); таково было скромное происхождение ордена миноритов. В 1212 г. Франциск своим примером и советами склонил свою соотечественницу Клару Ассизскую к пострижению; Клара вскоре собрала вокруг себя несколько благочестивых женщин, которые и составили ядро ордена *Бедных Кларисс*. В течение нескольких лет число последователей св. Франциска и последовательниц св. Клары настолько увеличилось, что образовались два францисканских ордена – мужской и женский, и св. Франциск был вынужден составить для них более подробные правила. Устав ордена миноритов был утвержден в 1223 г. папой Гонорием III, который даровал этому ордену, как раньше – доминиканцам, право повсеместно проповедовать и исповедовать; устав Кларисс, составленный в 1224 г., был утвержден в 1251 г. Иннокентием IV. Кроме того, в 1221 г. св. Франциск, видя стремление масс вступать под его руководство, и боясь, как он говорил, лишиться провинции населения, открыв им свои монастыри, прибавил к двум учрежденным ранее орденам так называемый *третий* орден (*ordo tertius de poenitentia*), предназначенный для светских лиц, которые пожелали бы, не покидая мира и своих обычных занятий, вести более чистый образ жизни и найти некоторым образом монастырь в своем собственном доме. Вскоре после того, как организация этих трех орденов была закончена, 4 октября 1226 г., Франциск Ассизский скончался, простершись на помосте церкви Порциункула, своего любимого местопребывания, вблизи Ассизи. Спустя два года Григорий IX причислил его к лику святых.

При совершенно иных обстоятельствах возник орден доминиканцев. Доминик Гузманн, родившийся в 1170 г. в Калагорре, в епархии Осмы в Испании, с детства обнаруживал большое усердие в молитве и стремление к подвижнической жизни, которые должны были привести его к духовному сану. Пробыв 4 года в Валенсийском университете, он был рукоположен в священники епископом Осмы Диего и сделался каноником-иноком этого города. Прибыв в 1206 г. вместе со своим епископом во Францию, он был охвачен

грустью при виде успехов альбигойской ереси в Лангедоке и решил с этого времени посвятить свою жизнь обращению еретиков. Десять лет оставался он в Южной Франции, почти один и без большого успеха борясь с ересью; но его мирный крестовый поход составлял утешительный контраст с кровавым крестовым походом, который в то же время предприняли рыцари Северной Франции. В 1215 г., после долгих размышлений он отправился в Рим и представил Иннокентию III свой проект основания общества проповедников, которые, подчиняясь монашескому уставу, исполняли бы те же обязанности, что и белое духовенство. Иннокентий III утвердил проект и подчинил новый орден уставу св. Августина. В следующем году Гонорий III даровал Доминику и его последователям название Братьев проповедников и право повсеместной проповеди и исповеди. Около этого времени состоялось знаменитое свидание Доминика с Франциском Ассизским, на котором первый предложил слить оба их ордена в один. Св. Франциск предпочел оставить их разделенными, но св. Доминик не отказался от своего плана. На первом генеральном капитуле, который он собрал в Болонье в 1220 г., он отказался от августинского устава и принял францисканский устав в его главных чертах. Он умер в следующем году (6 августа 1221 г.), оставив второй нищенствующий орден вполне организованным и при нем такой же женский орден и третий орден для мирян. Но в окончательной форме доминиканский устав был составлен лишь в 1238 г. третьим генералом ордена св. Раймондом Пеннафортским.

К этому времени первые два нищенствующих ордена достигли уже большого распространения. С нескрываемым сочувствием встреченные массой, которая чувствовала в них большую близость к себе, чем в бенедиктинских орденах, и лучше сознавала их благодетельное влияние, они распространились по всей Европе. В 1264 г. генералу францисканцев были подчинены 8 тысяч монастырей и 200 тысяч монахов. Генерал Доминиканского ордена также начальствовал над настоящей армией, всегда готовой принять миссию хотя бы в самые отдаленные страны; в 1280 г. существовал монастырь Братьев проповедников в Гренландии. Этот изумительный успех нищенствующих орденов, вначале поощряе-

мый папством, скоро отодвинул на второй план старые монашеские ордена и не замедлил вызвать столкновение со светским духовенством и университетами. С одной стороны – светское духовенство было в высшей степени недоволено теми обширными привилегиями, которые получили мнориты и проповедники, и иногда – как, например, Гильом де Сент-Амур в 1255 г. – горько жаловалось на незаконное отправление ими церковной службы в приходах. С другой стороны – францисканцы и доминиканцы, считая преподавание частной формой проповеди, заявили притязание на право преподавать в университетах и начали против них памятную борьбу, которая окончилась в пользу монахов. Поддерживаемые общественным мнением и громадной известностью некоторых из своих членов, как, например, доминиканца Фомы Аквинского и францисканца Бонавентуры (оба умерли в 1274 г.), они в конце концов сосредоточили в своих руках почти все отрасли народного просвещения.

Но этот необыкновенный расцвет не мог быть продолжительным. В конце XIII в. доминиканцы и францисканцы, забыв о дружбе, соединявшей их основателей, вступают в борьбу друг с другом; мало того, в среде самих францисканцев возникают раздоры. Еще при жизни св. Франциска среди его последователей можно было различать два направления: ригористическое, представителем которого был сам св. Франциск, и более умеренное, во главе которого стоял Илья Кортонский, его викарий и первый преемник. Эти два направления с течением времени породили две враждебные партии, которые Бонавентуре удалось примирить во время его настоятельства, но после его смерти антагонизм между ними возобновился. В 1279 г. папа Николай III сделал бесплодную попытку вмешаться в эти раздоры, издав буллу «*Exiit quiseminat*», благоприятную для *конвентуалов*, то есть для умеренных. Тогда ригористическая партия, носившая название *спиритуалов*, возмутилась против св. престола и, казалось, была близка к отпадению от церкви. Целестин V немедленно отделил ее от Францисканского ордена и соединил с только что основанным им орденом Целестинских отшельников; но его преемник Бонифаций VIII, наоборот неустанно преследовал ее и принудил распуститься (1302).

Франциск Ассизский проповедует перед папой Гонорием III.
Фреска Джотто в церкви святого Франциска в Ассизи

Богослужение и таинства. Реформа белого духовенства и развитие монашеских орденов свидетельствуют о том сильном религиозном движении, которое охватило в то время весь христианский мир. Светское общество также чувствовало на себе его влияние. Внешняя сторона богослужения, центром которого всегда было таинство евхаристии, становится более блестящей, более мистической и более возвышенной. Вместе с тем стараются еще более возвысить значение св. причастия, предупредить его профанацию и точнее определить его природу. Так, в конце XI в., ввиду ереси Беренгария, вошло в обычай воздымать во время обедни освященную гостию, чтобы паства преклонила перед ней; вследствие чуда в Больсене (1264) папа Урбан IV распространяет на всю церковь праздник св. причастия, уста-

новленный в Люттихе еще в 1246 г. епископом Робертом; несколько позднее Григорий X повелевает во время обедни стоять на коленях от освящения до причащения и преклонять колена на улице при встрече со св. Дарами. С другой стороны, чтобы избежать пролития крови Христовой, в XII в. перестают давать мирянам причастие под обоими видами. Равным образом его перестают давать младенцам тотчас после крещения и допускают лишь по достижении ими разумного возраста. Наконец, богословы (Иннокентий III) пишут специальные трактаты об евхаристии, и четвертый Латеранский собор (1215 г.) создает слово «пресуществление» для обозначения претворения веществ, употребляемых при евхаристии, в тело и кровь Христовы. Но по странным обстоятельствам, – которые впрочем, не единичны в истории, – по мере того как развивается общественное богослужение, частный культ сокращается и становится до известной степени менее интимным. Масса народа давно оставила привычку часто причащаться; даже благочестивые люди следуют этому примеру и причащаются лишь в главные праздники. Четвертый Латеранский собор был вынужден предписать всем христианам причастие на Пасхе (канон 21-й).

Формы покаяния также сделались менее строгими. Публичные покаяния мало-помалу вышли из употребления: в XIII в. им подвергали лишь мирян, виновных в насилии над личностью епископов. Это было следствием злоупотребления выкупом покаяния и индульгенциями: упадок увеличился по мере того, как умножались эти средства уклонения от старинных строгостей. Тогда церковь направляет свои усилия к тому, чтобы сохранить строгость частного покаяния; четвертый Латеранский собор постановляет, наряду с пасхальным причащением, ежегодную исповедь и предписывает епископам рассылать по всей епархии исповедников для разрешения тяжких грехов, которые могут быть отпущены только самим епископом (*cas réservés*). Эти распоряжения Латеранского собора свидетельствуют о том, что дух покаяния в начале XIII в. значительно ослабел. Чтобы воскресить его в массах, понадобилась проповедь Франциска Ассизского и нищенствующих орденов. Их призыв вызвал реакцию: на минуту возрождаются добровольные публич-

ные покаяния. Так, в 1261 г. город Перуджа был весь охвачен внезапным порывом аскетизма: богатые и бедные, старые и молодые, рыцари и крестьяне ходили по улицам, обнаженные до пояса, покрыв голову платком, с хоругвью или зажженным факелом в одной руке, а другой они бичевали себя кнутом, иногда даже до крови. Некоторое время спустя *флагелланты* появились и в Страсбурге.

Наконец, следует указать на широкое распространение проповеди в XIII в., вызванное также влиянием нищенствующих орденов. Проповедь, произносимая с этих пор на простонародном языке и часто под открытым небом, сопровождает все акты общественной и частной жизни. В одной Франции насчитывается в течение XIII в. 260 проповедников, имена или произведения которых нам известны. В Германии францисканцы Давид Аугсбургский и Бертольд Регенсбургский (умерли в 1271 г. и 1272 г.) собирали вокруг себя тысячи слушателей. Так как ни судебное, ни политическое красноречие в ту эпоху еще не существовали, то все искусство слова сосредоточилось в религиозной проповеди.

Высшее развитие церковной юрисдикции

Суд официалов; его происхождение и устройство. Компетенция суда епископского официала. Столкновения между церковной и светской юрисдикцией. Каноническое право: составление «*Corpus juris canonici*».

Суд официалов; его происхождение и устройство. В течение средних веков церковь отпращивала двоякого рода юрисдикцию – духовную и светскую, которые отнюдь не следует смешивать. Духовная юрисдикция, ведающая лишь чисто религиозными вопросами, – прерогатива церкви и ничья другая: *est a clavibus*, как говорят канонисты. Светский суд наоборот не подлежит ведению церкви, а только светской власти, которая может передавать его церкви в большей или меньшей степени: *non est a clavibus, est a gladio*. В царствование Константина и в силу изданных им эдиктов, епископы начинают принимать участие в государственном судопроизводстве; можно сказать, что

ко времени смерти Константина светская юрисдикция церкви уже существовала в зародыше. Она появилась на Востоке при Юстиниане, в Испании – при вестготских католических королях, в Галлии и Германии – при франкских князьях, распространилась как на гражданские, так и на уголовные дела и в конце XII в. достигла высшей точки своего развития. Правом светского суда владели уже не только епископы, как вначале, но и другие должностные лица или учреждения церкви: архидьяконы, архиереи, капитулы, аббаты монастырей. Но если формально между обеими юрисдикциями существовало коренное различие, то на практике оно было ничтожно, потому что духовные лица, облеченные правом обеих юрисдикций, поручали отправление их одним и тем же поверенным, которые таким образом оказывались уполномоченными как для духовных, так и для светских дел¹. Наиболее обширна была компетенция епископа, поэтому нам главным образом и придется ознакомиться с епископальной юрисдикцией. Разберем прежде всего, какова была ее организация, затем рассмотрим круг ее действий.

Вначале епископ лично отправлял свой суд, компетенция которого была тогда ограничена; но когда его юрисдикция увеличилась и число подсудных ему дел возросло, он заставлял архидьякона помогать себе, а часто – и замещать себя. Когда же последний приобрел самостоятельное право суда и вступил в борьбу с епископом, о которой речь была выше, тогда епископ должен был обратиться к более стоворчивым помощникам – к главным викариям и официалам. Главные викарии помогали ему особенно в управлении епархией. Напротив, официалы сделались в конце XII в. его специальными поверенными для производства суда от его имени². В Бретании эти официалы назывались *allocati*, или

¹ Духовные лица, бывшие вместе с тем феодальными владельцами, могли иметь еще светскую *сеньориальную* юрисдикцию, которая, однако, отнюдь не носила церковного характера. Это была светская юрисдикция, основанная на светском, а не на каноническом праве и производившаяся не судьями церкви, а поверенными, приставами (*balli*) или старшинами (*prevôt*).

² Прочие церковные судьи по примеру епископа также создали себе официалов. Официалы архидьяконов встречаются с 1200 г.

allouès – слово весьма точное, так как официал действительно был только заместителем. Он не был, подобно архидьякону, несменяем и не обладал самостоятельной властью. Епископ назначал и сменял его по своему произволу, определял его полномочия и мог всегда, если хотел, сам вершить суд вместо него. Когда епископ умирал, отказывался от своего сана или был низложен, полномочия официала прекращались *ipso facto*, на основании известного правила: *Resoluto jure dantis, resolvitur jus accipientis*. Сначала епископы имели лишь по одному официалу, которому они передавали все свои судебные права. Впоследствии они часто назначали разъездных официалов (*officiales currentes*), компетенция которых ограничивалась известной частью епархии или определенными случаями. Только официал, живший в епископском городе (*officialis principalis*) и бывший преемником прежнего единственного официала, сохранил общее полномочие, простиравшееся на всю епархию и на все роды дел.

Официал творил суд единолично, но заседал не один: при нем находились его помощник (*vices gerens*) и ассессоры, имевшие совещательный голос. Кроме того, ему помогали в исполнении его обязанностей хранитель епископской печати (*sigillator*), приемщик актов (*receptor actorum*) и письмоводитель, обязанный вести список дел (*registrator*). Весь этот персонал составлял то, что называли тогда церковным судом, или *curiae christianitatis*, а позже – судом официала. Для составления от имени сторон необходимых для процесса документов при ведомстве официала состояли еще прокуроры, адвокаты и нотариусы, не считая различных чиновников с исполнительной властью и некоторых низших помощников. В XIII в. суд официалов снабжен уже всеми этими органами; не достает еще только фискала, который в следующем веке будет играть при церковном суде ту же роль, какую в светском – государственный прокурор.

Компетенция суда епископского официала. Какова же была компетенция этих судов, с устройством которых мы сейчас ознакомились? Эта компетенция, окончательно определившаяся в XIII в., была двоякого рода: она охватывала известный круг лиц и определенную категорию

дел. Другими словами, консисторский суд действовал *либо ratione personae*, либо *ratione materiae*.

Первоначально известные лица пользовались преимуществом быть судимыми только судом церкви во всех гражданских и уголовных делах, за исключением тяжб, возникших на почве феодальных отношений; в последнем случае право судьи-сеньора *судить ratione materiae* одерживало верх над правом консисторского суда судить *ratione personae*. Привилегией церковного суда пользовались прежде всего духовные лица, если жили сообразно со своим званием (*clericalliter*), а те из них, которые были женаты, — если не провинились ни в двоеженстве, ни в барышничестве, ни в лихоимстве. Кроме того, привилегией церковного суда пользовался всякий, кто носил тонзуру, поэтому многие миряне заставляли цирюльников выстригать им гуменце в надежде, что их дела будут переданы в церковный суд, где судопроизводство было более разумно, судьи более сведущи, наказания мягче и право полнее. Судя по двум письмам Филиппа Красивого, написанным около 1288 г., в одном лишь французском королевстве было от 10 до 20 тысяч купцов, поступавших таким образом, — большей частью итальянцев. Далее, консисторскому суду были подсудны вдовы, сироты, крестоносцы и ученики университетов, но эти лица могли обращаться и к суду светских трибуналов, что было запрещено духовным лицам. Для этой группы лиц право церковного суда было действительной привилегией, которая лишь предлагалась им, тогда как для клириков она носила характер обязанности.

Ratione materiae консисторский суд ведал тремя типами дел: во-первых, все *духовные дела*, то есть дела, касающиеся веры, таинств, обетов, церковного благочиния; во-вторых, известные *гражданские дела*, именно дела, касавшиеся брака (помолвка, прекращение брачного сожителства, прелюбодеяние, законность детей), церковной собственности (бенефиции, подаяния, десятина), завещания, которое до XIV в. вообще было более религиозным, чем гражданским актом, наконец договоров, скрепленных клятвой, что давало возможность мирянам заранее подводить свои контракты под юрисдикцию церкви; в-третьих, известные *уго-*

Папа Климент IV (1265-1268)
вручает своей буллой корону
обеих Сицилий Карлу Анжуйскому.
Фреска в башне города Перн (Воклюз)

ловные дела, именно преступления против веры (святотатство, богохульство, чародейство), преступления, совершенные в священных местах, и, наконец, нарушение различных запрещений, наложенных церковью, как, например, запрещения отдавать деньги под проценты, или различных установлений, находившихся под ее специальным покровительством, как, например, Божьего мира и Божьего перемирия. Многие из этих преступлений преследовались также и светским судом и поэтому назывались смешанными, или привилегированными преступлениями. Виновный в таком преступлении мог подвергнуться и каноническому, и светскому наказанию.

Канонические наказания, утверждавшиеся светской властью, состояли преимущественно в более или менее продолжительных эпитимиях в обязательстве совершить палом-

ничество *intra fines* или *extra fines regni*, например в Иерусалиме; в заточении, применяемом особенно к еретикам в штрафах, употреблявшихся на благочестивые дела наконец, во временном или полном отлучении от церкви, которое в XIII в. употреблялось очень часто и применялось к целым категориям преступлений, не считая тех случаев, когда оно налагалось незаконно по политическим мотивам или за ничтожные проступки. Но церковь всегда отказывалась допускать смертную казнь и жестокие увечья, на которые тогда было так щедро светское право; этот принцип каноническое право формулировало в следующем образом: *Ecclesia abhorret a sanguine*. Оно воспрещало также применение пытки, употреблявшейся для того, чтобы исторгнуть у осужденных признание. Один только исключительный трибунал – инквизиция, происхождение которого будет изложено далее, допускал в известных пределах это «средство доказательства», возродившееся под влиянием римского права и получившее широкое развитие в светском судопроизводстве. Иногда каноническое наказание казалось недостаточным. Тогда суд официала, произнеся свой приговор, передавал виновного (предварительно лишив его сана, если это было духовное лицо) светскому судье, который налагал на него наказание по общему праву. «В этом случае, – говорит Бомануар¹, – светское правосудие должно помогать святой церкви; ибо когда кто-нибудь по усмотрению св. церкви осужден как еретик, то святая церковь должна передать его светскому правосудию, и светское правосудие должно его сжечь, потому что духовное правосудие никого не должно предавать смерти».

Столкновения между церковной и светской юрисдикцией. Церковный и светский суд, которые в известных случаях могли быть призываемы к рассмотрению одних и тех же дел и которые должны были взаимно помогать друг другу, находились до середины XII в. в довольно хороших отношениях. Но с этого времени короли и бароны

¹ Филипп де Реми, сир де Бомануар, автор «*Coutumes de Beauvoisis*», которые он окончил в 1283 г., – французский правовед XIII в. – Ср. «*Coutumes de Beauvoisis*», XI, 2.

находят, что компетенция церковных судов слишком обширна, что налагаемые ими отлучения слишком часты, что светские лица слишком охотно вверяют им свои дела, уклоняясь таким образом от светского правосудия; и вот они начинают борьбу против церковного суда, то тайную, то явную, которая продолжается в течение всего XIII в., приводит то к торжеству, то к поражению церковного суда, и кончается в следующих веках его стремительным упадком.

Первое крупное столкновение произошло в Англии во время тиранического правления Генриха II Плантагенета (1154–1189). Оно было ознаменовано собором в Вестминстере, изданием «Кларендонских постановлений», убийством кентерберийского архиепископа Фомы Бекета и, наконец, подчинением и публичным покаянием Генриха II¹.

В Германии борьба против церковной юрисдикции была лишь эпизодом в противостоянии папства и империи. Наоборот, во Франции – от Филиппа Августа до Филиппа Красивого она ограничивалась исключительно областью судопроизводства. В течение всего XIII в. мы видим коалиции баронов, направленные специально против консисторских судов. В 1204 г. коалиция сеньоров жаловалась королю, что церковные суды привлекают к себе феодальные процессы и таким образом отнимают у них всякую юрисдикцию в их феодах (*propter hanc occasionem perdebant domini justitiam feodorum suorum*). Ввиду этих жалоб Филипп Август запретил судам официалов вести тяжбы, относившиеся к феодам и цензивам, препятствовать задержанию светскими судьями духовных лиц, которые осуждены самим церковным судом и предварительно низложены, и отлучать от церкви тех, кто продает съестные припасы в воскресенье или ведет торговые сношения с евреями. В 1210 г. новый указ признал за светскими судьями право арестовывать духовных лиц, захваченных на месте преступления, с тем, чтобы немедленно передавать их официалу. Наконец, так как возбуждение не прекращалось, то Филипп Август в 1214 г. установил еще – «в интересах мира между королевством и папой и до следующего собора» – привилегии для кресто-

¹ См. ниже, глава 11.

носцев в отношении суда. Латеранский собор 1215 г., несколько ограничил применение интердиктов (канон 47-й) и по некоторым пунктам точно определил компетенцию консисторского суда.

Но эта компетенция не была уменьшена, и светские лица упорно продолжали предпочитать церковный суд сеньориальному. В 1225 г. сеньоры, собравшись в Мелене, подали королю Людовику VIII новую жалобу об узурпации духовных лиц. На этот раз речь шла не о феодальных процессах, а о гражданских тяжбах светских лиц. Так как король не принял никакого решения, то наиболее могущественные сеньоры Запада – Гуго Лузиньян, Пьер де Дре, граф Бретанский, Амори де Кран, сешаль Анжуйский, Савари де Молеон и многие другие – составили новый заговор и возобновили свои жалобы. Кроме того, Пьер де Дре, вложивший в это дело столько страсти и ожесточения, что приобрел название Пьере Ненавистник Попов (Pierre Mauclerc), собрал в Редоне сеньоров Бретани и заставил их поклясться, что они более не будут обращать внимания на интердикты и употребят все усилия, чтобы изъять из ведения церковных судов процессы, касающиеся десятин, наследств по завещаниям, лихоимства и договоров, скрепляемых клятвой. Когда бретонские прелаты отлучили Пьера Моклерка, то он изгнал епископов из Ренна, Трегьера и Сен-Бриека. Гонорий III, и особенно, ученый канонист Григорий IX, конечно, не могли не осудить этих притязаний. Буллы, которыми осуждались последние, встретили, разумеется, большое сочувствие со стороны людей, подсудных сеньорам, но в среде феодалов они вызвали энергичный протест, который был формулирован на собрании в Сен-Дени в 1235 г. и которому, по-видимому, до известной степени сочувствовал Людовик Святой¹; по крайней мере, его упрекает в этом Григорий IX в письме, написанном тотчас после съезда в Сен-Дени. Изменило ли это письмо намерения короля, убедив его в необходимости *конкордатов*, то есть взаимно-обязующих договоров для урегулирования спорных вопросов между обеими властями? Это неизвестно; как бы то ни было, в течение ближайших 10 лет конфликт не возобновлялся.

¹ См. ниже, глава 12.

Его возобновил германский император Фридрих II в 1245 г., в разгаре своей борьбы с папой Иннокентием IV, которого он принудил покинуть Рим и бежать в Лион¹. Повсюду отыскивая противников папства, он ловко воспользовался враждой французских баронов против церковного суда; он обратился к ним в 1245 и 1246 гг. с несколькими письмами, в которых просил поддержки, изображая себя поборником светской власти против церковного судопроизводства. Его воззвания в конце концов увенчались успехом. В конце 1246 г. высшие французские сеньоры образуют новую лигу, которая требует ограничения церковной юрисдикции по отношению к светским лицам только процессами о браках, лихоимстве и ереси. Протокол конфедерации воспроизводит дух и даже выражения писем Фридриха II. Своими представителями, уполномоченными осуществлять их требования, французские бароны избрали четырех крупных сеньоров: Гуго IV, герцога Бургундского, Пьера Моклерка, Гуго X Лузиньяна, графа Ангулемского, и графа Сен-Поля, Гуго Шатильонского, ближайшего союзника германского императора. Одновременно Фридрих II побудил и английских сеньоров принять аналогичное решение. Папа не замедлил с ответом. 4 января 1247 г. Иннокентий IV отлучил от церкви участников конфедерации, а также всех тех, кто каким бы то ни было образом будет противодействовать применению церковной юрисдикции в делах, подлежащих ее ведению по праву или обычаю (*de jure vel consuetudine approbata*). Людовик Святой и его братья не принимали никакого участия в этом последнем заговоре феодалов, несмотря на то, что в 1246 и 1247 гг. между королем и Иннокентием IV несколько раз возникали разногласия. Но Людовик Святой обладал уравновешенным и вместе с тем осторожным поведением; он знал, что мягкостью можно достигнуть большего, чем насилием, и «благодаря его ловкости, соединенной с умеренностью духовенства и склонностью папы к примирению» ему удалось, говорил Матвей Парижский потушить заговор, возбужденный Фридрихом II.

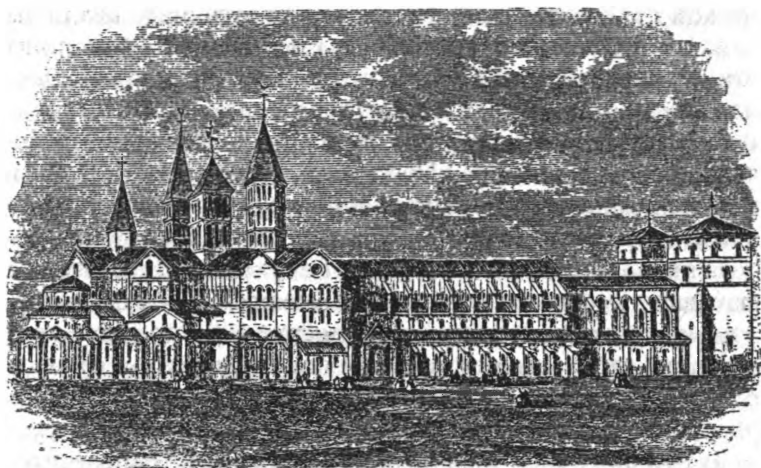
После кризиса 1247 г. борьба продолжалась уже не повсеместно, а лишь в некоторых областях. Так, она продол-

¹ См. выше.

жалась еще в Шампани и Парижской епархии в 1252 г. В 1254 г. произошел как бы рецидив, вызвавший со стороны папы новые отлучения. Бароны отвечали на них захватом церковных доходов, заключением в тюрьму низших служителей консисторских судов и даже признанием безнаказанности преступлений, направленных против духовных лиц. Последние, со своей стороны составили конфедерацию против баронов, и тогда во избежание возможной анархии вмешался Людовик Святой. В 1258 г. он ведет переговоры с Александром IV, в 1268-м – с Климентом IV и заключает с ними настоящие конкордаты, которые на время восстанавливают мир. Филипп Смелый следовал политике своего отца, и в его царствование столкновения были редки. Таким образом, к концу XIII в. французскому королю удалось установить известное равновесие между притязаниями духовенства и требованиями баронов. Теперь он сам становится на место сеньоров и продолжает борьбу против духовной власти; на этот раз борьба выходит за пределы спора об юрисдикции и при Филиппе Красивом простирается уже на вопрос о взаимном отношении обеих властей.

Каноническое право; составление «Corpus juris canonici». Во всех делах, подведомственных его юрисдикции, церковный суд руководился каноническим правом, которое было очень развито уже в XI в., а в XII благодаря деятельности нескольких выдающихся канонистов, как, например, Петра Ломбарда и Грациана, достигло наибольшего развития и при Григории IX было официально кодифицировано. Тогда главными источниками канонического права были *обычай*, который церковь принимала в том случае, если он был разумен (*rationabilis*) и согласовался с общими принципами права; *каноны* соборов, особенно вселенских, которые созидаются теперь чаще прежнего¹, наконец, декреты пап в неисчислимом количестве. Обычай составлял *неписаное* каноническое право, которое имело лишь второ-

¹ В XII и XIII в. их было шесть: четыре первых – в Латеране, два последних – в Лионе (1123, 1139, 1179, 1215, 1245, 1274); первый Латеранский был девятым в ряду вселенских соборов, второй Лионский – четырнадцатым.

Старинное здание аббатства в Клуни

степенное значение. Декреты соборов и пап составляли *писаное* каноническое право, которое и комментировали или кодифицировали канонисты. Кодификация соборных канонов и папских декреталий началась рано и породила уже множество сборников. Сборник Дионисия-Младшего – V в.; «Collectio Hispana», приписываемая Исидору Севильскому, – VII в.; «Codex Hadrianus», конца VIII в., составленный папой Адрианом для Карла Великого (774); Лжеисидоровы декреталии середины IX в.; сборник Регино, аббата Прюмского – X в.; «Decretum» Бурхарда, епископа Вормсского – XI в.; «Panormia» Ива Шартрского – все эти сборники (мы назвали лишь главнейшие) распространились повсюду и еще в начале XII в. пользовались большой известностью.

Однако вскоре они были вытеснены новой компиляцией – «Decretum Gratiani». Она была составлена между 1140 и 1150 гг. камальдольским монахом из Болоньи Грацианом¹, который задался целью прежде всего сделать критическую работу. Действительно, Грациан не ограничился сведением канонов и декреталий в одну книгу. Он попытался привести их в порядок, расположить в более или менее системати-

¹ См. выше.

ческой последовательности, сгруппировать их таким образом, чтобы они по каждому вопросу представляли цельное учение, и, наконец, сгладить противоречия между ними. Он и дал своему труду выразительный заголовок – «*Concordantia discordantium canonum*», но обычай рано заменил это название более коротким «*Decretum*», которое носили уже и многие другие компиляции подобного рода. Декрет Грациана имел успех. Он тотчас же был положен в основу преподавания канонического права на факультетах, прозванных факультетами декрета (*Facultès de Dècret*). Затем целый легион канонистов, *декретистов*, писали к нему глоссы, комментировали и конспектировали его. Наконец, он вошел в состав официального свода канонического права, «*Corpus juris canonici*», как его первая часть.

В течение 40 лет ни один новый сборник не оспаривал у «Декрета» Грациана того авторитета, которым он пользовался. Но ввиду непрерывного накопления новых канонов и декреталий «Декрет» Грациана все же отстал от движения законодательства. С 1190 по 1226 г. возникли один за другим пять сборников, из которых два носили официальный характер, будучи составлены по приказанию Иннокентия III и Гонория III. Эти пять компиляций, являющиеся продолжением одна другой, заключают в себе все декреталии от Александра III до Гонория III (с 1159 по 1226 г.) и представляют ту особенность, что все они составлены по одному и тому же плану, который был придуман в 1190 г. Бернардом из Павии и выражен им в одном латинском стихе: «*Judex, judicium, clerus, connubia, crimen*». Ко времени вступления на папский престол Григория IX эти пять компиляций изучались в университетах наряду с «Декретом» Грациана и другими текстами, подлинность которых не была вполне удостоверена. Вследствие этого в преподавании и судопроизводстве господствовал известный беспорядок. Чтобы устранить его, Григорий IX в 1230 г. решил издать официальный и единый кодекс декреталий. Этот труд он возложил на своего духовника Раймонда Пеннафортского, старого профессора права в Болонье, поручив ему в случае надобности изменять текст декреталий. Раймонд Пеннафортский не тронул грациановского «Декрета», но соединил все

пять компиляций, прибавил к ним около двухсот новых декреталий, большей частью изданных Григорием IX, и составил таким образом сборник почти в полторы тысячи документов, расположенных одновременно и в систематическом, и в хронологическом порядке, согласно старому плану Бернарда Павийского. Этот сборник был одобрен Григорием IX, который в 1234 г. послал его в Болонский и Парижский университеты с приказанием руководиться *in judiciis et scholis* исключительно им, а позже его внесли в «*Corpus juris canonici*», где он и составил вторую часть. Сборник озаглавлен «*Decretales Gregorii noni*» – название весьма неточное, так как он включает в себе не только декреталии Григория IX, но и его предшественников, начиная с Александра III, а также – известное число соборных постановлений.

Григорий IX запретил издавать новые канонические сборники без разрешения св. престола, но так как декреталии пап и постановления соборов беспрестанно накапливались, то вскоре обнаружили те же затруднения, какие вызвали составление григорианского свода. После некоторых перипетий Бонифаций VIII, ввиду жалобы Болонского университета (1294), велел составить новый свод, который он в 1298 г. разослал в Болонский, Парижский, Орлеанский, Тулузский, Саламанкский и Падуанский университеты. Свод Бонифация VIII, составивший третью часть «*Corpus juris canonici*», озаглавлен «*Sextus*», – название опять-таки неточное, потому что «*Sextus*» включает в себе пять книг, как и григорианский свод, который он воспроизводит вплоть до подразделений. После «*Sextus*» появились «*Clementines*» (четвертая часть «*Corpus*»), изданные сначала Климентом V в 1313 г. и посланные в Орлеанский университет, а затем переизданные Иоанном XXII в 1317 г. и разосланные в Болонский и Парижский университеты. «*Clementines*» представляют собой последний официальный свод канонического права. Но в 1500 г. французский издатель Шаппюи, выпуская «*Clementines*», прибавил к ним две серии декреталий, из которых одни были изданы Иоанном XXII, а остальные – различными папами до Сикста IV (умер в 1484 г.) включительно. Эти две серии называли «*Extravagantes*», так как они первоначально не входили в состав официальных сборни-

ков, таким образом, они составили пятую и последнюю часть «Corpus juris canonici», который с тех пор уже не подвергался изменениям¹.

Ереси XII и XIII вв.

Размножение ересей. Монтанистские секты: петробрюзийцы и вальденсы. Пантеистические секты. Манихейская секта: катары или альбигойцы. Альбигойский крестовый поход. Инквизиция.

Размножение ересей. Изображенное выше религиозное движение, которое привело к реформе белого духовенства и распространению монашеских орденов, имело не только положительные результаты. Во многих пунктах движение уклонилось от правильного пути: под предлогом реформы множество людей совершилось в ересь. XII и XIII в. представляют собой эпоху, обильную ересями, когда раскольничьи секты размножились отчасти благодаря тому самому движению, против которого они восставали. Одни из них были завещаны прежними временами, но в большей степени это были новые ереси, оказавшиеся не менее опасными, чем первые. Порожденные иногда возвышенным чувством, утверждаемые усилиями, которые, по-видимому, ничем не отличались от образа действий настоящих реформаторов, они вначале придавали себе вид более чистой формы христианства или возвращения к духу первоначальной церкви, но с течением времени под влиянием мистической экзальтации они вырождаются в странные и почти всегда безнравственные учения.

Эти учения были часто крайне запутаны и бессвязны; отдельные секты так разветвились, что их трудно систематизировать. Их можно классифицировать лишь при том условии, если оставить в стороне, во-первых, еретиков, стоящих особняком, вроде Беренгария Турского, лжеучения

¹ Папа Павел V в 1566 г. приказал произвести общий пересмотр «Corpus» комиссии кардиналов и ученых (Correctores romani); исправленный текст был официально издан Григорием XIII в 1580 г.

которого о таинстве св. еucharистии были осуждены несколькими соборами (1050–1080) и который умер, примирившись с церковью, в 1088 г.; или вроде двух сумасбродов – брабанца Танхельма, который торжественно обвенчался с Пресвятой Девой и был убит одним священником в 1124 г., и бретонца Эона де Стелла, дворянина из Лудеака, который заявлял, что он призван председательствовать на Страшном Суде, и который был осужден на Реймском соборе 1148 г.; во-вторых, секты, просуществовавшие недолго и не получившие большого распространения: например, секта *Passagiens* в Северной Италии в XII в., члены которой требовали соблюдения Моисеевых законов и представляли Иисуса Христа первым из сотворенных существ; секта поклонников Люцифера в Германии в начале XIII в., утверждавших, что Люцифер был несправедливо изгнан с неба, и предававших анафеме св. Михаила; секта стедингов во Фрисландии, члены которой были скорее мятежниками, чем еретиками, и которые были усмирены в 1234 г. после короткого крестового похода под руководством бременского архиепископа. Если исключить эти второстепенные секты и ограничиться лишь главнейшими, то все ереси рассматриваемой эпохи можно разделить на три группы: одни вдохновлялись преимущественно монтанистскими принципами; другие придерживались пантеистических теорий; наконец, третьи всецело усвоили манихейское учение.

Монтанистские секты: петробрюзийцы и вальденсы. Из монтанистских сект важнейшими были петробрюзийцы и вальденсы. Секта петробрюзийцев обязана своим происхождением и названием низложенному священнику Петру де Брюи, который около 1104 г. начал проповедовать на юге Франции. Он отвергал крещение детей, молитву за умерших, безбрачие, поклонение иконам, внешнюю обрядность церкви, обедню и догмат истинного присутствия тела и крови Христовых. Он проповедовал 20 лет. В 1124 г., сжегши в Сен-Жилле (близ Арля) иконы и кресты, он до такой степени раздражил этим поступком толпу, что она сожгла его самого. Его преемником был клюнийский монах Генрих из Лозанны, который уже совершенно отрицал богослужение и, благодаря своей страстной проповеди против безнрав-

ственности современного духовенства, приобрел множество последователей в Швейцарии, Савойе и Мансской епархии, епископ которой, Гильдеберт, тщетно пытался вернуть его в лоно католической церкви. Осужденный на Реймском соборе (1148), Генрих умер в темнице около 1149 г. Часть секты петробрюзийцев, называвшихся также *генрицианами*, вернулась в лоно церкви под влиянием проповеди св. Бернарда. Остальные продолжали упорствовать в своем лжеучении и в 1184 г. примкнули к новой секте вальденсов.

Основателем секты вальденсов (*Leonistae, Sabatati, Pauperes de Lugduno*) был богатый лионский купец Пьер Вальдо, или, вернее, Вальдец (из деревни Vaux, близ Лиона). Пьер Вальдец, потрясенный внезапной смертью одного из своих друзей, искал утешения в чтении Библии и творений отцов церкви (1173). История св. Алексея произвела на него такое глубокое впечатление, что он раздал все свое имущество – жене, прежним клиентам, бедным, поручил двум священникам перевести Священное писание на романский язык, и в 1177 г. начал обходить страну, проповедуя народу покаяние. Его главной мыслью было восстановить на земле жизнь апостолов, которая, по его мнению, состояла в бедности, скитании, проповеди и ношении сандалий. Он привлек к себе нескольких последователей, которые, исполняя завет, данный Иисусом Христом апостолам, шли по двое на свое служение. Когда лионский архиепископ запретил Вальдецу проповедовать, последний апеллировал к папе Александру III, который посоветовал ему подчиниться (1179), затем – к папе Луцию III, который на Веронском соборе отлучил его от церкви (1184). Тогда Вальдец соединился с петробрюзийцами, бежал во Францию, блуждал по Италии и умер в Богемии в 1197 г. В то время вальденсы, окончательно образовавшие еретическую секту, за исключением нескольких, которые остались в лоне церкви (вальденсы Меца), насчитывали уже множество приверженцев в Южной Франции, Северной Италии и Арагоне, откуда король Альфонс II изгнал их в 1194 г., как «врагов креста Христа и осквернителей веры». Их вероучение вполне оправдывало такое обвинение. Вальденсы отвергали всякое церковное служение, кроме проповеди, и все таинства, кро-

Священник в облачении
для мессы.
По миниатюре XI в.
В руках священник
держит Евангелие

ме св. евхаристии; утверждали, что всякий христианин – священник, и осуждали молитвы за умерших, индульгенции, военную службу, собственность и принуждение к труду. Секта заключала в себе две категории лиц: верующих, которые продолжали жить в миру, и совершенных, которые давали обет целомудрия и послушания высшим и на которых лежала обязанность проповедовать. Но вскоре секта распалась. Первыми отделились от общины ломбардские вальденсы; собрание в Бергамо, созванное в 1218 г., чтобы восстановить единство секты, потерпело неудачу, и раскол совершился. В то время, как французские вальденсы, оставаясь верными своему лжеучению, старались все-таки не порывать с церковью их итальянские собратья совершенно отделились от нее и выработали отдельный культ. Первые – не выходили за пределы Пьемонтских долин; вторые – рас-

пространились в Германии, Богемии и Польше и в XVI в. примкнули к протестантам. В долинах Дофине и Пьемонтских Альп их еще и теперь живет около 20 тысяч.

Пантеистические секты. В то время, как Петр Вальдец распространял в Южной Франции и Северной Италии монтанистские идеи, профессор логики, а позже – богословия в Парижском университете, Амори де Бэн под влиянием Скота Эригена и арабских философов создал учение, основанное почти всецело на пантеистических началах. Он учил, что «каждый христианин есть член Христа», что три лица св. Троицы воплотились: Отец – в Аврааме, Сын – в Иисусе Христе и св. Дух – в каждом христианине, который, таким образом, является сразу и Христом, и св. Духом. Отсюда он заключал о бесполезности таинств, так как освящение состоит просто в ощущении присутствия Бога и не может быть утрачено даже через любодееяние. Присужденный Иннокентием III к публичному отречению перед Парижским университетом, Амори де Бэн умер, как говорят, от огорчения (около 1207 г.). После его смерти обнаружилось, что он имел нескольких последователей, из которых главными были парижский ювелир Гильом и профессор Давид де Динан, продолжавший проповедовать безнравственное учение Амори де Бэна. Оно было снова осуждено Парижским (1209) и четвертым Латеранским (1215) соборами, и многие из сектантов были присуждены к смертной казни.

В тесной связи с аморийцами стояла, по-видимому, секта Братьев и сестер свободного духа, которых называли также бегардами, швестрионами и тюрлюпинами и которые около середины XIII в. появляются в различных городах Швабии, Швейцарии и Италии. Пантеисты, подобно ученикам Амори де Бэна, применяли к самим себе слова Христа: «Аз и Отец едино есмы». Они утверждали, что раз человек пришел к этому убеждению, он не принадлежит более чувственному миру, не может быть осквернен никакими плотскими излишествами и более не нуждается в приобщении к таинствам. Эта теория не была нова: нова была смелость, с какой Братья свободного духа осуществляли ее на деле. Их безнравственное поведение вызвало против них суровые меры.

Манихейская секта: катары или альбигойцы.

Но из всех этих сект самой грозной была, без сомнения, секта *катаров* (Καθάραι, чистые) или *альбигойцев*, манихейское учение и революционная проповедь которых грозили существованию как церкви, так и государства. Вопрос о происхождении этой секты до сих пор остается спорным. Согласно старой гипотезе, она произошла по прямой линии от древних гностических и манихейских сект, которые будто бы всегда имели тайных адептов в Южной Франции и Италии. По другому мнению, она примыкает скорее к *павликианам* и *богомилам*, учения которых были занесены на запад переселившимися туда болгарами (Bulgari, Bulgri, Boulgres); этим и объясняется название, которое было дано этой секте и которое в конце концов было распространено на все другие ереси¹.

Впрочем, катаров следует представлять себе не как единичную секту, а как более или менее бессвязный конгломерат сходных сект, представляющих, наряду с существенными различиями, некоторые общие черты, из которых главной была манихейская вера в два начала – добра и зла. Для некоторых катаров эти два принципа были совечны и являлись двумя различными богами: один – добрым, другой – злым; это было почти павликианское учение. Для других, приближавшихся к богомилам, доброе начало было истинным Богом, который сотворил невидимый мир духов и от которого исходил Новый Завет; дурное начало, или Иеговы, был лишь падший дух, сотворивший видимый мир и давший людям Ветхий Завет. Его сын Люцифер соблазнил часть небесных ангелов и заточил их в тела; чтобы освободить этих пленных ангелов, составлявших особый, избранный класс между людьми, сошел с неба другой ангел, Христос, не принявший, однако, ни человеческой природы, ни истинного тела.

Из этих догматов вытекала чисто манихейская мораль, которая сводилась – насколько можно судить об этом при отсутствии сочинений, написанных самими еретиками, – к следующим трем пунктам: 1) разделение людей на два класса, из которых лишь один принимает участие в искуплении

¹ Во французских текстах XIII в. *bougrerie* и *bougre* обозначают ересь.

и может достигнуть спасения, а другой, ввиду своего происхождения от злого начала, не способен к освящению, что освобождало его от всякой нравственной ответственности; 2) отрицание всякой власти, как церковной, так и светской, что подрывало основы общественного строя; 3) наконец, осуждение всего, что стоит в какой бы то ни было связи с материей, производением злого начала; так, осуждаются употребление в пищу животных продуктов, брак, собственность, почитание креста и икон, сооружение церквей и таинства. Из таинств катары признавали лишь одно – нечто вроде духовного крещения, так называемое *consolamentum*, которое без покаяния освобождало от грехов и которое они совершали, возлагая руки и Евангелие на избранного; в силу этого обряда последний переходил в категорию «совершенных». Дело в том, что катары, подобно вальденсам, допускали разделение посвященных на верующих и совершенных; только этих последних принятое ими *consolamentum* обязывало жить в полном отречении суровой и безгрешной жизнью. Но так как такая стойкость встречалась редко, то вожди секты стали давать *consolamentum* лишь на смертном одре; кроме того, для большей верности они часто склоняли больных, готовившихся выздороветь, к медленной голодной смерти; это добровольное мученичество называлось *endura*. Таково было учение катаров; отвергая всякий авторитет, осуждая брак и собственность, они естественно должны были казаться современникам опасными людьми, грозившими существованию не только Западной церкви, но и самого общества. Альбигойство было не только религиозной, но и социальной ересью; этим отчасти и объясняется та беспощадность, с которой оно было подавлено.

В течение XI и XII вв. альбигойская ересь получает широкое распространение. В 1010 г. манихеи, или катары, появляются в Ажане, в 1022-м – в Орлеане, около 1030-го – в Ломбардии. Отсюда ересь переходит в Германию; в 1126 г. мы встречаем ее в Трирском округе, в 1146-м – в Кельне. Но главным образом она распространяется в Лангедоке и наибольшее число последователей приобретает среди живого и впечатлительного населения Южной Франции. Здесь катары встречаются с вальденсами, которых иногда ошибоч-

но смешивали с ними; напротив, вальденские проповедники нередко спорили со священнослужителями катаров: их учения далеко не во всем были сходны, и обе секты никогда не вступили в союз между собой. В конце XII в. главным оплотом катаров Южной Франции было Альби (откуда и произошло их наиболее употребительное название – *альбигойцы*), а их явными или тайными покровителями было большинство южных сеньоров, из которых одни увлеклись их учением, другие боялись возбудить неудовольствие своих подданных, третьи же находили в альбигойстве удобный повод грабить имущества монастырей и церквей. Между этими сеньорами следует отметить особенно тулузского графа Раймонда VI из могущественной семьи Сен-Жиль, которая владела в то время большинством крупных ленов Южной Франции, и Раймонда Рожера, виконта Безье.

Альбигойский крестовый поход. Сильные этой поддержкой и организованные в тайные сообщества, альбигойцы начали пускать в ход насилие: несколько епископов было свергнуто с кафедры, несколько аббатов изгнано из их монастырей, несколько священников задушено. Успехи ереси начинали беспокоить курию. Папа Александр III и третий Латеранский собор (1179) приняли строгие меры против альбигойцев. Но первым актом решительной борьбы, приведшей к искоренению ереси, было издание того знаменитого декрета, который папа Луций III с согласия Германского императора Фридриха I внес на Веронский собор 1184 г. Этот указ, направленный против всех ересей той эпохи, предписывал епископам посылать комиссаров в те местности, где они подозревали существование еретиков, для производства следствия (*inquisitio*) и для передачи виновных в руки светской власти. Так как этот декрет вначале не привел ни к какому результату, то Иннокентий III решился действовать против ереси с большей энергией, хотя все еще мирными средствами. Тотчас по восшествии на папский престол (1198) он поручил двум цистерцианским монахам, Гюю и Ренье, предпринять обращение еретиков в качестве апостольских легатов; немного спустя он присоединил к ним Петра де Кастельно, архидьякона Магеллонского, кардинала Рауля и аббата Сито, Арно Амори, одного из красноре-

чивейших людей того времени. В 1206 г. папские легаты встретили осмийского епископа Диего, который вместе со св. Домиником проезжал через Лангедок. Доминик, глубоко огорченный успехами ереси, решил соединиться с легатами для борьбы против нее и в течение 10 лет более настойчиво, чем успешно, проповедовал еретикам, не принимая, впрочем, никакого участия в начавшемся между тем крестовом походе.

Так как дело обращения не продвигалось вперед, то Иннокентий III, убедившись в недействительности мирных средств, решил прибегнуть к силе; к этому побудило его еще и следующее обстоятельство. В 1207 г. Петр де Кастельно потребовал от тулузского графа, чтобы он вернул церквам то, что отнял у них; Раймонд VI отказался и был за это отлучен от церкви. В раздражении он – как некогда Генрих II по отношению к Фоме Бекету – неосторожно выразил желание быть отомщенным. Один из его рыцарей тотчас погнался за легатом, настиг его в Сен-Жилле (близ Арля) и убил его ударом кинжала (январь 1208 г.). Это убийство было сигналом к крестовому походу. Иннокентий III в свою очередь отлучил Раймонда VI, разрешил его подданных от клятвы верности, наложил интердикт на его владения и предложил их первому, кто их займет. В то же время он умолял Филиппа Августа и других христианских государей идти против еретиков, которые, по его мнению, были «хуже сарацин». Итак, начался настоящий крестовый поход. Он продолжался 20 лет, но недолго сохранял свой первоначальный характер. В нем можно различить три фазы: вначале преобладает религиозный интерес; война ведется исключительно против еретиков. Затем к религиозному интересу примешивается политический интерес, что подвергает риску полученные результаты. После Латеранского собора (1215) этот политический интерес становится преобладающим, и крестовый поход превращается в династическую войну, которая в конце концов оказалась выгодной для Франции, но не принесла никакой пользы церкви. Рассмотрим вкратце эти три фазы войны.

Воззвание Иннокентия III было услышано: крест приняли многие рыцари Северной Франции – герцог Бургунд-

ский, графы Невера, Оксерра, Сен-Поля, Фореча и Жене-вы, граф Монфорский Симон, немецкие сеньоры и, что особенно замечательно, несколько сеньоров Южной Франции. Их сопровождало множество епископов и аббатов; главное управление крестовым походом папа вручил своему легату, аббату Сито. Филипп Август, которого Иннокентий III пригласил стать во главе крестоносного войска, отказался; до конца своей жизни, несмотря на многократные увещания с разных сторон, он строго соблюдал нейтралитет¹. Впрочем, он позволял свободно проповедовать крестовый поход, высшее командование которым было вручено Симону Монфору, одному из самых искусных полководцев своего времени. Испуганный этими приготовлениями, Раймонд VI последовательно обращался к папскому легату, который потребовал поручительства, к своему двоюродному брату Филиппу Августу, который отказался вмешаться в дело, и, наконец, к Иннокентию III. Последний благосклонно принял его оправдания, но настаивал на предоставлении поручительства, которых потребовал его легат. Раймонд вынужден был покориться: как кающийся, нагой, он подвергся бичеванию перед церковью Сен-Жилля в присутствии 20 архиепископов и епископов; он отдал ключи от своих замков, обязался поправить зло, которое он причинил церквям, и обещал наказать еретиков. На этих условиях он был прощен, и сам принял крест (18 июня 1209 г.).

Но его вассал Раймонд Рожер, виконт Безьерский и Каркасонский, не выказал подобной покорности. Он отвечал на угрозы угрозами и приготовился сопротивляться. Против него Симон Монфор и направил свои усилия. В течение нескольких месяцев он отнял у него Безье, где произошла страшная резня, Каркасон и множество замков. После этого разгрома легаты предложили его разоренные владения герцогу Бургундскому и графу Неверскому, они, однако, не приняли их, а затем Симону Монфору, который оказался менее совестливым и принял их. Это была крупная ошибка со стороны легатов, потому что с этой минуты религиозный интерес перестает быть единственной движущей силой

¹ См. ниже, глава 7.

крестового похода. С точки зрения туземного населения, Симон Монфор воевал ради своей личной выгоды; он был уже не только бойцом за веру, но и завоевателем. Отсюда двойкая перемена в ходе экспедиции: с одной стороны, французские рыцари, как только кончился срок их службы, покидают графа Монфорского, с другой – против него поднимаются сеньоры юга. В 1210 г. из 200 замков, которые он успел покорить, под его властью оставалось лишь 8; ему приходилось сызнова завоевывать свои виконтства.

Пользуясь таким положением дел, Раймонд VI не исполнил ни одного из своих обязательств. Папские легаты снова отлучили его и наложили интердикт на тулузское графство. Как и в первый раз, Раймонд обратился за помощью к Филиппу Августу, который оттолкнул его, и к папе, который предложил ему оправдаться перед собором, заседавшим в Сен-Жилле. Граф Тулузский отправился туда и, не успев оправдаться, получил отсрочку. В 1211 г. он в Арле снова предстал перед собором, который поставил ему слишком тяжелые условия и тем побудил его снова взяться за оружие. Начался новый крестовый поход, который в течение двух лет заливал кровью страну и главными моментами которого были взятие Лавора крестоносцами и их поражение под Тулузой. В 1213 г. арагонский король Педро II, который только что прославил себя борьбой с испанскими мусульманами, вмешался в дело альбигойцев и предложил свое посредничество. Иннокентий III, видя, что религиозный интерес начинает оттесняться политическим, хотел положить конец насилиям. Он принял предложения дон Педро, приостановил проповедование крестового похода, умерил пыл своих легатов и созвал собор в Лаворе, чтобы еще раз испытать мирные средства. Но Иннокентию III не удалось склонить к примирительной политике ни французское духовенство, ни крестоносцев. Они видели в Раймонде VI единственную опору ереси и презирали его как изменника; поэтому Лаворский собор подтвердил его отлучение (1213). Раздраженный неудачей своего посредничества, дон Педро повел войско на помощь графу Тулузскому и осадил Мюре. 12 сентября 1213 года близ города произошло большое сражение, в котором дон Педро был убит и которое, благодаря

ловкой тактике Симона Монфора, окончилось блестящей победой крестоносцев. Результатом этой победы было подчинение всей страны. Победенный Раймонд VI покинул Тулузу и принял все условия, какие были ему поставлены, после чего был освобожден от интердикта легатом Петром Беневентским. Графы Фуаский и Комминжский и большинство их вассалов также отдали себя и свое имущество в руки легатов.

После этого областной собор в Монпелье (1215) передал верховную власть над Лангедоком Симону Монфору, а немного спустя четвертый Вселенский Собор в Латеране, один из замечательнейших, какие когда-либо собирались, снова осудил альбигойскую ересь, обязал население Лангедока принести клятву верности католической церкви, предписал епископам организовать следственные комиссии для преследования упорствующих, повелел светским князьям очистить их земли от еретиков и окончательно определил судьбу владений графа Тулузского. Симон де Монфор сохранил за собой почти все Тулузское графство, герцогство Нарбоннское и виконтства Каркасон и Безье. Графы Фуаский, Комминжский и Беарнский были снова водворены в своих владениях. Графство Венессенское было присоединено к владениям Римской церкви. Наконец, остальные земли Раймонда VI, то есть Провансский маркизат и часть Тулузского графства, были оставлены его сыну Раймонду VII, в пользу которого он отрекся от власти.

Таким образом, религиозная война окончилась; начиналась династическая борьба между сен-жилльским домом, который не хотел примириться с потерей своих владений, и монфорским домом, который не хотел отказаться от своих завоеваний. Эта война, начавшаяся в 1216 г. и искусно веденная Раймондом VII, который сумел никогда не дать повода к обвинению его в ереси, продолжалась 13 лет с переменным успехом. Она будет подробно описана ниже¹; здесь достаточно лишь отметить, что когда после смерти Симона де Монфора (1218) его сын Амори уступил свои права королю Франции (1224), то регентша Бланка Кастильская за-

¹ См. ниже, глава 7.

ставила тулузского графа подписать в Мо (1229) договор, в силу которого к королю немедленно переходило владичество над страной, расположенной между Роной и Нарбонной, а после смерти Раймонда VII – и над Тулузским графством. Кроме того, Раймонд обязался распустить свое войско, вознаградить французских рыцарей, терявших свои феодалы, которые большей частью были возвращены их старым владельцам, и оказывать поддержку церкви в борьбе с еретиками. При этих условиях с Раймонда VII в храме Богоматери в Париже было снято отлучение, которое тяготело над ним, и война окончилась с большой выгодой для Французского королевства.

Что касается церкви, то она всегда должна была бояться возврата ереси, которую она хотела подавить. Так как война принесла католицизму больше вреда, чем пользы, то церковь решилась прибегнуть к другим средствам: она окончательно организует инквизицию.

Инквизиция. Начало инквизиции или, по крайней мере, инквизиционного судопроизводства, следует искать в декрете 1184 г., который предписывал епископам посылать комиссаров для производства следствия в те местности, где они подозревали присутствие еретиков; эти комиссары были первыми епископальными инквизиторами. С другой стороны, апостольских легатов, посланных в Лангедок Иннокентием III, можно считать первыми папскими инквизиторами. Но само учреждение было организовано лишь позднее. Четвертый Латеранский собор, установив как карательные меры для еретиков лишение гражданских прав, запрещение занимать общественные должности, конфискацию имущества и в известных случаях – пожизненное тюремное заключение, поручал еще суд над еретиками епископам или их уполномоченным (1215). Лишь в 1229 г., после договора в Мо, Тулузский собор определил более точно функции епископальной инквизиции: епископы должны были выбирать в каждом приходе одного священника и двух уважаемых светских лиц, которые клятвенно обязывались бы разыскивать еретиков и доносить на них. Но чтобы избежать осуждения невинных, было запрещено налагать какое бы то ни было наказание без ведома епис-

копа или его уполномоченного¹. В 1233 г. Григорий IX доверил розыск еретиков (*inquisito hereticae pravitatis*) доминиканцам, которые должны были производить его от имени папы и постоянно. Теперь инквизиционный суд приобрел единство, которого ему не доставало, отделился от регулярного церковного суда и получил свои особые центры: важнейший инквизиционный трибунал находился в Каркасоне, другие – в Тулузе и Альби. Кроме того, инквизиторы в случае надобности переезжали с одного места на другое; это не всегда было безопасно, как доказывает убийство нескольких инквизиторов в Авиньоне в 1244 г.

Обязанности инквизиторов состояли, главным образом, в допросе подсудимых и собирании свидетельских показаний, одним словом, в производстве судебного следствия: это и есть настоящий смысл слова «*inquisitio*». Относительно приговора они должны были советоваться со своего рода «жюри», составленным из духовных лиц и правоведов, и спрашивать мнения епископа. Но в отношении последнего декреталии не всегда исполнялись: если некоторые епископы оказывали инквизиторам деятельную помощь, то другие вели беспрестанную борьбу с инквизиционными судилищами, и папе не раз приходилось вмешиваться. Инквизиционное судопроизводство во многих отношениях отличалось от обычной канонической процедуры; так, допускались свидетели, которые по общему праву могли быть отведены; их имена не всегда сообщались подсудимому, чтобы предупредить, как говорит Гильом de Puylaugens, фамильную месть; посредничество адвокатов было запрещено; наконец Иннокентий IV разрешил инквизиторам употреблять пытку для того, чтобы вынуждать признания; впрочем, он вместе с тем предложил им налагать менее суровые наказания на тех еретиков, которые обнаружат хоть некоторое раскаяние. Главными из видов наказаний были – кроме публичного отречения (акт веры, *auto-da-fè*) и кроме лишения прав по приговору соборов или в силу королевских указов – эпитимии, штрафы и временное или пожизненное заключение. Но духовных лиц, уличенных в ереси, и мирян, впавших в рас-

¹ О деятельности инквизиции в Германии, начиная с 1232 г., см. выше.

кол, обычно передавали в руки светского судьи, который при- суждал их к сожжению и конфисковал их имущество. Эти конфискации, носившие название *incursus*, производились бальи или сенешалями в пользу светских князей. Альфонс де Пуатье, сделавшись в 1249 г. графом Тулузским, назна- чил даже особого заведующего инкурсам, который был обязан централизовать их и управлять ими; он назывался Жак де Буа и обнаружил большое усердие в исполнении своих обязанностей. Таким образом, светские князья были заинтересованы в том, чтобы сжечь как можно больше ере- тиков, потому что это увеличивало их доход с конфиска- ций; и доминиканец Рено Шартрский, тулузский инквизитор, в письме к Альфонсу де Пуатье, написанном около 1255 г., раскрывает ужасные преступления некоторых из своих чи- новников, которые сжигали еретиков, присужденных толь- ко к пожизненному заключению.

Инквизиция действовала не только в Южной Франции, но с XIII в. и в Италии, и в Германии, где ею некоторое время руководил духовник св. Елизаветы Венгерской, су- ровый Конрад Марбургский, умерший в 1233 г.¹

Упрочение папской власти

Конклав и кардиналы. Отношение папы к церкви; упадок вла- сти архиепископов. Отношение папы к светским князьям; папское верховенство.

Конклав и кардиналы. Спор из-за инвеститур, рефор- ма духовенства, борьба с ересями чаще прежнего давали повод папе вмешиваться в дела христианского мира. Благо- даря этому папская власть должна была точнее определит- ся и окрепнуть. Действительно, в промежуток времени, от- деляющий Григория VII от Бонифация VIII, совершаются оба эти процесса.

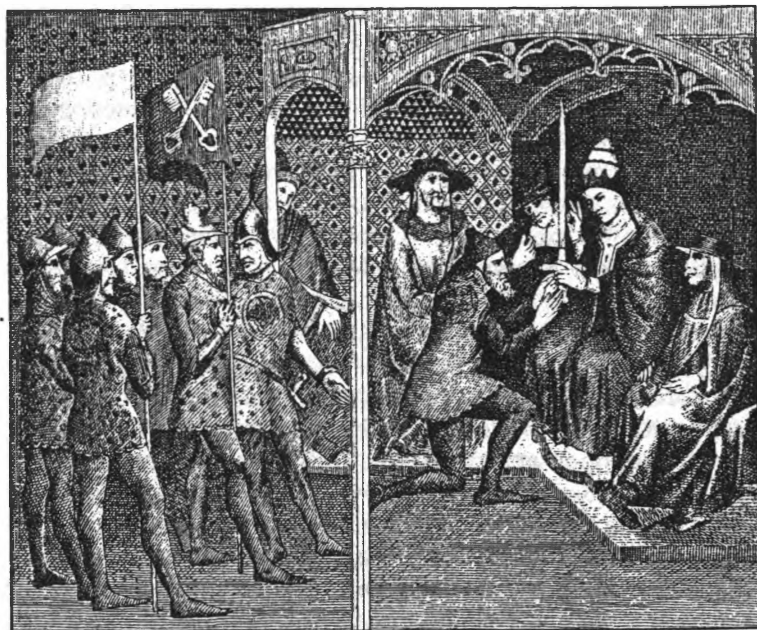
В середине XI в. папы начали регламентировать порядок папских выборов, чтобы предотвратить те смуты, которы-

¹ Церковную инквизицию XIII в. не следует смешивать с испанской королевской инквизицией XV в.

ми так часто сопровождалась последние, чтобы обеспечить их независимость и по возможности освободиться от вмешательства римской знати и опеки немецких императоров. Николай II, избранный благодаря влиянию Гильдебранда, должен был бороться с антипапой, которого выставила против него фамилия тускуланских графов (1058), и эта борьба была кровопролитна. По окончании ее он издал на Римском соборе 1059 г. знаменитый декрет, предоставлявший право избрания папы *кардиналам*, то есть той части римского духовенства, которая составляла постоянный совет папы. Состав коллегии кардиналов или *священной коллегии* был отображен выше. Декрет 1059 г. предоставил кардиналам-епископам право предлагать кандидатов, между которыми затем выбирала священная коллегия в полном составе. Результат выборов подлежал еще одобрению со стороны остального духовенства и римского народа, а затем сообщался императору, которого приглашали *признать* избранного; но это право признания было лишь знаком почета и не имело ничего общего с тем правом утверждения, на которое раньше претендовал император. В принципе кардиналы должны были собираться в Риме, если только свобода выборов была там обеспечена, и выбирать в папы одного из членов римского духовенства, если между ними оказывался человек, достойный этого сана. Кроме того, декрет 1059 г. предусматривал те, к несчастью столь частые, случаи, когда война или какое-нибудь другое обстоятельство препятствовали восшествию папы на престол: тогда папа имел право в силу самого факта избрания вступить в обладание апостольской властью. Этот декрет вызвал в Германии сильное раздражение. Но Николай II заключил союз с вождем южно-итальянских норманнов Робертом Гюискарсом, который обещал защищать новую организацию папских выборов¹; последняя была потом еще два раза подтверждена Николаем II на Латеранских соборах 1060 и 1061 гг.

Его преемник Александр II был избран уже по новой системе (1061). В 1073 г. Гильдебранд, фактически управлявший церковью в течение 25 лет, был единогласно избран

¹ См. выше.

Папа Александр III (1159–1181) вручает меч дожу Цани (1172–1178).
Фреска Спинелло Спинелли (1333–1410). Сиена. Дворец коммуны.
Персонажи одеты в костюмы XIV в.

духовенством и народом, но чтобы не нарушить декрета Николая II, кардиналы дали свое согласие на его избрание. Несомненно также, что Гильдебранд просил у императора Генриха IV его одобрения, но это был последний раз, когда папские выборы были поставлены в зависимость от согласия германского императора. Влияние кардиналов, облеченных отныне исключительным правом выбирать пап, естественно очень усилилось, тем более, что само папство становилось преобладающей силой в христианском мире. Таким образом, кардиналы, из которых каждый занимал до сих пор в церковной иерархии такое место, какое принадлежало ему в силу его сана, в XIII в. получили перевес над епископами, архиепископами и даже патриархами. В 1245 г. Иннокентий IV даровал им как знак отличия знаменитую красную шапку.

Практическое осуществление декрета Николая II вызвало вначале некоторые затруднения, особенно после смерти Григория VII и его преемника Пасхалия II. Но затем в течение полутора веков с лишним папские выборы производились по этой системе. К несчастью, Николай II не предусмотрел того случая, когда кардиналы разделятся и произведут двойные выборы: стоило лишь меньшинству не уступить, и раскол был неизбежен. Именно такой случай произошел в 1130 г., когда одновременно были выбраны Иннокентий II, признанный Францией, Англией и Германией, и антипапа Анаклет II, который сумел привлечь на свою сторону Рим, Сицилию и Шотландию. Раскол продолжался восемь лет. В 1159 г. меньшинство священной коллегии противопоставило правильно избранному Александру III антипапу Виктора IV. Фридрих Барбаросса, воевавший тогда с курией, поспешил поддержать Виктора IV, тогда как законный папа постепенно был признан остальными христианскими государствами. Мир был восстановлен лишь в 1177 г. Собравшийся вскоре после этого (1179) третий Вселенский Собор в Латеране решил дополнить декрет Николая II, чтобы предотвратить возможность новых расколов. С этой целью он издал канон «Licet de vitanda», который постановлял, что папой должен быть признан лишь тот, кто получит две трети всего числа голосов; всякий же другой, кто присвоит себе этот сан, подлежит отлучению.

Канон третьего Латеранского собора породил новые затруднения, обнаружившиеся в XIII в. Чтобы собрать две трети священной коллегии, часто требовалось продолжительное время; папские выборы, которые в XII в. совершались быстро, теперь сделались более медленными. С 1241 г. междуцарствия в несколько месяцев случаются очень часто: Иннокентий IV был избран лишь через полтора года после смерти своего предшественника, Урбан IV – через четыре месяца, Григорий X – через три года. Чтобы устранить подобные замедления, которые, конечно, вредно отзывались на интересах христианства, второй Вселенский Собор в Лионе (1274) образовал так называемый *конклав*, то есть повелел запирать на ключ (*cum clave*) кардиналов-избирателей; если в течение трех дней они не придут к соглашению,

то в следующие пять дней должны будут довольствоваться одним блюдом (*uno solo ferculo sint contenti*). Но пригодность этой меры не успели оценить, так как Иоанн XXI и Николай IV отменили ее. После смерти последнего (1292) между кардиналами в течение 27 месяцев господствовало глубокое разногласие, которое поддерживали соперничавшие партии двух могущественных римских фамилий – Колонна и Орсини. Наконец, они призвали на папский престол неспособного к правлению отшельника Целестина V; через шесть месяцев он отрекся, позаботившись, однако, подтвердить декрет Лионского собора, который таким образом окончательно урегулировал систему папских выборов.

Отношение папы к церкви; упадок власти архиепископов. Что касается папской власти, то, благодаря деятельности богословов и канонистов, ее границы определяются теперь с большой точностью: первенство папы по отношению к церкви и его влияние над светскими князьями достигают в XIII в. высшей степени своего развития. Вообще в XIII в. папская власть как теоретически, так и фактически, занимает в христианском мире первое место.

Самой характерной общей чертой в отношениях папы к церкви является то, что он сосредоточивает в своих руках все отрасли управления как духовного, так и светского. Вот главные пункты, по отношению к которым эта централизация проявляется наиболее ясно. Начиная с XII в. папы присваивали себе исключительное право отпускать известные грехи, большей частью по личному произволу. В XIII в. исключительное право отпущения наиболее тяжких грехов (святотатство, кровосмешение, содомский грех, убийство духовного лица, подделка папских булл и пр.) становится законным правом папы. Александр III в 1153 г. отнимает у епископов право канонизировать святых, а четвертый Вселенский Собор в Латеране (1215) прибавляет, что только папа может признавать подлинность мощей. Папе принадлежит право давать разрешения всякого рода, включая и изъятия из епископской юрисдикции, даруемые капитулам, монастырям или монашеским орденам. Точно так же отныне только папа сзывает вселенские соборы и утверждает их постановления в силу первенства, принадлежащего ему как преемнику св. Петра.

Из этого же первенства вытекает и представление о непогрешимости папы в делах веры и нравственности. Это учение, основывающееся на различных местах Нового Завета, было ясно сформулировано Фомой Аквинским и косвенно признано Лионским собором 1274 г. (канон *Majores*). Не возвысившись еще до степени верования *de fide*, оно становится верованием *prope fidem*, от которого «безрассудно» уклоняться. Апелляции к папе по делам одновременно духовного и светского характера становятся настолько часты, что в XII в. Гильдеберт Турский, св. Бернард и другие ставят в упрек курии неосторожность, с какой она допускает это средство защиты, превосходное в принципе, но требующее регламентации. Кроме апелляционной юрисдикции, естественной принадлежности суверенной власти первосвященника, средневековые папы стремятся также распространить свою непосредственную юрисдикцию на чужие епархии, присваивая себе право личной властью раздавать известные бенефиции. Начало этой политики положил Адриан IV (1154–1159), а его преемники развили ее. Сначала она давала хорошие результаты, выводя из неизвестности людей, которые могли принести пользу церкви; но вскоре она начала искажаться. В 1245 г. на Лионском соборе и в последующие годы английские епископы, особенно епископ Линкольнский Роберт Гростет (Большая Голова), жаловались на то, что папа раздал итальянцам слишком много английских бенефиций, и Иннокентий IV обещал отказаться от своего права самовластно назначать духовных лиц. Его преемник Александр IV объявил в 1255 г., что ни один капитул не будет обременен более чем четырьмя «апостольскими мандатами»: так назывались указы, в которых папа повелевал снабжать бенефициями указанных им кандидатов. Немного позднее Климент IV (1265–1268) присвоил святому престолу право распоряжаться всеми бенефициями, «вакантными при римском дворе», то есть теми, обладатели которых умерли в резиденции папского двора; в то же время он установил как принцип, что папе должно принадлежать безусловное право распоряжаться (*plenaria dispositio*) всеми церковными должностями. Все эти черты свидетельствуют о централизации, установившейся теперь в управлении церковью; но еще яснее эта централизация обнаруживается в пря-

мых отношениях папы к епископам и особенно к архиепископам. Поездки *ad limina*, которые епископы обязаны были совершать после посвящения, становятся в XII в. неизменным правилом. Ни один епископ не может выйти в отставку без согласия папы, который, следовательно, один может утверждать перемещения с одной кафедры на другую. С другой стороны, архиепископ не может вступить в отправление своих обязанностей, пока не утвержден папой и не получил от него паллии, признака архиепископского сана. Григорий IX, кроме того, требует от всех архиепископов клятвы верности. Наконец, когда папа, по указанным выше причинам, увидел себя вынужденным чаще вмешиваться в епископские выборы, то начался быстрый упадок архиепископской власти.

Мало-помалу, архиепископы потеряли принадлежавшее им до сих пор исключительное право судить о том, исполнены ли канонические условия избираемости, проверять выборы, решать дело в случае соискательства двух или нескольких лиц, наконец, утверждать и посвящать своих vikariev. Все эти функции фактически перешли к папе; но этот процесс совершился медленно и без шума, без общих законодательных мер, в силу естественного хода вещей. Оценка канонических условий избираемости была отнята у архиепископов в силу мер, направленных против симонии — преступления, подлежащего суду папы, и в силу декретов, относившихся к промежуткам и неправильностям, которые мог разрешать опять-таки только папа. Вмешательство папы в проверку выборов, до тех пор незначительное и редкое, становится в XII в. нормальным. Оно могло быть оправдано многими мотивами. Во-первых, папа должен был следить за исполнением постановления Латеранского собора 1139 г., которое запрещало оставлять епархию вакантной более трех месяцев, — правило, исполнению которого нередко препятствовали народные волнения или предъявление светским князем его регальных прав: в случае насилия, папа приказывал приступать к выборам, а иногда прямо назначал епископа. Точно так же, когда выборы приводили к разногласиям или когда несколько соискателей считали себя избранными то иногда для улаживания спора обращались к архиепископам; но чаще всего обращались к папе, и

таким образом архиепископ терял право решать вопросы об избирательных соисканиях. Кроме того, вмешательство папы испрашивалось либо избирателями, либо выбранным для утверждения выборов. С этого времени папа, утверждавший раньше только архиепископов, утверждает и их викариев. К концу XII в. лишь немногие епископы не обращались к папе за утверждением; большей частью они называли себя: «Епископ по милости Божьей и св. апостольского и римского престола». Что касается посвящения, то в принципе оно всегда принадлежало архиепископу; но когда на последнем тяготело какое-нибудь каноническое наказание или когда он отказывался посвятить избранного, то опять-таки вмешивался папа и все более укоренялось мнение, что архиепископ есть в сущности уполномоченный папы, которого папа всегда может лишить полномочия. Таким образом, реформа духовенства оказалась губительной для архиепископской власти.

Некоторые историки обвиняли Григория VII и его преемников в том, что они будто бы желали присвоить святому престолу верховную власть над епископами, но это мнение не подтверждается ни одним документом той эпохи. Напротив, оно противоречит тексту и духу канонического права. Точно так же папы не были, как думают некоторые, систематическими противниками архиепископов. В 1135 г. Иннокентий II писал архиепископу Компостеллы, «что св. престол стремился вовсе не к тому, чтобы отнять у других церквей их прерогативы, а к тому, чтобы отстоять свои собственные». Теоретически это было совершенно верно. Папа ни в каком отношении не умалил власти архиепископов; он только занял место рядом с ними. Только папство черпало в своем происхождении силу для расширения своей власти и авторитет, какими не могли обладать архиепископы: власть папы вытекала из божественного права, власть архиепископа – из права церковного; первая основывалась на Евангелии, вторая – на простых канонах. Вот где следует искать тайну различия их судеб.

В управлении церковью папа не всегда действовал самостоятельно; он пользовался помощью *легатов* и *примасов*. Апостольскими легатами назывались духовные лица, которые

назначались папой и являлись его представителями – либо постоянными в известной области, либо временными в одном каком-нибудь деле. Они действовали от имени папы в пределах данного им полномочия; но иногда они преступали границы своего полномочия и действовали собственной властью. В XIII в. они нередко злоупотребляли своей властью. Таким образом, это учреждение, которое в предшествующем веке было вообще хорошо принято и пользовалось уважением, теперь стало вызывать жалобы, затрагивавшие и св. престол. Александр IV был огорчен этим; в письме к архиепископам Франции он называет поведение некоторых своих легатов «святоотатственной дерзостью». Наряду с легатами, служившими могущественным орудием централизации, Григорий VII пытался учредить должность примасов – может быть, под влиянием Лжеисидоровых декреталий, теория которых по этому вопросу достаточно известна. В 1079 г. он даровал лионскому архиепископу приматство над Санской, Турской и Руанской провинциями. В 1089 г. Урбан II пожаловал реймскому архиепископу титул примаса Второй Бельгии. В 1126, 1208 и 1238 гг. рядом папских указов были утверждены притязания буржского архиепископа, который именовал себя патриархом и примасом Аквитании, претендуя тем самым на приматство над Ошским, Бордоским и Нарбоннским архиепископствами. В пределах всего своего округа примасы должны были исполнять обязанности папских викариев, но епископы, преклонившиеся перед легатами, отказались подчиниться примасам. Ввиду их энергичного сопротивления, звание примаса, которого часто добивалось несколько соискателей, становится вскоре чистой синекурой.

Отношение папы к светским князьям; папское верховенство. В отношениях папы к христианским князьям необходимо сделать различие, которым обычно пренебрегают историки и которое, однако, имеет важное значение. Действительно, князей можно рассматривать с двух точек зрения: они одновременно и христиане, и главы государств.

Как христиане князья были естественно подчинены тем же обязательствам, как и остальные христиане, и если они совершали преступление, то должны были нести такие же

наказания. С этой точки зрения король-прелюбодей, грабитель церкви или убийца духовного лица подлежал отлучению от церкви наравне с последним из своих подданных: каноническое право не допускает для одних и тех же проступков различных наказаний, приноровленных к рангу виновного. И пап нельзя упрекнуть в том, чтобы они в этом отношении отступали от своих обязанностей. Филипп I и Филипп Август, не говоря уже о вельможах, были отлучены за прелюбодеяние; многие германские императоры были отлучены во время спора из-за инвеститур как грабители церкви, Болеслав Польский – как убийца св. Станислава (1079), Генрих II Английский и тулузский граф Раймонд VI – как подстрекатели к убийству Фомы Бекета и Петра Кастельно. Во всех этих случаях папе приходилось решать не политический, а церковно-юридический вопрос; папа, по выражению Иннокентия III, *non iudicabat de feudo, sed decernebat de peccato*.

Но иногда папа шел далее. Когда отлучения было недостаточно, он налагал интердикт на королевство виновного. Так, Александр III в 1180 г. наложил интердикт на Шотландию, Иннокентий III в 1200 г. – на Францию, в 1208-м – на Англию и владения графа Тулузского. В таком случае церковная служба прекращалась до нового приказа, двери церквей были заперты, иконы завешаны, колокола молчали. Нередко население в отчаянии восставало против упрямого князя, чтобы заставить его просить отпущения. Папа мог также освобождать подданных государя от клятвы верности, как сделал Григорий VII по отношению к Генриху IV (1076), Иннокентий III – по отношению к Раймонду VI (1208). Он мог даже в крайнем случае объявить государя низложенным, как это сделали те же папы с Генрихом IV (1080) и Иоанном Безземельным (1212), Иннокентий IV – с императором Фридрихом II (1245). Но во всех этих случаях, чем бы ни была вызвана та или другая мера, она несомненно поражала в государе не только христианина, но и главу государства. Тогда вопрос осложнялся и затрагивал уже сами отношения между духовной и светской властью.

В этой последней области папы, начиная с Григория VII, держались весьма ясной теории: папство, имеющее власть

на небе и над душами, должно господствовать над королевской властью, повелевающей лишь на земле и только телами. Короли заимствуют свою власть от главы церкви, как луна – свой свет от солнца; их королевства суть лены, пожалованные им Богом. Оба меча, которыми управляется мир, служат церкви: один из них держит в своих руках сама церковь, другим владеют государи, пока это приказывает или терпит папа. Однако если папа может отнять у князей светский меч, которым они владеют, то он не может уничтожить этот меч, представляющий собой божественное установление. Напротив, он желает, чтобы между папством и империей, как между душой и телом, существовало тесное единение, «которое вместе с благоденствием империи обеспечивало бы и свободу церкви, вместе с телесным спокойствием – спасение душ, вместе с правами духовенства – права государства». Такова вкратце теория, изложенная в письмах и буллах Григория VII, Иннокентия III и Бонифация VIII, то есть тех трех пап, которые с наибольшей энергией отстаивали верховные права св. престола. Было бы, конечно, слишком смело утверждать, что эти папы хотели преобразовать христианское общество во всемирную абсолютную монархию, главой которой был бы папа; но очень вероятно, что они желали связать все христианские государства со св. престолом своего рода феодальными узами, которые обеспечивали бы их покорность, не уничтожая их независимости.

Эта теория настолько согласовалась с идеями эпохи, что неминуемо должна была, по крайней мере отчасти, осуществиться на практике, вопреки противоположным теориям, выставленным королевскими легистами. И вот папа коронует императора, и император играет при папе роль оруженосца. «Папа владеет обоими мечами, – говорит Швабское зеркало, – он оставляет себе духовный меч и отдает императору светский; когда он садится на своего белого коня, император должен держать ему стремя». Той же идеей объясняются отлучение из-за политических причин, интердикт, низложение, разрешение подданных от клятвы. Ею же объясняется и вмешательство папы во внутренние дела государств в качестве ли посредника между государем и его

подданными, в качестве ли примирителя двух враждующих князей или в качестве судьи между двумя претендентами на престол. В Испании Александр III учреждает Португальское королевство и отдает его герцогу Альфонсу. Польша, Венгрия и Норвегия обращаются к Иннокентию III с просьбой решить спор между двумя претендентами. В Англии он выступает посредником между Иоанном Безземельным и английскими баронами (1215). В Лангедоке, во время крестового похода против альбигойцев, его легаты раздают победителям поместья побежденных. Но, без сомнения, самое характерное в этой группе явлений – то, что князья очень часто более или менее добровольно вручают папе свои владения или короны, чтобы затем получить их от него обратно в виде феода. Первый пример такого добровольного вассалитета подала тосканская графиня Матильда, принявшая свои аллоды в лен от папы Григория VII.

В 1088 г. граф Петр Субстантский принимает в лен от Урбана II графство Магеллонское, которое он перед тем передал Григорию VII. В 1204 г. Педро II Арагонский обращает свое королевство в апостольский феодал. Князь болгарский Иоанница и португальский король Санчо I также признают себя вассалами святого престола. В 1213 г. Иоанн Безземельный обязуется платить папе дань в тысячу ливров и принимает от него в лен свое королевство. Казалось, мечта Григория VII осуществляется и все венценосцы мира стремятся «опереться на апостольский престол, чтобы на земле воцарились единство, правосудие и мир».

С другой стороны, папы средних веков, убедившись в том, что светское верховенство является одной из вернейших гарантий независимости церкви, стремятся сохранить неприкосновенным или даже расширить «наследие св. Петра», которое им удалось приобрести благодаря поддержке Карла Великого. В 1115 г., во время правления Пасхалия II умерла графиня Матильда, завещав свои аллоды св. престолу. В 1198 г., тотчас по вступлении на престол Иннокентий III направил свои усилия на то, чтобы собрать рассеянные владения св. престола; ему удалось вернуть Анконскую марку и приобрести Сполетское герцогство. В следующем веке Николай III после долгих переговоров приобрел и Романью (1278).

В то же время папское владычество распространялось и в Северной Европе, благодаря обращению в христианство новых народов. В XII в. померанцы и ливонцы, в XIII – пруссы и финны и несколько позже – лапландцы и литовцы одни за другими принимают христианство. Сам Константинопольский император соглашается признать авторитет св. престола¹, и второму Вселенскому Собору в Лионе (1274) удалось то, чего безуспешно добивались соборы 1215 и 1245 гг., – примирить греческую церковь с католической. Правда, восемь лет спустя раскол возобновился; но в течение этих нескольких лет, когда он казался устранившимся навсегда, папа приобрел такое же верховенство над Восточной и Северной Европой, каким он уже раньше обладал по отношению к Западной и Центральной.

В эту минуту папское верховенство, которому вскоре суждено было пойти под уклон, достигает во всех отношениях высшей точки своего развития. Папа – владыка области св. Петра, сюзерен королей, духовный вождь всего христианства – занимает высшее место в цивилизованном мире; и когда с тиарой на голове, в той пышной и торжественной обстановке, которая отныне окружает его, провозглашает свои законы «во имя Иисуса Христа» или посылает вселенной благословение *urbi et orbi*, он не только является стражем общественного права, оплотом против цезаризма, но и фактически разыгрывает роль представителя Бога на земле, «наместника Христова»².

¹ См. ниже, глава 15.

² Этот выразительный титул был принят Иннокентием III; до него папы называли себя просто «наместниками св. Петра».

Крестовые походы

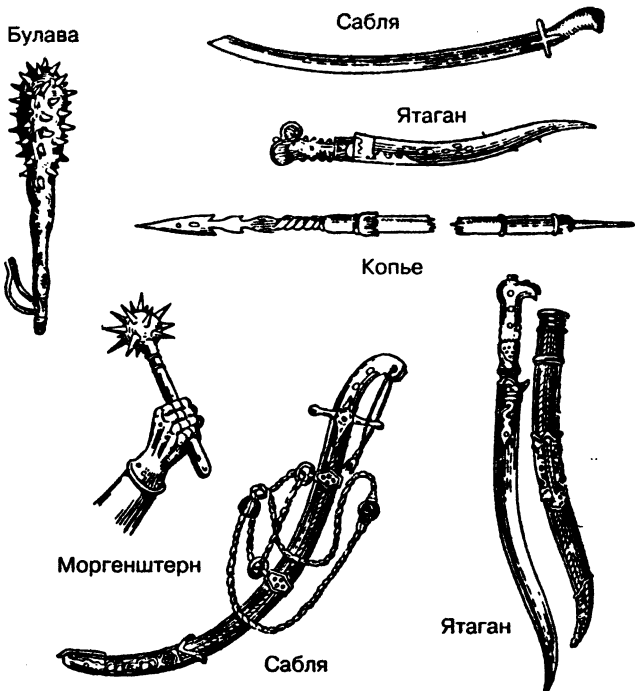
Восток в XI в.

Мусульманские государства Востока. Христианские государства Востока. Святой Гроб.

Мусульманские государства Востока. К концу XI в. Восток уже почти в течение пяти веков разделен между византийской христианской империей и арабскими мусульманскими государствами. Сами мусульмане также разделены. На Востоке не только существуют два враждебных друг другу халифа – ортодоксальный в Багдаде и схизматический в Каире¹, но и эти халифы являются государями лишь по названию, в действительности же власть находится в руках их генералов и воинов.

Наиболее могущественными из мусульманских народов были турки, пришедшие из Туркестана и поступившие на службу к багдадским халифам. Один из их вождей, Сельджук, утвердившись в Бухаре, соединил их в один народ, названный по его имени турками-сельджуками. Один из преемников Сельджука, Тогрул-Бек, прославился своим благочестием: он ежедневно совершал все пять молитв, предписанных Кораном, постился два раза в неделю и основал мечети во всех своих городах. Багдадский халиф, в вой-

¹ Схизматики этой категории не признают ни *сунны*, то есть предания, ни наследственности халифов. Они признают лишь потомков Али и его жены Фатимы, дочери пророка. В Египте халифами были тогда *Алиды* или *Фатимиды*; Алиды или Фатимиды и их приверженцы назывались *шиитами* — слово, которое сделалось синонимом схизматика.

Оружие воинов турецкого Сельджукского государства
в XI–XII в.

ске которого все генеральские посты были в то время заняты персидскими шиитами, призвал к себе на помощь этого благочестивого мусульманина, приказал провозглашать его имя в молитвах вслед за своим и даровал ему титулы *царя Востока и Запада, повелителя верующих*. С этих пор турецкий султан становится истинным властелином Багдадского халифата и старается путем завоеваний расширить его пределы. Один из этих султанов, Алп-Арслан, напал на Византийскую империю и завоевал Армению.

В 1072 г. Алп-Арслан, Храбрый Лев, умер, и так как его наследники не могли прийти к соглашению между собой, то его империя распалась на несколько королевств, каждое – с отдельным турецким султаном во главе. Один из них – Солиман, иконийский султан, отнял у константинопольских хрис-

тиан все, что у них еще оставалось в Малой Азии, и основал свою резиденцию в богатом городе Никее. Тогда Малая Азия образовала Румское султанство, то есть страну римлян (так как Византийская империя сохранила название Римской). Христиане остались там, но как подданные, обязанные платить подушную подать; церкви были у них отняты.

Другие турецкие вожди завоевали Сирию, которой в течение целого столетия владели египетские халифы, и где греки удержались в Антиохии до 1085 г. Тогда сельджукские князья появились в Антиохии, Дамаске, Алеппо и Триполи.

Все эти княжества были чисто военными государствами. Население, состоявшее из земледельцев, ремесленников и купцов, большей частью христиан разных сект, не принимало никакого участия в управлении и только платило налоги; оно обычно пассивно переходило из-под власти одного государя под власть другого и относилось довольно индифферентно к перемене своих властителей. Как во всех мусульманских странах, каждая религиозная община составляла здесь почти самостоятельную группу, управляемую своими духовными главами; революции не интересовали никого, кроме княжеских фамилий, их приближенных, фаворитов и воинов.

Князь был прежде всего военачальником: он часто носил простой титул *эмира* (начальника). Резиденция его находилась в укрепленном городе, который был окружен толстой стеной с башнями по углам; над городом обычно господствовала цитадель. Здесь же, в самой резиденции или в ее окрестностях, располагалась толпа воинов, которые и составляли опору князя.

Как и на Западе, воины составляли привилегированный класс, живший за счет податей, которые взимались с земледельцев и купцов, и пользовавшийся особенным вниманием князей; за службу свою они получали жалованье или поместья. Но эти пожалования не становились наследственными, как лены на Западе, и таким образом мусульманские воины всегда оставались в зависимости от вождя, у которого они находились на службе. Как и на Западе, воины сражались, как правило, верхом; они также имели своих оруженосцев, военные упражнения, поединки и чувство

Женщина, погоняющая верблюдов. Миниатюра XIII в.

рыцарской чести. Но западные рыцари представляли собой тяжелую кавалерию, тяжеловооруженную и на неповоротливых лошадях, а восточные – ездили на быстрых конях и употребляли в сражениях легкое оружие – саблю с тонким и хорошо отточенным лезвием, острым, как бритва, копье из тростника и деревянный лук; их оборонительное оружие состояло только из легкого деревянного щита и подбитого шерстью плаща.

Как велик был контраст между неповоротливыми христианскими рыцарями и ловкими кавалеристами Востока, хорошо видно из следующего анекдота, рассказанного шайзарским эмиром Усамой. Этот эмир отправился с каким-то требованием к иерусалимскому королю Фулько. Король, между прочим, сказал ему: «Мне говорили, что ты – благородный рыцарь. Но я сам совсем не узнал бы этого». «Государь, – ответил Усама, – я рыцарь на манер моей расы и моей фамилии. У нас больше всего ценят в рыцаре худощавость и высокий рост».

Эти воины набирались среди авантюристов самых различных племен: так как происхождение в глазах мусульман

не играет никакой роли, то единственным условием для того, чтобы быть допущенным в их ряды, была мусульманская вера. Таким образом, князья имели на своей службе арабов, курдов, берберов, христианских или византийских ренегатов и черкесских рабов, купленных у кавказских горцев. Но главную силу их армий, начиная с XI в., составляли толпы турецких кавалеристов.

Эти мусульманские княжества беспрестанно возникали и распадались, в зависимости от случайностей войны, интриг между князьями, наследования, разделов или вымирания фамилий; были и такие князья – особенно в сирийских горах, – все владения которых заключались в одной крепости с прилежащим к ней округом¹. Над этими эфемерными княжествами и миниатюрными государствами возвышались князья, превосходившие всех остальных своим могуще-

¹ Типичный образец таких маленьких княжеств представляет собой Шайзарское (Кесарийское) княжество, находившееся во власти фамилии Мункидитов. Оно хорошо известно благодаря автобиографии одного из этих князей, Усамы, воина и поэта. См. в «Publications de l'Ecole des langues orientales» ст. II: *Derembourg. Ousâma Ibn Mounkidh, un emir syrien au premier siècle des croisades*, t. 1, 1889.

Арабы, навьючивающие верблюда. *Миниатюра XIII в.*

ством. Таковы были эмиры Халебский и Дамасский в Сирии, в Египте – военачальники, правившие страной от имени Каирского халифа, фатимида; таков был в особенности турецкий князь, наследник Сельджукидов, утвердившийся в области Евфрата, откуда он господствовал над Месопотамией и Ираном и всегда мог броситься к западу на Малую Азию или к югу на Сирию. Начиная с конца XI в., этот князь носил турецкий титул *атабека* (регента или опекуна) и жил обыкновенно в Моссуле.

Официально эти князья находились в зависимости от того или другого из багдадских или каирских халифов; они приказывали провозглашать его имя на общественных богослужениях; что в мусульманских странах служит признаком подданства. К концу XI в. номинальное господство багдадского халифа простиралось над всей передней Азией и Сирией; владычество египетского халифа было ограничено Египтом, Палестиной и Северной Африкой. В действительности князья, подчиненные халифам, постоянно воевали друг с другом, и каждый стремился стать независимым государем. Но во время общей опасности турецкие султаны, господствовавшие в области Евфрата, составляли естественный центр, вокруг которого группировалась конфедерация из всех мусульманских князей и воинов Малой Азии и Сирии.

Христианские государства Востока. Единственным христианским государством в Азии была тогда Армения, расположенная среди крутых скал Тавра, между Малой Азией и Сирией. Христиане явились сюда из кавказской Великой Армении, подвергавшейся в XI в. нападениям как со стороны Сельджукидов, так и со стороны византийцев, которые и разделили между собой власть над ней. В 1078 г. последний царь из династии Багратидов, столь могущественной и славной в IX и X столетиях, бежал в византийскую Каппадокию и был убит там греками. Эмигранты из Великой Армении присоединились к своим братьям в Малой Армении, которая уже давно имела своих отдельных князей.

В непроходимых горах Тавра армяне приступили к реорганизации своего государства. Рубен, или Рупен, воин, производивший свой род от Багратидов, провозгласил себя их князем и таким образом положил начало династии Рубени-

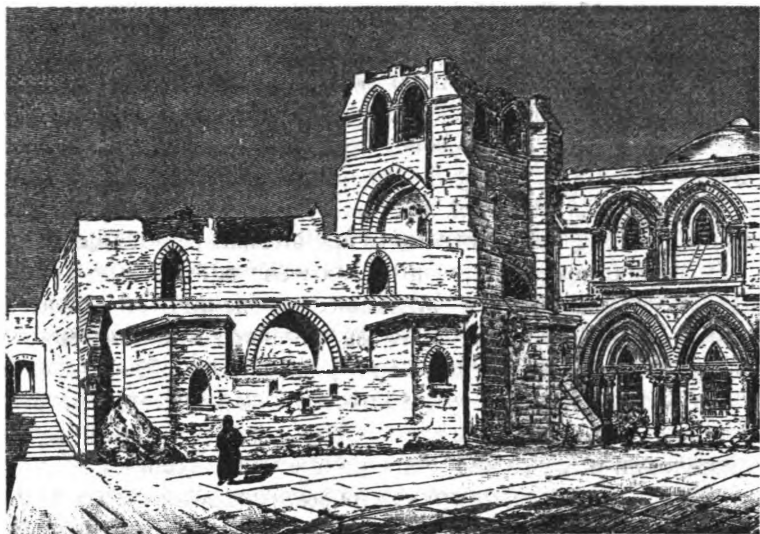
дов. Эти князья сначала основали свою столицу в Сизе, расположенной в одноименной долине. Впоследствии, когда они завоевали Тарсу и перенесли сюда свою резиденцию, Сиза служила им главным убежищем при иноземных нашествиях. Согласно армянскому обычаю, под властью *такавора* (верховного князя или короля) находилась в каждом округе военачальническая фамилия, жившая с отрядом воинов в укрепленном замке и наследственно управлявшая населением.

Духовенство сохранило литургию на армянском языке, свое монофизитское учение, священников, епископов и верховного главу, католикоса, который не зависел ни от Константинополя, ни от Рима и жил в одной из горных крепостей.

Эта новая Армения сумела отстоять свою независимость против турок и греков и даже завоевала у последних часть Каппадокии и Киликии. Она играла видную роль в истории крестовых походов и почти всегда была союзницей латинян¹.

Святой Гроб, то есть гробница Христа, воздвигнутая в Иерусалиме христианскими императорами, пользовался уважением со стороны арабов-завоевателей. В течение пятивекового господства мусульман в Иерусалиме христиане не переставали приходить на поклонение св. Гробу. В XI в., в период наибольшей напряженности религиозного чувства, эти паломничества становятся более частыми. В том случае, когда христианину приходилось искупать убийство или какое-нибудь другое преступление, церковь обычно предписывала ему в виде эпитимии паломничество к какой-нибудь далекой святыне – в Рим, Сантьяго де компостела или Иерусалим; это был способ избежать более тяжелого наказания. Из всех святынь наиболее почитаемой была Гробница Христова; прикосновение к ней было самым действенным средством искупить свои грехи. Кающиеся небольшими группами садились на корабль в какой-нибудь из итальянских гаваней, высаживались в Сирии, караванами отправлялись в Иерусалим и босые приходили приложиться к св. Гробу; многие из них купались в Иордане и уносили с собой пальмовые ветви с Иерихона. Они стекались сюда из всех стран Европы, даже из Норвегии. В 1064 г. архиепис-

¹ См. ниже, IV.

Храм Гроба Господня (южный портал).

Церковь была построена крестоносцами на месте, почитаемом христианами как место погребения Христа. До 1808 г., когда это здание разрушил пожар, оно не претерпевало значительных изменений. После пожара его грубо восстановили греки. В этом состоянии оно и изображено.

коп Майнцский привел с собой толпу паломников в 7 тысяч человек. Существовали небольшие путеводители для богомольцев, где были указаны святыни и реликвии св. земли.

Эти паломники находили св. Гроб во власти мусульман, и хотя им обычно позволяли беспрепятственно молиться перед святынями, им казалось, что освобождение св. Гроба от власти нечестивых было бы делом приятным Христу. Таким образом, причину крестовых походов следует искать не столько на Востоке, в тогдашнем состоянии мусульманского мира, сколько на Западе в настроении умов христианского общества в конце XI в. Впрочем, греческий император Алексей Комнин находился в сношениях с папой Урбаном II¹.

¹ В 1093 г. на соборе, который созвал Урбан II в Пьяченце, греческое посольство ходатайствовало перед папой о поддержке против турок.— *Прим. перев.*

Первый крестовый поход

Клермонский собор. Выступление крестоносцев. Крестоносцы в Константинополе. Крестоносцы в Малой Азии. Взятие Эдессы. Взятие Антиохии. Раздоры между крестоносцами. Взятие Иерусалима.

Клермонский собор. В течение XI в. христианское общество преобразовалось. Церковь поднялась из упадка; папа, освободившись от влияния императора, был признан главой всего христианского мира; монастыри, преобразованные по образцу Клуни, аскеты, ведущие жизнь древних отшельников, способствовали восстановлению в Европе благочестия и уважения к церкви. Христианские войны, рыца-

Проповедь крестового похода

ри, организовались: они усвоили однообразную тактику и могли теперь действовать сообща. До сих пор они воевали большей частью друг с другом; папа внушил им мысль соединиться против врагов христианства. Крестовые походы были результатом союза между рыцарством и папством.

Уже в 1074 г. Григорий VII выражал желание лично повести христианских рыцарей «на борьбу с врагами Господа до Гробницы Спасителя». Но ему еще приходилось защищаться против немецкого императора, и он ничего не мог предпринять. Урбан II, француз знатного происхождения, пользовался большим уважением, чем какой бы то ни было из его предшественников; особенно была ему предана французская знать; он мог, наконец, осуществить план Григория VII.

Осенью 1095 г. Урбан отправился во Францию, чтобы руководить собором, созванным с целью преобразовать французскую церковь и осудить короля Филиппа, который отказывался принять обратно свою жену. Собор открылся 18 ноября в Клермоне; на нем присутствовало 14 архиепископов, 250 епископов, более 400 аббатов и тысячи рыцарей из Южной Франции, не говоря уже о несметном количестве простого народа. Вся эта толпа не могла поместиться в городе; были разбиты палатки на поле. Когда 26 ноября собор закончил свою работу, папа собрал всю толпу под открытым небом и произнес речь о св. Гробе¹; он увещевал рыцарей взяться за оружие, чтобы защитить Христа против неверных «сыновей Агари», и напоминал им слова Евангелия: «Пусть каждый отречется от себя и возьмет свой крест». Толпа, охваченная энтузиазмом, разразилась криками: «Так хочет Бог! Так хочет Бог!» Это был боевой клич крестоносцев. Епископ города Пюи Адемар Монтейльский преклонил колена перед папой и просил благословить его на поход к св. Гробу. Тысячи рыцарей последовали его примеру. На память о слове Христове они прикрепляли к плечу крест из материи (обычно красной), который с этих пор становится знаком крестоносцев, отправляющихся в св. землю. Выступая в поход, они прикрепляли его спереди, возвращаясь – на спине. Отсюда их название *крестоносцы*.

¹ Текст этой речи не дошел до нас, но мы имеем рассказ четырех лиц, которые слышали ее.

Папа тотчас издал указ относительно похода. Всякий, берущий крест, дает обет: он обязывается воевать с неверными и не возвращаться на родину, пока не побывает у св. Гроба. Взамен церковь освобождает его от всех эпитимий, которые он навлек на себя своими грехами. «Всякий, — гласит декрет, — кто отправится в Иерусалим для освобождения церкви Божьей единственно из благочестия, а не для приобретения почестей или денег, заслужит своим путешествием полное отпущение грехов». Таким образом, крестоносец становится паломником, человеком церкви: во время его паломничества кредиторы не могут преследовать его; всякий, кто протянет руку к его имуществу, подлежит отлучению.

Выступление крестоносцев. Французские рыцари и папа решили вопрос о крестовом походе в минуту энтузиазма, не обдумав его заранее. Было установлено, что рыцари выступят 15 августа будущего года и соединятся в Константинополе. Монахи и священники начали объезжать Францию и Германию, проповедуя крестовый поход.

Самым знаменитым из этих проповедников был отшельник, живший в окрестностях Амьена, Петр, который уже ранее совершал паломничество в св. землю, человек невы-

Крестоносцы в походе: пилигримы и рыцари.
Миниатюра из рукописи конца XIII или начала XIV в.
«De Passagiis in Terram Sanctam». Венеция

Крестоносцы в море.

На одном из кораблей – флаг с навершием в форме креста.

Миниатюра из рукописи конца XIII или начала XIV в.

«De Passagiis in Terram Sanctam». Венеция

сокого роста, худощавый, со сверкающим взором, одетый в плащ с капюшоном, подпоясанный веревкой; он проповедовал преимущественно между крестьянами.

Таким образом, на севере Франции собралась толпа жалких крестьян, плохо вооруженная и без провизии, которая двинулась в путь вместе с женами и детьми под предводительством Петра Пустынника и одного бедного рыцаря, Вальтера Голяка. Они прошли через Германию и, спустившись вдоль по Дунаю, достигли Константинополя.

Той же дорогой пошли и другие отряды, образовавшиеся в Германии на берегах Рейна; перед одним из этих отрядов выступали *коза* и *гусь*, священные животные древней германской мифологии, которые должны были служить вожаками экспедиции. Перед выступлением крестоносцы перебили в рейнских городах евреев как врагов Христа и разграбили их дома; когда архиепископ Кельнский спрятал евреев в первом этаже своего дома, толпа разбила дверь топорами и перерезала несчастных.

Часть крестоносцев погибла в битвах с венграми и болгарями, которые, будучи раздражены их буйным поведением, решили не пропускать их через свою страну. Те из крестоносцев, которые дошли до Константинополя, начали грабить его: они срывали свинец с церковных крыш и про-

давали его грекам. Они не хотели ждать рыцарей и заставили Петра Пустынника тотчас вести их против турок. Двумя отрядами они расположились под Никеей; одни, запертые в своем лагере, где они умирали от жажды, сдались или были избиты; другие напали на турок и потерпели поражение. Лишь немногие спаслись вместе с Петром Пустынником; по словам летописцев, кости христиан образовали холмы на Никейской равнине.

Спустя несколько лет возникла легенда, что настоящим инициатором крестового похода был Петр Пустынник, который и убедил папу взяться за это дело. Во время своего паломничества в Иерусалим он заснул в церкви св. Гроба и во сне увидел Спасителя, который сказал ему: «Петр, дорогой сын мой, встань, иди к моему патриарху, и он даст тебе письмо твоего посланничества. Расскажи на твоей родине о жалком положении св. мест и пробуди сердце верующих, чтобы они освободили Иерусалим от язычников». Петр взял у иерусалимского патриарха письмо, отнес последнее к папе и получил разрешение проповедовать крестовый поход. Эта легенда пришлась по душе экзальтированным христианам, которым светское духовенство казалось недостаточно преданным делу веры; было приятно думать, что зачинщиком крестового похода был не папа, а отшельник.

Приготовления к экспедиции, которая была решена на Клермонском соборе, закончились лишь через год. В ней участвовало, по преданию, 100 тысяч рыцарей и 600 тысяч пехотинцев; но установить точное число крестоносцев нет никакой возможности (папа в одном письме говорит о 300 тысяч человек). Вооружение рыцарей состояло из копья и кольчуги; их сопровождали слуги и повозки с провизией. Все крестоносное войско разделилось на четыре ополчения, которые шли до Константинополя разными путями:

- 1) провансальцы и итальянцы под предводительством папского легата и тулузского графа Раймонда IV шли через Италию, Далмацию и Эпирские горы;

- 2) немцы и северные французы спустились вдоль Дуная под начальством Балдуина Геннегауского, Рено и Петра Тульского, Гуго де Сен-Поля, герцога Нижней Лотарингии Готфрида Бульонского и его брата Балдуина;

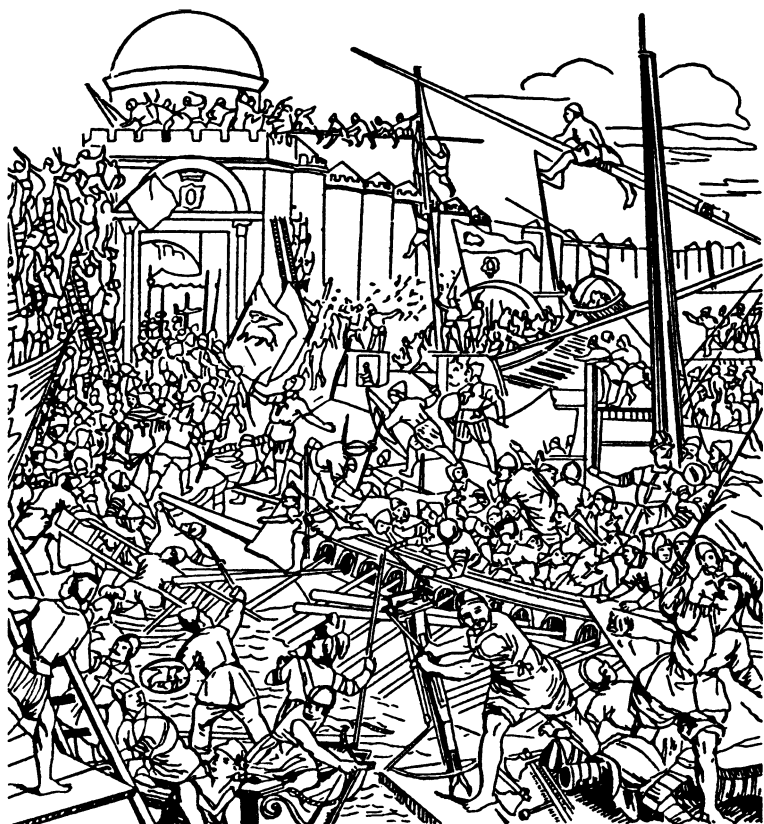
3) третье ополчение, образовавшееся в Южной Италии и состоявшее из итальянских крестоносцев и из рыцарей норманнского королевства Сицилии, под предводительством норманнского князя Боэмунда Тарентского и его племянника Танкреда переправилось через Адриатическое море и шло далее через Эпир и Фракию;

4) крестоносцы Северной Франции под предводительством брата французского короля, графа Гуго Вермандуа, герцога Нормандского Роберта, графов Шартрского и Фландрского прошли Италию до Брундизия и далее направились тем же путем, что и Раймонд.

Эти полчища не представляли собой настоящих армий; каждый крестоносец совершал поход на собственный страх, не будучи никому обязан повиновением. Они естественно сгруппировались вокруг наиболее известных сеньоров, но не обязались слушаться их приказаний и по произволу переходили от одного к другому. Папский легат Адемар не был полководцем и мог иметь лишь нравственное влияние.

Позже, когда Готфриду Бульонскому было поручено управление Иерусалимом, возникло представление, будто он с самого начала руководил походом, и вокруг его имени сложилась целая легенда. Его изображали идеалом рыцаря — одновременно и храбрым, и смиренным; одним ударом меча он отрубал голову быку или разрубал турка до пояса; он нес императорское знамя, собственноручно убил узурпатора Рудольфа и первый водрузил знамя императора на стенах Иерусалима. В действительности он провел свою жизнь в мелких битвах, но, по-видимому, он выделялся из среды остальных рыцарей своей набожностью и бескорытием.

Крестоносцы в Константинополе. Крестоносцы отдельными отрядами прибыли в Константинополь (1096). Западные рыцари, выдавшие только местечки и одноэтажные деревянные дома, были поражены при виде этого огромного города с мраморными дворцами, золотыми куполами церквей и широкими улицами, наполненными народом. Это богатство возбуждало в них зависть, а греки-схизматики не внушали им почтения. Дочь императора, Анна Комнина, с негодованием рассказывает о том, как вели себя крестоносцы в Константинополе. Во время одной церемонии один из

Штурм Константинополя крестоносцами в 1204 г.
(с рисунка XVI в. во Дворце дожей в Венеции)

них уселся на императорском троне, и император ничего не сказал, «издавна зная дерзость латинян». Граф Балдуин велел ему сойти с трона, объяснив, что надо следовать обычаям страны. Крестоносец вспылил и сказал, указывая на императора: «Взгляните, пожалуйста, на этого мужика, который один сидит, тогда как столько полководцев стоят на ногах».

Алексей Комнин потребовал, чтобы вожди крестоносного ополчения присягнули ему на верность, то есть признали себя его подданными. Готфрид, прибывший первым, расположился в предместье Пера; он отказался исполнить

требование императора, заявив, что будет вести переговоры лишь как равный с равным; император двинул против него войска и принудил его дать клятву верности, а затем и переправиться в Азию. Остальные князья также согласились признать себя вассалами императора и обязались отдать ему все города Малой Азии, которые они отнимут у неверных.

Уже эта первая встреча обнаружила ту глубокую ненависть, какую питали друг к другу крестоносцы и византийцы: византийцы находили, что латиняне грубы и нахальны, и жаловались на их грабительства; крестоносцы обвиняли греков в том, будто последние хотели отравить или предать их, и называли их трусами и лжецами. Они взаимно попрекали друг друга их верой. Искреннее соглашение между греками и католиками было невозможно. Император хотел воспользоваться крестоносцами, чтобы одолеть турок и завоевать Азию. Западные князья стремились сделаться самостоятельными государями на Востоке и не хотели подчиняться императору.

Крестоносцы в Малой Азии. Спеша избавиться от крестоносцев, император переправил их через Босфор. Вместе с византийским отрядом они осадили Никею и разбили турецкое войско, присланное никейским султаном, чтобы освободить его столицу (июнь 1097 г.); но в ту минуту, когда Никея уже готова была сдаться, греки тайно вступили в соглашение с осажденными, были впущены ими в город и заперли ворота перед крестоносцами.

После этого армия двинулась в глубь Малой Азии; вначале ее тревожили турецкие конные отряды, но когда последние напали на нее в открытом поле, близ Дорилеи, то христианские рыцари нанесли им жестокое поражение. Теперь крестоносцам предстояло пройти безлюдную и знойную страну, где нельзя было найти ни воды, ни съестных припасов. Во время одной стоянки умерло от жажды 500 христиан; большая часть лошадей пала; кладь везли на баранах и собаках. Рыцари принуждены были ехать верхом на волах и ослах. Тем не менее, это полчище продвигалось вперед, поддерживаемое религиозным энтузиазмом. «Мы не понимали друг друга,— говорит один французский рыцарь,— но мы были точно братья, связанные любовью, как подобает паломникам». Достигнув наконец гор Киликии,

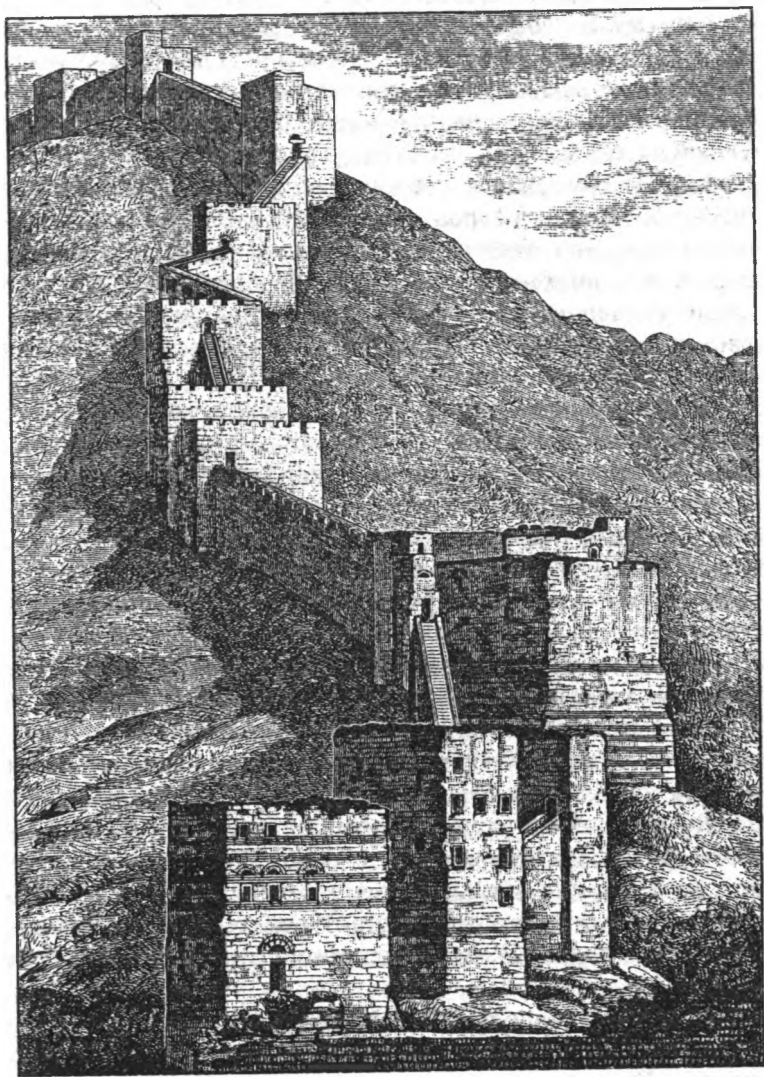
крестоносцы нашли там друзей в лице армян, которые оказали им помощь.

Взятие Эдессы. Крестоносцы стремились прежде всего достигнуть Гроба Господня, чтобы исполнить свой обет; напротив, их вожди хотели воспользоваться ими, чтобы завоевать себе княжества на Востоке. Племянник Боэмунда, Танкред, задумал утвердиться в Тарсе на киликийском берегу. Брат Готфрида Бульонского, Балдуин, затеял ссору с ним и изгнал его из Тарса, затем отделился от армии, направился на юго-восток в страну Евфрата и достиг Эдессы, где царствовал армянский князь Форос. Последний объявил его своим наследником, но Балдуин хотел воцариться немедленно; он принудил Фороса отречься от власти и сделался графом Эдессы (1098).

Взятие Антиохии. Антиохия, которую крестоносцы встретили на своем пути, была богатым торговым городом, расположенным на расстоянии одного дня пути от моря, в долине Оронта и на склоне крутой горы. В ней было 360 церквей; ее стены, снабженные 450 башнями, были так толсты, что по ним могла проехать четырехконная колесница. Ее защищал антиохийский эмир, турок по происхождению, с отборным войском.

Крестоносцы расположились на равнине перед городом; наступило время дождей, съестные припасы истощились, и в лагере начали свирепствовать голод и болезни. Чтобы взять такой крепкий город, нужны были осадные машины, а рыцари не умели их строить. Но в это время к сирийскому берегу пристал флот, на котором прибыла толпа итальянских моряков, пилигримов, искателей приключений и пиратов, привлеченная известиями о победах крестоносцев. Боэмунд уговорил их присоединиться к крестоносцам и построить осадную башню. Киликийские армяне доставили припасы.

Между тем осада продолжалась уже более года, и антиохийский эмир приобрел союзника в лице сельджукского султана Баркярока, который прислал ему на помощь мосульского эмира Кербогу с армией в 200 тысяч человек, составленной из военных отрядов всех мусульманских князей. Если бы ему удалось соединиться с осажденными, дело

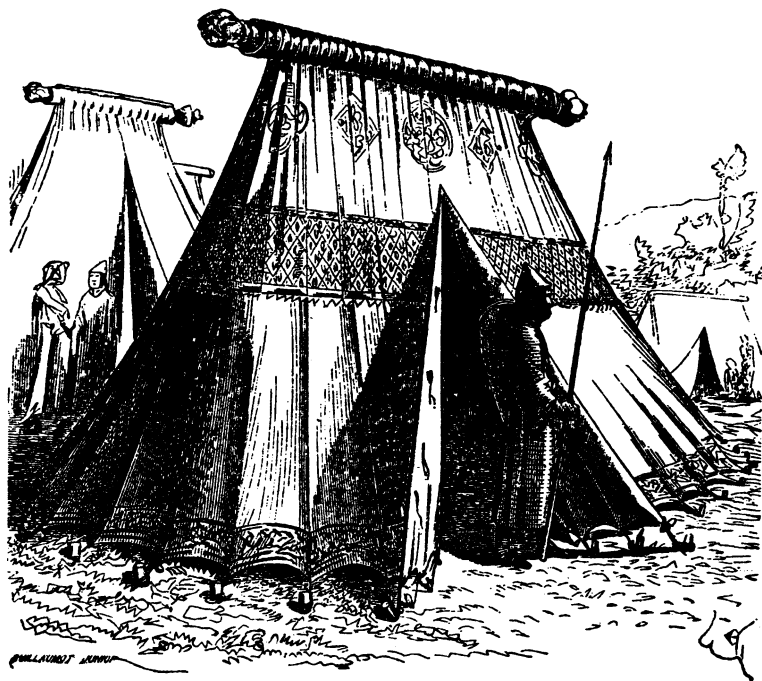

Сохранившиеся укрепления Антиохии

крестоносцев было бы потеряно. Начальник одной из антиохийских цитаделей армянин-ренегат, желая отомстить эмиру за оскорбление, предложил Боэмунду, которого он считал вождем крестоносцев, сдать ему свою башню. Боэмунд, в свою очередь, предложил остальным князьям провести их в город при том условии, что последний будет отдан ему во владение. Вожди сначала отказались, ссылаясь на клятву, данную ими императору. Приближение турецкого войска заставило их наконец уступить: они обещали Боэмунду предоставить ему Антиохию. В ночь на 2 июня 1098 г. Боэмунд провел свое войско по горным тропинкам к той башне, которой командовал армянин; на рассвете солдаты Боэмунда по лестницам взойшли на башню и овладели ею. Крестоносцы атаковали город с равнины, наполнили улицы, перебили мусульман и разграбили их дома.

Спустя три дня армия Кербоги окружила Антиохию; крестоносцы истребили все съестные припасы в городе, и голод сделался настолько мучительным, что они ели траву, древесную кору и кожаные ремни. Многие ночью спускались на веревках через стену и старались убежать в горы. Граф Стефан Блуаский вернулся во Францию, не исполнив обета.

В этой толпе людей, изнуренных голодом и отчаявшихся в спасении, посты и молитвы нередко вызывали видения. Один провансальский священник Петр Варфоломей пришел к графу Тулузскому и сообщил ему, что ему явился во сне апостол Андрей, указал в церкви св. Петра то место, где было зарыто копьё, которым был пронзен на кресте Спаситель, и сказал, что это копьё даст победу христианам. Граф послал 12 работников, которые целый день рыли в указанном месте; к вечеру Варфоломей нашел копьё близ ступеней алтаря. Провансальцы были уверены, что это есть действительно св. копьё, но норманны утверждали, что Варфоломей сам закопал его. Варфоломей предложил подтвердить истину своих слов судом Божьим и прошел через пылающий костер с копьём в руке; он выдержал испытание, но вскоре после этого умер. Его сторонники объявили, что он сгорел потому, что одну минуту поколебался в своей вере, и св. копьё осталось почитаемой святыней.

Вид военного лагеря XI в. Реконструкция Виолле-ле-Дюка

Ввиду опасности положения вожди решили выбрать (только на 15 дней) главнокомандующего; избранным оказался Боэмунд. В первый раз с начала похода появился человек, который имел право отдавать приказания. Несколько отрядов отказались идти в битву; Боэмунд велел поджечь их квартиры. Он послал гонца к Кербоге с предложением очистить город. Эмир ответил, что христиане имеют выбор между обращением в мусульманство и смертью. Все крестоносное войско выступило из города, перешло через мост на Оронте и вступило в битву с мусульманами. Кербога не останавливал их. Его войско состояло из отрядов многих мусульманских князей, которые ссорились друг с другом и плохо слушались его. Оно рассеялось при первой же атаке. Христиане разграбили покинутый лагерь Кербоги (июнь 1098 г.).

Эта война отличалась диким характером. Капеллан графа Тулузского говорит в своем повествовании: «Что касается женщин, оказавшихся в лагере, то крестоносцы не причинили им никакого другого вреда, кроме того, что пронзили им животы мечами». К армии присоединилась шайка мародеров, вождем которой был бродяга по прозвищу Король Нищих (король Тафур). Но настоящим ее руководителем был Петр Пустынник, спасшийся после гибели своего крестьянского ополчения; он сделался героем народных песен, чем-то вроде пророка, которому сам Христос вручил руководство крестовым походом. «Песнь об Антиохии» рассказывает, что он ответил своим людям, жаловавшимся на голод: «Разве вы не видите турецких трупов? Это отличная пища», и что воины Тафура изжарили и съели трупы неверных. И автор прибавляет: «Мясо турок вкуснее, чем павлин под соусом».

Раздоры между крестоносцами. Крестоносцы оставались в Антиохии несколько месяцев, отдыхая от трудов. Между ними сильно свирепствовала эпидемия; жертвой ее пал, между прочим, и папский легат Адемар (1 августа). Он поддерживал мир между вождями; после его смерти ссоры стали переходить в войны. Особенным ожесточением отличалась распря между норманнами и провансальцами. Норманнский герцог Боэмунд хотел удержать Антиохию за собой; провансский герцог Раймонд хотел, чтобы ее отдали греческому императору, который незадолго перед тем вернул под свою власть Малую Азию. Он заявил, что не уйдет из Антиохии, пока в ней останется Боэмунд. Рыцари, сгоравшие желанием идти к Иерусалиму, грозили разрушить город, из-за которого шел спор.

Наконец, в ноябре 1098 г. Раймонд выступил из Антиохии; чтобы вознаградить себя, он осадил Маарру, укрепленный город внутри Сирии; но туда же подоспел и Боэмунд, и когда город был взят, норманны и провансальцы вместе заняли его. Несколько недель прошло в раздорах. Провансальцы, потеряв терпение, подожгли город, и в это же время Боэмунд изгнал из Антиохии провансальских рыцарей, которых оставил там Раймонд. Последний направился к побережью и начал завоевывать страну Триполи. Здесь

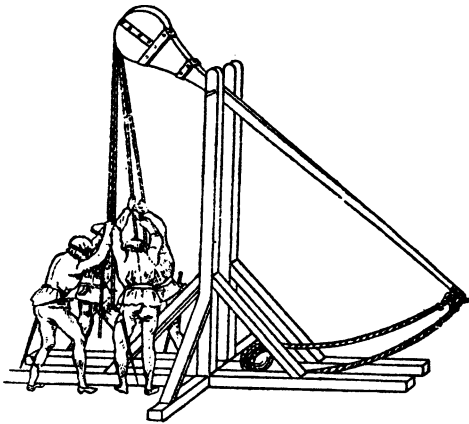
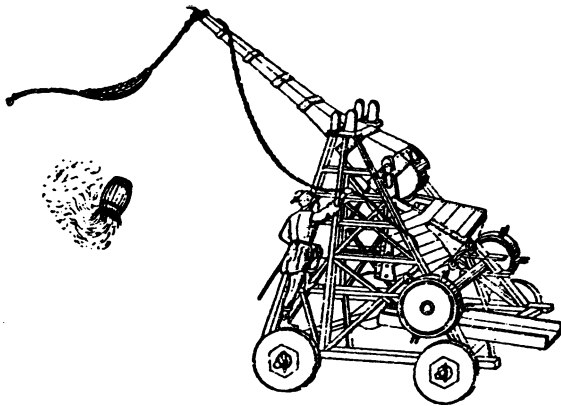
Осада

крестоносцы оставались с февраля по май 1099 г. Так как Раймонд отказывался идти дальше, желая дожидаться прибытия императора Алексея, то они подожгли свои палатки и нестройной толпой двинулись к Иерусалиму.

Взятие Иерусалима. Между тем фатимидский халиф Каира, воспользовавшись затруднительным положением сельджуков, отнял у них Иерусалим (1098); он предложил крестоносцам приходить на поклонение св. местам, но не иначе, как небольшими группами и без оружия. Вначале крестоносцы попытались заключить союз с фатимидами против сельджуков; но они не хотели оставлять св. Гроб в руках мусульман. Они шли вдоль побережья, избегая городов, и затем повернули к Иерусалиму. Их оставалось 25 тысяч человек.

Приблизившись к городу, они рассеялись и, взобравшись кучками на высоты, с которых видны были стены, по обычаю того времени простерлись на земле, благодаря Бога за то, что он привел их к св. городу. Но Иерусалим был окружен крепкими стенами; крестоносцы не могли взять их приступом; приходилось начинать правильную осаду.

В бесплодной местности, которой окружен Иерусалим, они не нашли ни съестных припасов, ни дерева для постройки машин; Кедронский ручей высох, цистерны были засыпаны; при невыносимом зное нельзя было найти для утоления жажды ничего, кроме луж зловонной воды. Генуэзские галеры, приставшие к Яффе, снабдили их съестными припасами и орудиями. Они нарубили деревьев на расстоянии нескольких миль от города и построили две деревянные башни и лестницы. Прежде, чем идти на приступ, они босиком и в вооружении совершили крестный ход вокруг города (как повелел им легат Адемар, который явился во сне одному провансальскому священнику). Штурм продолжался полтора дня. Наконец им удалось перекинуть с одной башни несколько балок, которые образовали мост между башней и стеной. Первыми перешли через него два фламандских рыцаря, затем — Готфрид Бульонский и его брат; вскоре после этого норманны с другой стороны проникли в город, пробив брешь в стене. Крестоносцы перебили всех, кого нашли в городе. В мечети Омара, куда спрята-

Баробаллистические машины

лись мусульмане, «кровь доходила до колен рыцаря, сидящего на коне». Они на минуту прервали резню, чтобы отправиться босиком на поклонение Гробу Господню, и затем снова принялись убивать и грабить (15 июля 1099 г.).

Теперь надо было подумать о том, кому вручить власть над Иерусалимом. Духовенство желало, чтобы во главе управления стоял патриарх, рыцари требовали, чтобы власть над городом была предоставлена одному из них. В конце концов выбрали Готфрида Бульонского, который получил титул защитника Гроба Господня.

Вскоре после этого армия в 20 тысяч человек, присланная из Египта, подступила к Иерусалиму со стороны Аскалона. Эта поспешность спасла христиан. Крестоносцы не успели еще оставить город; Готфрид повел их против мусульман, которые были обращены в бегство (12 августа). Но он не взял Аскалона из опасения, чтобы Раймонд не удержал его за собой.

Впоследствии рассказывали, что Готфрид был единогласно избран иерусалимским королем, но что он отклонил это избрание, не желая носить золотого венца там, где Царь царей носил терновый венец. Это изречение принадлежит графу Тулузскому или Балдуину.

Франкские государства на Востоке

Иерусалимское королевство. Основание христианских княжеств в Сирии. Организация христианских владений на Востоке. Иерусалимские ассизы. Рыцарские ордена.

Иерусалимское королевство. Крестовый поход продолжался три года. Последствием его было то, что четыре христианских князя утвердились в четырех пунктах Азии: Балдуин в Эдессе, Боэмунд – в Антиохии, Раймонд – в Триполи, Готфрид – в Иерусалиме. Это еще не были государства: христиане занимали лишь несколько укрепленных мест; но каждое из этих укреплений сделалось центром завоевания.

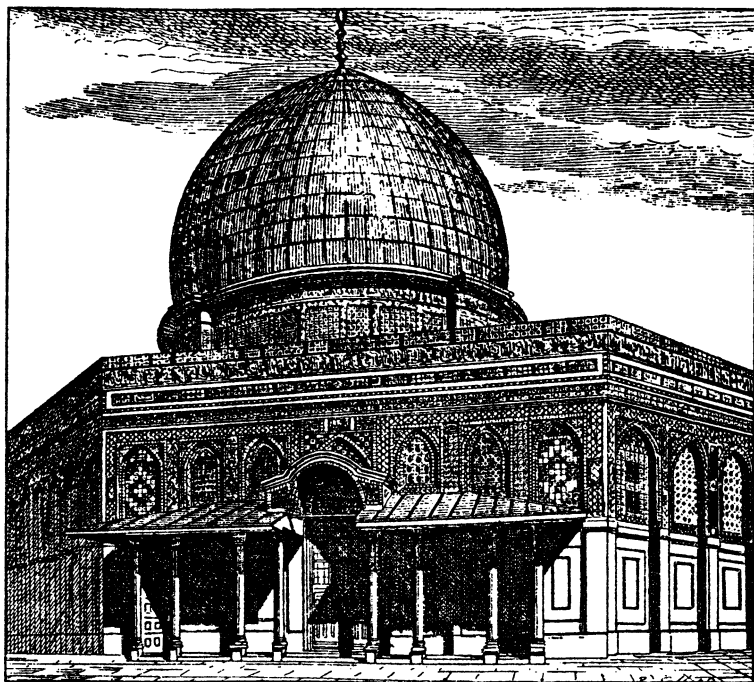
Иерусалимское королевство было вначале беднейшим из всех христианских государств Востока. Исполнив свой обет, крестоносцы вернулись на родину; остался только Готфрид с 200 рыцарей. В июне 1100 г., когда к Яффе пристало несколько венецианских кораблей, он отправился просить у них помощи; венецианцы согласились помогать ему в течение двух месяцев с тем условием, чтобы им была предоставлена треть городов, какие будут завоеваны. Готфрид умер в 1100 г. Его брат Балдуин покинул Эдессу и явился в Иерусалим, чтобы взять в руки власть над королевством. Он привел с собой 200 рыцарей и ровно столько пехотников, сколько было достаточно, чтобы занять те четыре города, из которых состояло тогда королевство: Иерусалим, Рамлу, Каифу и Яффу.

Яффа была единственной гаванью, через которую королевство могло сношаться с Европой. Один паломник, посетивший св. места в 1102 г., говорит, что дорога из Яффы в Иерусалим покрыта трупами, которых не успели похоронить, путнику на всем пути грозят нападения сарацинских всадников и всюду встречаются разрушенные деревни. «Мы погибли бы, — говорит капеллан Балдуина, — если бы мусульмане напали на нас. Бог помешал им сделать это». Королевство было настолько бедно, что пришлось уничтожить часть древних епископств, так что при христианских князьях было меньше епископств, чем во времена мусульманского владычества.

Настоящим основателем королевства был Балдуин (1100–1118). Он окончательно отразил нападения египетских армий и с помощью венецианских и генуэзских купцов постепенно завоевал все города побережья (Арсуф, Цезарею, Сен-Жан д'Акру, или Птолемаиду, Сидон и Бейрут). Тир был взят лишь в 1124 г., Аскалон — в 1153 г. Только тогда и было закончено образование Иерусалимского королевства; оно охватывало все побережье от Аскалона до Бейрута, то есть всю древнюю Финикию и часть Палестины.

Основание христианских княжеств в Сирии. В Сирии остались сначала только норманны Боэмунда, утвердившегося в Антиохии. Чтобы расширить свои владения, он осадил было Халеб, но по приглашению одного армянского князя пошел в глубь Малой Азии, был застигнут врасплох отрядом туркменских всадников, побежден и взят в плен (1100). Танкред, после тщетных попыток воцариться в Иерусалиме, отправился защищать Антиохию, на которую напали турки, и освободил ее от осады (1101).

К этому времени на Восток прибыло новое крестоносное войско. Оно образовалось под влиянием известий о победах над неверными; здесь были отряды из всех христианских стран: 50 тысяч воинов из Северной Италии с архиепископом Миланским во главе; аквитанский герцог с 50 тысяч человек; графы Бургундский, Блуаский, Неверский, епископы Ланский, Суассонский и Парижский, герцог Баварский, архиепископ Зальцбургский и маркграфиня Австрийская. За войском следовало множество женщин.

Мечеть Омара в Иерусалиме. По традиции, закладка этой мечети приписывается праведному халифу Омару (634–644).

В действительности построена в 691 г. на месте храма Соломона, над священной скалой, где якобы произошло жертвоприношение Авраама. Купол в 1190 г. перестроен

Первыми прибыли в Константинополь ломбардцы (март 1101 г.). Император хотел отправить их в Азию; они отказались и взяли приступом укрепленный монастырь в предместьях Константинополя. Весной к ним присоединились французы и немцы, которые спустились вдоль Дуная и в Болгарии отразили несколько нападений печенегов, находившихся на службе императора. Крестоносцы разделились на три армии.

Первая (около 260 тысяч человек), состоявшая преимущественно из ломбардцев и французов, выступила в поход в июне вместе с Раймондом Тулузским и отрядом византийских солдат, чтобы, пройдя Малую Азию, освободить Боз-

мунда и затем двинуться на Багдад. Она дошла до Анциры, взяла ее и отдала грекам, затем пошла вдоль реки Галиса по стране, опустошенной мусульманами. Истощенное голодом, изнуренное и расстроенное крестоносное войско не было в состоянии отразить мусульман, когда они напали на него на берегах Галиса; в конце второго дня сражения крестоносцы рассеялись и в беспорядке пустились бежать к берегу Черного моря; конница достигла Синопа, откуда затем переправилась в Константинополь; пехотинцы, священники и женщины были перебиты или взяты в плен.

Вторая армия под предводительством графа Неверского двинулась в путь несколько недель спустя, чтобы присоединиться к ломбардцам, но уже не застала их в Анцире и повернула на юг, направляясь в Сирию; но беспрестанно подвергаясь нападениям сельджуков и мучимая жаждой, она была рассеяна и истреблена у подножья Тавра.

Третья армия (аквитанцы и немцы), состоявшая, по преданию, из 100 тысяч человек, переправилась в Малую Азию, ожесточенная против императора, которого обвиняли в желании предать латинян туркам. Тысячи крестоносцев отказались вступить в Малую Азию; одни переправились в Сирию, другие вернулись домой; остальные пошли тем же путем, которым шло первое крестоносное войско, — на Никею и Иконий. В конце августа, изнуренные жаждой и усталостью, они наткнулись близ Гераклеи на мусульманское войско, бежали без сопротивления и почти все были перебиты. Вильгельм Аквитанский и Вельф Баварский спаслись. Архиепископ Зальцбургский погиб; маркграфиня Ида и множество знатных дам исчезли без следа (по одной из легенд, Ида была взята в плен турецким эмиром и сделалась матерью знаменитого позже Имадэд-Дина Зенки).

Так потерпел крушение крестовый поход 1101 г. Три громадные армии были уничтожены. Остатки бежали в Антиохию, в том числе и Раймонд Тулузский. Танкред арестовал его и освободил лишь тогда, когда Раймонд поклялся, что не овладеет ни одним городом между Антиохией и Сен-Жан д'Акрой. Раймонд уехал из Антиохии и с помощью небольшого генуэзского флота овладел Тортозой. Здесь провансальцами было основано новое княжество. Позже Раймонд

утвердился близ Триполи и построил крепость перед самым городом.

Норманны потеряли своего вождя Боэмунда, попавшего в плен к туркам. Танкред не торопился освобождать своего дядю, предпочитая править на его месте. Выкуп за Боэмунда уплатил один армянский князь (1103). Тотчас по своем освобождении он заключил союз с армянами, с Балдуином Эдесским и своим вассалом Жосленом де Куртне, смелым рыцарем, который в 1101 г. получил в лен несколько крепостей на запад от Евфрата; целью союза была экспедиция против города Харрана, господствующего над дорогой из Месопотамии в Сирию. План Боэмунда состоял в том, чтобы изолировать сирийских мусульман. Мусульманские князья с десятитысячным войском поспешили на выручку к Харрану. Христиане напали на них и обратили в бегство; но эдесские рыцари, погнавшись за ними, забрались слишком далеко и были частью рассеяны, частью взяты в плен; после этого мусульмане бросились на остальную часть христианского войска, на которую с другой стороны, сделав вылазку, напал харранский гарнизон; христиане потерпели полное поражение. Результатом этой битвы было уничтожение норманнского владычества на Востоке. Мусульмане осадили Эдессу и овладели окрестностями Антиохии; греки заняли киликийские города. Раймонд Тулузский продолжал свои завоевания.

Боэмунд отправился в Европу искать помощи (1104). В течение трех лет ему удалось собрать армию в 35 тысяч человек. Он отплыл с ней из Брундизия на 230 кораблях (1107); но вместо того, чтобы везти ее в Сирию, он предпринял завоевание Греческой империи. Он осадил Диррахий, разломал свои корабли, чтобы построить осадные машины, был отрезан византийским флотом от всяких сношений с Европой и вследствие недостатка съестных припасов принужден просить мира (1108). Он признал себя вассалом Алексея, который оставил Антиохию только как пожизненный лен. Он вернулся в Италию и умер там в 1111 г.

Балдуин Эдесский и Жослен, находившиеся в плену у мусульман, были освобождены одним из двух эмиров, оспаривавших друг у друга власть над Моссулом, при том усло-

вии, что они помогут ему одолеть его соперника; но когда они захотели вернуться в свои города, которыми во время их отсутствия правил Танкред, то последний отказался вернуть им их владения. Он заключил союз против них с халебским эмиром Ризваном, и в 1108 г. можно было видеть странное зрелище, как крестоносец Танкред в союзе с неверным ведет войну против крестоносцев Балдуина и Жослена, которым помогают армяне и мусульманин¹.

После смерти Боэмунда император потребовал, чтобы Танкред вернул ему Антиохию. Танкред отказался. Алексей обратился к провансальцам и иерусалимскому королю с просьбой о помощи против норманнов. Но в эту минуту ему пришлось идти в Малую Азию против нового иконийского султана, который в 1110 г. возобновил войну с греками и опустошил Фригию почти до самого Геллеспонта. Алексей принужден был отказаться от Антиохийского княжества, которое осталось независимым государством под властью норманнских князей.

В Триполи Раймонду Тулузскому, умершему в 1105 г., наследовал его сын Бертран, который в 1109 г. прибыл на Восток с провансальской армией, взял Триполи и присягнул на верность иерусалимскому королю как граф Триполи.

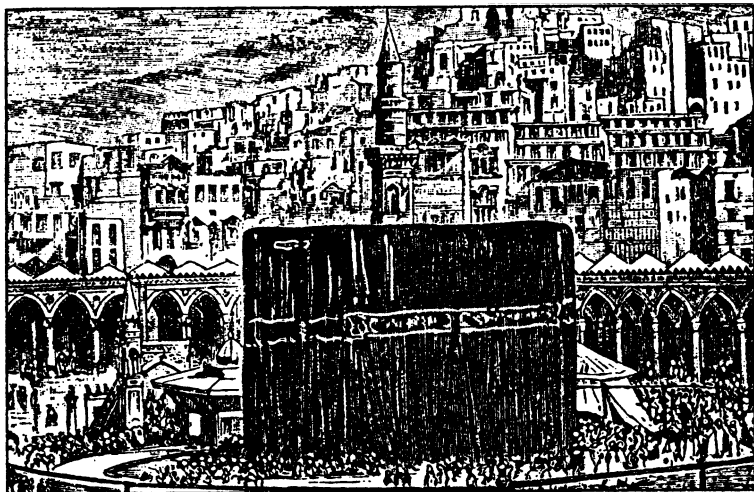
Организация христианских владений на Востоке. Таким образом, христиане основали четыре независимых государства: королевство Иерусалимское, княжество Антиохийское, графства Эдессу и Триполи; каждое из них имело своего государя, часто находившегося во вражде с остальными. Князья часто признавали себя вассалами иерусалимского короля, но он всегда имел за пределами своего королевства только моральное первенство, лишенное всякой реальной силы.

¹ Около этого времени появляются в Сирии знаменитые ассасины, составлявшие особую исмаилитскую секту. Их вождь, которого христиане называли Горным Старцем, а мусульмане – Горным Князем, владел несколькими укреплениями в горах между Анамеей и Тортозой. Самый известный из вождей этой секты, Синан, живший в конце XII в., играл видную роль, не вследствие обширности своих владений, которые всегда были незначительны, а благодаря страху, который внушали его ассасины христианским и мусульманским князьям; многие из последних были убиты по его приказанию.

Когда явились сюда крестоносцы, страна была населена христианами – потомками прежнего греческого населения, которым мусульмане, по своему обычаю, оставили их веру и законы при условии уплаты податей. Эти туземцы имели своих епископов и патриархов, но, как и все греческие христиане, не признавали над собой власти папы. Они составляли основную часть населения, класс земледельцев и ремесленников; латиняне, которые презирали их как схизматиков, продолжали обходиться с ними как с подданными. Католики, пришедшие с Запада, составили высшие классы и удержали власть в своих руках. Они всегда были очень малочисленны, потому что большинство крестоносцев, исполнив свой обет, тотчас возвращалось на родину. На Востоке оставались лишь те, которые являлись сюда искать счастья: рыцари, образовавшие класс сеньоров, и купцы, которые составили население городов.

Рыцари почти все были французы: все княжеские фамилии в Сирии были французского происхождения, французский язык сделался господствующим языком всех западных пришельцев в Леванте. Купцы почти все были итальянцы. Три итальянских города – Венеция, Генуя и Пиза – имели тогда военные корабли и вели торговлю на Востоке. Как только они узнали об успехах крестоносцев, они стали посылать в сирийские порты небольшие эскадры, чтобы принять участие в завоеваниях. Эти итальянцы помогали князьям овладевать укреплениями и заставляли дорого платить себе за свои услуги. В каждом из этих городов итальянская нация, помогавшая при осаде его, получала в полную собственность квартал (иногда треть города), рынок, церковь, баню, пекарню, часть набережной, магазин и право выгружать и продавать свои товары без уплаты пошлины. Этот квартал был подчинен правительству итальянской метрополии: оно присылало сюда губернатора, жившего во дворце. В городах Иерусалимского королевства господствовала Венеция, в городах графства Триполи и Антиохийского княжества – Генуя; Пиза имела меньше поселений, чем оба ее соперника (Марсель владел огороженным кварталом в Иерусалиме).

Завоеватели-христиане ежеминутно находились под страхом нападений. Почти каждый год мусульманская конница

Храм Каабы в Мекке. Вид в конце XIX в.

опустошала окрестности городов. Христиане, слишком малочисленные, чтобы заселить страну, скучились отчасти в укрепленных прибрежных городах, отчасти в замках, расположенных на крутых горах внутри страны до границ пустыни по ту сторону Иордана¹.

Жители городов обогащались благодаря торговле: они закупали индийские товары, которые доставляли им мусульмане, — шелк, пряности, мускус, алоэ, камфору, слоновую кость, жемчуг, и перепродавали их итальянским, марсельским и барселонским купцам. Они торговали также сырыми продуктами Сирии — апельсинами, винной ягодой, миндалем, сахаром, вином, оливковым маслом и произведениями туземной промышленности — триполийскими шелковыми тканями и тирийскими стеклянными изделиями.

Рыцари, жившие в замках, были землевладельцами. Они взымали подати с сирийских крестьян и грабили мусульманские караваны. На Востоке, как и на Западе, война была источником наживы; рыцари предпринимали разбойничьи экспедиции в мусульманские области, грабили поселения,

¹ До сих пор сохранились развалины некоторых из этих замков.

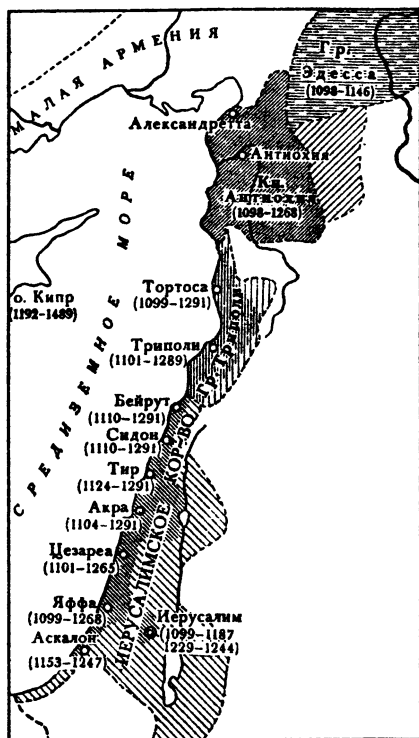
забирали в плен жителей и заставляли их платить выкупы. Вначале пленникам после битвы отрубали головы, но уже вскоре как христиане, так и мусульмане начали отпускать их на волю за известный выкуп. Усама рассказывает, что в 1119 г. один французский сеньор, будучи взят в плен мусульманами, предложил 10 тысяч золотых, чтобы его отпустили на волю. Эмир сказал: «Отведите его к Атабеку; может быть Атабек, настравав его, заставит его уплатить большой выкуп». Атабек пил в своей палатке. Увидев приближавшегося к нему пленника, он встал, заткнул за пояс полы своего платья, взмахнул своей саблей, подошел к христианину и отрубил ему голову. При встрече эмир стал упрекать Атабека: «У нас нет ни гроша денег, чтобы уплатить жалование туркменам. Пленник предлагает нам десять тысяч золотых, я посылаю его к тебе, чтобы ты выжал из него еще большую сумму, а ты убиваешь его!..»

Туземцы называли всех этих иностранцев франками – название, усвоенное ими со времен Карла Великого, когда Франкская монархия заключала в себе всех западных христиан. Эту привычку мусульмане сохранили и до сих пор: в Константинополе и Леванте всякого европейца называют франком¹.

Иерусалимские ассизы. Рыцари и горожане, поселившиеся на Востоке, не усвоили арабской культуры: они сохранили свои обычаи и законы.

Вожди, завоевавшие страну, приняли титулы королей, князей и графов; рыцари, помогавшие им, сделались *баронами* или *сирами* (некоторые – графами). По мере того, как страна завоевывалась, князь делил ее на большие поместья, которые раздавал в лен рыцарям при условии военной службы. Таким образом, феодальный строй был перенесен в Сирию. Мы встречаем здесь сиров Тивериады, Яффы и т. п.; мало того, феодальный строй был здесь организован правильнее, чем в какой-либо из европейских стран. Даже иерусалимский король считался только «высшим сеньором» (сю-

¹ Ошибочно переводить слово «франк» словом «француз»; несмотря на то, что французы составляли особую часть крестоносных армий, мусульмане плохо отличали их от других христиан.

Государства крестоносцев на Ближнем Востоке.

Редкой штриховкой показана территория крестоносных государств в период их наибольшей экспансии (XI–XII вв.); *частой штриховкой* – в первой половине XIII в.; указаны годы установления и падения власти крестоносцев

зереном) и его власть была ограничена этим званием. Всякое владение было феодалом, каждый рыцарь – вассалом.

В Сирии, как и в Европе, права и обязанности князя и рыцарей не были определены никаким писанным законом: ассизы, то есть собрания рыцарей для решения судебных дел, руководствовались феодальным обычным правом. Около конца XII в. несколько частных лиц решили собрать и записать обычаи, применявшиеся в ассизах Иерусалимского королевства. Составленный ими сборник получил название «Иерусалимских ассиз».

Так как существовали двоякого рода суды, то сборник состоит из двух частей. *Рыцарские ассизы* – обычное право рыцарского суда; они основаны на феодальном праве. *Ассизы суда горожан* содержат в себе обычное право, применявшееся в судах горожан; они представляют собой переработку обычаев, которыми руководились суды провансальских городов по торговым делам. Лишь в XIII в. этот сборник был признан обязательным, и в Кипрском королевстве ассизы господствовали до конца его существования.

Долгое время думали, что эти сборники – воспроизведение более древних законов, которые называли *Письмами св. Гроба*; они были составлены будто бы по приказанию Готфрида Бульонского тотчас после взятия Иерусалима, но погибли в 1187 г., когда св. город снова был взят турками. Эта легенда была придумана гораздо позже, чтобы поднять авторитет ассиз.

Такие же ассизы существовали и в Антиохии; до нас дошел отрывок из них в армянском переводе¹.

Рыцарские ордена. Паломники приходили в св. землю истощенными путешествием; многие заболели и оставались без призрения. Тотчас после того, как Иерусалим был взят крестоносцами (1099), несколько французских рыцарей соединились, чтобы основать странноприимный дом, в котором могли бы находить приют паломники. Они образовали религиозную конгрегацию, члены которой обязывались посвящать себя уходу за бедными и больными, жить хлебом и водой и носить простое платье, «как бедные, их господа». Они жили милостыней, которую рассылаемые ими люди собирали во всех христианских странах и которую они потом складывали в комнате для больных. Их госпиталь назывался «Странноприимным домом иерусалимского госпиталя» или госпиталем св. Иоанна. Позже он изменил свой характер. Кроме рыцарей, здесь были и послушники, то есть слуги, ходившие за больными. В больнице находило приют до 2 тысяч больных и ежедневно раздавалась милостыня; рассказывают даже, что султан Саладин переделался нищим, чтобы ознакомиться с благотворительной деятельностью

¹ См. ниже, глава 15, об ассизах Романии.

Печать тамплиеров. Париж.
Национальный архив. На ней изображено здание,
похожее на мечеть Омара

госпитальеров. Орден сохранил свое название госпитальеров св. Иоанна и свою печать, на которой был изображен простертый на ложе больной с крестом в головах и светильником в ногах. Но рыцари, вступавшие в орден, образовали военное сообщество, задачей которого была борьба с неверными. В него допускались уже только рыцари благородного происхождения или побочные сыновья князей; каждый новый член должен был приносить с собой полное вооружение или вносить в арсенал ордена 2 тысячи турецких су. Во всех государствах Сирии князья предоставили госпитальерам право строить замки вне городов и укрепленные дома – в городах. Их главные поселения находились в областях Антиохии и Триполи, вокруг Тивериадского озера и на египетской границе. Их Маркабский замок, построенный в 1186 г., занимал всю площадь плоскогорья, круто спускавшегося в долину, имел церковь и деревню, в нем находился гарнизон в тысячу человек и припасы на 5 лет; здесь нашел убежище епископ Валении. Во всех странах Европы госпитальеры приобрели владения; в XIII в. они имели, по преданию, 19 тысяч обитателей. В каждой из них жило несколько рыцарей с *командором*; многие деревни, носящие имя св. Иоанна (Saint-Jean), суть древние госпитальерские *командорства*.

Прежде чем орден изменил свой характер, несколько рыцарей, которым наскучил уход за больными, захотели найти занятие, более соответствовавшее бы их вкусам. В 1123 г. восемь французских рыцарей составили братство, члены которого обязались сопровождать паломников по дороге в Иерусалим, чтобы защищать их против неверных; великим магистром ордена они избрали Гуго de Rayens. Король Балдуин предоставил им часть своего дворца, так называемый *Temple*, построенный на месте древнего Соломонова храма; они приняли название Бедных братьев Иерусалимского храма, или тамплиеров. Св. Бернард покровительствовал им и принимал участие в составлении их устава, который частью воспроизводил цистерцианский устав. Устав тамплиеров был утвержден на соборе в Труа (1128). Орден состоял из членов троякого рода; монашеские обеты бедности, послушания и целомудрия были обязательны для всех. *Рыцарями* были люди благородного происхождения; они одни могли быть начальниками монастырей и занимать должности в ордене. *Служителями* были богатые горожане, которые отдали свое имущество ордену и занимали место либо оруженосцев, либо управителей; они руководили финансовыми делами ордена; береговой коман-

Печать госпитальеров. Париж.
Национальный архив. Фигура больного символизирует
первоначальное назначение ордена

Рыцари орденов

дор, который наблюдал за посадкой на корабли и за высадкой богомольцев, был служителем. *Священники* исполняли духовные обязанности в ордене. Папы, которые покровительствовали тамплиерам, позволили им иметь собственные капеллы и кладбища и выбирать себе священников для отправления божественной службы в их монастырях. Они постановили, что все духовные лица, находящиеся на служ-

бе ордена, должны подчиняться не своему епископу, а великому магистру тамплиеров (булла 1162 г.). Таким образом, орден тамплиеров сделался в недрах Римской церкви независимой церковью, подчиненной одному только папе. Светские князья, особенно французские, из уважения к этим рыцарям, которые посвящали себя непрерывной крестовой войне, делали им крупные подарки. Позже орден владел 10 тысячами обителей в Европе, флотом, банками и такой богатой казной, что мог предложить за остров Кипр 100 тысяч золотых.

Как госпитальеры, так и тамплиеры были французскими орденами. Когда немцы начали являться в св. землю в большем количестве, они также почувствовали необходимость иметь странноприимный дом, в котором говорили бы на их языке. В Иерусалиме существовало убежище для немецких паломников, но оно зависело от ордена госпитальеров. Во время осады крестоносцами Сен-Жан д'Акры (1189) несколько немцев собрали своих больных на одном судне, пришедшем в негодность. Немецкие князья дали им средства для основания больницы, которая и была организована в 1197 г. по образцу больницы св. Иоанна. Членами нового ордена были немецкие рыцари, которые обязывались одновременно и ходить за больными, и воевать с неверными. Они приняли наименование Братьев немецкого дома (мы называем их *рыцарями Тевтонского ордена*). Во время пребывания в Палестине императора Фридриха II они приобрели поместья и построили себе близ Сен-Жан д'Акры Монфортский замок (1229), который оставался центром ордена до 1271 г.

Все эти три ордена были религиозными братствами и принимали обычные три обета бедности, целомудрия и послушания. Каждый орден был организован по образцу клюнийского или цистерцианского. *Генеральный капитул* (то есть собрание должностных лиц и глав обителей, входивших в состав ордена) управлял всем орденом. Отдельные монастыри были как бы угодьями, которые управлялись за счет ордена. Но эти монахи были вместе с тем и рыцарями: их миссией была война. Они были все без исключения благородного происхождения, а их вождями часто бывали крупные сеньоры. Глава ордена назывался не аббатом, а вели-

ким магистром, глава монастыря не приором, а командором. Их одежда была наполовину монашеская, наполовину – военная: они носили рыцарские доспехи и сверху плащ. У госпитальеров плащ был черного цвета, крест – белого; у тамплиеров – плащ белого, крест красного цвета; у рыцарей Тевтонского ордена плащ белого, крест черного цвета. Каждый орден со своей казной, своими поместьями, крепостями и воинами представлял собой как бы маленькое государство.

Крестовые походы XII в.

Второй крестовый поход. Гибель Иерусалима. Третий крестовый поход.

Второй крестовый поход. Одной экспедиции оказалось достаточно, чтобы создать в Сирии ряд христианских государств, но их положение было очень непрочное. Мусульмане, вытесненные из береговой полосы, сохранили господство во внутренней части страны, а у христиан осталось лишь ничтожное количество воинов. Только новые подкрепления из Европы могли дать им возможность удержать свои завоевания. Действительно, за первым крестовым походом последовал ряд других. Обычно насчитывают восемь походов, но это число неточно; в него не вошли походы 1101, 1172, 1179, 1197, 1239 и 1240 гг. Поэтому цифры, которыми обозначается тот или другой поход, условны; тем не менее, и мы будем придерживаться их, так как они вошли уже во всеобщее употребление.

В течение первой половины XII в. крестоносцы переходили на Восток малыми отрядами и помогали франкским князьям довершать завоевание. Вскоре явился опасный противник. Атабек Моссульский, Имад эд-Дин-Зенки, покорив уже многие из мусульманских княжеств Сирии, решил разрушить христианские государства. Эдесское графство, как ближайшее к мусульманам, первое подверглось нападению. Турки внезапно явились перед городом, подкопали стены, подперли подкопы бревнами и зажгли последние; когда стена вследствие этого рухнула, они вошли через пролом в город и перебили жителей (1144). Остальные христианские государства не успели оказать помощь Эдессе.

Это несчастье повергло в уныние христианский мир. Св. Бернард, перед которым преклонялся тогда весь Запад, взялся соединить всех христиан в одну великую армию, во главе которой стало бы духовенство. Король Франции, Людовик VII, уже раньше дал обет предпринять крестовый поход, чтобы искупить свой проступок (в 1143 г., взяв шампанский город Витри, он сжег церковь, в которой заперлось около тысячи человек). Бароны и прелаты, собравшись в Бурже вместе с королем, не могли прийти к соглашению относительно похода. Сугерий отговаривал короля от этого предприятия. Пригласили св. Бернарда, а он посоветовал обратиться к папе. Евгений III в своем ответе восхвалял храбрость французов, убеждал их отомстить за Спасителя его врагам и обещал отпущение грехов и покровительство церкви каждому, кто возьмет крест. Вместе с тем, он поручил св. Бернарду проповедовать крестовый поход. На Пасху 1146 г. было со-

Проповедь крестового похода. Рисунок изображает святого Бернарда, проповедующего второй крестовый поход на Рождество 1146 г. в Шпейерском соборе в присутствии Конрада III, первого императора из Гогенштауфенов

звано собрание в Везеле (Vezelay), в Бургони. Среди поля был воздвигнут помост. Бернард явился на нем вместе с королем, платье которого уже украшал крест; он прочел письмо папы и произнес проповедь, в которой приглашал всех верных сынов церкви помочь их братьям. Как некогда в Клермоне, толпа ответила радостными криками и окружила помост, требуя крестов. У св. Бернарда не хватило готовых крестов, и он разорвал свое платье, чтобы приготовить из него новые. Даже королева Элеонора выразила желание принять крест; ее примеру последовали некоторые придворные дамы. Объехав большую часть Франции, Бернард отправился в Германию, где его повсюду приветствовали как святого. Он явился на собор, созданный в Шпейере на Рождество 1146 г. Император Германский Конрад III отказался принять участие в походе, заявив, что должен посоветоваться со своими сановниками. Он присутствовал при богослужении в кафедральном соборе. Св. Бернард просил разрешения сказать проповедь; он говорил об опасностях, грозящих церкви, о заслугах крестоносцев; затем, обратившись к Конраду, он спросил его, что он ответит Христу в день Страшного Суда. Конрад, потрясенный, со слезами на глазах, тотчас же взял крест, предложенный ему св. Бернардом. Позже Бернард, говоря об этой сцене, назвал ее «чудом из чудес». Регенсбургский сейм (февраль 1147 г.) увеличил число крестоносцев.

Таким образом составились две армии: французская и немецкая. Во главе каждой стояли король и папский легат; в каждой было до 70 тысяч рыцарей, не считая огромной массы пехотинцев. Греки определяли общее число крестоносцев в 900 тысяч человек (цифра, без сомнения, преувеличенная). Обе армии пошли путем первого крестового похода, через Дунайскую область и Фракию.

Немцы, выступившие в поход в июне 1147 г., опустошили долины Фракии и разграбили предместья Константинополя. Они так торопились начать войну с неверными, что решили идти через Малую Азию кратчайшим путем, через Никею и Иконий; но это недисциплинированное полчище продвигалось вперед крайне медленно. Турецкие всадники на своих легких конях беспрестанно тревожили немцев, и

тяжеловооруженные рыцари выбивались из сил, преследуя их. Истощенные, умирая от жажды и потеряв всякую надежду на успех, они повернули к берегу, чтобы соединиться с французами. Большая часть из них была перебита или погибла от лишений во время пути; остальные пришли в Никею и застали там французов. Последние только что покинули Константинополь; император Мануил, чтобы поскорее избавиться от них, сообщил им, будто немцы уже овладели Иконием.

Избегая той дороги, на которой погибли немцы, французская армия обошла Малую Азию вдоль берега, через Смирну, Эфес и Лаодикею. Им пришлось переходить через горы по узким скалистым тропинкам; войско разъединилось и подвергалось нападениям со стороны турок; однажды сам король Людовик VII, укрывшись на скале, принужден был один защищаться против множества врагов. Только находившийся при войске отряд тамплиеров показал крестоносцам пример правильного движения колонной; наконец они добрались до Атгалии, небольшого порта на скалистом берегу Памфилии. Здесь они нашли припасы для людей, но лошадей нечем было кормить. Крестоносцы решили переправиться в Сирию морским путем и послали просить кораблей у греков; последние прислали так мало кораблей, что на них могли поместиться только рыцари. Остальные крестоносцы заявили, что будут продолжать поход сухим путем; они почти все погибли.

Из двух громадных армий, которые отправились на Восток, в Палестину прибыло лишь несколько отрядов рыцарей с обоими королями (1148). Иерусалимские рыцари соединились с ними и убедили их идти на завоевание Дамаска. Последний, один из богатейших городов Востока, расположен при выходе из гор в хорошо орошаемой долине, покрытой свежей зеленью, среди знойной пустыни. Предместья состояли из окруженных стенами садов, среди которых кое-где были разбросаны небольшие деревенские дома. Крестоносцы заняли эти сады и рассеялись в них для грабежа. Таким образом, эмир имел возможность укрепить город. В это время распространилось известие, что на выручку к Дамаску идет с севера мусульманская армия, посланная Атабе-

ком. Иерусалимские рыцари не имели охоты продолжать осаду: они предпочитали видеть Дамаск в руках эмира, чем под властью Атабека. Они убедили крестоносцев напасть на Дамаск с юго-востока, чтобы избежать садов, где нельзя было найти никакой защиты от палящих лучей солнца; местность была безводная и лишенная растительности. Крестоносцы не могли оставаться здесь; они вынуждены были отступить и скоро вернулись в Европу.

Этот крестовый поход не принес никакой пользы, и это так удивило христиан, что одни из них доискивались, за какие грехи постигла их эта неудача, другие приписывали вину в ней плутням греков и измене восточных христиан. Рассказывали, что иерусалимские христиане были подкуплены дамасским эмиром, от которого получили 250 тысяч золотых; но эмир будто бы обманул их и дал им медные позолоченные монеты.

Гибель Иерусалима. Атабек Нуреддин (Светоч Веры) удержал Эдессу и, продвигаясь далее, овладел Дамаском (1154) и начал наступать на передовые посты Иерусалимского королевства, к востоку от Иордана. В это время христиане были заняты своими внутренними распрями: в Иерусалиме королева Мелизенда ссорилась со своим сыном Балдуином III, в Антиохии принцесса Констанция – со своими баронами, в Триполи графиня Годиерна – со своим мужем, графом Раймондом.

До сих пор христианам с юга не грозило никакой опасности: фатимидский халиф Египта жил в мире с ними. Положение дел переменилось, когда Нуреддин задумал распространить свою власть на Египет. Два генерала халифа оспаривали друг у друга звание визиря, которое давало власть (потому что халиф был государем лишь номинально); побежденный Шавер бежал в Дамаск и просил помощи у Нуреддина.

Атабек послал в Египет войско под предводительством курдского князя Ширкуха (курды – воинственное горное племя, обитающее в области Древней Ассирии). Шавер, получивший благодаря Ширкуху звание визиря, скоро убедился в том, как опасно для него присутствие его покровителя, и обратился за помощью к иерусалимскому королю.

Тамплиер (храмовник) в полном
вооружении и орденом плаще.

Рисунок XIX в.

Христиане, соединившись с египетской армией, принудили Ширкуха очистить страну (1164). Однако в 1167 г. Ширкух вернулся и взял Александрию. Союзники снова заставили его уйти из Египта. Но на этот раз христиане, возбужденные выгодами экспедиции (визирь платил им 10 тысяч злотых ежегодно) вздумали напасть на своего союзника. Они вторглись в Египет и принялись грабить (1168). Шавер в отчаянии обратился за помощью к Нуреддину. Каирский халиф Аладгид послал ему пряди волос своих жен и писал в письме: «Женщины, чьи волосы я посылаю тебе, заклинаяют тебя охранить их от обид, которые ждут их со стороны франков».

Ширкух снова вступил в Египет и на этот раз остался в нем; он казнил Шавера, принял титул великого визиря и сделался властелином Египта. Спустя короткое время он

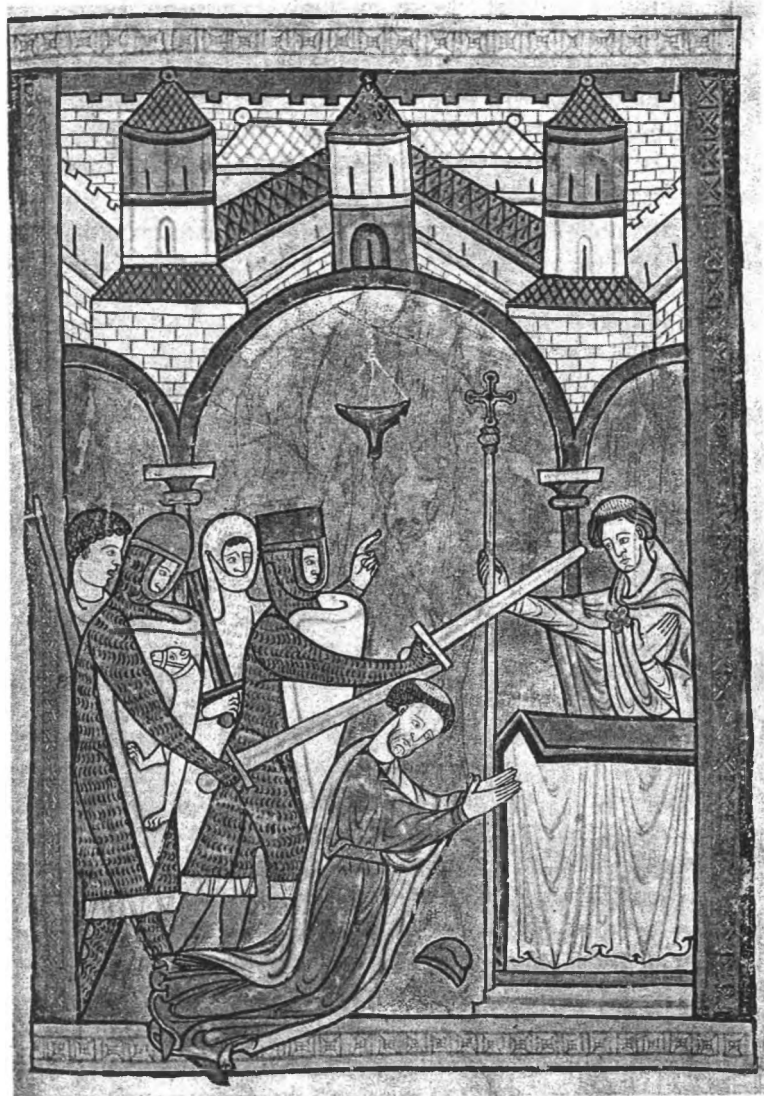

Саладин

умер. Ему наследовал его племянник Юсуф, сын Эюба, по прозвищу Саладин (Салах-ад-дин, — защитник Веры). Он воспользовался смертью халифа (говорят даже, что он велел его убить), чтобы уничтожить Каирский халифат (1171). Затем после смерти Нуреддина (1174) он постепенно подчинил себе Сирию и Месопотамию и принял титул султана. Это был благочестивый мусульманин, который считал изгнание христиан с Востока своим религиозным долгом.

Иерусалимские христиане, которым теперь грозила опасность и с юга, и с востока, уже не чувствовали себя в силах действовать наступательно. После неожиданной победы при Аскалоне (1177) и поражения на берегах Иордана (1179) они заключили с Саладином первое перемирие, во время которого он одолел иконийского султана и покорил Халебский эмират; в 1184 г. было заключено второе перемирие. Но один христианский сеньор, Рено Шатильонский, рыцарь-разбойник, овладел сильной крепостью Кераком, расположенной на крутой горе по ту сторону Иордана, напал на караван, который направлялся из Дамаска в Аравию, разграбил его и заковал в цепи купцов. Саладин потребовал освобождения каравана, но король отказал. Саладин поклялся, что убьет Рено своей рукой; он велел объявить священную войну в Месопотамии, Сирии и Египте, вторгся в Иерусалимское королевство (1187) и осадил Тивериаду.

Христиане расположились на западной стороне города. Их было, по преданию, 2 тысячи рыцарей и 18 тысяч пеших воинов, все в богатом вооружении. Стоял невыносимый зной. Вожди медлили. Однажды утром король Гюи внезапно решил начать битву. Сражение продолжалось до полудня, затем рыцари, выбившись из сил, отступили к крутой скале близ Хатгина. Сарацины подожгли траву и кустарники; рыцари, измученные жаждой, зноем и дымом, более не имели сил сражаться; они были отброшены на скалу, окружены, перебиты или взяты в плен. Между пленными находились иерусалимский король и великий магистр тамплиеров; в руки Саладина попал и животворящий крест, который служил христианам знаменем во время битвы. Саладин велел привести к себе пленников и сам подал пить королю. Затем он стал упрекать Рено Шатильонского в грабежах и разбоях и,

Саладин захватывает святой крест в битве при Хамтине в 1187 г.

согласно своему обету, собственноручно убил его. Тамплиеры, иоанниты и незнатные пленники были казнены.

В течение нескольких недель все города королевства, исключая Иерусалим и Тир, сдались Саладину. Затем он осадил Иерусалим; когда ему удалось пробить брешь в стене, христиане капитулировали; Саладин согласился отпустить их, но без имущества, причем они должны были уплатить по 10 золотых монет с мужчины, 5 – с женщины и 30 тысяч – за всю массу бедных. Большинство этих изгнанников погибло от нужды и лишений.

Вступив в Иерусалим, Саладин велел сбросить с церкви кресты, разбить колокола и окропить мечети розовой водой или обкурить ладаном. Он сидел в своей палатке с открытой дверью, принимая посетителей и щедро одаряя их. Один арабский историк прибавляет: «Читались манифесты, в которых султан объявлял о счастливом событии, звучали трубы и все глаза наполнялись слезами радости, все сердца благодарили Аллаха за победу, все уста славословили его».

Третий крестовый поход. Гибель Иерусалима повергла в скорбь христианский мир. Папа Урбан III писал всем князьям, приглашая их соединиться против неверных; он установил посты и торжественные богослужения, обещал полное отпущение грехов всякому, кто возьмет крест, и провозгласил всеобщий мир на семь лет.

На этот раз крест приняло трое государей. Фридрих Барбаросса созвал на сейм в Майнце всех немецких князей; здесь проповедовали крестовый поход: «Фридрих не мог устоять против дуновения Св. Духа и принял крест». Чтобы избежать переполнения армии негодными элементами, что оказалось столь губительным для экспедиции Конрада, было запрещено принимать в войско людей, не владевших, по крайней мере, тремя марками серебра (150 франков). Немецкая армия (около 100 тысяч человек) пошла путем первого крестового похода – вдоль Дуная и через Болгарию. Она двигалась почти в полном порядке; император разделил ее на батальоны в 500 человек, каждый – с особым начальником во главе; кроме того, он образовал военный совет из 60 сановников. Прежде всего пришлось выдержать

Конница Саладина. Мамелюк

борьбу с византийцами¹. Наконец немцы получили корабли, переправились через Геллеспонт и, вступив в горы Малой Азии, начали углубляться в страну, опустошенную войнами. Вскоре у них не оказалось ни фуража, ни припасов; лошади стали падать. Наконец, истощенные и измученные

¹ См. ниже, глава 15.

беспрестанными нападениями турецких всадников, крестоносцы прибыли к Иконию. Они разделились на два отряда: один через ворота ворвался в город, другой, предводимый самим императором, разбил турок с криками «Христос царствует! Христос побеждает!» В течение нескольких дней крестоносцы отдыхали в городе. Затем армия по горным тропинкам перешла Тавр. Наконец, она прибыла в Сирию, в долину Селефа, и расположилась здесь на отдых; вечером Фридрих, пообедав на берегу реки, захотел выкупаться в ней и был унесен течением. Немцами овладело отчаяние и они рассеялись; большинство вернулось на родину, остальные отправились в Антиохию, где их истребила эпидемия (июнь 1190 г.).

Короли Французский и Английский, которые во время крестового похода воевали друг с другом, в январе 1188 г. съехались под Жизорским вязом, обнялись и приняли крест. Они приказали проповедовать в своих государствах крестовый поход и, чтобы покрыть издержки войны, постановили обложить каждого, кто остается дома, податью, равной одной десятой его дохода (эта подать называлась *Саладиновой десятиной*). Однако война возобновилась. Оба короля выступили в поход лишь в 1190 г.

Они решили совершить поход морским путем. Филипп Август направился в Геную, чтобы сесть там на корабль; Ричард шел через Францию и Италию. Оба войска соединились в Мессине. Тотчас же начались раздоры. Сицилианцы с ненавистью смотрели на этих чужеземцев. Однажды английский солдат затеял ссору с торговкой из-за стоимости хлеба; мессинское население побило его, возмутилось и заперло ворота города. Ричард взял Мессину и отдал ее на грабеж войску (по преданию, именно тогда устрешенные сицилианцы прозвали его *Львиным Сердцем*). Филипп потребовал своей части добычи и тайно писал сицилийскому королю, предлагая ему помощь против англичан.

Всю зиму армии ссорились между собой, а рыцари издерживали свои деньги. Весной 1191 г. французы переправились в Сирию. Часть английского войска, которая следовала за ними, была занесена ветром к берегам Кипра, которым правил тогда узурпатор Исаак Комнин. Он огра-

бил несколько кораблей; Ричард высадился на остров, разбил греческое войско, расположенное на берегу, и в 25 дней завоевал весь остров. Он отнял у населения половину земель, роздал их в лен рыцарям и во все крепости поставил гарнизоны.

Когда Филипп и Ричард прибыли в Сирию, там крестоносцы из всех стран Европы уже в течение двух лет осаждали Сен-Жан д'Акру. Они предприняли эту осаду по совету иерусалимского короля Гуго Лузиньяна, который считал наиболее необходимым приобрести гавань. Сен-Жан д'Акра, построенная на скале, была окружена крепкой стеной; крестоносцы, расположившись на равнине, окружили свой лагерь рвом; их корабли блокировали порт. Саладин, прибывший со своей армией, стал лагерем на холме по другую сторону города; он сносился с осажденными при помощи почтовых голубей и водолазов. Время от времени мусульманским кораблям удавалось доставлять в город провизию.

Осада продвигалась медленно. Крестоносцы, привезя из Италии дерево, с трудом построили три осадные машины, в пять этажей каждая, но осажденные подожгли их. Затем начались зимние дожди, и в лагере появилась эпидемия. Под конец прибыли французы с Филиппом Августом и немцы с австрийским герцогом Леопольдом. Стычки продолжались еще несколько месяцев. Наконец после двухлетней осады гарнизон сдался; ему дозволено было уйти с условием, что Саладин заплатит 200 тысяч золотых монет, вернет Животворящий крест и освободит христианских пленников в 40-дневный срок; в обеспечение договора осажденные дали 2 тысячи заложников (июль 1191 г.).

Стычки под Сен-Жан д'Акрой доставили Ричарду славу храбрейшего из христиан. Когда он возвращался в лагерь, его щит, по преданию, бывал унизан стрелами, как подушка иголками. Он был страшилищем для мусульман; матери пугали им детей: «Молчи, не то я позову короля Ричарда!» Когда лошадь пугалась, всадник вопрошал: «Разве ты увидела короля Ричарда?» Этот идеальный рыцарь был груб и жесток. Вступив в Сен-Жан д'Акру, он велел сорвать со стены австрийское знамя и бросить его в грязь. Когда Саладин не смог собрать условленной суммы в 40-дневный срок пос-

Динар Саладина 586 г. хиджры (1190 г.)

ле капитуляции, Ричард велел вывести 2 тысячи заложников за стены города и казнить их. Саладин не отдал ни денег, ни пленников, ни Животворящего креста.

Филипп Август спешил вернуться во Францию и уехал тотчас по окончании осады, поклявшись Ричарду, что не нападет на его владения. Ричард тратил время на небольшие экспедиции вдоль побережья. Когда он наконец решился выступить к Иерусалиму, уже приближалась зима; он был застигнут холодными дождями и вернулся на побережье (1192). Он вновь отстроил Аскалонскую крепость; затем отправился выручать Сен-Жан д'Акру, которую оспаривали друг у друга оба претендента на иерусалимскую корону (с одной стороны, Конрад Монферратский, поддерживаемый французами и генуэзцами, с другой – Гуго Лузиньян с англичанами и пизанцами). Здесь он узнал, что его брат Иоанн вступил в соглашение с французским королем, с целью отнять у него его владения; эти известия побудили его вернуться в Европу. Конрад заключил союз с Саладином, но внезапно был убит двумя ассасинами, подосланными Горным Старцем (1192). Саладин умер в 1193 г.

Новое немецкое крестоносное войско, прибывшее из Италии по морю (1197), помогло сирийским христианам снова овладеть всеми приморскими городами; но когда было получено известие о смерти императора Генриха VI, немцы рассеялись, и Иерусалим остался во власти мусульман.

В конце XII в. христианские владения в Леванте перемещаются. Христиане потеряли свои завоевания внутри страны; они отброшены к побережью. Иерусалимское королевство ограничивается одной Финикией. Его столицей становится Сен-Жан д'Акра, куда тамплиеры и госпиталье-

ры переносят свою главную обитель. Графство Триполи и Антиохийское княжество соединяются под властью одного князя. Эдесса безвозвратно потеряна. Четыре государства XII в. сведены к двум.

Зато на Западе христиане приобрели два новых государства. Остров Кипр, который Ричард завоевал и отдал Гуго Лузиньяну, становится Кипрским королевством. На материке армянский князь Лев II, получивший от императора Генриха VI титул короля, подчинил себе все небольшие армянские области Киликии; он распространил свою власть за горы Тавра: к западу – на все побережье до Памфилийского залива, к востоку – до равнины Евфрата. Он призывал европейских рыцарей и купцов и отводил им для житья замки и кварталы в городах. Он превратил армянских вождей в вассалов, их владения – в лены. Несмотря на сопротивление духовенства и низших классов, он перенял обычаи и законы франков (Антиохийские ассизы); он заставил свой народ признать верховенство папы. Папский легат прибыл в Тарс, чтобы короновать Льва королем Армении. Так возникло новое царство Малой Армении, где над низшим слоем населения, сохраняющим свою армянскую национальность, образуется французская аристократия, и которое можно рассматривать как франкское государство.

Крестовые походы XIII в.

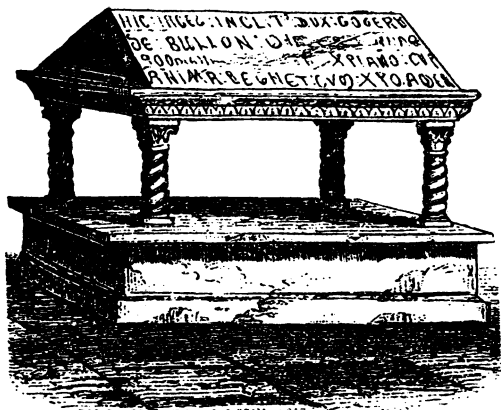
Четвертый крестовый поход. Пятый и шестой крестовые походы. Седьмой и восьмой крестовые походы. Конец крестовых походов.

Четвертый крестовый поход. Иннокентий III, вступивший на папский престол в 1198 г., считал освобождение св. города своей обязанностью. Все государи, говорил он, суть вассалы Христа и должны помочь Ему вернуть Его владения. Он разослал во все католические страны своих легатов проповедовать крестовый поход; он потребовал, чтобы все духовные лица отдали сороковую часть своего имущества на снаряжение крестоносцев и чтобы в церквях были поставлены кружки для сбора пожертвований.

Войны армии Саладина XI–XII вв.

Государи были заняты своими войнами, и никто не взял креста. Но один французский проповедник, Фулько Нейльский, возбудил такой энтузиазм, что из его рук приняло крест, по преданию, до 200 тысяч человек. Он явился на турнир, устроенный графами Шампанским и Блуаским, и убедил их принять крест (1199). Таким образом, на северо-востоке Франции образовалась армия из сеньоров и рыцарей.

Гробница Готфрида Бульонского.
Храм Гроба Господня в Иерусалиме

Для переезда в св. землю им нужен был флот. Шестеро из них отправились просить корабли у венецианского сената; в числе этих шести был и сир Виллардуэн, шампанский сеньор, который позже написал историю этого похода. Венецианский сенат согласился перевезти и кормить в течение года армию в 4 тысячи 500 рыцарей, 9 тысяч оруженосцев и 20 тысяч слуг (пехоты) и присоединить к экспедиции 50 галер. Крестоносцы обязывались уплатить 85 тысяч марок серебра (4 миллиона 200 тысяч франков); все, что было бы завоевано во время похода, должны были разделить между собой крестоносцы и венецианцы. Крестоносцы выбрали своим вождем одного пьемонтского князя, маркиза Монферратского Бонифация, которого рыцари любили за его храбрость, поэты – за щедрость. Венецианцами командовал их дож Дандоло, 90-летний старик.

Крестоносцы хотели напасть на мусульман в Египте, но в интересах Венеции было направить экспедицию против Константинополя¹. Крестоносцы собрались в Венеции. Так как они не могли уплатить всю сумму, то сенат предложил им взамен остальных денег (34 тысячи марок) послужить Венеции своим оружием. Они согласились, и венецианцы повели

¹ См. ниже, глава 15.

их осаждают город Зару на далматинском берегу, сильно вредивший их торговле на Адриатическом море (1202). Папа запретил им под страхом отлучения нападать на христианский город, но когда они взяли Зару (1203), он отлучил от церкви только венецианцев, а крестоносцев простил, не запретив им даже продолжать сношения с отлученными.

Между тем в Константинополе произошла дворцовая революция. Император Исаак был свергнут Алексеем III, который велел выколоть ему глаза и держал его в заключении вместе с его сыном Алексеем. В 1201 г. последний бежал и обратился с просьбой о помощи сначала к папе, потом к Германскому королю Филиппу, женатому, на его сестре; Филипп рекомендовал его крестоносцам. Алексей прибыл в их лагерь под Зарой и обещал, если они помогут ему изгнать узурпатора, уплатить им 200 тысяч марок, доставить им 10 тысяч солдат и признать верховенство папы. Дандоло воспользовался этим случаем, чтобы увлечь крестоносцев к Константинополю. Это будет, говорил он, лишь началом крестового похода. Папа ограничился лишь указанием на то, что хотя греки и провинились перед Богом и церковью, — не дело паломников наказывать их.

Крестоносцы вышли на берег перед Константинополем. Войско Алексея III состояло исключительно из недисциплинированных наемников. Константинополь защищали одни только варяги, привыкшие хорошо драться, и пизанские купцы, враги венецианцев. После 13-дневной осады Алексей III бежал. Исаак, освобожденный из темницы, был провозглашен императором вместе со своим сыном Алексеем IV. Но он не имел возможности исполнить ни одного из обещаний, данных им крестоносцам: ни заплатить 200 тысяч марок, ни принудить свое духовенство к подчинению папе. Греки возмутились и провозгласили нового императора под именем Алексея V. Он потребовал, чтобы крестоносцы в 8-дневный срок удалились.

Крестоносцы снова осадили город (ноябрь 1203 г.). Наступила зима, и они терпели недостаток в съестных припасах; но они не могли уйти, потому что греки перебили бы их во время отступления. Эта вторая осада отличалась большой жестокостью. Наконец крестоносцы, во время одного сраже-

ния под стенами овладели императорским знаменем и чудотворной иконой Божьей Матери. Несколько дней спустя Константинополь был взят штурмом. Вопреки приказаниям вождей, крестоносцы разграбили и сожгли город. Мы далее увидим, как они организовали завоеванную ими империю¹.

Пятый и шестой крестовые походы. Иннокентий III не отказался от мысли завоевать Иерусалим. В 1213 г. он опять разослал послов проповедовать крестовый поход, поручив им давать крест всякому, кто пожелает, — даже уголовным преступникам. Ежемесячно в торжественных процессиях молили Бога о победе. Духовенство возвещало, что царство лже-пророка близко к концу, ибо он есть тот самый, кто в Апокалипсисе назван диким зверем: звериное число — 666, и именно 666 лет назад явился Магомет. Крест приняли три государя: Иоанн Английский, Андрей Венгерский и Фридрих II, император и король Сицилии, все трое — вассалы папы. Латеранский собор (1215) постановил, что все крестоносцы выступят в поход в июне 1217 г. из Мессины и Брундизия. Он предписал, чтобы в течение трех лет рыцари не вели войн и не устраивали турниров, духовенство вносило на нужды похода двадцатую часть своих доходов. Папа и английский король умерли до начала похода. Результатом приготовлений были две экспедиции: венгерский король отправился в св. землю в 1217 г. (пятый крестовый поход), император — лишь десять лет спустя (шестой крестовый поход)².

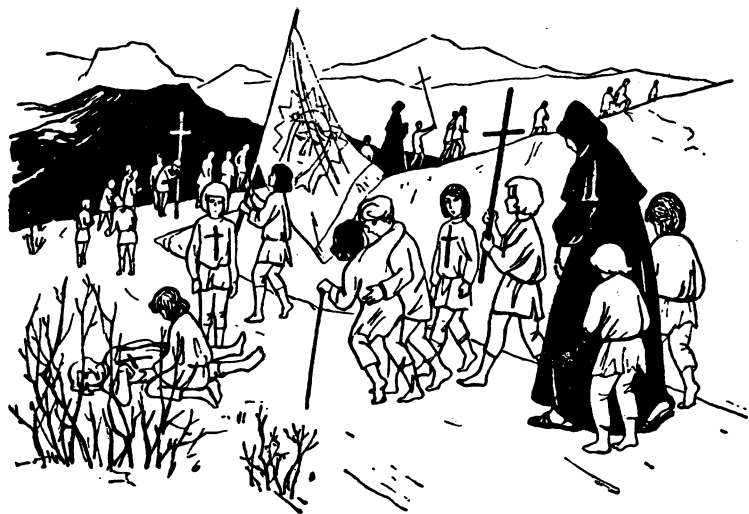
¹ См. ниже, глава 15.

² К этой эпохе относится, по рассказам, достоверность которых подлежит сомнению, *крестовый поход детей*. Молодой пастух из окрестностей Вандома, Этьен, обошел Францию, рассказывая, что Господь повелел ему вести христиан на освобождение св. земли. Он собрал толпу подростков, к которым пристали крестьяне, мастеровые и женщины, и выступил в поход, сидя на колеснице, покрытой ковром, в сопровождении 30 тысяч паломников. В Марселе два купца взялись доставить их в Сирию, посадили их на 3 корабля и перевезли в Египет, где продали их в рабство мусульманам. По преданию, Фридрих II в 1229 г. освободил тех, которые еще оставались в живых. Другое детское ополчение — немецкое (по преданию, 20 тысяч человек), под предводительством 10-летнего мальчика достигло Брундизия, где хотело сесть на корабли, но было задержано епископом; дети попытались вернуться домой, но почти все погибли, не достигнув Германии.

Пастух Этьен призывает детей идти
в крестовый поход

В крестовом походе 1217 г. принимали участие немцы и венгры. Они сели на корабли в Сполето на Адриатическом море и переправились в Сен-Жан-д'Акру: здесь они провели целый год, предпринимая неудачные экспедиции и ссорясь с сирийскими христианами. Несколько позже в Акру прибыл их флот в 300 кораблей с крестоносцами из Северной Германии и Фрисландии, которые, собравшись на берегах Рейна, поплыли обходным путем через Гибралтарский пролив и целый год воевали с неверными в Португалии.

Участники детского крестового похода

Самым могущественным из мусульманских государей был в то время египетский султан Аладил. Он пополнял свою армию молодыми людьми, купленными у горцев Кавказа и приученными к военной службе. На своих быстрых конях они составляли превосходный кавалерийский отряд. Их называли *мамелюками* (рабами).

Сирийские христиане убедили крестоносцев прежде всего напасть на Египет. Крестоносцы высадились перед Дамьеттой. Это был большой торговый город, расположенный на восточном берегу одного из рукавов Нила и защищенный тройным кольцом стен; на одном из островов нильского рукава стояла большая башня, от которой были протянуты к городу цепи, запиравшие реку. Фризские моряки построили деревянное сооружение, которое они укрепили на мачтах двух кораблей, по нему крестоносцы проникли в башню; теперь они могли блокировать город, в котором скоро наступил голод. Осада была продолжительна. Эпидемия унесла, по преданию, шестую часть осаждающих. Султан пытался снабдить осажденных продовольствием, спуская по течению реки трупы верблюдов, желудки которых были на-

полнены съестными припасами; но христиане переловили их. Султан предложил крестоносцам, если они снимут осаду, возвратить им Животворящий крест и Иерусалимское королевство, но папский легат Пелагий, испанский священник, заставивший провозгласить себя главнокомандующим, отверг это предложение. Наконец, крестоносцы взяли Дамиетту внезапным нападением, разграбили ее, набрали добычи на 400 тысяч золотых и поставили здесь епископа (ноябрь 1219 г.). В Дамиетте тотчас же утвердились итальянцы и сделали из нее центр своей торговли с Египтом. Эта победа произвела большой шум в Европе. Папа назвал Пелагия «вторым Иисусом Навином». На Востоке мусульмане разрушили стены Иерусалима и начали выселяться из него. Христиане готовились завоевать Египет. Но они действовали так медленно, что султан успел собрать армию и построить крепость, названную им Мансурой (Победоносной). Вся зима прошла в спорах о том, кому владеть Дамиеттой; весной к ним присоединилась новая крестоносная армия, прибывшая из Германии и жаждавшая воинских подвигов. Наконец, в июле 1221 г. крестоносцы выступили в поход. Султан снова предложил им обменять Дамиетту на Иерусалимское королевство, но Пелагий опять отверг его предложение. Христиане подступили к Мансуре, не приняв во внимание периодического разлива Нила, который вскоре превратил их лагерь в остров. Мусульмане отрезали им путь к отступлению; христиане, окруженные и лишенные припасов, были счастливы, когда султан согласился отпустить их при условии очищения ими Дамиетты.

Медная монета Юлук-Арслана, эмира Диарбекира, чеканенная в год смерти Саладина (1193)

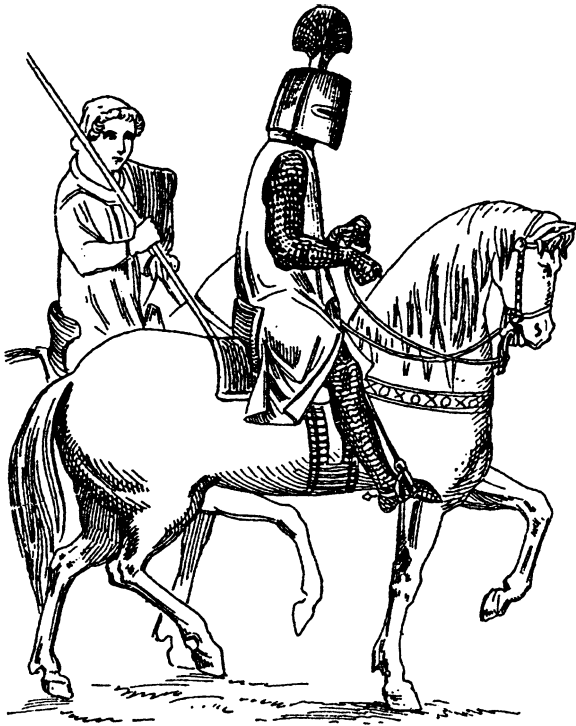
Эпоха крестовых походов: сельджукский тяжеловооруженный всадник и сельджук-арбалетчик

Крестовый поход Фридриха II и его договор с египетским султаном были описаны выше. Один мусульманский летописец рассказывает, что однажды муэдзин с вышины минарета, находившегося близ лагеря Фридриха II, по мусульманскому обычаю призывал верующих на молитву; султан из любезности к своему союзнику приказал сказать муэдзину, чтобы он замолчал, но император воспротивился этому. Эта терпимость более всего возбуждала христиан против Фридриха; его обвиняли в том, что он в глубине души мусульманин.

После отъезда Фридриха французские рыцари возмутились против его правителей. В течение ближайших 15 лет Иерусалимское королевство было полно войн и грабежей. Его спасло лишь то, что египетская монархия, охватывавшая Сирию и Месопотамию, снова разделилась между двумя соперничавшими князьями. В 1244 г. полчище туркменских всадников, призванных султаном Эюбом из Хорезма, взяло Иерусалим и истребило христианскую армию близ Газы.

Седьмой и восьмой крестовые походы. Иннокентий IV на Лионском соборе (1245) провозгласил четырехлетний мир и выступил с планом нового крестового похода для освобождения Иерусалима от неверных. Но Германия и Италия были поглощены борьбой между папой и императором. Два последних крестовых похода были совершены одним только Людовиком Святым, королем Франции; в них участвовали исключительно французы. Норвежский король Гакон, принявший крест сначала в 1237 г. и потом снова после падения Иерусалима, получил разрешение от папы исполнить свой обет путем борьбы с язычниками Северной Европы.

Седьмой крестовый поход (1248) был почти копией пятого. Мы хорошо знаем его благодаря наивному рассказу Жуанвиля, который сопровождал короля. Людовик Святой торжественно отправился в Сен-Дениское аббатство, чтобы взять орифламу, и выступил в поход как настоящий паломник, в платье темного цвета без меха, без украшений из драгоценных металлов, с железными шпорами. Его рыцари последовали его примеру. Он спустился по долине Роны и сел на корабль в недавно приобретенной им небольшой гавани Эгморте. Часть крестоносцев во время пути осталась в Лионе, где папа, по их настоянию, освободил их от обета. Те, которые решили продолжать поход, сели на корабли в разных портах, большей частью в Марселе. Все войско собралось на острове Кипре, где Людовик Святой целых два года заготавливал припасы. Крестоносцы провели здесь всю зиму, ссорясь с туземцами. Они решили напасть на султана Эюба не в завоеванной им Сирии, а непосредственно в Египте. Весной 1249 г. они переправились в Египет на 120 больших, 1600 малых судах и вышли на берег близ Дамьетты. Мусульманский гарнизон, испугавшись,

Рыцарь и оруженосец.
С миниатюры XII в.

ночью вышел из города, и на другой день французы без битвы вступили в Дамьетту (1249). Но разлив Нила заставил их провести здесь несколько месяцев без дела, и эта праздность имела пагубное влияние на армию.

Султан Эюб умер. Его вдова Шеджер-Эддур держала его смерть втайне, чтобы дать время своему сыну Туран-шаху, правителю Месопотамии, приехать в Египет. Эмир Факр-Эддин руководил обороной и мелкими нападениями тревожил крестоносцев.

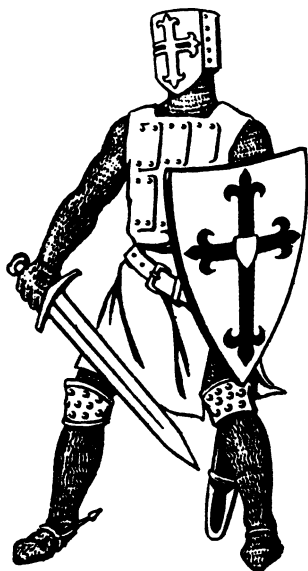
Между тем последние получили подкрепление; это были английские феодалы и брат Людовика Святого Альфонс, граф Пуатье, с армией. Вожди обсуждали вопрос, следует ли предварительно взять Александрию и укрепиться на всем побере-

жье Египта или идти прямо на Каир, чтобы сразу сломить могущество султана. Роберт граф Артуа, брат короля, пылкий и легкомысленный, добился решения в пользу похода на Каир. Войско двигалось чрезвычайно медленно: 10 миль, отделяющие Дамьетту от Мансуры, оно шло целый месяц. Как и во время пятого крестового похода, христиане осадили Мансуру и стали лагерем на песчаной равнине среди каналов; они истратили 50 дней на постройку плотины, чтобы получить возможность перейти через канал, отделявший их от Мансуры, и трех деревянных башен, которые мусульмане сожгли греческим огнем.

Один бедуин предложил Людовику Святому показать ему брод через канал; часть войска осталась в лагере, остальные перешли брод. Впереди должны были идти тамплиеры, знакомые с тактикой мусульман, но Роберт граф Артуа упрямил короля пустить его вперед, обещая не нападать на врагов преждевременно. Людовик уступил; но Роберт, лишь только увидел мусульман, тотчас же с боевым кличем бросился на них. Христиане перебили множество мусульман, в том числе и Факр-Эддина. Граф Артуа преследовал побежденных до Мансуры и в сопровождении своей свиты и тамплиеров, которые не желали покинуть его, ворвался в город. Мусульмане, сплоченные энергичным Бибарсом, забаррикадировали город, закрыли христианам путь к отступлению и перебили Роберта, 300 французских рыцарей, 80 тамплиеров и почти всех англичан. В то же время подошла их флотилия и уничтожила всю христианскую эскадру. Остаток армии был отброшен за канал. Сам Людовик едва не попал в плен (февраль 1250 г.).

Христиане пали духом; они были утомлены и страдали от жары, смрада трупов и дурного питания; караваны попадали в руки сарацин; был великий пост, и единственная пища крестоносцев заключалась в нильской рыбе. В лагере свирепствовала эпидемия, похожая на скорбут, от которой портились десны и кожа на ногах «покрывалась черными и бурными пятнами наподобие старого сапога, пролежавшего в сундуке долгое время» (Жуанвиль).

Больные и истощенные крестоносцы не могли более держаться; Людовик Святой решил вести их обратно к Дами-

Крестоносец

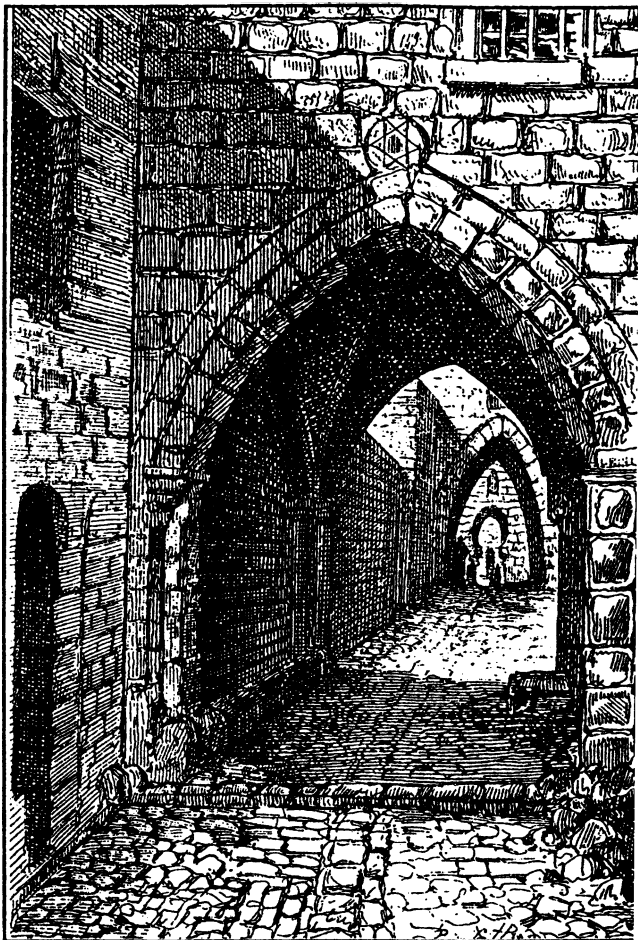
етте. Они не успели разрушить мост позади себя; мамелюки погнались за ними и без сопротивления убивали или брали в плен. Людовик Святой мог бы спастись; но он хотел непременно идти в арьергарде. Наконец, когда он уже больше не мог держаться на ногах, он был взят в плен; армия рассеялась, и вся целиком попала в плен. Мамелюки привели своих пленников связанными в Мансуру и перебили их почти всех, исключая лишь наиболее богатых (апрель 1250 г.). За освобождение короля и вельмож Туран-шах потребовал сначала несколько городов в Палестине, угрожая Людовику Святому пыткой. В конце концов он удовольствовался Дамией и выкупом в 800 тысяч золотых. Был заключен договор, но Бибарс и мамелюки, уже и ранее недовольные предпочтением, которое оказывал Туран-шах своим фаворитам, приведенным им из Месопотамии, составили заговор против него. Они убили султана вблизи кораблей, на которых находились христианские пленники; жизнь последних несколько раз подвергалась опасности, прежде чем они были освобождены.

Крестоносцы согласно договору очистили Дамиетту. Мусульмане перебили больных паломников, которые оставались в городе; тем не менее Людовик Святой не считал себя свободным от принятых им на себя обязательств: он заплатил условленный выкуп и удалился в Сирию; где провел три года, тщетно ожидая подкрепления. Следствием смерти Туран-шаха были прекращение Эюбитской династии, основанной Саладином, и вскоре затем вступление на египетский престол Ибека, положившего начало династии мамелюкских султанов.

Именно в Сирии Людовик IX начал обнаруживать те черты, которые заслужили ему имя святого короля. Он босиком во власянице совершил паломничество в Назарет, своими руками помогал восстанавливать стены Цезареи и хоронить трупы христиан в окрестностях Сидона.

По возвращении во Францию (1254) он не оставил мысли о крестовом походе. В 1270 г. он снова покинул Францию со своими тремя сыновьями, братом Альфонсом графом Пуатье, зятем и дочерью, королем и королевой Наваррскими, графами Артуаским, Бретанским и Фландрским¹; но число рыцарей, сопровождавших его на этот раз, было гораздо меньше: увлечение крестовыми походами во Франции остыло. Даже Жуанвиль отказался сопутствовать королю; большинство рыцарей согласилось ехать только при условии уплаты им жалованья королем. Крестоносцы сели на генуэзские корабли; Венеция отказалась дать суда, чтобы не поссориться с египетским султаном. Первая остановка была в Кальяри (в Сардинии); здесь крестоносцы принялись обсуждать вопрос о дальнейшем направлении похода. Брат Людовика Святого Карл Анжуйский, который за несколько лет перед тем сде-

¹ Король Арагонский Иаков Завоеватель принял крест и в сентябре 1269 г. отплыл из Барселоны; но его флот был прибит бурей к берегам Франции, и он отказался продолжать поход, «которого, по-видимому, не одобрял сам Господь». Так кончился единственный крупный крестовый поход испанцев. Король Кастилии, раздраженный тем, что Карл Анжуйский заключил в темницу его брата, Энрико Кастильского (см. выше), не принял участия в походе. Зато принц Эдуард Английский (будущий Эдуард I) высадился в Карфагене с большим числом английских и шотландских рыцарей; но это было уже после смерти Людовика Святого.

Постройки в Триполи (Сирия) времен крестовых по

лался королем Сицилии, отклонил крестоносцев от ес
ной цели похода – Сирии или Египта.

В то время, когда Сицилийское королевство пр
жало Гогенштауфенам, гафсидский султан Туниса с
платить им дань. После поражения их партии в 126
тан Эль-Мостансер дал у себя приют их приверж
отказался платить дань Карлу Анжуйскому. Карл хо

нудить его к уплате дани и выдаче своих противников¹. С этой целью он посоветовал крестоносцам обратить свое оружие прежде всего против Туниса. Людовик Святой уступил; его уверили, что одного вида христианской армии будет достаточно, чтобы заставить султана принять христианство. Крестоносцы, выйдя на берег близ развалин Карфагена, закрыли пробоины в стенах досками и снова обвели крепость рвом. Но мусульмане блокировали крепость, и крестоносцы сильно страдали от жажды. Людовик Святой не хотел вступать в сражение до прибытия Карла Анжуйского, надеясь, что ему удастся без кровопролития склонить эмира к крещению. В христианском лагере открылась эпидемия, жертвами которой пали сын Людовика Святого Тристан Неверский и множество сеньоров. Когда наконец прибыл Карл, сам Людовик Святой был уже при смерти; он умер 25 августа. Крестоносцы отразили мусульман, которые напали на их лагерь, и заняли часть тунисского озера. Но сеньоры торопились вернуться; они заключили договор с султаном, который обязался платить Сицилийскому королю дань в двойном размере, выдать христианских пленников, уплатить военные издержки в 210 тысяч унций золота и разрешить свободное отправление христианского богослужения в Тунисе.

Конец крестовых походов. Крестовый поход 1270 г. был последним. В течение столетия с лишним папа и христианские государи продолжают еще готовить новые экспедиции и собирать налоги, установленные для покрытия издержек по крестовым походам; но более уже никому не удается собрать войско для похода в Сирию. Скоро в Европу вторгаются турки-османы, и крестовый поход сводится к защите против мусульман, а не к борьбе против них на Востоке. В Испании, Пруссии и Венгрии было еще несколько крестовых походов, в св. земле — ни одного.

¹ Кроме того, Карл Анжуйский поддерживал более или менее справедливые требования франкских, особенно провансальских, купцов: последние требовали с Эль-Мостансера сумму в 300 тысяч динаров (3 миллиона франков), которую будто бы задолжал им крупный тунисский торговец Абул-Аббас Эль-Лулияни, так как султан казнил его и конфисковал его имущество *Ibn-Khaldoun. Hist. des Berbères*, т. II, с. 358 и след.).

Сирийские христиане, предоставленные своим собственным силам, не могли долго держаться¹; туркмен Бибарс, бывший некогда рабом и в 1260 г. сделавшийся египетским султаном, отнимал у них город за городом. Его система состояла в том, чтобы разрушать прибрежные города и укреплять замки, находившиеся внутри страны. Так были разрушены Цезарея, Арсуф (1265), Яффа и Антиохия (1268). Смерть Бибарса на время приостановила дело разрушения, но эмир Килаун, сделавшийся султаном в 1280 г., продолжил и закончил дело Бибарса. Он напал прежде всего на княжество Триполи, взял крепость госпитальеров Маркаб (1285) и затем Триполи (1289), сжег город, перебил мужчин, а женщин и детей увел в рабство. Затем дошла очередь до Иерусалимского королевства; в нем было избито до 100 тысяч христиан. Сен-Жан д'Акра, один из богатейших городов того времени, «дверь в св. места», крупное складочное место товаров, выдержала страшную осаду. У мусульман было 92 осадные машины; они подрыли стены и вошли через пролом. Город был взят штурмом, сожжен и разрушен до основания (1291). Остальные города вскоре сдались. Так исчезли христианские государства Сирии. Оставшиеся в живых франки вернулись в Европу.

Большинство этих беглецов нашло убежище в Кипрском королевстве, которое достигло цветущего состояния и просуществовало еще около двух веков. Крупные города – Венеция, Генуя, Барселона – испросили себе у кипрских королей торговые привилегии².

¹ Некоторое время они ждали спасения от полчища монгольских всадников, которые, разрушив Багдад (1258), дошли до Сирии. Эти монголы находились в сношениях с христианским царем Малой Армении; их надеялись обратить в христианство; христиане говорили, что со времени императора Константина никто не оказал больших услуг христианству, чем хан Улагу и его жена. Хан потребовал, чтобы христиане признали его своим владыкой. Тамплиеры ответили: «Если придут монгольские дьяволы, они найдут слугителей Христа готовыми к битве». Монголы приняли магометанство и вернулись в Малую Азию.

² Кипрская гавань Фамагуста была некоторое время самым значительным портом Леванта. Папа запретил христианам под страхом отлучения вести торговые сношения с неверными; Фамагуста сделалась складочным пунктом, где европейские христиане забирали продукты

Один из кипрских королей отнял у мусульман Смирну (1343); другой – завоевал Атталию, взял и разграбил Александрию (1365). Затем королевство было разорено войнами против генуэзцев, которые взяли Фамагусту и владели ею почти целое столетие (1373–1464). Вдова последнего короля, венецианка Катерина Корнаро, завещала свое королевство Венеции (1489).

Эмиграция христиан из Сирии оказалась выгодной и для Армянского царства. Оно изнемогало под тяжестью дани, наложенной на него египетскими мамелюками, и страдало от распрей между народом, упорно державшимся своей армянской веры, и королем и воинами, которые, чтобы приобрести поддержку франков, обещали вернуться в лоно католической церкви. Бежавшие сюда из Сирии франкские рыцари усилили партию короля; итальянские купцы сделали из Лаяццо в глубине Киликийского залива крупный торговый порт, в котором европейцы закупали азиатские товары, привозимые караванами из стран, подвластных монголам, союзникам армянских царей.

В 1342 г. династия Рубенидов в Армении прекратилась; наследниками короны по женской линии были кипрские Лузиньяны; но армяне отказались признать их как католиков, и гражданская война возобновилась. Мамелюки воспользовались смутой, вторглись в королевство, разграбили города и деревни и истребили армию. Царь Лев VI, осажденный ими в одном горном замке, был взят в плен и отвезен в Каир (1375). Страна осталась опустошенной и подвластной мусульманам.

мусульманских стран, особенно пряности, и куда они привозили строевой лес и железо, в которых нуждались египетские мусульмане; здесь торговали также естественными продуктами Кипра – вином, сахаром и хлопком. Кипрские корабли исполняли роль морской полиции и забирали в плен суда «дурных христиан», которые решались приближаться к берегам Египта. Ядро кипрского населения составляли греки восточной веры, которые сделались подданными франкских рыцарей и всегда относились враждебно к пришельцам-католикам. Но на острове образовалась большая колония купцов, духовных и горожан католического исповедания, которая и составляла господствующий класс. Правитель продолжал носить титул иерусалимского короля: его двор в Никосии был центром, куда стекались франкские сеньоры Леванта; в королевстве по-прежнему применялось и развивалось феодальное право ассиз.

Тамплиеры переселились сначала на Кипр, позднее – в Париж; тевтонские рыцари – в Венецию, а впоследствии – в Мариенбург в Пруссии¹. Госпитальеры завоевали (1310) остров Родос, которым они владели до 1522 г., и несколько соседних островов; на самом материке им принадлежали Смирна (1343–1402) и крепость Сан-Пиетро.

Общая характеристика крестовых походов

Характер крестовых походов. Последствия крестовых походов.

Характер крестовых походов. Крестовые походы были военными экспедициями христиан, организованными папой, главой всего католического мира; всякий крестоносец был вооруженным паломником, которому церковь в награду за это паломничество прощала все заслуженные им церковные наказания. Паломники собирались большими ополчениями вокруг короля, могущественного сеньора или даже папского легата, но они не были подчинены никакой дисциплине, они свободно переходили из одного ополчения в другое или даже совсем покидали экспедицию, когда считали свой обет исполненным. Таким образом, крестоносная армия представляла собой не что иное, как совокупность отрядов, избравших один и тот же путь. Они продвигались в беспорядке и медленно, верхом на тяжелых конях, обремененные обозом, множеством слуг и мародеров, вынужденные перед каждым сражением надевать тяжелую кольчугу.

Они тратили целые месяцы на прохождение Византийской империи и на войны с турецкими всадниками Малой Азии. В степях и пустынях, где не было воды или где нельзя было добыть съестных припасов, люди и лошади падали от голода, жажды и усталости. На стоянках недостаток ухода, лишения и посты, сменяемые часто излишествами в употреблении пищи и напитков, порождали заразы, истреблявшие крестоносцев тысячами. Лишь ничтожная часть паломников достигала Сирии. Таким образом, на пути в св. землю,

¹ См. ниже, глава 14.

Рыцарь XIII в. в одежде крестоносца.
*По миниатюре из рукописи XIII в.
Лондон. Британский музей*

особенно в XII в., погибло огромное количество людей. В конце концов, крестоносцы отказались от этой пагубной сухопутной дороги; в XIII в. все шли уже морским путем; итальянские суда в течение нескольких месяцев перевозили их в св. землю, где и начиналась настоящая война. Эта перемена пути коренным образом изменила сам характер крестовых походов.

В сражениях с мусульманами крестоносцы при равном числе обычно одерживали верх: на своих крупных конях и в непроницаемых доспехах они образовывали плотные батальоны, которых сарацины на своих малорослых конях и вооруженные луками и саблями не могли прорвать. Правда, победы крестоносцев не имели прочных результатов; победители возвращались в Европу, и мусульмане вновь становились господами страны.

Эти армии, время от времени появлявшиеся в св. земле, могли завоевать ее, но они не были в силах удерживать ее

за собой. Но вместе с крестоносцами, отправлявшимися в св. землю только для того, чтобы поклониться св. местам, сюда являлись и рыцари, стремившиеся приобрести деньги, и купцы, искавшие наживы; для них-то и было важно сохранить за собой страну. Им крестовые походы обязаны всем своим успехом, так как они воспользовались минутной силой, какую представляли массы паломников, для прочных завоеваний. Они руководили военными действиями, строили осадные машины, брали города и укреплялись в них, чтобы быть в состоянии дать отпор неприятелю, когда он вернется. Сами крестоносцы были совершенно неспособны вести войны в отдаленных странах; пышные экспедиции, предводимые государями, все до одной кончались самым плачевным образом. Единственные крестоносные армии, которые добились действительного успеха (первый крестовый поход, приведший к завоеванию Сирии, и четвертый, результатом которого было завоевание Греческой империи), были руководимы – одна итальянскими норманнами, другая – венецианцами. Энтузиазм и храбрость крестоносцев представляли собой слепую силу, которая нуждалась в руководстве опытных людей. Таким образом, крестоносцы были лишь орудиями; истинными же основателями христианских государств были искатели приключений и купцы, которые, подобно эмигрантам нашего времени, отправлялись на Восток, чтобы прочно осесть там.

Эти эмигранты никогда не были настолько многочисленны, чтобы заселить страну; они представляли собой военный лагерь среди туземцев. В каждом из христианских княжеств господствующий класс до конца состоял из нескольких тысяч французских рыцарей и итальянских купцов. Эти княжества никогда не могли достигнуть прочности европейских государств, заключавших в себе целую нацию. Они походили на те государства, какие основывали арабские или турецкие вожди, где население оставалось индифферентным к тому, кто управляет им, и где государство сливалось с армией и погибало вместе с ней. Эти княжества просуществовали около двух веков, то есть дольше, чем многие из восточных государств. Лишь могучая эмиграция могла бы дать им силу удержаться в борьбе с мусульманской Азией и

Византией; но средневековая Европа не могла питать такой эмиграции.

В течение полувека христианским государствам приходилось воевать лишь с мелкими князьями Сирии и с мусульским Атабеком; египетские мусульмане жили в мире с ними. Это было время их расцвета. Но когда место Каирского халифата, разрушенного Саладином, заняло военное государство мамелюков, христиане, теснимые со стороны Египта, не могли долго противостоять, как доказывают победы Саладина. Если остатки их государств держались еще целое столетие, то лишь потому, что султаны не делали попыток разрушить их. Как для мусульман, так и для христиан, эта война была, без сомнения, священной, которая часто прерывалась перемириями в несколько лет. Не следует также думать, будто все христианские князья сплотились против всех мусульманских князей. Политические интересы обычно превозмогали религиозную ненависть. Беспредельно шли войны христиан против христиан, мусульман против мусульман. Нередко даже какой-нибудь христианский князь заключал союз с мусульманским вождем против другого христианского князя.

В христианском лагере никогда не господствовало полное согласие. Религиозный энтузиазм, объединявший крестоносцев, не заглушал в них ни торгового соперничества, ни расовой ненависти; между князьями различных государств, между французами, немцами и англичанами, между генуэзскими и венецианскими купцами, между тамплиерами и госпитальерами шли вечные пререкания, не раз приводившие к вооруженным стычкам. В 1256 г. в Сен-Жан д'Акре вспыхнула война между венецианцами и генуэзцами из-за монастыря, построенного на холме, который разделял их кварталы. Госпитальеры, каталонцы, анконцы и пизанцы стали на сторону генуэзцев; тамплиеры, тевтонские рыцари, провансальцы, Иерусалимский патриарх и король Кипра поддерживали Венецию. Генуэзцы разрушили башню пизанцев, венецианцы сожгли генуэзские корабли и взяли штурмом их квартал. Эта война продолжалась два года.

Те же вечные ссоры между крестоносцами, приходившими из Европы, и сирийскими франками. Живя среди сара-

цин, франки переняли их обычаи, бани, развевающиеся одежды; они организовали у себя легкую кавалерию, вооруженную по-турецки, и принимали на службу мусульманских солдат (туркополы); они были склонны относиться к мусульманским князьям как к соседям и не нападать на них без причины. Западные рыцари, приносившие с собой из Европы закоренелую ненависть против неверных, хотели бы всех их истребить и возмущались этой терпимостью. Лишь только они высаживались на берег, они бросались на мусульманскую территорию, в жажде битв и грабежей, часто вопреки советам туземных христиан, лучше знакомых с характером восточной войны. Западные писатели средних веков смотрят на христиан св. земли, как на предателей, и приписывают им вину за гибель сирийских государств. Справедливы ли эти обвинения? Без сомнения эти франкские авантюристы, быстро обогатившись и живя в роскоши среди развращенного населения, должны были заразиться многими из их пороков, особенно те, которые родились в Сирии (их называли *poulains*); но не европейским крестоносцам было судить их. Они сами, благодаря своей близорукости и отсутствию дисциплины, сделали больше вреда, чем сирийские христиане – своей изнеженностью.

Последствия крестовых походов. Прямым результатом крестовых походов, если оставить в стороне гибель миллионов людей, было основание на Востоке, за счет мусульман и Византийской империи, нескольких католических государств, занятых французскими рыцарями и итальянскими купцами. Эти европейцы, никогда не достигавшие большого числа, были вытеснены, и единственными следами их пребывания на Востоке остались развалины их замков в портах и горах Греции и Сирии. Но в течение двух веков своего господства на Востоке они установили правильные сношения между христианами Европы и мусульманскими государствами.

Для перевозки паломников в св. землю города средиземного побережья организовали транспортные флоты; кони, которых всегда везли с собой крестоносцы, перевозились на судах, где трюм открывался сбоку. Для защиты против пиратов употребляли корабли, оснащенные по-военному, и

отправляли сразу целый флот. Существовало два рейса: один – весной (большой рейс) для паломников, которые шли в св. землю на Пасху, другой – летом. Перевозка паломников давала большие доходы; поэтому сильные города удержали ее за собой; можно было отъезжать лишь из определенных портов: в Италии – из Венеции, Пизы и Генуи, во Франции – из Марселя. Тамплиеры получили привилегию отправлять в каждый рейс по одному кораблю.

Морем или сушей миллионы христиан отправлялись из Европы на Восток; крестовый поход был для них как бы образовательным путешествием. Они выходили из своих замков или местечек более невежественные, чем наши крестьяне, и внезапно видели перед собой большие города, новые страны и неизвестные обычаи. Все это будило их ум и обогащало его новыми идеями. Они знакомились с народами Востока и перенимали у них некоторые искусства и обычаи.

Кроме того, они получали более правильное представление о мусульманах. Первые крестоносцы считали их дикарями и идолопоклонниками, Магомета – кумиром, а позже еретиком. В XIII в. христиане уже знали сущность ислама и признавали мусульманскую культуру выше своей собственной.

Однако трудно сказать с точностью, чем обязана Европа крестовым походам. Христиане Запада в течение средних веков переняли у арабов и греков множество изобретений и обычаев. Когда видишь в Европе какой-нибудь восточный обычай, невольно приходит на ум, что он был занесен сюда крестоносцами; но крестовые походы представляют собой не единственный путь, которым он мог перейти сюда. Восточная культура господствовала по всему африканскому побережью и в Южной Испании; христиане находились в регулярных торговых сношениях с египетскими, тунисскими и испанскими мусульманами и византийскими греками. В общем нам хорошо известно, что заимствовали христиане у Востока; но относительно отдельных предметов или обычаев мы редко знаем, перешли ли они в Европу через Испанию, Сицилию, Византийскую империю или крестоносцев. Приписывать влиянию крестовых походов все восточные обычаи, господствовавшие в Европе в средние века,

значит преувеличивать их влияние или подводить под это все сношения христиан с мусульманами.

Несомненно, что средневековая Европа многое усвоила от мусульманских народов, но невозможно с точностью определить роль крестовых походов в этом влиянии Востока на Европу. Единственное, что можно приписать им с уверенностью, это – перенесение на Запад тех обычаев, которые возникли в самой Сирии; из оружия заимствованы арбалет, копьё с перевязью, барабан и труба; из растений – кунжут, абрикосы (по-итальянски *damasco*), шарлот (из Аскалона) и арбуз. На Востоке христиане, которые до тех пор все брились, начали впервые носить бороды. Возможно также, что ветряная мельница появилась в Европе из Сирии.

Чтобы узнавать друг друга среди огромной толпы воинов, рыцари должны были иметь какие-нибудь отличительные знаки; уже и раньше вошло в обычай изображать какой-нибудь орнамент на щите. Во время крестовых походов эти украшения становятся фамильными знаками, которые затем уже не меняются. Так возникла система гербов. Она сложилась на Востоке, как доказывают употребительные в ней восточные слова: *gueules* (красный) – арабское слово (от *gùl*, розовый); *azur* (синий) – персидское, *sinople* (зеленый) – греческое; золотая монета называлась *безантом* (византийская золотая монета), геральдическим крестом служил греческий крест.

Крестовым походам приписывали и многие другие последствия: освобождение крестьян от крепостной зависимости, усиление королевской власти, преобразование феодального строя, развитие эпической поэзии, обогащение Италии, даже упадок благочестия и ослабление папской власти – одним словом, почти все перемены, происшедшие в западных государствах между XI и XIII вв. Крестовые походы, без сомнения, имели глубокое влияние на общий ход развития христианских государств, но каждое из этих явлений имело более действительные и несомненные причины, которые следует искать в истории самих государств Запада.

Французское королевство (1108–1270)

Людовик VI и Людовик VII

Людовик VI (1108–1137). Завоевание Французского герцогства. Людовик VI и крупные феодалы. Присоединение герцогства Аквитанского. Союз с папством. Борьба Людовика Толстого с французским духовенством. Людовик Толстый и низшие классы. Людовик VII (1137–1180).

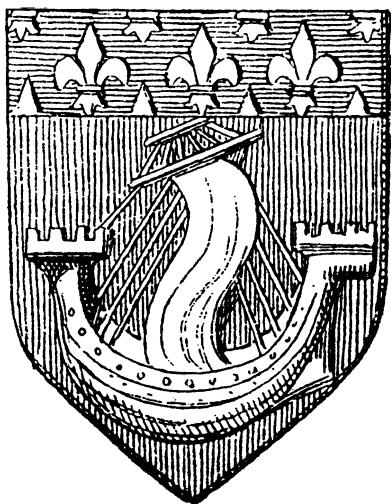
Людовик VI (1108–1137). Он унаследовал от своего отца высокий рост и тучность, которая уже в XII в. доставила ему прозвание Толстого. Он был чувствен и жаден, как Филипп I. Но все современники единодушно восхваляли его мягкость, гуманность, приветливость по отношению ко всякому человеку и особого рода искренность или естественное добродушие, которое они называли его простотой. Эта мягкость характера обнаруживалась особенно в его отношениях к членам семьи. Он был превосходным сыном, и это было тем похвальнее, что его отцом был Филипп I, а мачехой – Бертрада Монфорская. Врожденное благородство заставляло его обычно нападать открыто, презирать хитрость и коварство. Самой заметной чертой этого рыцарского характера, которую Сугерий с явным предпочтением выдвигает вперед в своей истории, была неутомимая энергия, пылкое мужество, иногда даже безрассудная смелость солдата. Действительно, Людовик Толстый был прежде всего воином. Он был всецело поглощен своей военной деятельностью до той минуты, когда, добившись почти полного успеха и ослабленный телесными немощами, счел возможным, наконец, дать себе отдых, кото-

рого раньше никогда не знал. Но и после этого он не переставал воевать до последних лет своей жизни: лишь в 1135 г. он сжег свой последний замок.

Завоевание Французского герцогства. Людовик принялся за это трудное дело в 1100 г., тотчас после того, как был облечен королевской властью. С первых же шагов он зарекомендовал себя не как защитник королевских интересов, миссия которого – охранять права монархии от хищений и бесчинств феодалов, а как покровитель слабых и угнетенных и, в особенности, как мститель за клириков и монахов, ограбленных светскими владельцами. Эту роль верховного судьи и охранителя церковного имущества Капетинги теоретически присваивали себе постоянно, с первой минуты своего воцарения. Но Людовик Толстый чаще и с большей настойчивостью, чем кто-либо из его предшественников, провозглашал во вступлениях к своим грамотам, что короли должны защищать угнетаемую церковь. Ту же мысль повторяет и Сугерий на каждой странице своей истории. Он не находит достаточно сильных выражений для похвалы тому, кто первый сумел исполнить долг короля и подвергнуть гонителей духовенства каре, соответствующей их беззакониям.

Действительно, почти все походы Людовика Толстого были предприняты с целью удовлетворить жалобы какого-нибудь епископа или аббата. Нужно отдать честь одушевлявшим его рыцарским чувствам, которые делали его покровителем всех слабых; но не следует забывать и того, что интересы королевской власти здесь в большей степени совпадали с интересами церкви. Значительная часть земель, которыми владели капитулы и монастыри Иль-де-Франса, составляла собственность короля. Епископы и аббаты пополняли недостаточные государственные доходы и поставляли солдат в королевскую армию. Защищая земли и доходы церкви против феодалов, Людовик преследовал лишь самые настойчивые интересы своей власти и своей казны. Он боролся за свое собственное благо.

Труд, который он взял на себя, был тем тяжелее, что ильде-франским феодалам не раз удавалось вступать в союз с самыми опасными врагами династии, графом Блуаским,

Одно из ранних изображений герба
города Парижа

Тибо IV и английским королем Генрихом I. К этому нужно еще прибавить, что некоторые из них были страшны своей смелостью и энергией во зле и могли навести ужас на судью менее неустрашимого, чем сын Филиппа I. Известно, как вели себя эти враги церкви и короля. Прийти с лошадьми и охотничьими собаками в аббатство или монастырь для ночлега и обеда, отнять у монастырских крестьян вино, хлеб и скот, обобрать купцов, едущих на ярмарку, — таков был их образ жизни изо дня в день. Но некоторые из них занимались грабежом так беззастенчиво и в таких необыкновенных размерах, что потомство никогда не забудет их имен. Достаточно упомянуть о Гуго де Пюизе, этом типе барона-опустошителя, и о Томасе де Марле, злодее высшего сорта, олицетворявшем собой самые гнусные преступления феодального порядка.

Ко времени Монморансийского похода, которым начался ряд этих военных экспедиций, продолжавшихся затем в течение 35 лет (1101–1135), главные группы поместий или превотств, из которых состоял королевский домен, распределялись неравными участками по 12 современным депар-

таментам¹. Каждая из них имела своим центром епископский город или укрепленное местечко, подчиненное праву постоя, где находился или королевский дворец, или замок, или башня, занятая гарнизоном короля. Такими центрами были Париж, Мант, Дрё, Этамп, Орлеан, Бурж, Санс, Мелён, Бовэ, Санлис, Нойон, Компьен, Суассон, Лан, Перонн, Монтрейль s/M. Некоторые города, как Амьен, Реймс, Шалон-на-Марне, Шартр, Арра, Тур (Châteauneuf), могли считаться королевскими городами в том смысле, что тесные узы, соединявшие их епископов или аббатов с короной, позволяли королю жить там и осуществлять некоторые права. Поэтому многочисленные военные экспедиции Людовика Толстого имели целью то обеспечение беспрепятственного сообщения между этими пунктами, то усиление королевской или епископской власти путем ослабления власти виконтов и кастелянов, то избавление церковных поселений от хищений соседних сеньоров. Правда, королю не всегда приходилось прибегать к военным действиям: часто простой угрозы, вызова на суд, предъявления иска в королевский суд было достаточно, чтобы заставить притеснителей покориться. Но в какой бы форме ни проявлялось влияние Людовика Толстого, можно сказать, что не было ни одного королевского или епископского города, который не испытал бы на себе благодетельных последствий его деятельности.

От одного конца капетингских владений до другого, от долины верхней Оазы до истоков Индра, где только угрожала опасность тесно связанным между собой интересам королевской власти и церкви, Людовик являлся с оружием в руках, готовый уничтожить притоны феодалов и положить конец страданиям народа. Такая деятельность естественно возбуждала удивление в современниках, особенно в духовенстве, которому она приносила такую большую выгоду. Поэтому нельзя отрицать значения военных успехов, достигнутых сыном Филиппа I. Его старания усмирить мелких феодалов прежнего герцогства Французского увенчались двойным успехом, моральным и материальным. Первый

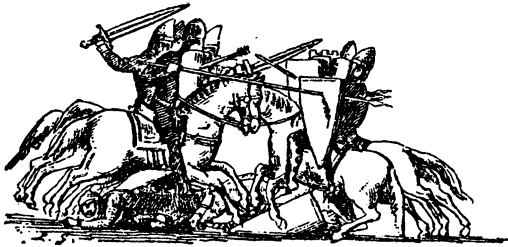
¹ Seine, Seine-et-Marne, Seine-et-Oise, Eure-et-Loir, Loiret, Cher, Oise, Somme, Pas-de-Calais, Aisne, Marne, Yonne.

выразился в том, что он возвысил достоинство короля, дискредитированное раньше во мнении как знати, так и народа. Материальный успех состоял в том, что он положил начало восстановлению той территориальной основы, на которой его династия возводила понемногу великое здание объединения Франции.

Людовик VI и крупные феодалы. Людовик Толстый, кажется, меньше всех остальных Капетингов вмешивался в дела крупной аристократии. Тем не менее, его отношения к областным династиям заслуживают внимания со стороны историка. Некоторые из этих княжеств, благодаря поддержке, которую они неизменно оказывали царствующему дому, или, наоборот, благодаря беспрестанным враждебным действиям против него, имели большое влияние на жизнь короля и на характер его политики.

Граф Блуаский, Тибо IV, был злым гением Людовика Толстого. Он вел со своим сюзереном непрерывную войну, длившуюся с лишком 24 года, в продолжение которых он не упускал случая наносить вред своему врагу. С 1111 по 1135 г. Людовик всюду сталкивается с ним: в Нормандии, где граф Блуаский вместе со своим братом Этьеном постоянно принимал деятельное участие в военных действиях своего дяди Генриха I; в Босе, Иль-де-Франсе и Бри, где он беспрестанно подстрекал и поддерживал грабителей-феодалов в их борьбе с королевским правосудием, которому стоило столько труда усмирять их. Он был душой этих беспрестанно возобновлявшихся коалиций, в которых английский король и его племянник подавали руку Гуго де Креси, Гюи де Рошфору и даже Гуго дю Пюизе, наследственному врагу шартрского дома.

После графства Блуаского главное место в заботах и общей политике Людовика Толстого занимало другое феодальное государство – графство Фландрское. Но здесь мы наблюдаем совершенно иную картину. В течение большей части царствования фламандцы были самыми преданными союзниками и главной поддержкой царствующего дома. История отношений между Людовиком Толстым и Фландрией показывает нам, как велико могло быть в эту эпоху влияние представителя монархии на крупные независимые

Схватка рыцарей в XII в. По миниатюре из рукописи
«Саксонское зеркало». Гейдельберг

феоды. Феодалные князья вроде Роберта II Иерусалимского и Балдуина VII la Nache были в сущности наместниками французского короля во время его войн с мятежными феодалами и с английскими королями. Оба они умерли на его службе.

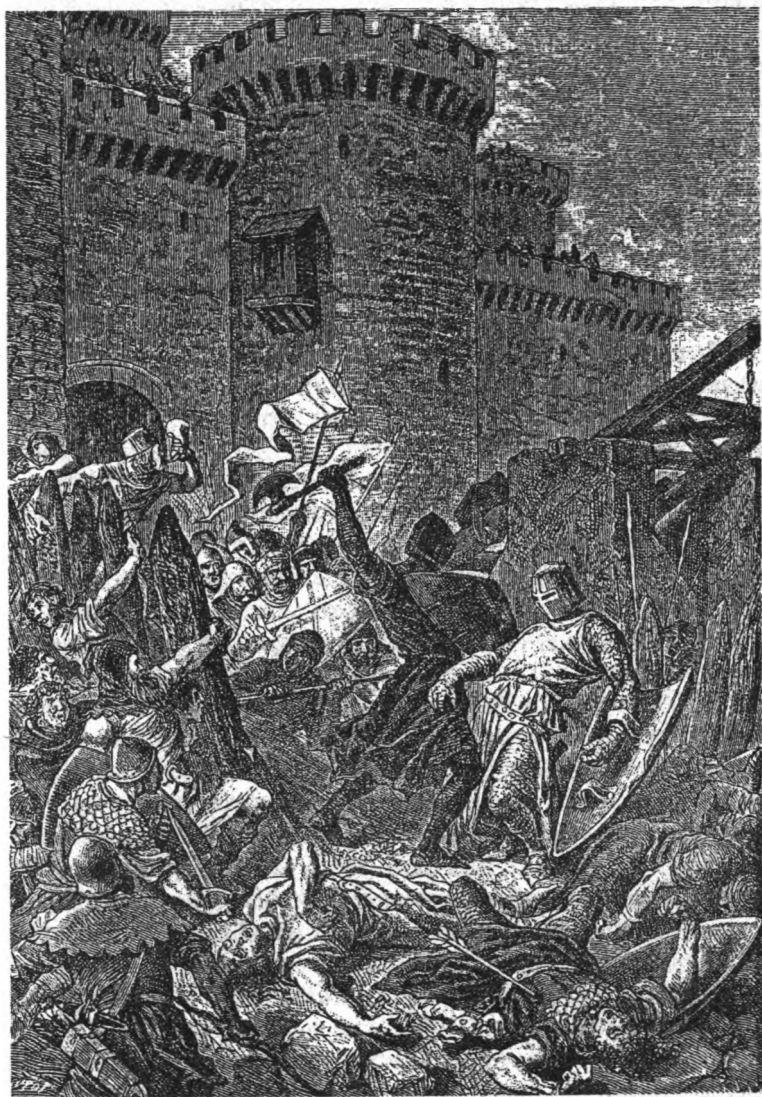
Могущественное Нормандское герцогство занимает особое место в кругу феодальных княжеств, с которыми находился в сношениях Людовик Толстый. Действительно, судьбы этого княжества с 1106 г. (битва при Теншбре) были связаны с судьбами английской монархии. По обеим сторонам Ла-манша одна и та же сильная и грубая рука держала подданных под игом своей власти. Таким образом, Капетингам приходилось иметь дело с Вильгельмом II и особенно с Генрихом I (1100–1135) не только как с вассалами, но и как с вождями другой нации. Но наиболее тесным образом история англо-нормандского государства связана с историей царствования Людовика Толстого. В эту эпоху Нормандия по-прежнему является центром интриг и коалиций, направленных против французского короля, — чем-то вроде отталкивающего полюса, соседство которого еще долго будет составлять постоянную опасность для национальной династии. Когда подумаешь о том, как даровиты были некоторые из этих королей (например, Генрих I), как многочисленно и воинственно было нормандское население, как легко этот враг мог добраться до капетингского короля в самом центре его государства, в какой согласии обычно находились между собой английский король, граф Блуаский и мелкие феодалы, враждебные Людовику Толстому, то с удивлени-

ем спрашиваешь себя, каким образом последний со своими слабыми силами мог отражать непрерывные нападения своего страшного соседа. Успех этого сопротивления объясняется затруднениями, которые встречал Генрих I в самой Англии, раздорами и мятежами его нормандской знати, а главное – тем, что он не мог удержать в союзе с собой Фландрию и Анжу. Принужденная обороняться с севера против фламандцев, с юга – против анжуйцев, с востока, в Вексене, – против французов, Нормандия почти всегда должна была делить свои военные силы на три части. Этому обстоятельству слабое капетингское королевство в значительной степени обязано своим спасением.

Присоединение герцогства Аквитанского. Всего за несколько месяцев до смерти Людовика VI произошло присоединение герцогства Аквитанского – событие столь же важное, сколько и непредвиденное. Вильгельм X умер во время своего паломничества в Сантьяго-де-Компостела, не оставив наследников мужского пола. Знатнейшие аквитанские сеньоры засвидетельствовали, что он наметил в мужья своей дочери Элеоноре наследника французского престола Людовика. Этот брак сразу удвоил территорию капетингских владений. Он дал возможность французским королям подчинить своей непосредственной власти часть Пуату, Сентонжа и Бордо и распространить свое верховенство до пиренейской границы. Однако это блестящее приобретение не настолько увеличило богатство и реальное могущество французской короны, как этого можно было бы ожидать. Эти южные провинции, беспрестанно волнующиеся своевольной знатью, были слишком удалены от старых королевских доменов; монархия была слишком слаба, чтобы прочно привязать их к себе, минуя независимые феодальные княжества Турени, Анжу, Берри, Марки и Пуату. Они доставили Людовику VII столько же хлопот, сколько выгод.

Союз с папством. Одним из факторов, наиболее способствовавших увеличению нравственного авторитета Капетингов в XII в., был союз, заключенный в ту эпоху между наследниками св. Петра и французской короной.

Короли XI в. далеко не всегда обнаруживали склонность удовлетворять притязания римской курии и поддерживать

У замковой стены

ее вмешательство в дела французского духовенства. Гуго Капет защищал против нее независимость своих церквей, особенно архиепископства Реймского, и традиции галликанской церкви, провозглашенные на Сен-бальском соборе. Роберт II в этой области уступил; но будучи лично привлечен к ответственности папой за безнравственность своей частной жизни, он оказал папе более упорное и продолжительное сопротивление, чем обычно принято думать. Генрих I возобновил политику своего деда и старался отстоять против папских притязаний права светской власти и вольности французского духовенства. В 1049 г., когда Лев IX явился в Реймс, чтобы председательствовать на созванном здесь соборе, Генрих стал к нему почти во враждебные отношения; большой холодностью отличались и его отношения к Виктору II и Николаю II, пока римская курия не прислала двух легатов освятить своим присутствием коронавание принца Филиппа. Поведение трех первых Капетингов в значительной степени объясняется тем, что в течение первой половины XI в. папство было послушным орудием в руках немецких императоров. Национальный интерес заставлял следить за тем, чтобы реймское архиепископство и остальные французские кафедры не подпали под власть иноземной державы.

При Филиппе I положение дел меняется. Папы взяли в свои руки руководство церковной реформой и должны были порвать с империей. Казалось, собственный интерес заставлял их опереться на капетингскую династию, чтобы облегчить себе борьбу против франконских государей. Но римская курия не сочла возможным теперь же усвоить эту естественную политику.

Потому ли, что они придавали мало цены союзу с капетингским королем, или же увлеченные пылкостью своих религиозных убеждений, Григорий VII и Урбан II стремились во Франции, как и в других государствах, доставить торжество своим идеям и отнюдь не хотели щадить такого своевольного государя, как Филипп I. Между тем радикальное применение реформационных начал причиняло чувствительный ущерб светским интересам монархии. Филипп, поддерживаемый значительной частью своего духовенства, дал

отпор папству и клюнийским монахам. Хотя во Франции вопрос об инвеститурах не имел того резкого характера, как в Германии, однако король не хотел отказаться от прибылей, какие доставляла ему власть над епископствами и аббатствами его королевства. Результатом этого сопротивления была непрерывная вражда между римской курией и французской короной, продолжавшаяся с 1073 до 1104 г. Притом личная жизнь Филиппа вызывала против него суровые меры со стороны реформаторов, и борьба еще осложнилась отлучением от церкви французского короля.

В начале XII в. в отношениях папства к капетингской династии произошла перемена, которую нетрудно было предвидеть. Преемники Урбана II – Пасхалий II, Каликст II, Гонорий II и Иннокентий II – хотя и были воодушевлены тем же духом и также были тверды в своей вере, но не обладали страстной энергией своих предшественников и были более склонны добиваться своей цели путем уступок. Продолжая борьбу против немецкого императора с прежней настойчивостью, римская курия начинает уступать требованиям времени. Она сближается с французской короной и делает Францию своей главной точкой опоры против нападений императорской партии. Именно в эту эпоху папы, для которых пребывание в Риме и вообще в Италии всегда было опасно, а подчас и невозможно, переносят свою резиденцию на французскую территорию, проводят целые годы во владениях французского короля и созывают здесь соборы, откуда гремят проклятия против императора и его приверженцев. Таким образом, при Людовике Толстом Капетинги действительно начинают заслуживать название «старшего сына церкви», которое их преемники сохраняют до крушения старого порядка.

Правда, союз между папством и капетингским королевством пережил немало перипетий и не раз держался на волоске. Однако он продолжал существовать, потому что был необходим обеим сторонам. Королевская власть извлекла из него столько же и даже больше выгод, чем папство. Он способствовал упрочению династии и увеличению ее нравственного авторитета. Звание старшего сына церкви было в средние века силой. Притом Людовик Толстый благодаря своей твердости не так часто являлся жертвой папских притязаний.

Курия обращалась с ним снисходительно или ласково, к чему совершенно не привык Филипп I. Со слабохарактерным Людовиком VII она будет обращаться высокомерно и повелительно; она с самого начала сломит его сопротивление, а затем необдуманная покорность окончательно отдаст его в ее руки. Людовик Младший будет покорным слугой папской власти, для которой его отец сумел быть только союзником.

Борьба Людовика Толстого с французским духовенством. Людовик VI подчинился влиянию церкви, потому что он был человеком своего времени и потому что традиционное благочестие капетинских государей налагало на него обязательства, нарушение которых восстановило бы против него общественное мнение. Но отсюда не следует заключать, будто его отношения к духовенству всегда отличались той почтительностью, какую капетинское правительство в нормальное время оказывало прелатам, наполнявшим его армии и советы. Напротив, темперамент и военные привычки Людовика Толстого увлекали его к актам насилия и самым резким столкновениям с духовенством, которые папская политика была бессильна предотвратить. Он настаивал на том, чтобы воля короля почиталась во всех епархиях, на которые законным образом могла распространяться власть королевского правительства. Он хотел быть господином своего духовенства, как хотел быть властелином своих прямых вассалов, и, жестоко преследуя мятежных феодалов, он не щадил и епископов, которые пытались ускользнуть от его влияния и не хотели признавать монархических прав, освященных традицией. Три факта характеризуют его отношения к епископству: 1) он пытался заставить духовенство признать компетенцию и приговоры королевского суда; 2) он энергично отстаивал свое право вмешиваться в церковные выборы; 3) он вступил в открытую борьбу с самыми видными представителями реформаторских идей: он замучил Ива Шартрского, нанес оскорбление Гильдеберту de Lavardin, изгнал Этьена де Санлис и восстановил против себя св. Бернарда, который громил его своей негодующей речью.

Людовик Толстый и низшие классы. Завоевание низшими классами гражданской свободы и их вступление в

политическую жизнь также должны были иметь известное влияние на судьбы этого нарождающегося королевства. Царствование Людовика Толстого как раз совпадает с периодом наиболее быстрого и наиболее широкого развития муниципальных вольностей в Северной Франции. Отношение Людовика VI к коммунам было нерешительно, непоследовательно и наполовину враждебно¹. Тем не менее, из его канцелярии вышло довольно много грамот, даровавших жителям обезлюдивших или истощенных вымогательствами городов изъятия по отношению к налогам, судебные, военные и другие привилегии. Правда, большая часть этих пожалований обнаруживает не столько заботливость короля о мелких свободных хлебопашцах, сколько его желание оказать услугу духовенству путем улучшения экономического положения крестьян, живших на земле аббатств и капитулов. Во всяком случае, для потомства он остается автором знаменитой *Лоррисской грамоты*, пользовавшейся такой популярностью и составлявшей предмет стольких желаний. Отыскивая средства примирить свои традиционные права с новыми учреждениями, долженствовавшими поднять уровень благосостояния его собственной буржуазии, капетингский король вместе с тем стремился, путем *pariages*², распространить свою прямую власть на города, принадлежавшие частным сеньориям.

Таким образом, раздача привилегий и вольностей дополняла дело этой сильной руки, всегда готовой защитить слабого и угнетенного, крестьянина и монаха (*aratorem et oratorem*, как говорит Сугерий), против тирании сильного. Благодетельная королевская власть, помогавшая обездоленным и каравшая угнетателей, неизбежно должна была вскоре сделаться популярной. С этих пор она начала пускать глубокие корни в сердцах всех, кто страдал и надеялся. Капетингская легенда, возникшая уже при короле Роберте, теперь развивается. По словам Гвиберта Ножанского, воинственный Людовик Толстый был вместе с тем и чудотворцем. Он исцелял больных прикосновением.

¹ См. ниже, глава 8.

² См. ниже.

Людовик VII (1137–1180). «Князь довольно одаренный, но набожный и мягкий», – так характеризует Людовика Младшего один из летописцев. Слабый, нерешительный, благочестивый, как инок, этот «христианнейший» король, «отец церкви», ревностно соблюдает религиозные законы. Он исправно постится каждую субботу, ограничиваясь хлебом и водой. Он напоминает монархов-аскетов XI в.

Нельзя отрицать, что развитие королевской власти при Людовике Младшем в некоторых отношениях замедлилось. Эта задержка была вызвана главным образом следующими двумя причинами: во-первых, вторым крестовым походом, во-вторых, образованием обширного англо-французского государства, сосредоточившегося в руках анжуйского дома.

Продолжительное пребывание Людовика VII на Востоке было, с точки зрения истинных интересов королевской власти, величайшей политической ошибкой. Правление Сугерия в годы отсутствия короля (1147–1150) было сплошной борьбой против брожения, сепаратистских стремлений и склонности к раздорам, овладевших всеми провинциями. Феодалным партиям едва не удалось произвести политическую революцию, низложить Людовика VII и возвести на престол его брата Роберта. Только твердость Сугерия сумела ослабить пагубные последствия кризиса. Сам поход, стоивший стольких денег и людей, нисколько не увеличил престижа Людовика VII. Общественное мнение осуждало неудачу экспедиции, и сам св. Бернард, проповедовавший этот поход, не стеснялся открыто выражать свою досаду.

Едва была устранена эта первая опасность, как на монархию обрушилось новое бедствие, которое надолго подвергло опасности ее будущее. Сугерий, пока был жив, умел предотвратить развод Людовика VII с Элеонорой Аквитанской. Первым последствием его смерти было осуществление этого пагубного с политической точки зрения акта. Развод состоялся в 1152 г. на соборе в Божанси. Юго-Западная Франция была надолго оторвана от отчизны и надолго ускользнула из-под власти Капетингов.

Для королевства была пагубна не столько потеря Аквитанского герцогства, которое лежало далеко от центра и которое было трудно удержать мирными средствами: опас-

Печать Людовика VII
(1137–1180)

ность заключалась в том, что, перейдя в руки нового мужа Элеоноры, Генриха Плантагенета, феодальная группа Гиени, Пуату и Сентонжа непосредственно слилась с сопредельным феодалом Анжу и Мэна, который в свою очередь незадолго перед тем соединился с Нормандией. Таким образом, вдруг и как бы неожиданно образовалось сплошное государство, охватывавшее большую часть Западной Франции и заключавшее в себе без перерыва все земли от границы Пикардии до границы Лабура. Приобретение Английского королевства и затем Бретани завершило эту огромную политическую систему. Бок о бок с тем государством, которое основал Гуго Капет, выросло новое государство, грозное и враждебное. Положение Людовика VII и его династии было тем более опасно, что владелец Западной Франции был необыкновенно деятельный и энергичный человек, столь же настойчивый в своих взглядах, как и предприимчивый в практической деятельности. Не довольствуясь своими обширными владениями, Генрих II воспользовался удобным случаем, чтобы принудить графа Тулузского дать ему клятву феодальной верности. С другой стороны, он стремился наложить руку на Овернь, заявлял притязания на Берри и заключил знаменательный союз против Капетингов с Савойей.

Борьба между обоими государями, между которыми так неравномерно разделилась Франция, была неизбежна. Она

продолжалась 20 лет (1160–1180). Людовик VII не устоял бы против своего противника, если бы не нашел союзников сначала в лице кентерберийского архиепископа Фомы Бекета, изгнанного Генрихом II, а затем в лице мятежных сыновей английского короля. Он естественно следовал политике, предписанной самим положением дела. Она состояла в том, чтобы заставить Генриха II раздать континентальные владения в фактическое управление своим трем сыновьям; это уничтожило бы единство власти во владениях анжуйского дома.

Но, несмотря на все эти опасности и ошибки, королевская власть продолжает развиваться и при Людовике VII. Если с военной и территориальной точки зрения это царствование представляет собой шаг назад, то нравственный и политический авторитет государя значительно возрастает в другом отношении. Основным фактом царствования Людовика Младшего является усиление королевского авторитета в удаленных от центра областях. Людовик Толстый, всецело поглощенный концентрацией монархических сил в пределах древнего герцогства Иль-де-Франса, не заботился об остальных частях государства. Напротив, в царствование Людовика Младшего сношения королевского правительства с самыми отдаленными церковными и светскими сеньориями увеличиваются, приобретают все большую важность и в конце концов – чего раньше никогда не бывало – становятся почти ежедневными. Сношения сына Людовика Толстого с Бургундией и Лангедоком не всегда носили мирный характер. Он не раз появлялся с оружием в руках в долине Роны и на плоскогорьях Оверни и Вэлэ. Но в общем влияние французского короля распространялось через посредство епископов и аббатов, ревностных защитников этой далекой и благодетельной власти, которую они беспрестанно противопоставляли более или менее ненавистному владычеству местных сеньоров.

Можно сказать, что при Людовике VII королевская власть, благодаря своему союзу с церковным обществом, повсюду делает настоящие моральные завоевания, которые являются предвестниками военных завоеваний и материальных успехов, неразрывно связанных с именем Филиппа Августа.

Филипп Август

Филипп Август (1180–1223). Борьба с высшим феодальным классом. Борьба с анжуйскими королями. Коалиция 1214 г.; сражение при Бувине. Король и крестовый поход против альбигойцев. Развитие королевской власти.

Филипп Август (1180–1223). Один каноник церкви св. Мартина в Туре оставил нам портрет Филиппа Августа, отличающийся, по-видимому, большим сходством. «Он обладал превосходным телосложением, изящными формами и приятным лицом, был плешив и красен и великий мастер поесть и выпить. Он был очень откровенен с друзьями и очень замкнут по отношению к тем, кто ему не нравился. Предусмотрительный, упорный в своих решениях и твердый в вере, он обнаруживал замечательную быстроту и прямоту в своих суждениях. Баловень судьбы, вечно опасаясь за свою жизнь, он быстро приходил в гнев и также быстро успокаивался; он был суров по отношению к знатым, которые не оказывали ему повиновения, любил возбуждать между ними раздоры и охотно приближал к себе незнатных людей». Статуя, воздвигнутая в аббатстве Виктории, близ Санлиса, представляет его коленапреклоненным со сложенными руками, плотной и красивой фигурой, завитыми волосами, энергичными бровями, изящным и слегка заостренным носом. У большинства летописцев, описывавших подвиги Филиппа Августа, его имя сопровождается одним неизменным эпитетом: они называют его *мудрым Филиппом*. Действительно, средние века видели мало таких оригинальных фигур: если по своему суеверию, жестокости, вероломству и совершенной неразборчивости в выборе средств он вполне сын своего времени, то с другой стороны, он значительно уклоняется от типа феодального рыцаря. Он, если не хладнокровен и терпелив, то, по крайней мере, настойчив и скрытен; он умеет выжидать и рассчитывать, редко выдает свои намерения и действует лишь наверняка. Он политик.

Борьба с высшим феодальным классом. Уже его первый шаг был мастерски продуман. Когда он вступил на престол в 1180 г., произошло то же самое, что происходило

при всякой смене правителей. На всем протяжении капетингской Франции в феодалах пробудилось стремление к независимости, и против молодого короля образовалась обширная коалиция. Одно и то же чувство ненависти соединило графов Фландрии, Геннегау и Намюра, герцога Бургундского, графов Блуа, Сансерра и Шампани. Филипп разбил их одного за другим и сумел извлечь большие выгоды из своей победы. По договору, который он заключил в 1186 г. с графом Фландрским, последний отказывался от Амьена с небольшим округом Сантерра и от Вермандуа, исключая Сэн-Кантена и Перонна, которые оставались в его пожизненном владении. Таким образом, Филипп начал свое царствование одной из самых решительных побед над феодализмом. Сеньориальная коалиция была сломлена: грозная Фландрия была побеждена и унижена; к небольшому королевскому домену навсегда присоединились богатые долины Оазы и Соммы. Этот суровый урок послужил предостережением для феодального класса, который вскоре должен был еще яснее увидеть, какой опасностью грозит ему королевская власть в руках человека деятельного, энергичного и честолюбивого.

Борьба с анжуйскими королями. Самыми могущественными феодалами Франции и следовательно самыми опасными врагами Филиппа Августа были английский король Генрих II и его сыновья Генрих Младший, Жофруа Бретанский и Ричард Аквитанский. Поэтому мы видим Филиппа всегда настороже, всегда готовым воспользоваться смертью или отсутствием того или другого анжуйского государя, чтобы заявить притязание на одну из многочисленных сеньорий, составлявших обширный домен Плантагенетов. В течение своего 43-летнего царствования он ни разу не пропустил кряду двух весен без того, чтобы не затеять войны с английским королем или его баронами. Это было главным делом всей его жизни. Все его мысли и все его действия были направлены против этих опасных вассалов, державших владеть во Франции втрое большим количеством людей и земель, чем их сюзерен, король Франции. Цель, к которой он стремился и которой в конце концов добился, состояла в том, чтобы отнять у них все французские владе-

Рыцарское снаряжение в XI–XIII в.

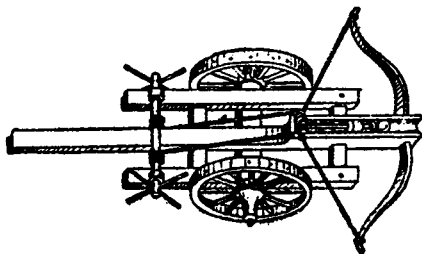
ния и заточить их на туманных островах их Англо-нормандского королевства. Он достиг полного успеха, но нельзя отрицать, что ему значительно способствовали в этом предприятии благоприятные обстоятельства и счастливые случайности.

Владычество Плантагенетов во Франции было во многих отношениях непрочным. Анжу и Нормандия были искренне преданы им. Но бретонцы и аквитанцы, жаждавшие независимости, не любили их и готовы были воспользоваться первым удобным случаем, чтобы свергнуть с себя иго. Тактика Филиппа Августа естественно должна была заключаться и действительно заключалась в том, чтобы поддерживать мятежников. Его задача значительно облегчалась непрерывными раздорами в среде самой анжуйской фамилии. Четве-

ро сыновей Генриха II, то один за другим, то все вместе восставали против него; не раз они также воевали друг с другом. Какой-то злой рок тяготел над этим несчастным домом; в нем беспрестанно господствовали раздоры и ненависть. Филипп, конечно, пользовался этими смутами. Он соединялся с сыновьями против отца, с братом против брата, с племянником против дяди. Он защищал Ричарда против Генриха II, Иоанна Безземельного против Ричарда, Артура против Иоанна Безземельного. Не будь этих внутренних раздоров,— весьма возможно, что могущественная монархия Плантагенетов уничтожила бы французскую королевскую власть, ничтожные владения которой она стеснила со всех сторон.

Однако пока был жив Генрих II, Филипп не извлек больших выгод из своего благоприятного положения. Война, которую он затеял с Ричардом Львиное Сердце по возвращении из крестового похода (1194—1199), отнюдь не увенчала успехом французское оружие. Ричард умер, не успев наделать безрассудств, которые он впрочем умел заглаживать мужеством и расторопностью. Но ему наследовал в 1199 г. его брат Иоанн, и это было концом анжуйского владычества на континенте. Таинственная смерть Артура Бретанского, вероятно убитого по приказанию своего дяди, дала французскому королю повод, которого он так долго искал. Хотя историческая критика неопровержимо доказала, что Иоанн Безземельный не был присужден к смерти за убийство молодого герцога, тем не менее несомненно, что королевский суд постановил конфисковать его континентальные владения за нарушения феодальных обязанностей и за неявку на суд по вызову сюзерена (апрель 1202 г.). Филипп начал приводить в исполнение приговор.

Завоевание Нормандии совершилось с необыкновенной быстротой (1203—1204), которая объясняется не только бездействием английского короля, но и состоянием самого герцогства, истощенного беспрестанными вымогательствами Плантагенетов. После взятия Нормандии следовало отнять у анжуйских королей их владения в бассейне Луары, что представляло еще меньше трудностей. Подвижные сеньоры Анжу и Пуату никогда не обнаруживали по отноше-

Аркбаллиста

нию к владычеству французских королей того упорного отвращения, которое в течение столь долгого времени делало население Нормандии неутомимым врагом Капетингов. Лош, Шинон и все крупные города графства изъявили покорность (1204–1206). Еще замечательнее, чем быстрота, с которой Филипп Август овладел обширными поместьями Плантагенетов, та политическая ловкость, с какой он удержал их за короной и заставил мирно признать свое владычество.

Коалиция 1214 г.; сражение при Бувине. Сведя к одной Гиени грозное государство, созданное государями из анжуйского дома в Западной Франции, и присоединив к капетингскому домену наиболее богатые части бассейнов Сены и Луары, Филипп Август разрушил феодальное равновесие к выгоде Французского герцогства. Старый лен Гуго Капета теперь далеко превосходит остальные сеньориальные группы, как по размерам территории, так и по богатству. Королевство, существовавшее до сих пор лишь номинально, теперь действительно организуется; благодаря присоединению Нормандии и Пуату, оно во многих пунктах соприкасается с морем и становится морской державой. Такая революция должна была, конечно, задеть множество интересов и вызвать энергичные сопротивления. Жалобы и протесты Иоанна Безземельного должны были встретить отклик со стороны французской знати, которая, хотя и не умела действовать единодушно и была лишена политических идей, тем не менее не могла оставаться равнодушной при виде столь опасного для нее роста королевской власти. Тогда начались те феодальные коалиции, которые стреми-

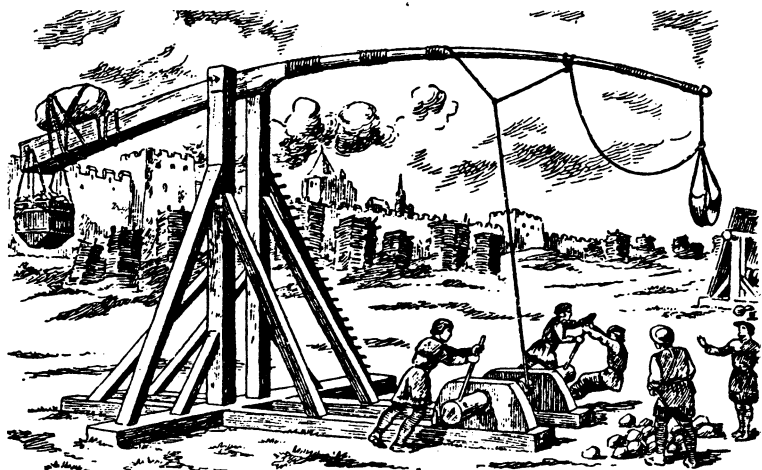
лись уничтожить плоды деятельности Филиппа Августа и от которых так много пришлось выстрадать Людовику IX во время его малолетства.

Отличительным признаком коалиции 1214 г., организованной Иоанном Безземельным, было то, что она заключала в себе преимущественно высших баронов Северной Франции, Фландрии, Бельгии и Лотарингии. Это явление нетрудно понять, если вспомнить, что Филипп своей войной против Фландрского графства (1213) должен был сильно встревожить местных феодалов, пользовавшихся, благодаря своему положению на границе Франции и империи, почти полной независимостью. С другой стороны, быстрый рост королевской власти Капетингов значительно изменил взаимное положение сил в христианском мире; возникновение новой державы грозило всемогуществу Германской империи, на официальном языке которой Французское и Английское королевства назывались «провинциями», а их государи – «царьками». Поэтому в 1214 г. на помощь врагам Филиппа Августа явилась часть немецких феодалов под предводительством Оттона Брауншвейгского.

Блестящая победа, одержанная французским королем в сражении при Бувине (27 июля 1214 г.), в котором коммунальные ополчения, конечно, не играли той преобладающей роли, какую приписывают им историки, была последним и важнейшим эпизодом борьбы, предпринятой Филиппом Августом против анжуйского дома; она закрепила и санкционировала завоевания французского короля, который с 1214 г. окончательно становится владыкой Нормандии, Туруни, Анжу, Мэна и Пуату. Всенародный энтузиазм, вызванный во всей капетингской Франции известием об этой великой победе, свидетельствует о том, что монархическая идея и династия, являвшаяся ее носительницей, сделали огромные успехи¹.

Король и крестовый поход против альбигойцев. В то время, как король сражался при Бувине, Симон де Монфор и его крестоносцы, сами того не зная, служили ему сво-

¹ См. ниже, глава 11, о вмешательстве Людовика Французского в английские дела.

Фрондибола готовится перебросить
в осажденный город свой «снаряд»

им оружием в Южной Франции¹. Разрушение Тулузского графства крестоносцами отдало в руки французского короля значительную часть Лангедока.

Филипп Август принимал в этом крупном событии только слабое косвенное участие. Благоразумие, обнаруженное им в этом деле, и сопротивление, которое он все время оказывал увещаниям папы, свидетельствуют о его глубокой политической проницательности. Вполне разделяя предрассудки своих современников относительно еретиков, Филипп тем не менее, по крайней мере вначале, не одобрял мысли о крестовом походе и всегда умел находить превосходные предложения, чтобы уклониться от участия в нем. Когда в 1208 г. был убит папский легат Петр де Кастельно, курия сделала новую попытку уговорить французского короля. Папа написал ему собственноручное письмо, в котором извещал его об этом святотатственном убийстве. Но король обещал свою поддержку только условно, поставив ее в зависимость от разрешения наложить сбор на духовенство; мало того, опираясь на феодальные обычаи, он оспаривал у всемогущего

¹ См. выше, глава 5.

Иннокентия III право распоряжаться владениями графа Тулузского, своего вассала, объявленного еретиком.

Тем не менее, ввиду господствовавшего тогда взгляда на альбигойцев и ввиду настоятельной необходимости для Филиппа жить в мире с курией, он не мог оставаться вполне безучастным к событиям, происходившим на юге. В 1213 г. наследный принц Людовик торжественно принял крест против еретиков; но только в 1215 г. отец позволил ему исполнить свой обет. После битвы при Мюре (1213) дело графа Тулузского казалось окончательно потерянным; Латеранский собор отдал его земли Симону де Монфору, после чего последний отправился в Париж принести за них вассальную клятву своему сюзерену, королю. Без сомнения, в эту минуту у Филиппа должна была явиться надежда, что гибель тулузского дома когда-нибудь окажется полезной для французской короны. Вмешательство наследного принца выразилось только в помощи, оказанной им Симону де Монфору при разрушении лангедокских крепостей и при занятии Тулузы, которую крестоносцы обратили в открытый город.

Когда Симон, желая вернуть Тулузу, которую заставило его покинуть вспыхнувшее в Южной Франции восстание в пользу графа Раймонда, был убит камнем во время штурма (1218), то французский король позволил своему сыну вторично предпринять поход против альбигойцев (1219). Лично он снова дал отпор увещаниям папского легата, который приглашал его заняться этим делом. Какая надобность была ему вмешиваться? В 1222 г. случилось то, чего следовало ожидать. Преемник Симона де Монфора, Амори, будучи не в состоянии собственными силами нести бремя войны, которой не предвиделось конца, задумал передать свои права и земли французскому королю. Эта передача не могла состояться при жизни Филиппа; но после его смерти, последовавшей 23 июля 1223 г., Амори де Монфор окончательно решил передать Тулузское графство французской короне, и в 1224 г. осуществил это намерение. Людовик VIII, усердно поддерживаемый южным духовенством, которое вручает Лангедок этому «христианнейшему» королю, как епископы VI в. передали Южную Францию православному Хлодвигу, тотчас по своем восшествии на престол, идя навстречу на-

стояниям папы, вступает во владение этими богатыми землями, которые договором в Мо навсегда закрепляются за французской короной.

Так были достигнуты оба великих политических результата царствования Филиппа Августа: во-первых, обширная феодальная группа, образованная анжуйским домом и охватывавшая всю Западную Францию, перестала существовать; во-вторых, Лангедок наконец перешел под власть северного короля. Пользуясь бесповоротной гибелью тулузского дома, Капетинги впервые поставили ногу на территорию Лангедока. Они уже не выйдут из нее.

Развитие королевской власти. Естественным последствием завоеваний Филиппа Августа было развитие морального и политического авторитета, присущего званию короля. Униженное и смирившееся феодальное сословие стремилось только к тому, чтобы получать жалование от победителя и сражаться под его знаменами. Само духовенство не решалось более брать королевскую власть под свою опеку. Филипп Август, верный традициям Людовика Толстого, не щадил своих епископов и заставлял их являться перед королевским судом, участвовать в покрытии военных расходов и даже служить в своих армиях. Он старался также давать отпор, насколько это позволяли чувства и идеи той эпохи, вмешательству иноземной церковной власти, то есть пап и папских легатов. Конечно, его борьба со всемогущим Иннокентием III не всегда была для него удачна. Ему не раз приходилось уступать, но он всегда оставался достаточно сильным, чтобы в свою очередь принудить и папу к уступкам¹. В общем, его царствование представляет собой огромный шаг вперед в смысле освобождения королевской власти и развития того светского и национального духа, который в конце концов восторжествует над римской теократией и приведет к крушению политической и религиозной системы, столь прочно организованной средневековым папством.

Филипп Август также лучше, чем кто-либо, понял, какую большую пользу может извлечь монархия из того великого народного движения, которое охватило Францию и всю

¹ См. выше.

Европу с начала XII в.; об этом свидетельствуют его многочисленные ордонансы, касающиеся коммун и привилегированных городов. Изучение этих документов показывает, с какой заботливостью и усердием французский король стремился распространить свое господство на городские и сельские общины в ущерб местным властям. Он создал или закрепил муниципальный строй во множестве городов и местечек. Его деятельность простиралась даже — что особенно замечательно — на земли высших независимых феодалов. Один из наиболее обычных его приемов состоял в том, что он принимал города и нередко даже простые деревни *под королевскую защиту*. Эта защита так хорошо обеспечивала безопасность, что мелкие светские сеньоры и аббаты начинают наперебой предоставлять королю охрану своих феодальных и аллодиальных прав. Договоры об опеке (*ragiage*) становятся очень многочисленными к великой выгоде королевской власти.

Не довольствуясь дарованием муниципальной свободы городам, Филипп заботился также об их очищении и украшении. Он обладал чутьем порядка и прогресса. Летописцы единодушно хвалят его за то, что он реставрировал во всем королевстве стены городов и замков, укрепил замками и оградами открытые поселения, вымостил крупные города, поощрял промышленность и жаловал привилегии ремесленным цехам. Просвещенные взгляды, которыми он руководствовался в своих сношениях с представителями промышленности и торговли, заставили его пойти еще дальше. Он даровал различные льготы даже иностранным купцам, желая привлечь их на французские рынки. Своеобразное и невиданное зрелище представляла собой эта королевская власть, заботившаяся о рабочем классе и старавшаяся всеми мерами оградить торговлю и промышленность от произвола феодалов. Та же потребность в порядке и точности должна была заставить Филиппа Августа преобразовать административное устройство королевского домена, который так увеличился благодаря его завоеваниям. Действительно, до него короли, как и все крупные феодальные собственники, управляли своими поместьями через посредство чиновников, называвшихся *прево* и соединявших в сво-

их руках все виды власти: прево творил суд, собирал королевские доходы и созывал вассалов на военную службу. Эта зачаточная организация удовлетворяла потребностям первых капетингских государей. Но в конце XII в. начали понимать, что для представления короля в его сношениях с владельцами крупных феодалов и увеличения его престижа среди низшего населения ему нужны более видные чиновники. И вот Филипп Август перед своим отъездом в крестовый поход создал должность так называемых *балы*, иерархически стоявших выше прево. Они были обязаны раз в месяц собирать суд, в котором творили расправу от имени короля, приезжать в Париж, чтобы отдавать здесь отчет в своей деятельности, наконец собирать суммы, взысканные прево, и вносить их в королевское казначейство.

Но как бы важно ни было это новое учреждение, Филипп Август не был, строго говоря, королем-администратором и законодателем. Он боролся с феодализмом и ослабил его преимущественно дипломатическими средствами и мечом. Будучи прежде всего завоевателем, он доставил французской короне ту материальную силу, которой ей недоставало. Главным результатом его деятельности было то, что к небольшой группе владений, завещанных ему Людовиком VII, он присоединил обширные провинции, которые сделали Французского короля самым крупным собственником королевства. Он первый из Капетингов почувствовал себя достаточно сильным, чтобы не иметь надобности короновать своего сына при своей жизни. Этот мелкий факт лучше доказывает прогресс королевской власти, чем все теоретические рассуждения. Династии Гуго Капета понадобилось 200 лет, чтобы достигнуть этого успеха.

Людовик VIII

Завоевание Пуату. Альбигойская война и капетингская корона. Уделы.

Трехлетнее царствование Людовика VIII было продолжением и как бы заключением царствования Филиппа Августа. Будучи в течение всей жизни своего отца только на-

следным принцем и владея одним только Артуа, где он прошел свою административную школу, Людовик был послушным орудием в руках завоевателя. Последний, не привлекая его официально к участию в правлении, пользовался им в своих войнах с Плантагенетами и посылал его к границе для переговоров с Лотарингией и Германией. Неудачная английская экспедиция (1216–1217) была делом рук самого принца; но она свидетельствует не столько об его прозорливости, сколько о его мужестве. В 36 лет, упрочив уже свою репутацию как воина и дипломата, Людовик вступил на престол, унаследовав власть, которая более не имела соперников ни во Франции, ни в Европе. Если он не обладал политическим гением Филиппа Августа, то превосходил его личными добродетелями и нравственным чутьем. Его правление было слишком кратковременно, чтобы он мог направить королевскую власть по новому пути и осуществить свою собственную политику. Но он оказал услугу Франции, употребив свои способности и силы на то, чтобы завершить дело своего предшественника. Один факт наполняет все царствование Людовика VIII – его блестящий поход в Западную и Южную Францию. Ему оставалось лишь пожать плоды отцовского посева.

Завоевание Пуату. Альбигойская война и капетингская корона. Смерть настигла Филиппа Августа в ту минуту, когда он собирался возобновить неоконченное завоевание Пуату и прогнать англичан за Гаронну. Надо было воспользоваться его приготовлениями и извлечь выгоду из благоприятных обстоятельств. Оставшись почти без призора во время мирного правления Губерта Бургского, канцлера английского короля Генриха III, коммунны Пуату и Сентонжа искали какую-нибудь сильную власть, которая могла бы защитить их против местных феодалов. Самый могущественный из сеньоров этой области, граф Маршский, желал лишь выгодного союза с французами, чтобы начать открытый мятеж. Договор был заключен, и быстро законченная кампания 1224 г. доставила Людовику VIII Ниор и Ла-Рошель. Результатом этого события было подчинение всей Аквитанской области до границ Гаскони. Даже Бордо оказался в опасности (1225). Министры Генриха III вместо

Средневековая битва

того, чтобы прислать войско, занимались дипломатическими переговорами. Они поддерживали тайные сношения с вероломным Балдуином, графом Фландрским, с графами Тулузы и Бретани и особенно с папою, который «во имя всеобщего мира» все время хлопотал о том, чтобы остановить французскую армию. Людовик VIII, заключив тайный союз с императором Фридрихом II, продолжал свой победоносный поход, не обращая внимания на платонические протесты римской курии. Неизвестно, как далеко простер бы он свои завоевания, если бы внезапно его не отвлек от Юго-Западной Франции соблазн другого завоевания, может быть более легкого, и во всяком случае, как он полагал, более выгодного по своим непосредственным и реальным последствиям.

Альбигойская война возобновилась с новой силой; но на этот раз победа была на стороне еретиков и тулузского графа Раймонда VII. Успехи, достигнутые папами и монфорским домом, подвергались серьезной опасности. Неспособный преемник Симона де Монфора, его брат Амори, видя, что все завоевания крестоносцев мало-помалу ускользают из его рук, принужден был вскоре прибегнуть к последнему средству спасения – предоставить французскому королю

руководство военными действиями и верховную власть над завоеванной страной (1222). Филипп Август, который при своей тонкой политической проницательности несомненно предвидел и, быть может, даже учел этот результат, пришел на помощь Амори в его критическом положении, но помогал ему лишь время от времени, ни разу настолько, чтобы обеспечить ему победу. Он постоянно отказывался лично вмешаться в борьбу и даже не делал попыток принять предложенное ему наследство. Людовик VIII, который был более молод и более деятелен, чем его отец, обнаружил менее осмотрительности. По своему искреннему благочестию он считал своим долгом уступить настояниям папы и взять на себя роль защитника веры – роль, которая именно в этом деле была так тесно связана с интересами короны. Таким образом, было решено предпринять крестовый поход; кардинал св. Ангела, присланный в Париж с исключительными полномочиями, помогал королю организовать его. На соборе в Бурже отлученный от церкви Раймонд VII открыто порвал с католической церковью, а Амори де Монфор навсегда отказался от своих «прав» в пользу Капетингов. Недоставало денег для похода; их добыли, обложив духовенство и народ тяжелой податью. Это вызвало возмущение, но на него не обратили внимания: дело шло о предприятии, угодном Богу.

Снова Северная Франция, собравшись под знаменами своего короля, шла войной на Южную. Исход борьбы можно было предвидеть заранее. Еще за несколько месяцев до прибытия Людовика VIII в Лангедок множество городов, сеньоров и особенно епископов спешили прислать в Париж предложения своих услуг или выражения покорности. Устрашенные южане заранее признавали себя побежденными, и граф Тулузский вскоре оказался изолированным. Если бы не пришлось осадить Авиньон, население которого упорно отказывалось пропустить короля через Рону, то крестовый поход сначала и до конца был бы одним триумфальным шествием. Обойдя с войском весь Лангедок, Людовик VIII остановился перед Тулузой, которой, однако, не взял, и ограничился тем, что наскоро организовал свои новые владения. Утомленные продолжительностью экспедиции, крупные

Воин начала XII в.
Реконструкция XIX в.

На воине полузакрытый шлем переходного типа; длинная кольчуга с разрезом спереди и сзади; в руках большой щит, расписанный геральдическими фигурами, и рог

бароны начали обнаруживать недовольство; в королевском войске свирепствовала эпидемия; приходилось возвращаться на север. Но один важный результат был достигнут. В первый раз капетингский король появился в Лангедоке с оружием в руках и приобрел там владения; это был решительный шаг к национальному единству. Немногие короли так блестяще начинали свое царствование. К несчастью Людовик VIII не пошел дальше начала. Заболев лихорадкой в Оверни, он не успел даже вернуться в Париж. Он умер в

минуту триумфа, и эта неожиданная смерть была причиной чрезвычайно тяжелого кризиса как для династии, так и для королевства (1226).

Уделы. Перед смертью Людовик сделал ошибку, какой Филипп Август не сделал бы. Его предшественники не оставляли уделов своим детям или отчуждали в их пользу только незначительные участки королевского домена: Людовик VIII порвал с этой традицией. Он уделил по завещанию своим младшим сыновьям обширные территории: второму сыну – графство Артуа, третьему – графства Анжу и Мэн, четвертому – графства Пуату и Овернь. Причиной, побудившей его произвести этот раздел, было желание предупредить раздоры между своими сыновьями. Впрочем, он принял некоторые меры предосторожности: он постановил, что эти уделы должны возвращаться к короне в том случае, если их владельцы умрут без прямых наследников. Тем не менее, это завещание было большой политической ошибкой. В середине XIII в. образуются обширные княжества, которые тесными узами связаны с королевским доменом, но которые, несмотря на родственные связи и на вассальную клятву, не раз причиняют серьезные затруднения главе монархии. Многие историки указывали на опасность этой системы уделов, «которая делала из плодovitости королевского дома общественное бедствие, в каждое царствование подвергала риску могущество правящей линии и замедляла территориальное объединение королевства». Заменяв старый независимый феодализм феодализмом удельным, королевская власть открыла новую эру внутренних раздоров и ожесточенной борьбы. Но если нельзя отрицать, что почин Людовика VIII имел – особенно для королевской власти XIV в. – роковые последствия, то прежде, чем произносить суд над этим королем, следует принять во внимание некоторые обстоятельства, смягчающие его вину. При том уровне могущества и славы, которого достигла капетингская династия при Филиппе Августе и его преемниках, главе государства было трудно держать своих братьев в положении значительно худшем того, в каком находились высшие из баронов. Их неудобно было оставлять без поземельных владений, которые были тогда признаком высокого происхождения и

необходимой принадлежностью всякого видного положения в феодальном мире. Кроме того, как метко говорит Минье, «уделы были для монархии удобным средством управлять завоеванными странами, во главе которых она ставила таким образом династии, взятые ею из своей собственной среды. Эти династии, заменяя в областях старые феодальные фамилии, переносили туда служилое дворянство, язык и нравы Центральной Франции. Таким образом, правление удельных князей было для этих провинций переходной эпохой, в течение которой они привыкали более покорно переносить капетингское владычество».

Правление Бланки Кастильской

Королева-мать; феодальная реакция против политики Филиппа Августа. Лига баронов; Тибо Шампанский; Московский договор. Бланка Кастильская, епископство и университет.

Королева-мать; феодальная реакция против политики Филиппа Августа. На престоле сидел 12-летний Людовик IX; правление находилось в руках регентши, Бланки Кастильской, к которой французы относились недоверчиво и с антипатией, как к иностранке: оба эти обстоятельства, вместе с неурядицей, какая всегда сопровождает неожиданную смерть главы государства, благоприятствовали интригам высших феодалов. Только сила могла держать баронов под игом в течение 20 лет, но они ждали лишь случая, чтобы поднять голову и жестоко отомстить за свое унижение. Завоевания и политика Филиппа Августа, продолженная Людовиком VIII, делали реакцию неизбежной. Страшный кризис, вызванный ею, продолжался 5 лет (1226–1232). Все новые и старые враги династии – граф Тулузский, король английский, граф Бретанский, Пьер Моклерк; граф Болонский, Филипп Нигерел, дядя молодого короля; герцог Бургундский, граф Маршский, сеньор де Кузи – все те, кто хотел отомстить за какую-нибудь обиду или просто поживиться, – соединились с целью погубить монархию. Феодальная коалиция не была направлена против самого принца

Французский королевский дом.

Слева направо: Людовик Святой, по миниатюре XIII в. –

Париж, Национальный архив;

Карл Анжуйский (1220–1285), брат Людовика IX;

Пьер, граф Алансонский (ум. в 1283 г.), сын Людовика IX;

Роберт, граф Клермонский (ум. в 1317 г.), сын Людовика IX –
по статуям с гробниц в Сен-Дени

королевской власти: он стоял выше партийной вражды и пустил слишком глубокие корни, чтобы ему могла грозить какая-нибудь опасность. Бароны восстали против регентши, которой они не избрали; они требовали, чтобы она была заменена одним из их среды – братом Людовика VIII, Филиппом Нугерел; некоторые намеревались даже, по преданию, заменить царствующую фамилию чисто феодальной династией. Кроме того, они требовали освобождения знатных пленников, заточенных в Лувре, признания их избирательных прав, возвращения доходов и земель, «незаконно» отнятых у сеньоров, и соответствующего их достоинству участия в общем управлении страной. Глава и душа этой лиги, предприимчивый, хитрый и задорный Пьер Моклерк, Капетинг младшей линии, был тем опаснее, что он, кроме того, находился в близком родстве с династией. Он рассчитывал, главным образом, на поддержку английского короля. Ген-

риху III внушили надежду на возвращение Нормандии и на восстановление континентальной державы Плантагенетов. Цель союзников была совершенно ясна: они стремились, очевидно, к тому, чтобы ниспровергнуть здание, воздвигнутое обоими завоевателями, Филиппом и Людовиком, и принудить монархию пойти вспять.

Восстание почти всего высшего феодального класса – северного и южного – было не единственной опасностью, грозившей регентше. Ее враги в то же время предприняли против нее и другого рода кампанию, еще более опасную: кампанию клевет, разглашаемых певцами, состоявшими на службе коалиции. Они прилагали все усилия, чтобы очернить и унижить ее как женщину, супругу и королеву. Они говорили, что испанка обирает французский народ и отправляет его деньги за Пиренеи. Несколько неосторожных стихов графа Тибо Шампанского, единственного барона, оставшегося верным короне, и непонятное упорство кардинала св. Ангела, который во что бы то ни стало хотел оставаться в Париже, вблизи регентши, подали повод к самым гнусным наветам на ее частную жизнь. Союзники дошли до того, что обвинили ее в ускорении смерти Людовика VIII, которую они упорно признавали насильственной.

К счастью для королевской власти и для династии, эта иностранка, на которую сразу обрушилось столько бедствий, оказалась на высоте своей задачи. В течение обоих предыдущих царствований Бланка Кастильская не играла никакой политической роли. С первых шагов регентства она обнаружила все черты своего характера; это была женщина, обладавшая мужественным умом и сердцем, нечувствительная к обиде, одаренная властной энергией, не исключавшей ни дипломатии, ни коварства, и одержимая таким властолюбием, что не смогла отказаться от власти даже тогда, когда ее сын достиг совершеннолетия. После того, как она 10 лет правила от его имени, она и при нем не переставала принимать участие в государственных делах до последнего дня своей жизни.

Одаренная тонким политическим чутьем и преданная делу веры с пылкостью кастильянки, она воспитала Людовика IX по своему образцу и сделала из него короля и свя-

того, которого средние века превозносили до небес и которому донныне удивляется история. В том заключалась ее главная заслуга, но ей принадлежит и честь победы над коалицией 1226 г. и спасения монархии. Хладнокровие, твердость, решительность этой героини вполне объясняют ее победу; прибавим, что ей благоприятствовали и ошибки ее противников. Главной из их ошибок, с точки зрения коалиции, было то, что они никогда не действовали единодушно и выходили на бой один после другого.

Лига баронов; Тибо Шампанский; Московский договор. Изолированная среди враждебных феодалов, Бланка Кастильская могла рассчитывать лишь на традиционную привязанность к королевской власти духовенства и народа и нравственную поддержку святого престола. Она ловко сумела заинтересовать в своем деле и особенно удержать в союзе с собой графа Тибо Шампанского, человека легкомысленного и непостоянного, которого ей несколько раз приходилось удерживать, чтобы он не поддался влиянию Пьера Моклерка. Вне Франции, продолжая политику Людовика VIII, она добилась от Фридриха II обещания, что он не примет участия в смуте и не позволит также ни одному немецкому князю примкнуть к врагам французской короны. Обеспечив себя с этой стороны, она могла действовать против лиги с быстротой и решительностью и отражать наносимые ей удары. Она поспешно венчала своего сына на царство в Реймсе, заперла его в Монлери, а затем в Париже, чтобы предохранить его от похищения, овладела беллэмской крепостью, которую укрепил Пьер Моклерк, и принудила графа Тулузского отделиться от коалиции. Не решаясь вступить в открытую борьбу с самим королем, мятежники обратились против графа Тибо, объявили незаконными его права на Шампань и вторглись в его графство. Бланка вместе с сыном поспешила на помощь к Тибо и торжественно водворила его в Труа, в самом центре оспариваемой области. Настрасав одну часть союзников, она искусно вошла в соглашение с другой и без единой битвы освободила Шампанское графство. Но Пьер Моклерк упорно продолжает борьбу; он ждет грозной английской армии, которую ему беспрестанно обещают и которой все еще нет. Королева и

Печать королевы Франции
Бланки Кастильской

молодой король бросаются в Ансени, созывают собрание бретонских баронов и объявляют бретонского графа низложенным. Наконец Генрих III прибыл в Нант, но со своими ничтожными силами он не решается идти дальше и вскоре возвращается на свой остров. Коалиция, оставленная англичанами, дробится и мало-помалу рассеивается. В 1231 г., после того, как все его союзники и он сам изъявили покорность, Пьер Моклерк пытается затеять новую интригу, для чего убеждает Тибо жениться на его дочери. Но одного грозного слова Бланки Кастильской оказывается достаточно, чтобы вернуть графа Шампанского на путь истины и разрушить дерзкую мечту о независимости. Дело феодалов безвозвратно погибло. Ловкость и мужество одной замечательной женщины спасли капетингскую монархию от самой страшной опасности, какая грозила ей со времени битвы при Бувине. Более счастливая, чем Филипп Август, Бланка Кастильская почти без битвы удержала за собой поле сражения.

Всякий неудавшийся мятеж удваивает силу правительства, против которого он был направлен. Коалиция 1226 г.

поставила королевскую власть далеко выше всех сеньориальных властей и бесповоротно решила участь последних. Договор, заключенный регентшей в Мо с графом Тулузским (1229), был прямым последствием и внешним выражением этой победы. Самый независимый из высших баронов унизили до того, что принял следующие условия: он обязался срыть стены Тулузы и тридцати других городов Лангедока, отдать на 10 лет во власть короля свой тулузский замок, преследовать еретиков и тех из сеньоров, которые будут покровительствовать ереси, примириться с церковью и отправиться на 5 лет воевать в Палестине, наконец, выдать свою дочь за одного из братьев французского короля, который таким образом делается прямым наследником Тулузского графства. На этих условиях корона соглашалась оставить во владении Раймонда VII западную половину Лангедока; она удовлетворялась тем, что окончательно укрепилась в восточной.

Бланка Кастильская, епископство и университет. Не одно только феодальное сословие испытало на себе твердость этой женской руки. Бланка стремилась к тому, чтобы все покорялось ее авторитету; она заявляла и осуществляла свои права с энергией, которая не отступила даже перед церковью. Руанский архиепископ превысил свою власть, вмешавшись в выборы аббатисы; он был вызван на суд и присужден к лишению своих доходов; в ответ на этот приговор он налагает интердикт на свою епархию. Этот скандал продолжался бы долго, если бы папа не посоветовал регентше решить дело мирным путем. В Бовэ она воспользовалась мятежом против епископа, прямого владельца города, чтобы ввести туда королевские войска, самовластно назначить мэра и перевешать сотни мятежников. Епископ протестовал против такого нарушения феодального права. В ответ на этот протест Бланка потребовала от него 800 ливров постоянной подати и, так как епископ не соглашался платить, она захватила владения его кафедры. Наложение интердикта епископом Бовэ на его епархию и архиепископом Реймским – на всю провинцию, огромный процесс и многолетняя борьба капетингского правительства с частью епископства – таковы были последствия этой непреклонной

агрессивной политики, которой, к счастью, не продолжал Людовик IX. Эта неумолимая суровость, возведенная в систему, не раз компрометировала королевскую власть и создавала для нее затруднения. В 1229 г. во время карнавала несколько учеников Парижского университета избили каких-то горожан; королевская полиция так зверски наказала виновных, что совет профессоров счел нужным обратиться к регентше с резким протестом. Она отказалась дать удовлетворение; университет прекратил свои занятия. Не больше успеха имели и дальнейшие жалобы; профессора и студенты толпой покинули Париж и рассеялись по провинциальным и заграничным университетам. Знаменитый университет, воспитатель христианского мира, прекратил свое существование. Ввиду этого события Бланка решила, наконец, пойти на уступки; вмешательство папы Григория IX помогло ей исправить ошибку. И не только в общественной жизни обнаружила она свой цельный характер; благодаря болтливости доброго Жуанвиля мы знаем, чего стоила Маргарите Провансской честь быть невесткой Бланки Кастильской и каким тяжким крестом была для Людовика IX его сыновья покорность.

Людовик Святой; его политика

Король. Королевская власть в 1236 г. Внутренняя политика Людовика Святого; феодальная война и война с Англией. Монархическое правление в Лангедоке: Людовик Святой и Альфонс Пуатьеский. Внешняя политика Людовика Святого. Преобладание Франции в Европе.

Король. Людовик IX, самая светлая личность средних веков, известен нам лучше, чем какой бы то ни было другой деятель этой эпохи. О нем давно все сказано как о человеке, короле и святом; интимные воспоминания и всякого рода документы, подлинность которых стоит вне сомнений, все-сторонне осветили эту замечательную личность. По наружности это был, по словам Жуанвиля, «прекрасный рыцарь»: высокого роста, отлично сложенный, сильный, с симпатичным и открытым лицом, живым взором, белокурыми воло-

Бланка Кастильская и Людовик Святой.
Париж. Музей Клюни

сами, светлым цветом лица и румянцем северянина, — «ангельская фигура», как замечает один современник, брат Салимбене, видевший его вблизи. Веселый и остроумный, он любил непринужденные беседы со своими близкими, и официальная важность и этикет были неизвестны при его дворе; в течение большей части своей жизни этот ласковый и добродушный король вовсе не был тем строгим богомольцем, каким изобразили его некоторые монахи. Счетные книги его дворца показывают, что он любил охоту, тратил большие деньги на лошадей, собак и соколов, одевался в золотую парчу, шелк и пурпур и на придворных празднествах обнаруживал ту роскошь и расточительность, которые в то время считались добродетелью среди высшего общества. Посредственный полководец, но очень храбрый солдат, он обнаруживал на войне спокойное бесстрашие, которое возбуждало удивление в его врагах. Известно, как высоко стоял он в нравственном отношении; это был образец всех добродетелей, законченный тип христианина и верующего — в такую эпоху, когда вера, утратив уже свою непосредственность, начинала ослабевать, — набожный до того, что утом-

лял своих духовников, страстный поклонник благочестивых дел, одержимый тем «безумием веры», которого не понимали уже и сами папы: одним словом, король-святой XI в., случайно попавший в XIII в. Внутренняя и внешняя политика, законодательство и дипломатия – все подчинено у него христианской идее, тому чисто религиозному мировоззрению, которое прежде всего делает короля, путем любви и милосердия, отцом его народа, и путем правосудия – главой государства, обязанным охранять права каждого и внушать уважение к предписаниям как церковных, так и феодальных законов, – в общем, воплощением порядка и мира.

В других отношениях Людовик IX – вполне сын своего времени. Из политического и территориального наследия Филиппа Августа он взял лишь то, что следовало ему, что позволила ему взять его щепетильная честность святого; но то, что он оставил за собой, он охранял с непоколебимой твердостью. Ревностный христианин, он неослабно защищал королевские прерогативы и права светского общества против захватов духовенства. Относясь с большим уважением к обычаю и феодальной традиции, он тем не менее в значительной степени расширил монархическую власть, достигнув этого ничем иным, как исполнением своих королевских обязанностей. Честолюбивая завоевательная политика, которую завещали ему его предшественники, окрепла в его руках единственно в силу его личных добродетелей и его правосудия. Было бы так же наивно упрекать его за самовластие правительственных мер и фанатизм некоторых указов, как и за бесполезность и опасность его заморских экспедиций. Все это объясняется искренностью его веры и тем глубоким сознанием своей ответственности, которое заставляло его не только охранять интересы его подданных в этом мире, но и, в особенности, предуготовлять им спасение в жизни будущей. Правление Людовика Святого есть правление исключительной личности, которая подчинялась христианскому чувству и которой постоянно руководили принципы более высокие, чем политика традиций.

Королевская власть в 1236 г. В ту минуту, когда начинается личное правление сына Бланки Кастильской, королевская власть уже сделала самый трудный свой шаг и

исполнила самую трудную часть своей задачи. Король сделался самым крупным собственником королевства: его материальное могущество наконец соответствует его достоинству. К старому королевскому домену, охватывавшему Пикардию, Иль-де-Франс и Берри, присоединились группа сеньорий, отнятых у Плантагенетов (Нормандия, Анжу, Мэн и Турэн, Пуату и Сентонж), недавние приобретения в Центральной Франции (Овернь) и наследие монфорского дома (сенешальства Бокэр и Каркасон). Сюда еще не входят ни отдельные поместья, рассеянные по всем провинциям, ни коммуны, подчиненные королевской власти, ни северные и южные епископства, в большей или меньшей степени зависевшие от короля. Во Фландрии, Бретани, Шампани, Бургундии, Гаскони и Лангедоке еще существуют крупные феодалные княжества; но каждое из них стоит под бдительным надзором могущественных чиновников, представителей королевского правительства, стоящих во главе сенешальств и судебных округов; многие из этих княжеств уже сильно расшатаны и неспособны к сопротивлению. Тулузское графство существует лишь номинально. Раймонд VII видел, как дробилось его государство, и не мог свободно располагать даже тем жалким обломком своих владений, который оставили ему из милосердия: его наследник предписан ему: это – один из братьев французского короля. Ему суждено было видеть, как водворилась в его землях инквизиция, полновластно исполнявшая свое кровавое дело, и возник Тулузский университет, другое оружие против ереси ее покровителей. Фландрия, опасная при Филиппе Августе, уже не беспокоит Людовика IX: ее взоры направлены на Восток и она истощает свои силы в непосильной задаче: снабжать королями и деньгами Латинскую империю. Бургундия всегда была самым слабым из крупных феодалов: ее герцог, бессильный сам по себе, всецело поглощен заботой составить себе домен и борьбой с епископальными и монастырскими сеньориями, занимающими большую часть территории герцогства. В Бретани Пьер Моклерк, униженный, лишенный Беллэма, уже не думает возобновлять свою неудачную попытку. Граф Шампанский унаследовал Наваррское королевство, бесполезное вследствие своей отдаленности; взамен

этого приобретения он принужден был уступить короне суверенитет над половиной своего феода (Блуа, Шартр, Сансерр, Шатодён). Остаются Аквитания и Гасконь, владения английского короля – единственный опасный пункт, откуда еще можно ждать грозы; ибо, если французские феодалы не смеют поднять головы, то соперничество между коронами Франции и Англии, которое началось в XI в. и продолжится вплоть до нового времени, постоянно существует в скрытом состоянии.

Внутренняя политика Людовика Святого; феодальная война и война с Англией. Война 1242 г. была одним из многочисленных эпизодов этого векового соперничества. Вместе с тем она является и последней конвульсией умирающего феодализма. В Пуату – главном центре духа сеньориальной независимости – к ужасу крайне непостоянной и недисциплинированной знати упрочил свое господство Капетинг Альфонс, граф Пуатье и брат Людовика Святого. В 1241 г. бароны Пуату начинают волноваться, созывать тайные собрания, подстрекать друг друга к сопротивлению. «Французы, – говорили они, – всегда презирали нас, пуатусцев; они хотят отнять у нас все наши земли, чтобы по праву завоевания присоединить их к своим владениям, и будут обращаться с нами хуже, чем с нормандцами и альбигойцами; ибо теперь последний слуга короля полновластно распоряжается в Шампани, Бургундии и во всей стране, потому что бароны – настоящие рабы, и никто из них не решается что-либо сделать без его приказа». Зависть одной женщины, Изабеллы, графини Маршской, вдовы Иоанна Безземельного, взбешенной пренебрежением, которое оказали ей королевы во время совещаний в Пуатье, объединила всех недовольных. Коалиция, образованная Гуго Маршским, быстро распространилась и пожаром разлилась по всей стране. В нее вошли феодалы Гаскони и Аженэ, граф Тулузский, виконт Нарбоннский, английский король, сын Изабеллы Маршской, и даже король Арагонский, владелец Монпелье, которому грозила опасность быть вытесненным из Лангедока. Граф Маршский как бы торопится сыграть свою роль. Он является в Пуатье, публично бросает вызов своему сюзерену, графу Альфонсу, поджигает в знак раз-

Слева: Людовик Святой. Со статуэтки XIII в., представлявшей собой часть запрестольного украшения в церкви Сен-Шапель. Справа: Маргарита Прованская, супруга Людовика IX. Со старинного рисунка, изображающего ее статую в церкви Пуасси, ныне не существующую

рыва дом, в котором жил, и покидает город. Людовик IX ждал лишь этого объявления войны, чтобы выступить в поле. Он должен был предупредить коалицию и нанести ей решительный удар, прежде чем английский король, высадившийся в Сентонже, успел бы собрать вокруг себя силы своих многочисленных союзников.

В то время, как капетингский флот собрался у Ла-Рошели, сохранявшей верность французскому королю, и крейсировал вдоль берегов Сентонжа и Вандеи, королевская армия под личным предводительством Людовика IX вступила в Пуату и, одно за другим, заняла все укрепленные места. Устрашенные пуатусцы напрасно разоряли страну перед врагом, засыпали колодцы, отравляли источники: ничто не могло удержать французов. Последнее усилие отдало в их руки Фронтнэ, главную крепость графа Маршского, которую защищал его собственный сын, попавший в руки Людо-

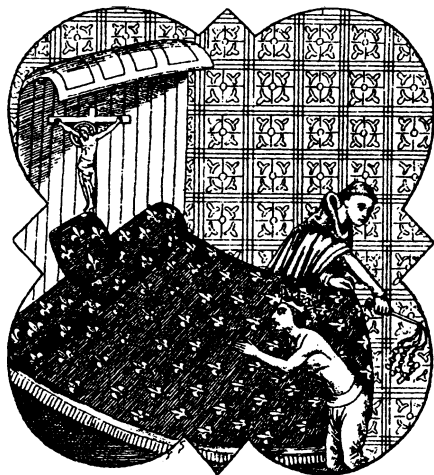
вика Святого. Гуго Маршский погиб, и вместе с ним погибло владычество англичан в Пуату. Только теперь английский король решил покинуть Руан и двинуться навстречу победоносному врагу; но и на этот раз он опоздал, как всегда (июль 1242 г.).

В первом сражении Людовик IX принудил англичан очистить Тельбургский мост, что дало ему возможность перейти Шаранту. Спустя два дня он снова встретился с врагом под стенами Сэнта (22 июля 1242 г.) и разбил его наголову. Впечатление, произведенное этой победой, было несравненно важнее, чем само сражение. Генрих III во всю прыть ускакал из Сэнта, бросая по дороге свой багаж, утварь из своей часовни и реликвии. Он остановился лишь в Блэ, а почувствовал себя в безопасности лишь за Гаронной, в Бордо. Как и всякий побежденный, он обвинял своих союзников в предательстве и особенно проклинал графа Маршского; он написал императору Фридриху II жалобное письмо, в котором признавался, что «переехал в Гасконь, так как, не желая рисковать жизнью, не мог оставаться среди вероломного и неразумного населения Пуату». Людовик IX готовился идти на Бордо, но в Блэ заболел и дезинтерия начала косить его армию. Он считал свою победу достаточной и только пожал ее плоды. Потеряв надежду на спасение, Гуго Маршский вместе с женой, надменной королевой Изабеллой, и двумя сыновьями отправился к победителю и пал к его ногам. Людовик предписал им тяжелые условия; в Пуату навсегда было восстановлено капетингское владычество, и принц Альфонс оставлен в нем неограниченным правителем.

Юг участвовал в восстании. В Авиньоне было убито два инквизитора; графы Тулузский и Фуаский напали на королевское сенешальство Каркасон. Но здесь, как и повсюду, известие о победе при Сэнте сразу остановило мятеж. Оба графа, которым с одной стороны грозили королевские чиновники Лангедока, с другой – северная армия, опасаясь нового крестового похода, отдались на полную волю короля. Лоррисский мир (1243) лишь возобновил для лангедокских феодалов те унижения, которым подверг их договор, заключенный в Мо. «С этого времени, – говорит летописец Гильом де Нанжи, – французские бароны более ничего не

предпринимали против своего короля, помазанника Господня, ясно видя, что рука Всевышнего содействует ему».

Опасным врагом оставался еще только герцог Аквитанский, потому что он мог отстаивать свою феодальную независимость силами целой монархии. Людовик IX поспешил заключить с ним перемирие, слишком любя мир, чтобы затеять борьбу не на жизнь, а на смерть, и будучи готов на всякие жертвы, чтобы получить возможность осуществить свой план крестового похода. После возвращения в свое государство (1254) он мог бы без большого труда воспользоваться необыкновенно удобным поводом, который представился ему тогда, чтобы покончить с англичанами и прогнать их на остров. Генрих III, ослабленный восстанием гасконских феодалов и еще более – восстанием английских баронов, был не в силах защищаться. Король вроде Филиппа Августа наловил бы рыбки в этой мутной воде. Но Людовик IX стоял выше обычных политических приемов: традиции деда он противопоставил свое собственное чувство права. Законность приобретений Филиппа Августа казалась ему не вполне установленной, и христианская совесть не позволяла ему отнять у сына Иоанна Безземельного то, что еще принадлежало ему на французской почве. Он не только пренебрег случаем взять Бордо и Гасконь, но 28 мая 1258 г. он добровольно уступил своему сопернику некоторые из завоеванных областей: Перигор, Лимузен, Керси, часть Сентонжа и часть Аженэ. Взамен английский король безусловно отказался в его пользу от всех остальных континентальных владений Плантагенетов, призвал за ним суверенитет над Бретанью, Овернью, Маршем и Ангумуа и формально принес ему вассальную клятву за герцогства Гиень и Гасконь. Таков был этот знаменитый парижский договор, против которого так негодовали политики еще при жизни Людовика IX, и который, одобряя или осуждая, исследовало столько историков. Можно признать, что неудобства этого договора уравновешивались его выгодами; но главной целью Людовика Святого было успокоить свою совесть и восстановить справедливость. Он не знал других политических правил: всякий договор, подписанный им, должен был прежде всего быть орудием мира.

Духовник Людовика IX
производит бичевание короля.
По миниатюре XIV в.

Монархическое правление в Лангедоке: Людовик Святой и Альфонс Пуатьеский. Последнее восстание Раймонда VII, сурово подавленное Людовиком, имело последствием окончательное подчинение Лангедока. Граф Тулузский тщетно пытался вступить в новый брак и приобрести иного наследника, чем брат французского короля, Альфонс Пуатьеский. Провансальская принцесса, руки которой он искал, вышла замуж за другого брата Людовика Святого, Карла Анжуйского. Капетингское владичество, утвердившись в долинах Роны и Луары и проникая все далее и далее, стягивало Лангедок все более тесным кольцом. Смерть Раймонда VII (1247) отдала в руки графа Альфонса Тулузу. Так закончилась многолетняя ожесточенная борьба, которая вместе с независимостью южного населения уничтожила и его цивилизацию. Соединение обеих Франций, основанное на родстве крови, было навеки закреплено.

Благодаря сердечному согласию между Альфонсом Пуатьеским и Людовиком Святым, главным же образом – благодаря умеренности короля, Югу не пришлось сильно пострадать от перемены правительства, и он без сопротивления

подчинился северным правителям и учреждениям. Монархия продолжала упрочиться в этой отдаленной стране, руководствуясь интересами порядка и мира. Альфонс ввел в своем уделе администрацию, почти подобную той, которая существовала в королевском домине, и неизменно следовал тем принципам, которыми руководствовался в своей деятельности Людовик Святой. Он ввел в своем государстве ту же систему отчетности, которая господствовала в королевстве, а также институт следователей; он учредил даже для всех своих владений в Центральной и Южной Франции единый парламент, который по компетенции и влиянию стоял значительно выше феодальных судов, какие существовали во всех крупных феодах. Новейшие исследователи, изучавшие административную систему Альфонса Пуатьевского, все без исключения отзываются с большой похвалой о деятельности Людовика Святого и его брата. «В общем,— говорит Молинье,— их правление было так хорошо, как только могло быть правление государя XIII в. В первый раз со времени славного господства Римской империи Юг управлялся разумно. Государь обнаруживает, может быть, слишком непосредственное и слишком активное влияние на ход правительственных дел, но теория королевской прерогативы, как ее позднее формулируют легисты Филиппа Красивого, еще не народилась, и можно сказать, что как Лангедок, так и Франция, были бы счастливы, если бы никогда не знали другого режима».

Внешняя политика Людовика Святого. Со времени битвы при Бувине и ослабления Германской империи, обессиленной своей борьбой с папством, Франция заняла преобладающее положение в Европе. Людовик Святой воспользовался им лишь для того, чтобы осуществить за пределами своего королевства тот идеал справедливости и высшего порядка, которым он неизменно руководствовался во внутренней политике. Его отношения к иностранным державам были подчинены, прежде всего, великому делу крестового похода, затем желанию поддержать мир у всех своих соседей,— желанию, которое нечасто встречается среди государственных людей. И здесь христианин господствовал над королем и предписывал ему его образ действий.

Испания, поглощенная своей борьбой с арабами и крайне раздробленная в политическом отношении, не могла угрожать развитию и безопасности Французского королевства. Однако надо было помешать Англии приобрести себе там союзников и надо было положить конец притязаниям арагонских королей, барселонских графов, на Лангедок и Прованс. Людовик IX устранил первую опасность тем, что обручил своего старшего сына с сестрой короля Кастилии, свою дочь Изабеллу – с молодым королем Наварры, Тибо V, и своего второго сына Филиппа – с одной из арагонских принцесс. Вторую опасность он мудро предупредил тем, что заключил с Арагоном Корбейльский договор (11 мая 1258 г.), положивший конец территориальным капризам феодальной географии и впервые сделавший Пиренеи настоящей границей между обеими нациями. Барселонское графство, принадлежавшее Франции со времени Карла Великого, окончательно отошло к Испании; графство Фуаское осталось за Францией, и Арагон навсегда отказался от всяких поборов и территорий в области, лежащей к северу от Руссильона. Отказываясь от Каталонии, Людовик терял лишь тень суверенитета, потому что со времени вступления на престол Филиппа Августа французский король утратил даже платоническую честь видеть акты этой страны помеченными годом своего царствования. Взамен он приобрел одну реальную выгоду – именно ту, что навсегда разорвал связь, так долго соединявшую юг Франции с севером Испании, и остался единственным господином Лангедока.

Более щекотливую и сложную задачу приходилось ему решать на другой сухопутной границе королевства – там, где оно соприкасалось с Германией. Если бы Людовик IX обладал натурой завоевателя, ему ничего не стоило бы воспользоваться тем политическим хаосом, который господствовал в Арльском королевстве, и отодвинуть традиционную границу Франции за Сону и Рону. Ему достаточно было бы воспользоваться распрей между папством и империей и особенно смутой, наступившей в Германии после смерти Фридриха II. Он не сделал этого и оставил эту благодарную задачу своему сыну и внуку, удовольствовавшись тем, что путем покупки графства Маконского приобрел позицию в Бургундии, и тем,

что в Провансе водворилась капетингская династия. Он стремился не к тому, чтобы расширить свои владения, а к тому, чтобы водворять мир и распространять свое нравственное влияние. Да и это не всегда было легко.

Борьба не на жизнь, а на смерть между папой и императором сильно огорчала благочестивого короля. Он не мог отказаться ни от почтительной преданности, какую должен оказывать главе церкви всякий христианин, ни от чувства благодарности и сознания собственного интереса, которыми Франция была связана с Фридрихом II. Было бы вполне естественно, если бы Людовик Святой поддерживал папство против государя, благочестие которого подлежало сомнению, против друга сицилийских сарацин. Но отлученный император был союзником Людовика VIII, Бланки, затем их сына; его благожелательный нейтралитет облегчил капетингской династии ее борьбу с крупными феодалами и англичанами. И вот в 1239 г., когда папа Григорий IX обратился к французскому королю с просьбой о помощи против императора и предложил императорскую корону Роберту Артуа, Людовик отказался за своего брата от этого опасного подарка и занял строго нейтральное положение. При Иннокентии IV конфликт сделался более резким и соблюдение нейтралитета — более затруднительным. Людовик иногда вмешивался в борьбу, но лишь для того, чтобы умерить пыл противников и поддерживать равновесие между ними. Сначала он отказывается принять папу в свои владения и совершенно игнорирует низложение и отлучение императора. Позднее, когда Фридрих II задумывает поход на Лион и личности Иннокентия IV грозит опасность, Людовик IX готовится идти на помощь папе. Как истинный представитель феодального средневековья, он считает обе эти власти необходимыми для христианского мира и не допускает, чтобы одна из них сокрушила другую. Поэтому он беспрестанно хлопочет об их примирении, особенно на съездах в Лионе и Ключи. Он желал мира — во-первых, из принципа, во-вторых, потому что считал его необходимым для осуществления своего великого плана: освобождения Гроба Господня.

Когда он вернулся из Иерусалима, борьба уже была закончена смертью одного из противников. Фридрих II умер: динас-

тия Гогенштауфенов, как и та опасная утопия, которую называли римской империей германской нации, безвозвратно погибли. Отношения Людовика IX к Германии во время междуцарствия ограничивались прежде всего тем, что он не допустил исконного врага Франции, Плантагенета, овладеть наследием швабского дома. Между тем Ричард Корнуэльский добился избрания в императоры; но капетингское правительство не признало его и даже выставило против него конкурента, короля Кастилии Альфонса X. Настоящим наследником Гогенштауфенов была немецкая феодальная знать. Людовику IX оставалось только следить за процессом разложения, который проникал до глубочайших недр соседней нации. Он без единой битвы воспользовался последствиями Великого междуцарствия, и по своим взглядам не желал идти далее.

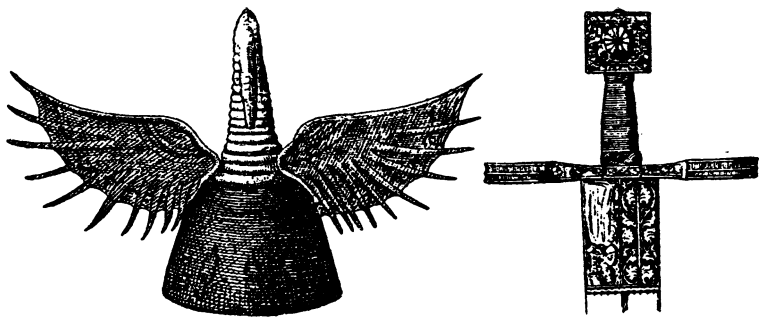
Преобладание Франции в Европе. Несмотря на свое отвращение к светским делам и на свою любовь к миру, Людовик Святой должен был, однако, считаться с последствиями того преобладающего положения, которое заняла Франция на Западе. Область влияния и деятельности династии с каждым днем расширялась. Папство, которому грозила новая борьба с государем из швабского дома, предложило корону обеих Сицилий французскому князю – Карлу Анжуйскому (1261). Для себя лично король отказался от этой короны, но он не мог быть недоволен тем, чтобы в Неаполе и Палермо царствовал капетингский государь, его собственный брат. Но еще более важно было для него то, что он сделался для всей Европы чем-то вроде верховного судьи, живым воплощением права и справедливости: его решения имели силу закона. Люди XIII в. видели зрелище, единственное в истории средних веков: король Франции, исключительно в силу своих добродетелей (ибо Людовик был обязан этим положением более своему личному влиянию, чем престижу своей монархии) признан всеобщим судьей, решает самые щекотливые вопросы и не раз водворяет мир между спорящими сторонами. Отовсюду обращались к этому святому с просьбой примирить интересы, утишить страсти: авеньская и дам্পьерская династии, граф Бретанский и граф Шампанский, графы Шалонский и Бургундский, граф Барский и герцог Лотарингский добровольно отдавали на его суд свои споры. Но выс-

шим триумфом Людовика была просьба о посредничестве, с которой в 1264 г. обратились к нему английские бароны и король Генрих III. Приходилось решать спор между знатью, жаждавшей вольностей, и монархией, ревниво оберегавшей свои традиционные права; надо было оправдать или осудить поведение великого агитатора Лейстера, освятить или отвергнуть Оксфордские постановления. Едва ли когда-нибудь судье приходилось решать более трудное и более ответственное дело. Беспристрастие Людовика IX стояло выше всякого подозрения; но легко было предвидеть, что французский король, при том высоком представлении, какое он имел о звании монарха, осудит правительственную систему, основанную на более или менее замаскированном ниспровержении королевского авторитета. Приговор, произнесенный им в Амьене, по многим пунктам признал правым Генриха III. Английские бароны, которые пригласили его в посредники, первые не подчинились его приговору. В действительности ни одна сторона не желала мира: его желал только судья. При этих условиях вмешательство Людовика IX, хотя и безуспешное, показало всем, что думали даже враги его династии об его личности и французской короне, какой он ее сделал, — безусловно первой в Европе вследствие нравственного превосходства ее носителя.

Людовик Святой; его учреждения

Общие отношения между короной и феодализмом. Национальное духовенство. Гильом Оверньский. Людовик Святой и нищенствующие ордена. Отношение к папству. Прагматическая санкция, приписываемая Людовику Святому. Подчинение коммун монархической власти. Развитие королевской администрации; следователи. Королевский двор и советы; парламент. Административные и финансовые реформы. Законодательство Людовика Святого; популярность короля.

Общие отношения между короной и феодализмом. Царствование Людовика Святого отмечено значительным развитием королевской власти или, что то же, возрас-

Шлем Хайме I Завоевателя (слева), короля Арагонского (1213–1276).
Эфес меча Фердинанда III (справа), короля Леона (1230–1252)

тающим упадком сеньориальных властей. Отсюда не следует заключать, будто король умышленно действовал против феодализма, как впоследствии – министры Филиппа Красивого. Людовик IX не раз показывал, что законные привилегии и традиции феодализма были в его глазах столь же почетны, как и права самой монархии. Он олицетворял собой не какое-нибудь специальное право, а абсолютную справедливость; все установленные власти, раз они не выходили за свои законные пределы, находили в нем защитника. Поэтому неудивительно, что он не раз отстаивал владения и права крупных и мелких сеньоров против чрезмерного усердия и злоупотреблений своих чиновников. Он предоставлял полную независимость судьям, заседавшим в его парламенте, и они часто пользовались ею для того, чтобы выражать порицание королевским чиновникам, ожесточенным против знати и слишком склонным игнорировать как традиционные права сеньорий, так и предписания областных кутюмов. Но, признавая законными те правила и обычаи, которые составляли феодальное право, Людовик IX в то же время с непреклонной твердостью заставлял сеньоров соотносить свой образ жизни с теми высшими началами справедливости и нравственности, которыми руководствовался он сам. Знатнейший из баронов не мог рассчитывать на его снисхождение, раз было доказано, что он нарушил закон. Людовик бросил в темницу и приговорил к большому штрафу сеньора де Куси, сжег одну знатную даму, убившую своего

мужа, и даже самого надменного из своих братьев, Карла Анжуйского, заставил признать права слабого и принцип апелляции к королю. Далекий от мысли извлекать выгоды из распрей, возникавших между его баронами (как делали многие государи и до, и после него), он вмешивался лишь для того, чтобы примирять противников. Озабоченный прежде всего интересами мира и общественного порядка, руководствуясь все той же христианской идеей и предписаниями церкви, он запретил частные войны, судебный поединок и турниры.

Национальное духовенство. Гильом Оверньский. Можно было опасаться, что, ввиду глубокого благочестия короля и его преданности церкви, епископство воспользуется тесными узами, соединявшими его с престолом, чтобы увеличить свои привилегии, расширить свою юрисдикцию и усилить свою власть в ущерб гражданскому обществу. С тем высоким беспристрастием, которое составляет отличительную черту его политики, Людовик IX защищал своих епископов против захватов и злоупотреблений бальи и их подручных. В пользовании своим правом раздачи церковных бенефиций он, как и во всех делах, обнаруживал умеренность и справедливость, строго придерживался канонических правил и обращался за указаниями к совету из епископов и аббатов, которые помогали ему находить наиболее подходящих людей для замещения свободных должностей. Щепетильный во всяком деле, он осудил постановлением своего парламента хранителей королевской регалии¹, воспользовавшихся своим положением для незаконной наживы, и запретил даже графу Шампанскому взимать чрезмерные поборы с вакантных епископских кафедр своей области. Наконец, он счел необходимым облегчить возвращение церкви десятины, перешедшей путем пожалований в руки светских лиц, отказавшись от тех церковных сборов, которыми сам владел, как доманиальный собственник, и разрешив всем своим вассалам свободно пользоваться их сборами на пользу духовенства.

¹ *Règale* называлось право французского короля получать доходы вакантных епископских кафедр и раздавать зависевшие от них бенефиции.

Но этот же самый король, так зорко охранявший имущество и права своих епископов от всякого покушения, не допускал, чтобы церковь преступала границы своей компетенции. Известно, с какой твердостью и каким благоразумием Людовик Святой отстаивал прерогативы короны против притязаний епископства, отказав ему даже (хотя и не так безусловно, как представлено дело у Жуанвиля) в помощи светской власти для преследования упорствующих еретиков. Именно начиная с его царствования, церковное общество регулярно несет тяжкое бремя податей ($\frac{1}{10}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{100}$), наложенных на него французским правительством с согласия римской курии. Французская церковь облагается податью сначала под предлогом покрытия издержек на крестовые походы, затем – для поддержки нерелигиозных предприятий, одобренных папством, наконец просто для покрытия правительственных расходов. С другой стороны, Людовик Святой, как и его предшественники, не был склонен поощрять захваты епископского суда. Он не только поддержал жалобы и решения французских баронов, составивших в 1235 и 1246 гг. лиги для противодействия захватам церковной юрисдикции, но и добился от папы постановления, чтобы женатые или занимающиеся торговлей клирики более не подлежали церковному суду.

Епископ Парижский (1228–1249) Гильом Оверньский был в то царствование типом светского прелата, до такой степени преданного монархическим учреждениям и королевской политике, что иногда защищал их наперекор папе. В церковном мире он играл роль посредника и миротворца, аналогичную той, которую присвоил себе сам король по отношению к феодальному обществу. Пользуясь неизменной поддержкой Людовика Святого, которому он служил как бы первым министром по религиозным делам, он основал большое количество церквей и богаделен, воспользовался распадением университета, чтобы предоставить Братьям проповедникам их первую богословскую кафедру, преобразовал аббатства, поддерживал нищенствующих монахов против зависти клириков и энергично боролся против совмещения церковных должностей.

Людовик Святой и нищенствующие ордена. Однако главной опорой Людовика Святого была не светская

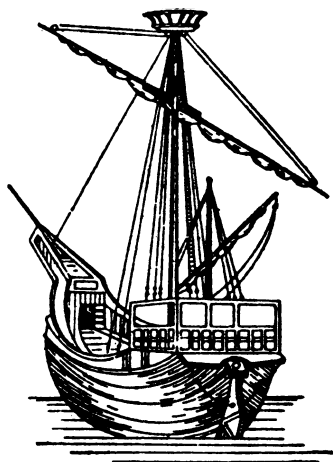
церковь. Он отдавал предпочтение черному духовенству и особенно покровительствовал нищенствующим орденам. Поддерживаемый как королем, так и папой, орден Братьев проповедников, назначением которого было вначале обращение еретиков, мало-помалу присвоил себе монополию на проповедь и защиту веры. Инквизиция, учрежденная сначала на юге Франции и направленная исключительно против альбигойцев, правильно организовалась во всех областях. Людовик Святой по мере сил содействовал инквизиторам и принял их под свое особое покровительство. Народное просвещение, как в Париже, так и в провинциях, в значительной степени перешло в руки нищенствующих монахов. Нередко они занимают даже высшие церковные должности. Францисканец Эд Риго, ближайший друг и советник Людовика Святого, в 1248 г. был назначен руанским архиепископом. Но еще большее влияние имеют эти монахи в качестве капелланов и духовников французского короля, который при всяком случае выказывает им свое благоволение. Он поручает им дипломатические миссии, избирает из их среды своих следователей и священников для своей армии; они – обычное орудие его политики и благочестия. Это исключительное предпочтение не раз возбуждало негодование народа. Одна женщина, имевшая дело в парламенте, однажды бросила ему в лицо такие грубые слова: «Тьфу! И это король Франции? Всякий другой был бы лучше на твоём месте, потому что ты принадлежишь к шайке проповедников, миноритов и клириков; срам, чтобы ты был французским королем, и чудо, что тебя до сих пор не прогнали».

Отношение к папству. Прагматическая санкция, приписываемая Людовику Святому. Убежденный защитник нищенствующих орденов, Людовик IX в этом отношении бессознательно играл на руку папству, которое находило в миноритах и проповедниках покорную и преданную армию, отлично организованную для осуществления его плана всемирной теократии. Тем не менее, Людовика Святого нельзя упрекнуть в том, что он содействовал чрезмерному росту папского могущества. Он относился к папам, как и к своим собственным епископам, – как государь, уважающий законные права, но всегда готовый отстоять дос-

тоинство и независимость своей короны против всякого покушения. Люди XV в., приписывавшие ему апокрифический памятник, известный под названием «Прагматическая санкция Людовика Святого» и отмеченный 1269 г., были довольно хорошо осведомлены относительно того, что произошло за два века до великой реформы галликанства. Они предполагали, и не без основания, что сын Бланки Кастильской должен был враждебно относиться к злоупотреблениям в области церковных выборов, к симонии, поборам римской курии и особенно к светским притязаниям святого престола. Прагматическая санкция должна была до известной степени соответствовать основным принципам церковной политики Людовика Святого, если столько поколений могли признавать ее подлинной и ставить учение галликанской церкви под эгиду благочестивейшего из государей.

Подчинение коммун монархической власти. Политическое значение третьего сословия, то есть массы народа, продолжает возрастать и при Людовике Святом, в том смысле, что граждане крупных городов приобретают все больше влияния в королевских советах. Это доказывается, между прочим, участием нотаблей главных городов в составлении знаменитого ордонанса 1262 г. о денежной системе. В качестве членов парламента, бальи, прево, судей и всякого рода администраторов, буржуазия овладевает в это время значительной долей власти. Людовик Святой ускорил этот процесс, запретив назначать людей знатного происхождения на низшие должности, подчиненные бальи и сенешалям. В качестве поверенных центрального правительства люди третьего сословия возвышают буржуазию, изо дня в день увеличивают ее богатство и значение. Но вместе с тем они теряют ту независимость, которую они приобрели под видом присяжных коммун или консульских городов. Ниже мы познакомимся с политикой Людовика Святого по отношению к муниципальным учреждениям¹. Нельзя сказать, чтобы он преднамеренно, как позднее Филипп Красивый, стремился к уничтожению коммунальных порядков. Напротив, он пытался положить предел злоупотреблениям,

¹ См. ниже, глава 8.

Вооруженный неф XIII в.

какие совершались в коммунах, и внушал последним идеи бережливости и порядка. Ордонанс 1256 г. предписывал им мудрые правила по избранию магистратов и заведению коммунальной казны. Но этот указ плохо исполнялся и имел лишь незначительные последствия. Однако личное благоволение короля было бессильно предупредить пагубные последствия вражды, которую обнаруживали королевские чиновники к коммунам, как и ко всем остальным общественным органам, затруднявшим дело монархической централизации. Их склонность игнорировать в коммунах сеньориальные и муниципальные права не раз вызвала порицания со стороны Людовика Святого. Он старался искоренить это зло путём формальных постановлений своего парламента или путем выражения своей личной воли. Но королевские слуги обращали мало внимания на эти выговоры и порицания и неуклонно продолжали дело разрушения всех привилегий и вольностей. Результатом их усердной деятельности было то, что в конце царствования Людовика Святого муниципальная юрисдикция существовала еще только номинально.

Развитие королевской администрации; следователи. Административный строй, отчасти созданный, отча-

сти развитый Филиппом Августом, приобретает в царствование его внука правильность и значение, которые делают его самым действенным и самым надежным орудием династии.

В центре *дворец* первобытной эпохи, состоявший из лиц, которые были одновременно и домашними слугами, и высшими сановниками монархии, уступил место *королевскому двору*, где мы находим две категории лиц: 1) клириков и рыцарей, составляющих военную стражу, личный совет и домовую церковь короля; 2) дворцовых слуг, распадающихся на шесть служб. Значение ближайших советников короля, естественно, возрастает при Людовике Святом уже потому, что владения и власть короля с каждым днем расширяются. Могущественный класс королевских *клириков* и *рыцарей* был рассадником, откуда выходили: 1) агенты центральной власти, судьи, административные и финансовые чиновники, которые сопровождали короля в его разъездах или постоянно заседали в парламенте; 2) представители королевской власти в провинциях, бальи, сенешали и следователи, на обязанности которых лежали проведение и защита монархических принципов на всем протяжении королевства; 3) лица, получавшие дипломатические миссии за границу. В совете Людовика Святого все еще преобладает церковный элемент, что объясняется личными склонностями короля. Его советники, люди опытные и осторожные, в общем направляли деятельность капетингского правительства консервативным путем, хотя и не уклонялись от необходимых реформ. Между ними уже немало законоведов, но последние еще не получили того перевеса, который в царствование Филиппа Красивого позволит им действовать революционными средствами и довести развитие монархии до его крайних последствий.

Сама административная реформа, завершившаяся учреждением должностей бальи и сенешаля, была дополнена в эту эпоху созданием нового органа, предназначенного связать центральное правительство с его областными агентами и установить над последними контроль, необходимый с точки зрения общественного блага. Мы имеем в виду *следователей* или *ревизоров*, которые были обязаны контролировать деятельность местной администрации и восстанавливать

справедливость, нарушенную королевскими чиновниками. Летописцы XIII в. приписывают Людовику Святому учреждение этих *missi dominici* капетингской монархии. Но доказано, что этот король лишь придал общий характер средству, применявшемуся его предшественниками. Притом, его мероприятия были обусловлены одним особенным обстоятельством: его желанием удовлетворить требования своей совести, прежде чем отправиться в крестовый поход. В 1247 г. он предпринял обширное следствие по всем частям королевской администрации, приказал местным чиновникам собрать и представить ему жалобы и требования населения и разослать повсюду комиссии следователей, поручив им собрать справки о злоупотреблениях, совершенных этими самими чиновниками. Первоначально в следователи назначались почти исключительно доминиканцы и францисканцы; лишь позднее их стали брать также из среды светского духовенства и даже рыцарства. Свои следствия они производили публично и составляли по ним официальные доклады, из которых многие дошли до нас целиком или в отрывках. По возвращении короля из крестового похода 1248 г. институт этих «восстановителей справедливости» получает регулярный характер. В своих указах касательно бальи Людовик Святой говорит о нем как о нормальном элементе администрации.

Королевский двор и советы; парламент. Группа королевских советников, специальное назначение которых состояло в том, чтобы помогать государю в отправлении текущих административных и политических дел (*grand conseil*), лишь в царствование Людовика Святого начинает обособляться от других двух групп, которым король поручал руководство судебными делами (*parlement*) и финансовый контроль над агентами короны (*chambre des comptes*).

Политический совет короля еще долго сохранял свой походный характер. Государю нужно было повсюду, где он поселялся, иметь под рукой своих помощников в деле правления. С другой стороны, три секции, на которые распался старый королевский двор, сохраняют в ту эпоху свой прежний состав, и члены их с чрезвычайной легкостью переходят из одной в другую.

Юридическая секция, или парламент в собственном смысле слова, становится в царствование Людовика Святого почти оседлым, и местом его заседаний служит сам дворец. В его составе есть неизменный элемент – советники по профессии, назначаемые королем и получающие от него жалованье, – клирики, рыцари и бальи, и элемент менее постоянный – королевские сановники, бароны и прелаты, призываемые более или менее регулярно в зависимости от характера дел. Дифференциация различных органов парламента в эпоху Людовика Святого едва заметна, хотя сановники, которым поручается ведение следствий, начинают с этих пор заседать отдельно. В местах своего пребывания Людовик IX лично разбирал тяжбы своих подданных, иногда самым простым и патриархальным способом: кто не знает судебных разбирательств, которые он производил под венсенским дубом? Судебная власть, осуществляемая лично королем, дала начало *дворцовому суду*, в котором председательствовал или сам король, или кто-либо из близких ему лиц по специальному назначению короля. Отсюда же произошли и *дворцовые челобитные*, которые принимали и передавали королю те же лица, носившие названия *королевских спутников*. Они были членами политического совета и в то же время имели право участвовать в заседаниях парламента.

Судебная секция не только начинает организовываться при Людовике Святом, но и значительно расширяет свою компетенцию. Принцип феодального строя, сформулированный Бомануаром, – «всякий, владеющий светской юрисдикцией, держит ее от короля непосредственно (как феоде) или косвенно (как субфеоде)» – сочетается с чисто монархической идеей, «король в силу своего божественного права является единственным источником и высшим собственником суда». Вследствие этого королю приписывается всеобщее право суда и безусловный суверенитет в судебном отношении, так как остальные трибуналы существуют лишь в силу данного им полномочия, так сказать – в силу его терпимости. Быстрый рост королевской власти, которому так искусно содействовали настойчивые усилия слуг короны, обнаруживается особенно в праве апелляции к королю и теории *королевских случаев*. Апелляция в современном смысле слова, то есть обращение к высшей судебной инстанции, при Людовике

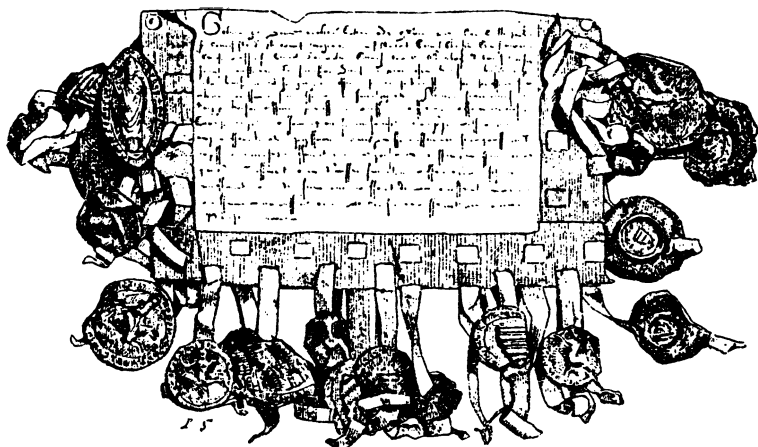
Святом окончательно заменяет старую феодальную апелляцию, состоявшую в вызове судей на дуэль, и входит во всеобщее употребление. Развитие этого института идет рука об руку с развитием судебного следствия. Тот же указ Людовика IX, которым запрещается судебный поединок (1258), устанавливает право апелляции. С тех пор парламент играет роль апелляционного трибунала, не только по отношению к низшим королевским судам, то есть судам прево и бальи, но и по отношению к сеньориальным судилищам, что имело огромное политическое значение. Что касается теории королевских случаев, которую королевские чиновники распространяли на все отрасли судопроизводства, то она была, как известно, главным орудием, посредством которого правительство Людовика Святого и его преемников незаметно расширяло компетенцию королевского суда. Число королевских случаев, которые никогда не были точно сформулированы, быстро возрастает, охватывая все гражданские преступления исключительной важности, а также все проступки, склонные к нарушению общественного спокойствия или оскорблению достоинства короля.

Административные и финансовые реформы.

Таким образом, королевская власть сильно возросла при Людовике IX, не столько под влиянием какой-нибудь могучей воли, готовой устранить всякое препятствие, или даже нравственного превосходства, внушавшего уважение и покорность, сколько благодаря естественной силе монархической эволюции и приобретенной ею скорости. Он сам так мало дорожил властью, что однажды даже решил сложить ее с себя и его лишь с трудом удалось отклонить от этого решения. Царствовать – значило для него, прежде всего, быть реформатором и законодателем, стараться осуществить в сфере, подвластной его влиянию, христианский идеал, которым была проникнута его душа. Преобразовательная деятельность Людовика IX простиралась на все части социального организма; но ее главной целью было водворить правосудие и нравственность в сфере администрации; не надо забывать, что в ту эпоху, когда разделение властей было почти неизвестно, компетенция каждого из представителей общественной власти была чрезвычайно широка и разнообразна.

Знаменитый ордонанс 1254 г. относительно бальи был одним из перлов этого благодетельного законодательства. Целью указа было устранить одно из органических зол средневекового общества: эксплуатацию народа со стороны административных чиновников. В силу этого ордонанса, который лишь пояснялся или дополнялся административными указами последующих царствований, балья обязан был при вступлении в должность давать клятву, что будет творить суд каждому без вражды и лицемерия; что будет тщательно соблюдать права короля и местные вольности; что будет надзирать за подчиненными ему чиновниками и, в случае надобности, карать их. Чтобы предупредить лихоимство, балья запрещается принимать от тяжущихся какие бы то ни было подарки как для себя, так и для своих близких; точно так же и он сам не должен делать подарков своим начальникам. Ему строго воспрещены всякие личные и денежные отношения как с подчиненными, так и с начальниками. Чтобы предупредить злоупотребление властью, ему запрещается вступать в брак и женить или выдавать замуж своих детей в пределах своего округа, доставлять им бенефиции в этом округе, участвовать в торгах, иметь родственников откупщиками или помощниками в звании прево, лейтенанта или судьи, без надобности входить в монастыри, обирать население и утруждать его перенесением с места на место центра баллиальной администрации. Ему предписывалось точно в срок устраивать судебные заседания и особенно исполнять свои обязанности лично. Он мог назначать заместителя или лейтенанта лишь в случае болезни или отлучки по делам королевской службы. Будучи обязан исполнять королевские приказы, он имел, однако, право сообщать государю официальным письмом с приложением печати законные мотивы, которые мешали ему исполнить полученный приказ. Для вящей предосторожности ему предписывалось по сложении им своего звания оставаться в данном округе сорок дней, чтобы население могло заявить против него свои законные претензии и чтобы он не мог уклониться от ответственности, тяжесть которой пала бы на его преемников.

Эти предписания, направленные к уничтожению тирании и лихоимства в администрации, не остались мертвой бук-

Грамота Людовика IX. Окружена печатями магнатов, также подписавших ее. Париж. Национальный архив

вой. Одно место в сочинении Жуанвиля показывает нам, как Людовик IX сам применил их в своей столице, радикально изменив характер должности парижского прево: на место всеобщего откупщика, ненавидимого народом, он поставил чиновника, получавшего жалованье, со строго ограниченной властью, уполномоченного только творить правый суд для парижан.

Теми же идеями нравственности и порядка руководствовался он, естественно, и в финансовой области. Людовик IX не изменил коренным образом ни общего плана, ни органов финансового управления: это сделал позднее Филипп Красивый. Людовик удовлетворялся тем, что увеличил нормальные и чрезвычайные доходы короны, не погрешив против тех начал умеренности и щепетильной честности, которые составляют отличительную черту его правления. К его царствованию относится первый законодательный памятник, в котором упомянуты члены королевского двора, специально предназначенные для контроля за финансовыми чиновниками. Ордонанс 1256 г. об администрации городов предписывает мэрам ежегодно отдавать отчет в своих доходах и расходах «королевским людям, назначенным для отчетности». В 1269 г. было создано в

Тампле собрание «заведующих отчетностью» (*gens des comptes*), составленное из придворных сановников, – зародыш будущей Счетной палаты. Ученые, исследовавшие деятельность финансового ведомства в царствование Людовика Святого, далеко не все изучили и далеко не все поняли. Однако им удалось установить для той эпохи приблизительный бюджет королевского правительства, и он оказался в равновесии. Нормальные расходы с избытком покрывались нормальными доходами. В бюджетах Людовика Святого мы всегда находим известный излишек доходов, который составлял наличный запас «и давал возможность покрывать не только расходы по постройке церквей и дарениям на благочестивые дела, но и большую часть непредвиденных издержек, обусловленных нуждами администрации и политики, кроме расходов на войны и крестовые походы». Этот вывод согласуется со всем, что сообщает нам история об этом несравненном царствовании. Спустя 20 лет после смерти Людовика Святого картина совершенно меняется: политика Филиппа Красивого нарушила финансовое равновесие, и правительственный механизм подорван тяжестью расходов.

Основным мероприятием Людовика Святого и его советников в этой области, – тем из их дел, которое в глазах средневекового общества составляло одно из их главных прав на славу, – была монетная реформа. Ее первой целью было сделать королевскую монету более ценной и более постоянной, чем сеньориальная, и ввести ее во всеобщее употребление, добившись того, чтобы она циркулировала во всех частях королевства. С одной стороны, король восстановил употребление монеты, введя в обращение золотую и серебряную монету, которая почти совершенно исчезла, тщательно регулируя ее вес и пробу и особенно поддерживая валюту на одном уровне. С другой стороны, он распространил и сделал обязательным ее употребление за пределами королевского домена, в крупных независимых феодах, часто в ущерб монете самого владельца. Знаменитый указ от мая 1263 г. постановлял: 1) сеньориальная монета должна по наружному виду отличаться от королевской; 2) в королевском домене и во всех областях, где нет сеньориальной монеты, должна быть в обращении исключительно королевская монета, а в тех сеньо-

риях, которые владеют правом чеканки, она должна идти наравне с сеньориальной; 3) чтобы предупредить незаконные операции с королевской монетой, было запрещено, под страхом лишения имущества и телесного наказания, урезать или переплавлять монету, вышедшую из королевских мастерских. Чтобы усилить влияние и обеспечить исполнение этого указа, Людовик Святой скрепил его подписями граждан Парижа, Провена, Орлеана, Санса и Лана: любопытное нововведение, показывающее, насколько король стремился в этом деле опереться на нравственный авторитет крупных городов. Этим путем капетингское правительство обеспечило за королевской монетой настоящую привилегию на повсеместное обращение; мало того, его агенты вскоре вывели из этого факта заключение, что всякое нарушение указа о монетах, в какой бы сеньории оно ни произошло, подлежит исключительно ведению короля: новая монополия, которая делала невозможным для баронов уклонение от королевского указа. Таким образом, под видом монетной реформы провозглашалось подчинение всех сеньориальных властей власти капетингского государя. Подобный политический акт был возможен лишь в такую эпоху, когда авторитет короля сделался преобладающим и когда высшая феодальная знать уже сама чувствовала себя неспособной к сопротивлению.

Законодательство Людовика Святого; популярность короля. Указанными законодательными мерами Людовик Святой исполнял обязанность государя, любящего порядок и справедливость и стремящегося внушить своим подданным привязанность к своей власти. Но он издавал законы и как христианин, проникнутый религиозной идеей, которая неудержимо влекла его согласовать гражданские законы с каноническим правом. Убежденный в том, что учение церкви осуждает отдачу денег в рост и что лихоимство оскорбляет Бога, он усилил репрессивные меры, принятые его предшественниками против евреев. Тремя ордонансами была окончательно запрещена отдача денег в рост и предписано произвести частичную конфискацию имущества еврейских заимодавцев в пользу короны и задолжавших христиан. Несколько раз евреи даже поголовно подвергались лишению имущества и изгнанию. Суровые меры Людовика Святого

против евреев объясняются не только тем, что они занимались ростовщичеством, но и их принадлежностью к отвергнутой и проклятой религии; это доказывается его распоряжениями о сожжении талмудических книг и указом 1269 г. об обязательном ношении полоски желтого сукна. Впрочем, в то же время королевское правительство, оставаясь последовательным, вообще запретило отдачу денег в рост и изгнало из Франции других иностранцев-капиталистов и почти всех итальянцев, занимавшихся денежными делами. Эти ломбардцы и кагортинцы, к помощи которых корона обращалась в минуты затруднений, были изгнаны из государства или, по крайней мере, принуждены уплатить выкуп. На юге Франции правительство Альфонса Пуатьеского относилось к евреям с такой же враждой – правда, более из финансовых, чем из религиозных соображений; но оно встречало затруднения при исполнении репрессивных мер, которые лишь изредка одобрялись лангедокским и провансальским населением, привыкшим относиться к евреям с большей терпимостью.

То же чувство ревностного благочестия заставляло Людовика IX сурово карать за богохульство. Провинившийся в богохульстве подвергался выставлению у позорного столба и штрафу. Эти наказания не удовлетворяли совести короля, который хотел бы их усилить. Жуанвиль рассказывает, что король сам придумывал более строгие наказания – так ненавистно было ему богохульство. «Я видел, – говорит он, – как он велел повесить в Цезарее одного ювелира, который был одет в портки и рубаху и у которого вокруг шеи были обмотаны кишки и внутренности свиньи в таком изобилии, что они доходили ему до носа, и я слышал, что после моего возвращения из-за моря он велел выжечь нос и губы одному из жителей Парижа посредством круглого куска железа, снабженного посередине щеткой и специально изготовленного для этой цели». Но это были отдельные случаи. Людовик Святой видел, что общественное мнение не следует за ним по этому пути. Сами епископы, к которым он однажды обратился за советом, желая с их помощью установить более строгие меры против богохульства, обнаружили мало сочувствия его мысли, «и он был так потрясен этой холодностью, что с ним сделалась сильная лихорадка», – рассказывает Роберт Сорбон-

нский. Такова темная сторона личности Людовика IX, преданного наивному фанатизму, какой господствовал в первую половину средних веков, и всегда готового принести человеческие интересы в жертву «делу, угодному Богу».

Однако то обстоятельство, что не все современники святого короля разделяли его религиозную ревность и что лишь немногие одобряли его крестовые походы, не имеет большого значения. Это не уменьшало обаяния его личности, и огромная популярность, которой он пользовался при жизни и еще более после смерти, свидетельствует о пронизательности общественного мнения. Ни один государь не принес больше пользы монархии, чем Людовик IX, потому что, неуклонно продолжая дело политического и социального преобразования Франции, начатое его предшественниками, он вместе с тем узаконил его в глазах всех своей любовью к справедливости и осыятил своими добродетелями. Находясь между правлением Филиппа Августа, сурового основателя королевского могущества, и правлением Филиппа Красивого, который насильственно напряг пружины монархической власти и сделал ее до такой степени абсолютной, что возбудил против нее ненависть французского общества,— царствование Людовика Святого осталось в памяти народа, забывшего о тяжких временах регентства, эпохой мира, социального прогресса и полного благоденствия. Один из биографов Людовика Святого¹, говоря об его смерти, замечает: «Северные и южные области Франции, погруженные во всеобщую скорбь, впервые испытали горечь национального траура. Северные труверы и последние трубадуры Прованса немедленно переложили народную скорбь в песни. Ремон Госельм Безьерский, Астор д'Орлак и Дасполь на своем языке прославляли короля Франции. Анонимный автор “Плача по королю Людовику” (*Regrès du roy Louis*), в трогательной форме выразил скорбь простого народа северных областей, который утратил в Людовике IX живое воплощение правосудия и Промысла Божья. “Я говорю, что право умерло и законность исчезла,— Раз умер добрый король, святой человек.— К кому воззовет теперь простой человек,— Когда умер добрый король, так любивший его?”»

¹ Ch.-V. *Langlois*. *Saint Louis*, с. 161, 162.

Освобождение городов. Коммуны. Буржуазия

Зачатки городской самостоятельности

Судьба древних римских городов. Образование новых городских центров. Положение городов до XI в. Первые объединения городских жителей.

Судьба древних римских городов. История городов и городской культуры в течение первого периода средних веков мало известна; пожалуй, правильнее было бы сказать, что мы совсем не знаем ее. Скудные документы, дошедшие до нас от той эпохи, знакомят лишь с великими перипетиями политической истории, с жизнью королей и некоторых видных личностей, но о судьбах народов, безыменных масс, мы встречаем в них лишь немногие неопределенные упоминания. Однако, несмотря на недостаток точных документальных известий, мы попытаемся уяснить, хотя бы в общих чертах, какова была судьба городских поселений и каково было положение отдельных личностей, из которых они состояли.

Средние века унаследовали от Римской империи довольно большое число городов: самыми важными по количеству населения, богатству и значению были так называемые *cités* (*civitates*); их было в Древней Галлии около 112; остальные, так называемые *castra*, были простыми укрепленными местечками. Эти города, которые долго пользовались довольно большой автономией, имели муниципальные учреждения, но под давлением фискальной политики и насильственной централизации городская автономия пришла в полное расстрой-

ство уже в IV в., еще раньше, чем набеги варваров ускорили падение империи. Во время анархии, последовавшей за появлением варваров, этот строй окончательно рухнул, так как никто не был заинтересован в том, чтобы поддерживать его: римская муниципальная система исчезла.

Что случилось тогда с городами? В большинстве случаев из среды прочих городских жителей скоро выделилось одно лицо, приобретшее над всеми неоспоримое превосходство: это был епископ. Он сделался не только первым священнослужителем города, но и его сеньором. В конце VII в., а быть может и раньше, Тур находился под властью своего епископа. Таким образом, большинство старых римских городов сделались в средние века епископскими сеньориями; так было с Амьеном, Ланом, Бовэ и со многими другими.

Однако не все города постигла такая участь; некоторые из них вследствие войн или разделов перешли в руки светских князей: Анжер принадлежал графу Анжуйскому, Бордо – герцогу Аквитанскому, Орлеан и Париж были прямо подчинены королю. Иногда рядом со старым Cité, подвластным епископу, возникал новый город, бург (пригород), подчиненный другому сеньору, светскому или духовному: так, в Марселе cité зависел от епископа, город – от виконта, и таким же образом различали бург и cité в Арле, Нарбонне, Тулузе, Туре. Иные города, разоренные, разрушенные, обезлюдившие, потеряли значение и обратились в простые селения или даже были совсем уничтожены: Лондон вследствие набегов англов представлял собой, вероятно, кучу щепня, и следы его древних римских улиц настолько изгладились, что новые улицы, проложенные в том же направлении в средние века при его восстановлении, уже не совпадали со старыми; *Урикониум*, один из богатейших городов Бретани, совершенно исчез, и лишь в 1857 г. удалось определить его местоположение. Точно так же города *Portus Itius*, находившийся на берегу Па-де-Кале, и *Toroentum* – на прованском берегу, были уничтожены так основательно, что ученые и до сих пор не пришли к соглашению насчет их местоположения.

Таковы те общие сведения, которые мы имеем относительно политической метаморфозы, происшедшей с римс-

кими городами в начале средних веков; тем паче мы совершенно не знаем истории малых городов, простых укрепленных местечек, которых в конце империи было построено множество. Все они должны были обратиться в сеньории, но мы не знаем, каким образом произошло это превращение.

Образование новых городских центров. Итак, найдем ли мы на заре XI в. лишь небольшое количество городов, представляющих собой жалкие развалины древних *civitates* и *castra*? Вовсе нет. В то время, как они влачили свое темное существование до того дня, когда им суждено было возродиться для общественной жизни, повсюду возникли новые городские центры. Многочисленные поместья, на которые распадалась территория во времена римского владычества, имели различную судьбу: если в большинстве из них население накапливалось умеренно и они сделались позднее простыми деревенскими приходами, то некоторые из них привлекали к себе толпы эмигрантов, селившихся под сенью сеньориального замка или аббатства, и на месте этих поселений медленно складывались будущие города. Такое поместье, безыменное в VI в., становится в XI в. важным центром. Можно указать множество городов, возникших вокруг замков: таковы в Южной Франции Монпелье и Монтобан, в Северной – Брюгге, Гент, Лилль, в Центральной – Блуа, Шатодён, Этамп. Еще многочисленнее были, особенно на севере, города, обязанные своим происхождением покровительству аббатства – Сен-Дени, Сент-Омэр, Сен-Валери, Ремирмон, Мюнстер, Вейсенберг, Редон, Кондом, Орильяк и многие другие.

В какую именно эпоху и под влиянием каких обстоятельств совершился этот процесс концентрации, мы не знаем. По всей вероятности, он был вызван самыми разнообразными причинами. Уверенность найти под защитой известных сеньоров отеческое управление, безопасность, беспристрастное правосудие и другие подобные гарантии должна была несомненно привлекать в их поместья тех, кто искал лучших условий жизни, и этим, может быть, объясняется процветание многих церковных местечек. «Хорошо жить под посохом, – говорило старое изречение. В другом

месте какое-нибудь ловкое предприятие сеньора, например учреждение рынка, приводило чужеземцев на его земли и быстро обращало простой замок в город; таково, например, происхождение Шато-Камбрези. Но главной из этих причин были набеги норманнов, которые в течение целого века разрушали деревни, разоряли крестьян и заставляли их искать убежища в укрепленных местах. Самый любопытный из примеров этого рода представляет собой история происхождения Сент-Омэра: будучи в IX в. простым аббатством, стоявшим под защитой св. Бертина, он два раза подряд, в 860 и 878 гг., был опустошен вместе со всей окружающей местностью. Монахи, наученные опытом, обвели свой монастырь кольцом стен, и когда норманны в 891 г. пришли в третий раз, аббатство могло оказать им сопротивление. Поместье заселилось так быстро, что в X в. прежний монастырь стал городом.

В настоящее время из 500 французских городов не больше 80 ведут свое происхождение от галло-римской эпохи; остальные – большей частью бывшие старинные укрепленные селения, а слово *ville*, которым называли их французы, есть ничто иное, как латинское слово *villa*, обозначающее сельское поместье.

Положение городов до XI в. Однако не следует составлять себе преувеличенного представления относительно важности этих городских общин в течение первых столетий средневекового периода: они были более многочисленны, чем значительны, и не были, вероятно, ни густо населены, ни очень богаты. При низком уровне культуры города не могут развиваться: большой город может жить лишь обменом предметов своего производства на съестные припасы, которых он не производит и которые доставляются ему со стороны. Нет торговли – нет и больших городов. Между тем, в V–X вв. торговля ограничивалась лишь необходимым минимумом, исключая кратковременный расцвет при Карле Великом. Только берега Средиземного моря не переставали посещаться купцами, и сношения между Провансом, Италией, Грецией и Востоком никогда не прекращались совершенно, поэтому в городах этой привилегированной полосы, по-видимому, сохранились и торговый

класс, и известная степень благосостояния. В других местах торговля почти повсюду исчезла, так как не находила ни необходимой для нее безопасности, ни центров обмена. Каждое поместье жило само по себе, само удовлетворяло почти все свои потребности, обрабатывало для своего употребления железо, дерево и шерсть, производило хлеб; так же должны были поступать и города: это были сельские местечки, и горожане были крестьянами, обрабатывавшими окрестности города. Притом, не было необходимости их развития: короли, вельможи, галло-римские и германские собственники предпочитали жить в деревне; города перестают быть ареной великих событий.

Трудно представить себе, чем были тогда городские поселения и что представляли собой обитатели городов. Новые местечки теснились вокруг замка, аббатства или церкви; древние города, некогда весьма обширные, уничтожали свои старые предместья и скучивались, чтобы в случае нападения площадь, которую пришлось бы защищать, была меньше; так, в Париже, Бордо, Эвре, Пуатье, Сансе в настоящее время находят развалины римских памятников за оградой стен, которую устроили себе эти города в эпоху нашествий. Все города по мере возможности окружали себя укреплениями, зубчатыми стенами и рвами и усеивали своими контрэскарпы западнями, засеками и частоколами. Внутри них население, хотя и немногочисленное, должно было жить в тесноте, и это отразилось на архитектуре домов. Римское жилище располагалось в ширину, имело внутри большой двор, атриум, и было вообще очень невысоко; теперь атриум исчезает, застраивается, и крыша возвышается над целым рядом этажей, выстроенных, может быть, уже с выступами, чтобы сберечь еще больше места. Украшением городов служат лишь памятники, которые остались от времен римского владычества, если только их не употребили для каких-нибудь экстренных нужд (так, храм Везоны в Периге был превращен в башню для целей защиты, а амфитеатр в Ниме приютил в себе часть жителей и образовал настоящий квартал), или если их не разрушили, чтобы употребить материал на новые постройки, особенно на фортификационные работы. Между церковью и жилищем сень-

ора, расположенным обычно в стороне, на крутом холме или искусственном возвышении, проводил горожанин свою однообразную жизнь, и был счастлив, если частная война или набег грабителей не навлекали на его жилище и на него самого ужасов осады и штурма.

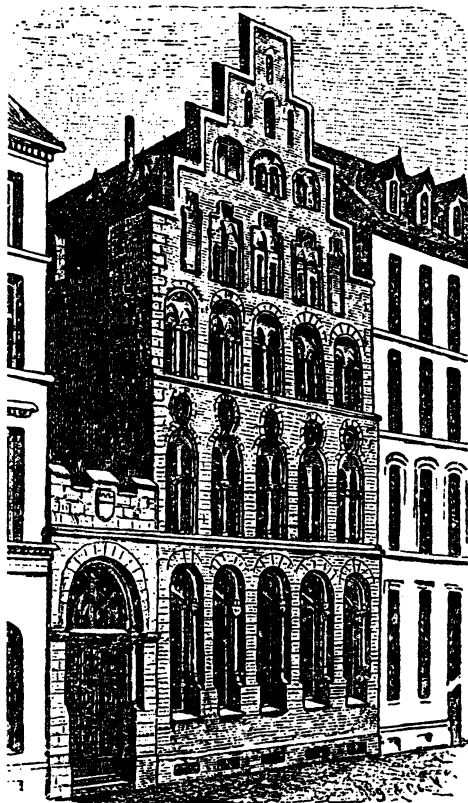
Политических прав не существовало: сеньор или его приказчики полновластно распоряжались жителями, налагали на них повинности, подвергали аресту и судили.

Гражданское положение жителей также должно было ухудшиться; действительно, число свободных людей, по видимому, значительно уменьшилось как в городах, так и в селах; только города Юга, благодаря своему привилегированному положению, может быть отчасти избежали такого социального упадка; но на Севере он представлял собой всеобщее явление: там сохранили свою независимость только те, кто сделал своим ремеслом ношение оружия за сеньором и жил за чужой счет.

Таким образом, с VI по X в. горожане не играют никакой роли в обществе, и епископ Адальберон в знаменитой поэме, обращенной им к королю Роберту, принимает в расчет только два класса: людей церкви и дворян, за которыми, но гораздо ниже, стоят крестьяне, обрабатывающие землю.

Первые объединения городских жителей. Тем не менее, было бы ошибочно утверждать, что городская община, как таковая, совершенно не существовала в ту эпоху, то есть не имела никакой реальности вне составлявших ее индивидуумов. Уже тогда городское население начинает группироваться.

Во-первых, следует думать, что право суда не было исключительной привилегией сеньора. В Страсбурге, как показывает один документ, относящийся к концу X в., епископ вполне самостоятельно избирал своих должностных лиц, исключая *advocatus*, который пожизненно производил высший суд над горожанами и которого он назначал «по выбору и с согласия церковнослужителей и горожан» (*cum electione et consensu canonicorum ministerialium et burgen-sium*). Мало того, мы знаем, что в каролингских трибуналах, где председательствовали графы или их *missi*, заседало

Дом рода Оверштольцев в Кёльне.

Начало XIII в.

«Храмовый дом», один из старейших частных домов в Германии

в качестве ассессоров известное количество свободных людей – постоянных судей, выбранных из числа местных жителей, так называемые *скабины* (scabini). Этот институт, по-видимому, удержался как в южных, так и в северных городах, потому что мы снова встречаем его здесь в XI в.: это был как бы первый орган общины, неполный, зависевший от сеньора, который назначал скабинов, но все-таки независимый, так как они избирались, по-видимому, на всю жизнь и с согласия (по крайней мере формального) жителей.

С другой стороны, институт товарищества был очень распространен в средние века: когда полиция и законы оказывали недостаточную защиту индивидууму, он должен был защищать себя сам, и тогда естественно прибегал к ассоциации с другими. В одних местах возникают ассоциации купцов, как в Валансьене, где общество купцов носило название *Frairie de la Halle basse*, в Арра и во многих городах Северной и Восточной Франции. В английских местечках процветали лиги мира, *Frith Gilds*, члены которых, проникнутые чувством общей ответственности, клялись помогать друг другу при всяких обстоятельствах, поддерживать друг друга и мстить один за другого. В иных местах жители соединялись с религиозной целью, чтобы вручить себя покровительству святых, и составляли, таким образом, открытые или тайные общества, носившие название братств или благотворительных обществ.

Возникновению в среде городских обитателей таких отношений, которые должны были в конце концов сплотить их в одну общину, способствовали, конечно, и многие другие причины. Будучи подвластны одному и тому же сеньору, судимы одним и тем же судом и связаны с одной и той же церковью, они терпели одни и те же злоупотребления и участвовали в одних тех же выгодах: естественно, что вследствие солидарности интересов между ними устанавливалось нечто вроде корпоративной связи и в то же время создавались обычаи, подготавливавшие муниципальное обычное право. Работы, направленные на общую пользу, требовали общего соглашения. Такое же влияние имели и общественные бедствия. В Бовэ в конце XI в. спор, вызванный тем обстоятельством, что красильщики присвоили себе исключительное пользование водами реки Терена, обнаружил как вражду населения против капитула, так и существование общинной связи.

Конечно, нельзя утверждать, что в этих неопределенных органах лежал зародыш муниципального строя; городской автономии еще нет и в помине и ее даже нельзя предвидеть. Но пусть водворится порядок, пусть возродится торговля, пусть населятся города, пусть городское население осозна-

ет свою силу – и оно найдет в этих едва намеченных группах точку отправления для развития коммунальной и привилегированной организации.

Коммунальная революция

Происхождение городских учреждений. Благоприятное положение городов Южной Европы. Города Прованса и Лангедока. Бунты в городах Лангедока. Города Севера. Духовенство и города. Сеньоры и города. Французский король и города. Присяжная коммуна. Коммунальные восстания: Лан, Санс, Камбрэ. Другие способы освобождения.

Города Германской империи. Сельские коммуны.

И вот настал день, когда города потребовали у своих сеньоров обеспечений против произвольной эксплуатации, которой они подвергались, когда некоторые из них потребовали и получили относительную автономию, когда эти рабы и крестьяне, о которых епископ Адальберон говорил с таким презрением, начали заключать договоры со своими господами, как равный с равным. Этот процесс освобождения городов, охвативший с конца X по XIII в. всю Западную Европу, получил название *коммунальной революции*.

Происхождение городских учреждений. Как это часто случается, историки подыскивали глубокие и сложные причины для этого весьма простого явления и относили его происхождение ко временам античной древности. Одни думали, что эта революция состояла лишь в восстановлении древних римских учреждений; они тщательно подбирали все внешние черты сходства между коммунальной системой и римской муниципальной организацией времен упадка, подчеркивая особенно слова *municipium, consul, libertas romana*, часто употреблявшиеся в средние века. Эта гипотеза теперь оставлена, потому что, как мы видели, то устройство, которое дал городам Рим, исчезло без следа. Что касается совпадений, которые поражали этих историков, то они легко объясняются употреблением латинского языка и необходимостью обозначать новые учреждения античными именами, более или менее пригодными для этой цели.

Другие ученые – германские, как Лео, Эйхгорн, Маурер, Гегель и другие, полагали, что начало муниципального строя следует искать не в Риме, а в германских учреждениях, занесенных в Галлию и Италию нашествиями варваров. Доминиальный строй, организация *виллы*, *марки*, *сотни* или селения с их должностными лицами, по мнению этих ученых, с самого начала заключали в себе все элементы, которые, преобразуясь и приравниваясь к потребностям времени, мало-помалу и образовали основу средневековой муниципальной системы.

Не останавливаясь на детальной критике этих теорий, скажем, что они не объясняют коммунальной революции. В самом деле, почему это движение произошло именно в данную эпоху, а не ранее? Почему оно приняло столь разнообразные формы, почему оно проявилось одновременно и в старых, и в новых городах, – в городах Италии, где, может быть, сохранилось воспоминание о римской цивилизации, и в городах Севера, на которых так сильно отразилось германское влияние?

Настоящая причина освобождения городов была более непосредственна и заключалась в том экономическом и социальном перевороте, который произошел между X и XII вв., – в возрождении труда и производства во всех их формах, пробудившем Европу от сна. В конце X в. феодальный мир организуется; среди всеобщего раздробления водворяется относительный порядок. Анархия предшествующей эпохи исчезает, и каждый сеньор старается наиболее выгодным для себя способом организовать и эксплуатировать свой феод: открываются новые рынки, завязываются сношения между городами. Число купцов увеличивается, и они решаются удалиться от защищающих их стен; снова начинает входить в употребление обмен продуктами, местная торговля возрождается. В то же время общество, погибавшее от скуки в своих селениях и местечках, пристращается к путешествиям, приключениям и паломничествам вплоть до св. земли; мир расширяется, кругозор увеличивается, снова завязываются сношения между Севером и Югом, между Западом и Востоком: возрождается всемирная торговля. Следствия этого движения немедленно отражаются на городах; по необходимос-

ти бедные и слабые, пока не было торговли, они снова населяются и обогащаются. Вскоре горожане будут в силах оказывать сопротивление своим сеньорам.

Лучшим доказательством сказанного может служить то обстоятельство, что освободительное движение распространяется именно по большим торговым путям этого времени. Первыми поднимаются итальянские города; затем идут города Рейна, этого великого менового пути, соединявшего Северную Европу с побережьями Средиземного моря, и главные центры Фландрии, Геннегау и Пикардии, то есть торговые метрополии средних веков. С другой стороны, коммунальной революцией в каждом городе руководили купцы: их ассоциации были колыбелями коммун, и часто помещение, в котором они собирались, — их *guildhall*, например место собрания суконщиков, как в Бовэ, Иперне, Арра, — было первой городской ратушей.

Но почему — пожалуй, спросит кто-нибудь — эти купцы повсюду организовали сопротивление против своих сеньоров? Каким образом сумели они сплотить вокруг себя сограждан? Дело в том, что города везде страдали от одних и тех же зол. В предисловиях коммунальных грамот мы встречаем на этот счет чрезвычайно красноречивые признания. Людовик VII утверждает мантскую коммуну «ввиду чрезмерных притеснений, под гнетом которых стонут бедные». Графы Понтье утверждают вольности городов Аббевиля и Дуллена, «чтобы оградить их от убытков и вымогательств, которым постоянно подвергают горожан сеньоры страны». Зло, на которое указывают эти документы, было без сомнения очень старо; оно, вероятно, издавна вызывало жалобы; но когда в каждой городской общине появилась торговая аристократия, богатая, смелая, готовая посвятить свои силы делу общего освобождения, тогда от жалоб перешли к действиям, и началась революция.

Благоприятное положение городов Южной Европы. На берегах Средиземного моря, в Италии и Провансе, старые города никогда не прерывали своих деловых сношений с Востоком, их торговля, хотя и ослабленная всеобщей смутой, которая охватила Европу в начале средних веков, по-видимому, никогда не прекращалась совер-

шенно; даже новые города принимали участие в этой торговле, иногда довольно значительное. Не только Венеция, Генуя и Амальфи посылают свои галеры в Византийскую империю, но и менее важный город, Арль, поддерживает с Грецией настолько регулярные сношения, что летопись считает нужным упомянуть о них под 921 г. В XI и XII вв., когда распространилась страсть к паломничествам и крестовым походам, быстро развилась и торговля, притом не только с Константинополем, но особенно с неверными. Поэтому южные городские общины рано сделались более богатыми и более многолюдными, чем города какой бы то ни было иной страны; в них образовалась богатая буржуазия, привыкшая к практической деятельности, способная оказывать сопротивление сеньорам и даже одерживать верх над ними. Не следует также забывать, что население этих городов, в отличие от северных местечек, состояло не из одних простолюдинов: в них жили также мелкие дворяне, рыцари, вавассоры, капитаны, привыкшие командовать и действовать мечом, не зависевшие от крупных баронов, тем ревнивее оберегавшие свои прерогативы, что последних у них было немного, и всегда готовые поддержать требования горожан: союз, драгоценный для горожан, так как он давал им то, чего особенно недоставало северянам, именно помощь военных людей. С другой стороны, сеньоры Юга, будучи более образованными и обладая более развитым и проницательным умом, интересовались не только войной и крестовыми походами, но и торговлей, которая обогащала их, обогащая их подданных. Они, может быть, скорее поняли, какую выгоду должно доставить им освобождение рабочего класса, степень благосостояния которого зависит от степени самостоятельности, и поэтому не оказывали усилиям коммунальных общин того резкого и упорного противодействия, какое мы видим в других местах. Наконец, суверены находились очень далеко. Французский король, вероятно, никогда не вступался за вассала вроде графа Тулузского, которому угрожали честолюбивые притязания его крестьян; германский император никогда не появлялся в Провансе и лишь изредка и на короткое время наезжал в Италию. Таким образом, множество разнообразных условий

способствовало тому, чтобы ускорить и облегчить полное освобождение городов средиземного побережья.

Города Прованса и Лангедока. Освобождение общин Прованса совершилось с такой же быстротой и вследствие тех же причин, как и освобождение итальянских городов, но несколько более запоздало. Если итальянские города в XI в. достигли уже полной свободы, то преобразование городов Южной Франции в то время еще только начиналось, и эта работа по освобождению, совершаясь при менее благоприятных обстоятельствах, продолжалась до 1200 г. и дальше.

Трудно с большей точностью определить период, в который городам Южной Франции удалось свергнуть с себя иго сеньориального произвола. Было бы ошибочно думать, что они стали пользоваться известной самостоятельностью лишь с той минуты, когда приобрели коммунальную грамоту и правильно организованную муниципальную администрацию; все это появляется гораздо позже. Самые древние хартии вольностей, дарованные городам, относятся к XII в. и вовсе не древнее таких же хартий, приобретенных северными городами, а многие из них составлены даже только в начале XIII в. Между тем, тогда южные коммуны уже давно пользовались – если не юридически, то *de facto*, – непреложными привилегиями, из которых многие были приобретены ими, может быть, в очень отдаленное время. Так например, Арль, история которого была очень бурной и который в 1154 г. еще не имел официально признанных привилегий, так как император Фридрих I предоставил этот город архиепископу в качестве полной сеньории (*cum omni integritate sua*), в XI и даже в X в. обладал известными правами. Жители принимали участие в общественной жизни; с наиболее выдающимися из них совещались в важных случаях, и об их одобрении особенно упоминалось в общественных актах. В 962 г. граф Бозон заключает договор с аббатством св. Виктора в Марселе «в присутствии всех горожан Арля и по совету знатных Арля» (затем следует перечень имен). Сто лет спустя, между 1065 и 1079 гг., дарение графа тому же монастырю также получает «одобрение граждан, и все присутствующие подтверждают его». И все-таки

еще долго после того мы ничего не слышим ни о хартии, ни о муниципальном строе. В 1067 г. граф Тулузский жалует жителям Муассака привилегии, а текст обычаев они получают лишь в первой половине XII в. В Ниме 7 мая 1080 г. архиепископ сзывает граждан (*cives*) на общее собрание, чтобы они утвердили дарение одной церкви. «На собрание явились все... Архиепископ действовал по воле и просьбам сеньоров и граждан... Этот акт был утвержден и скреплен всеми гражданами города». Но нам могут возразить, что во всех этих случаях горожане играли чисто формальную роль немых свидетелей. Вот случай, где они несомненно играют роль инициаторов. Действие происходит в Каркасоне в конце XI в., между 1096 и 1107 гг.; 485 человек, представителей общины, приносят присягу графу Барселонскому; несколько позже, около 1107 г., другая группа принимает на себя те же обязательства, но не по отношению к барселонскому графу, а к его сопернику, виконту Бернарду Аттону, в следующих выражениях: «Мы, делегаты Каркасона, рыцари, горожане и весь остальной народ и пригородные жители, обещаем тебе верность». Они ведут речь согласно со своим саном, держатся как независимые люди – не как крестьяне, а как вассалы. Между тем первая хартия вольностей, дарованная этому городу, помечена 1184 г.

Нам было необходимо привести такое большое количество примеров, чтобы показать, насколько этот обратный порядок развития был всеобщим. Как объяснить это противоречие? Надо думать, что на Юге освобождение началось очень рано, около конца X в., что, не встречая непреодолимого сопротивления, оно совершалось постепенно, росло без скачков, следуя нуждам дня, путем ряда прецедентов, которые, повторяясь, стали законом, и что таким образом установился порядок вещей, лишенный определенных форм и очень несходный в разных городах. Позже настал день, когда захотели сделать это положение дел правильным, официальным, окончательным, когда захотели облечь действительность теорией; тогда городам были даны хартии вольностей, быть может, ни на йоту не увеличивавшие их привилегий. Эта гипотеза подтверждается текстом грамоты города Альби. Она относится лишь к 1220 г. Между тем

Дом зажиточного горожанина XIII в.
Реконструкция Виолле-ле-Дюка

жители Альби уже в 1035 г. обладали достаточным влиянием, чтобы добиться постройки моста. Но что это была за грамота? Она представляла собой свод старых общественных обычаев в тринадцати параграфах, и ничего более. Мы узнаем, что она была подписана после того, как городские старейшины рассмотрели, «каковы были в старину вольности и обычаи» (*qualiter... libertates et consuetudines steterant antiquitus*). То же произошло и в Монтобанае. Таким образом, можно сказать вообще, что коммунальная грамота, появляющаяся на Юге очень поздно, была скорее подтверждением или, самое большее, расширением старых льгот, чем дарованием новых привилегий.

Поэтому не следует удивляться тому, что этот скромный, медленный, неуловимый процесс освобождения совершился мирным путем, без войн, без драм. Притом ему естественно благоприятствовали некоторые особенные обстоятельства. Большинство этих городов принадлежало сразу нескольким сеньорам, светским и духовным: эти совладельцы, находившиеся в постоянной борьбе между собой, старались приобрести в среде местного населения союзников, которых надо было щадить, привлекать на свою сторону; эти конфликты, без сомнения, способствовали увеличению привилегий общины. Так, Арль в XII в. был разделен на четыре части, окруженные отдельными оградами: *Cité*, принадлежавшую архиепископу; *Vieux Bourg* – трем владельцам: графам прованским, архиепископу и фамилии Порселле; *Marché*, зависевший от архиепископа, который от себя отдал одну половину его в лен виконтам марсельским, а другую – земским судьям Арля; наконец, *Bourg-Neuf*, поместье сеньора Бо. Легко понять, какой характер должны были носить отношения между этими сварливыми баронами и какую выгоду могло извлекать население из их раздоров. Начиная с XI в., оно обычно поддерживало своих прелатов в их нескончаемых ссорах с графами прованскими; позднее, в XIII в., когда Франция и Германия оспаривали друг у друга права на Прованс и когда Карл Анжуйский покорил эту провинцию, жители Арля приняли сторону императора. Благодаря этим столкновениям и развилась их независимость. Таким образом, сами сеньоры вводили городские общины в круг политических интриг; коммуны становились общественной силой, и им оставалось только требовать платы за свое содействие.

Бунты в городах Лангедока. Однако было несколько случаев народного возмущения, но лишь в последние времена, когда движение уже близилось к концу. В 1188 г. Тулуза восстала против своего графа Раймонда, и вспыхнула гражданская война. В Монпелье консулы в 1142 г. были отлучены от церкви за то, что изгнали своего сеньора Гильома. Жители Нима около 1207 г. восстали против коннетабля и судьи графа Тулузского; они умертвили судью, опустошили его поместья, разрушили его дом, разграбили

графский дворец и мельницу, которая зависела от него, отказались впустить графа в город, приняли к себе его врагов и отняли у его чиновников право уголовного суда. Но самый драматический эпизод произошел в Безье в 1167 г. Горожане жаловались на притеснения своего виконта. Во время похода, предпринятого их сеньором Раймондом Тренкавелем, один горожанин, находившийся в его войске, поссорился с рыцарем и отнял у него вычную лошадь; сеньор выдал виновного рыцарям, и последние, по таинственному выражению летописца, подвергли его, «правда, легкому, но обесчестившему его на всю жизнь наказанию». Горожане поклялись отомстить и по окончании войны обратились к виконту с просьбой смыть этот позор, падавший на них всех. Раймонд снисходительно объяснил им, что принужден был успокоить рыцарей своей армии, что охотно поправит зло и что посоветуется со знатнейшими из горожан. В назначенный день он отправился в церковь Магдалины и вместе с епископом стал дожидаться горожан; они явились вооруженные и со спрятанными кинжалами. Явился и оскорбленный и спросил Тренкавеля, намерен ли он отомстить за него, когда виконт снова ответил, что он предоставит дело совету сеньоров и решению граждан, то заговорщики обнажили оружие, бросились на Раймонда и, несмотря на заступничество епископа, убили графа и его баронов перед алтарем. Его сын, Рожер, был изгнан. Спустя два года он был снова призван, но должен был поклясться коммуне, что не будет мстить за отца. Тотчас по своем восстановлении он приказал своим арагонским войскам приступить ко всеобщему избиению жителей; пощадили только евреев, а также женщин, на которых солдаты, по словам летописца, позже женились, чтобы снова заселить город.

Без всякого сомнения, были и другие подобные случаи муниципальных бунтов на юге Франции, воспоминание о которых, вследствие умолчания летописцев, до нас не дошло. Но это молчание литературных и документальных источников объясняется именно их малочисленностью.

Города севера. Вскоре за освобождением городов средиземного бассейна последовало освобождение городов Центральной и Северной Франции, Германии и Анг-

лии. Первые признаки движения обнаружились во Фландрии, на берегах Рейна и в северо-восточных провинциях Франции. В 957 г. жители Камбрэ, пользуясь отсутствием своего епископа, образовали союз и по возвращении его имели смелость запереть перед ним ворота города. В 967 г. аббатство св. Арнульфа в Меце даровало хартию вольностей местечку Морвиль на Сейле, а несколько лет спустя, в 984 г., пожаловало такую же грамоту поместью Брок. В 1003 г. император Генрих II даровал привилегии местечку Шато-Камбрези. Во всяком случае, это были редкие и преждевременные случаи, и прошло более полувека, прежде чем обнаружились новые попытки. Но теперь их число быстро возрастает. Сен-Кантэн приобрел коммунальные права ранее 1077 г., Бовэ – ранее 1099 г.; Арра сделался независимым в течение XI в.; Нойон освободился около 1108 г., Валансьен – в 1114-м, Амьен – между 1113 и 1117 гг., Корби – около 1120-го, Суассон – в 1126-м, Брюгге, Лилль, Сент-Омэр – около 1127 г., Гент и Льеж – несколько лет спустя. Это было героическое время коммунальной революции. Далее движение обостряется; стремление к независимости охватывает один город за другим. Освобожденные города служат примером; их успех ободряет других; в XII и в первой половине XIII в. движение достигает наибольшей силы; затем оно постепенно ослабевает. В общем оно продолжается 200 лет. Города получили удовлетворение; карта феодальной Европы вся – от севера до юга, от востока до запада – усеяна независимыми или привилегированными общинами; общественное сознание обогатилось новым понятием – *свободный город*, а политический словарь пополнился новым словом – *коммуна*.

Это освободительное движение встретило немало затруднений. Городские общины Севера были менее населены, менее богаты и менее сильны, чем коммуны средиземного района, а с другой стороны, могущество северных феодалов было так велико, что крестьянам было, по-видимому, совершенно не под силу сокрушить его. Наконец, французский и английский короли и император Германии находились вблизи, и казалось, что они энергично будут поддерживать своих вассалов.

Духовенство и города. Особенно несговорчивым оказалось духовенство. Часто цитируется знаменитое выражение Гвиберта Ножанского: «Коммуна! Новое, отвратительное название». То же чувство испытывали все люди церкви: монастырские летописцы, проповедники, епископы беспрерывно громили эти «буйные заговоры», этот дух мятежа, потрясавший основы социального порядка. Ив Шартрский, один из самых выдающихся прелатов своего времени, уверял в 1099 г. декана и каноников Бовэ, что они не были обязаны исполнять клятву, которой они недавно подтвердили вольности города. «Такие договоры, — говорил он, — ни для кого не обязательны и не имеют силы, так как они противны каноническим законам и постановлениям святых отцов». Епископ города Турнэ Этьен в XII в. выражал свое отвращение к этим мятежным городам в еще более сильных выражениях, хотя и менее торжественно и изящно: «На этом свете, — говорил он, — есть три и даже четыре рода крикунов, которых трудно заставить замолчать: коммуна мужиков, желающих разыгрывать сеньоров, спорящие женщины, стадо хрюкающих свиней и несогласные между собой каноники. Мы смеемся над вторыми, презираем третьих, но да избавит нас Господь от первых и последних». Парижский синод 1213 г. наложил клеймо бесчестия на эти «сообщества, основанные ростовщиками и лихоимцами почти во всех городах, местечках и деревнях Франции, так называемые коммуны, которые ввели дьявольские обычаи с целью ниспровергнуть юрисдикцию церкви». Наконец, само папство, начиная с Иннокентия II и заканчивая Бонифацием VIII, часто присоединяло свой голос к этому хору проклятий, особенно, когда дело шло о церковных городах. Григорий IX торжественно отлучил горожан Реймса, которые восстали против своей матери-церкви, изгнали своего отца-архиепископа и присвоили себе его имущество, «превзойдя в лютоści ехидн».

Сеньоры и города. Что касается светских феодалов, то вначале и они отнеслись к городским ассоциациям не с большей благосклонностью. «Благодаря коммуна́м, — с негодованием говорит Гвиберт Ножанский, — оброчные люди освобождаются от произвольных повинностей, которым под-

чинены рабы». Действительно, таково было значение коммуны в глазах сеньоров: их всемогущество ограничивалось, доходы, политические и юридические прерогативы умялись; на их глазах сборище мужиков присваивало себе долю их власти. Поэтому большинство из них в XII в. оказывали энергичное сопротивление этим притязаниям. Граф Фландрский, Филипп Эльзасский, навел ужас на подвластные ему города рядом кровавых расправ. Тем не менее враждебность, с которой они отнеслись к освобождению городов, была менее сильна, менее всеобща и, особенно, менее упорна, чем вражда духовенства. Некоторые из них, нуждавшиеся в деньгах и более жадные до денег, чем до власти, поддались на звонкие доводы, которыми звенели над их ушами богатые общины; другие, как бургундские герцоги или неверские графы, содействовали освобождению городов из политических соображений, чтобы приобрести союзников против соседних сеньоров, и особенно из вражды к упрямым церковным сеньорам; третьи, наиболее проницательные, скоро поняли, что, освобождая свои города, они способствуют процветанию и заселению этих местностей, и что таким образом они будут получать доходы, далеко превосходящие все произвольные налоги, которые они могли наложить на жалких рабов. Наконец, некоторые из наиболее могущественных сеньоров, как герцоги Нормандии или шампанские графы, сумели предупредить восстания, добровольно даруя вольности городам, и вместо того, чтобы бороться с освободительным движением, предпочли направлять и сдерживать его. Однако эти уклонения обнаружили позднее, в конце XII в.; в принципе феодалы были, по-видимому, согласны насчет необходимости противодействовать стремлениям городов.

Французский король и города. Французские короли, подобно феодалам и по тем же причинам, в принципе отказывали своим городам в независимости; Людовик VII сурово подавил попытку восстания в Орлеане. Но по отношению к землям своих вассалов, где они вмешивались в качестве сюзеренов, им приходилось действовать по совершенно иным соображениям. Здесь их политика, не руководимая каким-либо определенным принципом, была

лишена ясности и последовательности. Историческая традиция раньше приписывала Людовику VI честь «освобождения коммун». Но это совершенно неверно. Если этот государь и утвердил несколько грамот, дарованных сеньорами, то с другой стороны он энергично поддерживал своим оружием баронов в их борьбе с мятежными коммунами, как, например, епископа Нойонского, аббатов Сен-Рикье и Корби. В одном и том же 1112 г. он оказал поддержку амьенской коммуне и уничтожил ланскую. Будучи также очень падок до наживы, он охотно предлагал независимость городам; получив изрядную сумму, он не стеснялся позже идти против них, если находил это выгодным для себя. В Лане, который оспаривали друг у друга епископ и горожане, его помощь буквально продавалась с торга. Его преемник Людовик VII, по-видимому, яснее понимал, что коммуны, находившиеся на землях могущественных вассалов, являлись естественными союзниками короны в неприятельском лагере и что в его интересах было содействовать их развитию; если он защищал права архиепископов Реймского и Санского, епископов Бовэ, Шалона-на-Марне и Суассона, аббатов Турнэ и Корби, то в то же время охотно раздавал хартии и поддерживал освобожденные города против враждебных им сеньоров. Филипп Август действовал в этом отношении еще решительнее: он утверждал хартии, дарованные другими, и даже освободил множество коммун, как в областях, присоединенных им к королевству, так и на землях своего домена; но он заставлял их платить себе за поддержку и навязывал им опеку, одной рукой раздавая льготы, другой расширяя область королевского верховенства.

Эта систематическая поддержка явилась слишком поздно, потому что коммунальная революция уже оканчивалась. Таким образом, в общем можно сказать, что сначала города повсюду встретили сопротивление, которое в одних местах никогда не прекращалось, в других – смягчилось или изменило свой характер к выгоде городов.

Присяжная коммуна. По-видимому, почти повсюду одно и то же средство позволяло жителям городов подготавливаться к борьбе и часто обеспечивало их победу: это был *заговор*. Жители, как мы уже знаем, соединялись в раз-

личные ассоциации, которые носили разные названия: гильдий, дружеств, братств, банкетов. Самыми важными по богатству и самыми влиятельными были союзы купцов, или торговцев, часто обозначавшиеся особым названием, смотря по роду промысла, который там процветал: в одном городе это была ассоциация *мореплавателей*, в другом – *суконщиков*, в третьем – *менял*. В принципе они не имели политического характера, но почти повсюду они в силу обстоятельств превращались в настоящие лиги, группировали вокруг себя остальных жителей, заставляли их клясться в верности общественному делу и, опираясь на это согласие и клятву, договаривались с сеньорами от имени всего населения. Такой характер носило движение во всей Северной Европе, в Германии и Франции, Фландрии и Англии; чаще всего коммуна была лишь расширением частной, но могущественной ассоциации.

Правда, иногда эту роль играла не ассоциация купцов, а религиозное братство. В Шатонефе, местечке, прилегающем к городу Туру, братство св. Элигия организовало заговор и в 1305 г. провозгласило свободу. В Пуатье 100 пэров, составлявшие правительство города, принадлежали к братству св. Илария. Впрочем, подобные случаи представляют собой, может быть, более кажущееся, чем действительное исключение, и некоторые из этих сообществ были просто купеческими корпорациями, усвоившими себе религиозное название: таково было братство Успения Пресвятой Богородицы, создавшее, по преданию, коммуны в Манте. Что касается ремесленных корпораций, то они не принимали никакого участия в руководстве движением; простонародье стояло еще слишком низко, чтобы иметь глубокое и правильное влияние на события; оно следовало толчкам и, в случае надобности, усиливало их, но никогда не выступало инициатором.

Таким образом, творцом коммуны большей частью являлся союз всех жителей, сгруппированных городской аристократией путем присяги. Отсюда название *присяжной коммуны*, которым часто обозначаются в средние века свободные города Северной Франции. Отсюда же и название «заговора» (*conjuratio*), которое летописцы дают этим городским восстаниям: *turbulenta conjuratio factae commu-*

nionis, говорится о Бовэ в конце XI в. Сеньоры очень боялись этих заговоров, которые вооружали против них целые города: когда в 1208 г. произошло столкновение между лионцами и их архиепископом, то приговор, которым был прекращен конфликт, приписывал всю вину клятве, взятой с горожан, и объявлял, «что они дают клятву никогда более не составлять подобного заговора, никогда не присягать коммуне или консулату».

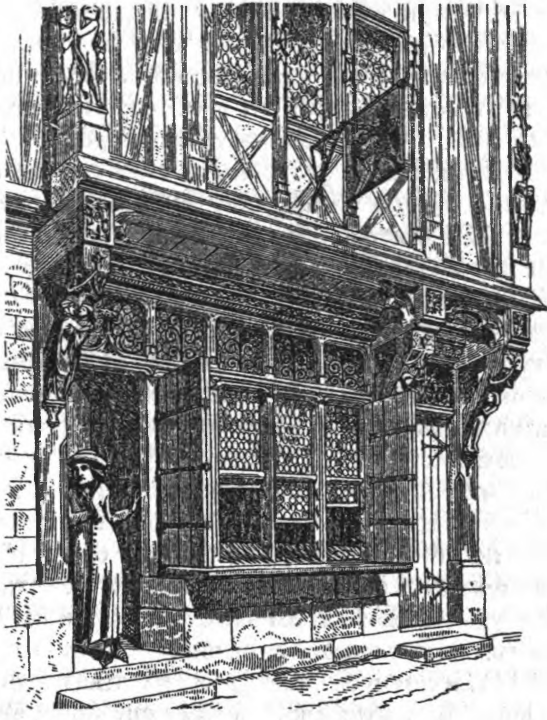
Купцам мало было организовать коммуну и взять с жителей клятву на верность ей; нужно было прежде всего добиться того, чтобы сеньор признал ее или подчинился ей.

Коммунальные восстания: Лан, Санс, Камбрэ.

Коммунальные восстания не были редкостью в XII в.: Огюстен Тьерри, посвятивший им полные драматизма рассказы, любил представлять себе сильных мастеровых, вооруженных своими колотушками, топорами и другими инструментами и удачно борющихся с могущественными сеньорами в лабиринте узких и кривых улиц. Мы только что видели, каково было участие ремесленников в этой революции; однако в истории восстаний несомненно были и трагические дни.

Особенно интересно восстание Лана. Этот город был в начале XII в. разбойничьим притоном; дворяне ночью, а иногда и среди белого дня, бросались на горожан и забирали у них деньги; горожане захватывали крестьян, приходивших на рынок, и запирали их в своих домах. Наконец, епископы облагали жителей произвольными податями и подвергали каре несчастных, которые были не в состоянии удовлетворить их требованиям. Новый епископ, назначенный в 1106 г., был воинственный норманн и страстный охотник, «более всего любивший говорить о битвах, собаках и соколах». Он приказывал своему черному невольнику пытать тех, кто ему не нравился. Во время его поездки в Англию жители Лана сговорились между собой, приняли план коммуны и за известную сумму заставили его утвердить нескольких клириков и рыцарей, которые и правили в его отсутствие (1106). По возвращении епископ выказал сильный гнев, но, смягченный крупной денежной суммой, утвердил коммуну. Наконец, и сам король, прельстившись обеща-

см ежегодной дани, в свою очередь утвердил ее. Золото горожан сделало чудо, но прелат, живший расточительно, не замедлил пожалеть о том времени, когда ничто не ограничивало его вымогательства. Чтобы обеспечить себе поддержку Людовика VI, он обещал ему 700 ливров; в силу своей епископской власти он разрешил и его, и самого себя от клятв, данных ими, и объявил хартию коммуны недействительной (1112). Жители поражены; лавки, гостиницы остаются запертыми; возбуждение достигает высшей степени, когда распространяется слух, что епископ, чтобы уплатить обещанное вознаграждение королю, взыщет со всякого гражданина ту же сумму, какую каждый из них внес на дело освобождения. Ропот растет, и 40 человек из наиболее отважных клянутся жизнью убить своего сеньора и его клеветников. Епископ немедленно был извещен об этом. «Как! – возмутился он, – чтобы я умер под ударами таких людей!» Многие дома, принадлежавшие дворянам, были уже взяты и разграблены, но епископ все еще не терял своей надменной самоуверенности: «Вы думаете, – говорил он, – что эта шайка что-нибудь сделает своим мятежом? Если бы мой негр Жан схватил за нос самого страшного из этих горожан, он не посмел бы и пикнуть. Я заставил их отказаться от того, что они вчера называли своей коммуной, по крайней мере до тех пор, пока я жив». На другой день по городу пронесся клич: «Коммуна! Коммуна!» Это было сигналом восстания. Мятежники завладели церковью, перебили дворян, явившихся на помощь сеньору, осадили епископский дворец, силой проникли в него, обыскали комнаты и в конце концов нашли епископа, который, переодевшись слугой, спрятался в бочку в глубине подвала. «Кто здесь?», – крикнул один из бунтовщиков, отвесив тяжелый удар палкой. «Жалкий пленник», – дрожа, ответил несчастный. Его узнали, за волосы вытащили на улицу и прикончили двумя ударами топора; даже его труп был осквернен: ему отрубили палец, чтобы снять епископское кольцо, его забросали камнями и запачкали грязью; знатнейшие из дворян подверглись оскорблениям или были избиты; горожане бросались на знатных дам, срывали с них их богатые одежды; дома дворян подожгли, и целый квартал был охвачен пожаром. Король двинулся к

Типовая лавка торговца XIII в.
Реконструкция Виолле-ле-Дюка

городу; главные виновники скрылись; знатные принялись жестоко мстить за свои страдания, убивая оставшихся жителей на улицах и даже в церквах и в свою очередь грабя дом, унося все, даже мебель и замки от дверей. Людовик VI восстановил порядок в городе. Но 16 лет спустя, в 1128 г., его преемник, боясь нового взрыва народной злобы, согласился дать населению новую коммуну, которая получила, правда, менее резкое название *institutio pacis*.

Легко было бы умножить число подобных примеров. Мэн, Амьен, Бовэ, Гент боролись за свое освобождение. В Лилле чиновники фландрского графа Карла Доброго хотели арестовать одного свободного человека, утверждая, что он раб: жители восстали и прогнали своего сеньора и его

людей. Граждане Реймса в 1130 г. получили коммунальную хартию, но в 1160 г. архиепископ сделал попытку уменьшить вольности города; тотчас вспыхнуло восстание; король поддерживает прелата, но мятеж усиливается. Аббат Везеля между 1103 и 1106 гг. обложил дома города налогом; жители восстали и убили его.

В Сансе, в 1146 г., крестьяне составили ассоциацию и, с согласия Людовика VII, приняли суассонскую хартию вольностей. Но духовенство и особенно монахи Saint-Pierre-le-Vif подняли тревогу в защиту своей юрисдикции. Аббат монастыря Saint-Pierre, Герберт, изложил свои жалобы папе Евгению III, проезжавшему через Францию, и по просьбе папы король уничтожил коммуну. Лишь только аббат вернулся, граждане собрались, выломали двери монастыря и убили прелата и его племянника. Тотчас же город был занят королевскими войсками; зачинщиков и соучастников преступления схватили: одних казнили без суда, другие, будучи заперты наверху башни Saint-Pierre, бросились вниз, остальных увезли в Париж и присудили к смертной казни. Что касается коммуны, то она была восстановлена спустя долгое время.

В Камбрэ борьба между епископом и его подданными отличалась диким характером. Жители составляли заговор в отсутствие сеньора; он набрал в Германии и Фландрии наемное войско, возвратился в дрожащий город и предал его своим наемникам, которые избивали жителей на площадях, улицах, даже в церквях и пытали пленников, отрубая им руки или ноги, выкалывая глаза или выжигая им клеймо на лбу раскаленным железом. Вспыхивает новое восстание, епископ овладевает одним из горожан и, когда последний отказывается назвать своих сообщников, велит сечь его розгами, затем вырвать язык, выколоть глаза и, наконец, прикончить ударами меча.

Эти примеры показывают, что восстания не всегда вели к успеху. Некоторые общины упорно продолжали борьбу и, потерпев поражение, каждый раз организовывались снова. Жители Камбрэ боролись более столетия, пока в 1073 г. устроили коммуну; немного спустя, она была уничтожена графом Монским. В 1107 г. они восстановили ее; на этот раз ее

уничтожил император; с тем же упорством, какое отличало их врагов, они возобновили ее в 1127 г. В Везеле с 1103 по 1250 г. было не менее пяти восстаний, и почти все они были беспощадно усмирены. Наконец, наиболее характерным примером является история местечка Шатонеф, близ Тура. С XII по XIV в. оно 12 раз восставало против своего сеньора, аббата монастыря св. Мартина, и 12 раз было побеждено.

Но иногда община после первой же попытки терпела такое тяжкое поражение, что более не осмеливалась требовать коммунальных прав. Такова была судьба королевского города Орлеана, который в 1137 г. устроил у себя коммуну. Людовик VII поспешил туда и, «так как безумие нескольких помешанных замышляло гибель короля, то он мужественно подавил мятеж, не без того, чтобы повредить некоторым». Этот урок оставил такой глубокий след в Орлеане, что он более никогда не возобновлял своей попытки.

Таким образом, с успехом или без него, многие общины искали свободы в мятеже. Но не следует обобщать теорию мятежной коммуны. Это было ошибкой Огюстена Тьерри и историков его школы; они смотрели на освобождение средневековых городов сквозь призму революций XIX в., представляли себе освобождение непременно результатом мятежа и, найдя в старых документах немало примеров, способных подтвердить эту мысль, объявили, что «коммунальный строй во всем своем развитии издавна достигался не иначе, как путем открытой силы и принудительного соглашения с общественной властью» (*Lettres sur l'Histoire de France*, XIII). На самом же деле война была в общем лишь простой случайностью в развитии городов, и большинство из них приобрело привилегии без вооруженной борьбы.

Другие способы освобождения. Часто, когда сеньор был занят войной, община уклонялась от оказания ему помощи, предлагала свои условия обеим сторонам, продавала свой союз с торгов, поддерживала того, кто больше давал, и, пользуясь военным положением, добивалась независимости. Так, Невшатель устроил у себя коммуну в 1231 г., пользуясь войной между герцогом Лотарингским Матвеем и шампанским графом Тибо, и получил от последнего помощь против своего сеньора. Со своей стороны

феодалы щедро раздавали привилегии городам, когда нуждались в их помощи; и когда несколько претендентов оспаривали друг у друга какой-нибудь феодал, то иногда они старались превзойти друг друга великодушием. Такой случай был во Фландрии в 1127–1128 гг. Гильом Клитон, внук Вильгельма Завоевателя, в 1126 г. женился на Жанне Савойской, сестре французской королевы, и получил в лен Фландрское графство, чтобы приобрести популярность, он тотчас по приезде даровал гарантии жителям Лилля, Гента, Брюгге, Арденбурга, Бетюна, Теруанна и Сент-Омэра (1127). Но у него был соперник – Тьерри Эльзасский; последний нападает на него и, пользуясь тем же оружием, дает привилегии Арру, Теруанну, Брюгге, Сент-Омэру, Лиллю и Эру. Таким образом, некоторые из этих городов сосали двух маток.

Чаще всего города приобретали независимость при помощи денег. Сеньоры были бедны или расточительны и всегда нуждались в деньгах; хотели ли они ехать в св. землю, основать монастырь, предпринять поход или заплатить выкуп, они обращались к снисходительности своих подданных, а последние развязывали шнурки своего кошелька не иначе, как в обмен на пергамент. Большинство коммунальных хартий было добыто, вероятно, путем купли, хотя эта торгашеская сделка, делающая мало чести господской гордости, редко упоминалась в них. Людовик VI продал городу Амьену освободительную грамоту. Хартия, дарованная в 1174 г. жителям Лана, была уничтожена вследствие их столкновений с местным епископом; но горожане снова купили ее, обязавшись платить суверену целый ряд повинностей; позднее они выкупили эти повинности, уплатив единовременно известную сумму (1196). В 1216 или 1217 г. – пример единственный в своем роде – горожане Оксерра добились того, что их граф отдал им город внаймы на шесть лет за ежегодный оброк в 2 тысячи прованских ливров.

Мирный договор, заключенный с сеньором, был обычно лишь перемирием, и города не упускали случая добиваться новых льгот. Эти беспрестанные захваты достигались опять-таки путем денег. В 1186 г. Филипп Август даровал новые привилегии жителям Компьеня, которые приобрели самостоятельность еще в 1153 г. Коммуна Бовэ, учрежденная

ранее 1099 г., развилась между 1175 и 1217 гг. в правление Филиппа де Дре, воинственного прелата, постоянно занятого отдаленными войнами и постоянно нуждавшегося в денежной помощи. Сент-Омэр, освободившийся в 1127 г., покупает у графа Тьерри Эльзасского свою ратушу в 1151 г. и права на участие в ярмарках Лилля, Мессины и Ипра в 1157 г. В 1209 г. сенешаль владельца продает жителям луг, лежащий неподалеку от стен, а в 1275 г. отдает им помещичьи права, которые он еще сохранял относительно некоторых участков коммунальной территории, за 160 парижских ливров, «ради великой моей нужды, известной и открытой», прибавляет он смиренно.

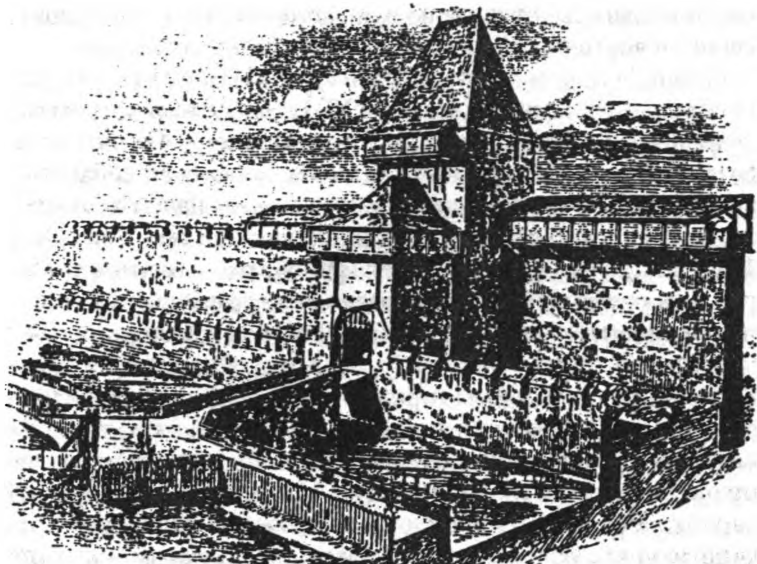
Наконец, и в Англии города не завоевывали своих знаменитых муниципальных вольностей; они приобрели и расширили их ценой денег. Пример такой купли представляет нам одна лейстерская грамота – пример наивный, может быть, легендарный, но все-таки интересный, потому что он, хотя и в символической форме, изображает истину. Горожане жаловались на то, что их в случае тяжбы подвергают судебному поединку, и желали заменить его другими формами судопроизводства – очищением или свидетельскими показаниями соседей и родственников. «Случилось, – говорит упомянутый документ, – что два родственника – Николай, сын Акона, и Жофруа, сын Николая – бились на дуэли из-за клочка земли, который они оспаривали друг у друга; поединок продолжался от первого до девятого часа с равным успехом; один из них, отступая, взошел на закраину небольшого колодца и упал бы в него, если бы противник не сказал ему: „Берегись, упадешь”. При этих словах присутствующие разразились такими громкими криками, что граф, заинтересовавшись, спросил, в чем дело; ему рассказывают о причине дуэли, поединке, великодушии одного из противников, и горожане, охваченные состраданием, предлагают ему ежегодную дань в три пенса с каждого дома, выходящего на большую улицу, если он согласится уничтожить судебный поединок и поручить 24 присяжным суд и расправу по всем их тяжбам; так и было сделано».

Некоторые сеньоры не только не противодействовали стремлениям городов, но даже покровительствовали им, от-

части из выгоды, отчасти по душевной доброте. В их феодах городам вовсе не приходилось бороться и тратить деньги на дело освобождения. Таковы были графы Понтье и, особенно, Вильгельм III, который в начале XIII в. добровольно дал коммунальные хартии городам Crotoy, Doullens, Ergnies, Rue, Saint-Josse-sur-Mer, где он действовал наперекор аббатству, которое делило с ним сеньориальные права над этим поместьем. Точно так же Жанна Константинопольская, бывшая с 1211 по 1244 г. фландрской графиней, относилась к своим городам чрезвычайно предупредительно; она щедро раздавала привилегии – Брюгге, Куртрэ, Дамму, Дюнкирхену, Эклоо, Фюрну, Генту, Миддльбургу, Мюду, Валансьену.

Наконец, некоторым городам даже не приходилось просить о вольностях: они получили свободу в дар от своих сеньоров; таковы были французские общины, зависевшие от английского короля. Между 1169 и 1179 гг. Генрих II даровал Руану и Ла-Рошели знаменитую муниципальную конституцию, известную под названием *Руанских установлений* (Etablissements de Rouen), и тот же статут был последовательно введен в городах Нормандии, в Сенте, Ангулеме, Пуатье, Коньяке, Сен-Жан-д'Анжели, Бордо, Байонне, на островах Ре и Олероне; это были вольности тщательно ограниченные, которых английскому королю совершенно нечего было бояться, и которые, по-видимому, представляли средство для того, чтобы обеспечить ему симпатии и союз местного городского населения.

Города Германской империи в этом общем освободительном движении занимают совершенно особенное место: вместо того, чтобы завоевывать свою свободу сразу, путем победы или какого-нибудь ловкого маневра, и мало-помалу расширять ее, пользуясь всяким благоприятным обстоятельством, как делали другие общины, им пришлось пройти две строго разграниченные стадии, прежде чем они достигли независимости. В XII в. они, подобно всем городским общинам, делали попытки к освобождению. Но император, от которого они прямо зависели с тех пор, как он, освободив их от сеньориальной власти, непосредственно подчинил себе, держал их в строгом подчинении и, если даровал им льготы, то лишь гражданского характера; и каж-

Внешние городские стены

дый раз, когда они требовали автономии, он отказывал им. В 1161 г. Барбаросса покорил горожан Трира, которые составили заговор против своего архиепископа; в 1163 г., узнав, что жители Майнца убили своего господина, он поспешил туда, разорил город и срыл укрепления. Таким образом, в XII в. города приобретают лишь самые необходимые права, гарантии против сеньориального произвола, но отнюдь не политическую независимость. В середине XIII в. швабская династия прекращается; феодальная Германия пользуется выгодами продолжительного междуцарствия; города, имея дело лишь с местными князьями, настойчиво заявляют свои требования, и после борьбы, сопровождаемой то успехами, то неудачами, многие из них одерживают верх. Мец, который уже с XII в. пользовался известными привилегиями, достигает в то время полной независимости. Страсбург получает муниципальную администрацию, отличную от епископской; Безансон учреждает у себя коммуну и в 1190 г. заставляет нового императора, Рудольфа, утвердить свои вольности. Второй этап был пройден через 100 лет

после первого, и именно тогда организуются знаменитые свободные города «Священной Римской империи».

Таким образом, с XI по XIII в. вся Европа представляет одну и ту же картину: городские общины, прежде столь смиренные и до такой степени молчаливые, что мы почти ничего не знаем о них, развиваются, возвышают голос, стремятся все к одной цели – освобождению, и повсюду, несмотря на различие стран, эпох, обстоятельств, препятствий или опор, достигают ее, либо более или менее приближаются к ней: все они увлечены одним общим потоком.

Сельские коммуны. Это движение было настолько всеобщим, что охватило даже деревню, и простые селения приобрели – путем ли добровольного пожалования сеньоров или посредством восстаний – хартии вольностей. До нас дошло довольно большое число таких грамот, как, например, грамоты коммун Арк во Фландрии, Брюэр в Пикардии, и, по всей вероятности, еще большее количество их утрачено. Сельские коммуны можно было найти в каждой французской провинции, и мы с удивлением замечаем, что какая-нибудь скромная деревня в две или три сотни душ, население которой, вероятно, никогда и не было значительнее, в XII и XIII вв. пользовалась правами коммуны. Часто также поселения, слишком слабые, чтобы организовать собственными силами, соединялись, заключали между собой союз и образовывали таким путем нечто вроде коллективной коммуны. Такие коммуны можно было встретить на юге Франции, в долинах Пиренеев, Альпах (их называли *Escartons* в Бриансонской области), а также на севере, в Пикардии, Понтье, Артуа и во Фландрии (таковы: *Franc de Bruges*, *Quatre Métiers* в поместье *Saint-Bavon de Gand*, *Lederzeele*, местность *Waes*). Из них наиболее известна ланская коммуна: она состояла из 17 сел, политическим центром которых был *Anizy-le-Château*, получивший в 1128 г. ланскую хартию, так называемую *institutio pacis*.

Каковы же были результаты этих всеобщих усилий, иногда героических, часто продолжительных, какие были употреблены общинами всех разрядов, крупными и мелкими, для освобождения от произвольной сеньориальной эксплуатации?

Коммуны

Коммунальная грамота. Коммуна – коллективная сеньория. Отношения между коммуной и ее сюзереном: оммаж, повинности. Военная служба коммун. Сеньориальные права коммун. Право войны и мира. Союзы между коммунами. Внутреннее устройство коммуны; граждане и горожане. Общее собрание жителей; парламент. Муниципальная магистратура: южные города. Магистратуры северных коммун. Компетенция коммунальных магистратов: суд. Дробление городов в судебном отношении. Законодательная и административная власть коммунальных магистратов. Коммунальная печать. Вечевая башня. Общественный мир в коммунах. Столкновения с церковью. Братства горожан в городах Южной Франции. Внутренние раздоры и социальная борьба. Захват французских коммун королевской властью.

Средневековые города, добившиеся свободы самыми разнообразными путями, получили, конечно, не одинаковое устройство, и степень их независимости, как и формы их организации, были чрезвычайно различны. Одна коммуна почти автономна, другая принуждена довольствоваться лишь подобием свободы; здесь вся власть принадлежит общему собранию жителей, там власть находится в руках олигархии, состоящей из нескольких семейств, которые присвоили себе монополию на замещение магистратур и муниципальных должностей, – так что эти города невозможно определить каким-нибудь ясным и точным словом. С другой стороны, между наиболее независимыми местностями и теми, которые оставались под прямым надзором королевских или сеньориальных должностных лиц, было столько промежуточных типов, столько степеней, оттенков свободы и подчиненности, переходы от одних к другим были настолько нечувствительны, что трудно даже установить какие-нибудь категории, на которые можно было бы разбить их в интересах методического изучения. Это была непрерывная и последовательная иерархия, в которой одно звено непосредственно прилегало к другому. Тем не менее, историки обычно делят их на два различных класса: коммуны и города буржуазии. Словом «коммуна» они обозначают те центры, которые добились известной политической

независимости по отношению к своим сеньорам; наоборот, в *городах буржуазии* жители обеспечили себе только гражданские льготы, гарантии против административного, финансового, судебного и военного произвола господина, но не приобрели права самоуправления. Это деление совершенно условно; в средние века его не знали, и на практике было бы очень трудно, если не невозможно, установить точные различия между наименее свободными коммунами и наиболее независимыми городами буржуазии. С этой оговоркой мы принимаем его, так как оно общепотребительно и лучше соответствует действительности, чем всякое другое деление.

Коммунальная грамота. Права коммуны, как бы они ни были обширны или ограничены, почти всегда облекались в письменную форму; этот договор, заключенный между нею и сеньором, носил название *коммунальной грамоты*; он представлял собой основной документ, на который можно было сослаться в случае новых затруднений или споров и который служил ей одновременно и метрикой, и текстом конституции. Упоминаются, правда, некоторые местности, вроде Аббевиля, где освобождение сначала не было санкционировано письменным актом; но это исключение.

Несмотря на то, что хартии тщательно сохранялись в сундуках, ключи от которых находились только у муниципальных властей, лишь немногие из них дошли до нас в подлиннике, и большей частью мы знаем их по позднейшим подтверждениям. Между ними есть странные различия: так, хартия Корби включает в себе только 7 параграфов, тогда как грамота маленького пикардийского местечка Molliens-Vidame содержит их 60, то есть объем акта не стоит в соответствии с важностью места. Они составлены обычно в форме уступки сеньора, но иногда и в безличной форме. Что касается статей, то они обычно представляют собой беспорядочный перечень, часто неясный и иногда не лишенный противоречий; их содержание исчерпывается в общем освещением коммунальной связи, упорядочением отношений между коммуной и ее сюзереном, особенно в области суда и налогов, определением прав и привилегий горожан и их — как говорили тогда — вольностей: ограничением податей, налогов, барщины, дорожных пошлин, помещичьих прав,

разъездной и военной службы, установлением форм и компетенции сеньориального суда. Хартия редко описывает муниципальную конституцию во всей ее совокупности; обычно она упоминает лишь о нововведениях, разъясняет сомнительные пункты и обходит молчанием те части установленного порядка, которые не подвержены спору; этим и объясняется их кажущаяся несвязность, неопределенность и неполнота.

Зато хартия часто устанавливала пункты обычного права и служила до известной степени гражданским и уголовным кодексом. «В силу хартии, – говорит Гвиберт Ножанский, – оброчные присуждаются за нарушение законов лишь к определенному законом штрафу». Вот в какой, часто наивной форме выражались эти постановления: «Кто совершит убийство в городе, тот нигде не найдет убежища. Если он спасется от наказания бегством, то его дома будут скрыты и имущество конфисковано, и он не сможет вернуться, пока не примирится с родственниками своей жертвы и не уплатит 200 су: 100 – сеньору и 100 – коммуне на укрепления. Кто ранит кого-нибудь оружием в городе и будет уличен свидетелями, тот уплатит 10 ливров: треть – пострадавшему, треть – сеньору и треть – коммуне на укрепления. Кто ударит кого-нибудь в городе, заплатит 100 су. Кто вырвет у кого-нибудь волосы, заплатит 40 су. Кто обругает кого-нибудь, заплатит 40 су. Кто ранит кого-нибудь оружием в пределах городского округа и будет уличен двумя свидетелями, заплатит 100 су, а если убьет, то – 10 ливров: из них 100 су – сеньору и 100 – коммуне на укрепления» (хартия Сент-Омэра, 1168 г.).

Большинство коммунальных хартий старалось также обеспечить безопасность иностранных купцов: «Если чужеземный купец приедет в Бовэ на рынок и если кто-нибудь нанесет ему убыток или оскорбление в пределах городского округа; если об этом будет подана жалоба мэру и купец сумеет найти своего обидчика в городе, то пэры будут судить его, если только купец не будет принадлежать к числу врагов коммуны». Наконец, эти акты почти всегда, в самых разнообразных выражениях, устанавливали принцип солидарности граждан. «Все люди коммуны будут помогать друг другу

всеми силами», – говорит санлисская хартия. «Каждый из людей коммуны, – читаем мы в хартии Аббевиля, – будет хранить верность своему присяжному, будет поддерживать его помощью и советом». «Если кто-нибудь, – гласит другая грамота, – совершит проступок против человека, присягнувшего этой коммуне, то пэры коммуны, если им будет принесена жалоба, будут вершить суд и расправу над телом и имуществом виновного по своему усмотрению». Но не всякий подобный договор необходимо заключал в себе все эти разнообразные пункты: какая-нибудь статья, подробно развитая в одном акте, в другом – совсем отсутствовала. Иногда договор состоял даже только в амнистии или в добровольной уступке сеньора, выраженной в немногих строках.

Тем не менее, не следует преувеличивать это разнообразие и думать, что каждая хартия представляла собой особый тип. В самом деле, некоторые из них играли роль образцов: им подражали, их списывали и передавали из города в город. Между 1130 и 1194 гг. граф Понтье дал Аббевилю конституцию «согласно с правами и обычаями амьенской, корбийской и сен-кантэнской коммун». Ардр организовал свою коммуну в XII в. по образцу сент-омэрской, Атье и Феррьер (департамент Сомма) – по образцу пероннской. Эти заимствования объясняются или тем, что некоторые хартии приобретали известность вследствие достигнутых успехов и удачного применения на опыте; или тем, что крупные центры заразительно действовали на мелкие окружавшие их города, как Суассон и Дижон, хартия которого была принята во всем Бургундском герцогстве; или тем, что какой-нибудь сеньор из политических соображений заставлял принять одну и ту же конституцию в целом ряде подвластных ему местностей. Нужно ли упоминать, что именно такова была история «Руанских установлений»? В Северной Франции город, служивший метрополией, носил название *chef de sens*; города, организовавшиеся по его образцу, спрашивали у него разъяснений, когда смысл какой-нибудь статьи или параграфа казался им неясным. Сопровождение предписывалось обычаем, а иногда законом. Хартия являлась как бы священным текстом, который метрополия диктовала в минуту вдохновения и который только она была в праве комментировать.

Коммуна – коллективная сеньория. Давно высказано мнение, что коммуна, как целое, отвлеченное от представления о составляющих его индивидуумах, была ни чем иным, как *коллективной сеньорией*. Это уподобление города феодалу, как оно ни кажется странным, вполне оправдывается и допускается всеми современными историками. Заметим прежде всего, что коллективные сеньории не были редки в средние века; таковы были, например, аббатства и капитулы. Коммуны, возникшие во время расцвета феодальной системы, когда сеньориальный режим опутывал и теснил все – государство, личность, идею, – роковым образом отлились в феодальную форму и выросли в ней. Как ни был, по-видимому, силен буржуазный элемент в коммуне, но в действительности она обладала всеми качествами феодального владельца, и свободный город был феодалом.

Отношения между коммуной и ее сюзереном: оммаж, повинности. Отношения между жителями и их сеньором, их взаимные обязательства были тождественны тем, которые в феодальном обществе связывали сюзеренов с их благородными вассалами.

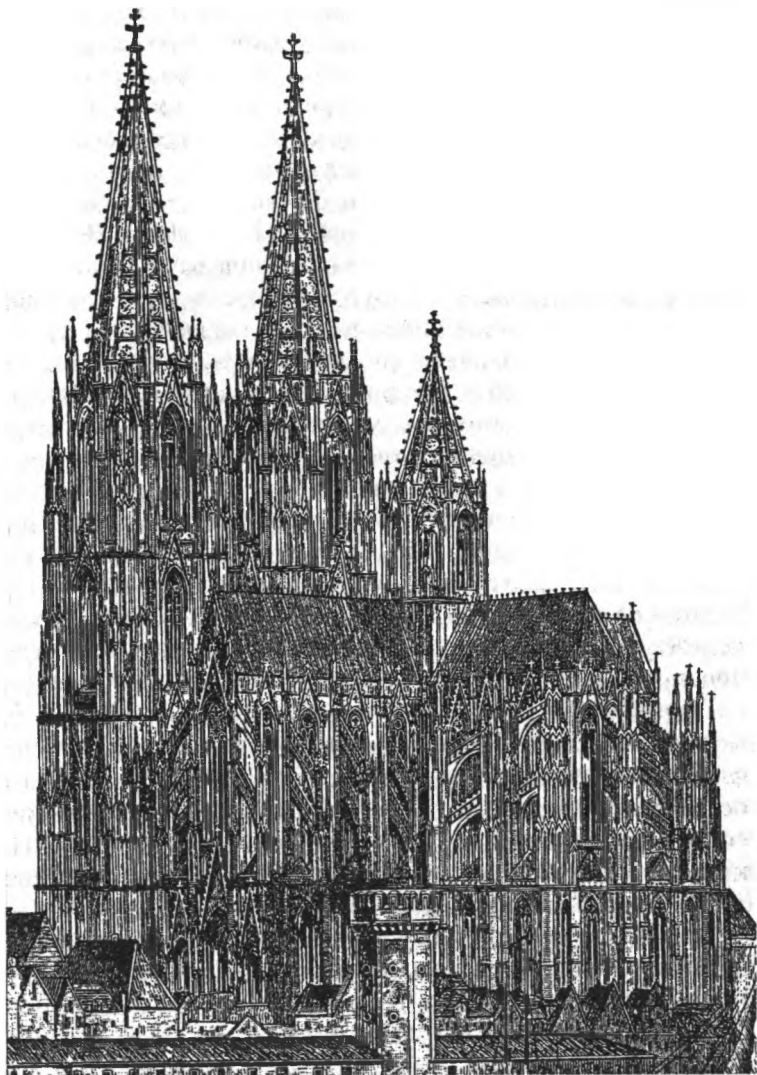
Сеньор имел обязанности как по отношению к своим горожанам, так и по отношению к своим баронам; он обещал не только уважать их привилегии, но и покровительствовать им: «Я обеспечу им мир со стороны всех людей, – говорит в 1127 г. граф Фландрский в грамоте сент-омэрской коммуны, – я буду поддерживать и защищать их против моих людей».

Взамен этого город, подобно вассалу, должен был давать сеньору клятву верности, был повинен ему помощью и военной службой. Примеры таких присяг, которые коммуны приносили через своих магистратов, весьма многочисленны; по содержанию и форме они почти совпадали с феодальной клятвой: «Мы клянемся, – говорили консулы Периге, – сохранять верность нашему господину, королю Филиппу II, славному королю Франции, и его наследникам против всех мужчин и женщин, как живых, так и мертвых». Эта клятва была повторяема при всякой перемене сюзерена, а в некоторых местностях – и при всякой смене муниципалитета.

Что касается денежных обязательств, то они были в разных местах неодинаковы; некоторые коммуны платили дань свое-

му сеньору, но размеры этой дани всегда были установлены вначале и не могли изменяться. Кроме этой суммы, утвержденной раз навсегда, барон не мог облагать горожан никакой другой податью. Многие города в силу своих привилегий были даже совершенно свободны от оброка. Но все города без исключения обязаны были, как и вассалы, доставлять субсидии, *феодалную помощь*, в известных *четырёх случаях*.

Военная служба коммун. Точно так же они были повинны ему военной службой (*ost et chevauchée*). В одном месте община несла эту обязанность лишь в пределах определенного пространства вокруг коммуны; в другом – лишь в течение известного количества дней. По акту 1212 г., Систерон выставлял в войско своего сеньора, графа Форкалькье, 100 пехотинцев и 5 всадников в полном вооружении, но только в случае необходимости, причем граф мог удерживать этот отряд при себе не более одного месяца в году и не мог вести их за пределы графства; в 1257 г. та же местность обязалась доставлять Карлу Анжуйскому 200 вооруженных человек (в том числе 50 стрелков из арбалета), которые должны были служить за свой счет ежегодно в течение 50 дней на всем протяжении графств Прованского и Форкалькье. В 1176 г. Ницца обязана была доставлять графу Прованскому 100 сержантов для разъездов между Сианью и Варом, и 50 – для разъездов между Сианью и Роной. В других местах эта повинность была гораздо легче; служба, которую обязана была нести маленькая брюйерская коммуна в Пикардии, ограничивалась одним днем. Некоторые местности несли свою службу на море, например, Марсель, Байонна. В 1242 г. Генрих III Английский велел жителям Байонны послать их галеры к Ла-Рошели и причинить этому городу возможно больший вред. Эти обязательства не были безусловны и подлежали известным ограничениям; так, горожане Вальми в 1202 г. были обязаны военной службой графине Бланке Труаской лишь в тех случаях, когда она сама или, по крайней мере, кто-нибудь из ее дома находился при войске; часто также выговаривалось, что эта помощь будет требуется лишь в случае набега, или же что господин не будет требовать ее против известных лиц, особенно против короля, императора или церкви. Часто свободные города,

Кёльнский собор.
Вид в конце XIX в.

как и феодальные замки, подлежали выдаче и возвращению по первому требованию сюзерена.

Военная служба была очень не по душе жителям, особенно в Северной Франции; эти походы отрывали мирных горожан и купцов от их занятий и привычек, обычно для того, чтобы осуществить какой-нибудь честолюбивый замысел, им совершенно чуждый. Их роль в этих походах была в общем довольно жалка. В 1127 г. кастелян Гента, если верить летописцу Гальберту, велел жителям собраться всей коммуной и произвести нападение на замок Брюгге, «так как они славились своим искусством в осадах и битвах», и их силы были «бесчисленны». Но такие известия редки. Ошибочно думать, что французские города играли в войнах XII и XIII вв. такую видную роль, какую нередко приписывали им новейшие историки. Только невнимательное отношение к тексту летописи дало возможность допустить, что во время немецкого нашествия 1124 г. городские ополчения содействовали защите национальной территории. При Бувине их поведение было далеко не так славно, как думают некоторые: будучи смяты в начале сражения, они едва не погубили судьбу этого дня, оставив короля без прикрытия. Если их служба и была полезна, то лишь внутри укреплений; английские короли поняли это и, чтобы обеспечить защиту своих городов на континенте, обратили большую часть их в коммуны. То же самое наблюдалось и во Франции: Корби сумела дать отпор фландрскому графу Филиппу Эльзасскому (1185), и Мант, осажденный английским королем в 1188 г., защищался довольно долго, пока не был выручен Филиппом Августом. Но к дальним войнам они относились небрежно. Поэтому впоследствии они часто старались откупаться от военной службы. Арра, вместо того, чтобы выставлять тысячу сержантов, добился разрешения платить 3 тысячи ливров; Бовэ доставлял по своему выбору 1500 ливров или 500 сержантов. В XIII в. во всех городах, зависевших от короны, военная повинность мало-помалу была заменена денежной податью, и личная служба сохранилась лишь в виде сторожевой повинности. Но эта черта еще не уничтожает сходства между городом и феодалом: не один из сеньоров старался освободиться от военной повинности таким нерецарским способом.

Сеньориальные права коммун. Если коммуны несли феодальные обязательства по отношению к своим сюзеренам, то они, в свою очередь, обладали целым рядом сеньориальных прав. Прежде всего, приобретая поместья, они могли отдавать их в лен и таким образом создавать себе вассалов, которые должны были служить в их войске. Особенно много вассалов было у городов Южной Франции: в 1220 г. Пьер и Жеро Амик принесли Авиньону феодальную присягу за села и замки, полученные ими в лен от этого города. Так же, как и вельможи, коммуны занимали особое место в дворянской иерархии.

Как между баронами одни были совершенно независимы от вмешательства короля, а другие, наоборот, стояли в тесной зависимости от своих сюзеренов, так узы верности, связывавшие городскую общину с ее господином, могли быть и очень тесны, и чрезвычайно свободны. Наибольшей независимостью пользовались итальянские города. Города Южной Франции, особенно Прованса, были почти столь же свободны: аптская коммуна дает клятву верности империи и несет службу при императорском дворе, но во всех остальных отношениях она совершенно свободна. Арль, заключающий в себе 300 укрепленных и снабженных башнями домов, действует в XIII в. как самостоятельное государство; в 1222 г. он приобретает от монмажурского аббатства замок Мирама; в 1224 г. он покупает сеньорию Орейль близ Кро; в 1225-м получает от Гюга де Бо пруд Валькаре, землю, носящую название Лонклонг, и виноградники в Камарге; в 1226 г. он дает займы Раймонду VII Тулузскому 40 тысяч су и получает взамен местечки Барон, Мальмиссан и Notre-Dame de la mer; в то же время городской совет отправляет депутацию из 12 граждан, чтобы заключить «союз, дружбу и сообщество» с французским королем Людовиком VIII. В другом году генеральный совет и старшины цехов отправляют восемь граждан Арля для переговоров с графом Прованским; депутатам дают полномочия располагать даже самостоятельностью города. Эти примеры, охватывающие небольшой промежуток времени, показывают, насколько реальна была автономия города. Немногие сеньоры имели более гордый девиз, чем тот, который в

XII в. красовался на муниципальной печати Арля. На одной стороне был представлен город с тремя возвышающимися над ним башнями и с такой надписью: «Город Арль есть враг и меч для врагов» (*Urbs Arelatensis est hostibus hostis et ensis*); на обратной стороне был изображен лев, и надпись гласила: «Благороднейшим считается гнев льва» (*Nobilis in primis dici solet ira leonis*). Не менее свободны были Марсель, Безье, Нарбонна, Монпелье, Тулуза и Периге. Независимость этих богатых городских общин можно сравнивать с независимостью крупных феодалов.

Если в Италии и на юге Франции сеньоры удержали за собой лишь почетные привилегии верховной власти, то во всех остальных областях они сохранили более обширные, более реальные и непосредственные права над коммунами. Общины Северной и Северо-Восточной Франции, Артуа, Пикардии, Фландрии, Бургундии, приобрели большие привилегии – право суда и самоуправления; но они не представляли собой самодержавных государств: в политическом, финансовом и военном отношениях они были вполне подчинены, как и большинство феодалов, вассальным обязательствам. В Англии и англо-нормандских областях Западной Франции влияние сюзерена было еще значительнее: в тех местностях, где были приняты Руанские установления, ему принадлежала большая часть доходов, верховный суд и контроль над муниципальной администрацией; горожане пользовались лишь минимумом прав, какими могла обладать коммуна; также ограничены были права городских общин и в Германии, и полную автономию они приобрели только во второй половине XIII в.; германские, английские и англо-нормандские города можно сравнить со скромными феодалами, владеющими лишь частицей суверенитета.

Право войны и мира. Все эти общины обладали правом войны и мира, одни – безусловным, другие – с известными ограничениями, а некоторые – лишь в самых ничтожных размерах. В 1082 г. Каркасон воевал с феодалами; немного позднее Тулуза, Марсель, Авиньон, Периге и Нарбонна заключали между собой союзы, отделялись, снова сближались, враждовали с сеньорами, мстили за свои обиды с оружием в руках, осаждали неприятельские города и

нападали на замки оскорбивших их дворян. Арль замешан во все интриги и во все войны своей страны, ищет союзов и ссор даже за горами, соединяется с Генуей против Пизы, несколько лет спустя заключает с Пизой союз, без устали воюет и заключает договоры. Эта неугомонная пылкость, которую не могла удержать никакая узда, была свойственна многим городам Южной Франции. Что касается северных коммун, которые пользовались меньшей самостоятельностью, то их право войны и мира было обычно ограничено. Тем не менее, почти все они обладали одной странной привилегией, очень походившей на право частной войны. Вначале, когда кто-нибудь обижал их, они имели право сжечь жилище виновного; это право называлось *droit d'arsin*. Но если месть была мила сердцу вспыльчивых граждан, то она могла быть чрезвычайно опасна для них, потому что в ту эпоху дома строились большей частью из дерева, и огонь мог распространиться по всему городу. Поэтому позже, вместо того, чтобы сжигать жилище обидчика, предпочитали разрушать его, и право поджога превратилось в право поломки дома (*droit d'abatis de maison*). Когда здание, на которое обрушивался народный гнев, находилось в ограде города, то исполнение приговора обычно не представляло затруднений, но когда надо было разрушить замок, расположенный вне города, то устраивался настоящий военный поход; город созывал свою милицию, призывал вассалов и просил помощи у союзных городов.

Союзы между коммунами. Наконец, сознание сходства своего происхождения, сознание того, что опасность, с которой им приходилось бороться, и политика, которой им приходилось следовать, одинаковы, иногда объединяло города и местечки одной страны в крупные союзы, направленные против общих врагов, совершенно так же, как в некоторых странах, например, в Англии, большинство знатных объединялось против деспотов-королей. В Италии, где города были смелы и сильны, эти отношения привели к созданию могущественных лиг, о которых иногда разбивалась сила феодалов и даже могущество императора; достаточно вспомнить историю ломбардской лиги. Благодаря этим федерациям важнейшие из городов, связывая со своей судь-

бой судьбу второстепенных местностей, превращались в настоящие республики. Лишь путем заключения союзов между собой или с населением деревень или с соседними сеньорами, немецким городам удалось в XIII–XV вв. обеспечить свою торговлю и отстоять свою независимость: история рейнской лиги и швабского союза представляет немало славных страниц. Наконец, в Южной Франции крупные центры также заключали прочные союзы, которые, однако, менее известны, так как не принимали участия в столь крупных событиях: Арль, Авиньон, Марсель и один сеньор по имени Барраль де Бо заключили в 1247 г. наступательный и оборонительный союз, который просуществовал 50 лет; при этом каждая коммуна обязывалась содержать 100 всадников в военное и 50 в мирное время; Марсель и Авиньон должны были, кроме того, вооружать 10 судов для охраны Камарги в течение двух месяцев жатвы. На севере такие союзы несравненно реже: общность хартии создавала между метрополией и городами, принявшими ее конституцию, лишь формальную связь. Во Фландрии в XII в. зародилось нечто вроде федерации коммун, в которой роль метрополии играл Арра; но вследствие различных перипетий, которые в конце века расчленили эту провинцию и несколько позже привели к образованию графства Артуа, этот союз распался и между составлявшими его городами началось торговое соперничество. Кроме того, подозрительная королевская власть мешала этим робким союзам превращаться в лиги, которые могли бы сделаться опасными для верховной власти, и все попытки такого рода предупреждались или сурово подавлялись. Еще в конце XIII в. законовед Бомануар видел в них грозную опасность, напоминал пример ломбардских городов и Фридриха Барбароссы и заявлял, что, лишь только образуется такой союз, следует уничтожить его, отнять льготы, разрушить города, заключить в тюрьму жителей и перевешать вожakov.

Внутреннее устройство коммуны; граждане и горожане. У себя дома коммуны были вполне или отчасти господами своих судеб; они издавали законы, судили, руководили администрацией и управляли своими финансами. Но что следует понимать под словом «коммуна»? Из

каких элементов состояло это коллективное правительство? Надо думать, что в принципе каждым из освобожденных городов управляли те лица, которые объединились между собой и составили заговор с целью вынудить у сеньора уступку известных льгот. Но как многочисленна была эта ассоциация, была ли она открыта для всех, кто хотел вступить в нее, или, напротив, она представляла собой замкнутый кружок? Все наводит на мысль, что в героическую эпоху опасных столкновений и переговоров вожаки должны были стараться набирать возможно большее количество союзников, и нет сомнения, что в коммуну оказывались завербованными все жители, даже против их воли. В некоторых центрах эта широкая система всеобщего участия удержалась навсегда. Гильом, граф Форкалькье, давая в 1206 г. грамоту Маноске, предоставил жителям право собираться, когда они найдут это нужным. В Марселе по важным вопросам совещался весь народ. В Лионе все общественные акты начинались таким образом: «Мы, граждане, народ и община города Лиона, собравшись по обычаю, и т. д. Точно так же в Бовэ, Санлисе, Руане всякий, кто жил в ограде стен и в предместьях, обязан был присягать на верность коммуне: «Если кто-нибудь откажется от этого, — гласит компьеньская хартия, — то все остальные постановят приговор о том, как распорядиться с его имуществом». В этом случае все жители без исключения получали наименование граждан (*citoyens*) или горожан (*bourgeois*), первое — в епископских резиденциях, второе — в остальных городах.

Но чаще всего пользование политическими правами составляло монополию привилегированного сословия. Иногда этого права были лишены крепостные, незаконнорожденные, несостоятельные должники, порой даже весь рабочий класс. Во многих городах, как например, в Суассоне, Нойоне, Лане, муниципальная конституция предоставляла политические права лишь тем лицам, которые не только жили, но и владели домами в пределах ограды; кроме того, гражданин, удовлетворявший этим предварительным условиям, обязан был уплатить вступительный взнос, который был неодинаков в различных местах и иногда со-

размерялся со степенью состоятельности кандидата. Здесь в выгодах и преимуществах ассоциации принимали участие одни собственники.

В Турнэ убийство влекло за собой для виновного потерю гражданских прав, но он мог откупиться от этого наказания, уплатив четыре парижских ливра.

Положение дворян и людей церкви было в разных местах различно: в иных городах они были допущены к участию во власти, в других – совсем устранены. В городах Италии и Южной Франции вавассоры, капитаны и рыцари занимали видное место и пользовались всеми общественными привилегиями, но в северных городах первые два класса обычно с честью устранялись; дворянам и духовным иногда дозволялось присягать коммуне, но они отнюдь не входили в ее состав. Тем не менее, этот закон, как и все средневековые, допускал множество исключений. В Сен-Кантэне и Эре среди полноправных граждан насчитывалось и несколько рыцарей. В одном указе Филиппа Августа от 1180 г., относящемся к Корби, прямо говорится, что муниципальная община состоит из рыцарей, духовных и горожан. Известно даже, что в начале XIII в. один могущественный барон, Энгерран де Куси, был гражданином Лана, а сеньор Понтье – мэром Аббевиля. Но эти исключения не ослабляли действия общего правила.

Таким образом, в большинстве случаев привилегиями пользовалось лишь меньшинство; простонародье, ремесленники не принимали никакого участия в управлении; класс богатых купцов, усиленный на юге несколькими дворянскими семьями, один пользовался властью; только они, а не обыватели, были гражданами или горожанами: «Обыватели, – говорит один писатель того времени, – это те, которые живут в городах и не пользуются муниципальной свободой». И по мере того, как развивалось благосостояние городов, как муниципальные привилегии становились все более ценными, а муниципальные должности – более выгодными, в состав общины все реже допускались новые лица, и правящая каста стремилась сделаться все более замкнутой; лишь в немногих местах нося характер демократии, этот политический строй обычно освящал господство своего рода денежной аристократии, а иногда становился даже добычей олигархии.

Общее собрание жителей; парламент. В некоторых коммунах источником всякой власти являлось общее собрание горожан; оно не только назначало магистратов, но отчасти руководило управлением непосредственно, обсуждало важные дела, принимало или отвергало налоги. В южных городах эти собрания носили название *парламента*; в Э в начале XIII в., нотабли (*probi homines*) время от времени собирались *in pleno parlamento*. В Нарбонне собрание созывалось не менее одного раза в месяц, в Систероне и Монпелье – также очень часто. В Марселе весь народ собирался на площади *Sainte-Marie-des-Accoules* перед ратушей (*Palatium communis Massiliae*); с балкона ему сообщали решения Совета и выработанные проекты, и он утверждал их одобрительными возгласами или отвергал резкими криками. В Лионе в 1292 г. все жители без исключения были торжественно, при звоне большого колокола, созваны в церковь св. Низье, чтобы решить вопрос о принятии или отклонении опеки французского короля; явилось большое количество народа (более двух третей горожан), и все собрание приняло то, что ему предлагали. И что особенно любопытно – документ, передающий нам это известие, сообщает, что этот митинг не представлял собой ничего необычного: *more solito*. Здесь мы видим, по крайней мере, внешние признаки непосредственного управления, но последнее было возможно лишь в простейших случаях, когда вопросы были ясно поставлены и когда политическая ассоциация в ее целом должна была лишь принимать положительное или отрицательное решение. Притом нельзя сказать с уверенностью, особенно в отношении больших городов, представляло ли подобное решение действительно волю большинства. За исключением тех случаев, когда общее собрание владело правом назначать магистратов, его влияние на ход дел могло быть лишь спорадическим и его контроль над ними – мало обеспеченным.

Муниципальная магистратура: южные города. Совершенно иную роль играли магистраты: они-то и были в действительности правителями и администраторами коммуны.

В организации этих магистратур не было ничего однообразного; их численность, наименования и состав были

различны в разных местах. На юге Франции эти муниципальные должностные лица часто носили имя консулов или советников (*consiliiari*); так, консулы были в Марселе, Авиньоне, Нарбонне, Лектуре, Альби, Монпелье и др. В Тулузе, где их собрание составляло *капитул*, их называли то *consules de capitulo*, то *capitularii* – слово, которое в народном языке превратилось в *capitouls*; вот почему ратушу называли Капитолием, чего вовсе не следует приводить в связь с мнимыми преданиями древности, как ошибочно утверждало местное тщеславие в XIV в. В Бордо и окружающей его области – в La Reole, Mont de Marsan, Дах – власть находилась в руках *мэра* и *присяжных* (*jurati*) – слово, от которого в XVI в. произвели для обозначения всей этой коллегии термин *jurade*. В других местах управление находилось в руках *синдиков*.

Число этих должностных лиц часто колебалось между 2 и 6; иногда оно было более значительно: в Авиньоне имелось 8 консулов; в Марселе – 12, в Тулузе – 24, в Бордо – 50 присяжных; в Монпелье – 12 старших консулов (*consuls majeurs*), в руках которых сосредоточивалась администрация, и 7 консулов, являвшихся представителями 7 классов населения.

Обычно они управляли не одни, а с помощью одного или двух советов, представлявших собой настоящие совещательные палаты. Так, в Марселе существовала в XIII в. коллегия из 89 лиц; громадное большинство членов, около 80, принадлежало к первому классу граждан – к классу богатых горожан; второй класс – класс духовных, владевших титулом доктора, имел в совете 3 представителей; остальные 6 были старшинами цехов. В Арле *publicum consilium* состояло из архиепископа, консулов и наиболее видных горожан (*principes*). В Бордо, во время господства англичан в XIII в., рядом с магистратурой существовали два собрания; одно состояло из 30 советников, другое – из 300 граждан, носивших название *защитников*.

Избирательная система (где она существовала) была неодинакова в разных городах. В Лектуре, в Альби консулы назначались прямой подачей голосов всех граждан, но этот способ был слишком прост, чтобы быть принятым повсюду, и

наши предки часто предпочитали ему чрезвычайно запутанные системы. Предоставляя обычно долю власти членам коммуны, они в то же время признавали специальное право голоса за магистратами, оставляющими должность; эти два элемента, соединяясь в неравных частях, и составляли избирательное собрание, причем состав последнего мог быть чрезвычайно различен. Так, в Монпелье горожане назначали избирателей второго разряда, которые, вместе с отслужившими свой срок консулами, избирали 60 нотаблей; затем уже из среды последних по жребию выбирались новые магистраты. Во многих городах население было разделено на несколько классов, и каждый из них имел определенное число представителей; особенно дворяне почти всегда избирали отдельных чиновников, помимо избранных горожанами; в Арле было по 2 консула от каждого сословия, а позднее 4 – от дворян и 8 – от горожан; в Корде – 2 и 6, Рабастане – 2 и 8. В Ниме в 1208 г. для обеспечения общественного мира было решено, что горожане будут избирать дворянских консулов, а дворяне – консулов для горожан. Наконец, в некоторых городах сеньор сохранял право влиять на выборы; так, арльский архиепископ принимал участие в городских выборах. В 1207 г., когда чиновники, отбывшие срок службы, не могли прийти к соглашению относительно назначения себе преемников, архиепископ назначил новых консулов собственной властью «и народ принял их с благодарностью и благоволением». В других местах сюзерен выбирал этих магистратов по списку, составленному избирателями; иногда он только утверждал избрание, не принимая в нем участия.

Единственной общей чертой всех этих способов избрания было то, что доступ к высшим должностям в городах юга был открыт лишь двум классам: дворянам и богатым горожанам, но не простонародью.

Почти повсюду горожане делились на партии, так что иногда было невозможно найти между ними людей, которые могли бы беспристрастно руководить общественной властью. Поэтому многие города Прованса, по примеру итальянских городов, прибегли к своеобразному учреждению – к подестату. Марсель в 1214 г., Арль в 1220-м, Авиньон в 1223-м призвали к себе на помощь иностранцев,

пользовавшихся хорошей репутацией, большей частью знатных итальянцев, которые, будучи равнодушны к соперничеству местных партий, клялись править «без ненависти, лицепрятия, страха и личной выгоды». Их облекали неограниченной властью, и вся конституция была подчинена им. Это была временная диктатура, поставленная во главе коммунального строя; этот институт удержался до середины XIII в.

Самой характерной чертой в организации южных городов, бросающейся в глаза вопреки бесконечному разнообразию форм, является их независимость; они сами управляли собой через посредство магистратов, которых они избирали себе или одни, или, самое большее, по соглашению со своими сеньорами. Они обладали большой свободой в своих внешних отношениях и почти полной автономией внутри.

Магистратуры северных коммун. Иначе обстояло дело на севере. Здесь коммунальные магистраты также носили различные названия: во Фландрии, Артуа, Пикардии, Бургундии их называли вообще *эшевенами*, подобно местным судьям каролингской эпохи, часть функций которых перешла к ним; в других местах, особенно на западе, их называли *judes* (присяжными) – слово, тождественное с названием *jurats*, которое носили магистраты в области Бордо; часто их называли *пэрами*. В некоторых городах замечаются самые разнообразные наименования: в Сен-Кантене было два совета, высший – совет эшевендов и низший – совет присяжных. Лиллем управляли *эшевенды*, *rewards*, *voirjures* (*vere-jurati*), *присяжные* и *ганзейские* графы. Руан, как и все местности, где были введены знаменитые установления этого города, управлялся собранием ста пэров и двумя небольшими коллегиями, члены которых избирались из числа ста пэров, – коллегией двенадцати присяжных и коллегией двенадцати советников. Кроме того, во главе каждой из этих коммун стояло лицо (иногда два или три), облеченное высшей властью и руководившее деятельностью муниципалитета; это был *мэр* [*maire* или *maieur* (*major*)]. В Турне это должностное лицо в виде исключения называлось *прево* (*prevôt*), в Отене – *vierg*, Лилле – *reward*.

Хартии сообщают нам мало известий относительно принципов, которыми руководствовались при замещении этих магистратур. Долгое время думали, что основной особенностью всякой коммуны является периодическое избрание ее магистратов жителями. Это неверно: во многих, притом довольно сильных коммунах, магистраты назначались сеньором. В Камбрэ эшевен и присяжных назначал архиепископ. В Отене *viere*’ом был никто иной, как откупщик герцога Бургундского; последний назначал также мэра и эшевен Дижона. Согласно Руанским установлениям мэр должен быть выбираем герцогом Нормандским из списка трех кандидатов, составленного муниципальной общиной. В корбийской грамоте сказано: «Эшевены и эшевинаж означенного города принадлежат церкви» (*Li esquevins et l’esquevinage de ladite ville sont et appartiennent à l’èglise*). Иногда коллегия должностных лиц сама пополняла себя путем кооптации. В Руане действительная власть сосредоточивалась в руках ста пэров, которые сами назначали из своей среды присяжных и советников; когда один из этих пэров умирал, то остальные замещали его по собственному выбору, не советуясь с остальной частью коммуны. Наконец, из сказанного явствует, что во многих городах магистраты также не подвергались периодическому переизбранию: в Брюгге, Брюсселе и многих других местах их служба была пожизненной. Зато в других городах, как *Athyes*, мэр и двенадцать присяжных ежегодно назначались «по избранию и с согласия всего города» (*per communem electionem et assensum ville*). Эти аномалии станут понятны, если мы вспомним, что коммунальные конституции, как настоящие договоры, возникшие путем переговоров, покупок или войн, представляли собой результат соглашения; что горожане отнюдь не старались коренным образом изменять существовавшие органы сеньориальной администрации, но, напротив, по мере возможности сохраняли их и довольствовались тем, чтобы в общем приноровить их к своим надобностям, поскольку соглашался на это сеньор; наконец, что в одних местах горожанам удавалось совершенно забирать их в свои руки, тогда как в других местах они принуждены были делиться ими с сюзереном. Вот почему

скабинат – древнее каролингское судилище, присвоенное баронами, – почти повсюду сделался правительством города, сохраняя часто черты смешанного учреждения, одновременно и феодального и коммунального. Следует прибавить, что в течение XIII в. города все более стремились лишить сеньора последних признаков власти, выкупить эшевинаж и сделать его годовой должностью. Гент добился этого в 1212 г., Мондидье – в 1220-м, Брюссель – в 1234-м, Лилль – в 1235-м, Брюгге – в 1241-м; аналогичное право было даровано Дуэ в 1228 г., но, по любопытной особенности, магистраты этого города избирались лишь через каждые тринадцать месяцев.

Если это преобразование увеличило независимость коммуны, как целого, то оно не принесло никакой выгоды массе жителей. Простонародье, может быть, принимало участие в коммунальной революции и всеми силами поддерживало общественные требования, но, по-видимому, оно вначале не заявляло притязаний на доступ к муниципальным должностям; оно просто переменило господ. Расстояние, отделявшее высшую буржуазию от простого народа, не только не уменьшилось, но постоянно увеличивалось. Как ни разнообразны и сложны были способы избрания, они повсюду имели тот результат, что власть постоянно оставалась в руках одних и тех же фамилий; эти привилегированные роды, постоянно снабжавшие города эшевенами, носили в городах Фландрии и Восточной Франции особое название – *Lignages*, или *Parages*; они составляли немногочисленную аристократию, которая все более суживалась. Иногда они ссылались на старинные права, чтобы оправдать и до некоторой степени узаконить ту монополию, которой они пользовались; так, в Вердене около конца XIII в. три семьи утверждали, что они некогда дали 20 тысяч ливров, чтобы выкупить у епископа виконтство города, и на этом основании требовали для себя исключительного права на занятие муниципальных должностей.

Менее искусная и менее независимая от вмешательства сеньора, муниципальная конституция северных городов отличалась еще более олигархическим характером, чем политический строй южных городов.

Компетенция коммунальных магистратов: суд. Эти должностные лица, являясь органами коммуны, действовали всегда от ее имени, хотя и не всегда могли считаться ее уполномоченными. Какова же была их власть, их прерогативы? Совершенно те же, какими пользовался владетель баронии. Прежде всего – и это было одно из существенных прав – они производили суд над своими согражданами, как сеньор – над своими крестьянами. В средние века говорили: «Феод и суд – одно и то же». Могущественные коммуны Юга и присяжные города Севера обладали столь же неограниченной юрисдикцией, как и сеньоры; они присуждали виновных к штрафам, телесным наказаниям, смертной казни; они имели свои позорные столбы, у которых они выставляли и бичевали осужденных, свою виселицу, на которой их палач казнил тяжких преступников. Некоторые историки считали это право даже одним из существенных атрибутов коммунального строя. Это неверно: некоторые города, которые все памятники и даже их собственные хартии признают коммунами, обладали этим правом лишь отчасти. В тех местностях, где действовали Руанские установления, присяжные, избиравшиеся ежегодно пэрами, вели гражданские и уголовные дела, но в области уголовной юрисдикции им принадлежал лишь средний и низший суд, высшим же заведовали чиновники сюзерена. Первые присуждали к штрафу, тюремному заключению, выставлению у позорного столба, но к изувечению и смертной казни присуждали только последние. Другие коммуны владели только полицейской и дорожной юрисдикцией, а в некоторых местах, как, например, в Шони в Пикардии, мы не находим ни малейших следов самостоятельной юрисдикции.

Ученые долго спорили о происхождении этих судебных прерогатив, стараясь объяснить, каким образом простым горожанам удалось в такой большой степени раздробить феодальный суверенитет. Чтобы объяснить этот факт, надо прежде всего вспомнить, что трибуналы эшевеннов часто являлись средоточием новых льгот, что эти магистраты, оставаясь судьями, нередко становились и первыми должностными лицами коммуны. Когда же, напротив, эшевинаж

в силу обстоятельств сохранял свой сеньориальный характер, община все-таки приобретала самостоятельную юрисдикцию. Во-первых, в силу того рокового закона, по которому всякая власть стремится расширяться; во-вторых, вследствие естественного развития полицейских прав, которыми были облечены муниципальные власти (права мести, сожжения или сломки дома виновного), прав, которыми они пользовались против всех, кто оскорблял город или нарушал его интересы; в-третьих, вследствие установленной учредительными хартиями солидарности между горожанами, обязывавшей их помогать друг другу. Повседневное осуществление этих прав и обычаев влекло за собой известную юрисдикцию, которую легко было расширить рядом мелких захватов.

Дробление городов в судебном отношении.

Кроме того, наше представление об этих городах было бы совершенно ложно, если бы мы думали, что хотя бы в тех из них, которые находились в наиболее благоприятном положении, от муниципальных магистратов зависело все население. Обычно в них оставались как бы островки, зависевшие от короля, сюзерена или частных лиц; в епископских городах епископ и его капитул всегда сохраняли юрисдикцию над монастырем, нередко даже над частью местности, а иногда и над всем городом, так как случалось, что освобожден бывал один бург; церкви, аббатства точно так же сохраняли за собой свои поместья; часто замок или крепость оставались подвластны кастеляну, виконту или наместнику епископа, вассалу или чиновнику сюзерена, епископа или короля; наконец, и другие лица могли владеть в пределах самого города феодами, изъятыми из юрисдикции коммуны, — улицей или кварталом, вроде квартала аббатства Saint-Vaast в Арра. В Амьене рядом с муниципальной юрисдикцией действовали юрисдикция епископа, представленного викарием, юрисдикция короля, представленного кастеляном, и юрисдикция графа, представленного другим кастеляном. Таким образом, коммуны никогда не охватывали всей территории тех городов, в которых они были установлены. Правда, они старались мало-помалу подчинить ее себе, пользуясь всяким удобным случаем, действуя то захватом,

то переговорами или деньгами: Турнэ отнял у епископа всю его юрисдикцию. Но такого успеха достигли лишь немногие коммуны. Даже когда они достигли господства над всей территорией, заключенной в их стенах, в них оставалось еще множество горожан, которые по своему социальному положению были изъяты из-под власти коммунальных законов: дворяне оставались подсудными феодальным судам, духовные – суду церкви; рабы составляли, как и прежде, собственность своих господ; мы не говорим уже об известных группах лиц, встречавшихся в большинстве этих городов, – «свободные люди», «свободные горожане», «свободные слуги» (*francs hommes, francs bourgeois, francs sergents*), которые пользовались различными иммунитетами и зависели от какого-либо сеньора, церкви или короля. Историки муниципального движения слишком часто упускали из виду эти явления, но их следует помнить, если мы хотим представить себе, каков был внутренний строй коммуны и как текла ежедневная жизнь горожан.

Но и эти конституции, столь несходные в разных местах, и эти столь неравномерно распределенные судебные прерогативы, и эта невообразимая путаница соприкасавшихся и пересекавших друг друга территорий отнюдь не уничтожают сходства между городом и феодалом; достаточно бросить взгляд на карту любой феодальной провинции, чтобы увидеть, как дворянские поместья врезывались одно в другое, как хаотически они спутывались и сколько прорех было в каждом феоде.

Законодательная и административная власть коммунальных магистратов. Коммунальные магистраты обладали законодательной властью, издавали указы и регламентировали промышленность. Они получали доход от штрафов, управляли – правда, очень дурно – муниципальными финансами, заведовали коммунальным имуществом, назначали и взимали налоги, необходимые для поддержки зданий и укреплений и для уплаты жалованья чиновникам: подати, дорожные, заставные и рыночные пошрины. Наконец, они командовали милицией, обучали ее и вели в бой. Но была одна привилегия, которой – по крайней мере, во Франции – никогда не делили с сеньорами даже наиболее

независимые города: право чеканки. Хотя это и оспаривалось, но монет, чеканенных коммунами, не найдено¹.

В осуществлении этих многочисленных прерогатив магистраты, разумеется, пользовались помощью чиновников; таковы были муниципальный сборщик, называвшийся на севере *argentier, dèpensier, trèsorier*, на юге – *clavaire*, и коммунальный писарь (*clerc de la commune*), настоящий секретарь мэрии, который был вместе с тем и регистратором суда; таковы были, далее, многочисленные служители, сержанты, приставы, полицейские чиновники, сторожа, привратники. В крупных городах некоторые функции поручались даже специальным комиссиям, каковы комиссия *paiseurs* – нечто вроде мировых судей, которые обязаны были склонять стороны к примирению до процесса, или *gard'orphenes*, которым поручалась опека над сиротами, а также – другие комиссии, наблюдавшие за состоянием укреплений, раскладкой податей и т. д.

Коммунальная печать. Наконец, коммуны, пользуясь, подобно баронам, сеньориальными правами, имели свою печать – символ их судебной, административной и законодательной власти; это был знак освобождения, вступления в феодальный класс. Сначала они имели лишь одну коммунальную печать. Позднее эту большую печать стали прикладывать лишь к торжественным актам, имевшим значение для всей общины, и изготовили *scel aux causes*, называвшуюся в других местах *scel aux connaissances*, меньшего формата, для приложения к актам второстепенной важности, для утверждения приговоров, частных контрактов и т. д. Данные печати, сохранившиеся в большом числе, чрезвычайно любопытны: это неоспоримые документы, происходящие из самих коммун и чрезвычайно рельефно рисующие характер и стремления этих маленьких сеньорий. На одних, как например на сент-омэрской печати, изображено заседание коммунального совета; на других, как например,

¹ Вероятно, надо сделать исключение для некоторых мелких разменных монет – *mailles, pittes* и *pougeoises*, которые, по-видимому, были выпущены в некоторых городах коммунальной властью; но эти добавочные денежные знаки, служившие лишь для облегчения торговых сделок, не представляют собой настоящей монеты в точном смысле слова.

на arrasкой печати, изображено само здание муниципалитета – монументальный навес, под которым собирались купцы и который стал теперь городской ратушей. Другие печати представляют уменьшенное изображение города или его стен. Передки также изображения военного свойства – укрепленный замок, воин, мэр, стоящий с каской на голове и в кольчуге, со щитом и мечом в руке. На печатях Пуатье, Сен-Рикье, Сен-Жосса, Перонна, Дуллена изображен рыцарь в полном вооружении, олицетворяющий могущество буржуазии.

Вечевая башня. Кроме того, коммуна – укрепленное место, сходное с сеньориальным замком и окруженное стенами; оно имеет даже свою башню, так называемый *beffroi*; это была высокая четырехугольная башня, которая возвышалась на одной из площадей города и на которой висели общественные колокола. Звонари, постоянно стоявшие на страже (отсюда и их название *guetteurs* – дозорные), находились на ней безотлучно, наблюдая с одной и той же башенки за всеми точками горизонта, и при первом появлении опасности давали знать о ней населению. Они же призывали граждан в собрание, рабочих – на работу и жителей – к ночному покою, звоном давая знать, что пора тушить огни. Так как тогда города еще не обладали теми великолепными ратушами, какие некоторые из них построили себе в XIV–XVI вв., то каланча, за неимением гостиного двора, часто служила сборным местом для граждан. В нижнем этаже башни помещались пленники и арестанты; в следующем этаже находилась зала, где собирались эшевены; еще выше хранились архивы, хартии, печати и казна. Это был центр, сборное место города.

Освобожденные общины, подобно рыцарям, входили в состав феодальной иерархии в качестве вассалов и сюзеренов. Все равно, было ли их устройство вполне или лишь наполовину аристократическим, было ли число магистратов, носителей общественной власти, очень велико или ничтожно, – их общей отличительной чертой являлось то, что они, подобно феодальным владельцам, пользовались судебной, законодательной и финансовой властью и имели особую печать и свою башню – эмблемы сеньории, осязательные знаки их сходства с феодальными поместьями. Когда

король разрушал коммуну и обращал ее в свою собственность, он приказывал сломать печать и снести городскую каланчу; когда он завладевал феодалом, то разрушал башню. Как внутри, так и снаружи, коммуна представляется нам коллективной сеньорией.

Общественный мир в коммунах. Не следует думать, будто освободительные грамоты положили конец ожесточенной борьбе городов с сеньорами. Без сомнения, общины перестали быть жертвами изнурительного произвола, но они беспрестанно старались расширять свои прерогативы, тогда как сюзерены в свою очередь силились уничтожить сделанные ими уступки. С другой стороны, коммуны беспрестанно старались изгонять тех феодалов, которые сохраняли поместья или повинности на муниципальной территории; и так как освобождение доставило им могущественные средства нападения и защиты, то результатом этих стремлений были ожесточенные распри, острые и продолжительные кризисы. И как ни приятно обладать свободой и силами для борьбы, хотя бы она и была сопряжена с риском поражения, тем не менее населению, вероятно, не раз приходилось страдать.

Столкновения с церковью. Особенно с церковью бывали у горожан нескончаемые, иногда трагические споры. Если духовенство питало по отношению к ним чувство систематической враждебности, то и они относились к нему не с меньшей недоброжелательностью. Главным образом, они стремились подчинить его коммунальной подати, заставить его нести часть общественных расходов; это вызывало сопротивление и жестокие стычки. В начале XIII в., когда жители Вердена принудили духовенство платить налог, епископ собрал войско, осадил город и покорил его. Далее, коммуны нарушали судебные привилегии капитулов и аббатств, вопреки праву убежища разыскивали преступников в их поместьях, арестовывали вассалов и слуг духовных лиц. В Нойоне, в 1222 г., магистраты захватили одного служителя капитула Богоматери на кладбище этой церкви и бросили его в тюрьму. Капитул тотчас наложил интердикт на город, отлучил мэра и присяжных. Тогда граждане собрались и с громкими криками: «Коммуна! Коммуна!» ворвались в

монастырь и собор, где изранили консисторского судью, декана и каноника; монахов преследовали по улицам, оскорбляли и освистывали. В 1294 г. в Лане два дворянина оскорбили горожанина; народ встал на защиту последнего и устроил охоту на обидчиков, но они скрылись в соборе; один сановник, надеясь спасти их, ввел их на башню, и так как их отказались выдать, то толпа оставила у дверей караульных; на следующий день набат призвал всех жителей к оружию, толпа с шумом ворвалась в церковь, схватила дворян и укрывателя и потащила их за ноги и за волосы по улицам и площадям к дому оскорбленного горожанина; здесь толпа принялась неистово бить их кулаками, палками и топорами и затем бросила в тюрьму, где один из них умер. В Бовэ, Реймсе, Арре все горожане обязуются ничего не продавать духовным и их слугам, то есть морят их голодом. Духовные сеньоры, со своей стороны, выказывали не больше мягкости: аббат Везеля, епископ Бовэ блокировали собственные города, запрещая жителям соседних местностей доставлять съестные припасы своим подданным. В 1305 г. епископ Бовэ, следуя примеру архиепископа Камбрэ, выдал свой город вооруженным шайкам, которые опустошили его огнем и мечом. В других местах церковные суды, поддерживаемые королевскими трибуналами, изнуряли общины штрафами. История суассонской коммуны представляет собой непрерывный ряд столкновений между городской магистратурой и капитулом. Бовэ, Корби, Лан, Сен-Рикье находились в постоянной вражде с церковью.

Братства горожан в городах Южной Франции.

Не более спокойно было и в городах Юга. Здесь жители в интересах борьбы со своими общими врагами учреждали настоящие тайные общества, носившие название братств. В Марселе граждане в 1212 г. составили братство, «чтобы защищать невинных и противодействовать несправедливым насилиям». Тулуза, Байонна имели свои политические братства, которых сеньоры очень боялись. В Авиньоне в 1215 г., дворяне жаловались, что они ограблены братствами. В Арле в первой половине XIII в., архиепископу приходилось упорно бороться с этими присяжными товариществами. Около 1232 г. Бертран Аламанон в одной сирвенте обвинял прела-

та в том, что он уморил в тюрьме некоего Жюнкера (может быть, Гильома Жонкьера) за принадлежность к одному братству. В 1235 г. одно из этих обществ свергает подеста, берет в свои руки бразды правления, заставляет всех жителей принести клятву покорности, овладевает дворцом архиепископа, его поместьями и скотом и доходит в своем безрассудстве до того, что налагает интердикт на церковь, справляя свадьбы без посредства церкви и запрещая продавать что бы то ни было духовным, даже носить им воду. Братство ежеминутно распадается и беспрестанно возникает снова, по мере того, как возобновляются неистовые и непостоянные страсти.

Внутренние раздоры и социальная борьба. Когда горожане не боролись со своими общими врагами, они дрались друг с другом. Обычно граждане распались на две или несколько партий, сгруппированных вокруг нескольких семейств, которые держали в своих руках общественные должности и оспаривали их друг у друга; они вели между собой бесконечные войны, продолжавшиеся из рода в род и столь ожесточенные, что во многих городах Юга они сделали необходимым, как мы видели, учреждение подестата.

В XIII в. эти фамильные соперничества осложнились чрезвычайно сильными социальными смутами. Вспомним, что во всех городах, даже там, где конституция носила вначале демократический характер, власть находилась в руках богатых горожан, которые правили безраздельно и бесконтрольно и неизменно, безмятежному счастью которых так завидовал один клирик из Труа в романе, носившем название «Renart le Contrefait». Эта каста в такой же степени исключительная и замкнутая, как феодальный класс, обнаруживала жестокость по отношению к простому народу, который ее поддержал, изнуряла его налогами, повинностями и несправедливостью. Но народ, составлявший большинство жителей, не замедлил организовать и образовать в среде большой коммуны маленькие ассоциации с собственными уставами и вождями; эти ассоциации в свою очередь составляли заговоры и затевали мятежи против аристократии. Особенно ставил он в упрек господствующей партии дурное управление муниципальными финансами; при вся-

ком удобном случае он обвинял магистратов в лихоимстве и продажности и заявлял притязания на право контроля над ними. «И после этого, – говорит Бомануар, – когда коммуна требует отчета, они отлынивают, говоря, что отдали отчет друг другу». Неудовольствие было основательно, потому что города задолжали все более и более, как в Англии, так и во Франции, как в Германии и Италии, так и в Нидерландах. Последствием этого порядка вещей были частые бунты. В Бовэ, в 1233 г., город разделился на два лагеря, на простонародье и знать, состоявшую, главным образом, из банкиров. Произошло восстание; народ бросился на банкиров, и с обеих сторон оказалось несколько убитых и раненых. Смута достигла таких размеров, что Людовик Святой счел нужным назначить в Бовэ чужого мэра. Едва последний въехал в город, как мятежники напали на него и принялись поносить его и рвать на нем одежду, крича: «Вот как мы делаем тебя мэром!» Тогда король пошел на взбунтовавшийся город, разрушил дома главных вождей восстания и посадил 1500 бунтовщиков в тюрьму.

В то время аристократия была еще слишком сильна, чтобы допустить умаление своих привилегий; но с течением времени зло, от которого страдало городское население, все более усиливалось, и в конце XIII в. народная ненависть разразилась такими страшными мятежами, что подавить их оказалось невозможным. В итальянских городах простонародье, или, как его называли во Флоренции, *arti minori* добились представительства в общественных советах. Во фламандской области – в Генте, Дуэ, Брюгге, Ипре, Арре – население восстало между 1275 и 1280 гг. В Руане около того же времени был убит мэр. Перед этим потоком грозных требований буржуазия принуждена была отступить, и в течение XVI в. фландрские, как и германские, коммуны предоставили рабочим корпорациям более широкое участие в муниципальных выборах.

Захват французских коммун королевской властью. Во Франции за водворение мира в городах и местечках взялась королевская власть. В царствование Филиппа Августа коронные легисты провозгласили тот принцип, что все коммуны королевства, расположенные как в феодаль-

ных сеньориях, так и на территории королевского домена, суть королевские города и зависят непосредственно от суверена. Их преемники успешно работали над проведением этой доктрины, перенося в королевский суд так называемые королевские дела, изъятые ими из ведения муниципальных судов, допуская в парламенте апелляции на приговоры последних, призывая на службу короля военные ополчения городов, контролируя деятельность магистратов, вмешиваясь в выборы и подвергая штрафам непокорные коммуны. Заботясь об удовлетворении народных жалоб и об ограничении произвола олигархии, королевская власть часто изменяла конституции городов к выгоде простого народа, но вместе с тем она пользовалась всяким удобным случаем, чтобы конфисковать муниципальные вольности, и вот каким образом. В царствование Людовика Святого Счетная палата простерла свой контроль на управление муниципальными финансами. Бюджеты городов, дошедшие до нас во множестве, показывают, что в большинстве случаев расходы превышали доходы и что в общем долг достигал огромной цифры. Но следует прибавить, что ответственность за это печальное положение дел в значительной степени падает на фискальную политику королевской власти: не довольствуясь тем, что общины были обременены налогами и податями, она старалась совершенно разорить их, взимала с них огромные штрафы за малейшие провинности, стремясь таким образом подчинить их себе безусловно. Это была изнурительная, грабительская опека, которая под предлогом правосудия обирала тех, на кого распространялось ее покровительство. Разоренные, волнуемые восстаниями простонародья, угнетаемые королевскими чиновниками, коммуны в конце концов отдавали себя во власть короны, что влекло за собой уничтожение их привилегий, их автономии и независимости. Таким образом покорилось множество городов, особенно при Филиппе Красивом; те же, которые еще держались, сохраняли лишь тень своего прежнего положения. Следовательно, и в этом случае королевская власть поступала с городами точно так же, как с феодалами.

Мы преступили здесь хронологические границы, поставленные данному очерку; это было необходимо для того,

чтобы изобразить политический и социальный строй, господствующий в городских общинах, и вызванные им последствия. Нескончаемые споры с сеньорами, ожесточенная борьба с духовенством, внутренние раздоры и гражданские войны, вызываемые тираническим правлением замкнутой олигархии, — такова была повседневная жизнь свободных городов в средние века до тех пор, пока одни из них не преобразовали свой внутренний строй, а другие были подчинены короне. Эти муниципальные конституции иногда называли «мирными установлениями» (*institutions de paix*): горькая ирония! Никогда свобода не носила более воинственного, более исключительного характера, чем в этих маленьких республиках, и можно спросить себя, не было ли положение простого народа в них иногда так же печально, как и ранее. С этой точки зрения единственный результат коммунальной революции состоял в том, что она освободила массы от произвола одного человека, чтобы сделать их жертвой эксплуатации со стороны целой группы, и заменила сеньориальную власть господина коллективной сеньориальной властью нескольких буржуа. Тем не менее, следует признать, что коммунальный строй, при всех своих недостатках, имел одну неоспоримую заслугу: он пробудил в городах общественное сознание, вывел жителей из духовного оцепенения, возбудил в них интерес к общественным делам и развил в них чувство благородной и независимой гордости, которую свобода внушает не только тем, кто пользуется ее благами, но и тем, кто стремится достигнуть ее.

Города буржуазии; новые города

Города буржуазии. Новые города. Заключение.

Города буржуазии — этим условным названием обозначаются, как мы видели, те общины, которым не удалось раздробить в свою пользу сеньориальную власть и приобрести хотя бы малейшую частицу автономии, но которые, тем не менее, сумели ограничить произвольную эксплуатацию, тяготевшую над ними до тех пор. Они не имели ни права войны и мира, ни законодательной власти, ни незави-

симой юрисдикции, ни вечевой башни, ни муниципальной печати, но они обладали гарантиями против злоупотреблений, которым могли подвергаться жители в области налогов и податей, военной службы и суда. В подобном случае хартия состоит преимущественно из ряда ограничений сеньориальной власти и представляет собой свод отрицательных постановлений. Правда, она упоминает и о прерогативах, льготах, дарованных жителям, но эти льготы не носят политического характера: это – фискальные, судебные и торговые привилегии.

Одним из знаменитейших актов такого рода является хартия, пожалованная Людовиком VII небольшому городку Лоррису. Она состоит из 33 параграфов. Вот важнейшие из привилегий *ограничительного* свойства: ни один из горожан Лорриса не будет обязан платить какой-либо потребительный налог, дорожную, рыночную или ввозную пошлину, не будет нести сторожевой повинности, не будет подвержен оброкам и вымогательству; барщин король не будет требовать, кроме разве перевозки его вина в Орлеан, но не в другое какое-либо место; каждый из горожан будет платить за свой дом годовую подать в шесть денье, не более, и такую же сумму за каждый арпан земли, который он будет обрабатывать (этот пункт мы встречаем в большинстве подобных хартий). Право займа, которым пользуются государь и его чиновники, урегулировано и ограничено пятнадцатью днями. Жители несут военную службу лишь при условии, чтобы каждый раз иметь возможность возвращаться домой в вечер того самого дня, когда они ушли из дома; суд будет производиться королевским прево, но горожанам более не придется покидать город, чтобы предстать перед судом; они не будут подвергаться предварительному заключению, если смогут представить поручительство; их не будут подвергать испытанию посредством судебного поединка; наконец, штрафы будут уменьшены. *Положительных* привилегий гораздо меньше: прево и сержанты при вступлении в должность должны давать клятву, что будут соблюдать обычаи; ярмаркам и рынкам Лорриса обеспечивается полная безопасность; если раб проживет в городе год и день, и его господин не заявит своих прав на него, то он становится свободным.

В других местах горожанам предоставляются и другие льготы; так, в Бурже хартия позволяет всем жителям пристраивать дома к городской стене; вдовам разрешается вторично выходить замуж без согласия короля.

В этих грамотах не было ничего, что напоминало бы формальный договор; это был ряд гарантий, милостей. Каждый житель Лорриса или Буржа пользовался известными привилегиями; община же не имела никаких прав, ее не существовало. Но в таком положении находились не все города буржуазии; некоторые из них представляли собой общины и пользовались известными коллективными правами: таково было маленькое местечко Beaumont-en-Argonne, получившее около 1182 г. грамоту в 55 параграфов от реймского архиепископа Гильома Белорукого. Оно управлялось мэром и присяжными, которые ежегодно избирались жителями и отдавали отчет в своем финансовом управлении сеньориальным чиновникам; при них состоял совет из сорока граждан, который имел право изменять статуты и позднее прибавил к ним гражданское уложение в 134 параграфа. Городским властям принадлежала даже часть юрисдикции; они производили низший суд от имени архиепископа, чиновники которого разбирали лишь наиболее важные процессы. Подобного рода конституция близко подходила к типу коммун; и действительно, Бомон был коммуной в миниатюре – ему недоставало только этого названия. Это настолько верно, что невозможно установить точное различие между этими двумя видами городов.

Эти льготы были ограничены; города и местечки, пользовавшиеся ими, далеко не были самостоятельными государствами, но зато в них царило спокойствие, их не истощали внутренние раздоры. Преимущества этих хартий, без сомнения, должны были казаться современному обществу более значительными, чем их недостатки, потому что их превозносили похвалами и они распространялись с необычайной быстротой. Хартия Лорриса была введена в 80 местностях Иль-де-Франса, Орлеана, Берри и Турени, откуда она была перенесена в Бургундию и англо-нормандские провинции. Бомонскую конституцию приняло свыше 300 городов и местечек Северо-Восточной Франции: реймские архиеписко-

пы, лотарингские и люксембургские герцоги и графы Шини непрерывно распространяли ее в своих владениях.

Особенно многочисленны были эти полусвободные города в центре королевства, так что они отделяли пояс консульских городов от пояса присяжных коммун. Причина этого явления заключается в том, что в этой стране господствовал французский король, который был достаточно могуществен, чтобы помешать полному освобождению, и слишком проницателен, чтобы отказывать общинам в наиболее необходимых гарантиях. В этой области было очень мало автономных общин и очень много городов буржуазии. Орлеан и Париж никогда не знали другого строя.

Новые города. Наконец, последним фактом, способствовавшим распространению этих хартий, было возникновение с XI по XIV вв. многочисленных *новых городов*. В XI в. многие аббатства и сеньоры пришли к мысли устраивать в своих поместьях, для лучшей эксплуатации последних, новые поселения. На старательно выбранном месте, обставленном крестами – символом Божьего мира, который должен был господствовать здесь, строилась церковь, нарезывались участки земли для наделов и возводилась ограда; затем издавалась хартия, заключающая в себе условия поселения: жителей привлекали посредством льгот и привилегий, путем учреждения рынка, раздачи земли и обещания безопасности. С этой минуты город становился убежищем, которое охранялось предписаниями соборов о Божьем мире, церковными иммунитетами, специальными привилегиями и военным могуществом самого сеньора. Сюда являлись крестьяне, ремесленники, желавшие освободиться от рабских повинностей, рабы, бежавшие от господина, и множество других подобных кочевников, которые в средние века всегда были многочисленны и которых таким образом удавалось прикреплять к земле. Обычно для такого предприятия объединялись посредством так называемой *charte de pariage* два сеньора – чаще всего какая-нибудь церковь и какой-нибудь светский сеньор. Один из них давал место для поселения, церковь распространяла на новый город права иммунитета, которыми пользовались ее владения, и объявляла его убежищем, а сеньор обеспечивал ему свою воен-

ную помощь. Затем оба совладельца правили сообща, деля между собой обязанности и выгоды. Эти новые поселения долгое время носили во Франции знаменательное название «sauvetès» (salvitates). Одни из них были основаны на местах до тех пор необработанных и ненаселенных, другие, наоборот, возникли бок о бок со старыми центрами, часто возле монастырей, замка или даже старого города. Большинство из них навсегда осталось селами или маленькими местечками, но некоторые сделались городами: Лавор, Монтобан, Байонна, Ла-Рошель и многие другие города были обязаны – одни своим происхождением, другие своим ростом – подобного рода предприятиям.

Число этих новых городов особенно возросло в XII в., когда светская власть сделалась более могущественной и стала располагать более обширными средствами. Часто сеньоры или церкви вручали опеку над поселением королю, и тогда представитель последнего приобретал право совладения на землях светских или духовных вассалов. Понятно, что короли должны были покровительствовать основанию таких поселков, большинство которых составляло для них настоящие приобретения. Таким образом, движение быстро распространилось по всей Франции. На севере эти новые центры назывались *Villeneuve*. Из многочисленных городов, носящих это название, большинство возникло именно таким искусственным образом. Людовик VII основал *Villeneuve-le-Roi* в Сенонэ, Вильнев, близ Компьеня, *Villeneuve d'Etampes* и другие; граф Шампанский основал в 1175 г. *Villeneuve-des-Ponts-sur-Seine*. На юге эти новые поселения назывались *bastides*, и одного этого названия достаточно, чтобы понять, что это были укрепленные места. Действительно, к другим выгодам, какие предоставляло основание таких поселков, часто присоединялся и военный интерес. Английские короли в своих континентальных владениях и французские короли в областях Южной Франции после парижского договора 1229 г. выстроили множество *бастид*. Большинство из них можно узнать еще и теперь по их характерному названию, и особенно по их правильному плану, от которого в большинстве случаев сохранились некоторые следы. Это был всегда прямоугольник, правильный

настолько, насколько позволял рельеф местности, окруженный стенами с башнями и укрепленными воротами; в центре находилась большая четырехугольная площадь, рынок, окруженный галереями, состоявшими из сводов или столбов, на которых покоились здания с выступавшими вперед этажами; среди площади находился гостиный двор, верхний этаж которого служил думой; в другом месте помещалась другая площадь, кладбище, в центре которого возвышалась церковь, часто укрепленная на случай нападения. К этим площадям примыкали широкие прямые улицы, пересекаемые другими улицами под прямым углом, так что план бастиды имел вид шахматной доски.

Этим городам, как на Юге, так и на Севере, давали при основании хартии обычаев, привилегий и вольностей, весьма сходные с теми, которые мы выше разобрали. Бомон, важнейшие привилегии которого мы перечислили выше, был новым городом, местом убежища, где изгнанники, чужестранцы и осужденные могли найти приют, если только они не совершили ни кражи, ни убийства. Ограничение налогов и барщин, точно установленные размеры штрафов, гражданское и уголовное уложения – таковы часто были выгоды, обещаемые жителям. В общем этот строй мало чем отличался от конституции Лорриса, и таким образом эти новые поселения, возникавшие во множестве, превращались в настоящие города буржуазии.

Менее шумные, менее честолюбивые и менее блестящие, чем автономные города, эти общины играли не менее важную роль в истории городских классов. Во-первых, они были очень многочисленны; их насчитывали сотнями: это была наиболее распространенная форма частной эмансипации. Во-вторых, если в них не было такого класса граждан, который пользовался бы общественной властью вполне независимо, зато и простой народ никогда не был угнетаем в них какой-нибудь господствующей партией; все жители пользовались одними и теми же правами, привилегиями буржуазии: меньше преимуществ для немногих, больше гарантий для масс. Наконец, если мы вспомним, что, по крайней мере во Франции, автономия наиболее могущественных коммун уже была осуждена на смерть алчной королевской властью

и вскоре должна была быть поглощена последней, то нам станет понятно, почему многие историки считали положение городов буржуазии более благоприятным, чем положение свободных городов. Если оно и менее льстило обществу тщеславию, то оно было спокойнее и прочнее; менее гордое, оно самой этой скромностью было предохранено от глубоких падений.

Заключение. Итак, положение городов в середине XIII в. было до крайности разнообразно и непостоянно. Они различались по своему происхождению: одни были основаны еще в древности; другие, возникшие в IX и X вв. и вызванные к жизни бедствиями того времени, развились медленно путем беспрестанного скупивания вокруг монастырей и замков; многие возникли недавно, искусственным образом, и были обязаны своим происхождением почину нескольких баронов. Они различались по своей истории: одни вынесли долгую и суровую, иногда беспощадную борьбу; многие приобрели мирным путем больше привилегий, чем те, которые завоевывали их; некоторым не пришлось ни бороться, ни тратить: им были дарованы привилегии, которых они и не добивались. Различны были и их прерогативы: одни сделались независимыми республиками, другие – консульскими или присяжными коммунами, свободными как сеньоры и, как они же, включенными в феодальную иерархию; наконец, некоторые из них обладали в гражданском и административном отношении настолько ограниченными привилегиями, что историки выделили их в особый класс – города буржуазии. Не будем удивляться этим бесчисленным различиям: таков закон жизни и прогресса. Общества, как виды, дифференцируются по мере своего развития.

Действительно, развитие было общей чертой истории городских поселений в средние века. Они развивались до бесконечности. Наметим характер того глубокого преобразования, которому они подверглись. Место тесных бургов, стягивающихся с каждым днем в интересах защиты, пустеющих из-за войн, грабежей и голодовок, заняли более многочисленные и более обширные города с их могущественными предместьями за оградой стен, кишачие жителями вследствие развития промышленности и торговли. Место

жалких порабощенных народов заняли новые поколения, достигшие благосостояния, иногда богатства, а через благосостояние – и свободы: свободы личной и гражданской – всегда и везде, а часто и свободы коллективной и политической, хотя и в чрезвычайно разнообразных пропорциях и распределенной весьма неравномерно. С VII по X в. город казался немым, замогильным; в XIII в. город жужжит, как улей. Улицы еще узки, неправильны, нездоровы, но они оживлены, запружены тюками, лотками, торговцами, выкрикивающими свои товары, громадными вывесками, качающимися по воле ветра и иногда грозящими безопасности прохожих. Расцветает новая культура. Выросли великолепные памятники, обязанные своим происхождением богатству городов и гению скромных строителей, имена которых остались неизвестны: церкви в романском и готическом стиле, вздымающие к небу свои купола, колокольни или шпицы; гордые башни, господствующие над окрестностями и угрожающие им, пока не затмят их роскошные здания дум. Муниципальный колокол – общественный голос городов, как церковный колокол – голос душ: в XIII в. город живет, говорит и действует. Это новый орган в обществе. Здесь медленно растет и крепнет класс доселе неизвестный, которого ждет длинный и славный путь: этот класс есть среднее сословие (Tiers État).

Торговля и промышленность в средние века

Х–ХІІІ вв.

Возрождение торговли. Возрождение промышленности. Преобладание торговли над промышленностью в средние века. Затруднения местной торговли. Затруднения крупной торговли: дороги, мосты, гостиницы. Дорожные сборы и пошлины. Дорожные опасности. Осуждение ссуд под проценты; лихоимство. Расширение торговли в XII и XIII вв. Главные торговые пути и главные предметы торговли; Средиземное море. Северное и Балтийское моря. Внутренние дороги. Океан и Ла-Манш. Рынки. Ярмарки. Главные центры торговли в XIII в.

Возрождение торговли. В XI в. феодальное общество начало медленно просыпаться от тяжелого сна. Страсть к путешествиям, приключениям сразу рассеяла общее оцепенение: таково завоевание Англии, обеих Сицилий, Португалии; таковы войны с испанскими маврами в Каталонии. Некоторые из этих предприятий носили политический, другие – религиозный характер; но все они способствовали развитию торговли, потому что благодаря им устанавливались сношения между теми странами, откуда выходили завоеватели, и теми, где они водружали свои знамена. С этого времени руанские купцы пользуются правом свободной торговли в Лондоне, где им разрешено иметь контору, и в английских гаванях; они сбывают здесь французские вина, материи и оружие, закупают шерсть и металлы. Именно в конце XI в. на севере появляются продукты юга: шелковые

ткани Альмерии и Карфагена, арабские лошади из Испании, лимоны, апельсины, сицилийские и южноитальянские вина.

Еще более важные последствия имела возникшая тогда страсть к отдаленным паломничествам, которая мало-помалу охватила всю народную массу. Затем начинаются крестовые походы. Два мира, которые до тех пор не знали друг друга, теперь сближаются; две культуры, до тех пор чуждые друг другу, проникают одна в другую. Эти сношения, начавшиеся религиозной войной, кончились торговыми сделками. Торговля на Средиземном море быстро оживилась: Венеция, Генуя, Пиза не только обогатились благодаря перевозке в Палестину или Византию огромных масс паломников и крестоносцев, но, кроме того, вскоре перестали покупать сырые продукты и произведения Востока на константинопольских рынках и начали брать их в большем количестве и по более дешевым ценам непосредственно в портах Леванта, где кончался караванный путь из Дамаска и Багдада. После взятия Константинополя Венеция получила в этом городе отдельный квартал; она завладела почти всеми портами Архипелага и Ионического моря; она имела конторы на берегах Черного моря, в Алексии, у устья Днепра, в Солдае (Судаке) в Крыму, в Тане, на Азовском море; все это были центры торговли с Южной Русью, народами Кавказа и каспийского бассейна, Арменией и Персией. Сирия и Малая Азия были уже покрыты сетью торговых контор. Оставались берега Африки; Пиза получила от мусульманских государей Египта и Триполи разрешение на торговлю с их подданными, такие же привилегии обеспечили себе Венеция и Генуя. Таким образом, весь Восток был открыт для итальянцев. Затем, по примеру Венеции, Генуи и Пизы, и другие города вступили в сношения с неверными: Барселона, Нарбонна, Монпелье, Марсель; это было началом их процветания. Вскоре Средиземное море сделалось самым оживленным торговым центром мира, и на его берегах вновь начали возникать крупные города. Это местное возрождение повлекло за собой общий расцвет торговли в Европе. Южные города, получая в изобилии продукты Востока, стали снабжать ими все страны в обмен на продукты их промышленности или почвы. Так наметились торговые потоки, изрезавшие старую Европу по всем направлениям.

Возрождение промышленности. При оживлении торговли естественно должна была развиваться и промышленность. Во времена обособленности, предшествовавшей этому возрождению, каждое поместье само удовлетворяло почти все свои потребности, почти ничего не покупало извне, почти ничего не продавало и производило лишь то, что было необходимо для жизни его жалкого населения. Да и что можно было делать с излишком? Понятно, что производство ограничивалось лишь безусловно необходимым минимумом. Но когда снова образовался класс купцов, которые поднимались вверх по течению рек, проникали в страны, дотоле недоступные для них, и продавали предметы роскоши или полезные товары, то производство оживилось и расширилось. Необходимое обеспечивает существование, но только излишек придает жизни ее прелесть. И вот общество начало стремиться к излишку; каждая из этих маленьких провинциальных общин начала работать не только для того, чтобы самой прокормиться, одеться и вооружиться, но еще более для того, чтобы продавать излишек, из которого она сама не извлекала пользы. Вскоре производство расширилось. Мало того, оно не замедлило дифференцироваться. Прежде оно почти повсюду было однородно; ремесленники были вместе с тем и земледельцами. С того момента, когда возрождающаяся цивилизация положила конец экономическому раздроблению, каждая область присвоила себе специальный вид производства, в котором она могла достичь совершенства; каждый мог заниматься исключительно каким-нибудь одним ремеслом по своему выбору, так как производители были теперь уверены, что их произведения найдут сбыт. Одни остались при земледелии, другие обратились к промышленности, и она разделилась на целый ряд различных производств. В одном месте изготовлялись материи, в другом – оружие, в третьем – ювелирные изделия или предметы роскоши. Без сомнения, разделение труда, лежащее в основе всякого технического прогресса, еще мало продвинулось вперед; тем не менее, в ту эпоху оно начинает развиваться: каждый округ, каждый фабрикант создают себе специальность. Таким образом, обмен не только должен был дать толчок производству, но и позволил ремес-

леннику жить исключительно своей промышленной работой, обратил промышленность в одну из форм независимой деятельности и сделал возможными возникновение крупных городов и коммунальную революцию.

С другой стороны, арабская промышленность вызывала в христианах чувство наивного восхищения; немецкая монахиня Гросвита в X в. называла Кордову «драгоценностью мира». Рыцарские поэмы первой половины XII в. описывали чудеса Востока, богатые ткани Сирии, персидские ковры, жемчуг, драгоценные камни, благовония Аравии и Палестины. Европа стала учиться у арабской культуры, и западное производство преобразилось. Именно у арабов западные фабриканты переняли способ выделки дорогих тканей; Триполи, Антиохия, Тир, Тортоза, Тивериада ткали шелковые материи: отсюда перешло в Европу это производство, обогатившее Венецию, а позднее и часть Франции; оттуда же перешло в Европу известное уже в средние века искусство выделывать атлас, бархат, затканное золотом и серебром материи и легкие ткани вроде кисеи, газа, сандала и тафты. Мягкие ковры Востока славились уже в древности; европейские ремесленники старались сравняться с ними в этом искусстве, и со времен Филиппа Красивого в Париже существовали мастерские, где выделывались «сарацинские ковры». Левант славился своими красками; иорданское индиго, дамасская красная краска, шафран, лакмус и сандал были перенесены на Запад, а вместе с ними и употребление квасцов для укрепления красок. Если Венеция вскоре научилась плавить и резать стекло, то этим искусством она была обязана сирийским городам. У арабов же Запад заимствовал умение выделывать бумагу, сласти и сиропы. Наконец, из того же источника перешли к нам некоторые растения, культура которых породила новые отрасли промышленности, как например, конопля и лен, сделавшие возможным выделку полотна, затем тутовое дерево и сахарный тростник: первые рабочие, занявшиеся в Европе производством сахара, были поселены в Сицилии в 1239 г. императором Фридрихом II. Результаты этой выучки были громадны: производство сукон было преобразовано, Европа научилась выделывать белье и усвоила производства роскоши; промышленность сде-

лалась более разнообразной, техника усовершенствовалась. Произошла полная экономическая революция.

Однако благодетельные последствия этого коммерческого переворота обнаружились бы медленнее, если бы общество не подверглось в то же время и политическому преобразованию, которое, со своей стороны, значительно способствовало развитию промышленности и торговли. Анархия X в., которая так тяжело отзывалась на рабочем населении, ослабела (Божье перемирие, рыцарство и т. д.). Наконец, все общество было увлечено в ту эпоху процессом концентрации: образуются крупные феодальные княжества и королевства. Деятельностью государей начинают руководить простые экономические соображения: они не только перестают грабить купцов, но начинают привлекать их в свои владения, устраивать на своих землях базары и ярмарки, приглашают ремесленников селиться в их городах. Таким образом, они стараются побуждать своих подданных к труду, сознавая, что, обогащая их, они обогащают самих себя.

Преобладание торговли над промышленностью в средние века. Замечательно, что во время этого всеобщего возрождения промышленность только следует за торговлей. Когда установились торговые пути между Западом и Востоком, то купцы начали предъявлять спрос к европейской промышленности; таким образом по главным меновым дорогам стали медленно возникать очаги производства. Предложение ремесленников было точно подчинено спросу торговцев, и эта особенность сохранилась в течение всех средних веков. Действительно, промышленность, по крайней мере вывозная, оставалась смиренной слугой торговли: ремесленник не покидал своего местожительства, не ездил на ярмарки за сырым товаром, не знал, откуда его привозят, и, окончив свое изделие, не знал его назначения. Его интересы ограничивались только работой. Настоящим распорядителем работы, предпринимателем, был купец; он не работал своими руками, но посещал рынки и ярмарки, снабжал ремесленника сырыми продуктами, и когда специалист превращал их в готовые изделия, он снова покупал их, чтобы торговать ими в далеких странах.

Итак, ремесленник работал по приказанию купцов и производил лишь в меру их спроса. Купец был головой, ремесленник – лишь руками. Первый обладал своего рода экономической прерогативой и присваивал себе львиную долю барыша; из этого класса и набиралась повсюду буржуазная аристократия городов.

Затруднения местной торговли. Однако как ни было велико экономическое оживление, охватившее Европу в XI и XII вв., торговля в средние века далеко не достигла того развития, на какое она была способна. Во-первых, местной торговли, то есть той, которая совершается в пределах города или округа, почти не было. В настоящее время – если оставить в стороне некоторые второстепенные производства, – фабрикант редко предлагает потребителю свои изделия непосредственно. Между производителем и потребителем стоит один или несколько посредников. Средние века боялись таких посредников, лавочников, или, как их называли, *forestallers*; тогда существовал свой экономический идеал в теории *справедливой цены* – теории, основанной одновременно на теологических принципах и на повседневном опыте. В силу этой теории каждая вещь должна продаваться за известную сумму, которая, во-первых, покрывала бы издержки производителя, во-вторых, обеспечивала бы ему справедливое вознаграждение за его труд. Каждый ремесленник должен был иметь лавку и торговал по мелочам. Точно так же производители, жившие в предместьях или окрестностях города, могли привозить свои товары в город лишь с тем условием, чтобы непосредственно предлагать их потребителям на рынке; если же они встречали по дороге купца, который предлагал купить у них весь груз целиком, чтобы потом распродать его по частям, то они должны были отвергать эту сделку, и тот, кто предлагал ее, подвергался преследованию. Перекупив товар, он мог бы продавать его по какой угодно цене: что случилось бы тогда со справедливой ценой? Указы, направленные к уничтожению этого незаконного вида торговли, были очень многочисленны, особенно в Англии; ослушники присуждались к выставлению у позорного столба. Тем не менее, после преобразования крупных центров, когда городская жизнь со-

вершенно утратила сельский характер, пришлось примириться с некоторыми видами посреднической торговли: базары бывали лишь один или два раза в неделю, а населению и в промежутках надо было кормиться. Тогда начали открываться лавочки, в которых купцы ежедневно продавали продукты, собранные или выделанные другими. В Париже в XIII в. были так называемые перепродавцы фруктов, зелени, масла, яиц, сыра и живности. Во Фландрии в первой половине XIII в. почти вся оптовая торговля в коммунах (*villes à loi*) производилась через посредство присяжных маклеров (*makelares-jurés*). Их деятельность почти повсюду регламентировалась до мельчайших подробностей. Обыкновенно число этих посредников было ограничено, они несли ответственность за заключаемые ими сделки, их услуги были обязательны, получаемая ими плата была точно определена, и город вычитывал из нее известный процент в свою пользу; особенно строго воспрещалось им быть одновременно купцами и маклерами. Но эти немногие исключения не опровергают правила: местная торговля была в средние века крайне незначительна.

Затруднения крупной торговли: дороги, мосты, гостиницы. Иного рода препятствия встречала крупная торговля. Первое затруднение, которое должны были преодолевать купцы, – это плохое состояние дорог. Во многих странах не было ничего, что напоминало бы ведомство путей сообщения. Бомануар утверждает, что в повседневной жизни различали пять видов дорог: проселочную дорогу, *carrière* (дорога для телег) – шириной в 8 футов; тракт – шириной в 16 футов; большие дороги – шириной в 32 фута, и дороги Юлия Цезаря, соответствовавшие военным дорогам Римской империи, – шириной в 64 фута. Но эти теоретические различия совершенно не соответствовали действительности. Если надзор за состоянием дорог и починка их принадлежали к числу обязанностей баронов, то на деле поддержка дорог зависела от произвола и доброй воли придорожных жителей: «Где начиналось нерадение, – говорит один английский историк средневековья, – там начинались колеи или, вернее, рытвины». Это нерадение было всеобщим. Правда, повозки были тяжелы и солидны и могли вы-

Торг в Новгороде.

Миниатюра из Летописного Свода. Лаптевский том

носить самые жестокие толчки, а всадники и пешеходы — выносливы. И все-таки дурное состояние дорог являлось крупным препятствием для торговли. Английский король Эдуард III был вынужден признаться, что все дороги в ближайших окрестностях Лондона настолько плохи, что извозчики и купцы «часто рискуют потерять то, что везут». В 1339 г. депутаты, созванные в парламент, не могли прибыть в Вестминстер к назначенному сроку, так как вследствие дурной погоды все дороги сделались непроходимыми.

Мосты были в XII в. редки; те, которые построили римляне, представляли собой развалины; их заменили деревянными, либо понтонными мостами или просто паромами. Во многих местах приходилось переезжать вброд. Когда наступало половодье или реки переполнялись от дождей, то люди

и животные тонули. Правда, этим делом занялась церковь, которая обратила постройку и поддержку мостов в дело благочестия. Однажды молодому пастуху из Виварэ, Бенуа, почудилось, что Иисус Христос приказывает ему выстроить мост через Рону в Авиньоне, сборном месте паломников, отправлявшихся в Рим. Он склонил к своему делу епископа и земского судью, собрал тысячи рабочих и крестьян, нашел в римских развалинах необходимые материалы, и между 1177 и 1189 гг. авиньонский мост был построен. Та же ассоциация взялась заменить лионский мост, выстроенный из дерева и провалившийся, каменным, но ей удалось возвести лишь одну арку, и это предприятие было окончено муниципалитетом только два века спустя. Монахи или благотворительные общества построили в Париже малый мост Св. Духа и в Оверни, между 1265 и 1309 гг., мосты на Доре, Алье, Дордони и Сиуле. В Англии церковь также придала этим работам благочестивый характер. Ричард Келларнский, епископ Дургэмский (1311–1316), поощрял к ним свою паству обещанием самых святых наград, и в его канцелярских книгах часто встречаются такого рода заметки: «*Memorandum...* Монсеньор обещал сорокадневное отпущение всем, кто будет черпать из сокровищницы благ, дарованных им Господом, для оказания драгоценной и благотворительной помощи при сооружении и ремонте ботитонского моста». Светские братства, так называемые *guilds*, также иногда ставили себе целью поддержку мостов и дорог. Наконец, и некоторые частные лица, которым их богатство позволяло подобные траты, вменяли себе в заслугу постройку за свой счет проездов через реки. Не следует также забывать, что лондонский мост, оконченный в 1209 г. и вызывавший удивление всей Англии, был возведен стараниями королевской власти. И несмотря на все эти усилия, количество мостов было, по-видимому, очень недостаточно, а прочность арок была часто настолько сомнительна, что путник не решался вступить на них, не вручив предварительно своей поклажи и души Богу. Это не всегда происходило от недостатка необходимых средств для поддержки каменных сооружений: иногда эту обязанность брало на себя какое-нибудь братство; иногда основатель отписывал на свое со-

оружие недвижимое имущество, доход с которого предназначался для этой цели; например, королева Матильда, выстроив два моста в Stratford at Bow в XII в., уступила участок земли и мельницу бэркингской аббатисе, на которую была возложена обязанность чинить эти мосты. Иногда на мосту строилась часовня, и приношения верующих шли на покрытие издержек по ремонту; наконец, почти всегда сборщик взимал с проезжающих мостовую пошлину и взамен обязывался производить необходимые работы; он загораживал проход железным засовом и пропускал путника лишь по уплате пошлины. Но не все откупщики относились к своим обязанностям добросовестно; они собирали деньги, но, думая, вероятно, что пока они живы, мост просуществует, делали из собранных денег «лучшее» употребление, тратя их на свои нужды. Кроме того, им подавали дурной пример: король Генрих III предоставил крупные доходы от лондонского моста «своей дражайшей супруге», которая, не смущаясь, присвоила их себе; лондонский мост, оставаясь без ремонта, скоро превратился в развалину, и для покрытия издержек по починке пришлось сделать сбор добровольных подаяний по всей стране. Но зима 1282 г. была очень сурова; от снега и мороза в настиле моста образовались трещины, и пять арок обрушились. Подобные катастрофы не оказывались редкостью, да и мосты, которые не обрушивались, были немногим лучше. Когда в 1839 г. разрушили мост в Stratford at Bow, то увидели, что одна арка была проломана насквозь: глубокие колеи пробили колеса в камне да копыта лошадей избили настил. В 1376 г. общины нескольких английских графств жаловались парламенту, что один мост на Тренте, вблизи Ноттингема, лежит в развалинах, и что всадники и извозчики, проезжающие по нему, нередко проваливаются и тонут.

Дороги были не только опасны, но часто и пустынные, особенно в гористых местах, и купец рисковал не найти на них ни очага, ни ужина, ни ночлега. И здесь в конце X в. пришла ему на помощь церковь. Альпийская и пиренейская дороги были усеяны монастырскими домами, исполнявшими роль странноприимных домов; самыми знаменитыми из этих учреждений были гостиницы, находившиеся на Боль-

шом и Малом Сен-Бернаре. Такие же убежища были построены на суровых плоскогорьях Центральной Франции, и в темные ночи, во время бури или непогоды, в монастыре звонили во все колокола, чтобы указать путь заблудившемуся путнику. Наконец, на больших дорогах, особенно вблизи мостов, нередко можно было встретить такие же гостиницы, где толпились богомольцы и купцы.

Дорожные сборы и пошлины. Менее страшны, но более обременительны были бесчисленные подати, взимавшиеся с перевозимых товаров и обозначавшихся общим названием дорожных пошлин. Пользуясь анархией IX и X вв., сеньоры умножили их до бесконечности. Способ взимания был очень прост: они загораживали дорогу или реку и пропускали купцов не иначе, как за плату. Вначале купцы протестовали, но должны были покоряться, и спустя несколько лет обычай становился законом. По мере того, как королевская власть крепла и начинала сознавать свои обязанности, она не раз делала попытки уменьшить количество этих пошлин, и напоминала сеньорам, что они должны употреблять эти доходы на поддержку рек и дорог; в 1254 г. парламент присудил сеньора де Кревекёр к возврату купцам того, что он незаконно отнял у них. Но эти усилия были тщетны; количество пошлин по-прежнему было очень велико. Еще в XIV веке их насчитывали 74 на Луаре от Руана до Нанта, 12 – на Алье, 10 – на Сарте, 60 – на Роне и Соне, 70 – на Гаронне или на дорогах области, лежащей между Реолем и Нарбонной, 9 – на Сене между большим парижским мостом и Рош-Гюйоном. Эти пошлины взимались под самыми разнообразными предлогами и названиями, таковы были: *péages* на мостах и реках; *cauciages* или проездные пошлины на дорогах; *cayages*, или *rivages*, то есть береговые пошлины; *portages*, или *passages*, у городских ворот; *conduits*, или *travers*, соответствовавшая тому, что мы называем теперь транзитной пошлиной; для каждого товара существовал особый тариф. Обоз с сукном, проезжавший через парижскую территорию, ограниченную Монтлери, шарантонским мостом, Мо, Санлисом, Бомоном, Понтуазой и Пуасси, платил четыре су с повозки, два су – с тележки, один су – с навьюченной лошади. Часто также, по крайней мере до XIII в.,

пошлина взималась натурой: так, в 1218 г. всякий иностранный купец, везший пряности в Англию через Сент-Омэр или через округ этого города, обязан был давать кастеляну фунт перца. От каждого судна с солью, плившего в Мэзон, сборщик сеньора Пуасси получал один сетье соли. Правда, некоторые из этих пошлин были менее обременительны: когда жонглер подходил к воротам Petit-Chatelet в Париже, он обязан был лишь спеть один куплет; человек, показывавший обезьяну, заставлял своего зверя дать представление перед сборщиком, и в этом заключалась его пошлина. Сборы были различны, смотря по свойству, происхождению и назначению товаров, а также смотря по личности путника. В Монтлери с пешего еврея взималось столько же, сколько со всадника или с вьючной лошади; с другой стороны, духовные и дворяне были обыкновенно свободны от всякой пошлины. Нетрудно понять, какой вред наносила торговле подобная система; не то, чтобы пошлины были очень велики: напротив, они были довольно умеренны; но, дробя сборы, останавливая купцов на каждом повороте, фиск беспрестанно затруднял движение и заставлял их терять дорогое время. Кроме того, взимание этих пошлин портило товары. Когда судно с вином проезжало в Мэзон, то сборщик сеньора Пуасси имел право почать три бочки и взять себе более 15 литров того вина, которое ему больше всего нравилось, что не могло улучшить товара. Точно так же монахи в Saint-Julien-de-Beauvais взимали по три денье за каждую лошадь с купцов, проезжавших в Милли, и, между прочим, с торговцев свежей морской рыбой, которые спешили с нею в Париж; в постные дни они развязывали корзины и набирали лучшей рыбы на три денье по своей оценке. Рыба расхищалась, и товар прибывал в Париж испорченным. Только в 1314 г. парламент вмешался в это дело. Наконец, хитрые сборщики придумывали тысячи остроумных, но стеснительных способов для увеличения своих доходов. Одни, орудовавшие вдали от больших дорог, принуждали купцов сворачивать с дороги для уплаты пошлины или забирали имущество упорствовавших даже прямо из лавок. Другие умышленно помещали свои кассы на непроходимых дорогах, соблазняя таким образом тех, кто подлежал пошлине, ехать другим

путем, чтобы избежать уплаты ее, но как только путник попадался в ловушку, его останавливали и заставляли уплачивать крупный штраф. Иной раз у сборщиков якобы терялся тариф пошлин, который должен был висеть на виду, тогда они взимали, конечно, произвольную сумму. Многие были трактирщиками и, чтобы удержать судовщиков в своей харчевне, увеличивали формальности и придирки, или случайно отлучались, затягивая таким образом их отъезд на один или два дня.

На рынках продажа была обременена пошлинами (за выставление товара, вымеривание и взвешивание), которые получили общее название кутюм или платы за места на рынке и были обычно невысоки, но всегда обременительны. Так, например, купец даже дома не мог продавать более известного количества товара, не прибегая к сеньориальным весам, мере или аршину, а за это надо было платить. В других местах господствовали еще более стеснительные обычаи. Так, когда помещение парижского гостиного двора сделалось недостаточным, рыбный рынок был перенесен на участок земли, принадлежавший дому Галлебик. Последний удерживал в виде вознаграждения известную сумму с каждой сделки; кроме того, он заявлял притязания на право производить суд над купцами и устанавливать цены; когда продажная цена устанавливалась на известном уровне, являлся сержант и понижал цену каждой корзины на 8, 10 или 12 су под тем предлогом, что нижняя часть – худшего качества. Тщетно купцы жаловались – эти злоупотребления продолжались более столетия; король, уничтожив их в 1325 г., воспользовался этим случаем, чтобы со своей стороны удвоить сборы.

Дорожные опасности. Если бы сеньоры взамен этих пошлин, по крайней мере, добросовестно исполняли свои полицейские обязанности, то их служба с избытком окупала бы их поборы. Но это не всегда было так; кто пускался в путь, даже в XII и XIII в., то есть после провозглашения Божьего перемирия, рисковал наткнуться на неприятную встречу. Можно ли усомниться в том, что феодальная полиция повсюду была недостаточна, если даже в самом центре королевского домена, в источнике мира и порядка, добрый Жуанвиль

констатировал такой тревожный факт: «В Париже и вне его было столько злодеев и разбойников, что все области были полны ими». В 1316 г. король писал своим баронам, что никто более не осмеливается проезжать через Шампань, до такой степени она кишит разбойниками. Правда, в XIII в. король делал сеньоров ответственными за злодеяния, совершавшиеся в их землях, и обязывал их вознаграждать потерпевших или их семейства; так, когда в 1263 г. трое купцов были ограблены на дороге, принадлежавшей графу Ангулемскому, то парламент присудил последнего вознаградить потерпевших суммой, равной цене отнятых товаров. Но перспектива насильственной смерти, хотя бы и влекущей за собой вознаграждение, не была привлекательна, да и само вознаграждение было не вполне обеспечено. В 1265 г. один купец был убит и ограблен близ Арра; его товарищи предъявили иск графу Артуа. Он ответил, что преступление было совершено после захода солнца и что он не может ручаться за безопасность проезжающих в этот час. Наконец, нередко сеньор не только не преследовал разбойников, но и сам был их сообщником: Григорий VII обвинял короля Филиппа I в том, что он ограбил нескольких итальянских купцов, ехавших на французские ярмарки. Томас де Марль, один из героев первого крестового похода, не считал предосудительным грабить на больших дорогах. Правда, в XIII в. подобные случаи сделались реже, по крайней мере в Англии и Франции; однако в 1268 г. дворянин Бозон из Бордо ограбил двух купцов, отдавшихся под покровительство Людовика Святого. В Германии с того дня, когда императорская власть была поглощена смутой Великого междуцарствия, торговля сделалась жертвой бродяг, рыцарей-разбойников (Raubritter); из своих замков, похожих на ястребиные гнезда, они внезапно налетали на купцов, проезжавших по долине, на крестьян, у которых они отнимали их скот, за что эти бургграфы получили прозвище «коровьих рыцарей». Это зло не было только временным, потому что оно свирепствовало еще в XVI в.; знаменитый Гец фон Берлихинген беспрестанно воевал с Нюрнбергом и вымогал деньги у купцов. Поэтому купцы сами сопровождали свои товары, верхом, с мечом у седла; их жизнь была полна приключений.

Перевозка рыбы сухим путем и водой
(со старинной миниатюры)

Море также имело свои опасности. Маяков было немного, и кораблекрушения случались довольно часто, а по праву *bris, waresch* или *érave* сеньору или его держателям принадлежало все, что выбрасывалось на их берега. Один граф Леонэ получал этим путем 10 тысяч су годового дохода и любил говорить, что Примельская скала – «самый драгоценный камень в его короне». Окрестные крестьяне, не менее жадные и более наивные, ставили свечи и служили девятины, чтобы Господь послал им хорошие кораблекрушения; уверяют даже, что некоторые «кораблекрушители» не стеснялись разводить огни на береговых скалах или привязывать фонари к рогам коров, чтобы привлечь корабли к подводным камням. Словом, тысячи опасностей грозили купцу и путешественнику, и церковь препоручала их, как больных, ежедневным молитвам христиан.

Осуждение ссуд под проценты; лихоимство. Другим препятствием, тормозившим развитие торговли в

XII и XIII вв., было отсутствие кредитных учреждений. Каноническое право без устали боролось против отдачи денег в рост, которую оно осуждало, называя это лихоимством. Тем не менее, римское право, снова вошедшее в честь в XII в., в лице Аккурсия и первой Болонской школы поддерживало законность роста. Но церковь удвоила свою энергию: собор 1179 г. отказал нераскаянным лихоимцам в христианском погребении; собор 1240 г. признал их завещания недействительными; собор 1311 г. отдал их в руки инквизиции. В XIV в. это движение увлекло самих романистов, и вторая Болонская школа признала, что ссуды под проценты воспрещаются церковными законами. Итак, займодавцами могли быть только иноверцы, то есть евреи. То покровительствуемые, то гонимые, никогда не уверенные в завтрашнем дне, преследуемые слепой ненавистью, которая слагалась из религиозной нетерпимости и социальной зависти, запертые в свои гетто, отмеченные, как мишень для народных издевательств, обязательным для них костюмом – рогатым колпаком и желтым кружком на плече, изгоняемые из деревень, исключенные из корпораций, – они находили убежище в торговле деньгами и мстили своим обидчикам, давая им займы деньги под невероятные проценты. Филипп Август позволил им брать 46 на сто; на практике этот процент часто повышался до 60 или 100 на сто. Приводят в пример одного английского аббата, который, заняв 25 ливров, спустя четыре года должен был 840. Ростовщичество было бичом, против которого нуждающиеся плохо защищались; некоторые города, как Дерби и Лейстер, приобрели в виде привилегии право не допускать евреев в свои стены. Между тем короли часто толкали ростовщиков на эту дорогу ради своей собственной выгоды; они делались их сообщниками, налагая на них тяжелую дань. Налог, который взимал с евреев Ричард Львиное Сердце, составлял около тринадцатой доли всех доходов королевства. И когда разоренные евреи заявляли, что не могут платить, он присваивал себе их права, становился на их место и за них преследовал должников-христиан. Поэтому, когда в 1290 г. Эдуард I изгнал их из Англии, то в этом решении видели победу общественного

мнения, акт самоотвержения со стороны королевского фиска.

Тем не менее, несмотря на запреты церкви, некоторые христиане, начиная с XIII в., пристрастились к денежным делам: это были итальянцы или ломбардцы. Они сумели уклониться от церковных кар: основываясь на римском праве, легисты утверждали, что всякая просрочка в уплате займа наносит ущерб займодавцу и что последний для предупреждения этой опасности имеет право вписать в вексель пункт о неустойке. Это учение казалось настолько законным, что схоластики должны были допустить его. Пользуясь этой уловкой, итальянские купцы наживались не хуже евреев: они давали деньги займы безвозмездно, но брали в виде вознаграждения за каждую просрочку чудовищные проценты. Рост при таких займах достигал приблизительно 60 на сто в год. Вся Европа была ареной их деятельности. В 1236 г. небольшое число их явилось в Англию, называя себя банкирами римской курии, что оберегало их от местных отлучений; король взял их под свое покровительство наравне с евреями и из тех же соображений. Во Франции их жестокость и жадность заставляли население сожалеть об изгнании неверных.

В 1277 г. Филипп Смелый велел арестовать всех итальянцев, но вскоре затем он продал им за полтора миллиона ливров разрешение продолжать их сделки. Точно так же действовал Филипп Красивый. Станный способ искоренять зло посредством извлечения из него выгоды! В XIV в. к ломбардцам и евреям присоединились, взявшись за тот же род торговли, и другие христиане, именно менялы из Кагора; они вели себя немногим лучше и к ним относились не с большим уважением; они грабили и их грабили. Кроме этих крупных лихоимцев, в городах и деревнях было еще много других, но они действовали тайно, прикрывая ростовщические условия в своих контрактах безупречной формой. Руанский архиепископ Эд Риго сообщает нам, что подобные преступления совершались и духовными сановниками, между прочим канониками.

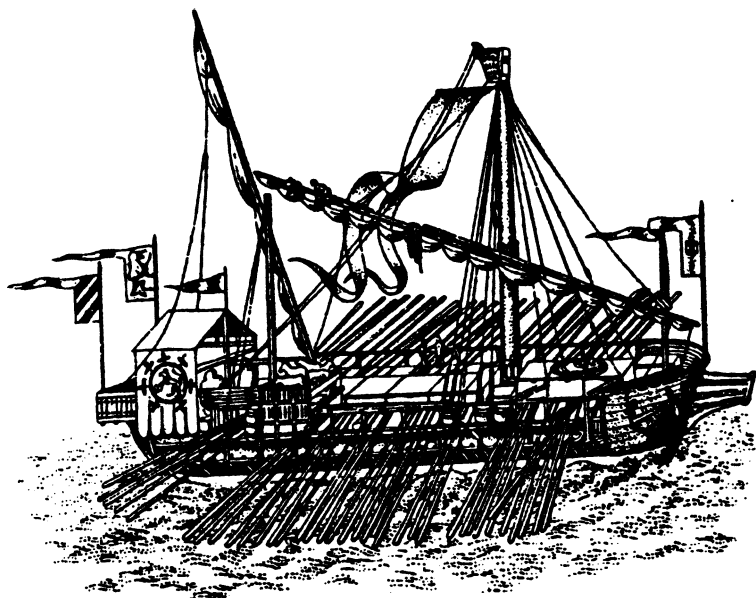
Легко угадать последствия таких порядков. Тем не менее, не следует преувеличивать влияние церковных запре-

щений, как это обычно делается, и видеть в них главное препятствие, парализовавшее торговлю в средние века. Дело в том, что это зло в значительной степени ослаблялось применением коммандита, которое начало распространяться в ту эпоху. Эта операция состояла в том, что капиталист давал займы купцу или ремесленнику необходимый основной капитал за право получать часть барыша, причем должник не брал на себя никакой ответственности. Она была разрешена церковью; Фома Аквинский считал ее дозволенной и папа Александр III также, по-видимому, допускал ее, так как приказывал помещать капиталы несовершеннолетних в торговлю, «чтобы они приносили честные барыши». Таким образом, предприятия, рассчитанные на большие промежутки времени, были вполне возможны. В некоторых центрах, где цивилизация стояла на более высоком уровне и среди развитого населения, покровительство, которым пользовался коммандит, оказывалось очень благотворным. Но в общем запрещения лишали торговлю одного из ее ресурсов.

Расширение торговли в XII и XIII вв. Ко всему этому следует прибавить, что в Европе циркулировало множество разнообразных монет, вследствие чего обмен был очень сложен; что экономическая политика королей часто была весьма плачевна; что право захвата (*droit de prise*), которым они пользовались в своих разъездах, было узаконенным грабежом; что законы против роскоши, к которым они неразумно прибегали, лишь уменьшали потребление, а вместе с ним и производство. Тем не менее, раз посвященный в тайны торговли, Запад не переставал черпать из этого источника наслаждений и богатств. В XII и XIII вв. общественный порядок все более крепнет, народонаселение увеличивается, сообщение становится легче, цивилизация – утонченнее и от берегов моря достигает отдаленных провинций: преграды падают, и площадь обмена расширяется. Торговля, вначале очень скромная, медленно освобождается от своих оков и в конце средних веков становится чрезвычайно деятельной.

Главные торговые пути и главные предметы торговли; Средиземное море. Те самые условия, при которых совершался обмен, более распространенный, чем

обильный, привели к ограничению количества торговых путей; вместо того, чтобы, как в настоящее время, рассеиваться во всех направлениях благодаря различным системам сообщения, расходящимися лучами от каждого центра производства, обмен шел по нескольким естественным и удобным путям, которые соединяли друг с другом главные промышленные центры и от которых поэтому купцы старались по возможности не уклоняться. Наиболее оживлены были те пути, которые служили для торговых сношений Европы с Востоком. Главной, можно сказать, единственной дорогой этой торговли (потому что дорога по Дунаю, как более дорогая, была почти оставлена) было Средиземное море. Вдоль и поперек его бороздили корабли, плывшие эскадрами, перевозившие паломников и крестоносцев в св. землю или Египет, направлявшиеся в Александрию за индийскими пряностями; на неисчерпаемых рынках Леванта, у которых уже давно ни один соперник не мог отнять их монополии, в Александрии, в приморских городах, в Константинополе и Трапезунде они закупали также сахар, лекарства, вроде алоэ, камфары, лаудана и ревеня, — аравийские благовония, ладан, который церковь вынуждена была брать у неверных, краски, вроде киновари, индиго, чернильного орешка, сирийские и китайские шелка, золотую и серебряную нитку, малоазиатские и персидские ковры, египетские бумажные материи, индийскую кисею, тирские и дамасские стеклянные изделия, китайский фарфор, цейлонский жемчуг, драгоценные камни, африканскую слоновую кость — словом, все предметы роскоши. Взамен Европа посылала Востоку суконные и шерстяные изделия Италии и Лангедока, особенно знаменитые фландрийские ткани, оружие, вино и масла. Генуэзские и венецианские судохозяева обогащались также и менее благородным путем, именно посредством торговли невольниками. Они отправлялись к берегам Черного моря, покупали красивых юношей и девушек и продавали их египетским мусульманам и даже богатым итальянцам. Однако вывоз европейских продуктов далеко уступал непрерывному ввозу естественных и промышленных продуктов Востока, и европейские купцы часто расплачивались за купленные ими товары известной

Венецианский корабль XIII в.

суммой звонкой монеты или слитками драгоценных металлов. Это обстоятельство должно было приводить в ужас средневековых государственных людей, потому что количество находившейся в обращении монеты было невелико, и недостаток в ней, увеличиваясь с каждым годом, в XV в. сильно давал себя чувствовать; между тем звонкая монета была в их глазах не только признаком богатства, но и самим богатством. Поэтому они запрещали увозить к неверным драгоценные металлы христиан, но торговые интересы оказались сильнее, и Восток не переставал поглощать европейские деньги.

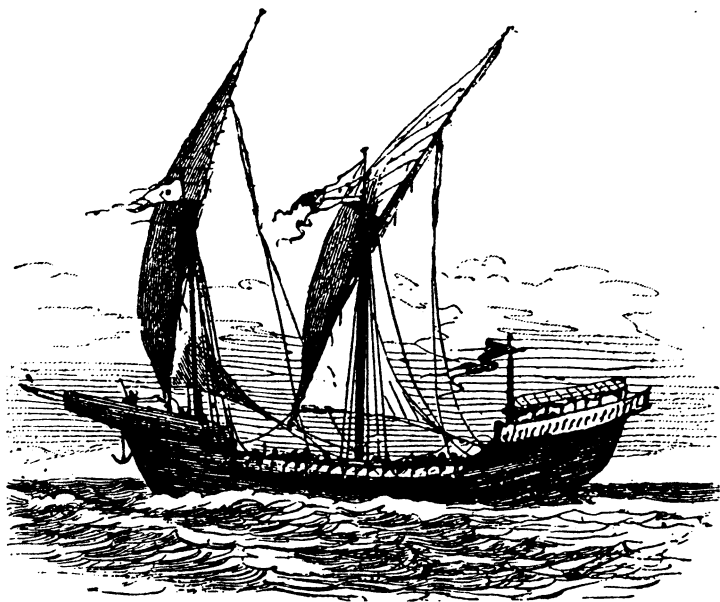
Северное и Балтийское моря. Другая дорога, параллельная Средиземному морю, открывала западноевропейским купцам доступ на скандинавские, немецкие и русские рынки: это были Северное и Балтийское моря; они заменили сухопутные дороги, как Средиземное море лишило значения дунайскую линию. Средние века были эпохой внутренних морей. Однако эта дорога сделалась центром оживленного обмена уже довольно поздно – в XIV и XV вв. В XII в. она

представляла столько опасностей и береговые жители так упорно противились цивилизации, что в то время в Северное или Балтийское море отваживались выходить лишь немногие смельчаки; только в XIII в. торговля начала здесь развиваться и приобретать постоянный характер. Но производившаяся здесь торговля была совершенно отлична от той, которая развилась на Средиземном море. Последняя снабжала Европу лишь предметами роскоши, Балтийское же и Северное моря снабжали ее сырыми продуктами. Любекские, бременские и амстердамские судовщики ездили в Англию за шкурами, в Берген – за норвежским лесом, в Швецию – за смолой и за древесной золой для окраски, в Ревель и Ригу – за продуктами, которыми торговали на новгородских ярмарках, за русскими мехами, кожами и салом. В обмен на эти товары, которыми они снабжали всю Европу, они приобретали в Брюгге высоко ценимые повсюду фландрийские ткани, а также пряности, съестные припасы и ценные вещи, привозившиеся сюда со Средиземного моря, и развозили их по северным странам. Наконец, источником обогащения была для них и рыбная ловля: народ в деревнях и даже в городах кормился отчасти рыбой, называвшейся *craspois*; эта сельдь привозилась в громадном количестве не с Северного моря, куда она еще не переселилась тогда, а с Балтийского, где она ходила громадными стаями.

Внутренние дороги. Таковы были те две большие торговые дороги, которые перерезывали Европу с запада на восток. Кроме того, она была изборождена с севера на юг множеством транзитных дорог, углублявшихся внутрь материка и расходившихся радиусами в разные стороны; по этим путям пускался торговец, развязывая свои корзины во всех центрах потребления, покупая проездом продукты местной промышленности и развозя до далекого Севера средиземные и восточные товары, особенно пряности; направляясь домой, он делал обратный объезд, и по этим самым дорогам товары Балтики, северных областей и особенно Фландрии распространялись на далеком расстоянии от берегов и достигали южных стран, откуда часть их доставлялась морем даже на Восток. Это были как бы всасывающие и нагнетательные насосы, непрерывно вбиравшие в себя и выбрасывавшие товары. Главным из этих

путей сообщения был путь, соединявший Германию со Средиземным морем. До XI в. немецкие купцы спускались по Дунаю, когда дорога была безопасна, и закупали в Константинополе восточные товары. Со времени возрождения морской торговли они предпочитали закупать их в итальянских городах, преимущественно в Венеции. Выехав из Венеции, они переходили Альпы через Бреннерское ущелье; затем одни спускались по Изеру и Дунаю по направлению к Австрии и Вене, другие, их большинство, спускались по Леху и направлялись в крупные центры, вроде Аугсбурга и Нюрнберга; те, которые хотели продолжать свой путь на север, направлялись к Рейну и по нему спускались в богатые округа Голландии и Фландрии. Другой торговый путь, более удобный, чем указанный выше, но менее оживленный, так как его не питал ни один первоградный порт вроде Венеции, соединял Лионский залив с северными морями. Он шел по Роне и Соне и затем делился на несколько ветвей: одна через Мозель вела к Рейну, Кельнской области и Северному морю, другая – через Маас, Сену и ее притоки открывала путь в Шампань, парижский бассейн, Нормандию, Фландрию и Англию.

Вообще купцы предпочитали речные дороги сухопутным, как более дешевые и более безопасные. Однако с половины XIII в. начинает устанавливаться регулярное сообщение и по большим дорогам, например через Бреннер. Точно так же купцы, ехавшие из Ломбардии во Францию, если не высаживались в Марселе или Эгморте, то переходили Альпы либо через Мон-Сени, либо через Малый Сен-Бернар, откуда спускались к Греноблю долиной Арка или Изера; либо шли через Большой Сен-Бернар, откуда направлялись к Женеве и к Lons-le-Saunier через ущелье Saint-Cergues; либо, наконец, переходили Сен-Готард, направляясь в Берн, а отсюда в Дижон через Понтарлье и Доль. Богатая и торговая Шампань сообщалась с Фландрией и Германией сухопутными дорогами. Париж соединялся с Лангедоком также тремя сухопутными дорогами: на Бордо и Пуатье, на Тулузу и Периге, на Пюи, Клермон-Ферран и Бурж; все три дороги сходились в Орлеане. Наконец, по сухопутным же трактам подвозчики свежей морской рыбы спешили из портов Ла-Манша на парижские базары.

Неф XIII в.

Океан и Ла-Манш. Север и юг Европы были соединены еще одной дорогой – морской, именно Атлантическим океаном и Ла-Маншем. Начиная с XII в. байонцы ловили китов в Гасконском заливе; они покупали в Испании свинец, олово и медь, во Фландрии – соленых сельдей, вывозили шерсть, кожи, коноплю и лен, воск и мед. Бордо вывозил, правда, на английских судах вина в Великобританию, вина и хлеб в Шотландию, Фландрию и Германию. Нант посылал соль, зерно, фрукты и полотно в Испанию, Англию, Фландрию и даже на берега Балтийского моря. Руан находился в постоянных сношениях с Лондоном; он имел контору на берегах Темзы и выменивал бургундские и французские вина на шерсть, медь, свинец и олово Англии и на продукты Прибалтийских стран. Слейс служил портом для могущественного города Брюгге, центра производства сукон и полотен. Наконец, в XIV в. венецианские суда, которых более не пугало плавание по океану, ежегодно предпринимали рейсы вокруг Пиренейского полуострова к берегам Англии и Фландрии.

Таковы были главные артерии торгового движения в XIII в. Они пересекались под прямыми углами и придавали Европе вид неправильной шахматной доски, горизонтальными линиями которой были Средиземное и Балтийское моря, вертикальные же образовывал ряд дорог с севера на юг – речных, сухопутных и морских.

Рынки. Эти большие и малые дороги были усеяны рынками, куда сходились купцы и потребители для заключения сделок. Рынков было в средние века бесчисленное количество: сеньоры устраивали рынки на своих землях и привлекали сюда купцов с тем большей настойчивостью, что взимали за продажу товаров и постановку лавок иногда довольно высокую плату.

Большинство этих рынков служили средоточиями чисто местной торговли. Другие привлекали купцов издалека и сделались крупными торговыми центрами; таковы были, например, рынки Руана, Реймса, Орлеана, Тулузы. Таков был гостинный двор в Париже, построенный Людовиком Толстым на равнине Шампо или *Petits-Champs* вблизи города и расширенный в 1183 г. Филиппом Августом. Это был настоящий восточный базар: торговцы швейным товаром торговали по пятницам, суконщики – по субботам; различные места были отведены кожевникам, сапожникам, медникам и торговцам железными изделиями, белошвейкам и лоскутникам, торговцам рыбой, зерном, мукой и хлебом. В дни, назначенные для торговли тем или другим товаром, коммерсанты данного цеха, имевшие лавки в Париже, обязаны были запираить свои магазины и торговать в гостинном дворе под страхом штрафа от 40 су и выше, который при каждом рецидиве удваивался. Лишь немногим корпорациям удавалось освободиться от такой обязанности, обыкновенно за изрядную сумму денег. Кроме парижских купцов здесь торговали и другие, не только из городского округа, но и из отдаленных провинций: различные корпуса были предоставлены суконщикам из Бовэ, Сен-Дени, Дуэ, Ланьи, Понтуазы, Шомона, Корби, Авеня, Омаля и Гонессы. Торговое оживление, господствовавшее здесь, приводило в изумление современников, и Жан де Жанден, составивший в 1323 г. «Похвалу Парижу», отказывается описать то, что видели его глаза.

Ярмарки. Существовали еще и другие рынки, которые действовали не постоянно, но где сделки достигали тем не менее очень крупных цифр, – ярмарки, где встречались торговцы всех стран. Сходиться периодически в определенные сроки и в определенных местах всегда было для крупных купцов единственным средством встречаться и обмениваться продуктами или продавать их мелочным торговцам, либо коробейникам, которые тут же и наполняли тюк, чтобы вновь начать свое вечное странствование. Средние века были периодом расцвета ярмарочной торговли, тогда как новейшая цивилизация сделала ярмарки бесполезными, хотя они и возрождаются под видом выставок.

Каждая страна, каждая область имела свою ярмарку. Очень оживленные ярмарки были в Италии и Испании, в Южной Германии и рейнских долинах, особенно во Франкфурте-на-Майне, в Дюисбурге и Ахене, где ярмарка была учреждена Фридрихом Барбароссой в 1173 г. Во Фландрии славились ярмарки Ипра, Брюгге, Турута и Лилля. В Англии главные ярмарки находились в Станфорте, Сент-Иве, Сент-Ботульфе, Винчестере и Нортхемптоне, а самая знаменитая – в Стурбридже близ Кембриджа, на поле, принадлежавшем бэрнуельскому монастырю: здесь оксфордские колледжи запасались перед постом копчеными сельдями. Но важнейшие ярмарки происходили во Франции: большим оживлением отличались ярмарки св. Романа в Руане, Каэне, Guingamp (Бретань), Дижоне, Тулузе, Каркасоне; особенно славились ярмарки Ленди, Бокэра и Шампани.

Лендиская ярмарка имела древнее происхождение; возможно, что она была прямой преемницей старой сен-дениской ярмарки, существовавшей в VIII в., но доказать этого нельзя. Она открывалась 11 июня на равнине Сен-Дени и продолжалась 15 дней; каждый город Франции имел на ней свое место, всякое ремесло – свои лавки. Здесь продавали все – от лошадей и плугов, до ковров и серебряной утвари. Ректор Парижского университета, профессора, студенты и помощники отправлялись туда процессией, запасались пергаментом, и только после этого купцы могли продавать его публике. Парижане усердно посещали ярмарку; это было модным: «J'achéterai cela au Lendit» (Я куплю это на Лен-

ди), – говорили они, когда им нужна была какая-нибудь новая вещь; они делали здесь свои закупки, но в то же время забавлялись, смотрели на гаеров, слушали менестрелей и пировали; студенты устраивали дикие оргии, после чего нападали на женщин и били горожан.

Бокэр, расположенный на Роне, недалеко от Марселя и Эгморта, в конце большой транзитной дороги, соединявшей Средиземное море с промышленными равнинами Северной Европы, привлекал на свою ежегодную ярмарку, которая в XII в. открывалась в мае, а позднее – 22 июля, купцов из Барселоны, Генуи, Венеции, Константинополя, Александрии и Леванта, Туниса и Марокко. Это было торговое сборное место Южной Франции.

Но пальма первенства бесспорно принадлежала ярмаркам Шампани. Расположенная в центре цивилизованной Европы, соединенная с Ла-Маншем Обом, Марной и Сеной, с Средиземным морем – Соной, гранича с Маасом, находясь недалеко от Рейна, эта провинция, благодаря своему географическому положению, сделалась крупным торговым центром, к которому со всех сторон сходились торговые пути Европы. Шампанские графы извлекали пользу из этих выгодных условий с редким благоразумием; взимаемые ими сборы были не тяжелы, и, с другой стороны, они ручались за безопасность купцов, обеспечивая им даже до въезда на шампанскую территорию «пропуск» на ярмарку; с этой целью они заключили конвенции с французским королем и бургундским герцогом. В царствование Людовика VII несколько менял из Везеля были ограблены сыном сансского виконта; граф Шампанский Тибо Великий тотчас написал Сугерию, что, если он не накажет преступника по закону, то он «принужден будет, скрепя сердце, уничтожить ярмарки». Если преступление совершалось далеко, на землях незнакомого или враждебного сеньора, который отказывался вознаградить пострадавших за убытки, то граф умел в случае надобности внушать уважение к своим охранным листам: он не допускал на рынки соотечественников виновного и снова разрешал им доступ только тогда, когда получал удовлетворение. В 1315 г. слуга герцога Фридриха IV Лотарингского заставил одного итальянского купца заплатить

себе выкуп; граф потребовал удовлетворения, но герцог отказал ему; в конце концов, после 18-летней войны преемник Фридриха покорился. Точно так же шампанские графы ничего не жалели, чтобы обеспечить спокойствие на ярмарках и законность сделок: суд и высший надзор были вверены двум смотрителям (*custodes* или *magistri nundinarum*) и канцлеру, которому помогали лейтенанты, конные и пешие сержанты, поддерживавшие порядок в этой толпе купцов всех наречий и во всевозможных костюмах, бродяг, развратников и нищих. Контракты составлялись нотариусами, которые за небольшую плату прикладывали к ним ярмарочную печать. Наконец, торговые векселя были вполне обеспечены, так как заимодавец имел право завладеть имуществом своего должника; если должник не платил, то он был обесчещен и мог вернуться только тогда, когда отдавал долги. Природа и политика сделали из Шампани несравненный торговый центр.

В XIII в. в Шампани было шесть ярмарок: по одной ежегодно в Ланьи и Баре, по две весной и в сентябре – в Провене, и по две – в июле и осенью – в Труа. Каждая из них продолжалась в среднем 48 дней; они следовали друг за другом почти без перерыва. Самыми значительными были майская ярмарка в Провене и июльская, или «жаркая», в Труа.

Сюда являлись купцы из всех стран: французы из всех областей, кроме Бретани, Анжу и Гаскони, фламандцы, немцы из Южной Германии и рейнских провинций, итальянцы, испанцы и небольшое число провансальцев и англичан. Всякий привозил свою долю товаров; любая нация, даже каждый город имели своего консула или капитана. Итальянцы, кроме своих 23 консулов (в 1278 г.), имели *ректора*, который был их официальным представителем при графе. Восемь первых дней шла раскупорка и расстановка товаров, на девятый – начиналась настоящая ярмарка. Затем в течение 10 дней выставляли и продавали материи: шерстяные ткани, пикардийские и фландрские ковры, французские и немецкие полотна, южные и восточные бумажные ткани, гемуэзские, ломбардские и венецианские шелка и индийские муслины; это – *суконные дни*. «Hare! Hare!» – кричали сержанты вечером десятого дня, и сукна исчезали. Они ус-

Горнорабочий.
Витражи из собора во Фрейбурге. XIII в.

тупали место испанским козам и пушному товару; тут выставялись фландрские и немецкие подделки испанских и марокканских кож, ганзейские шкуры и меха. Но торговцы весовых товаров торгуют с самого начала ярмарки; тут мы находим пряности, медикаменты, краски, соль, сало, а также шелк-сырец, коноплю и лен. Барышники до последнего часа расхваливают достоинства своих лошадей и вьючных животных, крестьяне превозносят качества своего скота. Наконец, менялы устанавливают свои столы, покрывают их ковром, ставят весы, раскладывают мешки со слитками и различными монетами, и на этих скромных столиках оканчиваются все сделки ярмарки. Это огромный муравейник; тут есть все – и жонглеры, и фокусники, и публичные женщины; один запасается товаром, другой продает; маклеры

ходят от одного к другому; тут разговаривают, справляются, спорят, вычисляют, обращаются друг с другом по-приятельски, но иногда слышны крики и клятвы: «En non Diu, par les membres ne par la vie, je n'en donrai mie por mains! – Ne par la cervele ne par la boche, je n'en donrai plus!» – «Hare! Hare!» – кричал глашатай, и ярмарка закрывалась.

Главные центры торговли в XIII в. Вот как далеко ушла Европа от X в., от того скудного времени, когда каждое поместье должно было само удовлетворять свои нужды, когда целые селения могли вымирать от голода и когда обмен не ослаблял этого зла. Некоторые города воспользовались этим возрождением лучше других, и они до конца средних веков остаются торговыми метрополиями Европы. Таковы были в Германии города Баварии, которые питал великий итальянский торговый путь, например, Аугсбург и Нюрнберг; таковы были также порты Балтийского и Северного морей – Любек, Гамбург и Бремен. Во Франции такую же роль играли города Фландрии и Пикардии, особенно Гент, Брюгге и Ипр, продававшие свои ткани по всему свету. Что касается Англии, – одно название которой вызывает теперь у нас представление о всемирной торговле, судоходных реках и каналах, превосходных гаванях, кишущих судами, набережных, заваленных самыми разнообразными товарами, – то в XIII в. она играла в торговом отношении ничтожную роль. Ни один центр торговли в мире не мог сравниться по оживлению и величине торгового оборота с портами Средиземного моря, вроде Барселоны и итальянских городов. Если Амальфи была разрушена норманнами, то Пиза имела конторы в Птолемаиде, Тире, Триполи, Антиохии и Константинополе. Генуя, которая помогла Палеологам низвергнуть Латинскую империю в Византии, обладала чрезвычайно важными торговыми пунктами Архипелага – в Хиосе, Митилене, Тенедосе и Смирне; в Константинополе ей принадлежали два предместья, Пера и Галата; завладев Кафрой и Азовом, она обеспечила себе торговлю на Черном море. Ее соперница Венеция была еще богаче. Между метрополиями и их колониями происходил постоянный обмен продуктами; эти три города держали в своих руках, как монополию, всю торговлю с Востоком.

Организация труда в средние века

Торговые ассоциации. Торговые общества; ломбардцы. Колонии; конторы и консулы. Ганзы. Организация промышленного труда; происхождение цехов. Выучка. Рабочий. Патронат. Отношения между патронами и рабочими. Цеховая монополия. Регламентация труда. Автономия цеха. Администрация цеха. Экономическое положение ремесленника. Критика средневековой корпоративной системы. Братства. Заключение.

Торговые ассоциации. Главной отличительной чертой торгово-промышленного строя средних веков является ассоциация. Ремесленники и купцы, соединившись в общины, сделались горожанами и вместе со свободой завоевали себе льготы и привилегии. Ассоциация, давшая им свободу, позднее способствовала их благосостоянию, но по мере того, как развивались промышленность и торговля, она приняла новые формы, приспособленные к новым условиям и внушенные прямым интересом. Число групп увеличивается, торговля более прежнего обособляется от промышленности, ассоциации становятся соперниками и стараются приобретать привилегии и монополии.

На севере Франции, в Нидерландах, на берегах Рейна в начале XII в., а может быть и раньше, в каждом городе образовались ассоциации купцов, которые приобретали привилегии и вскоре добивались права надзора и юрисдикции не только в торговле, но часто и в областной промышленности; это были купеческие *гильдии*, называвшиеся в некоторых странах также *ганзами*. В некоторых городах эти ассоциации слились с коммуной, чаще они оставались обособленными, но почти всегда они умели приобретать первенствующее положение. Купцы, входившие в них, не складывали своих капиталов, но составляли нечто вроде синдиката с целью устранять конкуренцию, взаимно поддерживать друг друга, обезопасить себя от риска и обеспечивать себе сбыт и привилегии. Так, руанская гильдия обладала с XII в. монополией на нормандскую торговлю с Ирландией, конторой в Лондоне, льготами на английских ярмарках и исключительным правом торговли на Нижней

Сене; парижская ганза, со своей стороны, добилась исключительного права навигации по реке в пределах королевского домена; arrasкая гильдия была освобождена от дорожных пошлин, которыми облагались в Бопоме все товары, шедшие во Фландрию или из нее.

Торговые общества; ломбардцы. На юге Франции и особенно в Италии ассоциации купцов приняли особую форму – торговых обществ, которые отличались от северных ассоциаций тем, что члены его соединяли свои капиталы для общих предприятий и затем делили между собой барыши. Такие совместные предприятия, редко встречавшиеся в средневековой промышленности, были уже в XIII в. душой торговли.

В Италии торговое общество получило свое настоящее устройство, и там же оно, по-видимому, и возникло. Поэтому итальянские общества играют на рынках Западной Европы более видную роль, чем торговые общества других стран. Во Флоренции, Пизе, Лукке, Сиенне, Милане, Генуе, Венеции и Риме существует по нескольку крупных фирм, которые уже не довольствуются одним посещением ярмарок; они имеют постоянных представителей в больших торговых городах – в Лондоне, Париже, Монпелье, Брюгге и Лилле. В одном Париже насчитывалось в 1292 г. 16 итальянских обществ. Флорентийские фамилии Барди, Фрескобальди, Перуцци принимали участие во всех крупных сделках материка и Англии. С торговлей в собственном смысле, то есть с транспортной торговлей, итальянские купцы, которых всех безразлично называли ломбардцами, соединяли разменные и банковские операции. Отчасти благодаря им урегулировалась торговля деньгами и вошел в употребление кредит к великой выгоде торговли и промышленности. По-видимому, они же выдумали в XIII в. для нужд своей торговли вексель и при всяком удобном случае распространяли его употребление.

Колонии; конторы и консулы. Купцы, оперировавшие за собственный счет или за счет торговых обществ в иностранных городах, создали для взаимного обеспечения другой вид ассоциации. Купцы, говорившие одним языком или происходившие из одной страны, соединялись и сооб-

ща владели конторами, складами и базарами. Каждая группа стояла под покровительством одного лица, именовавшегося в торговых городах Запада *капитаном*, а в портах Средиземного моря – *морским консулом*. Он пользовался дисциплинарной властью над своими соотечественниками и поддерживал их на суде в случае споров с местными жителями или с купцами других стран. Таково происхождение консульств.

Ганзы. Иногда образовывались конфедерации более крупные, чем компании и общества; такие товарищества носили название ганз. Наиболее известным из них был знаменитый ганзейский союз, торгово-политическая конфедерация балтийских городов, возникшая в XIII в. Но существовало и множество других ассоциаций того же рода, из которых одни исчезли вскоре после своего появления, а другие просуществовали несколько веков. К числу последних принадлежали главным образом Ганза семнадцати городов и Лондонская ганза.

Так называемая Ганза семнадцати городов в действительности насчитывала к концу XIII в. около 60 городов, но название, данное ей по первоначальному числу городов, пережило позднейший прирост. Эта ассоциация образовалась в начале XIII в. вследствие соглашения купцов семнадцати больших мануфактурных городов Шампани, Фландрии, Пикардии и Геннегау; целью ее была торговля на шампанских ярмарках. К ней постепенно присоединились купцы, привозившие на ярмарки произведения брабантских, нормандских и французских мануфактур.

Лондонская ганза была открыта, по-видимому, для всех купцов германской расы, посещавших английские ярмарки; но нам хорошо известна организация только фламандской ветви. Центром этой ассоциации был Брюгге; кассу хранили эшевены этого города, и директором компании мог быть только гражданин Брюгге. Этот директор назывался *графом*; при нем состоял помощник из граждан Ипра, носивший титул оруженосца (*de schildrag*), и совет, состоявший из неравного числа представителей от каждого из союзных городов. Между статьями союзного договора надо отметить следующие: обязательство не иметь сношений с купцом, обманувшим

ганзейца, запрещение принимать в ганзу людей, работающих своими руками (устав упоминает специально о валяльщиках, ткачах, плотниках, сапожниках, малярах, «имеющих синие ногти» медниках и т. п.). Во избежание обманов при вступлении в члены союза от вступающего требовалось представление свидетельства о том, что он не ремесленник или что он бросил свое ремесло более года и одного дня назад; это удостоверение выдавалось эшевенами каждой коммуны при уплате одной марки золотом. Право вступления в ганзу можно было купить в Лондоне, Винчестере или в одном из больших торговых портов Англии или Шотландии. Для этого требовалось присутствие шильдрага и известного числа посредников. На материке члены принимались только в Брюгге. Сын ганзейца платил за вступление лишь 5 су и 3 денье, прочие платили по 30 су и 3 денье. Ганзейские города, поименованные в учредительном акте, были: Брюгге, Ипр, Диксмюд, Арденбург, Уденбург, Дамм, Турут, Турнэ, Лилль, Орши, Фюрн, Дортбург, Изендик, Тер-Мюйден, Берг, Байлейль и Поперинг. В ассоциации участвовали четыре французских города. Следует заметить, что мы не находим в ней ни Гента, ни Дуэ, торговое значение которых было, однако, довольно велико; может быть, отсюда следует заключить, что они не хотели участвовать в союзе, который стремился монополизировать всю английскую торговлю в руках крупной буржуазии. Как бы то ни было, эти два города и некоторые другие в 1261 г. возобновили в Нортхемптоне договор, заключенный 20 лет назад, целью которого было создать лигу против обманов в торговле.

Организация промышленного труда; происхождение цехов. Как оптовые торговцы составляли могущественные ассоциации, так и промышленники соединились в тесные союзы и составляли прочно организованные общества – *корпорации*.

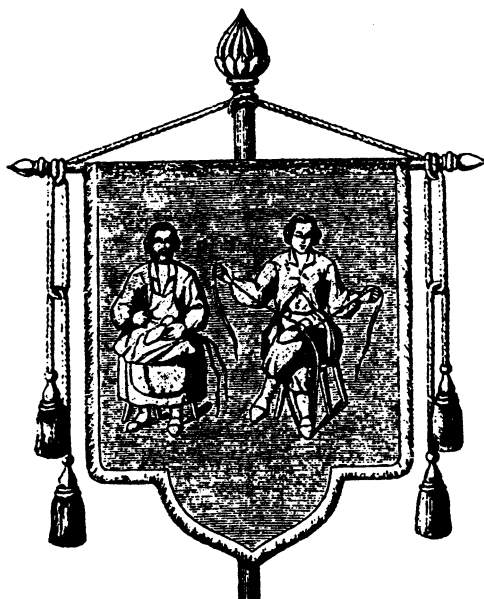
В средние века корпорация называлась обычно *цехом* (по-французски – *métier* или *corps de métier*, по-немецки – *Zunft*). Цех был ассоциацией всех ремесленников данного города, занимавшихся одной и той же профессией: так, всякий золотых дел мастер, оседло живший в Париже, был членом ювелирного цеха, и никто не мог продавать старо-

го платья, не принадлежа к цеху старьевщиков. Все мастеровые без исключения должны были подчиняться цеховой дисциплине.

Откуда произошел этот институт? За неимением точных документов ученые долго спорили о его происхождении¹. Было бы, может быть, благоразумнее всего примириться с незнанием, которое недостаточность документов делает неизбежным, и сказать себе, что ассоциация была в средние века общераспространенным институтом, что к ней естественно должны были прибегать в ту пору, когда обособленность была опасна, что форму корпорации принимала всякая профессия, даже свободные профессии, как занятия врачей, членов университета, менестрелей, даже нищих и развратников, что промышленные работники, по мере того, как число их возрастало, неизбежно увлекались на тот же путь.

Удалось, по крайней мере, определить происхождение слова «*métier*». В эпоху каролингского упадка города при-

¹ Одни предполагали, что некоторые римские коллегии неизвестным образом сохранились в период меровингской анархии, ожили вместе со всей культурой и послужили образцом для остальных корпораций; именно в Парижской ганзе, древность которой констатировал Людовик VII в 1121 г., они видели древнюю коллегию *Nautes*, посвятившую во времена Тиберия алтарь Юпитеру. Другие историки считали более основательным искать начало корпорации в Германии и думали найти его в гильдиях, присяжных товариществах, члены которых обещались помогать друг другу и мстить один за другого; это были собутыльники, скреплявшие свой союз частыми пиршествами и оргиями; такие гильдии существовали и в Галлии, и так как они были причинами беспорядков, то Карл Великий запретил их; но обе эти гипотезы одинаково мало обоснованы. Ни один средневековый памятник не указывает на пережитие римской коллегии, этого подточенного червями члена империи, который разложился задолго до того, как разложился весь организм, — и, наоборот, многие документы свидетельствуют о существовании совершенно иного промышленного строя. Ничто не дает романистам права пополнять таким образом пробелы веков и говорить о преемственности, которой история, как бы она ни была снисходительна, не может распространить, по крайней мере, на германские страны. Что касается гильдий, то они состояли из свободных людей; между тем класс свободных в течение первых столетий средневековья почти исчез. Кроме того, гильдии отнюдь не имели коммерческого или промышленного характера; между этими компаниями кутил и цехами был только один общий пункт — именно, сам принцип ассоциации, присущий всем странам.

Цеховая хоругвь башмачников

надлежали королям, прелатам или вельможам; ремесленники были рабами или держателями сеньора и работали на него и на его людей; они были разделены на небольшие группы по родам труда, которому они посвящали себя, и каждая из этих групп называлась *ministerium*, обозначавшее службу и превратившееся в народном языке в *métier*. Мало-помалу ремесленники освобождались, и господин оставлял им прибыль от их работы, взимая с них за то известную дань; они же оставались объединенными, и их общества продолжали называться *métiers*, хотя уже не несли никакой службы.

Цехи образовались повсюду в XI и XII вв. Древнейший парижский цеховой устав, именно устав свечного цеха, помечен 1061 г. Хартия 1134 г., касающаяся мясников Большой бойни, упоминает об их «старинных лавках», а другой документ от 1162 г., говорит о «древности кутюм, которыми они издавна пользуются». В 1160 г. кожевенная промышленность была уже организована, так как Людовик VII пожаловал одному лицу наследственное гроссмейстерство в пяти корпо-

рациях: чеботарей, портупейщиков, сапожников, сыромятников и кошелевых мастеров. Наконец, Филипп Август даровал или подтвердил привилегии множеству корпораций, и около 1200 г. эти общества были уже вполне организованы. В течение XIII в. они продолжали развиваться: когда парижский прево Этьен Буало, в царствование Людовика Святого, предложил занести их статуты в реестр, то на этот призыв откликнулось около ста корпораций, и несколько лет спустя, по податной переписи 1291 г., в Париже насчитывалось 4159 цеховых, разделенных более чем на 350 профессий. Тот же режим установился тогда же и во всей остальной Франции, и за границей. Но нигде он не был так суров и так мелочно регламентирован, как в Германии и Фландрии. Наоборот, в городах юга, где торговля была более развита и культура стояла на более высоком уровне, он был мягче, свободнее; мало того, он даже не господствовал там исключительно. В Монпелье и Лиможе корпорации не могли сохранять за собой монополии, так как они не ограничивали числа своих членов, принимали иностранцев и носили скорее характер религиозных или благотворительных обществ. Но это различие с каждым днем уменьшалось; уже в XIV в. оно было менее резко, а затем и совсем изгладились. Ремесленники Лангедока и Лимузена, стремясь устранить конкуренцию, списали свои статуты с уставов парижских корпораций; они увеличили число своих регламентов и воздвигли препятствия против пришлых людей: вслед за Севером дух исключительности проник и на Юг. Это было одним из последствий территориального и монархического объединения.

Число цехов было различно в разных городах; в Париже их было более ста, в некоторых городах Германии – не более восемнадцати или двадцати. Иногда несколько механических ремесел были соединены в одну корпорацию; иногда, напротив, одно ремесло делилось на несколько ассоциаций. Так, парижские торговцы четками составляли три различных цеха: одни делали четки из кости и рога, другие – из амбры и черного янтаря, третьи – из раковин и коралла. Парижские башмачники составляли три различных общества: чеботарей, сапожников и изготовлявших башмаки из испанской кожи; шляпники делились на пять корпораций. Таким образом, чис-

ло корпораций в том или другом городе не могло служить верным мерилom его промышленного развития.

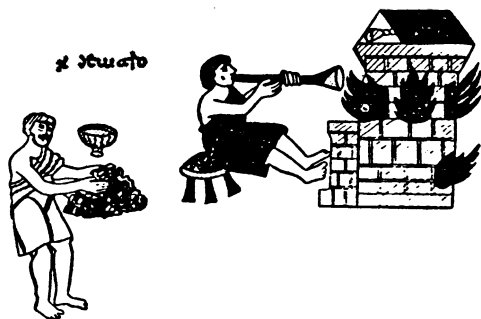
Выучка. Каждая из этих общин была подчинена статутам, вначале весьма кратким, но становившимся с каждым днем все более обстоятельными.

При своем вступлении в цех ремесленник обязан был пройти курс обучения. Даже сыновья мастеров редко могли избежать этого. В цехе поваров-жарильщиков сын мастера, не знавший своей профессии, имел право поручать работу от себя выученному мальчику, пока он сам, по мнению старшин, не становился способным к работе. Но и это временное изъятие было исключением. Этот закон имел важные последствия: всякий средневековый мастер был работником и учеником и знал технику своего ремесла.

Введение нового ученика в мастерскую не было частным актом; оно служило предметом торжественного контракта, текст которого был определен статутами и который устанавливал взаимную связь между двумя сторонами и налагал на них известные обязанности. Он заключался при свидетелях, часто при двух мастерах или в присутствии экспертов цеха. Как правило, ребенка передавали новому патрону его родители, иногда же прево или сама корпорация, если он был сиротой или покинут родителями. Во Франции вступление в выучку несколько не зависело от происхождения кандидата, но в Германии он должен был быть законного происхождения, что доказывалось свидетельством о его крещении. Зато число учеников, которое мог принимать в выучку мастер, было весьма ограничено: во времена Этьена Буало из 78 цехов в 49 число их колебалось от одного до трех, и лишь в 29 оно не было ограничено. Однако исключение делалось для сыновей мастеров, которые всегда имели право учиться ремеслу своего отца. Кроме того, когда ученик доучивался последний год, патрон мог взять другого, чтобы заместить первого без перерыва. В основе этих правил и уклонений от них лежал один и тот же принцип, именно интерес корпорации. Правда, статуты утверждали, что эти ограничения направлены ко благу учеников. Это было совершенно верно, но в то же время и корпорация извлекала выгоду из этих строгих правил: она боялась

перепроизводства и свободной конкуренции; ограничивая число учеников, она тем самым ограничивала в будущем число мастеров и преграждала новым пришельцам доступ к дележу выгод. По той же причине сыновья мастеров, которых само рождение ставило у порога их корпорации, имели право во всякое время вступать в нее. По основному социальному принципу нашего времени всякий имеет право выбирать тот род труда, который ему нравится, рискуя нанести ущерб тем, кто раньше его занимался этим делом; наоборот, принцип, лежавший в основе экономического строя средних веков, гласил, что всякое ремесло принадлежит тем, кто занимается им.

Срок выучки почти всегда определялся статутами и был вообще продолжителен. Обыкновенно он колебался между тремя и двенадцатью годами: в Париже, чтобы сделаться резчиком хрустальных печатей, нужно было учиться 10 лет, а чтобы приобрести право выделывать четки из коралла и раковин, – 12. Необычайная строгость этих правил объясняется многими причинами. В средние века разделение труда находилось в зачаточном состоянии; ювелиры изготовляли самые разнообразные вещи из золота, серебра и меди, служившие для убранства и украшения церквей и домов, но при этом они сами обрабатывали сырой материал. Они сами плавил металл, плющили его, делали сплавы, чеканили, гравировали, покрывали эмалью; наконец, как все средневековые ремесленники, они сами изготовляли свои инструменты – молотки, щипцы, подпилки. Все это были разнообразные искусства, которые им приходилось изучать, так что долгий срок выучки не был слишком велик. Но это не единственная причина; она не объяснила бы нам, почему требовалось 10 лет, чтобы сделаться проволочным мастером (это ремесло считалось одним из простейших), то есть столько же, сколько нужно было для достижения звания ювелира. Здесь нужно принять во внимание другую капитальную причину, с которой мы в дальнейшем изложении будем встречаться на каждом шагу, – именно выгоду корпорации. Мастерам было выгодно удлинять срок обучения, потому что оно обеспечивало им даровые услуги рабочих, которые после нескольких лет выучки становились опытными. Кроме

Средневековая стеклодувная мастерская

того, благодаря этой системе ученики не так часто сменяли друг друга, и цех не переполнялся рабочими.

Ученики и мастера принимали на себя взаимные обязательства. Ученик должен был уплатить своему патрону известную сумму, которая в Париже колебалась между 20 и 30 су, – ввиду того, что в первое время хозяин только тратился на ученика и не получал от него никакой пользы¹. Он был обязан оставаться на своем месте условленное количество лет, и если нарушал контракт, хотя бы по самым уважительным причинам, например, по слабости здоровья, то должен был вознаграждать патрона за тот убыток, который он причинял ему своим уходом. Он был неразрывно связан с патроном, должен был уважать его, не мог давать против него показаний на суде; лишь в немногих корпорациях, как например, в парижском цехе ткачей, обиженный ученик имел право жаловаться магистру цеха; последний делал выговор виновному, и если тот продолжал дурно обращаться с учеником, он мог даже отобрать ребенка и поместить его в другое место. Если ученик убегал, его разыскивали и возвращали насильно; после третьего побега он навсегда

¹ В некоторых корпорациях он мог заменять эту плату несколькими дополнительными годами работы. Так, в Париже ученик ткача уплачивал 4 ливра, если поступал лишь на четыре года, 3 – если поступал на пять лет, 1 – если на шесть, а если поступал на семь лет, то не платил ничего. В этом случае полагали, что требуемая плата равна барышам, какие принесла бы его работа в течение тех лет службы, от которых он освобождался.

исключался из цеха. Он настолько принадлежал своему патрону, что тот, бросая ремесло, мог продать ученика кому-нибудь из своих собратий, и некоторые из рабочих прибегали даже к такой уловке: они становились хозяевами, открывали лавку, брали ученика, тотчас же перепродавали его и, получив барыш, закрывали мастерскую и снова поступали на службу. Если мастера пользовались почти неограниченной властью над учениками, то со своей стороны они должны были вести безупречную жизнь и быть опытными в ремесле. «Никто, – гласит статут ковалей проволоки, – не должен брать учеников, если он не настолько мудр и богат, чтобы мог учить и воспитывать их». Кроме того, мастер должен был иметь помещение и обучать учеников в своей собственной мастерской; был случай, когда прево уничтожил контракт на том основании, что хозяйка, принявшая ученика, не имела мастерской и ходила на работу в город. Они должны были давать помещение, одежду и пищу своим помощникам, «les tenir à leur pain et à leur pot»; если ученик хотел жениться и жить на стороне, то в некоторых цехах хозяин обязан был давать ему 4 денье за каждый рабочий день; даже тогда, когда присяжные смотрители общины удостоверяли опытность ученика и давали ему свидетельство о правоспособности, патрон должен был выплачивать ему небольшое жалованье или единовременную сумму; из тех же соображений корпорация кровельщиков бесплатно снабжала инструментами всякого ученика, отбившего свой срок.

Однако статуты гораздо точнее определяли обязанности учеников, чем обязанности мастеров. В XIV в. прево Шатлэ внушает фабриканту дрожжей, что сам он может бить своего ученика, если считает это необходимым, но не может передавать этого права своей жене. Так как статуты в принципе допускали телесное наказание, то этот способ исправления неминуемо должен был приводить иногда к уголовным преступлениям. Документы, особенно XIV в., содержат немало таких примеров: один парижский ювелир избил своего ученика связкой ключей, и у того оказалась дыра в черепе и две шишки; некая Изабелла Берод повторяла на смертном одре, что умирает вследствие жестокого обращения с нею, что ее хозяин бил ее и топтал ногами.

Рабочий. Ученик почти не причислялся к цеху; зато он вступал в него вполне, лишь только кончал свое учение и становился *valet*, то есть рабочим. Число рабочих, которых мог нанимать мастер, не было ограничено: ограничений, которыми было обставлено поступление в выучку, было вполне достаточно для предупреждения избытка рабочих рук. Если некоторые статуты и запрещали патрону нанимать много рабочих, то лишь для того, чтобы наиболее богатые фабриканты не могли сосредоточить все производство в своих руках. В мастерские нанимались и пришлые рабочие, но для этого они должны были представлять свидетельство о прохождении курса выучки и отпускной билет от своих хозяев и подчиняться обрядам и обычаям цеха, в который они вступали. Некоторые корпорации ставили им еще особые условия: фабриканты застеек в Париже принимали провинциальных рабочих и подмастерьев лишь в том случае, если они уже работали раньше 8 или 9 лет, а пирожники не принимали такого рабочего, который не мог сделать в день тысячу маленьких пирожков, так называемых *nielles*. Наконец, почти все статуты отказывали в приеме рабочим, известным своей дурной жизнью. Средневековый ремесленник любил путешествовать; уже в XIV в. ордонансы упоминают о множестве мастеровых, переходивших из города в город, «чтобы учиться, видеть и узнавать друг друга».

Способ поступления на службу был крайне прост: не существовало ни контор, ни бирж – все делалось на площади. Под страхом денежной пени рабочие каждое утро являлись на свое сборное место (обычно на перекресток) и там ждали нанимателя; в тех профессиях, где рабочий нанимался на неделю, как например, у сен-дениских ткачей, эти собрания происходили не ежедневно, а еженедельно. Рабочие могли наниматься только к мастеру, и статуты запрещали им предлагать свои услуги прямо публике. Этот обычай, благодаря которому в один день и час и на одном месте собирались все наемники одного и того же цеха, чрезвычайно облегчал организацию союзов и стачек; они легко могли сговариваться и поддерживать друг друга. Так иногда и случалось, и именно поэтому в середине XIII в. руанским ткачам навсегда было запрещено собираться в том месте, куда

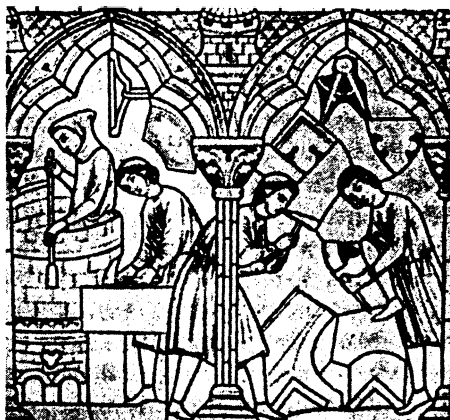
они обыкновенно сходились. «Каждый раз, когда они собирались на указанном месте для найма, – писал руанский балльи в 1285 г., – они затевали сборища и заговоры, незаконно и произвольно повышали плату и делали много других дурных дел, которые наносили вред общине суконщиков и всему городу Руану».

Статуты точно определяли обязанности рабочего. Он нанимался на один день, на неделю или на год. До конца срока он не мог покинуть своего хозяина под страхом штрафа, и патрон, нанимавший такого рабочего, со своей стороны подвергался наказанию. Рабочий мог заключать новый контракт лишь за месяц до окончания срока своей службы. Как правило, он жил отдельно и на своих харчах; изредка рабочий получал стол и квартиру от хозяина; но он не имел права работать у себя на дому, потому что домашняя работа шла вразрез с подозрительным характером этого промышленного законодательства. Рабочий день был велик – он продолжался от восхода до заката солнца; таким образом, он колебался, смотря по времени года, между 16 и 18,5 часами; отсюда надо вычесть время для еды. Но относительно этого пункта в некоторых цехах существовали особые правила. В XIV в. вальщики работали зимой с шести часов утра до пяти часов дня, летом – с пяти часов утра до семи вечера, то есть их рабочий день состоял то из одиннадцати, то из четырнадцати часов. Хотя ночная работа была вообще запрещена, но в некоторых производствах рабочие работали и после сумерек, а на *vesprée* (ночная работа), которая кончалась поздно ночью, они нанимались отдельно и брали за нее особую плату. Но наиболее странным был порядок, которого придерживались стригуны-суконщики в Париже: с октября по февраль они садились за работу в полночь; на заре они отдыхали полчаса; в девять часов им давался час на завтрак; с часу до двух пополудни они обедали и затем снова работали до захода солнца; в общем это составляло свыше 13,5 часа действительной работы. Остальную часть года их рабочий день продолжался от восхода солнца до сумерек. Позднее это изнурительное распределение работы было оставлено, и, несмотря на оппозицию хозяев, зимний рабочий день стригуна был уменьшен до 9,5 часа действительной работы. Мастерские открывались

и закрывались по сигналу, который давал приходский колокол или общественный глашатай; в промышленных городах, вроде Амьена или Турнэ, существовал особый колокол, который призывал рабочих на работу и возвещал им отдых и конец рабочего дня. Наконец, рабочие обязаны были вести нравственную жизнь: корпорации исключали из своей среды воров, убийц, гуляк и мастеровых, живших в незаконной связи; если в цехе оказывался такой недостойный член, то товарищи должны были заявлять об этом, и никто уже не соглашался принимать его.

Взамен этих многочисленных обязанностей рабочий обладал также некоторыми правами. Он был огражден от конкуренции со стороны; в некоторых цехах было запрещено нанимать иногороднего, пока хотя бы один член корпорации оставался свободным; точно так же мастерам было запрещено пользоваться в своем ремесле услугами своей жены или соседей, чтобы избежать этим найма рабочих; хозяин не мог отказать рабочему, не доказав, что имеет на это законные причины. В 1321 г. рабочие-валяльщики принесли в суд жалобу на своих патронов, которые брали слишком много учеников, нанимали пришлых людей и помогали друг другу растягивать ткани на веревках; они получили удовлетворение по всем пунктам, и хозяева на будущее время отказались от этих уловок. Это были драгоценные гарантии. Если труд рабочего был тяжел, то, по крайней мере, раз он был включен в корпорацию, за ним признавали право на труд.

Патронат. Точно так же путь к получению звания мастера был открыт для него. Доступ к этому званию еще не был обставлен ограничениями, и происхождение кандидата не подлежало никаким условиям. Только лавки Большой бойни в Париже принадлежали одним и тем же фамилиям и переходили от отца к сыну; остальные же корпорации еще не были достоянием наследственных каст. Чтобы достигнуть патроната, достаточно было пройти курс выучки, а в некоторых корпорациях еще прослужить год рабочим. Однако в течение XIII в. установился обычай требовать от кандидата в мастера доказательств его знакомства с делом; он подвергался экзамену или показывал пробу своего искусства, иног-

Каменотесы за работой.
Витраж. XIII в.

да и то и другое. Экзамен и изготовление образца были двумя различными испытаниями: первый касался профессии в целом и показывал, знаком ли кандидат с ее теоретической стороной; второе испытание имело целью обнаружить степень его практических познаний. Экзамен производился в присутствии присяжных экспертов, которые в случае успешности испытания выдавали кандидату удостоверение. Практическое испытание, которое было довольно частым в эпоху Этьена Буало, сделалось общераспространенным лишь во второй половине XIV в. В то время эта работа была еще не так сложна, как впоследствии; она требовала незначительных расходов и не представляла большой трудности: канатчик должен был сделать хорошую веревку, башмачник – починить три башмака, седельник должен был сделать седло с набором или недорогую сбрую. Этот образец изготовлялся кандидатом в присутствии экспертов и в мастерской одного из них, иногда также в присутствии нескольких почетных членов цеха. Наконец, кандидату оставалось исполнить еще некоторые денежные обязательства: так, иногда он должен был *покупать ремесло*: это значило, что ремесленник, только что освободившийся от уз рабства, должен был уплачивать своему сеньору известную сумму за право работать на свободе. Если большинство корпора-

ций в конце концов избавилось от этого обязательства или даже никогда не несло его на себе, то все же из ста общин, статуты которых были зарегистрированы Этьеном Буало, в двадцати звание мастера покупалось. Впрочем, этот выкуп был невелик; фискальная система монархии еще не была развита. Кандидат в мастера платил не только королю или сеньору, но нес повинности и по отношению к корпорации: он делал экспертам подарки, называвшиеся часто *gants*, и вознаграждать свидетелей продажи. Иногда эти повинности назывались *past et abeuvement*, то есть пир и легкий завтрак, и тогда выплачивались или деньгами, или натурой.¹ Таковы были главные обязательства, которые налагались на кандидата в мастера; в общем они были не очень обременительны. Впрочем, в Германии они должны были быть женаты и владеть известным состоянием; в Лондоне, чтобы открыть булочную, нужно было обладать оборотным капиталом в 40 шиллингов. Во Франции таких условий не существовало; здесь господствовало такое правило: «Кто хочет принадлежать к известному цеху, может это сделать, лишь бы он знал ремесло и имел нужные средства». Доступ к патронату был открыт всем.

Будучи принят, новый мастер посвящался в это звание в торжественном заседании цеха. Старшина цеха читал ему вслух и объяснял все статуты и правила общества, и вновь вступающий клялся на мощах соблюдать их и честно заниматься своим промыслом. Мельники Большого моста в Париже, которые жили в вечном страхе ледоходов и половодий, обещали, кроме того, в случае опасности немедленно подавать помощь своим соседям. Иногда эта церемония сопровождалась странными символическими формальностями:

¹ Так, в корпорации мясников Большой бойни кандидат подносил старшине цеха в виде *abeuvement* свечу в полтора фунта и пирог, замешанный на яйцах, парижскому прево – сетье вина и четыре пирога, дорожному смотрителю Парижа, прево For-l'Evêque, казначею и привратнику парламента – по полсетье вина и два пирога. В виде *past* – он должен был дать старшине цеха свечу весом в один фунт, витую свечу, два хлеба, полкаплуна и 30,5 фунта говядины, его жене – различные подарки того же рода, парижскому прево – вина, 60 фунтов говядины и четыре пирога, дорожному смотрителю Парижа, прево For-l'Evêque и казначею парламента – по полкаплуна и по 30,5 фунта говядины каждому.

в Париже булочник, достигнув звания мастера, должен был в течение первых четырех лет платить оброк королю; по окончании этого срока все члены корпорации – патроны и рабочие – праздновали освобождение нового хлебопека; они отправлялись *in corpore* к старшине цеха, во главе процессии шел герой праздника, неся горшок с орехами и пирогами. «Мастер, – говорил он, – я окончил мои четыре года», – и отдавал ему свою ношу. После этого наводилась справка у сборщика королевской подати; если он подтверждал это заявление, то старшина возвращал горшок, и новый мастер разбивал его об стену. Тотчас же вся компания разбивала дверь, врывалась в дом и напивалась за счет хозяина.

Отношения между патронами и рабочими. Главной отличительной чертой этого экономического строя сравнительно с современным являются те товарищеские отношения, которые он устанавливал между хозяином и рабочими. Насколько в настоящее время отношения между работодателем и рабочим натянуты, настолько они были в XIII в. свободны. Мастер прошел продолжительную выучку и жил жизнью рабочего; организовав дело, он не представлял затем управление мастерской помощнику. Для этого промышленные предприятия были в то время еще слишком скромны; должность помощника была неизвестна, и патрон работал сам наравне со своими рабочими и учениками, делая им указания и помогая им своими собственными руками, как это еще и теперь делают каменщики, слесари и другие мелкие промышленники; он сажал их за свой стол, у них были одни и те же радости и огорчения, и они обращались друг с другом, как товарищи. От этой домашней близости оставался один шаг до дружбы. Наконец, рабочий, не имевший состояния, легко мог достичь звания мастера; приобретение этого звания требовало ничтожных расходов; всякий трудолюбивый и бережливый рабочий мог надеяться стать со временем патроном. Наоборот, мастера часто снова делались рабочими вследствие неудач или по каким-либо иным причинам. Эта легкость перехода из одного класса в другой неминуемо должна была предотвращать возможность систематической борьбы между ними. Конечно, не следует преувеличивать мягкости этих отно-

шений: в известные моменты интересы рабочих должны были расходиться с интересами мастеров. Иногда рабочие составляли союзы и устраивали стачки, это доказывается тем, что стачки запрещались статутами. Бомануар признавал достойным тюрьмы и штрафа в 60 су того, кто принимал участие в забастовке, имевшей целью повышение платы. Тем не менее, если уже и тогда абсолютный мир был химерой, все же столкновения случались редко; можно сказать, что в средние века пролетариата не было.

Цеховая монополия. Всякая корпорация сохраняла за собой исключительное право заниматься своей профессией, по крайней мере в городах Северной Франции. Первой ее заботой было устранить всякую конкуренцию. Рабочий окапывался в своей крепости и страстно защищал ее против нападающих. Генрих II заявляет в XII в.: «Никто не имеет права заниматься в Руане или его округе ремеслом дубильщиков, если не принадлежит к их корпорации». Такой же привилегией пользовалось большинство цехов. Каждая из сеньорий, на которые делился Париж, хотела иметь своих мясников, но корпорация Большой бойни зорко следила за этими попытками и не раз оказывала им победоносное сопротивление.

Но конкуренция могла явиться и извне, со стороны иногородних производителей, поэтому ремесленники всячески старались обезопасить себя от этой внешней опасности. Чужестранцы имели право продавать свои товары только на рынке, притом лишь в известные дни, обыкновенно раз в неделю. Если парижские суконщики, несмотря даже на поддержку суда и прево, не могли помешать жителям Сен-Дени выставлять по субботам свои товары в парижском гостинном дворе, то лишь потому, что парламент отказал им в их просьбе (1309). Если иногородние обходили правила, то корпорации тотчас же старались восстановить свои права. Так, корбейльским булочникам, имевшим право торговать в Париже лишь по субботам на рынке, пришла в голову остроумная мысль нанимать в столице амбары, наполнять их в узаконенный день хлебами и спокойно продавать его в течение остальных дней недели; но корпорация хлебопеков подала жалобу Людовику Святому, и амбары были закры-

ты. Наконец, привозные товары допускались к продаже лишь после осмотра, который производился экспертами цеха, но это были пристрастные судьи. Так, булочники Понтуазы, к большому убытку потребителей, отказывали в приеме большей части привозного хлеба, и в конце концов в это дело должен был вмешаться парламент.

Стараясь устранять чужаков, ремесленники в то же время недоверчиво относились и к корпорациям смежных профессий. В Амьене кузнец, или ковач, не мог ни продать, ни починить ключ, столяр не мог делать мебели с замком: это было дело слесаря. Портной не имел права чинить старое платье, старьевщик – шить новое: каждый должен был заниматься своим делом. Но демаркационные линии не всегда были ясно помечены, и кроме того в уставах не были предусмотрены все возможные случаи. Некоторые из этих спорных пунктов сделались знаменитыми: в какую именно минуту одежда становится старой и должна перейти с прилавка портного в лавочку старьевщика? Парижские старьевщики покупали старые штаны, тщательно складывали их, наводили глянец и ухитрялись придавать им вид девственной свежести, чем вводили в обман публику. Портные, занимавшиеся изготовлением брюк, стали жаловаться; с тех пор они одни имели право класть платье под пресс и раскладывать его в своих лавках, тогда как старьевщики должны были развешивать свой товар на гвоздях. Точно так же железники, продававшие удила, уздечки, шпоры и стремяна, затеяли процесс с шорниками, которые подновляли старые уздечки и стремяна, и с седельниками, которые, чтобы не покупать этих предметов, надумали сами изготавливать их; шорникам было дозволено делать лишь мелкие починки в этих вещах; что же касается седельников, то они сохранили право переделывать удила и стремяна, заклепывать их и прикреплять к седлам, но должны были предварительно покупать их у железников. Одним из самых ревнивых, высокомерных цехов был цех суконщиков, он вечно ссорился с валяльщиками и красильщиками. Кто был способен судить о достоинстве материй, суконщики ли, изготавливавшие их, или сукновалы, которые выделывали и окончательно обрабатывали их? Парламент в 1270 г. решил предоставить эту

обязанность смешанным комиссиям. Имели ли суконщики право красить свои собственные материи? Нет – говорили красильщики, тщетно пытавшиеся соединить обе корпорации. В отместку суконщики начали отдавать свои сукна в окраску иногородним красильщикам; прево должен был вмешаться и внушить обеим сторонам уважение к традициям (1291).

Подобные столкновения возникали повсюду: в Сен-Дени валяльщики ссорились с красильщиками; в Провене взаимная вражда валяльщиков, суконщиков и ткачей доходила до того, что каждый из этих цехов отказывался принимать в ученики сына или родственника мастера, принадлежавшего к одной из двух остальных корпораций. Эти ссоры были нескончаемы; прекратившись, они тотчас начинались снова, и некоторые из них продолжались целые века, до крушения старого порядка; если бы не французская революция, то портные и до сих пор препирались бы о своих правах со старьевщиками.

Некоторые корпорации имели право насильно навязывать свои услуги клиентам; таким образом, привилегия обращалась в вымогательство. Таковы были, например, винные крикуны в Париже, которые занимались тем, что утром и вечером ходили по перекресткам со жбаном и кружкой в руках и заставляли прохожих пробовать вино, сообщая при этом адрес торговца и цену. За это они получали от кабатчика по четыре денье в день. Отказаться же от их услуг он не мог: если он не хотел говорить им своей цены, то крикуны справлялись о ней у гостей; если он не впускал их, они могли предлагать вино по королевской цене, и тогда кабатчик был обязан продавать его по этой цене. Такими же насильственными привилегиями пользовались мерильщики зерна и жидкостей и некоторые другие.

Регламентация труда. Понятие свободы было чуждо этому экономическому строю. Вне корпорации свободы не было; внутри ее свобода ремесленника также была сильно ограничена. Он был стеснен в своей ежедневной работе суровой дисциплиной. Статуты цеха наперед предписывали ему условия его труда вплоть до технических подробностей производства. Никто не должен был работать ни в вос-

кресенье, ни в праздничные дни; хлебные печи надо было гасить в субботу вечером, в тот час, когда зажигают свечи; это составляло в общем около ста прогульных дней в год. Ночная работа была вообще воспрещена, по крайней мере во всех производствах, требующих внимания и точности потому что, как говорит один амьенский устав, «ночная работа не может быть хороша и добросовестна». Исключения из этого закона делались лишь в пользу некоторых несложных производств или известных операций, продолжавшихся не менее 24 часов подряд, как например, литья металлов. Сама техника была точно установлена и подчинена контролю: ремесленник должен был постоянно наблюдать за трудом своих рабочих; все работало днем, на глазах публики; горн или кузница золотых дел мастера и кузнеца должны были помещаться в их лавках; портной должен был шить на столе, стоявшем возле окна. Корпорация не доверяла ремесленнику, опасалась искушений, обмана и лени с его стороны; она боялась, как бы он не обманул неопытного покупателя, и потому удваивала свои предосторожности. В Амьене слесарь не мог делать ключ, если не имел под руками замка; мясникам запрещалось надувать говядину и продавать мясо собак, кошек и лошадей. В Париже ремесленник не имел права приделывать старый замок к новой мебели или украшать серебром костяные ножи, которые он мог бы потом выдавать за ножи из слоновой кости. Точно так же запрещалось ткать смешанные материи из бумаги и шелка, если же иногда это и разрешалось, то лишь с условием, чтобы бумажные нитки были ясно видны. Иногда уставы предусматривали даже детали производства, например, количество золота, которое ковач мог примешивать к листовому серебру, пробу металла для золотых дел мастеров, способ нанизывания четок на нитку, длину и ширину материи и качество основы. Продажа также регламентировалась до мелочей: продавец должен был правильно мерять и вешать; так как пакля и сало стоили дешевле свечей, то один указ предписывал, чтобы на четыре фунта свечей приходилось лишь четверть фунта светильни. В Париже в большинстве корпораций ни один предмет не мог быть пущен в продажу без предварительного осмотра. Товар, признанный «хоро-

Печати средневековых ремесленных корпораций. Франция

шим и добросовестным», отмечался знаком цеха; тот же, который признавался дурным, забирали и сжигали, виновного присуждали к штрафу, часто довольно крупному, его лавку закрывали на несколько дней, а иногда он безвозвратно исключался из корпорации.

Что бы ни говорили об этих предписаниях, – они были вполне необходимы. Они были вызваны не только интересами цеха, стремлением сохранить за ним доброе имя; монополия, которой пользовалась корпорация, налагала на нее обязанность наблюдать за работой ремесленников: строгая регламентация оправдывала привилегию, была ее необходимым последствием. Правда, цехи довольно часто возобновляли одни и те же предписания, но в частом подтверждении нуждаются именно те законы, которые не соблюдаются. Кроме того, судьями в этих делах были сами ремесленники: корпоративный дух, чувство товарищества заставляло их извинять проступки, которые может быть, и они сами совершали. Наконец, мы достоверно знаем, что товары в то время часто были «дурны и недобросовестны»; корпорация резчиков хрустальных печатей и шлифовщиков драгоценных камней запрещала своим членам употреблять цветное стекло вместо драгоценных камней, а между тем в драгоценностях той эпохи мы находим множество таких поддельных камней. Проповедники также с содроганием рассказывали об уловках ре-

месленников: тут проклятая старуха разбавляет молоко водой, там на всю ночь кладут на сырую землю коноплю или кудель, чтобы увеличить ее вес, там купец кровью свиньи подкрашивает побледневшие жабры своей рыбы. «Вот уже семь лет, как я покупаю говядину только у вас», – говорит покупатель мяснику в надежде добиться уступки. «Семь лет, – отвечает мясник, – и вы еще живы?». Конечно, это анекдот, но средневековые сочинения по промышленной технике, дошедшие до нас в довольно большом количестве, наполнены любопытными рецептами фальсификации, и мы наверное знаем, что испанское золото продавалось по высокой цене потому, что в него примешивался, как говорили, порошок василиска. А что такое был василиск? Одно из самых редких животных, которое получали, помещая в яму двух петухов; они несли яйцо, которое будучи высижено жабой, и производило на свет это знаменитое животное.

Автономия цеха. Эта организация поглощала экономическую свободу индивидуума. В своей деятельности, в ежедневном труде он должен был соотноситься с требованиями своего цеха. Но эти требования предписывались самой общиной; действительно, каждая корпорация обладала большой автономией: она издавала законы, управляла собой и была почти независима. Этот строй можно охарактеризовать следующим образом: поработанный ремесленник в свободной корпорации.

Правда, всякий цех был подчинен сеньору – были ли то рыцарь, церковь, монастырь или коммуна; но обыкновенно верховенство сеньора ограничивалось известного рода суверенитетом, в силу которого он взимал некоторые повинности и творил суд над ремесленниками, получая в свою пользу доходы суда. Иногда это подчинение было даже только номинальным и ничем не обнаруживалось на практике. Часто крупные сеньоры отказывались от этих прерогатив в пользу того или другого любимца или одного из своих чиновников. В Париже большинство цехов зависело от королевского прево, который играл роль почетного президента и судьи, назначал магистратов и взимал некоторые повинности. В Реймсе такими же привилегиями обладал викарий архиепископа. Часто также суверены в самом начале уступали ремесленни-

кам, работавшим на них, право низшего суда над людьми той же профессии, и когда позднее некоторые из этих привилегированных становились важными должностными лицами, то они сохраняли эти права и юрисдикцию. Так, главный королевский поставщик хлеба судил парижских булочников; главный эконо́м в качестве заведующего королевским гардеробом обладал некоторыми правами над корпорациями, занимавшимися производством и продажей платья, — над старьевщиками, перчаточниками, сапожниками, седельниками; первый шталмейстер продавал дипломы на звание мастера во всех цехах, занимавшихся обработкой железа, и взимал с каждого кузнеца по шесть парижских денье. Точно так же виночерпий был патроном винных торговцев, главный мундшенк — патроном кабатчиков; цирюльники и плотники завистели от королевских цирюльника и плотника. Но большинство этих магистров довольствовало́сь доходами, которые приносило им их звание, и не вмешивались в дела корпорации; она была предоставлена самой себе.

Многие цеха не получили из чужих рук, а сами составили свои стату́ты и все цеха имели право изменять свои уставы. Сеньор или патрон ограничивались тем, что утверждали их решения. Корпорация сама назначала своих магистратов, судей и цеховых надзирателей, так что в сущности она сама судила себя и наблюдала за собой. Мало того, в некоторых общинах, например в общине седельников в Париже, к решению наиболее важных спорных дел приглашалась вся корпорация. Наконец, каждая из этих ассоциаций считалась юридическим лицом, могла приобретать и отчуждать имущество, посылать от себя в суд уполномоченного, некоторые имели даже право владеть печатью. Это были уже экстраординарные гарантии коллективной независимости. Однако эти права не были равномерно распределены между всеми членами цеха: ученики совсем не пользовались ими, и в собрании никто не говорил от их лица; что касается рабочих, то они, правда, пользовались этими правами, но стояли на втором плане; может быть, они и принимали участие в обсуждении и решении важных вопросов, но право голоса при выборе магистратов они получали лишь в редких случаях. Таким образом, преобладающую роль на этих собраниях играли патроны.

Администрация цеха. Управление цехом было введено старшинам, которых в Северной Франции называли по-разному: присяжными, смотрителями, мастерами, выборными, оценщиками (*jurés, gardes* или *gardeurs, maîtres, élus, prud'hommes*), в Южной – бальи (*bailes*) или консулами. Их число колебалось между 1 и 12, но обычно их бывало два или четыре. Иногда они составляли две различные коллегии – собственно магистратов, в руках которых сосредоточивалась вся власть, и простых надсмотрщиков, помогавших первым. В цехе мясников Большой бойни над присяжными, избиравшимися на год, стоял пожизненный старшина цеха, который был скорее президентом и постоянным контролером, нежели действительным судьей. Вальяльщики избирали двух смотрителей из среды мастеров и двух из среды рабочих. Шляпочницы, или модистки, избирали трех женщин-экспертов; ткачи шелковых лент избирали трех мастеров и трех мастериц. Эти должностные лица всегда назначались путем выборов, и ошибочно мнение тех, которые думают, что парижский прево назначал присяжных смотрителей по своему произволу: в действительности он лишь утверждал тех кандидатов, которых представляла ему корпорация, и единственная его реальная привилегия состояла в том, что он мог отрешать их от должности. Способы избрания были различны, иногда прежние смотрители назначали себе преемников или, по крайней мере, членов избирательной коллегии, но обычно это право принадлежало собранию всей общины. Первой обязанностью этих старшин было посещение мастерских, надзор за работой и наблюдение за доброкачественностью изделий; чтобы заставить мастера врасплох, они не стеснялись в случае надобности будить его среди ночи; так как иногда они встречали сопротивление и даже подвергались насилию, то они могли являться в сопровождении сержантов; присяжные мясники звали на помощь живодеров. Далее, смотрители обладали и некоторыми судебными правами: если они находили недоброкачественные изделия, то забирали их и составляли протокол; дело разбиралось, и приговор произносился либо самими смотрителями, либо общественным должностным лицом, но по их донесению; в первом случае

они являлись судьями, во втором – присяжными. Кроме того, они играли роль посредников при ссорах, возникавших между членами их цеха. Таким образом, профессиональные трибуналы существовали уже в средние века, и в области своего производства ремесленник зависел от равных ему. Наконец, старшины руководили администрацией цеха, экзаменами и практическими испытаниями, созывали собрания и были представителями корпорации в ее сделках и спорных делах. Они заведовали имуществом общины, собирали ее доходы, которые иногда были очень значительны и происходили из разных источников, таковы были: взносы за принятие в ученики и мастера, штрафы, завещания и подарки, исключительные налоги, которыми ремесленники облагали свои товары для покрытия непредвиденных издержек, например судебных; так, парижские ткачи, задолжав 660 ливров, обложили каждую штуку сукна налогом в 12 парижских денье до полного очищения долга. Из этих средств они поддерживали общие предприятия, имевшие иногда возвышенную благотворительную цель: в воскресенье в Париже работал только один ювелир, и то, что он выручал в этот день, запиралось в особый ящик; в тот же ящик все ювелиры клали получаемые ими задатки; на собранные таким образом деньги они ежегодно во время Пасхи устраивали обед для бедных, содержавшихся в Hôtel-Dieu. Фабриканты сарацинских ковров раздавали беднякам прихода *Innocents* половину всей суммы штрафов, которые они собирали. Парижские монетчики основали больницу для прокаженных; повара отдавали одну треть штрафов на поддержку старых цеховых, впавших в нужду; фабриканты ремней воспитывали сирот, не прибегая к помощи корпорации. Но особенно замечательно предприятие парижских кожевников, выделявавших беличьих меха, которые основали настоящее общество взаимопомощи для поддержки своих товарищей, лишенных возможности работать вследствие болезни.

Экономическое положение ремесленника. Было бы интересно проникнуть в экономическую жизнь того времени, знать, сколько зарабатывали мастер и рабочий и сколько было им нужно на прожитие. К сожалению, мы не имеем об этом никаких сведений, по крайней мере для XII и XIII в.;

лишь начиная с XIV в., появляются многочисленные документы, по которым мы можем составить себе представление о бюджете ремесленника; но изыскания, сделанные в этом направлении, все-таки слишком отрывочны, чтобы можно было формулировать их результаты. Мы можем только предполагать, что корпоративные предписания и обычаи, делавшие каждое новое изобретение общим достоянием, дававшие возможность всем мастерам пользоваться одними и теми же льготами и выгодами и соединявшие их в тесные ассоциации, до известной степени поддерживали между ними имущественное равенство; что цехи, запрещая соединение нескольких профессий, затрудняя возникновение торговых обществ и ограничивая поле их деятельности рынком одного города, делали почти невозможными обширные предприятия и мешали фабрикантам-предпринимателям подниматься над массой. Что же касается рабочих, то патроны, вероятно, могли, не разоряясь, хорошо оплачивать их труд, потому что предметы производства продавались по очень высокой цене и конкуренция между торговцами была слаба. Но так как, с другой стороны, число рабочих было косвенным образом ограничено и не существовало машин, которые обесценивали бы ручной труд, то заработная плата и не понижалась. Наконец, так как патрон и рабочий работали оба одним способом, то есть руками, и были одинаково невежественны и оба лишены капитала, то между прибылью первого и жалованием второго не было большой разницы: во Фландрии в XIV в. суконщик, державший в своей мастерской трех рабочих, выручал только вдвое больше каждого из них. Словом, главными чертами этого экономического строя были, по-видимому: 1) отсутствие больших промышленных выгод, 2) почти равное благосостояние всех мастеров цеха и 3) значительный вычет из продажной суммы на жалование рабочих.

Критика средневековой корпоративной системы. Корпорация, как целое, долго была предметом самых строгих разборов; история, справедливая и вдумчивая, поняла в настоящее время, что существование подобного строя, державшегося целые века, должно было обуславливаться важными причинами. В нем были, без сомнения, крупные недостатки: он подавлял свободу личности, исключал

Строительные работы. Миниатюра из рукописи XII в.

частную инициативу; но разве в наши дни нет монополий? Он вызывал цеховую вражду и пустые споры, о которых мы не можем слышать без улыбки; но разве в настоящее время патенты не порождают нескончаемых процессов? Без сомнения, под предлогом обеспечения доброкачественности изделий он поощрял рутину и поддерживал цены на высоком уровне в ущерб народу, ничто не поощряло ремесленника к изысканиям и открытиям, потому что вся община немедленно завладела бы его изобретением, и, кроме того, старшины, вероятно, не были склонны покровительствовать гению, который мог поколебать их привычки и угрожал их личным интересам. Но, во-первых, не следует преувеличивать эти недостатки; вспомним, что, по крайней мере в области вывозной промышленности, различные города соперничали между собой, и что все ремесленники одного и того же цеха были одинаково заинтересованы в том, чтобы их техника совершенствовалась, потому что это давало им перевес над внешними соперниками; кроме того, мы знаем, что в средние века было сделано множество усовершенствований, и это доказывает, что они не были невозможны. Во-вторых, разве обостренная конкуренция, вызывающая убийственные

кризисы, прославляющая сильных и губящая смелых, но бессильных, не имеет своих недостатков, как бы ни были велики ее достоинства? И рядом с этими экономическими заблуждениями, сколько существовало принципов, может быть, спорных, но возвышенных или благотворных, заслуживающих полного уважения: обеспечение труда того, кто жил им, и промышленной собственности того, кто владел ею; известная неделимость труда, создавшая всесторонне опытных рабочих и приготавливавшая будущих мастеров; доступность патроната для всех рабочих; экзамены и испытания для определения знаний и способностей ремесленника; устранение паразитов-посредников между производителем и потребителем; меры для поддержания добросовестности в торговле, правильная организация профессионального суда, солидарность рабочей семьи и поддержка нуждающихся членов цеха. Припомним особенно условия, среди которых развивалась корпорация: городскому работнику, одинокому и слабому перед вооруженным сеньором, перед дисциплинированной, могущественной церковью, ассоциация открылась как врата спасения; благодаря ей он добился коллективной свободы – единственной, какой можно было тогда достичь, и приобрел значительное влияние; привилегиям других он противопоставлял свои собственные, и именно под защитой этого панциря рабочие классы могли развиваться и обогащаться. Наконец, не следует забывать, что люди того времени думали не так, как мы, что путы корпорации не стесняли их, и что они не только не находили эти ограничения слишком обременительными, но старались делать их все более точными. Поэтому не будем жалеть ремесленника XIII в.; он любил свой цех, который был его силой, его прибежищем и гордостью.

Братства. Наряду с цехами, ремесленники основывали ассоциации религиозного свойства: это были братства. Они не совпадали с корпорациями. В братстве не было монополий, в него вступали только желающие, все члены пользовались одинаковыми правами. Обычно, хотя не всегда, братство заключало в себе всех мастеров известной профессии. Группируясь таким образом, ремесленники ставили себе целью предаваться сообща делам благочестия:

каждая из этих общин становилась под покровительство святого, который был патроном цеха и имя которого она принимала: плотники почитали св. Иосифа, золотых дел мастера – св. Элигия, булочники – св. Петра, садовники – св. Фиакра. Братство справляло богослужения, примыкало к какой-нибудь церкви и содержало в ней придел, который обогащало своими приношениями. Раз в неделю братство св. Бриэка заказывало обедню в честь своего патрона; по понедельникам в соборе Богоматери перед изображениями свв. Криспина и Криспиниана совершалось богослужение для башмачников. В день праздника своего святого братство устраивало большое торжество: от имени мясников Большой бойни глашатай обходил улицы, возвещая место и час собрания, и собратья в праздничном платье собирались в церковь и присутствовали при торжественном богослужении, которое иногда сопровождалось проповедью и крестным ходом и за которым следовала вечерня. Одной из целей ассоциации было также воздание последних почестей своим умершим членам; когда один из них умирал, все остальные должны были присутствовать при его похоронах; в Суассоне, когда умирал портной, четверо ближайших к его дому товарищей всю ночь охраняли тело, а на следующий день все братство присутствовало при богослужении и погребении; если от покойника не оставалось денег на похороны, то братство покупало саван и свечи за свой счет. Братство св. Павла в Париже давало четыре факела, четыре свечи, крест и покров, и в первый понедельник после смерти заказывало обедню с участием дьякона и иеродьякона за упокой души усопшего. Эти благочестивые и погребальные общества не прочь были при случае и повеселиться; праздник патрона, начинавшийся в церкви, оканчивался часто пиршеством, после которого попойка, если верить частым жалобам духовенства, продолжалась до поздней ночи. Но к чести этих общин надо сказать, что благотворительность также занимала видное место в программе их деятельности, так что в Южной Франции их часто называли *Caritat*. Братство св. Павла отводило за своим столом пятнадцать мест для нищих, сажало их рядом с самыми богатыми из своих членов и приказывало подавать им первым. Точно так

же суконщики в дни своих торжественных обедов посылали каждому из бедных, сохранившихся в богадельне, по одному хлебу, куску говядины или свинины и кружке вина, и даже арестанты получали по хлебу и куску говядины с двойной порцией вина. Все нуждающиеся, сколько бы их ни явилось, получали по хлебу или по мелкой монете. Иногда эти братства превращались в общества взаимопомощи: когда в Суассоне заболел портной, ему оказывала помощь общая касса. Эти ассоциации были часто обременительны для ремесленника, который должен был платить за право вступления в братство и участвовать в складчинах, но он охотно нес эти расходы, обеспечивавшие ему панихиды после смерти и пиршества и даровой стол при жизни. Он гордился своим братством и привязывался к нему так же, как к своему цеху. Но церковь боялась этих полурелигиозных обществ, ускользавших от ее прямого руководства и не раз становившихся очагами догматического свободомыслия и ересей. Она вела с ними беспощадную борьбу. Миланские *humiliati*, которые были отлучены на Веронском соборе 1184 г., разделялись на два класса: первый состоял из священников – купцов, второй из сестер и братьев – рабочих. На Реймском соборе 1157 г. св. Бернард изобличил заблуждения ткачей и сделал их имя синонимом катаров. Подвергаясь преследованиям, братства превращались в тайные общества, и искоренение их становилось почти невозможным. Несколько раз уничтоженные, особенно Филиппом Красивым, они беспрестанно возрождались и удержались до новейших времен.

Заключение. В общем, развитие торговли и промышленности в средние века совершалось медленно и таинственно. Погребенная под развалинами Римской империи, обессиленная торжеством варваров, не вполне оживленная церковью, промышленность испытала ту же участь, что и все общество: она раздробилась, перешла в деревню, и всякое поместье сделалось небольшим экономическим мирком, осужденным на одиночество, рабство и бедность. Когда горизонт снова расширился и общественный порядок был восстановлен, то ожил и обмен; дороги избороздили Европу, и возродившаяся промышленность снова медленно начала развиваться; экономическая жизнь, оживляясь с каждым днем,

начала организовываться, но не в силу каприза, а вследствие роковой необходимости. Города, безмолвные и угрюмые в течение первой половины средних веков, возрождаются, растут и умножаются; купцы, как в настоящее время в городах Востока, соединяются в цехи; в таком-то квартале живут мелочные торговцы, на такой-то улице – золотых дел мастера. Лавки малы и темны, но многочисленны; на входной двери нет ни вывесок, ни писаных реклам; купец старается привлечь взоры прохожего, он вывешивает над своими дверями тяжелые, пестрые вывески, скрипящие от ветра и угрожающие безопасности прохожих: шляпы, перчатки, железные котлы, фантастических животных. Улицы узки, но оживленны, запружены лотками, торговцами и товарами, повозками и тюками, крикунами, выхваляющими свой товар или убедительно доказывающими заслуги фабриканта, живущего по соседству. И если город велик и многолюден, если в нем бывают ярмарки, то на рынке теснятся иностранцы и заключаются разнообразные сделки. Производство деятельно, оно развивается и совершенствуется; цивилизация воскресла, и медленно подготавливается к грядущему Возрождению.

«Экономической» историей иногда пренебрегают, тогда как часто именно в ней лежит ключ к пониманию великих революций прошлого. История труда есть скрытая от глаз основа прошлого.

Западная цивилизация в XII и XIII вв.¹

Религия и нравы

Народные верования и суеверия. Нравы

Народные верования и суеверия. Несмотря на успехи, достигнутые Западной Европой в других областях, самосознание христианских народов в промежуток времени от X до XIV в. не прояснилось. Оно по-прежнему было затемнено грубыми суевериями – теми самыми, которые исказили сущность христианства, когда оно, перестав быть религией посвященных, сделалось религией языческих и варварских масс. Как ни была искренна вера людей XII и XIII вв., – в народной массе она была слепа и невежественна, полна суеверий и загромождена детскими обрядами. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть какой-нибудь из сборников благочестивых рассказов, которые составлялись в то время для народных проповедников или для назидания верующих такими людьми, как Цезарий Гейстербахский, кардинал Яков Витрийский, доминиканец Этьен Бурбонский, Эд Шеритонский, и множеством анонимных компиляторов.²

Эти сборники и агиографические легенды того времени доказывают, что священные обряды и орудия культа, как например, таинство евхаристии, мощи, освященная вода,

¹ Преимущественно во Франции.

² Лучшая библиография этих любопытных сборников, из которых большинство еще не издано, находится в сочинении *Th. Fr. Crane. The Exempla of Jaques de Vitry*. Лондон, 1890.

заклинание бесов, молитва, исповедь, считались как бы фетишами или магическими формулами, обладавшими таинственной силой независимо от умственных или нравственных качеств того, кто пользовался ими. Мощи, игравшие такую важную роль в гражданской и религиозной жизни средних веков (*potiora lapidibus pretiosis ossa*), были не что иное, как талисманы. Этим священным костям, которые хранились в раках ювелирной работы, для которых строили затем громадные каменные раки вроде *Sainte-Chapelle* в Париже, *Sainte-Chandelle* в Арпе, *la Spina* в Пизе, приписывались волшебные свойства¹. Один летописец XII в. рассказывает, что во время перенесения мощей св. Мартина в Тур в 887 г. два хромых нищих из Турэни, которым их уродство давало хороший заработок, решили покинуть страну до прибытия раки, боясь быть против воли излеченными ее всемогуществом. Они пустились бежать, но недостаточно скоро. Мощи прибыли в Турэнь прежде, чем они успели уйти, и нищие, немедленно исцеленные, лишились своего заработка. Один купец, украв за морем руку Иоанна Крестителя, бежал с этим сокровищем «в Гронинген во Фрисландии, на край земли». Там он купил дом, спрятал мощи вовнутрь балки и с этого дня начал богатеть. Однажды, когда он был в таверне, кто-то сказал ему: «Город горит, твой дом в опасности»; он отвечал: «Мне нечего бояться; мой дом хорошо охраняется». Действительно, дом уцелел, но это чудо возбудило любопытство граждан, и они заставили счастливица уступить им талисман, который они перенесли в свою церковь. С этого дня в городе стали совершаться чудесные исцеления, а купец обнищал. «Я сам видел эту руку, – говорит Цезарий, – на ней еще есть кожа и мясо. Раз один священник отрезал маленький кусочек этого мяса, но когда он хотел унести его, оно обожгло ему руку, как горячий уголь». Этот наивный фетишизм, которому можно привести тысячу примеров, был общераспространенным явлением. «Мощи, – говорит граф Риан, – привлекали в праздни-

¹ Гвиберт Ножанский – один из образованнейших людей своего времени (умер в 1124 г.) написал очень умную книгу о почитании мощей – «*De pignoribus sanctorum*» (напечатана в 156-м томе «*Patrology latine*»).

ные дни, установленные для их чествования, громадные толпы богомольцев и с ними столь обильные приношения, что предмет поклонения, оставаясь духовным сокровищем святых, счастливого уже обладанием его, становился для него, кроме того, еще источником значительных земных сокровищ». Духовенство, с уверенностью рассчитывая на обильные приношения, спекулировало приобретением мощей, которые до четвертого Латеранского собора были предметом торговли.¹ За неимением драгоценных мощей, почитаемых сильными мира сего, бедные люди, деревенские жители, создавали себе фальшивые святые, которые они, однако, считали не менее могущественными. Этьен Бурбонский рассказывает, что женщины лионской епархии почитали могилу одного сыщика под именем св. Гинефорта. Чосер в своих «Кентерберийских рассказах» нарисовал портрет этих «сборщиков милостыни», которые в XIII в. наводняли деревни, — благочестивых бродяг, полуаскетов, полумошенников, которые вопреки церковным запрещениям на каждом перекрестке развязывали свои чудовищные узлы — «кусоч паруса от лодки св. Петра, детский чепчик одного из невинно убиенных младенцев, перо архангела Гавриила».²

Не менее характерны и те верования, которые были связаны с исповедью и причастием. Многие простые души приписывали исповеди чрезвычайную силу. Жена одного рыцаря обманывала мужа, живя с рабом; муж, терзаемый ревностью, узнал, что в соседнем городе живет бесноватый, который умеет угадывать самые сокровенные помыслы людей. Он решил привести подозреваемого им раба к этому чародею, чтобы узнать истину. Раб, испугавшись и будучи

¹ О судьбе мощей, которые были привезены в Константинополь епископами и рыцарями, участвовавшими в четвертом крестовом походе, см. *Riant. Echiuae sacrae Constantinopolitanae*. Генуя. 1877–1878, 2 т.

² Призывание святых считалось таким же действенным средством, как и прикосновение к их мощам. Одна женщина так почитала св. Фому Кентерберийского, что постоянно твердила: «Святой Фома, помилуй нас»; она научила свою любимую птицу произносить эту молитву; однажды эта птица была схвачена соколом, но когда она произнесла привычные слова, то когти сокола разжались, и птица невредимая вернулась к своей госпоже.

Ведьмы
(со старинного рисунка)

уверен, что его вина обнаружится, искал спасения в исповеди; он исповедался первому крестьянину, которого встретил на дороге; после этого он с честью выдержал испытание, которое могло погубить его; бесноватый принужден был сознаться, что он более ничего не знает об этом человеке. «Таким образом, – говорит гейстербахский монах, – благодаря исповеди, раб был спасен от смерти, а рыцарь от своих мучений». Но самым действительным из волшебных средств считалось причастие, главное из таинств. Сомневающиеся видели, как гостия в чаше превращалась в кружочек тела, вино – в кровь, или как распятый Христос выходил из хлеба. Те, которые по простоте своей неуважительно пользовались гостией, как лекарством для излечения своих

домашних животных, удивлялись, что церковь осуждает их за это. Впрочем, гостия, употребленная для святотатственной цели, все-таки творила чудеса. Одна женщина положила гостию в свой пчельник, чтобы прекратить эпидемию, которая опустошала его; благочестивые пчелы тотчас выстроили восковую часовню «с окнами, крышей и колокольней, куда и поместили гостию с большим торжеством». Другая женщина, чтобы предохранить свою капусту от гусениц, посыпала ее крошками гостии; она была поражена неизлечимым параличом.

Вмешательство дьявола в самые простые случаи повседневной жизни нисколько не оскорбляло даже развитые умы, воспитанные в постоянном страхе перед сверхъестественными силами и привыкшие к невероятно грубому чародейству. Один аббат в юности учился в Парижском университете. Над ним смеялись, потому что он был туп и ничего не удерживал в памяти. Однажды явился ему сатана и сказал: «Хочешь быть моим подданным? Я научу тебя искусству письма». При этом он положил ему в руку камень: «Пока ты будешь держать в кулаке этот камень, ты будешь все знать». Молодой человек, ко всеобщему удивлению, скоро стал чудом школы. Но он заболел, исповедался, бросил камень, все забыл и умер. Черти начали мучить его, но Господь послал «какое-то небесное существо», чтобы велеть им оставить его в покое: «Оставьте эту душу, которую вы обманули». Душа тотчас вернулась в тело, над которым парижские школьники в ту минуту служили заупокойную обедню. Воскресший встал и немедленно вступил в цистерцианский орден. Один монах молился перед алтарем своей церкви, и Бог дал ему такой «дар слез», что он оросил ими землю. Тотчас же дьявол породил в его сердце тщеславную мысль: «Я хотел бы, чтобы кто-нибудь был здесь и видел, как хорошо я плачу». Немедленно появился дьявол «в виде черного монаха» и стал внимательно смотреть на слезы. Достаточно было крестного знамения, чтобы прогнать его. Один клирик обладал таким красивым и приятным голосом, что слушать его пение было наслаждением; один благочестивый человек, услышав этот голос, приятный, как звуки арфы, сказал: «Это не голос человека – это голос дьявола». Он тотчас заклил беса, и последний исчез, а тело,

только что живое, немедленно начало разлагаться. Это было тело, давно лишенное души, которым играл дьявол. Таковы были рассказы монахов. Успех подобной литературы вполне объясняет нам частое появление дьявола в средние века и совершавшиеся тогда чудеса. Средневековые колдуны и колдуньи были жрецами и жрицами дьявола, и если духовенство преследовало их, то – как верно было замечено – не потому, что оно сомневалось в действительности их чар, а, наоборот, потому что оно приписывало им страшную силу ввиду их связи с сатаной.

Итак, духовная нищета средневековых христиан была очень велика. Толпа плохо понимала дух христианства, обрядовым предписаниям которого она следовала обычно до мелочей. Лишь немногие действительно вкушали сладость евангельского учения. Люди, конечно, очень хорошо знали, что Бог требует доброты, милосердия и смирения, но они надеялись оправдаться перед его судом милостыней (которая сторицей будет возвращена на небе), телесными лишениями и соблюдением обрядов. Деяния святых XII и XIII вв., где биографы собрали все черты жизни своих героев, представлявшиеся им наиболее назидательными, полны фактов иногда более оскорбительных, нежели трогательных. Смирение этих людей состояло часто лишь в том, что они исполняли отвратительные работы или, подобно тому послушнику, о котором рассказывает Цезарий, пили грязную воду, где было вымыто больничное белье; милосердие часто понималось, как обязанность раздавать деньги профессиональным нищим, выставлявшим на показ свои язвы на паперти церквей. Среди множества нелепых рассказов гейстербахского монаха можно встретить лишь немного черт истинной гуманности вроде рассказа о послушнике, «который, видя, как слуги одного вельможи гнали палками бедняка, был охвачен состраданием до слез»¹.

¹ Мы вовсе не отрицаем, что благотворительность была широко распространена в XII–XIII вв. В то время было основано множество больниц, богаделен и Божьих домов. Божий дом в Gosnai (в Артуа), отчеты которого дошли до нас, может считаться типом этих сельских благотворительных учреждений, каких в средние века существовали сотни. Это была скромная постройка, окруженная несколькими десятинами земли,

Нравы. Такие религиозные воззрения и привычки, конечно, не могут способствовать нравственному улучшению общества. Действительно, люди XII и XIII вв., отличавшиеся большой набожностью, были не более проникнуты евангельским духом, чем люди других эпох. Напротив, если верить проповедникам, то нравы светского общества никогда не были более жестоки и вкусы более грубы, чем в тот период средних веков. Без сомнения, они преувеличивают; но у нас есть более прозаические документы, которые также свидетельствуют о низком уровне общественной нравственности. Это – протоколы епископских ревизий по деревням, синодальные статуты, каноны соборов, книги консисторских судов, судебные следствия и приговоры. Обильный материал, которым, впрочем, следует пользоваться с осторожностью, представляют также воспроизведения повседневной жизни, которые мы встречаем в фаблю и иногда – в виде эпизодов – в больших повествовательных поэмах. Наконец, сюда же надо отнести жалобы голиардов, этих жонглеров церковного общества, написавших по-латыни столько стихотворных сатир и жалоб на «состояние мира», на «упадок века». Все эти свидетели показывают одно и то же, все эти колокола издают один звук.

которые приносили натурой от 90 до 150 ливров в год; она вмещала около двадцати больных, не считая десятка рожениц, которые имели особое помещение. В суровые зимы из амбаров этого дома нуждающимся даром раздавался хлеб. Основатель вверил управление имуществом «брату», который назывался надзирателем или управителем, а уход за больными – «сестре». В более обширных домах число сестер (или *gendues*) и братьев бывало больше; это были маленькие конгрегации, члены которых, почти всегда дававшие все три монашеских обета, исполняли известные религиозные обязанности и носили особое платье. Братья и сестры вознаграждались, естественно, из доходов дома и, кроме того, из тех же доходов уплачивали жалованье некоторым помощникам. В Gosnai брат и сестра платили жалованье цирюльнику, капеллану, врачу и служанке; в других местах существовал иногда целый персонал слуг и счетоводов. К несчастью, Божьи дома скоро пришли в упадок. Братья и сестры, содержавшиеся за счет учреждения, не замедлили призвать своих родственников и друзей, которые в конце концов поглощали почти все его доходы в ущерб бедным, больным и путешественникам. Если бы епископы не обращали постоянно внимания на Божьи дома, то к концу XIII в. последние почти все превратились бы в удобные убежища для заведовавших ими лиц.

Отрезание руки у «святого» после его смерти для использования ее в качестве реликвии.

Миниатюра XII в.

Леопольд Делиль специально изучил знаменитый «журнал» пастырских ревизий Эда Риго, руанского архиепископа середины XIII в. Вот картина нравов сельского духовенства, которую он рисует на основании этого «журнала»: «Многие деревенские священники содержат целые годы одну или нескольких наложниц; их дети воспитываются под кровлей церковного дома... Я часто встречаю жалобы на то, что они посещают таверны и напиваются «по горло»; вследствие этого они затевают драки, забывают платье на месте кутежа; случается даже, что духовные валяются на полу мертвецки пьяные. Некоторые священники принимают участие в ссорах, дерутся со своими прихожанами. Многие занимаются торговлей; священники, продававшие спиртные напитки, простирали свою наглость до того, что напивали своих прихожан. Они играют в кости, шары и диск. В 1248 г. одного священника из Vaudriou-Bosc упрекали в том, что он принимал участие в турнирах. По синодальным статутам, священники могли ездить верхом лишь в круглых и закрытых мантиях; вопреки этому предписанию многие ез-

дили в открытых сутанах, или так называемых табарах. Те же из них, светскому вкусу которых не удовлетворяли даже табар и шапка, надевали рыцарскую одежду и носили оружие. Эд Риго нашел в своей епархии священников, которые не были произведены в священнический сан и не считали нужным явиться на посвящение, или таких, которые, получив эту степень, в течение многих лет не служили ни одной обедни; другие не жили в доверенных им приходах; они требовали вознаграждения за совершение таинств»¹... Эд Риго, прелат более строгий, чем большинство его собратьев, подвергал испытанию клириков, которых сеньоры, собственники бенефиций, представляли ему для замещения приходов его епархии. Он оставил нам любопытные протоколы многих подобных экзаменов; два из них мы приводим в примечании²; разве они не поучительны?

¹ Bibliotheque de l'Ecole des chartes, VIII, с. 484.

² (Май, 1253) «Во вторник перед Троицыным днем мы экзаменовали причетника Жофруа, представленного на должность священника в приходе Saint-Richer-de-Herecort; мы дали ему для перевода следующую фразу (Epistola Pauli ad Hebraeos, IV, 13): «Omnia autem aperta et nuda sunt ejus oculis». – В.: Что такое *aperta*? – О.: – Существительное. – В.: Не иная ли часть речи? – О.: – Да, это – причастие. – В.: – От какого глагола? – О.: – *Aperio, is, aperii, aperire, aperior, ieris*, и т. д. – В.: – спрягайте *compati*. – О.: – *Compatire*, от *com* и *pateo, pates, ui, ere, endi, endo, endum, passum, passu, patiens, passurus, pateor, pateris, passus, patendus*. – В.: – Что такое значит *pateo*? – О.: – Открывать или страдать. – В.: – Что такое *absque*? – О.: – Союз. – В.: Какой? – О.: – Причинный. – На экзамене пения кандидат ничего не мог спеть без нот и даже с нотами фальшивил. – Плох и сверх того уличен в невоздержанности и склонности к ссорам».

(Февраль, 1259) «Мы экзаменовали священника Гильома, представленного к занятию прихода Ротуа, и дали ему следующее место Книги Бытия (II, 20): «*Ade vero non inveniebatur adjutor similis ejus; inmisit ergo dominus Deus soporem in Adam, cumque abdormisset, tulit unam de costis ejus et replevit carnem pro ea*». Когда его пригласили разобрать и перевести эту фразу на романский язык, он сказал: «*Ade Adans, vero adecertes, non inveniebatur ne trouvoit pas, adjutor aideur, similis semblable, ejus de lui*». – В.: – спрягайте *inmisit*. – О.: – *Inmito, i, tere, tendi, do, dum, inmittum, tu, inmisus*. – Затем он продолжал так: «*Dominus nostre sire, inmisit envoia, soporem, encevisseur, in Adam...*» – В.: спрягайте *replevit*. – О.: – *Repleo, vi, re, repleendi, repletum, repleor, tus, repleendus*. – В.: – Скажите по складам *repleendi*. – О.: – *Re-ple-en-di*. – Затем мы попробовали заставить его спеть стих *Voca operarios*: он не мог».

Странствующий монах

Если таковы были деревенские священники (которых св. Бернард и большинство моралистов церкви обличали с таким патетическим красноречием, что мы затрудняемся приводить здесь их выражения), то каковы же были остальные члены деревенского общества – крестьянин, приказчик сеньора и сам сеньор? Благодаря проповедям и фаблю, мы знаем их довольно хорошо: в их нравах не было ничего идилического. «Становишься в тупик при виде неурядиц, господствовавших в большинстве сельских семейств. Со всех сторон предпринимаются попытки устранить прелюбодеяния и наложничество, но почти все меры оказываются бессильными». Жонглеры неистощимы в насмешках над грубостью, нечис-

топлотностью и тупостью крестьян, над их страданиями, которые не вызывают в них ни тени сострадания. Что же касается сеньоров, то «с кафедр гремят самые горькие жалобы на алчность и на насилия рыцарей и военных людей». Их упрекают в безжалостном грабительстве и в злоупотреблении правом сильного. Жизнь состоятельного человека проходила в празднествах и атлетических упражнениях; рыцарские поэмы XII и XIII вв. дают нам довольно точное представление об этом¹. Были также рыцари, все добро которых заключалось в коне, оруженосце и оружии и которые рассчитывали прожить на доходы с войны и турниров, как тот рыцарь, о котором жонглер говорит: «У него не было ни виноградника, ни земли; вся его надежда была на турниры и на войну, так как он хорошо владел копьем»².

В мирное время и когда турниры не были запрещены (они часто запрещались в XIII в.), эти рыцари разгуливали по большим дорогам. Авторы фаблио рассказывают нам об их привольном житье за счет слабых и глупых.

В фаблио и проповедях превосходно отражаются и нравы городского общества. Классический тип французского буржуа – вольнодумного, бережливого, весельчака и ротодея – можно уже целиком найти в фаблио. Толстый купец в роскошном платье, «меняла» и ростовщик, больше всего уважает «*dan Denier*», то есть сеньора Экю. Он ненавидит отродье оборванцев, калек и монахов; он любит хорошо пожить и смеется над священниками; таков, например, Мартин Гапар, гражданин Авранша: «Мартин Гапар больше всего ненавидел монастыри, проповедь, господ, висельников и духовных лиц...»³.

¹ См. тексты, собранные и классифицированные Л. Готье в примечаниях к его книге «*La Chevalerie*», (Париж, 1885).

² Il n'avoit ne vigne ne terre;
En tornoicement et en guerre
Estoit trestote s'atendance,
Car bien savoit ferir de lance.

³ Martin Hapart haïoit moustier
Sur toute rien, et le sermon,
Les mesiaux et les potenciers,
Et les gens de religion...

«Парижский буржуа XIII в., – говорит Lescou de la Marche, – уже несколько приближается к современному типу... Он хвастает своим презрением к проповедям. Видя, что священник всходит на кафедру, он поворачивается к нему спиной и выходит из церкви до тех пор, пока кончится проповедь...» Кроме того, его обвиняют в том, что он наживается путем обманов, а если он богат, – в том, что он так же жесток по отношению к бедному люду, как и соседний кастелян. Его нравы очень свободны; его пороками кормится в каждом городе скверная толпа девиц, сводней, игроков в *tremere* и оборванцев. К этой толпе принадлежали и жонглеры, предки Виллона: значит, они отлично знали ее; они рассказали о ее делах и подвигах; в своих насмешливых поэмах они дали несколько незабвенных типов ее; таковы Сансонне, сын Рише, изящный, обворожительный авантюрист, силач, умный и безжалостный, властелин женщин и через женщин – мира; Буавэн, тщедушный хитрец, Панург XIII в., неподражаемо умевший брать без отдачи; бродяга Тибо, Мабиль, Оберэ и многие другие¹.

Преподавание, науки и научные сочинения

Первоначальное обучение. Монастырские и капитульские школы. Парижские школы до основания университета. Основание и организация Парижского университета. Характер и методы преподавания. Латинская литература XII и XIII вв. Наука и научные познания в XII и XIII вв.

Первоначальное обучение. «Пусть священники, – говорит Теодульф, орленский епископ при Карле Великом, – содержат школы в городах и деревнях и обучают детей безвозмездно, не отказываясь, однако, от подарков, добровольно предложенных им родителями». Действительно, во многих селах существовали в средние века первоначаль-

¹ Читатель, желающий ознакомиться с историей нравов, должен обратиться к оригинальным источникам. Это единственное средство получить живое и верное представление.

ные школы, где вместе с катехизисом преподавалось чтение, письмо, немного арифметики и элементарные правила грамматики. «Из этих школ выходило множество причетников, которые, не торопясь получить духовное звание, в ожидании бенефиция занимались полевыми работами».

Монастырские и капитульские школы. При большинстве монастырей состояли школы; директор такой школы, назначавшийся аббатом, уже во времена Карла Великого назывался *scolasticus* (учитель богословия). Различали *scolae minores*, состоявшие при второстепенных монастырях, где преподавались лишь элементарные науки, и *scolae majores* — более значительных аббатств, где преподавались высшие науки. Вторые со времени каролингского возрождения цвели пышным цветом, который начал увядать лишь в XII в.

Кроме того, епископ, на обязанности которого лежало обучение клириков его епархии, с древних времен содержал близ своей кафедральной церкви школу. Руководитель школы кафедрального монастыря, назначаемый епископом, в некоторых епархиях носил титул «схоластика» (Анжер, Турнэ); в других местах наблюдение над епископской школой принадлежало *кантору* (Санс) или *канцлеру капитула* (Шартр, Париж). К концу XI в. это важное должностное лицо, какой бы титул оно не носило, повсюду получило привилегию выдавать от имени епископа «право на преподавание» (*licentia docendi*) всякому, кто хотел открыть школу в епархии вне монастыря. В некоторых местах схоластик с тех пор перестал преподавать и впредь ограничивался своей новой ролью надзирателя и контролера.

Учителя, приобревшие славу ученых или искусных педагогов, очень ценились в XI и XII вв. Церкви и монастыри оспаривали их друг у друга. Они переезжали из монастыря в монастырь, подобно тому как в наши дни знаменитые немецкие профессора кочуют из одного университета в другой. Студенты также объезжали всю Францию, если не всю Европу, в поисках знаний. Знаменитые французские монастыри в XI и XII вв. были полны слушателями из Германии, Дании, Италии и Англии. Итальянец Ланфранк прославил около 1045 г. международную школу в Вес-Hellouin в Нормандии, которой позже управлял св. Ан-

сельм. В области Луары находилось множество ученых аббатств: Fleury и Meung на Луаре, Saint-Laumer в Блуа, Saint-Martin в Туре, Marmoutiers. Следует еще упомянуть о монастырских школах Сен-Рикье в амьенской епархии и Жамблу в намюрской епархии. Из французских церквей наиболее цветущими школами обладали Реймс, где с 972 по 982 г. преподавал Герберт; Шартр, прославленный Фульбертом; Лан, где Ансельм, по прозвищу Ланский, и его брат Рауль основали большую богословскую школу; Льеж, который в числе своих учителей богословия насчитывал таких искусных гуманистов, как Вазон, Адельман и Альжер; наконец, церкви Луары, Орлеана, Тура, Анжера и Манса, пользовавшиеся европейской известностью по преподаванию словесных наук, грамматики и риторики. В больших епископальных школах Луары учителями или учениками были такие поэты, как Марбод и Гильдеберт Лаварденский, ораторы вроде Жофруа Бабиона, философы вроде Бернарда Сильвестра, и такие личности, как Примат Орлеанский, этот легендарный тип средневекового ученого школьника и шутника.

Программа занятий во всех монастырских и епископских школах была одна и та же: в них преподавали богословие, *trivium* (грамматику, риторику и диалектику) и *quadrivium* (арифметику, геометрию, астрономию и музыку). Эта странная классификация человеческих знаний создана Мартианом Капеллой, усвоенная Кассиодором, Исидором Севильским и Алкуином, она господствовала с первых годов VI столетия до конца средних веков. Мы довольно хорошо знаем, как преподавались в этих школах богословие и семь искусств. Дело в том, что до нас дошли точные сведения относительно метода, которым пользовались трое наиболее известных учителей богословия – Герберт, Эд Орлеанский и Бернард Шартрский; кроме того, недавно было найдено энциклопедическое руководство свободных искусств (*Heptateuchon*), точный конспект курса, читанного около 1140 г. знаменитым Тьерри Шартрским. «Благодаря этому руководству, – справедливо замечает автор этого открытия Клерваль, – мы можем составить себе очень верное представление о

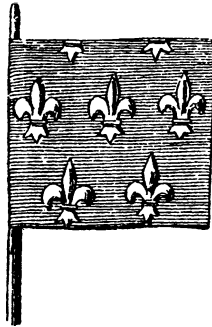
характере преподавания в больших школах XII в., особенно в шартрской»¹.

Парижские школы до основания университета. Учителя и ученики были в Париже с начала XI в.; но в моду парижские школы были введены лишь Гильомом Шампо, который в 1103 г. занимал одну из кафедр соборного монастыря, и Абеяром. Со времени Гильома Шампо в Париже преподавал непрерывный ряд знаменитых профессоров. В XII в. Париж представлял собой, по выражению Александра Неккама, «новые Афины», или, по выражению другого современника, Филиппа Гарвенгта, – «город наук» по преимуществу, *Cariathsepher* священных книг.

Основательные исследования новейших ученых относительно происхождения Парижского университета, древнейшего в Европе после Болонского, научным образом подтвердили старинное мнение, приписывавшее Гильому Шампо и его неверному ученику Абеяру главную роль в первоначальной истории этого знаменитого учреждения. Начало XII в. было отмечено своего рода интеллектуальным возрождением. Сочинение Абеяра «Sic et non», представляющее собой сборник разноречивых положений, дало начало новому методу – диалектическому; читатель должен был разрешать противоречия сообразно с общими правилами толкования, изложенными автором в предисловии². Этот способ преподавания и изложения, отлично развивающий вкус и способность к формальной аргументации, быстро распространился по всей Европе вплоть до Италии, так что влияние «Sic et non» отразилось на «Декрете» болонца Грациана, названном «Concordantia discordantium canonum», не менее сильно, чем на «Sententiae» Ломбарда, требнике па-

¹ *Clerval. L'enseignement des arts libéraux à Chartres et à Paris dans la première moitié du XII-e siècle.* Париж, 1888. – О капитульских и монастырских библиотеках XII и XIII вв., см.: *A. Molinier. Les Manuscrits.* Париж, 1892, гл. V.

² «Sic et non» – сборник противоречивых тезисов, *pro* и *contra*, был составлен Абеяром, «ut teneros lectores ad maximum inquirendae veritatis exercitium provocaret et acutiores ex inquisitione redderet». Диалектический метод несомненно изобретен не Абеяром, но все ученые согласны в том, что именно последнему он обязан своей несравненной славой.

Французское королевское знамя.
С витража XIII в. в Шартрском соборе

рижских богословов. Но хотя это движение и распространилось повсюду, «научная деятельность приняла в Италии и во Франции к югу от Луары другое направление, чем во Франции к северу от Луары и в странах, следовавших ее указаниям, как Англия, Нидерланды, Германия и Скандинавские государства». В Италии возродилось изучение римского права, которое, привлекая в Болонью массу учителей и учеников, вызвало основание там университета. В парижских школах и в Северной Европе исключительным предпочтением пользовалось применение диалектики к богословию и метафизике, составлявшее главный предмет занятий Гильома Шампо и Абеяра. Абеяр, первый учитель, привлекая в Париж огромное число иностранцев, в 1136 г. навсегда покинул кафедру; но он дал начало традиции: с 1136 г. диалектическое искусство парижских богословов и «артистов» (так назывались изучающие семь искусств) славилось по всему Западу.

Чтобы узнать, как преподавались «искусства» в парижских школах XII в., следует прочитать чрезвычайно подробные и искренние воспоминания двух старинных учеников этих школ, английских клириков Иоанна Салисберийского и Джеральда Барри. Иоанн Салисберийский сообщает нам, что применение аристотелевской диалектики к преподаванию искусств иногда влекло за собой большие неудобства. Являлись люди, вроде Адама du Petit-Pont, которые, гордясь своей ловкостью в аргументации, объявляли искусство красно-

речия бесполезным и усваивали вычурный, непонятный для профанов язык. У Адама du Petit-Pont учились говорить туманно, что производило на наивную публику впечатление глубины; этим и объясняется его громадный успех. Иоанн Салисберийский, умный человек и превосходный гуманист, написал в 1159 г. целую книгу под названием «Metalogicus», посвященную опровержению этих учений, которые стремились уничтожить изучение классиков, знание грамматики и уважение к стилю. Он осмеивает здесь под именем Корнифиция главу школы, который очень похож на Адама du Petit-Pont, пустоголовых и надменных болтунов-софистов, изгоняющих из своих школ науку и наслаждающихся треском своей болтовни: «Если хочешь уметь болтать, не читай книг. Если умеешь болтать – твоя слава обеспечена. Тот, кто копается в писаниях и искусствах, спорит трусливо; ибо любитель классиков не может быть логиком»¹.

Не один Иоанн Салисберийский восставал против нашествия этих варваров; то же делали Гильом Коншский, Ричард Левек, Гильберт de la Porrée. Но все их усилия были тщетны. Двадцать лет спустя после блестящей полемики Иоанна против корнифициев, Джеральд Барри слышал в Париже, как последний из великих риторов XII в., учитель Менье, с горечью объяснял своим слушателям предсказание древней Сивиллы: «Будет некогда день, изучать перестанут науки...» XIII в., – период расцвета схоластики, в отношении научного преподавания – век вздорных болтунов.

Основание и организация Парижского университета. В XII в. на берегах Сены существовали три большие школы: кафедральная школа собора Богоматери и две монастырские – при монастыре св. Женеьевы и монастыре св. Виктора. Кроме того, существовало – особенно у въездов на Малый мост, которым левый берег соединялся с островом Cité, – множество свободных учителей, преподававших

¹ Ut garrere queas, noli percurrere libros,
Si garrere potes, gloria certa manet.
Disputat ignave qui scripta revolvit et artes;
Nam veterum fautor logicus esse nequit.

(*Entheticus*, изд. Петерсена, Гамбург, 1843, с. 4)

«искусства» в частных домах или под открытым небом; эти учителя были подчинены одному только обязательству: они должны были получить от канцлера капитула собора Богоматери разрешение (*licence*) на преподавание.

Парижский университет возник не из слияния трех упомянутых школ, как долго думали; он родился из ассоциации дипломированных учителей и свободных учеников острова Cité, неизвестно когда возникшей и в конце концов принявшей в себя и богословов кафедральной школы. Повидимому, в 1200 г. этот университет еще не существовал, потому что привилегия, дарованная в том году Филиппом Августом учителям и ученикам Парижа и состоявшая в изъятии их из-под светской юрисдикции парижского прево, не содержит даже намека на его существование. Но парижский епископ Эд в 1207 г. говорит о *communitas scholarium Parisiensium*, Иннокентий III в 1208-м – об *universitas magistrorum*. Наконец, во введении к одной хартии 1221 г. университет является уже юридическим лицом: *Nos, Universitas magistrorum et scholarium Parisiensium*. Тотчас по своем возникновении университет начинает ожесточенную борьбу с канцлером собора Богоматери. Булла «*Parens scientiarum*» от 1231 г. строго ограничила власть этого сановника над ассоциацией и, особенно, важнейшее из его прав – произвольный отказ в выдаче *licentia docendi* кандидатам, представленной большинством учителей. Впрочем, уже задолго до того года большинство лиц, подсудных канцлеру, выселилось с острова Cité; учителя и ученики уже в начале века открыли всеобщую эмиграцию на левый берег Сены, во владения аббатства св. Женеьевы – в Гарланд, Мовуазен, Брюно. Здесь быстро образовался Латинский квартал, улица Фуарр была выстроена в 1225 г., в 1227-м сами богословы и декретисты поселились в Брюно. Если Парижский университет возник в тени башен собора Богоматери, то он все-таки очень скоро освободился от ига кафедрального капитула, который со времени царствования Людовика IX сохранял над ним лишь номинальную почетную власть.

Внутри университета, как общей ассоциации, не замедлили образоваться ассоциации второстепенные. Люди од-

ной страны или одной провинции, живущие в большом чужом городе, естественно стремятся к объединению; с другой стороны, понятно, что те, которые занимаются одной и той же наукой, отделяются и образуют братство. Таково происхождение *наций* и *факультетов*. Разделение студентов и профессоров на четыре факультета (богословие, медицина, юриспруденция и словесность) – очень древнего происхождения; оно было окончательно утверждено Григорием IV в 1231 г. Один университетский акт 1254 г. сравнивает четыре факультета с «четырьмя райскими реками». Что касается четырех наций, или землячеств (англичане, французы, нормандцы и пикардийцы), то они разделились, по-видимому, лишь после переселения словесников на левый берег Сены. Между 1215 и 1222 гг. словесный факультет разделился на четыре нации, из которых каждая имела свою особую печать; «прокуроры» этой четырехглавой федерации избирали общего начальника всех словесников, который назывался *ректором*, тогда как титул *декана* принадлежал главному магистрату трех других факультетов. То обстоятельство, что ректор четырех наций словесников, благодаря постепенным захватам, сделался в конце XIII в. главным начальником всего университета, *rector Universitatis magistrorum et scolarium Parisiensium*, лучше всего свидетельствует о преобладающей роли словесного факультета в Парижском университете. Словесники («артисты») были самыми многочисленными, самыми молодыми и самыми деятельными в составе университета.

Управление возникшего таким образом университета было крайне несовершенно. Во-первых, общая ассоциация, то есть собственно университет, существовала лишь номинально; она не имела ни определенного местопребывания, ни капеллы, ни *aula*, где могли бы собираться ее члены. Изредка собиравшиеся общие «конгрегации» заседали в монастыре матюринов. Университет не имел ни должностных лиц, ни регулярных доходов и расходов. «Когда ему приходилось вести процесс или посылать посольство, то для покрытия издержек устраивалась экстраординарная складчина, в которой должны были участвовать все лица, пользовавшиеся университетской привилегией... Излишек сборов

делился между учителями и педелями и пропивался в кабачке. Сбережений не существовало»¹. Вся федеративная жизнь сосредоточивалась в факультетах и нациях. Собрания этих ассоциаций вырабатывали уставы и назначали своих должностных лиц. Но и они были бедны. Как и университет, факультеты не имели своей *aula*: нации словесников собирались обычно в церкви Saint-Júlien le Pauvre, факультет богословия – у матюринов, медики – в доме своего декана. Правда, словесный факультет владел обширным лугом, *Pré aux clercs*, который тянулся вдоль Сены от нынешней улицы Saints-Pères до эспланады Инвалидов; но он не имел даже достаточного количества построек (*scolae*) для помещения всех своих начальников; он нанимал им квартиры у частных лиц. Кроме того, факультеты не имели никаких постоянных доходов, исключая платы, которую они взимали с кандидатов на ученые степени. Следует прибавить, что различные общества не всегда жили в согласии друг с другом и что часто в них господствовали внутренние раздоры. На словесном факультете нации ненавидели друг друга, и иногда даже в среде самих наций господствовала ожесточенная вражда между провинциями. Богословский факультет был волнуем в XIII в. распрями между белыми и черными; Гильом де Сент-Амур, вождь светских клириков, тщетно пытался приобрести поддержку папы против членов нищенствующих орденов. Наконец, присутствие в этой избирательной, федеративной и анархической республике многочисленной толпы молодых людей, огражденной корпоративными привилегиями против строгостей общего суда, было причиной нескончаемых скандалов.

Как и во всех средневековых университетах, в Парижском беспрестанно свирепствовали кровавые распри то между различными нациями, то между учениками и горожанами; за такими столкновениями, при малейшем нарушении судебных привилегий, следовал перерыв лекций и даже массовые выселения. Так рассеялся Парижский университет в 1229 г. Проповеди канцлеров XIII в. в ярких красках изображают грубые

¹ Ch. Thurot.

нравы той космополитической молодежи, которая наполняла квартал Гарланд. «Словесник, – говорит канцлер Превотэн, – бегаёт ночью по улицам с оружием, разбивает двери домов и наполняет суды шумом своих скандалов. Каждый день *meretriculae* жалуются, что он побил их, разорвал в клочья их платье или отрезал им волосы». «Есть студенты, – говорит один проповедник, – которые все время проводят в кабаках, строят воздушные замки и обращают класс в спальню». Эти студенты бездельничали, потому что были богаты; но рядом с ними были и очень бедные, которые, чтобы добыть средства к жизни, принуждены были исполнять всякие унижительные обязанности или даже просить подавание. Для того чтобы спасти этих несчастных от мук и искушений нищеты, а также чтобы предохранить остальных от соблазнов улицы, многие великодушные люди устраивали общежития и коллежи. Пробовали также бороться с нищетой путем вспоможений и с беспорядками – путем учреждения интернатов. Древнейшие коллежи Парижского университета: Восемнадцати (1180), Сент-Онорэ, св. Николая Луврского, Bons-enfants, Константинопольский, Trésorier и Сорбоннский, основанный капелланом Людовика IV, Робертом Сорбонским для бедных богословов. Обитатели монашеских орденов, где жили все ученики университета, принадлежавшие к черному духовенству, также представляли собой нечто вроде коллежей, так как и коллежи, в которых господствовала настоящая церковная дисциплина, в значительной степени походили на монастыри. Сам университет был духовной, клерикальной корпорацией, несмотря на присутствие в нем известного числа светских лиц; всем его членам было воспрещено жениться; миряне или нет, они могли рассчитывать, как на вознаграждение за свои труды, лишь на церковные бенефиции.

Характер и методы преподавания. Медицинский и юридический факультеты в XIII в. не увеличивали славы Парижского университета. В 1219 г. Гонорий III своей знаменитой буллой «*Super specula*» запретил преподавание в Париже римского права с целью усилить изучение богословия. С того времени было разрешено преподавать только каноническое право, и юридический факультет в Париже обратился в факультет «Декрета», или канонического права. Но

так как знание римского права было необходимо для правильного толкования канонических законов, касающихся духовного суда, то этот обезглавленный факультет влачил жалкое существование. Между выдающимися канонистами средних веков нет ни одного парижского учителя. Университеты того времени не задавались целью преподавать все науки; напротив, каждый из них имел свою специальность. Желавший изучать медицину отправлялся в Монпелье, желавший изучать право – в Орлеан или Болонью. Париж был главной богословской и философской школой западного христианства.

В конце XII в. гуманизм, который тщетно защищали Иоанн Салисберийский и его друзья, казалось, окончательно погиб вследствие успехов диалектического метода. Так и было на самом деле. С этих пор перестали заниматься изучением литературного латинского языка, языка Цицерона и Вергилия; довольствовались обиходной, варварской латынью, которую должны были понимать и на которой должны были говорить богословы, и ее преподавали по тем методам, которые теперь безраздельно господствовали в школе. Новые грамматики – Александр Вильдье, Эввар Бэтюнский – заняли место Прициана и Доната. Каков же был их метод? Они все подвергали сомнению и доказывали обратное самым очевидным истинам (*sophismata*); они всегда исходили из отвлеченных положений, а не из наблюдений над действительностью. В их руках грамматика перестала быть искусством правильной речи и письма; она сделалась чисто умозрительной наукой, имевшей целью не излагать факты, а объяснять их причины основными принципами; это была задорная, вычурная, нелепая метафизика.

В конце XII в., казалось, было устранено и нечто более важное, чем изящная словесность, – именно, философия и здравый разум. Действительно, Абеляр учил, что богословие следует разрабатывать философским методом; его послушались, забыв, однако, о тех мерах осторожности, которые он рекомендовал, и не замедлили ввести в школах, к соблазну церкви, догматические новшества¹. Эти резкие

¹ XII и XIII вв. оставили глубокие следы в истории христианского богословия. О развитии догматов в средние века см.: *Ad. Harnack. Lehrbuch der Dogmengeschichte. Фрейбург, 1890, т. 3.*

последствия применения логики к богословию рано начали возбуждать негодование в старовеерах, которые в конце концов осудили этот опасный метод. «Головы учеников, – говорил Absalon de Saint-Victor, – наполняются пустой философией. Но какую пользу приносят споры об идеях Платона и перечитывание сна Сципиона? Какую пользу приносят эти модные неразрешимые софизмы, эта страсть к тонкостям, в которых многие запутались?» «В настоящее время, – говорил Этьен из Турнэ, – сколько докторов, столько и заблуждений». «Логика, – говорил Готье de Saint-Victor, – есть искусство дьявола». «Будем избегать, – говорил Пьер Шантр, – всех этих излишеств; будем избегать этих глупых вопросов, предлагаемых без толку по поводу священных текстов и порождающих процессы». XII в., в юности так смело платонизировавший с Тьерри и Бернардом Шартрским, под старость сделался монахом подобно учителю Serlon de Wilton, историю которого любили рассказывать мистики и который ради монастырского безмолвия отказался от суетных рукоплесканий своих парижских учеников¹. Слепо верить в то, чему учит церковь, жить по правилам морали, погружаться в созерцание и любовь к Богу – вот чему учили в конце XII в. богословы школы св. Виктора. К чему знать? К чему думать? Врагов диспутирующего богословия всегда было много в средние века, но никогда они не пользовались большим влиянием, чем тогда. Они радостно приветствовали синодальное постановление 1210 г., утвержденное в 1215 г. легатом Робертом Курсоном, которое изгоняло из школы Аристотеля: *Nec libri Aristotelis de naturali philosophia, nec commenta legantur*. Но вскоре они были повергнуты в скорбь эдиктом Григория IX, этого просвещенного папы, который в 1231 г. отменил запрещения 1210 и

¹ Противники разума любили также приводить в пример учителя Симона из Турнэ. Этот учитель, живой и резкий, привлекал к своей кафедре многочисленных слушателей. Однажды, прочитав блестящую лекцию о догмате Святой Троицы, он воскликнул в порыве тщеславия: «Jesule, Jesule, quantum in hac questione confirmavi legem tuam et exaltavi, profecto, si malignando et adversando vellem, potioribus rationibus et argumentis scirem illam infirmare!» Он тотчас сделался идиотом, и в конце его жизни лишь с большим трудом удалось научить его молитве «Отче наш».

Средневековая аптека
(со старинного рисунка)

1215 гг. Любопытно, что их оппозиция, которая в на царствования Филиппа Августа казалась необыкновенно грозной, очень скоро обессилела; собственно говоря, е удалось даже сколько-нибудь заметным образом замед торжество схоластического аристотелизма.

Первый толчок философско-богословскому развитию и в XIII в. дало появление неизвестных дотоле произвед Аристотеля и его арабских комментаторов, которые в лат ком переводе были привезены из Испании или Византии г.

шественниками, купцами и миссионерами¹: «Метафизики», «Физики», сочинений Гиппократы, Галиена, Птолемея, Аверроэса, Авиценны и т. д. Одни из учителей занялись преимущественно изучением тонкостей онтологии, с которой они здесь ознакомились: они изошрялись в анализе всеобщей теории бытия, его условий и степеней; другие были особенно поражены новыми сведениями из области физики, с которыми знакомили их воскресшие тексты. Так получили начало два великих направления в области мысли – метафизическое и научное.

Среди метафизиков XIII в. существовали глубокие различия, которых мы и не будем пытаться характеризовать здесь. Даже те метафизики, которые, задавшись целью примирить Аристотеля с христианством, удержались в границах православия, как Гильом Овернский, Александр Гэльзский, Жан Ларошельский, Альберт Великий, Фома Аквинский, Бонавентура, Петр Испанский, Генрих Гентский, Дунс Скот – мы называем лишь знаменитейших, – делятся на несколько школ, учения которых сильно расходятся. Но за границами, поставленными церковью спекулятивным фантазиям, расстилалось обширное поле, где можно было плутать по всем направлениям. Тотчас по появлении греческих и арабских комментариев, Давид де Динан и Амори де Бен впали в пантеизм; их приверженцы были сожжены; но вскоре возникли другие лжеучения. Надо прочесть список 219 положений, осужденных в 1277 г. парижским епископом Этьеном Тампье², чтобы

¹ В Толедо в середине XII в., при дворе архиепископа Раймонда, существовала коллегия переводчиков, которые занимались переводом с арабского или еврейского на латинский язык утраченных фрагментов древней философской и научной литературы (Жерар Кремонский, Иоанн Севильский и др.). С другой стороны, взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г. и основание франкских колоний в греческих областях способствовали распространению на Западе знакомства с греческим языком и рукописями Аристотеля. Фламандец Guillaume de Moerbeke, архиепископ Коринфский, англичанин John de Basingstoke и многие анонимы перевели в течение XIII в. множество античных греческих рукописей по оригинальному тексту. См.: А. и Ch. Jourdain. Recherches critiques sur l'âge et l'origine de traductions latines d'Aristote (Париж, 1843) и F. Wüstenfeld. Die Uebersetzungen arabischer Werke in das Lateinische seit dem XI Jahrhundert (Гёттинген, 1877).

² *Chartularium Universitatis Parisiensis*, изд. Denifle u Châtelain. I, с. 549.

понять, к каким результатам пришло в течение одного века метафизическое мышление, поддерживаемое диалектикой и лишенное конкретного содержания. Самой любопытной чертой этого движения является стремление противопоставлять философское мышление богословскому при молчаливом признании главенства первого. «Они утверждают, – говорит синод, – что есть вещи, истинные с точки зрения философии, но ложные с точки зрения веры, как будто существуют две противоположные истины и как будто в противность истине, заключенной в Священном писании, может находиться истина в книгах язычников, о которых сказано: “Обращу в ничто мудрых”». Метафизическое умозрение имело, по крайней мере, ту заслугу, что упражняло механизм мышления и внушало людям высокое представление об их разуме.

Если большинство мыслителей XII в. занимались богословием и метафизикой, то некоторые посвящали себя занятиям естественной философией, физикой. Это были почти исключительно иностранцы: Александр Неккам, автор трактата «О природе вещей», где он с большой силой нападает на школьных логиков, Альфред Английский и Роджер Бэкон. Последний, бывший, по выражению Ренана, «царем мысли в средние века и своего рода позитивистом», оставил замечательную критику методов преподавания, господствовавших в то время. Он предугадал верные методы, и любопытно слышать из его уст, что у него были друзья, учителя и ученики, разделявшие его идеи, антипатии и стремления.

Когда Роджер Бэкон прибыл в Париж, схоластический университет находился в пору полного расцвета; однако Бэкон обратился не к профессорам, пользовавшимся известностью, а к людям скромным и знающим, к учителям Николаю, Жану и Пьеру, которых он восторженно восхваляет в своих сочинениях. Здесь, в темной трапезной, свободно и смело высказывались суждения о господствующих лицах и методах; здесь анализировались все недостатки, убившие схоластику. Первым из этих недостатков было преувеличенное уважение к авторитету – к авторитету Аристотеля и учителей, на которых схоластики ссылались с такой уверенностью, как если бы они обладали превосходными текстами их сочинений, тогда как на самом деле в их руках были лишь

искаженные тексты, – или к авторитету, вытекающему из общего согласия. Этот недостаток не ускользнул от внимания друзей Бэкона: «Без сомнения, следует уважать древних и быть благодарными тем, кто проложил нам дорогу, но не следует забывать, что и они были люди, подобно нам, и не раз заблуждались. Сам Аристотель не все знал; он сделал то, что было возможно для его времени, *secundum possibilitatem sui temporis*, но он не дошел до предела мудрости. Святые также не непогрешимы. Ссылка на предание – жалкий аргумент. Авторитет не имеет силы, если его не доказывают: *non sapit nisi datur ejus ratio*, он ничего не разъясняет, он заставляет лишь верить, он подчиняет себе ум, не просвещая его. Если бы еще мы знали подлинные слова тех, кого считают авторитетом! Но лучше было бы, если бы философия Аристотеля никогда не была переведена, чем чтобы ее перевели так, как это сделали. Иные клалут на нее 20–30 лет своей жизни, и чем более они трудятся над ней, тем менее они ее знают...» Эти критические замечания сопровождаются в сочинениях Бэкона не менее глубокими соображениями относительно другого слабого пункта схоластического метода, именно его преувеличенной веры в силу правильно построенного силлогизма и злоупотребления словесными различиями. «Что касается рассуждения, – говорит он, – то невозможно отличить софизм от доказательства, не проверив заключения путем опыта и применения. Самое вероятное заключение непрочное, если оно не проверено. Хотя Аристотель и признал силлогизм источником знания, но есть случаи, когда простой опыт учит лучше всякого силлогизма; существуют тысячи вкоренившихся заблуждений, основанных на голом доказательстве (*nuda demonstratio*)». Но вся схоластика покоится на авторитете и рассуждении. Бэкон, не колеблясь, отвергает ее целиком: «Вот почему важнейшие тайны мудрости остаются в наши дни неизвестными толпе ученых за недостатком правильного метода». В другом месте он говорит: «Все новейшие ученые, за немногими исключениями, презирают науку – особенно новые богословы, вожди миноритов и проповедников, которые таким способом утешают себя в своем невежестве и выставляют свое тщеславие напоказ глупой толпе».

Вместо «ребяческого» метода Александра Гэльзского и Фомы Аквинского, Бэкон предлагает метод своих учителей Тьера и Роберта Гростэта, епископа Линкольнского: «Им можно противопоставить пример Роберта, блаженной памяти епископа Линкольнского. Он, окончательно потеряв надежду на Аристотеля, стал искать другого пути; он обратился к опыту, и относительно тех же вопросов, о которых трактует философ, сумел найти для себя и излагать другим истину в тысячу раз лучше, нежели это можно было бы сделать, изучая скверные переводы». «Opus tertium» содержит совершенно точное определение научного опыта и преимуществ экспериментального знания: «Существует естественный и несовершенный опыт, который не сознает своего могущества и не отдает себе отчета в своих приемах: им пользуются ремесленники, но не ученые. Выше его, выше всех умозрительных знаний и искусств стоит умение производить опыты, и эта наука есть царица наук: *domina scientiarum omnium et finis totius speculationis*». «Opus minus» содержит полный план преобразования наук, под которым может подписаться человек XVI столетия. Прежде всего, по мнению Бэкона, следует отыскать настоящую древность. Для этого необходимо изучать грамматику, языки греческий и еврейский¹; следует также вернуться к «риторической красоте» древних, к прежнему изяществу, которое так сильно отличается от отталкивающей формы современных сочинений. «Один латинский язык может лишь продлить невежество богословов и ученых». За грамматикой следует математика, особенно прикладная: «Физики должны знать, что их наука бессильна, если они не применяют к ней могущественную математику». Затем следуют мотивированные соображения, часто удивительно здравые, о преподавании логики, значение которой он чрезвычайно ограничивает, о ее месте в иерархии наук, о метафизике,

¹ Исправление испорченного текста Вульгаты было одним из любимых проектов Роджера Бэкона. Этот план начал замечательным образом приводить в исполнение его ученик, францисканец Гильом де ла Мар. Роджер Бэкон и Гильом де ла Мар первые выработали и применяли правильные методы в области критики текстов.

философии вообще, о гражданском и каноническом праве. Несмотря на свой резкий тон, на доверие к своим личным познаниям и к познаниям своих друзей, реформатор, однако, не создает себе иллюзий относительно современного ему положения наук: «Если бы человек жил в смертной юдоли даже тысячи веков, он и тогда не достиг бы совершенства в знании; он не понимает теперь природы мухи, а некоторые самонадеянные доктора думают, что развитие философии закончено!»

Итак, в XIII в. были люди, способные здраво оценить схоластику, и если бы им были предоставлены те средства для деятельности, о которых Бэкон неустанно просил государей и пап, они произвели бы настоящее возрождение. Но Бэкон и его друзья не были поняты; несмотря на расположение к нему папы Климента IV, сам Роджер подвергся преследованию со стороны францисканцев, к которым он принадлежал. Рассказывают, что минориты, повергнутые в ужас сочинениями своего собрата, пригвоздили эти рукописи длинными гвоздями к доскам, где и оставили их гнить.

Латинская литература XII и XIII вв. Из того, что было сказано о состоянии школ в XII в., читатель мог убедиться, что церковный мир в ту эпоху изобиловал учеными писателями. Действительно, ученая литература XII в. (то есть латинская, в противоположность литературе на народном языке) очень обширна. Теперь ее совсем не читают, но она имеет свои заслуги, свою силу и изящество. Достаточно упомянуть здесь из поэтов Готье Шатильонского, который в своей «Алекса́ндреиде» дал очень удачную обработку легенд об Александре Великом, и Гильдеберта Лавардэна, епископа Манского, некоторые произведения которого показали новейшим критикам столь совершенными, что были даже приписаны какому-то древнему автору. Бернард Сильвестр в своем «*Megacosmus et Microcosmus*» очень искусно истолковал платоновскую теософию; Алэн Лилльский, автор «*Anticlaudianus*» и «*De planctu naturae*», с таким же благородством служил мистической музе. Пьер-Живописец и Филипп Грэвский достигли совершенства в другой области: это церковные труверы, свободные, смелые, сатирические; их произведения — одни из лучших в собра-

нии маленьких поэм (большой частью анонимных), написанных рифмованными или метрическими стихами полатыни, которые переписчики рукописей произвольно приписывают некоему епископу *Голиасу*, Прimateу орлеанскому, или Вальтеру Мапу. Религиозная лирика, составляющая контраст этой светской лирике голиардов, также произвела в XII в. некоторые из своих лучших образцов: гимны Адама de Saint-Victor пользуются заслуженной славой. Церковную кафедру украшали тогда изящные ораторы вроде Жофруа Бабиона, учителя богословия в Анжере, Адама de Perseigne, св. Бернарда, озарявшего весь Запад блеском своего могучего мистицизма, и плеяда монашеских каноников св. Виктора: Гюго, magister Hugo, ученый и нежный оратор, любимый учитель школы св. Виктора, Ашар, Ричард, Авессалом. Упомянем еще замечательнейших из гуманистов – Иоанна Салисберийского, Монтеня своего времени, Пьера Блуаского, Матвея Вандомского; из моралистов – Пьера le Chantre, автора «*Verbum abbreviatum*»; из летописцев – Оттона Фрейзингенского и Гильома Бретонского. «*Cur Deus homo?*» св. Ансельма, «*Sic et Non*» Абеяра, «*Sex principiorum liber*» Гильберта de la Portée имели сильное влияние на философскую и богословскую литературу последующего времени. Изречения (*Sententiarum libri IV*) Петра Ломбарда, епископа Парижского (ум. в 1160 г.), усердно комментировались в школах в течение трех веков; эта книга заставляла сомневаться, спорить и рассуждать целые поколения бакалавров. «*Historia scolastica*» Петра Коместора, этого неутомимого компилятора (*librorum manducator*), и «*Rational*», или трактат о литургийной службе Жана Белэта также сделались классическими; их очень часто переписывали в средние века, и первые печатники, издавшие, впрочем, множество произведений XII в., уже в разгар Возрождения продолжали воспроизводить их.

XIII в., как мы уже сказали, отмечен полным отсутствием всякой изящной литературы. «Поищите поэта в этот век, изобилующий учеными и проникательными философами, – говорит Наугэау, – вы не найдете ни одного. Если бы какой-нибудь запоздалый гуманист написал в это время поэму вроде "Александрейды", он вызвал бы лишь улыбку сожаления;

маленькие рифмованные стихотворения то благочестивого, то непристойного характера составляют всю поэзию этого времени». Итак, поэты исчезли. Что касается проповедников, то они теперь презирают пространную риторику, благородную важность и сложные аллегории, которые раньше были в моде; их речь проста, часто вульгарна. Яков Витрийский, Роберт Сорбоннский, Николай Биарский – самые приятные из этих притязательных болтунов – сильно удивили бы св. Бернарда, а добродушный францисканец Салимбене, простосердечные «Воспоминания» которого кажутся теперь столь пикантными, несомненно привел бы его в негодование. Латинская литература XIII в., за исключением простых проповедей, хроник (Матвей Парижский, Гильом из Нанжи) и рассказов о путешествиях, вся целиком вышла из школы и рассчитана на учеников и докторов. Это – литература «схоластическая», написанная на варварской и вычурной латыни, весьма отличной от той, на которой говорили ученые логики предшествующего века. Вся она состоит из дидактических трактатов по метафизике и богословию: комментариев, *postilles*, конспектов, так называемые *questions quodlibétiques*. Ее шедевры, подавляющие своей массой, – руководства Гильома Перо и Гильома Дюрана, глоссы Гюго de Saint-Cher, компиляции Жана Уэльского, монументальные энциклопедии Альберта Великого, Фомы Аквинского и Винченца из Бовэ. Трудно придумать что-нибудь менее привлекательное, чем эти сочинения, ибо, если их содержание, как правильно заметил Роджер Бэкон, лишено научного значения, то снаружи они имеют чрезвычайно суровый вид. Действительно, схоластика XIII в. систематически облекала анализ занимавших ее вопросов в строго научную форму даже тогда, когда эти вопросы не были и не могли быть предметом научной разработки. Позднейшие поколения с полным правом осудили эту методологическую ошибку. Некоторые лица еще искренне наслаждаются изящным мистицизмом, прелестными и изысканными аллегориями викторинов и цистерцианцев XII в.; что же касается сочинений современников св. Фомы, то действительно можно удивляться тому усилию ума, которого должны были стоить эти чудеса логики и абстракции, но нельзя не признать их столь же отталкивающими,

сколько вздорными. Тем не менее, богословы еще и теперь высоко ценят некоторые из них; учение Фомы Аквинского осталось окончательной, официальной формой теорий церкви в области философии; это учение в сокращенном и упрощенном виде, приспособленном для новейшего времени, сохранило средневековую схоластику до наших дней.

Наука и научные познания в XII и XIII вв. Так как наиболее сильные умы средних веков были поглощены онтологическими умозрениями, то точные науки сделали мало успехов в тот период – от перенесения в Западную Европу арабских сочинений до Возрождения.

До нас дошло множество средневековых трактатов по арифметике и геометрии; из них наиболее известны сочинения Жерланда, безансонского каноника XII в., и алгорифмической школы XIII в. Но, во-первых, в них мало оригинального; во-вторых, они посвящены исключительно практическим, житейским применениям арифметики и геометрии. Чисто научной разработкой математики никто не занимался: из греческой геометрии знали лишь первоначальные элементы. К открытиям арабов в области алгебры и тригонометрии западные народы за три века не прибавили ничего существенного. Среди них было много опытных архитекторов и инженеров, и ни одного математика.

Птолемей был для латинян, как и для мусульман, Аристотелем астрономии. С половины XII в., как в магометанских, так и в христианских школах составлялись во множестве сочинения об астролябии, календаре, планетном круге. Будучи лишь конспектами «Альмагесты» или комментариями к ней, сопровождаемые таблицами, эти небольшие сочинения, образцом которых долго считался «Трактат о планетном круге» Джона Голивуда (Johannes de Sacrobosco), лишь в мелочах исправили труд учителя; изменить же саму основу системы никому не приходило в голову.

Такой же характер носило и изучение физики; план этой науки, как его начертали греки, остался без изменений. Действительно, не следует смешивать науку и познания: «Так, могли изобрести стекла для очков, или даже измерить силу преломления прозрачных стекол, а наука оптика все-таки оставалась, как и во времена Птолемея, вплоть до XVII в.,

Алхимик
(со старой гравюры с картины Теньера)

скорее приложением геометрии, чем частью физики, какой мы ее теперь считаем» (Курно). На Западе Роджер Бэкон и его соперники обогатили физику в средние века несколькими новыми *фактами*; общие же *теории* древности остались неизменными.

Наконец, те же замечания приложимы и к химии, и к естественным наукам. Конечно, после больших путешествий Рубруквиста, Плано Карпини, Марко Поло, после арабских походов, вышедших далеко за пределы мира, известного

древним, европейцы располагали гораздо более обширными познаниями, чем ученые Рима и Александрии; старые тетради технических сведений, переданные греческими, египетскими и сирийскими практиками багдадским и кордовским химикам, затем этими последними – нашему Западу, по пути обогатились некоторыми новыми формулами. Но загляните в сочинения по естественной истории, пользовавшиеся большой популярностью в средние века, – в «Physiologus», в сочинения по зоологии Гервасия Тильбюрицкого, Фомы de Santimpré, Альберта Великого, Винцента из Бовэ, в книжки «о свойствах вещей»; прочтите затем анонимные трактаты по химии, которые особенно размножились в конце XIII в., – и вы нигде не найдете верных новых мыслей ни о строении, ни об истории земного шара, ни о действующих на нем силах, ни о законах, управляющих стихиями и жизнью.

В общем, цивилизация обязана средним векам многими полезными открытиями (очки, алкоголь, порох; усовершенствование стереотомии, астрономических таблиц, морских инструментов, промышленной техники и т. п.). Люди наблюдали и собирали факты, но не пользовались ими для выработки научных законов. Правда, были попытки объяснить астрономические и химические явления; но диалектики, привыкшие к тонкостям словопрений, могли лишь затемнить своим бредом проблемы естественной философии, для решения которых им притом недоставало и данных. Отсюда возникли *астрология* и *алхимия*, эти мистические, схоластические, бесплодные формы астрономии и химии. Если и сам Роджер Бэкон разделял эти заблуждения, то значит, в XIII в. никто не мог избежать этих подводных камней.

Литература на народном языке

Сюжеты народной литературы. Эпические рассказы и романы. Лирическая поэзия. Французская эпическая и лирическая литература в Европе. Буржуазная поэзия. История. Другие памятники народной литературы.

Сюжеты народной литературы. В средние века во Франции расцвела народная литература. Многие причины

заставляют наперед опасаться, что она была посредственного качества. Действительно, за исключением духовного сословия, в обществе царило полное невежество, а духовные презирали народную литературу. С другой стороны, так как в средние века никому не приходило в голову оспаривать принципы социального строя или сомневаться в правильности тезисов религии откровения, то «средневековая поэзия естественно была лишена того, что составляет прелесть и глубину поэзии других веков: тревоги человека о своей судьбе, мучительного анализа великих нравственных задач, сомнения в самих основах счастья и добродетели, трагических конфликтов между личным стремлением и социальным законом» (Гастон Пари). Наконец, средневековый человек был мало доступен эстетическим впечатлениям; он не наслаждался красотой вещей; им всецело владели условные чувства. И действительно, оригинальные темы, разработанные средневековой народной литературой, очень малочисленны: феодальная эпопея затрагивала воинственную струну, очень чувствительную в этом буйном рыцарском обществе; трубадуры и труверы занимались изобретением приятных вариаций на тему изящной, идеальной, жеманной любви; наконец, насмешливая и грубая веселость французской буржуазии выразилась в фаблио. «В общем, – справедливо замечает Г. Пари, – изучение средневековых народных произведений привлекательно и плодотворно особенно потому, что они лучше всяких исторических документов открывают нам состояние нравов, мысли и чувства наших предков...»

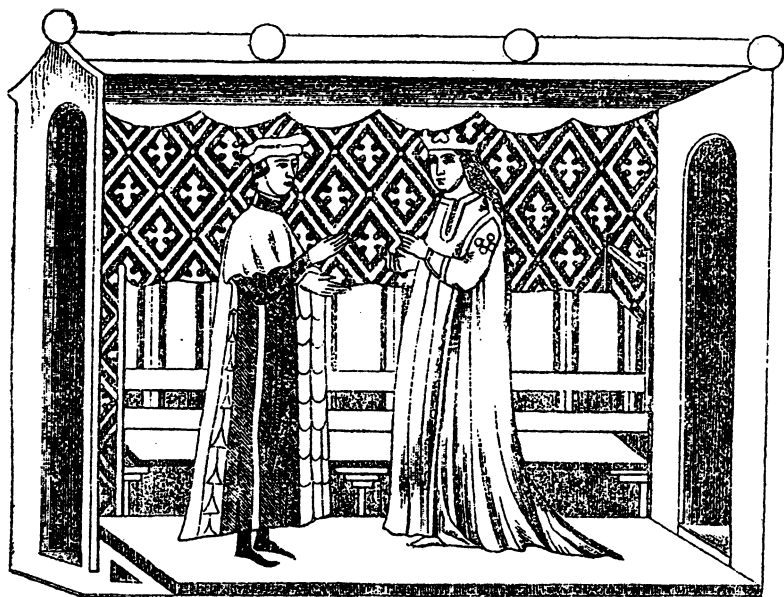
Эпические рассказы и романы. Жонглеры (*jongleurs*), значительно способствовавшие возникновению национальной эпопеи в средневековой Франции, были бродячими музыкантами, которые под аккомпанимент *vielle* и *cithare* пели песни для увеселения сеньоров, подобно франкским *scôpas* и скандинавским скальдам. Они прославляли великие деяния, *gestes* (подвиги) героев: приключения и войны королей – Дагоберта, Пипина, Карла Мартелла, Карла Великого; войны и приключения вождей нарождающегося феодализма – Жирара Руссильонского, Рауля Камбрейского, Гильома Монтрейльского. В XII в. эти рассказы, в нача-

ле независимые друг от друга и «исторические», осложнились вымыслами, выросли в обширные поэмы, слились и смешались. Жонглеры старались привести в порядок громадный эпический материал, завещанный им прошлым; они подновляли старые поэмы, соединяли их, делили на циклы; и так велик был успех этой работы, что кроме двух или трех поэм («Песнь о Роланде», «Паломничество Карла Великого»), все лучшие памятники национального эпоса дошли до нас лишь переработанными и разукрашенными во вкусе XII и XIII вв. В таком виде, искаженные и неузнаваемые, дошли до нас рассказы западных галло-франков о царствовании короля Дагоберта («Floovent»), о войне Карла Великого с саксами («Saisnes»), о борьбе кельтов и норманнов в Арморике («Aiquin»), о походах Каролингов в Италию («Désier», «Aspremont», «Fierabras») и в Испанию («Roland», «Guide Bourgogne», «Anseis de Carthage»), о войнах Людовика III с его вассалами и скандинавскими пиратами («le roi Louis»), об эпизодах из истории образования великих феодальных государств в Бургундии (Girard de Roussillon), в Анжу (Gaidon), в Вермандуа (Raoul de Cambrai) и Лотарингии (Hervi, Garin, Gilbert, Anseis, Yon). Новейшие ученые старались выделить зерна исторической правды, лежащие в основе этих искусственных поэм и загроможденные чуждыми легендами и совершенно фантастическими эпизодами; это не везде удалось им, и они должны были отказаться от надежды отделить романтические элементы от первоначальных в таких песнях, как «Renaud de Montauban», «Huon de Bordeaux», «Auberi le Bourguignon». В этом отношении больше всего труда стоил критикам цикл нарбоннских песен (Garin de Monglane), где без разбора описываются подвиги семи или восьми исторических лиц, принадлежавших разным эпохам и странам: тулузского графа Гильома, который в 793 г. битве при Орбе остановил сарацин и который основал монастырь Геллон, герцога Аквитанского Гильома Благочестивого, графа Монтрейльского (sur Mer) Гильома, прославившегося в X в. своей борьбой с норманнами и т. д. Нарбоннский цикл представляет отличный пример тех «контаминаций» («осквернений»), которым подвергались старые эпические рассказы при переходе из одной провинции в дру-

гую и которые с умыслом были увеличены редакторами XII в. Таким образом, вдохновение жонглеров, произведения которых дошли до нас, – не непосредственные; события, о которых они рассказывают в ту минуту, когда они сочиняли свои песни, уже были забыты; но иногда они умели оживать духом своего времени старые, избитые или совершенно вымышленные рассказы: песнь о «Charroi de Nismes», в которой поэт посредством вымышленного рассказа соединил легенду о Гильоме Геллонском с легендой о Гильоме Монтрейльском, – один из прекраснейших образцов французской эпической литературы.

Французская эпическая поэзия XII и XIII вв. очень обширна; большая часть ее утрачена, но и остатками можно наполнить целые библиотеки. К сожалению, наряду с немногими вдохновенными поэмами, полными героической энергии, в ней немало посредственных произведений. Эпический язык, бедный даже у наиболее искусных поэтов, стесненный тираническим стихосложением, был в ту эпоху однообразен, бесцветен и безвкусен. Трудно найти что-нибудь более плоское и многословное, чем компиляции ранней эпохи, вроде «Doon de Maucense» или «Charlemagne» Жирара Амьенского.

В подражание эпосу, возникшему из национального предания, – королевскому и феодальному – рано начал процветать другой, еще более искусственный эпос, материал для которого жонглеры искали в произведениях римской древности и эпохи греко-римского упадка. В подражание поэмам о Карле Великом были сочинены стихотворные романы об Александре, о Троянской войне, о Юлии Цезаре. Но лучшие романы XII в. – не эти, а кельтские. Жофруа Монмоутский, епископ Сент-Асафа, умерший в 1154 г., издал легендарную историю Британии («Historia regum Britanniae»), будто бы переведенную с одной старой галльской книги, где он собрал всевозможные легенды из древней истории бретонских кельтов. Эта история, имевшая большой успех на материке, познакомила Запад с романтическими героями, с великими туманными образами Артура, Мерлина и т. д. Бретонские музыканты, очень ценные при дворах сеньоров Франции и Англии, также

Тристан и Изольда
(средневековая миниатюра)

распространяли трогательные и чудесные рассказы о феях, палadiniах и прекрасных дамах, неизвестные германскому миру: об Изольде, Тристане, Говене, Парсивале. Этот «бретонский материал», чарующий и прелестный, но слишком поддающийся расширению, был встречен во Франции чрезвычайно благосклонно. До нас дошли прелестные «lais bretons» («lai du Frêne», «Guingamor») Марии Французской, жившей в Англии в царствование Генриха II. Беруль около 1150 г. составил сборник легенд о Тристане. Образовался цикл песен о «Круглом столе». Кретьен де Труа, самый знаменитый из труверов двора Марии Шампанской, дочери Людовика VII и королевы Алиенор, сочинил, начиная с 1160 г., бесчисленное множество романов, в которых искусно соединил утонченное изящество бретонцев с наивной и глубокой страстностью провансальцев. Главные произведения Кретьена де Труа – «Conte de la Charette» и

«Conte du graal», «Lancelot» и «Perceval»; его подражатели, которых было очень много, почти все впали в банальность и напыщенность. Упомянем, наконец, о поэмах, которые не стоят в прямой связи ни с национальной, ни с античной, ни с бретонской традицией; некоторые из них представляют собой изящные и грациозные рассказы, в которых превосходно отражаются нравы высшего общества лучших дней средневековья; таковы «Guillaume de Dole», «Joufroi», «la Châtelaine de Vergi», «Jean de Dammartin et Blonde d'Oxford».

Лирическая поэзия. Исторические обстоятельства превосходно объясняют нам, почему литературы Северной и Южной Франции, до той минуты, когда они начали взаимно влиять друг на друга, шли разными путями. «Северные французы любили опасные походы, добрые удары меча: вот почему они создали эпос; провансальцев не интересовали рассказы о подвигах, к которым их не влекло, — вот почему у них нет эпоса» (П. Мейер). Но невоинственные южане были богаты. Жонглеры играли видную роль при княжеских дворах Лангедока. Даже знатные серьоры, которым мир давал досуг, сами были не прочь *trobar*, то есть сочинять; их жизнь проходила в служении дамам. Следовательно, на юге источником поэтического вдохновения была не война, а любовь, но любовь благородная, пышная, церемониальная. Любовь, на которую смотрели, как на искусство, была воспета в XII в. в бесчисленных лирических песнях на провансальском языке, написанных очень изысканным, иногда удивительным слогом. Это салонное чувство — любовь, подчиненная законам строжайшего этикета, — было перенесено на север Алиенор Пуатьеской и Марией Шампанской в царствование Людовика VII. Несмотря на свое иностранное происхождение, она очень скоро акклиматизировалась в Шампани, Пикардии и Фландрии. Кретъен де Труа ввел ее, как мы видели, в романы «Круглого стола»; он писал также лирические стихотворения в форме песен трубадуров. После него в этом ученом и манерном роде поэзии упражнялись искусные стихотворцы Conon de Béthune, Gace Brélé, сир де Куси, граф Тибо Шампанский, Gautier d'Espinaus, Colin Muset и

др.; они оставили изящные, тщательно отделанные стихотворные пьесы: *saluts d'amour, tencons u jeuxpartis*¹.

Французская эпическая и лирическая литература в Европе. Эпические поэмы, романы и лирические песни северных французов и провансальцев некогда высоко ценились; это доказывают их многочисленные переводы и переделки, распространенные в средние века по всей Европе. В Англии, благодаря завоеванию Вильгельма Незаконнорожденного, в течение целых веков говорили и писали по-французски; французские произведения читались там так же, как и во Франции; англо-нормандская средневековая литература есть лишь ветвь французской литературы того времени. Испанская литература с самого своего возникновения зависела от французской: в 1150 г. трубадур Маркабрю путешествовал по Кастилии и Португалии; он привил там условные формы любовной поэзии. Короли Арагона Альфонс II и Петр III были трубадурами; они писали на французском провансальском наречии. Первый король Португалии, при дворе которого собирались поэты, Альфонс III (1248–1279), провел молодость во Франции, откуда привез свою жену, дочь Филиппа Нигерей; замечательные произведения португальской поэзии XIII в., в которой некоторые ошибочно видели самобытную и независимую народную поэзию, черпали свои сюжеты из французской лирики. Еще более разителен пример Италии: итальянцы долины По пользовались в это время провансальским и французским языками, предпочая их своему собственному языку. Бартоломео Зоржи, Сордель Мантуанский, Ланфранк Чигала, Данте да Майано писали на провансальском наречии. Флорентиец Брунето Латини, изгнанный из своего отечества, написал в 1265 г. свой «Trésor» французской прозой, «потому что французский язык приятнее и более знаком всем людям». Венецианец Марко Поло диктовал в 1298 г.

¹ Рядом с любовной лирической поэзией провансальского происхождения в средневековой Франции существовала и чисто французская лирика – именно *chansons de toile*, в которых мы снова встречаем вдохновение лучших рыцарских поэм национального эпоса и из которых Годфруа Арраский в XIII в. пытался сделать особый вид литературы; сюда же относятся *rottruenges*, сирвенты и пасторали.

Рустичиану Пизанскому отчет о своих путешествиях на дальнем Востоке по-французски. Французским рыцарским поэмам рано начали подражать в Ломбардии искусные поэты, которые иногда достигали высоты своих образцов, как оба автора (падуанец и веронезец) «Вступления в Испанию». «Французский материал» послужил позднее основой для поэм Пульчи и Ариосто. Значительно повлияла провансальская лирика и на поэзию самого Данте. Континентальные страны германской расы (Скандинавия, Германия и Голландия) усвоили французскую лирику и французские легенды не менее охотно, чем латинские страны. Так как французский эпос дошел до нас в сильно искаженном виде, то нередко, в случае утраты французского оригинала, нам приходится знакомиться с ним по норвежским, швабским или нидерландским подражаниям. Если бы «Песнь о Роланде» была затеряна, то у нас еще оставались бы прозаический норвежский перевод XIII в., свободный немецкий перевод в стихах, сделанный клириком Конрадом около 1133 г., отрывки голландского перевода и несколько итальянских обработок. Тристан англо-нормандского трувера Фомы почти целиком утрачен, но мы можем восстановить его в общих чертах при помощи трех переводов: немецкого (Готфрида Страсбургского), норвежского (в прозе, около 1225 г.) и английского. Императоры из дома Гогенштауфенов поощряли перенесение в Германию французских произведений, а двор ландграфов тюрингских был для Севера тем же, чем швабский императорский двор – для Юга. Здесь, как и в других местах, первоначально подражали французским рыцарским поэмам: немецкий клирик Лампрехт дал обработку «Александра» Альберика Безансонского; «Троянская война» Бенуа де Сент-Мор была переведена в начале XIII в. одним гессенским стихотворцем из Фрицлара; шваб Гартман фон дер Ауэ, один из воинов третьего крестового похода, обратился к романам «Круглого стола» и перевел с полдюжины их на немецкий язык. Можно назвать и несколько других славных имен: Вольфрама фон Эшенбаха, который переложил «Aliscamps» на немецкие стихи и написал «Парсиваля» по французским источникам, Готфрида Страсбургского, подражавшего французским и англо-нормандс-

ким поэтам. Первые *миннезингеры*, певцы любви, также следовали по стопам романской поэзии. Высказанное некоторыми учеными мнение, будто миннезингеры ничем не обязаны иностранному влиянию, ошибочно: старейшая лирическая школа Германии обязана Франции некоторыми из своих тем, и все согласны, что с начала XIII в. французская *куртуазия* нераздельно господствовала при немецких дворах во времена Генриха фон Вельдеке, Генриха фон Морунген, Рейнмара фон Гагенау и короля миннезингеров Вальтера фон дер Фогельвейде, этого искреннего, нежного, страстного писателя, который, несмотря на трудности заимствованной поэтики, так далеко превзошел своих учителей. Французская мода царила тогда повсеместно¹.

Буржуазная поэзия. Но есть один жанр средневековой французской литературы, не принадлежавший к числу ходких предметов вывоза. Это – наиболее национальная, наиболее живая литература, именно – шуточная, сатирическая и буржуазная. Веселость и шутливость французов рано вошли в поговорку; даже в ту эпоху, когда огромные эпические поэмы циклов Гарэна де Монглан и «Круглого стола» еще пользовались популярностью во Франции, на них сочинялись непочтительные цинические пародии вроде «Audigier»; но разве сами поэты, обычно серьезные, не вставляли для развлечения слушателей комические эпизоды даже в рыцарские поэмы, в «Aimeri de Narbonne», «Aiol»? Горожане северных французских коммун, одновременно «утонченные и грубые, остроумные и пошлые», сочиняли с середины XII в. фаблио, в которых как нельзя лучше отразились их вкусы и литературные способности. *Fabellae ignobilium*, или фаблио – это стихотворные юмористические рассказы, часто неприличные, но полные естественности, увлечения и правды. Эти маленькие поэмы, из которых древнейшая, «Richeut», относится к 1159 г., содержат иронические, но беспритязательные и, за исключением мест, касающихся духовенства, добродушные рассказы о забавных приключениях. Жонглеры (самыми искусными из них были Рютбеф, Готье Волк и Га-

¹ О «странствованиях французского эпоса» по различным странам Европы см: *L. Gautier. Les épopés françaises*. 2-е издание, т. II, 1892.

Страница из рукописной книги.
Петр Коместор. «Схоластическая история»
на латинском языке.

Франция. 1270–1285 гг. Ленинград

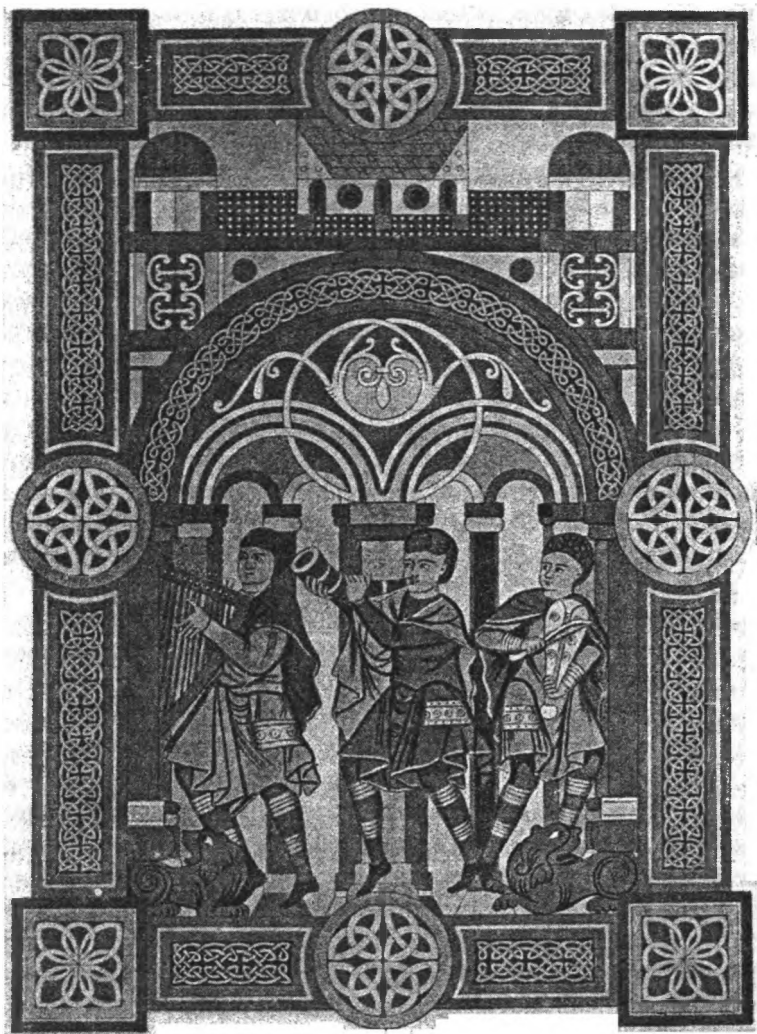
рэн), изложившие эти рассказы в стихах, прозрачным, точным и «улыбающимся» слогом, – прямые предки Виллона, Маро, Лафонтена и Вольтера. Впрочем, буржуазная эстетика средних веков выразилась не в одних только фавлю; тем же духом проникнуты так называемые *dits*, направленные против женщин и ростовщиков, *débats*, библии Гюйо Провенского и Гуго де Берзе, сатиры на «состояние мира» – произведения плохих моралистов, но очень проницательных насмешников. Упомянем еще о *congés* и *jeux* арраских поэтов, из которых наибольшей известностью по справедливости пользуются Жан Бодель и Адам de la Halle. Упомянем, наконец, о двух знаменитых поэмах, где, наряду с местами совершенно иного характера, встречаются такие, которые нисколько не уступают лучшим произведениям

Рютбефа и его соперников: «Roman du Renard» и «Roman de la Rose». Сказки о животных «Roman du Renard» предназначены для насмешливой и добродушной публики фавлю; они также отличаются смелой и живой наблюдательностью. «Roman de la Rose» состоит из двух частей: первая, написанная около 1237 г. молодым человеком 25 лет, Гильомом де Лорри, есть изящный и холодный дидактический трактат об искусстве учтивой любви; вторая часть, написанная через 50 лет после первой Жаном де Менг, представляет собой сборник философских, богословских и научных рассуждений, сатир на женщин, монашеские ордена, королей и вельмож, анекдотов, где вкратце излагаются и осмеиваются философия, богословие, наука, привычки веселых и легкомысленных буржуа того времени. «Роман о Розе» Жана де Менг, древнейшие части романа о Лисе, «Jeu de la Feuillée» Адама de la Halle (пьеса, представленная в Арре в 1262 г.), прелестная сказка-поэма об Окассене и Николетте – лучшие образцы этой литературы среднего сословия (купцов, разбогатевших крестьян), тогда как «Audigier» и «Connebert» – ее худшие образчики.

История. Историография на народном языке возникла в эпоху крестовых походов. Первый поход был воспет очевидцем Ричардом Паломником, произведение которого утрачено. Амвросий, неталантливый, но наивный и добросовестный жонглер, посвятил 12 тысяч стихов описанию третьего крестового похода, в котором он сопровождал своего господина Ричарда Львиное Сердце. Четвертый поход послужил темой для первых двух образцовых произведений французской прозы: для «Conquête de Constantinople» Жофруа Виллардуэна, маршала Шампанского, и для рассказа одного пикардийского рыцаря, Роберта де Клари. Виллардуэн был одним из тех «сановников», которые отвлекли четвертый крестовый поход к Константинополю; его книга представляет собой ловкую и пристрастную апологию его поведения; она написана с могучей простотой: «Она напоминает "Песнь о Роланде", как Геродот – Гомера», – говорил Гастон Пари. Роберт де Клари является, наоборот, представителем бедных рыцарей, простых солдат; в нем меньше благородства, чем в шампанском маршале, но еще более

безыскусственности, и он умеет живо воссоздавать те великие события и прекрасные зрелища, которые он видел. Наконец, седьмому крестовому походу, то есть экспедиции Людовика Святого, мы обязаны рассказами сира Жуанвиля. Книга Жуанвиля, подобно произведениям Виллардуэна и де Клари, есть драгоценный литературный памятник, потому что она несколько не претендует на название литературного произведения. Добрый сенешаль, превосходный тип рыцаря XIII в., в 80-летнем возрасте продиктовал биографию Людовика IX, другом и спутником которого он был 50 лет назад. Некоторые части его рассказа носят на себе следы старческой слабости, но другие настолько живы и свежи, что кажется, будто они были написаны тотчас после событий. Нет сомнения, что Жуанвиль вел дневник, который он лишь исправил в старости, когда королева Жанна Наваррская попросила его изложить письменно «слова и прекрасные деяния» святого короля. Как исторический документ для истории седьмого крестового похода, мемуары Жуанвиля, быть может, уступают ясным и точным письмам, которые писал из Египта своим французским друзьям Жан Сарацин; но стиль Жуанвиля прелестен: автор отдается течению непринужденной беседы и, если он немного фантазирует и путает, то с избытком искупает эти недостатки своим добродушием, своей простотой и искренностью.

Привычка писать историю народным языком, возникшая во времена крестовых походов, распространилась на Западе очень рано. К несчастью, жонглеры, усвоившие этот новый литературный вид, не ограничивались, подобно Амвросию и шампанским рассказчикам, изложением виденного; они перелагали в стихи, снабженные рифмами или созвучиями, старые хроники, разукрашивая их по примеру собирателей древних эпосов. «История англичан» Жофруа Гэмара, переложившего между 1147 и 1151 гг. в плоские стихи историю британского острова от похода аргонавтов до смерти Вильгельма Рыжего, представляет собой такое же искусственное произведение, как поэмы о короле Артуре. То же следует сказать о поэмах Жерсье Васа; его «Roman de Rou», написанный между 1160 и 1174 гг., останавливается на 1107 г. и, следовательно, описывает лишь такие события,

Музыкант.
Миниатюра из рукописи XI в.

при которых автор не присутствовал. К той же категории произведений относятся 40 тысяч стихов современника Васа, Бенуа де Сент-Мор, который также не довел англо-нормандскую историю до своего времени. Несравненно более интересны и гораздо выше по форме сочинения Журдена Фантома, анонимного биографа Гильома Маршала, Гильома Гюяра и Филиппа Мускэ: это произведения очевидцев; благотворное влияние действительности удерживает их авторов от столь распространенной в средние века склонности к условным банальностям. Журден Фантом изложил в стихах историю войны Генриха II Плантагенета с шотландским королем в 1173–1174 гг. Филипп Мускэ из Турнэ очень скучен, когда излагает по известным источникам историю мира от Троянской войны до своего времени (около 1240 г.), и очень интересен, когда рассказывает историю Фландрии в XIII в. Гильом Гюяр, сержант в армии Филиппа Красивого, посвятил 12 тысяч стихов войнам этого государя во Фландрии. Но самый талантливый из этих поэтов-летописцев – Аноним, книга которого, найденная недавно, представляет собой один из замечательнейших памятников средневековой литературы. «В ней, – говорит П. Мейер, открывший ее, – очень подробно излагается история Гильома Маршала, графа Пэмброка, бывшего регентом Англии в первые годы царствования Генриха III и умершего в 1219 г. Автор – быть может, герольд норманнского происхождения – скрыл свое имя, но мы знаем, что он составил свою работу по очень надежным источникам, что он был современником событий, о которых рассказывает, и что он добросовестен и проницателен». Кроме того, он талантлив; его стиль гибок, легок, силен и гладок; он неподражаем в передаче анекдотов; иногда он возвышается до трагической простоты.

Другие памятники народной литературы. В средние века во Франции много писали на народном языке. Дидактическая литература, которая первоначально сосредоточивалась в руках духовных лиц, подобно историографии, с XII в., как и эта последняя, начинает разрабатываться также светскими лицами. С этого времени было издано множество псевдо-научных компиляций на простонародном языке: «Lapidaires», «Bestiaires», «Computs», «Livres de

propriétés des choses», переведенных с латинского, и даже философских трактатов вроде «Secret des Secrets», который приписывался Аристотелю. «Image du monde» Готье Мецского (1245) есть энциклопедия науки духовных лиц для мирян, подобно «Trésor» Брунетто Латини. С другой стороны, была переведена или сочинена на светском языке целая религиозная литература: библейские рассказы¹, легенды о Пресвятой Деве, агиографические легенды², благочестивые рассказы, трактаты о нравственности, псалмы, мистерии и миракли. Во всем этом много нелепого. Книг, оригинальных по содержанию и форме, очень мало, и эти книги, как, например, «Coutumes de Beauvoisis» Филиппа Бомануара, в свое время далеко не пользовались той известностью, которую заслуживали.

Искусства

Готическое искусство. Происхождение готической архитектуры. Развитие и распространение нового способа строения церквей. Военная и гражданская архитектура. Декоративные искусства: скульптура. Декоративные искусства: живопись. Декоративные искусства: живопись по стеклу. Низшие искусства. Музыка.

Готическое искусство. Если XII и XIII вв. были замечательны с точки зрения истории литературы, то еще более важное место они занимают в истории искусств. В XII в. готическое искусство отделилось от романского; в XIII в. оно создало идеальные образцы. Но в чем состояла так называемая готическая революция? Когда и где она происходила?

¹ «Вся библия была переведена на французский язык в Париже около 1235 г. Следует заметить, что этот парижский перевод XIII в. отчасти сохранился, несмотря на многократные переделки, даже в тех французских библиях, которые теперь наиболее употребительны в протестантских церквях». Ср.: S. Berger. La Bible française au moyen âge. Париж, 1884.

² «Miracles de Nostre Dame» Готье де Куанси, приора Vic-sur-Aisne, св. Франциска Сальского XIII в., заслуживает особого упоминания даже в этом кратком перечне.

Происхождение готической архитектуры. Переход от романского искусства к готическому совершился в течение первой половины XII в., особенно он был заметен в Валуа, Бовези, Вексэне, парижском округе и части суассонского.

Около 1100 г. в Иль-де-Франсе решили подпирать ребра остроконечных сводов, здесь их предпочитали колыбелеобразным и куполообразным сводам, при помощи арок, крестообразно переброшенных по диагоналям над каждой частью свода. Эти арки, которые не только укрепляли свод, но и значительно облегчали его постройку, назывались *ogifs*, *ogives*¹. К 1125 г. они использовались очень часто.

Кроме того, иль-де-франским зодчим пришла в голову мысль облегчить давление сводов на точку скрещения стрелок. С этой целью они изобрели *аркбутан*, и введение этого нового архитектурного органа дало возможность блестяще разрешить задачу, которая издавна занимала архитекторов, именно, увеличить легкость и высоту зданий, не ослабляя их прочности. Раньше умели строить лишь низкие, массивные церкви. Но с того дня, как стали помещать под кровлей боковых хоров возле каждого столба тщательно подогнанные под пару арки, опиравшиеся с одной стороны на то место стен корабля, где приходится давление главных сводов, а с другой стороны – на прочные наружные контрфорсы, помещенные вне боковых хоров, – задача была решена. Действительно, благодаря этому приспособлению, прототипом которого являются подпорки, которые приставляют к стенам домов, чтобы они не накренялись, зодчий получает свободу действия: так как прочность здания зависит теперь лишь от прочности аркбутанов, этих неподвижных подпорок, и от прочности их

¹ Слово *ogive* теперь употребляется обычно в другом смысле, именно в смысле дуги, ломаной арки, которую в средние века называли аркой «en tiers point», «en pointier» – арки, составленной из двух равных сегментов, имеющих разные центры. Это неверное словоупотребление (так как архитекторы Ренессанса, подобно средневековым, всегда обозначали словом *ogives* диагональные стрелки сводов) возникло не ранее конца XVIII в.; по-видимому, оно произошло от ошибки археолога Миллена, который, говоря о большой ломаной арке, находящейся на площади Maubert, назвал ее «une grande arcade ogive». Лишь со времени Миллена говорят о сводах и окнах «en ogive».

стоек, внешних контрфорсов, то он может позволить себе поднять ключи сводов на высоту, ранее неизвестную; он может пробивать в боковых стенах, теперь уже бесполезных для равновесия здания, громадные отверстия, выпускающие целые потоки света, который так скупно впускали скошенные внутри окна прежних романских сооружений. Таковы были некоторые из последствий скромного изобретения, сделанного иль-де-франскими каменщиками в начале царствования Людовика VI.

Иль-де-франские зодчие, которые первые начали систематически употреблять скрещивающиеся стрелки и арбутан, издавна отдавали явное предпочтение трехгранным аркам, и уже с конца XI в. употребляли их вместо полукруглой арки, бывшей тогда в моде в большинстве других стран. Поэтому и все те, кто подражал архитектурной манере Иль-де-Франса, предпочитали ломаную арку. Но некоторые ошибочно считают вообще присутствие ломаной арки (неправильно называемой стрельчатой) основной чертой, позволяющей с первого взгляда отличить готическое (или «стрельчатое») здание от романского. Главная характерная черта готического здания – не трехгранная арка, а свод, лежащий на скрещивающихся стрелках, и подпорная арка.

В Иль-де-Франсе есть еще множество церквей, построенных в эпоху выработки готического стиля; по ним можно изучить первые попытки, первые успехи и борьбу нового искусства против традиции; таковы церкви в Morienvall, в Cambronne-lès-Clermont, в Saint-Germer в Saint-Leu d'Esserent, капелла в Bellefontaine, церковь Св. Стефана в Бовэ и т. д. В самом Париже можно указать на хоры старинной церкви в Saint-Martin des Champs, на один придел Saint-Germain des Prés и на церковь Saint Pierre de Montmartre.

Развитие и распространение нового способа строения церквей. Архитектура, которую ошибочно называют стрельчатой или неосновательно – готической, и которую следовало бы называть французской (в средние века говорили: *opus francigenum*), была, следовательно, уже окончательно выработана, когда вошло в обычай строить стрельчатые своды в церквях, передавать тяжесть их сводов на арбутаны, подпертые внешними контрфорсами, а также –

Завоевание Англии норманнами. Ковер из Байе XI в. Он был вышит принцессой Матильдой и ее фрейлинами в ознаменование покорения Англии Вильгельмом Завоевателем (1027–1028 гг.), за которого Матильда вышла замуж

чего нельзя отрицать – повсюду заменять полукруг тремя гранями.

Готический стиль, *opus francigenum*, господствовавший на Западе в течение 400 лет, не оставался на одной и той же ступени развития; он совершенствовался до конца XIII в. (примитивная готика, копьевидная готика).

В немногих словах и без рисунков трудно дать ясное представление о том, чем отличаются памятники примитивной готики от памятников копьевидной. Главными образцами первоначального готического стиля являются старинные части соборов в Нойоне, Сансе, Лане, Париже и Суассоне. К периоду копьевидной готики¹ относится большинство больших соборов: шартрский (корабль и хоры которого были

¹ Ломаная арка этого периода, будучи слегка приподнята, напоминает по форме наконечник копья.

закончены в конце царствования Филиппа Августа), реймский (начатый в 1212 г.), амьенский (план которого был составлен Робертом Люзаршем в 1220 г.; корабль и поперечный ход до начала больших сводов были возведены уже в 1228 г.), сен-дениский (корабль и поперечный ход которого были выстроены, по преданию, двумя доверенными архитекторами Людовика IX, Эдом Монтрейльским и Жаном де Шель), бовэский (чудные хоры которого были окончены в 1272 г.), мансский, буржский и другие, наконец Sainte-Chapelle du Palais в Париже, начатая в 1245 г. по планам Пьера Монтеро и вполне оконченная 25 апреля 1248 г. Все эти здания (и другие, исчезнувшие, вроде главного произведения Гуго Либержье – Saint-Nicaise в Реймсе) представляют собой последовательные моменты органического развития. По мере того, как аркбутаны эксплуатировались, а расчеты давлений и сопротивлений совершенствовались, архитекторы становились смелее: арки заострились; профили сделались легче; корабли, поперечные ходы и хоры приняли более внушительные размеры; переходы хоров украсились глубокими часовнями; повышение боковых отделов повлекло за собой исчезновение трибун. Между пучками искусно расположенных колонн и колонок, соединяющихся со стрелками сводов, стены были заменены обширными просветами, которые снабжаются средниками и стеклами; к этим окнам присоединяется в нижней части церкви решетчатый трифорיום. В реймском соборе колонны возвышаются на 36 метров над землей; замочные камни амьенского свода находятся на высоте 42 метров, в Бовэ – на высоте 47; только железные сооружения могут превысить эти размеры. В общем готические церкви с середины XII до конца XIII в. становятся все более обширными, высокими и светлыми.

Новая строительная система – готическое искусство, которая так далеко опередила все прежние системы, начиная с последних лет царствования Филиппа Августа, во всей Франции заменила провинциальные школы романского искусства, поскольку ее распространению содействовали ее внутреннее превосходство и успехи территориального объединения королевства вокруг Иль-де-Франса, центра капетинских владений. Затем она проникла за пределы Франции –

в Германию, Швецию, Англию, Испанию и даже в глубь Венгрии. Цистерцианцы привили ее повсюду, где они строили церкви. Многие иностранные епископы, учившиеся некогда в Парижском университете, призывали к себе французских архитекторов, поэтому мы еще теперь находим готические церкви, выстроенные во французском стиле, в Кентербери, Линкольне, Бургосе, Упсале, Роскильде и т. д.¹

Военная и гражданская архитектура. Поразительны материальные средства этого общества, которое, по-видимому, без усилия возвело в такое короткое время столько гигантских соборов, выстроенных с величайшей тщательностью. Но наше удивление еще увеличится, если мы примем во внимание, что кроме религиозных зданий люди XII и XIII в. выстроили еще множество других почти таких же громадных, которые не уцелели до нашего времени.

В середине XII в. Франция была усеяна неуклюжими четырехугольными замками, редкими образцами которых являются развалины башен в Лоше, Божанси, Nogent-le-Rotrou, Фалезе. Военные сооружения нового типа размножились особенно в царствование Филиппа Августа, когда были заложены почти все замечательнейшие церкви Франции. Действительно, Филипп Август выстроил в Париже крепости Лувр и Nesles, укрепленные замки в виде цилиндрических башен в Монтаржи, Пуасси, Мёлане, Бурже, Руане, Дурдане, Иссудене, Жизоре и т. д. Феодалный замок Куси, выстроенный между 1223 и 1230 гг., представляет собой тип этих грозных сооружений. Ограда, которой Филипп Август окружил Париж, исчезла, но стены Эгморта, Каркасона, Анжера, Провена, Жизора и других еще свидетельствуют о техническом искусстве и энергии военных инженеров XIII в. Строения «Merveille» на Mont-Saint-Michel относятся к тому же времени.

Из гражданских сооружений в первоначальном виде сохранились лишь немногие. Так, можно указать на ратушу в

¹ Сохранился подлинный альбом одного архитектора Виллара де Гоннекур, который в середине XIII в. был приглашен в Венгрию для постройки церквей по французскому способу. См.: *J. Quicherat. Notice sur l'album de Villard de Honnecourt*, в *Mélanges d'archéologie et d'histoire*, in-8, т. II, 1886.

Сент-Антонине (Tarn-et-Garonne), на епископский дворец в Лане, на дом Музыкантов в Реймсе, на дома в Корде и некоторых других гасконских бастидах, на больницы в Анжере и Тоннерре и на амбар для склада десятины в Провене.

Декоративные искусства: скульптура. В романскую эпоху первые скульпторы (так называемые *imagiers*) копировали античные и византийские образцы: римские развалины, изделия из слоновой кости, драгоценности Константинополя и дальнего Востока. Статуи св. Трофима Арльского напоминают изображения на галло-римских саркофагах; художники, украсившие монастырь в Муассаке, с грехом пополам подражали византийским сценам. До XI в. декоративная скульптура повсюду жила более или менее верным воспроизведением античных или византийских традиционных мотивов (галунов, плетеных витых снурков, палочек, жемчужных ниток, яиц, пальмовых листьев и цветков), мотивов варварского или азиатского происхождения (перевивок, фантастических животных и т. д.) и мотивов фантастических. В XII в. французская скульптура сразу эмансипировалась. Виолле ле Дюк первый решился сравнить эту замечательную эволюцию с той, благодаря которой из Эгинской школы вышла школа Фидия, и это сравнение, которое когда-то вызвало негодование, сделалось теперь банальным. Следует отметить, что появление этой оригинальной скульптуры как раз совпало с началом периода больших построек готического стиля в Иль-де-Франсе. Иль-де-франские каменщики в ту минуту, когда они стали применять описанные выше архитектурные приемы, обладали уже редкой ловкостью рук; они начали заменять прежние искусственные мотивы архитектурной орнаментации совершенно новыми мотивами. Вместо условной, выдуманной орнаментации романских зданий, почерпнутой из столь разнообразных источников, они начали смело употреблять орнаменты, взятые из природы, из жизни. Сначала они копировали водяные растения (аронову бороду, ирис, кувшинки), столь простые и живописные, так часто встречающиеся в болотистых котловинах долины Оазы; затем они принялись за туземный аканф, за папоротник. Во времена Филиппа Августа и Людовика Святого стали изображать

легкую и изрезанную листву и на корзине капителей стали изображать ветви плюща, клена, остролистника, виноградные лозы, чертополох, петрушку и цикорий. Ничто не может сравниться с изяществом и монументальной красотой этого растительного орнамента, когда он исполнен, как это всегда бывало в средневековой Франции, художниками, уверенными в своем резце.

Ваяние в собственном смысле слова освободилось от византийских традиций не так быстро, но так же безусловно, как орнаментационная скульптура. Думали, что средневековые ваятели умели делать лишь «длинные, худые тела вроде тумб, задрапированные на манер органных труб, с аскетическим и болезненным выражением лица». Открытие музея слепков в Трокадеро в Париже рассеяло это заблуждение. Первыми памятниками новейшей скульптуры являются статуи, помещенные у главного портала шартрского собора, лица которых, озаренные загадочной улыбкой, уже совершенно свободны от традиционного гьератизма. Двадцать две колоссальные статуи среднего входа, царствующие над толпой в 2500 статуй, которая наполняет реймский собор, – амьенский «beau Dieu», статуя Пресвятой Девы парижского портала, такая же статуя у Золотой двери в Амьене, статуи апостолов в Sainte-Chapelle, статуи королей в Сен-Дени – по жизненной правде, грации и силе не уступают лучшим произведениям идеалистической школы Древней Греции¹. Виолле ле Дюк прекрасно и справедливо говорит о них: «Каждая из этих статуй имеет свой личный характер, который врезается в память, как воспоминание о живом и близком существе».

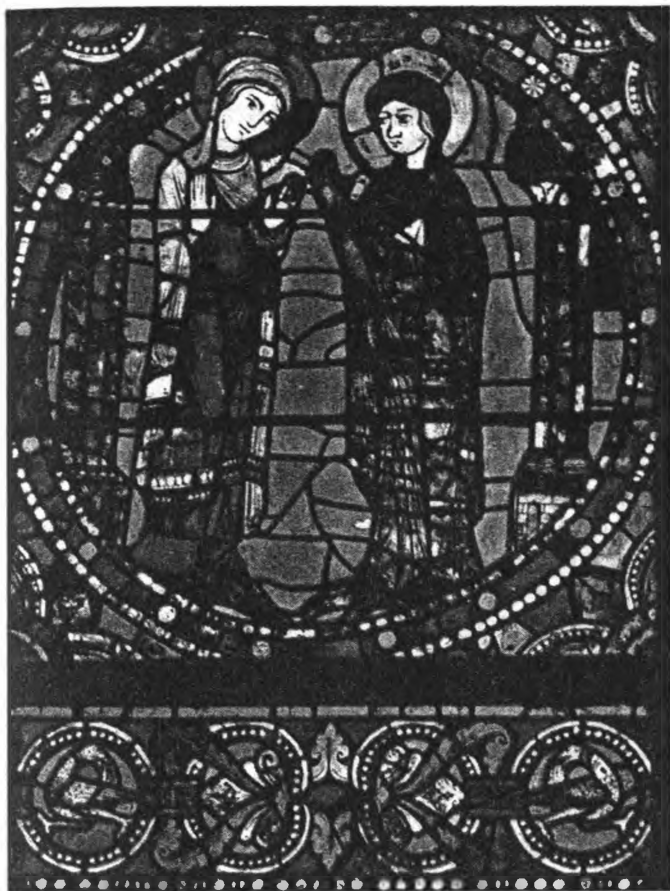
Скульптура XIII в., как и скульптура античных храмов, была рассчитана на ту среду, в которой ей приходилось фигурировать; поэтому она была многоцветна, что увеличивает ее сходство с греческой. Порталы готических соборов, теперь почерневшие от времени, были позолочены и раскрашены, фоны – темными цветами, орнаменты – светлыми тонами с коричневыми контурами. Те, которые видели дверь

¹ Ср. также в Луврском музее очень поврежденные, но все еще удивительные барельефы буржского собора.

северного трансепта реймского собора, оставшуюся неповрежденной, так как она рано была защищена от непогоды пристройкой ризницы, могут судить о впечатлении, какое производила некогда эта яркая многоцветность.

Декоративные искусства: живопись. Все здания XII и XIII вв. были украшены стеной живописью, исполненной с замечательным пониманием законов сочетания цветов, – раскрашенными и очень слабо выпуклыми рисунками, покрывавшими большие поверхности, или простыми цветными полосами, посредством которых выдвигались на вид отдельные архитектурные части. В XII в. большие декоративные сцены писались в тонах, аналогичных тонам византийской живописи: очень светлые фоны, красно-коричневые или грифельно-серые, с резкими белыми местами и совсем без золота. Таковы знаменитые фрески в церкви Saint-Savin, в храме св. Иоанна в Пуатье, в Монтуаре (Loir-et-Cher), в капелле Лиже, в церкви Petit-Quevilly близ Руана и т. д. В XIII в. смелые просветы готической архитектуры заняли те места, которые предназначались для стеной живописи. Последняя отступила на задний план перед стеклом или прозрачной живописью и стала служить лишь как бы рамкой для нее. Она не исчезла совсем, но изменилась, чтобы подходящим сочетанием тонов усиливать эффект новой стеклянной живописи. Цельные цвета (синий, красный) преобладают в живописи XIII в., выделяясь на очень темных фонах, обильно залитых золотом. Такова, например, живопись Saint-Chapelle du Palais в Париже, реставрированная Виолле ле Дюком.

Декоративные искусства: живопись по стеклу. Живопись по стеклу – по преимуществу средневековое искусство. Она возникает в XII в., и ее первые образцы – оконницы в храме св. Троицы в Вандоме, окна в соборе Сен-Дени и в фасаде шартрского собора. Эта первобытная живопись, способ исполнения которой сообщает нам немецкий монах Теофил в своей знаменитой «*Schedula diversarum artium*», представляет собой настоящую мозаичную работу; это – окрашенные в разные цвета, пригнанные друг к другу и спаянные свинцом кусочки стекла. Прежде всего рисовали картон, на который затем накладывали кусочки стекла; все эти

*Встреча Марии и Елизаветы. Витраж.
Неизвестный художник. Франция. XIII–XIV вв.*

кусочки оправляли в свинец; затем при помощи кисти вновь вырисовывали орнамент прозрачной черной краской; после спайки прозрачную мозаику помещали в просвете, который она должна была закрывать, вставив ее в железную раму, прикрепленную к стене. Краски употреблялись простые: синяя, красная, желтая и бледно-зеленая. Полутониров не было. Рельефность достигалась не переходами от света к тени, а грубой штриховкой, набросанной кистью. Вблизи

это – совершенно варварский рисунок; но тут-то и сказывалось декоративное чутье старинных художников: снизу, издали эти оконницы поражают своими могучими массами; детали уходят вдаль; драпировка выступает, фигуры кажутся гармонически соразмерными, и стены здания представляются, по выражению одного старого писателя, «выстроенными из света». Живопись по стеклу достигла в XIII в. совершенства и большого разнообразия, хотя техника изменилась очень мало. Самые замечательные образцы живописи по стеклу в виде фигур и медальонов находятся в Шартре и Saint-Chapelle в Париже; лучшие образцы прозрачной живописи того времени находятся в Руане, Суассоне и храме Св. Сергия в Анжере. Люди средних веков, лучше современных понимавшие необходимость приспособления искусства к условиям климата, нашли в раскрашенном стекле самое подходящее украшение для зданий, выстроенных под небом, которое часто покрывается тучами, – так как прозрачная мозаика, разлагая бледный свет севера, обогащает его.

Низшие искусства. Средние века не занимают выдающегося места в истории интеллектуальной жизни человечества, но они играют важную роль в истории развития искусства и промышленности, которые украсили материальную сторону жизни. Правда, до нас дошло, к сожалению, лишь очень малое число ювелирных изделий и тканей той эпохи; почти все изделия из драгоценных металлов были расплавлены; позднейшие поколения расточили художественное наследие XII и XIII вв.; но древние инвентари, иконография рукописей, сборники технических сведений вроде «Schedula» Теофила и немногие обломки дают нам довольно ясное понятие о стиле и способах производства большинства предметов, которыми пользовались наши предки, – их одежды, утвари, оружия и драгоценностей.

Из промышленных отраслей искусства одной из самых цветущих была эмалировка, которую очень рано начали применять в Лиможе и долинах Мааса и Рейна. Лиможские эмали, выпуклые и углубленные, с XII в. пользовались европейской известностью. Особенно знамениты эмаль Жофруа Плантагенета (в Манском музее) и дароносица (в Лувре). XIII в. был эпохой высшего расцвета лиможских мастерских.

Производство ковровых обоев было известно уже задолго до XII в. (обои гальберштадтского собора), и мы знаем, что тогда в Лиможе и Пуатье ткали декоративные обои. В XIII в. в Париже и Арре были уже знаменитые фабрики, но по-видимому, не сохранилось ни одного образца их изделий. Тканье шелка и шерсти до 1100 г., по-видимому, не было широко распространено на Западе, но после этого года христианская Европа перестала привозить драгоценные ткани (самит, сандал, камлот и др.) из Сицилии и Малой Азии. Что же касается простых материй, то местное производство с избытком удовлетворяло спрос. «В XII в., – говорит Кишера, – во Фландрии, Пикардии, Шампани и Лангедоке выделялось огромное количество сукна. В этом производстве участвовало почти все население больших городов этих провинций. Каждый город выделял особый род сукна, который распознавался по ткани и окраске». Франция славилась в Европе своими полосатыми тканями.

Производства из дерева (плотничное, резное и столярное) достигли в средние века редкого совершенства. В XII и XIII вв. мебель делалась гладкая и украшалась накладками из кожи или набойки, или же мелкими железными украшениями. Таковы ларцы XIII в., хранящиеся в музее Carnavalet в Париже, в нойонском соборе, шкафы, находящиеся в Нойоне, Обазине и Байё. К концу царствования Людовика Святого вошло в моду украшать филенки барельефами из цельного дерева (ларец в Ключийском музее). Но наибольшего совершенства достигло резное искусство в орнаментации кресел церковных хоров; древнейшие кресла, украшенные резьбой, находятся теперь в соборе Богоматери в Ла-Роше (Seine-et-Oise), в пуатьеском соборе и в церкви Saint-Andoche в Saulieu.

Кузнецы, обрабатывавшие металлы молотом, умели делать их настолько мягкими, что делали из них украшения в форме листов или симметричных ветвей (вроде тех, какие находятся на створках дверей Парижского собора Богоматери), которыми еще в наше время восхищаются наиболее искусные мастера¹. Ювелиры, судя по «Schedula» Теофила,

¹ Ср. стиль этих украшений со стилем железных украшений вышеупомянутого ларца в Carnavalet, который, как говорят, взят из сен-денского аббатства.

умели гравировать драгоценные металлы грабштихом и резцом, делать барельефы и фигуры, отделять их чеканкой и украшать чернью. Они отливали также из воска большие вещи. Это искусство достигло блестящего развития в Германии в XII в. (рака Saint-Servais в Маастрихте, изображения волхвов в Кельне). Лучшим образцом бронзовой пластики во Франции является гробница епископа Эврара de Fouilloi в амьенском соборе, сделанная в 1223 г.

Музыка¹. Период, простирающийся от IV в. приблизительно до середины XIII в., можно рассматривать, как первую эпоху образования новейшей музыки. Народы-завоеватели принесли с собой зародыш нового искусства, о котором не имел представления ни один древний народ. Музыка, какой мы ее теперь знаем, с ее бесконечной негой, с ее удивительной гибкостью, с ее многочисленными средствами выразительности и колорита, эта музыка – варварского происхождения. Древние имели особую музыку, в основе которой лежали принципы, очень отличные от принципов нашей музыки; они пользовались ею, правда, вполне артистически, но их средства были ограничены. В тот день, когда в «Изречениях» Исидора Севильского (VII в.) впервые было выражено ясное понятие о гармонии: «Музыка есть согласование нескольких звуков и их одновременное соединение», – родилось новое искусство – наше искусство.

Новизна возвешенной таким образом музыки состояла в чувстве тональности, из которого вышли наши гаммы, наша мелодия, наша гармония, – словом, весь наш музыкальный язык; этот, теперь, по-видимому, столь простой принцип тональности и равенства гамм пробивал себе дорогу восемь веков. Он проявляется в зародыше у теоретиков X и XI вв.; в XIII в. он все яснее выступает в некоторых прозаических сочинениях, в песнях труверов и трубадуров, особенно Адама de la Halle, пока, наконец, тональность новой музыки, применяемая все чаще и чаще, не укореняется окончательно в конце XVI в.

В течение этого долгого периода не было недостатка в музыкантах, и первые столетия средних веков полны музы-

¹ Следующие далее страницы о музыке, составлены г. Н. Lavoix.

ки. Уцелевшие музыкальные произведения из эпохи до XII в. теперь довольно трудно читать вследствие их своеобразной нотной системы. Мы имеем в виду невмы. Это были условные знаки, состоявшие из частей букв алфавита, которые, будучи помещены без строк над словами, указывали звуки с их высотой и ритмическим значением. Эта система была довольно неопределенна, как признают сами современники; но позднее стали проводить на пергаменте линии, обозначающие место различных звуков, а в XI в. Гвидо д'Ареццо установил тот принцип, что все знаки, помещенные на одной строке и снабженные одним ключом, «обозначают всегда одну и ту же ноту». Это была теория пяти нотных линий – теория плодотворная, которой мы обязаны нашей нотной системой.

Тогда же возникает и полифония, то есть появляются первые пьесы для двух, трех, четырех и даже пяти голосов; действительно, Гукбальд де Сент-Аманд в конце IX в, опираясь на примеры, пространно говорит о *diaphonia* и *organum* – варварском скоплении звуков, из которого вышла наша гармония.

За недостатком музыкальных образцов мы черпаем сведения о состоянии светской и религиозной музыки до XII в. в сочинениях теоретиков вроде Режинона Прюмского, Одона Ключийского, Гукбальда, Бернона, Германа Контракта, Гвидо д'Ареццо.

В эту минуту поднимается занавес, скрывавший от нас историю музыки; документы многочисленны, рукописи снабжены нотами и легко читаются, трактаты становятся ясными и подробными; XIII и XIV вв. представляют собой эпоху расцвета музыки. Как светские, так и духовные школы достигают замечательного развития. Нотная система, прочно утвердившаяся на пяти линиях и вооруженная своими ключами, требует от изучающего ее ничтожных усилий. Существует уже вполне удовлетворительное деление музыки на виды: песня трувера отличается от прозы или гимна церковного композитора; в мелодии есть переходы, ритм и известное изящество. Варварские какофонии *organum* начинают исчезать и уступают место дисканту, подчиненному законам более правильной гармонии, многочисленные

инструменты сопровождают пение искусных артистов. Музыка проникает всюду: в церковь – и лучшие напевы литургии относятся именно к тому времени, когда представления мистерий напоминают настоящие оперы; в замок, где мы встречаем не только отдельных певцов, но и обширные, хорошо организованные концерты; в общественные места, где, кроме напевов мистерий, раздаются трубные звуки княжеских пиршеств. Наконец, в 1285 г. в Неаполе была исполнена пастораль *Robin et Marion* трувера Адама de la Halle, первая светская лирическая пьеса, достойная этого названия. В ней видны все признаки настоящего искусства: музыка вступила на тот путь, на котором она уже не остановится.

В течение этого долгого периода первое место в истории музыки занимает Франция; она имеет преобладающее влияние в музыке, как и в поэзии. В Испании задавали тон французские трубадуры и менестрели; в Италии мы видели триумф Адама de la Halle при неаполитанском дворе; в Англию французская музыка естественно была перенесена нормандскими, пикардийскими и артуаскими труверами. Только Германия уже, по-видимому, задумывает создать собственную музыку; песни миннезингеров, сохранившиеся в большом числе, сильно отличаются от французских; в тех мелодиях лежит зародыш особого искусства, особого музыкального языка, с которым придется считаться позднее в истории музыки.

Образование английской нации. Великая хартия (1087 – 1272)

Общие замечания. Нормандское завоевание завершило процесс, начатый вторжениями скандинавов и датским покорением. Партикуляризм, погубивший англосаксов, был устранен навсегда. Нация политически объединилась, оставалось объединить ее духовно. Два народа, населявшие страну, из которых один, благодаря победам Вильгельма Завоевателя, приобрел господство над другим, отличались друг от друга языком и нравами, стремлениями и потребностями; они – враги, и пока будет продолжаться этот антагонизм, Англия будет, пожалуй, могущественным государством, но не сделается нацией. Это новое преобразование совершается очень скоро и обуславливается нуждами, вытекающими из самого завоевания. Чтобы удержаться в покоренной и ограбленной стране, короли становятся деспотами; их власть сильна – они делают ее невыносимой. Под давлением общего гнета победители и побежденные соединяются для сопротивления королям. Тогда перед общностью интересов исчезает расовый антагонизм. Два века непрерывно продолжается гражданская война, и из нее выходит вооруженная с головы до ног английская нация.

История этой борьбы в XII в. делится на два периода: период нормандских королей и период анжуйских королей. Она завершается Великой хартией, которая была последствием и как бы живым свидетельством внутреннего слияния обеих рас.

Нормандский период (1066 – 1135)

Наследие Вильгельма Завоевателя. Вильгельм II Рыжий: тирания. Захват престола Генрихом Боклерком. Генрих I отнимает у своего брата Нормандию. Отношения Генриха к феодалам и церкви. Наследие Генриха I. Устройство Англии при нормандских королях. Король и королева. Высшие должностные лица и министры. Королевский совет или *Curia regis*. Доходы короны. Местное управление. Города: Лондон. Присяжное следствие: жюри и поединок. Войско. Положение лиц и земель: баронии и мэноры. Церковь на службе государства.

Наследие Вильгельма Завоевателя. Вильгельм I оставил троих сыновей. На смертном одре он, по преданию, разделил между ними свое имущество: старший, Роберт, получил герцогство Нормандское, второй брат, Вильгельм Рыжий – Английское королевство, последний, Генрих Боклерк, – 5 тысяч ливров серебра. Архиепископ Кентерберийский Ланфранк, воспитатель Вильгельма Рыжего, короновал его, но предварительно заставил его дать клятву в том, что он будет соблюдать справедливость и защищать мир, свободу и безопасность церкви против всех врагов.

Вильгельм II Рыжий: тирания. Вильгельм II был умен, смел и очень храбр в сражении; его речь была колка и цинична. Вначале он благоразумно следовал советам искусного министра своего отца. Когда несколько вождей знати подняли восстание в пользу Роберта Нормандского, он обеспечил себе поддержку англичан, обещав им лучшие законы и уменьшение податей. Но когда смерть освободила его от благодетельной опеки Ланфранка (1089), он дал волю своим дурным инстинктам: жадный, развратный, жестокий, он, казалось, ничего не желал, кроме денег, вина и женщин. Он сделал своим любимцем, а вскоре и главным министром (высшим судьей) одного нормандца низкого происхождения, Ранульфа Фламбара, в котором нашел искусное орудие для своего деспотизма. Его политика состояла, по-видимому, в том, чтобы как можно более увеличивать обязательства феодалов: ленная подать, платежи за вступление в брак и за опеку над малолетними были доведены до чудовищных раз-

меров. Право короля на получение доходов с вакантных епископских кафедр применялось чрезвычайно сурово; так, после смерти Ланфранка Вильгельм четыре года оставлял свободной кентерберийскую кафедру, чтобы получать ее доходы. Только в 1093 г., когда тяжкая болезнь заставила его подумать о своих грехах, он разрешил, наконец, избрать ученика Ланфранка, бекского аббата Ансельма, глубокого богослова, непорочного человека и искусного администратора; но по выздоровлении он поссорился с примасом и запретил ему отправиться в Рим за получением паллии. После нескольких лет борьбы Ансельм покинул Англию (1097), и Вильгельм снова наложил руку на доходы епархии, оставленной своим пастырем. Не лучше обращался он и с народом; огромные повинности, которые король взимал со знати, всей тяжестью падали на население; *датская подать* (danegeld) сделалась более обременительной; в 1094 г. народное ополчение было созвано в Гастингс и тотчас распущено, после того, как король взял с каждого человека по десять шиллингов. Лесные законы применялись с неслыханной строгостью. Таким образом, когда Вильгельм был найден пронзенным стрелой в Новой Роще (2 августа 1100 г.), никто не оплакивал его.

Захват престола Генрихом Боклерком. Вильгельм Рыжий не оставил детей. В силу договора, заключенного в Кане между Вильгельмом и Робертом (1091), корона должна была перейти к последнему. Но Роберт после шестилетнего пребывания в св. земле зажился в Апулии у своего тестя и жены. Генрих Боклерк воспользовался его отсутствием, чтобы завладеть королевской казной в Винчестере и потребовать себе корону. Несмотря на протест некоторых баронов, державших сторону законного наследника, он был признан королем и коронован в Вестминстере (5 августа). Это была настоящая узурпация, но он сумел загладить ее своевременными уступками: в день своего коронавания он возобновил клятву, данную некогда Этельбертом; он обещал соблюдать законы Эдуарда Исповедника и обеспечить всем мир, правосудие и справедливость. Наконец, он издал хартию – первую из «хартий английских вольностей», в которой обязывался сохранять права церкви, дворянства и

Печать Вильгельма Завоевателя
(1066–1087). Париж.
Национальный архив

народа. Фламбар, который по милости покойного короля сделался епископом и пфальцграфом Дургэма, был заключен в лондонский Тауэр. Ансельм был возвращен; вакантные аббатства и епископства были замещены. Не менее ловкой мерой был и брак короля: женившись на Эдифи, дочери шотландского короля Малькольма Канмора и племяннице Эдгара Этелинга, Генрих I связал нормандскую династию с древним саксонским домом. Английские барды восторженно прославляли этот союз, тогда как нормандцы смеялись над нежностью, которую обнаруживал король к наследнице умирающей монархии. Тем не менее, его положение было далеко не прочно; напротив, царствование Генриха I представляет собой одну долгую непрерывную борьбу с Нормандией, баронами и церковью.

Генрих I отнимает у своего брата Нормандию. Роберт, наконец, вернулся в свое герцогство. Это был человек привлекательный и любезный, храбрый и величественный, но лишенный политических способностей. Он отличился в первом крестовом походе, перед стенами Иерусалима и особенно в сражении при Аскалоне; наконец, его брак с Сибиллой Апульской доставил ему большие денежные средства. Он хотел оспаривать трон у Генриха I; но знать обеих армий отказалась подвергнуться риску сражения, и братья вошли в соглашение: Генрих был признан королем и обещал выплачивать Роберту, который промотал свои деньги на удовольствия, ежегодную пенсию в 3 тысячи марок серебра (1101). Однако ссора еще два раза возобновлялась: в

1104 г. ее удалось прекратить без кровопролития; в 1106 г. она окончилась блестящей победой Генриха I при Теншбре — ровно 40 лет спустя после битвы при Сенлаке (28 сентября). Роберт был взят в плен и заточен в кардиффском замке, где и умер после 28-летнего плена (1135). Его союзник Эдгар Этелинг, был взят вместе с ним, но Генрих оставил ему свободу, и последний отпрыск кердикской династии умер забытый в глухом уголке Англии.

Роберт оставил двоих сыновей. Старшего, Вильгельма Клитона, поддерживали французский король, естественный враг английского короля, и Фулько II Анжуйский, который хотел оторвать от Нормандии Мен; но поражение Людовика Толстого при Бремуде (1119) и другое поражение, нанесенное нормандским баронам в 1124 г., погубили предприятие Вильгельма. Он попытался еще овладеть Фландрией после убиения Карла Доброго, но нашел здесь смерть (1128). С тех пор Генрих был почти спокоен со стороны континента.

Отношения Генриха к феодалам и церкви. В самом королевстве ему несколько раз приходилось воевать с баронами, так как он стремился ограничить их независимость и положить предел их вымогательствам. Англичане поддерживали его; в 1102 г. они помогли ему прогнать Роберта Белемского, графа Шрюсберийского, свирепого тирана, который несколько лет спустя был взят в плен и заперт в мрачной Уоргэмской башне. Генрих завоевал замки большей части мятежников; остальные были объявлены изменниками и их имущество конфисковано. Эти суровые меры пришлось по сердцу английскому народу.

По отношению к церкви Генрих Боклерк возобновил политику своего отца, но положение дел усложнилось спором за инвеституру: Генрих, живший сначала в добром согласии с кентерберийским архиепископом, позднее потребовал, чтобы последний принес ему вассальную клятву и принял от него инвеституру на свое архиепископство; Ансельм отказался и снова отправился в изгнание (1103). Однако между ними не произошло тех раздражающих самолюбие столкновений, которые навсегда делают невозможным примирение. Благодаря посредничеству Адели Блуаской, благочестивой дочери Вильгельма I, между королем и примасом

состоялось свидание в Беке, где они заключили между собой договор на равных условиях, подготовивший Вормсский конкордат. Генрих отказался от права давать епископам инвеституру кольцом и посохом, но сохранил за собой право требовать от членов духовенства клятву подданства и вассальной верности (1106). Ансельм умер спустя некоторое время 76 лет (21 апреля 1109 г.); он был канонизирован, но лишь позднее, Александром VI. Соппротивление, оказанное им двум сыновьям Завоевателя, установило тесную связь между народом и духовенством и показало королю, что, какой бы абсолютной он ни считал свою власть, совесть и мысль оставались свободными.

Продолжая борьбу с теми, кого он считал врагом своей власти, Генрих I в то же время организовал более искусный административный персонал, чем действовавший при его отце. В этом важном деле ему много помогал один нормандский священник Рожер, который однажды привлек его внимание быстротой, с которой читал обедню. Когда Генрих вступил на престол, Рожер сделался канцлером, юстициарием (1107) и епископом Салисберийским. Рядом с ним образовались настоящие административные фамилии, наполнившие двор короля. Их деятельность тяжело отзывалась на народе; их суд был часто суров, и строгость, с которой они взимали подати, не раз вызвала ропот. Зато, по крайней мере, общественный мир был вполне обеспечен против покушений буйной феодальной знати, и сами англичане ценили, как некое благодеяние, «что путник, везший при себе золото и серебро, мог путешествовать по стране с полной безопасностью».

Наследие Генриха I. От жены своей Эдифи Генрих имел сына, который трагически погиб при кораблекрушении «Белого корабля» (1120). У него оставалась еще дочь Матильда, которая очень молодой вышла замуж за германского императора Генриха V (1114) и в 1125 г. осталась бездетной вдовой. После этого Генрих выдал ее замуж за молодого и красивого анжуйского графа Готфрида Плантагенета. От этого брака родился Генрих, будущий король Генрих II (1133). Король хотел обеспечить за этим ребенком свое английское и нормандское наследие; но бароны неохотно со-

гласились присягнуть на верность женщине; притом отец и дочь скоро поссорились. Они еще не примирились, когда Генрих внезапно скончался в Нормандии (1 декабря 1135 г.).

Устройство Англии при нормандских королях.

Англия находилась под властью нормандцев 70 лет. Генрих I закончил дело Завоевателя. Мы должны теперь точно определить те изменения, которые произвел в стране этот громадный переворот.

Король и королева. Королевская власть обладала в то время двойным характером: как во времена Эдгара и Канута, король был выборным вождем нации; но, с другой стороны, он сделался полновластным господином всей страны, подобно французскому и немецкому королю. Поэтому он еще реальнее, чем в предшествующую эпоху, являлся источником всякого правосудия, высшим судьей своих собственных нужд и средств к их удовлетворению; не существовало ни одной законной силы, которая могла бы контролировать его власть. Народ находился в двойной зависимости от него: во-первых, потому, что всякий подданный по достижении 12-летнего возраста обязан был приносить ему клятву верности, как в саксонскую эпоху; во-вторых – потому, что вся земля подчинялась теперь феодальным обязательствам, и держатели этих земель прямо или косвенно зависели от короля в силу клятвы личного подданства и политической верности. Правда, при своем венчании король клялся уважать вольности нации, то есть привилегии духовенства, знати и некоторых городов; но эта клятва была слишком общего свойства, чтобы ограничивать компетенцию государя. Рядом с королем и королева получила большее значение; она короновалась отдельно и получала значительный домен, который управлялся должностными лицами ее двора.

Высшие должностные лица и министры. Королю помогали в делах правления высшие должностные лица короны и министры. Эти сановники, передающие теперь свое звание по наследству, как раньше в Нормандии, на самом деле сенешали, кравчии, кеннетабли и маршалы. Их функции не были точно разграничены, но они обладали самостоятельным правом суда и участвовали в королевском совете.

Настоящими начальниками общественных ведомств были юстициарий, канцлер и казначей.

Юстициарий (*summus* или *capitalis justiciarius*) был вначале лишь заместителем короля во время его отсутствия; эта должность сделалась постоянной при Вильгельме II; теперь она охватывала всю судебную и финансовую администрацию королевства. Творцом ее можно считать Ранульфа Фламбара. При Генрихе I эту должность занимал Рожер Селисберийский. Казначей управлял королевской казной, находившейся в Винчестере; он принимал финансовые отчеты шерифов Шахматной палаты, заседавшей в Вестминстере. Рожер Салисберийский доставил этот важный пост своему племяннику, епископу Элийскому. Вместе с казначеем, отчеты королевских агентов принимал и проверял камергер (*chambellan*). Наконец, канцлер, стоявший во главе королевского кабинета, был чем-то вроде секретаря для всех министерских ведомств; его писцы составляли и запечатывали все королевские указы.

В царствование Завоевателя и его сыновей все эти должности, за исключением камергерской, исполнялись духовными лицами; благодаря этому нечего было опасаться, что они сделаются наследственными.

Королевский совет или *Curia regis* был одновременно преемником совета герцога Нормандского и английского уйтенагемота. При Вильгельме Завоевателе в нем участвовали епископы и аббаты ввиду их официальной «мудрости», высшие сановники государства и знатнейшие из английских и нормандских феодалов. Но вскоре он получил исключительно феодальный характер. После того, как вопрос об инвеститурах был улажен Генрихом I, епископы и аббаты, обязанные приносить вассальную клятву за свои феодалы, получили право участвовать в королевском совете в качестве вассалов короля, то есть на том же основании, на каком заседали в нем высшие чины и бароны. Но трудно сказать с уверенностью, было ли обладание феодалом необходимым условием для участия в королевском совете. Как и в саксонскую эпоху, это собрание было при обычных условиях малолюдным; оно заключало в себе только *proceres*, то есть епископов и аббатов, графов и баронов; однако в

исключительных случаях туда призывались и рыцари, как представители мелкого дворянства, и горожане некоторых городов, как например Лондона и Йорка. Притом компетенция королевского совета была очень обширна; опираясь на его согласие Завоеватель изменил законы Эдуарда Исповедника и отделил церковные трибуналы от светских судов; с его же согласия Генрих I принял корону и упорядочил лесное законодательство. Он утверждал назначение епископов, пока при Генрихе I они не сделались выборными; в его руках сосредоточивалась гражданская и уголовная юрисдикция: так, он осудил на смерть Вальтеофа.

Рядом с этим политическим советом короны образовался в XII в. административный совет, за которым вскоре и утвердилось официальное название *Curia regis*; начиная с царствования Генриха I, под этим названием ясно различается высший совет, обязанный, с одной стороны, производить суд, с другой – руководить разверсткой и сбором подати. В качестве финансового учреждения этот совет носил особенное название – *Шахматная палата*.

Судебная палата, как и политическая, в принципе состояла из всех прямых вассалов короля; в действительности же она заключала в себе лишь высших королевских сановников и судей (*justiciarii*), специально назначенных для этой цели. В ней председательствовал король или юстициарий. Она разбирала судебные дела, в которых был заинтересован король, и споры между прямыми вассалами короны; она служила также апелляционной инстанцией по отношению к низшим судам и рассматривала те дела, которые эти суды отказывались разбирать; она освобождала от исполнения королевских приказов (*writs*) и назначала следствия для разбора вопросов о праве собственности или о феодальных обязательствах.

Шахматная палата была чисто нормандским учреждением. Она состояла из тех же должностных лиц, как и Судебный совет. Она собиралась два раза в год – на Пасху и в день св. Михаила, и делилась на две секции: на палату, проверявшую счета, и на палату, которая испытывала качество, подсчитывала и принимала звонкую монету. Результат ее операций излагался письменно на свитках (куски пергамен-

та, сшитые краями) в трех экземплярах, из которых первый назывался Большим свертком; его текст имел законодательную силу. Древнейший из этих свитков относится к 31-му году царствования Генриха I (1131).

Доходы короны. Отчеты представлялись шерифами в присутствии чиновников (или баронов) Шахматной палаты. Королевские доходы состояли из четырех главных статей: 1) аренда домена, куда входили все доходы, на которые король имел право в качестве землевладельца; 2) датская подать (*danegeld*), которую Вильгельм Завоеватель и его сыновья удержали, но которая колебалась и была ослаблена многочисленными изъятиями в пользу монастырей, прямых вассалов короля и, наконец, шерифов; 3) феодальные доходы: ленная дань, доходы с опеки, пени за замужество, конфискации, помощь в трех случаях, присоединяющаяся к древней *trinoda necessitas*, продажа общественных должностей; 4) судебные доходы, из которых главным были штрафы, всегда очень высокие, особенно в случае нарушения закона об *anglaiserie* или законов об охоте. Суд часто был фискальным орудием, которым злоупотребляли дурные министры и алчные короли, как например Фламбар и Вильгельм Рыжий.

Местное управление. Королевская власть, столь могущественная в центре, обнаруживала не меньшую силу и в областях. Во главе графств стоит теперь *шериф* (*viccomes*); граф уже не принимает никакого участия в местном управлении, а епископ все более ограничивается своими религиозными функциями. Шерифы, как единственные агенты короля в графствах, облакались иногда экстраординарными полномочиями: в 1130 г. Ричард Бассе и Обри де Вэр исполняли функции шерифов сразу в одиннадцати графствах, оставаясь в то же время членами *Curia regis* и Шахматной палаты, и в качестве таковых сами проверяли отчеты по своему собственному управлению. Центром административной деятельности были, как и прежде, советы графства и сотни. В *советах графства* заседали сеньоры, имевшие лены в данном графстве, или их заместители, бальи и по четыре человека от каждого села, наконец, священники от всех приходов. Со времен Генриха II эти советы

собирались два раза в год под председательством шерифа или его помощника; они владели и гражданской, и уголовной, и мировой юрисдикцией; здесь же разъездные судьи произносили свои приговоры. Здесь же комиссары по сбору доходов определяли и разверстывали налоги. Совершенно так же функционировали в более узкой сфере *советы сотен*. Надо заметить, что участие в этих советах было не правом, а обязанностью: тот, кто был обязан участвовать в них, в случае неявки платил большой штраф, и многочисленность таких штрафов доказывает, что неявки были часты. Уже одно это обстоятельство показывает, что местные советы собирались не для того, чтобы свободно обсуждать вопросы, а для того, чтобы знакомиться с королевскими указами и приводить их в исполнение.

Города: Лондон. Города большей частью еще не имели муниципальной администрации. Лондон составлял исключение. Прославленный часто победоносным сопротивлением, которое он оказывал датчанам, обращенный со времени завоевания в столицу нового государства, он имел особенную организацию: он управлялся как графство; во главе его стояли выборный шериф (в 1130 г. их было четверо) и выборные судьи. Графство, в котором он находился, было отдано на откуп горожанам. Местными делами заведывало либо «народное собрание» (*folk-moot*), аналогичное совету графства, либо «совет квартала» (*ward-moot*), аналогичный совету сотни, либо собрание «*hustings*», заседавшее каждый понедельник. Но светские и духовные сеньоры продолжали пользоваться правом суда в городе, и лишь изредка начинает встречаться слово «гильдия». Таким образом, мы нигде не находим вполне свободной местной жизни; в государстве есть только одна власть – власть короля.

Присяжное следствие: жюри и поединок. Нормандское влияние обнаруживается также в области суда, военного дела и феодальных отношений. Важным нововведением является присяжное следствие. Саксы знали суд присяжных в области уголовного суда; только нормандцы ввели его и в гражданское судопроизводство. С этих пор в судах графства или сотни приговоры произносились лицами, которые предварительно давали клятву говорить исти-

Английский лучник

ну. К тем видам судебного доказательства, которые употреблялись саксами (соприсяжничество, ордалии), присоединяется новый способ доказательства, неизвестный до завоевания – дуэль или судебный поединок. Было сделано также несколько попыток ввести в употребление частные войны, но жестокие меры Вильгельма I и Генриха I в самом начале остановили это зло.

Войско получило исключительно феодальный характер: знатные рыцари, облаченные в латы или кольчугу, вооруженные щитом, мечом и копьем с флагом, составляют основной элемент войска. Число рыцарей, которое должно было выставлять каждое графство, начиная с 1085 г. определялось сообразно с протяжением дворянских земель, указанным в «Domesday-book»; рядом с древним делением на *hides*, которое осталось в силе, установилось деление на

рыцарские феоды или щиты. Вассалы, державшие из вторых рук, несли военную службу совершенно так же, как прямые вассалы короны, в силу клятвы верности, которая связывала их с государем.

Теперь ясно, в каком смысле нормандское завоевание изменило политический и административный строй Англии. В новой организации все было направлено к укреплению королевской власти. Анархию сменил деспотизм – деспотизм, впрочем, необходимый и часто проницательный. Что же касается положения лиц и земель, то здесь дело обстояло иначе. Правда, крупные держатели – большей частью уже не саксы, а норманны; терминология также заимствована преимущественно из языка победителей; но эти перемены обнаруживаются лишь на поверхности – сущность осталась почти та же.

Положение лиц и земель: баронии и мэноры.

Во главе дворянской иерархии стоит *граф*, заменивший прежнего *ярла*. Сначала этот титул раздавался скупно, но Вильгельм I образовал на тех границах, которые наиболее подвергались опасности нападения, почти автономные области, вроде графства Честерского, вверенного светскому сеньору, и дургэмского палатината, вверенного епископу. Эти воеводы были настоящими королями в своих областях; указы шли от имени графа, а не короля. Эта организация удержалась до наших дней. Древние *таны* приняли название либо *баронов*, либо *рыцарей*, смотря по важности их феода. *Барония* составляла неделимое целое, которое в силу майоратной системы, перенесенной из Нормандии, целиком переходило к старшему. Прямые вассалы короля обозначались на административном языке названием *tenentes in capite*. Реальные права, связанные с обладанием землей, не изменились. Нормандский или английский сеньор пользовался теми же правами, что и его предшественник, и взимал исконные повинности; его приказчики носили нормандские названия *senescallus*, *ballivus*, *praepositus*. Администрация *мэнора* осталась та же; местные дела древнего *township* разбирались в *court-baron*, тяжбы по вопросам землепользования – в *court-customary*. Сеньоры, владея правами суда, которые обозначались *soc* и *sac*, имели при себе также

уголовное судилище или *court-leet*, облеченное компетенцией суда сотни, и могли сами исполнять на своих землях полицейские обязанности по осуществлению круговой поруки (*francumplegium, frankpledge*); в этом случае его люди не были обязаны являться к шерифу, когда последний делал свой объезд, чтобы убедиться, «полны ли десятки». Положение крестьян не было значительно изменено завоеванием. «Книга Страшного Суда» в 17 графствах, которых она касается, насчитывает более 25 тысяч *servi* или батраков, не владевших землей, 80 тысяч *bordarii* и 7 тысяч *cotarii* или *cotseti*, владевших домами (коттеджами) под условием уплаты оброка, и около 110 тысяч *villani* – хлебопашцев, владевших своей землей под условием уплаты постоянных повинностей. Над ними стояли *liberi homines* или *sokemanni*, остаток древних свободных собственников. Мало-помалу эти разнородные классы слились в два: свободных и крепостных.

Раньше уже была указана огромная разница между континентальным феодализмом и английским: земли, розданные Завоевателем его соратникам, образовали часто обширные поместья, но никогда не были автономными государствами. Совокупность таких поместий носила название *honneur*, если сеньор получил от короля обширные привилегии в области суда и свободного поручительства. Число этих *honneurs* никогда не достигало цифры 100; притом они доставляли больше материальных выгод, чем политической силы.

Церковь на службе государства. Эта англо-нормандская феодальная знать, как ни близок был надзор над ней, всегда оставалась опасной; она была источником смут в государстве. Напротив, духовенство было источником силы; оно дало Генриху I его лучших министров. По своему составу оно являлось отражением гражданского общества: высшее духовенство было наполнено нормандцами, низшее – почти исключительно саксами. Могучая церковная дисциплина амальгамировала эти разнородные элементы. Вскоре духовенство представляет собой одну большую семью и является естественным посредником между победителями и побежденными; таким образом, социальное положение и состав духовенства служат залогом прочности государства. Поколение, которое придет на смену поколе-

нию Генриха I, увидит унижение духовенства и торжество феодальной знати, но также, из-за гражданской войны, – и быстрое слияние обеих рас, уже ранее осуществленное в недрах церкви.

Анжуйский период: Генрих II и его сыновья

Избрание Стефана Блуаского. Гражданская война: Стефан и Матильда. Гражданская война довершает слияние рас. Генрих Плантагенет. Генрих II. Генрих II и его анжуйская держава. Фома Бекет. Бекет и Кларендонские постановления. Бегство Бекета. Убийство Фомы Бекета. Потрясение анжуйской державы. Феодальное восстание. Победа Генриха II над врагами. Административные реформы: разъездные судьи; суд королевской скамьи и милиция. Глэнвиль и Ричард Фиц-Нигель. Царедворцы и моралисты. Генрих II и Уэльс. Генрих II и Ирландия. Последние годы царствования Генриха II. Значение царствования Генриха II. Ричард Львиное Сердце. Иоанн Безземельный, Филипп Август и Элеонора Аквитанская. Возвращение Ричарда. Деспотизм и оппозиция. Смерть Ричарда Львиное Сердце. Иоанн Безземельный. Борьба с Францией. Стефан Лангтон. Иоанн Безземельный и Иннокентий III: король унижается перед папой. Междоусобная война. Великая хартия. Отмена Великой хартии; французский претендент. Смерть Иоанна Безземельного; поражение претендента. Утверждение Великой хартии: примирение между королем и нацией.

Избрание Стефана Блуаского. Генрих I умер, не оставив завещания. Его дочь, «императрица» Матильда, была не по сердцу нормандским баронам вследствие своего брака с главой анжуйского дома, исконного врага Нормандии. Поэтому они охотно поверили сомнительному показанию коннетабля Гуго Биго, будто Генрих на смертном одре лишил наследства свою дочь и назначил своим преемником Стефана из блуа-шампанского дома, графа Мортэня и Булони, бывшего по матери Адели внуком Вильгельма Завоевателя и по жене Матильде – племянником Генриха I. Вопреки своему клятвенному обещанию признать права

императрицы, Стефан поспешил прибыть в Англию еще прежде, чем покойный король был похоронен. Бароны, собравшись в Лондоне, единогласно избрали его королем, и кентерберийский архиепископ после некоторого сопротивления согласился короновать его (22 декабря). Наконец, и папа утвердил избрание. Стефан сделал то же, что Генрих I: на съезде в Оксфорде он издал новую хартию, в которой обещал духовенству свободу канонических выборов, баронам – смягчение законов относительно королевских лесов и охоты, народу – отмену датской подати. Возможно, что он говорил искренно, но вскоре события заставили его нарушить свои обещания.

Гражданская война: Стефан и Матильда. Действительно, его скорее терпели, чем признавали. Издержав сбережения своего дяди, он принужден был вступить одновременно в войну и с внутренними, и с внешними врагами. Сначала в Англию вторгся шотландский король; он был остановлен баронами и ополчением Йорка под предводительством Готье Эспека, старика исполинского роста с громовым голосом, и архиепископа Торстина, который велел носить себя на носилках по рядам войска, чтобы воодушевить англичан к битве. Сражение произошло при Каутон-Муре (1138) и закончилось блестящей победой англичан; оно получило название Битва знамен. Но в эту самую минуту взялся за оружие граф Глостерский Роберт, побочный сын Генриха I. В 1135 г. он признал Стефана, в 1138-м он вместе со знатнейшими из нормандских баронов признал права своей сестры Матильды. Это было сигналом к междоусобной войне, которая затем 15 лет свирепствует в стране. Стефан был не лишен способностей, необходимых для борьбы. Он был храбр, великодушен, любезен и доступен жалости; он старался сохранить администрацию в том виде, как ее организовал его предшественник. При ближайшем рассмотрении его политика оказывается не настолько сознательно вредной, как это утверждали; но он вынужден был жить изо дня в день, прибегать к крайним средствам и политическим злоупотреблениям. Чтобы наполнить свою казну, он подделывал монету; чтобы иметь возможность вести войну, он нанимал брабантских наемников. Он дорого покупал нена-

дежные услуги, вроде услуг Жофруа Мандевиля, графа Эссекского, который долго с успехом играл роль изменника, но позже был вероломно схвачен и принужден вернуть награбленное. Окруженный врагами Стефан опасался измены даже со стороны своих преданнейших слуг. Рожер Салисберийский, организатор центрального управления при Генрихе I, более кого-либо другого содействовал возведению Стефана на престол; но у него были обширные поместья, он настроил сильных крепостей и наполнил администрацию своими ставленниками. Стефан велел арестовать его в 1139 г. вместе с его сыном Рожером, канцлером Англии, и его двумя племянниками: Нигелем, епископом Элийским и казначеем, и Александром, епископом Линкольнским. Эта жестокость восстановила против него все духовенство; даже его брат Генрих Винчестерский, папский легат, стал на сторону его врагов. Наконец, прибыла Матильда; Англия сразу разделилась на две половины: западные графства, где господствовал Роберт Глостерский, признали императрицу; Стефан держался еще только в восточных графствах. Их силы были почти равны, и борьба не привела ни к какому окончательному результату. В 1141 г. Стефан был взят в плен в битве при Линкольне, и Матильда была избрана королевой (*Anglorum domina*) в Винчестере; но на помощь свергнутому королю пришли подкрепления, и Матильда должна была поспешно бежать; она спаслась благодаря преданности графа-маршала Иоанна. Роберт Глостерский также попал в плен, но был освобожден в обмен на Стефана. В 1147 г. он умер, и Матильда, лишившись этого драгоценного союзника, удалилась на континент.

Гражданская война довершает слияние рас. Стефан сделался владыкой разоренной страны. Повсюду возникли грозные замки; сеньоры и брабантские наемники сделались разбойниками на больших дорогах; они жгли города, хватали крестьян и пытали их, чтобы заставить отдать деньги. Тысячи людей погибали от голода и нужды. «Сама земля, – восклицает последний редактор Саксонской летописи, – отказывалась производить; Христос и святые спали». Хуже всего было то, что лица, из-за которых шла борьба, не заслуживали такого доверия; если Стефан был

неискусный тиран, то и Матильда не обнаружила ни большей мягкости, ни большего искусства. Она, может быть еще больше своего соперника, уронила королевский авторитет, который, между тем, один только мог обеспечить политическое и духовное единство страны. Однако из этого ада вышло нечто хорошее: оба противника одинаково искали поддержки в английской нации; в каждом лагере были и нормандцы, и саксы; им делали одинаковые обещания, они получали одинаковые награды. В этой гражданской войне, строго говоря, и произошло окончательное слияние победителей с побежденными.

Стефан восторжествовал на минуту вследствие общей усталости; вскоре против него выступил опасный противник – Генрих Плантагенет.

Генрих Плантагенет родился в 1133 г. в Мансе; он был сыном императрицы Матильды и Готфрида Красивого, прозванного Плантагенетом за свою любовь к охоте среди колючих кустарников (*planta geneta*). Он унаследовал от матери пламенное властолюбие, от отца – любовь к науке и спорам, изумительную память, пылкий темперамент и очаровательные манеры. Он воспитывался сначала в Руане, «в доме своего деда Роллона», затем в церковном и ученом городе Анжере. Девяти лет он был отвезен к своей матери в Англию и жил в Бристоле у своего дяди Роберта среди тревог междоусобной войны. В 1149 г. он поехал в Карлайл навестить своего дядю Давида, короля Шотландии, и получить от него рыцарскую шпагу; с этих пор он выступает претендентом на английскую корону. В 1151 г. он получил в лен от матери Нормандское герцогство; вскоре умер его отец, оставив ему Анжу, Турэн и Мен. Затем он женился на Элеоноре Аквитанской, разведенной жене Людовика VII, которая принесла ему в приданое Аквитанское герцогство (1152). Теперь он был самым могущественным феодалом Франции; его владения простирались беспрерывно от берегов Брели до подножия Пиренеев и охватывали нижнее течение трех больших рек: Сены, Луары и Гаронны. В июне 1153 г. он высадился в Англии. Одержанная им победа дала ему возможность пройти до Уоллингфорда; бароны обеих армий заставили своих вождей пойти на переговоры. Преж-

двухлетняя смерть Евстахия, старшего сына Стефана, облегчила заключение мира, который окончательно был подтвержден клятвами в Вестминстере: Стефан признал Генриха своим приемным сыном и наследником, а Генрих признал за детьми Стефана права на континентальное наследие их отца. Спустя шесть месяцев Стефан умер (25 октября), и Генрих был коронован в Винчестере (19 декабря 1154 г.).

Генрих II. Новому королю был 21 год от роду. Он был высокого роста, широкоплеч, имел шею быка, крепкие руки и большие костлявые кисти, рыжие, коротко остриженные волосы, грубый и резкий голос; его светлые глаза, очень приятные, когда он был спокоен, расширялись в минуту гнева и метали молнии, заставляя трепетать самых смелых людей. Он был умерен в пище, обладал чутким сном и одевался небрежно, предпочитая короткий анжуйский плащ длинной одежде нормандцев; доступный во всякое время, он любил людей за услуги, которые они оказали ему или которые он мог ожидать от них; суровый в отношении к своим солдатам, которых он щадил так же мало, как самого себя, он скорбел об убитых, потому что не любил потерь. Нужна была его неутомимая энергия, его гибкий и быстрый ум, чтобы управлять столь обширным государством, состоявшим из самых разнообразных народностей, которые говорили на различных языках и искони соперничали между собой, – государством, окруженным завистливыми соседями; нужна была его страстная ненависть к беспорядку, чтобы Англия могла выйти из хаоса.

С первых шагов своего правления он окружил себя превосходными советниками, которых взял из всех лагерей: Ричардом де Люси, служившим Стефану, архиепископом Тибо, врагом Стефана, элийским епископом Нигелем, который был низложен в 1140 г. С Генрихом Винчестерским, братом Стефана, который, образумившись под конец жизни, интересовался только своими художественными коллекциями, он заключил дружбу, и несмотря на некоторые недоразумения, сумел поддержать ее до конца. При своем короновании он возобновил те церемонии, которые были соблюдены при венчании его деда Генриха I; он даже три

раза появлялся в королевской короне на торжественных съездах – в 1157 г. в Сент-Эдмонде и Линкольне, и в 1158 г. в Ворчестере; он делал это не из тщеславия, а из политических соображений, так как блеск королевской власти привлекал к нему новых приверженцев. По примеру своих предшественников он издал «хартию вольностей», но очень короткую, точно не хотел принимать на себя слишком определенных обязательств; затем он немедленно принялся за трудное дело внутреннего преобразования, которое он тщетно предлагал Стефану произвести совместно. Шахматная палата снова начала регулярно функционировать. Иностранные наемники были отпущены, многочисленные укрепленные замки, которые знать беззаконно возвела в предшествующее царствование (*castra adulterina*), были разрушены. Большинство графов, возведенных в это звание Стефаном и Матильдой, были лишены своего титула, и возвращены отчужденные от домена земли. Его двоюродный брат, юный шотландский король Малькольм IV, принес ему клятву феодальной верности в Честере (июнь 1157 г.); Нортумберленд и Кумберленд вернулись под власть английского короля. В следующем году он предпринял поход в Уэльс: под предлогом желанья уладить спор между Оуэном Гуинетом и его братом Кэдуолэдером он вторгся в Северную Англию; если ему и не удалось удержаться здесь, то он по крайней мере упрочил мир на этой границе.

Генрих II и его анжуйская держава. Генрих II был еще более анжуйским князем, чем английским королем. Вычислено, что из 35 лет своего царствования он провел в Англии только 13 и лишь три раза оставался там сряду два года. Все остальное время он посвящал своим французским владениям; с 1158 по 1163 г. он оставался в них непрерывно. По своему двойному званию герцога Аквитании и Нормандии, он нес на себе разнородные и плохо определенные феодальные обязательства. Будучи, в качестве анжуйского графа, сенешалем Франции, он принадлежал к числу высших сановников того самого государя, который был его главным противником; со своей стороны, он владел более или менее законными сюзеренными правами над Бретонским графством, зависевшим от Нормандии, над Берри, Овернью

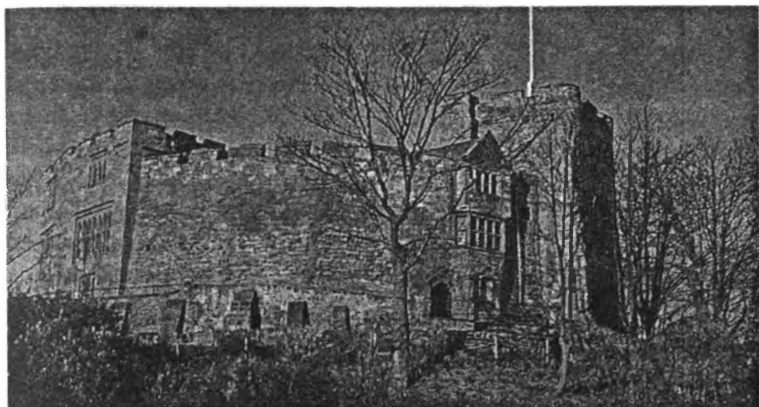
и Тулузой, действительными или мнимыми феодами Аквитании. Вне Франции он находился в родстве с Фульком, анжуйским королем Иерусалима, которому приходился внуком, и с нормандским королем Сицилии, и не щадил усилий, чтобы приобрести их поддержку. С другой стороны, у него не было недостатка и во врагах; ему приходилось бороться с детьми Стефана, которые заявляли притязания на Мортэнское графство, со своим собственным братом Жофруа, который требовал Анжу, и с французским королем Людовиком VII, который не дал ему взять Тулузу (1159). Искусно уладив свои континентальные дела, Генрих II вернулся в свое королевство; здесь ждало его опасное столкновение.

Во время его отсутствия Англией мудро управляли Ричард де Люси и Роберт, граф Лейстера, высшие судьи (*justiciarii*) королевства. Королевские доходы, упавшие с 60 тысяч до 20 тысяч ливров, снова возросли. К старым налогам прибавился новый – щитовая подать (*scutagium*) или денежный выкуп за военную службу, которой повинен был каждый свободный землевладелец, получавший не менее 20 ливров годового дохода; именно этот налог дал возможность Генриху II покрыть издержки войны с Тулузой. Общественный мир охранялся бдительной администрацией, душой которой был канцлер Бекет.

Фома Бекет родился в Лондоне в 1117 г. Сын Гильберта Бекета из Руана и Матильды из Кана (один летописец называет ее Розой), он был чистый нормандец по происхождению, и только позднее возникла легенда, будто в его жилах текла наполовину сарацинская кровь. Сначала он воспитывался по-дворянски в доме Ричарда де Лэгля в Певенси, но когда его отец, богатый купец в Сити, потерял свое состояние, Фома сделался клириком и вступил в канцелярию своего родственника Осберна Huit-Deniers, затем в канцелярию канцлера и кентерберийского архиепископа Тибо. Ему было тогда 22 года; он был худ и бледен, с черными волосами, длинным носом и строгими чертами лица; его скромные манеры и обаятельная речь могли ввести в заблуждение относительно настоящих свойств его природы: это был чрезвычайно страстный человек. Что бы он ни делал, он весь отдавался своему делу; он служил нескольким гос-

подам, но каждый раз лишь одному: сначала архиепископу, потом королю и наконец Богу.

Тибо привлекал к себе все, что было лучшего в духовенстве; его секретарем был знаменитый Иоанн Салисберийский, будущий епископ Шартрский и биограф Фомы Бекета; он ввел в Англии изучение канонического права и поручил преподавание его в Оксфорде Вакарию, древнейшему из известных нам профессоров знаменитого университета. Молодой клирик отдался этой науке со всей страстностью своей натуры; он отправился даже в Болонью слушать Грациана, который в то время издавал свой «Декрет». Фома усвоил только политическую часть этого учения, потому что он никогда не был ни глубоким канонистом, ни искусным писателем; он вооружился для деятельности. По окончании курса он сделался одним из любимцев архиепископа; в 1152 г. он был послан в Рим просить папу, чтобы он помешал Стефану короновать своего сына Евстахия; он исполнил это поручение с успехом, и этим, с одной стороны, обеспечил корону за Генрихом Плантагенетом, с другой – подготовил свое собственное возвышение. Он был назначен кентерберийским архидьяконом и беверлейским прево; по вступлении на престол Генриха II он сделался канцлером Англии. В этой видной должности он отличился как судья, финансист и дипломат, защищая права короля даже против церкви: когда Генрих II обложил щитовой податью земли духовенства (1158), архиепископ Тибо протестовал против этой меры, но канцлер одобрил ее. Осыпанный королевскими милостями, Бекет стал высокомерен и горд, «свиреп, как волк, поймавший ягненка»; он жил в роскоши, окруженный блестящей свитой рыцарей, которых содержал при себе на доходы со своих многочисленных бенефиций. Он любил охоту и войну; один из его биографов, поэт Готье, не раз видел его в Нормандии «скачущим против французов». Итак, Фома Бекет был именно таким министром, каких искал Генрих II; поэтому король пожелал поставить его во главе духовенства, то есть того сословия, которое снабжало администрацию наиболее образованными и наиболее честными чиновниками – притом чиновниками наименее опасными, потому что они не могли ни носить оружия, ни делать свои должности наследственными.

Замок Тамворс. XII в.

Он надеялся найти в нем второго Ланфранка. Но времена изменились. Среди наиболее строгих членов духовенства возобладало мнение, что церковь, чтобы жить благопристойно, должна воздерживаться от светских дел и не поставлять более государству министров и судей. Фома познакомился с этими взглядами еще у своих учителей в Болонье и Кентерберии; до сих пор он обращал на них мало внимания, потому что его связывали с духовенством только его обширные поместья; но пост примаса, предложенный ему Генрихом, налагал на него другие обязанности. Он предвидел, что его дружба с королем кончится здесь. «Кентерберийский архиепископ, – говорит он, – должен грешить или перед Богом, или перед королем». Генрих II отказывался верить этому; несмотря на советы своей матери, на протесты вельмож и жалобы церкви, он заставил избирателей избрать своего кандидата. Фома, который ранее принял лишь малое посвящение, был поставлен в священники 2 июня 1162 г., на другой день посвящен в архиепископы, а два месяца спустя облачен палией. Видя, с каким упорством король настаивал на избрании своего министра и как быстро Бекет согласился принять это избрание, кто мог бы поверить, что между ними тотчас же вспыхнет непримиримая вражда?

Бекет сразу изменил свой образ жизни; роскошь была изгнана из его дома; он оделся в платье монахов своего ор-

дена и подавал им пример строгой жизни; он окружил себя духовными, которые прославились своей ученостью, особенно в области права, и все свое время посвящал наукам, молитве и благочестивым делам. Мало того, он оставил пост канцлера, позаботившись, однако, получить от юстициария квитанцию в принятии всех сумм, которые находились в его руках во время его службы (без сомнения, в Англии существовал такой обычай); но Генрих II не для того осыпал почестями своего слугу, чтобы потерять его, и он принял его прошение об отставке, как личное оскорбление. Еще более обострились отношения, когда на торжественном съезде в Удстоке (1 июля 1163 г.) примас отказался утвердить сбор датской подати с церковных земель; это был первый случай со времени завоевания, когда королю отказывали в подати. Неизвестно, как поступил Генрих II, но с этих пор более не было речи о датской подати.

Бекет и Кларендонские постановления. Три месяца спустя, в Вестминстере (1 октября), король жаловался на снисходительность церковных судов, на их вымогательства, и указывал на то, что они облегчают уголовным преступникам возможность уклоняться от наказания. Действительно, достаточно было называться клириком, и можно было не принимать даже малого посвящения, чтобы быть изъятым из ведения светского суда. Генрих потребовал, чтобы клирики, виновные в воровстве или убийстве и наказанные по законам своего сословия, передавались затем в руки светских судей и наказывались согласно с обычаями королевства. Фома не согласился. «Было бы несправедливо, — говорил он не без основания, — подвергать человека двойному наказанию за один и тот же проступок». Король тщетно ссылался на обычное право королевства; закон церкви имел в глазах примаса больше силы, чем светский закон, и Фома соглашался признавать последний лишь постольку, поскольку он не идет вразрез с первым. Спор был неразрешим. Обычаи королевства не были еще ни записаны, ни точно определены; будь они установлены, церковь не покорилась бы им добровольно, потому что она апеллировала к справедливости против права; притом, не следует забывать, что церковное судопроизводство было в то время менее

обременительно и церковные наказания – менее жестоки, чем светские. Таким образом, защищая привилегии своего сословия, Бекет, может быть сам того не сознавая, отстаивал интересы человеческого достоинства против Генриха II, который, ссылаясь на пример своего деда, выражал намерение править деспотически. Король внезапно прекратил совещание и в бешенстве покинул Лондон, сопровождаемый дрожащей толпой прелатов, боявшихся потерять свои кафедры. Фома остался почти один при своем мнении.

Вскоре после Рождества двор собрался в Кларендоне, уединенной деревушке, где находился охотничий замок короля. Здесь, введенный в обман епископами, напуганный перспективой смерти, которой грозили ему, Фома уступил: он обещал соблюдать «обычай королевства». Советники короля (Фома утверждал позднее, что это были только юстициарий Ричард де Люси и один французский легист Жоселен де Байлейль) тотчас удалились в соседнюю комнату, чтобы изложить письменно текст этих обычаев. Так явились «шестнадцать кларендонских статей», которые, по словам этой конституции, были утверждены епископами и вельможами королевства (30 января 1164 г.). Они постановляли, что духовные лица, обвиненные в каком-либо проступке, должны быть судимы как королевским судом, так и церковным; если они уличены или сознаются в своем проступке, церковь более не защищает их (статья 3). В церковных делах апелляция идет от архидьякона к епископу, от последнего – к архиепископу, но не далее (статья 8). Архиепископы и епископы, как все прямые вассалы короля, обязаны повиноваться королевским чиновникам, исполнять все обязанности, лежащие на их феодах, присутствовать при судоговорении королевского суда, кроме тех случаев, когда имеются в виду смертная казнь или изувечение (статья 11); они не имеют права покидать королевство без согласия короля и без присяги, что не сделают ничего, что могло бы повредить королю или королевству (статья 4). Остальные статьи касаются права короля на доходы с вакантных кафедр, права опеки и назначения на церковные должности, отлучений, судопроизводства и т. д.

Если таковы были обычаи королевства во времена Генриха I, что не вполне достоверно, то эти статьи определяли

феодалы и политические обязанности духовенства с такой точностью, которая несомненно была стеснительна в настоящем и опасна для будущего. Как во времена Вильгельма Завоевателя, английская церковь оставалась вполне подвластной государству; но со времени Григория VII католическая идея сделала большие успехи. Церковь безусловно приняла теорию всемирной монархии, где папа неограниченно господствует над душами всех христиан и управляет ими через посредство духовенства. Смела ли светская власть пытаться ограничить пределы божественной власти? Фома, к которому вернулась его уверенность, не пробовал даже спорить. Убежденный в том, что соглашение с Генрихом II невозможно, он отказался приложить свою печать к акту, оставил двор и удалился в Винчестер, где в одежде кающегося ждал, чтобы папа отпустил ему грех, который он совершил, забыв на минуту свою обязанность.

Бегство Бекета. Генрих II поклялся отомстить. Когда Бекет отказался явиться на суд, чтобы защищаться против обвинения, которое предъявил против него Иоанн Маршал, король собрал свой двор в Нортхемптоне для суда над прелатом, виновным в нарушении вассальной обязанности (7 октября). Бароны, высшие чины королевства и епископы, которые принуждены были явиться в силу Кларендонских постановлений, собрались в верхнем зале замка; менее знатные бароны и королевские чиновники, которые также были приглашены, заседали внизу в большой комнате, которую согревала большая жаровня, стоявшая посередине. Сопровождения продолжались долго, наконец Генрих Винчестерский, насилуя свою совесть, объявил Бекета виновным в неповиновении королевскому приказу. Архиепископ был присужден к штрафу; затем, вопреки расписке, которую он взял при выходе в отставку, от него потребовали точный отчет относительно некоторых сумм, принятых или израсходованных им в его бытность канцлером. Фома предложил уплатить 2 тысячи марок; король не согласился: он хотел докона своего противника, добиться его низложения; говорили даже, что он замышлял умертвить примаса и разорить его сторонников. Четыре дня прошли в таком смятении, затем Фома, презрев советы тех, которые склоняли его к уступ-

кам, запретил епископам участвовать в этом судилище и объявил, что будет апеллировать против него в Рим; это было двойное нарушение Кларендонских постановлений. Наконец, облачившись в свою первосвященническую одежду, с посохом в руке, он отправился на заседание суда; его вернейшие слуги покинули его, но за ним следовала огромная толпа, сопровождая его своими криками. Епископы не смели послушаться ни короля, ни архиепископа; они вышли из этого затруднения, попросив у короля разрешения апеллировать к папе против наложенного на них Бекетом запрещения заседать вместе с баронами, и отошли в сторону. Суд был пополнен чиновниками и второстепенными баронами; он признал архиепископа виновным в измене; но в ту минуту, когда графы Лейстерский и Корнуэльский начали читать приговор, Бекет встал и заговорил, торжественно провозглашая независимость духовенства: «Как золото дороже свинца, так духовная власть выше светской». Затем, запретив графам читать приговор, он удалился из замка. В следующую ночь он бежал под прикрытием страшной грозы, переодетым высадился на фламандском берегу и отправился во Францию к папе.

Добровольное изгнание Фомы Бекета было скорее личным ударом для Генриха II, чем поражением его политики. Внутри государства он продолжал свои преобразования. По возвращении из новой неудачной экспедиции против Уэльса (1165) он издал «Кларендонское уложение» – род уголовного кодекса в 22 параграфах, которое устанавливало меры против еретиков, учредил большие следственные жюри в графствах и сотнях для привлечения к суду воров, убийц и их сообщников и расширял власть шерифов в области полиции и круговой поруки в ущерб феодальным юрисдикциям и иммунитетам (1166). В том же году он взял субсидию на брак своей старшей дочери Матильды с саксонским герцогом Генрихом Львом. Этот брак сблизил его с Фридрихом Барбароссой, но, несмотря на настояние императора, он не согласился принять участие в его борьбе с папой Александром III; со своей стороны Александр в собственных интересах должен был щадить главу могущественной анжуйской державы, и поэтому слабо поддерживал дело

Фомы Бекета. Примас, подстрекаемый к сопротивлению теми немногими друзьями, которые последовали за ним в изгнание, возбужденный постом, самоистязаниями и лихорадочным изучением богословских сочинений, ожесточенный преследованиями, которым Генрих II подвергал даже членов его семьи, почти один продолжал борьбу. Он отказывался признавать епископов, которые были избраны после его отъезда; он отлучил от церкви главных советников Генриха II. Когда король, попирая права кентерберийского архиепископа, заставил йоркского архиепископа короновать своего старшего сына Генриха Куртмантеля (14 июня 1170 г.), Бекет вырвал у папы обещание послать легатов в Англию, чтобы наложить на нее интердикт. В то же время Людовик VII, раздраженный тем, что его дочь Маргарита не была коронована вместе с ее мужем, наследным принцем, взялся за оружие. Чтобы отклонить грозу, Генрих II явился в Нормандию, в Фретевале он примирился с Людовиком VII (20 июля), а затем и с примасом (22 июля). Он обещал не требовать больше от Бекета соблюдения «обычаев королевства», обещал принять его под свое покровительство, вернуть ему все его имущество, сызнава короновать молодого Генриха, и на этот раз уже с женой. Король и прелат при расставании дали друг другу лобзание мира, но в душе ни один из них не отрекся ни от своей злобы, ни от своих замыслов.

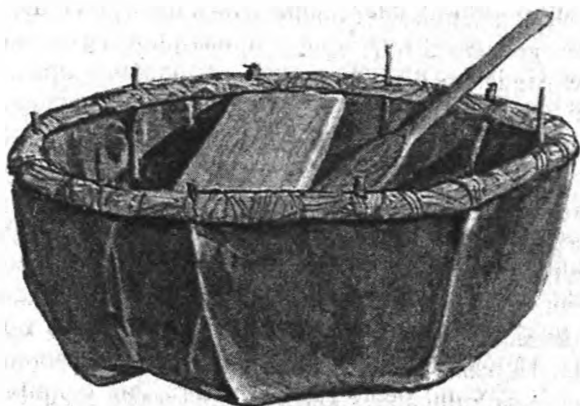
Убийство Фомы Бекета. Бекет считал себя обреченным на мученичество и действовал так, как будто хотел его вызвать. Еще прежде, чем покинуть материк, он отлучил лондонского и салисберийского епископов, сместил епископа Дургэмского и архиепископа Йоркского; затем, не обращая внимания на дошедшие до него зловещие слухи относительно замыслов его врагов, он высадился в Кенте, где народ встретил его с энтузиазмом; в Кентербери монахи приняли его, как «ангела Божьего». Между тем отлученные епископы бежали в Нормандию к Генриху II. Они изобразили ему смуту, происходящую в Англии, и сообщили, что Бекет готовится снять корону с головы молодого короля. Эти рассказы, как ни были они преувеличены или ложны, привели Генриха II в ярость. «Как! – воскликнул он, – среди всех этих трусов, которых я кормлю, нет ни одного, кто ото-

мстил бы за меня этому жалкому клирику?» Но, решившись не выходить из пределов законности, он созвал совет, который признал Бекета виновным и осудил его на смертную казнь. В ту самую минуту он узнал, что примас убит в Кентерберии у подножия лестницы, ведущей на хоры собора (29 декабря), и что убийцами были люди, принадлежавшие к его дому. Это известие повергло его в отчаяние. Ужас перед злодеянием, совершенным как бы по его приказу, и перед роковыми последствиями, которые он уже предвидел, всецело овладел его душой; в течение пяти недель он нигде не показывался. Папа, подстрекаемый французским королем, графами Блуаским и Шампанским и архиепископом Санским, выразил намерение отлучить Генриха и наложить интердикт на королевство. Послы Генриха II с большим трудом добились отсрочки; Генрих, так сказать, освятил ее, предприняв поход против ирландцев, имевший почти исключительно религиозный характер. Это дало ему возможность следующей весной предупредить приезд папских легатов, которых он предпочел встретить вне Англии, в Авранше. Здесь он поклялся, что не желал смерти архиепископа, он обещал вернуть кентерберийской кафедре все конфискованное имущество, послать денег тамплиерам для защиты Гроба Господня и самому отправиться в крестовый поход; шестнадцать кларендонских статей были отменены, и молодой Генрих снова коронован, на этот раз вместе с женой (1171).

Потрясение анжуйской державы. Велико было унижение Генриха II. Оно вернуло ему симпатии духовенства, которое, впрочем, Бекет скорее насилдовал, чем направлял в своей борьбе против королевского деспотизма; тем не менее, это унижение сильно потрясло его. Без сомнения, с виду он был так же могуществен, как и раньше: вне Англии ему только что удалось путем брака обеспечить за своим сыном Жофруа Бретань (1171); он заключил договоры с графом Мориемским, с графом Тулузским и с арагонским королем. Но в тот момент само существование обширной анжуйской державы подверглось страшной опасности. Она держалась только потому, что ее поддерживала сильная рука единого вождя; теперь в королевской семье начались раздоры. Несмотря на то, что брак Генриха II с Элео-

норой Аквитанской был очень плодovit (в течение 15 лет родилось восемь детей), между ними никогда не было сердечного согласия; жена была непокорна, муж – неверен. Дурной муж, Генрих II имел дурных сыновей; притом он так же мало ожидал неблагодарности с их стороны, как раньше со стороны Бекета. Он любил их, но ради самого себя, и по мере того, как они подрастали, он делал их орудиями своей политики. Он не удовлетворялся коронованием старшего сына, чтобы обеспечить мирный переход власти: желая облегчить себе бремя правления, он при жизни разделил свою монархию. Генрих получил отцовское наследие: Англию, Нормандию, Анжу, Мен и Турэнь; второй сын, Ричард, – материнское: Аквитанию и Пуату. В действительности же он только раздражил их алчность, не удовлетворив их честолюбия, потому что он предоставил им лишь тень власти. Это ясно обнаружилось, когда он захотел женить своего младшего сына Иоанна на наследнице графа Моринского; так как он раздал все свои владения старшим сыновьям, то он попросил их уступить младшему несколько замков из их доли; Генрих Куртмантель не только отказался, но и бежал ко двору Людовика VII, своего тестя, который признал его единственным законным королем Англии. Сама Элеонора, интриговавшая вместе со своим первым мужем против второго, подстрекала Ричарда к восстанию; она поспешила бежать к нему, но была арестована и заключена в тюрьму.

Феодалное восстание. Это было сигналом к восстанию. Англия, вначале благодарная чужеземному королю за водворение порядка после анархии, господствовавшей при Стефане, вскоре почувствовала тяжесть ига и была утомлена деспотическим режимом, который установил Генрих II. Нововведения в области суда и финансов, бывшие вначале благодеянием, сделались тиранией. Низшие чиновники считали для себя все дозволенным при таком господине; злоупотребления, которыми сопровождался сбор налогов, становились с каждым годом все сильнее, процессы – чаще, штрафы – обременительнее. Когда Генрих II в 1170 г., после четырехлетнего отсутствия, вернулся в свое королевство, он был осажден таким количеством жалоб на жестокость чиновников, что вынужден был сместить большинство

Коракл. Судно на деревянном каркасе, обшитом кожей.
Применялось в Британии для ловли рыбы в озерах и реках

шерифов. Это были большей частью богатые собственники; они увеличили число недовольных. Высшая знать с раздражением переносила суровый режим, восстановленный Генрихом II; она взялась за оружие, увлекая за собой множество горожан и крестьян, которые смотрели на Бекета, как на защитника народных прав против королевского произвола, и теперь видели в нем мученика. Графы Лейстер, Гентингдон, Дерби, Честер, старый Гуго Биго, граф Норфолкский, устранивший права Матильды в 1135 г., и епископ Гуго де Пюизе, пфальцграф Дургэмский, племянник Стефана, стали во главе движения, тогда как французский король, графы Фландрский, Булонский и Шампанский образовали грозную коалицию, в которой на первом месте стояли молодой король Генрих и его брат Ричард (1173).

Победа Генриха II над врагами. Решительность и энергия, с которыми Генрих II пошел навстречу опасности, доставили ему победу. Предоставив своим министрам распорядиться с его врагами в Англии, он лично отправился на материк; не прошло и нескольких месяцев, как граф Булонский был убит в сражении и вторжение фламандцев остановлено, Людовик VII разбит при Конше и граф Честер взят в плен близ Доля. Перемирие, заключенное на Рождество с французским королем, дало возможность Генриху II, «за-

бывшему о пище и сне», обратиться против Пуату (1173). Тревожные известия из Англии принудили его оставить свои континентальные владения лишь наполовину примиренными. У ворот Кентербери он сошел с коня и босиком, в одежде кающегося, пошел к гробу мученика; здесь он долгое время молился и принял бичевание семидесяти монахов собора. В тот же день шотландцы были наголову разбиты при Альвике (13 июля 1174 г.). После этого Гуго Биго выдал свои замки, дургэмский епископ отпустил своих фламандских наемников, город Лейстер был взят и его укрепления разрушены. С этой стороны дело было выиграно. Чтобы остановить французов, возобновивших военные действия, достаточно было одного появления Генриха. «Сам Бог был за него», – сказал Людовик VII. 30 сентября в Жизоре был заключен мир между королями; оба сына короля примирились с отцом, присягнув ему на верность. Пленники были освобождены на довольно тяжелых условиях: шотландский король должен был признать себя вассалом английского короля; только королева Элеонора осталась пленницей. К концу 1174 г. мир был восстановлен. Высшая знать, потомки завоевателей, была почти обезоружена: она перестала быть революционной партией, чтобы вскоре сделаться оппозиционной.

Административные реформы: разъездные судьи; суд королевской скамьи и милиция. Когда гроза рассеялась, Генрих II возобновил свою плодотворную законодательную деятельность, оставившую неизгладимые следы в истории английской конституции. В этой области он широко пользовался советами высших чинов королевства; в тех общих съездах, которые так часто собирались после 1175 г., были выработаны все важнейшие «ассизы» его царствования. Нортхемптонские постановления (январь 1176 г.) урегулировали двойной институт разъездных судей и суда присяжных. Уже при Генрихе I у шерифов были отняты известные судебные дела, переданные затем королевским комиссарам, которые должны были разбирать их на месте. Эти разъездные сессии вышли из употребления при Стефане, Генрих II в 1166 г. восстановил их. Разъездные судьи, принадлежавшие к *Curia regis*, обладали чрезвычай-

но широкими полномочиями в области финансов, полиции, гражданского и уголовного суда; они наблюдали за деятельностью шерифов, лесничих и сеньориальных приказчиков. При них находилось жюри, получающее теперь свою окончательную форму: оно состояло из двенадцати дворян сотни, или, за недостатком их, из двенадцати свободных людей; кроме того, в него входило по четыре человека (может быть, и не свободных) от каждого села. Эти *jurati* или *legales homines* клялись говорить все, что они знают верного о предложенном на их рассмотрение деле: краже, грабеже, укрывательстве, поджоге, спорах по вопросам собственности и наследства и т. д. Каков бы ни был способ их назначения. Эти присяжные являлись представителями графства в суде сотни, как позже в парламенте. Вскоре было замечено, что королевские судьи слишком многочисленны, и в 1178 г. Генрих II постановил, чтобы впредь все дела, подлежащие ведению королевского суда, разбирались пятью судьями – двумя духовными и тремя светскими, заседающими в *Curia regis*. Таково происхождение Суда королевской скамьи, который вначале, как и Шахматная палата, был лишь секцией *Curia regis*. Указ о милиции (1181) сделал военную службу обязательной для всех подданных, исключая духовных лиц и евреев; таким образом, Генрих II вернул законную силу древнему саксонскому учреждению *fyrð*, которое после завоевания было вытеснено феодальной службой, но которое не исчезло, как доказывают победы северных ополчений над шотландцами при Каутонмуре и Альнвике. В 1180 г. монета была переплавлена и Шахматная палата установила чрезвычайно точные меры для проверки ее пробы. «Лесной указ» (1184) ослабил строгость законов Генриха I; но Генрих II был слишком страстным охотником, чтобы уничтожить жестокое законодательство первых нормандских королей.

Глэнвиль и Ричард Фиц-Нигель. Теория была при дворе Генриха II не в меньшем почете, чем практика. Ранульф Глэнвиль, который в битве при Альнвике скакал рядом с Ричардом Люси и в 1180 г. сменил его в звании верховного судьи, написал знаменитый трактат о законах и обычаях Англии, в котором постарался согласовать процедуру королевского суда с саксонскими и нормандскими обы-

чаями. Сын Нигеля, Ричард, епископ Элийский и казначей Шахматной палаты, описал в своем «Диалоге о Шахматной палате» (1178) механизм взимания королевских налогов и систему отчетности, причем сообщил множество необыкновенно точных и верных подробностей; он – живой комментарий к Большим сверткам, которые беспрерывно идут от 1155 г. до наших дней.

Царедворцы и моралисты. Если королевский двор был сосредоточием замечательной деятельности, то царедворцы Генриха II беспрестанно подвергались упрекам моралистов и насмешкам стариков. Иоанн Салисберийский в своем «Policratus», оксфордский архидьякон Вальтер Мап в своем «De pugis curialium» сурово бичевали их, не щадя и придворного духовенства. Жиро де Барри написал даже настоящий памфлет («De principum instructione») против анжуйских государей, которым он льстил и служил при их жизни и которых осмеял после их смерти. Эти упреки были справедливы, когда они обращались против высокомерия, наглости и алчности царедворцев одного из самых деспотических средневековых королей.

Генрих II и Уэльс. Одновременно с водворением порядка в своем королевстве Генрих II старался обеспечить безопасность на своих границах и расширить свое внешнее влияние. Со времени поражения при Альнвике шотландский король, вассал короля Англии, более не нарушал мира. Три экспедиции в Уэльс остались без результата; однако Генрих II не переставал зорко следить за этой границей. Когда умер Давид Фицджеральд, епископ св. Давида (1176), каноники избрали его племянника Жиро де Барри, архидьякона Брекнокского, который происходил как от уэльских князей, так и от нормандских баронов Уэльской марки. Было известно, что беспокойный и смелый Жиро имел в виду восстановить архиепископство св. Давида, чего уэльсцы в 1175 г. потребовали на лондонском синоде, желая свергнуть с себя зависимость от кентерберийского архиепископа. Генрих II на основании формальной погрешности кассировал выборы, и Жиро, несмотря на его царедворческую изворотливость, несмотря на его частые поездки в Рим, никогда не удалось осуществить мечту его жизни. С другой стороны, Генрих II ста-

рался, по-видимому, льстить национальному тщеславию кельтов Древней Камбрии. В 1136–1137 гг. вышла легендарная «История британцев», составленная Жофруа Монмоутским на основании одной уэльской книги, которая теперь утрачена. В этой истории описывались похождения Энея и его соотечественников, подвиги сына Аскания Брута, который основал новую Трою на острове Альбиона, названном по его имени Британией, битвы Артура, защитника британской независимости против саксонских завоевателей и т. д. Она тотчас и почти повсюду завоевала успех; все летописцы, за исключением, может быть, одного, прославляют ее правдивость. В конце царствования Генриха II в Гластонбери были найдены будто бы кости Артура, его жены Женеверы и его родственника Говэна; распространилось даже поверье, что Артур не умер, а живет у антиподов, что Генрих II письменно выразил согласие признать над собой верховную власть бретонского короля, законного властелина Древней Британии. Если Генрих действительно, как думают некоторые, придавал какое-нибудь значение этим басням, то он делал это, несомненно, исключительно из политических соображений.

Генрих II и Ирландия. Ирландия возбуждала жадность уже Вильгельма Рыжего. Ирландцы были католиками, но не подчинялись власти св. престола, только скандинавские колонисты, основавшие города по восточному берегу признавали верховенство кентерберийского архиепископа. С согласия папы Адриана IV, единственного англичанина, носившего венец св. Петра, Генрих II решил подчинить их себе. Завоевание было начато Ричардом де Клер, графом Стригайлским, которого призвал на помощь лейнстерский король, изгнанный коннаутским; затем во главе войска стал сам король (1170–1171); во время гражданской войны 1173–1174 гг. предприятие было на время оставлено и затем возобновлено, хотя и без успеха, Иоанном Безземельным, который принял из рук папского легата корону Ирландии (Рождество 1186 г.). В общем англичане приобрели лишь часть острова, колонизованную некогда скандинавами; остальная часть достанется им лишь пять веков спустя.

Последние годы царствования Генриха II были для него лишь непрерывным рядом неприятностей. Правда,

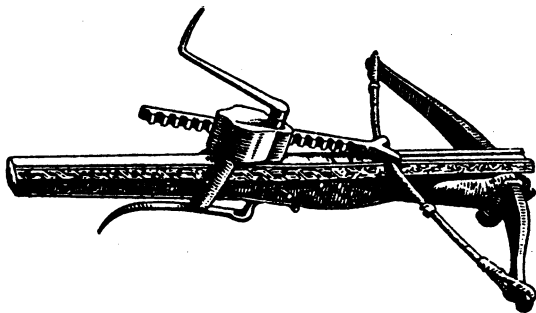
Печати Ричарда I Львиное Сердце (1189–1199).
Париж. Национальный архив

он укрепил свои союзы посредством браков своих дочерей: Иоанны – с Вильгельмом Добрым, королем Сицилии, и Элеоноры – с Альфонсом VIII, королем Кастилии. С другой стороны, смерть Людовика VII (1180) и вступление на престол 15-летнего юноши на время доставили ему безопасность со стороны Франции. Но в 1183 г. восстал молодой король Генрих; он умер от болезни в Мартеле (в Лимузене), оплакиваемый только отцом и несколькими преданными слугами, как например рыцарем-поэтом Бертраном де Борн. Спустя три года Жофруа скоропостижно умер в Париже (1186), оставив свою жену Констанцию беременной; этот ребенок был будущий несчастный Артур Бретанский. Вскоре после этого на Западе было получено известие о взятии Иерусалима Саладином (1187); Генрих II и Ричард Львиное Сердце дали обет отправиться в крестовый поход. «Саладинова десятина», разрешенная с этой целью большим съездом, собравшимся в Геддингтоне близ Нортхемптона, была первым общим налогом на движимое и недвижимое имущество, который должны были платить все англичане. Но Филипп Август возобновил враждебные действия; он привлек на свою сторону Ричарда и даже Иоанна, недовольных слишком долгим правлением своего отца. Генрих II неожиданно потерял Манс и Тур; измученный усталостью, изнуренный лихорадкой, он при свидании с Филиппом на Коломбьерской равнине принял все условия, которые поставил ему победитель; он просил только, чтобы ему прислали список изменников, которые служили во французской армии. Услышав в их числе имя своего

сына Иоанна, узнав, что тот, кого он любил больше всех на свете, предал его, он мог произнести только: «Довольно!» Его лицо изменилось от гнева, он потерял сознание; его перевезли на носилках в Шинон; три дня он пролежал в бреду и умер, не придя в сознание (6 июля 1189 г.).

Значение царствования Генриха II. Чтобы быть великим королем, Генриху II недоставало, может быть, только самообладания, умения владеть собой в нужную минуту; но его царствование было замечательно. Его усилия организовать обширную анжуйскую державу свидетельствуют о его возвышенном уме, и не он был виной ее распада; его законодательство пережило века. Он нашел королевскую власть униженной, а оставил ее настолько сильной, что она сумела вынести испытания двух дурных царствований и революции. Этот тиран, которого так страстно ненавидели при жизни и обвиняли после его смерти, тем не менее занял одно из первых мест среди великих основателей английского государства.

Ричард Львиное Сердце без сопротивления унаследовал всю анжуйскую монархию. Хотя и рожденный в Англии, он был еще более чужд своему королевству, чем Генрих II при своем воцарении. Он был образован; аквитанец по воспитанию, он любил и понимал поэзию и музыку, он сам сочинял небольшие стихотворения и песни. Он был находчив и саркастичен. Можно думать, что он охотно участвовал в тех остроумных играх, которые так любила его мать и другие знатные дамы того времени, — в так называемых судилищах любви; что касается самой любви, то он предавался ей, как отец, — без удержу и стеснения. Подобно отцу же, он обладал высоким ростом и необыкновенно крепкими мускулами, которыми любил хвастать; подобно ему, он страстно любил охоту и войну; но он не обладал его политическими способностями и еще менее его умел обуздать свою, подчас дикую, ярость. Он был жаден до денег и падок до внешнего блеска. Ричард был рыцарский король во всем значении этого слова, означающего доблесть и любовь, но также и расточительность, недостаток благоразумия и неосторожность. Он почти не жил в Англии: детство и молодость он провел во Франции, преимущественно

Арбалёт. Он был впервые применен норманнами в битве при Гастингсе

на юге – в Пуату и Аквитании; тридцати двух лет сделавшись королем, он лишь два раза приезжал в свое королевство; он провел в Англии несколько месяцев после своего коронавания и несколько недель по освобождении из плена. Кроме этих промежутков, он все 10 лет своего царствования провел отчасти в крестовом походе (1190–1192), отчасти в войне с Францией (1194–1199). Его подданные почти не видели его, но он тяжело давал чувствовать им свое отсутствие, изнурая их налогами.

Он был коронован в Вестминстере в присутствии архиепископов и епископов, графов и баронов и множества рыцарей (3 сентября). Он дал у алтаря тройную клятву – почитать Бога, святую церковь и ее служителей, праведно судить свои народы и, наконец, уничтожить дурные обычаи своего королевства и соблюдать хорошие. В тот же день несколько человек из его свиты затеяли ссору с евреями, из которых многие подверглись оскорблениям, были ограблены или убиты – достойное начало царствования, полного вымогательств и насилий. Эти черты вскоре и обнаружались. Все мысли Ричарда были поглощены планом крестового похода. Чтобы добыть денег, он сместил главных министров и чиновников своего отца и заставил их уплатить выкуп; упорствовавшие были брошены в тюрьму. Затем он объявил торг на все государственные должности от высших до низших; наконец, он увел с собой в крестовый поход духовных лиц, таланты которых могли бы найти лучшее при-

менение в Англии, и оставил в стране своих братьев, Иоанна Безземельного и Жофруа, побочного сына Генриха II. Правда, он надеялся привязать их к себе, пожаловал последнему архиепископство Йоркское, а первому – пять графств со множеством замков и регалий. Но он забыл свою собственную историю и не предусмотрел, что они первые употребят во зло его отсутствие.

Иоанн Безземельный, Филипп Август и Элеонора Аквитанская. Действительно, пока он даром тратил время в Сицилии, Иоанн Безземельный завладел властью и затем, узнав о пленении Ричарда в Германии, не постеснялся вместе с Филиппом Августом хлопотать о том, чтобы Ричарда не выпускали из тюрьмы. Он надеялся занять свободный престол; однако он потерпел неудачу благодаря вмешательству Элеоноры Аквитанской, которая, получив свободу по смерти мужа и поумнев с годами, употребляла все свое влияние на пользу короны. Она вошла в соглашение с юстициарием Готье де Кутанс и с примасом Губертом Уолтером, чтобы добыть деньги на выкуп короля. Решено было, что все, духовные и миряне, дадут четвертую часть своего годового дохода и прибавят к этому налогу возможно большую часть своего движимого имущества, «чтобы заслужить благодарность короля», что всякий рыцарский феодал жертвует по 20 су, а цистерцианцы – всю шерсть, какую они вырабатывают в год. Этот огромный налог был выплачен без ропота, это был первый успех. После этого архиепископ Кентерберийский, назначенный юстициарием вместо Готье де Кутанса (Рождество 1193 г.), решился вступить в открытую борьбу с Иоанном: как архиепископ, он отлучил его от церкви; как юстициарий, он объявил его виновным в нарушении вассальной клятвы; как наместник короля, он пошел против него с войском и отнял у него замки. Когда Ричард, наконец, вернулся (13 марта 1194 г.), Иоанн был уже окончательно разбит, и королю оставалось лишь действовать законным путем.

Возвращение Ричарда. Он собрал свой совет в Ноттингеме (30 марта). Здесь была и его мать с обоими архиепископами – Губертом Уолтером Кентерберийским и Жоф-

руа Йоркским. В первый день множество шерифов и комендантов крепостей были лишены своих должностей, и последние пущены в продажу. Во второй день король потребовал суда над своим братом и его главным советником Гуго де Нонан, епископом Ковентри; им были посланы приглашения явиться на суд в шестинедельный срок; в случае неявки первый терял все свои права на престол, а второй должен был подвергнуться одновременно как духовному, так и светскому суду, чтобы дать ответ в своих проступках, как епископ, и в своих злоупотреблениях, как шериф. На третий день король потребовал от землевладельцев по 2 су с каждой «сохи» земли, от рыцарей – выкупа за одну треть их военных повинностей, от цистерцианцев – снова шерсть одного года. Последние выплатили значительную сумму. Наконец, четвертый день был посвящен выслушиванию жалоб на многих сановников, но никакого решения не было принято. Затем совет разошелся; он косвенно восстановил датскую подать под видом новой посошной подати. Из Ноттингема король отправился в Винчестер, где торжественно короновался, затем поспешил в Нормандию (12 мая), где Филипп Август успел сделать большие успехи. Мать короля выехала навстречу ему в Барфлёр и примирила его с братом, упрямым Иоанном Безземельным.

Деспотизм и оппозиция. Ричарду более не было суждено увидеть Англию. Во время этой новой отлучки короля во главе правления стоял архиепископ Кентерберийский, который был вместе с тем и папским легатом. Губерт Уолтер выказал себя справедливым правителем, но обнаруживал чрезмерную строгость при взыскании королевских налогов. В 1198 г. он принужден был потребовать новой посошной подати; один из членов совета, линкольский епископ Гуго, родом бургундец, с которым Генрих II обращался как с равным, произнес такую страстную речь, что совет освободил духовенство от налога. Народ был благодарен ему за это мужество и преувеличивал его добродетели; вскоре после смерти он был причислен к лику святых. Знать не последовала этому примеру, без сомнения потому, что у нее еще не было вождя. Горожане Лондона восстали по призыву одного демагога, Уильяма, сына Осберта; их мятеж был

Ричард I Львиное Сердце (1189–1199).
Статуя с его гробницы в аббатстве Фонтевро

сурово подавлен; но уже чувствовалось приближение той великой политической смуты, которая наполнит собой все XIII столетие. Королевская власть злоупотребляла своими правами и мало-помалу создавала против себя национальную оппозицию, которая будет бороться то словом, то оружием – сначала, чтобы получить Великую хартию, позже – чтобы сохранить ее.

Смерть Ричарда Львиное Сердце. Выше уже шла речь о победах, одержанных Ричардом над Филиппом Августом, о договоре, который он предписал ему в 1195 г., и о лиге, которую он образовал против него, после того, как его племянник Отгон Брауншвейгский в 1198 г. был избран немецким королем. Смерть положила конец его замыслам, грозившим Франции такой опасностью (1199).

Ричард был два раза женат, но не оставил детей. По закону престол, может быть, должен был перейти к Артуру Бретанскому, сыну Жофруа, но достоверно известно, что Ричард на смертном одре заставил всех своих вассалов признать королем Иоанна и что последний без сопротивления был коронован в Вестминстере в день Вознесения.

Иоанну Безземельному было тогда 32 года. Он был чувствен, ленив и одушевлен низменными стремлениями. Примеры, которые он имел перед глазами, не могли исправить его дурного характера: ему было 8 лет, когда его мать была заключена в тюрьму; незаконные связи его отца не могли научить его воздержанию, восстания его брата – благодарности; неудавшиеся планы с целью доставить ему княжество у подножия Альп или в Ирландии усилили его тщеславие, тем более, что его алчность и властолюбие остались неудовлетворенными. У него не было ни творческой энергии Генриха II, ни блестящих качеств Ричарда; он походил на них только пороками. Лишенный нравственных и религиозных принципов, он был коварен и жесток; это был негодный человек, сделавшийся дурным королем.

Три крупных столкновения отмечают его царствование: борьба с Филиппом Августом, с церковью и, наконец, со знатью и народом своего королевства; он вызвал их на борьбу своим деспотизмом и своими преступлениями.

Борьба с Францией. Филипп Август, который был старше Иоанна всего на два года, с упорством, которого не могла ослабить никакая неудача, следовал политике, предписанной Капетингам самим положением дел. С севера, юга и запада сдавленная владениями анжуйского дома, французская монархия, чтобы иметь возможность существовать, должна была во что бы то ни стало овладеть Сеной и Луарой, само течение которых влекло ее к Ла-Маншу и океану. Несогласия, господствовавшие в семье Плантагенетов, дали в руки Людовика VII и его преемника превосходное оружие для борьбы с анжуйским колоссом. Людовик VII поддерживал молодого Генриха против его отца; Филипп восстанавливал Ричарда против Генриха II, Иоанна против Ричарда и Артура против Иоанна. Впрочем, он не стремился к борьбе. Подобно Генриху II он предпочитал прочные выгоды

доброто мира самым доблестным военным подвигам. Поэтому он после нескольких стычек вступил в переговоры с Иоанном и заключил с ним мир в Гулэ (март 1200 г.). Иоанн уступил ему графство Эврэ, выдал свою племянницу Бланку Кастильскую за Людовика Французского и дал ей в приданое лены в Берри и Нормандии, отказался от союзов, заключенных Ричардом с немецким королем и с графом Фландрским, и признал себя данником французского короля, обязавшись уплатить Филиппу 2 тысячи фунтов стерлингов. На этих условиях он был признан королем Англии и герцогом Нормандии с верховными правами на Бретань; Артур был принесен в жертву.

Немного спустя Иоанн добился от папы уничтожения заключенного им 11 лет назад и оставшегося бездетным брака с его кузиной Гависией (вернее, Изабеллой) Глостерской; затем он отнял Изабеллу Тайлефер, дочь графа Эмара Ангулемского, у ее жениха, графа Маршского Гуго IX, и женился на ней (30 августа 1200 г.). Лузиньяны были его вассалами, тем сильнее они почувствовали эту обиду, и восстали. Затем они отвергли суд, который предложил им Иоанн, приведя с собой наемное войско, и апеллировали к сюзерену их сюзерена, французскому королю (1201). Филипп, обрадовавшись случаю, который позволял ему поступить незаконно с соблюдением законных форм, тщетно вызывал своего вассала на суд. Когда прошли все законные сроки, суд перов Франции объявил Иоанна, на основании феодального права виновным в измене (апрель 1202 г.). Этот приговор означал, что английский король не может более владеть ни одним леном французского короля и что последний имеет право силой отнять у него те лены, которые он еще незаконно удерживал за собой. Действительно, Филипп, опираясь на этот приговор, вторгся в Нормандию и в то же время снова вывел на политическую сцену Артура Бретанского; он обещал ему руку своей дочери Марии, посвятил его в рыцари и послал его на Запад с небольшим отрядом в двести всадников. Молодой граф (Артуру было тогда 15 лет) овладел Миребо и запер в замке этого города свою бабушку, старуху Элеонору, которая скрывалась здесь; но здесь он внезапно был настигнут своим дядей, который

арестовал его вместе с большинством его людей. Что стало с несчастным юношей, этого мы никогда не сможем сказать с уверенностью. Известно, что Иоанн отказывался взять за него какой бы то ни было выкуп, и вероятно, что, после неудачной попытки умертвить его в фалэзском замке через подосланных убийц, он убил его собственноручно в Руане (апрель 1203 г.). Летописцы того времени сообщают только, что Артур «внезапно исчез»; но есть ясные указания на то, кто был убийца. Человеческое правосудие не постигло его, и, вопреки уверениям некоторых историков, Иоанн никогда не был осужден на смерть за свое злодеяние; по крайней мере, он поплатился за него своими лучшими областями, которых не пробовал даже защищать. Он потерял Нормандию в 1204 г., Анжу, Мен, Турэнь и часть Пуату в 1206-м. Анжуйская держава была навсегда разрушена.

Эти неудачи тотчас отозвались в Англии. Вначале Иоанн, по-видимому, следовал разумным указаниям своих советников; но смерть матери (апрель 1204 г.) лишила его драгоценного руководителя в континентальных делах, а со смертью кентерберийского архиепископа Губерта Уолтера (июль 1205 г.) порвались и его добрые отношения с церковью.

Стефан Лангтон. Избрание епископов капитулами было формально признано королем Стефаном; с другой стороны, было в обычае, чтобы капитул просил у короля разрешения приступить к выборам (*licentia eligendi*); кроме того, король имел право предлагать своего кандидата. На деле же Генрих II и Ричард по своему произволу распоряжались епископскими кафедрами. Но в отношении к кентерберийской кафедре вопрос был более щекотлив: архиепископ, примас Англии, был обычно чем-то вроде первого министра; он приносил королю особую клятву на верность, и естественно, что король приписывал себе исключительное право на замещение этой должности. Между тем, викарии области требовали этого же права для себя, ссылаясь на многочисленные прецеденты из саксонской эпохи. Наконец, монахи Christ-Church, составлявшие соборный капитул, утверждали, что они одни имеют право избирать своего пастыря, причем указывали на обычай, повсеместно господствовавший в

Западной Европе. К этому побуждал их личный интерес. Их богатый монастырь, лежавший на великой международной дороге, соединявшей Англию с материком, оказывал широкое гостеприимство знатным путешественникам, английским и иностранным, которые проезжали через Дувр и Кентербери. Постоянно вращаясь, таким образом, среди светского общества, притом высшего, они усвоили привычки изнеженности и дух непокорности, которые не раз навлекали на них гнев архиепископов. Преемники Фомы Бекета ограничили их привилегии. Губерт Уолтер намеревался даже учредить в Гекинтоне, позднее в Ламбете, коллегию клириков-иноков, которой хотел передать монастырские имения. Эти меры вызывали резкие столкновения, отзвук которых доходил даже до римской курии. Теперь понятно, почему эти монахи, желая поставить над собой прелата, благосклонного к их интересам, собрались в ночь после смерти Губерта Уолтера и поспешно выбрали в архиепископы одного из своей среды, Реджинальда, который тотчас же отправился в Рим за паллией. Епископы апеллировали против этого избрания в Рим, и то же самое сделал король; но последний не стал дольше ждать и назначил архиепископом своего министра Иоанна де Грей, епископа Норвичского. Спустя полтора года Иннокентий III произнес свое решение: он отказал епископам в их притязаниях, признал за монахами исключительное право на избрание архиепископа, но кассировал избрание Реджинальда, как произведенное внезапно, и назначение Иоанна де Грей, как состоявшееся во время апелляции к римской курии. Затем он предложил уполномоченным монахов избрать английского прелата, кардинала Стефана Лангтона, одного из самых благочестивых и ученых богословов своего времени. Хотя монахи тайно обещали королю избрать его кандидата, но все, исключая одного, одобрили выбор папы, который и посвятил Лангтона в архиепископы (июнь 1207 г.).

Иоанн Безземельный и Иннокентий III: король унижается перед папой. Английский король, конечно, имел право быть недовольным поведением монахов и поступком папы, но он происходил из семьи, где досада прорывалась в виде безрассудной ярости: он поспешил нало-

жить свою жадную руку на поместья архиепископства. Папа ответил наложением интердикта на королевство (1208). Иоанн принялся за епископов; многие из них бежали, и он захватил владения их кафедр. Он не допустил Лангтона высадиться в Англии, и в течение пяти лет шла ожесточенная борьба, не приводя ни к какому результату. Но в 1212 г. Иннокентий III снова водворил династию Гогенштауфенов в Италии и Германии; он заручился поддержкой Филиппа Августа в своей борьбе с Гвельфами и в 1213 г. разрешил ему предпринять поход в Англию, чтобы низвергнуть отлученного короля. До английского короля доходили самые мрачные известия; предсказывали, что он будет свергнут в Вознесенье; уэльсцы и шотландцы волновались; французский король быстро заканчивал свои военные приготовления.

Ввиду столь очевидной опасности Иоанн, наконец уступил: он признал себя вассалом св. престола, обещал платить ежегодную дань в тысячу фунтов стерлингов, согласился принять Лангтона, вернуть епископам и монахам их имущество и дать им крупное вознаграждение за убытки (15 мая 1213 г.). Спустя два месяца Лангтон в Винчестере снял с него отлучение. Наконец, в октябре прибыл папский легат; он снял интердикт и принял от короля вассальную клятву. Иоанн принадлежал к категории политиков с легкой совестью, которые придают мало цены нравственному достоинству; он мог сказать словами другого политика: «Когда гордость скачет впереди, бесчестье и убыток следуют за ней по пятам». В тот момент для него было важно примириться с папой, который, со своей стороны, остановил Филиппа Августа¹.

Иоанн вскоре снова перешел в наступление. Он заключил союзы со своим племянником Оттоном Брауншвейгским, с графом Фландрским и с феодалами Нижней Германии, врагами Гогенштауфенов². Отряд английского войска соединился с союзной армией, и сам король высадился в Ла-Рошели; но в то время, как северные союзники были разбиты при Бувине (27 июля 1214 г.), Иоанн был обращен в позорное бегство Людовиком Французским при Roche-au

¹ См. выше, глава 7.

² См. выше, глава 3.

Moine. Обесславленный он вернулся в свое королевство, купив у Филиппа пятилетнее перемирие за 60 тысяч марок (октябрь). Там он застал сильное волнение среди знати.

Междоусобная война. Потеря Нормандии повлекла за собой неожиданные последствия. Французские завоевания лишили нормандских сеньоров Англии их континентальных феодалов, которые были конфискованы Филиппом Августом, но этот ущерб был не так велик: для них было гораздо важнее сохранить неприкосновенными те огромные имущества, которыми они владели в своей новой родине, и то политическое влияние, которым они пользовались в ней. Они больше всего опасались, чтобы король не сделался слишком могущественным. Пока продолжались те затруднения, которые навлек на себя Иоанн Безземельный своей борьбой с церковью, они оставались спокойными, но когда в 1213 г. Иоанн, примирившись с папой, потребовал, чтобы они отправились с ним во Францию покорять Пуату, северные бароны объявили, что их феодальные обязательства отнюдь не обязывают их к этому, и отказались также уплатить щитовую подать взамен военной службы. Только благодаря вмешательству легата гражданская война не началась тотчас же; но страна уже была подготовлена к ней. Юстициарий Жофруа и архиепископ Лангтон, потребовав на съезде в Сент-Альбане (август 1213 г.) применения законов Генриха I, вызвали этим настоящий энтузиазм среди знати, которая, по-видимому, забыла о существовании этих законов, и сильное раздражение у короля, не выносившего никакой законной узды. Вскоре затем знать, собравшись в кафедральной церкви св. Павла (октябрь 1214 г.), поклялась, что если король откажется подтвердить эти законы грамотой с приложением королевской печати, то она принудит его к этому оружием. Действительно, две тысячи рыцарей, не считая множества пеших и конных слуг, заняли Лондон (24 мая 1215 г.) и двинулись против короля. Они встретили его между Стэнсом и Виндзором, и здесь, на одном острове, носящем название Роннимедский луг, заставили его принять их требования, которые были изложены в «статьях баронов» и в «Великой хартии английских вольностей» (15 июня).

Великая хартия 1215 г. не похожа на те хартии, которые были добровольно изданы Генрихом I, Стефаном и Генрихом II при их воцарении. Это был договор, заключенный между Иоанном и баронами, навязанный королю нацией. В сущности она не изменила предшествовавших грамот, но она точно определила то, что они выражали в общей форме. Она установила строгие нормы в области феодального наследования, опеки и брака, приобретения недвижимых имуществ, наследственного права и системы замещения церковных должностей; она упорядочила судебную организацию, передав гражданские дела постоянной секции королевского суда и установив трехмесячные судебные сессии. Она смягчила систему штрафов и «благодарностей» (amerciements), бывшую источником стольких злоупотреблений. Она оградила личную свободу, постановив, что никто не может быть арестован, задержан, подвергнут личной или имущественной каре иначе, как на основании закона и по приговору своих «пэров». Она обеспечила купцам право свободной торговли, установила однообразные меры в королевстве, утвердила торговые привилегии городов, местечек и портов вообще, и Лондона в частности. Она положила конец расширению королевских лесов и ограничила всемогущество королевских чиновников. Она запретила сеньорам взимать какую-либо помощь, за исключением трех экстраординарных случаев (плена, замужества старшей дочери и посвящения в рыцари старшего сына). Феодальную помощь или щитовую подать можно было взимать лишь в этих трех случаях; в других случаях для этого нужно было согласие Общего совета королевства, который, впрочем, ничем не отличался от больших съездов, собиравшихся при Генрихе II и Ричарде. Хартия определила лишь форму вызова в этот совет: прелатов и крупных сеньоров король должен был приглашать специальным и мотивированным письмом, остальных – посредством общего указа, издаваемого шерифами по графствам не позднее, как за шесть недель до дня собрания. Кроме того, король обязывался отпустить иноземных наемников и назначить наблюдательную комиссию из 25 членов, избранных баронами. Если бы король или кто-либо из его агентов нарушил вольности, занесенные в хартию, четыре комиссара, специально назна-

Стреляющий арбалетчик

ченных для этой цели, должны были обратиться к королю с предостережением; если бы по прошествии сорока дней им не было дано удовлетворения, они должны были доложить об этом всей комиссии, и последняя могла прибегнуть к силе.

Великая хартия открывает собой новую эру истории Англии. В XII в. беспрестанно ссылались на более или менее неопределенные обычаи, которым следовали Эдуард Исповедник или Генрих I; в XIII в. нация отстаивает и старается расширить очень точный и подробный акт. Кроме того, Великая хартия касалась всех классов народа, которые и соединяются для ее защиты; борьба продолжается целое столетие, но она завершает духовное объединение Англии и кладет основание ее политической свободе.

Отмена Великой хартии; французский претендент. Еще не успев успокоить баронов принятием Великой хартии, Иоанн отменил ее; заставил папу освободить его от клятвы и отлучить мятежных баронов и самого Лангтона (25 августа). Затем он взялся за оружие в тот самый момент, когда между недавними победителями начались раздоры. С той смелостью, которая уже раз спасла его в борьбе против

Арбалетчик, натягивающий
лук арбалета

его племянника Артура, он овладел Рочестером, устранил шотландцев взятием Бервика и с помощью сводного брата, графа Салисберийского, восстановил свою власть в центре страны. Скоро в руках инсургентов оставался один Лондон. Тогда они обратились к французскому королю. Филипп с виду отказался вмешиваться в это дело, где он имел бы против себя папу, но позволил своему сыну Людовику принять участие в междоусобной войне, хотя, может быть, и не понудил его к этому. Враги Иоанна искусно распространяли ложные слухи. Говорили, что он осужден на смерть за убийство Артура Бретанского и вследствие этого потерял все права на престол; а так как приговор состоялся в то время, когда Иоанн еще не имел детей, то корона по закону должна перейти к его ближайшему наследнику, Людовику Французскому, женатому на его племяннице, Бланке Кастильской. Эти ложные, но правдоподобные соображения были сообщены римской курии и долго служили предметом пререканий; они возбудили справедливое негодование в Иннокентии III, но придали экспедиции Людовика Французского внешний вид

законности, которым так дорожил Филипп Август. Людовик высадился в Стонаре (май 1216 г.) и отправился в Лондон принять клятву верности от «своих подданных»; он сумел привлечь на свою сторону крупных баронов Северной Англии и прогнать короля, который бежал во главе своих наемников, сжигая, грабя и убивая все, что встречал на пути.

Смерть Иоанна Безземельного; поражение претендента. Иоанн, доведенный до полного отчаяния умер 12 октября 1216 г. в Ньюарке на Тайне. Он оставил двоих сыновей. Старшему, Генриху, было 10 лет; большинство баронов признало французского претендента; таким образом, дело анжуйского дома казалось окончательно проигранным. Но именно смерть Иоанна спасла династию. Бароны связывала друг с другом только их общая ненависть к умершему деспоту, а сын был невиновен в злодеяниях отца. Он был спасен своим малолетством. Во главе правительства стал папский легат Гюалон вместе с епископом Винчестерским Петром де Рош, графом Честерским и старым графом Пемброком Уильямом, маршалом Англии. Юный король был коронован в Глостере (28 октября); в Бристоле (12 ноября) была утверждена Великая хартия, за исключением тех статей, которые ограничивали власть короля в области налогов и признавали за баронами право восстания; наконец, энергичный и преданный граф Пемброк был назначен опекуном короля и регентом. Была провозглашена священная война против Людовика, которого папа отлучил от церкви; мало-помалу претендент был покинут своими вернейшими приверженцами; при Линкольне он был разбит; его флот, которым командовал Евстахий Монах, был рассеян английскими моряками, и он был счастлив, когда получил разрешение вернуться во Францию с остатками своего войска с условием отречься от своих прав на английскую корону (сентябрь 1217 г.).

Утверждение Великой хартии: примирение между королем и нацией. Победители проявили милосердие. Они не обошлись с мятежниками, как с государственными преступниками; те, которые раскаялись, были прощены. Великая хартия была вторично подтверждена (6 ноября 1217 г.) со всеми ограничениями, которые были сделаны в ней в предшествующем году. Корона окончательно примирилась с наци-

ей, когда Генрих III был сызнова коронован вернувшимся из изгнания Стефаном Лангтоном, главой конституционной партии, с соблюдением всех церемоний, которые пришлось опустить в Глостере (1220). Но мир не мог быть продолжительным, потому что корона была недовольна тем, что так много уступила, народ — тем, что так мало получил. Борьба из-за Великой хартии продолжается весь XIII в.

Анжуйский период¹: Генрих III

Генрих III. Войны с Францией: Парижский договор (1259). Окончательная редакция Великой хартии (1225). Лесная хартия. Личное правление Генриха III. Симон де Монфор, граф Лейстерский. Отношение Генриха III к империи и папству. Оксфордские постановления. Междоусобная война: победа баронов при Льюисе. Симон де Монфор и Палата общин. Смерть Симона де Монфора: битва при Ивзэме. Восстановление королевской власти.

Генрих III был приятный и веселый государь, любивший королевскую пышность, придворные празднества, церковные церемонии; он был благочестив и даже набожен. Первым из английских королей он покровительствовал искусству и тратил большие деньги на постройку укрепленных замков и церквей. Но он был легкомысленный человек, одновременно и нерешительный, и упрямый, имел мало политических идей, не выносил непрошенных советов и охотно возлагал правительственные заботы на своих любимцев. Эти любимцы были большей частью иностранцы, привезенные его женой Элеонорой Прованской, сестрой французской королевы, или рекомендованные его матерью Изабеллой, которая после смерти Иоанна Безземельного вышла замуж (1220) за сына своего первого жениха, Гуго X, графа Маршского. Ближайшими лицами к королю и как бы его домашним советом были дядья королевы, Гильом, граф Валенсы в Дофинэ, Пьер и Бонифаций Савойские, и сводные братья Генриха III, Эмар и Гильом, графы Валенсы и Пуату. Эти

¹ Продолжение.

иностранцы, приехавшие в Англию искать счастья, обнаруживали полную преданность королю, и он осыпал их милостями. Это пристрастие раздражало английскую знать и народ; неискusstvenная внутренняя и внешняя политика короля мало-помалу вызвала против него грозную оппозицию.

Войны с Францией: Парижский договор (1259).

Генрих III, как и его отец, не признал законным приговор, произнесенный в 1202 г. пэрами Франции; в течение 30 лет он силился вернуть земли, отнятые у Иоанна Филиппом Августом. После того как его брат Ричард восстановил порядок в Гаскони (1225), он сделал запоздалую попытку воспользоваться смутами, волновавшими Францию во время малолетства Людовика IX. В 1230 г., уступая настойчивым просьбам своей матери, он высадился в Бретани, но мог лишь предпринять бесплодную военную демонстрацию вдоль берегов Нормандии, Мена и Анжу. Спустя 12 лет он возобновил эту попытку при более благоприятных условиях: граф Маршский действительно взялся за оружие и обещал ему поднять пуатуских сеньоров; по-видимому, весь Запад был на стороне английского короля. Однако Генрих III сумел только потерпеть поражение под стенами Сэнта (22 июля 1242 г.). Беспрепятственно возобновляемые перемирия поддерживали *status quo* в течение 15 лет. По возвращении Людовика Святого из крестового похода начались переговоры о заключении полного мира. Они были ускорены восстанием английской знати против короля, вспыхнувшим в 1258 г. Условия этого мира были справедливы; он устранил то, что было незаконного в приговоре 1202 г.; заставив английского короля принести некоторые неизбежные жертвы, он все-таки пощадил его самолюбие; наконец, он сблизил вождей двух могущественных государств, соперничавших со времен Вильгельма Завоевателя. Генрих III лично отправился в Париж, где и подписал договор 4 декабря 1259 г. Понадобились поражения при Креси и Пуатье, чтобы благотворный парижский мир был уничтожен договором в Бретиньи.

Окончательная редакция Великой хартии (1225). В то время в Англии свирепствовала гражданская война, вызванная дурным управлением Генриха III. В начале его личного правления администрацией руководили юс-

тициарий Губерт Бургский, человек строгой честности, отказавшийся умертвить Артура Бретанского в Фалезе, канцлер Ранульф Невиль и казначей Ранульф Бретонец, все трое избранные баронами. Благодаря этим министрам и была подтверждена в третий раз Великая хартия (11 февраля 1225 г.). Текст ее был снова исправлен, но уже в последний раз; он очень близок к редакциям 1216 и 1217 гг. и, следовательно, сильно разнится от текста 1215 г. В нем опущены статьи, касающиеся феодальной помощи, согласия Общего совета, наблюдательного комитета из 25 баронов, одним словом – все статьи, направленные к ограничению королевской власти в политической области, так что фактически корона, по-видимому, вернула себе все свое старое могущество. Но эта хартия, данная королем добровольно и навсегда, была законной преградой, которую можно было противопоставить произволу власти, и уже одно это было великим успехом.

Лесная хартия. Одновременно с Великой хартией получила окончательную форму и Лесная хартия. Она снова предоставляла выгоды обычного права тем землям, которые со времен Ричарда были подчинены суровому лесному законодательству; она отменила смертную казнь за браконьерство; она точно определила порядок пользования лесами, функции лесничих и деятельность трибуналов, которым были подведомственны все преступления, относящиеся к королевским животным и деревьям. Если вспомнить, что тогда существовало не менее шестидесяти королевских лесов, что каждый из них занимал обширную территорию, что население этих округов и соседних с ними мест (*ruralieu, rurallee*) было подчинено придирчивому и бесконтрольному надзору королевских чиновников, то мы поймем, как благодетелен был этот закон; но он затрагивал лишь сравнительно небольшое число людей, принадлежавших, главным образом, к низшему классу населения, и потому на него обращали мало внимания.

Личное правление Генриха III. Генрих III достиг совершеннолетия в 1227 г., и характер правления тотчас изменился. Губерт Бургский был свергнут влиянием пугатусца Пьера де Рош, который прогнал английских министров

и заменил их иностранцами, каким был сам (1232). Он оставался у кормила правления только два года. Его удаление сопровождалось важной правительственной реформой. Вместо выборных министров, то есть ставленников знати, король имел теперь при себе только чиновников незнатного происхождения, назначенных им самим; должность юстициария была фактически уничтожена, компетенция канцлера – уменьшена; вместе с тем был учрежден частный совет, который король наполнил своими креатурами. Но, с другой стороны, в то время, как организовалась и укрепляла себя центральная власть, в среде высшей духовной и светской знати образовалась оппозиционная партия, которая нашла себе средоточие и оружие в высшем совете королевства, носившем теперь (с 1239 г.) название парламента. Король призывал в него, как правило, только прелатов и баронов; впрочем, он сзывал их довольно часто, почти ежегодно и даже по нескольку раз в год, что было для многих тяжелым бременем. Именно у парламента король испрашивал те экстраординарные субсидии, в которых нуждался. Парламент никогда не отказывал в деньгах – так сильна была феодальная связь и так велик престиж королевской власти; но он требовал и часто получал какие-нибудь гарантии вроде утверждения прежних хартий. С другой стороны, усилия высшей парламентской знати ввести в частный совет короля приятных ей членов не имели успеха. Положение дел оставалось неопределенным, пока оппозиция, «английская партия», как ее можно было бы назвать, не нашла себе вождя в лице Симона де Монфора.

Симон де Монфор, граф Лейстерский был третьим сыном победителя альбигойцев. Среди отцовского наследия ему досталось Лейстерское графство, которое Иоанн конфисковал после потери Нормандии и которое было возвращено ему Генрихом III (1231). Со званием лейстерского графа были связаны обширные владения и привилегии, составлявшие *honour* Лейстера, и сан сенешаля королевства. Симон был вначале близким другом Генриха III, который выдал за него свою сестру Элеонору (1239); затем они поссорились из-за денежных дел, и с тех пор их непрочная дружба состояла из ряда ссор и примирений. Симон отправился

в святую землю (1240); он храбро сражался в походе против Пуату (1242); затем он управлял Гасконью от имени короля и с самыми широкими полномочиями (1248–1253); но его жестокая и пристрастная политика возбудила против него такую ненависть, что его пришлось отозвать еще до истечения срока его службы. Именно тогда он сделался признанным главой аристократической партии. Он обладал всеми необходимыми качествами для подобной роли: убеждениями и энергией. Его убеждения сложились под влиянием благороднейших и лучших людей того времени: ученого линкольнского епископа Роберта Гростэта, Адама де Марша, который с успехом занимал кафедру в новой Оксфордской школе, ворчестерского епископа Готье де Шантелу, одного из наиболее уважаемых прелатов того времени. Насколько можно судить по его умышленно неясной переписке с Робертом Гростэтом и Адамом де Маршем, его план состоял в том, чтобы заставить короля принять к себе советников, избранных из среды высшей национальной знати, удалить от дел иностранцев, упрочить и расширить вольности, указанные в Великой хартии. Что касается церкви, то имелось в виду фактически установить каноническую систему выборов, которая была торжественно провозглашена на Латеранском соборе 1215 г. и которая при Генрихе III обыкновенно служила только приманкой; далее, оппозиция хотела, чтобы епископы совершенно отказались от светских дел и безраздельно посвящали себя своим духовным обязанностям, чтобы монастырские нравы были очищены по образцу доминиканцев и недавно водворившихся в Англии францисканцев. Друзья графа Лейстерского давно были убеждены, что он готов бороться до последней капли крови, чтобы осуществить эту религиозную и политическую реформу. Действительно, Симон был человек убежденный и энергичный, ловкий и фанатичный. Несомненно, он не был свободен от недостатков: его мысль была верна, но узка; он был решителен, но вспыльчив и упрям; он был честолюбив и жаден. Враги могли яростно ненавидеть его, сторонники — почитать как святого.

Национальная партия реформы, во главе которой стал Симон, образовалась в среде парламента под влиянием си-

Молотьба. Миниатюра из рукописи XIV в.

цилийских дел; с другой стороны, сицилийский вопрос стоял в тесной связи с отношениями Англии к Германии и папству.

Отношение Генриха III к империи и папству. С 1215 г. Англия находилась в самых дружественных отношениях со святым престолом. Папа деятельно поддерживал своего вассала Иоанна Безземельного и охранял интересы малолетнего Генриха III. Последний в благодарность позволил папе взимать в своем королевстве значительные подати как с мирян, так и с духовенства; он закрывал глаза, когда папа замещал многие церковные должности иностранцами, итальянцами; он затыкал себе уши, когда знать роптала на эти злоупотребления. В борьбе Гвельфов с Гибеллинами он сначала поддерживал скорее последних и породнился с Фридрихом II, отдав за него свою сестру Изабелу (1235). Он надеялся на его помощь в своей борьбе с Францией, но покинул его, когда на Лионском соборе император был отлучен от церкви (1245). По смерти Фридриха папы пытались отнять Сицилию у Конрада IV и Манфреда; Генрих III оказал им денежную и военную помощь, приняв сицилийскую корону для своего младшего сына Эдмунда; он согласился подвергнуться риску отдаленной войны ради плана, который, правда, был не лишен величия: он рассчитывал откупиться от данного им раньше обета предпринять крестовый поход, обязавшись воевать за святой престол с государем, отлученным от церкви, и в стране, населенной еще большим количеством мусульман; с другой стороны, он надеялся вознаградить себя за безвозврат-

ную потерю Нормандии завоеванием нового королевства и таким образом осуществить честолюбивые замыслы Генриха II относительно Средиземного моря. Однако это важное решение было внушено ему не парламентом, а его домашним советом. Вначале обстоятельства, по-видимому, благоприятствовали осуществлению этого плана. Со времени смерти Конрада IV (1254) германская корона сделалась, так сказать, предметом публичного торга. Если бы какой-нибудь английский принц добился избрания в немецкие короли, он мог бы значительно облегчить сицилийскую войну и, может быть, даже оказать полезное давление на Францию, с которой тогда еще не был заключен Парижский договор. Брат короля, Ричард Корнуэльский, один из богатейших князей христианского мира, отказавшийся от сицилийской короны, скупил голоса избирателей и был провозглашен королем во Франкфурте (13 января 1257 г.). Иметь сына королем Сицилии, брата – королем Германии, это был двойной дипломатический успех, которым Генрих III, конечно, мог гордиться; но в области политики лучшие планы – те, которые удаются. Между тем, громадные суммы, истраченные Генрихом III, истощили королевскую казну и нацию, не принеся никакой пользы. Манфред оказал энергичное сопротивление всем покушениям на его корону; Франция, которая видела в избрании Ричарда Корнуэльского опасность для себя, поспешно приготовилась к защите, тогда как другая партия избирателей призвала на германский престол Альфонса X Кастильского. Таким образом, честолюбивые замыслы Генриха III потерпели полную неудачу. Внутри государства урожай 1257 г. оказался плохим, и Англии грозил голод. Недовольство было всеобщим, когда ввиду грозной военной силы, собранной баронами, открылся знаменитый Оксфордский парламент (апрель – июнь 1258 г.).

Оксфордские постановления. Реформы, принятые королем под воздействием силы, состояли в том, что был учрежден совет из 15 лиц, члены которого избирались парламентом и который должен был собираться три раза в году, что должности министра и шерифа сделались годичными, что шерифы должны были избираться из среды мелкого дво-

рянства графств и стоять под надзором комитета из четырех выборных рыцарей; был устранен произвол разъездных судей, охрана королевских замков была вверена комендантам, которых избирал совет; Лондону и другим городам, разоренным налогами и угнетаемым чиновниками, было обещано восстановление их прав. Генрих III не мог и думать о сопротивлении вооруженной знати, которую готов был поддержать весь народ; он принял Оксфордские постановления, в седьмой раз присягнул Великой хартии, удалил пуатусцев, своих сводных братьев, которые навлекли на себя ненависть нации, и предоставил всю власть совету. Знать победила.

Но ее торжество было непродолжительным. Парижский договор дал в руки королю огромные суммы, которые он употребил не на крестовый поход, а на гражданскую войну. Он заставил папу снять с него клятву, которую он дал на соблюдение Оксфордских постановлений, — как поступил его отец при таких же обстоятельствах, — и отменил их (1262). Кроме того, он воспользовался начавшимися среди вождей знати раздорами, чтобы добиться пересмотра конституции, а затем отверг все реформы, предложенные его противниками; несколько раз доходило до стычек, которые, однако, не приводили ни к какому определенному результату. Наконец, истощенные этой бесплодной борьбой, обе стороны обратились к посредничеству французского короля, который произнес свой приговор 24 января 1264 г. в Амьене.

Междоусобная война: победа баронов при Льюисе. Осужденные приговором французского короля, бароны снова подняли знамя междоусобной войны под предводительством графа Лейстера. Трудно сказать с точностью, насколько в Оксфордских постановлениях выражались его личные идеи, потому что в то время он большей частью был занят вне Англии переговорами с Францией, но он присягнул на верность этим постановлениям, а по его любимому выражению, клятва была для него свята. Среди колебаний одних и предательства других он остался непоколебим в своих убеждениях; в течение четырех лет он руководил сопротивлением против реакции со

стороны королевской власти. Он не присутствовал при совещаниях в Амьене и воспользовался продолжительным отсутствием короля, чтобы снова взяться за оружие. В начале счастье не благоприятствовало ему; один из его сыновей, которому было поручено завязать сношения с Уэльсом, был лишен возможности действовать; другой был взят в плен роялистами при Нортхемптоне; но Симон отомстил им блестящей победой при Льюисе (14 мая 1264 г.). Король, взятый в плен вместе со своим братом и частью своей армии, вынужден был принять условия победителя, присягнуть на верность Великой хартии, Лесной хартии и Оксфордским постановлениям, видоизмененным согласно с решением третейских судей, дать амнистию своим врагам и выдать в качестве заложников своего старшего сына Эдуарда и племянника Генриха Немецкого. Затем Симон созвал парламент, где наряду с представителями высшей знати заседали представители мелкого дворянства. Конституция, принятая на этом парламенте, поставила во главе правления нечто вроде триумvirата (епископ Чичестерский, Симон де Монфор и Гильберт де Клэр, граф Глостер), на который была возложена обязанность назначить советников короны. Эти советники, числом девять, должны были заведовать всеми делами королевства и назначить министров, комендантов королевских крепостей и чиновников, притом исключительно из англичан. Как в 1258 г., власть находилась в руках аристократии; но в то время, как Оксфордские постановления вручили власть парламенту, новая реформа отдала ее триумвирам, то есть олигархии под верховенством графа Лейстера.

Симон де Монфор и Палата общин. Это правительство было временным; его должна была одобрить нация. Несколько месяцев было потрачено, с одной стороны, на охрану берегов, чтобы не дать высадиться войскам, собранным на материке английской королевой, и папским послан, ехавшим отлучить от церкви Симона и его приверженцев, с другой – на борьбу с нормандскими сеньорами Уэльской марки, сохранившими верность короне из ненависти к баронам, которые заключили союз с уэльсцами. Затем Лейстер созвал экстраординарный пар-

ламент, в который вошли не только вельможи королевства, но и по два рыцаря, избранных в каждом графстве шерифами, и депутаты, избранные городами и местечками королевства. В первый раз в истории Англии представители простого народа – представители «общин» – были призваны в парламент наряду с представителями знати; в первый раз это низшее сословие нации явилось силой в государстве. Однако не следует преувеличивать важность меры, принятой Симоном де Монфором; было бы ошибочно считать его основателем Палаты общин. Полный парламент, заседавший в Лондоне в январе и феврале 1265 г., по его мысли вовсе не был нормальным учреждением; он созвал его не для обсуждения политических дел, а для торжественного утверждения реформ, введенных после битвы при Льюисе. Он не предоставил депутатам никаких политических прав; он обязал их только явиться к королю, как обычно они были обязаны являться перед судом графства, перед шерифами или разъездными судьями. После того, как собрание утвердило конституцию и король снова присягнул ей (14 февраля), депутаты разъехались по домам, и в следующих парламентах мы уже не видим их. Но с общеисторической точки зрения созвание полного парламента в 1265 г. обозначает начало новой эпохи, которая спустя полвека завершится установлением представительного правления.

Смерть Симона де Монфора: битва при Ивзэме. Казалось бы, что теперь должен водвориться порядок, но положение дел было очень неопределенно. Симон знал, что роялисты делают на материке большие приготовления при помощи денег, доставленных Гиенью. В Англии духовенство в общем было на его стороне, но знать далеко не единодушно стояла за конституцию. Многие жаловались на его высокомерие и тиранический образ действий; ему ставили в упрек почти царственную роскошь, с которой он отпраздновал Рождество 1264 г.; то обстоятельство, что он, вопреки многократным обещаниям, продолжал держать в плену старшего сына короля, возбуждало подозрения. Вскоре Гильберт де Клэр порвал с ним; затем принцу Эдуарду удалось бежать (28 мая 1265 г.). Оба они соединились с

Клиффордом и Мортимером, которые руководили военными действиями в Уэльской марке. Затем они двинулись навстречу врагу, рассеяли близ Кенильворта вспомогательное войско, которое молодой Симон вел на помощь своему отцу, и наконец настигли последнего близ Ивзэма. Численный перевес был на стороне роялистов; граф Лейстер дрался как лев, но был убит вместе со старшим сыном и своими последними приверженцами (4 августа). Инсургенты еще долго сопротивлялись, одни – за крепкими стенами кенильвортского замка, любимого местопребывания Симона де Монфора, другие – в долинах, изрезанных каналами, называвшихся в то время островами Аксгольм и Эли; порядок был восстановлен лишь в конце 1267 г.

Восстановление королевской власти. Между тем, новый закон, выработанный в лагере под Кенильвортом и утвержденный Нортхемптонским парламентом (октябрь 1266 г.), вернул королю все его прерогативы и древней *Curia regis* – все ее полномочия. Меры, принятые во время мождоусобной войны по инициативе графа Лейстера, были отменены; таким образом, Англия вернулась на 50 лет назад, к хромым порядкам Великой хартии. Что касается сторонников Симона, которые вначале были «лишены наследства», то им было дозволено изъявить свою покорность и «выкупить» свои земли, уплатив королю пятикратную сумму их годового дохода; наконец, правительство сочло нужным торжественно запретить, «чтобы Симона де Монфора не считали ни святым, ни праведным, и чтобы не распространяли слухов о производимых им будто бы чудесах». Таким образом, на него смотрели не как на простого мятежника; английский народ считал его мучеником, как Фому Бекета, «ибо, – говорит один современник, – он пожертвовал не только своим имуществом, но и своей жизнью, чтобы освободить бедных от угнетения, водворить правосудие и свободу». Еще целых 10 лет немощные ходили на то место, где умер святой, молить исцеления; но страна оставалась спокойной. Мир был так прочен, что его не могли поколебать ни смерть Генриха III (16 ноября 1272 года), ни продолжительное отсутствие Эдуарда I, который годом раньше отправился в крестовый поход.

Англия в XIII в.

Национальное единство: законодательство и язык. Буржуазия: муниципальный строй и гильдии. Промышленность и торговля. Духовенство. Схоластическая философия, литература, искусство. Король и *Curia regis*. Шериф. Королевская служба.

Национальное единство: законодательство и язык. Те два века, которые прошли со времени окончательного упрочения норманнов в Англии, глубоко изменили социальный, административный и политический строй государства.

Отметим прежде всего быстроту, с которой исчез антагонизм, существовавший между обеими расами. Уже при Генрихе II легисты заявляли, что невозможно отличить англичанина от нормандца, и если закон об *anglaiserie* удержался вплоть до Эдуарда III, то лишь потому, что он был источником дохода для короны. Гражданская война, происшедшая при Стефане, и особенно административная централизация ускорили слияние обеих рас. В XIII в. единство установилось и в области права или «обычного права», представлявшего собой смесь обычаев обеих народностей. Обособленность удерживалась пока еще в языках; простонародье говорило только по-английски, тогда как знать и высшее духовенство пользовались исключительно французским языком, который господствовал и при дворе, и в королевских судах. Однако следует заметить, что Генрих III, издавая Оксфордские постановления (1258), обратился к народу с воззванием на английском языке, которое дошло до нас. С другой стороны, некоторые писатели начинают писать на наречии, которое уже можно назвать национальным языком; таков, например, уэльский священник *Lauamon*, или *Lazamon*, который свободно перевел поэму *Васа «Брут»*; таков и Роберт Глостерский, который по примеру *Lauamon* изложил в английских стихах легендарную историю происхождения Англии, присоединив к ней фантастические рассказы о своем времени и особенно о гражданской войне Симона де Монфора. Это – исключения, но они доказывают, во-первых, что народом интересовались, во-вторых, – что английский народ действительно существовал.

Буржуазия: муниципальный строй и гильдии.

В этой стране только два класса – духовенство и знать – пользовались политическими привилегиями и играли роль в государственных делах. Начиная с половины XII в. на политической сцене появляется новый класс – буржуазия. Благодаря порядку, восстановленному Генрихом II, города обогатились и организовались. Напомним, что Англия не знала коммунального строя, который существовал, например, во Франции¹. Здесь общины образуются с целью освободиться от тирании сеньоров и осуществлять в свою пользу сеньориальные права; они присоединяются к тем более или менее автономным местным властям, между которыми была раздроблена территория. Ввиду централизации, установленной нормандскими завоевателями, такое явление было невозможно в Англии; гнет исходил не от сеньоров, а от короля, и с королевским всемогуществом невозможно было бороться путем основания муниципальных республик. В силу общности интересов горожане соединялись с баронами и прелатами, вместе с ними боролись и в одно время с ними приобрели привилегии, то есть гарантии против административного произвола. Лондон и так называемые Пять портов Ла-Манша первые извлекли выгоду из этой совместной борьбы. В менее важных городах социальное брожение сосредоточилось преимущественно в гильдиях, то есть купеческих ассоциациях, которые со времени Генриха II чрезвычайно размножились и развились. Обыкновенно эти гильдии не принимали никакого участия в муниципальной администрации; их главной целью было обеспечивать членам товарищества монополию розничной торговли в городах и устранять чужеземную конкуренцию².

Промышленность и торговля. Главными продуктами Англии в XII и XIII вв. были хлеб и шерсть. Хлеб большей частью потреблялся самой страной; напротив, шерсть составляла предмет очень значительной вывозной торговли с мануфактурными городами Фландрии, потому что Англия изготовляла тогда лишь грубые ткани для крестьян.

¹ См. выше, глава 8.

² См. выше, глава 9.

Эта торговля была источником богатств, который короли нередко эксплуатировали. Мы видели, что выкуп за Ричарда Львиное Сердце был уплачен отчасти шерстью цистерцианцев. С 1266 г. взималась регулярная вывозная пошлина. С другой стороны, Симон де Монфор, чтобы запугать фламандцев, которые, по-видимому, готовы были поддержать короля во время междоусобной войны, запретил ввоз иностранного сукна в королевство, так как «англичане сами могут удовлетворять свои потребности». В большом количестве ввозились также гасконские вина, и король взимал с каждого судна пошлину в две бочки вина, которые брались от подножия мачты. Таково происхождение таможенных пошлин (*customs*), которые с тех пор составляют видную статью в бюджете королевских доходов. Торговля имела такое большое значение, что Великая хартия оказывала специальное покровительство иностранным купцам, путешествовавшим по Англии в мирное время, и что в парламент 1265 г. были призваны депутаты от городов. Эти два факта указывают на социальное и политическое возвышение буржуазии.

Духовенство. Церковное общество также подверглось действию закона, в силу которого все на свете видоизменяется. Духовенство составляло особый класс, владевший привилегиями, которые были подтверждены Великой хартией; главной из них была свобода канонических выборов (*que maxima et magis necessaria reputatur ecclesie anglicane*). С другой стороны, оно было тесно связано с государством. Прелаты (архиепископы и епископы, аббаты и приоры) обязаны были заседать в парламенте наряду с баронами и на том же основании, как последние, то есть в качестве прямых васалов короны. Каждый раз, когда парламенту приходилось вотировать субсидии, духовенство вносило изрядную лепту. Кроме того, некоторые поборы падали исключительно на него. В 1253 г. папа Иннокентий IV разрешил английскому королю, ради крестового похода, которого он никогда не предпринял, взимать в течение трех лет десятину со всех церковных доходов; с этой целью была произведена общая перепись церковных имуществ, на основании которой затем и разверстывались все подобные налоги. Принуждае-

мое то королем, то папой, духовенство платило, но не без ропота. Мы видели, что именно оно руководило оппозицией против королевского произвола при Иоанне и Генрихе III. Независимое по отношению к королю, оно не было подчинено и папе. Оно неустанно протестовало против незаконной раздачи бенефиций иностранцам, особенно итальянским клирикам. Оно предъявило свои жалобы Иннокентию IV на Лионском соборе. Те историки, которые, основываясь на недостоверных документах, приписывали знаменитому линкольнскому епископу Роберту Гростэту на этом соборе роль, достойную предшественника Реформации, без сомнения ошибались; но стоит лишь прочесть хронику Матвея Парижского, чтобы понять, какие чувства питало английское духовенство к папству, когда дело шло об его национальной независимости. Ни один писатель не знакомит нас лучше с этим духом нетерпимости и ревности, одним словом, островной обособленности, чем сент-альбанский монах, столь своеобразный, так хорошо осведомленный и столь пристрастный в своих суждениях.

Черное духовенство было многочисленно и влиятельно. В большинстве монастырей господствовал бенедиктинский устав, строгость которого ослабела в эпоху смут. Первая реформа была произведена в XII в. и, как во времена Альфреда и Эдгара, исходила из Франции; картезианский, премонтранский, августинский и особенно цистерцианский орден быстро достигли успеха; тамплиеры и госпитальеры также владели крупными богатствами. Один только орден носил строго национальный характер – именно гильбертинский орден, основанный в 1135 г. Гильбертом Семпрингемским, который, взяв за образец Фонтевро, учредил мужские и женские монастыри, расположенные бок о бок и подчиненные общему управлению. По мере накопления богатств монашество развращалось. Известен ответ Ричарда Львиное Сердце одному из его приближенных, который однажды, упрекая его в пороках, решился сказать ему: «У вас три дочери, которые помешают вам достигнуть престола Божия: гордость, сладострастие и корыстолюбие». – «Я уже выдал их замуж, – ответил король, – первую за тамплиеров, вторую за черных монахов (то есть клюнийцев), третью за бе-

лых монахов (то есть цистерцианцев)». Последних неустанно обличал Жиро де Барри. Главное зло заключалось в том, что эти монахи жили преимущественно для себя, мало заботясь об окружавшем их обществе. Поэтому нищенствующие ордена, учрежденные вскоре затем св. Франциском и св. Домиником, быстро достигли поразительного успеха. Доминиканцы (Black friars) явились в Англию в 1221 г., францисканцы (Grey friars) – в 1224-м. Они привлекли в свои ряды множество членов светского духовенства и поддерживали руководимое Симоном де Монфором движение в пользу политического и социального преобразования Англии.

Схоластическая философия, литература, искусство. В том первом литературном возрождении, которым были ознаменованы XII и XIII в., Англия занимает выдающееся место. Она дала схоластической философии, центром которой был Париж, несколько имен, пользующихся заслуженной известностью. Св. Ансельма нельзя назвать англичанином, хотя он и был кентерберийским архиепископом; но Иоанн Салисберийский несомненно принадлежит Англии. Автор «Policraticus» и «Metalogicus» был, без сомнения, не только одним из ученейших людей своего времени, но и одним из наиболее изящных писателей. В ту эпоху философия утратила доверие общества, потому что она была до крайности утонченна и нелепа, и он остроумно осмеивал ее. В следующем веке, когда она почерпнула новые силы из чистых источников аристотелизма, Англия произвела Александра de Hales, которого современники прозвали «непогрешимым доктором», Эдмунда Рича, одного из преемников святого Ансельма на кентерберийской кафедре (1234–1240), Роберта Гростэта, Вильгельма Ширвуда, которого некоторые ставили выше Альберта Великого, и наконец Роджера Бэкона, который один мог прославить свою страну и свой век. Все эти богословы получили или закончили свое образование в Париже; но уже близко время, когда Англия и в этом отношении сможет удовлетворять свои потребности, так как с середины XII в. она имеет собственную школу в Оксфорде, а с 1209 г. – и в Кембридже. Оба эти университета были организованы по образцу Парижского; около 1250 г. в Оксфорде насчитывалось уже 15 ты-

сяч студентов. Этим быстрым успехом университет был обязан отчасти францисканцам, особенно Роберту Гростэту, который основал в Оксфорде первую школу, где преподавалось богословие, и его другу Адаму де Марш, который занимал в ней первую кафедру. Александр de Hales и Роджер Бэкон отчасти получили свое образование в этом университете.

Что касается литературы, то она еще почти всецело находилась в руках духовенства. Она пользовалась не национальным языком, а латинским или англо-нормандским. Она жила преимущественно заимствованиями.

То же самое можно сказать об искусствах. Самое благородное из них, которое мы притом лучше знаем, архитектура, воспроизводит романские и готические типы как в постройке замков, так и при сооружении огромных соборных и монастырских церквей. Много сделал в этом отношении Генрих III; он был великий строитель. Вестминстерское аббатство было заложено при его щедрой поддержке; он тратил крупные суммы на украшение своих резиденций и гробниц своих излюбленных святых ценными предметами, картинами, дорогими тканями. Имя того человека, который руководил этими работами, принадлежит истории искусства; это был Эдуард, сын Эда.

Король и *Curia regis*. В то время, когда нация с таким пламенным рвением продвигается вперед по пути духовной и социальной эмансипации, королевский авторитет остается преобладающим в стране. Правда, правоведы, комментаторы обычного права, заявляют вслед за Брактоном, что римский принцип «*quiquid regi placet legis habet vigorem*» ни в коем случае не может быть применен к Англии, но они признают вместе с тем, «что в государстве не может быть ни одного лица, которое стояло бы выше короля», что он стоит выше обычного правосудия, что только Бог может карать его за совершенное им зло и что можно только «молить его, чтобы он исправил то, что сделал». Если в хартиях 1215–1225 гг. король вынужден был категорически признать права и привилегии, которых требовала себе нация, то он отнюдь не считал себя связанным по отношению к ней. Он один владел правом почина и исполнительной властью.

В то же время органы его власти совершенствовались. *Curia regis* распалась на три палаты, которые функционировали отдельно уже при Генрихе III: 1) на Шахматную палату (*Scaccarium, Exchequer*), которая поверяла счета королевских чиновников и в последней инстанции разбирала все дела, касавшиеся королевских доходов; 2) Палату гражданских дел (*Placita communia, Common pleas*), которая обычно решала – либо в первой инстанции, либо по апелляции – все дела, касавшиеся частных лиц; 3) Суд королевской скамьи (*Bancum regis, King's Bench*), который ведал всеми остальными процессами, особенно уголовного свойства. Из этой палаты избирались так называемые разъездные судьи, на обязанности которых лежал надзор за деятельностью полиции и суда в графствах; их объезды были в XIII в. почти ежегодными. В царствование Генриха III Мартин Pateshull и Вильгельм Ралей приобрели в этой должности заслуженную известность, как внимательные, знающие и строгие судьи. Главным образом на основании их судебных решений Брактон составил свой замечательный трактат – руководство для королевских судей.

Шериф, назначаемый королем и всегда сменяемый, избирался, как правило, из среды мелкого дворянства того самого графства, в которое он назначался, потому что он отвечал за свою деятельность личным имуществом. Его полномочия были очень обширны: он созывал совет графства и председательствовал в нем; здесь же он, при участии присяжных, творил суд и расправу; он заведовал королевскими имениями и взимал регулярные доходы короны; он командовал войском, за исключением прямых вассалов короля, которые приглашались на службу личным письмом. Существование совета графства, представлявшего собой нечто вроде местного парламента, где наряду с прелатами и баронами заседали выборные представители мелкого дворянства, горожан и даже крестьян, не ограничивало власти шерифа, потому что единственным назначением этого совета было поддерживать шерифа в его деятельности; он не обсуждал его распоряжений, а лишь облегчал их исполнение. Будучи представителем почти абсолютного государя, шериф действовал так, как если бы сам владел абсолютной

властью, поэтому в XIII в. предпринимались попытки ослабить его могущество. Несколько раз бароны заявляли притязание на право назначать шерифов, но всегда без успеха. Чтобы освободиться от их тирании, некоторые крупные бароны требовали и получали привилегию самим исполнять на своих землях и над своими людьми некоторые функции, принадлежавшие к ведению шерифов, как например, поверять состояние «свободного поручительства» (*visus franci plegii*), или получать, применять и возвращать в канцелярию королевские указы (*retornum brevium*); тогда шериф и его агенты могли проникать в эти привилегированные поместья (*libertates*) лишь в силу специального указа. В конце концов и сами короли должны были предпринять репрессивные меры против тех чиновников, которые обладали слишком большим могуществом и слишком легко отождествляли свою личную выгоду с интересами государства. Они постепенно учредили ряд новых должностей, которые захватили функции шерифов и ограничили их власть: взимание экстраординарных налогов было поручено особым сборщикам; заведование выморочными или конфискованными имуществами (*escaete*) было вверено так называемым *échoiteurs*, исправительная и уголовная полиция – коронерам (*coronatores*), которые являются *custodes placitorum coronae*, и т. д. Близится время, когда шериф перестанет быть главным представителем короля в графствах, но эта реформа совершится не в XIII в.

Королевская служба. В общем, вся нация кажется созданной для службы королю. Последний во всякую минуту может наложить на каждого любую обязанность. Он довольно охотно жалуется частным лицам те или другие привилегии – например, никогда не участвовать ни в следственном, ни в судебном жюри, или никогда не быть назначаемым в шерифы, коронеры, лесничие и т. п.; но эти изъятия подтверждают правило. Наконец, если мы хотим иметь ясное понятие о строгости той администрации, мы должны мысленно представить себе всю ту массу пергаментных связок или свитков, на которых с первых лет XIII в. в течение всех средних веков и вплоть до новейшего времени с ничем ненарушимой правильностью записывались королевские акты.

Ни в одном европейском государстве канцелярская переписка не была так сложна и так правильна. Английские архивы красноречиво свидетельствуют о том, как ревниво короли оберегали свои права и с какой точностью исполнялись судебные и финансовые операции, подвергавшие наибольшей опасности имущество и жизнь подданных.

Пиренейские государства (XI – конец XIII в.)

Развитие христианских государств

Христианская Испания до 1030 г. Наварра при Санчо Великом (970–1035). Преобладание объединенных королевств Леона и Кастилии. Альфонс VI (1073–1109); первая попытка объединения Кастилии и Арагона. Высшая степень могущества государств, объединенных под властью Альфонса VII. Основание Португальского королевства. Объединение Арагона с Каталонией. Окончательное объединение Кастилии и Леона.

Христианская Испания до 1030 г. Когда Готская империя распалась под ударами мусульман, почти вся Испания подпала под иго завоевателей. Только северные горцы и беглецы, нашедшие у них убежище, остались свободны от владычества неверных. Они избрали своим вождем Пелагия, который победил завоевателей при Ковадонге и дал сигнал к войне за независимость. К основанному им Астурийскому королевству один из его преемников, Альфонс (739–756), присоединил герцогство Кантабрию, тянувшееся к востоку между морем и горами до границы Франции, и Галисию, которая незадолго перед тем изгнала берберов. Столицами этого первого христианского государства были последовательно Правия, Кангас д’Онис и Обиедо; затем, в начале X в., короли перенесли свою резиденцию в Леон, в бассейн Дуру, как бы желая стать лицом к лицу с неприятелем.

Посредством удачных войн они расширили свои владения на плоскогорье Эбро и в области Бургоса. Чтобы

закрепить эти завоевания, они покрыли страну укрепленными замками. Отсюда название Кастилии, которому суждено было приобрести такую громкую известность; вначале им обозначалась только древняя Бардулия (*merindad de Villarcayo* на Эбро), позднее, по мере успехов христианского оружия, оно было распространено на всю страну до границы Андалусии. Энергичные вожди, управлявшие этими спорными областями и защищавшие их против неприятеля, владели большой долей инициативы; отсюда до мечты о независимости был один шаг. Граф Фернандо Гонзалес во время своего долгого управления Кастилией (935–970) подготовил ее независимость. Его непосредственным преемником был его сын Гарсия Фернандес. Множество актов конца X в. свидетельствуют о непокорном и мятежном духе этих князей, хотя юридически и даже фактически их все еще связывали слабые узы с королями Леона.

Франки, на которых арабы нападали даже в центре Галлии, в свою очередь бежали за Пиренеи и одно время господствовали на Эбро. Но завоевания Карла Великого были скоро утрачены благодаря слабости его преемников; равнина снова перешла в руки неверных, горцы снова остались изолированными. Между Францией и Астурией образовалось княжество, которое часто воевало со своими соседями и повиновалось им лишь настолько, насколько его принуждала к этому его слабость. Брак Альфонса III, короля Астурии (866–909), с Хименой, дочерью графа Гарсии Гарсеса, есть первый несомненный признак существования Наваррского государства и наваррской династии. Сын Гарсии, Санчо Гарсия Абарка, принял титул короля. Он отнял у сарацин Пампелуну и завоевал всю страну – от Нахеры до Туделы. Умирая, он оставил государство вполне очищенным от врагов.

На другом конце Пиренеев Испанская марка также отложила от франкской монархии. Она образовала при Людовике Добром четыре диоцезы – Барселоны, Героны, Уржеля и Озоны, подразделенные на 10 или 12 графств. К ним примкнули также графства Рибаторса и Яка, составившие позднее ядро Арагона. Около середины IX в. отдельно от

Септимании образовался Барселонский маркизат. Затем история Пиренейского полуострова на некоторое время покрывается мраком. Некто Вильфред, по прозвищу Волосатый, в 874 г. приобрел наследственную власть над маркизатом. Один из его преемников, Боррель, основал династию, влияние которой беспрестанно возрастало в стране. Одну минуту успехи Альманзора грозили ей гибелью, но при барселонском графе Беренгари Раймонде (1018–1035) она снова окрепла.

Таково было положение христианской Испании в начале XI в. (1030). Она состояла из двух королевств, Леона и Наварры, и двух графств – Барселоны и Кастилии. Области, составившие позднее королевства Португалия и Арагон, либо, входя в состав первых, не вели самостоятельного существования, либо оставались еще в руках мусульман. Мы должны проследить возникновение одних и развитие других, их попытки к соединению и слиянию и их внезапные распадаения до той минуты, когда закончится образование четырех христианских государств – Португалии, Кастилии, Наварры и Арагона.

Наварра при Санчо Великом (970–1035). Та область, которой суждено было играть наиболее видную роль в истории полуострова, выступает на первый план в начале XI в., когда падение Омейядов (1031) и разложение их державы открыли христианам широкое поле деятельности. Только один раз Наварра занимала такое преобладающее положение. Это было в царствование Санчо Великого (Sancho el Mayor). Его государство простиралось от пиренейских плоскогорий до гор Бургоса и Сории, отделявших его от Кастилии; он получил по наследству, кроме Собрарбы, графства Рибаторсу, Паллас и Яку, или Арагон. Когда Веласы, одна из знатнейших фамилий Кастилии, убили своего графа Гарсию, Санчо, шурин убитого, выступил мстителем за него. Он захватил убийц в крепости Монзон и сжег их живыми; затем он наложил руку на наследие покойного. Но и после этого его честолюбие еще не было удовлетворено; в качестве сюзерена Кастилии он потребовал от короля Леона, Бермуда III, область, лежавшую между Сеей и Писуэргой. Оба короля были уже готовы

начать войну, когда в дело вмешались епископы с целью склонить их к миру. Было условлено, что Фердинанд, второй сын наваррского короля, женится на сестре Бермуда и получит в приданое за женой спорные земли. В угоду ему Кастилия была провозглашена королевством (1032). Несмотря на выгодное соглашение, Санчо возобновил войну, овладел королевством Леон и принудил своего противника бежать в глубь Галисии.

Он господствовал в то время над всей христианской Испанией, за исключением Галисии и Каталонии. Этим объясняется его титул императора – титул, который носил, по-видимому, каждый государь, соединявший под своим скипетром несколько государств. Но такое преждевременное объединение было не по душе людям того времени. Умирая (1035), Санчо унес с собой и счастье своего наследственного королевства. Заботясь более об увеличении своих владений, чем об основании империи, он разделил государство между своими сыновьями: старший, Гарсия, получил Наварру, Фердинанд удержал Кастилию, Рамир получил горную область, простирающуюся от Ронсеваля до Ары. Эта страна и была колыбелью Арагонского королевства.

Преобладание объединенных королевств Леона и Кастилии. Получив известие о смерти Санчо Великого, Бермуд оставил свое убежище и без единой битвы вернул себе свое королевство Леон. Он в свою очередь воспротивился соглашению, состоявшемуся при посредничестве епископов, и потребовал от Фердинанда, чтобы он уступил ему область между Сеей и Писуэргой. Король Кастилии, поддерживаемый своим братом Гарсией, вызвал Бермуда на битву и убил его при Тамароне (1037). Победитель овладел всем наследием побежденного – Астурией, Леоном и Галисией. Держава Санчо возродилась в центре полуострова.

Король Наварры слишком поздно понял, какую ошибку он сделал, поддержав в этом деле своего брата. Обеспокоенный непомерным усилением его могущества и снedaемый завистью, он составил план действий с целью избавиться от Фердинанда. Его долго сдерживаемая ненависть прорвалась наружу в 1054 г. Между братьями произошло сражение при

Атапуэрке, и Гарсия пал в битве. Король Кастилии не употребил во зло своей победы; он удовольствовался тем, что присоединил к своим владениям Нахеру и некоторые земли по Эбро; остальную часть Наварры он оставил своему племяннику.

Альфонс VI (1073–1109); первая попытка объединения Кастилии и Арагона. Хотя Фердинанд перед смертью разделил государство между своими тремя сыновьями, но ранняя смерть двух из них почти тотчас восстановила единство власти: Санчо Рамирес на востоке полуострова соединил в своих руках Наварру и Арагон. Дробность территории, по-видимому, уменьшилась, но преобладающая роль все еще оставалась за соединенным королевством Леоны и Кастилии. Христиане перешли через горный хребет Гвадаррамы и проникли в долину Таго. В 1085 г. они овладели Толедо, древней столицей готских королей, и, несмотря на победы мусульман при Заллаке (1086) и при Уклесе (1106), она навсегда осталась в их руках.

Альфонс, по-видимому, стоял выше предрассудков того времени и не смотрел на свое государство, как на простую вотчину, которую можно делить до бесконечности. Из всех его детей у него оставалась одна дочь, донья Уррака, вдова Раймонда Бургундского. Он вторично выдал ее замуж за Альфонса I, короля Арагона.

Это молодое государство начинало выходить за пределы пиренейских долин и увеличиваться за счет эмиров Сарагосы. Вслед за Санчо Рамиресом, который первый принял титул короля, его сын Альфонс I, по прозванию Воитель, посредством военных успехов положил основание могуществу своего государства.

Брак доньи Урраки с этим завоевателем был как бы предвестником брака Фердинанда с Изабеллой Католической; но время для этой унии еще не наступило. Эти народы, как и супруги, вследствие разности характеров не могли жить в мире. Характер Урраки, ее страсти и склонность к насилию, а также существование сына от первого брака разрушили планы короля Кастилии. Сын Раймонда Бургундского был королем Галисии; он завоевал у своей матери и ее мужа Кастилию. В довершение неудачи, кото-

рую одновременно потерпели все попытки объединения, Наварра после смерти Альфонса Воителя (1134) также отложила от Арагона.

Высшая степень могущества государств, объединенных под властью Альфонса VII. К счастью для христианской Испании, Кастилия и Леон остались объединенными. Оба королевства извлекли большую выгоду из этой унии; в царствование Альфонса VII (1126–1157) они распространили свое влияние на весь полуостров. Полновластный господин самого могущественного из испанских государств, Альфонс миром или силой заставил признать свою верховную власть королей Наварры и Арагона, графов Барселоны, Португалии и Тулузы. Его влияние простиралось на оба склона Пиренеев, от Роны до Таго, от Лиссабона до Бордо. Он мог с большим правом, чем Санчо Великий, прибавить к сану короля новый титул, как знак своего могущества. Кортесы, собравшиеся в Леоне в 1135 г., выразили мнение, что он должен принять титул императора, так как в числе его вассалов находится один сарацинский государь, Саиф эд-Долат, и христианские князья. Вельможи и народ собрались в церкви св. Марии, «и король облачился в одежду дивной работы, на его голову возложили императорскую корону из чистого золота, украшенную драгоценными камнями, и в руку ему дали скипетр; король Гарсия (Наваррский) держал его правую руку, а епископ Леонский – левую; духовенство провело его к алтарю; здесь было спето «Te Deum», которое закончили криками: «Да здравствует император Алонсо!»»

Слава молодой империи распространилась на большом расстоянии. Людовик VII, злосчастный муж Элеоноры Аквитанской, постарался заключить союз с этим государем. Во время своего паломничества в Сантьяго-да-Компостелла он остановился в Бургосе и здесь получил руку инфанты Констанции. Альфонс VII окружил себя в своей столице Толедо такой необыкновенной пышностью, что его зять, ослепленный этим блеском, клялся, «что никогда не видел такого блестящего двора и что, без сомнения, во всем мире нет ничего подобного».

Основание Португальского королевства. Но это величие обуславливалось личным влиянием одного человека и временной концентрацией сил. Уния, соединявшая Кастилию и Леон в течение столетия с лишним (1036–1157), рушилась, и оба государства остались по-прежнему изолированными и слабыми. Различные области, признававшие над собой их верховную власть, вернули себе теперь свободу действий. На западе полуострова возникло новое королевство. Брак Альфонса VI с Констанцией, дочерью бургундского герцога Роберта, привлек в Испанию большое количество бургундских рыцарей, родственников или протеже этой принцессы. Муж Констанции выдал свою побочную дочь Терезу за Генриха Бургундского, сына герцога Генриха и правнука Роберта Благодетельного, и дал в приданое за ней графство Португалию, которое охватывало тогда лишь область между Дуру и Мино, провинцию Беира и округ *Tras-os-Montes*.

Правда, Генрих мог увеличивать свои владения за счет мавров. Но завоевания ослабляли узы, соединявшие Португалию и Кастилию. Он называл себя уже «графом Божией милостью». Его сын Альфонс, победитель мусульман в решительной битве при Урике, был провозглашен королем на поле сражения (1139). На кортесах в Ламего (1143) нация одобрила выбор армии. Альфонс явился перед представителями трех сословий без атрибутов королевской власти. Его поверенный, Лаврентий Венегас, встал и спросил собрание, хочет ли оно иметь королем избранника армии, победителя при Урике. Все ответили утвердительно. Тогда архиепископ Браги взял из рук аббата Лорвао золотую корону, украшенную жемчугом, которую вестготские короли принесли в дар этому монастырю; он возложил ее на голову Альфонса, «и король, держа в руке тот самый меч, который он носил во время битвы, сказал: “Да будет благословен Господь, помогший мне! Этим мечом я освободил вас и победил моих врагов; и так как вы сделали меня своим королем и товарищем, то нам следует установить законы, которые обеспечили бы спокойствие нашей страны”». Корона была объявлена наследственной в семье Альфонса Генрикеса; в случае отсутствия наследника мужского пола,

за женщинами признавалось право наследования, но были приняты все меры предосторожности, чтобы устранить от престола иностранцев. Таким образом, договор, учредивший монархию, вместе с тем основал и оградил от покушений португальскую национальность. Это была смелая декларация независимости и автономии. «Хотите ли вы, – сказал далее поверенный, – чтобы король отправился ко двору короля Леона, чтобы он платил дань ему или кому-либо другому, кроме господина папы, сделавшего его королем?» Тогда все встали со своих мест, подняли свои обнаженные шпаги и сказали: «Мы свободны и наш король свободен. Наши руки освободили нас. Смерть королю, который потерпит это!»

Обеспечив себе согласие народа, Альфонс обратился к той верховной власти, которая распорядилась тогда коронами, – к папству. Обязавшись платить небольшую дань, он добился утверждения своего сана. Португалия как материально, так и духовно вступила в ряд независимых государств.

Объединение Арагона с Каталонией. Арагон, в свою очередь, сверг с себя узы вассалитета. Рамир II был призван на престол во время смуты, вызванной победой мусульман при Фраге (1133). Кастилия воспользовалась затруднительным положением и слабостью Рамира, чтобы овладеть его столицей Сарагосой; он вынужден был перенести резиденцию в место своего рождения, горную Яку. Заботясь более о спасении своей души, чем о нуждах государства, Рамир мечтал лишь о том, как бы вступить в монастырь. Он хотел отречься от престола в пользу дочери Петрониллы и поставить королевство под покровительство своего соседа, императора Альфонса VII. Здравый ум его подданных побудил его изменить это решение: они заставили его выдать Петрониллу за Раймонда Беренгария IV, графа Каталонии, и таким образом подготовили соединение обеих стран (по договору, заключенному в Барбастро 11 августа 1137 г.). Рамир вернулся к созерцательной жизни, а государством стал управлять Раймонд Беренгарий с титулом регента. Он не мог думать о борьбе с Кастилией, но ему удалось ценой вассальной клятвы вернуть Сарагосу. От Петрониллы он

имел сына Альфонса II, воцарение которого окончательно закрепило унию обоих государств. Арагон – страна континентальная, нашел в приморской Каталонии как бы необходимое дополнение. Ввиду такого усиления арагонской державы, новый король Кастилии Альфонс VIII вынужден был совершенно отказаться от надежды сохранить над ней верховную власть.

Окончательное объединение Кастилии и Леона. Это время было периодом тяжких испытаний для Кастилии. Лишившись поддержки Леона, преданная Наваррой, потеряв влияние на Арагон и Португалию, она должна была бороться со всей мусульманской Испанией, объединенной Альмохадами. Поэтому неудивительно, что она не могла устоять одна против всех мусульманских сил в битве при Аларкосе (1195).

Несмотря на эту кровавую неудачу, она продолжала занимать первое место на Пиренейском полуострове. Она стоит в авангарде христианских государств; она является самым пылким представителем крестового движения и с наибольшим упорством продолжает дело священной войны. Поражения при Салаке, Уклесе и Аларкосе – кастильские поражения; зато и победитель при Лас-Навас-де-Толоса (1212), где было сокрушено могущество мусульман, – кастильский государь. Могущество Кастилии беспрестанно возрастало и достигло высшей точки в тот день, когда Фердинанд III (Святой) навсегда объединил Кастилию и Леон (1230). С того времени преобладающая роль была обеспечена за центральным государством, которое простиралось между Португалией и Арагоном и преграждало путь Наварре.

Процесс объединения, сделавший уже такие успехи с образованием соединенных королевств Кастилии – Леона и Арагона – Каталонии, еще более продвинулся вперед благодаря перемене, происшедшей в судьбе Наварры после смерти Санчо Сильного (1234). Он не оставил детей. Представители народа призвали на престол его племянника Тибо, графа Шампанского. С тех пор Наварра лишь случайно вмешивается в дела полуострова; она обращается фронтом к Франции, и ее история все более сливается с историей этой великой страны.

Завоевание (reconquista) Испании

Первые успехи христиан. Завоевание бассейна Дура; Фердинанд I. Альфонс VI. Взятие Толедо (1085). Альморавиды в Испании; битва при Салаке. Падение арабских династий Андалусии. Сид Кампеадор. Расцвет и упадок могущества Альморавидов. Появление Альмохадов. Последняя победа Альморавидов при Фраге. Альфонс VII, король Кастилии; великое разорение Андалусии. Торжество Альмохадов. Окончательное торжество христиан; Лас-Навас-де-Толоса (1212). Хайме I Арагонский; завоевание Балеарских островов и Валенсии. Фердинанд Кастильский Святой; завоевание Андалусии.

Историю христианских государств с XI до XIII в. можно было изучать отдельно; все эти государства, за исключением Португалии и Арагона, были уже организованы в 1030 г. Теперь мы должны посмотреть, как росли эти государства в ущерб неверным.

Первые успехи христиан. Когда в Испанию нахлынула первая волна мусульманских завоевателей, только немногие долины Пиренеев и Астурии сохранили свою независимость; но к востоку и западу от великой горной цепи, отделяющей Францию от Испании, как и к востоку и западу от Кантабрских гор, мусульманские армии проникли до моря. Наваррские и каталонские ущелья служили проходом для неверных, которые победили Эда Аквитанского, но потерпели поражение (732) от франков Карла Мартелла. В Галисии не осталось ни одной деревни, которая не была бы завоевана мусульманами.

Даже тогда, когда Альфонс I (739–756) соединил свое герцогство Кантабрию с Астурийским королевством, у него все еще не было достаточно сил, чтобы перейти в наступление. Христианам приходилось надеяться больше на раздоры среди их врагов, чем на собственные силы. В середине VIII в. между завоевателями – арабами и берберами – началась борьба, которая и позволила христианам сделать первый шаг вперед. Берберы, спасаясь от ненависти арабов, массами стали покидать плоскогорья и равнины севера, на которых они успели обосноваться. Население Галисии восстало и истребило или прогнало оставшихся мусульман

(751). Последние бежали до Мондего и Таго, разрушив на своем пути все крепости, которые они вынуждены были оставить. Альфонс, приобретя без удара меча огромную территорию, не имел средств, чтобы удержать и защищать ее. Он переселил ее жителей и удовольствовался занятием Галисии, Лиébана (к югу от провинции Сантандер), Старой Кастилии и, быть может, города Леона. Но этот легкий успех был непрочен. Насколько первый шаг был быстр, настолько были медленны дальнейшие успехи. Понадобилось два века, чтобы дойти до Дуро и прочно основаться на нем. Это был период процветания и блеска халифата. Мусульмане несколько раз проникали в долины Астурии; не раз также их армии были истребляемы в теснинах гор. Христиане укрепились у входов в равнины – в Леоне, Асторге, Тюи, Заморе; франки основали Испанскую марку. Халифы потеряли всю линию северных гор от мыса Крё до мыса Ортега. Это была грозная опасность для будущего.

Хаджиб Альманзор¹, царствовавший именем слабого Гишама II, осознал эту опасность. Задача его жизни и цель его честолюбия – довершить завоевание Испании. В течение своего долгого правления он ежегодно шел войной от границ Галисии до границ Каталонии. Перед его победоносным оружием пали крепости, воздвигнутые христианами в бассейне Дуро. Он вступил в Леон, столицу Астурии, и в Барселону, оплот Франкской марки. Галисия, которая не знала набегов с середины VIII в., также была опустошена. Как бы желая довершить унижение, Альманзор взял и сжег Сантьяго-да-Компостелла, наиболее почитаемое святилище Испании, нечто вроде ее религиозной и национальной столицы.

До самой смерти (1002) Альманзор знал только победы; поражение при Калатаньязоре есть выдумка, обязанная своим происхождением тщеславию испанцев.

В этом последнем усилии мусульмане истощили свою энергию. Христиане, отброшенные к своим первым позициям, после смерти завоевателя снова начали наступательное движение, которое уже более не останавливалось. Дер-

¹ Ибн-аби-Амир, по прозванию ал-Манзор Билла, то есть вспомоществуемый Богом, побеждающий с помощью Бога.

Испанский рыцарь из Бургоса

жава, основанная Омейядами, разлагалась; последний представитель этой знаменитой семьи сошел с престола в 1031 г. *Вали* объявили себя независимыми и основали королевства в Толедо, Севилье, Кордове, Сарагосе и Бадахосе. Эти пять эмиратов были самыми могущественными; но наряду с ними возникло множество мелких государств, которые почти все ограничивались территорией одного города. Это дробление было причиной неизлечимой слабости, и чтобы иметь возможность давать отпор христианам, эти властители раздробленной мусульманской Испании должны беспрестанно прибегать к помощи африканских династий. Смерть Альманзора блестящим образом завершает историю независимости испанских арабов.

Завоевание бассейна Дуро; Фердинанд I. Фердинанд I, король Кастилии и Леона, открывает период окончательных завоеваний. Его первые экспедиции были обращены на Запад. Через Альмеиду он проник в Португалию и осадил Визё. Город защищался отрядом стрелков, стрелы которых насквозь пробивали латы и щиты, но и их искусство не могло спасти крепости. Точно так же Ламего не был спасен своими высокими стенами. Взятие Коимбры завершило этот ряд побед. Вся страна от Дуро до Мондего была покорена.

Затем Фердинанд обратил свое оружие на Восток. Замок Гормаз (на Дуро), который столько раз был взят и сно-

ва утрачен кастильцами, окончательно перешел в его руки. Затем он двинулся против Берланги, которую жители покинули при его приближении. Он повсюду разрушил башни или крепости (*atalayas*), которые арабы во множестве воздвигли на этой границе, чтобы следить за действиями неприятеля. Граница Кастилии была передвинута к Сомо-Сьерре. Победитель не замедлил перейти горы и явился на берегах Мансанареса. Он опустошил поля, перерезал жителей и роздал своим солдатам несметную добычу. Истребляя и сжигая все на пути, христиане дошли до Алкалы-де-Генарес, которая призвала к себе на помощь своего господина, Мамуна, эмира Толедо.

Мамун, вместо того, чтобы вступить в битву, явился с целью купить мир. Его распря с севильским эмиром Мотамидом тревожила его больше, чем успехи христиан. Он подговорил Фердинанда вторгнуться во владения его соперника. Последний, будучи не в силах сопротивляться, предложил платить дань. Его просьба, сопровождаемая богатыми подарками, была уважена. Благочестивый король Кастилии потребовал также выдачи мощей св. Юста, потерпевшего мученичество при Диоклетиане. Так как этих мощей нельзя было найти, то Альвит, епископ Леона, открыл в Севилье мощи св. Исидора, самого знаменитого и самого ученого из отцов Испанской церкви. Авила выдал также мощи св. Винцента. Эти реликвии обогатили религиозную сокровищницу северных городов и немало способствовали поддержанию фанатизма и страсти к крестовым походам.

Свою последнюю экспедицию Фердинанд предпринял вместе с верным Мамуном против Валенсии. Перед смертью он владел почти всем бассейном Дура. Его набеги в Андалусию покрыли страну развалинами, не дав ему ни клочка земли. Но ужас, который внушало его оружие, распространил его влияние далеко за пределы королевства. Если известия о его верховенстве над эмирами Бадахоза, Толедо и Севильи превеличены, то несомненно, что его могущество до известной степени принуждало их к подчинению.

Альфонс VI; взятие Толедо (1085). Правда, это господство было чисто личного характера. Раздоры, начавшиеся между его сыновьями, подвергли риску достигнутые им

успехи. К счастью, после семилетней смуты Альфонс VI (1073–1109) снова соединил в своих руках скипетры Леона и Кастилии и, идя по стопам своего отца, сильно продвинул вперед дело завоевания.

Хроники рассказывают, что этот государь, спасаясь от ненависти своего брата Санчо, бежал к толедскому эмиру. Последний оказал ему самое широкое гостеприимство. Однажды, когда Альфонс гулял с эмиром в саду замка Бриока (ныне Бригуэга), он почувствовал усталость, лег в тени дерева, закрыл глаза и, казалось, задремал. Мамун сел подле него и, ничего не подозревая, разговаривал со своими приближенными. «Возможно ли, – спросил он, – чтобы человеческая сила справилась с таким городом как Толедо?» На это один из его советников ответил, что город всегда может отразить открытое нападение, но что его можно покорить иными способами. Для этого достаточно 7 лет подряд опустошать его окрестности, истреблять его урожай, то есть лишать его припасов и морить голодом. Альфонс, который не спал, запомнил эти слова и решил испытать данный способ.

Пока Мамун жил, он воздерживался от всякого враждебного действия и даже помогал ему в его борьбе с севильским эмиром. Но он полагал, что смерть его благодетеля вполне освобождает его от долга благодарности, и благосклонно принял предложения, которые сделал ему министр Мотамида, Ибн-Аммар. Был заключен наступательный союз против толедского эмира. Альфонс, хотя и женатый законным браком, взял в наложницы Заиду, дочь эмира; приданое молодой принцессы решено было взять у общего врага. Альфонс перешел через горную цепь Гвадаррамы и с севера проник в бассейн Таго. В течение трех лет он довольствовался опустошением окрестностей города, сжигал хлеб на корню, срубал деревья, разрушал деревни и толпами уводил в плен крестьян. Соседние города Мадрид и Гвадалахара перешли в его руки. Ослабленный и изолированный Толедо неминуемо должен был сделаться жертвой завоевателя. Эмир Иагия обратился с воззванием к властителям Бадахоса и Сарагосы. Альфонс, в первый раз отбитый, в следующем году снова принялся систематически опустошать страну. Затем, когда, по его мнению, наступил надлежащий

момент для последнего удара, он собрал многочисленную армию и обложил город. Осада продолжалась шесть месяцев; наконец, жители, изнуренные голодом, запросили мира. Иагия предложил Альфонсу признать над собой его верховную власть. Но Альфонс заявил, что желает сам Толедо.

Когда сделалось известным это требование, мусульманские вожди решили умереть с оружием в руках; но народ, евреи и мозарабы¹ принудили их капитулировать. Иагия удалился в Валенсию. Альфонс поставил жителям самые мягкие условия; он гарантировал им личную и имущественную безопасность, равно как и свободное отправление их религии. Он клятвенно обязался никогда не допускать, чтобы главная мечеть была обращена в христианскую церковь. Этого последнего обещания он не сдержал.

25 мая 1085 г. Альфонс вступил в древнюю столицу готских королей. Благодаря этому завоеванию он твердо обосновался в центре долины Таго и получил возможность наблюдать за всем течением этой реки. Город, так хорошо защищенный своим местоположением, сделался оплотом Северной Испании впереди грозной твердыни Гвадаррамы. Он преграждал горные проходы, и под защитой этой двойной ограды кастильцы и леонцы могли безбоязненно населить разоренные земли в бассейне Дуро. До сих пор вечный страх набегов заставлял их довольствоваться изгнанием мусульман и разрушением городов; теперь они начинают снова заселять их. Взятие Толедо знаменует собой начало колониционного движения XII и XIII вв.

Альморавиды в Испании; битва при Салаке. Это поражение повергло в скорбь мусульманский мир. Появились предсказания о близкой гибели мусульманского владычества в Испании. Посредник святотатственного союза между кастильцами и севильцами, Ибн-Аммар, пал жертвой религиозного фанатизма, патриотического раскаяния, скорби и страха. Сделавшись ненавистным даже своему господину, он бежал в Сарагосу, но враги и там настигли его. Он был схвачен и отведен в Севилью, где Мотамид собственноручно отрубил ему голову. Эта катастрофа предвещала Альфонсу ско-

¹ Название христиан, состоявших в мусульманском подданстве.

рый разрыв. Он не только ничего не делал для того, чтобы предупредить его, но еще усерднее прежнего воевал с эмирами Сарагосы и Бадахоза, с которыми Мотамид только что примирился. Он отправил посольство к своему тестю с требованием дани, которую последний обязался платить ему. Взбешенный эмир приказал или позволил убить того кастильского еврея, которому было поручено взвешивать золото. Альфонс ответил ему грозным письмом: «Ты знаешь, что произошло в городе Толедо, столице всей Испании... Если ты и твой народ до нынешнего дня избежали той же участи, то теперь пришел и ваш черед; только моя добрая воля отсрочивала вашу гибель». В своем ответе, написанном, по арабскому обычаю, смесью прозы и стихов, Мотамид обнаружил не меньше гордости и жестокости: «Если некогда я по несчастью, вынужденный насилием, обещал тебе дань, то теперь не жди от меня ничего, кроме беспощадной войны, жестоких битв, кровавых нападений днем и ночью, без отдыха и без конца, грабежей и опустошений огнем и мечом. Таковы подарки, которые мы готовим твоей стране вместо золота и серебра. Итак, вооружись и приготовься к битве, ибо я бросаю тебе презрительный вызов».

Эти хвастливые речи надо было подтвердить на деле. Мотамид повсюду искал союзников; чтобы подготовить образование Священной лиги, он созвал в своей столице собрание ученых и князей. «Это был настоящий мусульманский собор, или мусульманское майское поле, на котором присутствовали лично большинство арабских королей Андалусии». Данное фанатическое собрание решило призвать на помощь мусульманской Испании завоевателя Магреба, Юсуфа Альморавида, слава которого распространилась и по эту сторону пролива. Один только Абдалла-ибн-Якуб, губернатор Малаги, высказался против африканского союза, который он признавал опасным для независимости испанских арабов. Его объявили дурным мусульманином, отлучили и приговорили к смерти. Тринадцать эмиров подписали просьбу о помощи. Юсуф потребовал в награду за содействие предварительной уступки Алгезираса. Вопреки просьбам своего сына Рашида, Мотамид выдал этот важный порт своему грозному союзнику.

Первые шаги Альморавидов чрезвычайно походили на первоначальную историю большинства мусульманских государств: они основали монархию, опираясь на религиозную реформу. Возвращаясь из паломничества в Мекку, вождь одного из тех берберских племен, которые скитаются по Сахаре вблизи океана, привез с собой из страны Суз одного благочестивого и ученого мужа, Абдаллу-ибн-Ясина, которому он хотел вверить воспитание своего народа. Реформатор, собрав вокруг себя около тысячи учеников (*mrabatín* – посвященные, из чего христиане произвели – *альморавиды*) и вдохнув в них пламя своего фанатизма, послал их распространять истинную веру с мечом в руке. Его помощники, одерживая победу за победой, покорили большую часть древней Мавритании, Сахару, Сенегал и Северный Судан. Если Ибн-Ясин был апостолом, то Юсуф-ибн-Тешуфин был основателем могущества Альморавидов. Он совершил покорение Магриба и сделал столицей этой нарождающейся империи город Марракк, или Марокко, основанный им у подножия Атласа в обширной плодородной равнине.

30 июня 1086 г. Юсуф высадился в Алгезирасе. Его армия представляла собой странную смесь племен и одеяний. Рядом с африканцами, арабами, берберами, неграми и номадами Сахары, у которых лицо было закрыто покрывалом, как у туарегов, шел отряд наемников или христианских рабов, закованных в железо. Здесь был даже отряд испанцев под командой Гарсии Ордоньеса. Верблюды, неизвестные в Испании, придавали восточный колорит этой причудливой картине.

Альфонс VI стоял под Сарагосой, когда получил известие о нашествии. Он тотчас снял осаду и призвал на помощь королей Наварры и Арагона; кроме того, он получил подкрепления из-за Пиренеев. Встреча произошла в Салаке близ Бадахоза. Христианская армия была истреблена (23 октября 1086 г.). Лишь с сотней человек Альфонс VI вернулся в Толедо. Но Юсуф, вынужденный возвратиться в Африку вследствие смерти одного из сыновей, не мог извлечь пользы из своей победы.

Падение арабских династий Андалусии. Вскоре его честолюбие было отвлечено другими предприятиями, ко-

торые дали побежденным время оправиться. Провозглашенный после победы при Салаке эмиром андалусских эмиров, он серьезно отнесся к этому титулу, тогда как его вассалы, освободившись от страха перед Альфонсом, начали тяготиться игом этого сурового африканца. Между «нищими» пустыни в их темной одежде и изнеженным населением страны Гвадалquivира, одетым в великолепные одежды, преданным удовольствиям и танцам, было мало сходного; еще более велик был контраст между главой Альморавидов, энергичным правителем и воином, который до фанатизма был одушевлен духом Корана, и южными государями, поэтами и покровителями поэтов, утонченными скептиками, воспевавшими женщин, прославлявшими вино вопреки велениям пророка, с их изысканными идеями, чувствами и нравами. Благодарность, внушенная им услугой, была непродолжительна. Когда Юсуф вернулся по приглашению Мотамида, чтобы осадить крепость Аледо, лишь немногие из них явились в его лагерь. Пришлось снять осаду. Сам Мотамид неосторожно говорил нескромным друзьям: «Правда, этот человек (Юсуф) довольно долго остается в нашей стране, но когда он мне надоест, мне стоит лишь шевельнуть пальцем, и завтра он и его солдаты будут на пути домой».

Юсуф, узнав о таких замыслах, лишь тверже прежнего решил покончить с этими мелкими династиями, столь же слабыми, как и высокомерными. В самой Андалусии он имел преданную партию, состоявшую из имамов и простолюдинов, которые упрекали одних эмиров за произвольные налоги, служившие для поддержки пышности двора, других — за их равнодушие к делам веры и за то, что они окружали себя вольнодумцами.

Африканское и андалусское духовенство объявило эмиров низложенными; Юсуф, вызвавший этот приговор, взялся привести его в исполнение. Гренада не пыталась сопротивляться; Кордова капитулировала, а вскоре пала и Севилья (сентябрь 1091 г.). Эмир Альмерии, Мотасим, осажденный в своей столице, своевременной смертью был спасен от изгнания; его сын бежал в Африку. Поэты остались верны в несчастье своим славным покровителям, которые кормили их и осыпали почестями в счастливые годы; но их признательность не могла отвратить ударов судьбы. Вскоре оче-

редь дошла и до Мурсии; Иагия, царствовавший в Валенсии со времени потери Толедо, был убит мятежниками, которые открыли ворота города Альморавидам. Такая же участь постигла эмира Бадахоза.

Из всех арабских властелинов Испании устоял лишь один эмир Сарагосы. Юсуф пощадил Мостаина, как защитника мусульманской границы, наследственного врага арагонских королей и каталонских графов, щит ислама.

Сид Кампеадор. Пока Альморавиды покоряли Андалусию, Альфонс оправился от удара, нанесенного ему поражением при Салаке. Менее чем через пять лет он снова перешел в наступление и овладел у самых устьев Таго Сантаремом, Лиссабоном и Синтрой; это были непрочные завоевания, свидетельствовавшие лишь о его мужестве и энергии.

На другом конце полуострова авантюрист создал себе княжество в самом сердце мусульманских владений и приобрел славу, которая, будучи увеличена легендой, обратила вождя шайки в идеального героя средневековой Испании. На фоне драматической, но кровавой истории поэзия создала образец всевозможных добродетелей; партизан, не знавший угрызений совести, сделался в руках народа и монахов идеалом христианского рыцаря.

Родриго Диас де Бивар принадлежал к одной из знатнейших кастильских фамилий. Во время гражданской войны, последовавшей за смертью Фердинанда I, он выдвинулся своими подвигами, преданностью партии и ловкостью, не останавливавшейся в выборе средств. Но его главной отличительной чертой была храбрость. Однажды, когда наваррская и кастильская армии стояли лицом к лицу, Родриго выступил из рядов и вызвал на бой храбрейшего из врагов. Боец, отважившийся на этот поединок, заплатил за свою смелость жизнью. С тех пор Сид носил имя Кампеадора (*desafiador* – вызывающий на бой). После смерти короля Санчо, Родриго, спасаясь от подозрительности его преемника Альфонса VI, которого он победил и унизил, не постеснялся предложить свои услуги эмиру Сарагосы. Под его знаменами он воевал с мусульманами и христианами; он без различий грабил и мечети, и церкви; в его войске служили и христиане, и неверные. Он жил, как выражались

тогда, на авось, заботясь главным образом о том, чтобы его наемники аккуратно получали свое жалованье.

К этому-то храброму вождю и обратился Мостаин с предложением покорить для него Валенсию, где ненавистный народу Иагия держался так долго лишь благодаря помощи кастильского гарнизона. Мостаин хотел удержать за собой только город; всю добычу он предоставил Сиду. Но этот дележ не удовлетворил честолюбивого партизана, который мечтал уже об основании собственного княжества. Он заставил Иагию признать его своим покровителем и обложил его данью. Когда Ибн-Джагаф с помощью Альморавидов убил эмира, Родриго выступил мстителем за него и решил овладеть Валенсией. Город был так сильно укреплен, что он не мог надеяться взять его штурмом; он удовольствовался тем, что тесно обложил его, и предоставил голоду ускорить минуту капитуляции. Он жестоко поступал с теми несчастными, которые, умирая от лишений, тайком выходили из города, чтобы бежать в деревни. Наиболее истощенных душили на месте, а тех, которые еще представляли какую-нибудь ценность, продавали в рабство. Иногда исступление солдата даже одерживало верх над алчностью. Он бросал беглецов собакам или сжигал их на кострах; в один день он для примера сжег перед стенами 18 человек. Жители Валенсии, изнуренные голодом, подписали договор, который обеспечивал им жизнь и, при условии уплаты десятины, предоставлял им свободное управление городом (1094). Победитель не сдержал своих обещаний; он занял крепость гарнизоном, изгнал всех сторонников Ибн-Джагафа, а его самого велел бросить в пылающую яму, где тот погиб в страшных мучениях. Теперь Сид был фактическим господином Валенсии под номинальным суверенитетом Альфонса VI. Он постарался округлить свое княжество, добытое оружием и коварством; он взял Олокау, где нашел казну Иагии, затем Альменару и Мурвиэдро, население которых отчасти изгнал, отчасти продал в рабство. Владетели Сегорбы и Альбарассина и даже один христианский государь, барселонский граф Беренгарий, принуждены были обязаться платить ему дань. Но и это не насытило его честолюбия; он замышлял грандиозные предприятия и мечтал о великих

завоеваниях. Один араб слышал от него такие слова: «Один Родриго потерял этот полуостров, другой завоюет его снова». Но его средства не соответствовали его храбрости. Его попытка овладеть крепостью Хативой кончилась печально. Альморавиды обратили в бегство его войска, и лишь немногие солдаты спаслись. Для предводителя шайки, который жил только благодаря своему войску, это была невознаградимая потеря. Сид умер от огорчения (1099). Его вдова Химена в течение двух лет защищала Валенсию против нападений мусульман. Истошив свои силы, она обратилась за помощью к Альфонсу VI. Он нашел, что эта крепость слишком удалена от его владений, чтобы он мог оказать ей деятельную помощь; по его совету Химена решилась покинуть город вместе с христианской колонией. Она увезла с собой тело героя, которое похоронила в монастыре св. Петра в Карденье близ Бургоса, и чтобы проститься с Валенсией так, как подобало жене Сиды, она подожгла город и оставила сарацинам лишь кучу развалин (1102).

Расцвет и упадок могущества Альморавидов.

Таким образом, этот передовой пост христианства был потерян; даже завоеваниям в бассейне Таго грозила опасность. Юсуф умер столетним старцем (1106); его преемником был Али, который, как благочестивый мусульманин, начал свое царствование священной войной. Его наместник Темим осадил и взял Уклес. Тут же явилась кастильская армия. Ею командовал не Альфонс VI. Обремененный годами, он поставил во главе войска и доверил охране рыцарей своего единственного сына, 11-летнего Санчо. Численное превосходство христиан было так велико, что Темим вначале решил отступить; но его пристыдили за то, что он хотел бежать перед побежденными при Салаке. Мусульмане ударили по христианам с мужеством отчаяния и прорвали их ряды. Ребенок обнаружил бесстрашие, несвойственное его возрасту, но вынужден был бежать. Его конь пал; его опекун, дон Гарсия да Кабра, покрыл его своим щитом, пока и сам он не был убит (29 мая 1108 г.). Потрясенный горем, Альфонс VI пережил сына лишь на полтора года.

Темим воспользовался своей победой; он овладел Куэнкой, Гуэтом и Оканой. Теперь Толедо был открыт для напа-

дений. Али лично привел из Африки 100 тысяч человек, чтобы вырвать у кастильцев этот великолепный город, «срединную жемчужину ожерелья, высшую башню империи на этом полуострове». Крепость, будучи хорошо защищена, отразила все атаки. Африканцы опустошили долину Таго и снова завладели всеми ее городами, которые они раньше потеряли: Бадахозом, Сантаремом и Лиссабоном.

Могущество Альморавидов достигло своего апогея. Их глава господствовал от Сахары до Сарагосы, от устьев Таго до устьев Эбро. Но дни этой державы уже были сочтены. В то время, когда силы Кастилии и Леона были надломлены внутренними раздорами и смутами регентства, на защиту веры встало новое государство. Истинным основателем аргонского могущества был Альфонс I, по прозвищу Воитель. Он достиг того, что не удавалось его предшественникам: он дал королевству его естественную столицу Сарагосу, расположенную на плодородной равнине, в центре бассейна Эбро, при соединении долин Галлего и Иалона (1118). В то же время в Африке появилась новая секта – Альмохады (унитарии), которым было суждено после 30-летней ожесточенной борьбы овладеть державой Альморавидов. Будучи вынуждены защищать Магриб, Али и его преемники лишь изредка могли вмешиваться в испанские дела. Если бы христианские государи действовали единодушно, то Альморавидам пришлось бы совершенно отказаться от господства на полуострове. Они не могли рассчитывать на симпатии своих андалусских подданных. Африканские гарнизоны, стоявшие в мусульманских городах, вели себя там, как в завоеванной стране, оскорбляли жителей и не уважали даже священных прав гарема. Население Кордовы, доведенное до отчаяния насилиями этих солдат, возмутилось и перебило своих тиранов. Обиды, побудившие их к этому поступку, были, вероятно, очень тяжелы, если Али простил им этот мятеж. Если Альморавиды обращались так со своими единосверцами, то могли ли ждать пощады с их стороны андалусские христиане, мозарабы? Вместе с малыми династиями исчез дух скептицизма и терпимости. Теперь богословы были так же всемогущи, как солдаты. Их насилия сделались настолько невыносимыми, что мозарабы обратились с

просьбой о помощи к арагонскому королю, военной славой которого была полна вся Испания.

Выступив из Сарагосы с 4 тысячами всадников (сентябрь 1125 г.), Альфонс прошел до окрестностей Гуадикса, грабя все на пути и нападая на города. Отовсюду стекались к его знаменам христиане, предлагая ему свои услуги в качестве солдат, разведчиков и проводников. Его армия возросла до 50 тысяч человек, когда он достиг Гренады. После нескольких стычек король, потеряв надежду взять город, снялся с лагеря и направился к Гвадалквивиру. Мусульманское войско, преследовавшее его по пятам, напало на него в Арнисоле (Анзул, близ Люсены), но было разбито и рассеяно. Победитель двинулся назад на юг и прошел через теснины Альпухары. К северу от Мотриля дорога пролегла через узкое ущелье среди крутых гор. «Какая могила, – сказал Альфонс, – если бы кто-нибудь осыпал нас песком!» В Велез-Малаге он, наконец, вышел к Средиземному морю. Он собственными глазами увидел это африканское море, волны которого принесли в Испанию первых завоевателей и по которому до сих пор еще шли подкрепления для мусульман. Чтобы ознаменовать свой переход и как бы вступить во владение морем, он велел построить барку и пожелал съесть рыбы, наловленной во вражеских водах. Затем, по капризу изменив путь своей экспедиции, он вернулся к Гренаде и укрепился в Веге. «Он всегда был готов к битве и маневрировал с таким искусством, что его невозможно было настигнуть врасплох». Только после долгой стоянки на очаровательной равнине Хениля он решил вернуться в Арагон. Подвергаясь беспрестанным нападениям мусульман, он понес во время обратного пути большие потери и сильно страдал от голода; в его войске появилась чума. Почти все его спутники погибли, но он мог похвастаться, «что обратил в бегство неверных, прошел их страну из одного конца в другой и взял много пленников и добычи».

Появление Альмохадов. Успех того смелого набега был обусловлен затруднительным положением Альморавидов в Африке. Могущество Альмохадов возрастало. Это также была секта, основавшая государство; религиозная реформа породила нового завоевателя. Мухаммед-бен-

Абдулла-бен-Тумерт, получивший образование в Кордове и Багдаде, выступил со своей проповедью в Магребе. Изгнанный из Бужии, он направился на Запад и привлек к себе в качестве ученика юношу Абд ал-Мумина, отличавшегося выдающимися способностями и редкой красотой. Оба они пришли в Марокко, где Абдулла смело осыпал упреками самого эмира и даже прибил его сестру, которая ездила верхом без покрывала вопреки предписаниям Корана. Человек мягкий и терпеливый, Али не мог, однако потерпеть такой обиды; он изгнал Абдуллу из города. Проповедник поселился на кладбище и построил себе хижину среди могил. Отсюда он продолжал волновать население. Было приказано схватить его; но он бежал со своими учениками: это происходило в альмохадскую геджру (1120). После этого апостол поселился в Тинмалале, на недоступном плоскогорье Атласа. Отсюда его отряды, одушевленные диким фанатизмом и неустрашимым мужеством, на большом расстоянии опустошали страну, покоряли ее и распространяли реформу. В 1122 г. они одержали свою первую победу над Альморавидами; в 1125 г. они двинулись на Марокко, столицу государства, и хотя на этот раз они были побеждены, но они обнаружили при этом свою храбрость и силу¹.

Последняя победа Альморавидов при Фраге. Любимый ученик пророка, Абд ал-Мумин, провозглашенный *эмиром эль муменин*, предводителем верующих, придал борьбе новое одушевление. Этим воспользовались испанцы, чтобы возобновить наступление. Арагонский король стремился отнять у Альморавидов внутренний бассейн Эбро. Под его знаменами собралось множество иностранцев. Это был период больших походов в Палестину. Вся Европа была вовлечена в борьбу с исламом. Многие французы, не желая отправляться в далекую Палестину, шли вооруженными богомольцами в Испанию, где также можно было воевать с неверными. Альфонс взял Сарагосу с помо-

¹ Альморавиды были берберами Сахары, тогда как альмохады были горными берберами, масмудами Атласа; это была реакция оседлых членов расы против их бродячих одноплеменников. Держава альмохадов охватывала не только Судан и Сахару, а почти всю Малую Африку.

Испанский лагерь. По миниатюре из рукописи конца XIII в.
Мадрид, библиотека Эскуриала

шью баронов Южной Франции. Некоторые из этих авантюристов действовали на собственный риск, как например Роберт Бюрдет, англичанин или нормандец по происхождению, который взял Таррагон и присвоил его себе. Каждый из испанских королей имел в своем войске крестоносцев. Фламандские, английские и немецкие солдаты, плывшие морем, вероятно, в Сирию, высаживались на берегах Португалии и, находя здесь случай воевать и обогащаться, поступали на службу к государю, помогали ему изгонять мусульман и прочно оседали в стране. Итальянские республики также предлагали или продавали свою помощь; Генуя, Пиза и Венеция давали свои флоты и помогали завоевывать острова и приморские крепости. Военные ордена, порожденные крестовыми походами, водворились в долине Эбро. Альфонс Воитель так высоко ценил их услуги, что завещал свое королевство иерусалимским тамплиерам и иоаннитам.

В Кастилии и Леоне возникают, кроме того, национальные ордена – Калатрава, Алькантара, Сант-Яго, – как будто борьба с неверными потребовала от этих двух стран большего напряжения сил и, более удаленные от границы, они менее могли ожидать помощи со стороны.

Во главе армии, состоявшей из арагонских, английских и французских крестоносцев, неутомимый король Арагона открыл кампанию взятием Мекиненцы; затем он осадил Фрагу. На помощь этой важной крепости явилось альморавидское войско. В расчете на жадность врагов, впереди войска был пущен длинный ряд верблюдов, навьюченных кладью, драгоценными тканями и богатствами всякого рода. Осаждающие бросились на эту незащищенную добычу, тогда как мусульмане обошли их и отрезали им отступление. Альфонс был убит с оружием в руках или умер несколько дней спустя от полученных ран (1133).

Альфонс VII, король Кастилии; великое разорение Андалусии. Смерть этого воинственного государя и слабость Арагона при его преемниках выдвинули на первый план Кастилию и ее короля Альфонса VII (1126–1157). Он также возобновил борьбу, но ему посчастливилось больше, чем королю Арагона: он прожил достаточно долго, чтобы воспользоваться раздорами в среде Альморавидов. В самый год поражения при Фраге он взял город Корию. Ташефин, сын Али, со своей стороны произвел набег на территорию Толедо; но под защитой этой твердыни окрепли в полной безопасности города Старой Кастилии; эти христианские колонии, населенные солдатами и крестьянами, были одушевлены гордым и воинственным духом. Ополчения Сеговии и Авилы ночью напали на армию Ташефина и обратили ее в бегство.

Ободренный этим успехом, Альфонс VII решил возобновить попытку арагонского короля и нанести удар могуществу мусульман в самой Андалусии. Он спустился по долине Гвадалквивира и перешел реку между Кордовой и Севильей. «Была пора жатвы, – говорит летописец, – и король велел пожечь нивы, срубить виноградники, оливковые и фиговые деревья; ужас овладел всеми моавитянами (альморавидами) и сыновьями Агари (андалусскими мусульманами). Язычники покинули свои поселения, которых не могли защищать, и удалились в укрепленные замки, в ущелья гор и на морские острова. Христианское войско разбило свои шатры перед Севильей, сжигая города и оставленные замки; невозможно сосчитать число пленных и количество ско-

та, масла, вина и хлеба, которое они накопили в своем лагере. Мечети неверных вместе с их нечестивыми книгами стали жертвой пламени, а учителя их веры пали под ударами меча. Двинувшись оттуда к Хересу, король разрушил его до основания и дошел до самого Кадикса».

Непосредственной целью этих смелых набегов, этого грандиозного разбоя (*algarade*) были опустошение и грабеж, но путем разорения и обезлюдения страны они ускорили и ее покорение. Этим, может быть, бессознательным, но верным способом христиане подготовили завоевание Новой Кастилии. До XIII в. они следовали в Андалусии этой системе. Правда, климат Испании и свойства почвы в значительной степени способствовали увеличению пустынных пространств, *paramos* полуострова; еще более содействовали этому систематические опустошения, следы которых до сих пор не исчезли совершенно.

Торжество Альмохадов. Властители Андалусии более не были в силах защищать ее. Африка была театром кровавых войн, в которых Альморавиды терпели поражения. Их столица Марокко в 1146 г. перешла в руки Абд ал-Мумина, и 40 тысяч альмохадов переправились через пролив, чтобы отнять у них испанские владения. Их призвал сюда мятеж. Те реформационные идеи, которые они проводили с оружием в руках, вызвали сильное движение даже в отдаленной Альгарвии. Ахмед-ибн-Каси возмутил эту провинцию. В то время как Иагия-бен Рания, альморавидский генерал, усмирал здесь восстание, оно вспыхнуло за его спиной в Валенсии, Мурсии, Кордове, Альмерии. Так как он уже более не мог рассчитывать на подкрепления из Африки, то он обратился к кастильскому королю. Альфонс VII послал ему подкрепления; но в то же время послал отряд и на помощь мятежникам. Он старался поддержать смуту в надежде, что Андалусия, устав и истощив себя, сама отдастся в его руки. Но в это время явились Альмохады; она могла выбирать и отдалась мусульманам. В 1148 г. Иагия-бен Рания был убит. Последние приверженцы Альморавидов, несмотря на поддержку Альфонса VII, с каждым днем теряли почву под ногами. Даже он сам вынужден был отступить перед этими пылкими сектантами. Они отняли у него город

Альмерию, взятый им в 1147 г., и он ничего не мог сделать для его освобождения.

Когда он умер (1157), его влияние в Андалусии было окончательно подорвано. Но усилия Кастилии и раздоры между мусульманами не остались бесплодными для тех христианских держав, которые составляли как бы фланги великой наступательной армии. Раймонд Беренгарий, граф Барселоны и регент Арагона, взял Лериду, Фрагу, Мекиненцу, Тортозу и отодвинул границу своих владений за Эбро; на другом конце полуострова португальский король Альфонс Генрикес окончательно овладел Синтрой, Сантаремом и Лиссабоном (1147).

Теперь очередь перейти в наступление была за Альмохадами. Новый повелитель верующих, Абу-Юсуф-Якуб, сын Абд ал-Мумина, снова напал на города, служившие оплотом Толедо. Он взял приступом Куэнку, но Гюэта победоносно отразила все его нападения. Тогда он обратился против Португалии и осадил Сантарем, но подвергся нападению в своем лагере и был насмерть ранен копьем (1184). Его сын, Абу-Юсуф-Якуб, по прозвищу Ал-Мансур, не мог отомстить за это постыдное поражение, которое покрыло славой португальцев. Больше успеха имел он в борьбе с кастильцами. Битва произошла при Аларкосе (близ нынешнего Альмагро). Новый король Кастилии, Альфонс VIII, покинутый остальными христианскими королями и предоставленный собственным силам, был разбит наголову (19 июля 1185 г.). Победителям достались Аларкос и Калатрава. К счастью для побежденных, Абу-Юсуф вернулся в Севилью и не продолжал своего победоносного похода.

Окончательное торжество христиан; Лас-Навас-де-Толоса (1212). Это был последний крупный успех мусульман. Альфонс VIII воспользовался их бездействием, чтобы приготовиться к мести. Он долго выжидал благоприятной минуты. В течение многих лет он был занят борьбой с королями Леона и Наварры, которые ставили свое личное честолюбие выше общих интересов христианства. Только вмешательство папы положило конец этой бесславной войне. Как только король Кастилии развязал себе руки, он вторгся в Андалусию и опустошил область Хаэна и Баз-

цы. Стон населения привлек нового эмира, Эн-Насера, который высадился в Тарифе с несметной армией и быстрыми переходами двинулся к Севилье. Христиане даже не пытались защищать проходы Сьерры-Морены и удовольствовались тем, что поставили гарнизон на утесы Сальватьерры. Вместо того, чтобы двинуться против них, глава Альмохадов во что бы то ни стало решил овладеть этой крепостью, заброшенной в горах. Он провел здесь три месяца, и результаты похода были потеряны.

Силы Альфонса VIII возрастали с каждым днем. Он не мог ждать помощи ни от короля Леона, ни от короля Наварры, которые вошли в тайное соглашение с неприятелем; но он понимал, как твердо он мог рассчитывать на страстную преданность своего народа и на поддержку святого престола. Эн-Насер гордо заявлял о своем намерении дойти до Рима, чтобы очистить храм Петра и выдать папу на поругание солдат. Иннокентий III не нуждался в угрозах. Он приказал всем французским епископам провозгласить крестовый поход. Однако силы неверных казались настолько грозными, что этот непреклонный и надменный папа советовал королю Кастилии быть благоразумным и осторожным.

Эти советы не могли прийтись по душе пылким энтузиастам; притом они явились слишком поздно. На призыв папы откликнулось множество крестоносцев. Французы многочисленными отрядами переходили через горы под предводительством своих епископов. Явились даже итальянцы. Все отряды направлялись к Толедо, который был назначен сборным местом. Большинство крестоносцев не имело ни оружия, ни одежды; их надо было вооружить. Их поместили в палатках за городом. Поддерживать порядок между этими иностранцами было не легко. Однажды они бросились на евреев, живших в городе, и начали избивать их.

Армия была многочисленна и полна энтузиазма. Военные ордена явились в полном составе под предводительством своих магистров. Города прислали свои ополчения. Король Арагона Петр II привел цвет своего рыцарства. Даже король Наварры после долгого колебания не решился уклониться от этой священной обязанности и близ Калатравы

присоединился к армии с двумястами воинов. Только король Леона остался глух к просьбам папы и всего христианского мира. В то время, как архиепископ Толедо и его викарии шли во главе своей паствы, прелаты, подвластные королю Леона, оставались безучастными зрителями борьбы.

Войска выступили в поход 28 июня 1212 г. Они медленно подвигались на юг по опустошенным возвышенностям и необработанным равнинам. Эти продолжительные и трудные переходы под палящими лучами солнца охладили пыл крестоносцев. После взятия Калатравы они потребовали отпуска и вернулись назад. Толедо закрыл перед ними свои ворота и приветствовал их криками: «Предатели, изменники, отлученные!» Получив известие об их удалении, Эн-Насер перешел в наступление и загородил проходы Сьерры-Морены. Один пастух указал испанцам тропинку, по которой им удалось обойти опасный проход Лозы и выйти на обширное плоскогорье, где они могли развернуться на свободе. Это был Лас-Навас-де-Толоса; здесь воины Христа и воины пророка окончили свой старый спор и решили судьбу обеих рас и обеих религий.

16 июля, на заре, христианская армия выстроилась в боевом порядке. Диего Лопес де Гаро с бискайцами составлял авангард; в центре, под знаменем, на котором был изображен лик Пресвятой Девы, стоял король Кастилии, окруженный *ricos hombres* и епископами; короли Арагона и Наварры приняли командование обоими флангами. Впереди огромными массами стояли различные отряды мусульманской армии: волонтеры-арабы в числе 160 тысяч человек; альмохадские, андалусские и берберские всадники в числе 80 тысяч, прикрытые с трех сторон несметным множеством пехотинцев; затем целая армия регулярной пехоты, за которой опять следовала кавалерия. Позади армии двигалось укрепленное возвышение, охраняемое 50 тысячами негров под командой великого визиря. На этом возвышении помещалась палатка эмира из красного шелка; здесь на щите сидел повелитель правоверных, обозревая все поле битвы. За ним вели его боевого коня взнузданным и оседланным. Эмир был одет в черное платье ученика, которое носил некогда его славный дед Абд ал-Мумин,

и читал те места Корана, которые сулят рай храбрецам, павшим от мечей.

Христиане напали на мусульманское войско и встретили сильный отпор. Произошло замешательство. Альфонс VIII считал битву потерянной и дрался с отчаянным мужеством. Его выручила измена: андалусцы повернули тыл и исчезли. Участь битвы была решена. Испанцы добрались до укрепления, охраняемого черной гвардией. Эн-Насер бежал. Вскочив на быструю кобылу, он смешался с толпой бегущих и к вечеру того же дня достиг города Хаэна. На поле битвы осталось более 100 тысяч мусульман; нападение христиан было настолько быстро, что они потеряли лишь несколько сот человек. Им досталась несметная добыча; мусульманский лагерь был полон оружия, драгоценных тканей, золота и серебра.

Три дня спустя армия, обремененная добычей, двинулась в путь. Базца была разорена, Убэда сожжена и ее жители перебиты. Та же участь постигла бы всю Андалусию, если бы грабежи и излишества не повлекли за собой своих обычных последствий – болезней и смерти. Пришлось дать сигнал к отступлению. Войска с триумфом вступили в Толедо среди победных песен народа и духовенства.

Лас-Навас-де-Толоса – не просто победа: это конец мусульманского владычества на Пиренейском полуострове. Волна африканских завоевателей останавливается и отходит назад; Альморавиды и Альмохады лишь замедлили окончательное торжество туземной расы. Арабы и берберы, запертые в бассейне Гвадалквивира, вынуждены пядь за пядью защищать равнины Андалусии и долины Сьерры-Невады. «С этого рокового дня владычество сарацин в Испании неудержимо падало, и им более ничего не удавалось».

Это поражение погубило державу Альмохадов. Области, которых они не сумели защитить, постарались свергнуть с себя их иго. Один из потомков древних сарагоских царей, Абу-Абдулла-ибн-Гуд, был провозглашен эмиром Мурсии и выступил в качестве защитника андалусской национальности. Новый альмохадский эмир, Эль-Мамун, разбил его в сражении, но не усмирил. Не будучи в силах подчинить себе испанских мусульман, победитель удалил-

ся в Африку и умер несколько лет спустя; он был последний в ряду альмохадских государей, действительно достойных этого имени¹.

Хайме I Арагонский; завоевание Балеарских островов и Валенсии. В то время, как мусульманский мир оскудел даже людьми, два великих государя, Хайме I Завоеватель и Фердинанд III, одновременно заняли престолы Арагона и Кастилии.

Хайме (1213–1276), выросший среди смут и мятежей, был одарен от природы крепким телосложением и пылким духом, который могли удовлетворять только бивуачная жизнь и военные тревоги. Это настоящий рыцарь; с восемью товарищами он обращает в бегство две сотни мавров. Его упрямство равнялось его увлекательности. При осаде Буррианы *ricos hombres*, утомленные трудами и лишениями, потребовали, чтобы он снял осаду. Но он с негодованием отказался отступить, пока еще жив и здоров. Однажды он гнал за врагом до городских стен. «Дважды, – рассказывает он, – мы оставляли наше тело неприкрытым, чтобы нас могла поразить стрела и чтобы, если бы нам пришлось оставить осаду, эта рана, по крайней мере, послужила нам извинением». Он был добр от природы; нередко он своими руками перевязывал раненых.

Ему было 24 года, когда он задумал отнять у мусульман Балеарские острова. Островитяне занимались разбойничеством на соседних морях и сильно притесняли христианских купцов, которые приезжали к ним по торговым делам. Ввиду жалоб каталонцев Хайме провозгласил крестовый поход. В экспедиции приняло участие множество иностранцев. Флот, на котором отплыла армия, состоял из 155 больших кораблей и покрыл море своими белыми парусами. Выйдя из Салона 6 сентября 1229 г., он пристал к северо-восточной оконечности Майорки Паломере. Едва христиане ступили на твердую землю, на них напал отряд в 15 ты-

¹ В 1269 г. бени-мерины, или Мераниды, берберское племя в марокканской Сахаре, положили конец правлению этой династии взятием Марокко и основали собственное царство в древнем Тингитане; в Тунисе и восточной части нынешнего Алжира возникла династия Гафсидов, в Тлемсене – династия Зейанидов, или Абд ал-Уадитов.

сяч человек. Они отбили его и двинулись к Пальме по гористой и труднопроходимой стране, вынужденные ежеминутно отражать нападения врага. Осада отличалась не меньшим упорством; на месте каждой разрушенной стены осажденные возводили новую; на наружной стене они вешали христианских пленников, чтобы заставить осаждающих прекратить разрушительное действие осадных машин. В день последнего штурма крестоносцы, ворвавшись в город, вынуждены были брать одну улицу за другой и штурмовать каждый дом (1229). Несмотря на чуму, которая делала большие опустошения, Хайме покинул остров, лишь когда водворил на нем порядок и покорил горцев. Одна эскадра флота заняла Минорку; епископ Таррагонский за свой счет предпринял завоевание Ивисы. В 1232 г. покорение Балеарских островов было закончено.

После этого Хайме пошел против Валенсии. Он овладел теми городами, которые охраняли путь к ней, и, чтобы стеснить ее, построил крепость Пюиг. В мае 1238 г., не дожидаясь всех войск, он стал лагерем под стенами города, где к нему присоединилось множество французских и английских крестоносцев. Когда в стене была пробита брешь, валенсийцы капитулировали. Король предоставил им на выбор оставаться в городе или со всеми своими богатствами покинуть страну (8 сентября 1238 г.). Многие удалились в изгнание; в покинутых домах и на опустевших полях Хайме водворил каталонцев, которые сделались родоначальниками христианского населения в древнем мусульманском государстве. Кроме того он выделил на завоеванной территории 380 ленов, которые роздал *рыцарям завоевания*. Взятием Хативы (1248) закончился ряд великих побед.

Фердинанд Кастильский Святой; завоевание Андалусии. Фердинанд III, более известный под именем Фердинанда Святого (1214–1252), менее Хайме мог рассчитывать на помощь иностранцев, но располагал более значительными средствами. Благодаря, на этот раз окончательно, соединению Леона и Кастилии (1230), он господствовал над самым могущественным государством полуострова. Столь же храбрый, как Хайме, столь же великодушный, он нанес исламу не менее тяжкие удары. Оставалось завоевать

бассейн Гвадалквивира; он искусно воспользовался раздорами в среде мусульман, и своими первыми успехами был обязан столько же своей политике, сколько своему оружию.

Андалусия делилась на несколько эмиратов, которые выросли на развалинах альмохадской монархии. Ибн-Гуд, подавший сигнал к восстанию, встретил опасного соперника в лице Мухаммеда-ибн-аль-Амара, который утвердил свою власть в Хаэне, Гуадиксе и Баэце. Кастильцы, воспользовавшись их борьбой, в 1233 г. опустошили всю страну до моря. Вопли жертв заставили Ибн-Гуда примириться с Ибн-аль-Амаром и двинуться против завоевателей. Последние, будучи захвачены врасплох на берегах Гвадалеты, перебили всех своих пленников и мечом проложили себе дорогу (1238).

Раздоры, господствовавшие между мусульманами, ослабляли их бдительность, тогда как христиане зорко следили за каждым признаком нерадения. Они расположили на своей внешней границе легковооруженные отряды, *альмогавары*, которые делали быстрые набеги на неприятельскую территорию, грабили, жгли и убивали, и исчезали раньше, чем являлось вспомогательное войско. Эти партизаны кастильской армии узнали от перебежчиков, что стены Кордовы плохо охраняются. Они ночью подошли к стенам, перелезли через них, перебили защитников и укрепились в предместье. Гарнизон города не сумел прогнать их. Фердинанд, извещенный об удаче этого смелого предприятия, тотчас двинулся в путь со всеми силами, какие успел собрать, и осадил город. Ибн-Гуд был убит в Альмерии, и Кордова вынуждена была отворить свои ворота (29 июня 1236 г.).

Урок прошел бесследно для неверных, и они продолжали воевать между собой. Ибн-аль-Амар, избавившись от своего соперника, овладел Гренадой; он хотел утвердить свою власть, в Мурсии. Но *вали* предпочли принести клятву верности королю Кастилии (1243). Честолюбивый Ибн-аль-Амар по необходимости должен был последовать их примеру. Когда Фердинанд Святой осадил Хаэн, он попытался освободить город и был побежден. В своем отчаянии он решился обратиться к великодушному победителю: он отправился в его лагерь, уступил ему Хаэн и все остальные города и признал себя его вассалом. Фердинанд поднял эми-

ра, который стоял на коленях, удержал за собой Хаэн и вернул ему остальные его владения под условием вассальной верности и уплаты дани (1246).

Ибн-аль-Амар сопровождал своего сюзерена в поход на Севилью, которая, возмущившись против альмохадского эмира, провозгласила себя независимой. Это был самый крупный город Андалусии и ее последний оплот. Все, христиане и мусульмане, сознавали важность этого завоевания. Из всех испанских государств шли подкрепления на помощь осаждающим; защита велась превосходно. Она продолжалась год. Голод принудил осажденных сдаться (1248). Большинство севильтцев покинули город и удалились в Гренаду.

Когда Фердинанд Святой в 1252 г. умер, старые властелины Испании были отброшены в горы Сьерры-Невады, где они еще в течение двух веков давали отпор христианам. Вынужденные ограничиваться защитой, запертые с востока Валенсией, с севера Кордовой, Севильей и Хаэном, они владели жалкое существование без надежды на восстановление своего могущества. Кастильский король умер от изнурения военной жизни в тот момент, когда готовился переплыть море, чтобы завладеть африканскими портами, откуда шли в Малагу, Гибралтар, Алгезирас подкрепления и провиант. Когда его смерть остановила эту попытку блокировать испанских мусульман, государство кордовских халифов ограничивалось лишь гренадским эмиратом.

Организация христианских государств

Poblaciones. Королевская власть. Арагонский *justicia*. Кортесы. Дворянство. Крепостные. Города. Духовное развитие.

Границы христианских завоеваний останутся до конца XV в. почти теми же, какими их установил Фердинанд Святой. Пора рассмотреть, какова была жизнь христианского населения во время этого долгого крестового похода.

Poblaciones. Христианам приходилось завоевывать территорию шаг за шагом, и еще медленнее они овладевали землей. Между наступающими христианами и отступающими

ми мусульманами лежала широкая полоса необработанной земли с разрушенными селениями – настоящая пустыня, по которой войскам приходилось идти несколько дней, прежде чем они достигали неприятельской границы. Каждое новое поражение неверных отодвигало эту *Марку* к югу. Позади этой подвижной ограды возрождалась сельская и городская жизнь. Избыток населения горных областей севера переходил на плоскогорья и еще далее к югу. Переселенцы восстанавливали разрушенные города или строили новые; они снова вступали во владение землей. Таким образом, завоевание сменялось колонизацией; вновь основанные поселения назывались *poblaciones*.

Мусульмане, уцелевшие от битв и избиений, бежали прочь от ненавистного владычества христиан; они толпами покидали деревни и большими группами держались лишь в крупных городах, где, как в Толедо, условия капитуляции обеспечивали им на некоторое время сносное существование. Прочно удержались лишь древние обитатели готской Испании, которые, находясь несколько веков под властью арабов, переняли от своих господ нравы и одежду, хотя и не отреклись от своей веры. Их называли *мозарабами*; принадлежа к той же расе и вере, что победители, они могли быть спокойны за свою участь, и слияние этих двух элементов совершилось очень быстро.

Таким образом, завоеватели почти совершенно очистили от мусульман плоскогорья Старой и Новой Кастилии; но в Андалусии, в королевствах Мурсии и Валенсии мусульманское население было настолько густо, что, несмотря на резни, оно еще долго сохраняло численное превосходство. Хайме I в Валенсии, Фердинанд Святой в Севилье и Кордове довольствовались вначале тем, что водворяли в покоренных городах испанские колонии. Из Севильи удалилось, по преданию, 100 тысяч жителей, которые тотчас были замещены; дома бежавших король отдавал христианам; поселенцы приходили даже из-за Пиренеев. Многие из этих будущих кастильцев были уроженцами Южной Франции. Вскоре стало не хватать домов; спрос превышал предложение. Да и кто не променял бы суровые горы Северной и Центральной Испании на мягкие долины Гвадалквивира? Город Мур-

сию Хайме разделил широкой дорогой на две части – христианскую и мусульманскую; но, несмотря на существование этой границы, сожительство с неверными в одном и том же городе претило фанатикам-мусульманам, и они ушли. Когда Валенсия в последний раз возмутилась при Хайме I, он не поколебался произвести одно из тех жестоких гонений, которые так часто повторялись в истории полуострова. Все нехристиане были изгнаны; более 200 тысяч беглецов направилось во владения гренадского эмира. «Так велико было количество изгнанных, что они занимали добрых пять миль дороги и что со времени битвы при Лас-Навасе не было видано такого количества мусульман в одном месте». В конце концов Андалусия мирным или насильственным путем была очищена от занимавших ее мусульман. Лишь немногие из них согласились переменить веру.

Королевская власть. Те короли, которые столь удачно и настойчиво руководили завоеванием Испании, приобретали любовь подданных преимущественно своими военными талантами. Государи вроде Бермуда Кастильского и Рамира Арагонского, удалившихся в монастырь, или, в позднейшее время, Санчо Капелло Португальского, слишком преданного своим удовольствиям, не могли рассчитывать на продолжительное владычество над воинственной нацией. К уважению, внушаемому высшим саном, присоединялись авторитет вождя и слава завоевателя. В глазах испанцев король являлся воплощением национального и религиозного реванша. Влияние римского права, сделавшее столь значительным начиная с XIII в., еще более усилило престиж монархической власти: «Да будет ведомо всем, – говорит *Fuero real*, – что жизнь и безопасность короля вверены их охране и их пламенной верности; и да не осмелится никто противодействовать королю и его верховной власти поступком, словом или советом, возбуждать мятеж и вступать в соглашение с его врагами. И каково бы ни было звание человека, совершившего такой проступок, он должен быть признан недостойным жизни и осужден на смерть».

Но верноподданство требовало известных ограничений. Сын Фердинанда Святого, Альфонс X Мудрый, в своем законодательном кодексе, известном под названием «Законов

семи частей» (*Leyes de las siete partidas*), предписывал своим подданным охранять короля от него самого и от третьих лиц, которые могут увлечь его на ложный путь. Государь, имевший наиболее высокое представление о своих правах, сам ограничивал пределы повиновения.

То же было и в Португалии, и Арагоне. Любопытно, однако, что арагонские короли искали иноземной помощи против своеволия своих подданных. Петр II отправился в Рим принять корону из рук папы и признал себя вассалом святого престола; той же милости просил Хайме I от Григория X, который, однако, потребовал за нее слишком дорогую цену. В Португалии королевская власть была молодым учреждением, возникшим на поле битвы при Урике среди криков победоносной армии. На кортесах в Ламега Альфонс формально признал, что получил корону от своих подданных.

В Кастилии королевская власть всегда пользовалась большим уважением, чем в соседних государствах. В то время, как законы, изданные Хайме I на кортесах в Эксеа (1247), являются лишь подтверждением *fueros* и, следовательно, сеньориальных и муниципальных вольностей, «Fuero real» и «Siete Partidas» Альфонса X содержат в себе новое законодательство, более благоприятное для королевской власти. В Кастилии правление рано получает монархический характер, тогда как в Арагоне оно остается аристократическим. Фердинанд Святой, завоеватель Кордовы и Севильи, организует новую администрацию: он собирает вокруг себя совет из двенадцати законоведов, обязанных помогать ему при судоговорении, указывать ему на его ошибки и подавать ему советы в затруднительных случаях. Хотя существование этого совещательного комитета, по видимому, не освобождало его от обязанности спрашивать мнения *ricos hombres* и епископов, но не указывает ли эта попытка на то, что государь стремился освободиться от контроля этих исконных советников короны? В управлении областями он заменил графов легче сменяемыми *adelantados mayores*. В Арагоне Хайме I не мог приобрести подобной свободы: *ricos hombres* и города шаг за шагом отстаивали старые учреждения. Королям Кастилии пришлось бороться лишь с человеческой волей или социальны-

Испанская миниатюра
середины XIII в.

ми силами; арагонским королям преграждала путь писаная конституция, в которой были записаны права нации и которая ставила предел их могуществу.

Арагонский *justicia*. Для решения возможных споров между короной и нацией в Арагоне, по-видимому, издавна существовала должность посредника, *judex medius*, о котором упоминает фуэро Собрарбы. Хайме I точно определил функции этого верховного судьи. «*Justicia*, – говорит один современник, – обязан жить при дворе, пока король не отлучается из Арагона; и здесь, в присутствии государя или – если он отсутствует – по его указу, он должен разбирать дела или выслушивать жалобы; каждый раз, когда ему приходится произносить приговор, последний должен быть обсуждаем королем, епископами и *ricos hombres*, находящимися при дворе; то, что большинством голосов будет решено вложить в уста *justicia*, он обязан произнести, нисколько не опасаясь последствий своего приговора, ибо последний постановлен не им, а теми, кому он в этом отношении обязан повиноваться».

Этот сановник, компетенция которого так строго ограничена, очень мало похож на того трибуна или эфора, всегда готового и склонного останавливать своим *veto* незаконные действия короля, каким его изображают новейшие историки. *Justicia* назначался королем, притом непременно из среды низшего дворянства, а не из числа членов аристократии. Нужны были очень важные обстоятельства, чтобы

он решился оказать сопротивление тому человеку, который верил ему его сан. Чтобы объяснить себе важность его должности, нам нет надобности превращать его в заклятого противника королевской прерогативы. В самом деле, сановник, произносивший приговоры, не мог долго оставаться простым органом верховного суда. Он естественно должен был обратиться в толкователя и защитника законов. Он являлся посредником в спорах, возникавших между короной и нацией. Будучи призван к проверке приговоров, произносимых различными трибуналами, он решал, действовал ли суд согласно с фуэрос или нет. Без сомнения, он произносил иногда приговоры, которые король отнюдь не считал услугой для себя. Но этого недостаточно, чтобы придать должности *justicia* характер явной оппозиции. Великая своеобразность заключалась в том, что ее главной задачей было обеспечивать права каждого против тирании всех, вольности нации – против злоупотреблений власти, благосостояние подданных – против алчности фиска, личную свободу – против произвола церковных и светских трибуналов. Это учреждение делает честь средневековым арагонцам.

Кортесы. Еще более серьезной преградой для произвола власти были арагонские кортесы (Генеральные штаты). Прежде всего, ей приходилось считаться не с одним, а с тремя собраниями, представлявшими три штата Арагонского королевства – Валенсию, Арагон и Каталонию, интересы, жалобы и стремления которых были различны и часто противоречивы. Другим затруднением являлся состав арагонских кортесов. Они состояли из четырех сословий: духовенства, высшей знати (*ricos hombres*), рыцарей и простых дворян, представителей городов. Знать имела двойное число представителей. Это была особенность, которой мы не встречаем ни в Каталонии, ни в Валенсии.

Сессию лично открывал король, который в своего рода тронной речи излагал причину созыва кортесов, свои нужды и требования. Каждое сословие удалялось и отдельно обсуждало предложения короля. Но прежде, чем ответить на них, кортесы представляли перечень запросов; они излагали свои неудовольствия и требовали предварительного удовлетворения своих жалоб. Король мог добиться от них

субсидий лишь ценой многочисленных уступок. Отсюда возникали между королем и кортесами продолжительные столкновения, в которых обе стороны старались не уступать ни шагу. Арагонцы славятся своим упорством. Выработка законов представляла невероятные трудности. Кортесы действительно делили с королем законодательную власть. Чтобы законопроект стал законом, необходимо было соглашение между нацией и государем, так что приходилось убеждать каждое сословие. Сопrotивление одного человека являлось неодолимым препятствием.

Кастильские писатели производили свои кортесы от тех съездов Готской империи, состоявших из прелатов и сеньоров, которым отдавались на решение все важнейшие религиозные и политические вопросы. Некоторые правоведы считали несомненным, что эти собрания послужили образцом для частных кортесов Кастилии и Леона. В первое время короли созывали для совещаний наиболее видных лиц страны. Вначале призывались лишь прелаты и вельможи; но на кортесах в Бургосе (1169), как видно из «Cronica general», наряду со светской и духовной знатью присутствовали и представители третьего сословия. Число городов, имевших право посылать представителей в кортесы, сначала не было установлено; в Каррионе (1188) присутствовали депутаты от 48 *pueblos*, в Бенаvente (1202) и Леоне (1208) каждый из городов имел своих представителей.

Организация кортесов еще отнюдь не представляла твердых форм. Короли созывали то все сословия нации, то духовных и вельмож, то членов третьего сословия. Даже после окончательного соединения Леона и Кастилии нередко случалось, что одно из этих государств отдельно созывало свои штаты. Иногда правительство советовалось лишь с представителями какой-нибудь одной провинции, например, Андалусии. Место собрания кортесов, их периодичность, участие того или другого сословия, количество прокураторов – все колебалось в зависимости от условий времени, от нужд и воли правительства. Компетенция кортесов была очень обширна. Альфонс X считал обязательным, чтобы они сзывались в сорокадневный срок после смерти короля для утверждения его преемника. Они вернули корону Кастилии

Альфонсу VI; они вручили корону Леона Фердинанду III (1230) вопреки завещанию его отца. С ними совещались относительно важнейших дел, как например, выбора опекунов в случае малолетства короля; они участвовали и в решении наиболее интимных вопросов, как например, о браке инфантов. Но главной их функцией было вотирование налогов. Этими денежными вопросами обуславливалось их, подчас нескромное, вмешательство даже в дела королевского дома. В 1258 г. они ограничили ежедневные расходы Альфонса X и королевы Виоланты 150 мараведисами и сделали внушение придворным, обедавшим за королевским столом, «кушать умереннее».

Дворянство. Но главным и действительным врагом королевской власти был независимый дух дворянства.

Испания средних веков нисколько не похожа на средневековую Францию; слово «феодализм» лишь с большой натяжкой может быть применено к социальной организации той эпохи. Короли шаг за шагом отвоевывали страну у мавров; они раздали военачальникам огромные поместья, угодья и подданных. Эти пожалования и награды создали, конечно, могущественную и часто грозную аристократию, но происхождение феодальной системы более сложно. Здесь между вассалом и сюзереном не существовало той взаимности обязательств, которая является, по-видимому, наиболее характерной чертой французского общества той же эпохи. Феодальная связь является настолько же реальной, насколько личной, тогда как в Испании отношения между подданными и государем, между вассалом и его сюзереном носили преимущественно личный характер. Здесь не было той путаницы юрисдикций и феодалов, не было той иерархии, которая от последнего дворянина, через ряд сеньоров, поочередно – вассалов и сюзеренов, восходила до короля, сюзерена над сюзеренами. «Дворянство Леона и Кастилии никогда не приобрело той независимости и силы, какой обладало германское, английское и французское дворянство; точно так же графы и сеньоры Кастилии не обладали ни правом чеканки, ни правом подвергаться лишь суду своих пэров, ни правом взимать феодальную помощь... Короли никогда не теряли высшей власти над всеми своими под-

данными, каково бы ни было звание последних; они созывали кортесы и председательствовали в них; суд производился от их имени; они обладали неотчуждаемым правом занимать в случаях крайней необходимости замки и крепости сеньоров, и все были обязаны помогать им на войне». Эти различия обнаруживаются особенно резко при сравнении Кастилии и Леона, вообще западной части полуострова, с феодальными государствами материка, и слабеют по мере приближения к Франции. Арагон кое-что заимствовал от нее; здесь существовало нечто вроде феода под названием *honneur*. Но одна только Каталония вполне соответствует типу феодального государства.

Однако и Испании пришлось пережить эпоху безначалия, которое в продолжение нескольких веков господствовало во всей остальной Европе. Аристократия долго сохраняла преобладающее положение; она не щадила королевской власти и предписывала ей свои условия. В «Fuego Viejo» Кастилии сохранился след того периода мятежей. Мы узнаем отсюда, что *ricos hombres* могли отказывать королю в повиновении, заявив ему через одного из своей среды: «Государь, целую вашу руку за такого-то *rico hombre*, и отныне он более не ваш вассал». Будучи свободны от всяких обязательств, они могли уходить со своими слугами и товарищами на службу в соседнее государство и даже к мусульманам. По песням о Сиде можно судить о чувствах, которые питала знать к королевской власти в то время, когда складывались эти песни. В «Cronica rimada», «этом сборнике баллад и песен XII в.», Родриго изображен «гордым и своевольным вождем, который относился к королю с высокомерным презрением», а этот король, которому поэт дает имя Фердинанда, — «смешным человеком, который бледнеет перед мечом и невероятно туп».

Этот взгляд свойствен не одним кастильцам. Достаточно прочитать рассказ о споре между Хайме I и доном Педро де Агонес, чтобы понять, какие отношения существовали между арагонскими королями и крупными сеньорами. Дон Педро, который славился своей военной опытностью, положил руку на меч, но Хайме своей железной рукой помешал ему извлечь его из ножен. Тогда он попытался обнажить кинжал, король и этому помешал. Товарищи дона Педро

освободили его из железных объятий короля. «Так он ускользнул от нас, – рассказывает Хайме, – и никто из наших приближенных, находившихся в доме, не помог нам; напротив, они спокойно смотрели на происходившую между нами борьбу». Смелость дона Педро и равнодушие придворных достаточно характерны.

Крепостные. Эта аристократия сеньоров, владевшая поместьями и крупными доходами, носила название *ricos hombres* (богатые люди). Под ее властью жили свободные люди, пользовавшиеся известными вольностями, ибо она, подобно королям, признала необходимым даровать городам более или менее обширные права, обеспеченные хартиями. Сеньориальное поместье обрабатывалось рабами и колонами, которые платили определенные подати (*solariegos*). В течение этого 300-летнего периода сельское рабство исчезло в Кастилии, уступив место крепостному праву.

Положение *solariego* еще очень печально. «Fuego Viejo» заявляет, что «господин может взять тело *solariego* и все его достояние». Это – крепостное право во всей его строгости. Правда, то же fuego делает различие между провинциями: он отличает от этого жалкого класса тех *solariegos*, которые населяли бассейн Дура. Последние могли покидать землю, если их положение становилось слишком невыносимым, и искать более человеческого господина. Сеньор не имел права помешать их выселению; он мог только задержать имущество, которое они уносили.

Гораздо более сурово было положение рабов в Арагоне. В Каталонии, в долинах Вик, Гирона и Ампуриас *pages de Remenza* не могли ни покидать землю, ни отчуждать ее, ни вступать в брак без разрешения своего господина. «Арагонские дворяне и другие землевладельцы, не принадлежащие к церкви, – говорит арагонское уложение, – могут по своей воле хорошо или дурно обращаться со своими рабскими держателями и безапелляционно присваивать себе их имущество, и король отнюдь не может вмешиваться в дела их сеньорий».

В то время, как эти рабы были навеки прикреплены к своему господину, в Кастилии существовали округа, которые свободно выбирали своих господ. Эти округа называ-

лись *Behetrias*. Иногда осуществление этого права не подлежало никаким ограничениям: *Behetrias de mar à mar* могли избирать себе господина из любой фамилии и любой области королевства. Иногда выбор мог производиться лишь в пределах какой-нибудь одной семьи (*behetrias de familia*). В обоих случаях повиновение вассалов ограничивалось лишь их капризом или пределами их терпения. Если покровительство становилось тиранией, то они меняли патрона. Некоторые *behetrias* имели право менять господина по семь раз в день.

Города. В оппозиции с феодальной властью сеньюров стояли королевские города и местечки. Завоевание страны у мусульман было одной из важнейших причин развития городов. Лишь только военный успех отдавал в руки христианских вождей часть мусульманской территории, они спешили заселить ее своими солдатами и привлечь единоверных поселенцев. Таким образом они основывали на завоеванной земле нечто вроде колонии; они одаряли ее многочисленными льготами и обращали ее в свободную общину; они давали ей право содержать ополчение и вполне или отчасти предоставляли ей право избирать своих магистратов; они гарантировали личную безопасность поселенцев против злоупотреблений своих собственных чиновников и даже иногда обещали безнаказанность преступникам, которые искали спасения и оседло поселялись в этих убежищах. Таковы главные льготы, записанные в муниципальных хартиях, или фуэрос. Не все города, владевшие фуэрос, получали одни и те же льготы, но всем предоставлялась известная доля независимости. Освободительное движение, начавшееся в XI в., позднее все усиливается. Леон получил свое фуэро в 1020 г., Нахера – в 1035-м, Сепульведа – в 1076-м. Особенно многочисленны подобного рода пожалования в XII и XIII вв. Некоторые из этих фуэрос приобрели известность как образцы. Короли жаловали не ту или другую привилегию, а то или другое фуэро. Так, фуэро Сепульведы было введено во множестве других городов. Фердинанд III даровал (1222) фуэро Толедо с некоторыми прибавлениями завоеванным им андалусским городам – Кордове, Севилье, Мурсии, Кармоне. Хартия Куэнки (1190) послужила образцом для мно-

гих других фуэрос, заимствовавших из нее большинство своих статей.

Арагон шел по тому же пути, что и Кастилия. В 1064 г. король Санчо Рамирес пожаловал Яке ее фуэро; Альфонс Воитель даровал Сарагосе самые широкие вольности.

Под влиянием этого либерального законодательства города сделались настоящей силой в государстве. Ополчения Сории, Медина-Сели, Куэнки, Вальядолида, Авилы и другие сражались при Лас-Навас-де-Толоса наряду с феодальными войсками. Богатые и многолюдные общины составляли ассоциации для защиты своих прав и искоренения разбойничества. Эти братские лиги, или *германдады*, особенно многочисленны в XIII в.; они были направлены против дворянства, которое своими насилиями, грабежами и убийствами истощало города и деревни. Они не стеснялись даже оказывать сопротивление королю. В 1295 г. 32 города Леона и Галисии подписали настоящий союзнический договор наступательного и оборонительного свойства против всякого, будь то король, королевский чиновник, сеньор или духовное лицо, кто нарушит их вольности, взыщет налог вопреки фуэро и вторгнется во владения общины или поместье *vecino*. Они обещали друг другу военную помощь, назначили депутатов, обязанных следить за исполнением союзного договора, и постановили наказывать всякого нарушителя штрафом в тысячу мараведис, который при каждом рецидиве удваивался.

Воинственный дух испанских городов отчасти объясняется их происхождением. Это были колонии солдат или поселения земледельцев, обязанных жить под оружием и в постоянной тревоге; поэтому их население было пылко и воинственно. Их ополчения представляли собой маленькие армии, состоявшие из кавалерии и пехоты. Богатым землевладельцам, несшим службу верхом, Альфонс VII пожаловал права дворянства. Таким образом образовалось нечто вроде всаднического сословия – городская *caballeria*, пользовавшаяся большим влиянием в городах. *Fuero* Молины предоставлял ей все муниципальные должности; обычно *caballeros* делили их с простыми *vecinos*. Существование этого класса значительно содействовало поддержанию в

городском населении смелости и решительности, несовместимых с наклонностями трудолюбивой буржуазии.

Духовное развитие. Обеспечив себе безопасность своими победами над неверными, освободившись от гнетущего страха опустошительных набегов, население полуострова начинает приходить в себя, отдаваться другим нуждам, кроме материальных, другим занятиям, кроме кровавого дела войны. Это уже не те люди, которых арабские историки изображают нам дикарями, покрытыми грязью и насекомыми и носящими свою одежду из звериных шкур до тех пор, пока она спадет клочьями. Прошло то время, когда, по словам старинной хроники, «короли, графы, вельможи и все рыцари, кичившиеся своим военным званием, помещали своих коней в те самые комнаты, где стояла их постель или где они жили со своими женами, дабы, услышав военный клич, они без замедления могли вскочить на готового к битве коня и двинуться в путь». Начали развиваться мирные искусства. Архитектура, создающая иногда дивные памятники, обнаруживает пробуждение эстетического чувства, в то время, как другие духовные способности еще дремлют; в XII и XIII вв. были сооружены великолепные соборы Лео-на, Бургоса, Толедо, Барселоны. Человеческий дух, казалось, выходил из оцепенения. Нарождалась история; Родриго из Толедо и Лука де Тюи (XIII в.) собрали рассеянные обрывки старинных хроник и записали воспоминания о борьбе с неверными. Воины и государи находили удовольствие в том, чтобы рассказывать события своего времени. Арагонский король Хайме I написал по-каталонски историю своих завоеваний. Все наречия полуострова сразу получили свою окончательную форму и были закреплены литературными произведениями. Чтобы распространить любовь к наукам и словесности, были основаны университеты в Валенсии (1208) и Саламанке (1249). Распространяется изучение римского права. Альфонс Мудрый с помощью легистов заканчивает составление «Siete Partidas», начатое Фердинандом Святым. Лучшими поэтами той эпохи являются те безымянные певцы, которые в своих романцero оставили нам яркое изображение испанского духа с его фанатизмом, героизмом, эпическим величием и культом идеала.

Альфонс X Кастильский и Петр III Арагонский

Новый характер испанской истории. Альфонс X Кастильский и Альфонс III Португальский. Гренадский эмират. Альфонс X и знать. Внутреннее управление Хайме и Петра III Арагонских. *Privilegio general* (1283). Итальянская политика Арагона. Притязания Альфонса X на корону «Священной Римской империи». Дон Санчо и дети ла Серды.

Новый характер испанской истории. Царствования Альфонса X Кастильского (1252–1284) и Петра III Арагонского (1276–1285) представляют черты, знаменующие собой начало новой эпохи. Завоевание Испании, *reconquista*, как говорят по ту сторону Пиренеев, может считаться законченным. Борьба между Кастилией и гренадским эмиратом представляет собой лишь ряд столкновений между сюзереном и его вассалом, уступающим ему по силе, но чрезвычайно подвижным и склонным к мятежу. Арагонское королевство достигло границ, за которые оно более не перешагнет. Отныне энергия, которую обе христианские державы развивали против мусульман, получает другое направление; крестовый поход сменяется внутренними смутами. То же самое происходит и в Португалии. И в предшествующую эпоху королям не раз приходилось бороться с происками аристократии; но они еще не стремились злоупотреблять своей властью, и знать, отвлекаемая священной войной, обогащаемая завоеваниями и добычей, старалась скорее обеспечивать себе расположение государя, чем ослаблять его власть. Борьба Кастро и Лара является соперничеством двух фамилий, оспаривающих друг у друга пути к влиянию и власти. Лишь в конце XIII в. ясно обнаруживается стремление короля и подданных установить размеры своих прав. Альфонс X формулирует в «Законе семи частей» теорию королевского всемогущества; следующие два века покажут, как далеко действительность расходится с его теорией.

Альфонс X Кастильский и Альфонс III Португальский. Преемник Фердинанда Святого Альфонс Кастильский – один из замечательнейших государей средних веков. Ученый, поэт, историк, законодатель, он обладал все-

ми качествами, делающими честь человеческой природе, за исключением политических способностей. Его честолюбие далеко превышало его средства; его притязания никогда не поддерживались сильной волей.

В начале своего царствования он с большими издержками подготовил экспедицию против Марокко, от которой вскоре должен был отказаться. Большим успехом увенчались его походы в бассейн нижнего Гвадалквивира; он покорил несколько городов, которые не поддались его отцу, – Херес, Небриху. Взятие Ниеблы (1257) открыло ему доступ в Альгарвию, но здесь ему приходилось считаться с Португалией, которая также заявляла притязания на эту провинцию. Португальский король Альфонс III (1245–1279) обладал той спокойной энергией, которой недоставало его сопернику. Ему также приходилось бороться с церковной и светской аристократией, которая возвела его на трон и хотела держать в опеке. Он сумел внушить ей покорность и дать отпор епископам, которые обвиняли его в нарушении церковных привилегий, и римской курии, хотевшей заставить его вернуть отвергнутую им жену, графиню Болонскую. Папа наложил интердикт на его королевство; он не уступил, и Урбан IV, отчаявшись в победе, по смерти его первой жены признал законными детей, родившихся от его второго брака. Такое же упорство обнаружил он и в борьбе с духовенством. Только на смертном одре удалось вырвать у него отречение от своего образа действий – отречение, которое притом едва ли было искренно.

Замечательный организатор, Альфонс населил множество городов, обезлюдевших во время завоевания. Он восстановил стены Бехи и сделал эту крепость оплотом королевства. У устьев Дура, напротив епископального города Порто, он основал королевский город Вилланова-де-Гайа, которому в числе других привилегий даровал обширные права по речной и морской торговле. Более чуткий к экономическим нуждам, чем его современники, он содействовал развитию торговли путем основания свободных рынков и призывал иностранных мастеров, чтобы поднять уровень национальной промышленности.

Такой человек не отказывается добровольно от своих притязаний. Он предпочел вступить в войну, чем допустить

кастильцев утвердиться в Южной Альгарвии. Альфонс X уступил: он выдал свою дочь за своего соперника и уступил ему спорную область Сильвес, удержав за собой лишь номинальный суверенитет, в силу которого новый владелец обязан был в случае необходимости доставлять ему вспомогательный отряд в 50 копий.

Гренадский эмират. Во время своих первых походов против неверных Альфонс X призывал на помощь своего вассала, эмира Гренады. Каковы бы ни были его затаенные чувства, Ибн-аль-Амар не осмелился уклониться от своих феодальных обязательств. Однако эта покорность была для него тяжким бременем. Он выжидал лишь благоприятной минуты, чтобы свергнуть с себя иго. Основанное им государство быстро достигло высокой степени могущества и благосостояния. Столицей его он сделал Гренаду, усилив ее естественную неприступность крепкими стенами и дав приют в ней мусульманам, бежавшим от владычества христиан. При каждом завоевании Фердинанда Святого и Хайме Арагонского новый поток беглецов увеличивал количество его подданных. Эти изгнанники приносили в долины Хениля и Дарро свою промышленность, свои сельскохозяйственные знания и свою ненависть к слову «христианин», так что этот ничтожный обломок омейядской державы начал становиться опасным вследствие многочисленности своего населения и его пылкого патриотизма и фанатизма. Эмир приобрел любовь подданных своей доступностью и заботливым управлением. Несмотря на простоту своего образа жизни, он не жалел издержек на украшение своей столицы. Под его покровительством развилось артистическое движение, которое спустя столетие создало чудеса Альгамбры.

К этому-то государю естественно обращались взоры мусульман, рассеянных по владениям Альфонса X. В Мурсии, в Хересе восстание ждало лишь вождя. Он отказывался стать во главе заговорщиков, но тайно подстрекал их взяться за оружие. В один и тот же день вспыхнул мятеж в двух концах Андалусии; христиане везде подверглись избиению. Кастильский король тотчас выступил в поход и потребовал от Ибн-аль-Амара подкреплений. Эмир ответил, что он не

уверен в своих войсках и что политические соображения заставляют его щадить своих единоверцев. Но это извинение не удовлетворило Альфонса, и он тотчас начал враждебные действия против своего подозрительного союзника (1261). Движение могло бы сделаться опасным, если бы внутренние затруднения – восстания вали Комареса, Малаги и Кадикса – не парализовали усилий Гренады. Кастильский король, обеспеченный с этой стороны, подступил к Хересу, который и взял после пятимесячной осады. В течение этого промежутка его тесть Хайме Арагонский вступился за его интересы и снова водворил его власть в королевстве Мурсии.

Альфонс X и знать. Он сделал еще больше: он дал ему несколько мудрых советов. Между тем как Альфонс был занят умозрениями высшего порядка и, как рассказывают, утверждал, что, если бы Творец вселенной спросил его совета, он внушил бы Ему несколько удачных изменений, – его неразумная политика разоряла государство. Чтобы достать денег, он выпустил низкопробную монету и, чтобы остановить наступившее вслед за тем вздорожание товаров, издал закон о *taximum*. Возбуждая оппозицию против себя, он позаботился и о том, чтобы дать ей вождей. Несмотря на пример отца и вопреки советам своего тестя, он увеличивал силы знати, осыпая ее дарами, льготами и милостями. Благодаря его пожалованиям число вассалов Нуньо Гонзалеса де Лара достигло трехсот. Если король надеялся этим путем привязать к себе аристократию, то он очень скоро был разочарован. Сила, которую он создал собственными руками, обратилась против него самого. Когда он отказался в пользу Португалии от своих почетных прав на Альгарвию, гранды воспользовались этим поводом, чтобы поднять оружие как бы в защиту общественного блага. Во главе их стал Нуньо де Лара, которого он наиболее привечал. На кортесах в Бургосе, куда они явились в полном вооружении, гранды обратились к королю с просьбой, чтобы он освободил их и их вассалов от всяких податей, уничтожил *poblaciones* Кастилии и отменил все таможенные сборы с ввозимых товаров. Когда он отказал, семнадцать *ricos hombres*, в том числе Нуньо де Лара и инфант Филипп, зая-

Испанские музыканты.
Миниатюра XIII в.

вили ему, что оставляют его службу, и удалились к эмиру Гренады. Эта измена ослабила силы Кастилии, не увеличив сил Ибн-аль-Амара; бежавшие гранды, которых он принял с почетом, обязались служить ему против всех, исключая их государя. Он решил призвать к себе на помощь владельца Марокко, но в разгаре переговоров его настигла смерть (1273). Его преемник, Магомет II, поспешил заключить мир с Альфонсом X. *Ricos hombres* получили амнистию, и им были возвращены их почести и звания. В этом первом столкновении со знатью король обнаружил всю свою слабость.

Внутреннее управление Хайме и Петра III Арагонских. Надо сказать в его оправдание, что ловкость и энергия арагонских королей приносили им не больше пользы; Хайме и его преемник Петр III были вынуждены отступить перед этими новыми хозяевами государства. Кортесы, заседавшие в Гуэске (1247), с известными ограничениями разрешили частные войны; это постановление было источником бесчисленных зол – грабежей, убийств и опустошений. Обитатели разоренных городов решили со своей стороны образовать на пять лет германдаду (1260–1265), которая постановила самые суровые наказания для обидчиков без различия происхождения и сана и собрала войско, способное внушить уважение к ее постановлениям.

Почин городов ясно обнаружил бессилие королевской власти даже в лице такого энергичного государя, как Хайме Завоеватель. Его борьба со знатью доставила ему самые тяжкие унижения. Когда он на кортесах в Сарагосе (1264) предложил установить новый налог – на быков, все *ricos*

hombres подняли крик, что не согласны. На просьбы короля они ответили перечислением своих жалоб; они указывали на нарушение вольностей дворянства, на пожалование ленов иностранцам, на допущение легистов и других людей низкого происхождения в королевский совет. В ожидании удовлетворения своих жалоб они покинули город и образовали лигу для защиты своих привилегий. Король вступил в беспощадную войну с мятежниками и отнял у них немало замков. Но общественное мнение, которое было на стороне знати, заставило его пойти на мировую. Епископы Гуэски и Сарагосы, избранные в третейские судьи, признали правыми сеньоров (1265). После Арагона ему пришлось иметь дело с Каталонией. Он много сделал для этой страны, которую любил. Завоевание Балеарских островов, его первый успех, восстановив безопасность на море, значительно содействовало развитию каталонского мореходства. Барселона оспаривала у итальянских республик владычество над Средиземным морем и заставила все торговые нации принять ее морской кодекс (*llibre del Consolat del mar*). Хайме издал много указов, направленных на пользу торговли; он уничтожил таможенные преграды, воздвигнутые сеньорами внутри страны; он урегулировал цеховую организацию Барселоны. Но эти благодеяния не смягчили оппозиции знати; последние годы его царствования были омрачены восстанием высших баронов.

Privilegio general (1283). В царствование Петра III, преемника Хайме, борьба была еще ожесточеннее. Этот король, который завоевал Сицилию, победоносно отражал нападения французского короля и мужественно пренебрегал интердиктом и отлучением, победитель Карла Анжуйского, Филиппа Смелого и папы Мартина IV, вынужден был унижить королевскую власть перед коалицией знати и городов. Его арагонские подданные ставили ему в упрек его рискованные предприятия во внешней политике, его большие наборы и опасность, которой подвергала страну его распря с французским королем. Он действовал, не совещаясь ни с кем. «Если бы моя левая рука, – говорил он, – узнала тайну моей правой руки, я немедленно отрубил бы ее». *Ricos hombres*, привыкшие к большому уважению, на кортесах в

Таррагоне (1238) спросили его о причине этого недоверия. Он высокомерно ответил на их жалобы. Тогда знать и представители городов образовали союз (Union) для защиты своих фуэрос и для удовлетворения своих жалоб; они обещали оказывать друг другу взаимную помощь против всех, «сохраняя верность, которой они повинны королю»; да и эта оговорка была лишь формальностью. Если Петр III, без приговора *justicia* и не спросив совета *ricos hombres*, нарушал личные и имущественные права своих подданных, то последние считали себя свободными от присяги на верность и вправе «соединиться с инфантом Алонзо, наследником престола, чтобы изгнать дона Педро из королевства».

Кортесы, перенесенные в Сарагосу, еще с большей настойчивостью потребовали утверждения всех старинных привилегий, фуэрос и хартий. Король должен был уступить: он дал их требованиям силу закона. Все уступки, вынужденные у него собранием, были внесены в «Privilegio general», основную хартию арагонских вольностей. Король осудил свой прежний образ действий, утвердил фуэросы и вернул дворянам захваченные им лены. Он принял на себя различные обязательства и даровал гарантии подданным против излишнего усердия своих чиновников. Его юрисдикция ограничивалась пределами его домена. Судьями он должен был назначать исключительно арагонцев. *Justicia*, при котором был образован совет из дворян и горожан, должен был постановлять приговоры по всем делам. Так же строго была ограждена имущественная безопасность податного населения: установление новых дорожных пошлин было воспрещено; соляной налог был уничтожен. Нация присвоила себе видное место в советах королевства, в которых отныне должны были иметь своих представителей все три сословия. Без согласия этих делегатов король не мог ни заключать мира, ни объявлять войны.

Таковы главные пункты этой знаменитой грамоты, которую часто сравнивали с английской Великой хартией. Правда, дворянство присвоило себе львиную долю добычи; но утверждение ее судебных прав, право отказывать королю в повиновении, право не служить «ни вне королевства, ни за морем» ясно показывают, что они не отде-

ляли своих частных интересов от общего блага. Пусть их сопротивлением руководил эгоизм; во всяком случае, права всех подданных, подлежащих суду и обложению, были обеспечены, могущество королевской власти ограничено и за нацией признано право на вмешательство в государственные дела.

Итальянская политика Арагона. Роль, которую Петр III и Альфонс X хотели играть вне королевства, отвлекала их внимание от внутренней политики и немало способствовала усилению оппозиции. Как только испанские государи избавились от опасности со стороны мусульман, они обратили свои взоры за пределы полуострова. Первый пример такого рода подал Хайме. Он выдал одну из дочерей за внука Людовика Святого и в 1269 г. отправился в крестовый поход, окончившийся тунисской катастрофой. Впрочем, он вернулся из Эгморта, обескураженный мрачными предзнаменованиями, которые навели ужас на каталонский флот. Но несколько лет спустя он опять отправился на Лионский собор (1274), где Григорий X пытался соединить всех христианских государей для совместной экспедиции против неверных. Кажется, что брак его сына, инфанта Петра, с Констанцией, дочерью Манфреда, также был делом расчета. Это событие не замедлило принести свои плоды. Успех Карла Анжуйского, казалось, подорвал притязания, которые Петр III в качестве представителя своей жены мог заявлять на Южную Италию. Ошибки неаполитанского короля восстановили его надежды. Когда Сицилия восстала, мятежники обратились к зятю Манфреда. Занятие Сицилии имело важные результаты, которые постепенно обнаруживаются в течение последующих веков. Оно доставило обитателям бассейна Эбро те свободные пространства, которых им недоставало на полуострове. Оно подготовило завоевание Неаполя и других больших островов Средиземного моря. Каталонские мореплаватели господствовали над громадным морским бассейном, ограниченным Балеарскими островами, Корсикой, Сардинией и Африкой. Оно же обусловило возникновение между Францией, союзницей анжуйского дома, и Испанией той глубокой вражды, которая разразилась позднее, во время великих итальянских войн.

Притязания Альфонса X на корону «Священной Римской империи». Политика Петра III привела в общем к практическим результатам; политика Альфонса обошлась в дорогую цену, доставив ему лишь призрачное влияние. Браку его дочери, доньи Беатрисы, с Альфонсом III Португальским предшествовала уступка Альгарвии; браком его сестры Леоноры с Эдуардом, вероятным наследником английской короны, был освящен отказ Кастилии от ее прав на Аквитанию. Но что значили для Альфонса X эти непрочные права в сравнении с его притязаниями на императорскую корону? Глава Священной империи сохранял, несмотря на свою слабость, нечто вроде первенства над остальными государями; это величие, основанное на воспоминаниях, должно было сильно прельщать честолюбие и тщеславие государя, хорошо знавшего историю и опьяненного грезамы ученой фантазии. Сын Беатрисы Швабской, родственник императоров, он уже видел императором самого себя. И вот, когда курфюрсты собрались для избрания преемника Вильгельму Голландскому, он поставил свою кандидатуру. Он получил четыре голоса из семи; однако его соперник Ричард Корнуэльский, получивший меньше голосов, короновался в Ахене. Альфонс X удовольствовался присвоением пустого титула, который несколько итальянских городов, вроде Пизы, поспешили признать за ним. Папы никогда бы не согласились признать этого странного императора, который не был в состоянии защищать их в Италии и восстановить порядок в Германии. До 1274 г. он вынужден был довольствоваться платоническими протестами. В том году заключение мира с эмиром Гренады развязало ему руки. Он решил, что наступила минута осуществить свои права и обеспечить себе поддержку папства. Григорий X, который поспешил утвердить избрание Рудольфа Габсбургского, был далек от мысли менять свое решение. Однако из-за настойчивых просьб неудачного претендента, он согласился назначить ему свидание в городе Бокэре. Он имел в виду лишь убедить Альфонса в бесплодности его надежд. Красноречие и обещания кастильца не поколебали того мудрого и твердого решения. Он попытался, по крайней мере, приобрести поддержку папы в деле женитьбы своего внука на на-

следнице Наварры. Но Филипп Смелый был не таким человеком, который позволил бы отбить у себя выгодную невесту; королева-регентша, Иоанна Артуаская, поддерживала надежды Франции. Альфонсу пришлось с пустыми руками вернуться в Кастилию, куда его призывало опасное восстание. Папе надоело даже то, что он упорно продолжал называть себя «избранным королем римлян», и он подверг его последнему унижению, заставив отказаться от этого пышного и пустого титула.

Дон Санчо и дети ла Серды. Король Кастилии был не более честен, чем ловек. Несмотря на мир, существовавший между ним и эмиром Гренады, он беспрестанно поддерживал его мятежных вассалов. Чтобы одолеть бунтовщиков, Магомет II призвал на помощь главу новой африканской династии. Абу-Юсуф высадился в Тарифе и опустошил всю Андалусию (1275). *Adelantado* границы, Нуньо де Лара, напал на него близ Эсихи и был разбит. Та же участь постигла несколько дней спустя толедского архиепископа. В довершение напастей предполагаемый наследник умер в Сиудад-Реале (25 июля 1275 г.). Король был в отсутствии; положение дел казалось угрожающим.

Но на границу прибыл второй инфант, дон Санчо, рано отличившийся своей храбростью; он обнаружил большую ловкость и быстроту в организации обороны. Отправив флот для охраны пролива, он из своего местожительства, Кордовы, беспрестанно тревожил неприятеля. Африканская армия, оттесненная в область Алгезираса, вследствие малого подвоза съестных припасов страдала от голода. Абу-Юсуф с радостью принял двухлетнее перемирие.

Смерть Фернандо де ла Серды повлекла за собой чрезвычайно серьезные внутренние осложнения. Инфант оставил сыновей, которые должны были унаследовать его права на престол в силу права *представительства*, но Санчо заявил притязание на наследие своего брата по праву *прямого преемства*. Он привлек на свою сторону большинство *ricos hombres* и начал именоваться в своих письмах *старшим сыном, преемником и наследником этих королевств*. Альфонс имел веские основания осудить честолюбие Санчо, потому что он в «Законе семи частей» формально высказал-

ся в пользу права представительства. Но он всю жизнь был игрушкой событий и людей. Популярность Санчо заставила его изменить свое решение: он созвал кортесы в Сеговии и велел провозгласить дон Санчо своим преемником; право прямого преемства одержало верх. Всегда во всем доходя до крайности, он не поколебался принести кровавую жертву этому новому принципу. Его супруга, королева Виоланта, бежала со своими внуками ко двору арагонского короля; ее бегству способствовал один из братьев короля, дон Фадрико. Альфонс велел задушить его без суда и следствия.

Только путем побед над неверными можно было поддержать эту насильственную политику. Между тем кастильское оружие терпело поражение за поражением; осада Алгезира-са, предпринятая с наилучшими шансами на успех, окончилась катастрофой; так же неудачны были и две экспедиции против Гренады. Под впечатлением этих непрерывных поражений собрались в Севилье кортесы (1281), созданные королем для испрошения субсидий. Так как представители нации воспротивились установлению нового налога, то он предложил им выпустить фальшивую монету. Проект был принят, но лишь увеличил раздражение народа. Недовольные нашли себе вождя в лице наследного принца. Французский король Филипп Смелый вступился за права своих племянников, сыновей ла Серды. Желая избежать столкновения, Альфонс предложил отдать старшему из своих внуков королевство Хаэн под верховной властью Кастилии. Эта сделка была представлена на утверждение кортесов. Санчо восстал против какой бы то ни было уступки. Король в гневе пригрозил лишить его наследства. «Придет время, – ответил инфант, – когда вы раскаетесь в этих словах». Под предлогом приготовления к походу против мавров, он отправился в Кордову и заключил с эмиром Гренады наступательный и оборонительный союз. *Ricos hombres* стали стекаться под его знамена, города высказались за него. Ободренный этими выражениями сочувствия, он осмелился созвать в Вальядолиде (1282) представителей нации. Здесь инфант дон Мануэль от имени дворянства провозгласил низложение Альфонса и воцарение его сына. Санчо удовольствовался званием регента, которое, впрочем, облакало его всеми королевскими прерогативами.

В ответ на этот вызов Альфонс заявил в Севилье перед лицом всего народа, что лишает наследства своего сына, и призвал на него проклятие неба. Папа Мартин IV провозгласил анафему над мятежным сыном и его приверженцами. Санчо пренебрег интердиктом и отлучением и объявил папских послов, привезших буллу, подлежащими смертной казни. Необычайное зрелище представляла католическая Испания во второй половине этого века: здесь были три короля, осужденных Римом, непокорных его власти и счастливых в своем сопротивлении.

В этом критическом положении у короля Кастилии не оставалось другого выхода, как броситься в объятия марокканского эмира. Мусульманский государь великодушно принял просьбу поруганного отца и отправился в Испанию, чтобы помочь ему. Но этот союз оказался бесплодным; взаимное недоверие христиан и неверных не позволяло им действовать единодушно. Абу-Юсуф вернулся домой. Жалость больше помогла Альфонсу, чем мусульманское оружие. Сам дон Санчо не решился дать битву королевским войскам и поклялся своим друзьям, что всегда будет держаться на расстоянии пяти миль от того места, где будет находиться его отец. Инфанты, которые в начале восстания последовали за своим братом, теперь покинули его и явились к королю с изъявлением покорности. Но король уже не был в состоянии воспользоваться поворотом судьбы; ослабленный душевными страданиями еще более, чем старостью, он умер в Севилье в апреле 1284 г. и был погребен рядом с Фердинандом Святым. Неизвестно, простил ли он своего мятежного сына, но несомненно, что он лишил его наследства. Согласно с «Законом семи частей» он назначил наследниками сыновей ла Серды; на случай их смерти он, обойдя собственных детей, вручал корону французскому королю, потомку Альфонса VIII. Своим раскаявшимся сыновьям, дону Жуану и дону Хайме, он завещал королевства Мурсию и Бадахоз под суверенитетом Кастилии. Он не заслуживал того, чтобы ему после смерти повиновались более, чем при жизни.

И вот начинается период внутренних смут, столкновений между знатью, городами и королевской властью. Крес-

тоносное движение почти замирает на два века. Падение мусульманского владычества в Гренаде отсрочено; Испания, уверенная в окончательной победе, обращает на саму себя ту энергию, страшную силу которой испытали на себе враги ее расы и религии.

Скандинавские государства с древнейших времен до XIII в.

История скандинавских стран до середины XIII в. может быть разделена на три больших периода. *Первый* – до V в. н. э., мы знаем его лишь по нескольким фразам древних географов и открытиям археологов. *Второй* – до X в., когда скандинавы взаимодействуют с народами культурной Европы, но если франкские, англосаксонские и византийские летописцы до мелочей описывают их походы, то состояние самого Севера остается нам почти неизвестным; самыми надежными сведениями мы обязаны только археологии. Наконец, *третий период* – от X до XIII в., когда христианство покоряет Данию, Норвегию и Швецию, которые делаются монархическими государствами; скандинавские страны становятся частью европейской истории.

Древнейший период

Известия древних летописцев о Севере. Археологические памятники. Первобытное население Севера.

Известия древних летописцев о Севере лишены полноты и ясности: древние люди знали южное побережье Балтийского моря благодаря своей торговле янтарем, северные же берега его не представляли для них интереса. Они долго считали их затерянными среди льдов Гиперборейского моря.

Марсельский грек Питеас знал, по-видимому, не только янтарный берег, но и южную часть Скандинавского полуострова; однако его сочинения дошли до нас лишь в виде неясного экс-

церпта, а после него мы уже не находим у древних географов никаких известий до той поры, когда римляне поселились у устьев Рейна, в нескольких днях морского пути от скандинавских берегов. Однако их известия мало прибавляют к тому, что мы знаем от Питеаса. Помпоний Мела называет остров *Codanonia*; это, вероятно, искаженная форма слова «Scandinavia». Остров, говорит он, велик и плодороден, и населен германцами. Плиний старший, описывая острова Германского моря, лежащие напротив Англии, называет в их числе *Скандию* и *Неригос*, откуда переезжали в *Туле*. Туле – это, может быть, Исландия, а Неригос – Норвегия. Наконец, Тацит прибавляет к этим названиям еще *Suiones*, – будущее слово «шведы», а Птолемей – ия *Gutai* (готы?). Сочинения Прокопия и Иорнанда относятся уже к тому периоду, когда обитатели Севера находились в прямых сношениях с цивилизованными народами.

Археологические памятники. Северные страны, особенно области, окружающие внутреннее датско-шведское море, чрезвычайно богаты доисторическими памятниками. Многие из них, как например *Kjökkenmödinger* – груды кухонных остатков (раковинные кучи от моллюсков), находясь на датских берегах, относятся к незапамятной древности. Со времени их образования до заселения Севера германцами прошли, вероятно, десятки веков. Эту продолжительную эпоху археологи разделили следующим образом:

- палеолитический период (конец палеолита – примерно 12–10 тысяч лет назад), свидетельства жизни древних людей найдены в Ютландии, на датских островах, скандинавском берегу и южной оконечности Норвегии;

- неолитический период, продолжавшийся приблизительно от 2000 до 1000 г. до н. э. Следы его встречаются к северу до 39° и по берегам рек и озер до центра полуострова;

- бронзовый период, от 1000 до 500 г. до н. э. Его свидетельства нашли к северу от географического пояса обоих предшествовавших периодов с остатками каменных сооружений нового типа; это так называемые арктические древности;

- новый бронзовый период, от 500 до 100 г. до н. э. Его следы обнаружили в Швеции до 62° и Норвегии до 67°;

- два железных периода, из которых первый продолжался до эпохи великих германских нашествий, второй – до времени,

Скандинавские воины IX–XI вв.

когда скандинавский Север стал неотъемлемой частью европейской истории.

Какова бы ни была научная ценность этого деления, важен один факт, установленный археологическими открытиями: заселение Севера совершилось путем иммиграции, которая направлялась с юга на север и, по-видимому, не встречала препятствий.

Первобытное население Севера. По словам Птолемея, острова Севера населены германцами. Когда явились они сюда и какие племена предшествовали им?

Предполагали, что первоначально весь скандинавский Север был занят какими-то племенами, которые мало-помалу были отодвинуты германцами на север и остатком которых являются лапландцы. Воспоминание о борьбе, сопровождавшей это вытеснение, сохранилось в скандинавских преданиях о *горных карлах*, с которыми воевали предки современных обитателей при своем прибытии в эту страну. Археологические открытия не подтвердили этой гипотезы.

Арктические древности, которые можно приписать племенам, родственным финнам или лапландцам, – сравнительно позднего происхождения и во всех отношениях отличаются от остатков палеолитического и неолитического периодов. Нельзя проследить какого-либо родства между неизвестными племенами, которым принадлежат эти остатки, и нынешним населением северной оконечности Скандинавского полуострова.

Не больше знаем мы и о первых арийских обитателях скандинавского Севера. Уже у древнейших античных писателей мы встречаем слова «Gutones», «Gythones», «Gutai», обозначающие, может быть, готы; но эти готы обитали, по крайней мере до II в. до н. э., к югу от Балтийского моря. Впрочем, по скандинавским преданиям, именно здесь было первое местожительство предков, и отсюда они пришли, как доказывают археологические открытия; при этом они следовали вдоль берегов Померании и Мекленбурга, датского полуострова, датских островов и Скании. Надо совершенно отказаться от мысли об иммиграции через Балтийское море; можно лишь, пожалуй, допустить, что отдельные полчища пришли с Рюгена на Борнхольм, с Борнхольма – в Сканию.

В какую эпоху направились готы на север? Их движение началось, вероятно, очень рано, может быть после передвижения кимбров к югу, и закончилось в течение II в. после Р. Х. Тогда под давлением вендов среди последних готских племен южного побережья Балтики произошел разрыв, аналогичный тому, который позднее разделил вестготов и остготов.

В эпоху великих германских нашествий население Севера было распределено следующим образом: на кимврском полуострове, от юга до севера, обитают саксы, англ и юты; на островах – датчане; в Скании – готы; к северу от готов, на восточном берегу и в стране озер, – суионы. Берега Норвегии были населены множеством колен той же расы, которых невозможно объединить в один народ.

Их культура была, вероятно, очень сходна с той, которую рисует нам Тацит у германцев. Однако римское влияние рано стало сказываться на севере. Как на юге Швеции, так и в Дании найдено множество предметов римского изделия – драгоценные вещи, статуэтки, монеты. Судя по изображениям на монетах, этот ввоз, очень оживленный в I и II вв., внезапно прекратился в середине III в., несомненно, вследствие смут, охвативших в то время всю Центральную Европу. С того момента и до начала периода норманнских вторжений на Скандинавском полуострове более не встречается следов сношений с Югом.

Эпоха викингов¹

Характерные черты эпохи. Норманны в Ирландии. Колонизация Фарерских, Шетлендских островов и Исландии. Норманны в Гренландии и Америке. Культура скандинавских стран в эпоху викингов. Северная письменность: руны. Религия Одина и первые шаги христианства в скандинавских странах.

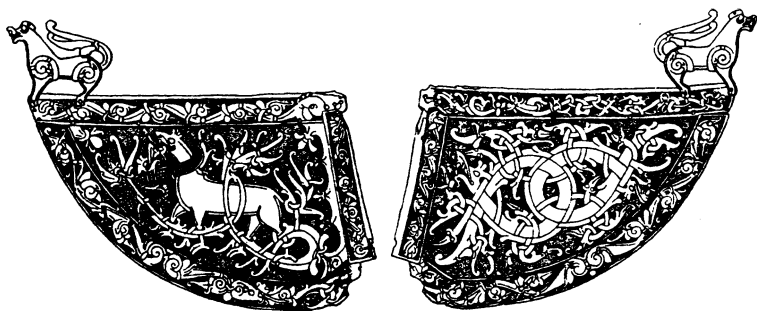
Характерные черты эпохи. Обособленность скандинавских стран до VI в. все усиливалась. Перемещение германских народностей к югу или западу и наступательное

¹ Vik – залив, гавань.

движение славян до Эльбы отрезали Скандинавию от остального германского мира. Народы Севера снова соприкоснулись с ним лишь тогда, когда сами начали перемещаться к Западу, то есть в VI в.

Их набеги продлили период великих нашествий на четыре века. Однако следует заметить, что между набегами скандинавов и нашествиями германцев существовали коренные различия. Норманны никогда не переселялись компактной массой, целым народом; в полчищах каждого вождя находились люди из всех стран Севера, – и шведы, и датчане, и норвежцы. Можно подумать, что викинги, так сказать, специализировались сообразно указаниям географии; что норвежцы заселили острова Северного океана и нападали на Шотландию и Ирландию, тогда как датчане предпринимали набеги на Британию или Францию, а шведы двинулись «восточным путем» (*osterveg*), который через пустыни славянских стран привел их к границам Византийской империи. Это не совсем верно; между варягами или восточными норманнами издавна находились и датчане, между западными норманнами – шведы. Последних было много между первыми норвежскими обитателями Исландии, и особенно между датчанами, нападавшими на Британию. Невозможно различить те элементы, из которых состояли их полчища; их можно обозначить только географическим названием «норманны» (люди Севера).

Что касается причин, обусловивших их нашествия, то они весьма сложны. Известную роль мог играть здесь фанатизм язычников, хотя, по правде сказать, наиболее фанатичными из всех норманнов всегда были, по-видимому, христианские ренегаты, столь многочисленные в их отрядах. Некоторое влияние имел нормальный рост народонаселения Севера: продуктивность почвы возрастала, вероятно, медленнее, чем народонаселение. С другой стороны, борьба между племенами, которые очень рано начали грабить друг друга, – уже Тацит сообщает нам, что суионы имеют многочисленных вассалов, – заставляла побежденных покидать отечество. Наконец, главной причиной была любовь к золоту и влияние примера: англй делали в VI в. то, что до них делали саксы; юты, датчане, готы, шведы, норвежцы и, позднее

Корабельное знамя.

Флюгер был обнаружен на шпиле старинной церкви в Челлунге
(остров Готланд)

всех, балтийские венды следовали этому примеру, который согласовывался с их любовью к приключениям и с их бедностью.

Они появляются одновременно в Ирландии, Англии, во всех частях Западной империи, в Исландии, Гренландии и Америке, на берегах Ледовитого океана, где они открыли близ Белого моря далекую *Биармию*, среди славянских поселений Восточной Европы, в Византии и даже в мусульманских государствах, прилегавших к Каспийскому морю. Нас интересуют здесь лишь их походы по океану, от Ирландии до Америки, мимо Исландии и Гренландии.

Норманны в Ирландии. Если верить не совсем надежным известиям летописцев, норманны появились здесь в 747 г. Во всяком случае, лишь в следующем веке они пытаются перейти от роли береговых разбойников к роли завоевателей. Их главные усилия были направлены на западное побережье острова, где Дублин издавна был средоточием их поселений, затем на южную береговую полосу. Во второй половине века мы находим норвежские королевства в Уотерфорде и Лимерике.

Положение этих королевств всегда было непрочным. Несмотря на то, что, по известиям ирландских летописцев, кельтские вожди не раз воевали в рядах норманнов, население островов, которое к этому времени уже все перешло в христианство, было, благодаря своей вере, более сплочено,

чем завоеватели. На севере, в тылу ирландских норманнов, жили шотландские пикты, не раз наносившие им тяжелые поражения, а к западу – датчане Англии, или англосаксы, с которыми они боролись в союзе с кельтским населением западного побережья Англии.

Проследить перипетии этой борьбы невозможно. В течение 50 лет Дублин и Уотерфорд раз двадцать переходят из одних рук в другие. В общем завоеватели одерживали верх в те минуты, когда на время прекращались вторжения в Англию или Францию и незанятые норманны отправлялись в Ирландию искать приключений, которых нельзя было найти в другом месте. Мы нередко встречаем в ирландских хрониках имя какого-нибудь норманнского вождя, который за несколько лет перед тем упоминается в англосаксонских или франкских хрониках.

Однако мало-помалу норманны Англии и Франции приобретали оседлость и переставали доставлять подкрепления ирландским норманнам. С другой стороны, открытие Исландии дало новое направление норвежской эмиграции. Норвежские королевства Ирландии пришли в упадок; их население начало кельтизироваться; из хроник мы видим, как их вожди были обращаемы в христианство ирландскими монахами и женились на дочерях вождей кланов. С течением времени здесь остался лишь тонкий скандинавский слой вдоль восточного побережья, уцелевший до тех пор, пока на острове не появились англо-норманны Плантагенетов.

Колонизация Фарерских, Шетлендских островов и Исландии. Группы островов, лежащие к северу от Великобритании, издавна были известны шотландским и ирландским кельтам, но были, по-видимому, лишь слабо населены. Когда в VIII в. пришли туда норманны, все население этих островов состояло из ирландских монахов (рараг). Точно так же обстояло дело в Исландии. Ирландец Дикуилий рассказывает в своей хронике, что монахи прибыли на эти острова незадолго до нашествия скандинавов и покинули их тотчас после того, как начались вторжения.

Таким образом, заселение этих архипелагов и Исландии новыми пришельцами не встретило никаких препятствий. В 861 г. норвежец Наддод открыл Исландию; в 878-м началась

колонизация, продолжавшаяся около 50 лет. Большинство колонистов были норвежцы, покинувшие отечество, чтобы не подчиняться владычеству могущественных вождей, которые незадолго перед тем основали Норвежское королевство. Итак, Исландия сделалась второй Норвегией; по образцу последней она представляла собой федерацию изолированных поселков, расположенных в глубине фьордов и длинных долин острова. Старые нравы, традиции и саги сохранились здесь дольше, чем на континенте, и преимущественно по Исландии мы можем судить о состоянии Скандинавии до принятия христианства.

Норманны в Гренландии и Америке. Северо-западная оконечность Исландии и восточный берег Гренландии удалены друг от друга не более, как на 30 шведских миль. Достаточно было какому-нибудь норвежскому судну, шедшему в Исландию, быть несколько отнесенным бурей или течением, чтобы его экипаж мог заметить над горизонтом снежные вершины Гренландии.

Уже в 870 г. некто Гунбьорн видел острова, лежащие у Гренландского берега. Веком позже, в 980 г. Аре Марсон был прибит бурей к стране, которую он назвал Великой Ирландией, или *Hvitramannaland*, страной белых людей; эти белые люди говорили по-кельтски; но разобрать эту легенду и путаницу сообщаемых ею имен довольно трудно. Наконец, исландец Эрик Рыжий, идя вдоль западного берега острова, достиг новой земли, заселенной карликами, *Skralingar*, – вероятно, эскимосами, и назвал ее Гренландией (Зеленая земля). Название мало соответствует обычному виду страны; предполагают, что Эрик придумал его с целью привлечь новых поселенцев. Как бы то ни было, западное побережье Гренландии сделалось исландской колонией и до XIV в. находилось в непрерывных сношениях с Европой. С того времени Гренландия была до такой степени забыта, что, не будь следов норманнских сооружений, рассеянных по различным местам побережья, не будь многочисленных упоминаний о Гренландии, встречающихся в церковных памятниках, – мы могли бы отнести путешествие Эрика Рыжего и колонизацию Гренландии к области вымысла. Предполагали без достаточных доказательств, что колония была истреблена черной смертью XIV в.

История норманнских поселений в Америке еще более загадочна, чем история гренландских колоний.

Исландец Бьорн Гериульфсон, плывя из Исландии в Гренландию и будучи отброшен северным ветром к югу, заметил слева незнакомые берега. Его открытие сильно взволновало гренландцев и исландцев, и один из сыновей Эрика Рыжего, Леиф, решил отправиться в ту страну. Выйдя из Гренландии и плывя на юго-восток, он вскоре достиг этих берегов. Они были голы и скалисты, почему он и назвал эту землю Страной утесов, *Hälleland*; это был, по всей вероятности, Лабрадор. Далее, на юге они увидели другую страну, плоскую и лесистую, которую они назвали Лесной страной, *Markland*, а еще южнее – новую землю, в которой и решили перезимовать. Они построили себе здесь крепкий дом, но зима оказалась менее суровой, чем они ожидали. Климат был настолько мягок, что рос виноград, поэтому они дали этой стране название *Vinland*. Долгое время думали, что эта Страна вина соответствует побережью Массачусетса, где некоторые развалины казались северного происхождения; теперь, по-видимому, установлено, что она лежала не южнее Новой Шотландии.

Около 1002 г. один гренландец по имени Торфиннс Карлсефн задумал основать колонию в Винланде. Он отправился с 60 мужчинами и несколькими женщинами, нашел берег, открытый Леифом, и вскоре встретил здесь новых *skralingar*, сходных с гренландскими. Некоторое время пришельцы жили в мире с ними, но затем вспыхнула война, и гренландцы вынуждены были оставить Винланд, проведя там почти два года.

Эта неудачная попытка не стала последней; до 1347 г. было предпринято еще много экспедиций в Винланд. Воспоминание о них несомненно было живо еще во времена Христофора Колумба, и рассказы норвежских и исландских моряков до известной степени повлияли на его предприятие. Других последствий открытие Северной Америки норманнами не имело, потому что гренландцы и исландцы либо были слишком слабы, чтобы отнять страну у туземцев, либо не поняли значения своего открытия. Они не бросили бы Винланда, если бы он оказался страной золота, подобно землям, которые открыл Колумб.

Культура скандинавских стран в эпоху викингов. В V и VI вв. христианской эры культура скандинавов была тождественна культуре германцев, шедших в арьергарде великого переселения. Прокопий рассказывает, что герулы, вытесненные из своей страны лангобардами, бежали к *тулитам*, то есть на Скандинавский полуостров. «Эти тулиты, – говорит он, – делятся на тринадцать народов, и каждый имеет своего царя. Подобно остальным германцам, они поклоняются многим богам и духам неба, воздуха, земли, морей и источников. Этим божествам они приносят в жертву первых пленников войны».

Эта первобытная цивилизация значительно изменилась в период от V до X в. Действительно, с одной стороны, вследствие передвижения вендов к западу прекратилось влияние Германии на Скандинавию; с другой – скандинавы подверглись влиянию *скритифиннов*, которые, по словам Прокопия, жили бок о бок с ними на полуострове. Религия этих финнов, нечто вроде шаманизма, аналогичного верованиям нынешних финно-лапландских народов, своим влиянием содействовала искажению и усложнению первоначальной религии скандинавов. Об этом свидетельствуют и Эдды, которые рассказывают, что Один в скандинавских странах, у финнов и лапландцев, познакомился с магией и затем усовершенствовал ее.

Затем сами экспедиции викингов были причиной изменения культуры. Они дали возможность Скандинавии взаимодействовать с цивилизованными странами Юга и Запада; их последствием было перенесение на Север не только новых богатств, но и новых производств, мирного обмена и, наконец, христианства. Действительно, с ранних пор в страну привозилось множество пленных христиан; множество викингов возвращалось домой христианами. С другой стороны, знакомя норманнов с большими монархическими государствами, избавляя страну от мятежных элементов, походы викингов подготавливали образование северных королевств. Таким образом, эта эпоха морского разбойничества была в действительности временем прогресса и первых шагов по пути цивилизации.

Если верить западным летописцам, Север в эпоху норманнских походов не знал других богатств, кроме тех, о которых

Табличка с изображением
скандинавского воина.
*Со шлема, найденного в Венделе
(Швеция)*

говорит Альфред Великий по поводу некоего Отера, жившего в IV в. на северной оконечности Норвегии: «Отер был для своей страны богатым человеком, он владел северными оленями, быками, овцами, свиньями. Финны платили ему дань шкурами овец или выдр, медведей или оленей, перьями птиц, веревками, кожами, китовым усом и пр.».

Богатство этого человека, конечно, не возбудило бы зависти в его южных соседях: Южной Норвегии, Дании и Швеции были знакомы и другие виды богатства. Адам Бременский рассказывает в XI в., что Швеция изобилует хлебом, медом, скотом, драгоценными мехами и даже золотом и серебром. Последнее подтверждается и археологическими находками. В конце XIX в. во всех скандинавских странах, преимущественно в Швеции, было найдено необыкновенно много серебряных монет, относящихся к периоду с V по X в.

Действительно, одновременно с разбойничьими походами и часто по тем же путям, шло деятельное торговое движение, направлявшееся, с одной стороны, из скандинавских стран к британским островам и Средиземному морю, с другой – в Византийскую империю и мусульманские государства Ближней Азии. Скандинавы продавали в Западной Ев-

ропе меха, в Восточной – оружие, но повсюду они сами были главным предметом своего вывоза. Как в Англии они поступали на службу к Этельреду или Кануту, так и на Востоке, в славянских царствах и Византии они составляли гвардию государей. Они были швейцарцами той эпохи.

На свое жалованье они покупали ткани и украшения Центральной Европы. В могилах IX–X вв. найдено множество статуэток и украшений из драгоценных металлов; многие из этих драгоценностей – чистейшего восточного стиля. В сагах часто упоминаются драгоценные материи Южной Франции. Скандинавские вожди издавна наряжались с такой роскошью, которая мало соответствует представлению западных летописцев о грубости северян.

Многие скандинавы приносили домой деньги, заработанные ими за границей. В Швеции нашли огромное количество англосаксонских и византийских монет. Но вместе с этими деньгами найдены и другие, которые могли попасть на Север лишь путем мирного обмена. Таковы венгерские, богемские, итальянские монеты, деньги из Хорасана, деньги багдадских Аббасидов; большая часть их попала сюда через посредство богатого и торгового государства волжских болгар.

Все эти иностранные монеты относятся к двум различным эпохам: одни, менее ценные, – ко времени до VI в., остальные – к IX и X вв.; монеты, чеканенные в промежутке между этими двумя эпохами, встречаются крайне редко. Отсюда надо заключить, что южные пути, с VII в. закрытые для скандинавов вследствие вторжений гуннов и аваров, снова открылись для них в IX в. Мы знаем те обстоятельства, благодаря которым они снова открылись: основание варяжского княжества Рюриком неизбежно должно было отразиться на развитии цивилизации и богатства северных стран.

Северная письменность: руны. Север еще задолго до эпохи викингов имел свою особую письменность – *руны* (от скандинавского корня, обозначающего: рыть, вырезать). Их происхождение долго оставалось загадочным; теперь, по-видимому, установлено, что они происходят от древнего латинского алфавита и что они были занесены на север германцами, которые, в свою очередь, переняли их у кельтского населения альпийских областей.

Главные отличия латинских букв от рунических обусловлены, по-видимому, тем, что последние первоначально писались на дереве. С другой стороны, как в некоторых этрусских и итальянских надписях, руническое письмо иногда читается справа налево; в некоторых надписях встречаются даже попеременно строки, написанные слева направо и справа налево.

Впрочем, руническое письмо не осталось навсегда неизменным. Первые надписи IV в. и надписи позднейшего времени резко отличаются друг от друга. Особенно в VIII в. письменность значительно видоизменилась. Однако она не была сразу вытеснена латинским алфавитом. Еще в XIII в. законы Скании писались рунами. На острове Готланд руны употреблялись даже в XVI в.

Рунические надписи сообщают нам важные сведения о языке, цивилизации и нравах скандинавских стран в доисторическую эпоху. Мы узнаем из них, что в течение долгого времени не было заметной разницы между языком Севера и языком готского Евангелия Ульфилы. Они сообщают нам сведения о деяниях многих королей и, что еще более любопытно, о подвигах многих скандинавов низшего класса и, наконец, о первых завоеваниях христианства на Севере.

Религия Одина и первые шаги христианства в скандинавских странах. Скандинавская мифология — наиболее сложная из германских мифологий. Исполины, карлы, божественные змеи, кудесники и боги сталкиваются здесь и истребляют друг друга в бесконечных войнах, пока в Валгалле не воцаряется Один, сын Борра, со своей женой Фриггой и сыном Тором. У ног этих трех главных богов толпится несметное множество второстепенных божеств, олицетворяющих благодетельные или зловредные силы природы.

По словам западных летописцев, замечавших, что норманны всегда особенно охотно нападали на церкви и монастыри, скандинавы были фанатически преданы вере в Одина. Но судя по истории их обращения, можно скорее предположить, что эта религия не пустила глубоких корней на Севере; она оказала гораздо менее продолжительное и кровавое сопротивление, чем язычество балтийских вендов. Притом, в некоторых отношениях религия Одина поддавалась преобразованию.

Добрые гении, эльфы, могли быть обращены в ангелов, злой дух, Локи, – в сатану. Молот Тора, бога грома и войны, рано был отождествлен с крестом Христа, тогда как сам Христос занял место бога Бальдура, предательски убитого злым Локи.

С VI в. на Севере встречаются рядом с византийскими монетами, носящими изображение Христа, святых или епископов, христианские драгоценности и украшения. Очевидно, в то время на Севере уже были христиане, пленники или крещеные скандинавы. Но настоящая проповедь Евангелия началась позднее. Первый миссионер, действовавший в Ютландии, англосаксонский монах Виллиброд (около 700 г.), по-видимому, не имел успеха. Лишь после основания Каролингской монархии евангельская проповедь становится на Севере постоянной. Действительно, франки были сильно заинтересованы в обращении своих воинственных соседей.

Около 820 г. архиепископ Реймский Эббон и епископ Камбрэ Галитгар были посланы Людовиком Благодетелем к ютландскому королю Гаральду; встретив радушный прием, они образовали здесь небольшую христианскую общину. Спустя несколько лет Гаральд, изгнанный своими подданными, отправился к императору просить помощи. Император согласился помочь ему, но предварительно заставил Гаральда и его спутников креститься и отправил с ними на Север двух корвейских монахов, Анскара и Отберта. Вернувшись в свое королевство, Гаральд в следующем году снова был изгнан, но Анскара и Отберта, которые приобрели уже множество последователей, победители не отпустили. Ободренный своими успехами, Анскар вскоре затем отправился в Швецию. Хорошо принятый королем Бьорном, он утешил пленных христиан, находившихся в стране, и обратил в христианство многих шведов, даже из среды знати. Около 831 г. он вернулся в Западную империю и получил от императора новую архиепископскую кафедру в Гамбурге, учрежденную специально для него и предназначенную играть в обращении северян ту же роль, которую играл Майнц в обращении Германии.

Но в 840 г. шайка викингов разграбила и сожгла Гамбург; в то же время в Швеции вспыхнуло восстание, и миссионеры, сменившие здесь Анскара, были частью изгнаны, час-

тью убиты. Анскар не потерял мужества: в 848 г. он основывает церковь в торговом городе Шлезвиге, а в 854-м снова посещает Швецию. Новый король, Олаф, спросив мнение своих подданных в большом народном собрании, разрешил проповедь новой веры и даже уступил участок земли для постройки часовни.

Эти успехи не раз вызывали протест: церкви сжигались, миссионеры умерщвлялись. Следует ли видеть в этом рецидивы языческого фанатизма? Более вероятно, что они вызывались новыми стеснениями, которые приносило с собой христианство. Христианин не мог быть викингом; он должен был отказаться от личной мести, многоженства, обычая бросать новорожденных и т. д. Строго требовалось соблюдение постов и праздников; наконец, священники требовали точной уплаты десятины. Всем этим и объясняется то сопротивление, которое встречало христианство еще во времена Адама Бременского. Обращение всего народа могло быть достигнуто лишь силой. Оно было совершено теми государями, которые в последующем основали королевства в Швеции, Норвегии и Дании.

Образование северных королевств

Скандинавские страны в X в. Образование Датского королевства. Образование Шведского королевства. Образование Норвежского королевства.

Скандинавские страны в X в. Мы уже сказали, что в эпоху викингов датчане занимали Сканию и прилегающие к ней острова. Юты, вначале отброшенные на северную оконечность кимврского полуострова, после выселения англов спустились к югу до того места, где столкнулись с саксами и ободритами. На севере, на Скандинавском полуострове, готы занимали одноименную область; шведы были оттеснены на восточное побережье и в Страну великих озер.

О королях, правивших этими народами, мы почти ничего не знаем. Правда, легенда сохранила имена некоторых из них, но приписала им значение, которого они не могли иметь. Вар Видфам («слава которого гремит далеко») царствовал будто

бы в неопределенную эпоху над всеми странами Севера, включая и Англию; все его владения унаследовал сначала его внук, Гаральд Гильдетанд (Синезубый), затем его счастливый соперник Сигурд Ринг. Ясно, что легенда перенесла на этих племенных вождей некоторые черты из истории Канута (Кнуда, или Кнута) Великого. Другие лица более реальны; таков, например, Регнар Лодбруг, о котором упоминают и саги, и англосаксонские хроники. Подлинная история, и то лишь южной оконечности Скандинавского полуострова, начинается только с появления франков на нижней Эльбе.

Образование Датского королевства. Франкские летописцы впервые упоминают о датчанах в связи с историей саксонских войн. Видукинд несколько раз отправлялся в Ютландию искать помощи; франки проникали туда по его стопам и обложили данью некоторых датских вождей. В следующем веке немецкие короли возобновляют эти экспедиции, но единственным результатом их усилий является успешное распространение христианства. В V в. основываются подвластные гамбургской кафедре епископства Шлезвиг, Ааргауз и Одензе, и датские короли принимают христианство.

До конца X в. на датском престоле сидят ничтожные личности, чего нельзя сказать и об их преемниках. Свенон I, «с раздвоенной бородой», начинает блестящий период датской истории. Он одерживает ряд побед над норвежцами, шведами, вендами и облагает англосаксонское королевство Этельреда *датской податью* (danegeld).

В 1014 г. ему наследовал его сын Канут. Его владычество в Англии нас здесь не интересует; притом, его царствование имело важные последствия особенно для Дании. При его воцарении из 800 тысяч датчан христианство исповедовали, по преданию, лишь 40 тысяч; он закончил обращение своего народа, сделал попытку прекратить частные войны, призвал в Данию множество англосаксонских священников, ремесленников и архитекторов и пытался сделать из своей страны вторую Англию. Влияние англосаксонской цивилизации не ограничилось одной Данией; удачные войны Канута в Швеции и Норвегии распространили ее по всему Северу.

После смерти Канута, последовавшей в 1026 г., его обширная держава распалась почти без толчка. Норвегия, ко-

тору он одно время покорил своей власти, отделилась без всякой борьбы. Англия в 1042 г. перешла к англосаксу Эдуарду Исповеднику, а в 1047 г., со смертью Магнуса Норвежского, внука Канута Великого, прекратилась древняя династия *Скиолдунгов*, возводившая свой род от Одина. Свенон (Свенд Эстридсен), племянник Канута Великого, положил начало новой династии *Эстритидов*.

Первые царствования всецело наполнены гражданскими войнами, в которые неизменно вмешиваются императоры, силившиеся сделать Данию вассальным королевством Германии. Среди тех гражданских войн христианство окончательно укрепляется. В 1095 г. Лунд становится резиденцией архиепископа, юрисдикция которого простирается на весь Север; духовенство уже достаточно могущественно, чтобы вступить в открытую борьбу с королем. Что касается внешней политики, то датские короли пользуются мирными промежутками, когда на время прекращаются войны и вторжения вендов, для новых попыток вернуть себе Англию.

С Вальдемара Великого (1137–1182) начинается новый период завоеваний, обращенных в этот раз на Восток; он овладевает Арконой, святилищем вендов на острове Рюгене, Юлином на острове Волине. Легенда приписывает ему основание Данцига и перенесение датской резиденции из древней столицы Роскильда в Копенгаген, из которого было удобнее охранять новые датские владения.

Канут II (1182–1202) закончил покорение Славонии (Мекленбурга и Померании) и первым соединил титулы короля славян и датчан и владетеля Нордальбингии. Его брат, Вальдемар Победоносный (1202–1241) простер свои завоевания еще дальше; он вступил в борьбу с язычниками Ливонии и Эстонии и основал Ревель у входа в Финский залив. В тот момент южный бассейн Балтийского моря был в сущности датским морем. Благодаря крестовому походу против восточных язычников, составлявшему под другим названием продолжение походов викингов, Дания приобрела новую северную державу.

Все это величие рухнуло, когда Вальдемар попал в плен к одному шверинскому графу. В 1223 г. он вынужден был уступить немцам страну вендов, исключая Рюгена и Нордаль-

Шведский бонд.
Гравюра

бингии. В 1229 г. он потерял Голштинию, в 1238-м Ревель и Ливонию. Наконец, после смерти Вальдемара остальные владения были разделены между его пятью сыновьями. Таким образом, Дания пала тогда, когда немцы с орденами меченосцев и тевтонским и шведы со своей новой династией *Фолькунгов* в свою очередь выступили на путь крестовых походов и завоевания языческих земель Восточной Европы.

Образование Шведского королевства. Мы видели, что Прокопий в VI в. делил обитателей Скандинавского полуострова на тринадцать народов, управляемых каждый своим королем. Это территориальное деление, которому благоприятствовало обилие озер и больших лесов в первобытной Швеции, держалось, вероятно, долгое время. Еще и теперь в нравах и обычаях различных областей Швеции находят следы тех первоначальных королевств, которые исчезли раньше, чем история могла отметить их существова-

ние. Первые более или менее достоверные известия изображают Швецию разделенной на две большие части, которые до конца средних веков сохраняют своего рода автономию. Это – собственно Швеция, область озер, и, к югу, – Готия, не доходившая до Зунда. Скания и Галланд примыкали к Дании, Богуслан на западе – к Норвегии; на севере кочевали одни лапландцы.

В какую эпоху соединились Готия и Швеция – мы не можем сказать. Воспоминание о тех временах, когда Готия вела отдельное существование, еще живет в исландских сагах и в англосаксонской легенде о Беовульфе, короле Готии, жившем, по преданию, в VIII в. Как бы то ни было, тогда, когда Анскар посетил Швецию (836), Готия не имела отдельного короля. Зато на соединенном престоле Швеции и Готии короли часто сменялись. В течение нескольких лет Анскар видел трех королей: Бьорна, Анунда и Олафа. Так как трое позднейших королей, из династии *Yngligaätten*, носят те же имена, то можно думать, что короли, которых знал Анскар, также принадлежали к той династии.

История возвышения этой династии известна нам лишь по неясным преданиям. Мы смутно различаем в них войны мелких королей с более могущественным королем древней Упсалы, главного святилища шведских поклонников Одина, затем походы в Финляндию, Ютландию и Англию, приведшие в конце X в. к образованию обширной северной державы под властью Эрика Сегерселла (Победоносного).

Достоверная история Швеции начинается лишь с воцарения сына этого Эрика, Олафа Скотконунга. В 1008 г., в Гусаби, в Вестерготланде, он принял христианство вместе с большей частью своего народа. Он привлекал в Швецию англосаксонских мастеровых: первые монеты, чеканенные в Швеции, носят его изображение. Таким образом, он является королем-просветителем, но вместе с тем он и король-воин. Он воюет с Норвегией, завоевывает ее вместе с Данией, но вскоре теряет.

Его потомки сохраняли престол несколько долее века. Весь тот период наполнен гражданскими войнами; быть может, они были вместе с тем и религиозными войнами. Как бы то ни было, в царствование Сверкера (1033–1052) хрис-

Элемент орнамента со
скандинавских рунических
камней

тианство окончательно торжествует. Основывается множество новых епископств, между прочим, даже в Упсале. По просьбе короля св. Бернард посылает в Швецию монахов основать здесь первые монастыри. Швеция становится вполне христианской страной и готовится в свою очередь выступить в крестовый поход против восточных язычников.

Гражданские войны, вспыхнувшие после смерти Сверкера, несколько замедлили это завоевательное движение. Готия и Швеция отделяются друг от друга; сын Сверкера царствует в Готии, тогда как шведы выбирают себе в короли Эрика, «доброе и богатого крестьянина», как характеризуют его летописи. Впрочем, Эрик правит так же, как правил Сверкер; он носит прозвание Святого или Законодателя, и, подобно Сверкеру, распространяет христианство преимущественно в Финляндии. Здесь издавна существовали шведские поселения, но лишь с Эрика начинается обращение и завоевание этой страны.

После его смерти снова начинаются междоусобия. В то же время язычники переходят в наступление: обитатели Карелии и Руси нападают на шведские поселения в Финляндии, тогда как венды проникают на озеро Мелар и сжигают древний город Сигтуну, что заставляет короля Канута Эриксона основать новую столицу, Стокгольм (Stoke Holm, остров благочестивых), в местности более удобной для обороны.

В 1222 г. вступает на престол последний мужской потомок Сверкера, Эрик Эриксон; но он лишен всякого влияния. Вся власть перешла к духовенству и к графам, и Эрик держится на престоле среди беспрерывных междоусобий лишь благодаря своему шурину, могущественному графу Биргеру Броза, который, по словам папского легата, посетившего Швецию в 1247 г., является настоящим королем Швеции; в 1250 г. он без затруднений наследует Эрику Эриксону. Это первый шведский король, год смерти которого достоверно известен.

Образование Норвежского королевства. Дания и Швеция были с самого начала государствами с более или менее точно определенными границами, с центрами, указанными географическим положением каждой из них: столица первой лежала на берегу озера Мелар, второй – на берегу Зунда. Напротив, первобытная Норвегия занимала огромное береговое пространство, гораздо большее, чем занимает она в настоящее время. На севере Норвегия доходила до Биармии, до берегов Белого моря; на юге – простиралась вдоль берегов Каттегата почти до датской Скании. Она не имела центра: наиболее плодородные и наиболее густо населенные равнины прилегали к заливу Христиании и Швеции; более оживленное западное побережье жило исключительно океаном.

Между тем Норвежское королевство появляется на страницах истории почти одновременно с Датским и Шведским; в этом следует, может быть, видеть последствие сношений, в которых издавна стояла Норвегия с англосаксонскими королевствами. Начало объединению Норвегии положил в 863 г. Гаральд Гарфагар (Прекрасноволосый), отпрыск шведской династии *Юнглингов*. Он сверг множество мелких князьков (в том числе, по словам легенды, Роллона, основавшего затем Нормандское герцогство) и завоевал Исландию, Фарерские и Шетлендские острова, Оркады, Гебриды, часть Шотландии и Ирландии и остров Мэн. Подвиги, приписываемые ему, очевидно несколько преувеличены.

Он умер около 933 г., оставив престол своему сыну Гакину, или Гакону Доброму, выросшему при дворе англосаксонского короля Этельстана. Гакон предпринял обращение

своих подданных в христианство. На народном собрании в Дронтгейме он объявил, что все норвежцы должны принять крещение, поститься в пятницу и соблюдать воскресенье. Народ возроптал; вспыхнули мятежи, англосаксонские священники были убиты, и Гакон Добрый умер в 950 г., потерпев полную неудачу.

Слава просветителя Норвегии досталась другому потомку Гаральда Гарфагара, Олафу Трюгвасону. Посетив в Новгороде варяжского князя Владимира, побывав затем и в государствах Западной Европы, он около 995 г. вернулся в Норвегию, обратил в христианство всю ее южную часть, но погиб в войне с датчанами. Крещение Норвегии закончил его сын, Олаф Святой.

История Норвегии в XI и XII вв. представляет лишь запутанную вереницу войн; то шведы и датчане, соединяясь, делят между собой Норвегию, то норвежцы завоевывают океанские острова, нападают на Ирландию и вторгаются в Шотландию, правда, без прочных успехов. Одной из замечательнейших экспедиций этого рода был крестовый поход короля Сигурда в 1183 г. Выйдя из Дронтгейма с 60 кораблями, он отправился на зимовку в Англию, где был хорошо принят королем Генрихом I. Англо-нормандское королевство было тем в более дружественных отношениях с норвежцами, чем хуже были его отношения с датчанами. Из Англии Сигурд отправился в Галисию, поддержал графа Португальского против мавров, попутно разграбил Лиссабон, провел некоторое время на Балеарских островах, погостил в Сицилии у норманнского герцога Рожера, затем отправился в святую землю, взял Сидон и вскоре затем вернулся на Север через Константинополь, где получил богатые подарки от императора, и через Германию. Крестовый поход, продолжавшийся три года, был настоящим походом викинга, с той разницей, что на этот раз норвежцы грабили почти исключительно только мусульман.

В продолжение этого времени Норвегия находилась в цветущем состоянии; ее столица, Дронтгейм, обогащенная торговлей с юго-западными государствами, равно как и с побережьями Биармии и Исландии, была большим городом. Она украшена церквями и посещается огромным количе-

ством людей, пишет Адам Бременский. Действительно, церкви играли большую роль в благоденствии Дронтгейма; в одной из них хранилось тело короля-мученика, св. Олафа. Духовенство сделалось богатым и всемогущим; об его влияние постоянно разбиваются усилия королей в XII в., что ведет к упадку этого королевства, которое слишком длинно и слишком узко для защиты и которое поэтому вскоре подпадает под власть Дании.

Восточная Европа: славяне, литовцы, венгры (середина XI – конец XIII в.)

История Восточной Европы с XI по XIII в. не лишена аналогии с историей Западной Европы. Историческая материя находится в постоянном движении, и неопределившиеся национальности стремятся к объединению. Господство удельной системы и шаткость законов о престолонаследии обуславливают неудачу всех попыток концентрации и являются источником бесконечных междоусобий. Патриархальный строй повсюду находится в упадке; образуются касты: знать усиливается в ущерб народу, который она стремится поработить себе, и в ущерб короне, у которой она отнимает ее существенные права. В этих гражданских войнах нации без славы и пользы истощают свои силы, и соседи со всех сторон оттесняют славян.

Это – эпоха великого движения Германии на восток. Немцы водворяются в Трансильвании, заселяют почти всю линию Карпат, овладевают границами Богемии. Завладев всей страной между Эльбой и Одером, где побежденные полабы вскоре теряют даже воспоминание о своей национальности, они отрезают Польшу от гор и моря. Тевтонский орден покоряет пруссов и укрепляется у устьев Вислы и Одера. Меченосцы водворяются в Курляндии, Ливонии и Эстонии. С этих пор Польше, лишенной границ и выхода к морю, совершенно открытой для нашествий, беспрестанно грозит иноземное владычество; героизм ее рыцарства и бесплодные победы ее королей могут лишь отсрочить ее падение. Русь, отрезанная от Балтийского моря, перестает играть роль европейской державы. В большинстве государств города, населенные инозем-

ными колонистами, являются как бы передовыми постами завоевательной армии. Они не вмешиваются в национальную жизнь, не получают и не требуют того влияния, которым пользуется буржуазия на Западе. Высшие классы усваивают немецкие язык и обычаи, и таким образом различие нравов увеличивает ту пропасть между дворянством и народом, которую создало законодательство.

Различные славянские нации, подчиненные разнородным влияниям, все более и более отдаляются друг от друга. Все резче выступает контраст между восточными славянами, перенявшими от Византии христианство и основы своей цивилизации, и западными славянами, примкнувшими к Римской церкви. Чувство славянского единства, столь слабое уже в предшествующем периоде, все более гаснет и лишь изредка вспыхивает слабым огнем. Отброшенные в бассейн Вислы, поляки ищут на Востоке вознаграждения за свои потери, пытаются завоевать Червонную Русь и начинают то единоборство с русскими, которое продлится целые века к великой выгоде их общих врагов. Русь, как и Польша, отступает на восток. Южные области теряют преобладающее положение, которое они занимали до сих пор, и в Суздале возникает новая держава; Западная и Южная Русь подпадают иноземному влиянию; различие между Великой и Малой Русью, заметное уже на первых шагах их истории, увеличивается, и в них образуются две нации, настолько разные, что их сближение не может совершиться без затруднений и сопротивления.

В тот момент ослабевшие народы Восточной Европы постигает один из самых страшных ударов, какой когда-либо потрясал человечество. Около середины XIII в. среднеазиатские орды, организованные гением Чингисхана, нападают на Русь, опустошают Польшу, Моравию и Венгрию, доходят до Дравы и Савы и, удалившись, оставляют землю покрытой трупами и развалинами. В несколько месяцев были уничтожены плоды трудов десятков поколений. Когда гроза прошла, опустошенные ею страны остаются безлюдными, разоренными, деморализованными и еще более раздробленными, чем раньше. В то время, как Богемия, Польша и Венгрия теснее примыкают к Германии, единственной стра-

не, в которой они могут найти необходимые средства для исцеления своих ран, Русь, остающаяся под властью татаро-монголов несколько веков, становится азиатским государством. Кажется, что славянская раса осуждена умереть, но ее спасет неожиданное пробуждение национального самосознания, которое, совпав с ослаблением, постигшим Священную империю в XIV в., надолго задержит поступательное движение немцев на Восток.

Полабы

Лютичи и ободриты. Альбрехт Медведь. Покорение ободритов; Мекленбург и Западная Померания. Аскании. Немецкая колонизация.

Лютичи и ободриты. Германское завоевание, столь энергично ведущееся в X в. саксонским герцогом Германом Биллунгом и маркграфом Геро, затем на время приостанавливается. В то время, как франкская династия вдали старалась осуществить свои мечты о всемирном владычестве (1024–1125), северные маркграфы, беспокойные и бездарные, дали оттеснить себя до Эльбы¹. К несчастью, славяне не воспользовались случаем, который более не повторится. Ненадолго достигнув могущества при Болеславах, Польша распадается затем на мелкие княжества, истощающие свои силы в жалких распрях, и оставляет на произвол судьбы славян Одера и Эльбы, тогда как последних удары судьбы, так внезапно прервавшие их рост, заставляют замкнуться в угрюмой неподвижности. Всецело поглощенные заботой о том, чтобы не перенять чего-либо от своего исконного врага, отвергая христианство и западную цивилизацию, они сами осуждают себя на отсталость. Национальный инстинкт превращается у них в узкий консерватизм, который закры-

¹ *Lavisse*. La dynastie ascanienne. В конце XI в. от завоеваний Оттона не остается почти ни следа. Завоевания по правому берегу Эльбы утрачены, и епископы Бранденбурга и Гавельберга живут вдали от своих епархий, где христианство исчезло. Графы Штаде, которые с 1056 г. носят титул северных маркграфов, утратили, по-видимому, даже воспоминающие о древних германских притязаниях.

вает глаза перед действительностью и упорно не желает подчиняться властным запросам жизни. Лишенные проницательности, относясь безучастно к будущему и беззаботно к настоящему, они отвергают всякую уступку как в области политики, так и в области веры, и в своем упрямом партикуляризме ни разу не соглашаются пожертвовать интересами отдельных племен для общего блага. Некоторые государи пытаются вырвать их из оцепенения и соединить их силы, но их усилия разбиваются о неодолимую косность, а после их смерти каждый из этих народов снова закрывается своей скорлупой. Каждое усилие утомляет их преждевременно старческий дух. Они как будто сознают, что их дни сочтены, и жаждут насладиться покоем, который дает им временное бездействие Германии, не заботясь о том, чтобы отыскать средства для защиты против новых нападений. Лишь только борьба будет возобновлена с некоторой энергией, их неминуемо ждет поражение, и датчане на севере, восточные маркграфы на Эльбе уже готовятся идти на приступ, который отдаст в их руки беззащитную твердыню¹.

Альбрехт Медведь. В Северной марке прекратилась династия графов Штаде (1056–1128), и в 1134 г. Лотарь Супплинбургский отдал марку Альбрехту Медведю, основателю династии Асканиев².

Генрих Лев, Альбрехт Медведь и Фридрих Барбаросса, говорит старая немецкая пословица, были люди, способные перевернуть мир. Может быть, но эта цель не соблазняла их; они предпочли обратить свое честолюбие на Запад и Юг. В частности, относительно Альбрехта Медведя надо сказать, что видеть в нем нечто вроде национального и христианского героя, каким изображает его германская легенда, значит впадать в преувеличение; в действительности он часто забывал о крестовом походе для иных предприятий; при некоторой настойчивости он несомненно мог бы покорить лютичей и таким образом отодвинуть за Одер границы своего

¹ См. выше, главы 2–4.

² Северная марка занимала тогда по правому берегу Эльбы лишь узкую полосу земли между Эльбой и Гавелем, приблизительно до Плуэнского канала.

маркграфства. По крайней мере, он сумел воспользоваться религиозным энтузиазмом, вызванным в Германии проповедью св. Бернарда (1147), и успел прочно утвердиться на правом берегу Эльбы. Несмотря на то, что Альбрехт наследовал вендскому королю Прибиславу (1150)¹ и победил бризанов и стодоранов, государство, которое он завещал своим преемникам (1170), было еще очень незначительно: Гавелланд, Зауча и Пригниц, или Гавельберг составляют лишь малую часть нынешней провинции Бранденбург; но толчок дан, и на этой открытой территории впредь уже ничто не остановит маркграфов; им остается лишь следовать волне немецкой иммиграции.

Покорение ободритов; Мекленбург и Западная Померания. Еще быстрее пошло покорение племен, живших вдоль берегов Балтийского моря. Саксонский герцог Генрих Лев покорил Вагрию,² учредил в стране ободритов три епископские кафедры под верховной властью бременского архиепископа и обратил древнюю столицу славян в резиденцию графа Шверинского. Князь восточных ободритов Прибислав принял христианство и женил своего сына Генриха Бордвина (1178–1227) на побочной дочери Генриха Льва, Матильде; от этого брака произошла славяно-немецкая династия, которая долгое время правила Мекленбургом и которая, быстро онемечившись, направила все свое честолюбие на то, чтобы обратить княжество в чисто немецкую провинцию. Вся страна наполнилась чужеземными поселенцами. Любек, действительным основателем которого был Генрих Лев (1158), становится главной немецкой крепостью в Нордальбингии и важнейшим торговым пунктом на Балтийском море.

На Востоке, от Пиня до Одера, обитали лютичские племена, украинцы, доленчане, ратары, чрезпиняне и прочие, стоявшие в зависимости от Померании; они должны были признать верховную власть Генриха Льва. Земли по Одера, из

¹ Титул маркграфа Бранденбургского, принятый Альбрехтом за несколько лет до этого, получает теперь реальное значение.

² Вагрия занимала северо-восточную часть Голштинии и тянулась до Эйдера.

которых позднее образуются Укермарк, Барним и Тельтов, также составляют с этих пор часть Германии. Однако могущество «великого северного герцога» возбуждает беспокойство в императоре и соседних князьях: мы знаем историю его падения. Саксония дробится на феодалы и свободные города. Но если распадение Саксонии останавливает в этих местах поступательное движение немцев, то славяне не извлекают из этого обстоятельства никакой пользы. Вопрос только в том, кто овладеет Балтикой: империя или Дания? Раздоры между завоевателями, оспаривающими друг у друга свою добычу, дают лишь возможность северным лютичам продлить на несколько лет свое бесполезное существование. Даже те из них, которые сохраняют свои национальные династии, все-таки вынуждены подчиняться чужеземным влияниям, и померанские князья, получившие от Фридриха Барбароссы титул герцогов и имперских князей (1181), оправдывают эту милость своей преданностью Германии.

Вначале казалось, что политическое наследие Саксонии должно достаться датчанам. С 1168 г. владея Рюгеном, они подчиняют своей верховной власти Померанию, водворяют свое влияние на всем протяжении от Эльбы до Одера, и их короли принимают титул королей славян и вандалов (вендов). Но их господство непродолжительно; после взятия в плен короля Вальдемара II из славянских владений Дании за ней остаются лишь Рюген с соседним побережьем, да и те она теряет спустя столетие (1325). Кратковременные победы датчан лишь на короткое время задержали успехи германской расы в славянских землях.

Аскании. В бассейне средней Эльбы Аскании, почти независимые от империи, единодушные несмотря на разделы, поддерживаемые воинственным дворянством, которому близость врага указывает на необходимость дисциплины, настойчиво и успешно продолжают политику Альбрехта Медведя. Они основывают в этих областях, славянское население которых быстро исчезает, своеобразное государство, которое отличается от остальной Германии и характером своих жителей, и своими учреждениями, которое в медленных и упорных войнах подготавливает свое будущее величие, и в то же время оправдывает его важны-

ми услугами, оказываемыми им германскому отечеству. В 1232 г. Аскании окончательно овладевают Барнимом и Тельтовом; здесь, на берегу Шпреи, из соединения двух бедных вендских деревень возникает в XIV в. будущая столица Пруссии. Около 1250 г. маркграфы переходят через Одер и в области Кюстрина, Ландсберга и Сольдина, на нижнем течении Варты, организуют Новую марку. Они заставляют поморян уступить им Укермарк и область Старгарда, подчиняют их своей верховной власти и стремятся распространить свое господство на Восточную Померанию, или Померелию. Около конца XIII в. германское владычество утвердилось в этом крае настолько прочно, что его не могли поколебать даже прекращение династии Асканиев (1319)¹ и долгое междоусобие, продолжавшееся до тех пор, пока наследники Альбрехта Медведя нашли в Гогенцоллернах достойных себя преемников.

Немецкая колонизация. Дело в том, что Аскании не удовлетворялись установлением своей политической власти над лютичами: они совершенно преобразовали страну. Немецкие колонисты спешат захватить новые места, не ожидая даже, пока край окончательно покорится. Везде, где они могут найти надежную защиту, они появляются целыми массами. Большинство идут из Саксонии, многие также из Нидерландов²: бесплодное плоскогорье, орошаемое Эльбой, от устьев Эльстера до окрестностей Магдебурга, получает в то время название Флеминг. Потомки древних славянских династий не менее усердно, чем Аскании, содействуют развитию германской колонизации и насаждению немецких нравов. Часто изгоняют славян, чтобы очистить место для новых поселенцев; в других местах, попав в подчиненное положение, теснимые и презираемые, славяне мало-помалу замыкаются в своих жалких селениях, расположенных большей частью по берегам рек. Они быстро забывают свой язык и поглощаются потоком

¹ Фактически династия прекратилась со смертью Вальдемара (14 августа 1319 г.). Последний отпрыск этой фамилии, Генрих II Ландсбергский, умер в следующем году.

² См. выше, главы 2 и 3.

завоевателей¹. В конце XIV в. онемечение страны почти закончено, и летописи Рюгена отмечают смерть двух последних славян острова. Здесь преобразование еще радикальнее, чем у сербов Лузании, хотя последние раньше утратили свою национальность. Исчезли даже воспоминания; местные суеверия, которые долго считались славянскими, в действительности чисто немецкого происхождения. Небольшие остатки древлян и люнов (глинян) сохраняются в Люнебурге до XVIII в.; их потомки долго еще называли себя вендами. На востоке, в Померании, горстка словенцев представляет последний жалкий остаток тех могущественных полабских племен, на развалинах которых воздвиглось всевластие Пруссии.

Чехи

Сеньорат. Суверенная власть императора. Преобразование чешского общества. Отокары. Королевство Богемия. Расцвет чешского могущества. Немецкая иммиграция. Разложение древнего строя: феодализм. Литература. Отокар II и Рудольф Габсбургский. Битва при Дюрренкруте; падение Богемии (1278).

Чехи и поляки, более счастливые и более благоразумные, чем полабы, приняли христианство; это предохранило их от истребительных войн, в которых погибли приэльбские славяне. Однако покорение полабов открыло их границы, а господствовавшие между ними несогласия, благоприятствуя иноземным влияниям, повлекли за собой для них чувствительные потери и подвергли тяжкой опасности их национальную независимость.

Сеньорат. Бржетислав I (ум. в 1055 г.) потерпел неудачу в своей попытке основать великую западно-славянскую монархию. Он не удержал Польши, не сверг окончательно

¹ Часть туземной знати приняла христианство и смешалась с завоевателями. Вероятно также, что старое население отчасти удержалось в городах. Напротив, в деревнях оно почти совершенно исчезло: «злоба немца оказалась сильнее всяких законов».

немецкого ига и, если присоединил к Богемии Моравию, которая, будучи населена народом, родственным чешскому, с тех пор неизменно составляла часть королевства св. Венцеслава, то не мог помешать Стефану Венгерскому установить свое владычество над карпатскими словаками.

Между его преемниками было много храбрых солдат и несколько счастливых полководцев; таков, например, Собеслав, который в 1126 г. наголову разбил при Хлуме имперское войско и принудил императора Лотаря отказаться от его честолюбивых планов. В ту эпоху в Богемии было даже немало способных государей и искусных политиков. Со времени Вратислава II (1061–1092) документы более не упоминают о ежегодной дани, которую чехи до тех пор платили империи. Владислав II (1140–1173) принимает славное участие в итальянских походах Фридриха Барбароссы и получает от императора наследственный титул короля.

Этот успех был бесплоден, потому что в продолжение того периода глубокие перемены в политическом строе Чехии подвергают опасности ее благосостояние и независимость.

В Богемии, как почти во всех славянских странах, королевская власть долго считалась одним из видов частной собственности, и передача ее регулировалась теми же законами, как передача всякой иной собственности. В силу этого взгляда все сыновья короля имеют одинаковые права на наследство и должны делить его между собой, но они не владеют исключительным правом на наследство. Дело в том, что собственность еще не получила у славян индивидуального характера: она семейная, и семья понимается в самом широком смысле. Естественный представитель семьи, управляющий ее общей вотчиной, — необязательно старший сын последнего государя, а его старейший агнат. На практике эта система оказывалась чрезвычайно сложной; она как бы с умыслом была рассчитана на то, чтобы вызывать соперничества и не допускать установления заостренной власти; действительно, славяне прочно организовались лишь тогда, когда отрешились от этой традиции, несовместимой с условиями существования устойчивого правительства.

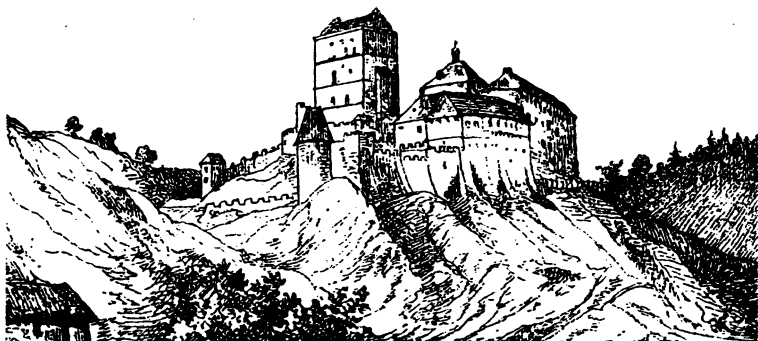
Бржетислав I перед смертью сделал попытку предупредить соискательства, установив принципы престолонасле-

дия. Следуя примеру соседних государств, он учредил *сеньорат* и постановил, чтобы верховная власть переходила всегда к старейшему представителю фамилии Пржемысловичей (1055)¹. Впрочем, он нисколько не думал умалить этим права нации; королевская власть и после него оставалась наследственно избирательной, какой она была до него.

Однако недостаточно было определить систему старшинства, чтобы устранить ее опасности; почти каждая смена правителя вызывала чрезвычайно опасные осложнения. По мере того, как королевская фамилия суживалась, — особенно с начала XII в. — государи, из политических ли видов, или из честолюбия, стремились заменить сеньорат наследственностью; но их усилия разбивались о притязания их родственников, глухое сопротивление народа и эгоизм знати, которая, пользуясь раздорами в среде королевского дома, присваивала себе нечто вроде избирательного права и расширяла свои привилегии. В конце концов междоусобия сделались хроническими; каждый раз, когда освобождался престол, несколько кандидатов принимались оружием оспаривать друг у друга власть и безрассудными уступками в пользу аристократии лишать королевскую знать ее необходимейших прерогатив, а вскоре, не довольствуясь этим, начали призывать на помощь чужеземцев.

Суверенная власть императора. Поощряемые этим добровольным отречением чешской нации от своих прав, немецкие императоры начали более деятельно вмешиваться в споры, заявлять притязания на право распоряжаться короной, стали стремиться к тому, чтобы обратить королевство, бывшее первоначально только их данником, в своего вассала, и затем подчинить его тем же ленным обязательствам, которые несли большие немецкие феодалы. Это никогда не удалось им вполне, но около конца XII в. они почти достигли своей цели. В 1182 г. Фридрих I Барбаросса отделил Моравию от Богемии и объявил, что она зависит непосредственно от империи; в 1187 г. пражский епископ

¹ Лозерт (*Das angebliche Senioratsgesetz*, т. I, Вена, 1882) оспаривает это известие. Но ввиду свидетельства Козьмы его доводы не могут быть признаны достаточными.

Замок Карлштейн в Чехии

был признан имперским князем и освобожден от верховенства герцога. Таким образом, Богемия, потеряв свой главный феодал, была уже и сама до известной степени раздроблена, и новый вассал империи, епископ Пражский, вынужденный для охраны своих прерогатив опираться на иноземную власть, сделался грозным ферментом разложения Чехии.

Можно было опасаться, что этот пример вызовет подражания. Действительно, глубокие перемены, мало-помалу подорвавшие древний строй Чешского королевства, благоприятствуя успехам олигархии, ослабили единство страны и пробудили надежды, которыми, казалось, без труда могла воспользоваться империя.

Преобразование чешского общества. Соперничество из-за короны Пржемысловичей становилось все более страстным, по мере того, как сам предмет спора все менее мог искушать честолюбие соискателей. Власть короля в XII в. была очень обширна; потом она все более суживается. Пользуясь слабостью надзора, королевские чиновники злоупотребляют своими правами, налагают на население более обременительные барщины и налоги, торгуют правосудием. Многие мелкие свободные собственники ищут покровительства против их произвола, отказываются от своей независимости, чтобы избавиться от притеснений, которым они подвергались, будучи предоставлены самим себе. Они группируются либо вокруг самих же

чиновников, которые в награду за их подчинение снимают с них часть общих тягостей, либо вокруг дворян, которые благодаря гражданским войнам усилили свое влияние и захватили или получили в дар обширные поместья. На месте патриархального общества предшествующей эпохи, когда дворянство не составляло замкнутой касты, обособленной от народа, и когда никто не пользовался властью иначе, как по полномочию короля, образуется аристократическое общество, где дворяне в качестве крупных собственников становятся между подданными и государем, производят суд на своих землях, содержат войска и ведут их в битвы под своим знаменем. Они приобретают теперь преобладающее влияние на государственные дела: если на сейм по-прежнему являются все свободные собственники, то в действительности решения зависят лишь от горстки баронов, и без их согласия король не может ни созвать армии, ни взимать налога, ни изменить закона. Правда, олигархия еще далеко не одержала полной победы; несмотря на свою неразумную щедрость, государи все еще владеют неизмеримыми землями, и их доходы, которыми они пользуются бесконтрольно, позволяют им легко обходиться без субсидий сейма. Тем не менее, они имеют теперь дело с опасными противниками, они потеряли то выгодное положение защитников народа и представителей государства, которое занимали раньше.

В то же время и церковь – по мере того, как она одерживала верх над сопротивлением язычников и получала более строгую организацию – также приобретала богатства и привилегии. Епископы, капитулы и монастыри очень скоро освободили своих подданных от общественных повинностей и власти королевских чиновников. С того времени масса населения, изъятая из-под власти короны, находится в зависимом положении, которое кое-где стремится приблизиться к крепостному праву.

Этим захватам аристократии в значительной степени способствовал примитивный характер собственности, которая у славян была исключительно семейной, так что отдельные лица могли быть только пользователями. Сеньор без большого труда занял место управителя и превратил прежних владельцев в полукрепостных. Кроме того, торжеству

феодалных идей благоприятствовали сношения с Германией, становившиеся все более тесными, и обильный приток иноземных поселенцев. К несчастью, эту немецкую иммиграцию, более опасную, чем политические притязания императоров, систематически поощряли те самые государи, которые в XIII в. подняли Богемию из упадка и довели ее до небывалой степени могущества.

Отокары. Три государя, Пржемысл Отокар I (1192–1230)¹, Вацлав III (1230–1253) и Пржемысл Отокар II (1253–1278), свергли иго, под которое Гогенштауфенам удалось подвести Богемию, и на короткое время доставили ей нечто вроде гегемонии над Центральной Европой. Как часто бывало в средние века, это здание могущества и славы, будучи слишком быстро воздвигнуто, покоилось на крайне хрупком фундаменте; народности, соединенные на миг случайностями войны или политики, вскоре вернули себе независимость, и единственным прочным результатом минутного объединения под властью Пржемысловичей большинства провинций, из которых составила позднее Австрийская империя, было водворение новой немецкой династии в бассейне среднего Дуная; Габсбурги, вместе с некоторыми владениями Отокара II, унаследовали и его притязания, и спустя два века они достигнут цели, которую он наметил.

Главная ошибка последних туземных королей Богемии и основная причина их неудачи заключалась в том, что они преследовали династическую, а не национальную политику. Пржемысл Отокар I, венчая на царство сына своего Вацлава, впервые пренебрег обычаем, по которому молодому государю показывали лапти и армяк Пржемысла, основателя династии; это было замечено и возбудило неудовольствие в народе, который стал обвинять своих государей в том, что они отрекаются от своего прошлого и своего племени. Чешские короли, матери которых были обычно немками, сами были в ту эпоху более чем наполовину немцами. Ослепленные блеском немецкой культуры, они призывают к себе иностранных поселенцев и, предоставляя им часть территории,

¹ Отокар I был в первый раз призван на престол в 1192 г., но фактически его царствование начинается лишь с 1197 г.

подготавливают для Чехии тяжкие испытания. И несмотря на все это, народ сохранил благодарное воспоминание об этих государях, которые за недостатком политической прозорливости обладали, по крайней мере, высоким представлением о своей власти.

Королевство Богемия. Несмотря на усилия Фридриха I и Генриха VI, им отнюдь не удалось обратить герцогов Богемии в простых вассалов: герцоги сохранили все свои суверенные права, и император не мог вмешиваться во внутреннюю администрацию их владений. Смерть Генриха VI, являющаяся чрезвычайно важным моментом в истории Германии и даже Европы, дала возможность Владиславу III и Пржемыслу Отокару I (1192–1230) восстановить национальное единство. Пражский и оломоуцкий епископы получают инвеституру от местного государя и перестают быть прямыми вассалами империи; Моравия снова становится ленном Богемии. Во время смут, волновавших Германию после смерти Генриха VI, Пржемысл Отокар I, бывший то врагом, то союзником папы, получил сначала от Филиппа Швабского, затем от Оттона Брауншвейгского королевскую корону, которая с тех пор уже навсегда осталась за Богемией (1203). Иннокентий III и позднее Фридрих II утвердили этот титул и признали полную независимость Чешского королевства. Богемский король, носивший звание великого мундшенка империи, был обязан только доставлять императору 300 вооруженных человек или уплачивать 300 марок серебра, когда он ехал короноваться в Рим; на сейм он должен был являться только тогда, когда сейм созывался в Нюрнберге или Бамберге (1212). Фридрих обязался не вмешиваться в избрание богемских королей; но еще более, чем договорами, возможность захватов со стороны императорской власти была предотвращена на будущее время установлением принципа первородства, который мало-помалу был усвоен обществом и, хотя никогда не был узаконен официально, приобрел силу закона и заменил сеньорат.

Расцвет чешского могущества. Преемник Пржемысла Отокара I, храбрый и отважный, но непредусмотрительный и легкомысленный Вацлав III (1230–1253) наметил путь для своего сына, стараясь подготовить соединение

Австрии с Богемией. Смерть Фридриха II в 1250 г. и «великое междуцарствие» дали волю партикулярным стремлениям. Никто не воспользовался этими обстоятельствами так ловко и смело, как Пржемысл Отокар II (1253–1278).

Сокрушив империю, папство оказало большую услугу всем народам, которым перевес Германии грозил опасностью. Отокар II щедро платил ему долг благодарности, предупреждал папу о замыслах Гибеллинов, предложил свою помощь Карлу Анжуйскому против Конрадина, искусно балансировал между Ричардом Корнуэльским и Альфонсом Кастильским, одновременно избранию которых он содействовал и которые довольно вяло оспаривали друг у друга власть. Его меч был всегда к услугам церкви; дважды, в 1254 и в 1267 гг., он предпринимал поход против язычников-пруссов, и тевтонские рыцари в его честь назвали город, основанный ими в то время у устьев Прегеля, Кенигсбергом (1255). В награду за его услуги папы благословляли его оружие, освящали его завоевания; благодаря их поддержке он в одно время господствовал над всем бассейном среднего Дуная.

После прекращения династии Бабенбергов знать Восточной марки призвала на престол Отокара II (1251), тогда как Штирия досталась Беле Венгерскому. Штирийцы, недовольные владычеством мадьяр, возмутились, и между Отокаром и Белой вспыхнула война. Отокар, очень ловкий дипломат, был довольно плохим полководцем. Но Венгрия была ослаблена продолжительными внутренними распрями; несметная конница куман, благодаря поразительной быстроте своих движений, не раз одерживала победы; но она не могла устоять против натиска тяжелой чешской кавалерии, закованной в железо и вооруженной на немецкий манер. При Крессенбрунне, недалеко от впадения Моравы в Дунай, венгры были разбиты (1260). Бела отказался от Штирии. Не более успеха имел он и несколько лет спустя, когда вздумал оспаривать у богемского короля Каринтию и Крайну.

В 1273 г. могущество Отокара достигло кульминации: его непосредственные владения простирались от Рудных гор до Адриатического моря; вся Восточная Германия находилась под его покровительством; благодаря своему тесному союзу с папством он пользовался как бы протекторской вла-

стью над пассауским и зальцбургским архиепископствами и над аквилейским патриархатом. Уполномоченный Ричардом Корнуэльским защищать имперские домены, он подготовил присоединение Эгера (Эгры), которое было ему необходимо для прикрытия западной границы Богемии. Находясь в близком родстве с некоторыми из наиболее могущественных государей того времени, он рассчитывал посадить на венгерский престол своего ставленника. Татары называли его «железным королем», немцы – «золотым».

Немецкая иммиграция. Благочестивый без слабости, щедрый и склонный к пышности, но не расточительный, мягкий в своих отношениях к народу и ревниво оберегавший свою власть, Отокар стремился повысить культурный уровень своего государства и вернуть короне то могущество, которое она утратила во время предшествовавших смут. В борьбе со знатью и в своих трудах на пользу экономического развития Богемии он опирался на немцев.

Со времени венгерского нашествия, которое отрезало западных славян от их южных собратьев, Богемия без сопротивления подчинилась германскому влиянию, хотя и продолжала отстаивать против императоров свою политическую независимость. Каково бы ни было участие Кирилла и Мефодия в обращении чехов, последние вскоре примкнули к Римской церкви. В течение долгого времени епископами были у них немцы, и из немцев же состояло их белое и черное духовенство. Политические сношения, крестовые походы, все более частые браки чешских государей с немецкими принцессами облегчали водворение чужеземных нравов в Богемии. В ту эпоху, когда национальное чувство было еще смутно и неустойчиво, более высокая культура производила неодолимое обаяние. Знать, как и короли, переняла немецкий язык, вкусы, одежду и даже имена. Особенно быстро усиливался иностранный акцент с начала XIII в., благодаря систематической поддержке, которую оказывали ему последние короли из дома Пржемысла. Пражский двор получил совершенно немецкий характер, знаменитейшие миннезингеры добивались милостей у Вацлава III и Отокара II и посвящали им свои произведения.

В Чехии издавна жили иностранные купцы. В конце XI в. Козьма говорит об «очень богатых купцах из разных стран»,

которые жили вокруг пражского замка и в Вышеграде наряду с «евреями, сундуки которых были полны золота и серебра, и богатыми менялами». Близ древних замков возникают новые торговые и промышленные центры, приобретающие вскоре различные привилегии и окружающие себя стенами для защиты против притеснений чиновничества. Обеспокоенные усилением дворянства и стремясь увеличить свои доходы, короли призывают новых поселенцев и дают им обширные льготы; в этом отношении больше всего сделали Вацлав III, настоящий основатель *старого города* в Праге (после 1235 г.), и Отокар II. Рост народного богатства и увеличение безопасности, содействуя развитию обмена, привлекают множество купцов; старые бурги получают новый характер, их сила и влияние возрастают. К старым королевским городам Оломоуцу, Брюнну, Цнайму, Кладрау и Кениггрецу, существовавшим уже при Отокаре I, присоединяются при Вацлаве Коммотау, Лейтмериц и Заац, быть может и Пльзень, Мельник, Курим и Глац, затем, при Отокаре II, Хрудим, Часлау, Будвейс, Колин и др. «Слава государя, – говорит моравский маркграф Владислав Генрих, – сияет более ярким блеском, если он окружен множеством цветущих больших городов».

При Отокаре II в Богемии было более двадцати королевских городов. Они зависели непосредственно от короля и его чиновников, пользовались широкой автономией, имели свой суд и свои обычаи, заимствованные в большинстве случаев из магдебургского права. Решения сеймов не были для них обязательны, и городские дела рассматривались на местных собраниях, в которых участвовали только городские делегаты.

В то же время франконцы, баварцы и саксы, достигнув географической границы страны, начали занимать внутренний склон гор и проникать в долину верхней Эльбы и бассейн Эгера. Пржемысловичи встречали иноземцев с распростертыми объятиями и предоставляли к их услугам всю власть, которой располагали. Сознав важность рудников, они стали призывать для их разработки иностранцев: Рудные горы были заняты немцами, а города Иглау, Немецкий Брод и Куттенберг совершенно онемечились. До сих пор граница была закрыта непроходимыми лесами, которые не раз

останавливали иноземные нашествия и которые было запрещено вырубать: эти земли, из которых иные считаются лучшими в Богемии, были отданы иностранцам; чтобы привлечь поселенцев, их освобождают от самых обременительных барщин и повинностей, им дают известную автономию, их признают эфитевтами-собственниками обрабатываемых ими земель. С побережий Северного моря, которые едва могли прокормить свое население и часто опустошались страшными наводнениями, из глубины Германии, где свирепствовала гражданская война, стекались сюда крестьяне, привлекаемые большей обеспеченностью владения, большей безопасностью жизни, девственностью и плодородием почвы. Округа Траутнау, Глаца, Эллбогена были заселены немцами; на юге они заняли окрестности Круммау, на востоке – линию холмов, отделявших Моравию от Богемии.

Немецкие писатели наперебой восхваляют благодетельные последствия, которые повлекла за собой для славян эта иммиграция, и несомненно, что немцы приносили с собой капиталы и усовершенствованные технические приемы; благодаря им богатство возрастает, промышленность и торговля оживляются. Но эти выгоды были куплены дорогой ценой. Пришельцы не смешивались с остальным населением, оставались как бы чужеземным лагерем в неприятельской стране, составляли государство в государстве. Тогда как в западных странах буржуазия, тесно связанная с жизнью всего общества, была одним из важных факторов политического и духовного прогресса, в славянских странах она была преимущественно причиной раздоров и ослабления. Культурные успехи плодотворны лишь тогда, когда они являются естественным последствием нормального развития народа; если они скороспелы и искусственны, то они ведут к разрушению национального единства. Между высшими классами, воспитанными в иностранной школе, и народом, который остался верен своим традициям, образовалась пропасть. Таким образом, политическое единство подверглось серьезной опасности, в то самое время, когда границы были открыты для нашествия и когда духовная крепость нации ослабела, вверху – вследствие деморализации, легкомыслия и раболепного подражания германским нравам, внизу – вследствие недоверчи-

вности и зависти. В течение XIII в., представляющего собой несомненно одну из самых плачевных эпох в истории славян, мнимые успехи, достигаемые ими, обращаются им во вред, и величайшими их государями являются те, которые наносят им наиболее тяжелые удары.

Разложение древнего строя: феодализм. Древний строй давно грозил рухнуть; массовая иммиграция немцев ускорила его разложение, и при Отокаре II его существование действительно прекращается. Вначале верховная власть государя, представителя нации, простиралась на однородное общество, все члены которого были подчинены одним и тем же обязанностям и пользовались одними и теми же правами; теперь благодаря иммунитетам и захватам образовались различные классы, которые, будучи изъяты из-под власти государственных чиновников и общих судов, ускользают из-под влияния сеймов. Патриархальный строй заменяется феодализмом, первоначальное равенство – сложной иерархией. Вместе с немецким языком и именами, чешские феодалы усваивают притязания немецкого дворянства и его дух непокорности. Они имеют свои гербы, свои укрепленные замки, своих вассалов; вскоре они будут иметь и своих рабов. Рабство уже начинает вводиться в Моравии. Власть древних *жупанов* ограничивается уже только округом их крепостей, и само название «жупа», напоминающее древнее деление страны, мало-помалу выходит из употребления. Народ не имеет уже никакого влияния на сеймы; класс мелких свободных собственников быстро исчезает; крестьяне, чтобы избавиться от барщин, тем более обременительных, что значительная часть населения уже свободна от них, добиваются *немецкого права* и, если им удастся таким образом, при условии уплаты определенной повинности, приобрести наследственное пользование своими земельными участками, – добровольно теряют часть своих гражданских и политических прав и становятся *людьми* своего сеньора.

Успехи дворянства подрывали королевский авторитет, и Отокар был слишком проницательным политиком, чтобы не заметить этого. Он старался обуздывать узурпации дворянства, вернул короне часть отнятых у нее земель и пытался противопоставить знати богатую и могущественную буржу-

азию. К несчастью, он не заметил основных причин зла, и его плохо рассчитанные мероприятия лишь ускорили развитие влияния дворянства. Невозможно было добиться уважения к древним учреждениям со стороны дворянства, когда сам король разрушал их теми неразумными милостями, которыми он осыпал иностранцев. Впадая в резкое противоречие с самим собой, он старался сохранить неприкосновенным патриархальный характер королевской власти и в то же время поощрял образование общества, основанного на совершенно иных принципах; эта политика раздражала знать и подготавливала опасные отложения. Могущество государства прочно лишь тогда, когда оно опирается на прочные внутренние учреждения; последние Пржемысловичи, как и многие другие славянские государи той эпохи, принесли действительность в жертву призраку; построенное ими здание покоилось лишь на их личной энергии и рухнуло при первом толчке.

Литература. Не менее вредно отразилось иностранное влияние на духовном развитии страны. Правда рост богатства и роскоши и установление непрерывных сношений с империей, смягчая нравы и развивая умы, пробуждают новые потребности и распространяют любовь к науке; но литература отдаляется от национальных источников, обращается в средство развлечения вельмож и не имеет сколько-нибудь глубокого влияния на народ.

Вначале литература была чисто церковной и пользовалась исключительно латинским языком; лишь немногие гимны на чешском языке напоминают о той эпохе, когда чешские христиане принадлежали к греческой церкви. Полатыни написаны и первые хроники; первая из них по времени, хроника пражского каноника Козьмы (ум. в 1125 г.), долгое время остается наиболее интересной. Вероятно, что наряду с этой ученой литературой сохранялась и народная поэзия – песни или былины; обломками ее долго считались знаменитые отрывки, известные под названием Зеленогорской и Краледворской рукописей; но против их подлинности существуют настолько серьезные доводы, что историческая критика должна воздержаться от определенного суждения насчет их древности и действительного значения. Во всяком случае несомнен-

но, что в конце XIII в. чешский язык был уже настолько развит, что можно было попытаться перевести по-чешски наиболее известные рыцарские поэмы: чешская «Алекса́ндреида» и различные эпосы Артурова цикла, возникшие в конце XIII или в начале XIV в., по стилю и поэтической изобретательности стоят немногим ниже большинства немецких переделок. Эти переводы, относящиеся ко времени последних Пржемысловичей, обозначают собой тот момент, когда иностранные вкусы окончательно восторжествовали над славянскими воспоминаниями; круг их идей – вполне рыцарский, феодальный. И в то же время они знаменуют собой как бы первое пробуждение национального самосознания; это обращение к чешскому языку представляет своего рода отпор иностранному влиянию и соответствует неожиданной перемене, происшедшей в поведении дворянства. Обеспокоенные усилением буржуазии, бароны из сословных побуждений отдаляются от Германии. Самое знаменитое литературное произведение последующего периода «Летопись Далими́ла» носит настолько же национальный, насколько феодальный характер и, являясь продуктом славянской реакции, в свою очередь усиливает ее интенсивность.

Отокар II и Рудольф Габсбургский. Внутренняя политика Отокара не положила конца проiscaм немцев. Он считался с римскими королями лишь настолько, насколько они могли служить его честолюбию, и употреблял все усилия, чтобы продлить междуцарствие, благодаря которому он присоединил к своим наследственным владениям большую часть бассейна Дуная. Между тем Германия не могла совершенно отказаться от Восточной марки, которая открывала ей такие широкие перспективы; она смутно чувствовала, что личные гарантии, которые представляли для нее чувства, одушевлявшие Пржемысловичей, в будущем окажутся крайне ненадежными. Достаточно было какой-нибудь случайности, которую нетрудно было предвидеть, – простой перемены династии или поворота в настроении чешского государя, – чтобы Австрия, находившаяся под властью славянских князей, была потеряна для германской расы и чтобы южный форпост империи обратился против нее самой. Благодаря этому войны, наполняющие собой царствование

Отокара, и особенно те из них, которые повлекли за собой его падение, получают совершенно иной характер, чем обычные пограничные столкновения или разбойничьи набеги. В бассейне среднего Дуная образовалось уже три государства; вопрос шел о том, какая из трех соперничавших рас – славянская, немецкая или мадьярская – подчинит остальные две своей гегемонии. Эта борьба продолжается два века с переменным счастьем; но с первого же дня было ясно, кому достанется победа, и героическое сопротивление чехов лишь замедлит, но не предотвратит их поражения.

Германия в XIII в. была слаба вследствие своего дурного политического устройства, но она не была ни безоружна, ни безучастна. Победы Отокара пробудили национальное чувство немцев; на этот раз народ заставил князей забыть их споры и избрать настоящего императора, и он же помог затем императору осуществить его требования. По странной иронии судьбы Отокар был побежден теми самыми немцами, которые постоянно находили в нем своего защитника.

Рудольф Габсбургский, избранный римским королем в 1273 г., тотчас начал борьбу. Отокар, оставленный в решительную минуту большинством его дворянства, должен был подписать гибельный договор, по которому он сохранил лишь Богемию и Моравию, признанную леном римского короля. Он рассчитывал на реванш, а Рудольф хотел довести свой успех до конца. Вскоре обстоятельства приняли благоприятный оборот для Отокара: немецкие князья были обеспокоены замыслами Рудольфа; Штирия и Австрия с сожалением вспоминали о своем прежнем господине. Некоторых польских князей тревожило падение Богемии, которая, как писал им Отокар, «составляла ограду против ненасытной алчности Германии». К несчастью, Отокар, вместо того, чтобы энергично действовать против своего врага, позволил ему дожидаться прихода венгров, которых вел ему на помощь король Владислав. Как почти во все решительные моменты своей истории, Германия была обязана своей победой союзу с мадьярами, которые помогали ей более из ненависти к славянам, чем из страха за будущее.

Битва при Дюрренкруте; падение Богемии (1278). Сражение произошло на берегах Моравы 26 авгу-

ста 1278 г. Тяжелая чешская конница уже прорвала центр армии Рудольфа; атака резерва решила бы победу: Милота Дедицкий, командовавший резервом, повернул и обратился в бегство. В отчаянии Отокар ринулся на ряды немцев и во время сечи, где он сражался «с мужеством гиганта и как неукротимый лев», был предательски убит австрийским рыцарем Бертольдом из Эмерберга.

Теперь Рудольф Габсбургский мог беспрепятственно осуществить свои планы. Чешское королевство было раздроблено; Альбрехт Австрийский, сын Рудольфа, получил Австрию, Штирию и Крайну (1283). Каринтия досталась графу Тиролюскому Мейнгарту. Что касается Богемии, то она после нескольких лет регентства, омраченных внутренними раздорами, при Вацлаве IV на короткое время снова достигла могущества; но вскоре династия Пржемысловичей прекратилась (1306), и тогда начался долгий период гражданских войн и революций.

Начиная с XIV в. в Чехии почти непрерывно царствовали иностранные династии; тем не менее народ сохранял какую-то инстинктивную привязанность к тем государям, под руководством которых сложилась чешская национальность. Эта терпимость, быть может, более разумна, чем строгость некоторых новейших писателей. Были сделаны крупные ошибки: границы были отданы врагу, города заняты чужеземной буржуазией, и королевство, подточенное в корне, не могло более служить для западных славян тем оплотом, о котором говорил Отокар. Но оно, по крайней мере, сохранило свою политическую независимость; верховенство империи, сведенное на степень неопределенного суверенитета, более не представляло серьезной опасности. Притом, близорукость Пржемысловичей можно оправдать естественным обаянием передовой немецкой культуры и безучастностью патриотизма, который, как и везде, пробуждался лишь ввиду опасности и при встрече с врагом.

Потомство, не забывая пагубных последствий неразумной политики Отокара, видит в нем скорее жертву, чем виновного, и вспоминает о его несчастьях и героизме, которыми он искупил свои ошибки.

Поляки и литовцы

Польша с XI по XIII в. Болеслав Смелый (1058–1079). Болеслав Кривоустый (1102–1138). Завоевание Померании; Оттон Бамбергский. Польша в XII в. Упадок королевской власти; дробление Польши. Нашествие татаро-монголов. Немецкая иммиграция; феодализм. Основание Тевтонского ордена. Меченосцы. Успехи ордена. Пробуждение национального чувства поляков. Литовцы.

Польша с XI по XIII в. В Польше, как и в Богемии, шаткость законов о престолонаследии и вызываемые ею беспрестанные смуты влекут за собой внутри государства ослабление королевской власти и упадок национальных учреждений, извне – утрату древних границ и чужеземное нашествие. Однако результаты этого долгого периода раздоров и неурядиц здесь еще более пагубны, чем в Богемии, так как географические условия менее благоприятствуют обороне и политическое единство менее прочно. Древние племена, которых молодая королевская власть еще не успела вполне слить в одно целое, наполовину возвращают себе независимость; появляется несколько политических центров; даже позднее, вернувшись к совместному существованию, они не вполне откажутся от своих сепаратистских стремлений. Врожденные недостатки славян – чрезмерная склонность к индивидуальной независимости, партикулярные и анархические стремления, страсть к конфедерациям и лигам, одним словом, неумение понять и усвоить условия социальной жизни, – недостатки, которые история до известной степени подавляет и сдерживает в России, в Польше, наоборот, под влиянием событий развиваются до чудовищных размеров. Бессильные защитить против немцев Силезию, Померанию и Пруссию, отрезанные от гор и моря, отброшенные от Одера к Висле, поляки не могут даже упрочить за собой области Днепра и Днестра, которые на короткое время попадают в их руки благодаря распрям между русскими князьями, и своими бесплодными завоеваниями успевают лишь посеять между латинскими и византийскими славянами вражду, которой воспользуются их соседи. С того момента будущность Польши ясна. Лишенная гра-

Польский рыцарь

ниц, буржуазии, конституции и политических традиций, она будет иметь великих государей, героическое рыцарство и века славы; но она долго не возвысится до понимания своего истинного назначения; она истощит свои силы в борьбе за пышные титулы; она истратит свою жизнь и свои удивительные дарования без пользы для себя и часто ко вреду других славянских народов.

Болеслав Смелый (1058–1079). Достаточно было одной четверти века и одного дурного государя, чтобы уничтожить плоды трудов Болеслава Храброго. Болеслав Смелый на минуту вернул Польше мнимое благосостояние. Далеко уступая своему образцу, он не обладал ни его прозорливостью, ни его настойчивостью; его победоносные походы были лишь удачными приключениями, и, направив честолюбие своего народа на завоевание Червонной Руси, он отвлек его от его истинных интересов. Но он, по крайней мере, сумел сохранить свою независимость от Германии. В споре между папством и империей он высказался за церковь, и когда он в 1076 г. возложил на себя

королевский венец, то это совершилось, несомненно, с согласия Григория VII.

Однако конец его царствования был омрачен раздорами с духовенством. Легенда рассказывает, что краковский епископ Станислав, причисленный позднее к лику святых, навлек на себя ненависть короля и был убит им (1079), и что это убийство явилось сигналом к восстанию, из-за которого Болеслав вынужден был покинуть страну. На основании этого смутного предания нетрудно восстановить истинный ход событий. До сих пор духовенство было послушным орудием в руках государя, но затем, проникшись духом независимости и властолюбия, охватившем в тот период всю церковь, оно начинает требовать более обширных привилегий, встречает сопротивление со стороны королевской власти и с помощью светской олигархии одерживает верх над нею. Таким образом, в царствование Болеслава будущность Польши ясно намечается: героическая и неблагоприятная, анархическая и преданная католицизму, она всегда будет лишена тех способностей, которые наиболее необходимы для нации: политического чутья и организаторского таланта.

Болеслав Кривоустый (1102–1138). Однако кипучую энергию этой своевольной знати, церковной и светской, легко было привлечь на службу отечеству; для этого были нужны только твердая рука и ясная воля. Это доказал Болеслав Кривоустый, может быть величайший из польских государей. Несмотря на успехи аристократии, Польша еще отнюдь не была феодальным государством; бароны не составляли наследственной касты, не обладали никаким судебным иммунитетом и набирались из среды народа. Они были еще связаны с нацией чрезвычайно тесными узами, и их легко было обратить в послушные орудия короля. Болеслав понял это. Его сравнивали с Карлом Великим, и он, действительно, напоминал великого императора, конечно, не грандиозностью своих успехов или продолжительностью своего влияния, но политическими приемами. Он умел воодушевить баронов своим духом, сгруппировать их вокруг престола, открыть им обширное поле деятельности и тем отвлечь их честолюбие. Подобно Карлу Великому, и он своими непрерывными войнами содействует усилению дворян-

ства: образуется особое сословие – *шляхетство*, которое пока отличается от массы народа только своими обязанностями и военными привычками, но вскоре станет отличаться от нее и своими правами.

Завоевание Померании; Оттон Бамбергский.

Когда император Генрих V потребовал от Болеслава, чтобы он признал суверенитет империи, Болеслав ответил, что предпочитает смерть позору, и он мужественно поддержал оружием свое гордое заявление. Но чтобы обеспечить независимость Польши, он должен был добыть балтийское побережье.

Померания, границы которой часто менялись, первоначально занимала территорию, простирающуюся от Одера до Вислы и ограниченную с юга лесистой страной, орошаемой Вартой и Нецем. Населявшие ее славяне принадлежали к той же этнографической группе, что и «ляхи». Подобно полабам, и они не сумели образовать настоящего государства, и их дробление возбуждало надежды в немцах, которые, едва дойдя до Одера, думали уже о дальнейшем наступательном движении. Болеслав предупредил их. Померяне оказали отчаянное сопротивление; эта война носила одновременно и национальный, и религиозный характер. В тот момент, когда Европа была занята завоеванием Иерусалима, поляки старались подчинить Христу язычников, которые упорно отказывались принять Его завет, но их религиозное рвение еще усиливалось смутным патриотическим чувством: они понимали, что не могут отдать устья своих рек другому народу.

В 1122 г. все померанские князья признали над собой власть Болеслава. Однако его господство было непрочным, пока они не приняли христианства. Польское духовенство предоставило их крещение немцу, бамбергскому епископу Оттону. Оттон не был ни святым, ни героем; он не подвергался серьезным опасностям, и его успехи были обусловлены не столько его красноречием, сколько ловкостью и победами Болеслава. Тем не менее, то обстоятельство, что в этих областях действовал имперский епископ, сильно повредило успеху трудных и славных польских экспедиций, и немцы начали с тех пор заявлять притязания на эту страну, которую будто бы они открыли для цивилизации.

Шлем с герольдической фигурой
и щит с гербом Польши

Польша в XII в. Благодаря порядку, водворенному Болеславом, и его искусному управлению благосостояние Польши быстро возрастает. Под влиянием реформ Григория VII нравы духовенства очищаются, его образованность увеличивается, и оно фактически берет в свои руки духовное руководство народом, который оно до сих пор только эксплуатировало. Оно обучает крестьян более рациональным приемам земледелия, вводит лучшее питание, учреждает первые промышленные школы, призывает колонистов и, пробуждая высшие потребности, поощряет трудолюбие народа. Деревянные церкви уступают место каменным, украшенным статуями и фресками. Число монастырских и соборных школ увеличивается; многие из учеников отправляются заканчивать свое образование за границу, преимущественно в Париж; оттуда они привозят рукописи, списывают их, и затем стараются подражать им. Капеллан Болеслава Кривоустого, Мартин Галль¹, написал достойную первую польскую хронику.

¹ Галль (ум. около 1113 г.) был родом не из Польши, но его латынь кишит полонизмами.

Несмотря на тесные сношения с Западом, Польша еще вполне сохраняет свой славянский характер; польские нравы чрезвычайно сходны с русскими; даже учреждения, заимствованные из Германии, изменяются под влиянием национальных традиций. Жизнь при дворе Пястов, как и при дворе преемников Ярослава, крайне примитивна, и государи не знают иных развлечений, кроме войны и охоты; они питают страсть к мехам и златотканым материям, привозимым из Византии. Ближайшие советники государя составляют нечто вроде дружины, впрочем менее сомкнутую и прочную, чем дружина русских князей.

Королевская власть еще не утратила своего патриархального характера, и, несмотря на богатство знати, все классы населения по-прежнему подчинены одному и тому же праву и одинаковым повинностям. Но мало-помалу входит в обычай замещать общественные должности членами аристократии, и если крестьяне сохраняют личную свободу, то под ними образуются различные категории рабов или крепостных, на положение которых дворяне стремятся затем свести всю массу крестьянства.

Число городов возрастает медленно; Гнензо, столица королевства, Бреславль, Краков и Сандомир, где преимущественно живут государи, затем Познань, Кольберг, Лебус, Глогау, Плоцк и другие, по-видимому, еще довольно незначительны и не имеют почти никакого влияния. Их муниципальные учреждения, насколько мы можем судить, чрезвычайно сходны с устройством русских городских общин. Народ занимается преимущественно земледелием, предоставляя торговлю и промышленность *гостям*. Вообще, рознь между поляками и русскими, подготовленная их крещением, становится окончательной и глубокой лишь после татаро-монгольского нашествия.

Упадок королевской власти; дробление Польши. Болеслав Кривоустый, деля свое королевство, предоставил своему старшему сыну главенство, которое и впоследствии сохранялось за владельцем города Кракова. Но если русский Киев не сумел удержать своего верховенства, то Краков, не обладавший ни его древностью, ни его славой, мог иметь лишь слабое влияние на подвластных князей, — тем

более, что краковский герцог был лишен всякого видимого признака или символа своей верховной власти. Болеслав Кривоустый не позаботился или погнушался приобрести королевскую корону, так что все его преемники носили один и тот же титул и казались равными. Притязания старших встречали непреодолимое сопротивление и вызывали почти непрерывные войны. Так как национальное единство было не очень старо и соперничество между племенами еще далеко не исчезло, то княжеские распри получали политический и племенной характер и вследствие этого были более продолжительны и ожесточенны. Знать и епископы разжигали племенную вражду, благодаря которой они могли увеличивать свои привилегии и распоряжаться короной. В 1777 г. лешский синод избрал короля. «Спустя столетие после смерти епископа Станислава, подготовившей первое поражение королевской власти, аристократия сделала второй шаг в своем победоносном движении к независимости и власти». Старая монархия умерла.

В течение этого века еще существует польская раса, но Польши в действительности нет. Силезия, Мазовия и Куявия, Померания, Великая и Малая Польши имеют каждая свою историю, свою династию, свой особый путь развития. Первоначальные различия усиливаются. Порядок престолонаследия, везде одинаковый, вызывает во всех областях ожесточенное соперничество, мятежи, новые дробления, непрерывные переделы территории, и как бы все время держит политическую материю в постоянном движении.

Правда, идея национального единства даже в то смутное время не исчезает совершенно, и в дни иноземных нашествий народ снова оказывается единым. Однако это смутное и перемежающееся чувство солидарности не спасло бы Польшу, если бы по счастливой случайности все соседние государства не были тогда ослаблены тяжелыми внутренними осложнениями; она сохранила свою независимость, но позволила немцам утвердиться на правом берегу Одера и в Померании, а ее завоевания на правом берегу Вислы и в Червонной Руси далеко не могли вознаградить ее за эти потери.

Нашествие татаро-монголов. В этом состоянии анархии застигло Польшу татаро-монгольское нашествие.

Она отстаивала свою землю шаг за шагом. Татаро-монголы, одержавшие победу при Хмельнике, сожгли Сандомир, Краков, Бреславль и при Лигнице наголову разбили силезцев, которыми командовал герцог Генрих Благочестивый (1241). Главная масса татаро-монголов вскоре ушла обратно на Восток, но она оставила позади множество отдельных шашек, которые еще в течение полувека продолжали опустошать страну: они вторично сожгли Краков и Сандомир (1259) и затем снова осаждали их в 1288 г. Справедливо ли, что Польша своим сопротивлением спасла Европу, как утверждают ее историки? Во всяком случае, она добросовестно исполнила свой долг, не склонив головы под игом врага Христа и прикрыв своим телом христианство и цивилизацию. В той первой стычке она приобрела свои рыцарские шпоры, но она вышла из борьбы окровавленная и изувеченная.

Развитие польской цивилизации не остановилось после смерти Болеслава Кривоустого; дробление страны представляло некоторые выгоды: каждый двор сделался центром просвещения и прогресса. После удаления татаро-монголов от всей этой работы остается лишь гряда развалин; села сожжены, поля лежат невозделанные, население рассеялось. Надо все начинать снова. Старая Польша исчезла; возникающее теперь новое общество будет представлять лишь отдаленное сходство с прошлым обществом.

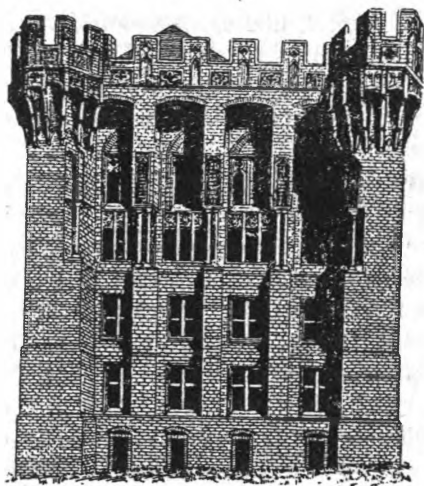
Моральные последствия нашествия оказываются еще более пагубными, чем материальные потери. Грубо остановленная в самый разгар культурного развития, Польша утратила любовь к труду и как бы смысл жизни. Робкие и благочестивые умы ищут спасения в мистицизме, замыкаются в монастырях. Никогда в Польше не было столько святых, как в то время. Возникает бесчисленное множество обителей, церковь накапливает огромные богатства; канонизация Станислава, который становится патроном страны, является как бы символом установления господства церкви над государством.

С другой стороны, большинством жертв этого кризиса овладевает чувство усталости и апатии, и оно выражается лихорадочной жадностью наслаждений и честолюбием. Народ груб и расточителен; дворянство невежественно, легкомыс-

ленно и алчно. Охваченная отчаянием, Польша беспомощно опускает руки перед той великой задачей, которая предстоит ей; она снова встанет на ноги, но лишь с помощью чужой поддержки и за эту поддержку заплатит своими важнейшими областями.

Немецкая иммиграция; феодализм. В Польше издавна жили немецкие переселенцы; теперь они призывают к себе на помощь новых колонистов. Некоторые округа всегда были мало населены, другие были покинуты своими обитателями. Саксонские и фламандские крестьяне начинают массами переселяться в Польшу, и, как в Богемии, короли, дворяне и монастыри дают им обширные привилегии. Именно тогда земли, лежащие при слиянии Одера и Варты, отходят к асканийской марке; в то же время две сомкнутые колонны занимают северную и южную границы Польши и сжимают ее как тисками. На севере Померания переходит в руки немцев; на юге Силезия, онемечение которой началось еще в царствование Генриха I Бородатого до нашествия татаро-монголов, окончательно отделяется от Польши. Когда Казимир Великий в 1335 г. отказывается от всяких притязаний на эту провинцию в пользу Иоанна Люксембургского, он лишь официально признает давно свершившийся факт, и господство немцев в той области уже настолько упрочено, что его не поколеблет даже трехвековое владычество чехов. В борьбе между немцами и славянами Силезия является одним из главных форпостов, прикрывающих империю; она окажет последней не меньше услуг, чем область Тевтонского ордена, и в период упадка Германии она не раз оградит ее от непоправимых поражений.

Прилив немцев так велик, что грозит затопить всю страну; Великая Польша и почти вся Малая Польша уже заняты. Но здесь дворянство, по крайней мере, вовремя замечает опасность, грозящую стране, и начинает противодействовать неразумной безучастности королей. Однако города уже сохраняют немецкий характер; таковы Краков, Познань, Львов (Лемберг). Благодаря пробуждению славянского патриотизма, Польша сохраняет свою национальность, но она до конца остается расчлененной и неприкрытой против внешних нападений.

Резиденция великого магистра
Тевтонского ордена в Мариенбурге
(Мальборке). XIV в.

Как и в Богемии, массовый прилив колонистов, подчиняющихся особым законам, влечет за собой упадок старых учреждений. Церковь, искусно пользуясь охватившим общество благочестием, освобождается от юрисдикции общих судов, отвергает право князей на вмешательство в канонические выборы, увеличивает свои владения и освобождает крестьян, живущих в ее поместьях, от подчинения государственным чиновникам. Дворянство отделяется от остальной части нации, становится наследственным, присваивает себе исключительное право на ношение оружия и образует конфедерации, которые предписывают королям свои требования. Пройдет, конечно, еще не один век, прежде чем оно закончит свои завоевания, обратит крестьян в рабство и установит свою опеку над королевской властью; но уже с этих пор политический строй Польши, в некоторых существенных пунктах еще расходящийся с немецким феодализмом, основывается на идеях привилегии и иерархии.

Основание Тевтонского ордена. Поглощенные своими внутренними распрями, поляки не нашли в себе мужества даже для того, чтобы продолжать борьбу с языческими

племенами, которые опустошали их северные и восточные границы, и благодаря их неразумию честь обращения этих народностей в христианство досталась иностранцам. Поляки жестоко поплатились за эту беспечность.

Побережье Балтийского моря от Вислы до Прегеля со II в. н. э. было заселено летто-литовскими племенами, которые древнейшие летописцы называют пруссами (Prusi, или Prutheni), что обозначает, быть может, «рассудительные». Немногочисленные, разделенные на колена, которые сильно отличались друг от друга по языку и даже по происхождению, пруссы до истребительной войны с немцами, ожесточившей их нравы, отличались, по-видимому, мягким характером. Они стояли на очень низком уровне культуры, поклонялись силам природы и, будучи защищены болотами и лесами, которые делали их убежища почти недоступными, не имели ни политической организации, ни постоянного главы.

Пруссы, беспрестанно воевавшие с поляками, после смерти Болеслава Кривоустого перешли в наступление, и их набеги были более разорительны, чем опасны. Первый прусский епископ, Христиан (ум. в 1242 г.), приобрел среди них довольно много прозелитов, но его успехи раздражили язычников, которые вслед за тем несколько раз опустошили Померанию, Мазовию и Куявию. Крестовые походы разожгли их ненависть к христианам, не приведя ни к какому прочному результату; Христиан и поляки поняли, что для покорения пруссов необходимо водворить среди них постоянную и всегда готовую к борьбе вооруженную силу.

Мы видели выше, при каких условиях возник Тевтонский орден. Четвертый великий магистр ордена Герман фон Зальца, понял, что все походы против сарацин неминуемо обречены на неудачу, и стал искать в другом месте более удобную арену для военной деятельности. Андрей II Венгерский отдал ему юго-восточную часть Трансильвании; но его замыслы встревожили венгров, и Андрей II, раздраженный тяжким поступком Германа, отобрал у него свой дар (1224). В том же году поляки призвали его к себе на помощь против пруссов. Однако прошло несколько лет, прежде чем обе стороны пришли к соглашению. Епископ Хрис-

тиан и герцог Мазовецкий Конрад, будучи недовольны чрезмерными требованиями Тевтонского ордена, основали в Добржине новый орден «Христовых воинов в Пруссии»; но «добржинские братья» действовали неискусно и терпели поражения. Так что Конрад в конце концов вынужден был согласиться на условия Германа. По договору, заключенному в Леслау (1230), он уступил Тевтонскому ордену Кульмскую землю, то есть область между Дрвенцом и нижней Вислой; он даже не оговорил ясно верховных прав Польши. Мы видели выше, как император Фридрих II, папа Григорий IX и Иннокентий IV воспользовались этой ошибкой. Владения ордена сделались феодалом церкви св. Петра.

Орден тотчас принялся за завоевания и, подкрепляемый крестоносными ополчениями, которые почти ежегодно прибывали из Германии, быстро одержал ряд побед. Он занял правый берег Вислы, затем часть Вармии; страна начала заселяться немецкими колонистами, возник ряд городов: Кульм, Торн, Мариенвердер, Эльбинг. Между тем могущество ордена удвоилось благодаря его соединению с орденом меченосцев, который передал ему свои обширные владения.

Меченосцы. Восточное побережье Балтийского моря было занято народами финского (эсты, ливы и корсы) и литовского племени (летты, селлы и семигалы). Одно время они были подвластны Ярославу, который основал здесь Юрьев (Дерпт) на Эмбахе, и Владимиру Мономаху; но в общем они без большого труда отстаивали свою независимость против русских, взоры которых были в то время обращены не на Балтийское, а на Черное море. Крещение этих народов, начатое, но оставленное славянами, было доведено до конца немцами.

Образование немецкой Ливонии стоит в связи со вторичным основанием Любека Генрихом Львом в 1158 г. С верхнего Днепра торный торговый путь шел через Полоцк и Смоленск в бассейне Западной Двины; отсюда суда направлялись к Траве мимо Висби на острове Готланде. Вскоре у немцев явилось желание прочно утвердиться в стране, представлявшей такие большие удобства для торговли. Епископ Мейнгард, получивший имя апостола Ливонии, призвал колонистов, построил в Икскуле церковь и крепость (1187) и таким

образом подготовил почву для деятельности епископа Альбрехта, который является действительным основателем германского могущества в этом крае. Альбрехт (1198–1229) заложил Ригу в необыкновенно удобной местности, там, где устье Риги, на правом берегу Двины, образует превосходную естественную гавань; новый город почти тотчас сделался важным торговым пунктом; с тех пор он стал столицей Ливонии. Нуждаясь в постоянном войске, Альбрехт основал орден меченосцев (1200), утвержденный буллой Иннокентия III в 1204 г. Далеко превосходя своих противников как дисциплиной, так и вооружением, и опираясь на вражду между туземными народами, меченосцы быстро покорили ливов и леттов; затем, овладев Ливонией, они приступили к завоеванию Курляндии и Эстляндии. Не прошло и 20 лет после прибытия Альбрехта, как страна получила другой вид. У устья Двины была воздвигнута церковь, к которой вскоре примкнула крепость – Дюнамюнде; по течению реки расположились Гольм, Иксуль, Ленневарден, Кокенгузен; Венден-на-Аа был второй столицей Ливонии, а на севере Феллин грозил Юрьеву (Дерпту). Остановленный на короткое время датским королем Вальдемаром Победоносным, орден вскоре возобновил наступательное движение и закончил свои завоевания на севере взятием (1224) Юрьева (Дерпта) и острова Эзеля (1227), тогда как на юге он продолжал продвигаться через Курляндию навстречу аванпостам, выдвинутым Германией по направлению к Неману.

Однако немецкие поселения в южных областях Балтики носили совершенной иной характер, чем колонизация восточных провинций. По меткому выражению Шимана, Померания и Пруссия были продолжением империи, тогда как Ливония и Курляндия представляли собой только ее колонии. Сюда являлось множество купцов и искателей приключений, но большинство из них затем возвращалось на родину, и во всяком случае они не вступали во владение землей. Так как сопротивление было непродолжительным, то оно не возбудило той ожесточенной ненависти, которая в иных местах порождала меры, направленные к истреблению туземцев. Наконец, население было, по-видимому, чрезвычайно цепко и упорно, хотя и не воинственно. Оно было поко-

рено, но сохранило свой язык, свои нравы, свою национальность; после шести веков владычества немцы составляли в этих областях лишь 7 % населения, тогда как на долю финнов приходилось 39 %, а на долю литовцев – 47 %.

Этим объясняется то обстоятельство, что господство меченосцев в том крае всегда было несколько шатко и непрочно. Пока им приходилось иметь дело с изолированными народами, опасность была невелика, но против них готовились выступить новые враги – русские с верхней Двины и Пейгуса, которые, пробудившись от своей долгой апатии, наконец-то увидели, что Балтийское море закрыто для них и что начинает организовываться литовское государство. Магистр меченосцев Волькин, чтобы спасти «новую Германию», задумал объединить оба балтийских ордена, и Герман фон Зальца, после некоторого колебания согласился (1237). «Черный крест побратался с красным крестом»¹. Управление владениями меченосцев было поручено *Landmeister* Тевтонского ордена.

Успехи ордена. Объединение орденов дало возможность немцам справиться со всеми известными затруднениями. В южных областях Балтики опасные восстания несколько раз грозили уничтожить плоды достигнутых успехов. Наконец, около 1283 г. пруссы отказались от борьбы, и вся область, простирающаяся от большого изгиба Вислы за нижний Неман и от обоих Гаффов до плоскогорья, орошаемого Мемелем, Прегелем и Наревом, была окончательно покорена. Героическое сопротивление было жестоко подавлено; страна буквально обезлюдела; немногие туземцы, которые спаслись от меча завоевателей или не предпочли их игу изгнания, были обращены в самое тяжелое рабство; они быстро были поглощены массой немецких колонистов. Прекращение померанской династии в 1295 г. позволило ордену овладеть Померелией, занять правый берег Вислы и таким образом установить непосредственное сообщение с империей (1308–1309).

«Странные люди были эти тевтонские рыцари: грубые солдаты и осторожные администраторы, монахи, способные

¹ Меченосцы носили белый плащ с изображением меча и красным крестом на плече.

Ландграф Конрад Тюрингский
(ум. в 1241 г.) в орденском облачении
рыцарей Тевтонского ордена.
Статуя с его гробницы в церкви
святой Елизаветы в Марбурге

на величайшее самоотречение, и отважные купцы, они являются прежде всего смелыми и проницательными политиками». Жестокие и хищные, но настойчивые, храбрые и осмотрительные, поставленные судьбой в такие условия, которые как нельзя более благоприятствовали развитию отличительных черт их расы, они сумели основать могущественное государство без официальной помощи Германии и сумели удержать позицию, несмотря на бездействие императоров. Под их властью в этих восточных провинциях образовалась особая национальность, которая, благодаря смешению с ли-

товцами и долгим войнам, приобрела необыкновенную жизнеспособность. Когда позднее завоевателям Пруссии пришлось соединиться с завоевателями Бранденбурга, то без труда совершилось слияние между обеими народностями, которые выросли в одинаковых условиях и, будучи подготовлены полной трудов молодостью к самым опасным предприятиям, рано научились распространять в чужих краях славу немецкого имени.

В провинциях восточной Балтики успех ордена был не так полон, но не менее блестящ. Покорение Семигалии в 1290 г. закончило период завоеваний; в это время немцы господствуют от устьев Шельды до устьев Наровы. Соборные церкви Дерпта и Риги, церкви св. Олафа и св. Николая в Ревеле свидетельствовали о могуществе немецких городских общин Ливонии, Эстонии и Курляндии; они принадлежали к самым деятельным членам Ганзейского союза, и их гордая независимость не раз становилась опасной для рыцарей.

Пробуждение национального чувства поляков. Эти тяжкие удары, наконец, пробудили или, вернее, создали национальное самосознание славян. Поляки, со всех сторон теснимые немцами, начали роптать против близорукой политики, из-за которой их отечество становилось добычей иностранцев, начали сознавать опасность дробления, которое лишало его сил для сопротивления. Когда народ твердо решается избежать порабощения, он всегда найдет случай для этого. Смерть Генриха IV Силезского в 1290 г. знаменует собой начало нового периода в истории Польши. Пржемыслав Гнезненский, которого поддерживала национальная партия, вследствие своей преждевременной смерти не успел приобрести сильного влияния (1296); он, по крайней мере, указал своим преемникам цель, к которой следовало стремиться, и, короновавшись королем, восстановил в глазах иностранцев независимость нации. Вскоре Польша находит драгоценного союзника в полуславянском народе — литовцах.

Литовцы, из которых пруссы составили передовой пост у Балтийского моря, обитали главным образом в бассейне Немана. Они делились на несколько крупных групп: жмудь обитали на Дубиссе и Невьяже, собственно литовцы — на

Немане и Вилии; далее к северу обитали семигалы и летты (на Аа в Курляндии и на Неве), к западу – ятвяги (на Буге). Они распались на множество независимых колен и вечно воевали с русскими; падение Киева усилило их честолюбие, и мечта о литовско-русской державе начинала уже тревожить воображение наиболее отважных литовских князей. Одному из них, Миндовгу, удалось прогнать остальных вождей и соединить вокруг себя всю нацию для завоевания соседних областей. Он овладел Витебском, Полоцком и Смоленском, обезоружил тевтонских рыцарей принятием христианства, приобрел покровительство Иннокентия IV и королевскую корону. Вскоре он вернулся к язычеству, чтобы удовлетворить своих подданных, и попытался изгнать рыцарей; но в 1263 г. он был убит, и вновь раздробленная Литва, где старые распри осложнились теперь борьбой между язычниками и христианами, оставила Пруссию на произвол немцев. Однако надежды, возбужденные Миндовгом, не были совершенно забыты, и в следующем веке за осуществление его планов с большей энергией и успехом принялись Гедимин и Витов. В истории Восточной Европы немного таких любопытных эпизодов, как образование этого литовского государства, которое, исключительно благодаря энергии нескольких смелых политиков, вопреки географическим и этнографическим условиям, возвышается до необыкновенного могущества и грозит полякам не меньшей опасностью, чем русским.

Русь и татаро-монголы

Дробление Руси; Владимир Мономах. Упадок Киева. Северная Русь; Суздаль. Новгород и Галиция. Завоевание Руси татаро-монголами. Золотая Орда; Александр Невский. Влияние татаро-монголов на Русь.

XII и XIII вв. были для Руси, как и для западных славян, периодом упадка и тяжелых испытаний. Внутреннее дробление влечет за собой политическую слабость: западные и южные области теряют свое преобладающее положение, подвергаются иностранному влиянию и стремятся обосо-

Дружина русского князя

биться от новой Руси, которая организуется в бассейне верхней Волги. Суздальская Русь, застигнутая татаро-монгольским нашествием на пути к преобразованию, становится добычей диких полчищ и на несколько веков подчиняется их владычеству. Татаро-монгольское завоевание завершает давно подготовлявшееся разделение Руси на две национальности: на великороссов и малороссов, на Москву и Южную Русь, и в то же время окончательно отрезает суздальских князей от Европы. Отброшенная на востоке, Русь становится наполовину азиатской и восточной страной; влияние Византии, теперь ничем не уравновешиваемое, глубоко проникает в нее, и православная Москва начинает смотреть на польских славян, преданных католицизму и подвергшихся влиянию латинских и германских народов, только как на своих врагов.

Вопреки утверждению славянофилов, которые считают счастьем для Московской Руси то обстоятельство, что история спасла ее от развращающего влияния цивилизации, этот разрыв между Русью и Европой оказался пагубным для

восточных славян, и печальные последствия его еще долго напоминали о себе. Однако следует признать, что бедствия XIII в. не имели для Руси таких губительных последствий, как для Польши: для нее период испытаний был и периодом плодотворной подготовки. Прежде всего, западные области остались русскими, несмотря на господство различных чужеземных властителей; находя убежище в своей религии, они никогда не примирились с завоеванием, и когда они снова соединяются с Восточной Русью, объединение совершается без серьезных затруднений. Далее, в то время, когда поляки, стараясь на востоке вознаградить себя за свои западные потери, встречают непреодолимые препятствия и подготавливают себе в будущем опасные осложнения, русские владеют неизмеримой территорией, на которой могут развернуть свои силы. Финны отступают перед ними или смешиваются с ними, и, медленно продвигаясь вперед в бассейн Волги, они начинают ту вековую колонизационную деятельность, которая становится основой их могущества и которая вырабатывает в них отличительные черты их национального характера – твердость, энергию, настойчивость. Наконец, княжеская власть на этих новых землях крепнет; физические и исторические условия национального развития с одной стороны, влияние византийских традиций и татаро-монгольского завоевания – с другой, ведут к образованию административной и абсолютной княжеской власти, несравненно более благоприятной для широких замыслов и долголетних начинаний, чем избирательная и феодальная власть польских королей.

Дробление Руси; Владимир Мономах. Со смерти Ярослава до татаро-монгольского нашествия русской истории, собственно говоря, не существует; смута достигает крайних пределов, число и границы княжеств беспрестанно меняются. Один историк насчитал на протяжении полутора веков 64 княжества, 293 князя и 83 междоусобные войны. «Княжеское безначалие на Востоке, – говорит Рамбо, – может сравниться с феодальной анархией на Западе». Однако – как это ни кажется парадоксально – Русь, раздробленная на уделы, даже в тот период представляет все признаки единой обширной державы. Как бы ни была силь-

на анархия, она всегда кажется здесь случайной. Ни одно из княжеств не имеет ни своих границ, ни своей истории, ни своих традиций; общность языка, веры, цивилизации, характер почвы, торговые сношения, исторические воспоминания, единство происхождения князей, верховенство, хотя и номинальное, великих князей киевских придают дроблению вид чего-то временного и случайного; время от времени какой-нибудь князь подчиняет остальных своей власти и таким образом снова воскрешает идею национального единства.

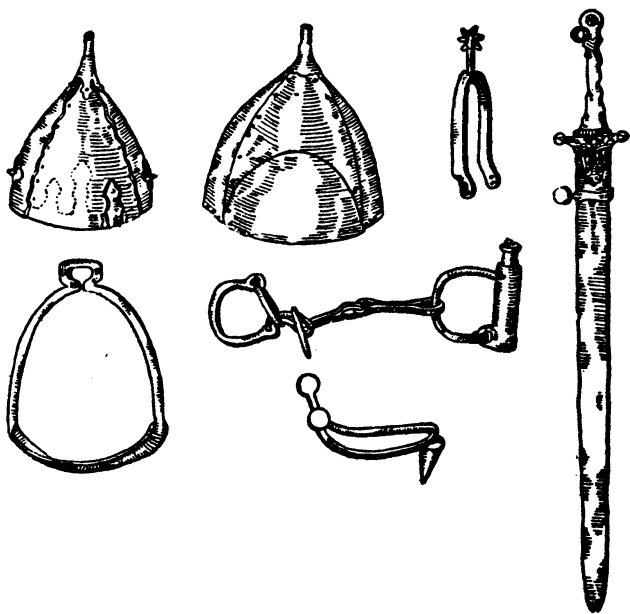
Таков, например, Владимир Мономах (1113–1125), доблестный воин и неустрашимый охотник, которого киевляне призвали на свой трон, может быть, не столько потому, что он умел защищать их от половцев, сколько потому, что он был защитником угнетенных и рабов. Владимир – последний великий князь, фактически господствовавший над всей первоначальной Русью, или вернее – последний представитель умирающего политического принципа, социального и духовного строя. Притом, он самый замечательный их представитель. Христианская идея, не ослабив стойкости и энергии расы, смягчила ее грубость и возвысила ее идеал. Завещание Владимира Мономаха удивительно по соединению смирения и величия, милосердия и преданности долгу. «Во всей средневековой немецкой литературе, – говорит один немецкий писатель, – нет ничего, что можно было бы поставить рядом с грустным и благородным завещанием славянского Марка Аврелия».

Упадок Киева. После Владимира смута возобновляется с удвоенной силой. В течение 44 лет сменяется 18 великих князей, и почти каждая смена сопровождается междоусобием. Среди этих нескончаемых смут главенство Киева становится все менее реальным, и обаяние его быстро исчезает. Самый могущественный государь той эпохи, суздальский князь Андрей Боголюбский, не считает даже нужным принять великокняжеский титул. Отныне Киев является только преградой; чтобы могло родиться будущее, прошлое должно исчезнуть. В 1169 г. священный город был взят и разграблен русскими. В 1203 г. он вторично был опустошен половцами.

Так прекратилось существование Древней Руси, державы, основанной Рюриком. Но падение Киева не было гибель-

лью одного города: вместе с ним потерпел крушение весь Юг. Здесь физические условия слишком непостоянны, дикие орды – слишком близки: как могли на этом главном пути азиатских полчищ возникнуть прочное государство, постоянный политический строй? Слишком рано, когда национальный характер еще не установился окончательно, нахлынули в страну чуждые элементы, искатели приключений, призываемые князьями, беглецы, искавшие убежища от новых завоевателей. Отсюда необыкновенная путаница идей, странная смесь принципов и традиций: утонченная культура смешивается с крайним невежеством; демократические учреждения проникаются деспотизмом; князей призывает народ, но сам народ представляет собой уже разнородную смесь непримиримых элементов. Здесь все шатко и неустойчиво: отсутствие прочной организации ведет к дроблению общества, открывает простор личным страстям; произвол сильных, угнетение слабых, господство прихотей и своеволия – отличительные черты позднейших казацких республик – лишают общество сил к сопротивлению и делают страну игрушкой случайностей.

Киевская Русь, осужденная нести чужеземное иго, надолго отрезает Северную Русь от Европы. Отдельные ветви русских славян подвергаются разнородным историческим и этнографическим влияниям, вследствие чего различия между ними, уже давно дававшие себя чувствовать, становятся теперь глубже и заметнее. Особенности в языке становятся резче и приводят в конце концов к образованию двух различных языков. Однако несмотря на образование особой южнорусской национальности, воспоминания о первоначальном единстве не исчезают совершенно. Киев никогда не забудет, что он был первой столицей Руси, и обращение московских царей к его патриотизму никогда не будет бесплодно. Точно так же Москва не забудет, что она получила христианство от Киева и что в отдаленные времена он был той светлой точкой, откуда заря цивилизации освещала всю страну. Целые века разъединения не изгладят первых воспоминаний о племенном единстве, и полный разрыв окажется невозможным. Историки обоих братских народов будут спорить о том, кто из них дал России ее первые литератур-

Вооружение воинов Киевской Руси
(шлемы, шпоры, меч, секира, стремя, конские путы)

ные произведения – *Летопись Нестора*, *Жития печерских отшельников*, *Паломничество Даниила*, *Поучения Кирилла Туровского*, а также ее былины, которые возникли, без сомнения, на берегах Днепра, но сохранились лишь в памяти обитателей побережий Белого моря. Но как бы страстно ни было это соперничество, обращенное назад, – не свидетельствует ли оно о первоначальном единстве обеих рас, которые были разделены только историческими событиями и которые объединяются в прошлом совместно вынесенными испытаниями, в будущем – общностью веры и одинаковой преданностью русской отчизне?

Северная Русь; Суздаль. «Обитатели Южной России – с красивым лицом и высоким ростом, худощавы и изящны по телосложению; они обладают живым и подвижным умом, но вместе с тем они непостоянны и беспечны, склонны к колебаниям и менее решительны и поэтому бо-

лее апатичны и менее предприимчивы». Они слишком мягки, чтобы стойко переносить долгие испытания, слишком непостоянны, чтобы доводить до конца предприятия, требующие веков для своего осуществления. «Великоросс менее независим, менее горд, менее самобытен, чем остальные славяне, но более терпелив, более настойчив и менее разбрасывается в своих стремлениях. По справедливому замечанию Герцена, если славянская кровь отяжелела в нем, зато благодаря смешению с более тяжеловесными расами он утратил ту подвижность, которая оказалась столь губительной для остальных славянских племен» (А. Леруа-Болье). «Лучшие великорусские песни, – говорил Костомаров, – те, которые изображают нам дух, собирающийся с силами, победоносный или побежденный, но всегда стоящий выше несчастья, которое может победить, но не сокрушить его; они прославляют больше всего силу воли и настойчивость». В них чувствуется душа сильного работника, который делает свое дело без энтузиазма, но и без отдыха, неохотно поднимает глаза от своей пашни, привязан к земле и орошает ее своим обильным потом.

Этими несравненными качествами – выносливостью, смирением, трудолюбием и дисциплинированностью, – внушающими почтительное удивление всем, кто изучает русских, они, без сомнения, обязаны отчасти некоторым случайностям своей истории, преимущественно татаро-монгольскому нашествию, отчасти же смешению с поглощенными ими финскими народностями. Но, главным образом, эти черты являются результатом той колоссальной работы, которую они совершили, заселив неизмеримые равнины Восточной Европы. Для западноевропейского человека история России начинается только с Петра Великого; но в действительности завоевание Балтийского и Черного морей составляет лишь эпилог. Свое главное дело Россия совершает на Востоке – в бассейне Волги, на Урале, в Азии; оно продолжается и в наши дни, без шума, но уже быстрее, потому что количество работников больше и потому что Россия располагает теперь всеми средствами современного знания и огромными капиталами; но началось оно десять веков назад. Не один только Петербург основан славянами в стране чуди, но и Москва, Суздаль, Вла-

дмир, Тверь, словом – столицы всех русских княжеств Севера и Востока. Западные народы долгое время относились с известным пренебрежением к этим новичкам, которые ничего не прибавили к цивилизации. Но разве они оказали ей малую услугу, защитив ее и распространив до Тихого океана?

Между тем как южные и западные князья истощают свои силы в ничтожных распрях, суздальские князья, подстрекаемые религиозным рвением или честолюбием, медленно подвигаются вперед по лесистой стране, защищенной естественными условиями от нашествий кочевников. При Ярославе область средней Волги приобретает некоторое значение. Владимир Мономах основывает на берегу одного притока Оки, Клязьмы, город Владимир. Юрий Долгорукий, которому легенда приписывает основание Москвы (1197), дает решительный толчок колонизации и намечает путь, которым пойдут его преемники. Его сын Андрей Боголюбский переносит свою резиденцию во Владимир, лишает Юг его преобладающего значения и подчиняет своей власти весь Север. Толчок так силен, что усобицы, наполнявшие первый период истории Суздальского княжества, не могли остановить движения; каждое княжение ознаменовывается дальнейшим шагом на Восток, и в 1220 г. Юрий II, великий князь Владимирский или Суздальский, основывает Нижний Новгород.

Уже ясно намечается тип суздальских князей, несколько не похожий на тип князей киевских. Героев сменили политики. Отважные искатели приключений теперь редки; святые не носят короны, а стоят у ступеней трона. Новая династия, удивительно пригодная для руководства народом, отличительные черты которого воплощаются в ней с совершенной полнотой, – терпеливая и упорная, расчетливая и властная – с первых шагов требует и добивается безусловной покорности. В городах, основываемых суздальскими князьями, нет народных собраний, которые могли бы противиться их воле; в той пустынной стране нет ни крупных фамилий, ни привилегий, освященных традицией. Повсюду близость врага заставляет народ сознавать необходимость дисциплины и сильной власти. Суздальская Русь есть *Марка*; подобно Бранденбургу, она имеет своеобразное лицо; ее великие князья являются славянскими Асканиями и Го-

генцоллернами, но их учителя – византийские императоры и ханы Золотой Орды.

Новгород и Галиция. Суздальская Русь еще вся в будущем; пока русскую историю следует искать скорее на западе: к северу – в Новгороде, к югу – в Галиции. Но их история коротка и не задержит нас долго. Судьба Новгорода блестяща; со своими 100 тысячами жителей и 300 тысячами подданных он рассеивает своих смелых охотников от Ингерманландии до Белого моря и начинает покорение Сибири. Нигде первоначальные славянские учреждения не остаются до такой степени чистыми от всякой примеси, как в Новгороде. Но каковы итоги его деятельности? Он не сумел ни защитить балтийские побережья от нашествия немцев, ни поддержать русскую морскую торговлю в противовес Ганзе; его влияние на остальных славян было ничтожно.

То же самое относится и к Галиции. В ее тогдашнем центре, Галиче, царствовало несколько замечательных князей: Роман Волынский и, особенно, его сын Даниил (1205–1264). Но их деятельность прошла бесследно, и после них Галиция, издавна подпавшая под иностранные влияния, становится ареной борьбы между поляками и венграми, пока не присоединяется окончательно к Польше.

Несмотря на то, что Русь, вследствие постепенного передвижения центра ее политической жизни все далее на восток, а также вследствие все углубляющегося разрыва между латинским и византийским миром, является теперь уже гораздо менее европейской страной, чем в предшествующую эпоху, но она еще отнюдь не вполне порвала с Западом. Этот разрыв был ускорен татаро-монгольским нашествием.

Завоевание Руси татаро-монголами. Ниже читатель познакомится с историей происхождения тюркских народов и образования державы Чингисхана¹. Во время своего движения из Азии в Европу татаро-монголы на границе последней были задержаны на минуту союзом алан и половцев. Они сумели разъединить своих врагов, одолеть их порознь, и затем наводнили своими полчищами каспийские и черноморские степи.

¹ См. ниже, глава 16.

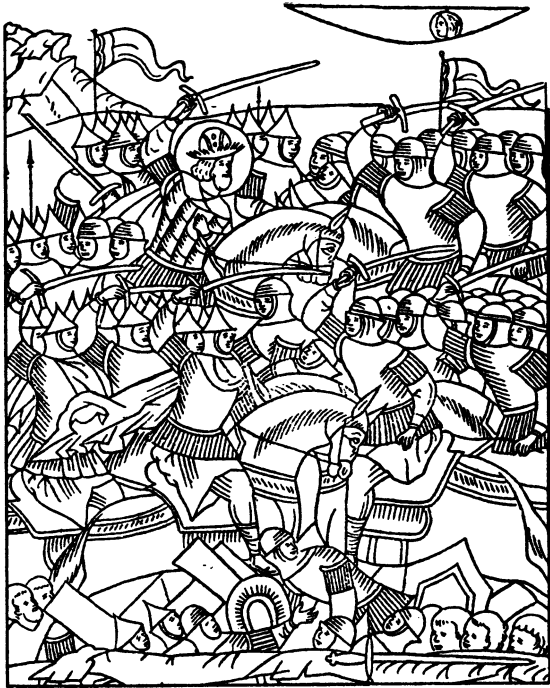
Александр Невский

Призванные на помощь уstraшенными половцами, русские князья выступили против татаро-монголов с 80-тысячным войском и встретили их на берегах Калки (1224). Русские, ослабленные бегством половцев, потерпели жестокое поражение. Смерть Чингисхана (1227) на короткое время замедлила нашествие, но затем татаро-монголы, покорив Китай, вернулись в Европу (1235). Во главе их стоял Батый, один из внуков Чингисхана, правивший, под верховной властью Огтая, западной частью монархии. В его войске было лишь несколько тысяч монголов; большинство же армии состояло из покоренных ими племен – преимущественно турок. В 1237 г. монголы напали на волжских болгар и разрушили их столицу, Болгарию. Русские, по-видимому, не предчувствовали приближающейся опасности; впечатление, произведенное на них поражением при Калке, быстро изгладилось. Раздоры продолжались в виду врага; русские князья дрались храбро, но в одиночку; их поражение было неминуемо. Первым пало Рязанское княжество. Затем очередь дошла до Суздаля. Впервые суздальцы были

разбиты у Коломны на Оке; Владимир, Суздаль, Ростов, Ярославль были сожжены; великий князь Юрий II был побежден и убит в сражении при Сити (1238); Новгород был спасен лишь ранним наступлением оттепели, которая остановила Батюга; Киев был взят и так же беспощадно разорен, как Владимир (1240). «Некогда это был большой и многолюдный город,— пишет Плано Карпини,— теперь он ничтожен; в нем осталось не более 200 домов, и над жителями тяготет суровое рабство».

Золотая Орда; Александр Невский. Покорив Киев, татаро-монголы вторглись в Галицию, затем напали на Польшу и Венгрию. Германия была спасена, может быть, случайностью, именно смертью Октая, заставившей Батюга вернуться на Восток. Он сделал своей резиденцией Сарай на берегу Ахтубы, одного из притоков нижней Волги. Вокруг ханского золотого шатра (орды) вскоре вырос огромный город, и соседние князья подпали под власть Батюга и его преемников. Волжские татары, рано перешедшие в мусульманство, всегда оставались более чем наполовину кочевым народом; они представляли поразительное зрелище могущественного и правильно организованного государства, созданного народом, который никогда не приобрел полной оседлости.

Преемники Батюга, освободившись вскоре от верховной власти главного монгольского хана, терпели вокруг себя лишь таких князей, которые признавали над собой их верховенство. В течение нескольких веков русские князья должны были склонять голову. Природа издавна приучила их народ смиряться перед Божьей волей; теперь им самим суждено было пройти ту же тяжелую школу. Что им оставалось делать? Возмущаться? В храбрости у них не было недостатка. Против обыкновенных врагов они мужественно защищали достоинство славян; новгородский князь Александр (1252—1263), которому его блестящая победа над шведами доставила прозвание Невского и который с торжеством вступил в Новгород, перебив в Ледовом побоище 400 рыцарей-меченосцев (1242), недаром возведен народной легендой в герои. Но борьба с татаро-монголами была слишком неравна, и всякая преждевременная попытка свергнуть

Ледовое побоище, перелом в битве.
Лицевой свод. Лаптевский том

иго навлекала на страну новые бедствия. Нужно было меньше мужества, чтобы вызвать татаро-монголов на открытый бой, чем чтобы отправиться в их столицу, отдаться в их руки и тем приобрести их расположение; не один князь сложил голову в Сарае. Александр Невский «своими победами над западными народами доставил России некоторую славу и спас ее от отчаяния в минуту самого страшного материального и духовного разгрома, который когда-либо постигал европейское государство» (Рамбо). Смирением и покорностью перед ханом Александр покупал мир и безопасность. Подобно ему и его преемники подчинялись обстоятельствам; они были терпеливы, потому что верили в будущее; они были осторожны, потому что понимали, что неблагоприятный поступок может надолго отсрочить освобождение

ние; они думали, что каждому дню довлеет его злоба, и медленно подготавливали те средства, которые должны были дать их преемникам возможность свергнуть ненавистное иго.

Влияние татаро-монголов на Русь. Долго было в моде считать русских монголами и татарами; теперь доказано, что этнографическое влияние победителей при Калке на славян было ничтожно. Но было бы ошибочно заключать отсюда, что владычество Золотой Орды не оставило глубоких следов в нравах и судьбах покоренного народа. Можно спорить о том, не византийского ли происхождения тот или другой обычай, начало которого долго искали в Сараях, — например, употребление кнута и жестокость наказаний, заключение женщин в терем, обычай падать ниц перед государем. Но все это лишь второстепенные подробности. Важен основной факт: в течение нескольких веков народ остается подвластным азиатской орде.

В XI в. Русь еще составляла часть европейской политической системы; узы, связывавшие ее с Западом, в XII в. слабеют, но окончательно порываются лишь в 1240 г.: с тех пор она является уже только вассальным княжеством Золотой Орды. Осужденная на полное одиночество, предоставленная своим собственным силам, лишенная всякой поддержки извне, она не испытывает даже косвенного влияния культурных успехов и переворотов, совершающихся в цивилизованном мире. Ей ставят в упрек скудость ее истории; действительно, она не имела ни феодализма с его крестовыми походами, ни третьего сословия с его коммунами; у нее не будет ни Реформации, ни Возрождения; ее политические и социальные институты являются недоносками, как бы задушенными в зародыше. Но не надо забывать, что она жила в вечном страхе вторжений, что она была поглощена одной мыслью — не задохнуться в железных объятьях чужеземца, и что во время этой долгой агонии она могла рассчитывать только на самое себя и на мудрость своих правителей.

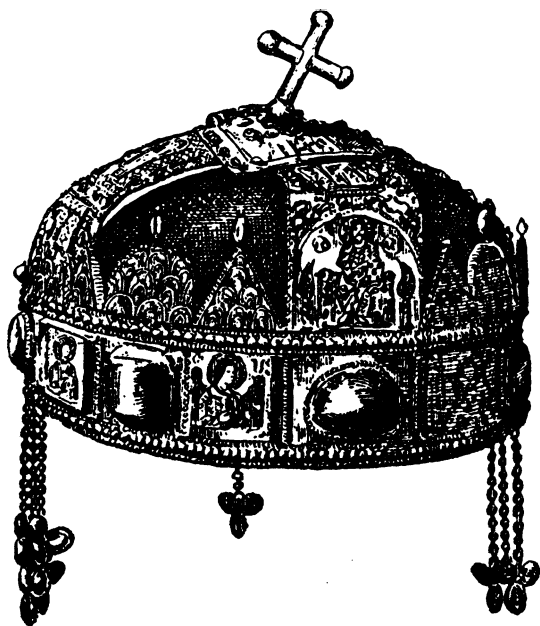
Такой «школы терпения» не прошел ни один народ. Как и везде, «рабство порождает здесь раболепство, сила заменяется лукавством». Но порабощение Руси обеспечивает ее будущее. Чем тяжелее гнет, тем страстнее привязывается она к тому, что отличает ее от чужеземца, — прежде

всего к своей вере, затем к своим государям. Православие становится палладиумом национальности и сливается с ней; греческий крест становится штандартом Святой Руси. Под татаро-монгольским гнетом умолкают внутренние раздоры, борьба личных честолюбий прекращается. Конечно, было бы преувеличением приписывать образование единой и неограниченной русской монархии исключительно влиянию татаро-монгольского ига; очень вероятно, что географические, этнографические и политические условия во всяком случае привели бы к установлению централизации и единодержавия; но несомненно, что завоевание ускорило и усилило этот процесс. Прежде всего, татаро-монголы остановили политическое дробление; затем, становясь большей частью на сторону великих князей московских и доверяя им собирание дани с остальных князей, они приучили их смотреть на себя, как на верховных владык страны, и в то же время представляли им образец неограниченной власти, так что без преувеличения можно сказать, что Иоанн Грозный был бы невозможен без Чингисхана. Наконец, что особенно важно, общая опасность создала неразрывные узы между государем и народом. «Отправляясь в Орду для взноса дани или для переговоров, князь предварительно составлял свое завещание. Он объявлял, что едет искать милостей для своего народа, рискуя жизнью, и что готов принять смерть за своих подданных» (Лежер). Народ платил безграничной преданностью князю, который отдавал жизнь за своих подданных и все мысли которого были направлены к торжеству веры и освобождению отечества.

Венгры

Обстоятельства, благоприятствовавшие успехам венгров. Владислав и Коломан. Упадок Венгрии (1114–1205). «Золотая булла». Татаро-монгольское нашествие; немецкая колонизация. Прекращение династии Арпада.

Обстоятельства, благоприятствовавшие успехам венгров. Тем, кто склонен сомневаться в замечательных способностях финской расы, достаточно указать на при-

Корона святого Стефана

мер мадьяр, которые благодаря выдающимся дарованиям сумели отстоять свою национальность против враждебных народностей, окружавшим их страну со всех сторон. Ослабленные внутренними раздорами и политической смутой, предшествовавшей установлению феодального порядка, они перенесли немецкую иммиграцию, не утратив ни одного из своих прав, и даже татаро-монгольское нашествие лишь на короткое время задержало их развитие. Правда, обстоятельства благоприятствовали им. Горы, окружающие Венгрию с севера и востока, несмотря на то, что венгры не владеют их склонами, составляют отличную оборонительную линию, и славяне, отделенные этой преградой от своих соплеменников, без труда примиряются с владычеством мадьяр, которые притом в ту эпоху щадят их автономию и не нарушают их прав. На юге Кроация (Хорватия) со времени своего присоединения к Венгрии составляет род оборонительной марки, а Византийская империя, которая по своей слабости

более не может внушать страха, старается помешать образованию сильной южнославянской державы, которая могла бы очень скоро сделаться опасным центром притяжения. На севере и западе Венгрия граничит с Германией, но последняя всецело поглощена борьбой, в которой истощают свои силы Гогенштауфены, и не интересуется тем, что делается на востоке. Австрийские маркграфы заняты одновременно множеством предприятий и не могут быть так опасны для своих соседей, как Аскании. Наконец, Венгрия с этой стороны прикрыта славянскими плоскогорьями, которые пока лишь отчасти онемечены, — главным образом, Богемией и Моравией. Таким образом, иностранные колонии всегда остаются в Венгрии чем-то спорадическим, и немецкие императоры легко отказываются от своих прав на верховенство, чтобы приобрести в мадьярах союзников против Пржемысловичей.

Эти благоприятные условия не могли бы надолго обеспечить независимость венгров, если бы не специальные дарования этой расы, соединяющей в себе блестящие военные способности с выдающимся политическим талантом. Быть может, очевидность опасности усилила эти природные способности. Со всех сторон окруженные врагами венгры, подобно норманнам в Англии, сознавали необходимость дисциплины и твердой организации. Их дворянство, крайне высокомерное и ревниво оберегавшее свои права, никогда не обратилось в олигархию; если оно сильно суживает пределы королевской власти, то оно, по крайней мере, отчасти заменяет ее и, вовлекая в круг политических интересов значительную часть нации, подготавливает для будущего почти неисчерпаемый запас сил.

Владислав и Коломан. Два преемника Стефана Святого, Владислав Святой (1077–1095) и Коломан (1095–1114), расширяют границы страны до ее нынешних пределов и обеспечивают конечное торжество христианской цивилизации. Владислав покоряет Трансильванию, которая до сих пор была связана с Венгрией лишь слабыми вассальными узами. В восточных округах ее он поселяет мадьяр, так называемых *чеклеров* («пограничных жителей»), обязанных отражать вторжения. Он подготавливает присоеди-

нение Кроации. Коломан заканчивает его (1102), и кроаты, оторванные от сербов различием веры, без сопротивления покоряются владычеству, которое не посягает на их существенные права.

Внутри церковь вырабатывает свою организацию, собственность крепнет, и королевская власть приучает феодальное общество уважать ее прерогативы. Обязанности вассалов в то время нигде не были определены точнее, нигде подати не взимались легче, чем в Венгрии. Самые страстные противники мадьяр при виде этой превосходной организации испытывают зависть, которую плохо умеют скрыть. Немецкий епископ Оттон Фрейзингенский, удивляясь «милосердию Господа, давшего таким чудовищам столь приятную землю», хвалит их мудрость и покорность королю, «воля которого повсюду признается законом».

Упадок Венгрии (1114–1205). Однако вскоре Венгрия уступает соблазнам, которыми являются для нее смуты в Польше и Руси. Несколько раз она ставит королей на престолы Червонной Руси и Галиции. Это призрачные успехи; ими воспользуются позднее только Габсбурги, которые во время раздела Польши возобновят притязания Белы III и Андрея II на Галицию. В этих дурно веденных войнах нация без пользы истощила свои силы и королевская власть дискредитировала себя. Был момент, когда Венгрия едва не превратилась в византийский лен. Эгоистическая олигархия забирает в свои руки государственные должности. Епископы, владеющие огромными поместьями, составляют настоящее государство в государстве. Андрей II (1205–1235) признает за дворянами наследственные права собственности на вотчины и должности, пожалованные им его предшественниками. Пала не только центральная власть, но и самое королевство, ставшее игрушкой в руках нескольких магнатов; оно было спасено сопротивлением мелкого дворянства.

«Золотая булла». Дворянство отказалось принять закон, ставивший его в подчиненное положение, и на сейме 1222 г. заставило короля издать «Золотую буллу», которая долгое время являлась основой венгерского государственного права. Мадьяры часто говорили о том, что они первыми на материке Европы ввели у себя парламентский режим,

Венгерский всадник

и сравнивали «Золотую буллу» с английской Великой хартией. И не без основания: «Золотая булла», подобно Великой хартии, возвещает основные принципы современного государственного строя – личную свободу, вотирование податей и военных наборов, регулярное созывание сеймов, ответственность министров, право сопротивления государю в случае нарушения им конституции. Однако это не важнейшие параграфы буллы. Она была направлена не столько против узурпаций государя, представлявших незначительную опасность, сколько против притязаний высшей знати, и самым благодетельным ее последствием было именно то, что она сохранила в Венгрии многочисленное мелкое дворянство, ревниво оберегавшее свои права, способное защищать их, практически опытное, воинственное и задорное, которое сделалось одним из самых надежных оплотов нации и оказывало неодолимое сопротивление как тирании, так и иноземным нашествиям.

К несчастью, – и этим история Венгрии отличается от истории Англии – это мелкое дворянство, внушая другим уважение к своим правам, само не умело уважать права народной массы. Крестьяне были обращены в самое суровое рабство. Венгрия не имела ни коммун, ни буржуазии. Не то, чтобы там не было горожан, но все они были иностранцы, и само их происхождение заставляло подозрительно смотреть на их вмешательство; они сами никогда не смотрели на Венгрию, как на свое отечество, заботясь более о том, чтобы обеспечить себе привилегированное положение, чем о том, чтобы содействовать благу государства. Как и в Польше, города, основанные немцами, держались в стороне от общественной жизни, и немецкая иммиграция имела здесь, хотя и в меньших размерах, те же пагубные последствия, как и в соседних славянских странах.

Татаро-монгольское нашествие; немецкая колонизация. В Венгрии, как и в Англии, установление парламентского режима не обошлось без смут, и когда в 1241 г. в Венгрию вторглись татаро-монголы, они увидели перед собой деморализованный и волнуемый внутренними раздорами народ. Мадыарская армия была истреблена у Моги, на берегу реки Сайо, близ ее слияния с Тейсой, и азиатские

орды, предав огню Пешт и Гран, прошли через всю страну до Адриатического моря. Когда волна нашествия отхлынула назад, Венгрия представляла собой пустыню; в некоторых округах можно было проехать пятнадцать дней, не встретив человека; голод был так велик, что продавали человеческое мясо; стаи волков, спускаясь с гор, осаждали деревни. Король Бела IV энергично принялся за дело, восстановил порядок, призывал колонистов, и они стекались отовсюду, преимущественно, конечно, из Германии.

Хотя торговые сношения с Востоком шли более через Венецию, чем через долину Дуная, но Венгрия привлекала купцов своими естественными богатствами. Купцы издавна начали селиться здесь оседло, образуя настоящие колонии; законодательные памятники беспрестанно упоминают об этих «гостях». Ко времени татаро-монгольского нашествия французские и итальянские купцы были настоящими господами Грана. Позднее стали переселяться земледельцы. Около 1150 г. Гейза IV призвал фламандцев и поселил их близ крепости Зибенбурга (Германштат); с тех пор немцы называют Трансильванию *Siebenbürgen*. Андрей II даровал переселенцам обширные привилегии (1224). Саксонцы, поселившиеся в Трансильвании, образуют нацию, сами избирают своих судей и священников и сохраняют полную политическую автономию. Некоторые другие части Венгрии были уступлены немцам еще раньше. Во второй половине XIII в. количество этих поселений увеличивается, и внутренний склон Карпат от Моравии до Трансильвании покрывается бесперывной цепью колоний. Они не составляют, подобно саксонцам на востоке, особой нации, но зависят исключительно от короля и пользуются самыми широкими гражданскими привилегиями. Более значительную группу образуют саксонцы в Ципсе: ими населено 24 города, из которых важнейшие – Лейтшау и Кесмарк.

Поощряя обработку еще незанятых или оставленных земель, Бела IV в то же время покровительствовал и торговле; старые города поднимаются из упадка, образуются новые центры. Как почти во всей Восточной Европе, города растут под иностранным влиянием, и буржуазия получает чисто немецкий характер. Магьярское дворянство оказыва-

ется более прозорливым, чем славянская аристократия: оно очень скоро замечает опасность, какой грозит стране это мирное нашествие; оно не противится иммиграции немцев и не оспаривает их привилегий, но размещает их особняком и преграждает им всякий доступ к влиянию на общую политику.

Прекращение династии Арпада. Таким образом, влияние немецкой колонизации на массу населения и на общее состояние умов было в Венгрии ничтожно. Нравы не смягчились, страсти не сделались менее необузданными; цивилизация развивалась крайне медленно, тем более, что при преемниках Белы IV и вплоть до прекращения династии Арпадов (1301) междоусобия почти не прекращались. Лишь при анжуйской династии Венгрия снова достигает славы и благосостояния.

Итак, в Венгрии, как и во всей Восточной Европе, XIII в. заканчивается печально. Повсюду независимые государства находятся в упадке. Стоя между двух огней, теснимые с Востока азиатскими варварами, с Запада немецкой империей, они не сумели ни предусмотреть, ни отворотить опасность. Татаро-монгольское нашествие сломило их последние силы и подготовило нашествие немцев, менее шумное, но фактически более опасное. Русь и Болгария утратили свою независимость; Польша, потерявшая лучшие провинции, кажется, готова забыть свое славянское происхождение; Богемия и Венгрия, покрытые чужеземными колониями и сдавленные кольцом немецких поселений, призывают на свой престол чужеземные династии. Казалось, никогда империя не имела больше шансов овладеть Дунаем, Эльбой, Одером и Вислой.

Но именно в этот период ее успехи были внезапно прерваны анархией, которая после падения Гогенштауфенов на несколько веков воцаряется в Германии; в то же время в Польше, Богемии и Венгрии начинается сильная национальная реакция, которая, хотя и не заглаживает вполне следы прежних поражений, но грозит уничтожить некоторые успехи, казавшиеся наиболее обеспеченными, и надолго останавливает наступательное движение Германии на Восток.

Юго-Восточная Европа в эпоху крестовых походов 1095–1261

Греческая империя до 1204 г.

Династия Комнинов. Захват власти Андроником. Династия Ангелов. Роль толпы в этих переворотах. Ослабление римско-византийского патриотизма. Недостатки государственного строя Византии. Дробление империи. Социальное положение страны. Колонат и рабство. Муниципальная администрация. Церковь. Преследование еретиков. Монахи-разбойники. Промышленность и торговля. Вымогательства фиска. Вымогательства чиновников. Экономический упадок империи. Военный флот. Армия. Византийская цивилизация. Блеск Константинополя.

Династия Комнинов. Почти все государи из династии Комнинов были люди энергичные и деятельные, смелые и настойчивые в своей политике, честные в своей личной жизни. Алексей I без устали воевал на берегах Адриатического моря с норманнами обеих Сицилий, во Фракии с печенегами, узами и куманами, в Малой Азии с турками-сельджуками, наконец, он отвратил опасность, которой грозил Византии первый крестовый поход. Его сын, Иоанн I (1118–1148) по прозвищу Калоян, то есть Иоанн Добрый, без устали носится от границ Азии к границам Европы, разбивает печенегов у Берреи и с иконой Богоматери во главе своих колонн прорывает цепь их повозок (1122), обращает в бегство сербов (1123) и венгров (1124), возвращается в Азию, чтобы отнять у сельджуков (1126–1137) и у армян (1137) их завоевания, и умирает во время похода в Киликию.

Еще более блестяща военная доблесть его сына Мануила I (1143–1180). Тотчас после коронования он предпринимает поход против сельджуков, гонит их султана до Икония, нападает на них на пути к их столице, почти один, в императорской одежде, бросается в их ряды, на обратном пути, безоружный, получает рану и лишь к ночи возвращается в свой лагерь (1146). Ускользнув от опасностей второго крестового похода, он отправляется осаждать цитадель Корфу, которую отняли у него норманны; он предпринимает самые рискованные атаки, бросается на приступ сам-друг с мегадуком Контостефаном, и ядро катапульты ранит его в спину (1149). В следующем году он подвергается внезапному нападению печенегов и спасается с раной в щеке. В 1164 г., переезжая через Дунай и заметив, что одна из его лодок тонет, он бросается в реку, чтобы спасти ее. В 1176 г., предприняв поход против Икония, он неосторожно углубляется в Мириокефальское ущелье близ устьев Меандра; турки осыпают греков градом стрел, конница смешивается с пехотой – армия погибает, почти ни один из военачальников не остается в живых, и неверные показывают Мануилу на конце копья голову его племянника Иоанна Ватациса; император бросается в самую гущу турок, и к вечеру ему удается проложить себе дорогу. Этими подвигами он показал своим латинским союзникам и крестоносцам, что не они одни могут похвастать храбростью и даже безрассудством; относясь к делу крестового похода так же страстно, как и они, ведя всю свою жизнь священную войну, которой они отдавались лишь порывами, истинный воин Христа, столь же отважный, как паладины рыцарских поэм, он опроверг легенду о вырождении и трусости греков. Он соперничал с ними на турнирах, которые до тех пор представляли собой чисто латинское мероприятие и на которых рыцарь получал свое высшее посвящение. На турнире 1156 г. в Антиохии Мануил вышел на арену с принцами своего дома и в свалке, где «одни опрокидывались навзничь на круп своей лошади, подняв ноги вверх, другие падали ниц на шею коня, тот падал с лошади, другой бросался в бегство от вражеских копий, прикрыв лицо щитом, где хлопали знамена в руках несущихся галопом всадников, – в этих играх, полных

такого разнообразия и изящества, что казалось, будто Венера соединилась с Марсом и Беллона с Грациями, среди страстного соперничества греков, горевших желанием одержать верх над латинянами, и тех, которых приводила в негодование мысль, что греки могут победить их, — император Мануил одним ударом опрокинул двух западных рыцарей» (Никита). В Константинополе западные турниры скоро начали вытеснять с ипподрома те цирковые игры и борьбу партий, которые в течение стольких веков увеселяли и волновали население главных городов империи.

Мануил ввел даже в национальных войсках западное вооружение: маленькие круглые щиты были заменены большими щитами, прикрывавшими все тело, короткие и ломкие дротики — длинными копьями.

Если исключить религиозное различие, греческая империя все более уподоблялась Западу. Прошло то время, когда *базилевс* боялся брачных союзов с «варварами». Мануил Комнин женился на свояченице немецкого императора Конрада III, Берте Зульцбахской, которой он дал греческое имя Ирина; после ее смерти он искал руки католички принцессы Триполийской, затем женился на антиохийской принцессе Марии. Свою дочь Марию он обручил с братом венгерского короля Белой, затем выдал ее за Ренье, второго сына монферратского маркиза Вильгельма. Для своего двухлетнего сына Алексея он просил в жены одну из дочерей Фридриха Барбароссы; когда Алексею минуло 12 лет, он обручил его с 8-летней дочерью французского короля Людовика VII, Агнесой, или Анной (1180). Таким образом династия Комнинов вступила в семью великих западных держав.

Благодаря доблести этих первых Комнинов, а также благодаря их дипломатическому искусству, которое часто одерживало верх над плутнями венецианцев и коварством норманнов, границы империи оставались почти нетронутыми и были даже возвращены некоторые из утраченных владений. От Южной Италии и Сицилии Византия окончательно отказалась: в 1138 г. последний итальянский город империи, Неаполь, открыл свои ворота норманнам. Кроация перешла под власть венгров; Далмацию оспаривали друг у друга венгры и венецианцы; Сербия сохранила свою независимость,

но Болгария оставалась подвластной императору, и Дунай по-прежнему служил границей империи. Все Эгейское море, все его острова – даже Крит, Родос и Кипр – зависели от Византии, равно как и восточное и южное побережья Черного моря, от Херсонеса на Крымском полуострове до Кавказа, от Кавказа до Самсуна (единственного берегового пункта, занятого сельджуками), от Самсуна до Босфора. Греческие владения в Малой Азии, граница которых со стороны Икония, правда, часто менялась, простирались до Амастриды по ту сторону Брусссы и Меандра. Киликию греки еще оспаривали у армян.

Внутри единство империи оставалось ненарушенным. Быть может, албанские шкипетары, потомки древних пелазгов, славяне, майноты и цаконны Пелопоннеса и валахи, жившие на Балканах, Родопе и Пинде, не платили постоянно податей, но все признавали верховную власть самодержца. Даже правителей далекого Трапезунда он держал в покорности.

Захват власти Андроником. Это положение дел разрешилось внутренней революцией. Когда Мануил умер (1180), власть перешла к его 12-летнему сыну Алексею II, провозглашенному императором, и к молодой регентше, Марии Антиохийской. Вокруг красивой вдовы толпились поклонники. Она приблизила к себе протосебаста Алексея и предоставила ему полную власть в государстве. Образовался заговор, во главе которого стали принцы и принцессы императорской фамилии. Будучи выданы, они, чтобы спасти свою жизнь, возмутили народ и заперлись в храме св. Софии, где были осаждены войсками регентши. Дело кончилось соглашением и амнистией.

Этой смутой решил воспользоваться Андроник Комнин, двоюродный брат покойного императора; как почти все члены этой фамилии, он был энергичен, храбр и умен; он сопровождал Мануила во многих походах. Но все его достоинства омрачались безграничным честолюбием, распутством и жестокостью. Мануил вынужден был удалить его от двора, для чего назначил его правителем одной из областей на границе Кроации (1151), затем в Киликии. Ему дали титул цезаря, чтобы он мог жениться на Констанции, вдове Раймонда Антиохийско-

го, но он предпочел жениться на Филиппе Антиохийской, сестре императрицы Марии, затем бросил ее и женился на вдове иерусалимского короля Феодора. Два раза он пытался умертвить Мануила. Он вступал в заговор сначала с венграми, потом с турками, затем был снова прощен и назначен правителем Энона на Черном море. После этого немолодой уже Андроник, казалось, остепенился; он усвоил манеры серьезного и благочестивого человека и начал писать богословские трактаты. Узнав о константинопольском мятеже, в котором были сильно замешаны его сыновья, Мануил и Иоанн, он взял на себя роль защитника нравственности, оскорбленной дурным поведением императрицы, и покровителя молодого базилевса, притесняемого любовником его матери. Императорский флот перешел на его сторону. Народный мятеж открыл ему ворота столицы. Он велел выколоть глаза протосебасту Алексею, потом со слезами бросился к ногам молодого государя, посетил могилу Мануила и оросил ее слезами. Алексей II был коронован при жизни своего отца; Андроник короновал его вторично, причем сам нес его на руках в церковь. Затем он обвинил императрицу в том, что она навлекла на страну венгерское нашествие, и заставил молодого государя подписать смертный приговор своей матери, которая была задушена и брошена в море. Еще раньше были отравлены дочь Мануила, Мария, и ее муж, цезарь Иоанн. Вожди знати были ослеплены. Погибли даже те, которые оказали помощь Андронику в его предприятии. Узурпатор оставил молодому базилевсу внешние признаки власти, поощрял его вести веселый образ жизни и окружил его стражей. По настоянию толпы, сенат вынужден был признать Андроника императором, соправителем своего воспитанника. Он лицемерно противился этому и как бы против воли короновал себя в храме св. Софии; здесь он возобновил свою клятву охранять и поддерживать Алексея II. Спустя несколько дней молодой государь был задушен в своей постели. Андроник, по преданию, топтал его труп ногами, велел отрезать ему голову и бросить тело в море при звуках музыки (1183). Устрашенный синод даровал убийце полное отпущение.

Затем 60-летний тиран женился на 11-летней невесте Алексея II, Агнесе Французской, сестре Филиппа Августа.

Новые казни обрушились на аристократию. Соседние государства наполнились беглецами, которые подстрекали их к войне против узурпатора, осаждая просьбами сицилийского короля, папу, немецкого императора, венгерского короля, иконийского султана и христианских государей Палестины. Андроник удвоил свою энергию и жестокость. Исаак Ангел был осажден в Никее; Андроник обещал жителям амнистию, но, вступив в город, велел перебить всех, кроме Исаака Ангела и епископа. Та же участь постигла Бруссу и Лопадиион. Побочный сын императора Мануила, Алексей, был ослеплен, его секретарь Мамал – сожжен живым. В то время венгры и сицилийцы опустошали провинции. Некто Исаак Комнин провозгласил себя независимым на острове Кипре и одел пурпурные сапоги. Взбешенный Андроник издал указ, который осуждал на смерть всех пленных, взятых в гражданской войне, всех, кто уже был ослеплен, а также их родственников и друзей. Непонятно, почему он посадил своего никейского пленника Исаака Ангела. Вероятно, тирана успокоил его беспечный характер.

Один отшельник по имени Сет, занимавшийся магией, предсказал ему, что не позже сентября 1185 г. его сменит на престоле этот самый Исаак. Андроник только посмеялся над этим. Но во время одной отлучки Андроника его главный советник Агиохристофорита счел нужным арестовать Исаака. Последний, будучи пробужден от своей беспечности близостью опасности, решил защищаться; вооружившись мечом, он прорвал стражу, бросился на Агиохристофориту и разрубил ему голову. Затем он бежал в храм св. Софии и призвал народ к оружию. Тюрьмы, наполненные вождями знати, были отперты. Исаака посадили на коня, бежавшего из царской конюшни и покрытого пурпурным чепраком, и провозгласили императором. Подоспевший тотчас Андроник сделал попытку запереться в своем дворце, но толпа разбила ворота. Он попытался бежать в лодке, но был схвачен Исааком и отдан на волю рассвирепевшей толпы. Благодаря его крепкому телосложению, его муки длились несколько дней; ему вырвали бороду, разбили зубы, отрезали руку, выкололи глаз, затем бросили голого в темницу, потом возили по городу на паршивом верблюде, забрасывали

Эта мозаика находится над дверью в южном вестибюле храма святой Софии в Константинополе. Восседающая на троне Богоматерь с младенцем Иисусом получает в дар от императоров Константина (справа) и Юстиниана символические изображения их творений – города Константинополя и храма святой Софии

камнями и обливали кипятком; потом его привели на ипподром и повесили за ноги; солдаты забавлялись тем, что кололи и резали его. Поднося ко рту свою обрубленную кисть, он беспрестанно повторял: «Господи, помилуй меня! Зачем ломаете вы поломанный тростник?» Так прекратилась славная династия Комнинов (1185).

Династия Ангелов. Двойная революция, возвысившая и свергшая Андроника, нанесла империи удар, от которого она уже никогда не оправилась. Константинопольская чернь узнала вкус крови; в областях узы покорности были порваны; жестокости, которым подверглись в 1182 г. латиняне, восстановили против империи венгров, норманнов и венецианцев.

Чтобы справиться с этим всеобщим разложением, нужен был энергичный император, нужен был новый Комнин. Между тем Исаак Ангел проявил энергию только однажды, когда защищал свою жизнь от палачей. Спустя 10 лет, во время третьего похода, предпринятого им против возмущившихся болгар и валахов, вспыхнула новая революция.

Его брат Алексей склонил на свою сторону армию, собранную Исааком. Император бежал в Стагиру, но был схвачен там и привезен в Константинополь. Он был ослеплен и вместе со своим сыном Алексеем заперт в одной из башен дворца.

Алексей III (1195–1203), чтобы вознаградить своих помощников по перевороту, должен был грабить империю; он так щедро раздавал чины, что они потеряли всякое значение; его царствование было настоящей анархией. Беспреданно возникали заговоры и мятежи; народ провозгласил императором сначала некоего Контостефана Астролога, затем Комнина Иоанна Толстого, который, по описанию Никиты, был пузат как бочка. Водворившись в большом дворце, он вместо того, чтобы принять какие-нибудь меры для своей защиты и спасения, в течение тех немногих часов покоя, которые оставил ему Алексей, только и делал, что жаловался на жажду, пил, вытирал пот, стекавший ручьями с его огромного тела, и отдувался, как дельфин, тогда как народ ждал восхода солнца, чтобы разграбить дома богатей. Между тем подоспела варяжская стража, и голова толстяка упал к ногам императора. Таково было состояние Византии, когда явилось латинское войско.

Исаак II был выпущен крестоносцами из темницы и начал править совместно со своим сыном Алексеем IV. 1 августа 1203 г. они были коронованы, а в январе 1204-го свергнуты с престола. Их царствование продолжалось шесть месяцев. Новый узурпатор, Алексей Дука по прозвищу Мурзуфл, «со сросшимися бровями», царствовал под именем Алексея V менее трех месяцев; Исаак II умер от испуга, а Алексей IV был задушен. Вторичное взятие Константинополя крестоносцами не положило конца этим семейным трагедиям; оба свергнутых императора, Алексей III и Мурзуфл, из которых второй был зятем первого, встретились в Мосинополе во Фракии, и здесь Алексей, предательски схватив Мурзуфла, ослепил его и выдал латинянам, которые сбросили его с вершины Феодосиевой колонны (1204).

Исаак II убивает Андроника, Алексей III убивает Исаака II, Алексей IV приводит в Константинополь латинян, чтобы свергнуть Алексея III, Мурзуфл удушает Алексея IV и ослепляет Алексея III – такова вкратце история Ангелов.

Шелковая ткань с орнаментом,
изготовленная византийскими
мастерами

Роль толпы в этих переворотах. Самая замечательная черта революций конца XII в. заключается в том, что в них уже менее прежнего заметно участие сената, придворной знати, церкви и армий, носивших более или менее национальный характер. Главную роль играет в них народ, или, вернее, чернь Византии. Народ содействует захвату власти Андроником; он же, наскучив своим любимцем, помогает узурпации Исаака Ангела и обращает казнь Андроника в долгую пытку; он же затевает все эти мятежи против Алексея III. Вторая роль в переворотах после черни принадлежит армии, и особенно иностранным войскам, латинским и кавказским.

Ослабление римско-византийского патриотизма. Упадок греко-римского патриотизма обнаруживается в том, что никогда, ни в одну эпоху не обращались так смело за помощью к иностранцам. Мы видели образ действий эмигрантов после воцарения Андроника; при Исааке II

мятежники дерзко требуют амнистии, угрожая отправиться к варварам и «помочь им одолеть римлян»; после свержения Исаака II его сын Алексей IV навлекает на империю самого страшного из ее врагов – крестовый поход. Впрочем, это явление было результатом брачных уз с Западом; Ангелы продолжают идти по этому пути: Исаак II женился на Маргарите, дочери венгерского короля Бела III; Филипп Швабский, будущий немецкий император, был его зятем. Среди подданных совершенно исчезло чувство солидарности: Никита рассказывает, как крестьяне во время разграбления Константинополя крестоносцами смеялись над бедствием, постигшим горожан, покупали у победителей награбленное ими добро и старались обогатиться за счет общего бедствия в надежде, что эти латиняне, «пожиратели быков», посетят и их самих.

Дело в том, что сам эллинизм, который до сих пор составлял национальную связь между провинциями, находится теперь в упадке. В Европе он перестал производить впечатление на бывших варваров, образовавших уже самостоятельные государства и церкви. Он не только не делает более приобретений за счет болгар, сербов, шкипетаров, валахов, славян и других народов империи, но во многих областях даже отступает перед ними. На востоке от Босфора он потерял провинции Каппадокию, Пафлагонию, Галатию и Сирию, которые дали православной церкви столько учителей, империи – столько доблестных государей, и которые долго составляли главную силу нации и главное богатство государства. Оставшись только при своих европейских провинциях, наводненная чужеземными племенами, Византийская империя оказалась выбитой из колеи. В конце XIII в., поднявшись из упадка, она будет не в силах вернуть себе все провинции, которыми владели еще Комнины и даже Ангелы.

Недостатки государственного строя Византии.

Прошло то время, когда одна династия – македонская, основанная Василием I, – могла занимать престол непрерывно в течение 190 лет, от 867 до 1057 г.; когда попытки захвата власти со стороны тех честолюбцев, которым удавалось достигать звания соправителей, всегда кончались неудачей; когда народ и знать признавали нечто вроде законного пре-

столонаследия. Даже в ту эпоху можно было сожалеть о том, что в империи не существует прочно установленного закона о престолонаследии или наследования от отца к сыну, как во Франции и Англии, или, наконец, регулярной избирательной системы, как в «Священной Римской империи» и государстве св. Петра. Единственный принцип, который можно было различить среди всевозможных государственных переворотов, заключался в том, что император имел право назначать своего преемника, не считаясь, даже по отношению к своим сыновьям, с порядком старшинства по рождению: один из лучших государей, которых дала Византии династия Комнинов – Иоанн Добрый – завещал корону своему младшему сыну Мануилу, обойдя старшего, Исаака. Эта династия, занимавшая трон без серьезного противодействия с 1081 по 1180 г., то есть почти 100 лет, может еще сравниться по устойчивости с династией Василия I. Убийение Алексея II Андроником вызвало глубокую смуту в обществе, дало волю грубым силам и повлекло за собой множество жертв. Эти события нанесли государству неисцелимую рану: престиж царской власти был сломлен навсегда.

Между тем никогда еще императорская власть не обнаруживала такой жестокости по отношению к мятежникам. По малейшему подозрению мнимых заговорщиков арестовывали, пытали, калечили или ослепляли. Иногда кажется, что видишь перед собой двор какого-нибудь Тамерлана или Селима Жестокого, а не двор христианского императора; когда Исааку II принесли голову мятежника Враны, он велел подать ее себе на стол, окровавленную, с открытым ртом; царедворцы перебрасывались ею, как мячом, и сделали ее мишенью для своих стрел; в конце концов ее наткнули на копье и в таком виде отнесли к несчастной жене Враны. Но эти жестокости не прекращали заговоров.

Несмотря на свои органические недостатки, империя могла еще держаться, когда ей приходилось защищаться против кочевых орд или государств, еще плохо организованных. Иначе обстояло дело теперь, когда соседями Византии были королевства Венгерское и Сицилийское и Венецианская республика, когда волны крестоносных ополчений беспрерывно наводняли провинции и когда на границах

Малой Азии появились кочевники страшнее всех предыдущих. Империя, застигнутая среди полной анархии, должна была погибнуть.

Дробление империи. Как только бдительная администрация Комнинов сменилась анархическим правлением Ангелов, повсюду начали обнаруживаться стремления к местной автономии. Выше было упомянуто о восстании болгар и валахов; на острове Кипре утвердился в качестве императора Комнин Исаак; в Понтийской области Трапезунд готовится образовать самостоятельное государство. Шкипетары, пелопоннесские славяне, майноты и цаконы освобождаются. Могущественные граждане и императорские чиновники составляют себе княжества в пределах империи: Лев Хамарет почти полновластно господствует в Лакедемоне, фамилия Мелиссенов – в Мессении и Фокиде, фамилия Сгур – в Навплии, архиепископ Михаил Акоминат – в Афинах, Алифы – в Этолии, Враны – в Апроне, Кантакузены – в другой части Фракии. То же явление мы видели в Каролингской империи, когда центральная власть более не была в силах защищать своих подданных: последние искали безопасности под защитой местных властителей. Позднее крестоносцы встретят в греческих областях не императорские армии и крепости, а императорских чиновников, стремящихся к независимости, архонтов, примасов, топархов, στρατιῶται, χαβαλλάριοι (почти то же, что рыцари в феодальном значении этого слова), города и ассоциации, стоящие за свои привилегии (προβελεῦχια), и горные округа, независимые под властью своих филархов.

Социальное положение страны. Это явление было подготовлено продолжительной социальной эволюцией. Мы видели, какие усилия употребляли императоры X в., чтобы помешать крупным собственникам (династы) в областях забрать в свои руки землю мелких собственников (пенеты) путем ли прямого захвата или под видом коммендации, – чтобы остановить рост церковного и монастырского землевладения, – одним словом, чтобы предупредить исчезновение того среднего класса, тех στρατιῶται, которые держали от императора нечто вроде небольших феодалов с условием военной службы и составляли ядро национальной армии.

Достаточно, чтобы власть ослабела, и узурпации, против которых она боролась, в силу естественного закона усиливаются. Императоры XI и XII вв. прилагали все усилия к тому, чтобы покровительственные законы соблюдались; однако ни от Комнинов, ни от Ангелов до нас не дошло ни одной *новеллы*, относящейся к этому предмету.

Напротив, они постоянно утверждают и обеспечивают владения, привилегии и иммунитеты церквей и монастырей. Алексей I уступает монаху Христодулу остров Патмос для основания на нем обители (1088). Мануил лишает монастыри и церкви права увеличивать их наличные владения; но он приказывает, чтобы эти владения были на вечные времена включены в их домен, хотя бы они владели этими землями без законных прав или на основании неполных и неточных документов; это значило ликвидировать прошлое — ликвидировать в ущерб светским землевладельцам, особенно мелким собственникам, крестьянам, лишенным своего имущества или своей свободы; это значило, в сущности, освятить узурпации, насилия, обманы, подделку документов («Новеллы» 1148 и 1158 гг.). «Описатели земли», составляя перепись недвижимым имуществом св. Софии, присвоили часть их фиску: Мануил велел вернуть их храму (1159). Ватацис запрещает начальникам областей и агентам фиска вступать после смерти митрополита или епископа в его владения («Новелла» 1229 г.). Все эти государи чувствуют необходимость опереться на церковь¹. А так как церковные земли все еще были свободны от всяких повинностей, то их рост обуславливал все большее обеднение казны, ослабление армии и обременение народа.

Колонат и рабство. Положение крестьян было различно и зависело от провинции, расы и даже топографического положения области. В тех областях, где закон имел полную силу, оно лишь немногим отличалось от положения древнего римского колона; в областях, где воля правителя была сильнее закона, оно почти совпадало с положени-

¹ См. также «Новеллы» и «Золотые буллы» Мануила от 1144, 1146, 1151, 1159, или 1166, 1176 гг. и «Новеллу» Алексея II от 1181 г., подтвердившую все распоряжения его отца.

ем западного серва или русского крепостного в XVIII в. Когда являются западные завоеватели, земля в Византийской империи обрабатывается классом людей, которых они без колебания отождествляют с французскими вилланами.¹ Церкви, особенно фессалоникийская, имели своих рабов, *гиеродулов*. Кроме крестьян, более или менее прикрепленных к земле, существовали настоящие рабы, состоящие из пленных латинян и восточных славян, подобно тому, как в мусульманских странах работорговля пополнялась латино-греческими пленными, а в латинских странах (например, в Венеции) – восточными или греческими пленниками.² Работорговля пополнялась также из-за добровольного перехода в рабство (люди продавали себя за три обола, говорит Киннам) и продажи детей их родителями. Следуя традициям римско-византийского права, императоры стараются смягчить положение рабов и облегчить им выход на свободу. «Новелла» Алексея I (1094) постановляет, что если раб требует освобождения, то свидетельские показания, говорящие против раба, недействительны; напротив, свидетелям, которых выставит раб, должно верить по клятве. Тот же закон постановляет, что церковь должна благословлять брак раба, так как рабское положение никого не может лишить благоденствий веры; если господин отказывает своему рабу в разрешении на церковный брак, то раб тем самым приобретает свободу. Один закон Мануила, приводимый Киннамом, объявляет свободными всех, кто впал в рабство по той причине, что нужда заставила их продать себя, или потому, что они вынуждены были ради насущного хлеба обрабатывать чужую землю в рабском положении. Киннам прибавляет,

¹ Письма Иннокентия III (к архиепископу Патрасскому), кн. III, № 150. – *Buchon, Nouvelles recherches*, т. II, с. 143, 256, 286, 297.

² В XIV в. императрица Анна Савойская, опекунша своего сына Иоанна V Палеолога, во время своей борьбы с узурпатором Кантакузеном заключила союз с османлиским султаном Ур-ханом, причем позволила мусульманским союзникам, которых должен был доставить последний, увести в Азию в качестве рабов всех сторонников Кантакузена, кто только попадетс я им в плен. Генуэзцы имели обыкновение продавать в рабство обитателей Южной России; постановления Генуэзской республики ограничивают вывоз рабов, привезенных из этого края.

что этот император «хотел повелевать над свободными римлянами, а не над рабами». Если этот закон действительно исполнялся, то он должен был глубоко изменить положение целых миллионов людей.

Все эти факты показывают, что под влиянием римско-византийского законодательства и христианских идей в греческом обществе совершалась эволюция, делающая ему большую честь. Оно продвигалось вперед тем же шагом, как и наиболее передовые западные страны. Эта эволюция замедлялась лишь теми непрерывными бедствиями, которые угнетали это общество, — нашествиями варваров, морским разбойничеством и революциями.

Муниципальная администрация. Древние римские города с их куриями юридически исчезли: Лев VI лишил их в пользу центральной власти всех административных прав, которыми они располагали. Между тем центральная власть была уже не в состоянии не только управлять, но и защищать. В X в. в городах и селах образуется нечто вроде *коммун*, аналогичных французским коммунам XI в. Средние классы (*μῆσοι*) и бедные собственники (*πενήτεζ*) соединяются в общины с целью противодействовать гнету богатых и сильных. В городах происходит социальная борьба, о которой мы имеем лишь смутные сведения. В Фессалонике эти *μῆσοι* носят в XI в. название буржуа (*βοῦρῦστοι*). В Корфу один из низших городских классов, «голые» (*γυμνοί*), в 1147 г. из ненависти к архонтам, то есть знатным, выдают крепость сицилийцам. Вне городов несколько деревень объединяются вокруг одного местечка, которое они признают своим центром, *μητροχόμια*, и *новеллы* в конце концов узаконивают это название. Эти городские и сельские общины имеют своих выборных правителей, которые в различных местностях называются по-разному: *προεστοι*, *δημογεροντεζ*, *αρχοντεζ* или *επιτροποι*. Они избираются непосредственно членами коммуны, то есть всеми свободными людьми. Кроме того, эти магистраты творят суд и собирают налоги. Таким образом, одна и та же причина — ослабление центральной власти — породила и нечто вроде феодализма, и подобие коммун.

Церковь все еще стоит в тесной зависимости от императора. Последний старается поддерживать в ней строгую иерар-

хию: одна *новелла* (1082) Алексея Комнина постановляет, что надзор патриарха должен простираться на все монастыри, находящиеся в его диоцезе, притом как на их светские владения, так и на духовное ведомство; дарения, получаемые монастырем, должны вноситься в его бревиарий, но предварительно следует испрашивать для этого разрешение патриарха, хотя бы игумен уже раньше получил это право принять их. Другой *новеллой* (1087) император запретил возводить епископство на высшую ступень, то есть обращать его в архиепископство или митрополию, без согласия патриарха. В двух других *новеллах* Алексей I старался упорядочить систему церковных назначений и выборов и сколько-нибудь обеспечить постановку религиозного преподавания в империи. Он принимает меры к тому, чтобы лучшие и наиболее образованные не были оставляемы в стороне при выборах и чтобы их места не занимали более молодые и менее достойные. Он приказывает составить список всех клириков, указать ему на тех, которые выделяются своей образованностью и чистотой нравов, а остальных исключить из состава духовенства. Магистры или доктора должны получать по три ливра серебра и по пятьдесят мер пшеницы; но они обязаны обучать народ как догматам православной веры, так и правилам нравственности.

Исаак Ангел постановляет (1187), что церковные выборы должны считаться действительными лишь в том случае, если в избирательное собрание были призваны все священники, живущие в данном городе: они должны присутствовать лично и не могут подавать голос письменно. Мануил (1173) запрещает провинциальным прелатам жить в столице и грозит удалить их оттуда силой.

Таким образом, выборы еще существовали. Однако при назначении патриарха преобладающую роль играет воля императора, хотя при этом случае собирается синод и соблюдаются некоторые формальности. Синод чрезвычайно послушен; мы видели, как он отпустил Андронику грех убийства Алексея II.

Эта церковь богата и могущественна; в провинциях ее сановники иногда становятся вождями народа, как, например, митрополит Евстафий, бывший как бы президентом Фессалоникийской республики, или Михаил Акоминат, ру-

Внутренний вид Софийского собора в Константинополе
(современный вид)

ководивший защитой Афин против Льва Сгура и расставивший боевые орудия на стенах. Но эта церковь, вопреки предписаниям Алексея, мало заботится о просвещении народа, который в некоторых округах все еще коснеет в язычестве. Она вполне поглощена заботой об обрядовой, формальной стороне религии и пренебрегает духом.

Богословские споры, волнующие Грецию в эпоху Комнинов, крайне жалки; они вертятся главным образом вокруг вопроса о том, остается ли тело Христа в пресуществленной форме нетленным.

Преследование еретиков. Терпимости в этой церкви так же мало, как в западной; в борьбе с манихейской и богомильской ересью она прибегает к помощи светской власти. При Алексее I были жестокие гонения; Анна Комнина рассказывает о том, как на ипподроме были зажжены костры, «пламя которых поднималось до небес», и как ересиарх Василий сам бросился в огонь (1110). Армянский летописец Матвей Эдесский утверждает, что 10 тысяч еретиков были брошены в море, в том числе родная бабка Алексея I. Именно за эти благочестивые подвиги Анна Комнина дает своему отцу имя «тринадцатого апостола» и признает его «выше Константина». В 1143 г. при Мануиле, собор снова осудил богомилов на сожжение.

Монахи-разбойники. В то время, когда большинство духовных жило в невежестве и праздности, истребляя драгоценнейшие рукописи и даже сочинения отцов церкви, как вещи бесполезные для монахов, а другие, не довольствуясь 3 тысячами эпитимий, перечень которых составил Христодул, как настоящие факиры православия подвергали себя невероятным истязаниям и живьем закапывали себя в землю по колена, «чтобы уподобиться столбам», – в церкви были и менее безвредные элементы. Убегая из монастырей, монахи составляли вооруженные шайки, бродили по Македонии, Пелопоннесу и островам Ионического моря, вели религиозную пропаганду на свой лад, поддерживали «священную войну» против туземцев-язычников или манихеев и проповедовали священную войну против латинян. Тщетно монах Христодул писал от имени Алексея I, тщетно последний в своей *новелле* о церковных выборах напоминал им каноны, относящиеся к монахам, которые бродят по селам и городам. Напрасно Евстафий Фессалоникийский в царствование Алексея II приказывал им вернуться в их кельи и приводил им в пример святых монахов Византии и островов Пропонтиды. Одна записка Евстафия показывает, что эти бродячие шайки сделались для областей настоящей «египетской казнью». Эти люди в черной одежде (меланхлены), вооруженные луками и железными палицами, сидя на арабских скакунах, с соколом в руке и лютыми псами впереди, охотились на людей и неслись по стране, «как на-

стоящие демоны». Они убивали всякого, кого подозревали в приверженности к язычеству или ереси, особенно же тех, чьи земли прилегали к их владениям. Они грабили и порабошали крестьян. Они выставляли напоказ свое презрение к священникам и особенно епископам, называли последних *παλαδεζ*, поносили их в глазах народа, как бесполезных людей, грабили или присваивали себе их поместья. Они надували простаков, чтобы овладеть их имуществом, продавая им место в раю и забавляя их ложными чудесами и видениями. Вскоре они начали принимать в свои шайки бродяг, ткачей, матросов, портных, медников, нищих, воров, даже святотатцев и отлученных, и распространились по областям, как «мрачные тучи». Мы не знаем, когда прекратились грабежи этих шаек, руководимых аббатами (*αββαδεζ*). Таким образом, в церкви, как и в империи, наряду с крайней утонченностью господствует крайнее варварство.

Промышленность и торговля. Из всех государств Европы и Азии наиболее оживленным промышленным центром оставалась Византийская империя. Мануфактуры Константинополя, Фессалоник, Афин, Фив, Коринфа все еще находятся в цветущем состоянии; производство шелковых изделий составляло богатство Фив и Пелопоннеса. Но в условиях национального труда произошла печальная перемена. Ревниво оберегая свой авторитет, императоры окончательно уничтожили древние корпорации. Купцы, фабриканты и мастерские, будучи лишены всякой организации, не могли более защищаться против лихоимства императорских чиновников и против иностранной конкуренции. Греки перестали получать прибыль от своей торговли: они работали, но торговали другие. Венецианцы, генуэзцы, пизанцы и амальфийцы мало-помалу забрали в свои руки всю торговлю империи¹. Располагая, даже в самом Константинополе, укрепленными кварталами, держа в зависимости от себя императоров и население, они свели до минимума прибыль византийского производителя. Это нанесло смертельный удар византийскому торговому флоту и всем производствам, которые были связаны с ним.

¹ В 1189 г. Исаак II отдал венецианцам торговые пункты, занятые французами и немцами.

Податное население империи, вынужденное нести тяжелые финансовые повинности, содержать пышный двор, сложную иерархию чиновников, расточительную дипломатию, огромные военные силы, помимо всего этого изнемогало под гнетом вековых злоупотреблений, закоренелых традиций и рутины. Его положение по сравнению со свободными республиками Италии отчасти походило на современное положение старой Европы сравнительно с молодой Америкой. В промышленной и торговой конкуренции шансы византийцев и венецианцев были неравны. Медленное действие экономических законов уже само по себе неизбежно должно было привести к разорению первых последними; для этого не было надобности брать Византию штурмом.

Византийское государство не извлекало никакой выгоды из этой эксплуатации ее подданных иностранными конкурентами: венецианцы сумели добиться полной ликвидации таможенных пошлин, а пизанцы и генуэзцы платили лишь ничтожные пошлины.

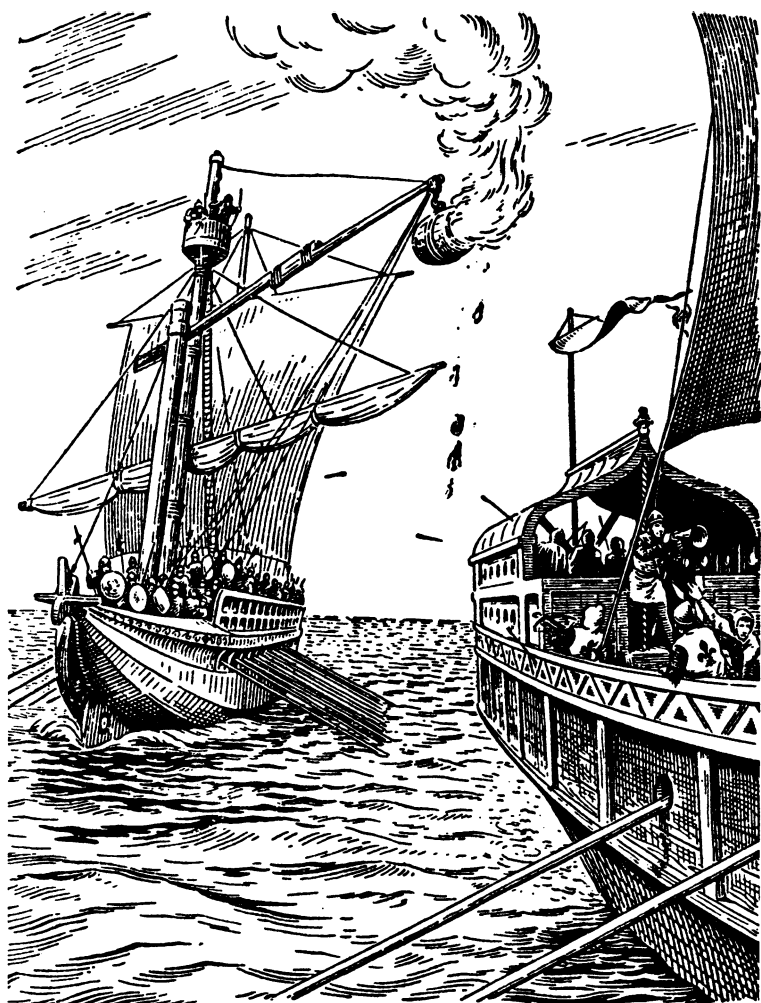
Вымогательства фиска. Лишившись этой главной статьи доходов, императоры были вынуждены увеличивать бремя фискальных повинностей, тяготевшее над их подданными. А так как неизмеримые владения церкви были свободны от налогов и так как многие инородцы силой добились такого же изъятия, то эти повинности падали почти исключительно на мелких собственников, крестьян и ремесленников, одним словом – на греческое население империи, и это обстоятельство с течением времени также должно было привести к гибели греческого элемента.

Податная система была так тяжела, что обитатели пограничных областей империи, если только они могли надеяться встретить со стороны варваров сколько-нибудь человеческое отношение, спешили переходить границу: в 1198 г. в Азии целые города отдались под власть сельджукского султана Икония. Слабость сопротивления, встреченного крестоносцами при их вторжении в империю, объясняется тем, что народ надеялся благодаря их завоеванию избавиться от гнета феодального порядка. Таким образом, Византийская империя XI и XII вв. страдала от тех же зол, что и Римская

империя III и IV вв.; она наперед примирила своих подданных с господством варваров.

Вымогательства чиновников. К законным вымогательствам фиска присоединялось лихоимство правительственных чиновников. В 1092 г. эти злоупотребления вызвали восстание на Крите и Кипре. Нравственный уровень византийского чиновника в течение той эпохи, по-видимому, не стал выше. Никита рассказывает об одном из министров Исаака II, который драл со всякого и принимал даже яблоки и дыни. Иоанн Лаг, префект претория при Алексее III, вошел в соглашение с ворами, содержащимися в тюрьме под его надзором, ночью выпускал их в город и затем делил с ними их добычу, а также присваивал себе подаяния, присылаемые благочестивыми людьми для заключенных. Константин Франкопул, получив поручение очистить Черное море от пиратов, нападает на торговые суда, направляющиеся в Константинополь, некоторых купцов выбрасывает в море и присваивает себе груз. Купцы, оставшиеся в живых, обращаются с жалобой к императору, но не могут добиться возвращения украденных товаров, потому что фиск получил свою часть добычи и производство дела закончено. Другой адмирал, Стрифн, ограбил казну флота.

Экономический упадок империи. От экономического и нравственного упадка империи страдает не только народ, но и двор. В этом пышном храме монархии, в этом священном дворце с золотой кровлей и золотыми мозаиками, под тяжестью императорских одежд, затканых золотом и отягченных драгоценными камнями, жемчугом и алмазами, под этой короной, обвешанной сверкающими подвесками, на этом престоле, покоящемся на золотых львах с раскрытой пастью, – император тяжело чувствует общую нужду. Он похож на потомка старой и богатой семьи, который сохранил в целости фамильные бриллианты, дорогую утварь, художественные коллекции, но у которого кошелек пуст и который вынужден жить только займами и другими подобными доходами. Иностранцы все еще думают, что его богатство громадно, неисчислимо: в 1203 г. венецианцы и другие крестоносцы затрудняются потребовать у него достаточно баснословную сумму. Между тем уже Алексей I, чтобы покрыть

Применение греческого огня
в морском бою византийскими кораблями.
(Греческий огонь – зажигательный состав, который
предположительно включал серу, селитру, нефть, смолу
и другие вещества)

расходы по ведению войны с норманнами, вынужден был взять драгоценности из гробов императриц и лишить церкви их украшений. Алексей III, желая украсить какую-нибудь церковь, всегда грабил для этого другой храм. Древние церкви и дворцы еще стоят, но новых уже не строят; время великого строителя Юстиниана прошло безвозвратно.

Единственный факт, который, по-видимому, противоречит этой картине всеобщего обеднения, тот, что от падения Западной империи в 476 г. до взятия Константинополя крестоносцами византийская монета сохраняет один и тот же вес и одинаковую пробу (финлэй). Поэтому византийская монета до XIII в. не имеет соперников и служит образцом для всех других государств; она первенствует во всем мире; изображения «богохранимых» императоров чеканятся всегда на золоте и серебре законной пробы. Возможно, что эта чрезмерная добросовестность или гордость, ввиду изменения всех других условий экономической жизни, также способствовала обнищанию монархии.

Военный флот. Количество военных кораблей в Византии должно было уменьшаться по мере сокращения торгового флота: матросы, из которых набирались экипажи как торговых, так и военных судов, также страдали от экономического кризиса и постепенно бросали морское дело; кроме того, морские разбойники всяких национальностей производили в нем страшные опустошения. О слабости военного флота свидетельствует история генуэзского пирата Каффаро, который в 1198 г. разграбил Адрамитту и опустошил острова Эгейского моря. Алексей III вынужден был послать против него калабрийского пирата Стириона и справился с Каффаро лишь при помощи пизанских кораблей. Если бы императорский флот сохранил свою прежнюю силу, то разве Исааку Комнину позволили бы удержаться императором на острове Кипре? И если бы даже количество судов и матросов осталось прежнее, то относительная сила флота все равно бы уменьшилась. Раньше он был первым, почти единственным флотом христианского мира. С тех пор в Европе возникли новые морские державы. Венецианский флот настолько господствует на море, что Алексей III не в силах помешать высадке крестоносцев.

Армия. По мере того, как истинно греческий элемент в империи ослабевает, как στρατιωται и χαβαλλαριοι, задолжав или потеряв свои феодалы, не могут более поставлять свои контингенты в национальную армию, в ней получают перевес иностранные элементы. Императоры искони держали при себе чужеземных союзников и наемников; теперь существование империи зависит почти исключительно от последних. Юстиниан держал на службе антов, славян, готов, герулов, вандалов, лангобардов, армян и гуннов; в X в. императоры нанимают венгров, русских, хазар, болгар, армян, кавказцев и арабов. В XI в. появляются датчане, англосаксы, валахи, ломбардцы, итальянские норманны, немцы. В числе генералов Алексея Комнина были «франки», Эрбабий, Руссель Байлейльский¹, Крепин, или Криспин, Петр Алифас, Гилленбранд, Рандульф, Франкопул, Гумбертопул, один испанец по имени Гузман. Нанимают печенегов, куманов, сельджуков: отсюда звание *великого туркопула*, которое носит один из высших военных сановников. Анна Комнина изображает одно из сражений своего отца: правое крыло императорской армии состоит из турок, левое из алан, линия фланкеров – из скифов. Кельтами ученой принцесса называет французов и итальянских норманнов. Она отдает должное их храбрости: рассказывая о том, как один из военачальников Алексея отказался дать битву, она изображает кельтов единственной частью войска, которая была возмущена этим бездействием и с яростью требовала битвы. Она описывает нам их вооружение: длинное копье, кольчуга, гладкий щит, отражавший самые меткие стрелы врага и ослеплявший его своим блеском. Она называет их *катафрактами*, вооруженными с ног до головы. Она ставит в упрек всем этим латинянам то, что они – «продажное племя, которое, из отвратительного корыстолюбия, готово продать за гнусную мзду все, что у него есть самого дорогого».

Теперь меньше, чем когда-нибудь, можно обойтись без них. Император имеет особую гвардию, состоящую из ва-

¹ См. исследование *Schlumberger* об Эрбабии и Русселе Байлейльском (которого византийские писатели называют также Урселем) в «Revue historique», июль–август 1891.

Византийские воины XII–XIII вв.: конный воин, пельтаст и норманнский наемник

рягов, то есть из скандинавов или англичан, изгнанных из своей страны норманнским завоеванием. Они вооружены большой саксонской секирой, поэтому греки называют их *πελεχυφοροι*. Их предводитель называется *аколуфом*, потому что он никогда не покидает императора. Андроник в своей безопасности надеется на собаку, лежащую в его спальне, и на варяжскую стражу, стоящую за дверью.

Особенно многочисленны теперь наемники из франков, стоящие под командой своего *коннетабля* (*χοντοσταυλος*). Алексей I, которому стоило столько труда отнять Никею у крестоносцев, вербует в свои войска французских и норманнских дезертиров из армии Бозмунда. Иоанн Комнин в битве с сельджуками был до такой степени восхищен подвигами одного латинского рыцаря, что велел своему племяннику отдать последнему собственного коня. Императоры имели веские основания рассчитывать на латинян больше, чем на своих подданных; будучи чужды интересам партий и едва понимая местный язык, они во время революций твердо стояли за того, кто платил им жалованье; в сражениях они не щадили своей жизни. Роберт де Клари рассказывает нам по этому поводу анекдот, который вероятно, был в ходу среди крестоносцев. Несомненно одно, что Мануил всегда окружал себя латинянами и раздавал им феоды *стратиотов*. Когда он атаковал Корфу, первыми взойшли на лестницу четверо сыновей Петра Алифы. Во время катастрофы в Мириокефальском ущелье Балдуин Антиохийский, шурин императора, погиб почти со всем правым крылом, состоявшим из французских рыцарей. Исаак Ангел, забрав в плен 4 тысячи норманнов, принял из них на службу всех, кто согласился на это. Одно время самый значительный контингент составляли кавказские горцы, грузины, лазы и абазы; в Константинополе их было около 18 тысяч человек.

Упадок Византии обнаруживается также в некоторых важнейших отраслях военного дела. При Ангелах более не ремонтируют крепостей, и так как правительство не решается скрыть те крепости, которых оно не может защищать, то валахи овладевают ими и окапываются там. В осадном деле, в искусстве подводить подкопы греки далеко отстали от западных саперов и инженеров. Греческий огонь уже не

повергает в ужас крестоносцев. Колесницы, изобретенные Алексеем I, и легковооруженные отряды, которые он хотел противопоставить норманнской коннице (1083), оказались непригодными. В искусстве метания ядер греки также, по видимому, отстали от Запада. Гунтер рассказывает, что во время осады Константинополя осажденные не решались делать вылазки «особенно из страха перед нашими метательными орудиями; так как греки реже пользовались ими, то действие этих орудий казалось им чрезвычайно разрушительным и опасным». Легкая кавалерия греков не могла выдержать натиска французской конницы: «Каждый из наших всадников опрокидывал пятнадцать греческих».

Византийская цивилизация. В Византии более не строят; поэтому там теперь нет великих архитекторов. Со времен иконоборства византийское ваение умирает; иконописная живопись не развивается. Более нет великих школ законоведения: *Базилики* остаются руководящим законодательным памятником; от той эпохи до нас дошло лишь небольшое число *новелл*. Только немногие законоведы того времени могут сравниться с великими законоведами предшествующего времени, Михаилом Пселлом и Михаилом Атталиотом; таковы историк Зонара, Агиофеодорита, Феодор Балсамон, *хартофилакс* при Мануиле и епископ Антиохийский при Исааке Ангеле, Димитрий Хоматэн, архиепископ Болгарский около 1219 г., и другие – все более канонисты, чем цивилисты.

Напротив, в области литературы XII и XIII вв. ознаменованы настоящим возрождением. Оно обнаруживается особенно в историографии, принимающей форму мемуаров. Замечательно, что появление этого нового литературного жанра совпадает с появлением первых произведений того же рода на французском языке: мемуаров Виллардуэна и Роберта де Клари. На первом месте следует поставить четырех историков, сочинения которых, проникнутые субъективным фактором, составляют контраст с сухостью предшествующих хроник и летописей: *цезаря* Никифора Бриеннского, принимавшего участие в войнах и дипломатических сношениях своего тестя Алексея I и написавшего мемуары, которые он называет простыми историческими

материалами (ὕλη ἱστορίας); его жену Анну Комнину, «Алексиада» которой служит дополнением к сочинению ее мужа; Иоанна Киннама, написавшего историю царствования Иоанна и Мануила Комнинов; и Никиту Акомината из Хон, изложившего византийскую историю от того момента, на котором прерывается «Алексиада» (1118), до 1206 г.

Из авторов хроник заслуживают быть названными Иоанн Зонара, Михаил Глика и Константин Манассе. Монах Иоанн Дука описал свои путешествия по Сирии и Палестине.

Литературное оживление в эпоху Комнинов было так сильно, что влило новую жизнь почти во все виды литературы. К числу великих историков следует прибавить Никифора Блеммиду, отказавшегося от сана патриарха, и четырех прелатов, оставивших свои богословские труды для занятий светской литературой; это были: никейский митрополит Евстрат, изучавший философию Аристотеля; коринфский митрополит Григорий, замечательный грамматик; афинский митрополит Михаил Акоминат, ритор и поэт; митрополит Фессалоникский Евстафий, гуманист и ученый, трогательно рассказавший о бедствиях своего епископального города. Феодор Продром подвизался одновременно на поприще легкой поэзии, сатиры и романа («Роданф и Досиклея»); Евстафий Макремболит написал роман в прозе («Гисмин и Гисминия»), Никита Евгениан – роман в стихах «Дросилла и Хариклея». Византия имела тогда даже драматургов; таковы анонимный автор «Страстей Христовых» в 2640 стихов; Михаил Плохейрий, написавший комедию, в которой действующими лицами являются Крестьянин, Мудрец, Судьба, музы и т. п. Феодор Продром и Иоанн Каматер сочиняли астрологические поэмы, посвящая их, первый – принцессе Ирине Комниной, второй – императору Мануилу.

Эти авторы писали ученым языком, очень отличавшимся от народной речи. Народ, конечно, имел устную поэзию – эпические песни вроде поэмы Дигениса Акриты, лирические песни, любовные, плясовые, похоронные, весенние, жатвенные. До нас дошли лишь немногие образцы этой поэзии. Песни «Сын Андроника» и «Армурис» относятся, по видимому, к эпохе Комнинов.

Лишь в следующем периоде – во времена Палеологов, когда эллинизм возрождается и снова начинает сознавать свою силу – греки перестают называть себя *римлянами* и возвращаются к старому названию *эллины*. Рядом с греко-византийским языком становится в качестве литературного языка *ромейский*, то есть простонародный греческий язык; но, как язык народа, он древнее империи.

Официальная церковь не без основания запрещала употребление истинно национальных названий – *Эллада* и *эллины*, все еще считая слово «эллин» синонимом слова «язычники». Среди исконного греческого населения, среди свободных горцев Цаконии, Магна и Пинда, даже на равнине среди рабов сохранялись все древние традиции греков, в том числе и традиции язычества. В поэме «Армурис» герой побеждает каппадокийских сарацин во имя своего бога – Солнца. «Во всех народных эпосах, которые дошли до нас, нет ни малейшего намека на христианство¹; даже в критских поэмах, представляющих собой новейшую переработку более древних былин, господствующая религия ни разу не упоминается» (Sathas). Когда монах Христодул, в царствование Алексея I, высадился на острове Патмосе, он нашел там статую Дианы. Его современник, монах Мелетий, задумав основать монастырь на горе Миополисе (между Фивами и Афинами), прежде всего принялся крестить поселян, часто насильно. Многие воины греческого или албанского племени, *стратиоты*, *арматолы*, подобно народу, исповедовали старые верования и суеверия.

Блеск Константинополя. В XII в. столица империи вызвала удивление в двух малопохожих друг на друга посетителях, Вениамине Тудельском и Виллардуэне. Такой же восторг мы встречаем у всех паломников, которые дали себе труд сообщить нам свои впечатления. Не находя слов для выражения своих чувств, они раздражаются восклицаниями: «Какой город! Сколько в нем благородства! Сколько прелести! Сколько церквей и дворцов дивной архитек-

¹ Отсюда следует исключить, по крайней мере, поэму Дигениса Акриты.

Применение греческого огня в сухопутном бою

туры!»¹ Фулькерий Шартрский прибавляет: «Какие чудные статуи на площадях и улицах! Было бы скучно перечислять это обилие всякого рода богатств – золота, серебра, разнообразных одежд, мощей святых... Там не менее 20 тысяч евнухов». Один из этих путешественников сообщает нам несколько более точные сведения: это Роберт де Клари, амьенский рыцарь. Он воспользовался досугом между двумя осадами, чтобы подробно осмотреть столицу. Он в изумлении останавливается перед лавками менял и золотых дел мастеров, «перед горами золотых монет и горами драгоценных камней». Он ведет нас по дворцу Буколеону, который, подобно московскому Кремлю, представляет собой целое скопище дворцов и церквей в одной укрепленной ограде. Он насчитывает здесь 105 дворцов, 30 больших и малых часовен, в том числе Святую часовню: «Она так богата и изящна, что даже все крюки и засовы – серебряные, а колонны сделаны из яшмы, порфира или иного драгоценного камня; пол часовни сделан из белого мрамора, столь гладкого и блестящего, что кажется хрустальным». В храме св. Софии каждая колонна имела свойство исцелять от какой-нибудь болезни всех, кто прикасался к ней; верхняя доска алтаря, длиной в 14 футов, была сделана из сплава золота с драгоценными камнями; храм освещался сотней канделябров в 25 лампад каждая, и

¹ Gesta Francorum Hierusalem expugnantium.

каждая из этих лампад стоила не менее 200 марок серебра, и т. д. Повсюду стояли конные статуи императоров, сделанные из бронзы. На *spina* ипподрома «стояли статуи мужчин, женщин, лошадей, быков, верблюдов, медведей, львов и всяких других зверей – все из меди, сделанные так хорошо и естественно, что ни в языческих, ни в христианских странах не найдется мастера, который мог бы лучше воспроизводить образы». Это – те самые статуи, список которых оставил нам Никита и разрушение которых он так горько оплакивает. В течение веков собирались они на ипподроме из всех городов европейской и азиатской Греции и образовали здесь несравненный музей. Вот Беллерофон верхом на раскрывшем крылья Пегасе; вот Геркулес великого ваятеля Лизимаха в своей львиной шкуре, облокотившись на колено и подперев подбородок рукой, размышляет о своей суровой доле; вот сфинксы с берегов Нила; вот Елена с гибким станом, белыми руками и красивыми ногами. Впрочем, византийцы уже перестают понимать античное искусство: для них Беллерофон – Иисус Навин, останавливающий солнце. В промежутке между обоими осадами Константинополя сами греки уничтожили статую Минервы, где богиня была изображена с рукой, простертой на запад: эти «гнусные глупцы» обвиняли богиню в том, что она призвала латинскую армию (Никита Хониат).

Еще более прельщали крестоносцев другие богатства. В Константинополе были собраны не только художественные произведения античного мира, но и христианские реликвии. В Святой часовне в Буколеоне Роберт де Клари видел куски Животворящего креста, «толстые, как нога человека, и длинной в полсажени», наконечник святого копья, два гвоздя из числа тех, которыми был пригвожден Христос, склянку, в которую стекала кровь из его раны, нанесенной Ему Лонгином, «святой венец, которым Он был увенчан», платье Богоматери, голову Иоанна Крестителя, плащаницу, святой хитон и т. п. Не один Роберт де Клари смотрел на эти святыни с вожделением. История скитаний этих реликвий после их расхищения крестоносцами составляет целую литературу.

Соседи и враги империи

Турки-сельджуки. Тюркские племена в Европе. Хорваты, далматы. Сербия. Стефан Неманя; объединение сербов. Стефан I и св. Савва; Сербское королевство. Болгары. Румыны; их происхождение. Сношения валахов с Византией. Основание валахо-болгарской державы. Царь Иоанница. Отношения между Византией и Римом. Венецианцы. Норманны обеих Сицилий. Немцы. Крестоносцы.

Турки-сельджуки. На Востоке война, прекращаясь на время, длилась с тех пор, как сельджукские орды за период от Романа Диогена до Михаила VII покорили почти все области Малой Азии, включая Кизик и Никею, и почти все прибрежные острова. Постепенно сельджуки приобрели оседлость и цивилизовались; турки и греки несколько раз встречались в открытом поле, и силы их оказывались почти равными; каждая кампания кончалась тем, что та или другая сторона овладевала каким-нибудь ничтожными поселением. Мало-помалу между ними устанавливается своего рода *modus vivendi*. Тогда как императоров устрашали их западные союзники, султанов тревожили новые кочевые орды, грозившие им с Востока. Иногда между Иконием и Византией устанавливался мир, заключались соглашения политического свойства и даже союзы. В Византии образовалась колония турецких купцов; им было позволено построить себе здесь мечеть, которая позднее была сожжена, но не греками, а толпой пьяных крестоносцев, грубых фландрских моряков, в промежутке между обеими осадами.

Тюркские племена в Европе. На Дунае беспрестанно шла борьба с другими кочевниками, которые из века в век под различными названиями – печенегов, куманов, узов, – продолжали деятельность гуннов, аваров и хазар. Самыми опасными из этих тюркских племен были теперь те, которые, будучи обращены в христианство, признавая над собой власть римского папы и организовав государство, вели с греками полукультурную войну, переходя от военных действий к мирным соглашениям, вступая в брачные союзы с императорами, черпая в этих союзах право вмешиваться в гражданские смуты и отнимая у императоров верховенство

Тюркский воин VIII в., половецкий всадник XIII в. и печенежский наемник византийской конницы XI в.

над хорватскими, сербскими и далматскими областями. Христианская Венгрия причиняла императору больше забот, чем в предшествующую эпоху орды мадьяр-язычников.

Хорваты, далматы. В X в. хорватские славяне были вассалами Византийской империи; в XI в. у них была слабая королевская власть в лице Кресимира и Звонимира, коронованного в 1076 г. папским легатом в Спалато. С тех пор они являются провинцией короны св. Стефана. Прибрежные города Адриатического моря, например Зара, составляют предмет спора между Венгрией и Венецией. Только Дубровник (Рагуза) в общем сохраняет свою автономию и остается очагом славянской цивилизации. Все эти области, подвергшись германскому или венгерскому влиянию, остались верны Риму, но в них проникла богомильская ересь.

Восточная часть Хорватии вместе с Боснией устояла против мадьярского завоевания и разделила участь Сербии.

Сербия делилась на исторические области: *дунайскую*, или *сирмийскую* Сербию в бассейне Моравы с главным городом Белградом, Герцеговину, Диоклею (Черногория), Зенту, или Северную Албанию. Между этими областями, соединяя их, простиралась гряда гор, центром был город Рашка на одноименной реке (теперь Нови-Пазар).

В эпоху великого царя Симеона сербские области отстаивали свою независимость против болгар. Византийский император считал сербов своими вассалами, и они сумели сохранить свою свободу только благодаря тому, что силы болгар и греков были равны. Василий II, завоевав Болгарию, подчинил своей власти и сербские страны, по крайней мере, те из них, которые не были защищены неприступными горами.

Когда Греческая империя ослабела, первая попытка национального возрождения обнаружилась в Диоклее. В 1040 г. Стефан Богуслав изгнал византийского губернатора и нанес поражение грекам. Его сын, великий жупан Михаил, уже не имея возможности противопоставить Византии Болгарию, искал поддержки в Риме; папа Григорий VII пожаловал ему корону с титулом *rex Sclavorum* (около 1078 г.). Еще раньше Михаил послал своего сына Константина Бодина попытаться завоевать Болгарию.

Вскоре затем это молодое государство вступает в борьбу с другой Сербией, которая также добилась независимости: конец XI в. наполнен войнами Бодина, унаследовавшего отцовскую корону, с жупанами Рашки. К тому же эта династия сама истребляет себя: Бодин по наущению жены, итальянки Яквинты, умерщвляет своих родственников. Царская династия прекращается, и власть захватывает жупан Рашки Улкан. Он ведет с греками партизанскую войну, нападая на них в горах, ущельях и из засад, подобно тому, как позднее черногорцы целые века воюют с османами. Ни греческие, ни туземные летописцы ничего не сообщают нам о ходе этой борьбы; мы не знаем точно даже имен сербских государей. Около 1120 г. некто Бела Урох (Птица или Дракон), принадлежавший не то к династии Бодина, не то к династии Улкана, принял титул короля. Его жена Анна была, по преданию, «франкского происхождения» – быть может, француженка. Для борьбы с Византией он искал поддержки у венгерских королей – Стефана II, который, однако, отнял у него Белград, и у Белы II, за которого выдал свою дочь Елену. Это была опасная политика. Один из двух сыновей Белы Уроха, Хедомил, пал в битве с войсками Мануила Комнина. Престол захватили, по-видимому, зять Уроха, боярин Белух, и его брат Прибислав. Они были изгнаны другим сыном Белы Уроха, Чемомилем, который пытался отстоять свою независимость против Венгрии и Византии. Он был свергнут императором Мануилом, который ставил ему в вину его симпатии к венграм. Один из его сыновей или внуков, Стефан Неманя, был признан великим жупаном Рашки (около 1165 г.).

Стефан Неманя; объединение сербов. Это был энергичный и воинственный государь, который стремился объединить в одно прочное государство обособленные сербские племена, жившие в дикой независимости. Вначале ему приходилось защищаться против своей собственной фамилии, и один из его братьев был убит в сражении. Стефан был, по-видимому, многим обязан Мануилу Комнину; однако его завоевания в Хорватии и Далмации заставили императора лично идти против него. Стефан, не ожидая битвы, изъявил покорность (1173). Он остался верен Ма-

нуили, но по смерти последнего (1180) счел себя свободным от всяких обязательств, снова взялся за оружие, отнял у греков Ниш и подчинил своей власти Далмацию до устьев Каттаро, Герцеговину, Черногорию и Дунайскую Сербию; но Боснию ему не удалось покорить, потому что он встретил здесь отпор со стороны венгров. В 1189 г., когда Фридрих Барбаросса проезжал через Сербию, он виделся с ним в Нише, предложил ему помощь, в которой греки отказывали императору, просил у него поддержки против них и разрешения женить своего сына на наследнице далматской короны. Германский император отклонил этот союз: в Германии понимали, какой опасностью грозило бы «Священной Римской империи» образование большого славянского государства. Позднее Стефан Неманя воевал с Исааком Ангелом, но затем, потерпев поражение, женился на его племяннице.

Внутри государства он одерживает верх над честолюбием местных вождей и сепаратистскими стремлениями отдельных народов. Жупаны перестают быть собственниками своих жупанств и становятся чиновниками государя. Он борется с язычниками, упорно отказывающимися принять христианство, и с богомилами; он понимает, что язычество и ересь служат опорой партикуляризма. Он основывает церкви и монастыри, из которых наибольшую известность приобрели Хиландарский монастырь на Афоне и Царская Лавра в Студенице, где был погребен он сам и его преемники. В 1195 г. он вступил туда монахом и умер там в 1200 г.; сербы почитают его под именем св. Симеона.

Стефан I и св. Савва; Сербское королевство. Его третий сын, Растко, также был монахом: это – св. Савва, великий чудотворец, отец национальной церкви, один из пионеров литературного движения. Константинопольский патриарх признал эту церковь автокефальной, и св. Савва был ее первым архиепископом (1221); его резиденцией была Ужица. Таким образом, Сербия приобрела политическую и религиозную автономию: почти в одно и то же время она получила и автокефального архиепископа, и *кряля*.

Стефан Неманя довольствовался титулом великого жупана, который западные летописцы переводят словом

«граф»; его сын Стефан¹ первый принял титул краля.² Он был коронован двояким образом: в 1217 г. папский легат короновал его «королем Сербии, Диоклеи, Тербунии и Далмации»; в 1222 г. св. Савва помазал его на царство и возложил на него венец, присланный из Константинополя. Таким образом, в политическом отношении Сербия устояла между Греческой империей с одной стороны, Германской империей и Венгерским королевством – с другой; в религиозном отношении она освободилась как от власти римского папы, так и от власти константинопольского патриарха. Это – восточное государство, но оно открыто влиянию Запада; в нем преобладает православие, но и католицизм пользуется покровительством. В Зиче была основана церковь апостолов Петра и Павла, которая сделалась местом венчания сербских королей; политические успехи, достигнутые первыми Неманями, чрезвычайно значительны: они подготовили могущество Сербского царства в XIV в. Еще значительнее и прочнее успехи, достигнутые ими в религиозной области. Придет время, когда феодализм и славянский партикуляризм снова одержат верх над центральной властью; но когда королевская власть исчезнет, все еще будет существовать сербская церковь. Неманы обязаны своим влиянием не столько завоеваниям, сколько святости, и когда их держава погибнет, воспоминания о св. Симеоне, Стефане I, который в 1224 г. также стал монахом, о чудесах св. Саввы, умершего в 1236 г., будут охранять их народ, будут утешать и поддерживать его в годину турецкого владычества и не дадут умереть сербской национальности.

Болгары. Завоевание Василия II в X в. положило конец существованию грозной болгарской державы, которая оспаривала верховенство у Греческой империи и при царе Симеоне грозила самому ее существованию. Последний царь, Владислав, был убит под Дураццо (1018). Последние независимые бояре были захвачены в своих неприступных замках Томоре и

¹ Поэтому его обычно называют Стефаном I.

² Слово «краль», в других славянских языках – «король», происходит, может быть, от имени *Carolus*, Карла Великого, как короля по преимуществу.

Врохоте. Другие изъявили покорность, и в награду император подтвердил их имущественные права и привилегии и даровал им византийские титулы. Патриаршество было упразднено, но в Охриде остался болгарский епископ. Государство и автокефальная церковь были уничтожены; оставались только более или менее покорные дворяне в горных округах и повинные барщиной и оброком крестьяне на равнине Мизии.

Но Болгария не забыла о том, что она была некогда сильной и славной нацией. Даже после истребительных войн Василия Болгаробойцы в ней не воцарилось спокойствие. Уже в 1040 г. некто Делян провозгласил себя царем и послал 40 тысяч повстанцев осаждать Фессалонику; он был разбит, взят в плен и ослеплен (1041). В 1073 г., когда Бодин, сын первого сербского короля, вторгся в Болгарию, страна встретила его как своего освободителя и провозгласила царем. Он был разбит близ Ниша; его дворец и монастырь св. Ахилла на озере Преспа были разграблены франкскими наемниками, состоявшими на службе у Византии; болгарский боярин Войтех кончил жизнь под бичом в Константинополе.

Болгарское движение возобновилось с новой силой при Исааке Ангеле вследствие вымогательств, вызванных его браком с дочерью венгерского короля. Славянские крестьяне, огромные стада скота которых возбуждали жадность фиска и императорских чиновников, восстали. Но к этому болгарскому движению примешались чуждые элементы, с которыми мы предварительно должны ознакомиться.

Румыны; их происхождение. Главным фактом истории Юго-Восточной Европы в XII в. является выход на историческую сцену крупного народа латинской расы, говорившего новолатинским языком, народа, который современники называли влахами, или валахами, и которому мы вернули его настоящее название – румыны (римляне)¹.

Когда Траян победил даков, которые, по-видимому, находились в родстве с древними фракийцами, он поселил в завоеванной стране (Восточная Венгрия и Трансильвания) множество колоннов: «*Ex toto orbe romano infinitas eo copias*

¹ Названием «влахи» обозначают латинян славяне (влох) и немцы (Welsche, Wallon); это видоизменение слова «галл».

hominum transtulerat ad agros et urbes colendos» (Евтропий, VIII, 3). Эти поселенцы, без сомнения, смешавшись с остатками побежденного народа, развили в стране очень оживленную деятельность на почве римской культуры, о чем свидетельствуют многочисленные остатки памятников¹.

При Адриане был поднят вопрос об оставлении Римской Дакии, которую империя уже с трудом защищала против готских нашествий. Советники императора отклонили его от этого намерения: *ne multi cives romani barbaris traderentur* (Вописк). Только при Аврелиане (274) решено было оставить Дакию: *sublato exercitu et provincialibus reliquis... abductosque ex ea populos in Moesia collocavit* (Вописк). С того времени часть Мизии впервые начинает обозначаться как Дакия, а вскоре мы видим к югу от Дуная и Савы целую дакскую диоцезу, охватывающую пять провинций.

Это место Вописка было предметом многочисленных комментариев. Спор шел о том, насколько Римская империя при Аврелиане фактически отказалась от Траяновой Дакии. Способ решения этого вопроса обуславливался национальным соревнованием: немцы и венгры решают его иначе, чем румыны².

В период нашествий, когда азиатские орды в течение нескольких веков сменялись на равнинах Восточной Евро-

¹ Однако эти поселенцы, собранные *ex toto orbe romano*, не все были латинского происхождения. Посвятительные надписи в честь Изиды, Оруса и Юпитера Гелиополийского, найденные в этих местах, указывают на присутствие египтян; надписи в честь карфагенской «Dea Coelestis» принадлежат, без сомнения, африканцам; упоминание Юпитера Комагенского и Юпитера Прузийского указывает на фригийцев, упоминание Юпитера Тавийского – на галатов, упоминание Негалении – на галлов или германцев. В других местах встречаются следы пальмирейцев, далматов и карийцев. Но преобладали латинская раса и латинский язык (конечно, *latina rustica*).

² Немцы и венгры, соотечественники которых населили Трансильванию, считают выгодным для себя доказывать, что Траянова Дакия была совершенно оставлена и что мадьярские, чеклерские и немецкие поселенцы уже не нашли там и следов латинского населения. Румыны, переселенные Аврелианом на юг от Дуная, снова появляются на Карпатах и в бассейне Тиссы, по их словам, лишь гораздо позднее. Следовательно, не венгры и немцы ограбили румын, а румыны вторглись в среду мадьярского и германского населения. Они хитростью проникли в древнюю

пы, потомки Траяновых поселенцев вынуждены были покинуть плоскую страну и искать убежища на плоскогорьях. Они снова появляются на исторической сцене под названием валахов прежде всего в горных округах; затем, по мере восстановления безопасности, они спускаются на равнины Трансильвании, Буковины, Бессарабии, Молдавии и Валахии¹.

Современный румынский язык свидетельствует о том, что валахи XI и XII вв. действительно были потомки Трая-

Дакию; поэтому нет ничего удивительного, что они попали здесь в рабское положение и до сих пор лишены большинства политических прав. Румыны не менее страстно доказывают, что их предки живут в Трансильвании непрерывно со времен Траяна и Аврелиана; политическая узурпация немцев и мадьяр даже не может быть оправдана историческим правом. В первом тезисе слова Вописка истолковываются в смысле полного оставления страны и массового переселения латинских колоннов на юг от Дуная; согласно второму они указывают лишь на то, что Аврелиан отозвал войско и чиновников (*provincialibus*); но, исключая небольшое количество поселенцев, которые были переселены в Мизию, масса населения осталась в Траяновой Дакии и продолжала собственными силами и на свой риск защищать страну. Если уже при Адриане количество римских граждан в Дакии казалось настолько значительным, что правительство не решалось оставить их на произвол варваров, то при Аврелиане их число было, несомненно, еще более велико, так как Дакия находилась под римским владычеством с 106 по 274 г., то есть 168 лет. Румынские писатели настойчиво указывают на нелепость толкования, согласно которому такое огромное население было целиком переведено в Мизию, затем снова, несколько веков спустя, всей массой переселилось обратно с Балканского полуострова в огромную котловину, образуемую Карпатами.

¹ Надо признать, что румынское толкование имеет за себя много доводов. Если имена мест и рек на равнинах Трансильвании почти исключительно венгерские или германские, то местные названия гор и плоскогорий остались латинскими. Один из новейших историков по происхождению румын, Ксенополь, собрал все указания, какие только можно найти в летописях, эпосах и государственных актах. Так, Нестор, русский летописец XI в., утверждает, что венгры, перейдя в первый раз через Карпаты, встретили одновременно и валахов, и славян (898), и что впоследствии славяне постоянно жили там вместе с валахами. «Анонимный нотариус короля Бельи» упоминает о борьбе венгров с валахами при завоевании первыми Трансильвании. Архидьякон Фома свидетельствует о том, что эта страна *dicitur antiquitus fuisse pascua Romanorum*. Симон Кéза (1205) объясняет, что «валахи, древние римские пастухи и земледельцы», добровольно остались в Паннонии. Итак,

новых поселенцев: несмотря на заимствования, которые они вынуждены были сделать из наречий завоевателей, их грамматика осталась вполне латинской, и более шести десятых их словаря – латинского происхождения (три десятых – славянского происхождения, остальные слова взяты из греческого, турецкого, венгерского и немецкого языков). Румыны еще помнят о своем первом вожде, который сделался богом или героем-эпонимом; они познакомили с ним своих соседей: в древней русской эпосе об Игоре упоминается *Траян*. Они не только показывают иностранцу мост Траяна, проходы Траяна, дороги Траяна, луг Траяна, но для них Млечный Путь есть путь Траяна, молния – его меч, гром – его голос. Они расскажут вам древнюю легенду о женитьбе Траяна на Дакии. Почти все древние римские обычаи сохранились в их празднествах, в их брачных и погребальных обрядах. Наиболее часто встречающийся тип румына есть тип крестьянина римской Кампании.

Как уцелела, развилась и распространилась эта раса? Дело в том, что она срослась с землей, которую дал ей Траян: она плодородна, как эта земля; она не подвержена малярии, от которой гибнут немцы и мадьяры. Но как уцелела она после стольких бурь и нашествий? Она отвечает вам пословицей: «Вода течет, голыш остается».

у старых мадьярских историков существует на этот счет неизменная традиция. Из «Песни о Нибелунгах» мы также узнаем, что валахи (Vlachen) при своем герцоге Рамунге (Римлянин) жили в соседстве с Польшей. Акты венгерских королей XII и XIII вв. показывают, что валахи с незапамятных времен обитали в Трансильвании: *a tempore humanam memoriam transeunte per majores, avos atavosque... possessa* (хартия 1231 г.). В 1260 г. в армии короля Бела IV были валахи. Не все валахи были пастухами и крепостными: они имели свою аристократию – воевод, князей или сельских судей, богатых землевладельцев, утверждаемых в своих имущественных правах венгерскими королями, собрания графств (*congregationes*), общины (*universitates*), владевшие правами и привилегиями; из этой румынской знати, уменьшенной в числе, отодвинутой на второе место мадьярской знатю и усвоившей мадьярские нравы, выходят впоследствии такие люди, как Ян Гуниад и Матвей Корвин. Эти румыны имеют свою культуру, свой алфавит, который они передают своим соседям чеклерам, и который есть, очевидно, древнеславянский алфавит их церковного языка, усвоенный ими вместе с христианством от их старых соседей болгар.

В XII и XIII вв. она снова появляется в разных местах Трансильвании; она распространяется по восточным склонам Карпат. Здесь возникают небольшие княжества, из соединения которых образуются позднее Валахия и Молдавия. Первая была основана в 1290 г. Раду Негру, то есть Рудольфом Черным, сделавшим своей столицей Кампу-Лунгу. Молдавия появляется в 1349 г. при некоем Богдане, который утверждает свою власть в Сучиаве.

Это – не единственные группы валахов, которые мы встречаем в Юго-Восточной Европе. Другие группы занимают Родоп (Деспото-Даг), Гемус (Балканы) и Пинд. Они появляются повсюду на Балканском полуострове, где только обнаруживается свободное место среди греческого населения, вплоть до Беотии, Аттики и Морен. Фессалия в XII в. называется уже Великой Валахией; в Этолии и Акарнании существует Малая Валахия, в северном Эпире (Албания) – Верхняя Валахия.

Эти валахи Балканского полуострова не все происходят от Траяновых колонистов. Далматский берег также некогда был колонизован, и мы находим на нем римские города – Аполлонию, Диррахий и др. Когда начались вторжения, римские поселенцы адриатического побережья последовали примеру своих соотечественников, живших в Дунайской области: они бежали в горы. Те и другие, подвергшись разнородным влияниям, отчасти различаются по языку. Валахи, жившие на Пинде, в Эпире и Фессалии, получили от своих соседей, смотря по местожительству, имя *цинцари* или *морлакки* (черные валахи). Сами они называют себя *Armini* (римляне), как валахи Дунайской области называют себя *Romini*.

Сношения валахов с Византией. Византийские летописцы долгое время совсем не знают этого народа, ни под названием римлян, которое он сам давал себе, ни под названием валахов. Под 579 г. Феофан сообщает, что во время одной экспедиции во Фракии византийской армией овладела паника, и один из солдат крикнул: «*Torna, torna, fratre!*». Эти румынские слова являются первым памятником румынского языка¹.

¹ Феофилакт также рассказывает об этом случае, но у него солдат восклицает: «*Retorna!*».

Под 976 г. Кедрен сообщает, что один болгарский вождь был убит между Преспой и Касторией кочевниками валахского племени. Киннам прибавляет: «Говорят, что валахи происходят от древних италийских поселенцев». В 1033 г. царь Самуил построил в том же краю укрепления в местности, называемой Кимба-Лунгу, – это румынское имя. После завоевания Болгарии Василий II, назначая архиепископа Охриды, отдает ему в подданство «валахов всей Болгарии». В 1091 г. Алексей I получает на Марице подкрепление из 5 тысяч болгар и валахов. С тех пор летописи на каждом шагу упоминают об этом народе. Мы встречаем его повсюду: на Карпатах, Родопе, Балканах, Пинде, во Фракии, Македонии, Фессалии, Болгарии – но всегда на горах. Они овладели замками, выстроенными Юстинианом и пришедшими в упадок при Ангелах, грабят окрестности, нападают на отдельные отряды войска и даже на крестоносцев, проезжающих через империю. Вениамин Тудельский, посетивший Фессалию в 1170 г., описывает виденных там валахов; Никита Хониат рассказывает преимущественно о балканских валахах; но портрет тот же. Эти валахи проворны, как козы, и подобно им прыгают через овраги; почти все их деревни расположены «на краю бездонных пропастей и на недоступных высотах»; они укрепляются в своих селах и неохотно сражаются на равнине; «никто не в силах настигнуть их, и ни один король не мог бы властвовать над ними». Все в черном, вероятно одетые в козьи шкуры, они одним своим видом наводили ужас на греков. Вениамин говорит, что они носили имена вроде Давид, Моисей и т. п., но считает их еще язычниками. Достоверно известно, что они исповедовали православную христианскую веру. Это единственный новолатинский народ, который не поддерживал сношений с Римом, и в этом состоит одна из его своеобразных черт.

Основание валахо-болгарской державы. В XII в. количество валахов, живущих на Балканах и даже в Мизии, настолько велико, что Никита говорит: «Обитатели некогда назывались мизийцами, а теперь называются валахами». В равнине, по-видимому, удержались славо-болгары. Когда Исаак Ангел захотел обложить эту страну новыми податями, двое братьев валахского племени, Асень и Петр, от-

правились принести жалобу императору, который стоял лагерем в Кипселле. Они просили для своего народа уменьшения податей, а для себя – военных должностей и ленов в Балканах. Все их просьбы были отвергнуты, и так как Асень, наиболее смелый из братьев, говорил слишком громко, то себастократор Иоанн велел дать ему пощечину.

Вернувшись в горы, братья подняли знамя мятежа. Чтобы сломить сопротивление своих соплеменников, они решили действовать на них путем религии. Они построили в Тырнове церковь св. Димитрия. Они рассылали бесноватых, которые в пророческом бреде возвещали, что Господь решил освободить болгар и валахов: вот почему св. Димитрий, предоставив норманнам грабить Фессалонику, переселился в Тырново. Вся страна восстала. Один из братьев, Петр, возложил на себя императорскую корону и одел пурпуровые сапоги. Он принял, вероятно, титул царя. Под Преславом повстанцы потерпели неудачу, зато они утвердились на равнинах Болгарии и Фракии, где захватили множество скота и пленных.

Император лично двинулся против них и проложил себе путь через Балканы. Затем, отказавшись от мысли овладеть их укрепленными горными деревнями, он удовольствовался тем, что сжег хлеб на полях, и вернулся в Византию (1186). Вожди восстания ушли за Дунай и нашли убежище в стране куманов. С помощью половецкой конницы они завоевали Болгарию и вторглись во Фракию. Император разбил их при Беррее (Эски-Загре); но на этот раз ему не удалось даже перейти через Балканы. В его отсутствие мятежники снова одержали ряд побед. Они заключили союз с сербским королем Стефаном Неманей и, ободренные своими успехами, решили «восстановить государство мизийцев и болгар в том виде, какой оно имело в прежнее время», то есть в эпоху великого царя Симеона. Третий поход Исаака (1187) не имел серьезных последствий: император потратил три месяца на осаду Лобицы. Было заключено перемирие, и императору дан в заложники младший брат Асени и Петра, Иоанница. Когда Фридрих Барбаросса в 1189 г. проезжал через их страну, Асень и Петр, подобно Стефану Неманю, обратились к нему с просьбой о союзе: они пред-

ложили ему вспомогательное войско в 40 тысяч человек с тем, чтобы он утвердил за ними царский титул. Эти переговоры встревожили Исаака. По удалении немецкой армии война между греками и валахо-болгарами возобновилась (1190); последние одержали большую победу при Беррее, где император лишь с трудом спас свою жизнь, убивая лошадей и даже солдат своей армии, которые преграждали ему путь. Болгары разграбили Варну, Анхиаль, Ниш, Филиппополь, Софию и Адрианополь. В Софии они нашли мощи св. Иоанна Рыльского и перевезли их в свою столицу Тырново. Низложение Исаака и наступившая затем смута повлекли за собой новые победы болгар и новые набеги куманских орд. Правительство пыталось войти с ними в соглашение, но они поставили узурпатору Алексею такие условия, которых он не мог принять. Между тем положение болгарского царя, вследствие господствовавших в его стране социальных условий, было столь же непрочным, как и положение византийского императора. Только путем беспощадной строгости Асень сдерживал своеволие своих бояр. Один из них, Иванко, убил его, захватил Тырново и провозгласил себя царем. Петру удалось вернуть себе столицу и престол своего брата. Он сделал соправителем своего младшего брата, Иоанницу, который бежал из греческого плена; латиняне называли его Иоанницием, греки – Иоанникием, болгары – Калиянтчем (Калоян, Иоанн Добрый), а византийцы – Скилоиоанном (Иоанн Собака).

Царь Иоанница. Петр в свою очередь был убит, и Иоанница стал править один. Он был женат на половчанке. Долго живя в Константинополе, где он был оруженосцем Исаака, он усвоил внешний лоск греческой культуры и в то же время проникся глубокой ненавистью к грекам. Он вел с ними беспощадную войну: взяв Варну, он велел бросить всех жителей в городской ров и засыпать их мусором. Василий II носил имя *Болгароктона* (Болгаробойцы), Иоанница гордился своим прозвищем *Ромайоктона* (убийцы римлян, то есть греков). «Ясновидцы», сопровождавшие его армию, кричали, что не следует сохранять пленных для выкупа, а надо всех убивать. Особенно ненавидел Иоанница греческих попов и редко оставлял им жизнь: «Убивать их, – гово-

рил он, – дело, угодное Богу». Его приверженность к православию была сомнительна: он терпел богомилов, искал расположения папы. Однако разграбив какой-нибудь греческий город, он непременно отсылал найденные там реликвии в Тырново, где священники и бояре встречали их в торжественной процессии.

В борьбе с Иоанницей Алексей III искал поддержки у его мятежных подданных. В Македонии жил один боярин, вероятно, болгарского происхождения, по имени Добромир Стрец, который в своем неприступном замке Струмнице, защищенном циклопическими стенами, отказывался признать власть как царя, так и императора. Алексей после тщетной попытки взять Струмницу осадой заключил союз с Добромиром, и хотя последний уже был женат, отдал ему руку одной из своих племянниц. Узурпатору Иванке, который нашел убежище в Византии, он предоставил войско; Иванко разбил своих соотечественников, овладел укреплениями на Родопе и объявил себя независимым; затем он заключил союз с царем, но в 1200 г. был взят в плен греками.

Иоанница справился со смутой. Он разбил сербов и воевал с венграми. Его завоевания простерлись до Белграда. Он добивался признания своего царского титула со стороны Иннокентия III, предлагая ему взамен подчинить свой народ Римской церкви. После многократного обмена посольствами, из Рима отправился в Тырново папский легат Леон, кардинал Santa-Cросе. На пути он был задержан венграми, но отпущен вследствие угроз Иннокентия III. В Тырново он привез две вещи: корону для царя и паллию примаса (но не патриарха) для архиепископа Василия. 7 ноября 1204 г. последний был рукоположен в свой сан, а вместе с ним были посвящены и оба митрополита Вельбузда и Преслава, и епископы Виддина, Браничева, Ниша и Скопии. На другой день Иоанница, получивший от папы титул *dominus Blacorum et Bulgarorum*, был коронован в Тырнове легатом.

Его переписка с папой по поводу этого дела чрезвычайно любопытна. Иннокентий III заявляет, что, как он узнал, предки Иоанницы происходят от «славного римского рода». Иоанница, прославляя «своих предшественников блаженной памяти, болгарских императоров Симеона, Петра и

Самуила», также намекает на их римское происхождение: *in memoriam sanguinis et patriae nostrae, a qua descendimus*.

В самом деле, каково было происхождение основателей валахо-болгарского государства? Слависты производят их от славо-болгар. Ф. И. Успенский, сблизив имена Асень и Гассан, предполагает, что они происходили от куман. Свидетельство Никиты решает вопрос; он рассказывает, что один священник, попав в плен, был приведен к Асеню: «*Так как он знал валахский язык, то он пал к его ногам, моля о прощении*». Итак, румынский язык был, очевидно, родным языком в семье Асений. Но так как болгары составляли большинство их подданных, то династия с течением времени оболгарилась.

Отношения между Византией и Римом. Со времени столкновения между патриархом Керуларием и легатом Гумбертом (1054) Восточная и Западная церковь ведут раздельное существование. Для латинян греки были схизматиками, латиняне для греков – еретиками. С тех пор вся злоба, накоплявшаяся в сердцах греков вследствие целого ряда угроз или покушений на безопасность их империи, – от кого бы они не происходили: от венецианцев, норманнов, французов или немцев, – все их обиды, даже крестовые походы, монополии и морское разбойничество, соединялись для них в одном слове: «латинство». Религиозные разногласия заимствовали новую силу от политических и экономических столкновений и в свою очередь сообщали им свой фанатизм.

Пока спор оставался чисто догматическим, пока он являлся простым разногласием между византийским патриархом и римским епископом, пока последний со светской точки зрения был лишь мелким итальянским государем, – опасность, которой раскол грозил Византии, была невелика. Но со времени реформы Гильдебранда папство с каждым днем становилось все более могущественным. Его владычество уже не ограничивалось небольшим римским государством: св. Петр владеет целыми королевствами – Англией, Венгрией, обеими Сицилиями и т. д. По мере того, как папство усиливалось политически, оно становилось все более требовательным и нетерпимым. Оно могло истреб-

лять целые народы под предлогом искоренения ереси: как могло оно терпеть пренебрежение схизматиков?

В течение всего XII в. и в начале XIII в. оно относится к Византии с явным недоброжелательством. Его первыми дипломатическими успехами были завоевание румынской и православной Трансильвании венграми и завоевание обеих Сицилий норманнами, которые заменили там православное духовенство католическим. Оно упорно оспаривает у Византии господство над теми народами, которые жили на границах владений обеих церквей – над валахами, болгарами и сербами. Оно помогает им освободиться от политического ига Византии с тем условием, чтобы они признали над собой религиозную власть Рима: мы видели, как легко получили от него короны Звонимир Хорватский, Михаил Сербский и Иоанница Болгарский. Все это опорные пункты, которые оно подготавливает себе для борьбы с Византией. Блокада, которой старый латинский Рим обложил «Новый Рим», все более стягивается.

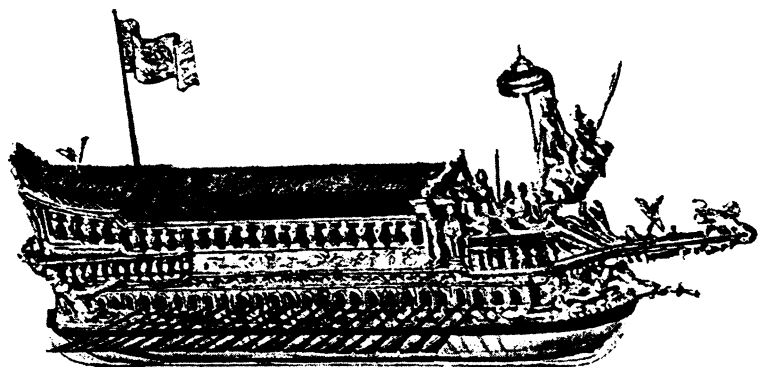
Оружием папства в его борьбе со схизматической империей являются уже не только безвредные для нее перуны религиозного проклятия; оно владеет и светским оружием. Таким оружием служит, во-первых, подвижный, всегда готовый выйти из ножен меч норманнского короля Сицилии, его смиренного и лукавого вассала, короля «милостью Господа и св. Петра»; во-вторых, эта огромная катапульта, которая требует так много времени, чтобы быть приведенной в движение, которой так трудно управлять, но которая обладает такой огромной разрушительной силой, – крестовый поход.

Мы видели, как непостоянен был образ действий Иннокентия III во время четвертого крестового похода, как он осуждал то, чего, может быть, желал, освящал совершившиеся события и, отлучив от церкви тех, которые отвлекли священный поход от его цели, принял эту империю, когда ее положили к его ногам.

Венецианцы. Было время, когда город лагун стоял под покровительством Византии, когда его граждане называли себя рабами (*douloi*) базилевса и повиновались его приказам (*keleuseis*), когда дож был сановником византийской

иерархии и гордился титулами *гипата* (консула), *протоспатара*, *протосебаста*. Начиная с X в. между обоими государствами устанавливается уже равноправный союз, основанный на общности интересов: если венецианский флот помогает Византии защищать греческие города адриатического побережья против славян и лангобардскую «тему» – против арабов, то лишь потому, что торговые интересы Венеции побуждают ее поддерживать безопасность в этих богатых областях. Дожи женятся на дочерях или племянницах базилевсов и таким образом вступают в императорскую фамилию. Вскоре императоры уже вынуждены покупать этот союз ценой торговых привилегий, наносящих ущерб их греческим подданным. Венецианцы защищают империю потому, что они обеспечили себе монополию на ее торговлю, то есть из тех же соображений, которые заставили позднее Англию провозгласить «догмат неприкосновенности оттоманской империи».

Честолюбие Венеции возрастает с ее богатством. На итальянской почве она должна довольствоваться своими лагунами, так как ее сдерживает могущество соседних республик и тиранов. Зато она распространяет свои владения по восточному побережью Адриатического моря, на древней греческой территории, подчиняет себе прибрежные города и основывает свою далматскую державу. Она уже бросает жадные взгляды на острова Эгейского моря. Однако она еще не заинтересована в раздроблении империи. Так как она отвергла союз Роберта Гюискара и даже оказала императору помощь против норманнов, то Алексей I в 1082 г. пожаловал ей «Золотую буллу». Он предоставил ей в Византии целый квартал с набережной (*scala*, откуда франц. *échelle*). Это первая *колония* или *нация*, утвердившаяся в столице империи; в своем укрепленном квартале она выстраивает себе церковь и содержит духовенство, зависящее только от патриарха *Градо* в Венеции; глава нации, *балы* или *подеста*, разбирает тяжбы между своими согражданами, заведует общим имуществом и неумолимо отстаивает их интересы перед императорским правительством. Такую же *scala* венецианцы получают и в каждом из остальных портов. Они безмерно злоупотребляют своей монополией, соединяя с

Буцентавр. Такое название было дано государственной барке, выстроенной специально для того, чтобы участвовать в церемонии «венчания с морем», когда венецианские дожи вступали в символические браки с морем, бросая в воду кольцо. Впервые церемония состоялась в 998 г. при доже Пьетро Орсеоло II

коммерцией морское разбойничество, торговлю рабами и войну против неверных – даже против тех из них, которые находятся в мире с империей.

Иоанн Комнин пытается освободиться от венецианской монополии. Он отказывает дожу Доменико Михаилу в утверждении привилегий, изгоняет венецианцев из их портов, делает попытку отнять у них Далмацию (1119) и заключает союзный договор с Генуей (1120). Венецианцы вступают в войну с империей: они опустошают Родос, Хиос, Самос, Андрос и Лесбос, увозят пленных с побережья Морей, разрушают укрепления Модона, осаждают Корфу и утверждают в Кефалонии. Иоанн убеждается, что эта война разорительнее монополии; он заключает мир с Венецией и возвращает ей все порты.

Его сын Мануил, не решаясь отделаться от венецианцев, старается, по крайней мере, уравновесить их влияние. Он предоставляет их соперникам, пизанцам и генуэзцам, кварталы и набережные в Константинополе и остальных приморских городах. Но в то время, как венецианцы свободны от всяких таможенных пошлин, остальные итальянцы пла-

тят 4 %; кроме того, они обязываются нести военную службу для защиты столицы и империи. Другой договор – с Анконой – предоставляет императору право поставить гарнизон в этом городе. Но венецианцы не довольствуются тем, что с их соперниками обращаются хуже, чем с ними; они хотели бы совсем не иметь соперников. Когда император требует от них помощи против норманнов, они отказывают ему. Мануил захватывает их товары, налагает арест на их корабли и забирает в плен 10 тысяч венецианцев. С помощью своих новых итальянских клиентов – генуэзцев, пизанцев и анконцев – он отнимает у Венеции Спалато, Себенико, Рагузу, почти всю Далмацию. Венецианцы снова овладевают этими городами, и дож жестоко мстит их обитателям; могущественная армада идет через Эгейское море, чтобы осадить Константинополь; но Мануил и адмирал Контостефан заставляют ее вернуться обратно. Республика поддерживает деньгами сербского короля Стефана Неманя, посылает эскадру осадить Анкону. Мануил подстрекает против нее Конрада Монферратского и Вильгельма Феррарского. Венеция призывает на помощь против них немцев. Борьба между обеими морскими державами охватывает три полуострова – Италию, Грецию и Малую Азию; в ней принимают участие немецкий император и папа. Эту войну, вызванную торговым соперничеством, можно назвать европейской (1171–1175). В конце концов, ввиду заключения Венецией союзного договора с норманнами, Мануил счел благоразумным уступить.

Венецианцы не замедлили возобновить свои злоупотребления. Вскоре ненависть греческого населения против итальянцев распространилась на всех, кто носил имя франка; а в то время в Константинополе жило, по преданию, 60 тысяч латинян. Они стояли в таких же отношениях к туземцам, в каких стоят теперь европейцы к китайцам в Шанхае и других открытых для них городах Дальнего Востока. Их ненавидели и как иностранцев, и как эксплуататоров. Общая ненависть складывалась из недовольства отдельных лиц – из злобы греческого монаха на «латинскую ересь», из злобы чиновника, наказанного по требованию подеста, из злобы дворянина, которому богатый наследник предпочел ка-

кого-нибудь итальянца, из недовольства купца, ремесленника, чернорабочего, простолюдина, которые сравнивали свою нужду с роскошными дворцами этих иностранцев, из ненависти собственника, имущество которого погибло в одном из тех периодических пожаров, какими неизменно заканчивались ссоры генуэзских матросов с венецианскими. Только бдительность центральной власти, которая сама была враждебно настроена против этих эксплуататоров, не давала прорваться народной ярости.

Лишь только эта бдительность на минуту ослабела, — тотчас произошел взрыв. Это случилось во время смут, которыми сопровождалось воцарение Андроника (1182). Узурпатор и чернь точно сговорились действовать заодно. Первый захватил корону, вторая бросилась на латинян. Произошла резня, близко напоминающая избиение англичан в Китае. Греческие попы и монахи подстрекали народ к грабежам и убийствам; папский легат, приехавший для переговоров о соединении церквей, был обезглавлен и брошен в ров вместе с собакой; даже больные, находившиеся в латинском госпитале, были задушены в своих постелях; чернь убивала всех, кого можно было убить, и 4 тысячи женщин и детей были проданы мусульманам.

После убиения Андроника Исаак Ангел поспешил заключить мир с латинскими республиками. С Венецией он заключил даже наступательный и оборонительный союз против норманнов (1187). Узурпатор Алексей III возобновил привилегии и союзный договор (1199). Но итальянцы никогда не могли забыть ужасов 1182 г.; венецианцы уже не надеялись найти безопасность в Византии, а присутствие конкурентов раздражало их. Мысль о разрушении империи, присвоении ее берегов и островов созрела. Она тревожила ум старого дожа Дандоло. Заключая в 1202 г. договор с простодушными крестоносцами, он знал, что делал.

Норманны обеих Сицилий. Едва только смерть Роберта Гюискара (1085) спасла Алексея I от норманнского нашествия, как ему пришлось вступить в борьбу с одним из сыновей Гюискара, Боэмундом Тарентским. Сначала последний пытался отклонить первый крестовый поход от его пути; затем, сделавшись князем Антиохии, он захватил гре-

ческие владения в Киликии и Памфилии; наконец, по возвращении на запад, он с 60-тысячным войском высадился в Авлоне и принялся осаждать Диррахий. Договор 1108 г. уладил как азиатские, так и европейские дела: Бозмунд признал себя вассалом императора за Антиохию, обещал восстановить в этом городе православного патриарха, вернуть Лаодикею и другие укрепления и заставить кузена Танкреда и других своих вассалов исполнять их вассальные обязательства по отношению к их сюзерену, базилевсу.

При Мануиле Комнине сицилийский граф Рожер II соединил в своих руках, кроме наследия своего отца (1101), также владения потомков Гюискара, то есть почти всю Южную Италию (1127). Наконец в 1138 г. он утвердился в Неаполе. Корона обеих Сицилий не раз внушала тем, кто носил ее, непомерные притязания; в пример можно указать Карла Анжуйского и Карла VIII Французского. Поводом к разрыву с Греческой империей было, по преданию, то, что Рожер просил руки одной из принцесс императорского дома и что Мануил отказал ему. Первым успехом норманнов было занятие крепости Корфу, которую «голые» отдали без боя (1146). Менее удачно было нападение сицилийского адмирала на пелопоннесскую крепость Монемвасию, которую жителям удалось отстоять. Он вошел в Ионическое море, занял города Акарнании и Этолии, высадился в глубине Коринфского залива, двинулся на Фивы и овладел ими. Здесь норманны снова применили тот благоразумный метод, которого они обыкновенно держались при грабежах: они заставили горожан, положив руку на Евангелие, объявить все, что у них есть; кроме золота, серебра и товаров, они увезли всех красивых женщин и всех, кто умел изготавливать шелковые ткани. Центр этого производства был перенесен теперь из Фив в Палермо. Затем очередь дошла до Коринфа, откуда они не преминули увезти и икону св. Феодора. Мануил остановил их успехи, лично отправившись к Корфу и взяв его.

Вильгельм I Злой, наследовавший Рожеру в 1154 г., тщетно просил мира. Греки перенесли войну в Италию, взяли там Бари и завоевали большую часть Апулии. Но за этими успехами последовал ряд поражений. В то время, как Мануил был занят завоеванием Италии, сицилийский флот

прорвался через пролив и бросил якорь под стенами императорского дворца. Вильгельм был настолько благоразумен, что не употребил во зло свою неожиданную удачу. В 1155 г. был заключен мир; обе стороны обменялись крепостями и пленниками за исключением фиванских ткачей, которые уже вполне обосновались в Палермо.

После избиения латинян в Константинополе (1182) Вильгельм II Добрый, сын предшествующего короля, выступил мстителем за западное христианство. Его двоюродный брат, адмирал Танкред, переплыл Адриатическое море и в тринадцать дней взял Диррахий. Затем флот обогнул Морею, а сухопутная армия шла древней *via Egnatia*; оба направлялись к Фессалонике, второму городу империи. Трусость или измена его коменданта, происходившего из семьи Комнинов, ускорила падение города, но не избавила его от ужасов штурма. Архиепископ Евстафий оставил нам красноречивую *deploratio* бедствий своих сограждан; город был разграблен окончательно, как и можно было ожидать от методичных норманнов; воспоминания о резне 1182 г. удваивали их жестокость. Семь тысяч жителей погибли отчасти во время обороны, отчасти после взятия города. Людей пытали, чтобы вынудить у них деньги (1185). Ненависть между двумя народностями – итальянской и греческой – обнаруживалась с каждым днем все более резко.

По вступлении на престол Исаака Ангела доблестный стратег Врана двинулся против завоевателей. Он разбил их в двух сражениях – при Мосинополе и Димитрице, – отбросил их в Фессалонику, где вражда населения не дала им возможности защищаться, и принудила покинуть страну. Затем их флот был почти весь истреблен греческой эскадрой и бурями. Они вынуждены были очистить даже Диррахий. Греки взяли в плен 4 тысячи человек, в том числе двух генералов, Альдуина и Ричарда. Альдуин и часть солдат перешли на службу императора, остальные погибли от голода в тюрьмах.

Немцы. Могущество Сицилии пришло в упадок. Но отсюда возникла новая опасность: в этом самом году (1185) произошла помолвка Констанции Сицилийской с сыном Барбароссы, будущим Генрихом VI, самым жестоким из

Гогенштауфенов. Этот Генрих, сделавшись королем Сицилии и немецким императором, потребовал от Исаака (1194), а затем от узурпатора Алексея, чтобы они отдали ему всю страну от Диррахия до Фессалоники, завоеванную некогда норманнами. В конце концов он согласился принять огромную военную контрибуцию, для уплаты которой пришлось установить новый налог, так называемую *аламанскую подать*. В то же время он женил своего брата Филиппа Швабского на дочери Исаака Ангела, Ирине. Генрих VI предпринял грозную экспедицию против Греческой империи, но смерть разрушила его планы (1197). Мы видели, какую роль играл Филипп Швабский в «отклонении» четвертого крестового похода.

Крестоносцы. Алексей I призвал на помощь западных рыцарей против сельджуков. Он, может быть, надеялся, что их явится ровно столько, сколько было необходимо для усиления тех латинян, которые уже раньше служили в греческой армии в качестве наемников и союзников. При виде несметных крестоносных ополчений, напоминавших древние нашествия целых племен, он пришел в ужас. Однако он оказался на высоте тех многообразных обязанностей, которые налагал этот кризис на христианского государя и Греческого императора. Он гостеприимно встретил беспорядочные полчища Петра Пустынника, кормил их и оказывал им поддержку, он поспешил переправить их в Азию, где они принялись избивать без разбора христиан и мусульман и где они нашли свою жалкую гибель; он послал свои корабли, чтобы перевезти в Европу 3 тысячи этих паломников, спасшихся от гибели. Когда прибыла настоящая армия – феодалные ополчения, он дал им самые разумные советы относительно плана военных действий, снабдил их съестными припасами, военными машинами и инженерами и дал им в помощь один из лучших отрядов своего войска под командой храброго Ахилла Татия; но в то же время он принял необходимые меры предосторожности, стараясь только поодиночке допускать к Константинополю эти ополчения, которые непрерывно следовали одно за другим и из которых каждое заключало в себе от 80 до 100 тысяч человек; наконец, желая извлечь из их похода выгоду для империи и с

этой целью приноравливаясь к их феодальным принципам и предрассудкам, он потребовал от вождей клятвы в том, что они будут считать себя его вассалами за те земли, которые им удастся покорить, потому что мусульманское завоевание не могло устранить права империи на принадлежавшие ей некогда страны.

Мануил по отношению ко второму крестовому походу следовал почти той же политике, что и его отец. Первыми прошли немцы под начальством его шурина, императора Конрада III. Проходя через европейские провинции, они разграбили Софию и под стенами Константинополя напали на отряд греческой армии. Конрад обнаруживал величайшую заносчивость по отношению к Мануилу. Последний, естественно, не открыл ему ворот столицы. В Азии немцы продолжали грабить; неудивительно, что множество из них погибли от голода в той бедной стране. Известие о том, будто Мануил предупредил турок об опасности, требует подтверждения. Немецкое войско было достаточно недисциплинировано и незнакомо со способом ведения войн в Азии, чтобы турки и климат могли истребить его без помощи базилевса. Французская армия, предводительствуемая Людовиком VII и почти столь же многочисленная, как немецкая, прошла через империю, не совершив никаких бесчинств; Людовик VII согласился принять проводников, присланных ему Мануилом; он не придирался к формальностям, не отказался сесть на трон ниже того, на каком сидел император. За это благоразумие он был вознагражден сносным успехом.

Отношения Мануила к латинским государствам, образовавшимся в Палестине, были отношениями сюзерена к его вассалам. Когда Раймонд Антиохийский сделал попытку освободиться от своих феодальных обязательств, Мануил напал на него с суши и моря, заставил его просить прощения, но вернул ему его княжество, удовольствовавшись лишь новой присягой на верность (1144). Точно так же поступил он и с преемником Раймонда, Рено, который оказал ему неповиновение, а затем явился принести ему вассальную клятву в монашеской одежде, босой, с веревкой на шее, непокрытой головой и голыми руками. Импе-

ратор торжественно вступил в Антиохию, причем Рено шел рядом, держа его стремя, а Балдуин III Иерусалимский сопровождал его верхом, но без королевских инсигний. Однако Мануил снова отдал Антиохию в лен Рено (1156). Когда Жоселен, граф Эдессы, был взят в плен турками и умер от голода в темнице, его вдова поспешила обратиться к заступничеству Греческого императора, теперь, правда, уже запоздалому (1151). Балдуин III Иерусалимский женился на племяннице Мануила, Феодоре (1157), Мануил – на Марии Антиохийской (1161). В 1156 г. он заставил страшного Нуреддина отпустить на волю 6 тысяч пленных французов и немцев, участников второго крестового похода. В 1169 г. Мануил вместе с Амори Иерусалимским, женатым на принцессе из дома Комнинов, совершил крестовый поход против Египта.

Третий крестовый поход был для Исаака Ангела тяжелым испытанием. Предвидя эту страшную опасность, базилевс отправил в Нюренберг торжественное посольство, обещая помогать Фридриху Барбароссе, снабжать его армию плодами, овощами, лесом и фуражом под тем условием, чтобы немцы платили за все остальное и мирно прошли через империю. Когда они вступили на греческую территорию, императорский комиссар Кантакузен, по-видимому, плохо исполнил свою обязанность, и немецкая армия страдала от голода. Затем, когда Барбаросса вступил в переговоры с сербским и болгарским королями, недоброжелательство Исаака обнаружилось более резко. Он отрезал крестоносцам доступ к съестным припасам, послал против них великого доместика Запада, задержал послов Фридриха и потребовал, чтобы ему был дан в заложники наследник германского престола. Тогда и Фридрих потребовал заложников. Кроме того, он потребовал, чтобы византийцы, для которых он был только *rex*, признали за ним императорский титул. Немецкая армия, беспрестанно подвергаясь нападениям императорских солдат, славянских и валахских разбойников, проходила через византийские области, точно по неприятельской стране. В одной церкви они застали представление Страшного Суда, причем, как им показалось, греки ездили верхом на немцах; они сожгли этот город. Они

силой вошли в Бероз, нашли Адрианополь безлюдным, оставили гарнизон в Филиппополе и штурмом взяли Дидимотикон. Опустошая все на пути, они неудержимо двигались к Константинополю. Историк Никита Хониат с содроганием рассказывает о той опасности, которой подверглась империя вследствие легкомыслия Исаака. Наконец, Исаак понял свою ошибку и предложил Фридриху заложников с тем, чтобы немцы тотчас переправились в Азию. Барбаросса был честный крестоносец: он уступил. Все эти столкновения и породили ту ненависть, которую, как мы видели, питал к грекам Генрих VI.

Такие же столкновения произошли и с англичанами: Ричард Львиное Сердце отнял Кипр у узурпатора Исаака (1191).

Сопоставляя все эти обстоятельства – вражду к грекам римского папы, стремление Венеции вернуть себе торговую монополию или разрушить империю, честолюбивые замыслы норманнов, унаследованные немцами, происки крестоносцев, убежденных в коварстве греков, – мы поймем, как удалось «отклонить» четвертый крестовый поход от Иерусалима на Константинополь.

Уже в эпоху первого похода Боэмунд писал Готфриду Бульонскому, что прежде всего надо покончить с греками; во время второго похода такие же советы давал Рожер Сицилийский Конраду III и епископ Лангрский, у самых стен Константинополя, – Людовику VII; во время третьего крестового похода Барбароссу склоняли к тому же сербский король и болгарский царь. Должен был наступить такой момент, когда к этим планам отнеслись бы с большим вниманием. Можно только удивляться тому, что первые три похода, в которых участвовали сотни тысяч западных воинов, прошли по империи, не причинив ей вреда, и что она пала перед гораздо менее многочисленным войском, которое могло подступить к ней только с моря. Дело в том, что участники первого крестового похода были в общем искренно верующими людьми, стремившимися исключительно к освобождению Гроба Господня, и что в то время ни Венеция, ни папство еще не имели определенных планов насчет Византии.

Латинская империя и латинские княжества

Крестоносцы в Византийской империи. Разделение империи. Император Балдуин и король Бонифаций. Столкновение между Латинской империей и валахо-болгарской державой. Царствование Генриха Фландрского. Пьер де Куртнэ, Роберт Намюрский. Иоанн Бриеннский; новое столкновение с валахо-болгарской державой. Балдуин II. Франкские государства Центральной Эллады. Герцогство Афинское. Ахейское княжество; Гильом Шамплитт. Организация княжества. Жофрау Виллардуэн. Гильом Виллардуэн. Венецианские государства. Ассизы Романии. Следы, оставленные франкским владычеством в Греческой империи.

Крестоносцы в Византийской империи. Четвертый крестовый поход навсегда уничтожил блеск Константинополя: три пожара (во время обеих осад и в промежутке между ними) истребили целые кварталы, из которых каждый по величине равнялся нескольким городам Запада; дома греков были разорены, женщины опозорены, святилища осквернены, религиозные обряды обращены в посмешище; из церквей были унесены все реликвии; городские площади, *spina* ипподрома лишены своих украшений; из бронзовых статуй Лизимаха и Праксителя крестоносцы начеканили грубых монет. Однако уже и раньше бывали случаи, когда завоеватели, водворившиеся силой меча и огня, умели все-таки примирять побежденных со своим владычеством и, слившись с ними, образовать единую нацию и могущественное государство. Примером такого слияния являлась в то время Великобритания, завоеванная норманнами. Но чтобы такое предприятие имело успех, надо уметь считаться с условиями времени; а для латинских завоевателей эти условия не были благоприятны. В своих отношениях к побежденным они допустили целый ряд бестактностей, которые должны были рано или поздно погубить их дело. Они покорили не нацию, еще плохо организованную, какой были галло-римляне при появлении франков, а старую нацию, гордую своим прошлым, своим языком, своей религией, своими учреждениями, своим искусством и литературой. С другой стороны, они не были настоящими варварами, с неустано-

вившимся мировоззрением, которые могли бы усвоить мировоззрение побежденных: их собственная цивилизация была уже слишком развита, они имели свои традиции, свои давно выработанные языки, установившуюся религию, литературу и искусство. Таким образом, здесь встретились две цивилизации, равно оригинальные, два общества, равно, но не одинаково дифференцированные, две церкви, давно борющиеся между собой. Одна раса могла подчинить себе другую, но слиться они не могли. Западный феодализм и византийская бюрократия были так же несоединимы, как католицизм и православие.

Однако эти несоединимые элементы могли бы уживаться друг с другом целые века, как целые века держалось оттоманское владычество над христианскими народами, — если бы количественная разница между этими элементами была не так велика; но латинские завоеватели составляли лишь небольшую кучку среди многочисленного туземного населения. Для защиты латинского владычества осталась едва четвертая часть тех, которые победителями вступили в Византию: остальных религиозная ревность увлекла в святую землю или тоска по родине заставила вернуться на Запад. При таком же численном превосходстве побежденных англичане сумели удержаться в Индии; но им приходилось вначале иметь дело с народами, крайне различными по племенному происхождению и вере; затем они располагали искусным административным механизмом, направленным к одной цели. Напротив, крестоносцы 1204 г. имеют дело с одной господствующей нацией и с одной верой, общей всем побежденным; они приносят с собой крайне несовершенную организацию, порожденную на Западе настойчивыми запросами жизни и пригодную только на Западе. Сами они представляют собой не единый народ, а конгломерат народов. Среди великого этнографического разнообразия, господствующего на полуострове (греки, славяне, румыны, шкипетары и т. д.), они водворяют настоящее вавилонское смешение языков. Они состоят из нескольких отдельных армий: венецианцев под командой их дожа, фламандцев и других бельгийцев под начальством графа Балдуина, северных итальянцев и немцев под начальством маркиза Монферрат-

ского, французов, преимущественно шампанцев и бургундцев, предводительствуемых Виллардуэном, графами Блуа и Сен-Поль, и т. д. Все черты различия, свойственные им на родине, сохраняются и в завоеванной стране. Притом воины Северной Франции по самому характеру отличаются от венецианцев: у первых господствует феодальный принцип, у вторых – муниципальный.

Не менее важной причиной слабости были церковные вопросы, игравшие в ту эпоху такую крупную роль. Завоеватели – римские католики, население завоеванной ими страны – почти сплошь православное; итак, борьба двух церквей продолжается; усилия, направленные к соединению обеих церквей, приведут лишь к образованию третьей религиозной группы, впрочем, очень малочисленной – греков-униатов. Латинское духовенство требует привилегий и иммунитетов, взимает десятину и захватывает земли, которые, таким образом, становятся мертвым капиталом для завоевателей. Притом в этом духовенстве также господствуют национальные различия: французские, пизанские, генуэзские священники неохотно подчиняются венецианскому патриарху; даже венецианцы византийской колонии желают подчиняться только своему старому главе – венецианскому патриарху Градо. Наконец, западные религиозные споры возобновляются; здесь также идет борьба между духовной и светской властью; мало того, папа предъявляет еще большие требования, чем на Западе, ибо он подвинул латинян на этот крестовый поход и потому приписывает себе честь завоевания империи.

И все-таки латинское владычество удержалось бы, если бы побежденные оставались тем же, чем они были в момент завоевания: народом, деморализованным анархией, ослабленным политическими раздорами и религиозными разногласиями, развращенным непрерывными узурпациями и мятежами, утратившим всякую гражданскую и военную доблесть, несколько расслабленным вследствие утонченности своей культуры и привыкшим возлагать заботу о своей защите на наемников. Но именно громадность обрушившихся на него бедствий, его полный экономический упадок, разрушение его художественных богатств, бегство в горные

округа его старой родины, и то обстоятельство, что высшие классы снова приходят в соприкосновение с наиболее грубыми и варварскими слоями населения, мало-помалу воскрешают в нем те добродетели, отсутствие которых обусловило катастрофу 1204 г. Возникает новая Греция, живущая бивуаком среди суровых горцев, ведущая жизнь *стратиотов, арматолов, апелатов* (беглецов) и *клефтов* (разбойников); и по мере того, как комфорт сеньориальной жизни ослабляет мужество крестоносцев, доблесть греков возрастает. В противоположность норманнам Англии, для которых защита их добычи с течением времени становилась все легче, для латинян она с каждым днем становится труднее.

Разделение империи. В дележе завоеванных земель главными участниками были, естественно, две крупнейшие группы завоевателей: с одной стороны, венецианцы, с другой – бельгийцы, ломбардцы, немцы и французы. Прежде всего было условлено, что та из этих групп, из среды которой будет избран император, не должна выставлять кандидата в патриархи. На избрание в императоры могли рассчитывать трое: дож Дандоло, Балдуин Фландрский и Бонифаций Монферратский. Первый, не уступая двум остальным в храбрости, далеко превосходил их политическими способностями. Но его кандидатуру сняли сами венецианцы, не желая принимать на свою республику все бремя защиты столь обширной монархии. Точно так же они воспротивились избранию Бонифация, потому что не хотели облечь таким могуществом своего соседа по ломбардской равнине, уже ранее породнившегося с Гогенштауфенами. Однако все признавали, что он заслуживает вознаграждения: если он не должен быть императором, пусть он будет королем – королем Фессалоники. 9 мая Балдуин был избран коллегией, состоявшей из шести французских прелатов и шести венецианских вельмож. Он был помазан и коронован на царство в храме св. Софии папским легатом (16 мая). По византийскому обычаю его обули в пурпуровые сапоги и возложили на него все облачение греческого императора, даже венец императора Мануила. Патриархом избрали венецианца, Фому Моросини. Таким образом, в государстве было четыре высших сановника: император,

король, деспот или бальи (эти титулы принял Дандоло), наконец патриарх. Как распределяют они между собой права и обязанности?

Договор о дележе (*partitio imperii*) несколько раз переделывался. В конце концов за Балдуином осталась столица, но не вся, Адрианополь и Фракия, но также не вся, потому что некоторые округа ее достались другим участникам дележа; затем Самофракия, Кос, Лесбос, Самос и Хиос. Для маркиза-короля предназначались азиатские провинции, но он отказался принять их, так как их еще надо было завоевать, затем Крит и Фессалоника, но он утверждал, что эти области уже ранее были отданы монферратским маркизам греческими императорами: Крит он продал венецианцам, Фессалонику удержал за собой, но не как феодал империи, а как наследственное имение, и захватил ряд земель в Македонии и Фессалии. Венеция присвоила себе большую часть Константинополя, большинство береговых пунктов и островов: кроме Крита она приобрела, по-видимому, все семь больших островов Ионического архипелага, в Эгейском море – Эвбею, большинство Цикладов и некоторые из Спорадских островов, на пелопоннесском берегу – Корон и Модон; на материке ей предоставили земли в Албании, Акарнании и Этолии, которых ей не удалось завоевать. Дож-деспот Дандоло с полным правом мог назвать себя «владыкой четверти и одной восьмой Греческой империи». Что касается остальных вождей крестоносного войска, то одним отдали Беотию, Аттику и Морею, другим – азиатские города: Этьену де Перш – Филадельфию, Макарию Sainte-Ménehould – Никомедию, графу Людовику Блуаскому – Никею и Вифинию; другие получили земли во Фракии: граф Гуго де Сент-Поль – Дидимотикон, Ренье Утрехтский – Филиппополь. Каждый из этих новых государей, не только в интересах защиты своего удела, но прежде всего – ради его завоевания, должен был раздать его в лен своим соотечественникам и товарищам по оружию. Таким образом, один *мегадук* или адмирал в Самофракии оказывается прямым вассалом короля.

В самой Фракии грек Врана, третий муж несчастной Агнесы Французской и шурин Филиппа Августа, держится в

Апроне; узурпатор Мурзуфл господствует в Цурулоне (Чурлу), пока население не выдает его крестоносцам; незаконнорожденный потомок Ангелов основывает эпирский деспотат, два брата Комнины – Трапезундскую империю; Феодор Ласкарис провозглашает себя императором в Никее, Феодор Манкапа – в Филадельфии. Лев Габала провозглашает себя независимым на Родосе. Лев Сгур, правитель Навилии, пытается образовать себе самостоятельное княжество: еще до нападения крестоносцев на Константинополь он успел захватить Аргос и Коринф, где убил архиепископа; затем он осаждает Афины и овладевает Фивами. На севере Иоанница держит свое валахо-болгарское государство под оружием; в Фессалии возникает княжество Великая Валахия. Новым латинским княжествам повсюду приходится воевать с туземными государствами.

Император Балдуин и король Бонифаций. Тотчас после дележа произошло столкновение между императором Балдуином и королем Бонифацием. Последний был женат на Маргарите Венгерской, которая раньше под именем Ирины была женой Исаака Ангела, и, как муж бывшей греческой императрицы, пользовался известной популярностью между побежденными. Император Балдуин изъявил намерение совершить торжественный въезд в Фессалонику и принять вассальную клятву от короля. Бонифаций не только отказался признать себя его вассалом за Фессалонику, но даже заявил притязание на верховную власть над феодами, которые будут образованы в южных областях империи. Из-за этого вспыхнула война между ломбардцами и бельгийцами. Балдуин пошел на Фессалонику и овладел ею; король захватил Дидимотикон и двинулся на Адрианополь. Дандоло, Виллардуэн и Людовик Блуаский уладили спор: они добились того, чтобы Дидимотикон был отдан на хранение маршалу Шампанскому; Балдуин утвердил Фессалонику за Бонифацием, и последний согласился принести ему вассальную клятву. Кроме того, было принято еще одно мудрое решение: Врану утвердили владельцем Апрона под суверенитетом латинского императора.

После примирения решено было закончить завоевание; были предприняты две экспедиции: одна, под начальством

маркиза Бонифация, в южной провинции, другая, под начальством брата императора, Генриха Фландрского, против азиатских городов. Генриху помогали армянские эмигранты – целая орда в 20 тысяч человек с семьями и телегами. Крестоносцы завоевали Пег, Абидос и, после победы при Пойманеноне, – Лопадийон, Аполлонию, Никомедию и Адрамитту. Они только что одержали новую победу над соединенными силами императоров Никеи и Филадельфии, когда внезапно были отозваны трагическими известиями в Европу.

Столкновение между Латинской империей и валахо-болгарской державой. В 1203 г. царь Иоанница снова предпринял поход против Греческой империи. На пути к Адрианополю он получил известие о взятии Константинополя крестоносцами. Он вернулся домой и стал ждать. Он уже ранее предложил латинянам привести им на помощь 100 тысяч человек, но получил отказ. Во время ссоры Балдуина с Бонифацием он снова предложил свою помощь и снова получил отказ. Позднее он писал Иннокентию III: «Мне отвечали с великой гордостью, что не заключат мира со мной, пока я не верну тех земель, которые принадлежат империи и которые я будто бы захватил насильно. Я ответил им, что имею больше прав на эту землю, чем они – на Константинополь». Притязаниям Иоанницы, в подтверждение которых он ссылался на происхождение своего народа от Траяновых римлян, крестоносцы противопоставляли легенду о происхождении французов от Приамова сына Франка: «Наши предки владели Троей».

Крестоносцы, которым уже и без того приходилось защищаться на Востоке против никейских греков и против турок, а в Европе – против эфирского деспота и других греческих и валахских князьков, поступили бы благоразумно, если бы заключили союз с могущественным болгарским царем, называвшим себя их братом по крови. Они предпочли сделать его своим врагом, притом самым страшным из своих врагов. Между крестоносцами и валахо-болгарским царем произошел полный разрыв. Иоанница нашел союзников между греками. Озлобление против латинян заглушило в них ненависть к *Ромайоктону* Иоаннице. Фракийские

греки призвали его на помощь; в Дидимотиконе они перебили франкский гарнизон; из Адрианополя они изгнали латинян и водрузили там царское знамя. Балдуин поспешил к Адрианополю с отборным войском; он не хотел дожидаться ни Бонифация, шедшего с подкреплениями с юга, ни Генриха Фландрского, спешившего к нему на помощь из Азии, ни 20 тысяч армян, которые должны были прийти вслед за Генрихом и которые были перебиты греками. 14 апреля 1205 г. Балдуин встретил под Адрианополем армию Иоанницы, состоявшую из валахов, бугров (болгар), греков и 14 тысяч некрещеных куман. Последние, обратившись, по обычаю кочевников, в мнимое бегство, увлекли за собой французскую конницу и принялись осыпать ее стрелами. Балдуин, вооруженный секирой, являл чудеса храбрости. Латиняне потерпели полное поражение; Людовик Блуаский, Этьен де Перш, Рено де Монмирайль, Матвей де Валенкур, вифлемский епископ Петр и 300 рыцарей легли на поле битвы. Из знатных лиц спаслись только Дандоло и маршал Шампанский. Император Балдуин попал в плен. Об его участии шли различные слухи¹. Наибольшего доверия заслуживает, конечно, известие, которое сообщал Иоанница папе: *debitum carnis exsolverat dum carcere teneretur* (то есть умер в темнице от ран). Оба сына Балдуина унаследовали принадлежавшие ему графства Фландрию и Геннегау.

Царствование Генриха Фландрского. Его брат Генрих был провозглашен сначала регентом, потом императором. В 1206 г. он был коронован в присутствии святых икон и при звуках *многoletия*, а в следующем году женился на дочери маркиза-короля Агнесе. Он относился к гре-

¹ Никита Хониат говорит, что Иоанница велел отрубить Балдуину руки и ноги и затем бросить в овраг, где он умер на третий день, будучи растерзан хищными птицами. Акрополит уверяет, что царь велел сделать из его черепа чашу. Альберик des Trois-Fontaines передает романтическую историю: Балдуин сыграл будто бы роль новейшего Иосифа по отношению к жене Иоанницы, которая затем оклеветала его, вследствие чего царь велел разрубить его на куски и бросить псам. Наконец, фландрские хроники сообщают о некоем Лжебалдуине, Бертроне де Рен, который появился во Фландрии и был казнен дочерью покойного императора, за что многие называли ее отцеубийцей.

кам дружелюбно: Акрополит говорит, что он «обращался с римлянами, как со своим народом», открыл им доступ к придворным должностям, в администрацию и войско. Опустошения, которым подвергал их землю Иоанница, толкали их в объятия франков. Царь опустошил Серрес, Филиппополь, Аркадиополь, Апрон, Родосто, Панион, Гераклею, Цурулон и Афиру. Устрашенные жители Адрианополя и Дидимотикона предложили Генриху Фландрскому признать над собой его власть с тем, чтобы он отдал эти два города в лен Вране; император согласился (1206). Иоанница, оставленный своими греческими отрядами, напустил на Фракию, Македонию и Фессалию свои валахские, славянские и куманские полчища. Столица королевства, Фессалоника, была осаждена и спасена лишь быстрой диверсией Бонифация. Греками овладел ужас: язычники-куманы приносили самых красивых из них в жертву своим богам; Иоанница, разрушая их города, массами переселял их в Мизию. Однако Генрих заставил его снять осаду Адрианополя (1206). Дидимотикона он не сумел спасти, но зато освободил 20 тысяч пленных. В Азии крестоносцы вернули себе Пег и держались в Кизике и Никомедии, которые в следующем году были оставлены. Затем Генрих вошел в соглашение с Бонифацием относительно совместной кампании в Родоп; во время этого похода маркиз-король попал в засаду; он был убит, и его голова отослана к Иоаннице (1207). Последний снова осаждал Фессалонику. Под стенами этого города он был убит куманом Манастрой, любовником его жены-куманки (1207). Говорили, что он был сражен патроном города, св. Димитрием.

Его смерть повлекла за собой разложение его империи; его племянник и преемник Борил удержал за собой только Тырново с титулом царя; боярин Стрец остался независимым на Вардаре; другой боярин, Слав, или Эсклав, утвердился в Мельнике, в Родопе. Борил пытался продолжать войну, но его армия, заключавшая в себе 33 тысячи человек, была разбита под Филиппополем 18-тысячным франкским войском (1208). Слав поцеловал руку и сапог латинского императора и получил от него титул *деспота* и «господина Великой Валахии». Энергичный и жестокий

Стрец, будучи разбит франками, обратился против сербов; он погиб таинственной смертью; говорили, что его убил св. Савва. Генрих, овдовев, женился на дочери Иоанницы.

Теперь снова начались осложнения в отношениях империи к Солунскому королевству. Бонифаций оставил двоих сыновей: Вильгельм VI, от первого брака, унаследовал Монферрат; другой, носивший греческое имя Димитрия и родившийся уже в самой Фессалонике от брака Бонифация с императрицей Ириной (Маргарита Венгерская), унаследовал королевство. Он был малолетен, и Ирина сделалась регентшей. В опекуны Димитрию вельможи избрали графа Губерта III Бландратского, ломбардца по происхождению. Последний руководствовался в управлении королевством чисто ломбардскими интересами; он предпочел бы видеть на солунском престоле не мнимого грека Димитрия, а итальянца Вильгельма VI. Опираясь на Вильгельма, он сделал попытку освободиться от всяких феодальных обязательств по отношению к латинскому императору; призвав солдат из Ломбардии, он разместил их гарнизонами по городам королевства. Когда император Генрих прибыл с небольшим отрядом, чтобы принять вассальную клятву от молодого короля, Бландрат запер перед ним ворота Фессалоники. Так как императорская свита сильно страдала от холода, то Генрих, чтобы получить доступ в город, вынужден был подписать договор, по которому он терял все свои права. Вступив в город, он тотчас заметил, как благоприятно для него положение королевства; он без труда восстановил регентшу против опекуна; затем он согласился принять под свою власть французских сеньоров Юга, которые предпочитали суверенитет далекого императора владычеству столь близкого к ним короля и особенно его чужеземного опекуна. Поддерживаемый ими, Генрих 2 мая 1210 г. созвал великий сейм в Равенинской долине близ Ламии (Зейтун). Сюда явились даже некоторые из венецианских князей, живших на островах. Он обязал ломбардцев вернуть Фивы афинскому князю, отдал в лен Марко Санудо герцогство Архипелаг или Двенадцать Островов (Додеканес) и назначил Жофруа Виллардуэна сенешалем Ахен. Бландрат пытался оказать сопротивление, но затем покорился и оставил страну. Регент-

ша формально признала суверенитет императора (1208). То же самое сделал даже один из самых могущественных местных князей, эпирский деспот, который, впрочем, не постеснялся признать и суверенитет Венеции. С другой стороны, с никейским императором Ласкарисом был заключен мирный договор (1214), на основании которого французы удерживали за собой один округ в западной Вифинии и часть Мизии до Калама и Камины.

Еще важнее была внутренняя политика Генриха Фландрского. Под внутренней политикой следует понимать преимущественно отношения к церкви. Новый патриарх стремился преградить доступ в патриарший капитул всем, кроме венецианцев, и из-за этого беспрестанно враждовал с императором, папским легатом Бенедиктом, большинством французских и итальянских католиков и даже с венецианцами византийской колонии. Когда в 1211 г. Моросини умер, французская и венецианская партия избрали каждая особого патриарха; кроме того, тосканцы противопоставили венецианскому патриарху своего. Вмешательство нового папского легата, Пелагия, только усилило смуту. Он пытался насильно осуществить соединение обеих церквей: запирали церкви, бросал в тюрьмы православных священников и монахов. Население взволновалось; депутация нотаблей отправилась к императору и заявила ему, что греки предпочтут переселиться в Азию, если он не прекратит гонения. Генрих велел открыть церкви, освободил пленных и разрешил своим греческим подданным принести жалобу римской курии. Иннокентий III снова осудил их на Латеранском соборе (1215). В марте 1206 г. было условлено, что латинской церкви будут предоставлены, кроме имуществ православных монастырей, пятая часть всей земли, десятина со всей остальной территории и все иммунитеты, которыми она пользовалась на Западе. Этот конкордат, который осторожная Венеция отказалась подписать, не положил конца столкновениям. Духовенство не знало, как поступить по отношению к грекам: оно не решалось сделать десятину обязательной для них, но взимало ее повсюду, где это было возможно. Сами латиняне отказывались платить ее. В Фессалонике шла борьба между архиепископом Гверином и короной, которая запре-

шала своим подданным платить десятину и стремилась захватить в свои руки управление церковными имуществами; в Морее шла борьба между патрасским архиепископом и князем. Священники католических церквей, при малочисленности своей паствы, жили за счет греческого населения, — приблизительно так, как жили позднее англиканские священники в католической Ирландии, — или же, под влиянием той же тоски по родине, которая гнала назад, домой, латинских воинов, продавали или отдавали внаймы имущество и доходы своей церкви и, собрав капитал, спешили вернуться на Запад. Те из них, которые оставались в завоеванной стране, еще с большей наглостью старались округлить свои владения, прибегая к тем же средствам, какими раньше пользовались греческие монастыри. Светские сеньоры из политических соображений оказывали покровительство своим православным подданным. На сейме в Равенинской долине они попытались положить конец захватам церквей: впредь последние имели право приобретать только движимое имущество. Тщетно Иннокентий III гремел проклятиями: это был вопрос жизни и смерти для латинских государств. Генрих покровительствовал афонским монастырям, которые сделались его прямыми вассалами.

Генрих, которого греки называли «вторым Аресом», умер в 1216 г.; утверждали, что он был отравлен.

Пьер де Куртнэ, Роберт Намюрский. У Балдуина и Генриха была одна сестра, Иоланта, в замужестве за оксеррским графом Пьером де Куртнэ. Последний и был избран императором. Он был в то время во Франции; поспешно собрав войско, он посетил в Риме Гонория III, переправился в Диррахий и двинулся оттуда по *via Egnatia*. В ущельях Эльбассана его армия подверглась нападению эпиротов и была истреблена; папский легат пал в битве, а император был взят в плен и, вероятно, умер в темнице.

Он оставил на Западе десять детей, из которых старшим был Филипп Намюрский; его супруга, императрица, прибыла морем в Константинополь и разрешилась здесь от бремени мальчиком; позднее это был Балдуин II. Она приняла регентство за Филиппа Намюрского, возобновила договор с никейским императором, выдала за него одну из дочерей

своего покойного мужа и умерла в 1219 г. Так как Филипп Намюрский отказался покинуть свое графство на берегах Мааса, то был избран его младший брат, Роберт.

Его царствование ознаменовано быстрым упадком империи. Все вожди четвертого крестового похода – Балдуин, Генрих Фландрский, Бонифаций Монферратский, Людовик Блуаский, Дандоло, Виллардуэн – умерли. Количество латинских воинов беспрестанно уменьшалось отчасти вследствие войн, отчасти вследствие возвращения на Запад, а новых крестоносцев не являлось. Одна из сестер Роберта была замужем за венгерским королем Андреем, другая – за Готфридом Ахейским, третья – за никейским императором; одна из его племянниц вышла замуж за Иоанна Асеню II Болгарского; сам он собирался жениться на дочери Ласкариса. Но эти фамильные связи не доставили ему ни могущества, ни безопасности.

Эпирский деспот Феодор, беспрестанно отнимавший у латинян то один, то другой город, воспользовался тем, что солунский король Димитрий отправился на Запад искать помощи: он врасплох напал на его столицу, взял ее и быстро завоевал все королевство (1223). Так прекратилось владение ломбардцев в Фессалонике.

Никейский император Иоанн Ватацис, преемник Ласкариса, возобновил войну против франков, нанес им кровавое поражение при Поймененоне (1223) и завоевал почти всю Фракию. Греки имели теперь двух императоров, не считая трапезундского, так как эпирский деспот незадолго перед тем был коронован в Фессалонике охридским архиепископом. Каждый из этих императоров, которые с того времени находятся во враждебных отношениях, двинул свою армию на Адрианополь. Последний сначала предался никейской армии, затем прогнал ее и открыл свои ворота эпирскому войску. Роберт уже не мог вмешаться в эту распрю; вопрос шел лишь о том, какая из двух греческих армий первая вступит в Византию. В его собственном дворце разыгралась кровавая драма, которая показала, как слаба была власть императора и как мало уважали ее. Роберт влюбился в девушку из Невилля, которая уже была помолвлена с одним бургундским рыцарем, и ее мать согласилась на то, чтобы первому

жениху было отказано. Устраненный претендент собрал своих родственников и друзей, ворвался ночью во дворец, отрезал девушке нос и губы, а мать бросил в Босфор. Роберт не мог добиться от своих баронов суда над преступником. Он отправился на Запад искать помощи и умер в пути (1228).

Иоанн Бриеннский; новое столкновение с валахо-болгарской державой. Последнему из детей Пьера де Куртнэ, родившемуся в Константинополе, было тогда 11 лет. Он был избран в императоры под именем Балдуина II, но надо было назначить еще регента. Сначала наметили Асеню II Болгарского, который согласился обручить свою дочь с Балдуином II и обещал снова завоевать для империи земли, отнятые у нее греками. Но в совете франкских баронов одержало верх другое мнение, и в регенты был избран знаменитый Иоанн Бриеннский. При этом было условлено, что до совершеннолетия Балдуина II он будет носить титул императора, и что все земли, какие удастся завоевать в Азии, будут предоставлены в лен ему и его наследникам (1229). Иоанну было тогда 82 года; он был занят в то время войной в Италии и явился в Константинополь только спустя два года. Напротив, Асень II, разгневанный отказом баронов, не стал медлить. Сын первого Асени, он с помощью русского войска завоевал отцовскую державу, сверг и ослепил Борила (1218). Это был гуманный, просвещенный государь, пользовавшийся любовью валахов, болгар и даже греков; Акрополит сообщает, что он «не проливал крови и не прибегал к мечу внутри своего государства». Подданные называли его Великим или Благодетельным. Он строил монастыри и украшал их драгоценными камнями. После своего разрыва с константинопольскими франками он принялся опустошать Фракию. Тщетно Григорий IX отлучил его от церкви (1236) и грозил двинуть против него венгерское крестоносное войско. Иоанн Бриеннский, коронованный в 1231 г. императором-опекуном, должен был бороться с тремя императорами, и эта задача оказалась ему не по силам. Асень II, Ватацис и эпиро-солунский император Феодор образовали коалицию, к которой примкнул и немецкий император Фридрих II, ненавидевший Иоанна

Бриеннского и Балдуина II, как любимцев папы; в 1241 г. он даже выдал свою дочь Анну за никейского императора.

Смерть Иоанна Бриеннского (1237) несколько смягчила гнев Асени II, который притом начинал бояться греков более, чем франков. Он поддержал последних при осаде Цурулона; но затем его начала мучить совесть за то, что он нарушает слово, данное им Ватацису; он сжег свои осадные машины и ушел домой. Он умер в 1241 г., и после него болгарская держава пришла в упадок: за ее счет, как и за счет Латинской империи, оба греческих императора расширяют свои владения. Последний из Асений, Михаил, был убит в 1257 г. Коломаном II.

Балдуин II. Продолжительное царствование Балдуина II (1228–1261) было лишь долгой агонией латинской монархии. Почти все время своего царствования он провел в разъездах по Европе, кланча помощи у Венеции, Рима, Франции, Кастилии, Англии; он отдает своего сына Филиппа в залог одному банкирскому дому, торгует реликвиями своей столицы, раздает придворные звания и государственные должности, уступает монферратскому маркизу опеку над Фессалоникой, занятой эпиротами, и королю обеих Сицилий – суверенитет над Ахеей. В самой Византии он вынужден чеканить монету из свинца с домовых крыш и рубить на дрова для своей печи деревянные части дворцов. Латинская империя перестала играть деятельную роль в восточной политике; падение Константинополя отнюдь не было неожиданным событием и поэтому не произвело большого впечатления на Европу. После крушения этой империи единственным следом ее существования остается императорский титул, который сохраняется за фамилией Куртнэ. То же самое касается и Солунского королевства, титул которого долгое время переходил от монферратского дома к бургундскому и обратно.

Франкские государства Центральной Эллады. Государства, основанные крестоносцами к югу от Фермопил, оказались более живучими, чем Византийская империя и Солунское королевство. Между Фермопилами и Коринфским перешейком образовались четыре крупных баронии, владельцы которых носили титул *grandsire*. Это

были: Будоница, где утвердился дом Паллавичини; Сула или Салона, под властью фамилии Строманкур; Эвбея или Негропонт, под властью венецианской фамилии Карчери, которая разделила этот остров на три княжества со столицами Халкидой, Ореосом и Каристо: отсюда титул *терциеров* Негропонта; наконец Афины с Фивами. Только история последнего государства и представляет некоторый интерес.

Герцогство Афинское. Один сеньор из Франш-Конте, Оттон de la Roche-sur-l'Qgnon, отличился при взятии Константинополя в 1204 г. Он получил в лен Афины и Фивы. Маркиз-король Бонифаций, по собственному почину или по поручению Балдуина I, взялся ввести во владение тех крестоносцев, которые получили феоды в южных провинциях. Завоевание этой страны не встретило больших затруднений. Здешнее население не питало к крестоносцам такой ненависти, как жители Константинополя. Притом оно могло надеяться, что завоеватели освободят его от фискального гнета и анархии. Афины были сожжены Львом Сгурой, и жители защищались в Акрополе под начальством своего воинственного архиепископа Михаила Акомината. Сгур был разбит французами у Фермопил. «Его солдаты, – говорит трубадур Рамбо де Вакейрас, очевидец той битвы, – вложили свое сердце в свои пятки, чтобы лучше пришпоривать своих коней». После этого Фивы, Афины и эвбейская Халкида открыли свои ворота победителям на основании договоров, которые гарантировали жителям неприкосновенность их имущества, местных вольностей, национальных законов и свободное отправление православной веры. Однако крестоносцы обманули афинян: они конфисковали владения их монастырей, изгнали архиепископа Михаила и обратили церковь Панагию (Парфенон) в католический храм. При Оттоне Ларошском, который таким образом унаследовал власть Тесея и Кодра в Афинах, власть Кадма и Эдипа в Фивах, страна оставалась цветущей. В 1225 г. Оттон, стосковавшись по своему замку в Франш-Конте, отрекся от власти в пользу своего племянника Гюи.

Последнего на первых же шагах ждало серьезное столкновение. Его дядя в свое время помог Жофруа Виллардуэ-

ну завоевать Морею и получил в лен Аргос и Навплию. Гильом Виллардуэн, третий властитель Ахеи, утверждал, что афинский князь обязан ему вассальной клятвой не только за Аргос и Навплию, но за все свои владения (1254). Гюи, поддерживаемый владельцами Салоны, Эвбеи и Каритены, был разбит в Каридийском ущелье на пути из Мегары в Фивы. Осажденный в Фивах, он вынужден был обязаться явиться в Никлы на суд своего мнимого сюзерена. Так как ахейские бароны отказались исполнить требование своего государя и осудить Гюи, то дело было передано на третейский суд Людовика IX. Святой король признал за Гильомом право только на суверенитет над Аргосом и Навплией. Кроме того, он, по преданию, пожаловал Гюи титул герцога.

Преемник Гюи, Иоанн (1264–1275), был могущественный государь; он радушно принял Иоанна Дуку, князя фессалийских валахов, изгнанного эпирским деспотом, и предоставил ему отряд латинской конницы, с помощью которого Дука разбил своего противника. Во время новой войны с деспотом афинский герцог был побежден в битве при Ореосе и взят в плен; деспот, желая отвлечь его от союза с Карлом Анжуйским, поступил с ним великодушно — отпустил его без выкупа.

Затем в Афинах царствуют последовательно брат Иоанна, Гильом, сын Гильома, Гюи II, и племянник Гюи II, Готье Бриеннский. Одно время армия Гюи II состояла из 900 латинских всадников, 6 тысяч греческих и валахских всадников и 30 тысяч пехотинцев. Эти князья вступили в родственные связи с валахскими князьями Фессалии и с ахейскими государями.

Готье Бриеннский, теснимый обоими своими соседями — эпирским деспотом и князем фессалийских валахов, возымел несчастную мысль призвать на помощь себе так называемую великую каталонскую компанию, подкрепленную турками и туркопулами (1308). Это была целая армия в 3 тысячи 500 всадников и 3 тысячи пехотинцев, все превосходные солдаты, но неисправимые грабители. Они разбили всех врагов Готье; но, раз водворившись в Фессалии, они более не хотели уходить оттуда. В 1310 г. афинский герцог двинулся против них с 6 тысячами всадников и 8 тысячами

пехотинцев. Битва произошла на Кефисе близ Орхомена. Франко-афинская конница потерпела страшное поражение; она попала в болото, которое образовали каталонцы, отведя течение ручья, и почти вся погибла. Готье пал в битве. Победители завладели герцогством, насильно женились на вдовах и дочерях своих жертв, присвоили себе их феодалы и создали в сердце Эллады солдатское государство вроде военной республики древних мамертинцев.

Ахейское княжество; Гильом Шамплитт. Гильом Шамплитт, отличившийся при взятии Константинополя, получил в лен Пелопоннес. Он вместе с маркизом-королем осаждал Навплию и Акрокоринф, куда бежал Лев Сгур. В это время племянник шампанского маршала, Жофруа Виллардуэн, не принимавший участия в крестовом походе на Константинополь и искавший счастья на собственный риск, был прибит бурей к пелопоннесскому берегу близ Модона. Один из греческих *δυνάτοι* (по всей вероятности, из фамилии Мелиссенов) принял его на службу вместе с его товарищами и, по-видимому, отдал ему в лен Модон. По смерти этого грека Виллардуэн вступил в борьбу с его преемником. Узнав о прибытии в Морею латинян, он смело прошел через весь полуостров и предложил ему свои услуги. Они встретили его с распростертыми объятиями, потому что завоевание страны встречало большие затруднения: Жак д'Авень только что был убит под Акрокоринфом во время одной вылазки Сгура; Бонифаций был отозван на север адрианонопольской катастрофой. Крестоносцы нашли поддержку в венецианцах, которым приходилось завоевывать порты, доставшиеся им при дележе империи. С помощью их флота были взяты Патрас, Катаколо, Андравида, Корон и Каламата. На Лакосе крестоносцы встретились с греками; 4 тысячи греков были рассеяны семьями латинян. Аркадия была покорена. Французы облегчили свое завоевание тем, что предоставили городам такие же гарантии, какие выговорили себе при капитуляции Афины; кроме того, они вступили в соглашение со славянскими, майнотскими и цаконийскими племенами и утвердили за туземными *страпцотами*, которых они отождествляли с *milites* (рыцарями), их прежние феодалы. Французы захватили в свою пользу

только императорские домены и земли православных монастырей. В три года была завоевана половина Пелопоннеса. Резиденцией князя была сделана Андравида; двор обычно жил в Никлах.

Организация княжества. Организация латинской Ахеи представляет собой один из самых полных образцов феодального устройства. Здесь была установлена иерархия, состоявшая из князя (этот титул был пожалован Жофруа императором Робертом), сиров или баронов, рыцарей и сержантов. В ней нашли место и туземные архонты, *δυνατοι*, топархи, филархи и стратиоты. Разверстка ленов была произведена комиссией, состоявшей из двух латинских рыцарей, двух католических прелатов и четырех греческих архонтов.

Здесь существовала также латинская церковная иерархия, состоявшая из архиепископа-примаса (Патрас) и шести епископов (Олена, или Андравида, Модон, Корон, Велигости, Никлы и Лакедемон), аббатов монастырей и приоров трех рыцарских орденов (иоаннитов, тамплиеров и Тевтонского ордена). Позднее, когда латиняне овладели и Коринфом, Иннокентий III учредил там архиепископство с шестью викарными епископами (Кефалония, Занте, Дамала, Монеувасия, Аргос и Теменион в Лаконии).

Князь избирался. Он руководил администрацией, решал вопросы о мире или войне и творил суд при участии «верховного суда», в котором заседали все прелаты, бароны и вассалы. Военная служба вассала была почти непрерывна: четыре месяца в году он был в походе, другие четыре охранял ту или другую крепость.

В государстве существовало двенадцать пэров, сколько их было, по преданию, у Карла Великого¹. Тотчас после завоевания двенадцать бароний, владетели которых имели «кров, стол и суд в своей земле», были следующие: *Патрас*, обязанный охранять побережье против высадки с противополож-

¹ Веком позже, судя по одному акту 1301 г., двенадцатью пэрами были: герцог Афинский, герцог Архипелага, терцог Левкадский, ветвь графской династии Кефалонии, граф Кефалонии, маркиз Будоницы, графиня Салоны, трое *терциеров* Эвбеи и трое пелопоннесских князей (Акова, Патрас, Халандрица).

ного берега; *Халандрица*, обеспечивавшая сообщение Патраса с внутренними областями; *Востица*, охранявшая Лепантский залив; *Калаврита*, лежавшая внутри страны позади Востицы и поддерживавшая ее; *Акова* с замком *Mate-Griphon* (изнуряющий греков), наблюдавшая за туземным населением Аркадии; *Каритена*, на Алфее, державшая в покорности славянское население Скорты (Аркадия); *Никлы*, охранявшие проходы из Арголиды в Лаконию; *Велигости*, охранявшая дорогу из Лаконии в Мессению; *Гераки*, охранявшая страну от набегов славян-милингов Тайгета и цаконийцев; *Грицена*, господствовавшая над долиной Лакоса; *Пассава*, или Пассавань, лежавшая в центре Магна; наконец, *Каламата*, охранявшая богатую долину Памиса. Каламата была отдана Жофруа Виллардуэну, Пассава – Иоанну Нейльскому, который был назначен наследственным маршалом княжества¹.

Князь имел свой верховный суд, каждый барон – суд сеньориальный; таким образом, существовало две судебные инстанции. Суд для горожан находился в Кларенце. Кроме того, существовали церковные суды. В Морее, как и в Латинской империи, действовало четыре или пять законодательств: римско-византийское, каноническое право – католическое для латинян и православное для греков, *ассизы Романии* и, наконец, местные туземные обычаи.

Ахейское княжество одно время находилось, по-видимому, в цветущем состоянии. Почва его была плодородна. Шелковые ткани Араховы и вервенская ярмарка пользовались известностью.

Жофруа Виллардуэн. Гильом Шамплитт, уезжая на Запад, оставил правителем княжества своего родственника Гюго, который вскоре умер. Правителем (бальи) был избран Жофруа Виллардуэн. Он завоевал Велигости, Никлы, Лакедемон и Коринф, исключая Акрокоринф. Жофруа сумел снискать расположение императора Генриха, который назначил

¹ Остальные десять *баронов* были: Гильом Аламанский в Патрасе, Роберт Тремуальский в Халандрице, Гюго де Шарпиньи в Востице, Оттон Турпейский в Калаврите, Готье Розьерский в Акове, Гюго Бриерский в Каритене, Матвей Монский в Велигости, Гюи Пивелетский в Гераки, в Грицене некто Лука, в Никлах некто Гильом. Все они были, по-видимому, французами.

его сенешалем главных феодалов империи и баронов Ахеи. Когда Гильом Шамплитт умер, его сын Роберт отправился на Восток, чтобы вступить во владение своим наследством. Виллардуэн добился того, что его задержали сначала в Венеции, затем в Корфу. Когда он наконец прибыл в Ахею, его притязаниям противопоставили феодальный принцип, в силу которого наследник мог осуществлять свои права только до истечения одного года и одного дня. Ахейские бароны на общем собрании в Лакедемонии решили, что Роберт пропустил свой срок. Князем Ахеи был избран Виллардуэн.

Это был ловкий и энергичный государь. Он применил к ахейскому духовенству постановления Равеникского сейма, уменьшил его имущество и сократил десятину. Подобно Оттону Ларошскому, он был отлучен Гervasием, католическим патриархом Константинополя, но добился того, что Гонорий III снял с него отлучение. Затем, когда духовенство и рыцарские ордена отказались нести военную службу, он наложил руку на их феоды. Снова отлученный патриархом, он опять был освобожден папой, обязавшись вернуть духовенству его имущество, если оно согласится нести военную службу. Впрочем, он умело пользовался своими личными средствами в интересах латинства. Он содержал в Константинополе отряд из 100 всадников и стрельцов для защиты столицы.

Гильом Виллардуэн. Преемником Жофруа (1246) был его брат Гильом. Он родился в Каламате; местное население считало его своим. Это облегчило завоевание: Акрокоринф, Аргос, Навплия, Монеувасия и Цакония, которые так долго сопротивлялись латинянам, изъявили теперь покорность с условием утверждения их привилегий. Гильом оттеснил тайгетских славян и майнотов в их горы. Напротив тайгетского Славохориона он построил Мизитру. Он сделал ее своей резиденцией, и Мизитра затмила древнюю Спарту и средневековый Лакедемон. Он укротил майнотов, воздвигнув новые укрепления: Маину на мысе Тенаре и Лефтро. Те и другие изъявили покорность. Завоевание Пелопоннеса было закончено (1248).

Гильом доказал свое усердие к интересам христианства, приняв участие в крестовом походе Людовика Святого про-

тив Египта (1249). Он отнял остров Эвбею у Карчери и венецианцев (1255). К несчастью, он женился на дочери эпирского деспота Михаила; вследствие этого ему пришлось вступить в борьбу с никейским императором Михаилом VIII. Эпироты и ахейские латиняне потерпели кровавое поражение на равнине Пелагонии; при Кастории Гильом попал в плен (1258). Чтобы получить свободу, он вынужден был уступить Михаилу VIII крепости Монемвасию, Мизитру и Маину. Княжество было раздроблено и лишено укреплений; в Морее снова появились греческие правители; они находили поддержку в славянах и цаконийцах, которых эти укрепления до сих пор держали в покорности. Вскоре пали Пасава и Лефтро; опасность грозила самой Андравиде. Эта опустошительная война, в которой французы одержали только одну победу – у Приницы на Алфее, продолжалась с 1264 по 1268 г. По договору, заключенному в Витербо (1267), Балдуин II уступил Карлу Анжуйскому свой суверенитет над Ахеей.

Гильом умер в 1277 г. Его дочь Изабелла была замужем сначала за сыном Карла Анжуйского Филиппом, затем за Флорентом Геннегауским и наконец за Филиппом Савойским. Ей постоянно нужен был муж для защиты этого несчастного княжества. В конце XIII века ахейская корона служит предметом беспрестанных интриг между анжуйским домом, Савойей, Бургундией и Арагоном. Богатство минувших дней сменилось нуждой: правительство чеканит дурную монету. Ахее приходится воевать с греками, каталонцами Аттики и турецкими пиратами. Население уменьшается; свободные пространства заселяются шкипетарами и валахами.

Венецианские государства. В городах Далмации венецианцы только держали свои гарнизоны. Но земли, доставшиеся им на Востоке, они пытались колонизировать. Однако республика не могла принять на себя завоевание и защиту этой «четверти и одной восьмой» Греческой империи. За исключением Крита, первоклассной морской станции для всех дорог в Средиземном море, пользование которой затруднялось, однако, враждебностью туземного населения, – за исключением своих владений в Морее и некоторых Ионических островов, Венеция распорядилась

с доставшейся ей долей империи совершенно так, как поступил бы какой-нибудь Балдуин Фландрский или монферратский маркиз. Она раздала свои восточные владения в лен наиболее богатым и отважным из своих патрициев и авантюристов. На острове Эвбее водворились Карчери. Марко Санудо завоевал Наксос и сделался герцогом Архипелага, раздав острова подвассалам. На Лемносе утвердился с титулом *мегадука* один из Новигайози. Кефалонией и Занте завладели Орсини. Большинство этих династий переживет Латинскую империю и даже возрожденную Греческую империю.

Ассизы Романии. Рамнусий рассказывает, что латинский император Балдуин не имел в виду изменить по отношению к своим греческим подданным «древние законы цезарей, пользующиеся уважением во всем мире вследствие своей многовековой древности и неприкосновенного величия». Однако необходимо было урегулировать феодальные отношения между самими латинянами и между латинянами с одной стороны и греками – с другой. Балдуин обратился к кипрскому королю и попросил у него копию Иерусалимских ассиз. В последних были произведены некоторые видоизменения, и таким образом явились *ассизы Романии*¹. Затем император послал их в Морею, где они подверглись новой переделке. Впоследствии *ассизы Романии* были переведены на греческий язык² для нужд Латинской империи или острова Кипра, а также на итальянский для нужд вассальных княжеств Венеции. В 1421 г. дож Франческо Фоскари велел снова издать итальянский перевод, причем опустил все параграфы, касавшиеся судебных поединков и других неподобающих вещей (*impertinentia*)³.

¹ Изданы у *Canciani*. *Barbarorum leges antiquae*, т. II. – Ср.: *K. Hopf*. *Chroniques gréco-romanes* и *Krumbacher*, *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, с. 475, который указывает также на армянский перевод Иерусалимских ассиз, изданный Мхитаристами в Венеции в 1876 г.

² См.: *Zachariae von Lingenthal*. *Historiae juris graeci-romani delineatio*, Гейдельберг, 1839. Греческие ассизы недавно изданы *C. Sathas*. *Bibliothèque grécque du moyen âge*, т. VI, Венеция, 1877.

³ Последний итальянский перевод или издание – *Florio Bustrone* (1535) – можно найти у *Canciani*, т. V, Венеция, 1792.

Следующий факт показывает, как строго придерживались в ахейском княжестве самой буквы этих законов. Когда князь Гильом Виллардуэн попал в руки Михаила VIII (1258), то, чтобы освободиться из темницы, он отдал последнему в числе других заложников дочь сира Пассавы, Маргариту. В то время, когда она еще оставалась в плену, умер ее дядя, сир Аковы, и она сделалась наследницей его баронии. Но чтобы получить инвеституру на это княжество, она, по тексту ассиз, должна была принести вассальную клятву за него в течение одного года и одного дня. Находясь в плену, она вынуждена была пропустить срок; когда же она явилась к Гильому требовать инвеституры на Акову, он отказал ей на основании ассиз, что «крайне удивило» эту даму. Позднее, выйдя замуж за Иоанна Сент-омэрского, она апеллировала на это решение в верховный суд. Князь вынес книгу ассиз и просто констатировал факты: 1) что он имел право отдать Маргариту в заложницы; 2) что он имел право отказать ей ввиду истечения законного срока. Суд постановил, что Маргарита утратила права на свое наследие. *Summum jus summa injuria*. Когда Гильом позже пожаловал Маргарите в виде вознаграждения треть спорной баронии, все прославляли его великодушие.

Следы, оставленные франкским владычеством в Греческой империи. Крестоносцы могли разрушить византийскую монархию, но не могли создать из нее государства для себя; им приходилось бороться не только с греками, но и со всеми инородцами, которым они помогли освободиться. Их владычество только пробудило и укрепило греческий патриотизм: «Оно было великим благодеянием для Византии, эллинизма и религии; социальная рознь между классами была устранена» (Sathas); если не устранена, то, по крайней мере, ослаблена.

В тех областях, где латиняне держались дольше, как например в Морее, завоеватели до некоторой степени слились с покоренными. Никита, Акрополит и Пахимер называют метисов, происшедших от скрещения обеих рас, *гасмули*. Франкские династии Афин и Морей постепенно эллинизировались; князья усвоили язык своих подданных; в обращении с греческими «стратиотами» и с латинскими рыцарями

они не делали различия; к *pronotai* греческих городов они относились с таким же уважением, как к привилегиям и иммунитетам латинских общин. В Ахее существовал великий логофет и протодоместик, как в Романии великий доместик (сенешаль). Во франкской школе греки снова узнали, что такое муниципальная свобода и достоинство воина-собственника.

Материальные следы франкского владычества сохранились в Элладе долгое время; таковы великолепный собор в Андравиде, герцогский дворец в Фивах, дворец Пропилеев в Афинах, куртины и башни тех грозных замков, названия которых – Бофор, Бовуар (по-гречески Каллископи), Бельрегар (по-гречески Перигарди), *Porte-de-Fer*, *Chastel-Neuf*, *Saint-Georges*, *Montesquiou*, *Crève-Coeur* и т. д. – долго жили в памяти туземцев.

Между победителями и побежденными происходил до некоторой степени и обмен идей. Какой-то француз (по-видимому, потому что он сохранил все предрассудки против греков) перевел на *ромейский* язык «*Livre de la Conqueste*». Греки могли видеть, как трубадур Рамбо де Вакейрас повсюду сопровождал маркиза-короля Бонифация, а менестрели заседали на Равеникском сейме. Ахейский князь Жофруа был поэт. Мотивы и действующие лица французских эпоей получили право гражданства в греческой литературе: паладин Роланд, рыцари Круглого стола, король Артур и Ланселот сделались для греков такими же хорошими знакомыми, какими они были для французов. Прозаические и стихотворные греческие романы часто представляют собой переделки французских рыцарских поэм: роман «Имберия и Маргарон» есть перевод поэмы «Пьер Прованский и прекрасная Магэллона», и т. п. Таково же происхождение поэм «Белтандр (Бертран) Римлянин, Старый всадник» (Προεβυζ ξπλητης), «Флорий и Платсиафлора» (Флор и Бланшфлора). Позднее, в XVI в., греческие поэты заимствуют у своих западных товарищей рифму.

Феодальные идеи Запада утвердились даже при дворе базилиевса: Алексей требует от латинян *оммажа*, греческие династы южных областей дают его франкам. На одних и тех же турнирах соперничали «рыцари» обеих наций. Никейс-

кие императоры, забывая *Юстинианов кодекс* и *Базилики*, предписывают судебные поединки и ордалии. Настоящие византийцы с презрением отвергали этот способ доказательства, как противный римскому праву и каноническим законам, как «обычай варварский и пригодный для варваров» (Акрополит). В 1258 г. Михаил Палеолог, обвиненный в составлении заговора, сам потребовал испытания раскаленным железом; патриарх ответил, что «этот обычай чужд и римлянам, и мудрым грекам» (Францес).

Восстановление Греческой империи

Обломки Греческой империи в 1204 г. Трапезундская империя. Эпирский деспотат. Никейская империя. Феодор Ласкарис. Иоанн III Ватацис. Воцарение династии Палеологов. Михаил VIII. Взятие Константинополя греками (1261).

Обломки Греческой империи в 1204 г. В тот день, когда Мурзуфл бежал из своего дворца, в ту самую минуту, когда латиняне шли на приступ, два соискателя оспаривали друг у друга императорскую корону: один из членов семьи Дука и Феодор Ласкарис. Так как налицо не было ни народа, ни сената, то духовенство выбрало Ласкариса, который и был провозглашен императором в храме св. Софии. Вынужденный тотчас же бежать вследствие взятия города крестоносцами, он удалился в Азию, куда за ним последовали патриарх и духовенство; так возникла Никейская империя. Из отдаленнейших православных стран, например из России, епископы приезжали в Никею за посвящением. «Филладельфийский император» Манкана, Габала и другие восточные претенденты вскоре подчинились Ласкарису. В то время, когда побочный сын некоего Константина Ангела Михаил основал в горах Албании и Этолии эпирский деспотат, в Трапезунде провозгласил себя императором внук узурпатора Андроника Комнина. Мы не будем долго останавливаться на судьбах этой империи, которая не имела никакого влияния на ход истории и которая только парализовала часть сил эллинизма.

Трапезундская империя. Область, простирающаяся от Галиса (Кизил-Ирмак) до Кавказа по южному побережью Черного моря, – древнее Понтийское царство и Пафлагония – была совершенно изолирована от Греческой империи иконийским султанством. Несколько раз правители этой области – Феодор Габра, Григорий Таронит, Константин Габра – достигали почти полной независимости. Трапезунд был богатый город, имел хорошо защищенный порт и служил неизбежным посредником в торговле между Черным морем и областями Евфрата. Комнины были родом из Трапезунда, и Алексей пользовался симпатиями его населения. Он нанял иверийских наемников, сманил на свою сторону императорские войска, прогнал трапезундского правителя и провозгласил себя императором (1204). Трапезундцы, довольные тем, что их город сделался столицей хотя бы маленькой империи, дали Алексею прозвание Великого. Император овладел Триполи, Керасунтой, Энзонам, Амастридой, Теосом и Синопом, а его брат Давид вторгся в Пафлагонию. Кроме Самсуна, занятого сельджуками, все побережье от Гераклеи до Кавказа покорилось новой империи; позднее, когда у нее явился прекрасный флот, она распространила свою власть и на южный берег Крыма. Почти вся империя простиралась вдоль морского берега. Новый властелин Nikeи, поглощенный борьбой с латинянами, сначала не мешал Алексею, но когда Давид начал грозить Никодемии, Феодор Ласкарис заключил союз с сельджукским султаном Гаиа эд-Дином; султан разбил Алексея, а базилевс дал отпор Давиду. Тогда последний вступил в союз с константинопольскими латинянами и принял участие в первых победах Генриха Фландрского. Ласкарису удалось набрать войско из латинских наемников. С их помощью он вернул себе Гераклею, Амастриду и Теос, тогда как Аз эд-Дин, преемник Гаиа эд-Дина, осадил Синоп. Вторжение каппадокийских туркмен в Понт и иверийцев в Колхиду окончательно умерили честолюбие обоих братьев. С тех пор Трапезундская империя ведет чисто азиатское существование, будучи вынуждена вечно воевать с мелкими князьями Иверии, армянскими эмирами и туркменскими вождями. В конце концов она признала над собой суверенитет иконийс-

кого султана. С 1222 по 1263 г. на трапезундском престоле сменились Андроник I Гид, Иоанн I Аксух и Мануил I, которого тщеславные трапезундцы прозвали «великим полководцем»; затем с 1263 по 1461 г. насчитывается семнадцать государей, в том числе три императрицы. В общем, Трапезунд имел значение лишь по своей торговле, которая развилась особенно с того времени, когда его государи отказались от роли завоевателей.

Эпирский деспотат. Гораздо более серьезная попытка восстановить Греческую империю была сделана побочным сыном Константина Ангела, Михаилом в западной части Балканского полуострова. Он опирался на эпирских шкипетаров, на наиболее грубые из эллинских племен – население Этолии, Акарнании и Македонии – и на часть валахов и болгар. Михаил призывал к оружию горцев, превращал разбойников в солдат, клефтов – в *арматолов* и *стратиотов*, нанимал иностранных наемников. Он сохранил формы византийской администрации, уменьшив фискальный гнет и расточительность двора. Обеспечивая безопасность греческих городов, он мог требовать с них денег и на эти деньги покупать у разбойничьих племен мир и службу. С самого начала он не позволил венецианцам утвердиться в той части адриатического побережья, которая досталась им при дележе империи. Очень осторожный в своих притязаниях он довольствовался титулом *деспота*, тем самым признавая власть никейского императора.

Когда он в 1214 г. был убит одним из своих рабов, ему наледовал его брат Феодор, который сначала бежал ко двору никейского императора. Прежде чем отпустить его Ласкарис взял с него клятву верности, но Феодор вел свою особую политику, не обращая внимания ни на греков, ни на латинян. Он истребил армию Пьера де Куртнэ, завоевал Адрианополь и Фракию до Черного моря, Фессалию и Македонию до Солуни, вступил в этот город и короновался здесь императором. Он ловко обольщал пап уверениями в своих симпатиях к католицизму и дважды сумел убедить их отменить крестовые походы, которые они собирались направить против него. Честолюбие вовлекло его в борьбу с валахо-болгарской империей, и при Клоконице на Марице

он был разбит Асеной II и взят в плен. Так как он интриговал против своего победителя, то последний велел ослепить его (1230). Однако позднее он добился свободы, отдав Асене II руку одной из своих дочерей, и снова появился в Эпире, где принялся воевать со своим братом и преемником Мануилом, взяв себе в соправители своего сына Иоанна.

Этими междоусобиями воспользовался Ватацис. Он взял Фессалонику (1246) и прекратил существование эпирской державы. От нее уцелели лишь немногие обломки; так, сын и бывший соправитель Феодора, Иоанн, сохранил Фессалонику с титулом деспота, как лен Nikei; Феодор Слепой удержал за собой Водену, Острово и Старидолу; побочный сын Михаила, Михаил II, утвердился в Пелагонии, Охриде и Прилепе. Вскоре Феодор был выдан Михаилом II Ватацису и умер в заточении; Михаил II был разбит при Пелагонии и потерял большую часть своих владений. Эпирские князья причинили еще много беспокойства Греческой империи. В 1318 г. был убит последний туземный князь, носивший титул эпирского деспота, Фома.

Никейская империя. Настал момент, когда можно было думать, что Византийская империя будет восстановлена эпирскими Ангелами. Феодор, владевший Адрианополем, Фессалоникой, частью берегов Эгейского и Черного морей, накануне своей злополучной войны с Асеной II был, казалось, близок к осуществлению этой цели. Никейскую империю, за которой осталось лишь несколько азиатских городов, ждала, по-видимому, участь Трапезунда. Поражение, понесенное Феодором Ангелом на Марице, дало новое направление истории Востока.

Феодор Ласкарис. Первый император Nikei (1204–1222) сумел обуздать честолюбие трапезундских императоров, противопоставив им сельджуков, и ослабить первый пыл латинских завоевателей Константинополя: его счастьем было то, что их неблагоразумие вызвало поворот в политике валахо-болгарской империи. Его финансовые средства были ограничены, национальная армия – малочисленна, так как он владел небольшой территорией, его флот был, вероятно, меньше трапезундского; но почти все греческие патриоты переселились из Византии в Nikeю, а бродячие

толпы крестоносцев доставляли ему наемников, свободных от предубеждений. Притом, если греческих императоров было несколько, то существовал лишь один греческий патриарх – Константинопольский, и его резиденцией была Никея. Ласкарис обнаруживал иногда блестящее мужество – например, когда он однажды с 2 тысячами человек напал на 20-тысячную армию сельджуков. Но еще более он отличался ловкостью: он сумел обеспечить себе союз сельджуков и несколько раз приобрести поддержку папы. Он ждал, пока Латинская империя ослабеет в силу естественного хода вещей. Его главными орудиями были переговоры, перемирия и терпение. Это был царь-кунктатор.

Иоанн III Ватацис. Ему наследовал его зять Иоанн Дука Ватацис (1222–1255). Теперь обстоятельства были более благоприятны; Латинская и Болгарская империи явно клонились к упадку; грозной оставалась только эпирская держава. Энергия Ватациса может сравниться с терпением его тестя. Когда франки возобновили враждебные действия в Азии, он одержал над ними победу при Поймененоне (1223), которая чрезвычайно ослабила Латинскую империю, уже и ранее чувствовавшую большой недостаток в воинах; все земли в Азии, которые еще оставались во власти франков, были теперь присоединены к Никейской империи. Затем блокада вокруг Константинополя с каждым днем стягивается все теснее. В 1235 г. Ватацис взял Галлиполи и организовал ту великую коалицию, о которой шла речь выше. Он сделал попытку овладеть столицей, но Иоанн Бриеннский отразил его; морейский князь Жофруа прошел в пролив с шестью судами, на которых находилось 100 рыцарей, 300 стрелков из арбалета и 500 стрелков из лука; быть может, в первый раз венецианцы действовали заодно с генуэзцами и пизанцами при защите города. С другой стороны, дружба Асени II с латинянами не могла быть прочна, как показала осада Цурулона. Более надежных союзников нашли крестоносцы в куманах, которые, будучи отброшены на юг татарским нашествием, вступили на службу к франкам и образовали военные поселения на Марице. Наржо де Туси, правитель империи в отсутствие Балдуина II женился на дочери их вождя Ионы. С их помощью удалось, наконец, взять Цурулон (1240).

Ватацис обратился против Эпира; он сумел разжечь начавшееся там междоусобие; взятие Фессалоники дало ему возможность снова приняться за осуществление своих замыслов относительно столицы Латинской империи. Он расстроил предполагавшийся брак Балдуина II с дочерью иконийского султана, заключив с последним наступательный и оборонительный союз. С другой стороны, он расширил свои владения за счет Болгарской империи, уже очень ослабленной: он отнял у нее Мельник, Скопию и большую часть Македонии. У франков он снова отнял Цурулон, который играл важную роль в его плане атаки против Византии. Папу он занимал бесконечными переговорами о соединении церквей, предлагая признать супрематию римской курии, если папа перестанет оказывать поддержку Балдуину. И, может быть, его предложение было искренно, потому что он страстно желал Константинополя. Своей дипломатией и военными успехами Ватацис подготовил завоевание Византии; он только мельком увидел обетованную землю. Он умер в 1255 г.

Воцарение династии Палеологов. Плоды его трудов суждено было пожать не его сыну, Феодору Ласкарису, а узурпатору, захватившему престол после смерти последнего. Будучи замешан в интригах против Феодора Ласкариса, честолюбивый Михаил Палеолог сумел оправдаться. Затем, когда Феодор умер (1258), оставив одного 8-летнего сына, Иоанна Ласкариса, Михаил возмутил латинских наемников, которыми он командовал в качестве коннетабля. Опекун юного императора, Музалон, был оторван от алтаря и разрезан на такие мелкие части, что их пришлось собирать в мешок, чтобы похоронить. Михаил сделался опекуном, а затем и соправителем императора; на вычеканенных им монетах он изображен с ребенком-императором на руках. Однако, венчаясь на царство в Никее (1259), он не счел нужным короновать и своего питомца. Когда позднее, взяв Константинополь, он вторично короновался в храме св. Софии, о внуке Ватациса уже не было и речи.

Михаил VIII. Михаил Палеолог, по крайней мере, искупал свое честолюбие замечательными военными способностями и необыкновенно искусной, истинно национальной политикой. Когда к нему явились послы Балдуина II с

просьбой вернуть Фессалонику, он ответил, что не оставит им и Константинополя. Он прибавил: «Если латиняне хотят и впредь жить в нем, пусть они платят мне дань». Разбив при Пелагонии эпиротов и морейских франков (1258), он заставил Гильома Ахейского выдать ему важнейшие из его крепостей. Затем он лично отправился во Фракию, взял Селимбрию и осадил Галату. Успехи татаро-монголов в Малой Азии заставили его вернуться туда и заключить с латинянами перемирие на один год. Государство сельджуков, служившее оградой Греческой империи с востока, было разрушено; иконийский султан Рокн эд-Дин явился со своим гаремом искать убежища в Никее. Михаил оказал побежденному радушный прием, чем приобрел славу великодушного человека; втайне он вел переговоры с победителем и сумел отвлечь нашествие.

Взятие Константинополя греками (1261). Так как Константин Тех, один из последних царей Болгарии, отказался признать Михаила, то Михаил послал во Фракию цезаря Алексея Стратегопула. Срок перемирия с латинянами еще не окончился, поэтому Стратегопул, проходя близ Константинополя, мог только навести справки о положении дел в столице. Он вел с собой только 800 всадников и небольшое пехотное войско, но лишь только он высадился в Галлиполи, как к нему присоединилось 20–25 тысяч греческих и куманских добровольцев. Они сообщили ему, что весь венецианский и французский гарнизон Византии отплыл за 40 миль оттуда к черноморскому берегу с целью завоевать Дафнусий. Его разведчики, приблизившись под прикрытием ночи к столице, встретили в поле крестьянина. Они спросили его, как он мог выйти из города, когда ворота заперты. Он ответил, что его дом стоит близ стены и имеет подземный ход наружу. Цезарь, не решаясь брать на себя ответственность такого важного предприятия, медлил воспользоваться этим благоприятным случаем. Наконец, он отобрал пятьдесят смельчаков и велел им спуститься ночью в подземный ход. Проникнув в город, они топорами разбили одни из ворот и впустили остальное войско, которое разбудило жителей криками: «Победа императорам Михаилу и Иоанну!» Греческое население тотчас перешло на сторону цеза-

ря; немногие латиняне, пытавшиеся оказать сопротивление, были перебиты. Балдуин II, живший тогда во Влахернском дворце, едва успел сесть в лодку; он забыл даже императорские инсигнии, которые и были отнесены к цезарю. Латинский флот, узнав о происшедшем, изо всех сил спешил от Дафнусия к столице: находившиеся на нем 6 тысяч воинов превосходили небольшую армию цезаря не только числом, но и мужеством. Ввиду этого греки подожгли кварталы, обитаемые латинянами, надеясь, что дафнусская армия бросится спасать погорельцев. Эта хитрость удалась, и латиняне, которым больше нечего было защищать в Византии, не хотели подвергнуться опасности сомнительной битвы.

В Европе заговорили о крестовом походе; Урбан IV проповедовал поход против схизматиков, а венецианцы и морейские бароны начали войну с ними. Балдуин II умер в 1272 г. Грозным наследником его притязаний являлся Карл Анжуйский, король обеих Сицилий, стремившийся во что бы то ни стало осуществить замыслы своих норманнских предшественников и незадолго перед тем выдавший свою дочь Беатрису за Филиппа, сына Балдуина II. Сильно обеспокоенный Михаил VIII поспешил занять римскую курию, по-видимому, очень искренними переговорами о соединении церквей. Он нашел хорошего партнера в Клименте IV, который опасался честолюбивых замыслов Карла Анжуйского. Как раз в то время Карл снаряжал флот в Брундизии, откуда рассчитывал идти на Диррахий. Смерть Людовика Святого заставила его отсрочить экспедицию. Григорий X также очень благосклонно выслушивал предложения Михаила VIII. Вопрос о соединении церквей был, по-видимому, близок к разрешению; на Лионском соборе (1274) послы императора присоединились к «процессии Святого Духа» и признали супрематию папы. В самом Константинополе Михаил VIII встретил энергичное сопротивление со стороны большей части духовенства, которую поддерживала почти вся нация. Он вынужден был сменить сряду трех патриархов, самому сделаться богословом и рассуждать о «процессии», подвергаться пыткам упорных противников унии, бороться с сестрой Евлогией и почти со всей своей фамилией, следить за эпирскими князьями, которые не пре-

минули выступить в качестве защитников православия, и обуздывать своих генералов, предпочитавших «изменить императору, чем Богу». Его переговоры с Римом продолжались и при Иоанне XXI и Николае III, которые также относились враждебно к Карлу Анжуйскому, но не без удовольствия видели, как страх перед его могуществом заставляет греческих императоров смягчаться. Роль, которую взял на себя Михаил VIII, становилась невыносимой. Почин разрыва исходил от римской курии. Француз, преданный Карлу Анжуйскому, Симон де Бри был избран папой под именем Мартина IV. Он грубо принял послов Михаила, обозвал его поведение обманом и лицемерием, позволил себе даже порицать гонения на упорных, но, по крайней мере, искренних «схизматиков» и в конце концов отлучил его от общения с католической церковью. Теперь, казалось, уже ничто не могло предотвратить удар, который собирались нанести Греческой империи Карл Анжуйский, его зять, «император» Филипп, и Венеция. Три тысячи латинян, высадившись в Эпире, двинулись на Фессалонику. Михаил VIII выставил против них более значительные силы, истребил часть этой армии в целом ряде мелких стычек и засад и, наконец, забрал в плен весь остаток ее вместе с ее военачальником Руссо де Сюлли (1281). В то же время его золото и дипломатическая ловкость, его союз с арагонским домом, его дружба с Иоанном да Прочидом и с недовольными элементами в Италии подготовили то страшное восстание, известное под названием *Сицилийской вечерни*, из-за которого Карл Анжуйский утратил базис своих операций (март 1282 г.). Михаил умер в декабре того же года, прокливаемый своими подданными, унося в могилу тайну своей искренности и двуличности по отношению к Риму, но уверенный в том, что упрочил греческое владычество в Византии. Государь, вернувший грекам Константинополь, даже не был похоронен в усыпальнице императоров, в церкви свв. Апостолов. Его сын Андроник II, стараясь доказать свою полную непричастность к мнимым религиозным заблуждениям своего отца, велел похоронить его без шума в глухом уголку Македонии, в том самом месте, где он умер от болезни во время похода против эпиротов.

Перевороты в Азии. Тюрки

Китай, Иран, Средняя Азия

От древнейших времен до конца XIII в.

Происхождение тюркских народов

Очерк географии Азии. Значение тюркских народов. Классификация языков. Внешние признаки человеческих типов. Пять первоначальных тюркских наций. Пе-лу и Нан-лу. Гиунг-Ну. Образ жизни кочевников. Ту-Киу. Социальный строй тюркских племен. Тюркские религии. Письменные памятники и легенды тюрков.

Очерк географии Азии. Если, прочитав те страницы Страбона, которые касаются Азии, вы станете искать на современной карте названия народов, государств, гор, рек и городов, упоминаемых или описываемых географом I в., — вы будете очень удивлены: вы едва узнаете несколько иранских и семитических названий; все остальные названия — новейшего происхождения и взяты из варварских наречий. Иония находится в азиатской Турции, Тавр называется Гяур-Дагом, Гиркания обратилась в Хорезм, а под Амударьей и Сырдарьей едва ли кто-нибудь узнает Оксус и Яксарту. Конечно, со времени Страбона названия мест и народов изменились и в Западной, и в Центральной Европе, но не до такой степени. Романские языки постепенно развились из галло-римского, испано-римского, итало-римского, немецкие диалекты — из германских; гаэльский говор сохранился в Бретани, Ирландии и Шотландии; за исключением Паннонии, где азиатские нашествия укоренили мадьярский язык, и стран, лежащих между Эгейским морем и Гемусом, где под влиянием тех же нашествий воцарился турецкий язык,

современная Европа говорит совершенно так же, как и во времена Страбона. С другой стороны, христианство, усвоенное греко-римским миром, совершенно преобразовало ее. В Азии арабский язык на западе, финно-угорские, тюркские и монгольские языки на востоке все изменили и расстроили. Ислам и буддизм вытеснили древние туземные и заимствованные религии, и когда русские завоевали Среднюю Азию, они не нашли здесь никаких других следов христианства, кроме несторианских кладбищ в глубине Сибири.

Значение тюркских народов. В период от I в. христианской эры до наших дней Азия подверглась более глубоким изменениям, чем Европа. Историю этих переворотов мы и хотим изложить здесь; наиболее значительные и важные из них произошли между V и XIII вв.; остальные представляют собой естественные последствия этих перемен, в которых главным и наиболее энергичным фактором является древнее тюркское племя. Излагая историю происхождения тюркских народов и их деятельности до начала татаро-монгольского нашествия (около 1148 г.), мы сможем лучше всего показать характер истории азиатских стран. Известно, что тюркские народы играли служебную роль, что их материальное влияние имело решающее значение, тогда как духовное было незначительно, что они осуществляли идеи, выработанные арабами, китайцами и иранцами. Но без них ни иранская, ни китайская, ни арабская идея никогда не перешла бы за те политические границы, за которые перенесли их грубая сила и военный пыл тюркских народов.

Замечательные открытия и превосходные исследования, сделанные в последние 30 лет, совершенно изменили те недостаточные и неверные представления, которые мы имели о прошлом тюркских народов. Мы сведем историю Азии в средние века к истории тюркского племени, которая послужит нам рамкой.

Классификация языков. За исключением арийских и семитических языков, на которых говорили и писали с V в. часть Восточной Европы и континентальная Азия (кроме Китая, Индии и Индокитая), – все остальные языки принадлежат к семье, наиболее несходными и отдаленными представителями которой являются финский и венгерский язы-

ки на Западе, монгольский и маньчжурский – на Востоке. Хотя до сих пор не удалось обнаружить в этих языках следов столь же близкого родства и столь же правильной филиации, которые установлены для индоевропейских языков, тем не менее общность их происхождения и их фамильное сходство очевидны. Во всех этих языках можно найти остатки и следы древнего моносиллабического строя; все они *агглютинативны*, некоторые из них лишь недавно перешли от *агглютинации* к *флексии* или совершают этот переход на наших глазах.

Эта семья языков распадается на четыре различные группы: финно-угорскую, тюркскую, монгольскую и маньчжурскую (если идти от запада к востоку). *Финно-угорская* группа включает в себе лапландский, собственно финский и венгерский языки, угорские наречия, господствующие между Уралом и Волгой, как, например, черемисское, башкирское, вогульское – кавказские наречия, происшедшие от древнего аварского языка, и наконец, самоедские наречия, простирающиеся до ледяных тундр далекого Севера. *Тюркские* языки распадутся на три группы: к первой, западной, принадлежат османлиссский, азербайджанский и персидские наречия; вторая группа является гораздо более значительной; ее древнейший представитель – ойгурский язык, новейшие – джатайский, узбекский, татарские наречия России и Сибири, кашгарский, туркменский, киргизский, алтайский и таранчский языки, непонятным образом сохранившийся язык, на котором говорят литовские и крымские караимы, и т. д.; третью группу составляют якутский язык и его разновидности. К *монгольской* группе относится язык астраханских калмыков; к маньчжурской – тунгусский и, вероятно, корейский.

Из этого длинного перечня можно видеть, какое огромное пространство занимают тюркские народы и их сородичи частью сплошными национальными группами, частью враздробь. Кроме того, здесь можно заметить две своеобразные черты их племенного характера: упорство, с которым эти народы сохранили свой язык, и изумительное разнообразие обществ, которые они основали или к которым они примкнули. Победители или побежденные, господа или

подданные – тюрки, финны, монголы и маньчжуры никогда и нигде не отказывались от своего национального языка и не забывали своего племенного единства. В течение двух веков, от 800 до 1000 г., сельджуки два раза переменили веру, перейдя из шаманства в несторианское христианство, затем из несторианства в ислам, но языка они не переменили. Караимы пишут «Пятикнижие» еврейскими буквами, но на турецком языке. В течение веков энергичное шведское население путем скрещения, воспитания и религии до такой степени преобразовало балтийских финнов, что последние даже лицом стали походить на скандинавов; но финляндские рапсоды сложили свою прелестную национальную эпопею, свою нежную «Калевалу», на финском языке, и на этом же языке благоговейно соединил ее отрывки Лёнрот. Если принять во внимание, что наречия одной только тюркской группы пользуются не менее чем шестью различными алфавитами (не считая транскрипции русскими буквами) – арабским, сирийским, видоизмененным ойгурами, армянским, греческим, еврейским и китайским, к которым надо прибавить еще древнюю *чудьскую* азбуку, признаваемую теперь тюркской, то мы будем поражены этой характерной живучестью языка, этой силой консерватизма и единства.

С другой стороны, изменчивость социальной организации у тюрков и их сородичей не менее замечательна, чем неизменность их языков. Современный венгр так сильно отличается от башкира и самоеда, что трудно поверить в родственное происхождение этого горожанина, этого пастуха и этого дикаря; между тем в V в. они ничем не отличались друг от друга.

Внешние признаки человеческих типов. Слово «раса», употребляемое для обозначения всей массы людей, народностей и наций, лишено всякого смысла. Выражения «монгольская, угро-финская, алтайская, туранская раса» обозначают лишь воображаемые группы или группы, быстро образовавшиеся и так же быстро распавшиеся в непрерывной смене народов и империй. Тем не менее, все эти различные люди, говорящие на угро-финских, тюркских, монгольских и маньчжурских наречиях, представляют известное фамильное сходство, которое обнаруживается и в

их языках. Все они – за исключением тех, лицо которых видоизменилось под влиянием скрещения, – обладают костлявым прямоугольным лицом с выдающимися лобными буграми, мясистым и как бы отечным в верхней части, худощавым и заостренным в нижней, с треугольным подбородком; у всех волосы на голове и бороде черные, жесткие и гладкие; волосы на бороде редки, и она никогда не бывает клочковата, даже в молодом возрасте; кожа лица матовая, смуглая и изрыта оспой: «tetra facies», как метко определяли латиняне цвет кожи гуннов. У всех глаза навывкате, черные и блестящие, разрез глаз – продолговатый, миндалевидный, глазная впадина вдается глубоко над выступом скулы, верхнее веко очень коротко, словно оттянуто лобным бугром. Эта большая круглая голова сидит на толстой короткой шее с мощным затылком; широкие плотные плечи крепко прилажены к массивному туловищу; в общем корпус тяжеловесен и коренаст; ноги тонки, коротки в сравнении с туловищем и – у наезднических народов – вследствие верховой езды, дугообразны. Они часто ниже среднего роста, редко – выше; эти воины, перед которыми дрожал мир, были малорослыми людьми; таковы подвижные японцы и тяжелые анатолийские крестьяне нашего времени. В своем национальном вооружении поверх широких ватных халатов, в своих грубых куртках из плохо дубленой кожи или конского волоса, которые делали их еще более безобразными, со своими тяжелыми шлемами или огромными меховыми шапками на голове, сидя на своих высоких, узких и коротких седлах, гунны, тюрки и монголы казались стройным европейцам страшными и безобразными карлами; в каждом зрителе они вызвали чувство удивления, смешанное с ужасом и страхом. Западным народам, которые видели их всегда в полном вооружении и в рубищах, изношенных на войне, они представлялись фантастическими существами.

«Пять первоначальных тюркских наций», – говорит Абуль Гази, – суть кипчаки, ойгуры, канкли, калатши и карлуки». Названия первых двух чрезвычайно характерны. *Кипчак* происходит от односложного слова, смысл которого – «пустой, пустынный». *Ойгур* есть прилагательное, произведенное от глагола, который обозначает и «соединять»

ся», и «следовать какому-нибудь правилу». Таким образом, кипчаки – люди пустыни, «народ, обитающий в степях»; ойгуры – люди, соединившиеся и подчиненные закону, «цивилизованный народ».

Впервые племенное название появляется в V в. у китайцев; в VI в. оно уже известно грекам; первые пишут его *ту-киу*, вторые – *тоурхюи*: под обеими формами легко узнать национальное название «тюрки». В том же 569 г. царь народа ту-киу, по словам китайских летописей, отправил посольство к китайскому императору, и византийский император, по словам греческих летописей, отправил посольство к царю народа *тоурхюи*.

Пе-лу и Нан-лу. Начиная с I в. н. э. китайцы называли нынешние Кашгар и Джунгарию «дорогами». Имея в виду их относительное положение – по обеим сторонам Тянь-Шаня, они называли нынешнюю Джунгарию *Пе-лу*, Северной дорогой, и нынешний Кашгар *Нан-лу*, Южной дорогой. Тюрки дали этим странам другие названия: они называли Северную дорогу *Бич-Балик*, что означает Пять городов, Пятиградье, а Южную дорогу – *Алти-Шегер*, то есть Шесть городов, Шестиградье. Путешественник, идя из Китая Северной дорогой, приходил в «страну тюрков», в Туркестан. Тюрки называли эту страну словом, общим их языку и языку монголов, *чете*, «граница, марка».

Кто владел *Пе-лу*, Пятиградьем, тот господствовал и над маркой, над Туркестаном. Иначе обстояло дело с *Нан-лу*. Путь из *Нан-лу* в иранскую Фергану вел через Ледяные горы, *Музтаг*, и через Сосновый проход, *Терек-Даван*, и первая часть его пролегалa по непроходимым лесам и болотистым местностям с предательской почвой; здесь люди и лошади тонули или умирали с голоду прежде, чем достигали равнин, где можно было скакать на воле и добывать себе хлеб своей саблей. Поэтому было выгоднее оставаться в прекрасной стране Тарима, обрабатывать землю, проводить каналы для орошения, соединяться в поселки. Естественные условия этой страны облегчали соединение и просвещение ее обитателей; степные кочевники приобрели здесь оседлость и превратились в «объединенных», «цивилизованных» людей – в *ойгуров*. Здесь, в городах Гами, Турфан, Котен, впер-

вые появился буддизм, проникший сюда с юга и востока; здесь пришлось ему выдержать борьбу с чужеземными религиями – с маздеизмом, позднее с христианством и исламом. Здесь, в городе Кашгаре, была написана (1069) на ойгурском наречии древнейшая тюркская книга, которая дошла до нас – «Кудатку билик», «Искусство управления».

Гиунг-Ну. Китайцы еще задолго до VI в. познакомились с предками тюрков и ойгуров, пользовались Северной и Южной дорогами и проникли за марку. Древнее название, которым они обозначали население этих областей, было *Гиунг-Ну*, что значит «мятежные рабы, непокорные слуги». Это слово не носит племенного или национального характера; оно заимствовано не из тюркского, не из монгольского, а из китайского языка, и очень древнего происхождения. Китайцы вообще называли *Гиунг-Ну* все народы, почти без исключения кочевые, которые обитали к северу от реки Гоан-Хо. *Великая стена* была построена в 214 г. для того, чтобы оградить собственно Китай от набегов этих дикарей. Вне стены была устроена еще марка.

Историки, исследовавшие вопрос о происхождении тех гуннов, которые пришли в Европу под предводительством Аттилы, потратили немало труда на то, чтобы доказать, что эти варвары тождественны с китайскими Гиунг-Ну или отличны от них. Это был пустой спор; они искали решения для задачи, которая не имеет решения. Мы можем сказать с уверенностью, что все тюрки были Гиунг-Ну; но, конечно, нельзя утверждать, что все Гиунг-Ну были тюрками. Если придавать названию «Гиунг-Ну» тот общий смысл, какой придавали ему китайцы до II в., то гуннов надо признать Гиунг-Ну, подобно тюркам, монголам и маньчжурам.

Образ жизни кочевников. Не следует думать, будто все кочевники жили, как обычно говорят, в «пустыне» и будто все они вели одинаковый пастушеский образ жизни. Никто не живет в пустыне, когда имеет возможность жить в цветущей стране. Лишь по принуждению пастушеские племена, будучи изгнаны более сильным соседом, оставляли ему свои тучные пастбища, тенистые долины, леса и луга, изобиловавшие дичью, удобные дороги и полные добром города. С грустью шли они в изгнание, на борьбу с нуждой

и, углубляясь в мрачные и бесплодные пустыни, всегда уносили с собой надежду на мечь и возвращение. Первоначальные предания тюрков, их древние поэмы, которые беспрестанно переделывались и подновлялись и которые в обновленной форме сохранились до наших дней, полны рассказов о таких изгнаниях. Следы последних можно найти даже в названиях наций и племен. Так, слово «киргиз-казак» образовано из двух тюркских слов, из которых первое значит «бродячий», второе – «отделенный от нации, от полчища». Скотина, отбившаяся от стада, человек, бросивший свое племя, называются «казак» (отсюда и наше слово «казаки»). У французов на Антильских островах существовало совершенно аналогичное слово «*marçon*» (беглый); они говорили: «Un nègre *marçon*, un taureau *marron*». Киргизское племя состояло из «бродячих» и «марронов». Одно отбившееся колено племени канкли, сильно пострадавшего от монголов в XIII в., – так называемое *кей*-канкли – основало Оттоманскую империю. Тогда, как и теперь, кочевник жил не своим скотом, а его продуктами, которые он выменивал у оседлых жителей на ткани и хлеб или продавал им за наличные деньги. Когда являлась возможность поселиться в плодородной стране, например в Пятиградье или в области Тары, он охотно становился *таранчи*, земледельцем. *Тара* не имеет другого значения, кроме «пахоты, вспашки». Но когда оседлое население закрывало кочевнику свой рынок, когда эпизоотия или снежный ураган истребляли его стадо, носившее выразительное название *маль*, «капитал», когда племя подвергалось нападению могущественного соседа, тогда приходилось искать других источников существования; тогда, если племя было слабо, оно покорялось и уходило либо в степи (тогда оно становилось *киргиз*), либо в пустыню на разбойный промысел (казак). По-тюркски одно и то же слово «чапмак» значит и «скакать» и «рубить саблей». Раз тюрк становился *казаком*, – он презирал всех других людей. У тюрков есть страшные пословицы: «Тюрк на коне не знает своего отца. – Когда тюрк сидит на коне, он считает себя вельможей. – Если грабят дом твоего отца, грабь вместе с товарищами». Перед ними к югу и западу простирались марка, где конские копыта тучами взметали

Монгол с конем
(со старинного персидского рисунка)

прах павших здесь храбрецов, путь в Согдиану, путь в Персию и страна роскоши и великолепия – Китай.

Эта исконная страна от китайских Гиунг-Ну и персидских туранцев, лежавшая позади пограничной линии Оксуса, Или и Гоан-Хо, была прорезана двумя большими пустынями: на западе *Кипчаком*, на востоке *Гоби*; и то, и другое слово обозначают пустыню. Позднее персы прозвали Кипчаком Южную Россию, когда в ней господствовали «степные люди» кипчаки. Западная пустыня простирается от Каспийского моря до Или; это страна песков – «черных», «красных», «белых», «глубоких»: *Каракум*, *Кизил-Кум*, *Ак-Кум*, *Батак-Кум*. Здесь протекают Или, Чу, Сырдарья, Амударья, представляющие удобные пути сообщения. Меж-

ду пустыней и степью, между северными и западными степями лежит «серединое» – Аральское море (*арал* значит «лежащий в середине»).

Ту-Киу. По словам одной китайской летописи 545 г., Ту-киу представляют собой одно из племен народа Гиунг-Ну, родом из страны, лежащей к северу от Гоби. Это кочевники-скотоводы и охотники; свои шатры они делают из войлока; они умеют дубить кожи и прядь шерсть, из которой изготавливают свою одежду. В противоположность китайцам, которые застегивают платье слева направо, они застегивают платье справа налево и носят длинные развевающиеся волосы, которых никогда не стригут. Они искусные наездники и меткие стрелки: их вооружение состоит из рогового лука, сабли и кинжала; они умеют делать стрелы со свистом, носят в битвах нагрудники, убирают свои пояса пыльными или рельефными украшениями и насаживают на свои значки волчьи головы. Грубые и жестокие, они презирают стариков и ценят лишь мужчин, находящихся в расцвете сил. Их древние договорные акты представляли собой зарубки на дощечке, на которой они в качестве печати делали оттиск наконечника копья. Буквы их алфавита похожи на буквы алфавита берберов. Этими дощечками они пользовались при наборе рекрутов и лошадей; когда их государи взимали налог, состоявший из скота, они удостоверяли уплату посредством приложения печати, состоявшей в оттиске железной верхушки копья.

Они провозглашают своего вождя, девять раз поднимая его на войлочном ковре, и заставляют его принести клятву. У них нет ни писаных законов, ни постоянного судопроизводства, а вождь творит суд и расправу произвольно, придерживаясь обычаев. За заговор и мятеж, убийство, похищение замужней женщины полагается смертная казнь; за обольщение молодой девушки – штраф и обязательство жениться на ней; за побои и повреждения – возмещение; за похищение скота или кражу вещей – возвращение удесятеренного числа голов или удесятеренной стоимости украденного. Знатная женщина не может выходить замуж за человека низшего сословия. При сословном равенстве обычаи требуют, чтобы родители девушки не отказывали в своем

согласии мужчине, который просит ее себе в жены. Сын от другой женщины обязан жениться на вдове своего отца, младший брат – на вдове своего старшего брата, племянник – на вдове своего дяди. Хотя тюрки – кочевники, но всякий из них владеет участком земли¹.

Социальный строй тюркских племен. В этом описании китайского летописца мы видим общество, обладающее самосознанием, до известной степени организованное и управляемое твердой рукой. Наиболее рельефной национальной чертой тюрков является их приверженность к иерархии и дисциплине. Непослушание и заговор караются у них смертью. Ценность человека – только в его силе и оружии; старик не ставится ни во что. «Они стремятся, – говорит китайский летописец, – пасть в бою; смерть от болезни считается у них позором». Гордые слова, которые монгол Санаг-Сецен сказал карлукскому хану: «Человек рождается в доме и умирает на поле», представляют собой тюркскую поговорку. Человек, заслуживающий уважения, называется у них *ака*, «старший» в строгом военном смысле этого слова. Это – титул (ага), который носят у османлисов низшие военные чины и офицеры до полковника; капралы и простые солдаты требуют, чтобы так называли их штатские. Приставку *ата*, «отец», носят только святые и монахи, живущие вне мира; *ата* – духовный отец; светского отца заменяет тюрку его *ака*, старший его по чину. Их сильный и краткий язык удивительно приспособлен для распоряжений; в нем звучит военная команда. Желая сказать: «Обратите внимание», тюрк употребляет архаическое слово *тек*, «мирно!» Подлинно «тюрк на коне не знает своего отца», потому что даже степени кровного родства он обозначает словами военного товарищества: как приятеля он называет *иол-дах*, «товарищ по пути», так молочного брата он называет *кеунгул-дах*, «товарищ по сердцу», родного – карин-

¹ Само собой разумеется, что китайский летописец говорит здесь о знатных людях, о *тар-ханах*, название которых, происходящее, вероятно, от слова «тара-хан», обозначает «господин пахоты». Мы увидим ниже, какую видную роль играли эти владельцы свободных поместий в тюркском обществе. Замечу здесь же, что свободен был участок земли, который и передавал свободу своему собственнику.

дах, «товарищ по утробе». Отсюда особый вид родственных отношений, встречающийся исключительно у древних тюрков и у их сородичей: родство добровольное, основанное на акте усыновления, на клятве. Двое тюрков или монголов, принадлежащих к различным улусам или даже к различным народностям, могут установить между собой личное родство путем клятвы; они открывают себе вену на руке, дают крови вытечь в чашу, смешивают ее с молоком или кумысом, и каждый выпивает половину этой смеси¹; все это предельвается в присутствии свидетелей и обставляется формальностями, предписанными обычаем; после этого они становятся *анда* (это слово обще тюркскому и монгольскому языкам). Каждый из этих двух братьев пользуется отныне в улусе, племени и нации другого теми же правами, как если бы он был его «товарищем по утробе», и несет по отношению к нему те же обязанности, смотря по тому, был ли он признан в братской клятве страшим братом, *ака*, или младшим.

Монгольский и тюркский обычай устанавливает очень своеобразный порядок наследования. Неподвижным, так сказать, прикрепленным к отцовской земле наследником является самый младший из сыновей; он – *от-джигин*², как говорят монголы, *текин*, как говорят тюрки, то есть «хранитель очага». Ему достается земля. Старшие сыновья делят между собой движимое имущество, *маль*, «капитал», то есть скот.

В княжеских семьях, наряду с этим «капиталом», существует и другой, более важный, обеспечивающий обладание всем остальным наследством: это – военная дружина. Государь или завещает ее целиком любимому сыну, или делит между несколькими сыновьями; нередко и дочь получает свою часть. Таким образом, дети оказываются все обеспеченными, или почти все; потому что иногда, после выделения старшего и младшего, остается какой-нибудь средний сын, все наследство которого заключается в луке, сабле и,

¹ Отсюда характерное тюркское слово, сохранившееся даже в новейших западных диалектах, *ант-ичмек*, «выпить клятву», то есть заключить договор.

² *От-джекин, от-дзекин, от-джигин* – написание зависит от наречия.

пожалуй еще, плохой лошади. Тогда обездоленный сын идет на чужбину искать себе отца и мать. В легендах и старых поэмах дело происходит обычно следующим образом: юноша едет далеко-далеко, пока не увидит юрту; в ней сидит старуха, а старик ушел в поле; юноша говорит старухе: «Будь моей матерью». Старуха соглашается; затем возвращается старик, и юноша говорит ему: «Будь моим отцом». Когда старик соглашается, юноша говорит им: «Отец и мать, дайте мне имя». Характерно, что тюркский авантюрист даже не имеет имени: легендарные герои называются *Ат-сиз*, «безымянными»; два исторических государя и многие воины с гордостью носили это имя *Ат-сиз*. В этих легендах древний тюркский народ изобразил свою действительную жизнь. Подобно безымянному *Ат-сизу*, тысячи тюркских авантюристов отправлялись к парфянским царям, к государям Персии, к арабским халифам, к китайским императорам, к князьям Согдианы, и продавали им свой меч, чтобы приобрести имя. Такие безымянные младшие сыновья тюркских князей основали державы сельджуков и османлисов. «Я – бродячий воин-император», – говорил Великий Могол Бабер, лишенный права наследства на отцовское княжество Фергану.

Тюркские религии. Ни тюрки, ни монголы никогда не отличались большой религиозностью. Пылкость воображения, религиозная ревность и энтузиазм, присущие арабам, иранцам и славянам, всегда были чужды апатичным тюркам, монголам и маньчжурам. Наиболее родственной их флегматическому характеру религией является, без сомнения, буддизм. Они буддисты по природе, свойству своего духа, темпераменту, без усилия. Буддизм – единственная религиозная форма, которая не стесняет их; в исламе они неповоротливы, точно связаны. Вяло, без энтузиазма и без большого сопротивления, усваивали тюрки другие религии, кроме буддизма; они были огнепоклонниками, манихейцами, несторианами и немного случайно сделались мусульманами, плохо поняв ислам и оставаясь равнодушными к религиозным спорам, которые были несовместимы с их умственной ленью и военной привычкой к субординации. Религии, окончательно принятые ими, они исповедовали

добросовестно, ничего не изменяя в них и ничего не оспаривая, как и подобало людям, называющим цивилизацию «повиновением» и государственный закон «приказом», *ясак*. Они защищали свою веру, как храбрые солдаты, предпочитая из всех видов доказательства тот, который Людовик Святой рекомендовал мирянам против евреев: нож в брюхо. Но когда их не вызывают, они не обнаруживают склонности вступать в пререкания.

До принятия маздеизма (который, впрочем, держался здесь недолго) тюрками иранской марки, несторианского христианства и затем ислама тюрками западной китайской марки и Пе-лу, христианства, манихейства, ислама и буддизма тюрками Нан-лу, китайской военной границы и, наконец, монголами и маньчжурами восточной марки, – все эти народы имели свои, более древние, оригинальные религии, с которыми нас еще отчасти знакомят маньчжурские требники и китайские летописи; эти религии сохранились еще в довольно чистом виде, хотя и с некоторыми изменениями, у черемис на западе, у якутов, алтайских тюрков, телеутов и тунгузов на севере и востоке, и совершенно явственно лежат в основе народных легенд, поэм и верований киргизов, сибирских татар и других принявших ислам народностей, несмотря на то, что мусульманский ригоризм постарался тщательно изгладить все следы этих старых верований. Своеобразная и характерная черта этих религий – великая кротость, родственная нежность человека к окружающему его миру.

Подобно древним китайцам, древние тюрки признавали и обоготворяли пять стихий, воплощенных в пяти личностях. Эти стихии – земля, дерево, металл, огонь и вода. Их воплощения – Желтый император в центре, Синий на востоке, Красный на юге, Белый на западе и Черный на севере¹. Позднее этот политеизм сводится к двум членам – небу и земле; на земле император Гиунг-Ну и монгольский каан

¹ Странным образом эти названия сохранились: таковы *кеук-моголы*, то есть синие монголы, во времена Чингисхана; в ту же эпоху маньчжурский император Китая назывался *Кин-Каган*, Золотой или Желтый император; имя западного императора (теперь русского царя) – *Ак-Падишах*, Белый император.

(каган, хан над ханами) называют себя *Тангри-Кут*, Сила неба, подобно китайскому императору.

Наиболее почитаемой стихией в этих древних культах был тот металл, из которого куют оружие, – железо. Оно встречается во всех легендах, в которых древние тюрки излагали историю своего происхождения. Гунны молились, вероятно, железу и символом его сделали клинок, который римляне называли *мечом Марса*. На границе тюркской страны византийские послы в VI в. присутствовали при религиозной церемонии, во время которой им поднесли железо. Старые национальные имена – *Тимур* (железо), и *Тимурташ* (товарищ железа) – несомненно религиозного происхождения. Мадьярское имя Аттилы (Ацель) значит кузнец. Во времена Жуанвиля рассказывали, что Чингисхан был кузнецом.

Эту древнюю религию пяти стихий, от которой до сих пор сохранилось столько следов, сменил культ *Тангри*, неба, в дуализме с Землей. Хотя народная фантазия и населила землю и небо гениями, духами и демонами, тем не менее западные черемисы и восточные алтайцы еще теперь приносят свои жертвы *Тангри*, небу.

Даже такие могучие религии, как ислам и буддизм, не сумели изгладить из памяти тюрков и монголов все следы старого дуалистического культа. Еще и теперь мусульманин-османлис сплошь и рядом употребляет в разговоре и письме *Тангри* вместо *Аллах*.

Письменные памятники и легенды тюрков. Тюрки сохранили в легендах воспоминание о своем племенном происхождении. Вот традиция, лежащая в основе всех их легенд: *Иль-хан*, (Царь народов), был побежден в великой битве, и все монголы были истреблены за исключением самого младшего из сыновей Иль-хана, Киана (Лавина), его племянника, Нокуза, и двух дочерей. Киан, Нокуз и их спутницы спаслись бегством, перешли через страшные горы и нашли за ними прекрасную страну, полную рек, источников, лугов, плодовых деревьев и дичи. Их потомки размножились в этой неизвестной стране; 400 лет спустя они захотели выйти оттуда, но не нашли дороги. Тогда один кузнец нашел *железную гору*; они развели огонь под горой, железо расплавилось, и в горе образовалась тропинка, по которой они вышли из таинственной

страны, где жили в течение семи поколений. Эта страна называлась *Эркене-Кун*, древняя родина; это – Пе-лу.

В то время, когда монголы ушли из *Эркене-Кун*, их царем был *Бюртечене*, Серый Волк. От него произошла дева *Алан-Гоа*, Лань Света, которая без мужа зачала чудесного ребенка; от последнего в десятом поколении произошел Чингисхан. Итак, монголы, братья тюрков, есть потомки Серого Волка, и их династия ведет свое происхождение от деды Лани Света, которая безгрешно зачала сына. Такова легенда, которую, начиная с XIII в., рассказывают тюрки и монголы, причем первые, как мусульмане, возводят свой род еще выше, до Яфета, которого считают своим отдаленным предком, а вторые, как буддисты, вводят в свою генеалогию Лучезарную Деву, напоминающую мать Будды.

Исход из *Эркене-Кун* относится к концу V в. Менее, чем 100 лет спустя, тюркская нация, достигнув большого могущества, находится уже в постоянных сношениях с китайским и византийским императорами, последнему повелитель тюрков в 568 г. посылает письмо, написанное скифскими буквами: «*γραμμα το σχυδιχον*». В долине Орхона была найдена гравированная надпись в честь одного князя на древнетюркском и ойгурском языках с китайским переводом. Она помечена китайской датой, соответствующей 732 г. Таким образом, древнейшему известному памятнику тюркской письменности – *γραμμα το σχυδιχον* – исполнилось в это время уже свыше 160 лет.

Тюркские народы до принятия ислама

Древние войны китайцев с тюрками. Геройская борьба Пан-Чао с тюрками. Движение тюрков на запад. Иран и Туран; борьба между персами и тюрками. Анархия в Китае. Тюркская держава между Китаем и Восточной Римской империей; Иль-хан Мокан.

Древние войны китайцев с тюрками. В III в. до н. э. великий император Гоанг-Ти, основатель династии Цинь, восстановив единство китайской империи, которая в течение пяти веков с лишним была раздроблена сначала на два

десятка феодальных княжеств, затем на семь королевств, вторгся в страну северо-западных варваров. Он прогнал Гиунг-Ну из тех областей, которые их потомки впоследствии столько раз завоевывали и которые составляют теперь провинцию Шен-си, в глубине большого изгиба Желтой реки. Он отбросил их за марки. Путем невероятных усилий он соединил местные ограды, возведенные семью королевствами для защиты против варваров, в одну непрерывную стену длиной в *10 тысяч ли* (214–204 гг. до н. э.); это и есть знаменитая Великая стена. При пересечении кругового пути и военной дороги, шедшей позади Великой стены, в самом центре Шен-си, вблизи северной и западной границы, он воздвиг свою столицу. Но ретроградные стремления и неисправимый партикуляризм китайской знати уничтожили плоды деятельности великого императора. Китай снова распался на восемь королевств и, раздираемый партийной борьбой, бессильный вовне, замкнулся за своей стеной. Затем новый император Гоанг-Ти, родом из Шен-си, снова восстановил национальное единство с помощью горцев *Го-Наня* («Юг реки»), той страны, где всегда в минуты кризисов сильнее всего билось сердце Китая. Императоры из династии *Хань* (от 202 г. до н. э. по 220 г. н. э.) продолжали патриотическую деятельность Циньской династии; они стремились завоевать пограничные области, покорить варваров и ассимилировать их – сначала посредством оружия, затем путем воспитания, путем привития им своих вкусов и привычек, словом – всего, что составляет сущность китайской культуры. Их деятельность была направлена к тому, чтобы окитаить северных тюрков. С тех пор Китай неуклонно продолжал их политику: завоевание пограничных областей и ассимиляция населяющих их народностей в течение восемнадцати веков является традиционной национальной политикой Китая. Ниже мы увидим, что и монгольские императоры Китая неизменно продолжали деятельность Ханьской и сменившей ее *Танской* (610–907 гг.) династий.

Китайская тактика и политика начинают окончательно складываться с 121 г. до н. э. Задача состоит в том, чтобы прорвать массу варваров, объединенную под властью их императоров, титул которых – Чен-Ю (по-тюркски Тенгри-Кут),

Власть неба. Эту массу надобно разбить на две части, отгеснить к северу и западу племена, отброшенные за марку, ассимилировать те, что останутся на этой стороне, между маркой и Великой стеной, и в самой марке создать из китайских поселенцев и окитаенных инородцев непреодолимую преграду, которая навсегда отделила бы друг от друга обе группы Гиунг-Ну. В 112 г. до н. э. китайцы перешагнули через северную марку и овладели долиной Или и входом в долину Сырдарьи. В 108 г. до н. э. они покорили южную марку, Гами и Турфан. Кочевники скучиваются вокруг их военных постов и торговых контор, приобретают оседлость и становятся *ойгурами*, покорными, в противоположность «непокорным беглецам», *киргиз-казакам*, отброшенным к западу. По эту сторону марок народности, вошедшие в состав Гиунг-Ну, не связанные национальными узами и только признающие над собой власть Чен-Ю, как позднее аланы, готы, болгары и другие будут подвластны Аттиле, быстро распались, слились с китайской массой и усилили собой преграду, отделявшую друг от друга обе группы тюркской расы, – ту, которую китайцы удержали на восточной стороне марки, от той, которую они отбросили на запад.

После завоевания марок китайцы направили свои усилия на северо-запад, стремясь овладеть проходами в Пелу и таким образом окончательно изолировать восточных Гиунг-Ну. В 104 г. до н. э. они забрались слишком далеко в глубь страны киргизов, и их армия погибла в степях. Но восточные варвары были так стеснены между маркой и Великой стеной, что в 51 г. до н. э. Чен-Ю изъявил покорность китайскому императору. Он признал святого императора своим отцом, попросил у него имени, получил его, и впредь в своих официальных сношениях с императором называл себя неизменно этим китайским именем. С этого времени повелители Гиунг-Ну, а затем и тюркские государи носят два имени – национальное и китайское, которое они получают при усыновлении их святым императором, когда он вместе с именем дает им титул, заимствованный из названия какой-нибудь высшей должности или какого-нибудь удела. Отныне они в качестве императорских сановников или удельных князей воюют с Китаем, требуют себе доли в на-

следии императоров и поддерживают свои права на наследство оружием. С этих пор они действительно являются *Гиунг-Ну*, «мятежными слугами».

В ту эпоху замечается странная аналогия между великой римской империей Запада и великой китайской империей Дальнего Востока. Обе одновременно принимают – одна Евангелие Христа, другая – добрую весть Будды; и среди ликования народов суровые и энергичные императоры покоряют западных варваров от рейнской марки до Дуная и восточных от илийской марки до Каспийского моря. Китайские императоры из Ханьской династии обнаруживают большое сходство с римскими Антонинами; месяцеслов буддистских исповедников в китайских марках похож на месяцеслов христианских мучеников в Галлии. Как римские императоры противопоставляли христианству языческую литературную традицию, так китайские националисты противопоставляли буддизму старые книги, уничтоженные циньскими императорами и тщательно разыскиваемые первыми императорами из Ханьской династии.

В 46 г. китайская национальная политика достигает решительного результата: восточные Гиунг-Ну, которых китайцы, путем завоевания марок и путем поддержки ойгуров, отрезали от западных, теперь сами распались на две группы. Их Чен-Ю враждовал из-за наследства со своим старшим братом. Последний, согласно с тюркским обычным правом, потребовал себе движимую часть наследия, то есть армию; он собрал свои полчища, добром или силой увлек за собой восемь из союзных улусов, прошел пустыню и явился к китайскому императору с просьбой об усыновлении. Китайцы, которые, вероятно, были причастны к этой интриге, поспешили принять претендента и признали его законным наследником. Они расселили своих новых подданных в северной марке, вдоль Великой стены. «Эти тюрки из рода в род сторожили стену; поэтому их называют *онгутами*».

Геройская борьба Пан-Чао с тюрками. При случае тюрки, жившие в марках, если они не состояли на китайской службе, охотно грабили плоскую страну вдоль Великой стены. В 72 г. император Минг-Ти решил положить конец этим грабегам. Его план, вполне приуроченный к

национальному характеру тюрков, состоял в том, чтобы наказать вожаков, а от остальных избавиться, послав их в далекую военную экспедицию. Был найден и человек, способный довести до конца это предприятие, обуздать огромные тюркские полчища; это был Пан-Чао. С энергией, необходимой для руководства этими своевольными и лукавыми кочевниками, он соединял замечательный талант в организации больших военных предприятий. Это был Дюгесклен, обладавший воображением и полетом мысли Ганнибала. Он начал с того, что очистил страну.

В 76 г. Нан-лу был окончательно покорен и организован, северные Гуинг-Ну, несмотря на двукратную попытку к сопротивлению, удалены из Пе-лу. В этом же году Пан-Чао, отозванный в Китай новым императором, изложил в особой записке свой политический и военный план. Он доказывал, что завоевание Запада не будет стоить императору ни одного человека из числа его китайских подданных и ни одной унции серебра из его казны. Надо только образовать под верховной властью императора федерацию из воинственных обитателей марок и западных царьков. Они сами доставят и людей, и деньги; Китай даст толчок, будет руководить движением, организует варварские массы, поведет их на завоевание Запада, все далее от границ, за которыми китайский муравейник мирным трудом накапливает богатства. Что касается остальных Гиунг-Ну, державшихся на севере, то против этих неисправимых грабителей решено было предпринять истребительную войну. Последнюю часть плана привел в исполнение в 92 г. один из помощников Пан-Чао, тогда как сам герой повел свои тюркские, гетские и афганские полчища на завоевание Запада. Китайская армия заперла выход из Пе-лу у устьев Иртыша, отбросила Гиунг-Ну к востоку и загнала их в ущелья Алтая; с юга на них натравили их соперников, замиренных тюрков-ойгуров Пятиградья, с востока и севера – их смертельных врагов, лесных татар и дикарей-тунгусов. Гуинг-Ну попытались проложить себе путь вдоль верхнего Иртыша; они дали битву, но потерпели поражение. Некоторые племена прорвали неприятельскую цепь, бежали в степи и отправились к кипчакам просить об усыновле-

нии или же сделались беглецами, смешавшись с другими казаками и киргизами; последних мы встретим позднее между *Яиком* (Урал) и *Итилем* (Волга), затем на Кубани, потом на Дону, и, наконец, на Дунае. Они будут господствовать над финнами, населяющими плоскогорье Иогур (верхняя страна) между Яиком и Итилем и, под названиями гуннов, гуннов-иогуров (гуннигуры), абаров (авары), мадьяров, будут водить их в далекие походы, пока не выступит на сцену само ядро нации, и восточные летописи наполнятся известиями о печенегах, узах, кубанах, или куманах, пришельцах с Кубани, и туркменах, или турках с Терека. Остальные Гиунг-Ну были большей частью рассеяны и истреблены ойгурами, китайцами, татарами, тунгусами; горстка нашла убежище в ущельях и котловинах Алтая, удержалась там и размножилась. Когда четыре века спустя их потомки выйдут из Эркене-Кун под предводительством Серого Волка и Кузнеца, само имя их предков уже будет забыто: то будут уже не Гиунг-Ну, а *Ту-Киу*, тюрки.

Пан-Чао дошел до Каспия; он уже готовился идти на парфян, а затем и на Рим, когда император отозвал его.

Движение тюрков на запад. В начале V в. часть кипчакских тюрков, владевшая страной между Уралом и Волгой и господствовавшая над финно-угорскими народами Иогура, враждовала между собой из-за обладания обширной равниной от Волги до Дуная, где их передовые ряды, известные европейцам под названием гуннов, уже ранее прославились и обогатились. Их излюбленные сборные пункты – степи к северу от Кавказа, луга по Кубани и Тереку и холмистая местность между Волгой и Камой. Отсюда, смотря по колебаниям военного счастья, они или бросаются на запад во главе подвластных им мешеряков, башкиров, болгар и аваров, или, будучи вынуждены сделаться казаками, бегут в долины Кавказа, в азовские болота, и покоряют себе А-Су, как называют их китайцы, или *аланов*, как называют их европейцы, – современных осетин или азиатов. С V в. среди этих кипчаков появляются канкли и калатши. Первые были известны грекам под названием $\chi\lambda\iota\alpha\delta\alpha\iota$, $\chi\omicron\lambda\iota\alpha\delta\alpha\iota$, и позднее русским под назва-

нием *туркмены*. Вторых китайцы называли *ти-ле*, монголы – *телеутами*, греки – белыми гуннами, *эфтелитами*, иранцы – *абтелитами*, то есть береговыми тюрками. Эти белые гунны, или береговые тюрки сплотили воедино тюрко-финнов и кипчаков, обитавших между Дунаем, Кавказом и Волгой, ойгуров Нан-лу и Пе-лу и тюрков в прямом смысле – канкли, калатшей и карлуков, обитавших в китайских марках. С последними они боролись в VI в. из-за обладания персидскими марками. В то время кончилась их победоносная борьба с Персией, продолжавшаяся более века и значительно ослабившая их.

Иран и Туран; борьба между персами и тюрками. В Иране национальная революция заставила парфян уступить место сасанидам. Тюрки сильно ненавидели сасанидов. Железная преграда закрыла тюркам, как во времена Ахеменидов – сакам и массагетам, доступ в марки Согдианы и Гиркании, дороги на юг и запад. Сасаниды хотели сами господствовать, завоевывать и защищать себя. Их тяжело-вооруженное рыцарство, так называемое *мобед*, обходилось без тюркских наемников и поддерживало против них культурное население обширных долин к северу от Амударьи и Сырдарьи; и это происходило в то самое время, когда могучий Китай под властью Ханьских императоров наиболее сильно теснил Гиунг-Ну, оставляя им выбор между смертью и покорностью. Те, которые не хотели сделаться подданными Китая, с яростью бросались на сасанидов, стараясь отбить у них марки. Борьба тюрков с сасанидами составляет содержание персидской национальной эпопеи «Шахнаме», «Книга о царях», описывающей войны Ирана с Тураном. В конце концов тюрки удержали в своей власти персидские марки между Оксусом и Яксартой, грозя с тыла иранцам, которые в то время были поглощены своей борьбой с Римской империей и с молодой, тогда еще языческой, арабской державой. Удивительно, как империя сасанидов, теснимая врагами и с запада, и с юга, и с севера, не распалась в V в. Она получила подкрепление с востока, но лишь на короткое время. Остатки северных Гиунг-Ну, алтайские тюрки, вассалы Китая, изгнанные китайцами с их родины, – наполовину окитаившиеся варвары – двинулись на запад,

как некогда их предки под предводительством великого Пан-Чао. Под эгидой своего сюзерена, китайского императора, они восстановили сообщение через Пе-лу и Нан-лу между Китаем и Та-цинем, «великим Китаем Запада», Римской империей. В 552 г. повелитель ту-киу, которого китайцы называли Ту-Мен, – вероятно, *Дутумен* тюркских и монгольских легенд – повел свои войска через Пе-лу, отдохнул в Туркестане, затем напал на белых гуннов, или береговых тюрков и сразу покорил их. Вслед за этим походом он принял титул *Иль-хана*.

Его второй преемник расширил его завоевания. Его звали Мокан-ханом, и вначале он носил титул *текина*, младшего брата, или, как мы сказали бы, эрцгерцога. В его царствование было восстановлено единство империи Гиунг-Ну, но на этот раз – по почину Китая; притом, она была обращена фронтом к западу. Фактически Китай через своих тюркских вассалов граничил с Персией и Римской империей.

Анархия в Китае. Как в Риме возникновение христианства, так и в Китае появление новых религиозных сект повлекло за собой разложение старого социального строя. В 184 г. секта Тао-се возбудила грозное восстание Желтых шапок. В 194 г. один воин-авантюрист по имени Цао-цао усмирил мятеж, восстановил порядок и сделался диктатором. Его сын был императором Северного Китая, тогда как Южный Китай распался на два царства. Северная империя, заключенная между Великой стеной и Голубой рекой, могла держаться лишь с помощью южных Гиунг-Ну, тех, наполовину окитаенных Ханьскими императорами, тюрков, которые жили между Великой стеной и Желтой рекой. Начиная с 308 г. эти тюрки-китайцы занимают престол северной империи и быстро сменяются на нем. Как на далеком Западе, в Риме, так и на Дальнем Востоке варварские императоры защищают империю против других варваров.

Лишь в 589 г. было восстановлено единство империи, и видоизмененный буддизм принят китайской массой. Понятно, что в ту эпоху смут императоры Северного Китая, которые сами были тюрками или всходили на престол с помощью тюрков, действовали заодно со своими варварскими подданными и вассалами и что национальная жизнь

ожных Гиунг-Ну слилась с национальной жизнью Северного Китая.

Тюркская держава между Китаем и Восточной Римской империей; Иль-хан Мокан. В 562 г. Мокан властвовал над тюркскими народностями на всем протяжении от китайских марок, Нан-лу и Пе-лу, и от берегов Оксуса, которыми он владел, покорив береговых тюрков, или белых гуннов, до границ страны, населенной кипчакскими тюрками, то есть до Северного Кавказа и Волги. На востоке он победил тунгусов, *сиан-ни*, как называлось их главное племя, и оттеснил их к востоку от Байкала. В его руках находились пути сообщения между Китаем, Персией и Римской империей. Но его власть над этой массой народностей, ничем не связанных между собой, различных и по образу жизни, и по обычаям, и по религии, и по языку, была крайне непрочно. Чтобы удержать свои восточные и южные владения, Мокан принужден был искать помощи у Китая; для обеспечения своей западной границы он хотел завязать сношения с Римом (Рум, то есть Византийская империя), который в то время воевал со своими мятежными вассалами, кипчаками и аварами, и продолжал свою многовековую борьбу с исконными врагами тюрков, иранцами. С удивительной проницательностью этот алтайский варвар составил план союза между обеими великими империями – Восточным Китаем и *Та-цинем*, «Великим Китаем Запада», Римской империей, причем его собственная империя являлась бы соединительным звеном, а он и его тюрки – наемниками на службе союзников. Охранять мир между Желтой рекой и Дунаем, установить непрерывные сношения между Китаем и Римом, стать посредником между ними и приобрести решающий голос в мировой политике – таков был его грандиозный план, которого никогда не забудут его монгольские наследники. В VI в. этот замысел не удался вследствие непрерывных революций, волновавших Китай, и вследствие неразумного высокомерия византийцев. В 569 г. Мокан (греки называли его Дизабулом по его китайскому титулу Ти-теу-пу-ли) отправил посла к Юстину II с предложением заключить торговый и военный договор, но его попытка не имела успеха.

Тюркские племена и ислам

Кризис, вызванный проповедью ислама. Распространение христианства среди тюрков. Нашествие арабов на Туркестан. Арабы в Тибете и на границах Китая. Тюркские наемники на службе халифов. Завоевание Северного Китая маньчжурами. Две китайские империи: маньчжурская на севере, национальная на юге. Образование монгольской нации; династия Борджигинов. Отношения между монголами и обеими китайскими империями.

Кризис, вызванный проповедью ислама. VII в. был критическим периодом в жизни азиатских народов. Внеся смуту в империю сасанидов и в иранские государства, мусульманская революция направила в Персию, Малую Азию и Сирию часть тюркской иммиграции, которая до той поры шла неизменно старым скифским путем, к северу от Оксуса и Каспийского моря. Благодаря этому новое учение – ислам – распространилось вплоть до китайских марок Пелу и Нан-лу, что глубоко и навсегда изменило социальные и политические отношения между христианской Европой и Дальним Востоком. Они осложнились всеми затруднениями и недоразумениями, которые влечет за собой религиозный спор. Тюрк, естественный посредник между Китаем и Европой, сделался вооруженным защитником азиатской религии, враждебной религии европейцев, так что величайшие религиозные войны средних веков были направлены против Европы народами, не имевшими никакого повода питать вражду к христианству и очень мало заботившимися о той вере, представителями которой они являлись в глазах европейцев.

Распространение христианства среди тюрков. Христианство проникло в тюркские страны в IV в. через Хорасан и Трансоксанию. В 334 г. Барсаба был епископом Мерва в Хорасане. В 420 г. мервское епископство было обращено в архиепископство. Около 503 г. были основаны епископские кафедры в Герате и Самарканде. Патриарх Тимофей (718) обратил в христианство тюркского кагана Каракорума. Около 1000 г. тюрки-кераиты, жившие в глубине Гоби, приняли несторианство, которое занес к ним мерв-

кий митрополит Эбед Иисус. В Китае впервые начал проповедовать христианство в 635 г. какой-то сирийский монах, имя которого неизвестно; китайцы сохранили только его титул *раббан* в китайской форме *О-ло-нен*. В 638 г. император Тай-цунг издал указ в пользу новой религии и разрешил построить церковь в столице. Знаменитая двуязычная надпись Си-Нган-Фу (на китайском и сирийском языках) упоминает под 781 г., наряду с патриархом Мар-Хананом Иошуей (Иисус) и Адамом, епископом и папой *Цинистана*, то есть Китая, несторианского митрополита под его китайским именем Нинг-Шу.

В том же 635 г., когда святой император оказал гостеприимство сирийскому монаху, – это был 14 г. геджры – арабы рассеяли персидскую конницу при Кадесии. Тридцать лет спустя Персия уже молилась Аллаху, и арабская конница перешла через Оксус.

Нашествие арабов на Туркестан. Арабские отряды, образовавшиеся в Хорасане, шли при своих вторжениях в тюркские марки Согдиану и Фергану старой военной дорогой на Мерв и Балх, к югу от Оксуса. По ту сторону Оксуса сопротивление оказалось более упорным, чем можно было ожидать. Но вера играла здесь ничтожную роль. Главным условием, облегчившим торжество ислама, была чудовищная неурядица, господствовавшая в стране. Только в 94 г. геджры (712) арабы смогли построить первую мечеть в Бухаре, да и то вынуждены были сделать преступную в глазах мусульманина уступку – справлять богослужение на персидском языке. Еще долго правоверные шли здесь в мечеть не иначе, как вооруженными отрядами. Иранцы, бежавшие от их страшных копий в сражениях, подстерегали их у дверей мечети, в переулках, проходах домов и поражали камнями.

Христианское население Согдианы не было так уstraшено арабским нашествием, как тюрки. Если для раскольников зороастровой веры ислам с его юношеской свежестью являлся освободителем от ненавистной государственной религии, то для руководителей несторианской церкви, которые все были сирийскими арабами, арабы были соотечественниками. Внешний облик, нравы, язык, платье, образ

мыслей и во многих отношениях сама религия арабов были им знакомы и родственны. Ничего не уступив из несторианской догмы, эти христиане без колебания сделали выбор между официальным фанатизмом магов и энтузиазмом мусульман: будучи сами еретиками, они предпочли эту новую ересь, которая не уступала им в ненависти к огнепоклонству. Семитическое христианство не стало в оппозицию к семитическому исламу.

Арабы в Тибете и на границах Китая. Разноплеменные, большей частью пастушеские народы, обитавшие в нынешнем Тибете, в первой половине VII в. приняли буддизм, который здесь, в горных долинах и на почти недоступных плоскогорьях между Гималаями и Куэнь-Лунем, найдет себе прибежище и оплот. Тогда же тибетцы начали тревожить Китай. Обитая к юго-западу от Великой стены, на открытой границе Китая, они прервали сообщение между Китаем и Нан-лу. В конце VII в. они вторглись в Нан-лу, опустошили Шестиградье, затем внезапно обратились против китайцев, разбили их на берегу Голубого озера и через пролом в Великой стене прошли вверх по Желтой реке. Буддисты Шестиградья без сопротивления давали грабить себя этим благочестивым дикарям, которые отдавали десятую часть добычи монастырям Будды Маитрии и падали ниц перед алтарями в аббатствах лам. Этих суровых тибетских горцев, привыкших карабкаться по горам и ледникам, не останавливали ни Тянь-Шань, ни *Цонг-линг*. В 715 г. они без труда перешли через эти горные хребты, миновали *Терек-Даван*, (Сосновое ущелье), и спустились в Фергану, убивая и опустошая все по пути. Когда они явились перед арабами, вооруженные своими ятаганами и длинными палками с железным наконечником, хитрые мусульмане поняли, какую выгоду они могут извлечь из этих язычников для борьбы с остатками магов, с тюрками, упорствовавшими в своей солдатской субординации, и с могучим Китаем, к которому мусульманские проповедники и краснобаи, несмотря на все свои хвастливые речи, не решались приближаться без всевозможных мер предосторожности. Сделавшись сразу лучшими друзьями в мире, мусульманские авантюристы и буддистские разбойники прошли Терек-Да-

ван и вместе принялись осаждать цветущие тюркские и ойгурские города Нан-лу.

Тюркские наемники на службе халифов. На юге мусульманская анархия открыла тюркам новую дорогу в недоступные раньше персидские марки.

Военная эмиграция тюрков, до сих пор направлявшаяся на северо-запад, в кипчакские земли, теперь отклонилась к юго-западу, в Азербайджан, Закавказье, Малую Азию, Сирию, в мусульманские страны «румской» империи. Революция, доставившая престол Аббасидам, ускорила иммиграцию и углубила ее новое русло. По мере того, как они вступали на службу к мусульманам, эти тюрки, оказывавшие такое упорное сопротивление исламу на своей родине, мало-помалу подчинялись новой вере. Они ничего не понимали в ней – ни ее лукавства, ни ее догматов; принять ее было для них вопросом дисциплины, а следовательно и чести. Они становились мусульманами *sub specie sacramenti*. Присягнув на верность халифу, мусульманскому имаму, эти старые воины считали себя обязанными исповедовать его веру. А раз приняв ислам, они несли его без размышлений: о дисциплине не рассуждают. Тюрки вступили в «правоверную», суннитскую мечеть не как смиренные неофиты, а как рекруты, по-военному, не склонив головы.

Политика халифов по отношению к этим грозным авантюристам, без которых они не могли обходиться, состояла в том, что они предоставляли тюркам все, что последним удастся завоевать в западных марках; они отдавали им в лен земли, которые приходилось отнимать у римлян. Таким образом возникли в Северной Сирии и Малой Азии тюркские княжества – новые марки между владениями мусульман и христианскими странами. Священные походы тюркских кондотьеров против Рума с целью приобрести земли и замки в Анатолии, титулы и почет при дворе халифов с конца IX в. становятся непрерывными. Но место, которое освобождали в Иране и Трансоксании эти авантюристы, отправляясь искать счастья в Рум, тотчас занимали другие воины, такие же нищие, как их предшественники, но не менее их богатые надеждами и отвагой. Туркестан и китайские марки, откуда одни за другими шли эти голодные богатыри, казались не-

исчерпаемы. Со времени воцарения Аббасидов Иран и его марки, дезорганизованные арабами, кишели тюрками, искаателями должностей, пенсий, земель и богатых невест.

Раз пустив корни в стране, завладев множеством земель, захватив все военные должности, равно как и те, которые считались таковыми – потому что от других должностей они отказывались, ничего не понимая в них и считая их унижительными, – они при первом удобном случае свергали туземное правительство и ставили на его место своего военачальника. Так достигли власти великие кондотьеры Газневиды, завоевавшие Индию, и сменившие их сельджуки, покорившие своей власти халифат и Малую Азию.

Завоевание Северного Китая маньчжурами. В том самом 1004 г., когда великий Газневид Махмуд отправился в Индию, тюркский народ кара-хитай с Леао овладел Китаем. Этот народ обитал в нынешней Маньчжурии; но многие из них, по неизвестным нам причинам не имея возможности поселиться в Китае, вынуждены были еще до XI в. уйти на северо-запад, в степи, и сделаться казаками. Улус, которому в X в. принадлежала гегемония над хитаями, носил эпитет *кара*, черный, а родовое имя его наследственных вождей писалось по китайской орфографии Ие-Лу.

Во время смут, предшествовавших падению Танской династии, фамилия Ие-Лу оказала некоторые услуги китайской партии, особенно на севере. Они удовольствовались скудным вознаграждением – небольшим феодем города Иен с окрестностями. Когда Ие-Лу официально принял протекторат над Пе-Че-Ли, окруженный стенами Иен сделался их столицей; китайцы называли его *Пе-кин* (Пекин), Северная столица. Страна нуждалась в спокойствии и поэтому без большого сопротивления покорилась власти Ие-Лу. В начале XI в. эта фамилия управляла Китаем до Голубой реки; из всех тюрков Ие-Лу были единственными, о владычестве которых китайцы вспоминали с благодарностью. К югу от Голубой реки национальная династия Сонг кое-как объединила вторую половину империи.

Маньчжурские тюрки не осмелились заменить китайскую династию своими наследственными князьями. Они держали в своей Северной столице, Пекине, призрак святого

императора, как их сородичи сельджуки в ту же эпоху сохраняли в Багдаде синекуру халифа. С 1101 по 1125 г. фиктивным императором Северного Китая был Тиен-Цо; действительный император, тюрк-хитаи, назывался Ие-Лу-Та-Ши. Этот тюрк, подобно своим западным соплеменникам, покровительствовал наукам и сам был ученым; китайские летописи сообщают, что в 1115 г. он выдержал испытание на звание доктора¹. Он принадлежал к академии Ган-Линь и сам основал академию *Линь-Иа*. Однако этот китайский академик вполне сохранил черты тюркского характера. Когда тунгусы Ниу-чи², предки нынешних маньчжуров, вторглись в империю, овладели Пекином и основали династию Кинь³ («Золотую»), «великий доктор», успевший уже сменить трех императоров, нисколько не смутясь, свернул шею китайским министрам, составившим его гражданский кабинет, затем сел на коня и вместе со своей дружиной отправился на северо-запад, в киргизскую степь, чтобы начать жизнь казака (1120). В Пе-лу беглец был встречен с энтузиазмом. На общем собрании он образовал союз из вождей семи городов (оседлые тюрки) и восемнадцати улусов (кочевые тюрки) и заставил провозгласить себя *кур-ханом* (ханом-военачальником).

Оказалось, что академик и политик Ие-Лу также искусно владел саблей, как кистью, орудием письма. Он был самым замечательным полководцем своего времени. Правда, он точно знал, чего хотел, и тюркская масса понимала его. До сих пор тюркская иммиграция в Иран носила спорадический характер; теперь решено было двинуться всей нацией. Вся страна, — как запад, так и восток — должна была перейти во власть тюрков; они достаточно поработали за нее, защищая ее от врагов. Им должна была принадлежать вся земля, где только звучала тюркская речь. Увлекая одних за собой, других сокрушив, кара-хитаи быстро овладели Пе-лу, Нан-лу и его Шестиградьем, где ойгуры — буддисты, христиане и язычники — покорились им без сопротивления. Мусульмане не сме-

¹ По-китайски *ши. Та-ши* значит «великий доктор».

² Их называли тогда по-разному: джу-чи, чорча.

³ Это китайское название, а по-монгольски — Алтун-ханы.

ли противиться этим завоевателям, которые говорили на их языке и называли себя их соплеменниками; в глубине сердца они предпочитали их своим единоверцам-таджикам (иранцам) и усвоившим иранскую культуру тюркам Трансоксании, но старались скрыть эти чувства, чтобы не навлечь на себя обвинения в нечестьи. Этот внезапный успех кара-хитаев поставил последнего Сельджукида Средней Азии, благородного и несчастного султана Санджара, в безвыходное положение. Будучи тюрком в глазах иранцев и персов, в глазах северных и восточных тюрков, ненавидевших всякого, в чьих жилах текла хоть капля персидской крови, что мог сделать Санджар, вассал халифа? Западные крестоносцы отлично понимали, какой страх внушает мелким сельджукидским султанам, которых они принимали за независимых государей, страшная тюркская масса, напиравшая с Востока. Каждое движение в Средней Азии заставляло дрожать южных атабеков и римским султанов на Западе. В 1141 г. несчастный султан, последний из Сельджукидов, господствовавший на исконной тюркской территории, потерял свою последнюю битву против Кур-хана. В это самое время возникла новая тюркская держава – хорезмская.

Две китайские империи: маньчжурская на севере, национальная на юге. В то время, как китайские тюрки, кара-хитаи и ойгуры и иранские тюрки, каикли и калатши, поделили между собой Азию, маньчжуры утвердили свою власть в Китае. Китайцы называли их *ниу-чи*, тюрки и монголы – *чорча*. Сами ниу-чи называли свое племя, в зависимости от наречий, *айсин* или *айджин*, золотым, что китайцы переводили словом «кинь». Свою китайскую державу они называли *Айсин-гурун*, Золотой оградой¹. В 1120 г. повелитель ниу-чи прошел ущелья, ведущие в Печели, и овладел Иеном, то есть Пекином; в 1153 г. его преемник перенес туда свой золотой шатер. Он владел Китаем до Ианг-це-Кианга. На юге царствовала династия *Сонг*, столицей которой был Ганг-чеу. Реки Гоаи и Ган составляли

¹ Это название было усвоено позже монгольской династией, господствовавшей над Дешти-Кипчаком и Русью; отсюда – Золотая Орда. Слово «ограда» надо понимать в смысле «дворец, резиденция».

границу между обеими империями. Чтобы обеспечить себя против нашествий со стороны ниу-чи, сонгские императоры постарались приобрести союзников на крайнем севере; на их призыв откликнулись бедные князья, жившие на те скудные доходы, какие приносили им их стада, охота, война и покровительство над торговыми гильдиями и городами. Первым предложил свои услуги один из вождей тюрков-кераитов. Он владел клочком земли близ Алмалика (Яблоневый сад), торгового города в Пе-лу, населенного тюрками-христианами. Он привлек к себе в товарищи своего сводного брата и родственника по женской линии, Есугея, носившего военное прозвище *Багатур*, смелый, отважный. Спустя лет десять после заключения этого союза, в 1162 г. у Есугея родился сын, которому он дал имя *Темучин*.

Образование монгольской нации; династия Борджигинов. Фамилия Есугея играла очень видную роль среди бедных народов, обитавших к северу от китайских марок, между Сунгари и Иртышом. Его предков называли *Борджигинами*, «зеленоглазыми». Буддистская монгольская легенда так рассказывает чудесную историю их происхождения. *Добо Мерген* женился на безгрешно зачатой деве *Алан-Гоа*, имел от нее двоих сыновей и затем умер. Оставшись вдовой, Алан-Гоа была посещена сверхъестественным существом, зачала и родила троих сыновей. От третьего из них и пошли Борджигины. «Потомство этих трех братьев было прозвано *Нирун*, “безгрешно зачатые”, ибо, по монгольскому верованию, они были рождены от света». По мусульманской легенде призрак был архангел Гавриил, принявший вид солнечного луча. Некоторые генеалогии производят Борджигинов и Сельджукидов от общего отца *Бугу*, Олень, и от общей матери *Гоа*, Лань. Предания тюрков-мусульман и монголов-буддистов одинаково производят Боржигенов от легендарного родоначальника тюрков, *Бюрте-Чене*, Серого Волка.

Монгольские племена и улусы приблизительно до 1000 г. входили в состав тюркских империй – сначала империи южных Гиунг-Ну, затем северных Гиунг-Ну, затем Ту-Киу (545–745) и, наконец, восточных ойгуров. В XI в., когда западные ойгуры, канкли и калатши стали все более и более направлять

свою деятельность на Запад, предоставляя Восток тюркам карахитаям, эти монгольские племена и улусы начали вести независимое существование, группируясь вокруг так называемых *нирунских* (чистых, славных) фамилий, в союзе с теми из тюрков, которым не удалось утвердиться на Западе. Революция XII в., изгнавшая тюрков карахитаев из Китая и доставившая власть ниу-чи, способствовала окончательному освобождению монголов и тюркских племен на севере от Китая. В XII в. как монголы, живущие в стране между Селенгой и Орхоном, так и их соседи, тюрки, кераиты, найманы и карлуки, являются уже вполне независимыми.

Отношения между монголами и обеими китайскими империями. Нуждаясь в средствах к существованию, эти тюрки и монголы обратились к своему старому кормильцу, Китаю, с просьбой о помощи и покровительстве. О Северном Китае нечего было и думать; в Пекине царствовал император «Золотой ограды», *Ниу-чи*, или, как они его называли, *Чорча*, — их наследственный враг. Они обратились к законному властелину Китая, к императору из национальной династии *Сонг*, царствовавшей к югу от Голубой реки. Если бы святой император пожелал, ему стоит лишь приказать, ибо он их отец и мать; они, его дети, будут воевать за него с еретиками, недругами, мятежными рабами; взамен пусть он даст им должности, жалованье, хлеба и шелковых тканей. Так клялись эти монгольские и тюркские князья, нищие потомки Серого Волка, архангела Гавриила, чистого Оленя и безгрешно рожденной Лани. Китайцы были знакомы с ними с давних пор и хорошо знали их привычки. Эти голодные кондотьеры всегда обещали и никогда не исполняли своих обещаний. Они сулили привести грозные армии — 20–30 тысяч человек, вооруженных с ног до головы; но получив задаток, они приводили какую-нибудь тысячу разбойников, которые исправно грабили дружественную страну и всячески уклонялись от сражений. Китайцы требовали гарантий, и ни один тюркский или монгольский князь не получал от них ни гроша, пока не представлял ясных доказательств своей военной силы; случалось, что эти бедняги дрались между собой, чтобы доказать китайцам свою пригодность для военного дела. Как только император соглашался принять их на свою службу, монголы, тюрки,

кераиты, найманы и карлуки мирились и бросались друг другу в объятия; наконец-то они получили работу, за которую им заплатят! В маньчжурских хрониках, которые вошли в компиляцию, составленную в XVII в. и носящую название «Истории трех царств», о монголах не упоминается ни разу до великой войны 1209 г.; зато южнокитайские летописи начиная с 1230 г. полны известий об их подвигах в борьбе с Ниу-чи. По этим летописям, монголы в 1147 г. нанесли императору «Золотой ограды» Ги-Цонгу (*Дан-Гола* у маньчжуров), такое страшное поражение, что он признал за их вождем титул царя и уступил ему часть территории Ниу-чи. По словам маньчжурских летописцев, это Ги-Цонг был очень дурной государь: «В пятом году *Гоанг-Тонга* (1145), в пятом месяце, Ги-Цонг снова начал пьянствовать со своими офицерами и пил без конца. Чиновники не смели больше удерживать его. Он велел умертвить законную императрицу и отнял жену у одного из своих генералов. Немного спустя он послал одного из приближенных убить одну из своих жен». В припадке пьяного бешенства он велел казнить собственного сына.

Нетрудно поверить, что этот безумный пьяница, ненавидящий своему собственному народу, понес те поражения, о которых сообщают китайские хроники.

Чингисхан и монгольская держава

Молодость Темучина; его мать Олунь-Екэ. Первые войны Темучина. Победа над тайджитами. Военное устройство. Новые успехи Темучина. Темучин на службе у кераитского царя и Китая. Поражение Темучина племенем солонго; потрясение монгольской державы, затем ее укрепление. Поражение и подчинение кераитов. Подчинение онгутов, найманов и прочих. Темучин принимает императорский титул. Приготовление к войне с Китаем. Завоевание Северного Китая. Столкновение с Хорезмской империей. Разрушение Хорезмской державы. Завоевания на Западе: Кавказ, Кипчак, Русь. Восстание в Хорезме. Последние годы Чингисхана.

Молодость Темучина; его мать Олунь-Екэ. В 1162 г. монголы и кераиты были в свою очередь разбиты

маньчжурами. В том самом году родился Темучин, будущий Чингисхан. После того поражения Сонгские императоры отказались платить жалованье кераитам и монголам; последние вскоре примирились и подружились с маньчжурами, так что 30 лет спустя Темучин является наемником императора «Золотой огады».

В юности он прошел суровую школу. Он был старшим из пяти братьев, рожденных от той же матери; ему было лишь 13 лет, когда умер его отец. Эта ветвь Борджигинов называлась Киат (лавины). Согласно тюркскому и монгольскому обычаю, наследственный домен унаследовал самый младший из братьев. Тринадцатилетнему мальчику приходилось командовать конницей, держать в покорности буйных родственников и союзников, управлять 30 тысячами кочевых семейств, главный промысел которых составляла война; пятилетний ребенок являлся хранителем национального святилища и домашнего очага. Естественно, что государство, с таким трудом сколоченное кондотьерами, должно было скоро распасться. Едва окончился срок траура по Есугее, как улус *Тайджиут* покинул царскую ставку, куда его знать была призвана, без сомнения, для участия в погребальных церемониях. Три четверти остальной знати последовали за тайджиутами. Только четвертая часть осталась верна: «Половина улуса *Мангут* и части других улусов – из которого двести, из которого сто, пятьдесят, десять или даже пять семейств».

В тот критический момент, когда государство готово было разложиться, вдова Есугея обнаружила удивительное присутствие духа. Она велела сесть на коней тем немногим воинам, которые остались верны ей, сама стала во главе их, взяв в руки знамя покойного мужа, и пустилась в погоню за изменниками. Большинство их уже скрылись и рассеялись во все стороны, спеша добраться до своих юрт и приготовиться к защите. Она настигла лишь оставшихся позади, тех, которые не так торопились и которым нечего было прятать. Когда эти воины увидели вдову в ее траурной одежде, верхом на боевом коне, с военным знаменем в руке, которое не раз вело их в битвы, их сердце дрогнуло, они повернули коней и последовали за своим старым знаменем. Вдова привела их к усть-

ям Онона, на холм *Делигун-Булдак*, где были водружены «знамя о девяти белых концах», военная эмблема нации, и «знамя духа-покровителя Борджигинов, о четырех черных концах», религиозная эмблема Нирунов. Той же сильной рукой, которая так мужественно держала знамя, эта вдова, «жена чести, совета, разума и холодной решимости», взяла бразды правления. Ее семья была в родстве с маньчжурскими императорами «Золотой ограды» или с одним из их савновников, потому что к ее имени *Олунь* прибавляли китайский титул *Фу-джин*. «На языке хитаев, – говорит Абуль Гази, – это значит то же, что *хатун* по-монгольски, а именно: госпожа дома и владений», или, как мы сказали бы, вдовствующая государыня. Впоследствии монголы называли ее сначала Олунь-Екэ, то есть великая, а потом Эуге-лене-Екэ, мать генеалогии или народов, нечто вроде императрица-мать.

Есугей сделал перед смертью все возможное, чтобы обеспечить будущность юного Темучина, его братьев и подданных. Прежде всего, он припас для него новую фамилию на случай несчастья: он «выпил клятву» с внуком Маргуза, властелином крещеных тюрков-кераитов. Они сделались «братьями». Этот государь носил военное прозвание *Тогруль*, Рубака.

Обеспечив Темучина с запада, он на востоке подготовил союз с могущественной династией Кунград, господствовавшей над тюрками, татарами и засунгарскими маньчжурами: он обручил Темучина с Бюрте-Джуджин, дочерью одного из кунградских князей, которого звали Дай-Сеценом. Невесте было лишь 9 лет. Свадьба была отпразднована в 1182–83 гг., когда Темучину исполнилось 17 лет. Благодаря этому браку Кунграды вступили в монгольскую конфедерацию.

Собрав вокруг своего сына всех, кто готов был поддерживать его, и вокруг боевого знамени всех, кто был способен защищать его, вдовствующая государыня осмотрелась. Союз с Кунградами, без сомнения, принесет пользу, когда сын подрастет, но как быть до тех пор? Обратиться к помощи кераитов было бы опасно. Тогруль имел взрослого сына по имени *Сенгун* и в качестве анда мог вздумать предъявить свои права на наследие Есугея. Надо было устроить так, чтобы юноша сам мог защищать себя против всех опасностей и чтобы

его защитник никогда не мог сделаться его соперником, претендентом на его престол. Она нашла такого защитника. Это был человек знатного происхождения по имени *Минглиг*. Монголы почтительно называли его *Эчигэ*, Отцом. У этого досточтимого Отца, или святого Минглига был сын-чародей; его звали *Кеукче*. Рассказывали, что он взлетал в небо верхом на лошади цвета туч и что он был в дружбе с *Тангри*. Забрать в свои руки святого и его сына-чародея значило овладеть святилищем, поставить Темучина под покровительство религии. Как только окончился законный срок вдовства, Олунь вышла замуж за Минглига-Эчигэ. Теперь юный Темучин мог спокойно играть в солдаты: она обеспечила за ним знамя; она отдала в его руки святилище.

Первые войны Темучина. Сын оказался достойным своей матери. Его жизнь до 32-летнего возраста была полна всевозможных испытаний; он выпил горькую чашу до дна. Его поддерживали два доблестных друга, которые, по словам привлекательного своей простотой Абуль Гази, «дали ему вкусить и сладкого, и горького». Это были: его суровый брат, *Джуджи Хассар*, Джуджи Тигр, и его верный товарищ, *Богорджи*, сын Наго Богатого, главы могущественной фамилии *Арладов*, которая считалась среди монголов наиболее знатной после Борджигинов. Родня и соседи со всех сторон набросились на жалкие остатки наследия Есугея. Наибольшее ожесточение обнаружили тайджиуты, вождь которых называл себя законным наследником государства по праву рождения. Рядом с ними выступил другой улус Нирунов – *джуираты*. Их вождем был *Джамука* по прозвищу Джичин, «хитрый, красноречивый», искусный интриган, умевший уговорить всякого.

Тайджиуты и джуираты с яростью преследовали Темучина. Но между ними не было согласия, и это спасло его. Много раз, потерпев неудачу, он вынужден был бежать в пустыню и скитаться, как казак, ежеминутно рискуя наткнуться на цепь врагов или засаду. Но он всегда действовал, как властелин. Он умел внушать уважение как друзьям, так и недругам. В самые критические минуты он ни у кого не просил помощи, а властно требовал ее, как законной дани, должной его дому. Победенный, беглец, он по-

всюду, куда бросала его судьба, говорил языком повелителя, требовал законных повинностей, подати натурой, десятины с четырех видов скота (лошадей, верблюдов, быков и овец), личной воинской повинности по одному человеку с каждой семьи туземного населения и отряда в сто человек на каждую сотню семейств со своих союзников.

Монгольская легенда, очевидно, преувеличивает бедствия Темучина, чтобы возвысить своего героя путем контраста между его минувшими невзгодами и позднейшим величием, а также, чтобы приписать ему буддистские добродетели – готовность жертвовать собой и идти навстречу испытаниям. Из истории его юности она сделала целый роман. Она рассказывает, что Темучин был взят в плен своими врагами тайджиутами, которые надели на него деревянный ошейник; он бежал, попал в болото и увяз в тине «до ноздрей». В действительности же он, благодаря своей настойчивости, благодаря религиозной поддержке Минглига и Кеукче, доброжелательному нейтралитету Кунградов, помощи Арладов, преданных его другу Богорджи, и благодаря раздорам между своими врагами, сумел удержать в своей власти страну между Ононом и Керуленом, не прибегая к опасному заступничеству кераитов. В 1189 г., 27 лет от роду, он получил от Арладов на Керуленском лугу сан кагана, «императора», и принял титул *Суту-Богдо*, Богданный (или Сила неба, Сын неба).

Победа над тайджиутами. До или вскоре после провозглашения его каганом, во всяком случае около 1188 г., Темучин успел настолько собраться с силами, что решился дать битву тайджиутам и их союзникам. Сражение произошло при Балджуна-Булаке (источники Балджуна), небольшом притоке Ингоды, к западу от Онона. Оно было очень упорно; 6 тысяч союзников осталось на поле битвы. Это была первая большая победа монголов.

Военное устройство. В той битве Темучин разделил свою конницу на отряды по тысяче человек в каждом. Деление по тысячам в верхней Азии в 1188 г. было нововведением, настоящей революцией в области тактики. История Золотой Орды сохранила нам подробности военной организации и тактических приемов, которые господствовали в XII в. у

маньчжуров, и следовательно, также у тюрков и монголов. В коннице, составлявшей большую часть национальных армий, боевой единицей был отряд в 50 человек, который строился в пять рядов, так что во фронте находилось 10 человек. Воины первых двух рядов носили доспехи из блях, скрепленных ремнями, на японский манер, или чешуйчатые железные корсеты. Кроме национального оружия – лука и изогнутой сабли, они носили копья, которые часто снабжались крюками, прикрепленными к наконечнику. Их кони были защищены латами. Оборонительное оружие трех последних рядов состояло из воощенных кож или кольчуг; они сидели на более легких и незащищенных конях и вместо копий носили дротики. Из этих взводов по 50 человек составлялись эскадры в 500 и полки в 5 тысяч человек. Расположив свои полки пятью рядами по тысяче человек, Темучин сделал боевой единицей сотню воинов и удвоил свой фронт.

Новые успехи Темучина. Первым результатом победы при Балджуна-Булаке было отпадение джуиратов от конфедерации. Джамука лично явился к Темучину, чтобы извиниться перед ним и изъявить покорность от имени своих людей.

С 1189 по 1193 г. Темучин медленно и терпеливо, то посредством оружия, то путем переговоров и браков, утверждал свою власть над тюркскими, монгольскими и татарскими народами, обитавшими к северу от Гоби, между Керуленом и Селенгой, к югу – до пустыни, к северу – до Ингоды. Далее к северу, по обеим сторонам Байкала, ему еще долго приходилось бороться со своими старыми врагами, тунгусами *мергед* (стрелками), собравшими вокруг себя остатки тайджиутов, и с недовольными элементами тех раздробленных племен, которые он по частям вводил в состав будущей монгольской нации.

Темучин на службе у кераитского царя и Китая. В 1193 г., после стольких лет терпеливой работы и выжидания он в первый раз решился на внешнее политическое предприятие. С той удивительной проницательностью, которая составляет отличительный признак его гения, он выбрал маленькое дело, соответствовавшее его силам, но обещающее верный успех, притом дело, которое могло служить

Чингисхан

исходным пунктом для других, более широких предприятий. Когда он в 1193 г., еще не упрочив своей власти над народом, составленным из обломков племен «по сто, десять и пять семейств», и окруженный подозрительными союзниками и грозными врагами, задумал предложить свои услуги императору «Золотой огады», он сделал это, конечно, в расчете на будущее.

В этом году император «Золотой огады», ввиду вспыхнувшего в марках мятежа, ввиду недовольства китайцев и изнурения маньчжуров, прибег к старому, наиболее дешевому и быстрому средству – к найму тюркских отрядов. Он сторговался с христианином-кераитом Тогрулем. Последний начал собирать войско; но он сам находился в очень стесненном положении благодаря распре со своими западными соседями тюрками-найманами, которые владели долиной Иртыша, нижним Алтаем и дорогами, ведущими в Пятиградье, и распались по вероисповеданию на три группы – последователей буддизма, христианства и манихейской формы старой национальной религии. Темучин воспользовался случаем и в качестве почтительного и преданного приемно-

го сына предложил свои услуги анда своего отца. Наемники действовали энергично, потому что «Золотой» император щедро платил. Темучин получил китайскую грамоту на звание «полководца против мятежников», а, может быть, и свой ученый титул *Дай-Минг*¹, который он носит в монгольской легенде наряду с прозваниями *Суту-Богдо*, Сын неба, и *Чингис-каган*, «Непреклонный император», или самодержец. Тот факт, что Темучин исходатайствовал себе китайское ученое звание, несомненно показывает, что он уже тогда замышлял дальнейшие предприятия в Китае. Кроме титулов он получил, конечно, и изрядное вознаграждение, и подарки.

Еще больших отличий удостоился Тогруль в качестве официального верховного вождя; он получил титул *Уанг*, «король», которое исключительно и носил до смерти. Мусульманские летописцы переделали это слово, согласно тюркской фонетике, в *Онг-хан*. Так как легенда о «священнике Иоанне» первоначально была связана с историей этого кераита, то можно думать, что имя Иоанн возникло по созвучию со словом «Уанг», если только Тогруль действительно не получил при крещении имени Иоанн, в чем нет ничего невероятного.

Поражение Темучина племенем солонго; потрясение монгольской державы, затем ее укрепление. Спустя короткое время, Темучин решился на отважное предприятие. Он напал на одно из коренных маньчжурских племен – солонго. Если бы он одолел их, то все тюркские народы крайнего Востока, Кунграды, из которых происходила его жена, и особенно кара-хитая с Леао, прежние владельцы Пекина и Северного Китая, восстали бы и отдались бы под его власть; северные тюрки покорились бы ему, и он выступил бы за них мстителем против маньч-

¹ Доктор словесных наук, бакалавр, по-тюркски *Тай-джи*. При Киньской династии штатские и военные чины смешались. В этом самом 1193 г. император приказал, чтобы «ниу-чи, сдав экзамен словесных наук и получив звание доктора, были обучаемы стрельбе и военным приемам, если обладают нужными качествами, и затем помещались в первые ряды» (Золотая империя, с. 181).

журов; еще шаг – и Северный Китай открыт, Пекин в его руках. Но он поторопился. Он не рассчитал своих сил и потерпел жестокое поражение (1197). Полумертвый он был унесен своими приближенными с поля битвы.

Государство, основанное с таким трудом, сразу рухнуло. Еще раз «мать народов, жена почета» привела все в порядок. Будучи уже дряхлой старухой, она снова взяла знамя, села на коня, собрала остатки армии, убеждала, умоляла, говорила о своем муже Минглиге, о святом Кеукче. Доблестный вождь Мухули выступил против врага, остановил его и наконец прогнал обратно. В суматохе, когда солонго вторглись в страну между Керуленом и Ононом, один мергедский вождь тайно увез жену Темучина, Бюрте Джуджин. Спустя девять месяцев, она вернулась и родила Темучину его старшего сына, которому дали имя Джуджи. Чингисхан всегда относился холодно к этому незаконнорожденному сыну; он не мог равнодушно видеть его; но его твердый ум заставлял его уважать в ребенке преемника своей власти с той минуты, как он признал его своим наследником. Он не лишил его наследства в пользу своих младших, законных сыновей.

Перед кераитским царем он держался смиренно, униженно; победив мергедов, он послал ему отнятую у них добычу, как десятину, как дань, почти как налог; он признал себя его сыном, его вассалом, дал ему клятву на подданство и верность. В сердце Сенгуна, родного сына этого царя, накоплялся гнев, росла подозрительность и ревность против этого случайного брата, навязавшего их дому свое родство. Нет сомнения, что Джамука, вождь джуиратов, подстрекал Сенгуна против Темучина, подготавливая разрыв, погубивший позднее кераитов и положивший начало могуществу монголов. Темучин так смиренно ступал перед Уангханом, которого он поддерживал своим оружием и сын которого строил против него козни вместе с его непримиримым врагом Джамукой, что кераитский царь со всеми своими силами напал на северную конфедерацию, на мергедов. В местности, известной под названием *Букер-Герэ*, он наголову разбил их. Темучин тотчас воспользовался этой диверсией и послал против тайджиутов, джуиратов и дру-

гих монгольских конфедератов верного Богорджи, испытанного Мухули и молодых вождей, имена которых появляются теперь впервые, – *Кууулдара Хошигочи* (знаменосец) и двух других – *Джебе* и *Субутая*. С двумя последними мы еще встретимся позднее.

Тюрки, не стоявшие под непосредственной властью кераитского и найманского государей, все более сближались с Темучином, стараясь заручиться его покровительством. В 1199 г. он предупредил попытку к сближению между найманами и кераитами. Он увлек старого Уанг-хана в экспедицию против найманов, с умыслом действовал неискусно, чтобы поставить его в затруднительное положение, затем сразу вывел его из беды и опять предоставил ему честь победы и добычу. Между найманами и кераитами вспыхнула непримиримая вражда; их взаимная ненависть обеспечила Темучину безопасность с западной стороны. В течение двух лет была покорена вся страна, объединены все племена от Селенги до Амура, от Байкала до южной границы Гоби и до китайских марок вдоль всей Великой стены от ее северного края до южного. Остатки мергедов, джуиратов, тайджиутов, дурбанов и других племен бежали на северо-запад, увлекаемые неукротимым Джамукой и храбрым мергедским вождем, Токта-Беги. Император «Золотой ограды» не двинулся с места. Это был Чанг-Цонг, вполне окитаенный маньчжур, который не хотел и слышать о своих старых северных народах, интересовался исключительно литературой и экзаменами и беспрестанно кокетничал с сонгскими императорами. Он писал своему посланнику в Южном Китае: «Полный мир господствует между обеими империями; не подвергайте опасности наше могущество ссорами из-за ничтожных вещей».

Пока он старался обеспечить своим подданным драгоценные блага мира, Темучин тайно переманил на свою сторону его пограничную стражу – онгутов, открыто принял протекторат над Кунградами и подстрекнул к восстанию смертельных врагов Киньской династии, кара-хитаев с Леао.

Поражение и подчинение кераитов. Ввиду крупных успехов Темучина разрыв между кераитами и монголами сделался неизбежен. Сенгун уговорил своего отца, бесхарактерного старика, почти идиота, начать войну.

Сражение было очень упорно; при четвертой атаке неприятель прорвал ряды монголов. Диверсия Куиулдара дала им возможность собраться. Кераиты потеряли множество людей; Сенгун был ранен копьем в лицо и ушел с поля битвы. Темучин прорвал неприятельскую цепь, отступил в полном порядке по направлению к востоку и укрылся за Керуленом, где к нему присоединились и остальные его отряды.

На этот раз Кунграды открыто вступились за него. Их вождь Тугачар повел большое войско на помощь своему шурина. Темучин немедленно перешел в наступление. Кераиты потерпели полное поражение. Положение Уанг-хана в этой стране, которая четыре раза возмущалась против него, вообще было непрочным, а теперь, после такого разгрома, он не мог и думать о сопротивлении. В отчаянии старик отправился просить убежища у своего врага, такого же старика, как он сам, найманского царя, носившего китайский титул *Та-уанг* (великий царь), который тюрки исказили в *Тайанг*. Вассалы Тайанга, «опасаясь, что, если они приведут к нему Уанг-хана, он оставит ему жизнь», убили его и принесли его голову своему царю. Он сильно бранил их, говоря: «Как! Вы лишили жизни этого великого царя? Вас не тронул даже его преклонный возраст?» Он велел оправить голову в серебро и положил ее на трон.

Сенгун не осмелился вернуться домой; он бежал в Тибет, несколько лет скитался, терпя нужду, затем сделал попытку взять Хотень в Шестиградьи и здесь был убит.

Подчинение онгутов, найманов и прочих. В этом же 1203 г. Темучин открыто принял под свой протекторат онгутов и водрузил свое знамя к югу от Гоби, перед самой Великой стеной. Это был смелый поступок; но император «Золотой ограды» оставался безучастным зрителем. К востоку от страны найманов все тюркские вожди понимали, что господином положения является этот монгол, который не обращает внимания на китайского императора и обещает защищать против всех «наследие предков и их обычное право».

Эти пять лет (конец 1203–1208), от поражения кераитов до войны с Китаем, составляют наименее блестящую, но наиболее плодотворную эпоху в жизни Темучина. От 1203 по 1206 г. он спланировал свои народы, начал организовывать

империю и подготавливать свои великие завоевания. В 1203 г. у престарелого царя найманов явилось серьезное подозрение. Найманы владели северными марками Пятиградья и священными Алтайскими горами. Они были могущественные ойгуры Пятиградья и Шестиградья. Через северные степи они соприкасались с киргизами, с раздробленными племенами, с рассеянной и озлобленной конфедерацией врагов Темучина – мергедов, джуиратов и др. На востоке их владения граничили с туркестанскими марками, с могущественным государством хорезмских канкли, вождь которых, Магомет *Текеше* (Воитель), царствовал над Трансоксанией, Хорезмом, Персией и Ираком до границ Грузии, Армении, Рума и багдадского халифата.

Сын Тайанга, *Гушлуг*, или Кучулуг, Счастливый, после поражения маргедов дал у себя приют Токта-Беги и его войску. Когда затем были сокрушены и кераиты, Джамука, который сначала бежал к ним, также отправился к найманам. Гушлуг радушно принял его, как раньше его принял Сенгун, и Хитрый тотчас начал интриговать. Война грозила разразиться ежеминутно. Тайанг еще не успел соединить свои войска с отрядами своих союзников – мергедов, ойрадов и джуиратов, как Темучин уже выступил в поход. Авангардом командовал Джебе, при котором помощником состоял Субутай; первому было около 25 лет, второму – ровно 17. Оба были настоящие военные гении; Темучин со свойственной ему проницательностью тотчас заметил их и поставил во главе старых военачальников.

Битва произошла между нынешними городами Чугучаком и Уруцы. Она продолжалась с утра до ночи. Тайанг был смертельно ранен, его армия рассеяна и истреблена. Когда найманы увидели, что их старый царь упал, они унесли его на гору, через которую пришли, и спросили его, какие он даст приказания; «но он не промолвил ни слова». Тогда они снова спустились с горы и вернулись в битву. Пять или шесть раз Чингисхан говорил им: «Я оставлю вам жизнь и имущество; как благородные товарищи, вы исполнили все обязанности по отношению к вашему государю; итак, сдавайтесь!» Но они ничего не хотели слышать и легли все до единого. Гушлуг бежал к ойгурам, затем к их сюзерену, верховному

вождю кара-хитаев, могущественному Кур-хану, который радушно принял его и выдал за него свою дочь. Гушлуг был христианин; дочь Кур-хана, фанатичная буддистка, убедила его отречься от христианства и обратила в свою веру. Неукротимые Токта-Беги и Джамука бежали на северо-запад, к киргизам. Но на этот раз Темучин, будучи свободен в своих действиях, решился во что бы то ни стало доконать их; он преследовал их по пятам, обложил их со всех сторон и не давал им ни минуты покоя. «Не забывайте, что душа всякого дела состоит в том, чтобы оно было доведено до конца», – говорил Чингисхан своим детям на смертном одре. Часть мергедов покорилась добровольно; Темучин включил их в состав своей армии, преобразовав их полусотенные взводы в отряды из ста человек каждый по образцу монгольских. Не прошло шести месяцев, как от конфедерации не осталось и следа; одни покорились, другие пали с оружием в руках; остальные ушли казаками в степь, на северо-запад, или нашли службу и занятие у Кур-хана, у которого рядом со своим старым союзником Гушлугом нашел убежище и Токта-Беги. Джамука один продолжал борьбу, был взят в плен и казнен.

После поражения и смерти Тайанга его канцлер, освобожденный смертью своего господина от данной ему клятвы верности, перешел на службу к Темучину и передал ему государственные печати найманов. Китайское жизнеописание «великих людей монгольской эпохи» называет его *Та-та-тунг-Ко*. Ойгур по происхождению, он был первым по времени из своих многочисленных соотечественников, наполнявших монгольские канцелярии и занимавших большую часть административных должностей при Чингисхане и его первых преемниках. Темучин сделал его хранителем печатей и поручил ему преподавать ойгурский язык и ойгурское право своим сыновьям; позднее мы видим его канцлером при одном из них, Октая, который оказал ему великий почет, даровав ему по китайскому обычаю наследственный титул задним числом. Без сомнения под влиянием ойгурских чиновников монголы и маньчжуры окончательно приняли их национальный алфавит, заимствованный из сирийского; этот ойгурский алфавит одержал верх над китайским

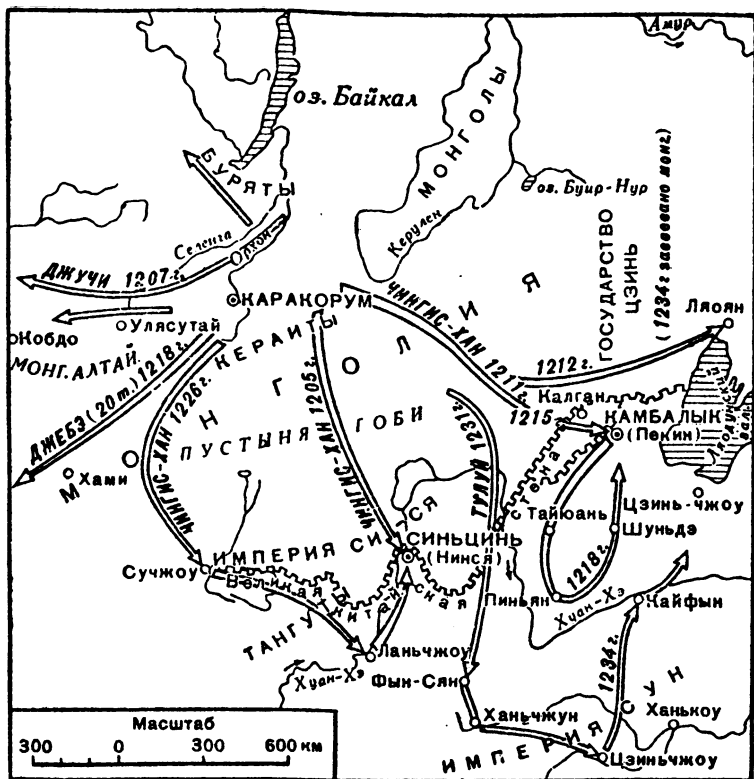
и совершенно вытеснил древнюю тюркскую азбуку, которая вскоре исчезла бесследно.

Темучин принимает императорский титул. Замыслы темучина относительно Пятиградья, Шестиградья и Трансоксании, обнаруживающиеся в его стараниях сблизиться с ойгурами и в его заботах об обучении своих детей их языку и литературе, побудили его перенести свою столицу далее на запад. В 1206 г. он решился осуществить свой план – перенести знамена своей фамилии и ее гениев-покровителей в древнюю тюркскую столицу Каракорум. Это был решительный шаг: водрузить свои знамена в Каракоруме значило восстановить древнюю империю Гиунг-Ну, значило принять императорский титул. И Темучин принял его. С той щепетильностью в соблюдении законных форм, которая характеризует его своеобразный деспотизм, он предварительно созвал *Курилтай*, общее собрание тарханов, то есть крупных феодалов. Этот национальный конгресс назначал *каганов* и *ильханов*, брал с них клятву верности и заставлял их подтверждать личные права каждого из своих членов. Но не этого изношенного титула, не этой ограниченной власти хотел Темучин. Ему нужна была самодержавная власть, ограниченная только раз навсегда установленным законом. Курилтай предоставил ее Темучину. До сих пор он был Суту-Богдо, Сыном неба; теперь он сделался *Чингисханом*, – непреклонным, непоколебимым, абсолютным, самодержавным господином. Он поклялся соблюдать закон, первым подчиняться ему. Эти законы назывались *ясаком* и *турой* – два тюркских слова, из которых первое обозначает «уложение», второе – «обычай, обычное право, устав». Темучин всю жизнь оставался точным исполнителем, неизменным рабом этого сурового военного «уложения», в котором были кодифицированы древние обычаи тюрков и монголов. Ни один деспот не соблюдал так строго договор, заключенный им со своими подданными. Худшие враги Чингисхана не могли указать в его величайших жестокостях ни следа произвола. Самые тиранические его поступки представляют собой буквальное исполнение «уложения» и «устава». Это признают все его современники: Жуанвиль и Марко Поло, обладавшие наиболее достоверными сведениями, видят в нем лишь строгого законодателя.

Единство, которое Чингисхан стремился установить в законодательстве и администрации, было осуществлено в народе естественным ходом событий. Курилтай, провозгласивший Темучина Чингисханом, – это собрание, в котором участвовало 19 тюркских и тунгусских народов и 26 собственно монгольских улусов, – представляло уже не федерацию племен, а однородную нацию, в которой автономия племен исчезла. Конечно, всякий помнил свою генеалогию, но это было его личное дело. В целом же они были уже не некрины, урмангуты, ойрады, тайджиуты, татары, мергеды, найманы, кераиты, барлассы, барины, арланы, джелаиры, а монголы, *голубые монголы*, первая нация мира. Это смело заявил им Чингисхан, когда на холме Делигун-Булдак, окруженный священными знаменами, стоя рядом со святым Кеукче, сошедшим с неба, он клялся перед Курилтаем соблюдать национальный договор: «Этот народ.., который, несмотря на мои невзгоды и опасности, неразрывно связал себя со мной против всех, – этот народ, который самоотверженно, готовый принять и радость, и горе, вооружил мою мощную мысль своей великой силой, – этот народ, чистый, как горный кристалл, который среди всевозможных опасностей до конца сопровождал своей преданностью каждое мое усилие, – я хочу, чтобы он назывался *Кеке Монгол* (голубые монголы) и чтобы он возвысился над всем, что движется на земле».

Снова поднять знамя империи Гиунг-Ну и ее наследницы, тюркской державы, значило то же, что объявить войну Северному Китаю, «Золотой ограде». Это понимали все.

Приготовления к войне с Китаем. Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы понять, что в 1207 г. прямая атака на жизненно важные пункты «Золотой ограды», то есть на Маньчжурию и Пекин, со стороны Каракорума или верхнего Орхона была невозможна. Со стороны Пе-лу Темучину грозили его непримиримые враги, Гушлуг и Токта-Беги, утвердившиеся в Пятиградье; область между Пятиградьем и Иртышом занимали непокоренные или покоренные наполовину, непостоянные и подозрительные племена, на которых никогда нельзя было положиться. При таких условиях Темучин не мог, конечно, и думать о далекой экспедиции в восточном направлении. Но на юге молодая монгольская нация мог-

Походы монголов в Китай в первой половине

ла предпринять какое-нибудь дело, сопряженное с небольшим риском и обещавшее верный успех и громкую славу; такое предприятие имело бы важные последствия; кроме того, оно представляло ту неоценимую выгоду, что самим фактом своего решения предпринять поход монголы успокоили бы киньских императоров, усыпили бы их бдительность, потому что этот поход был бы направлен против их врагов, а также приобрели бы расположение сонгских императоров, потому что монголы могли бы объяснить свое движение к югу желанием прорвать преграду, отделяющую владения Сонгской династии от тюркской территории. Предпринимая поход против империи *Гиа*, нынешней страны *тангутов*, к югу от

большого изгиба Желтой реки, Чингисхан сохранял неприкосновенными свои военные отношения, маскировал свои дипломатические действия, никого не тревожил и всем внушал доверие и надежду. Империя Гиа была кошмаром для своих соседей; в сущности она представляла собой не государство, а республику грабителей и разбойников, *refugium peccatorum* для всех негодяев – тибетских лесных разбойников, диких обитателей плоскогорий, тюркских шаек, китайских контрабандистов и преступников; это государство находилось в тесной дружбе с вождями свирепого народного бунта, вспыхнувшего незадолго перед тем в Китае, так называемого восстания «красных халатов». Все соседи желали избавиться от Гиа; исполнить это желание взялся Чингисхан к великому успокоению киньского императора, к великой радости сонгского, и с верным расчетом, что, овладев страной между Желтой рекой и Шестиградьем Нан-лу, он приобретет великолепную стратегическую позицию бок о бок с тем, и с другим.

В 1206 г. он начал войну. В 1207 г. он отнял у Гиа цветущий город, который китайцы называли Ву-ла-гаи, а другие Иргай, Эгригая, в китайской провинции Кань-Су. В следующем году он был уже достаточно обеспечен с этой стороны, чтобы нанести решительный удар с севера, чтобы осуществить наконец свой заветный план – овладеть той дорогой, которая привела бы его в прямое соприкосновение с Пятиградьем Пе-лу, с его дорогими друзьями, ойгурами. Гушлуг и Токта-Беги предчувствовали этот удар; оба похода Чингисхана на юг, против Гиа, не ввели их в заблуждение. Они сделали последнюю отчаянную попытку, мужественно начав наступательные действия в Пятиградьи (1208–1209). Они были разбиты на берегу реки, которую мусульманские летописцы называют *Джем*, – вероятно Имиля – близ Чугучака.

Вынужденный бежать из Пятиградья вследствие измены Барчука, вождя северных ойгуров, сопровождаемый проклятиями вероломных ойгуров, как мусульман, так и христиан, Гушлуг бежал в Нан-лу, в Шестиградье. Его жена, фанатичная буддистка, окончательно распалила в нем ярость; по словам мусульманских летописцев, он велел повесить перед кашгарским собором мусульманского муфти и распять перед

мечетью христианского епископа. Это было на руку Чингисхану, миротворцу для всех религий; все несторианское духовенство Шестиградья и Алмалика, вся восточная мусульманская церковь тотчас перешли на его сторону; буддистов он привлек к себе еще раньше, овладев, благодаря своим завоеваниям в стране Гиа, дорогами, которые вели в Тибет.

Но Токта-Беги был неукротим. После того, как Джамука умер, а Гушлуг бежал, он один продолжал борьбу на севере. Этому надо было положить конец. Чингисхан послал против него молодого Субутая, чем как бы признавал непобедимость этого 23-летнего генерала. Гениальный юноша так стеснил последнего национального врага своего господина, что заставил его уйти за Иртыш, где победил и убил его (1209). Север был окончательно завоеван, Сибирь и Великая степь покорены, военное и территориальное могущество монголов упрочено.

Завоевание Северного Китая. Теперь, наконец, у Темучина были развязаны руки для предприятий против Китая. Смерть северного императора Чанг-Цонга освободила его от военной и феодальной клятвы; при своей щепетильности в соблюдении законных форм он никогда не осмелился бы порвать с государем, с которым он был связан личными обязательствами, как наемник. По отношению к его преемнику он был совершенно свободен. Этот новый император Киньской династии (1208) скромно принял титул короля — *Уэй-Шао-Уанг*. «Он был высокого роста и имел пышную бороду; он был сдержанный и бескорыстный человек и мало обращал внимания на украшения и картины... Он послал официальное письмо монгольскому кагану Темучину, извещая его о своем вступлении на айсинский престол. Темучин спросил айсинского посла, кто такой новый король. Тот отвечал: «Уэй-Уанг». Темучин отвернулся, плюнул и сказал: «Неужели такой глупец, как Уэй, достоин короны? Неужели Темучин должен присягнуть ему на верность?» — Сказав это, он повернулся к нему спиной и сел на коня».

Чингисхан хладнокровно рассчитал свой удар; грубое оскорбление, которое он нанес императору «Золотой ограды», свидетельствует об овладевшем им нетерпении, о его стремлении как можно скорее начать борьбу, потому что оно про-

тиворечит его привычке. Забылся ли он или разыграл комедию, во всяком случае очевидно, что он хотел ускорить развязку. Но как бы искусно ни притворялся Темучин, император «Золотой огады» должен был действительно быть «глупцом», чтобы не заметить его приготовлений.

Тотчас после того, как Темучин оскорбил императора, на последнего обрушился целый ряд бедствий: разбдйники Гиа перешли через Желтую реку и вторглись в Кань-су и Шень-си; южные китайцы перешли через реки Гоай и Гань и вторглись в Го-Нань; повсюду восстали «красные халаты»; на крайнем Востоке среди тюрков Леао вспыхнуло общее восстание; с севера отлично вооруженная и обученная монгольская армия шла прямо к Великой стене, перед которой ее ожидали изменники онгуты, тюрки и татары-кунграды, пограничная стража северной империи. Сам Чингисхан находился при главном корпусе, которым командовал его военный советник Мухули. Авангардом командовали Джебе и Субутай.

Эта молодая тюрко-монгольская армия, закаленная в мелких войнах и стычках, впервые предпринимавшая общий поход и жаждавшая крупного дела, была вся до последнего человека охвачена энтузиазмом. Чингисхан, умевший управлять людьми как никто, вдохнул в них сознание, страсть; в эти темные головы он бросил, как искру, идею патриотизма, национальности.

Абуль Гази на своем наивном турецком языке дает нам наиболее ясное представление о речи Темучина: «Затем он созвал собрание монгольских вельмож и сказал им: «Императоры Китая (то есть “Золотой огады”) причинили много зла моим предкам и родственникам. Теперь всевышний Господь обеспечил мне победу. Он дает мне случай и власть потребовать у китайской империи в лице императора “Золотой огады” восстановления прав моих предков и родственников». Под родственниками он разумеет тюркскую нацию. И вот, все восточные тюрки – хитаи, ойгуры, карлуки, кунграды, мангуты и онгуты, кераиты и найманы, ойрады и торгуты – все потомки Огуз-хана, все дети Серого Волка, все, кто вышел из Эркене-Куна, – пошли за Чингисханом, чтобы отомстить национальному врагу – маньчжурам – за все зло, которое китайцы причинили их предкам, древним Гиунг-Ну.

В «Золотой ограде» ничего не было готово. Бедный император «с пышной бородой», благородный и красивый «глупец», был застигнут врасплох, не успев отдать приказаний своим генералам, не успев собрать свои войска, которые стояли кордонами и на которых шла компактная масса монголов под предводительством такого полководца, как Джебе. Последний начал проделывать над храбрыми, ни в чем неповинными ниу-чи свои ужасные фокусы. Перед ним был целый ряд преград: две наскоро собранные армии, затем Хинганские горы, затем река Егол и, наконец, Великая стена. Он быстро преодолел все эти преграды. «Генералы не позаботились об укреплении границы... Когда монголы дошли до гор Ей-Голинг (Егол), оба айсинских коменданта оказались не в силах защитить проходы... и очистили Фучеу». Храбрые и сильные маньчжурские крестьяне хотели драться, просили оружия, предлагали первыми идти на врага: «Двиньте вперед ополчение нашего округа, чтобы оно начало атаку; генералы со своей армией последуют за ним, чтобы поддержать его». Генералы потеряли голову; они даже не знали своей страны; в Гиюэн-Пинге они вынуждены были расспрашивать о дороге. Джебе окружил их ночью. «Айсинский генерал один бежал до Юэн-те и заперся там; монголы овладели проходом Жой-Голь и явились перед Серединой столицей (Пекином)».

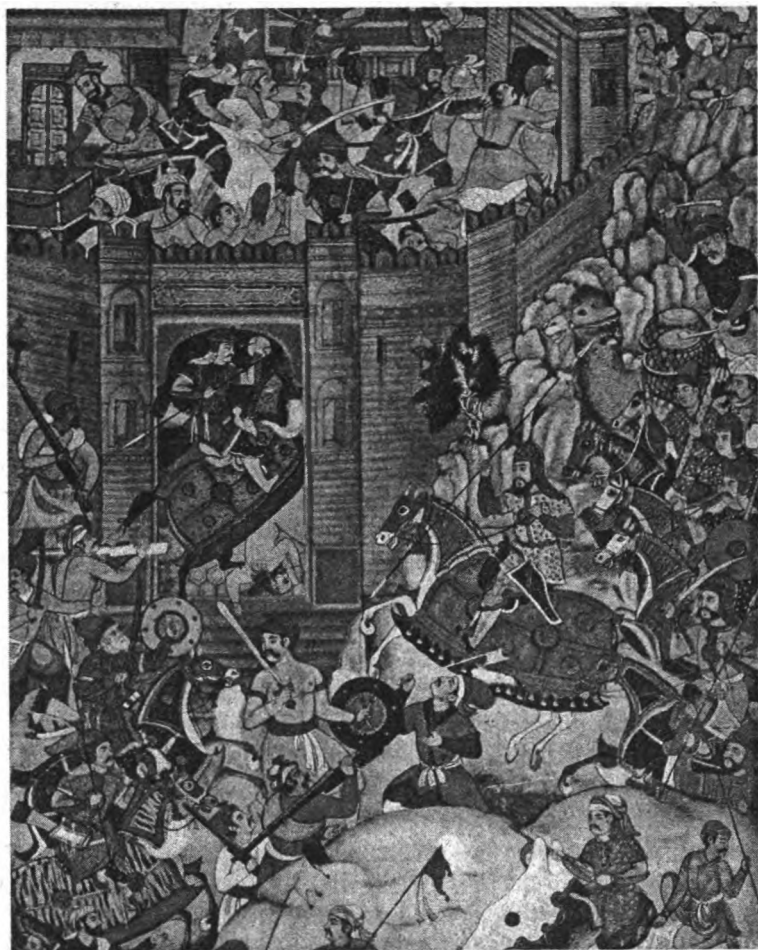
Среди этой всеобщей смуты народ ниу-чи нашел в себе мужество собраться с силами; после смятения первых поражений он проявил удивительную стойкость и отвагу. Когда позднее монголы напали на далекую от их родины Центральную Европу, Субутай сумел в два месяца (конец марта – середина мая 1241 г.) сокрушить все военные силы Польши, Силезии, Моравии, Богемии и Венгрии, поддерживаемых германской империей; но тому же Субутаяу, Джебе, Мухули и целому ряду других полководцев понадобились 24 года непрерывной войны (1210–1234), чтобы справиться с ниучи, чужеземцами в Китае, которым приходилось бороться и с Гиа, и с мятежным китайским крестьянством, и с национальной династией Сонг, и со своими непримиримыми врагами – тюрками Леао, и которые среди этого разгрома раз десять были преданы своей собственной знатью. Гнусный

изменник Госоа, который завлек в засаду верного и благородного Тускана, убил его и затем двинулся на столицу, был знатный сановник, родственник императорского дома. Пятьсот человек китайской милиции мужественно сражались за маньчжурского императора и легли на поле битвы, а зарезал его один из его камергеров, евнух Лиц. Во дворце нашлась только одна мужественная женщина. Она взяла печать казначейства, отказывалась выдать ее и отбивалась, осыпая ругательствами дворцовых офицеров, называя их трусами и неблагодарными: «Украсть государственную печать по приказу мятежного подданного! Я умру, но не отдам ее!»

Вся история этой борьбы свидетельствует о лояльности, благородстве и национальном самосознании маньчжуров. Монголы отлично сознавали это. Когда, после поражения при Тиэн-Линге, последний маньчжурский генерал, который остался в живых – потому что все остальные отвергли пощаду, – был приведен к завоевателю, монголы даже не предложили ему преклонить колена, «ибо они были уверены, что он не согласится».

После измены Госоа новый законный государь Гиуэн-Цонг упорно продолжал борьбу не на жизнь, а на смерть. Ниу-чи одержали еще несколько побед над народом Гиа, над сангами и над «красными халатами». Но холодная тактика ловких и настойчивых монголов неизменно одерживала верх над их мужеством. В 1215 г. Гиуэн-Цонг (это его китайское имя; по-маньчжурски он назывался *Удубу*) подписал договор, по которому он признавал протекторат монголов над Леао, где правил кара-хитайский государь, получивший инвеституру от Чингисхана, и их прямую власть над частью Пе-че-ли, над Шань-си и Шень-си. В обеспечение договора он выдал свою сестру, дочь Уэй-Уанга, за Темучина и перенес свою столицу в Пиан-Кинг, Кай-Фонг-Фу Марко Поло, к северу от Желтой реки.

Этот злополучный мир не оказался даже передышкой. Нация не захотела перенести унижение, которому подверг себя ее государь. «В пятый месяц он возвестил всем своим подданным, что переносит свою резиденцию в южную столицу. Все – должностные лица и народ – умоляли его не

Чингисхан штурмует китайский город

делать этого». Несчастный Гиуэн-Цонг упорствовал. Тогда северные патриоты поголовно восстали и напали на тюркских чиновников и монгольские гарнизоны. С первого же удара Леао был снова покорен, ставленник Темучина, принц из дома Ие-лу, свергнут и у монголов отнято двадцать городов. В эту критическую минуту Темучин показал, что он достоин своего прозвания Чингис, Непреклонный, Непокор-

лебимый. Он приказал Мухули идти на Леао, на Пе-че-ли и прямо на Пекин, с Субутаем на фланге и Минганом в авангарде. В то же время он решил напасть на владения киньского императора с другой стороны – с тыла. Один из его лучших генералов, Самука, должен был из Нинг-Гиа проникнуть на юг от изгиба Желтой реки и, пройдя через провинцию Шень-си, атаковать знаменитые проходы Тонг-Куан у слияния Го и Желтой реки: это – вход в Го-Нань, ахиллесова пята Китая; удар, нанесенный ему в этом пункте, ранит его насмерть. Сам Чингисхан оставался в центре, в Шань-си, наблюдая за ходом войны, отдавая приказания и ежеминутно готовый подать помощь своей левой дивизии в Пе-че-ли, и правой, действовавшей в Шен-си. Он не обладал талантом полководца, и знал это. Он не вмешивался лично в командование армиями, которые представляли собой главное колесо, но лишь одно колесо в огромной государственной машине, построенной и управляемой им. «Империя была основана верхом на коне, но управлять ею верхом невозможно», – сказал ему великий канцлер Ие-лу-Чуцаи, хитрый из императорской фамилии хитаев Леао. Выработку планов он поручал специалистам-генералам, затем своим ясным умом обдумывал проект и, приняв его, предоставлял полководцам полную свободу действий. Этот великий завоеватель никогда не стремился лично выиграть сражение; ему было достаточно того, что он умел распознавать людей, способных одерживать победы.

«В первый месяц армия Гиа (то есть корпус Самуки) овладела Гоанчеу. Айсинский генерал Пу-Сань перешел к монголам со всей своей армией... Генерал Ли-Инг соединил войска двух провинций – Го-Киень и Чинг-Санг, – чтобы подать помощь столице. В Па-Чеу он напился пьян. В эту минуту монголы напали на него и обратили его армию в бегство. Ли-Инг и все его солдаты были убиты... Вспомогательное войско, предводимое двумя генералами – Чинг-Шеу и Ионг-Си, бежало в беспорядке... В пятом месяце монгольская армия взяла Серединную столицу; генерал Цонг, защищавший ее, отравился; двое других были убиты возмущившимися солдатами... В десятом месяце монголы овладели ущельем Тонг-Куан... Булуго был побежден и убит». Это был полный раз-

гром (1216). В это время Субутай, которому на его посту нечего было делать, занимался от скуки покорением Кореи. В 1217 г. Чингисхан, видя, что все идет хорошо и что его присутствие более не нужно, покинул сцену военных действий. В Китае он оставил в качестве своего наместника надежного и методичного Мухули с 33 тысячами человек, предоставив ему и гражданскую, и военную власть.

Чингисхан вернулся в Каракорум. Почему он не остался в Китае, когда был уверен в окончательной победе над ним? Почему он предоставил наместнику окончить завоевание, о котором при всем своем могуществе не могли и думать тюркские государи VI в., чьим традициям он следовал, чье наследие считал своей собственностью? Нет сомнения, что он имел в виду это завоевание и готовился к нему, ибо во время переговоров с Гиуэн-Цонгом он позаботился обеспечить за принцессой, которую брал в жены, китайский титул и сан *Гоанг-тай-геу*, Королевы милостью неба; таким образом, он заставил признать себя законным наследником Киньской династии, так как по обычному праву ниу-чи тюрков и монголов, наследственные права жены переходили к мужу.

Уезжая на Запад, Чингисхан был уверен, что Мухули не выпустит из рук добычи, что огромное наследство, на которое он наложил секвестр, когда-нибудь достанется если не ему, то его детям.

Столкновение с Хорезмской империей. Победы Чингисхана произвели сильное впечатление на тюрков Трансоксании; величие Рима и блеск халифата не изгладили из их памяти почти суеверного удивления перед Китаем, образцом империи, который столько раз обольщал или умирал их предков. Сначала они не хотели верить этим победам; монгольские агенты не могли убедить их. Магомет Воитель настойчиво расспрашивал посла, которого прислал к нему Чингисхан; это был тюрк-мусульманин, телом и душой преданный своему господину, языческому повелителю монголов, фанатик-патриот, его звали Махмудом Елвади. «Однажды Магомет позвал Махмуда Елвади на охоту и сказал ему: “Я задам тебе вопрос; отвечай правду. Действительно ли твой хан завоевал Китай?” – и, сняв с руки драгоценность несметной стоимости, подарил ее Махмуду

Елвади». Уединенность свидания, торжественность просьбы, подарок – все свидетельствует о беспокойстве Магомета. Эти западные тюрки наперед сознают бесплодность борьбы с тюркским властелином Китая.

Один человек никогда не терял надежду на успех; это был Гушлуг; он боролся до смерти. В союзе с Магометом Воителем ему удалось свергнуть своего тестя, Кур-Хара. Он напал на своих бывших единоверцев, христиан Алмалика, разбил их, отрубил голову их князю Озару, стороннику Темучина, затем пошел против мусульман Нан-лу и против ойгуров Шестиградья, наложил руку на Кашгар и Хотен. Остатки северных мергедов откликнулись на его призыв. Под предводительством одного из братьев Токта-Беги они вторглись в Пятиградье и стеснили ойгуров Пе-лу, дружественных монголам. Затем они уже смело напали на гарнизоны, которые оставил здесь Чингисхан под предводительством своего шурина, кунграда Тугачара. Станным образом Гушлуг был плохо осведомлен о положении неприятельских сил; в то самое время, когда его мергеды отважно шли в атаку, Джебе прибыл в Каракорум и соединился здесь с Субутаем, который привел свои войска из Кореи, за шесть или семь сотен миль, что для монголов было безделицей. Вслед за ними явился и сам Чингисхан, чтобы вступить в управление Западом.

На севере успех против мергедов зависел от быстроты действий; Субутай промедлил ровно столько времени, сколько было нужно, чтобы дать отдохнуть лошадям и переменить тех, которые были загнаны, и затем снова галопом пустился в путь. «На берегу реки Джем он настиг их, победил и рассеял... Это было в 613 г. (1216–1217); мергедская нация была уничтожена» (Абуль Гази).

Затем пришел черед Гушлуга; Чингисхан поручил Джебе справиться с ним. Джебе имел под своим начальством 20 тысяч человек, которых привел из Китая. В первой же битве мужественные и суровые ветераны Гушлуга были опрокинуты, разбиты и истреблены непобедимым полководцем, которого не остановила Великая стена, и его непобедимыми товарищами (сражение при Чу, 1217). Политическая кампания была ведена с такой же уверенностью, как и воен-

ная; монгольский авангард еще не вступил на кара-хитайскую территорию, как к нему присоединился агент Чингисхана, Измаил. «Это был тюрк-мусульманин из китайской марки; Гушлуг сделал его своим ближайшим советником и доверил ему управление двумя богатыми городами; он уже раньше выдал их монголам. Его агенты шли впереди армии, возвещая повсюду освобождение от религиозного гнета, распространяя прокламации Джебе, в которых он обещал полную свободу для всех религий, прекращение гонений, покровительство всем культам, освобождение священников, мулл и лам от налогов и податей. Измаил обнадежил и мусульман, и добровольцев несториан из Алмалика, и вождей и воинов кераитской армии, и христиан; в старых войсках Джебе, который вел с собой буддийских лам, чтобы привлечь к себе буддистов, было немало тибетских негодяев. Во имя Христа, Магомета, Манеса, Будды, Бога и дьявола население Шестиградья восстало против Гушлуга, нечестивца и тирана. Кашгар запер перед ним свои ворота и переданся монголам. Гушлуг нигде не мог найти опоры и бежал до Бадахшана на Памире (Крыша мира). Джебе преследовал его по пятам; его настиг Измаил, который и отрубил ему голову. Теперь Чингисхан более не имел врагов от Кореи до Туркестана и Трансоксании, от безлюдного дальнего Севера до Гоанго, пустынных плоскогорий Тибета и ледников Куэнь-Луня.

Разрушение Хорезмской державы. Султан Хорезма, Персии и Трансоксании должен был быть слеп, чтобы не заметить приближения грозы. Впрочем, это был недалекий человек, одаренный всеми недостатками своей расы, настоящий тюрк, пьяница, вспыльчивый, упрямый, без единого из тех драгоценных качеств, которыми отличались многие тюрки, как степенность, проницательность в политических и военных делах, здравый ум. С тех пор, как он, после победы над состарившимся и преданным своими союзниками Кур-ханом, принял имя «второго Александра», Магомет Воитель более никого не боялся. Южная Персия, Афганистан, индийские марки были разделены между множеством феодальных владельцев, большей частью тюрков по происхождению, которые носили титул атабеков (отцов-

правителей) и в защиту своих прав ссылались на своего духовного суверена, багдадского халифа, продававшего им свои верховные права. Сам Магомет был лишь уполномоченным халифа для управления наследием Сельджукидов. Напав на атабеков без разрешения багдадского халифа, он обнаружил непокорность ему, возбудил «спор об инвеституре». Халиф заявил протест, Магомет рассердился и в порыве гнева решил идти прямо на Багдад.

Поссорившись с мусульманским папой, Магомет Воитель в то же самое время оттолкнул от себя собственных подданных. В припадке пьяного бешенства он казнил бухарского шейха Маджд эд-Дина, главного мусульманского священника империи, примаса Трансоксании, обвинив его в любовной связи со своей матерью, старой Туркан-Хатунь. Протрезвев, он осознал свою ошибку. Старая императрица была родом из канкли, и все эти рыцари, в которых голос крови, чувство феодального родства, были так сильны, обожали ее. Духовенство столицы волновалось, говорило проповеди в бухарских мечетях. «Султан послал шейху Неджм эд-Дину Кубра поднос, полный золота и драгоценных камней, и велел сказать ему: “Разреши меня от этого греха”. Шейх ответил: “Не золотом и драгоценными камнями, а твоей головой и моей и головами тысяч людей будет заплачено за него”. Через своих мусульманских агентов Чингисхан знал все. К нему прибыло даже посольство от халифа, которое убеждало его скорее начать войну; но, корректный во всем, он ничего не хотел предпринимать, пока хорезмский султан не порвет с ним первый. Однако он через своего посланника усыпил его бдительность. В конце концов они заключили наступательный и оборонительный союз, и в конце договора было сделано маленькое добавление, заключавшее в себе коммерческое соглашение, согласно которому караваны из Китая могли свободно проходить через Туркестан и Трансоксанию и которое отдавало в руки Чингисхана «шелковую дорогу», великий путь на Ирак и Рим. В чем сасаниды отказали тюркскому Иль-хану VI в. под страхом союза между ним и Константинополем, то Магомет уступил своему грозному другу Чингисхану как безделицу, не стоящую внимания. Заключив этот договор, он поспешил

начать свою бессмысленную экспедицию против халифа. Он завоевал персидские султанства, забрался в снега Армении и Курдистана и вернулся отлученный халифом. Последний запретил читать в мечетях *хотбу*, молитву за государя, где упоминалось его имя. Он отлучил его от ислама, как мятежника, еретика и изменника, и этим самым разрешил всех его подданных мусульманской веры от клятвы верности. Между тем многие из них давно ждали случая, чтобы открыто стать на сторону великого заступника всех тюрков, Чингисхана. Истинные патриоты Туркестана – все те, кто ясно видел приближающуюся грозу, – канкли, оскорбленные в лице императрицы-матери, высокомерные и глубоко униженные калатши – потеряли терпение. Губернатор одного из пограничных городов грубо, по-тюркски, ускорил катастрофу: когда прибыл из Китая великий караван, он захватил товары и отрубил головы купцам. Неджм эд-Дин донес об этом халифу, и последний отлучил Магомета; в то же время канкли и его дворянство грозили ему восстанием, его мать и сын Джелал эд-Дин осыпали его упреками, и несчастный Магомет Воитель не осмеливался отрицать факт покушения. Чингисхан прислал к нему трех послов с требованием удовлетворения: он казнил одного из них, а двух остальных прогнал. Темучин уже за месяц до этого начал стягивать войска к Иртышу; получив известие о случившемся, он немедленно двинул вперед разведочные отряды, чтобы прикрыть себя, утаить свои движения от неприятеля и закончить концентрацию огромной армии (1219).

У хорезмцев ничего не было готово для войны. Сын султана, пылкий Джелал эд-Дин, с лихорадочной поспешностью собрал свои ополчения, заставил отца против его воли стать во главе войска, чтобы ободрить солдат, и пошел навстречу монголам.

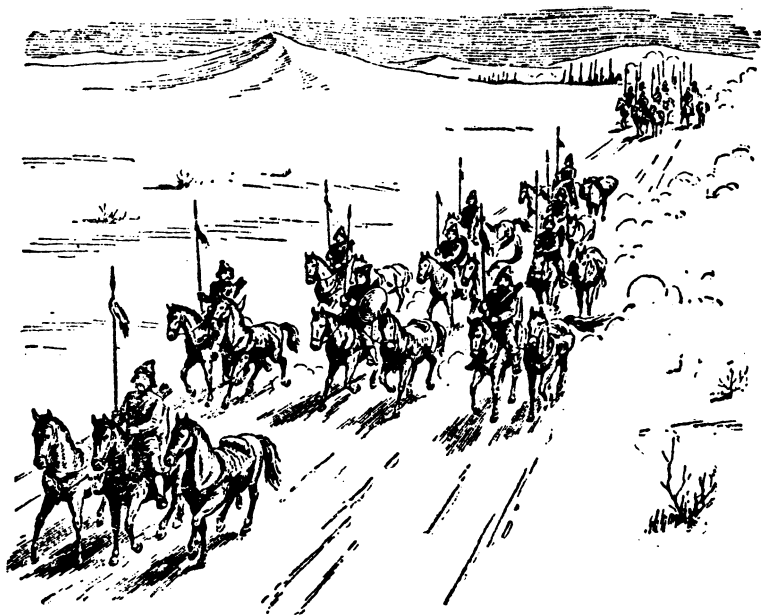
В конце 1219 г., после первой битвы, происшедшей между Карадагом и нижним течением Сырдарьи, Магомет не мог более заблуждаться насчет исхода войны. Он решил вернуться в Трансоксанию и сосредоточить свою значительную армию позади Сырдарьи, под прикрытием укреплений, защищавших проходы. Но пока он был занят тем, что мы назвали бы теперь мобилизацией армии, он получил страш-

ное известие: монголы вступили в Фергану. Если бы им удалось взять Ходжент, они миновали бы линию Сырдарьи и беспрепятственно прошли бы в Согдиану и Самарканд. Хорезмский офицер по имени Тимур-Мелик поспешно занял крепость; китайские и мусульманские летописи одинаково прославляют его героическую оборону. Его осадил монгольский полководец по имени *Алах* (убийца) с отрядом в 5 тысяч человек. Остальная часть авангарда продолжала путь на север, чтобы соединиться с главной армией, которая достигла Сырдарьи, опустошая ее левый берег и попутно взяв Бенакет.

В конце 1219 г. великая монгольская армия сосредоточилась на Иртыше; она состояла из трех корпусов: одним командовал сам Чингисхан, при котором находился его младший сын, Тулуй; второй был под командой его двух средних сыновей, Октая и Джагатая; третьим начальствовал его старший сын, Джуджи. Приняв во внимание, что нормальный, предписанный военным регламентом состав каждого из этих корпусов равнялся 30 тысячам человек и что при корпусе Чингисхана находилась, кроме того, его личная гвардия в 10 тысяч человек, мы получим огромную цифру в 100 тысяч человек. Известия о 500 тысячах, о миллионе человек представляют чистую выдумку.

Для Магомета было страшным ударом, когда в начале марта он узнал, что монгольская армия выступила из Красных песков, что города Зернук и Нурата сдались и что Чингисхан идет на Бухару. Он понял, что все потеряно, и бежал в Самарканд. Его лучший генерал, его сын, принц Джелал эд-Дин, убедившись в безнадежности защиты, отправился через пустыню к Ургенджу, чтобы организовать там сопротивление.

Чингисхан, скрывая свои движения от врага, смело прошел пустыню Красных песков, вступил в Трансоксанию и направился прямо к Бухаре, в тылу хорезмского султана. Гарнизон города, состоявший из 20 тысяч человек, по словам мусульманских летописей, пытался прорвать линию осаждающих, вероятно с целью соединиться с султаном, находившимся в Самарканде, но был истреблен, и священная Бухара открыла ворота языческому государю. «Все шейхи, муллы,

Монгольская конница

муфти, все обитатели – знатные и незнатные – вышли из города, чтобы отдаться на волю хана» (апрель 1220 г.).

Темучин направился прямо к главной мечети города, верхом въехал на кафедру и приказал священнослужителям держать коней его свиты, чтобы доказать мусульманам, что он действительно владыка волею неба и что Господь не делает чуда без его позволения. «Один *Сеид*... сказал одному *Муджтехиду*: “Как могло случиться такое несчастье?” – “Молчи, Сеид, – ответил Муджтехид, – настал день гнева Господня”». Напугав и настрашав духовенство, Чингисхан обратился к нему с наставительным словом. Затем он отправился на то место, где совершались общественные моления, въехал на главную кафедру и, верхом на коне, со шлемом на голове, обратился с проповедью к собравшемуся народу: «О народ, безмерность твоих грехов очевидна; я явился, гнев Всевышнего, посланник всемогущего Бога, грозная кара». Пока Сын Неба проповедовал, его солдаты

обшаривали город. Цитадель храбро защищалась; всякий, кто приближался к ней, платил жизнью за свою смелость; от стрел вспыхнул пожар, и «кроме главной мечети и каменных зданий ничего не уцелело». Цитадель была скоро взята, и ее гарнизон перерезан.

Из Бухары Чингисхан поспешил в Самарканд, где султан Магомет оставил свою армию. Она состояла приблизительно из 40 тысяч человек и была совершенно расстроена и деморализована вследствие бегства султана и отъезда Джелал эд-Дина. Она мужественно вступила в сражение, напала на монголов в то время, когда они маневрировали, чтобы окружить крепость, заставила их с уроном отступить и захватила множество пленных; но на другой день она была отброшена за стены. На духовенство и горожан напал страх; шейх-уль-ислам и кади отперли одни из ворот, тогда как гарнизон защищал остальные ворота, и весь был истреблен.

Город откупился от разграбления, уплатив контрибуцию в 200 тысяч золотых монет; но 30 тысяч художников и ремесленников вынуждены были покинуть свою родину и переселиться в Каракорум, Китай и Сибирь, чтобы работать на Чингисхана, его принцев и сановников. Это было началом монгольской системы, состоявшей в том, чтобы забирать всех мастеровых, конфисковать все отрасли промышленности в пользу великой нации. Путем этого грубого захвата людей монголы обновили искусство, открыли новые пути изобретательства. «Китай обязан им тем благодеянием, что был поставлен в сношения с западными цивилизациями и в течение целого века (1260–1368) участвовал в обширном меновом движении, которое поддерживали монголы во всем цивилизованном мире... В Китае, как и повсюду, где утвердились монголы, они вызвали глубокий духовный переворот, установив сношения между народами, которые до тех пор были незнакомы друг другу» (*Палеолог. Китайское искусство*).

Было начало апреля 1220 г.; крепости по Сырдарье пали одна за другой, несмотря на отчаянное сопротивление, которое оказали они, – особенно Ходжент, где героический и рыцарственный Тимур-Мелик держался до последнего человека. В пять месяцев, без единой правильной битвы, если не

считать двух побоищ – под Бухарой и Самаркандом, где против них стояло по меньшей мере 100 тысяч человек, плохо руководимых, плохо организованных, но очень храбрых, – монголы завоевали Туркестан, Фергану и Трансоксанию; их четыре армии тайно объединились под Самаркандом.

Теперь Чингисхан мог отрядить 25 тысяч человек для завоевания Запада. Команду над этим отрядом принял Джебе с Субутаем и кунградом Тугачаром в качестве подчиненных. Мы не знаем в военной истории ни одного эпизода, который мог бы сравниться с этим фантастическим походом 25-тысячного отряда от Самарканда до Феодосии и Дона. Это была беспрецедентная военная шалость, обдуманное сумасбродство, математически рассчитанный роман, умная нелепость. Фурьеры великой армии, они неслись вскачь, намечая стоянки для войск, которым понадобилось 15 лет, чтобы пройти этот путь. Мимо персов, азербайджанских турков, армян, грузин, черкесов, аланов, кипчакских турков, крымских венецианцев, русских, болгар, башкиров Великой Венгрии (*Magna Hungaria*) в облаках пыли пронеслось непобедимое, всегда победоносное монгольское знамя; нужны были еще энергичные усилия, чтобы покорить всю эту массу народов, но это не входило в задачу Джебе и Субутая, которые только намечали этапы завоевания. Там, где прошли их кони, больше уже никто не осмеливался прямо смотреть на монгольское знамя.

Джебе было поручено неотступно преследовать султана Магомета, отрезать ему путь в Хорезм, загнать его в засаду и взять живым или мертвым. Джамука, Токта-Беги и Гушлуг показали Чингисхану, на что способен враг, если он находится на свободе. Кроме того, султан был законный государь; пока он жив, шепетильный Темучин не считал себя вправе властвовать над его государством. Свою орду, «главную квартиру», представлявшую собой вместе и военный лагерь, и местопребывание правительственных канцелярий, он перенес в летнюю резиденцию Магомета, несколько к югу от Самарканда, между городом и горами; эта местность изобиловала прекрасными лугами, зеленеющими пастбищами, ручьями, превосходными местами для охоты; Бабер называет ее *Кан-и-гюль*, Рудник роз.

Отсюда Джебе и его подчиненные пустились в путь, чтобы покончить с султаном. Крепость Термиз загоразивала им переход через Амударью; они переправились ниже по течению реки на наскоро сколоченных паромках. Они настращали большой город Мерв, попутно взяли Завег, напали на Тус, древнюю Сузу. В Нишапуре они соединились; султан оставил здесь значительный гарнизон; они немедленно пошли на приступ. Тугачар был убит, не взяв крепости; но штурм был так неистов, что ни один человек из гарнизона более не решался выходить за стены. Здесь они разделились: Джебе двинулся на север, Субутай – на юг; в Райи, нынешнем Тегеране, они снова соединились, убедившись в том, что султан не мог бежать на Кавказ или в Багдад и что он должен быть на севере. Идя по его следам, они дошли до «вороньего моря» – до Каспия. Здесь они захватили его, уже мертвого, на островке Абескун близ устья Гергена; его только что похоронили, и он был так беден, что не нашлось даже простыни, чтобы завернуть его труп, и слуги похоронили его в шубе. Его последние слова были внушены благочестием: «Мы принадлежим Господу и к нему возвращаемся».

Завоевания на Западе: Кавказ, Кипчак, Русь. Исполнив поручение, после этой бешеной погони, Джебе и Субутай должны были позаботиться о провианте и спросить новых инструкций. Они отправили к Чингисхану рапорт, казну и знатных пленников, вместе с докладной запиской, составленной Субутаем, в которой они просили разрешения завоевать страну кипчаков. В ожидании ответа Субутай и Джебе завоевали Северную Персию и Азербайджан, чтобы жить в большем довольстве, чтобы прокормить свои войска и не дать им изнежиться. Мимоходом были взяты Райи, Кум, Гамадан – древняя Экбатана, – славный Казвин, Зенджан и Тевриз. Между тем прибыл ответ Чингисхана; он одобрил докладную записку. Так как в этих странах жило немало тюрок, то полководцы уполномачивались идти так далеко, пока встретится еще хотя бы один тюрк, чтобы ошастливить этих храбрецов восприятием в лоно монгольской национальности, а в случае надобности – и сопричислить их к ней силой, если они окажутся неблагодарными по отношению к их отцу и матери, к владыке волею неба. Вой-

ска были снабжены припасами и готовы к походу, лошади отдохнули. Вперед! В том самом году, в котором они выехали из Самарканда, Джебе и Субутай достигли Тифлиса (1220). Армянский священник Кириак, который видел их прибытие и на долю которого позднее, во время окончательного завоевания страны, выпала неприятная честь состоять секретарем при одном из монгольских полководцев, описывает оцепенение, овладевшее грузинами при виде этого грозного нашествия, и их поражение: «Грузинский царь Лаша и его главнокомандующий Иванэ, собрав свои войска, отправились в равнину Хунана, где расположился лагерем один из монгольских отрядов... Монголы сзади ударили на грузин и изрубили их в куски... Они перешли через Кавказский хребет, заваливая пропасти деревьями и камнями...»

Субутай и Джебе очень торопились: они должны были как можно скорее поспеть к кипчакам по ту сторону Кавказа. Овладев многолюдным городом Шемахой, они в Ширване взяли проводников и некоторых из них повесили, чтобы показать остальным, что с ними шутить не надо. Повсюду на своем пути они назначали своих *дарога*, префектов, и когда в Гамадане чернь, возмущившись, убила префекта, они послали туда отряд войска, чтобы подвергнуть виновный город военной экзекуции; стены были снесены, население избито. Когда монгольский дарога, один между своими двумя помощниками, китайскими или ойгурскими чиновниками, открывал свой *я-мен*, канцелярию, — жители вспоминали Гамадан; им уже мерещились монгольские жандармы, и никто не осмеливался поднять голос. Кириак дает нам яркую картину этого административного террора, этой приказной тирании, наводивших ужас на людей средних веков. Их устрашал в монгольской администрации не беспорядок, а чрезмерность порядка. Везде, где владычествовали монголы, их следом остались в языке три слова: *ясак* (приказ), *я-мень* (канцелярия) и *ям* (почтовая станция, где визируют паспорта)¹. Их первым действием всегда было всеобщее разоружение; затем следовал набор лошадей и мулов и, наконец, кадастр и

¹ В русском языке еще *есаул* — пристав, адъютант, *ямщик*, и т. д.; в языке турок османлисов *ясса* — приказ и т. д.

поголовная перепись. «Они записывали всех людей, начиная с десятилетнего возраста, за исключением женщин... Они облагали податью всех ремесленников... рыболовные пруды и озера, железные рудники, кузнецов и каменщиков». Но они всегда щадили священнослужителей и не требовали с них никакой подати, «потому что они не имели на это ханского указа», наивно прибавляет Кириак, уже и сам бессознательно подчиняясь влиянию ясака, приказа.

Кипчаки с Кубани, берегов Черного моря, а-су (аланы) с Терека и Куры, с берегов Каспийского моря были готовы встретить нашествие. Они знали, что в святом городе Каракоруме явился повелитель всех тюрков. Всем им издавна была знакома обычная дорога тюркских нашествий; по ней шли их собственные предки. Они знали, что монголы придут. И вот собрались военные отряды кипчаков, алан, черкесов, лезгин (древние авары). Они отправились поджидать завоевателей в равнине Терека, на обычной степной дороге, рассчитывая, что монголы придут с севера. С изумлением они узнали, что монголы перешли через неприступный Кавказ и наступают с юга. Впереди войска скакали агенты Джебе, проникая всюду, разбрасывая золото полными пригоршнями, превознося славу тюркской нации. «Они говорили кипчакам: вы наши братья; аланы – чужеземный народ; не следует помогать им; вы должны действовать заодно с нами; и они щедро раздавали подарки». Кипчаки колебались; они были падки до подарков и чувствительны к родству, но слишком невежественны, чтобы усвоить великую тюркскую идею и сразу воспылать страстью к монгольской славе. Джебе воспользовался их нерешительностью и двинул Субутая против соединенной армии алан, черкесов и лезгин. Старые монгольские эскадроны опрокинули и разбили это нестройное полчище и затем бросились прямо к столице Терки на Тереке, которую и взяли штурмом. В жертву административной тирании остались одни кипчаки; увидя, что монголы забирают лошадей и мулов, уводят их молодежь на барщину и конфискуют их фураж, они обезумели. Будучи слишком слабы, чтобы бороться, не имея городов, которые надо было бы защищать, потому что они все были кочевниками, эти тюрки собрали все, что можно было спасти, и массой

бежали на запад к своим родичам, степным кипчакам, обитавшим в обширной равнине Дона, по соседству с русскими. Это было дезертирство – проступок, непростительный в глазах монголов. Необходимо было вернуть в стадо этих заблудших овец, казнить вожаков и наказать неблагодарных. В это время пришло известие, что некий народ по названию *Русь* принял кипчаков, которых он называл *половцами*, под свое покровительство и поспешно вооружается. Этим русским надо было дать хороший урок, чтобы они потеряли охоту вмешиваться в чужие дела и научились уважать приказы повелителя монголов. Выше было описано первое нашествие монголов на Русь. После победы при Калке (1224) Субутай и Джебе прошли до Днепра. Были ли они отозваны отсюда Чингисханом или сами решили вернуться? Нет сомнения, что они состояли в переписке с Чингисханом. Они вернулись на север с остатком от своих 25 тысяч, разбили на Каме болгар Великой Болгарии и доставили себе удовольствие разгромить тюрков канкли, живших по эту сторону реки, и убить их хана, который имел дерзость заградить им переправу. Наконец, они достигли орды Чингисхана. Джебе от изнеможения вскоре умер; Субутай остался жив.

Восстание в Хорезме. Героическому борцу за Иран Джелал эд-Дину удалось поднять грозное восстание. Пока монголы шаг за шагом покоряли Ургендж в Хорезме (1220), Бадахшан и Памиры (1221), Балх, Нишапур, Мерв (1221), Герат и Тус (1221), где они разрушили гробницу великого халифа Гарун аль-Рашида, Джелал эд-Дин собрал своих приверженцев, прошел через Южную Персию, соединил атабеков и возмутил Газну и Кабул. Первая армия, которую Чингисхан послал против этого замечательного тюрка, задавшегося целью воскресить Древний Иран, была разбита (битва при Гефт-Перване, «семи малых ущельях», 1221). Тогда обнаружилась несокрушимая энергия Чингисхана. Настоящие полководцы – Мухули, Джебе, Субутай – воевали на дальнем Западе и в Китае; Чингисхан был лишен военных талантов и знал это. Но он хотел победить, и все склонилось перед его волей. Его внук, сын его любимого сына Тулуя, был убит в Бамиане; Темучин первый, с непокрытой головой, пошел на приступ и взял город. Войска следовали за ним, вос-

хищенные, охваченные энтузиазмом. Джелал эд-Дин был вытеснен из Газны и отброшен к Инду – великой реке, которую до него перешли Александр Македонский и Махмуд из Газны. Он дрался с отчаянным мужеством; затем, потеряв битву и не желая сдаваться, в полном вооружении, верхом на своем боевом коне, бросился в реку. «Вот юноша, каких может пожелать себе каждый государь», – сказал Чингисхан своим детям, которые окружали его. Воздав должное храбрости Джелал эд-Дина, он послал в погоню за ним отряд на ту сторону Инда (декабрь 1221 г.). Это была формальность, заявление своих прав; Тимур в XIV в., Бабер в XVI в. имели законный повод завоевывать Индию.

Восстание было подавлено с необыкновенной жестокостью. В Балхе и Мерве было перебито все население. Город Бамиан был разрушен и должен был переменить свое название на Мао-Балик, Проклятый город. Показав пример, настрашав страну и внушив непокорным сознание, что Непокоримый повелитель – действительно сын неба, Чингисхан приступил к умиротворению и преобразованию завоеванного края. С 1222 по 1224 гг. его правительственный центр находился в Когистане, в горах к югу от Самарканда, где климат был менее жарок. Он водворил здесь свою администрацию с помощью советников из среды язычников, христиан и мусульман, стараясь поддержать полное равновесие между ними. Никогда, даже в разгар мусульманского восстания, он не преследовал мусульманского духовенства. Монголы заслужили почетное место в истории тем, что ни разу не приняли участия в религиозной войне.

Последние годы Чингисхана. В Азии был водворен полный порядок; тюрки господствовали от Нан-лу и Пелу до Каспия и Кавказа; иранский властелин был побежден, и повелителем признан вождь монголов. Чингисхан вернулся в свою страну (февраль 1225 г.). Никогда мир не был здесь так глубок, как во время тех страшных войн. «От года Дракона до года Пса, в течение 19 лет, государь водворял порядок и законность среди своего великого народа, устанавливал свою власть и свое правительство на прочных столбах, доставлял мирную работу ногам и рукам, увеличивал счастье и благосостояние всех и каждого, так что ничто не мо-

Тяжеловооруженный монгольский всадник XIII в., монгольский конный лучник XII–XIII вв. и монгольская женщина

жет сравниться со счастьем кагана и его подданных». В начале 1223 г. собрались к нему его сыновья за исключением Джуджи, который остался на Западе, в Хорезме. Когда Джуджи умер в Сарае, у истоков Волги, его сын, Батый, получил от Чингисхана инвеституру на отцовский сан и власть над кипчаками. Правителем Пе-лу Чингисхан назначил своего среднего сына, Джагатая, который сделал своей

резиденцией Альмалик; отсюда он управлял Туркестаном, Трансоксанией и Хорасаном, наблюдал за Ираком, дорогами в Рум и феодалами-атабеками Иранского плоскогорья. Двух младших сыновей, Октая и Тулуя, Чингисхан держал при себе.

Он вернулся вовремя. Мухули только что умер в Китае; родной брат Чингисхана, легендарный Джуджи Тигр, устраненный от участия в завоеваниях, томимый бездельем и скукой, начал интриговать, составил себе партию; наконец, народ Гиа, эти подозрительные союзники монголов, и дикие тибетцы, не слыша более в своих горах ни о Чингисхане, ни об его армии, зная, что Мухули умер, и замечая, что между монголами, кинь и сонгами установилось равновесие, решили воспользоваться удобной минутой. Их царь, *Сронг*, или Шидурго (Франк), дал волку свою разбойничьим шайкам, которые и прошли до излучины Желтой реки. Со свойственным ему благоразумием Чингисхан занялся прежде всего водворением порядка в своем доме; для этого он отрядил самого красноречивого посла – Субутая. Тигр потерял голову; он тотчас покорился, со слезами запросил прощения у брата и поклялся, что более не будет злоумышлять против него. Покончив с этим делом, Субутая отправился в Китай; он один мог заменить Мухули. Храбрые кинь защищались до последней капли крови. В 1234 г. их последний город Цайтчеу еще держался против соединенных сил монголов и китайцев (сонг). «Увидев, что враги ворвались в город, царь Айцонг (его маньчжурское имя было Нинкиасу) собрал все наиболее ценное из своего имущества и зажег эти вещи. Когда они сгорели, он повесился в своем дворце... Его генерал, Госий, сказал остальным генералам и солдатам: “Царь умер... и я не хочу умереть от руки пьанных солдат. Я последую за моим господином”. Он бросился в Ту-го и утонул. Офицеры воскликнули: “Все наши вожди умерли – неужели мы переживем их?” – И все, более пятисот человек, бросились в реку. Двоюродный брат Нинкиасу, Ченг-Лин, был убит с оружием в руках. Один Ианг-Сан остался у трупа, чтобы охранять его, и был взят в плен неприятелем... “Мой царь умер, – сказал он, – я жду, пока костер сгорит; я хочу собрать кости и похоронить их...” Монгольский генерал ответил солдату, который передал

ему слова пленного: “Это доблестный человек; оставь его в покое”. После этого Ианг-Сан завернул останки царя в уцелевшее платье и зарыл их на берегу. Затем он в последний раз простерся ниц и, плача, бросился в реку»¹. Северный Китай был во власти монголов. Сонги торжествовали. Но скоро очередь дошла и до них.

Чингисхану не суждено было дожить до этого триумфа. В то время, как Субутай воевал в Китае, он сам отправился в страну Гиа, чтобы положить конец их грабегам и беспрестанным возмущениям. С 1225 по конец 1226 г. страна Гиа, Го-Си, Запад реки, как называли ее китайцы, между Гоангго и Шестиградьем была страшно разорена. Монголы с такой яростью истребляли разбойников Ала-хана и Кан-су, что, по словам одного путешественника, обитатели Ала-хана еще теперь слышат в пустыне вопли призраков тех людей, которые были убиты монголами.

Восстановив порядок в Го-Си, Чингисхан отправился на ревизию в Китай. В пути он заболел и умер в каком-то местечке в Шань-Си.

Часть его приближенных хотела отвезти его труп на погребальной колеснице, «украшенной пятью знаменами», в тюркскую столицу Каракорум; «колесница отказалась тронуться с места». Тогда старый военный товарищ Чингиса, Килукен, стал бранить мертвого властелина: «Сын неба, хочешь ли ты один оставаться здесь и покинуть свой великий народ?.. Место твоего рождения, Делигун-Булдак, на берегу Онона, – Керуленский луг, где ты был провозглашен каганом, – твой великий и верный тебе народ, – все там». Неподвижная колесница пришла в движение и покатила по направлению к Делигун-Булдаку. Монгольская партия одержала верх над тюркской; прах основателя державы не достался Каракоруму. После этого можно было предвидеть, что тюркский Каракорум будет лишь запасной столицей, что резиденция кагана не останется в нем, а будет перенесена на китайскую территорию, в Пекин; потому что об основа-

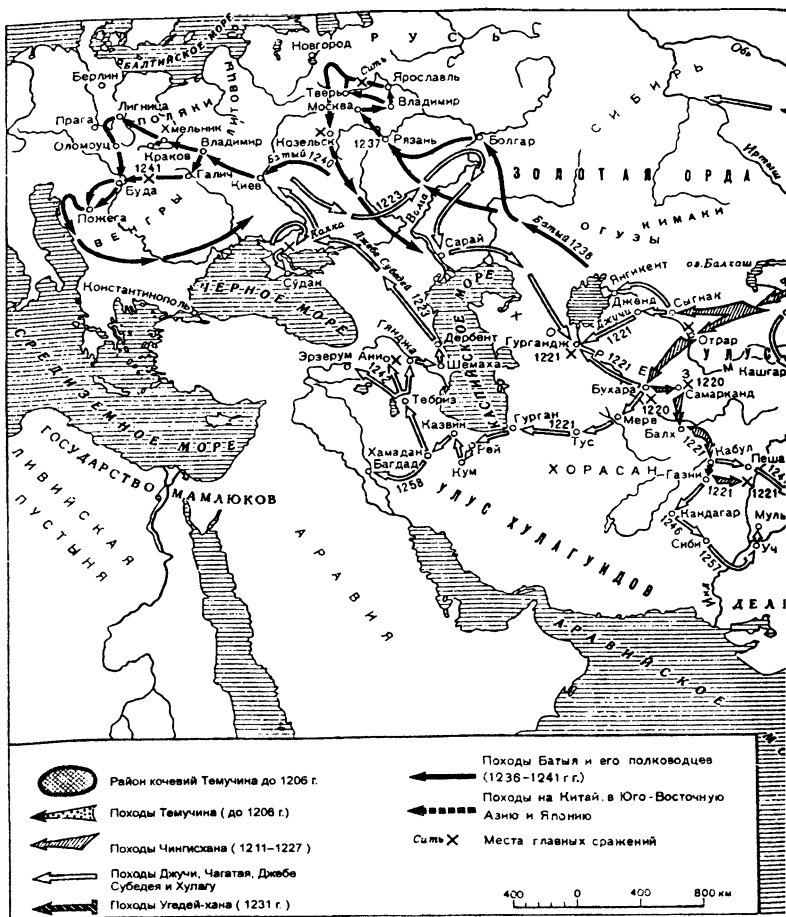
¹ Айсин-Гурун, с. 283 и 284. В этом же году маньчжуры при осаде Пиан-Кинга впервые воспользовались *огненными трубками* и *взрывчатым порохом* (Айсин, с. 270).

нии столицы в Делигун-Булдаке не могло быть речи: приходилось выбирать между Западом и Востоком, между тюркской Азией и Китаем. Монголы предпочли Китай; на другой день после смерти Чингисхана было очевидно, что разложение его державы неминуемо.

Монгольская держава после Чингисхана

Наследники Чингисхана. Отличительные черты монгольской администрации. Три культа: буддизм, христианство и ислам. Попытка реакции в Хорезме; Джелал эд-Дин. Хорезмийцы в Палестине. Вторая попытка реакции в Хорезме; Тараби. Вопрос о будущем монархии; партии. Завоевания в Европе; интриги из-за престолонаследия. Избрание Гуиука. Избрание Менгке, затем Хубилая; торжество китайской партии. Удел Гулагу; завоевание Персии. Завоевание Сирии; Бибарс Стрелок.

Наследники Чингисхана. «Слушайте внимательно слова маленького Хубилая; они полны мудрости», – говорил Чингисхан на смертном одре. Хубилай был сын Тулуя, От-джигина. Само собой разумеется, что ему достанется наследственный домен – Делигун-Булдак, священные места близ Орхона, те горы, где зачала Лань Света, и город Каракорум. Но как поделить новозавоеванные земли? И кто обладал достаточно твердой рукой, чтобы управлять этой империей, «которая была основана верхом на коне, но которой нельзя было править верхом»? Эти победители, которые никогда не задумывались, в первый раз находились в нерешительности. Чингисхана более не было; кого могли они выбрать каганом, «силой неба» на земле? После своей смерти Темучин казался настолько великим, что никто не осмеливался принять его наследие. Они вдохновились его духом и решили вопрос согласно ясаку; От-джигин, Тулуй, которому были предоставлены обе столицы на Орхоне и Ононе, получил непосредственную власть над наследственными народами – монголами и кераитами; остальными он должен был управлять временно, в качестве регента, обязанного следить за соблюдением национального договора.

Завоевательные

Он имел в своем распоряжении печати своего отца и его министров, но никогда не был провозглашен каганом.

Сын Джуджи, Батый, который позднее был прозван *Саин-ханом*, то есть Добродушным, жил на Западе, кочуя между своей главной квартирой – Сараем на Волге – и прелестными кубанскими лугами на севере Кавказа. Его венецианс-

кости Багдада. Он мирно управлял своими кипчаками, киргизами, болгарами, башкирами, русскими и другими подвластными народами и вяло, не торопясь, воевал с непокорными. Не получая приказов от кагана и будучи совершенно независим по отношению к нему, Добродушный щадил своих подданных и жил в свое удовольствие.

Джагатай еще при жизни отца получил инвеституру на Трансоксанию и Хорасан. Он поселился на окраине страны, в «яблоневых садах» Альмалика, и управлял издали, но с необыкновенной твердостью. Вначале его уполномоченным был Масуд Бег, сын Махмуда Елвади, человек крайне суровый, примкнувший к монголам с первого часа, фанатически преданный монгольской идее, непреклонный националист, клявшийся не иначе как ясаком. Иранец Хондемир говорит: «Когда Чингисхан возложил на ответственность Джагатая заботу об осуществлении своего проклятого *яса* и скверного *тура*, этот князь обнаружил чрезмерное усердие... Он предъявлял требования, которые совершенно противоречили божественному закону и разуму».

Здесь мы ясно видим начало борьбы между монгольской идеей светского государства, основанного на национализме, и мусульманской идеей государства, основанного на религии, без различия национальностей. В лице великого Тимура – хотя по уму и характеру он был тюрк до мозга костей – восторжествовал мусульманский принцип государства, основанного на религии, то есть на *шариате*.

Твердое правление Джагатая с такой силой проводило в жизнь национальную идею, что она сохранилась в наиболее прочной форме – в языке. Литературное и разговорное тюркское наречие, господствующее теперь в тех странах, которыми в XIII в. управлял Джагатай, называется по его имени *джагатай-туркиси*, то есть тюркским языком Джагатая. Если Чингисхан был отцом целого народа, то его сын Джагатай был крестным отцом особого языка.

В 1229 г. эта обширная держава устала ждать; ей нужен был государь. Совет Тулуя под руководством Е-лу-Чуцаи обнародовал подложное завещание Чингисхана – словесное распоряжение, в силу которого власть должна была перейти к бездарному Октаю. Это была временная мера в ожида-

нии более подходящего кандидата, но назначение Октая являлось прецедентом. В избрании 1229 г. ясно видна рука Е-лу-Чуцаи и китайской партии: Октай был их человеком; прежде всего они повезли нового повелителя в Китай; затем, когда Тулуй умер (октябрь 1232 г.), они заключили хана Октая в Каракоруме и заставляли его подписывать все их указы, предоставляя алкоголю делать свое дело. Октай умер от пьянства 11 марта 1241 г.

Фактически государством управлял Е-лу-Чуцаи, очищая путь для линии От-джигина Тулуя. На курултае, генеральном сейме, было решено, что монархическая власть навсегда останется наследственной в доме Октая, первого, кто был избран ханом после Чингисхана. Китайская партия притворно согласилась, но тайно она держала в резерве того «маленького Хубилая», чьи «мудрые слова» восхвалял Чингисхан. Во избежание соперничества со стороны старшей линии Батый был послан покорять западные страны; при этом случае китайская партия избавилась от законных претендентов, детей Октая, и от возможных претендентов, сыновей Джугатая, так как самолюбие и обычай заставляли их искать случая для военных подвигов в возможно более далеких странах.

Отличительные черты монгольской администрации. Еще раньше, чем монголы окончили завоевание всего Китая, сначала Кинь, затем Сонг уже были покорены им. Около 1230 г. влияние китайцев и издавна окитаенных ойгуров обнаруживается в страшном фискальном механизме монголов, в их бюрократии и канцелярщине; плодами этого влияния являются подомовый налог для оседлых, подать в одну голову со ста голов скота для кочевников, подать в одну тридцатую с серебра, шелка и хлеба, в одну десятую с вина и, наконец, таможенная пошлина. У Кириака мы на каждой странице встречаем примеры фискальных и административных придинок, которые делали владычество монголов невыносимым. Напыщенные тирады персидских летописцев дают совершенно ложное представление о характере их завоеваний и управления. Конечно, монгольские армии жгли, грабили, убивали, но то же самое делали и все другие завоевательные армии. Что действительно было ненавистно, это – монгольс-

кий дарога, префект, и *баскак*, как называли его русские, — китайский и ойгурский фискал. Невыносимы были методическая, алчная и глупая тирания гражданских чиновников, спесь военных и грубость низших чинов администрации.

С другой стороны, любопытно, что такой умный человек, как Плано Карпини, не оценил важности двух мероприятий монгольского правительства, вызывавших удивление в китайцах и иранцах: мы разумеем учреждение запасных хлебных магазинов и предоставление поденщикам права платить подать барщиной. Плано Карпини рассказывает о насильственном переселении иранских, кавказских и русских рабочих в Туркестан, Монголию и т. д. Простодушный Рубруквист рисует нам типичную и верную действительности картину положения этих невольных эмигрантов в своем рассказе о придворном ювелире Менгке-хана, Гильоме из Парижа, у которого он обедал в Вербное воскресенье в Каракоруме. Он имел рекомендацию к нему от одной дамы, Пакетт из Меца, бывшей замужем за молодым русским архитектором, который делал хорошие дела у монголов. За обедом присутствовал один монгольский чиновник, родом из Венгрии, англичанин по происхождению. Гильому¹ живет, по-видимому, очень недурно; он только что окончил для хана замечательную ювелирную работу — большое дерево, у подножия которого лежат четыре льва, все из серебра. Его сын, продолжающий дело отца, показывает Рубруквисту прекрасное распятие во французском стиле, которое он изготовил для своего патрона, очевидно, какого-нибудь тюрка-кераита или несторианца-ойгура. Maître Гильом имеет дом и хозяйство; он бывает у племянника одного епископа, который вместе с ним был взят в плен в Белграде. Он не может пожаловаться на своего господина-хана, который платит щедро. Очевидно, что рабство ремесленников, увезенных монголами, было не очень сурово; во многих случаях оно похоже на добровольное изгнание авантюристов, отправившихся на Дальний Восток искать счастья.

¹ Его звали Гильом Буше. Его брат имел мастерскую на Pont-an-Change. Его жена была венгерка и владела французским и тюрко-кипчакским языками.

Правление Октяя (апрель 1229 г. – 11 декабрь 1241 г.) было компромиссом между китайской партией, не желавшей, чтобы «государство управлялось верхом на коне», мечтавшей о возрождении древней китайской славы времен ханьских и тангских императоров при вполне окитаенной монгольской династии, – и тюркской партией, стремившейся лишь к завоеваниям, к расширению монгольского владычества до крайних пределов, где эти фанатики патриотизма, национального единства и войны надеялись найти тюрков.

Три культа: буддизм, христианство и ислам.

Если бы там не было тюрков, их изобрели бы; тюрки живут повсюду – значит, надо завоевать весь земной шар: Джувенини называет свою летопись «Тарих-и-джиган-кушаи», («Хроника завоевания мира»). Является подложное завещание Чингисхана; завоевание мира есть символ веры, так что Плано Карпини верит в существование завещания. В то время к китайской правительственной партии примыкают буддисты, к партии войны и завоеваний – мусульмане и христиане. Буддизм пережил кризис; долгий период его чисто догматического состояния кончился – он воплотился в церковь. Ламаическая реформа, создание иерархии совершились одновременно с монгольской централизацией. Каан и Далай-лама, император и папа – близнецы; император неизбежно должен был принять религию папы. Отличительная черта этого буддийского папства заключается в том, что оно действительно было основано анахоретами, жившими в «горной стране», на суровых плоскогорьях Тибета, в пустыне, среди свободных разбойников и кровожадных дикарей, среди *сволочи Гиа*: еще во времена Марко Поло говорили, что тибетцы – людоеды. Между ледниками и обрывами буддистские анахореты создавали свои огромные скиты, подготавливали обращение в буддизм завоевателей мира – монголов и сделали их своими вооруженными поборниками в Китае против Таоитсе, против дуалистов-манихеев, против философов конфуциевой школы.

Несториане не имели церкви в настоящем смысле слова. Их богослужение было заимствовано из сирийской церкви, то есть немногим отличалось от арабского; их епископские кафедры находились в монгольском Альмалике и завоеван-

Монголы

ном монголами Мерве; их язык и строй родственных отношений были тюркские, монгольские. Они спешили, как на праздник, в священный поход против поклонников лжепророка Магомета, на войну монголов с румскими сельджуками, таджиками, иранцами, халифом, словом – на войну с любым врагом монгольской нации.

Тюркские мусульмане мечтали об обращении каана, перенесении столицы в Бухару, воцарении правоверного тюркского папы в Трансоксании, истреблении иранских еретиков. Подобно своим христианским соотечественникам, они стремились лишь к завоеваниям и покорению Запада.

Попытка реакции в Хорезме; Джелал эд-Дин.

Странное зрелище представляла борьба халифата против правоверного мусульманина Джелал эд-Дина, – борьба, где халифат защищали те самые язычники, буддисты, христиане и монгольские мусульмане, которые тотчас по исчезновении его правоверного врага уничтожат халифат, но эта кажущаяся нелепость была совершенно логична. Когда Джелал эд-Дин, алкая мести, после смерти Чингисхана внезапно вернулся из Индии и возмутил Иран против монголов, его первый удар был направлен против халифа. Его поход был триумфальным шествием (1225–1226). Радушно встреченный в самом сердце Ирана, в Испагани, он сделал попытку воскресить Древний Иран, «Шахнаме», и противопоставить его монгольскому Турану. Когда Джелал эд-Дин явился среди персов со своими 4 тысячами верных рыцарей, которых он привел из глубины Индии, со своей женой, дочерью султана Дели, со странным обозом бродячего рыцаря, южное воображение персов воспламенилось: это был Рустем, вернувшийся из страны слонов, вместе с «паладином» Тимур-Мелеком, героем Ходжента. Народ выражал сострадание к их несчастьям, воодушевлялся их благородным делом, с замирием сердца слушал рассказы об их романтических приключениях; это был взрыв энтузиазма, вызванный литературными воспоминаниями. В Кермане Джелал женился на дочери султана Борака, в Фарсе – на дочери атабека Саада. Брачные связи с феодалами и опьянение народа в несколько недель создали ему армию и царство. Вся Персия и Хорасан были в его власти. В его свите, наряду с его товарищами по приключениям, можно было видеть принцев и султанов, и секретарем ему служил знатный человек – владелец Нессы.

Чингисхана уже не было в живых (1227), а преемник ему еще не был избран; лучшие монгольские войска и лучшие генералы были заняты в Китае борьбой не на жизнь, а на

смерть; иранцы единодушно стали на сторону тюрка-авантюриста; шииты приветствовали его с восторгом, как врага халифа; тюркская военная знать южных и западных провинций, владевшая обширными землями со времени владычества сельджуков, негодуя на пришельцев с севера и востока, стекалась под его знамена. Но собственно в Хорасане, в Трансоксании, Хорезме, где не без славы царствовали отец Джелал эд-Дина и его предки, в минуту этого страшного кризиса никто не возвысил голоса против монголов, и это доказывает, что нашествие монголов в промежуток между 1220 и 1225 гг. было не набегом, а организованным завоеванием. Даже в таком городе, как Бухара, куда стекалось множество студентов, особенно с 1230 г., когда вдовствующая императрица, вдова Тулуя, христианка Серкутени, построила там для них коллеж, не произошло ни малейшей попытки к восстанию, хотя студенты во все времена представляли собой один из самых беспокойных элементов мусульманского общества. Монголы сумели внушить уважение к себе путем пробуждения в своих подданных тюркского национализма, посредством искусства своих администраторов, вроде Махмуда Елвади и Масуда, посредством строгой дисциплины, какую проводил, например, Джагатай, и посредством разумной доброты их государынь, вроде той замечательной женщины, которая держала под своим башмаком бездарного Октая, – твердой и ловкой Туракины, некрасивой до уродства: «В Туракине не было и следа красоты, но для Октая-хана она была красива» (Абуль Гази).

Возможно, что неустрашимый и смелый Джелал эд-Дин хотел повторить романтическую историю Сельджукидов, но он несомненно видел с самого начала, что явился слишком поздно. Он не нашел материала для романа – тюркского рыцарства; атабеки, единодушно провозгласившие его своим вождем, были насквозь пропитаны иранской культурой и ничем не отличались от рыцарей «Шахнаме»; настоящие тюрки, закаленные в боях, примкнули к великой семье, душой и телом предалась каану. Советники Джагатая тотчас с удивительной прозорливостью сообразили, что рыцарство Джелал эд-Дина окажется бессильным против военной дисциплины монголов и против тюркского шовинизма. Они

предоставили герою романа метаться в пустом пространстве; и он отбивался с отчаянием в сердце, то как государь, то как вождь шуанов, и поддерживал эту героическую борьбу целых шесть лет (1226–1231), ни разу не успев урвать хотя бы клочок монгольской территории. Он погиб в Малой Азии, попав в засаду, устроенную ему одним знатным курдом.

Хорезмийцы в Палестине. Его товарищи бежали в Рум и продолжали свои приключения. Мы встречаем их повсюду, где идет борьба. Большинство их ушло в Сирию, где они принялись без различия грабить и мусульман, и христиан и воевать со всяким встречным. При виде этих чужеземцев, пришедших издалека, расположившихся как в завоеванной стране и предлагавших служить своим оружием всякому, кто хорошо заплатит, местное население было охвачено страхом; особенно испугались турки, которые знали, с кем имеют дело, и которым пришельцы грозили конкуренцией. Египетский султан, Готье Бриеннский, великий магистр храмовников и рамский епископ соединились для борьбы с новым врагом.

Тогда эта «коразины» – бесприютные скитальцы, гонимые отовсюду, бежавшие перед непобедимым знаменем кана, властелина Китая, собрали свои силы для последнего удара и показали, чему научили их монгольские войны. Это были призраки, выходцы с того света; между ними были старики, знавшие Гушлуга и видевшие лицом к лицу Джебе с саблей в руке. Исход битвы можно было предсказать с уверенностью. Однако ветераны-мусульмане, находившиеся на службе у крестоносцев, и франкские рыцари считали победу делом личной чести, особенно мусульмане, которые ни за что не хотели уступить; христиане первые обратили тыл (битва при Газе, 1244; см. выше).

Вторая попытка реакции в Хорезме; Тараби. Немного спустя один мошенник из городка Тараби, лежащего вблизи Бухары, стал выдавать себя за *перидара*, то есть ясновидца. Ему являлись видения, он слышал сверхъестественные голоса. «То же утверждают о себе в Трансоксании и Туркестане многие люди, особенно женщины», – говорит Джувеини. Этот пройдоха, который, по словам од-

них летописцев, занимался изготовлением сеялок, а по словам других, был ткачом, вступил в религиозный орден *суфи*, «одетых в шерсть» и носил рясу. Его имя было Махмуд, но его называли по имени его родного города Тараби. Из уст в уста переходили рассказы о его чудесах; он показывал благочестивым людям небесные воинства, летящие по небу, чтобы освободить их от ясака и основать царство Божие, — и народ видел этих небесных ратников, летящих по небу в зеленых или белых одеждах. Если кто-нибудь осмеливался сказать: «Я не вижу их, то ударами палки его заставляли видеть их». Вокруг него толпилось простонародье и духовенство. «В Бухаре жил один ученый, заслуженный и благородный человек, по имени Шемс эд-Дин Махбуби... он сделался последователем этого безумца...» Дарога, застигнутый врасплох, сделал попытку овладеть Тараби, но потерпел неудачу, и народ с восторгом приветствовал чудо. В течение нескольких дней владыками города были ханжи и чернь. Сцены, которые разыгрались во время их недолгого владычества, характерны; такие же сцены повторялись повсюду при тех же обстоятельствах — во Флоренции при Савонароле, в Неаполе при Мазаниелло. Явился монгольский отряд; мятежники напали на него, и в первой же стычке Тараби и Махбуби были убиты. Благодушие Октая окончательно примирило с монгольским владычеством те народы, которые были терроризованы первым бешеным набегом монголов и укрошены твердым правлением Джагатая. После 1232 г. борьба шариата против ясака становится тайной, подпольной и тем более опасной, что она принимает более законные формы.

Вопрос о будущем монархии; партии. После того как Джелал эд-Дин умер, как центр монгольского владычества был перенесен в Трансоксианию и Северный Китай был завоеван, — что оставалось делать со старыми войсками, единственной работой которых была война? Чем можно было наделить принцев крови, после того как монархия в силу компромисса досталась Октаю? С другой стороны, где находился теперь наследственный домен? Для монголов он находился между Ононом и Керуленом, в Делигун-Булдаке, куда по настоянию старых товарищей Чингисхана, стойких и чест-

ных монголов минувшего времени, было перевезено тело великого Борджигина. Для тюрков, которые пришли им на смену, для найманов, кераитов, ойгуров, он находился в «священной ограде», в Каракоруме. Христианское духовенство стояло на их стороне, во-первых, потому, что оно принадлежало к ним по происхождению, во-вторых, ради альмаликского епископства. Каким торжеством было бы для этих несториан, если бы им удалось поставить в Пе-лу, наряду с кааном Каракорума первосвященника своей секты!

Царствующая государыня, Туракина, склонялась в пользу тюркской территории; новый Каракорум, который видели Рубруквист и Плано Карпини, был построен, несомненно, по ее инициативе мужем, исполнявшим все ее желания. Одна поддерживала равновесие между крайними националистами, тюрками и монголами, и китайской и кара-хитайской партией, партией легистов и первого министра Е-лу-Чуцаи, который втайне готовил перенесение центра монархии в Китай и воцарение «маленького Хубилая». Энергичная Туракина не могла придумать иного средства для защиты прав своей линии, как то, чтобы доставить своему сыну Гуиуку военную славу, сделать из него национального героя. Мы ясно различаем три партии, из которых две первые направляются женщинами: Туракина отстаивает права своего сына Гуиука; христианская государыня, Серкутени, в союзе с мусульманами, которых она привлекает к себе приветливостью и снисходительностью, готовит переход власти к Менгке (Мангу) и Хубилаю; наконец, чисто хитайская и китайская партии остановили свой выбор на «маленьком Хубилае». Отсюда три программы: наследственный переход власти в доме Октая; упрочение центра монархии в Каракоруме или Альмалике и назначение в первые министры генерала; слияние монархии с уделом Джагатая, перенесение ее центра в Бухару, Туркестан или Альмалик, назначение в первые министры Елвади с мусульманским первосвященником в Бухаре и несторианским патриархом в Альмалике в качестве помощников первого министра; наконец, перенесение центра монархии в Китай, обращение всех остальных правителей в вассалов и главенство буддистского папы, живущего в Лассе. В одном пункте все три партии были согласны, именно в том, что пред-

ставитель старшей линии, кипчакский хан, не должен идти в счет и что лучшее средство избавиться от него – дать ему работу подальше. В другом пункте сходились Е-лу-Чуцаи и Махмуд Елвади: оба они считали нужным занять чем-нибудь принцев из дома Джагатая. Большого военная партия и не требовала: «добродушный» Батый был послан на Русь с поручением завоевать все земли вплоть до *Туны*, то есть Дуная; сыновья Джагатая были посланы против Персии, против халифата, с полномочием завоевать всю страну до Евфрата, до «Рима». Благоразумные китайцы удержали при себе своего кандидата и медленно, без шума, очищали путь Хубилаю для завоевания сонгской державы. Они сделали его «хранителем очага», но этот национальный очаг они перенесли в Китай.

К линии Джуджи, к Добродушному все относились с пренебрежением. Этот удел представлял собой нечто вроде колониального государства и лежал вдаль на Западе, позади Великой путыни. Опасны были сыновья Октая, царствовавшие в Каракоруме и вооруженные подложным завещанием Чингисхана. Пока они заняты на Западе, Хубилай успел упрочить свою власть в Китае; по возвращении они, может быть, сумеют воцариться в Каракоруме, но не в Пекине; а куда пекинский император успеет если не завоевать, то расшатать Китай Сонгов, Южный Китай. И когда весь Китай очутится в его руках, какое значение будут иметь эти императоры Каракорума, Согдианы, Кипчака и других варварских стран? Они будут не чем иным, как вассалами, данниками богдыхана, святого императора, сына неба.

Завоевания в Европе; интриги из-за престолонаследия. Завоевание Запада по праву должно было быть предоставлено Батю. Чтобы расшевелить Добродушного, ему прислали Субутая в качестве главнокомандующего и его штаб в качестве военного совета. Ни одним завоевателем не помыкали так грубо, как этим несчастным Батыем. Субутай корил его по всякому поводу; его двоюродные братья из младших линий насмеялись над ним – особенно двое: пьяница Гуиук и рубака Бури, человек невероятно грубый. Он делал завоевания против своей воли. Находясь на вершине славы, он слезно жалуется в письме к Октаю: «О мой державный

Хан Батый

дядя! Когда были покорены все одиннадцать народов и войско вернулось домой, мы устроили пир, на котором присутствовали все принцы. Как старший, я позволил себе выпить одну или две чаши вина раньше других. Бури и Гуиук пришли в ярость, покинули пир, сели на коней и начали поносить меня. Бури сказал: “Батый – не мой начальник; зачем же он выпил раньше меня? Он – старая баба в бороде; я повалил бы его одной пощечиной”. – Гуиук сказал: “Он – старая баба, нацепившая на себя оружие. Я велю отколотить его палкой”. – Другой предложил подвязать мне деревянный хвост. Вот каким языком говорят со мной принцы, когда, покорив столько народов, мы собираемся, чтобы обсудить серьезные вопросы». Все это нашествие на Восточную и Центральную Европу, которое положило основание владычеству монголов в Руси и посрамило польское, богемское, немецкое и венгерское рыцарство, было делом рук Субутая¹.

Как велика была монгольская армия, которая победоносно прошла от Яика и Волги до Дуная и Адриатического

¹ См. выше, глава 14, рассказ о татаро-монгольских нашествиях на Русь, Польшу, Венгрию, Силезию и Иллирию.

моря? Монгольские, тюркские и китайские летописцы определяют общую цифру в 150 тысяч человек. Эту цифру надо признать громадной, принимая во внимание большое количество лошадей, которых вела с собой армия, плохое состояние дорог и крайнюю бедность стран, через которые она проходила. Удивительно не то, что Субутай победил венгров и немцев, а то, что он сумел пройти с регулярным войском в 100–120 тысяч человек через Русь, Польшу и Карпаты до Дуная и Адриатического моря, что отдельные его отряды точно встречались в урочном месте и в урочный день. Главная масса войск, участвовавших в этом нашествии, была набрана в Китае, как показывают названия полков, произведенные от имен их военачальников.

После взятия Киева и пленения его защитника, Димитрия, монгольские принцы сделали попытку бежать; Менгке и Гуиук были сильно встревожены. Они знали, что каан болен; что если он умрет и курултай, руководимый китайцами или трансоксанцами, популярной государыней, христианкой Серкутени, энергичной Туракиной и интриганкой Огуль-Гаймиш, произведет выборы в их отсутствие? Батый, со своей стороны, был сыт завоеваниями; он не был похож на своих воинственных двоюродных братьев, Гуиука и Менгке, и на своих троюродных братьев, Кайду, Байдара и Бури, фанатиков войны, которые искали лишь ран и клялись именем Субутая. Добродушный пытался тайно бежать. Менгке первому удалось скрыться; Гуиук бежал лишь после окончательной победы. Батыя удержала железная рука, и он вынужден был против воли продолжать поход и повиноваться почтительному приказу своего страшного слуги, Субутая. Субутай стремился к безусловному подчинению кипчаков, болгар и мадьяров; он полагал, что опозорит свою нацию, если не доведет дела до конца, если не покорит тех улусов, которые некогда выселились из Великой Венгрии и Великой Болгарии, вплоть до отдаленной Туны. Батый понимал, что ему не удастся уйти, так как армия не послушается его. После этого монголы произвели нашествие на Венгрию, Польшу, Богемию, Силезию, Моравию и Иллирию до Адриатического моря. Монголы дошли до Удины.

Венецианцы, владения которых так близко граничат с Удиной по суше, не обнаружили ни малейшего беспокойства; они знали, чего ищут монголы. Но почему не тронулись с места ни папа, ни германский император, почему монголы не пошли на Вену, почему между ними и императорскими войсками произошло лишь несколько мелких схваток, точно рассчитанных заранее, причем великий татарский полководец, попавший в плен, оказался английским храмовником, – это загадка, которую мы предоставляем решать другим.

Избрание Гуиука. Октай умер 11 декабря 1241 г. Когда в Венгрию пришло официальное известие о его смерти, вероятно в марте 1242 г., Батыея невозможно было удержать никакими силами. Сам Субутай согласился отпустить его и принял меры к эвакуации всей страны от Адриатического моря и Тревизской марки до Днестра. Европа была побеждена, каана более не было в живых, монгольское знамя осталось незапятнанным; теперь Субутаю больше ничего не оставалось, как повиноваться своему господину, Саин-хану. Тем не менее, надо было устроить так, чтобы ни в ком не могло возникнуть ни малейшего подозрения, будто армия отступает. Батый уехал вперед со своей свитой; позади его медленными переходами двигалась главная часть армии, а в это время Кадан и Кайду были откомандированы для диверсии к западу и произвели там полный разгром, чтобы показать, что монголы уходят по своей доброй воле. Они кричали на всех перекрестках, что прощают Германии, и вся Европа понимала, как опозорена немецкая империя, которую они гнушались завоевать – «*quod aspernabantur exrignare*». Император не шевельнул пальцем. Папа отправил посольство к каану.

Верительная грамота Иоанна Плато Карпини, папского легата при каане, датирована из Лиона «*III nonas Martii anno 1245*». Избрание Гуиука в кааны произошло лишь в августе 1246 г.; очевидно, Иннокентий IV принял решение послать в Каракорум легата еще в 1243 г., в самый момент эвакуации Болгарии, и весьма вероятно, что мысль об отправке посольства возникла в уме его предшественника, Григория IX. Как папство медлило с крестовыми походами, так и с от-

правкой посольства оно ждало до окончательной победы монголов. Легат, не явившийся вовремя, чтобы сделать представления «варварам», пока они опустошали Европу, прибыл как раз ко дню торжественного коронавания их императора и своим присутствием усугубил пышность этой необычайной церемонии. Здесь, на курултае, в этой «золотой ставке», *Сира Орду*, он нашел множество королей, принцев, посланников, прибывших, кто просить милости, кто вести переговоры, и охваченных страшной тревогой. Здесь рядом сидели легат багдадского халифа, мусульманского папы, и легат римской курии, христианского папы, – Иоанн ПIANO Карпини со своим толмачом Бенедиктом из Польши. Недолго оставался в этом собрании тот славный старец, меч которого привел к ногам монгольского императора всю эту толпу королей: еще празднества не окончились, как Субутай уже снова сел на коня, чтобы принять начальство над армией, действовавшей на юге Китая; свои последние победы он одержал на берегах Голубой реки (1247–1248); затем, почувствовав усталость, он попросил отставки и отправился умирать в свою мирную юрту на дальнем Севере, на берегу Тулы. На протяжении от Кореи до Фриуля он победил 32 народа и выиграл 65 сражений.

Среди знатных лиц, присутствовавших на торжестве коронавания, следует упомянуть еще христианскую императрицу Серкутени, императрицу Туракину и жену Гуиука, принцессу Огуль-Гаймиш: последние две и провели избрание. Туракина, одержав победу, умерла два месяца спустя.

Избрание Менгке, затем Хубилая; торжество китайской партии. Когда, после смерти Гуиука (1252), китайская партия одержала верх и добилась избрания Менгке, ее первым действием было отдать под суд Огуль-Гаймиш; последняя была приговорена к смертной казни вместе с принцами из дома Октая. Внук Октая, Каиду, воспитанник великого Субутая, отказался принять приговор и заявил протест; его успокоили, отдав ему Алмалик и Пятиградье. Но в 1264 г., когда Менгке умер и императором был провозглашен Хубилай в ущерб младшему, Арик-Буке, который был настоящим От-джигином и, следовательно, законным наследником, воинственный Каиду взялся за ору-

жие и увлек за собой колебавшегося Арик-Буку. Уже не было в живых ни вдовствующей императрицы Серкутени, ни Масуда Елвади, сына Махмуда, ни Е-лу, ни старых полководцев, ни старых советников; теперь некому было выступить на защиту традиций. Началась междоусобная война; она окончилась торжеством Хубилая и перенесением резиденции и правительственного центра в Пекин, в *Хан-Балик*, «императорскую столицу». В 1271 г., после долгих опытов, после попытки ввести в империи новое письмо, изобретенное тибетским ламой, П'гагс-Па, Хубилай ввел в своей канцелярии китайскую письменность и в своем дворе – китайский этикет, принял для своих торжеств буддистское богослужение, для себя – китайское имя Шицу и для своей династии – китайское название *Юань*. Древнее пророчество исполнилось: Кут-Даг, Гора власти, был перенесен из старой ойгурской страны в Китай, из Каракорума – в Пекин.

Китайцы рассказывают грустный анекдот о Хубилае. Когда постройка его блестящего дворца в Хан-Балике была окончена, он велел посеять в одном из дворов семена степных растений и сказал своим детям, указывая на этот крошечный луг, заключенный между стенами: «Помните о ваших предках; берегите этот луг; это – трава скромности».

Удел Гулагу; завоевание Персии. Избрание Хубилая обездолило не только Арик-Буку, но и Гулагу, младшего брата Хубилая. Чтобы избавиться от него, ему дали щедрое вознаграждение, именно поручение завоевать мусульманский Запад. Мусульманская национальная партия, не забывшая еще традиций Елвади, с большим политическим тактом приняла этот китайский и христианский проект и употребила все свои силы на его осуществление.

Официальным предлогом экспедиции Гулагу в угоду правоверным мусульманам было выставлено нечестие исмаилитов или ассасинов. «Покойный судья над судьями, Шемс эд-Дин из города Казвина, находясь при дворе Менгке, однажды явился к государю в броне¹ и заявил, что постоянно носит ее под платьем из страха быть избитым исмаилита-

¹ Предстать перед государем в вооружении было грубым нарушением этикета, особенно для духовного лица.

ми». Для христиан предлогом к походу был выставлен рапорт Байчу Нойана, монгольского генерала, который воевал в Руме с сельджуками и к которому незадолго перед тем явились папские послы – Асцелин, Симон де Сен-Кантэн, Гвичардо Кремонский и Андрей из Лонгжюмо. По словам Рашида, план завоеваний был составлен самим Менгке. «Этот государь сказал самому себе, что, так как земная поверхность беспредельна, то он должен послать в каждое царство одного из своих братьев, сам же, мирно и счастливо живя в центре своей державы, в исконной стране монголов, делить свое время между наслаждениями и разбором тяжб своих подданных». Здесь уже намечается китайская идея «Срединного царства».

Приказ, который Менгке дал своему брату, в высшей степени характерен: «Из Турана ты пойдешь в провинции Ирана... От берегов Джейхуна (Амударьи) до крайних пределов египетского царства водвори Обычай и Ясак Чингисхана в их совокупности и в их мельчайших частях... Во всех случаях непременно советуйся с Докуз-Хатун и спрашивай ее мнения». Для того чтобы читатель мог оценить важность последнего приказания, я приведу посвященные этой принцессе отрывки из книги мусульманина Рашида, написанной для мусульман: «Она происходила из великого народа кераитов и была дочерью Ику, сына Онг-хана... Так как кераиты издавна исповедовали христианство, то Докуз-Хатун неустанно покровительствовала христианам, которые в течение всей ее жизни жили в полном благоденствии. В угоду этой принцессе Гулагу осыпал христиан милостями и знаками своего внимания, – до такой степени, что на всем протяжении империи ежедневно созидались новые церкви и что подле орды Докуз-Хатун неизменно находилась часовня, где звонили в колокола». Генерал, командовавший монгольской армией, найман Кит-Бука был христианин. В то самое время, когда авангард Кит-Буки атаковал халифа, к Людовику Святому на Кипр явились послы каана. Китайский император, располагавший величайшей армией в мире, предлагал французскому королю союз против мусульман, предлагая уступить ему Сирию; в ответ на это предложение Людовик послал хану маленькую хорошенькую часовню с двумя мо-

нахами, которые бы «пели мессы перед ним». Каан ответил Людовику крайне дерзким письмом, где трактовал его как своего вассала. «И знайте, что, отправив письмо, он очень раскаивался». Чистосердечие Людовика Святого, бестолковое благочестие монаха Рубруквиста, посланного им к Менгке, уозость мысли и незнакомство с положением дел, выступающее в каждой строке его донесения, которое полно богословских выражений, но крайне бессодержательно, спасли ислам от опасности французского крестового похода, с одной стороны и монгольского – с другой. Пользуясь этой грубой ошибкой крестоносцев, все, кто ненавидел монголов, – кипчаки, сосланные Субутаем, последние товарищи Джелал эд-Дина – бросились в Египет и стали под мусульманские знамена, чтобы бороться против французов, которых они упорно считали союзниками каана; именно они и одержали знаменитую победу при Мансуре (1250). Жуанвиль хорошо помнит этих ветеранов, их красные знамена с зубцами вокруг, на китайский манер, и хвосты *кутасс* на конце их туг.

В то время, как крестовый поход Людовика Святого терпел крушение в Египте, армия Докуз-Хатун прошла грозой по Персии, Руму, Месопотамии и Центральной Сирии. Она разгромила исмаилитов, взяла их неприступное убежище Аламут, завоевала Персию и поставила Багдад в безвыходное положение. «В воскресенье, в четвертый день месяца сафар 656 г. (1258), халиф покинул Багдад; при нем находились его три сына... и три тысячи человек – сеиды, имамы, кади... Он явился к Гулагу, который нисколько не обнаружил гнева, а мягко и доброжелательно задавал ему вопросы. Затем он сказал ему: “Прикажи жителям Багдада выдать их оружие, чтобы мы могли произвести перепись”. Халиф послал доверенного человека, который объявил на улицах города, чтобы население бросило оружие и вышло из города. Безоружные горожане толпами явились изъявить покорность монголам, которые немедленно перерезали их».

Последней насмешкой было водворение мусульманского первосвященника на жительство в доме христианина Кит-Буки, среди несторианских священников и наряду с буддистскими ламами. «Вечером в среду 14 сафара халиф был

казнен... вместе со своим старшим сыном и пятью евреями, которые не покинули его. Победители безжалостно задушили всех членов семьи Аббас, каких им удалось найти... Один Мобарек, младший сын халифа, был спасен мольбами Олджай-Хатун; эта принцесса отправила его в Марагу, где он женился на монголке».

Завоевание Сирии; Бибарс Стрелок. Вслед за тем была завоевана Сирия с Алеппо и Дамаском (1260). Но кипчаки и хорезмские наемники египетского султана Сеиф эд-Дин-Кутуза близ Айн-Джалу в Палестине разбили Кит-Буку. Этими мусульманами командовал по назначению Кутуза авантюрист из Кипчака Бибарс по прозвищу *Бондодкар* – Стрелок, которого венецианцы купили у монголов и продали мамелюкам. Победив за веру, Бибарс заколол своего господина, нанял последних ассасинов, преследуемых монголами, разрушил те церкви, которые построила набожная Докуз-Хатун в Сирии, прогнал франков из Цезареи, Арсуфа, Яффы и Антиохии и выставил одного за другим двух лжехалифов, от которых постарался избавиться, как только они начали стеснять его. Против монголов он восстановил самого опасного для них врага, именно их самих. Его агенты обратили в ислам кипчакского хана Береке, брата Батыя (1262). Между монголо-персидской и монголо-русской державами вспыхнула война, которая на время была улажена пекинским кааном, но затем ввиду отдаленности Пекина возобновилась. Началась борьба между *ясаком*, монгольским национальным правом, и шариатом, мусульманским религиозным правом. Национальная держава, основанная Чингисханом, распадается на территориальные единицы и вероисповедальные группы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Глава 1. ФЕОДАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОТ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДО КОНЦА XIII в.	7
Крестьяне. Крупные поместья. Деревня. Крепостные. Отпущение на волю. Свободные крестьяне. Сеньориальная эксплуатация. Платежи. Помещичьи права. Судебные пошлины. Повинности. Барщина. Управитель. Характер и размеры сеньориального режима	8
Дворяне и высшее духовенство. Дворяне; их вооружение. Дворянская иерархия. Рыцарство. Башни, замки и дома. Оммаж и феодал. Феодалские обязанности. Женщины и дети в феодалской системе. Духовенство в феодалской системе. Министериалы. Сложность феодалских отношений.	35
Обычай и управление. Собственность, аллод, феодал, держание. Право наследования. Войны и турниры. Божий мир и Божье перемирие; королевский мир. Суд. Ордалия. Дуэль. Признание, наказание. Кутюм. Рыцарская мораль. Феодалские государства	69
Глава 2. ПАПСТВО И ИМПЕРИЯ. СПОР ОБ ИНВЕСТИТУРЕ (1049–1122)	88
Гильдебранд и папство. 1049–1073 гг. Гильдебранд; его характер и принципы. Преобразование папских выборов)	88
Григорий VII и преобразование церкви. Избрание Григория VII. Папство и церковное управление. Избрание епископов. Преобразование нравов духовенства. Кардиналы и легаты. Доходы святого престола. Каноническое право	97
Григорий VII и Генрих IV. Начало спора об инвеституре. Генрих IV в Каноссе. Григорий VII и короли. Возобновление распри между Григорием VII и Генрихом IV. Генрих IV в Риме; смерть Григория VII. Последние годы Генриха IV. Генрих V и Пасхалий II	111
Окончание спора об инвеституре. Вормсский конкордат. Последние годы Генриха V. Торжество папства. Папский авторитет в Германии. Папство и Италия	137
Глава 3. ПАПСТВО, ГЕРМАНИЯ И ИТАЛИЯ. ФРИДРИХ БАРБАРОССА (1125–1190)	143
Германия; император Лотарь, Гогенштауфены. Второй период борьбы. Лотарь: борьба с Гогенштауфенами. Германия и ее восточные соседи. Спор между Иннокентием II и Анаклетом II. Лотарь в Италии. Воцарение Гогенштауфенов: Конрад III. Фридрих Барбаросса	143

Италия и Фридрих Барбаросса. Ломбардские и тосканские города. Морские республики. Рим: папство; Арнольд Брешийский. Рожер Сицилийский и Южная Италия. Фридрих Барбаросса в Италии. Столкновение с Адрианом IV. Война с Миланом. Александр III. Ломбардская лига. Венецианский и Констанцкий договоры	157
Германия и Фридрих Барбаросса. Союз с Генрихом Львом. Генрих Лев, Альбрехт Медведь и славянские земли. Измена и осуждение Генриха Льва. Королевская власть в Германии. Культура Германии в эпоху Барбароссы. Литература. Смерть Фридриха Барбароссы	187
Глава 4. ПАПСТВО, ГЕРМАНИЯ И ИТАЛИЯ. ГЕНРИХ VI И ФРИДРИХ II (1190–1268)	206
Царствование Генриха VI. Генрих VI и Сицилийское королевство. План завоевания Востока	206
Деятельность Иннокентия III. Иннокентий III: его характер и убеждения. Восстановление государства св. Петра. Вмешательство Иннокентия III в немецкие дела. Иннокентий III и короли. Иннокентий III и крестовый поход. Иннокентий III и церковь. Латеранский собор.	211
Фридрих II: Сицилийское королевство, крестовый поход. Фридрих II как король Сицилии. Просвещение при сицилийском дворе. Религиозные взгляды Фридриха II. Фридрих II и Гонорий III. Григорий IX. Крестовый поход Фридриха II. Сан-Джерманский договор	226
Германия в эпоху Фридриха II. Сеньоры и города. Преследование еретиков. Мятежи и договоры. Германский и славянский мир. Германская цивилизация в эпоху Фридриха II: право, литература, архитектура	244
Борьба на жизнь и смерть. Фридрих II и ломбардские города. Вмешательство Григория IX. Иннокентий IV и Лионский собор. Повсеместная война. Последние Гогенштауфены	257
Германия и Италия после борьбы. Упадок императорской власти. Ослабление папской власти. Анархия в Германии. Анархия в Италии. Легенда о Фридрихе II	267
Глава 5. ЦЕРКОВЬ И ПАПСКАЯ ВЛАСТЬ: ОТ ГРИГОРИЯ VII ДО БОНИФАЦИЯ VIII (1073–1294)	277
Реформа белого духовенства и развитие монашеских орденов. Брак священников и симония. Епископские выборы. Кафедральные капитулы и архидьяконы. Религиозные ордена в XI и XII вв. Нищенствующие ордена (XIII в.). Богослужение и таинства	277
Высшее развитие церковной юрисдикции. Суд официалов; его происхождение и устройство. Компетенция суда епископского официала. Столкновения между церковной и свет-	

ской юрисдикцией. Каноническое право: составление «Corpus juris canonici»	299
Ереси XII и XIII вв. Размножение ересей. Монтанистские секты: петробрюзийцы и вальденсы. Пантеистические секты. Манихейская секта: катары или альбигойцы. Альбигойский крестовый поход. Инквизиция	312
Упрочение папской власти. Конклав и кардиналы. Отношение папы к церкви; упадок власти архиепископов. Отношение папы к светским князьям; папское верховенство	326
Глава 6. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ	339
Восток в XI в. Мусульманские государства Востока. Христианские государства Востока. Святой Гроб	339
Первый крестовый поход. Клермонский собор. Выступление крестоносцев. Крестоносцы в Константинополе. Крестоносцы в Малой Азии. Взятие Эдессы. Взятие Антиохии. Раздоры между крестоносцами. Взятие Иерусалима	347
Франкские государства на Востоке. Иерусалимское королевство. Основание христианских княжеств в Сирии. Организация христианских владений на Востоке. Иерусалимские ассизы. Рыцарские ордена	363
Крестовые походы XII в. Второй крестовый поход. Гибель Иерусалима. Третий крестовый поход	378
Крестовые походы XIII в. Четвертый крестовый поход. Пятый и шестой крестовые походы. Седьмой и восьмой крестовые походы. Конец крестовых походов	392
Общая характеристика крестовых походов. Характер крестовых походов. Последствия крестовых походов	410
Глава 7. ФРАНЦУЗСКОЕ КОРОЛЕВСТВО (1108–1270)	417
Людовик VI и Людовик VII. Людовик VI (1108–1137) Завоевание Французского герцогства. Людовик VI и крупные феодалы. Присоединение герцогства Аквитанского. Союз с папством. Борьба Людовика Толстого с французским духовенством. Людовик Толстый и низшие классы. Людовик VII (1137–1180)	417
Филипп Август. Филипп Август (1180–1223). Борьба с высшим феодальным классом. Борьба с анжуйскими королями. Коалиция 1214 г.; сражение при Бувине. Король и крестовый поход против альбигойцев. Развитие королевской власти	432
Людовик VIII. Завоевание Пуату. Альбигойская война и капетингская корона. Уделы	442
Правление Бланки Кастильской. Королева-мать; феодальная реакция против политики Филиппа Августа. Лига баронов; Тибо Шампанский; Московский договор. Бланка Кастильская, епископство и университет	448

Людовик Святой; его политика. Король. Королевская власть в 1236 г. Внутренняя политика Людовика Святого; феодальная война и война с Англией. Монархическое правление в Лангедоке: Людовик Святой и Альфонс Пуатьеский. Внешняя политика Людовика Святого. Преобладание Франции в Европе

Людовик Святой; его учреждения. Общие отношения между короной и феодализмом. Национальное духовенство. Гильом Оверньский. Людовик Святой и нищенствующие ордена. Отношение к папству. Прагматическая санкция, приписываемая Людовику Святому. Подчинение коммун монархической власти. Развитие королевской администрации; следователи. Королевский двор и советы; парламент. Административные и финансовые реформы. Законодательство Людовика Святого; популярность короля

Глава 8. ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОРОДОВ. КОММУНЫ.

БУРЖУАЗИЯ

Зачатки городской самостоятельности. Судьба древних римских городов. Образование новых городских центров. Положение городов до XI в. Первые объединения городских жителей

Коммунальная революция. Происхождение городских учреждений. Благоприятное положение городов Южной Европы. Города Прованса и Лангедока. Бунты в городах Лангедока. Города Севера. Духовенство и города. Сеньоры и города. Французский король и города. Присяжная коммуна. Коммунальные восстания: Лан, Санс, Камбрэ. Другие способы освобождения. Города Германской империи. Сельские коммуны

Коммуны. Коммунальная грамота. Коммуна – коллективная сеньория. Отношения между коммуной и ее сюзереном: оммаж, повинности. Военная служба коммун. Сеньориальные права коммун. Право войны и мира. Союзы между коммунами. Внутреннее устройство коммуны; граждане и горожане. Общее собрание жителей; парламент. Муниципальная магистратура: южные города. Магистратуры северных коммун. Компетенция коммунальных магистратов: суд. Дробление городов в судебном отношении. Законодательная и административная власть коммунальных магистратов. Коммунальная печать. Вечевая башня. Общественный мир в коммунах. Столкновения с церковью. Братства горожан в городах Южной Франции. Внутренние раздоры и социальная борьба. Захват французских коммун королевской властью

Города буржуазии; новые города. Города буржуазии. Новые города. Заключение

Глава 9. ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА

X–XIII вв.. Возрождение торговли. Возрождение промышленности. Преобладание торговли над промышленностью в средние века. Затруднения местной торговли. Затруднения крупной торговли: дороги, мосты, гостиницы. Дорожные сборы и пошлины. Дорожные опасности. Осуждение ссуд под проценты; лихоимство. Расширение торговли в XII и XIII вв. Главные торговые пути и главные предметы торговли; Средиземное море. Северное и Балтийское моря. Внутренние дороги. Океан и Ла-Манш. Рынки. Ярмарки. Главные центры торговли в XIII в.	554
Организация труда в средние века. Торговые ассоциации. Торговые общества; ломбардцы. Колонии; конторы и консулы. Ганзы. Организация промышленного труда; происхождение цехов. Выучка. Рабочий. Патронат. Отношения между патронами и рабочими. Цеховая монополия. Регламентация труда. Автономия цеха. Администрация цеха. Экономическое положение ремесленника. Критика средневековой корпоративной системы. Братства. Заключение	583
Глава 10. ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В XII И XIII ВВ.	615
Религия и нравы. Народные верования и суеверия. Нравы	615
Преподавание, науки и научные сочинения. Первоначальное обучение. Монастырские и капитульские школы. Парижские школы до основания университета. Основание и организация Парижского университета. Характер и методы преподавания. Латинская литература XII и XIII вв. Наука и научные познания в XII и XIII вв.	626
Литература на народном языке. Сюжеты народной литературы. Эпические рассказы и романы. Лирическая поэзия. Французская эпическая и лирическая литература в Европе. Буржуазная поэзия. История. Другие памятники народной литературы	648
Искусства. Готическое искусство. Происхождение готической архитектуры. Развитие и распространение нового способа строения церквей. Военная и гражданская архитектура. Декоративные искусства: скульптура. Декоративные искусства: живопись. Декоративные искусства: живопись по стеклу. Низшие искусства. Музыка	662
Глава 11. ОБРАЗОВАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ НАЦИИ. ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ (1087 – 1272)	677
Нормандский период (1066 – 1135). Наследие Вильгельма Завоевателя. Вильгельм II Рыжий: тирания. Захват престола Генрихом Боклерком. Генрих I отнимает у своего брата Нормандию. Отношения Генриха к феодалам и церкви. Наследие Генриха I. Устройство Англии при нормандских королях. Король и королева. Высшие должностные лица и министры. Королевский совет или Curia regis. Доходы короны. Местное управление. Города: Лондон. Присяжное следствие: жюри	

и поединок. Войско. Положение лиц и земель: баронии и мэноры. Церковь на службе государства	678
Анжуйский период: Генрих II и его сыновья. Избрание Стефана Блуаского. Гражданская война: Стефан и Матильда. Гражданская война завершает слияние рас. Генрих Плантагенет. Генрих II. Генрих II и его анжуйская держава. Фома Бекет. Бекет и Кларендонские постановления. Бегство Бекета. Убийство Фомы Бекета. Потрясение анжуйской державы. Феодалное восстание. Победа Генриха II над врагами. Административные реформы: разъездные судьи; суд королевской скамьи и милиция. Глэнвилль и Ричард Фиц-Нигель. Царедворцы и моралисты. Генрих II и Уэльс. Генрих II и Ирландия. Последние годы царствования Генриха II. Значение царствования Генриха II. Ричард Львиное Сердце. Иоанн Безземельный, Филипп Август и Элеонора Аквитанская. Возвращение Ричарда. Деспотизм и оппозиция. Смерть Ричарда Львиное Сердце. Иоанн Безземельный. Борьба с Францией. Стефан Лангтон. Иоанн Безземельный и Иннокентий III: король унижается перед папой. Междоусобная война. Великая хартия. Отмена Великой хартии; французский претендент. Смерть Иоанна Безземельного; поражение претендента. Утверждение Великой хартии: примирение между королем и нацией	691
Анжуйский период: Генрих III. Генрих III. Войны с Францией: Парижский договор (1259). Окончательная редакция Великой хартии (1225). Лесная хартия. Личное правление Генриха III. Симон де Монфор, граф Лейстерский. Отношение Генриха III к империи и папству. Оксфордские постановления. Междоусобная война: победа баронов при Льюисе. Симон де Монфор и Палата общин. Смерть Симона де Монфора: битва при Ивзэме. Восстановление королевской власти	728
Англия в XIII в.. Национальное единство: законодательство и язык. Буржуазия: муниципальный строй и гильдии. Промышленность и торговля. Духовенство. Схоластическая философия, литература, искусство. Король и Curia regis. Шериф. Королевская служба	739
Глава 12. ПИРЕНЕЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА (XI – КОНЕЦ XIII в.)	748
Развитие христианских государств. Христианская Испания до 1030 г. Наварра при Санчо Великом (970–1035). Преобладание объединенных королевств Леона и Кастилии. Альфонс VI (1073–1109); первая попытка объединения Кастилии и Арагона. Высшая степень могущества государств, объединенных под властью Альфонса VII. Основание Португальского королевства. Объединение Арагона с Каталонией. Окончательное объединение Кастилии и Леона	748
Завоевание (reconquista) Испании. Первые успехи христиан. Завоевание бассейна Дура; Фердинанд I. Альфонс VI. Взятие	

Толедо (1085). Альморавиды в Испании; битва при Салаке. Падение арабских династий Андалусии. Сид Кампеадор. Расцвет и упадок могущества Альморавидов. Появление Альмохадов. Последняя победа Альморавидов при Фраге. Альфонс VII, король Кастилии; великое разорение Андалусии. Торжество Альмохадов. Окончательное торжество христиан; Лас-Навас-де-Толоса (1212). Хайме I Арагонский; завоевание Балеарских островов и Валенсии. Фердинанд Кастильский Святой; завоевание Андалусии	757
Организация христианских государств. Poblaciones. Королевская власть. Арагонский justicia. Кортесы. Дворянство. Крепостные. Города. Духовное развитие	782
Альфонс X Кастильский и Петр III Арагонский. Новый характер испанской истории. Альфонс X Кастильский и Альфонс III Португальский. Гренадский эмират. Альфонс X и знать. Внутреннее управление Хайме и Петра III Арагонских. Privilegio general (1283). Итальянская политика Арагона. Притязания Альфонса X на корону «Священной Римской империи». Дон Санчо и дети ла Серды	795
Глава 13. СКАНДИНАВСКИЕ ГОСУДАРСТВА	
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XIII в.	808
Древнейший период. Известия древних летописцев о Севере. Археологические памятники. Первобытное население Севера	808
Эпоха викингов. Характерные черты эпохи. Норманны в Ирландии. Колонизация Фарерских, Шетлендских островов и Исландии. Норманны в Гренландии и Америке. Культура скандинавских стран в эпоху викингов. Северная письменность: руны. Религия Одина и первые шаги христианства в скандинавских странах	812
Образование северных королевств. Скандинавские страны в X в. Образование Датского королевства. Образование Шведского королевства. Образование Норвежского королевства	823
Глава 14. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: СЛАВЯНЕ, ЛИТОВЦЫ, ВЕНГРЫ (СЕРЕДИНА XI – КОНЕЦ XIII в.)	832
Полабы. Лютичи и ободриты. Альбрехт Медведь. Покорение ободритов; Мекленбург и Западная Померания. Аскания. Немецкая колонизация	834
Чехи. Сеньорат. Суверенная власть императора. Преобразование чешского общества. Отокары. Королевство Богемия. Расцвет чешского могущества. Немецкая иммиграция. Разложение древнего строя: феодализм. Литература. Отокар II и Рудольф Габсбургский. Битва при Дюрренкруте; падение Богемии (1278)	839

Поляки и литовцы. Польша с XI по XIII в. Болеслав Смелый (1058–1079). Болеслав Кривоустый (1102–1138). Завоевание Померании; Оттон Бамбергский. Польша в XII в. Упадок королевской власти; дробление Польши. Нашествие татаро-монголов. Немецкая иммиграция; феодализм. Основание Тевтонского ордена. Меченосцы. Успехи ордена. Пробуждение национального чувства поляков. Литовцы	855
Русь и татаро-монголы. Дробление Руси; Владимир Мономах. Упадок Киева. Северная Русь; Суздаль. Новгород и Галиция. Завоевание Руси татаро-монголами. Золотая Орда; Алек сандр Невский. Влияние татаро-монголов на Русь	871
Венгры. Обстоятельства, благоприятствовавшие успехам венгров. Владислав и Коломан. Упадок Венгрии (1114–1205). «Золотая булла». Татаро-монгольское нашествие; немецкая колонизация. Прекращение династии Арпада	884
Глава 15. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ. 1095–1261	892
Греческая империя до 1204 г. Династия Комнинов. Захват власти Андроником. Династия Ангелов. Роль толпы в этих переворотах. Ослабление римско-византийского патриотизма. Недостатки государственного строя Византии. Дробление империи. Социальное положение страны. Колонат и рабство. Муниципальная администрация. Церковь. Преследование еретиков. Монахи-разбойники. Промышленность и торговля. Вымогательства фиска. Вымогательства чиновников. Экономический упадок империи. Военный флот. Армия. Византийская цивилизация. Блеск Константинополя	892
Соседи и враги империи. Турки-сельджуки. Тюркские племена в Европе. Хорваты, далматы. Сербия. Стефан Неманя; объединение сербов. Стефан I и св. Савва; Сербское королевство. Болгары. Румыны; их происхождение. Сношения валахов с Византией. Основание валахо-болгарской державы. Царь Иоанница. Отношения между Византией и Римом. Венецианцы. Норманны обеих Сицилий. Немцы. Крестоносцы	923
Латинская империя и латинские княжества. Крестоносцы в Византийской империи. Разделение империи. Император Балдуин и король Бонифаций. Столкновение между Латинской империей и валахо-болгарской державой. Царствование Генриха Фландрского. Пьер де Куртнэ, Роберт Намюрский. Иоанн Бриеннский; новое столкновение с валахо-болгарской державой. Балдуин II. Франкские государства Центральной Эллады. Герцогство Афинское. Ахейское княжество; Гильом Шамплитт. Организация княжества. Жофруа Виллардуэн. Гильом Виллардуэн. Венцианские государства. Ассизы Романии. Следы, оставленные франкским владычеством в Греческой империи	950

Восстановление Греческой империи. Обломки Греческой империи в 1204 г. Трапезундская империя. Эпирский деспотат. Никейская империя. Феодор Ласкарис. Иоанн III Ватацис. Воцарение династии Палеологов. Михаил VIII. Взятие Константинополя греками (1261)	975
Глава 16. ПЕРЕВОРОТЫ В АЗИИ. ТЮРКИ. КИТАЙ, ИРАН, СРЕДНЯЯ АЗИЯ ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XIII в.	984
Происхождение тюркских народов. Очерк географии Азии. Значение тюркских народов. Классификация языков. Внешние признаки человеческих типов. Пять первоначальных тюркских наций. Пе-лу и Нан-лу. Гиунг-Ну. Образ жизни кочевников. Ту-Киу. Социальный строй тюркских племен. Тюркские религии. Письменные памятники и легенды тюрков.	984
Тюркские народы до принятия ислама. Древние войны китайцев с тюрками. Геройская борьба Пан-Чао с тюрками. Движение тюрков на запад. Иран и Туран; борьба между персами и тюрками. Анархия в Китае. Тюркская держава между Китаем и Восточной Римской империей; Иль-хан Мокан	999
Тюркские племена и ислам. Кризис, вызванный проповедью ислама. Распространение христианства среди тюрков. Нашествие арабов на Туркестан. Арабы в Тибете и на границах Китая. Тюркские наемники на службе халифов. Завоевание Северного Китая маньчжурами. Две китайские империи: маньчжурская на севере, национальная на юге. Образование монгольской нации; династия Борджигинов. Отношения между монголами и обеими китайскими империями	1008
Чингисхан и монгольская держава. Молодость Темучина; его мать Олунь-Екэ. Первые войны Темучина. Победа над тайджиутами. Военное устройство. Новые успехи Темучина. Темучин на службе у кераитского царя и Китая. Поражение Темучина племенем солонго; потрясение монгольской державы, затем ее укрепление. Поражение и подчинение кераитов. Подчинение онгутов, найманов и прочих. Темучин принимает императорский титул. Приготовления к войне с Китаем. Завоевание Северного Китая. Столкновение с Хорезмской империей. Разрушение Хорезмской державы. Завоевания на Западе: Кавказ, Кипчак, Русь. Восстание в Хорезме. Последние годы Чингисхана	1017
Монгольская держава после Чингисхана. Наследники Чингисхана. Отличительные черты монгольской администрации. Три культа: буддизм, христианство и ислам. Попытка реакции в Хорезме; Джелал эд-Дин. Хорезмийцы в Палестине. Вторая попытка реакции в Хорезме; Тараби. Вопрос о будущем монархии; партии. Завоевания в Европе; интриги из-за престолонаследия. Избрание Гуиука. Избрание Менгке, затем Хубилая; торжество китайской партии. Удел Гулагу; завоевание Персии. Завоевание Сирии; Бибарс Стрелок	1057

ISBN 5-89173-050-2

9 785891 730502 >

**По вопросам оптовой покупки книг
“Издательской группы АСТ” обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13**

**Книги “Издательской группы АСТ” можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – “Книги по почте”**

Научно-популярное издание

ЭПОХА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

**Главный редактор Н. Л. Волковский
Редактор И. В. Петрова
Технический редактор И. В. Буздалева
Корректор Е. Б. Иванова
Компьютерная верстка Е. А. Трефилов
Компьютерная графика О. И. Орлов
Заведующая производством Е. С. Фоменко**

Подписано в печать с готовых диалозитивов 06.07.99. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура «Гаймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 57,12.
Физ. печ. л. 34,0. Тираж 6000 экз. Заказ 3623.

ООО «Издательство «Полигон». ЛР № 064346 от 09.12.95.
191119, С.-Петербург, а/я 80.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-00-93, том 2;
953000 — книги, брошюры.

Гигиенический сертификат № 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.

ООО «Фирма «Издательство АСТ». ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, РИ, г. Назрань, ул. Московская, 13а.
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU.
E-mail: astpub@aha.ru.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диалозитивов заказчика в типографии
издательства «Белорусский Дом печати». 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79. Заказ 2307

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат ППП им. Я. Коласа.
220005, Минск, ул. Красная, 23.

OCR - Давид Титиевский, март 2017 г., Хайфа